

Владимир Миронов

НАРОДЫ
И ЛИЧНОСТИ
В ИСТОРИИ

ТОМ
III

Annotation

Заключительный том трилогии В.Б. Миронова «Народы и личности в истории» посвящен событиям и людям большей части Земли (Скандинавия, Япония, Латинская Америка, Соединенные Штаты Америки, Россия, Китай). Автор остановился лишь на отдельных, наиважнейших страницах истории и героических личностях (великих ученых, инженерах, писателях, художниках, политиках и полководцах).

Книга рассчитана на широкий круг заинтересованных читателей, любящих историю, мудрость и Россию.

- [Владимир Борисович Миронов](#)

- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [ПОСЛЕСЛОВИЕ](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)

- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)

- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)

- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)

- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)

- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)

- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)

- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)

- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)

- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)
- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)
- [339](#)
- [340](#)
- [341](#)
- [342](#)
- [343](#)
- [344](#)
- [345](#)
- [346](#)

- [347](#)
- [348](#)
- [349](#)
- [350](#)
- [351](#)
- [352](#)
- [353](#)
- [354](#)
- [355](#)
- [356](#)
- [357](#)
- [358](#)
- [359](#)
- [360](#)
- [361](#)
- [362](#)
- [363](#)
- [364](#)
- [365](#)
- [366](#)
- [367](#)
- [368](#)
- [369](#)
- [370](#)
- [371](#)
- [372](#)
- [373](#)
- [374](#)
- [375](#)
- [376](#)
- [377](#)
- [378](#)
- [379](#)
- [380](#)
- [381](#)
- [382](#)
- [383](#)

- [384](#)
- [385](#)
- [386](#)
- [387](#)
- [388](#)
- [389](#)
- [390](#)
- [391](#)
- [392](#)
- [393](#)
- [394](#)
- [395](#)
- [396](#)
- [397](#)
- [398](#)
- [399](#)
- [400](#)
- [401](#)
- [402](#)
- [403](#)
- [404](#)
- [405](#)
- [406](#)
- [407](#)
- [408](#)
- [409](#)
- [410](#)
- [411](#)
- [412](#)
- [413](#)
- [414](#)
- [415](#)
- [416](#)
- [417](#)
- [418](#)
- [419](#)
- [420](#)

- [421](#)
- [422](#)
- [423](#)
- [424](#)
- [425](#)
- [426](#)
- [427](#)
- [428](#)
- [429](#)
- [430](#)
- [431](#)
- [432](#)
- [433](#)
- [434](#)
- [435](#)
- [436](#)
- [437](#)
- [438](#)
- [439](#)
- [440](#)
- [441](#)
- [442](#)
- [443](#)
- [444](#)
- [445](#)
- [446](#)
- [447](#)
- [448](#)
- [449](#)
- [450](#)
- [451](#)
- [452](#)
- [453](#)
- [454](#)
- [455](#)
- [456](#)
- [457](#)

- [458](#)
- [459](#)
- [460](#)
- [461](#)
- [462](#)
- [463](#)
- [464](#)
- [465](#)
- [466](#)
- [467](#)
- [468](#)
- [469](#)
- [470](#)
- [471](#)
- [472](#)
- [473](#)
- [474](#)
- [475](#)
- [476](#)
- [477](#)
- [478](#)
- [479](#)
- [480](#)
- [481](#)
- [482](#)
- [483](#)
- [484](#)
- [485](#)
- [486](#)
- [487](#)
- [488](#)
- [489](#)
- [490](#)
- [491](#)
- [492](#)
- [493](#)
- [494](#)

- [495](#)
- [496](#)
- [497](#)
- [498](#)
- [499](#)
- [500](#)
- [501](#)
- [502](#)
- [503](#)
- [504](#)
- [505](#)
- [506](#)
- [507](#)
- [508](#)
- [509](#)
- [510](#)
- [511](#)
- [512](#)
- [513](#)
- [514](#)
- [515](#)
- [516](#)
- [517](#)
- [518](#)
- [519](#)
- [520](#)
- [521](#)
- [522](#)
- [523](#)
- [524](#)
- [525](#)
- [526](#)
- [527](#)
- [528](#)
- [529](#)
- [530](#)
- [531](#)

- [532](#)
- [533](#)
- [534](#)
- [535](#)
- [536](#)
- [537](#)
- [538](#)
- [539](#)
- [540](#)
- [541](#)
- [542](#)
- [543](#)
- [544](#)
- [545](#)
- [546](#)
- [547](#)
- [548](#)
- [549](#)
- [550](#)
- [551](#)
- [552](#)
- [553](#)
- [554](#)
- [555](#)
- [556](#)
- [557](#)
- [558](#)
- [559](#)
- [560](#)
- [561](#)
- [562](#)
- [563](#)
- [564](#)
- [565](#)
- [566](#)
- [567](#)
- [568](#)

- [569](#)
- [570](#)
- [571](#)
- [572](#)
- [573](#)
- [574](#)
- [575](#)
- [576](#)
- [577](#)
- [578](#)
- [579](#)
- [580](#)
- [581](#)
- [582](#)
- [583](#)
- [584](#)
- [585](#)
- [586](#)
- [587](#)
- [588](#)
- [589](#)
- [590](#)
- [591](#)
- [592](#)
- [593](#)
- [594](#)
- [595](#)
- [596](#)
- [597](#)
- [598](#)
- [599](#)
- [600](#)
- [601](#)
- [602](#)
- [603](#)
- [604](#)
- [605](#)

- [606](#)
- [607](#)
- [608](#)
- [609](#)
- [610](#)
- [611](#)
- [612](#)
- [613](#)
- [614](#)
- [615](#)
- [616](#)
- [617](#)
- [618](#)
- [619](#)
- [620](#)
- [621](#)
- [622](#)
- [623](#)
- [624](#)
- [625](#)
- [626](#)
- [627](#)
- [628](#)
- [629](#)
- [630](#)
- [631](#)
- [632](#)
- [633](#)
- [634](#)
- [635](#)
- [636](#)
- [637](#)
- [638](#)
- [639](#)
- [640](#)
- [641](#)
- [642](#)

- [643](#)
- [644](#)
- [645](#)
- [646](#)
- [647](#)
- [648](#)
- [649](#)
- [650](#)
- [651](#)
- [652](#)
- [653](#)
- [654](#)
- [655](#)
- [656](#)
- [657](#)
- [658](#)
- [659](#)
- [660](#)
- [661](#)
- [662](#)
- [663](#)
- [664](#)
- [665](#)
- [666](#)
- [667](#)
- [668](#)
- [669](#)
- [670](#)
- [671](#)
- [672](#)
- [673](#)
- [674](#)
- [675](#)
- [676](#)
- [677](#)
- [678](#)
- [679](#)

- [680](#)
- [681](#)
- [682](#)
- [683](#)
- [684](#)
- [685](#)
- [686](#)
- [687](#)
- [688](#)
- [689](#)
- [690](#)
- [691](#)
- [692](#)
- [693](#)
- [694](#)
- [695](#)
- [696](#)
- [697](#)
- [698](#)
- [699](#)
- [700](#)
- [701](#)
- [702](#)
- [703](#)
- [704](#)
- [705](#)
- [706](#)
- [707](#)
- [708](#)
- [709](#)
- [710](#)
- [711](#)
- [712](#)
- [713](#)
- [714](#)
- [715](#)
- [716](#)

- [717](#)
- [718](#)
- [719](#)
- [720](#)
- [721](#)
- [722](#)
- [723](#)
- [724](#)
- [725](#)
- [726](#)
- [727](#)
- [728](#)
- [729](#)
- [730](#)
- [731](#)
- [732](#)
- [733](#)
- [734](#)
- [735](#)
- [736](#)
- [737](#)
- [738](#)
- [739](#)
- [740](#)
- [741](#)
- [742](#)
- [743](#)
- [744](#)
- [745](#)
- [746](#)
- [747](#)
- [748](#)
- [749](#)
- [750](#)
- [751](#)
- [752](#)
- [753](#)

- [754](#)
- [755](#)
- [756](#)
- [757](#)
- [758](#)
- [759](#)
- [760](#)
- [761](#)
- [762](#)
- [763](#)
- [764](#)
- [765](#)
- [766](#)
- [767](#)
- [768](#)
- [769](#)
- [770](#)
- [771](#)
- [772](#)
- [773](#)
- [774](#)
- [775](#)
- [776](#)
- [777](#)
- [778](#)
- [779](#)
- [780](#)
- [781](#)
- [782](#)
- [783](#)
- [784](#)
- [785](#)
- [786](#)
- [787](#)
- [788](#)
- [789](#)
- [790](#)

- [791](#)
 - [792](#)
 - [793](#)
 - [794](#)
 - [795](#)
 - [796](#)
 - [797](#)
 - [798](#)
-

Владимир Борисович Миронов
Народы и личности в истории: Очерки
по истории русской и мировой культур
Том 3

*Личность – вот чего сегодня не хватает на
земле*

Сальвадор Дали

Глава 11

Скандинавия – волшебный край саг и фиордов

Скандинавия напоминает кита, плещущегося в водах Гольфстрима. Край озер и фиордов... Шведская пословица гласит: «Когда Бог отделял воду от земли, он позабыл Скандинавию». Пословица в равной мере относится к Швеции, Норвегии и Финляндии, ибо в древности весь полуостров был покрыт водой. Первые письменные упоминания о шведах встречаются в VI в. н. э. На земле Швеции тогда существовало несколько княжеств. В Упсале находился знаменитый языческий храм («двор богов»), куда стекались во время празднеств конунги и витязи. Конунг Упсалы и объединил под своей властью остальные племена (700 г. н. э.). Это – полуофициальная дата возникновения Швеции.^[1] Скандинавы, германцы, англосаксы близки своими корнями. Верховный бог скандинавов Один объединял в одном лице духовную власть и мудрость как высшую функцию богов. Он близок к немецкому Водану (Вотану). К ним с равным уважением относились скандинавы и германские племена (франки, саксы, англы, вандалы, готы). Согласно «Саге о Вельсунгах», Один стоял у начала легендарного королевского рода Вельсунгов, к которому принадлежал и Сигурд – знаменитый герой общегерманского эпоса «Песни о Нибелунгах». Его считают прапрадедом норвежского конунга Харальда Прекрасноволосого. Один выступает в роли древнейшего короля и в «Деяниях датчан» у Саксона Грамматика (XIII в.). Одним словом, общая мифология более чем что-либо свидетельствует о том, что германские и скандинавские племена вышли, по сути, из одной родовой купели.^[2]

В давние времена еще Исидор Севильский выдвинул гипотезу происхождения готы от легендарного библейского героя Магога. По библейскому преданию, «Гог во главе Магогского народа (или Гог с Магогом как два князя-правителя) должен прийти с севера и вторгнуться в страну Израилеву». Этим нашествием должен осуществиться Божественный суд над Гогом, все воинство которого

будет истреблено и погребено на месте, названном в память сего события «долиной полчищ Гогова». В немецкой историографии будут распространяться и иные версии: германский народ станет вершителем судьбы народа Израиля, его Судьей. В Средневековье Гог и Магог также ассоциировались со скандинавскими правителями. В течение веков слово «готы», как и идея происхождения от них скандинавских народностей, получило распространение в Западной Европе, часто употребляясь в значении «германский» и «тевтонский». Таким образом, эти названия стали символическими для всех северных народов (порой сюда включали скифов, славян и татар). Согласно популярной теории конца XVII в., все германские народы Европы были готического, скандинавского происхождения. Так, выделив четыре периода истории готов (1670), англичанин Р. Шерингам описал зарождение племен скифов, сканов, сарматов, гетов в Азии, и дальнейшую их миграцию под предводительством легендарного Одина сначала на балтийские острова, затем – экспансию готической цивилизации на Восток, в современную Западную Европу. Сюда же относят и гордых обитателей Альбиона. Во «Всеобщей истории Англии» Дж. Тирелл писал (1704): «Происхождение англосаксов следует вести также от готов; германцы имеют готическую генеалогию. Они родственны таким северным народам, как шведы, датчане и норвежцы. Это видно из схожести их языков, обычаев и законов. Описание религии, уклада и традиций германцев у Тацита подтверждает аналогии». В том же духе высказался Дж. Харрингтон, указав, что корни всех германских народностей «следует искать в Северной Германии или Швеции» (1656).^[3] Ко времени Карла Великого каждый житель Галлии имел германское имя независимо от того, были ли его предки франками или выходцами из других провинций. Первыми германцами, принявшими христианство, были готы (вторая половина IV в.), затем бургундцы и франки (V в.), англосаксы (VI–VII вв.), саксы (IX в.), в X в. – скандинавы. Важное событие произошло во многом благодаря Кнуту Великому в Дании, Олафам в Норвегии и постановлениям исландского альтинга (1000 г.). Отсюда и общая судьба у северных племен.

Типичные черты северных народов – воинственность, героизм и даже фатализм... Они смело идут навстречу судьбе. Суровая природа закалила их, приучила к стойкости и мужеству. Каков вклад

скандинавов в сокровищницу общечеловеческой культуры? Важным источником для понимания первоначального периода развития культуры являются саги. Как писал Бьярне Фидьестль, специалист в области древнескандинавской литературы, саги показывают события 870– 1030 гг., периода становления исландского общества: «Это – исход из Норвегии, заселение Исландии, создание основ правопорядка, описания конфликтов между членами общества и, наконец, принятие христианства». Родовые саги стали героическим эпосом, увековечив память о происхождении исландского народа.^[4] В англосаксонской эпопее «Беовульф» (1000 г.) фигурируют датчане, шведы, гауты (готы). Как ни странно, тут нет и речи об Англии. Ту же картину видим в песнях «Старшей Эдды» и в «Песне о Нибелунгах». Это – народы битв и сражений. Наивысшее благо в жизни – доброе имя героя. Афоризмы их житейской мудрости учат, что все преходяще: и родня, и богатство, и собственная жизнь, навсегда остается лишь слава о подвигах героя («Речи Высокого»). Недаром в «Беовульфе», как и в эддических песнях, слава обозначена термином, имевшим также значение «приговора» (древнеисл. – *domr*, древнеангл. – *dom*).

Небольшая Швеция оставила заметный след в европейской истории. Издавна предки шведов осваивали земли на севере Европы. С 800 по 1050 гг. шел процесс создания обширных государств викингов. Продвигаясь по французским и германским рекам, они в IX в. дошли до Испании и Португалии, вышли в Средиземное море, приняли участие в набегах датчан на Англию, колонизировали Исландию. Торговые связи викингов простирались до Византии и Арабского халифата. Доходной статьей у шведов считался и сбор датских денег (дань англичан датчанам). Сведения об их нравах и поведении не говорят об их культурности. Поведение викингов в Англии (и на Руси) никак не отвечает нашим представлениям о культурном народе. Правда, они обладали быстрыми кораблями и великолепным оружием. Но это еще не признак высокой культуры. Эйрик Рыжий, открывший Гренландию, приплыл туда, будучи изгнан из Исландии за многочисленные убийства.^[5] Совершали они походы и на территорию Руси, «в великий Свитиод» (1040 г.). Отсюда и гипотеза основания русского государства князем Рюриком... Вряд ли «люди из Руса» (выходцы из Руслангена) могли быть главным движущим моментом российской истории, как порой пытаются нам внушить. Но об этом

речь пойдет уже в другой книге. На острове же Готланд поныне высятся древние рунические камни. Варяги постепенно стали растворяться в русском населении. Многие же навеки остались лежать в славянской земле, о чем говорят и памятники.

Иллюстрация к англосаксонскому эпосу «Беовульф»

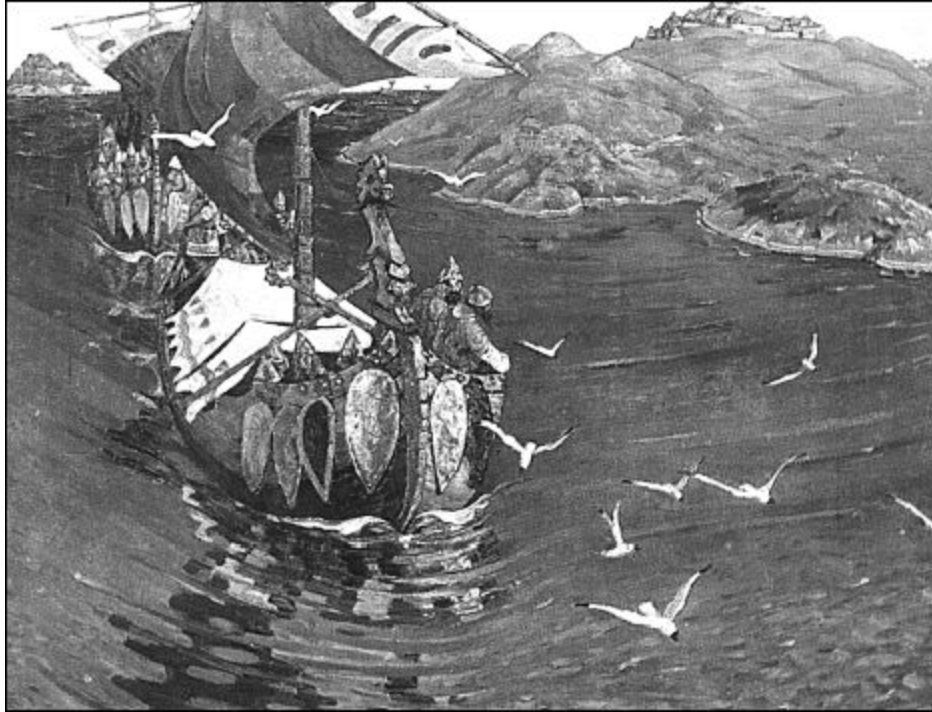
Предки скандинавов (люди «эпохи саг») не гнушались и физической работой. Ею занимались даже знатные и зажиточные лица. В исландской «Песне о Риге» воспеваются производственные занятия крестьян, а в поэме «Речи Высокого», являющейся заодно и сборником афоризмов житейской мудрости, указывается на необходимость прилежного и упорного труда: «не видеть добычи лежащему волку, а победы – проспавшему». В «Старшей Эдде» читаем: «Рано встает, // кто без подмоги // к труду приступает; // утром дремота // работе помеха – кто бодр, тот богат». Шведский историк И. Андерссон так описывал жизненные установки своего народа: «Идеал героя в эпоху викингов, воплощавшего в себе три добродетели: «быть властным землевладельцем, храбрым воином и щедрым хозяином-вождем дружины, связанной с ним союзом непоколебимой верности», ярко выражен в этой короткой надписи». К середине XII в. Швеция считалась уже прочным государственным образованием. Среди королей и королев известны имена Эрика, Сверкера, Биргера, Эрикссона, Густава Вазы, Кристины. Образованностью и культурой

выделялась Святая Бригитта (1303–1373). Она оставила заметный след в истории, создав монашеский орден, написав любопытный литературный труд («Откровения»).

В XIV в. возник и символ страны – знаменитые шведские «три короны». Долгое время шведы были под игом датчан. Часть феодальной знати поддержала установленный Данией режим. Вот как в поэме описал положение народа епископ Томас:

Чужеземцы правили Швецией тогда,
и в государстве не могло быть хуже.
Они правили страной и владели крепостями.

Шведы жили в страшной нужде,
они предпочитали умереть,
чем дольше терпеть таких гостей...
Народ Израиля при фараоне
не испытывал больших бедствий,
чем пришлось испытать шведам.
Нет такого мудрого мужа,
который мог бы в письме или книге
описать давившую их нужду.

Н. К. Рерих. *Заморские гости*. 1902

Король повсюду насаждал датских чиновников. Шведы выражали протест против Кальмарской унии (1397), объединявшей под властью датчан три скандинавских королевства – шведское, норвежское, датское. Борьба сопровождалась крестьянскими восстаниями, одно из которых возглавил рудокоп Э. Энгельбректсон (1434). Движение Энгельбректсона («первого социалиста») включало 40–50 тысяч человек, действуя в интересах большинства народа. Вождь ратовал за отмену пошлин, налогов, поборов с крестьян (как это бывало при Эрике Святом). Церковь назвала его деяния «дьявольским огнем», сравнивала с движением гуситов. Но восставших поддержала часть феодалов и церковная оппозиция. В результате восстания 1434–1436 гг. войска оппозиции заняли почти всю Швецию.

Король Эрик был низложен. В 1435 г. в Арборге созвали собрание четырех сословий, включая низшее дворянство, горожан и крестьян. Этот шведский риксдаг и стал первым европейским парламентом. Энгельбректсона избрали вождем. Однако вскоре, в 1436 году, лидер восстания был коварно убит.^[6]

Король Густав Ваза, основав государство в 1521 г., предпринял ряд мер по укреплению Швеции. Он управлял страной как своим именем. О его характере и нравах можно судить по письмам, порой

весьма экспрессивным. Король не стеснялся выражений и жестких формулировок. Зато его уважали. Северяне не любят псевдодемократической слякоти. Проблем у них хватало. До начала XIX в. медленно шел прирост населения. Высокая смертность сдерживала экономический и культурный рост. С введением в X–XI вв. в Дании, Исландии и Норвегии христианства процесс развития и взаимодействия культур ускорился. Латинский язык стал доминирующим в Западной, да и в Восточной Европе в эпоху Средневековья. Но в Скандинавии, как отмечает Е. А. Мельникова в книге «Образы мира», на протяжении XII–XIII вв. он не только не стал официальным языком в государственном управлении, но и не приобрел господствующего положения. Хотя на нем велось монастырское и церковное делопроизводство, им пользовались при официальных связях, на латыни были написаны известные сочинения («Краткая история королей Дании» Свена Аггесена в XII в., «История датчан» Саксона Грамматика в XIII в.). В библиотеках монастырей имелись собрания латинских книг для богослужения (псалтыри, мартирологи и т. д.). Книги приходили двумя путями (импорт книг из Германии и Франции, копирование в Исландии и Дании). Значительное расширение библиотек происходит в XIII–XIV вв. Библиотека одного из богатейших монастырей Скандинавии – Вадстенского (Швеция) – насчитывала до 1500 томов, собор в Холаре (Исландия) – 234 книги (1396 г.), церковь в Велире (Исландия) – 56 книг (1318 г.). В их числе не только церковная, но и светская литература. В описях библиотек значатся книги Лукиана, Вергилия, Овидия, Сенеки, Марциала, Цицерона, Августина, Григория Великого, Исидора Севильского и других. Это указывает на освоение скандинавами достижений и богатств культурного наследия европейских народов. Появляются и частные собрания книг.

Одним из решающих факторов и стал прогресс в области образования. Шведское государство в XVI веке поставило перед собой, казалось бы, фантастическую задачу – достижение всеобщей грамотности. В обществе зреет понимание того, что гражданское и религиозное воспитание, заодно и уровень достойной жизни скорее реализуются среди грамотных людей. В церковных, монастырских школах образовательный цикл, как и в школах Европы, состоял из тривия и квадрия. Особое внимание уделялось грамматике. В конце

XVII в. Швеция приняла закон о всеобщей грамотности (1686). Согласно ему, как отмечал профессор Стокгольмского университета И. Фэгерлинд, глава «хутора» (домашнего хозяйства) отвечал перед общиной за обучение семьи и слуг чтению. Не умеющие читать обязаны были найти грамотея, который взял бы на себя миссию учителя. При этом общество ввело контроль за уровнем грамотности граждан. Раз в год любой достигший семилетнего возраста и старше обязан был являться на устный экзамен вместе с соседями. Кюре ставил ученику отметки прилюдно, занося их в журнал. Такого рода агитация была весьма действенной.

Важным стимулом к распространению знаний, а затем и науки в Скандинавии стали связи с крупнейшими университетами Европы (XII–XIII вв.). Дело в том, что до конца XV в. тут не было своих университетов. Желающие получить высшее образование ехали в Париж, Вену и Прагу. В Париже ежегодно обучалось порядка 30 человек из стран Скандинавии (XIV в.). Ряд талантливых выходцев из Скандинавии стали преподавателями в Париже и Вене. Это позволило основательно ознакомиться с культурой Европы. Под воздействием трудов Боэция «Об арифметике», Бэды Достопочтенного «О счислении времен», трактатов Сакробоско «О церковном летосчислении» и «О сфере» пишутся первые собственно скандинавские сочинения.

А к середине XVII в. (при королеве Кристине) шведский двор стал уже местом встреч известных ученых, писателей и художников (в 50-е годы XVII в. тут жил философ Декарт). В письме к принцессе Елизавете из Стокгольма (1649), для которой он напишет трактат о страстях души, Декарт отмечал заметную склонность шведской королевы Христины к научным занятиям. Он писал: «Огромное рвение к наукам в настоящее время особенно побуждает ее заниматься греческим языком и собирать большое количество древних книг; однако в будущем она может и изменить этой привычке... Г-н Фрайнсхейм (немецкий филолог, профессор университета в Упсале, библиотекарь королевы Кристины) добился того, что Ее величество находит удобным, чтобы я появлялся при дворе лишь в часы, кои ей угодно будет предоставить мне для беседы с нею; таким образом, моя придворная служба не доставляет мне сильных забот, а это весьма соответствует моему настроению. В конце концов, несмотря на мое глубокое почтение к Ее величеству, я не вижу, чтобы что-нибудь было

способно удержать меня в этой стране дольше, чем до будущего года». Таким обстоятельством стала смерть. Королева Кристина уговорила Декарта приехать в Стокгольм. Дальнейшая история визита такова. Скандинавская монархиня обладала ренессансным характером. С сильной волей, энергичная, королева настояла, чтобы Декарт учил ее философии (в 5 часов утра!). Этот нефилософский час подъема, глубокой ночью в шведскую зиму, оказался для него роковым (Б. Рассел). Тут он заболел и умер (1650 г.) Эта женщина обладала исключительно волевым характером. Проще говоря, она отреклась от престола в пользу своего кузена Карла Густава (1654), покинула Швецию и, приняв католичество, поселилась в Риме. Там же находится и ее могила.^[7]

XVI–XVII века можно было бы назвать эпохой «величия Швеции». Маленькая страна держала в страхе и трепете всю Европу. Русский медведь еще только-только вылез из берлоги и приглядывался к берегам Балтии. Русское государство стремилось вырваться из тисков европейской изоляции. Но путь в Европу лежал через земли Ливонского ордена, Польшу, Великое княжество Литовское, Швецию. В ходе Ливонской войны (1558–1583) решить эту задачу не удалось. На том этапе русские вынуждены были вести оборонительные бои против Стефана Батория и шведов. Более того, по итогам Ливонской войны мы потеряли Копорье, Ям и Иван-город (единственный выход к Балтике). Заключенный между Россией и Швецией Столбовской мир (1617 г.) явился основой для монопольного господства Швеции в Прибалтике. К Швеции отошли многие земли (Ингерманландия, Карелия, Лифляндия, Курляндия, часть Литвы и польской Пруссии, Прибалтика).^[8]

Разумеется, экономические и торговые интересы России и Швеции не могли не сталкиваться в этом регионе. По условиям договора не предусматривалась торговля русских людей в шведских городах. Шведским подданным стала невыгодна конкуренция русских торговых людей в розничной торговле, так как ранее шведы имели с нее хорошую посредническую прибыль. Одним из главных предметов русско-шведских переговоров на высшем уровне в 1646–1649 гг. как раз и стали условия торговли русских людей на территории Швеции. В свою очередь, и шведы выдвинули нам целый ряд претензий. Они жаловались, что в Новгороде и Пскове с них взимают повышенную

пошлину. Послы утверждали, что таможенник взимает пошлину, «как ему любо», нарушая установленные правила. Уже тогда обмен денег у шведов («валюты») русские осуществляли не по рыночному, а по более низкому – принудительному и официальному курсу. Утверждалось даже, что, якобы, русские требуют выплаты долга, а когда швед не соглашается, его берут под стражу и бьют батогами. Русское правительство заявило, что дано распоряжение впредь «того остерегаться», чтобы шведским подданным «никакова дурна не было». Наша таможенная служба, обычное дело, частенько задерживала шведских купцов при их возвращении из торговой поездки «на рубеже», т. е. на границе, требуя от них «подарков» для пропуска за рубеж. Русское правительство дало распоряжение, чтобы шведов-купцов «пропускали безо всякого задержанья» и чтобы никто под страхом жестокого наказания не допускал обид и незаконных поборов. У русских претензий к шведам не меньше. Главный ряд претензий был связан с тем, что к середине XVII в. произошло резкое ухудшение условия торговли для русских подданных в Швеции и в прибалтийских провинциях. Наших купцов подвергали явной дискриминации: их гостиный двор был вынесен далеко за границы г. Риги, в версте от города, с них взимали повышенные пошлины, им не разрешалось торговать с крестьянами и купцами других шведских городов и с иноземцами, а в случае нарушения товары русских конфисковались. Купцов посылали по объездным и далеким дорогам. Судебные дела в Риге решались в пользу шведов, тогда как русским людям невозможно было добиться справедливого решения их судебного дела. Надо сказать, что если в Русском государстве условия торговли шведов все же обеспечивались специальным правительственным документом (грамотой 1618 г.), то в Шведском государстве аналогичного документа не было вовсе. А это ставило наших купцов в Швеции в более дискриминационное положение, нежели шведов в России. Число претензий, «обидных дел» росло с обеих сторон. Условия торговли для русских ухудшались. Все чаще от наших торговых людей слышалась жалоба, что «им де с товарам своим впредь в Ригу и Юрьев от таких их тягостей и неволи ездить невозможно». Все это, вместе взятое, и побудило Петра I приступить к решению важнейшей исторической задачи – «в Европу прорубать окно».^[9]

Шведская королева Кристина

Карл XII (1682–1718) – символ «бранной славы» Швеции, ее побед и поражений... Прослеживая его судьбу, понимаешь, сколь непостоянна и непрочна слава воителя. Блестящий тактик, мужественный солдат, спартанец по воспитанию, он провел жизнь в походах и сражениях. Но если его отец Карл XI сумел сделать из Швеции великую страну с развитой экономикой, бездефицитным бюджетом, сильной армией, обширными территориями и, главное, с высоким уровнем образования и грамотности, то Карлу XII пришлось подбирать черепки былой славы. Правда, вначале была Нарва (1700), где шведские войска наголову разбили плохо обученные русские полки. Царем в России тогда был Петр Великий. Однако он (в отличие от нынешних правителей России) обладал завидным свойством учиться на своих ошибках. Борьба шведов с русскими за господство над Балтикой в ходе Северной войны (1700–1721) была долгой и кровопролитной... Карл XII хотел раз и навсегда покончить с Россией как с самостоятельным государством. Он вызывающе заявил русским послам: «Король помирится с Россией, только когда он приедет в

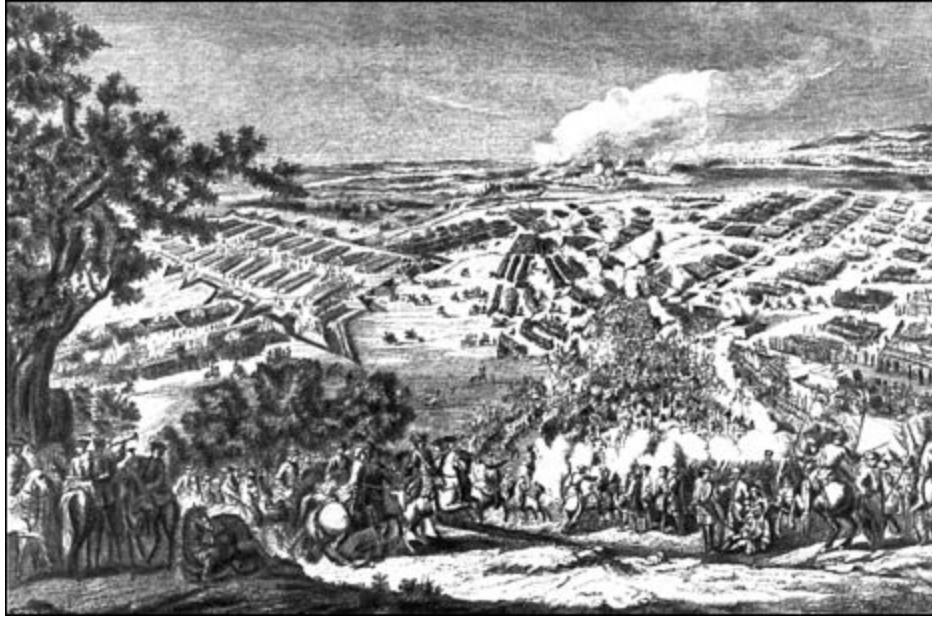
Москву, царя с престола свергнет, государство его разделит на малые княжества...» Конец столь грандиозных амбиций хорошо известен. Петр I поставил точку в давних притязаниях шведской короны. Ф. Энгельс писал: «Карл XII сделал попытку вторгнуться в Россию; этим он погубил Швецию и воочию показал неприступность России». Шведы пытались, было, уменьшить значение последствий русских побед. Но до конца XX в. Балтика была «русским морем».

Бесконечные и жестокие войны, которые вела Швеция в XVII–XVIII вв., всей своей тяжестью легли на плечи народа. Тому пришлось заплатить за это немалую цену. Густав Адольф или Карл XII испытывали судьбу на полях сражений. Их войска наводили ужас на немецкие, чешские, словацкие, польские и австрийские земли, конфискуя все, что только попадалось под руку (от драгоценностей и книг до произведений искусства). Шведы жили все хуже. Густав Адольф погиб, ворвавшись в гущу чужих войск под Лейпцигом (1632), а Карл XII был убит во время очередного завоевательного похода в Норвегию (1718). Жизнь шведов поневоле стала бедной. И нации понадобился целый век для восстановления ее сил.

Карл XII. Гравюра Винда

Поражение под Полтавой явилось важным этапом на пути создания современного шведского государства. Шведы сумели из сокрушительного разгрома выковать орудия победы (как некогда это же сделал Петр). Это будет иная, мирная и демократическая Швеция. Нам кажутся интересными и значимыми такого рода уроки. Приведу мнение шведского историка П. Энглунда («Полтава: рассказ о гибели одной армии»): «Однако поражения нередко представляют едва ли не больший интерес, чем победы. Бывает, что благодаря подобному разгрому обнажаются интересные противоречия и внутренние конфликты, которые иначе остаются скрытыми в глубине общественного порядка: так, изучение испорченного прибора может иногда дать больше сведений о его работе, нежели исправного. Кроме того, победы зачастую склоняют к самоуспокоенности и консерватизму, тогда как неудачи подталкивают к пересмотру взглядов и развитию. С точки зрения краткосрочных последствий само собой разумеется, что битва под Полтавой обернулась для шведов катастрофой, однако в долгосрочном плане она, как это ни парадоксально, принесла определенную пользу. В начале XVIII века Швеция вынуждена была тратить огромные средства на содержание военного сектора, который отнюдь не кажется чрезмерно раздутым, если учитывать реальную внешнюю угрозу с нескольких сторон, но который был тем не менее слишком тяжким бременем для хозяйства страны. Развал империи нанес удар по национальной гордости шведов, однако благодаря ему они избавились от этого бремени. И хотя реваншистские настроения присутствовали в стране до конца столетия, эпоха великодержавия раз и навсегда миновала. В результате экономика стала постепенно выправляться, выросло благосостояние, увеличилась средняя продолжительность жизни. Как ни странно это звучит, можно сказать, что одна из дорог, приведших к сегодняшнему богатству и преуспеванию Швеции, брала начало именно там, на равнине под Полтавой».^[10] Хорошо, если бы мы смогли извлечь уроки из собственных поражений.

Полтавская баталия 27 июня 1709 г. Гравюра Симоно

Таким образом, смерть старого вояки Карла XII позволила стране вздохнуть с облегчением. Она повлекла за собой бескровную революцию и почти полное изменение форм правления. «Люди здесь словно мухи, которые спали как мертвые всю зиму, а теперь оживают», – говорилось в одном из писем, характеризующих атмосферу в Стокгольме в декабре 1718 года. Но только в эпоху царствования Густава III (1771–1792) Швеция стала постепенно приближаться к научному, техническому, коммерческому и культурному уровням развитых стран Европы. На континенте известностью пользовались имена инженера К. Польхема, физика и астронома А. Цельсия, естествоиспытателя Э. Сведенборга, поэта и публициста У. Далина. Т. Бергман выполнил ряд смелых научно-исследовательских работ в химии. Историк С. Лагербринг дал критическое описание шведской истории. Наука и просвещение страны во многом зависели от роста торговли. Ост-индская компания шведов конкурировала с ганзейцами Германии и купцами Ост-индской компании в Англии. Описание плавания Я. Валленберга в Ост-Индию воплотилось в известном художественном полотне («Мой сын на галере»). XVIII в. стал веком активного участия шведов в исследованиях иных стран. К примеру, П. Кальм направился в Северную Америку, П. Форсскол – в Аравию, а К. Тунберг – в Африку и Азию.

Политическая жизнь активизировалась к концу XVIII в. Народ Швеции устал от так называемого периода свободы. Всем в стране заправляли Совет и секретная комиссия. Спор шел о привилегиях: кому занимать посты на государственной службе. В споре «шляп» и «колпаков» битва шла не столько из-за принципов, сколько из-за должностей. И хотя говорили, что победила свобода (принцип свободы печати в Швеции утвердился в 1766 г.), в действительности это мало что дало народу. Партия «колпаков» выступила против роста бюрократии в стране. Но и либералы не смогли дать благосостояния людям. К тому же население Швеции выросло с 1440 тыс. до 2 млн. человек. Вслед за неурожаем 1771 г. последовал еще один, более страшный. Смертность в стране достигла огромных масштабов. По стране бродили толпы опухших от голода людей, прося милостыню.

К чести короля Густава III он сумел быстро и четко организовать эффективный военный переворот... «Либералы» и «демократы» были арестованы офицерами гвардии. Окончила свое существование и очень неудачная конституция «периода свободы». Но гораздо важнее было то, что за этим последовала быстрая и весьма решительная смена бездарного курса! Король Густав III был умным политиком. Он вовремя понял необходимость установления в стране ограниченной монархии (на тот период, в тех условиях это было благом), приняв ряд жестких мер в сфере экономики. Когда народ голодает, делать из зерна спирт – равносильно преступлению. Этот экономический разврат король запретил, хотя и бытовало мнение, что якобы умеренное употребление водки является для шведского крестьянина самым что ни на есть «лучшим лечением». Оно конечно: суровые условия северной земли диктовали свои законы.

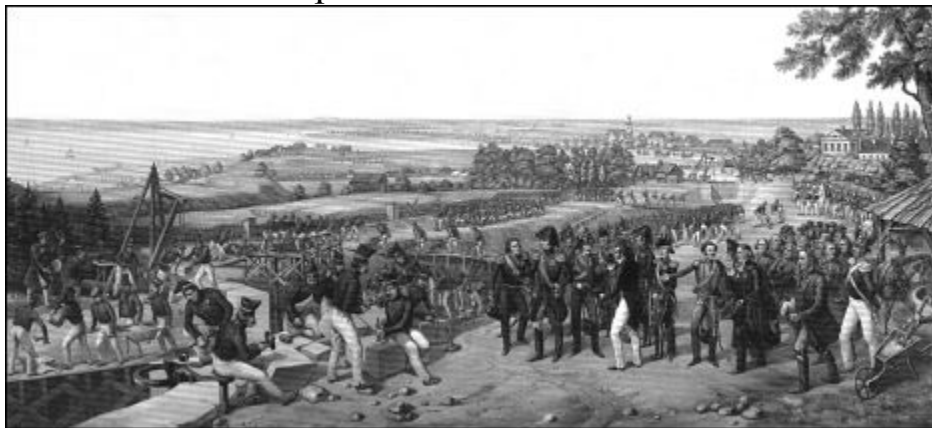
Однако главной задачей власти стало налаживание вконец расстроенных финансов страны. Король нашел умного и энергичного финансиста – Лильенкранца, который провел денежную реформу (1776–1777), не вызвав большого недовольства населения. Густав III принял и суровые меры против бюрократии. На многих государственных служащих, злоупотреблявших своим положением и бравших взятки, были заведены судебные дела, хотя пытки при дознании не применялись. Стала эффективнее работать система управления. Самым главным, на мой взгляд, было то, что в основу социальной политики шведского государства с тех пор легла стратегия

выравнивания доходов и положения сословий. Новая конституция принимала во внимание не то, к какому из политических направлений (к «колпакам» или «шляпам») принадлежал тот или иной человек, но сколь умным и толковым он был. Шведы научились обращать внимание на ум и талант, то есть на то, что находится «под любой шляпой». При назначениях в правительство и сферу управления должны учитываться более всего умение, знания и опыт претендента. Покровительства и право рождения в счет не принимались, «если они не были связаны с умением». Тогда же окончательно оформился и современный шведский язык (кстати, сам король написал историко-романтические драмы «Густав Ваза» и «Густав II Адольф», шедшие в театре).

Получили известность и шведские университеты в Упсале, Лунде и Або. Академия в Або получила титул «академии на Ауре» и насчитывала 44 студента. Затем число студентов быстро возросло до 300. Занятия велись на четырех факультетах: богословском, юридическом, медицинском и философском. Число профессоров было очень невелико (11 человек). Возглавлял академию ректор, не получавший за труды штатного вознаграждения. Высший надзор за Академией осуществляли канцлер и проканцлер. В стенах Академии заметную роль выполняли землячества, куда входили не только студенты, но и магистры и доктора, вышедшие из стен альма-матер.

В 1789 г., когда дворянство и богачи потребовали закрепления своих прав, мудрый шведский король занял сторону не тех, кто привел его к власти, а наиболее пострадавших от реформ «эпохи свобод» низших сословий. На стороне короля было большинство народа (горожане, крестьяне, духовенство). Составили новую конституцию, документ единения и безопасности. В старой «февральской революции» король официально обвинил либеральное дворянство. Их руководители были арестованы и посажены. Так оказалась подорвана власть некогда всемогущей бюрократии и могущественных финансовых воротил. Главным же достижением короля стали серьезные уступки, сделанные им народу. Представители низших сословий получили право заседать в верховном суде, владеть землей. Это назовут «первой решительной победой крестьянского класса». В Швеции уравнивание привилегий произошло за три месяца до созыва Францией ее Генеральных штатов. Северный пролог к Великой

Французской революции. С тех пор народ Швеции никогда уже не давал всевластной бюрократии воли, равно как постарался никоим образом не допускать вопиющей поляризации доходов среди большинства населения страны. ^[1]

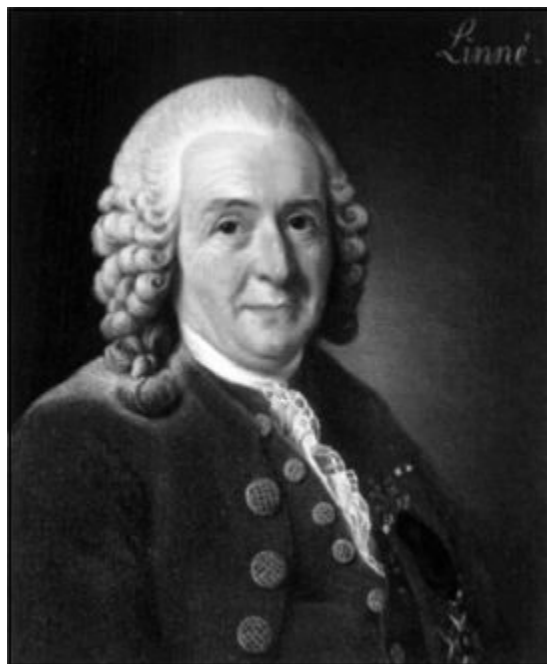
Карл XIV Юхан инспектирует строительство Гёте-канала вместе с представителями правительства и риксдага. Картина А. С. Веттерлинга

При анализе становления скандинавских стран и их культур следует учитывать очевидную близость народов, населяющих эти земли. Швеция и Норвегия имели тогда одного и того же правителя в лице Карла-Юхана (вступил на престол после смерти Карла XIII в 1818 г.). Он и положил начало политике мира и нейтралитета Швеции. Хотя уже в 1809 г. на смену абсолютной монархии пришла конституционно-ограниченная монархия. Что можно сказать о той эпохе? Жан Батист Бернадотт (1763–1844) в 1810 году был уволен Наполеоном и избран наследником шведского престола. В 1813 г. он командовал шведскими войсками в войне против Франции, а в 1818–1844 гг. избран королем Швеции, став основателем династии Бернадоттов. В 1845 г. в Париже вышла книга Саррана «История Бернадотта, Карла XIV». В ней описывается удивительная карьера героя... Уже к 19 годам у Жана за плечами было три года службы. В 25 лет он встретил Французскую революцию, а в 30 лет стал генералом Франции. Меж ним и Бонапартом возникло острое соперничество. Бернадотт умирляет смуту в Марселе. Директория назначает его военным министром. Когда Бонапарт стал императором, он сделал его губернатором Ганновера. В ходе кампании тот взял в плен 1,5 тысячи шведов, но всех освободил. Скандинавия его превозносила. Следуют новые походы, назначения и отставки. В 46 лет генерал-губернатора

Рима отправляют на покой. И тогда происходит чудо – шведы избирают французского «варяга» наследником шведского престола. Карл XIII усыновил Бернадотта, дав ему имя Карл Юхан. Вскоре тот прибыл в Стокгольм и стал королем. Карл Юхан, француз, сделал немало хорошего для шведов: он развернул по всей стране интенсивное строительство, развивал торговлю. Произнесенная Карлом XIV тронная речь (1810) свидетельствовала о наличии ума: «Выросший среди лагеря, сроднившийся с войной, я видел много бедствий. Никакая победа не может вознаградить страну за потерю ею детей, погибших в иностранной войне. Вместе с тем одно физическое могущество не показывает силы страны. Ее сила в мудрости ее законов, в обширности ее торговли, в культуре народа и в национальном сознании. Швеция много страдала в последнее время, но ее честь осталась незапятнанной. У нее осталось достаточно земель для своего существования и достаточно железа для своей защиты».^[12] Хотя ходили слухи, что после смерти на теле монарха якобы обнаружили наколку «Смерть королям!», относящуюся, видимо, еще ко дням бурной французской молодости и революции.

Шведская и норвежская культура дали миру целый ряд талантов первостепенного значения (Линней, Ибсен, Григ, Гамсун, Нобель и многие другие). Карл фон Линней (1707–1778) – это, бесспорно, один из самых редких бриллиантов в короне шведской науки... Его подлинная фамилия– Ингемарсон. Отец отдавал все свободное время работе в саду. Это увлечение родителя передалось сыну. С раннего детства Карл Линней возлюбил природу. К занятиям в школе он относился равнодушно, если не считать страсти к коллекционированию растений. Даже его новая фамилия, Линнеус, имела ботаническое происхождение (в Круноберге, откуда были родом предки, росла священная липа, и, избрав духовную карьеру, юноша соединил увлечения отца и латинизированное название липы). В университете г. Лунда он интенсивно изучал медицину и физиологию, написав работу «О началах ботаники». Вскоре он перебрался в Упсалу, где в университете состоялось его знакомство с профессорами Цельзием и Рудбеком. Первый поселил его в своем доме, а второй сделал своим ассистентом. Они по достоинству оценили его рукопись о половом размножении растений (знаменитые тычинки и пестики, известные нам еще со школы). Процесс рассмотрен был с величайшей

тщательностью. Сам Линней писал: «Я рожден не поэтом, а до некоторой степени ботаником, и по этой причине дарю годичный плод небольшого урожая, который Бог ниспослал мне». В 28 лет он закончил медицинский факультет и стал доктором. Этот гениальный систематик сделал для науки о живой природе ничуть не меньше, чем Ньютон для механики и оптики. Лекции Линнея пользовались большой популярностью у студентов. Однако он не оставлял в стороне и научные изыскания, которым помогло его путешествие по Лапландии (1732). Надо было защищать докторскую диссертацию (в Голландии). Отсутствие средств делало проблематичным публикацию научных трудов, как и саму защиту. Помог случай. Знакомый предложил Линнею совершить путешествие по Европе вместе с его сыном. В небольшом университетском городке Гардервике он сдал необходимые экзамены и успешно защитил докторскую, получив полагающиеся священные реликвии научного сообщества, то есть шелковую шляпу и золотое кольцо. Линней посетил многие научные центры Голландии, познакомился со знаменитым медиком и натуралистом Бургаве и другими учеными. Ему принадлежит заслуга разработки тех принципов, которыми руководствуются и ныне ботаники и зоологи. Среди важнейших его работ – «Система природы», «Философия ботаники», «Виды растений», «Флора Швеции», «Фауна Швеции» и другие. «Система природы», увидевшая свет в 1735 г., получила всеобщее признание, а изыскания в области размножения растений явились основой современной ботаники.^[13]

Карл Линней – князь ботаников, известнейший шведский ученый XVIII в.

Вряд ли «князь ботаников» составил бы свою обширную «Систему природы» (с 14 страниц в издании 1735 г. та выросла до 6257 страниц в издании 1788–1793 гг.) без помощи его учеников и друзей. Ученики шведского академика объездили и изучили весь мир. Торнестром ездил в Азию, Петр Кальм – в Пенсильванию и Канаду, Монтана – в Лапландию, на шведский север, Гассельквист – в Палестину и Египет, Тарниус – в Малабер и Сурат, Озбек – в Китай и на Яву, Леерлинг – в Испанию и Америку, Бергнус – в Шотландию, Спарман, Тунберг, Фостер – вокруг света с капитаном Куком. Добавим, что русские ученики Линнея (Александр Карамышев, Григорий и Павел Демидовы, Афонин, Горнберг и многие другие) постоянно держали его в курсе своих исследований. Только из Сибири он получил от них 114 видов растений. Таким образом, в лице Линнея и его коллег мы получили первый опыт и образец коллективной науки. В дальнейшем Линней стал президентом Королевской академии наук, самым модным врачом столицы, виднейшим профессором и заведующим кафедрой университета в Упсале. За 37 лет его пребывания в университете число студентов утроилось. Его избрали почетным членом почти всех научных обществ и академий Европы. Он получил дворянство и стал главврачом Швеции. После смерти ученого на памятнике, поставленном у стены Упсальского собора, сделана

надпись: «Карлу Линнею, князю ботаников. Друзья и ученики, 1789». Из его эпистолярного наследия запомнился афоризм: «Ариадновой нитью ботаники является система. Без нее – хаос».

Как известно, в Швеции основная масса людей умела читать и писать фактически еще с XVI в., за чем строго следили местные священники. Однако время требовало более ощутимых и перемен. Шведскую Академию основал Густав III (1786). В столице страны – Христиании – основаны художественное и ремесленное училище, а затем и горная школа (1821). Возникла и Высшая земледельческая школа, занятия в которой носили, впрочем, скорее теоретический характер (1811). Появились школы с практическим уклоном. Предприняты шаги и в области развития общего образования. Слабое начальное обучение расширено. Введено всеобщее и обязательное начальное обучение. Это ускорило становление единой системы образования (1842). Хотя в Швеции уделяли внимание вопросам образования, существование университетов не было безоблачным. Финансовое положение упомянутой академии в Або было неважным. Средства Академии были крайне скудны. Часть сумм профессорам выплачивалась из казначейства, часть шла от пожалованных им земель, часть – от таможенного сбора. Довольствие они получали частично деньгами (400–450 талеров), частично хлебом. Тут не разгуляешься. Вдобавок их еще обкрадывали местные казначеи, хотя всем известно: как платят профессору, так он и учит. Правительство неоднократно жаловалось на отсутствие прилежания среди студентов. Нередко канцлер жаловался и на лень профессоров. Их наказывали выговором и читали назидательное нравоучение на тему «как дорого обходится содержание Академии правительству». Академия, попросту говоря, бедствовала. Университетское здание находилось в плачевном состоянии. Библиотека и лаборатория не удовлетворяли самым скромным требованиям. Бедность студентов была столь вопиющей, что правительство вынуждено было учредить стипендии (порядка 50) для их поддержки. Самым прилежным давали повышенные пособия. Вот что писал о состоянии академии Э. Берендтс: «Несмотря на все эти поддержки, бедность среди студентов была настолько сильная, что слушатели Академии вынуждены были выискивать себе пропитание самым странным образом. Бывали случаи, что студенты содержали пивную лавку; ходьба по городу за плату для приглашения граждан к

празднествам, пирам и театральным представлениям была обычным явлением. Наконец, студенты не гнушались просить милостыню. Более успешные студенты зарабатывали себе хлеб уроками, занимая места гувернеров и учителей у состоятельных граждан и помещиков». Все это, разумеется, отражалось и на уровне знаний. Объем обязательных занятий был невелик. Лекции читались в XVII столетии лишь четыре раза в неделю. Экзамены проводились раз в год (в мае). Продолжительность каникул была неопределенной, в зависимости от наличия вернувшихся студентов. Порой начало лекций вынуждены были отсрочить («propter absentes studiosos»). На лекциях студенты и профессора зимой сиживали в шубах и меховых сапогах, или в теплых плащах. Все это продолжалось до 1802 г. (т. е. практически до начала «русского времени»).

^[14] Шведские университеты были и культурными центрами. В г. Упсала на улице Олафа находится один из старейших университетов, которому ныне более 500 лет. В музее университета Упсалы хранится и знаменитая «Серебряная библия», появившаяся при короле Теодорихе Великом в 1520 г. Во времена Тридцатилетней войны шведы захватили ее в Праге. Швеция, цитадель западной демократии, вот уже много лет хранит ее как зеницу ока, хотя в «Библии» осталось всего-навсего 187 из 336 страниц. При этом не спешит кому бы то ни было возвращать бесценную реликвию, строго говоря, ей первоначально и не принадлежавшую.

XVIII в. принято называть «золотым веком литературы». И первый ее представитель – поэт Улоф фон Далин, издатель еженедельника «Шведский Аргус». Гремит слава романтика Эсайаса Тегнера (1782–1846), перу которого принадлежала «Сага о Фритьофе». Это подлинно национальная поэма шведского народа, своего рода шведское «Слово о полку Игореве». Дед Тегнера собственными руками пахал землю, отец был пастором. То, что Ницше писал о Германии – «весь немецкий научный мир состоит на три четверти из сыновей пасторов и учителей», – вполне может быть отнесено и к культурной элите скандинавов. Пастор в Швеции – духовник, учитель и ученый одновременно. Рано потеряв отца, Тегнер, будучи писцом у фогда, выучился не только письму и арифметике, но и увлекся чтением поэтических, исторических и философских трудов. Тогда-то и запали в голову староскандинавские мифы, особенно о Фритьофе Смелом. «Свея» (Швеция) рисовалась ему в образе сказочной феи. Его

главными воспитателями станут история отечества и родная природа. Сам же он впоследствии скажет, что в Швеции сама природа «творит поэтические образы в грандиозных, но суровых формах». В 1799 г. он поступил в Лундский университет, где изучал древние языки, философию, эстетику. В 1802 г. его увенчали лаврами магистра философии. Вскоре Тегнер стал доцентом, а затем и профессором, выполняя (по шведскому обычаю) роль пастора. В 1825 году его назначают епископом. В своих поэтических произведениях он воспевал не только шведских героев, но и Лютера. В университетской речи о 300-летию Реформации им были отмечены образовательные и научные заслуги оного. Он говорил: «В истории все рассчитывалось так, как это делается в торговой конторе по прибыли, приносимой данным событием; прядельная фабрика или молотильная машина ценились выше, чем полные приключений походы Александра или бесполезные победы Карла XII». Новая эпоха, как видим, вносила коррективы в нравы шведов. Тегнер – поэтический наследник викингов. Свои нравственно-этические, поэтические или даже философско-натуралистические позиции Э. Тегнер выразил в одном из самых известных его стихотворений «Прощание»:

Прощай, о лира! Мне пришел конец.
Уснешь и ты, уснет и твой певец.
Ты боль мою развеивала смехом,
из северного сердца гулким эхом
летела песнь, рождая пламена
в сердцах. Но пробил час – черта подведена.
Я пел деянья Фритьофа и Свею,
природу пел, пред ней благоговя,
я пел людей, и в божью высь глядел,
и жил на деле, только если пел.
На юг летел холодный дух Борея,
и часто ныло сердце, леденея,
но многоустый жар его согрел.
Не знаю, жизнь в уме перебирая,
чего в ней больше – ада или рая... ^[15]

Близки по своим корням и традициям к шведам финны. Когда-то римлянин Тацит писал: «Фенны (финны) до невероятности дикого нрава, бедность их отвратительна. У них нет ни орудий, ни лошадей; нет своего очага. Пищей им служат злаки, одеждой – звериные шкуры, ложем – земля. Всю надежду они полагают на стрелы, которые, за неимением железа, снабжают костяными остриями. Мужчинам и женщинам одинаково доставляет пропитание охота. Как соратницы мужей жены требуют для себя долю добычи. Даже для детей все убежище от зверей и дождей составляет лишь плетень из сучьев: под него возвращаются юноши, под ним укрываются старики. Однако они в этом находят более счастья, чем в поте лица трудиться на полях и заниматься домашним хозяйством, чем со страхом и надеждой радеть о судьбе других и о своей собственной. Не заботясь ни о богах, ни о людях, они достигли самого трудного: сами не питают никакого желания» («Германия»).

В XIX веке официальным языком в Финляндии считался шведский. Как уже сказано, Швецией и Норвегией управлял король Карл-Юхан Бернадотт. В результате русско-шведской войны 1808–1809 гг. и поражения шведов финские земли были включены в состав Российской империи (1809). При этом Великое княжество Финляндское в составе России пользовалось весьма значительной автономией, что дало толчок пробуждению национального и культурного самосознания финнов. Все началось с восстановления культурных основ и нахождения истоков творчества. В 20-х гг. XIX в. в финском городе Або издатель Р. Беккер стал печатать в газете записи народных рун. Губернский врач З. Топелиус и ставший впоследствии знаменитым Э. Леннорт включились в дальнейший сбор материалов устного народного творчества. Путешествуя по восточной Карелии (древней Олонии), Леннорт нашел 80-летнего старца, «патриарха певцов рун» А. Перттунена. В итоге многолетних усилий им были сделаны наброски будущего эпоса. В 1849 г. появилось на свет величественное полотно «Калевалы» (50 рун – 22 795 стихов). В России первые неполные переводы эпоса напечатаны еще в 1840 г., но по-настоящему русский читатель ее узнал позднее, в конце 80-х гг., когда филолог Л. П. Бельский перевел второе издание «Калевалы» (за сей труд переводчику присудили малую Пушкинскую премию). Этот шедевр произвел на русскую читающую публику потрясающее

впечатление. Писатель М. Горький справедливо увидел в нем выдающийся «монумент словесного творчества», сказав о нем: «Индивидуальное творчество не создало ничего равного Илиаде или Калевале» (1908). В сознании народа живут герои эпоса: веселый Лемминкяйнен, славный певец Вяйнямейнен, что оставил финнам «Суоми чудную усладу, радость вечную – народу, своим детям – свое пенье». Песни живы и ярки, их не портят пробелы в образовании:

Люди добрые, прошу вас,
Не сочтите это странным,
Что пою я, как ребенок,
Щебечу я, как малютка!
Не был отдан я в ученье,
У мужей могучих не был,
Слов чужих не приобрел я,
Не принес речей с чужбины.
Ведь другие обучались,
Я ж не мог уйти из дома —
Бросить матушку родную,
С ней одной я оставался.
Я учился только дома,
За своим родным забором,
Где родимой прялка пела,
Стружкой пел рубанок брата,
Я ж совсем еще ребенком
Бегал в рваной рубашонке... [\[16\]](#)

На рубеже XVIII и XIX вв. население Швеции стало расти. Воинственность поутихла, горькие уроки добавили разума. В начале XIX века население Швеции составило 2,4 млн. человек, к 1850 г. выросло до 3,5 миллионов, а к 1900 г. уже перевалило за 5,1 млн. человек. Таким образом, в течение XIX в. число ее обитателей выросло более чем вдвое, и это несмотря на то, что примерно 850 тысяч молодых шведов эмигрировали в Новый Свет в период с 1840 по 1900 гг. Укрощение бога войны Марса, прогресс медицины и земледелия привели к заметному прогрессу. Шведский поэт Э. Тегнер

выразил афористично суть новой эпохи: «Мир, вакцина и картофель». С 1810 по 1870 гг. посевные площади в Швеции выросли втрое. И все же жизнь продолжала оставаться очень трудной для обитателей страны, на что указывает такой факт: по числу эмигрантов из европейских стран шведов превзошли лишь ирландцы и норвежцы. Следует учесть, что в начале XIX в. более 90 процентов населения страны жили в сельской местности (за счет сельского хозяйства). Лишь когда экономика дала мощный толчок социальному и культурному развитию, наметились подвижки в уровне жизни народа.

Здесь нам хотелось бы обратить внимание на то, с каким вниманием и заботой отнеслись правители Швеции, Норвегии, Финляндии, других скандинавских стран к обучению именно сельского населения. Скандинавские страны, как, впрочем, и Россия, были в то время преимущественно крестьянскими странами (XIX – начало XX вв.). Для поднятия уровня знаний и культуры основной массы народа в Швеции были созданы крестьянские университеты. Выгода от такого решения оказалась огромной. Вот что писал об этом в конце XIX в. один из российских авторов М. Л. Песковский: «При этом с несомненной ясностью определился глубоко назидательный для нас, русских, факт. Чем шире и глубже образование новых и новых крестьянских поколений, проходящих через специальные университеты для них, тем крепче держатся они земли. Обладая вполне развитым и прочно установленным человеческим сознанием и достоинством, крестьянство с университетской подготовкой гордится своей трудовой независимостью и ведет сельское хозяйство с беспримерной производительностью, обеспечивая себе вполне приличное культурное существование при таких скромных размерах хозяйства, при которых в других странах терпят нередко большие лишения и даже голод».

Далее автор справедливо подчеркивает решающую роль культуры и образования в вопросах повышения уровня хозяйствования и народного благосостояния: «Короче говоря, Швеция и Норвегия внесли своими крестьянскими университетами новое слово не только в историю мирового народного образования, но даже и в историю культуры человечества. Они нашли ключ, разгадку к обеспечению прочного, мирного, прогрессивного развития и систематического материального улучшения массы населения путем жизненной ее

самодетельности. Ввиду этого все прошлое скандинавских крестьянских университетов есть непрерывное развитие и усовершенствование их при энергическом содействии правительства, местных общин и частных лиц. Скандинавы давно убедились уже воочию, что такого рода славное и прочное будущее как образованнейший народ, занимающий самое почетное место по уровню народного благосостояния, культурности и цивилизованности, быстро и беспрепятственно распространяющихся до самых отдаленных провинциальных глубин. Эти же последние достигли уже столь высокого умственного и нравственного роста, что в них совершенно не может быть того, что называется «провинциальною глушью», «дикостью», «отсталостью» и «косностью» сельского населения, в каких бы окраинных дебрях оно ни обитало». Полагаю, что у умного правительства России подобное заключение вызовет не только серьезные ассоциации и размышления, но и даст толчок к позитивным переменам и сдвигам в отношении судеб всей массы сельского населения России, во многом и ныне являющегося кормильцем страны.

Стортинг в Норвегии и риксдаг в Швеции приняли законы делового характера. В 1816 г. учрежден Норвежский эмиссионный банк, а в 1822 г. – сберегательные кассы. В 1837 г. принят важный закон об общинных собраниях. При Оскаре были построены железные дороги, телеграф, введены почтовые марки, десятичная система мер и весов. Заключены важные торговые договоры. Наблюдался значительный рост внешней торговли (выручка таможен увеличилась с 1 124 000 талеров в 1821 г. до 2 904 000 талеров в 1840 г.). В 1832 г. закончено строительство большого канала, облегчившего сношения между провинциями королевства. Тогда же стала развиваться машиностроительная промышленность. Строятся заводы в Стокгольме и Гетеборге. На рубеже XIX–XX вв. возникла целлюлозно-бумажная промышленность, объем ее производства вырос за 20 лет в десять раз. К 1914 г. Швеция стала крупнейшим в мире экспортером лесоматериалов. Изменилось и административное устройство. Перемены не были исключительной заслугой короля или его министров. Велика была и роль среднего класса, активно участвовавшего в политической, экономической и культурной

деятельности. На иные прогрессивные меры власть шла лишь под давлением оппозиции и едва ли не против своей воли.^[17]

Скандинавы пошли истинно демократическим путем развития, а не как Россия в последнее десятилетие – путем плутократическим. Большое значение имело обретение шведами гражданских свобод. Одним из самых важных актов в этом направлении явился закон от 1766 г., давший право гражданам страны контролировать государственные архивы. Сие означало: любой швед мог лично проверить любое решение властей. По социально-государственной значимости этот закон более важен, нежели иной драгоценный клад шведов (золотой ковчег Св. Эрика). Быть может, главным достижением стала мудрая социальная политика. Короли в Скандинавии проявляли завидную дальновидность в социальных вопросах. После вступления на трон Оскара I был принят «Закон о помощи бедным» (1847), где черным по белому записано, что «каждый приход и каждый город обязаны кормить своих бедняков». Благодаря мудрой политике шведской элиты здесь не стало ни выпячивающей роскоши, ни вопиющей нищеты. Тут учреждены самые высокие в мире налоги на богачей. И богатые не только не ропщут, но и держат на себе страну, считая это почетной миссией и своим гражданским долгом. При этом им предоставлены королем самые широкие свободы. В книге «О наказаниях и тюрьмах» он ратовал за гуманное обращение с заключенными. Образованные короли Швеции с XIX в. стали следовать законам гуманизма, куда большей социальной справедливости (правда, прозрение пришло после 9—10 столетий следования агрессивной и по сути дела захватнической политики).^[18]

Лучшим лечением для экономики любой страны являются, разумеется, никак не водка, а упорный труд, образование, опора на изобретения. Как гласит предание, некий крестьянин из села Стора Скэдви близ Фалуна перешел от трехполья к новому севообороту: пар, рожь, три года подряд кормовые травы и два года – овес. Вскоре «Фалунская система» стала популярной в Швеции. Индустриализация в Швеции началась с купеческих инвестиций в промышленность в XVIII в., когда железо, сталь, всевозможные изделия из них составляли почти весь экспорт Швеции. В середине XVIII в. учитель гимназии Магнус Стридсберг изобрел «молотильную тележку», позволявшую обмолотить значительное количество зерна. В 1803 г. в имении

Энгельтофт была основана фабрика по изготовлению «шотландских» сельскохозяйственных машин (молотилок, сеялок, плугов). Вскоре появились и более эффективные машины в промышленности.

Дж. Эрикссон – изобретатель-самоучка

В умных странах всегда поддерживают своих изобретателей. Среди выдающихся инженеров – Дж. Эрикссон (1803–1889), создатель броненосца «Монитор», изобретатели мин и динамита Нобели. Символом инженерного, промышленного гения шведов стала семья Нобелей. В их облике словно соединились многочисленные таланты Одина – отца колдовства, бога мудрости, владельца магических рун. Иммануил (1801–1872) был изобретателем подводных мин и основал в Петербурге механический завод (затем – «Русский дизель»). Альфред (1833–1896) изобрел динамит и баллистит, создал множество предприятий по производству взрывчатых веществ, а затем учредил знаменитую Нобелевскую премию. Людвиг Нобель (1831–1888) широко известен как конструктор станков и промышленник-нефтяник в России. Перед нами семья изобретателей. Отец Альфреда Нобеля был человеком с божьим даром инженера. Он строил мосты, восстанавливал дома, изобретал, создавал станки и оборудование. В 1828 г. он получил патент на некое приспособление в машиностроении, позволяющее преобразовывать вращательное движение станка в поступательное. Отец даже изобрел резиновую солдатскую сумку, что одновременно служила как бы постелью и

спасательным жилетом (для производства этой сумки он основал в 1835 г. первый в Швеции завод каучука). Мать Альфреда, Андриетта, происходила из семьи книготорговцев. Ее благотворным влиянием во многом и объясняется известная любовь Альфреда Нобеля к книгам и литературе. Таким образом, вся семья будущего светила принадлежала, по понятиям своего времени, к классу образованных мещан.

Не только у каждого народа, но и у любой выдающейся личности, как правило, бывает свой звездный час. Порой судьба к человеку оказывается особенно благосклонной – и он получает возможность уже при жизни увидеть плоды своих трудов. Однако такой триумф выпадает, увы, на долю лишь избранных счастливых. Альфреда Нобеля к ним отнести трудно. Детство его легким не назовешь. Положение семьи было тяжелым. Альфред рос болезненным ребенком. О первых днях и месяцах жизни он впоследствии говорил так: «Моя колыбель была похожа на кровать мертвеца, и в течение долгих лет рядом с ней бодрствовала моя мать, беспокойная, испуганная: так малы были шансы сохранить этот мерцающий огонек». Возможно, ощущение близости смерти и сделало из него атеиста, или, что точнее, христианина, близкого по воззрениям к платонизму. Отрочество было безрадостно. Отцу угрожала долговая тюрьма. Он вынужден оставить жену с детьми в Стокгольме и уехать в Россию на заработки. Существование семьи обеспечивала мать, торговавшая в лавке овощами и молоком. Детям нередко приходилось идти на улицу и помогать матери, торгуя спичками.

И.Нобель перебрался сначала в Турку (Финляндия тогда входила в состав Российской империи), а затем в Санкт-Петербург (1840). Тут ему сопутствовал успех. В армии заинтересовались идеей производства мин и предоставили ему средства на дальнейшие исследования. Здесь же он создал систему водяного отопления. Вскоре отец заработал и первые деньги, стал сравнительно богат и вызвал в Россию семью. Сравнение Стокгольма тех лет с Санкт-Петербургом было, конечно, не в пользу первого. По свидетельству современников, Стокгольм выглядел тогда «сточной канавой». Ходить по нему было настоящим испытанием (не только из-за всякого рода темных людишек, но и в силу страшного зловония). Переехав в Петербург, Нобели обучали детей дома... Большое влияние на Альфреда оказали учитель химии Н. Зинин и преподаватель языков и истории Б. Ларс

Сантессон. Повлиял и английский поэт Шелли, чьи идеи и образы прочно запечатлелись в сознании. Как бы там ни было, а плоды воспитания сказались наилучшим образом. Гордый успехами сына отец напишет родным: «Вся наша семья просто покорена знаниями нашего милого Альфреда и его удивительной способностью трудиться». Далее последует путешествие в Париж, где Нобель совершенствует познания в лаборатории профессора-химика Т. Пелуза (1807–1867), открывшего нитриты. Альфред открыл для себя тут радость любви. Но если его роман с химией будет длиться до конца дней, то роман с парижанкой завершился трагично – его возлюбленная погибла.

В то время Россия вела войны с Турцией, а затем и с Англией и Францией из-за так называемого «восточного вопроса». Российское государство нуждалось в оружии. Заводы Нобеля стали выпускать шпалы для первой в России железной дороги, винтовки и пушки. Решено было приступить и к выпуску паровых двигателей для военных кораблей. Все это обеспечивало Нобелям внушительные заказы. Иммануил Нобель изготовил 20 пароходов. Он считается основателем пассажирского судоходства на Волге и в Каспийском море. Наконец, Альфред, воспользовавшись изобретением итальянца А. Собrero, создавшего в 1847 г. нитроглицерин, приступает к его производству, чему способствует и финансист Перейра. Одновременно А. Нобель изобретает и взрыватель. В 1863 г. Нобель вернулся в Швецию. Первая попытка наладить производство взрывчатых веществ привела к страшному взрыву (1864). От здания не осталось и следа (взлетело на воздух 100 кг. нитроглицерина). Погибли все люди, работавшие на фабрике (включая Э. Нобеля). Однако вера в успех и упорный труд принесли свои плоды. Случай помог ему «изобрести» динамит (некий материал, кизельгур, использовавшийся как прокладка, случайно впитал нитроглицерин – так вот получился динамит). Динамит был запатентован в Англии и Швеции. Уже в первый год Нобель продал 11 тонн этого опасного продукта. Взрывчатое вещество с успехом использовалось повсюду (строительство Сен-Готардского туннеля, ряда каналов и т. д. и т. п.). В 1868 г. Шведская академия наук высоко оценила заслуги Нобелей: Иммануилу и Альфреду Нобелям вручена ежегодная премия за достижения в области искусства, литературы или наук и за важные

открытия, принесшие пользу человечеству. Эта премия и станет прообразом знаменитой Нобелевской премии. Стоит упомянуть и об усилиях других братьев Нобелей, Роберта и Людвиг, построивших на Кавказе (под Баку) завод нефтепродуктов (1877). В 1879 г. появилось «Товарищество нефтяного производства братьев Нобелей». Людвиг создал специальные, нефтеналивные суда (до него нефть доставляли в бурдюках по железной дороге или на верблюдах). На верфи шведского города Мотала был построен первый в мире танкер «Зороастр». Альфред так и не побывал на этих заводах, несмотря на неоднократные приглашения братьев. Нефть Баку приносила огромную прибыль, и Л. Нобель строил тут, наряду с заводом, школы, столовые, общежития и больницы для рабочих и персонала, создав систему социального обеспечения.

К старости Альфред Нобель стал подумывать о подруге жизни. Его отношения с известной пацифисткой Бертой Кински носили интеллектуальный характер. Ее роман «Долой оружие!» и организованные при ее участии мирные конгрессы привели к тому, что она, как скажет С. Цвейг, сумела «пробудить совесть Альфреда Нобеля, изобретателя динамита». От бесед с умными девицами деловые люди предпочитают отдыхать в объятиях глупых, но привлекательных и необузданных гризеток. А. Нобель нашел в Вене содержанку, еврейскую девушку. Софи Хесс была вульгарной девицей, но «с принципами». Она всех уверяла, что живет по старинному укладу. На них и клюют серьезные, почтенные мужчины в возрасте: «развращенная, но и не грешница, невинная, но и не целомудренная, достаточно прямая, но в то же время и немножко лгунья». Попытки сделать из нее леди оказались тщетны. Та по-прежнему глотала пустое чтиво, писала, как и прежде, с грубейшими ошибками. Зато проявляла удивительную сообразительность и живость при продаже любителям автографов интимных письма Нобеля.

Нобель отнесся к избраннице хорошо, не проявляя антисемитских чувств, хотя это было бы в порядке вещей в Швеции, как и повсюду в Европе. Правда, он изводил ее мелочными укорами, заставляя вести записи всех расходов, включая затраты на цветы и чаевые. Той в конце концов все это надоело до чертиков и она нашла себе любовника – венгерского офицера, зарабатывавшего на жизнь ремеслом жокея. Перед тем милая еврейская Даная «люто отомстила» ему, объехав

практически все крупные отели в Австрии под именем «мадам Нобель». После этого, как я полагаю, Альфреду и пришла в голову спасительная мысль об учреждении Нобелевской премии. Он разочаровался напрочь не только в своей подруге, но и во всех женщинах. Умственный уровень и кругозор европейских дам решительно не мог его удовлетворить. Он как-то даже сказал: «Лично я не слышал ничего хуже речи парижанок: она мне кажется поразительно бесцветной, в отличие, например, от речи некоторых русских женщин, если только они не слишком «эмансипэ». Беседовать с ними одно удовольствие... К сожалению, они не любят мыла, а потому не будем требовать от них многого, будем снисходительными к ним». Не знаем, как там насчет мыла, но вот в моральном отношении еврейка оказалась куда более нечистоплотной. Алчность Софи и всего ее семейства выводили из себя даже уравновешенного и спокойного А. Нобеля. Они расстались. Но семейка, шантажируя Нобеля, продала ему его же любовные письма.^[19]

Тысячелетиями цари, вельможи и богачи всего мира не жалеют средств на дворцы, сокровища, скакунов, одалисок, оружие, слуг. А в это же время тысячи одаренных поэтов, ученых, художников, инженеров вынуждены влачить жалкое существование, не имея порой куска хлеба. Кое-где разжиревшие и наглые богачи открыто обрекли науку, образование, литературу страны на роль нищенков. Да будет им уроком и назиданием судьба мудрого и благородного Нобеля! В 1897 г. им было опубликовано завещание, по которому большая часть состояния А. Нобеля обращалась в капитал, доходы от которого ежегодно должны распределяться «в виде премий тем, кто за последний год внес существенный вклад в прогресс человечества». Создание такой премии не сразу встретило понимание и поддержку в Швеции. Вначале король Оскар II отнесся довольно прохладно к идее. Он даже обвинил его в непатриотичности. Швеция была буквально потрясена решением Нобеля. Все требовали отдать деньги на улучшение жизни народа. Но король все-таки утвердил устав Фонда и правила, присуждающие премии по физике, химии, биологии и литературе (1900). Так Швеция стала интеллектуальной и духовной властительницей мира! Как пишет Р. Сульман, секретарь А. Нобеля, этот удивительный человек обожал поддерживать идеи в сфере

изобретательства и рационализации. Ему с Унге принадлежала идея создания управляемых ракет, подхваченная Германией.

В библиотеке Нобеля наряду с научно-техническими изданиями были художественные книги на французском, немецком, шведском, русском языках. Позже он составил и богатое собрание норвежской и датской классики (Бьернсон, Ибсен, Ли, Г. Х. Андерсен). Возможно, он был согласен с изречением, согласно которому «*L'histoire est faite par des livres*» («История сделана книгами»). Еще раньше, в 1893 г., им высказано намерение – учредить премию мира. Цель, по его словам, проста и понятна – если «не удастся преобразовать существующую систему, мы неизбежно вернемся к варварству». Речь еще не шла о разоружении, ибо оно «не удастся быстро достичь». Хотелось бы в назидание потомкам привести слова А. Нобеля: «Люди, заботящиеся лишь о получении максимальной выгоды, едва ли заслуживают уважения, а осознание истинных побудительных мотивов их деятельности способно омрачить радость человеческого общения». Нобель подтвердил семантику слова «nobilitas» (слава и родовитость). Он сумел сделать почти невозможное в этом безумном и алчном мире – он облагородил капитал!^[20]

К слову сказать, когда перед Шведской академией встал вопрос о том, кому же присуждать первую Нобелевскую премию по литературе, решение шведов было единодушным – только великому русскому писателю Льву Толстому (1897). Однако посетившему его В. Ланглету сам Толстой (в присущем ему духе) посоветовал наградить премией... русских духоборов, как «наиболее послуживших делу мира». Но так как шведы знали о духоборах не больше, чем о племенах, затерянных где-нибудь в сельве Амазонии, то они первым лауреатом премии по литературе (за 1901 г.) назвали мало кому известную даже у нее на родине, во Франции, поэтессу С. Прюдом, ныне забытую. Объясняя шведской интеллигенции отказ от премии, Толстой заметил: «Я очень доволен, что Нобелевская премия не была мне присуждена..., это избавило меня от большого затруднения – распорядиться этими деньгами, которые, как и всякие деньги, по моему убеждению, могут приносить только зло». К тому же писателю стало ясно, что эта премия (особенно в самом начале ее существования) приобрела, как бы это поделикатнее выразиться, явно политизированный характер. Ведь к Толстому уже не раз обращались с просьбой выступить «в защиту

евреев» в России (Шолом-Алейхем, Ф. Гец, многие другие). В ответ на эти упорные попытки Толстой дал им четко понять, что он не продается и отказывается «быть своим» для определенных господ. Когда же его особенно достали эмиссары Сиона с их вопросами, что же так мешает евреям спокойно жить (и не только в России), он, прочитав все предоставленное ему по истории вопроса, изрек: «Мешает этому, я думаю, преимущественно та исключительность, та особенная миссия, которую приписывают себе евреи. Знать свою миссию народу, как человеку свое призвание, не только не нужно, но вредно. Человек и народ должны всеми силами делать то, что составляет его призвание, а не определять его, так как определить его и нельзя до самой смерти...»^[21]

Одна из первых Нобелевских премий в области естественных наук была вручена великой польской исследовательнице в области физики и химии Марии Склодовской-Кюри. Она – первая женщина дважды лауреат Нобелевской премии. О том, какие цели преследовала она как «изобретатель радия», свидетельствуют ее слова: «Физики публикуют результаты своих исследований всегда бескорыстно. Если наше открытие будет иметь коммерческое значение, то как раз этим не следовало бы пользоваться. Радий будет служить и для лечения больных людей. И мне кажется невозможным извлекать из этого выгоду». На тех же позициях стоял и ее муж, Пьер Кюри. Спустя двадцать лет после награждения М. Кюри скажет: «По соглашению со мной Пьер отказался извлечь материальную выгоду из нашего открытия; мы не взяли никакого патента и, ничего не скрывая, обнародовали результаты наших исследований, а также способы извлечения чистого радия. Более того, всем заинтересованным лицам мы давали требуемые разъяснения. Это пошло на благо производству радия, которое могло свободно развиваться, сначала во Франции, потом за границей, поставляя ученым и врачам продукты, в которых они нуждались».^[22] Как видим, начало и конец XX в. завершились великим достижением славянских Нобелевских лауреатов.

Мария Склодовская-Кюри и Пьер Кюри – Нобелевские лауреаты

Обратимся теперь к Норвегии... Эта небольшая страна с населением в 1 млн. человек имеет древнюю и славную историю. Согласно эддическим легендам, истинными предками норвежцев и их королей были древнескандинавские боги – конунги или «асы», пришедшие из Малой Азии (отсюда появилось их наименование «асы») еще в I в. до Рождества Христова. Одно время Норвегией управляли датчане. После низвержения Наполеона страну передали Швеции (1814). Вскоре там провозгласят независимость, приняв соответствующую конституцию.

Генрик Ибсен за своим рабочим столом

Заметное место в культурной жизни мира занял выдающийся норвежский писатель Г. Ибсен (1828–1906). Сын купца, Генрик рано понял важность практических знаний. В Шиене была датская школа. Письменность в то время в Норвегии была также датской. В Копенгагенском университете студенты-норвежцы создали «Норвежское общество». «У кого писатель учился и чему его учили, – пишет Х. Хейберг, – особого интереса для нас не представляет, ибо в творчестве его мы не находим ни единого из семян, посеянных школой». Известно, что Ибсен очень стремился получить образование, ибо хотел стать врачом. В жизни будущего писателя было немало горьких потерь и разочарований. Как бы там ни было, а жизнь сделала из Ибсена врага добропорядочных мещан и буржуа, тех, кого он обычно называл толпой «с пустыми башками и тугим кошельком». Можно понять настороженное отношение к высшему обществу человека, который долгое время не имел даже приличного сюртука. Еще болезненнее ощущалось им отсутствие образования. В 1848 г. он направил сочинения по норвежскому языку частному учителю Штубу (одно из них называлось «Важность самопознания»), брал у него уроки греческого и латыни. По иным предметам занимался самостоятельно. Цель занятий очевидна – это «проложить себе путь к научной карьере». Революция 1848 г. во Франции и увлечение поэзией несколько изменили вектор его движения. Однако Ибсену все же удалось сдать экзамен на аттестат зрелости и продолжить подготовку на «фабрике студентов» Хельтберга, но в университет он зачислен не был. Звание студента открывало путь в Студенческое общество, где

формировалась тогда духовная элита страны. Об этой школе и обучавшихся там великовозрастных учениках сохранились строки поэта Бьернсона:

Бородатые парни, иные за тридцать,
Рядом с теми собрались учиться,
У кого лишь семнадцать лет за спиной
И кто весел, как воробьи весной.
Моряки, что бросили школу и дом,
Чтоб искать приключений в краю чужом, —
Их нежданная жажда в пути истомила:
Озарить светом мысли все, что есть и что было.
Купцы, что читали книги тайком
За прилавком — и разорились потом,
И стали, банкроты, учиться «в кредит»... [\[23\]](#)

В дальнейшем Ибсен стал ведущим драматургом театра в Бергене, а затем и Национального норвежского театра. Это не принесло ему твердых доходов. Тогда он уехал в Италию, где и создал знаменитую пьесу «Пер Гюнт» (1864). В ней, как нам кажется, представлен подлинный лик западного мира в образе полулюдей-полутроллей. Возможно, именно поэтому многие выдающиеся скандинавы вначале отнеслись очень сдержанно к этому произведению. А писатель Г. Х. Андерсен даже называл его худшей из прочитанных книг, композитор Григ долго откладывал написание музыки к пьесе, и решил взяться за нее только из-за гонорара. Пер Гюнт — скиталец, скандинавский Чайльд-Гарольд. Этот эльф знаний стремился вырваться из убогого мирка окружавшей его действительности. Загляните в его душу и вы узрите там талантливого учителя и ученика одновременно. Так, он говорит, обращаясь к героине:

Душу дам тебе и знание,
Коли есть на то желанье.
Чуть зажжется в отдаленье
Дня багряное сиянье,
Я возьму тебя в ученье

И примусь за воспитанье...^[24]

Если бы Генрик Ибсен оставил нам (совместно с Григом) лишь одну песню Сольвейг, невообразимо печальную и одновременно сладостную мелодию любви, то и тогда норвежцы навсегда бы завоевали наши сердца... Но в Пер Гюнте им был воплощен образ Вечного Ученика, что скитается по миру, как мы бы сказали, в страстном желании овладеть сокровищами мировой культуры. Он жаждет увидеть Египет и Ассирию, узреть знаменитые пирамиды и колосс Мемнона, пойти за Черное море, направиться напрямик к Трое и бессмертным Афинам, увидеть Фермопилы, где пал Леонид и его герои, узнать древних философов и тюрьму, где сгубили Сократа. Что же это еще как не жажда познаний, трансформирующаяся в новом веке в нечто уродливое: в желание запродать душу дьяволу ради прибыли! Итак, в Норвегии в последней трети XIX в. возникла мощная культура и реалистическая литература, становившиеся популярными в Европе.

Подлинным музыкальным гением Севера стал другой великий норвежец – Эдвард Григ (1843–1907), композитор, пианист, дирижер. Его прадед был шотландцем. Он – автор сюит к драме Ибсена «Пер Гюнт», сонат, концертов, лирических пьес, а также 150 романсов и песен. О Григе нам известно относительно немного. Литературные труды его почти не издавались, а ведь статьи и письма Грига очень важны для понимания духовной жизни маэстро. Это тем более грустно, что более других скандинавских музыкантов он ставил перед собой задачи и сугубо просветительского характера. Вспомним, что во многом благодаря его инициативе в столице Норвегии Кристиании (с 1925 г. – г. Осло) возникло и «Музыкальное общество». В то время Норвегия не имела не только высших музыкальных учебных заведений, но даже и прилично организованных музыкальных школ. Почти все норвежцы обучались в Германии. Да и сам Григ признавал северогерманский характер их культуры. И хотя музыка норвежцев, возможно, более сдержанна, она вышла из германской школы. «Скандинавские музыканты большей частью получают образование в Германии, – писал Григ. – Казалось бы, бессмертные творения немецких композиторов великого классического периода с их чистотой рисунка и благородством архитектуры должны стать для молодых

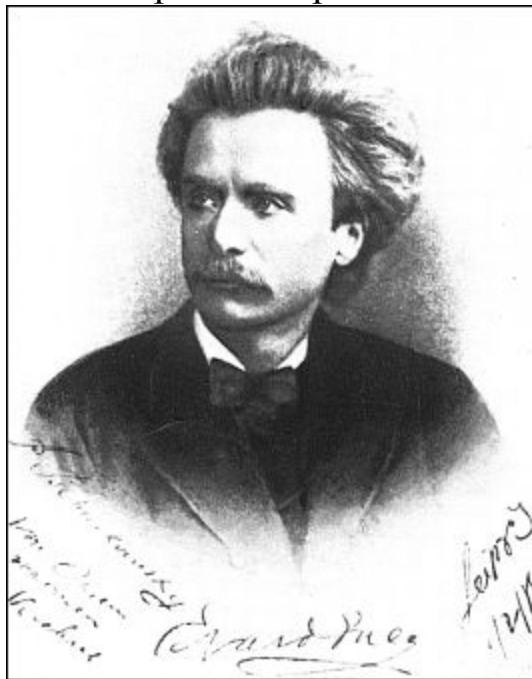
скандинавских музыкантов азбукой, которую постигают в детстве и на всю жизнь. Но, увы, классический период ушел в прошлое, а молодежь тянется к современным идеалам с их достижениями и... ошибками».

Григ выступил поборником новых методов образования. В их основе лежит изучение народного фольклора. В своих статьях он призывал поддерживать в учениках национальное чувство и впечатление. Символична оценка им в письме к Г. Финку, деятелю культуры Норвегии, роли национального фермента в творчестве художника: «История культуры показывает нам, что не умирает лишь искусство национальное». Григ хотел основать, вместе с музыкальной школой и семинарией, Музыкальную академию. Увы, все его усилия тут оказались тщетны. Привлекает также высокий гуманизм эстетических и музыкальных воззрений художника. В письме к А. И. Зилоти, русскому пианисту и дирижеру рубежа веков, он скажет: «Прежде всего нужно быть человеком. Подлинное искусство возникает только из человека».

Григ добился-таки того, о чем давно и страстно мечтал. Стал проповедником и пророком, подлинным чародеем царства звуков. К этому же стремились герои «Пер Гюнта» у Ибсена. Григ – певец Норвегии и всей Скандинавии. Та сдержанность, которую сам композитор определял как основную черту норвежского национального характера («Свойство это – боязнь обнажить душу»), стала, на наш взгляд, быть может главной составляющей всего скандинавского этноса. Но эта скрытность внутренних побуждений, эта сдержанная патетика, эта тонкость чувств по сей день составляют наиболее привлекательную сторону облика шведов, норвежцев, финнов, датчан и исландцев. И мы также «с бесконечной благодарностью носим их в нашем сердце» (слова, с которыми Григ некогда обращался к творениям русского искусства и к его создателям).^[25]

Мы радуемся, когда два любящих сердца обретают друг друга. Но какое же счастье, если соприкасаются и начинают творить во славу человечества гении... Ведь в конце 60-х швед Август Седерман сочинил к ибсеновскому «Пер Гюнту» песни в сопровождении фортепьяно (им был задуман также и спектакль). Но лишь Григу удалось слить красочные образы в неповторимую и восхитительную мелодию. Это была непростая задача. Вот что Григ писал в 1875 году

из Дании известному норвежскому писателю и театральному деятелю Б. Бьернсону (1832–1910): «С «Пер Гюнтом» все идет так, как ты и предсказывал, он все еще душит меня, как кошмар, и едва ли я поставлю последнюю точку раньше весны. Меня заставила взяться за него денежная нужда, или, вернее, денежное предложение; может быть, не следовало этого делать... Однако постановка «Пер Гюнта» в Кристиании, между прочим, именно теперь может сделать доброе дело, ведь здесь материализм идет все дальше, стремясь задушить все, что есть святого и высокого для нас; я считаю, что должно появиться зеркало, где отразился бы весь нынешний эгоизм, и таким зеркалом будет «Пер Гюнт», так что возвращайся домой и строй свое здание. Люди должны увидеть собственное убожество прежде, чем ты уже будешь командовать парадом». Григ дает нам зеркало, мы же чаще предпочитаем жить в своего рода Зазеркалье.

Фотография, подаренная Э. Григом П.И. Чайковскому (1888)

Григ – талантливый воспитатель, средствами выражения которого были не слова, а звуки... Это, пожалуй, самый загадочный музыкальный мистик рубежа столетий, чьи идеи не раскрыты современниками. Впечатляет грустная лирика песен Сольвейг из оперы «Пер Гюнт». Отзвуки этого влияния слышны и в словах русского поэта А. Блока, который, восхищенный пением Сольвейг, скажет: «Голос твой – он звончей песен старой сосны! // Сольвейг!

Песня зеленой весны!» Пока звучит его музыка, есть еще надежда, что мир прекрасной и высокой духовной культуры восторжествует. Не случайно герб рода Григов в Норвегии некогда украшала надпись «At spes – infracta» («Но надежда несокрушима»). Вспоминая Ибсена и Грига, повторим и строки норвежского национального гимна: «Да, мы любим эту землю».^[26] Григ – это «сама Норвегия; ее душа, ее во многом не разгаданная загадка...». Кажется, она слетает к нам с остроконечных елей, словно огоньки Св. Эльфа с матч попавших в бурю судов. Мелодия доносит в проникновенной тишине одиночество гения. Мысль соприкасается с водами норвежских фиордов... Немцы говорят: «Zu erfinden, zu erschliessen, Bleibe, Künstler, oft allein!» («Чтобы изобретать, открывать, оставайся почаще, художник, один!»). Григ любил творить в одиночестве на берегу фиорда, сумев завоевать умы и сердца всей Норвегии.

В ряду знатных норвежцев стоит и имя писателя Кнута Гамсуна (1859–1952). Его жизнь складывалась более тяжело и трудно, нежели у двух упомянутых светил. Творения его отмечены глубоким психологизмом. В письме к жене он говорил, что Достоевский – единственный художник, у которого он кое-чему научился. Горечь писателя объяснима: соотечественники не протянули ему руку помощи. Гамсун впал в хроническую нищету. Дважды эмигрировал в Америку (работал батраком, конторщиком, приказчиком, кондуктором). Лишь роман «Голод» (1900) – ирония судьбы – принес ему кусок хлеба и мировую славу. Впоследствии его оценят в Германии (хотя он и приветствовал приход фашизма). Некоторые стороны образования затронуты им в «Последней главе», где выведена фигура ректора Оливера, «крупного ученого», разглагольствующего о просвещении народа, а на деле «набивающего мозги своих учеников мертвой книжностью».^[27]

Насколько близка эта земля России? Как все северные люди, они неторопливы и мудры. И в этой неторопливости и основательности, упорстве и мужестве они напоминают наших поморов. Говорят, что в Норвегии и сейчас живут около ста саамов (сколтов), считающих себя русскими. Дело в том, что еще в 1565 г. русский царь Иван IV Грозный дал грамоту на правление землями. Там им было дано разрешение на лов рыбы и говорилось: «А королям норвежским и шведским их не забижать». Кстати говоря, именно русские и обратили саамов в

православную веру. Саамы в XIX в. считались подданными русских царей. Сейчас они поднимают вопрос о правах на свою землю в Европейском Суде и у норвежского правительства.

А как обстояли дела в датском королевстве? Чем интересен народ, обитающий на полуострове Ютландия? Эта страна играла одну из ведущих партий в северном «концерте». Нас в меньшей степени интересует борьба скандинавов за политическое или военное первенство (современная версия «Деяний датчан» Саксона Грамматика). К тому же, в отношении воззрений и нравов можно было бы сказать вместе с шекспировским Горацио: «Я не датчанин – римлянин скорей» («Гамлет»).

Описание датской старины начнем с идеально-романтической картины, которая предстает в поэтическом образе Христиана Первого, нашедшего воплощение в романтической саге В. Храмченко «Солнца Дочь и Король-Пастух» (Легенда Датской Свободы, или о Философии Правителя). В его описании предстает удивительная, сказочная страна ярких радуг. Дания выглядит тем местом, где как бы «воедино осуществилась Сказка с Былью». Здесь заправляет сказка. Король Христиан I попытался создать в Дании справедливый строй. Покровитель норвежской и шведской государственности вел жизнь францисканского священника. В его правлении на первом месте были нужды народа и цели государственного спасения. Он спокойно и без колебаний отчуждал крупные состояния датских богачей и властителей как «враждебные», при мощной и широкой поддержке со стороны народа. Автор говорит и о кровном родстве датских королей с монархами и правящими силами Европы: «Неведомо самому Принцу – Королю, что Датский Род сыграет существенную роль в укреплении Корней Царственного древа России, подрубленных в Смутное Время, и что Он – Христиан I отзовется спасительным эхом в бескрайних Российских пространствах Будущего, и оба деда Строительницы Руси – Екатерины Великой – будут принадлежать Его Роду, как и Матушка последнего Императора России – Николая II – Мученика Святого. Что в XX веке в Великобритании будет править Ветвь Его Рода. И Дания на века станет Хранительницей Монархического Потенциала и его Преимуществ, что сделает богаче Выбор Путей Строительства Государств».^[28]

Если же отвлечься от выше рассказанной прелестной сказки, то мы увидим, что вся предыдущая история датчан была довольно мрачной. Впрочем, это присуще всем странам и народам. Убийства королей и сановников, не говоря уже о простом люде, считалось вполне обычным явлением. В пучине смут и кровавых распрей исчезали целые семьи (королевских и «благородных» кровей). И вот истории было угодно, чтобы в датский королевский кубок подмешали славянскую кровь! Мы не склонны делать на основании этого далеко идущие выводы. Но факт остается фактом: с Вальдемара I начался самый плодотворный период датской истории (не с Гамлета, а с Вальдемара!). Поэтому было бы содержательно неверно взять и вовсе опустить блестящее столетие датского средневековья, связанное с именами Вальдемаров и епископа Абсалона. Подобно тому как русские порой называют начало своей христианской истории «временем князя Владимира», датчане считают XII век «временем Вальдемаров». Вальдемар I Великий (1157–1182), по словам летописей, «объединил все королевство», «объединил всю монархию в Дании». Свое имя он получил от матери Ингеборг, которая, кстати, была дочерью новгородского князя Мстислава. Будущий великий правитель Дании родился на Руси (в Гордарики) и там провел свои лучшие, младенческие годы. Затем стал вести широкое светское и церковное строительство, возводя крепости и замки. Вальдемар Великий был женат на Софии, дочери новгородского князя Владимира и принцессы Рикицы. Из девяти его детей двое стали королями. Так, «русский след» вписан был в историю Дании.

О датчанах, как и вообще относительно всех скандинавов, можно было бы сказать словами русского поэта В. Брюсова, обращенными к северным народам вообще и к финскому народу в частности («Финский народ»):

Упорный, упрямый, угрюмый,
Под соснами выросший народ!
Их шум подсказал тебе думы,
Их шум в твоих песнях живет.

Спокойный, суровый, могучий,
Как древний родимый гранит!

Твой дух, словно зимние тучи,
Не громы, но вьюги таит.

Меж камней, то мшистых, то голых,
Взлюбил ты прозрачность озер:
Ты вскормлен в работах тяжелых,
Но кроток и ясен твой взор.

Весь цельный, как камень огромный,
Единою грудью дыша, —
Дорогой жестокой и темной
Ты шел, сквозь века, не спеша;

Но песни свои, как святыни,
Хранил — и певучий язык,
И миру являешь ты ныне
Все тот же, все прежний свой лик... [\[29\]](#)

После смерти короля власть в Дании перешла в руки епископа Абсалона, который был скорее воин, чем монах (жизнь проводил не в молитвах, а в битвах и схватках). Страна обрела в его лице выдающегося деятеля культуры. Он поручил дружиннику Саксону Грамматику составить на латыни хронику Дании (1200 г.). Он основал столицу в местечке Хауну, построил крепость, даровал жителям торговые привилегии. Так возник Копенгаген (дат. — København, Купеческая гавань). Умер Абсалон в 1201 г. и похоронен в монастыре Соре. Вальдемар II, прозванный Победоносным (1202–1241), лелеял имперские планы. Согласно легенде, во время битвы датчан в Эстонии в 1219 г. с небес спустилось кроваво-красное с белым крестом полотнище и таким образом датчане и обрели свой флаг Даннеброг (дат. — Dannebrog, Датское знамя). Захватив Эстонию, король Дании полагал долго удерживать эти места. Поэтому он и построил крепость в местности, получившей название Таллин (от дат. — Dann и linn — поселение данов). Постепенно на этом месте возник город Ревель... После правления Кнута Великого Дания вновь достигла больших

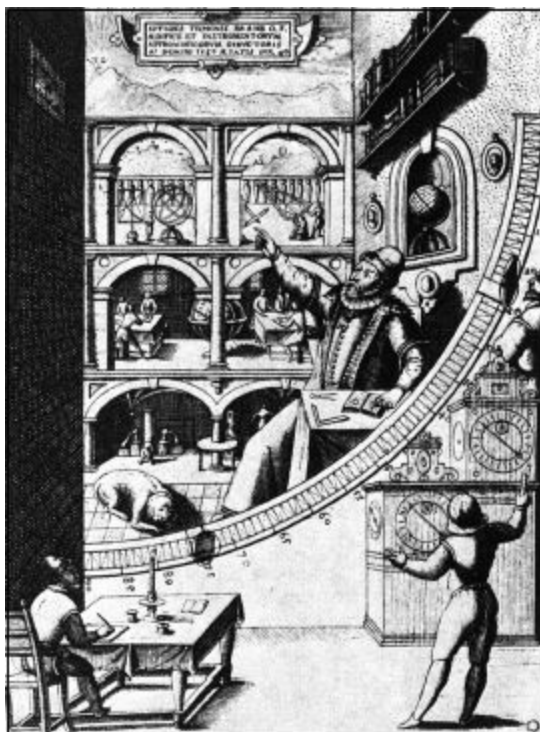
размеров, став одной из крупнейших и влиятельнейших держав Северной Европы. ^[30]

Весьма внушителен вклад Дании в мировую науку и культуру. Первое место занимает в ряду имен первого ранга астроном Тихо Браге (1546–1601), дворянин по происхождению, посвятивший жизнь тайнам и законам неба. Он внес огромный вклад в развитие астрономии. Не зря некоторые называли Тихо Браге «Гиппархом новой астрономии». Выходец из знатной семьи, Браге воспитывался у дяди. Семейство желало видеть его военным или юристом. Он изучал право в Копенгагенском университете. Но небу угодно было, чтобы он стал астрономом. Подтолкнуло его к такому решению затмение Солнца (1560 г.). Пораженный точностью и ясностью предсказаний, что несли в себе астрологические календари, Браге приступил к изучению науки. С этой целью отправился в Лейпциг продолжать там образование. Видимо, его семья имела склонность к естественным наукам. Сестра София отличалась познаниями в математике и астрономии (она даже изменила имя на Уранию). Получив наследство, а также два дома при монастыре, он тут же устроил в одном из них обсерваторию, в другом – лабораторию. Стал заниматься алхимией. Вскоре он женился на шведской крестьянке. В то время и проявилась важная способность Тихо Браге идти наперекор воле так называемого общественного мнения. Дворянин не имел морального права брать в жены крестьянку, равно как и не должен был заниматься столь «неприличными вещами», как математика или астрономия.

Отечество долгое время упорно не желало признавать его способностей... В результате Тихо Браге вынужден был покинуть родину и уехать в Германию, где ему оказали покровительство государи Вильгельм IV, ландграф Гессенский, курфюрст Саксонский Август. Жизнь Браге в Виттенберге и Ростокe полна трудов праведных (и приключений). Ему удалось сделать великолепный квадрант с помощью братьев Гайнцель. Думается, что гораздо труднее было изготовить нос, которого он лишился во время дуэли (искусные немецкие мастера ухитрились сделать ему новый нос из золота и серебра, так что не отличишь от настоящего). Он известен и тем, что был оппонентом Коперника, находясь во власти прежней системы мышления и считая, что Земля остается в центре Вселенной. В каком-

то смысле он был прав, ибо Земля и в самом деле находится в центре мыслящей Вселенной, которую пока что постиг наш опыт.

Наконец датский король Фредерик II устыдился и стал просить ученого вернуться на родину. Чтобы скрасить неприятный осадок, он подарил Браге остров Гуэн в Зундском проливе, в двадцати верстах от Копенгагена. Тогда тут, опять же по воле великодушного и обожающего науки монарха, астроному выстроили знаменитую обсерваторию с пристройками для семейства и прислуги (1576). Сам король, его сановники, даже французский посол Данзес принимали участие в закладке храма, посвященного философии и созерцанию небесных светил. В главном здании кроме обсерватории помещались музей, библиотека, лаборатория. Для наблюдения за звездами рядом с Уранибургом он выстроил обсерваторию Штернберг. Здания снаружи были украшены статуями наиболее знаменитых астрономов от Гиппарха до Коперника. Это место вскоре стало знаменитым у любителей астрономии и у знатных особ. Браге устроил здесь подобие научной школы, где обучал астрономии учеников, приезжавших сюда из разных городов и стран. На все эти сооружения, включая вторую обсерваторию Штернберг (или гора звезд), соединенную с первой подземным ходом, король истратил 100 тысяч рейхсталеров. Примерно такую же сумму из наследства добавил сам Тихо Браге. Чтобы вознаградить астронома, Фридрих II выделил ему пожизненную пенсию в 2 тысячи рейхсталеров в год, дал имение в Норвегии и каноникат (участие в церковных доходах) при церкви Ротшильда, что принесло ему еще тысячу рейхсталеров. Знать возненавидела его люто. Да и ученая братия не простила ему успехов и огромнейшей популярности. Браге изготавливал эффективные лекарства, которые раздавал бесплатно посетителям и проживавшим тут крестьянам. Медики узрели в нем конкурента.^[31]

Великий датский астроном Тихо Браге

Особо стоит сказать о роли Уранибурга – первого истинно научного учреждения не только в Дании, но и во всей Европе. Оно выполняло одновременно роль таможни. Тут собирали налоги за проход торговых судов через пролив. Это являлось одним из самых заметных источников богатств Дании. Браге считают пионером использования прикладных достижений и возможностей науки. Собственный вклад ученого в науку не ограничился открытием новой звезды в созвездии Кассиопея. Изыскания с помощью специально изготовленных приборов помогли сделать точные наблюдения о положении звезд и планет, что превзошло все сделанное ранее в этой области. Немало сделано им и для уточнения законов движения планет. По словам английского ученого Бернала, научная работа Браге разнесла вдребезги всю прежнюю систему Аристотеля.

Это самый авторитетнейший астроном второй половины XVI в. Будучи убежден, что Земля неподвижна, он стал основным оппонентом доктрины Коперника. Заслугой его можно считать приведение доказательств отсутствия материальных сфер, по которым, как считали многие, и движутся планеты.

«Движением комет доказано, – писал он Кеплеру, – что небесная машина – это не твердое тело, непроницаемое, составленное из

различных реальных сфер, как до сих пор думали многие... Таким образом, нет никаких сфер: они не существуют реально на небесах, но допускаются только в целях облегчения преподавания и изучения». Он усовершенствовал технику наблюдений и измерений, ввел практику наблюдения планет во время движения, ведя наблюдения невооруженным глазом. Т. Кун в книге «Коперниковская революция» отмечал: «Наблюдения, осуществленные с помощью современных телескопов, показывают, что результаты наблюдений Браге по определению положения неподвижной звезды имеют степень точности до 1 или даже еще большую; это выдающийся результат для наблюдений невооруженным глазом». С его именем связывают начало естественнонаучного образования. Он читал лекции по астрономии в университете Копенгагена.^[32]

После смерти короля, пользуясь молодостью наследника, враги начали настоящую травлю ученого. Это привело к тому, что он был вынужден покинуть родину. Перед отъездом Браге писал: «Всякая земля – отечество для сильного; а небо есть везде» («*Omne solum forti patria et coelum undique supra est*» – лат.). В последние годы вместе с Кеплером он работал в алхимико-астрологическом институте в Праге (у императора Рудольфа II). Осуждать его за это было бы нелепо. То была переходная эпоха. Кеплер по этому поводу говорил: «Бог обеспечил всякое животное своими средствами существования – астрономов же он обеспечил астрологией». Сам факт существования субсидируемых научных исследований в Дании на заре научной деятельности свидетельствовал о том, что эта страна по сути дела шла в ногу с самыми передовыми странами Европы.^[33]

Специфика любых научных исследований такова, что вчерашние успехи и победы вовсе не гарантируют вечного лидерства. Если во главе страны вдруг на ее беду окажутся недалекие люди (попросту говоря, олухи), на том месте, где вчера еще был прекрасный град науки, могут остаться лишь руины. Печальной оказалась и судьба научного центра Урания, созданного Браге. Правительство бросило этот великий памятник его славы на произвол судьбы. Оставаясь без надзора, здание постепенно разрушалось. Жители и рыбаки камень за камнем растащили его полностью. Когда же через 74 года после отъезда отсюда Тихо Браге Парижская академия наук послала экспедицию на остров Гуэн для точного определения широты

обсерватории, выяснился грустный и позорный факт: от дворца не осталось и следа, и надо было сделать обширные раскопки, чтобы отыскать фундамент здания. И все-таки, как сказал о нем Г. Х. Андерсен в сказке «Хольгер-Датчанин» словами одного из своих героев, Тихо Браге тоже владел мечом, но употреблял его не затем, чтобы проливать кровь, а затем, чтобы прокладывать верную дорогу к звездам небесным!

Толчок развитию наук дали и другие ученые Дании. Так, Томас Бартолин (1616–1680) открыл лимфатическую систему человека. Николай Стено (1638–1686) стал одним из основателей геологической науки. Изучая геологию Тосканы, части Апеннин и ее равнины, сравнивая отдельные пласты, он обнаружил сходства окаменелостей с ныне живущими организмами. Благодаря ему геология стала увлекательной и живой книгой, по которой можно читать события миллионнолетней давности. Велик вклад в науку и других ученых. Оле Ремер (1644–1710) измерил скорость света, Х. Эрстед (1777–1851) обнаружил электромагнетизм и элемент «алюминий», Н. Финсен (1860–1904) впервые применил лечение световыми лучами болезней кожи, И. Фибигер (1867–1928) искусственно привил рак животным в лаборатории, Р. Раск (1787–1832) основал науку, известную как компаративная лингвистика, Нильс Бор (1885–1962) стал отцом современной ядерной физики. Н. Бор был сыном профессора Копенгагенского университета Кристиана Бора, его деды и прадеды руководили школами. Мать принадлежала к банкирской еврейской семье, давно натурализовавшейся в Дании. Имя Н. Бора стоит в одном ряду с именем Э. Резерфорда, получившего Нобелевскую премию за открытие природы радиоактивного распада как естественного превращения элементов (1908 г.).^[34]

Однако если вы спросите любого человека, кого из датчан он помнит, кто из них наиболее знаменит, с уверенностью можно сказать, что он назовет имя писателя-сказочника Ханса Кристиана Андерсена (1805–1875). Сказки не только принесли ему лично мировую славу, но и закрепили за Данией титул своеобразного королевства сказок. Дети всего мира по сей день вырастают на них. А сколько радости и слез, сколько нешуточных переживаний, сколько неподдельного счастья доставляют герои его сказок о снежной королеве, стойком оловянном солдатики, Оле-Лукойе и др. По популярности их, видимо, можно

сравнить с героями сказок Пушкина, Ершова, Перро, братьев Гримм, Киплинга, знаменитых арабских сказок «Тысяча и одна ночь»... Родился Андерсен в старинном датском городе Оденсе, городе резчиков, лежащем на острове Фюн. Эта обитель, где родился и жил великий сказочник, и в самом деле больше всего напоминала «игрушечный город, вырезанный из почернелого дуба». И дед и отец его были резчиками по дереву. Интересно, что из такой же семьи резчика вышел один из самых известных скульпторов девятнадцатого столетия, датчанин Бертель Торвальдсен. Хотя отец Андерсена и был бедным башмачником, но его бедность компенсировалась добротой. Сына своего он безумно любил, позволяя ему заниматься тем, что ему нравится. Истинными воспитателями Кристиана стали природа, сказки отца и театр. Единственный ребенок, он с первых лет жил в атмосфере чуда. Все способствовало тому, чтобы в его душе поселилась муза поэзии – корабли, устремляющиеся в неведомые дали, сказки, возникающие бог весть откуда, истории, пленяющие воображение (ему рассказывали, что якобы прямо под мельницей, на другом конце земного шара, расположен Китай и что китайцы уже ведут подземный ход и, возможно, вскоре появятся и в Оденсе). Увидев однажды спектакль, он был так им очарован, что устроил свой театр на дому, в котором выполнял одновременно роли автора пьес, актера, музыканта, певца и художника-декоратора. Это увлечение даже отвлекло его от учебы. Грамотой он овладел позже, чем одноклассники, и до пожилых лет делал порой орфографические ошибки. Писатель К. Паустовский, у которого нами взяты эти сведения, писал, что первые сказки мальчуган услышал от отца и старух из соседней богадельни. Весь день старухи пряли серую шерсть и, сгорбившись, бормотали свои нехитрые рассказы. Мальчик затем переделывал услышанные им рассказы, на свой манер украшая их и расцвечивая свежими красками, и в неузнаваемом виде рассказывал их богаделкам (уже от себя). Те ахали и шептались, что маленький Кристиан слишком умен и потому вряд ли долго заживется на свете. ^[35]

Первые годы Андерсена в Копенгагене отмечены борьбой с нищетой и холодным безразличием датского света и интеллигенции. Господа советники и профессора травили его талант как только могли. Ему не желали простить его бедности и в особенности полной непохожести его воззрений на взгляды филистеров и собственников-

обывателей. Позже сам он с горечью говорил: «Все хорошее во мне втоптали в грязь». Однако истинно мудрый, талантливый и доброжелательный человек все же никогда не позволит злым обстоятельствам взять над собой верх. Он оказывается сильнее дурных обстоятельств... Так было и с писателем Х.К. Андерсеном. До конца дней он любил простой народ и как мог старался защищать его. Он вошел в «Рабочий союз» и первый из датских писателей «пошел в народ» (стал читать ему свои сказки). В отместку жадным богачам и пустым правителям он сочинил сказку о голом короле. Когда умер его друг, сын бедняка, скульптор Торвальдсен (1844), Андерсен вывел на похороны всех детей Дании. Те спели написанную им самим и посвященную скульптору кантату.^[36]

Семена творчества рассеяны всюду. Он и находил их везде. Поэт Ингеман однажды сказал: «Вы обладаете драгоценной способностью находить жемчуг в любой сточной канаве». Но, как известно, истинный жемчуг не растет в канавах. Жемчуг творчества пребывает в морских глубинах, омываемый потоками воображения и впечатления. Андерсен любил путешествовать. В одной из своих сказок устами студента он высказал и заветное желание: «После смерти мы будем перелетать с одной звезды на другую». Андерсен побывал в Риме, Париже, Афинах, Константинополе, Лондоне и Амстердаме, где встречался с Гюго, Бальзаком, Дюма, Гейне, Листом, Вагнером, Шуманом, Мендельсоном, Россини, Диккенсом. Он объездил Европу, посетил Малую Азию и Африку, на что философ С. Киркегор несправедливо заметил, что ему «скорее подошло бы проехаться в почтовой карете и посмотреть Европу, нежели обозревать историю сердец». Одно другому не помеха. С помощью воображения Андерсен смог донести до детей сам феномен фантазии. Описывая его творчество, Г. Брандес сказал, что никто иной как Андерсен «открыл дитя» в Дании. Нам кажется, что гораздо более важным было то, что он открыл детям чудную землю любви и волшебства!^[37] Если в мире поэзии и фантазии царил Х.К. Андерсен, областью скульптуры безраздельно завладел Б. Торвальдсен (1768–1844), то в царстве мысли правил философ, писатель и теолог Срен Киркегор (1813–1855). Выделяя избранных, боги заботятся о том, чтобы те не переходили черту человеческих возможностей. Андерсена вот обвиняли в излишней простоте. Торвальдсен признавался, что ему легче изваять

статую, чем написать письмо (литературное наследие его невелико). Киркегор в начале творческого пути как философ и писатель более всего страдал от несовершенства языка и стиля. По мнению Г. Брандеса, именно Киркегор во всех отношениях оказался самой «индивидуализированной частью датской истории культуры».

Домский собор в г. Оденс (Дания) и «Сад сказок»

Киркегор оказал заметное влияние на формирование мировоззрения деятелей западноевропейской и русской культуры, став предшественником экзистенциализма. В его лице мы видим некоего «мирового звонаря» абсолютного духа. Появление философа такого ранга не частое явление в небольших странах. Это случалось редко и в Европе, где преклонение перед наукой, культурой и образованием вполне обычное явление. Киркегоры не были богачами. В молодые годы отец философа даже проклинал Бога за постоянно преследовавший семью голод. Все, кто смог, тогда уехали из деревни. Позже отец с помощью торговли разбогател. Будучи весьма образованным человеком, он любил вести умные беседы с сыновьями. Сам Киркегор в воспоминаниях отмечал, что детство его было счастливым, ибо оно обогатило его этическими впечатлениями, а память об отце стала «самым драгоценным» из его воспоминаний. Воспитание в семье было строгим, но умным. Отец перед ним поставил задачу – стать в классе третьим к концу года, но не давал

никаких наставлений, не проверял уроков. Вс решал сам ребенок. Таким образом мальчик постигал чувство долга и ответственности. В их доме бывали умные и почтенные люди (епископ Мюнстер и другие). К тому времени отец был уже богатым человеком, владея в Копенгагене шестью домами и получая немалые суммы за их аренду. Казалось, жизнь семьи складывалась вполне благополучно. Брат Сеена, Петер, получил в 1829 г. диплом доктора теологии, стал епископом в 1856 г., а затем и министром (1867). В 1830 г. уже сам С. Киркегор сдал экзамены и поступил на теологический факультет Копенгагенского университета. К тому времени и относится пробуждение в нем интереса к философии. Все сходили с ума от Гегеля. Говоря словами одного писателя, тот был «на столах и в головах». Дания, как и Россия, узрела в нем пророка откровения. Киркегор вступил в борьбу с гегельянством, резонно посчитав, что нельзя все многообразие бытия втиснуть в систему. Но прежде чем бороться с Гегелем, ему предстояла жестокая и тяжелая борьба с жизненной философией отца, задача тем тяжелее, что он любил и глубоко уважал отца. Что же произошло? Где пролегла трещина в их взаимоотношениях?

Отец был человеком верующим и высокоморальным. Но жизнь приготовила и ему суровое испытание. Женившись, он вскоре потерял жену, не успевшую стать матерью. Год спустя он женился на служанке. Отношения складывались непросто. Говорили, он взял ее силой. Вдаваться в детали не будем. Ясно одно: это нанесло травму семейству. С. Киркегор в дневниках ни разу не упоминает о ней, хотя отца вспоминает часто. Заключение между супругами брачный контракт ущемлял право жены. Опекунское ведомство даже заявило протест. А ведь она рожала ему детей и воспитывала их, скользя «подобно тени» по жизни. Отец ушел от дел и жил на ренту, проводя время в размышлениях и чтении. В принципе, чтобы понять эту ситуацию, не нужно никаких Фрейдов. Отец на словах учил сына одному, а сам в жизни поступал иначе. Таких семейных конфликтов в любой стране мира пруд-пруди... Естественно, что сын обозвал отца лицемером. Когда Киркегор стал готовиться к получению степени по теологии, в его сердце уже поселилась пустота. И тогда вера дала трещину. Он заявил всем, что более не видит идеи, ради которой можно было бы жить и умереть. И, действуя сообразно с популярным у датчан

девизом: «Тот человек не молодец, кто сроду не был пьян», пустился в развеселую жизнь. Вместо скучных лекций на отвлеченные теологические темы он бродил по улицам, проводя часы в гуще веселых компаний в кафе, легко залезая в долги. Учебой он себя не перегружал, зато его частенько можно было видеть на оперных спектаклях в театре. Он обожал слушать и музыку Моцарта. Затем (кроме женщин) его стали привлекать и занятия философией.

В споре христианства с жизнью он предпочел последнюю, считая, что и у нее есть свои права на человека. В то же время это не значило, что он стал безбожником. В те времена в богобоязненных и приличных семействах такой вопрос вообще не ставился. Он усомнился не в существовании Бога, а в том, является ли Бог Богом любви (П. Роде). В его дневнике за 1835 г. находим такие слова: «Когда я внимательно рассмотрел большое количество человеческих феноменов из христианской жизни, то мне начало казаться, что христианство, вместо того чтобы даровать им силу, да-да, христианство лишило этих индивидов, если сравнить их с язычниками, их мужского начала, и соотносятся они сейчас, соответственно, как мерин и жеребец». В молодости бывает такая пора, когда университет начинает напоминать злачное заведение, а то и чего доброго, Господи спаси и помилуй, даже публичный дом. Вот и Срен посетил заведение, где запомнилось «звериное хихиканье» дам.

На этой площади в Копенгагене жил датский философ Срен Киркегор

Нет наслаждения без расплаты. Его отец некогда (еще подростком) проклял Бога. И потом в нем всегда жило предчувствие того, что его дети не переживут возраста Христа... Странно, но ни один из них так и не перешагнул за эту черту. Когда отец был в

преклонном возрасте, среди его детей (а их было семеро) начался настоящий повальный мор. От семи детей в живых осталось двое сыновей. Отцом овладела жуткая меланхолия. Каково ощущать себя Иовом на пепелище надежд. Увы, крайняя степень меланхолии привела сына к безумию, а затем и к преждевременной смерти. Есть некий трагизм в том, что оба брата прожили менее 34 лет. В такой вот мрачной атмосфере страхов и сомнений рос Киркегор, словно ощущая нависший над ним безжалостный рок. Свои отношения с отцом философ впоследствии назвал «крестом, установленным на могиле желаний». Это отразилось на впечатлительном уме молодого человека. Ему стало казаться, что их семья «должна исчезнуть, должна быть стерта могучей Божьей дланью, должна быть забыта как неудавшаяся попытка». Разумеется, и Бог делает попытки, которые не назовешь удачными, но не в этом случае. [\[38\]](#)

После смерти отца С. Киркегор вошел в пору умственной зрелости. Он стал-таки кандидатом теологии. Вскоре он анонимно опубликовал критическую работу «Из бумаг еще живущего», где укорял Х.К. Андерсена, говоря, что это «несчастный бедолага» и что в его сказках «совершенно отсутствует какая-либо жизненная философия». По некоторым свидетельствам, он, как и Достоевский, страдал припадками эпилепсии, что по датским законам считалось тогда опасным и позорным. Киркегор влюбился в Р. Ольсен, которая была моложе его на десять лет, но за помолвкой последовал его отказ от свадьбы. Жестокий удар для девушки, искренне его любившей. П. Роде пишет о них так: «Она была дитя природы, юное и невинное, вдохновляемое само собой разумеющейся самоотверженностью. Он же был артефактом, высокоценным искусственным продуктом, тысячу лет выводимым в пробирке; он был человеком, переполненным сознанием греха задолго до свершения самого греха; одним словом, как биологическое существо он был калекой». Тем не менее этот вагнеровский продукт может увлечь, ранить или даже убить живую душу. «Он пожертвовал мною ради Бога», – скажет его возлюбленная. Он так объяснил свой поступок: «Немало мужчин стали гениями благодаря женщине... но кто в действительности сделался гением, героем, поэтом, святым благодаря той, которая стала женой? Если бы я женился на Регине, то никогда не стал бы самим собой». Любовь не разрубила гордиев узел философии, как и отказ от нее. Возможно, он

просто не мог любить и быть мужем. Это лишь пустое оправдание своих собственных несовершенств, которые раскрываются им в его же псевдониме, который он принял, – «Иоганнес Климакус». Возможно, тут большая часть ответа.^[39] Все это, разумеется, не могло не отразиться самым негативным образом и на творчестве философа.

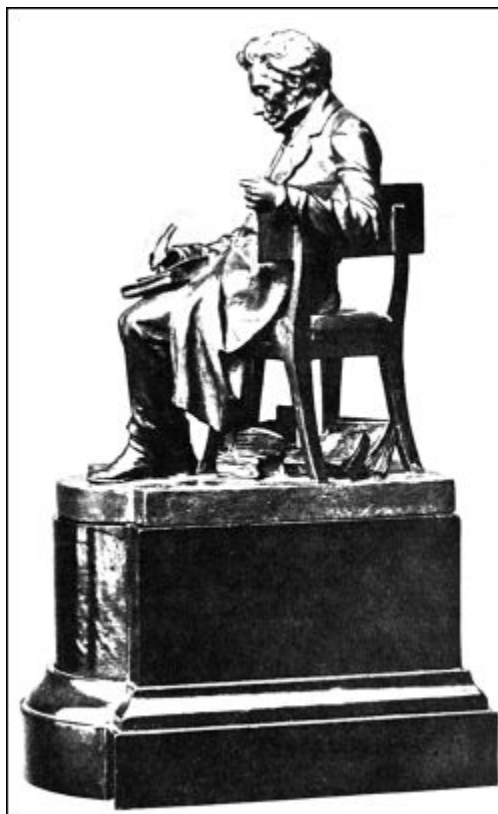
Философские взгляды он выразил в работе «Или – или», написанной им в 1843 году. Киркегор считал необходимым не только обосновать кредо своей жизни, но и воплотить его в реальность. Его мятежный ум обрушился на церковь, общество и государство. Спасение он видел в установлении некоего этического идеала, которому надо следовать в этой жизни вопреки всем превратностям судьбы. В «Или – или» есть строки: «Дон Жуан, следовательно, – это воплощение демонического начала, определяемого как чувственное; Фауст – воплощение того же начала, определяемое как интеллектуальное или духовное, что исключается христианским духом».^[40] Возможно, сам Киркегор – охладевший Дон Жуан, ставший в конце жизненного пути Фаустом. Не случайно, два начала (дух и плоть) жили в нем рядом, переплетаясь, то и дело вступая друг с другом в непримиримую, смертельную вражду. Что же до его таланта, то иные даже утверждают, что «как психологу ему был равен лишь Достоевский» (Р. Касснер). Не хотелось бы винить датское общество в том, что оно отнеслось без должного почтения и пиетета к философу. Тем более что все общества одинаковы как в счастье, так и в несчастье. Правда, в его наследственности видны черты жестокости, как и в его отце. Но данная черта кажется вообще характерной для западной цивилизации. Запад – это общество масок, двойных и тройных стандартов, постоянного и узаконенного лицемерия. Оно в нравственном и умственном отношении являет собой триумф вульгарности, несмотря на дипломы Оксфордов, Кембриджей, Геттингенов, Копенгагенов. Впрочем, философ, по крайней мере, был честен, говоря: «Я не думал, что вульгарность – это единственное общественное мнение Дании, но теперь могу успешно доказать, что дело обстоит действительно так». И читаем: «Того, что здесь, в Копенгагене, господствует жуткая тирания грубости и вульгарности, – всего этого не замечают вследствие того, что каждый в отдельности вносит в это сравнительно малую лепту. А если немногие лучшие, печально-умудренно заботясь о собственном благополучии, постоянно

уходят в сторону, укрываясь в материнском подоле или в лоне семьи, находя убежище в немногих сравнительно благородных кружках и компаниях, – то этого никто никогда не в состоянии заметить. Поэтому я и не хочу отступать и хорошо знаю, что я делаю, в то время как всякие умники почитают меня за сумасшедшего. День, когда чернь этого города начнет бить меня по голове (а день этот, видимо, не за горами), и станет днем моей победы. Тогда-то увидят, во что, в какие мерзости все это вырождается, и одновременно поймут, в чем именно заключается моя вина: в том, что я одиночка, что у меня хватило мужества правым делом заслужить самого себя. Датчане – трусливейшие бабы, и быть может не столько даже на войне, сколько тогда, когда речь заходит о неприятностях. Скоро датский народ перестанет быть нацией и превратится в стадо, подобное евреям; Копенгаген – это вовсе не столица, а истинное местечко». ^[41]

Его целью стал поиск истины, но истины для себя. Эгоизм индивидуалиста? Ведь он считал, что чем больше развивается личность, тем меньше она заботится о всемирно-историческом. Ради человека он замахнулся на Бога. Тезис его прост и по-своему даже гуманен: утрата Бога или его смерть равносильны нахождению и обретению утраченного смысла жизни. Верна мысль о том, что мир, взбудораженный слишком большим количеством знания, нуждается в новом Сократе! Киркегор не уставал прославлять простого человека, его труд. Многие герои оказались сброшены им с пьедестала, и их место занял обычный труженик! Вот она, экзистенция будущего! Он призывал смотреть на труженика, как «на самого почетного члена общества». Его борьба за обретение собственного «я» и за кусок хлеба имеет высокое воспитательное значение. ^[42]

Голос его поражал «ужасом, как вздох гигантов», поражал тех, кто не желал взглянуть в глаза правде. Самое популярное сочинение Киркегора «Страх и трепет» написано в 1843 г. Привлечем внимание лишь к одной высказанной в нем мысли, к мысли о том, что самое чудовищное – это бездуховность... Бездуховный человек – это говорящая машина, даже если он с успехом обучался «философским высокопарностям или же знанию веры и политическому речитативу». Глубокий смысл, на наш взгляд, имеет и его фраза о том, что зло нашего времени – в «заигрывании с реформаторскими вожделениями». Главная же ложь заключается в том, что нельзя реформировать этот

несправедливый мир, не пробудив «себя самого». А еще он учил ни за что на свете не предаваться отчаянию. Отчаяние – это великий грех и смертельная болезнь. Хотя и нет никого, кто не сталкивался бы с ним. Наш святой долг уметь противостоять ему. Философ говорит: «Итак, бесконечным преимуществом является то, что мы можем отчаиваться, и, однако, отчаяние – это не просто худшее из страданий, но наша гибель... Похоже, что подниматься – это не быть отчаявшимся». Киркегор призывал нас взять на себя всю ответственность за наши жизненные успехи и неудачи (за свое Я). Если этого не сделаем сами, не докажем делом и трудом права на жизнь, никакой Бог нам не поможет. И Киркегор хочет помочь слабому люду, чья «религиозность составляет его несчастье».^[43] Таков был этот философский «принц одиночества» датчан.

Памятник Киркегору в саду Королевской библиотеки

Специалисты увидели в нем предтечу нашей жестокой эпохи, говоря, что он «визионерски вычислил нашу эпоху и пригвоздил ее к позорному столбу». К. Ясперс (1883–1969), представитель экзистенциального направления мысли, писал в книге «Смысл и назначение истории»: «Эта экзистенциальная философия не может

обрести законченного выражения в каком-либо произведении или окончательного завершения в существовании какого-либо мыслителя. Свои истоки и одновременно ни с чем не сравнимое расширение она обрела у Киркегора. Киркегор, который в свое время стал сенсацией в Копенгагене, затем был вскоре забыт, получил большую известность незадолго до начала Первой Мировой войны, но оказал значительное воздействие лишь в наше время. Шеллинг вступил в своей поздней философии на путь, на котором совершил экзистенциальный прорыв в немецком идеализме. Однако так же, как Киркегор, напрасно искавший метод сообщения и пытавшийся найти выход в технике псевдонимов и в «психологическом экспериментировании», Шеллинг похоронил свои подлинные импульсы и видения в им самим созданной идеалистической систематике, которой он в юности держался и не мог преодолеть. В то время как Киркегор сознательно занимался самой глубокой философской проблемой, проблемой сообщения и, стремясь к непосредственному сообщению, пришел к поразительно неудачному результату, который тем не менее потрясает каждого читателя, Шеллинг как бы пребывал в бессознательности и может быть открыт, только если идти к нему от Киркегора. Из другого корня, не зная обоих мыслителей, вступил на путь экзистенциальной философии Ницше».

[44] Всеми ими двигало одно чувство – отчаяние. Он не одинок среди тех, кто отринул буржуазный миропорядок. Жизнь на Западе у многих вызывала ощущения бессилия, страха, безнадежности. Запад демонстрировал полный абсурд миропорядка. Неужели философ не видел выхода в век триумфа науки, культуры, образования?! Откуда столь мрачные мысли в век позитивизма? И. Гарин воплотил в своеобразной поэтической форме предполагаемый образ мыслей датского философа С. Киркегора:

Я ненавижу человечество,
Я от него бегу спеша.
Мое единое отечество —
Моя пустынная душа.

В число просветителей Дании входят многие славные имена: историк, философ, создатель национального театра Л. Хольберг (1684–

1754); фигура европейского масштаба, профессор эстетики в Копенгагенском университете, представитель датского романтизма А. Г. Эленшлегер (1779–1850); поэт и педагог Н. Ф. Грундтвиг (1783–1872), создавший «высшие народные школы» и ратовавший за единство скандинавских народов; выдающийся критик и литературовед Г. Брандес (1842–1927), чьи работы мы часто и с удовольствием цитировали.

Что касается собственно образования, то первые датские учебные заведения (кафедральные школы) оформились в эпоху Средневековья в Виборге, Риге, Росквилле в XII веке. В XVII–XVIII вв. начальное образование все еще «влачило жалкое существование», но после принятия в 1814 г. закона об учреждении начальной массовой школы (первый подобный закон в Западной Европе) ситуация меняется в лучшую сторону. Заметим, что хотя идеи равенства в начале XIX в. распространились повсюду, одна лишь Дания первой законодательно обеспечила реальные возможности для получения всеобщего образования (после принятия в XIX в. важных законов «О начальном всеобщем обучении в городах» и «О начальном всеобщем обучении в сельской местности»). Ученые школы затем были трансформированы в самостоятельные учебные заведения гуманитарной ориентации. Гуманитарии практически подготовили цвет датской элиты, которая в дальнейшем вывела страну в культурные лидеры. В наши дни В. Рогинский писал: «В XIX в. Дания оказалась на первом месте в Европе по уровню грамотности: с 1814 г. впервые на континенте здесь было введено обязательное начальное образование. Во второй половине века создаваемые повсеместно по инициативе великого датского просветителя, философа и епископа Николая Грундтвига так называемые «народные университеты», то есть школы для взрослых, где можно было получить образование по многим отраслям знаний, способствовали дальнейшему повышению уровня культуры всего населения страны. В этом Дания стала образцом, которому потом последовали страны Северной Европы, а также другие европейские государства».^[45]

В педагогике, помимо Н. Грундтвига, следует назвать Кристена Кольда (1816–1870). Он организовал в середине XIX в. независимую школу и среднюю народную школу. Начинал он с работы подмастерьем сапожника в магазине отца, но в 1836 г. закончил

педагогический колледж. Хотя он и не создал ничего фундаментального по вопросам образования (лишь один трактат «Om Bomeskolen», 1850 г.), его влияние на эту область велико. Даже сегодня о нем ходят легенды. Стоит напомнить, что его «пробуждение» состоялось в том же 1834 г., что и у Киркегора. Если философия Киркегора мрачна, то идеалы Кольда радостны и светлы. Он говорил о жизни так, используя примеры в виде педагогическо-дидактических притч: «Прежде я думал, что Бог – это полицейский или строгий учитель, который наблюдает за нами и дает затрещину, когда мы плохо себя ведем. Теперь я понял, что Бог любит и человечество, и меня, и я тоже почувствовал любовь к человечеству – и, в меньшей степени, к себе самому – и почувствовал радость от того, что Бог любит меня. Я внезапно наполнился жизнью, энергией, радостью, силой, чего раньше не было. От этого открытия я буквально был готов прыгать от счастья». Вначале друзья решили, было, что он сошел с ума. Но самое главное, на наш взгляд, то, что в итоге он понял-таки, как «силой слова можно сделать людей счастливыми». Наибольшее распространение взгляды Кольда получили среди фермеров и крестьян. Он считал, что образование только тогда даст прекрасные результаты, если оно сочетает в себе патриотизм как основу воспитания и религиозные чувства, и если оно раскрывает светлые и духовные начала в человеке. В 1838 г. публикуется его работа «Школа жизни и академия в Соэре», а с 1851 г. начала работать средняя школа Кольда. Методы обучения были демократическими: отсутствовали обязательные домашние задания, самостоятельно изучались лучшие авторы, вместе трудились. Учителя жили и ели вместе с учениками. Начали создаваться независимые школы (в том числе в Далуме). В основе его педагогической концепции лежал гуманистический взгляд на природу и человека. Ум и профессиональные знания, бесспорно, он считал важными, но не это главное. Важнее стать на путь истины и справедливости. Лишь требования истины, правды, справедливости, культурности делают людей истинно гуманными и просвещенными. Надо обеспечить такие условия для развития твоей страны и народа, чтобы жизнь нации продолжалась.^[46] Высокую оценку состояния образования в Дании встречаем в дневнике французского писателя Эдмона де Гонкура. Описывая свою встречу с Г. Брандесом, он отмечал: «Брандес очень интересно рассказывал о разных

учрежденных им на родине обществах, призванных дать образование людям из народа, которые продолжают оставаться там крестьянами и рабочими, не то что французский крестьянин или рабочий; этот едва вбив себе в голову крупицу школьной поэзии, считает, что правительство должно обеспечить ему место служащего» (1896).^[47]

Развитию духовных начал в личности способствовали не только школы и университеты, но и возникшие еще в XVIII в. общества: Общество поощрения изящных и полезных наук – 1759 г.; Датское литературное общество – 1775 г. и др. Современный датский историк философии и теолог С. Хольм отмечал: «Датская философия почти всегда была философией личности, а это означает, что на передний план выступали психологические и этические мотивы, тогда как в Швеции – нередко метафизические, а подчас и мистические мотивы...» Это видно и на примере развития балетного искусства... Дания, пожалуй, единственная страна культурного мира, где слова «балерина» и «куртизанка» тогда не являлись еще синонимами и где балетных танцоров принимали как равных в самых известных домах. Вспомним, что балетмейстер А. Бурнонвиль (1805–1879) занимал весьма высокое положение в датском обществе. Он был пожалован рыцарским крестом и даже входил в состав первой тысячи копенгагенской знати. Во многом благодаря его трудам Датское хореографическое общество станет одним из главных предметов национальной гордости. Отец вышеупомянутого Августа Бурнонвиля, Антуан, был танцором. Работал и учился он в Вене, у знаменитого французского балетмейстера и теоретика балета Новера. Париж же слыл тогда центром танцевального искусства. М. Тальони в 1827 г. произвела там сенсацию танцами на пуантах, а книга Ж. – Ж. Новера «Письма о танце и балетах» (1760) стала своего рода классикой. Антуан привил своему сыну страсть к балетному искусству, говоря: «Я избрал самую блестящую из профессий». Хореографическую школу он не мыслил без широкого классического образования. В его шкафу можно было увидеть тома Вольтера, Руссо, Гоббса, других мыслителей и писателей. Скандинавы всегда уделяли особое внимание развитию в народе музыкально-танцевальных вкусов. В Норвегии уже в 1604–1607 гг. выходят первые распоряжения о преподавании музыки в школах, а первые предметы школы танца при Королевском театре в Дании появляются в 1754 г. (через 6 лет после его создания). И это на

фоне того, что в «культурных странах» Европы актеров, танцоров, музыкантов после их смерти в прямом смысле слова выбрасывали на свалку (их хоронили вместе с бродячими собаками).

Уважение к танцу у датчан проистекало из глубин народной культуры. Вероятно, именно по этой причине Бурнонвиль, чей успех в стране был феноменален, говорил, что «танец – это то сценическое искусство, которое лучше всего понимает датская публика». Говоря о творчестве его как хореографа, надо особо подчеркнуть связь его искусства с другими ветвями знаний. Каждый из своих балетов он создавал с учетом единства духовного и материального, на базе всего культурного наследия. Балеты Бурнонвиля («Вальдемар», «Сильфида», «Неаполь», «Валькирии») пронизаны темой патриотизма, истории, величия народного духа. В мемуарах «Моя театральная жизнь» (1847) он писал: «...природа, человеческая жизнь и история никогда не перестанут представляться мне в пластических формах балета». Литература и искусство у скандинавов вообще очень часто идут рука об руку. Х.К. Андерсен отмечал в дневнике (1849): «Писал программу балета и письмо Бурнонвилю» и далее: «дома я написал первую сцену «Валькирии». Родство двух муз было столь велико, что он впервые в истории Дании получил литературную Анкеровскую премию и лавровый венок писателя за сочинение без слов. Это дало возможность совершить поездку в Россию (1869), под впечатлением которой он поставил два балета – «Праздник императора в Кремле» и «Из Сибири в Москву» – успех которых был невелик. Более успешной в смысле строительства моста дружбы стала деятельность его любимого ученика, хореографа Х. П. Иогансона (1817–1903), нашедшего в России вторую родину. Ей он отдал 62 года жизни. У него затем обучались известные балерины – Легат, Гердт, Кшесинская, Павлова.

[\[48\]](#)

Олимпийские игры в Стокгольме. 1912 год

Тем более трудно объяснить, отчего в Дании настали времена, когда среди новых поколений датчан объявились лишенные духа говорящие машины, без «страха и трепета»... Едва ли не главный символ современной датской культуры, скульптура знаменитой андерсеновской «Русалочки» — спустя век после ее создания — уж трижды стала жертвой цивилизованных варваров. Неужели же шекспировский Марцелло был прав: «Неладно что-то в Датском королевстве» («Something is rotten in the state of Denmark»)? Не случайно символом психологически надломленной личности стал образ принца Гамлета. Хотя самого Шекспира в той же Дании до XIX в. не знали, не читали и не ставили, но современный человек с его своеобразной мятущейся натурой, хваткий и деловой, неумный и жестокий, ведет свое происхождение в том числе и от Гамлета. Ведь Гамлет — истинный философ, говорящий языком иронии, трагик поневоле, человек, терзаемый мыслью о ничтожности и коварстве людей. Или система ценностей Запада (политика, культура, наука, религия, образование) завершает свой путь, находясь на грани между экзистенциальным и бессмысленным, доведя до абсурда саму идею бытия, бессознательно-бессмысленного (жвачного) существования этой цивилизации, претендующей на некую всемирную значимость?!

Имея немало общего, скандинавам, женщинам и мужчинам, свойственны различия. А. Швейгер-Лерхенфельд пишет в книге: «Возьмем, например, скандинавов. Смотри по тому, будут ли то шведы, норвежцы или датчане, мы найдем совершенно различные особенности. Хотя швед и житель Северной Европы, но он весел, жив, любитель пения и наслаждений. Его удовольствия утонченны, и вследствие изысканного образа жизни его прозвали «северным французом». К тому же между всеми скандинавскими наречиями шведское самое богатое, звучное и как бы созданное для выражения поэтических образов. Насколько швед общителен, откровенен и доверчив, настолько норвежец замкнут, исключительно и очень мало склонен к общительности. Как все скандинавы, он глубоко религиозен, строг и добросовестен в исполнении своих обязанностей; этой религиозности надо, вероятно, приписать его нелюбовь ко всему иностранному, а также и нетерпимость в делах религии. Среднее между шведом и норвежцем представляет датчанин. Политические обстоятельства поставили Данию во враждебные отношения к Германии, поэтому понятно, что она более чем кто-либо льнет к своим северным братьям. Хотя датчанин не столь неуклюж и серьезен, как норвежец, но все-таки уступает жителю южной Швеции в веселом воззрении на жизнь. Весельем дышит и великолепная шведская столица Стокгольм, Северная Венеция, с ее скалами, лесами, морями, каналами, видом на маяк и полным жизни Дьургарденом (зоологическим садом). В Дьургардене можно любоваться красотой обитательниц Стокгольма, подобно тому, как в Венеции на площади Св. Марка красотой бледных венецианок, а на берегах Гвадалкивира смуглыми севильянками. Какую противоположность этой прекрасной картине представляет довольно однообразная, лишенная прелести Христиания! Общество норвежских городов совершенно еще проникнуто древними традициями, и главную гордость его составляют предания о морских королях и отважных викингх. В Норвегии повсюду преобладают личные потребности, в Швеции – общественные; норвежец живет совершенным особняком для себя и своего семейства в своем доме (gaard); швед более общителен и находит удовольствие бывать в обществе; норвежец строго консервативен, швед – друг прогресса. Что касается датчанина, то он чрезвычайно податлив всякому внешнему влиянию. Из этого ясно, что

жизнь в Копенгагене, по крайней мере для немцев, не представляет ничего характерного». Следует учесть, что картина писана сто лет тому назад.

Королевская семья Швеции

Все скандинавы спокойны, уравновешенны, сдержанны, молчаливы, тверды, трудолюбивы, сильны и целеустремленны. Да, они таковы, какова их природа – скупая, суровая, строгая. Их движения неторопливы, размеренны, продуманны, рациональны. Их речь, как у всех прибалтов, скупа и малоэмоциональна. Их можно принять за простаков. Все объясняет их культура. Одноукладная культура преобладает там, где существует высокая степень социальной и этнической однородности. Люди тут привыкли понимать друг друга без слов, делая это без труда. В такой культуре у людей нет нужды в многословии. Скандинавы любят повторять: «Кто хранит уста свои, тот бережет душу свою; а кто широко раскрывает рот, тому беда» или «Мудрый сберегает знания, но уста глупого – близкая гибель». Сама жизнь приучила этих людей выверять слова и эмоции. Эстерберг так характеризует исландцев (впрочем, это можно отнести ко всем северным народам): «Исландцы молчат тогда, когда говорить опасно, а опасно говорить почти всегда. Сказанное не вернуть обратно; оно становится неотъемлемой частью сказавшего, определяет его характер и, стало быть, всю его жизнь».^[49] Скандинавы отождествляют людей с их делами. Говорить – значит действовать. Моральные требования к индивиду включают такие качества, как прилежание, честность и любовь к порядку, независимость, жажда справедливости, стремление избегать ссор и конфликтов. Труд – упорный, независимый, свободный – лежит в основе их норм поведения и всего уклада жизни. Все это, вместе взятое, и создало удивительные, мужественные и прекрасные

народы, в чем-то близкие нашему северному, русско-славянскому типу. Хотелось бы, чтобы власти России переняли все лучшее у скандинавов: «Ad opus» («За дело»). Шведская корона стала, по выражению нынешнего короля Карла XVI Густава, своеобразным торговым знаком. Другой знак – культура. Особенно это справедливо в отношении мудрых слов, сказанных одним из членов королевской семьи в адрес культуры, науки, образования, сделавшим немало для их развития: «Если у нас даже не хватает денег, то это еще не основание для того, чтобы становиться глупцами!»

Глава 12

Страна Восходящего Солнца

Будучи в силу воспитания, мировосприятия, культурного влияния и наследственности европоцентристами, мы испытываем естественные трудности при попытке понять менталитет восточных народов. Азия и Восток – иные культуры, иные цивилизации, во многом непохожие на нас и для нас непостижимые и не понятные. Проникнуть в их тайны отнюдь не просто. Однако это обстоятельство не должно смущать ученого, ибо незнание вовсе не является основанием для дремучего невежества. Арабский философ Газали на вопрос, как он достиг столь высокой степени познания в науках, отвечал: «Потому что я не стыдился спрашивать о том, чего не знал». Познай непознанное. Такой подход все же предпочтительнее подхода Омара Хайяма:

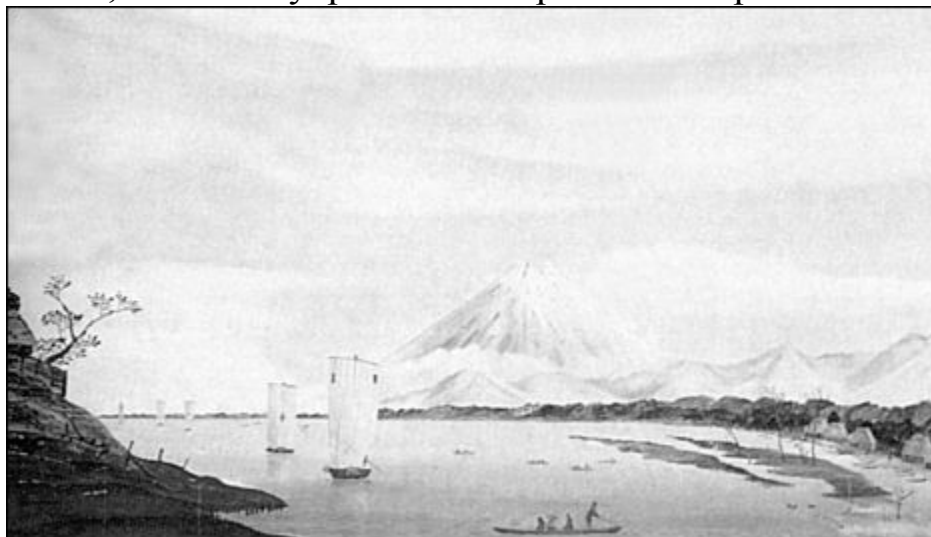
Так как истина вечно уходит из рук —
Не пытайся понять непонятное, друг,
Чашу в руки бери, оставайся невеждой,
Нету смысла, поверь, в изученье наук!

Япония, «чудесная страна, заветный край мой – Акицу-сима» («Маньсю»), достойна нашего внимания. Страну иногда называют самой удивительной загадкой века, ее жителей – самыми непостижимыми и парадоксальными из всех народов мира. В самом деле, есть немало присущих ей особенностей, которые выделяют Японию из числа других стран. Хотя все в этом мире имеет свое собственное лицо. С точки зрения японцев, китайцев, корейцев, индусов, иные народности – немцы, англичане, американцы – многим также покажутся непостижимыми и парадоксальными. Социопсихолог Хамагути Эсюн в этом смысле абсолютно прав, говоря, что японский взгляд на человека имеет много общего со взглядами народов Восточной Азии, но значительно отличается от западного. Первое упоминание о Японии у европейца встречаем в записках венецианца Марко Поло, «второго Геродота» (как назвал его Гте).

Что же касается самих японцев, то у них, конечно, существует немало легенд о возникновении дальних предков «страны Ямато» и основах ее культуры... М. Марияма утверждает, что история японской культуры включает три периода: культуру Jomon, существовавшую примерно 9 тыс. лет до н. э., культуру Yayoi – 2,3 тысячи лет назад и культуру Yamato, истоки которой лежат в Корее, откуда она была перенесена в Японию 1,5 тысячи лет тому назад. Все эти три типа культуры, взаимодействуя активнейшим образом в течение многих лет, и сформировали некую основу того, что принято называть современной культурой. Причем, ни один из ее типов не являлся доминирующим. Для первоначальной культуры Jomon, в которой отразились тяжкие условия существования людей той эпохи, наиболее характерной чертой индивидуальной психологии стало утверждение активной позиции человека. В период распространения культуры Yayoi, когда с развитием земледелия жизнь стала заметно легче, в философии и практике утверждались принципы гармонии с природой, а среди жителей – некая пассивность и созерцательность. Наконец, культура Yamato, по мнению многих, привнесла в общество торжество принципов иерархичности, культурного изоляционизма. В какой-то мере трем этапам развития страны соответствовала и древняя поговорка: «Родители трудятся, дети наслаждаются жизнью, внуки – нищенствуют».^[50] Позже ситуация стала иной.

Протояпонцы пришли на острова через Корейский полуостров, принеся с собой предметы неолитической культуры и технику возделывания поливного риса. Китайские летописцы в сочинении «Вэй чжи» (конец III в. н. э.) отмечали, что население островов не имеет хороших рисовых полей, живя продуктами моря. Хлеб они ездят покупать на север и юг. Среди других характерных черт обитателей Японии отмечалось то, что тут существуют неравенство и социальное расслоение. Вероятно, существовал и институт рабства (этих рабов часто погребали вместе с умершим хозяином). В рабов превращали и родственников преступников. У японцев получил распространение и обычай татуировать тело, что делалось с целью отпугивать рыб при их ловле. Процесс складывания государства был довольно длительным. К примеру, в I в. до н. э. тут насчитывалось не менее 100 мелких протогосударств, а к III в. н. э. уже всего 30. Наиболее сильными из этих государств считались два – Ематай на севере Кюсю и Ямато в

центральной части Хонсю. Основой административных единиц стали провинции. На территории Ематай существовала единая система налогового обложения и рынки. Возникновение страны Ямато традиция связывает с походом на Восток мифического императора Дзимму (не ранее I в. до н. э.). Правитель Ямато считался потомком богини Солнца – Аматерасу. Священными символами его власти считались меч, яшмовое украшение и бронзовое зеркало.^[51]

Сиба Кокан. *Вид Фудзи на пути от Имаи к Тонэгава*

В VII–VIII вв. японцы стали более активно заимствовать иноземные образцы культуры, хотя процессы эти шли и раньше (знакомство с богатейшими традициями стран Восточной и Юго-Восточной Азии). Значительное влияние на культуру Японии оказали, конечно же, Китай и Корея. На территории Японии находят многие предметы китайской и корейской культур (золотая печать ханьского типа с древнекитайской надписью и прочее). Согласно преданию, с иероглифической письменностью их познакомил кореец Вани. Процесс обучения в школах шел под влиянием китайских традиций и правил, будь то частная школа или школа чиновников, где учились провинциальные аристократы. Там изучали историю и поэзию, постигали основы китайской философии. В даосской книге «Ле-цзы» (I–III вв. н. э.) в главе «Желтый владыка» есть отрывок, объясняющий суть подхода японцев к заимствуемым образцам. Полагаем, что это и придает их культуре динамику, силу и особую гибкость... Там сказано: «В Поднебесном мире есть Путь, благодаря которому всегда одерживают победу, и есть Путь, благодаря которому не побеждают

никогда. Первый зовется слабостью, второй зовется силой. Узнать их легко, но люди не желают их знать. Поэтому древние говорили: «Сильные стараются превзойти тех, кто слабее их, а слабые желают превзойти тех, кто сильнее их». Человек, старающийся превзойти тех, кто слабее его, оказывается в опасности, когда он встречает того, кто сильнее его. Но человеку, который желает превзойти того, кто сильнее его, ничто не угрожает. Есть изречение, гласящее: «Этим ты побеждаешь свое тело и делаешь его своим слугой; этим ты заставляешь целый мир служить себе». Оно означает, что ты побеждаешь не других, а себя и ищешь должное применение не другим, а самому себе... Это удивительное правило собственного самоусовершенствования, возведенное в ранг общественной философии в дальнейшем, на наш взгляд, и станет едва ли не главным оружием Японии (на протяжении всей ее богатой событиями истории).
[\[52\]](#)

Ученичество в Японии тесно связано с монастырями, важнейшими центрами культурных традиций. Начало процесса складывания японского государства восходит к рубежу III–IV вв. Первые буддийские храмы корейские мастера стали возводить где-то в конце VI века н. э., переняв более древние китайские каноны архитектуры. Это понятно, ибо японская письменность, философия и культура, по сути, и вышли из Китая, а первая столица Японии (город Нара) построена по образцу танской (китайской) столицы Чаньань. В то же время следует принять во внимание и замечание академика Н. И. Конрада относительно того, что в Китае и Японии образованный слой общества «был совершенно светским и духовенство (буддийское и даосское) отнюдь не играло в нем заметную роль». Сама сутана часто была не столько свидетельством набожности, сколь символом некоего образа жизни. Конрад пишет: «Да и сама сутана отнюдь не означала обязательно, что ее носитель – представитель духовенства, служитель религии; нередко это была просто некая униформа, которой прикрывались и носители вполне светских профессий. Нужно, наконец, позволить себе сказать о том, что образованным общественным слоем всегда была интеллигенция, а в каком внешнем обличье она представала – дело третьестепенное. Надо смело говорить об интеллигенции в феодальном обществе». [\[53\]](#) Вероятно, такого рода «феодалная интеллигенция» была все-таки довольно малочисленной.

Велико значение буддизма как фактора религии и общественной философии для Японии. Как известно, буддизм пришел в Японию через Корейский полуостров (государство Пэк-че). По этому же маршруту достигло островов племя Пуе, положившее начало и царскому роду в Ямато. С VI в. это учение стало распространяться среди правящего класса и народных масс. Нельзя утверждать, что эту религию ожидали быстрые успехи («царский путь»). Вначале буддизм воспринимался как религия соседней страны («варварский ками»). Так он и фигурирует в записях «Нихонги». Официальное принятие буддизма в Японии произошло в 522 г. Этот год называют первым годом «века конца Закона». Буддизм имеет несколько ответвлений. С ним в жизнь японцев пришла и традиция поминаения предков. Каждая семья была приписана к буддистскому храму. Их сооружение приобрело небывалый размах на рубеже VII в. Наряду с буддизмом в Японии существовал и синтоизм («кодай синто»). Синтоизм – самая популярная японская религия. О нем можно было бы сказать, как и даосизме, что это философия природы и гармонии человека с природой. Японцы обожествляют природу. На каждом шагу вы встречаете синтоистские молельни, в которых царят различные божества («ками»). Национальная история гласит: «Япония создана ками». Число таких божеств огромно (8 млн). Среди них – горы, скалы, водопады, реки, деревья, герои и предки. Японцы не посещают храмов каждый день, как это делают верующие в других странах. Они приходят сюда в праздники, дни рождения и поминаения, в Новый год. К примеру, около 80 % японцев посетило синтоистские храмы в 1998 г. Синтоизм не требует от людей поклонения. Он – демократичен и прагматичен. Тут отсутствует официальная государственная религия.

Особое значение в истории Японии заняли периоды ранней Нары (646–710) и собственно Нары (710–794). Формально принято считать началом длительного периода реформ 646 г. Первая революция задалась целью превратить страну Ямато в цивилизованное государство. Период отмечен созданием первых законодательных сводов, становлением надельной системы землепользования, утверждением государственной собственности на землю. Тогда же правители Японии стали больше внимание обращать на решение первостепенных задач по внутреннему реформированию, нежели на внешнюю экспансию.

Замок Нидз. Интерьер. 1625

Следуют активные и широкомасштабные – заимствования из Китая. Оттуда потоком идут литература, чиновные порядки и установления, теории управления и т. д. Тогда же появляются первые японские литературные памятники «Кодзики» и «Нихонги». Возникла и первая постоянная столица Японии – город Нара, а страна получила свое нынешнее название – «Нихон» («там, откуда восходит солнце»). Новая столица Хэйан («столица мира и спокойствия», современный Киото) возникнет позже и будет оставаться формально резиденцией императора, «сына неба», вплоть до 1868 г. В дальнейшем, при сегунах из рода Токугава, столицей станет их ставка в Эдо (современный Токио). Население Японии отличалось довольно устойчивой динамикой роста: 1 миллион человек – в период дзёмон, 3 миллиона – в яёй, 5,6 миллиона – в Нара, 31 миллион – в начале XVIII в., 35 миллионов человек – в 1872 году.^[54]

Параллельно росту населения происходят культурные перемены в сознании обитателей японских островов. Нетрудно вообразить, какой колоссальный сдвиг произошел в мировоззрении вчерашнего обитателя землянки-татэана, покрытой камышом и соломой, с появлением великолепных культовых сооружений – храмов, дворцов и т. д. Видимо, некогда подобное потрясение испытали варвары, увидев храмы и сооружения Древнего Рима. Столь же поражены были древние россы при виде храмов Царьграда. Естественно, что именно монахи (а в иных храмах их было по 200–300 человек) являлись основными носителями культуры и образования. В храмах взошли первые цветы японской словесности: мифологический эпос «Сказание

о делах древности» («Кодзики», 712 г.), «Анналы Японии» («Нихонсеки», 720 г.), выдающийся памятник поэзии – «Собрание мириад листьев» («Манъесю»). Классический труд «Записки из кельи» Камоно Тмэй (1212 г.) напоминает лучшие образцы русской духовной литературы. Герой произведения жаждет гармонии с миром и жизнью: «Жизнь свою вручив Провидению, я не гонюсь за ней и от нее не отвращаюсь». В книгах японских мыслителей мы находим мимолетные думы, мудрые сентенции, звучащие отзвуками «голосов мудрецов или учителей буддизма». ^[55] Российский исследователь А. Н. Игнатович писал в книге «Буддизм в Японии»: «В начале главы отмечалось, что в центральных районах Японии проживало большое число переселенцев с континента. Будучи наиболее образованным слоем общества Ямато того времени, представители иммигрантских кругов сыграли исключительную роль в подготовке реформ Тайка, являлись учителями, духовными руководителями еще немногочисленной собственно японской аристократии. Наставником Сугоку-тайси был монах из Когуре; выходцы из корейских государств, как мы увидим, назначались так называемыми учителями страны, настоятелями буддийских храмов, т. е. занимали высокие посты в государственной и церковной иерархии. Корейские и китайские переселенцы привозили с собой новую или более совершенную технологию, поэтому царский род и другие крупные местные рода не только не могли обойтись без мастеров-корейцев или китайцев, но и специально выписывали их, о чем неоднократно упоминается в «Нихонги». ^[56] Надо признать: японцы всегда были и остаются по сей день прилежными учениками.

Будда Мироку (Тюгудзи, VII век)

Как отмечалось, японцы поклоняются одновременно буддизму и синтоизму. Буддийские сутры и стали для японцев первыми «учебниками письменности» (правитель Кореи впервые прислал изображения Будды в Японию в 552 г.). В. Овчинников так описывал эту тягу японцев к красоте, мудрости и поэзии: «В японском жилище есть как бы алтарь красоты. Это – токонома, то есть ниша, подле которой садится глава семьи или гость. Самое почетное место в доме принято украшать свитком с каллиграфически написанным изречением, чаще всего стихотворным. Здесь, где каллиграфия смыкается с поэзией, мы видим второй пример упражнений в эстетизме – всеобщее занятие стихосложением. Поэзия всегда была в Японии одним из любимых видов народного искусства. Каждый образованный человек непременно должен владеть как мастерством каллиграфии, так и мастерством стихосложения. Излюбленными формами массового поэтического творчества служат танка или хайку, которые можно в какой-то мере сравнить с афоризмами или эпиграммами». Эти же обычаи существуют и в Китае, где бережно сохраняется знаменитое стихотворение древнего поэта Ду Фу, написанное с пометками и чернильными пятнами. В Японии поэтический чемпионат проводится ежегодно с XIV в. и по сей день весьма и весьма популярен. ^[57]

По воле разума – над странами, веками —
Подобно лентам белых облаков,
Подобно птицам, машущим крылами,
Плывут в бессмертие ладьи твоих стихов. [\[58\]](#)

Среди монахов было немало сторонников идей просветительства и воспитания, ибо они и представляли собой самую просвещенную часть элит. Этот слой общества готовил профессионалов, связанных с научным, переводческим, литературным трудом. Так что не случайно именно в нарских храмах, где столетиями шла кропотливая работа по переписке и изучению буддийских текстов, сложились ранние школы японского буддизма (Санрон, Дзэицу, Куся, Рицу, Хоссо, Кэгон). Храмы давали тогдашним молодым умам обильную духовную пищу.

Образ просветителя описан в романе Иноуэ Ясуси «Черепичные крыши Тэмпе» (Тэмпе – время расцвета Нара, с 729 по 767 год). Проведя в Китае 30 лет, монах Гко переписал за это время громадное количество сутр. И хотя титанический труд состарил героя, лишив его не только возможных карьер и наград, но сил и здоровья, тот все же был счастлив. Он считал себя избранником небес, поскольку сумел собрать для отечества бесценные знания. «Только бы добраться до Японии! Как только я ступлю на ее землю, – говорит он, – сутры сами собой разойдутся по стране. Множество монахов будет их читать, переписывать, изучать. И учение Будды широко разнесется по земле». К сожалению, Гко не смог увидеть плодов своего труда – он погиб во время шторма на море. Удивительно яркими художественными мазками передана эта картина. Бесценные свитки, «словно дрожащие всем телом живые существа, падали в воду и исчезали на дне». В этом образе предстает как бы сама Япония – драгоценный свиток знаний, ощущающий извечную опасность быть поглощенным свирепым морем. [\[59\]](#)

Однако далеко не все источники информации ожидала такая печальная участь. Письменные средства коммуникации были распространены в Японии очень широко. В России мы говорим о нахождении берестяных грамот (XI–XIII вв.), число коих исчисляется в лучшем случае сотнями, как об уникальном и замечательном явлении. Это так... Но в Японии использование для нужд письменности

деревянных табличек (моккан), имевших хождение с VII в., приобрело огромный размах. На небольших островах за последние годы найдено 250 мест, где обнаружено 160 тысяч табличек, содержащих различную информацию (переписка между ведомствами, сведения о назначениях, поступлении налогов, хранении товаров). Были обнаружены и таблички с цитатами из произведений китайской классической литературы, японские стихи, календари, обеспечивавшие создание единого общегосударственного времени. Венцом этой информационной пирамиды должна была стать система образования в Японии. В такой системе прежде всего нуждалось само японское государство. Поэтому школы чиновников создаются в Японии очень рано. Историк отмечает, что первая столичная школа чиновников, в которой обучалось 450 учеников, возникла уже в 670 г., а вскоре организуется 60 провинциальных школ с числом учеников от 24 до 60 каждая (к 701 г.). Кроме этих школ функционировали школы медицины и астрологии, где проходили подготовку порядка 110 учеников. Весь же образовательный «контингент» насчитывал примерно 3 тысячи человек. Хотя с X в. государственное образование приходит в упадок и большее значение приобретает домашнее образование, заполняя нишу. В этот период здесь уже складываются некоторые черты, присущие и нынешней системе обучения (система экзаменов, усиленный тренинг и т. д.). Экзамены в школах носили регулярный характер и проводились с интервалом в 10 дней. Так что к получению знаний тут издавна привыкли относиться серьезно, хотя ученая и учительская премудрость вначале и в этой стране вознаграждалась достаточно скудно... В отношении большинства мудрецов и учителей тех времен можно было бы сказать словами одного древнего японского автора: «Ученость его обширна, однако бедность безмерна». ^[60]

Одним из корифеев эпохи просвещения в Японии был знаменитый Кукай (774–835)... Считается, что его матушка происходила из семейства Ато (предположительно семейство относится к потомкам легендарного корейца Вани). Первыми познаниями в литературе, философии, поэзии ребенок обязан дяде, который стал его домашним учителем. В 18 лет он поступил в Школу чиновников (дайгаку), в которой обучалось 430 юношей. Упор в школе делался на заучивание выдержек из философских трудов китайских мыслителей. Видно, эти порядки не нравились пытливому и

свободолюбивому юноше. Его биограф Синдзэй писал, что хотя тот усердно и занимался, но неустанно повторял, что «он все же изучает лишь следы людей прошлого». И далее: «Даже теперь занятия дают ему мало. Что же будет, когда он умрет и от тела ничего не останется?» В результате, так и не закончив обучения, оставил школу и устремился в горы. Он размышлял подобно неизвестному японскому поэту:

В неверном мире я страдать устал, —
В непрочном мире лишь печаль да стоны.
Уйду в теснины гор...
Пусть жизнь растает там,
Где тает снег на листьях горных кленов. [\[61\]](#)

Практика путешествий и паломничества была общепринятой для Запада и Востока. Кукай примкнул к паломникам, которые, стремясь достичь путем аскетизма, молитв, медитации совершенства, именовали себя «природная мудрость» («дзи-нэнти сю»). В культах синтоизма горы занимали почетное место. Они просветляли разум, закаляли сердца и укрепляли волю. За время путешествий он и в самом деле научился многим полезным вещам. И вскоре попал в посольство, отправленное японскими правителями в Китай (804 г.). То, что он не закончил Школы, компенсировалось его знанием китайского. В Китае он поступил в ученики к Хуэй-го (Кэйка), седьмому патриарху школы Сингон. В течение нескольких месяцев китаец обучал нового ученика буддизму (как говорили тогда, бережно «переливал воду из одного сосуда в другой»). Огромное значение имело и знакомство Кукая с богатейшими культурами Китая и Индии. Он выучил санскрит, совершенствовался в каллиграфии и стихосложении, запасся горами книг. Позже состоялась и первая попытка японцев проникнуть в Индию (861 г.).

Бумага для упражнений и каллиграфии

По возвращении домой он с позволения государя основал «школу Сингон», внося тем самым заметный вклад в становление системы образования в Японии. Хотя в это время существовало несколько школ общеобразовательного плана (школы, учрежденные Вакэ Хиросэ и Фудзивара Фуюцугу), обучавшие детей из влиятельных семей, но именно Кукай был первым, кто основал школу для простого люда. Это учебное заведение называлось «Школой премногих искусств и разной премудрости» и сюда принимали всех, независимо от родовой принадлежности. Для учеников своей школы он составил словарь иероглифов (открытие е состоялось в 828 г.). Ученикам преподавались самые различные учения (Будды, Конфуция, Лао-цзы). Кукай любил так объяснять свой взгляд на формирование идейных воззрений его учеников: «Изысканное блюдо не пахнет чем-то одним, прекрасная мелодия не складывается из одного тона». Японская культура была многотональной:

Не в том ли смысл, чтоб Разум, умирая,
Собою наполнял сокровищницы края?!

Это подтверждает судьба другого просветителя – Сугавара Митидзанэ (845–903), род которого восходил, якобы, к божеству, рожденному от союза богини солнца Аматаэрасу и повелителя бури Сусаноо. Предки, бывшие ранее глиняных дел мастерами, со временем избрали иную профессию – овладение книжной премудростью... По этому пути пойдет род Сугавара, который благодаря учености и возвысился в статусе. Дед Митидзанэ в начале IX в. организовал частную школу конфуцианских штудий, а отец стал главой школы

чиновников (дай-гаку). Молодость Митидзанэ ушла на экзамены. Японцы и в настоящее время воспринимают тяжкие экзамены как нечто естественное, как восход или заход солнца. В 26 лет он сумел преодолеть самый сложный экзамен – сочинение (за полтора столетия – с конца VIII в. по 30-е годы X в. – это удалось лишь 65 ученым). То были знатоки китайских источников. Спустя шесть лет (в 32 года) он получил должность советника по словесности. Ее получали не более двух знатоков в стране (одновременно). Сугавара готовил официальные исторические хроники, преподавал в столичной Школе чиновников. Хотя многие аристократы перестали посылать детей в чиновничьи школы, предпочитая обучать их дома. Из программ стали выхолащиваться история и естественные науки, больше внимания уделялось музыке, поэзии, риторике. В IX в. прервались официальные связи Японии с Китаем (контакты с материком отсутствовали с 838 по 1401 гг.). Наступил период внутренней изоляции (5–6 вв.).

Тем не менее, формирование комбинированной культуры не прекращалось. Как отмечал культуролог Т. Ито, феодалы и богатые купцы XVI в. синтезировали культуру старой аристократии и сгунов с культурой крестьян, добавив сюда некоторые элементы иноземных культур, просачивавшихся в Японию из районов Восточной Азии. Шел процесс селекции, отбора того, что наиболее подходило японцам. Особенно были важны заимствования у Китая. Японцы говорят: «В древности ханьский народ необъятной китайской империи смотрел на Японию как на «страну-крупинку» с малочисленным «варварским» населением, расположенную где-то у восточного побережья Китая и неспособную представлять угрозу для Поднебесной. Японцы, со своей стороны, прилежно изучали китайскую культуру и, опираясь на нее, активно импровизировали. По всей видимости, японцам было нелегко постичь философские, интеллектуальные основы китайской цивилизации и скопировать их во всей полноте. Да они и не пытались добиться этого. Больше всего на свете они предпочитали селективный подход и не боялись недопониманий или искажений. И действительно, они часто неверно истолковывали заимствованное. Не подлежит ни малейшему сомнению, что нередко их ошибки были преднамеренными. Они стремились ассимилировать заимствования в собственную культуру, руководствуясь своими собственными предпочтениями. Развитие японской культуры представляло собой

процесс создания разновидности заимствованной культуры и ее рафинирования. Японцы населяли маленькую островную страну и не старались воспроизвести у себя китайскую культуру во всем ее грандиозном объеме». ^[62]

Отношение японцев к разным религиям было ровным и уважительным. Ранее мы писали о том, с каким рвением и лютостью просвещенная Европа преследовала иноверцев, распиная, колесуя, сжигая, пытая тех, кто не желал следовать той или иной официальной религии или доктрине... Сколько народных трагедий, сколько искалеченных и отнятых жизней, сколько изломанных судеб на совести самых почтенных и уважаемых конфессий и церквей Европы! Иначе обстояли дела у японцев. Они не знали религиозных войн (хотя этот «пробел» успешно восполняли феодалы-сегуны и воинственные монахи). В Японии не было принято преследовать граждан страны на том основании, что они принадлежат к «враждебной религии».

Тысяча будд из храма Сандзюсангэндо, XIII век

Многие европейцы, попадавшие в Японию, отмечали, что жители страны даже производят впечатление неверующих. И все потому, что там нет религии, которая считает себя единственной правопреемницей истины в последней инстанции. Как отмечал французский историк А. Бельсор в книге «Японское общество» (XIX в.), «терпимость, которая

только начинает проникать в наши умы, есть одно из самых древних нравственных правил Дальнего Востока». Более того, Бельсор даже увидел в том некую отличительную черту желтой расы. По его мнению, японцу не стоит задавать вопросы о его религиозных убеждениях, поскольку и сам он, вероятно, никогда не задавал себе подобных нелепых вопросов. Терпимость вероучений здесь велика: «Я часто посещал многолюдные храмы Токио, они никогда не производили на меня впечатление общения верующих, собравшихся для общей молитвы, общему божеству. Каждый приходит, совершает те обряды, какие хочет, снимает шляпу или остается с покрытой головой, падает ниц или кланяется, останавливается, проходит, показывает своим положением полное доверие к божеству, или полдоверия, или четверть доверия. Никто не показывает молчаливого увлечения сердец, одинаково убежденных и одинаково тронутых. Но никто и не следит за искренностью молитв. Там не глядят украдкой по сторонам, чтобы следить за усердием своих соседей. Споры буддистских сект также мало беспокоят толпу, как соперничество между продавцами – покупателей. Это споры монахов, которые отнюдь не стремятся к отысканию истины, а только грубо оспаривают друг у друга возможность надувать народ... Там не знают достойных осуждения заблуждений, ни ересей, ни страстных расколов, ни этой породы лицемеров, самой глупой из всех, – воинствующих атеистов».

[63] Японцы, вне зависимости от того, какую религию они исповедуют, мало похожи на фанатиков веры. Скорее мы назовем их политеистами, ибо они и поныне сохраняют в своем сердце элементы языческих верований (многобожия). Трудно себе даже представить, чтобы в какой-либо стране истинный католик, православный, правовеерный мусульманин или иудей произнес фразу, подобную высказанной однажды президентом компании «Сони» А. Морита: «Мы часто в шутку говорим, что большинство японцев рождаются синтоистами, живут как конфуцианцы, женятся по-христиански, а хоронят их как буддистов».

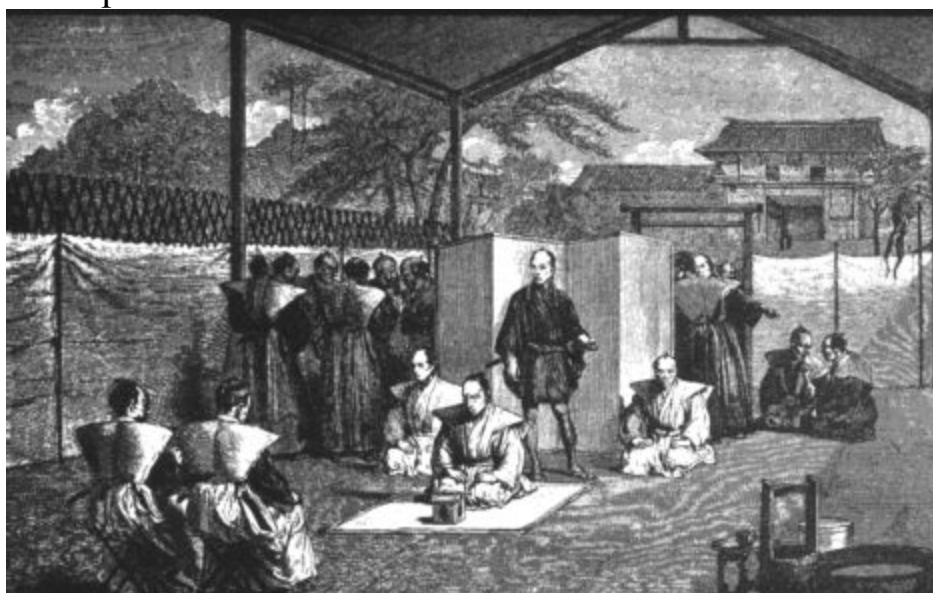
[64] Япония сумела воспитать в своих гражданах терпение, трудолюбие, почитание природы, любовь к культуре и красоте. И это при чрезвычайной насыщенности войнами и катастрофами. В основных компонентах ее история напоминает трудную и кровавую историю России. Несмотря на то, что распространенные в Японии

религиозные каноны и нормы (буддизм, синтоизм, конфуцианство), казалось бы, должны были наставлять ее обитателей на «путь богов», реальное поведение японцев в жизни далеко от идеальных установок. Бесчисленные гражданские и междоусобные войны, распри феодалов разоряли страну. Правители не отличались ни кротким нравом, ни веротерпимостью. Когда в 1573 г. власть в Японии захватил вспыльчивый и жестокий Ода Нобунага, он сжег целый комплекс храмов и монастырских построек буддистов (с их обитателями). Причиной дикого поступка феодала стало предположение, что буддизм, якобы, деструктивен и враждебен его власти. При этом он считал возможным относить себя к «любителям искусств». Известна и трагическая гибель вождя дома Тайра... Вождь Киемори умер после того, как он предал огню храм и знаменитую статую Будды в древнем городе Нара. Естественно, следуя логике, он должен был ощутить и на себе возмездие богов. Как напишет неизвестный автор «Сказания о доме Тайра»: «Родительские грехи ложатся и на детей». Стоит напомнить, что аналогичного рода «подвиги» совершали и правители Китая.

Несмотря на все войны и междоусобицы, шло постепенное усиление локальных лидеров и элит. Нарождался класс «новых японцев», куда входили кланы сельских воителей, купцы, городские торговцы. Они-то и способствовали возникновению новой культуры. Интересно и то, что в ее основу легли не аристократические установки, а скорее взгляды и ценности простого народа. Этот класс новой японской знати сформировался во второй половине XVI века. Япония издавна управлялась диктаторами-сгунами, хотя ее главой формально считался император (со двором в Киото). В 1603 г. сгуном («главнокомандующим по подавлению варваров») стал Токугава Иэясу. Власть клана Токугава установилась надолго (265 лет).

Сгуны играли важную роль в жизни страны. Сгун Токугава Иэясу (1542–1616), к примеру, своею страстью к собиранию древних рукописей напоминал флорентийских Медичи. В имении в Сидзуока он собрал одну из самых богатых библиотек, когда-либо существовавших в стране. Еще большей известностью, как отмечает К. Кирквуд, пользовалась библиотека внука Иэясу, феодального князя провинции Мито. Он не только собрал огромное количество книг, рассеянных ранее по различным синтоистским, буддийским храмам и

частным коллекциям (XVII в.), но и привлек ученых к составлению не имеющей себе равных в истории «Дай Нихонси». Замечательной чертой японской культуры является скромность ее ученых и властителей. Так, в литературе и искусстве практически почти отсутствуют мотивы прославления царствующего императора. Даже выдающиеся деятели страны не считали возможным скрывать их недостатки. Упомянутый Иэясу говорил: «Когда я был молод, то слишком много занимался военным делом, на учебу же времени не оставалось, и вот поэтому на старости лет я довольно невежественен». Согласитесь, сегодня редкие правители мира могут позволить себе подобную откровенность. ^[65]

Церемония харакири

Ни о каких конституциях японцы тогда не слыхивали. Все в обществе строилось в соответствии с принципами Конфуция. Он, как уже сказано, ратовал за строгую иерархическую систему, высшую ступень которой занимали воины (самураи). Японских самураев всегда отличали воинственность, четкое следование кодексу чести и, что примечательно, трезвость. Далее на иерархической лестнице располагались крестьяне. Это основная группа населения, которая была обязана трудиться и повиноваться. Затем шли ремесленники. Самую нижнюю ступень иерархической лестницы занимали купцы и торговцы. Существовала и относительно небольшая группа японцев (прослойка), которая не входила в упомянутые нами 4 разряда. Ее можно было бы назвать чиновной интеллигенцией (придворные,

священнослужители, врачи, ученые). Имелись и парии общества, выполнявшие самые грязные и непрестижные работы.

Как писал современный исследователь Японии Ч. Данн, некогда самураи принадлежали к крестьянскому роду-племени. Но в конце XVI в. правитель Хидэси, боясь восстаний и мятежей, издал указ, по которому за каждым слоем закреплялись вполне определенные функции. Самураи не могли становиться горожанами, а крестьяне не имели права покидать земель. У крестьян, составлявших главную опору страны, отнимали оружие, дабы те не могли сопротивляться угнетателям («охота Хидэси за мечами»). Известно, что слово самурая ценилось в Японии без всяких письменных гарантий. В этом же ряду «обязательств, писанных кровью», стоит и обычай, известный нам как харакири («сэппуку»). При помощи ритуала самоубийства побежденный, гордый самурай-буддист мог расстаться с жизнью, но сохранял свою честь. В книге «Хакагурэ» («Афоризмы Набэсима») содержатся поучения типа «Вы можете потерять свою жизнь, но честь никогда». Смерть японских императоров в конце XIX в. и в XX в. нередко сопровождалась актом самоубийств приближенных. Страх смерти самурая был чужд.

В обществе возникло социальное расслоение. Так был создан кулак будущего милитаризма. В лице самураев и чиновников правители обрели прочную опору, живя за счет народа (сгун, феодалы, чиновники, самураи получали «пайки», не в деньгах, а в рисе, так сказать, в традиционной восточной валюте). Чтобы удерживать в повиновении крестьян и тружеников, в стране была установлена система наказаний. Законы строги. Суд выслушивал обе стороны. Всех провинившихся ставили на белый песок (сирасу). Тот олицетворял собой истину. И там они выслушивали приговор. Наказания различные – от домашнего ареста, ссылки на далекий остров до смерти путем сожжения или отсечения головы (за убийство, воровство, супружескую неверность). Гулящих женщин обривали, что считалось большим позором. Тюремь не считались наказанием. Общественное неравенство и в Японии имело давние прочные корни.

Самыми свободными гражданами Японии считались «ронины» (самураи без определенных занятий). Обычно они обучали молодежь военному искусству, работали охранниками у богатых купцов, служили учителями. А иные из них становились даже писателями.

Самая тяжкая ноша ложилась на плечи крестьян. О том, что представляла собой их жизнь, говорят регламентации указа (1649): «Крестьянские работы должны выполняться с очень большим усердием... Крестьяне должны вставать рано и перед работой в поле накосить травы. По вечерам им надлежит плести из соломы веревки и сумки, причем все нужно делать очень аккуратно. Ни крестьяне, ни их жены не имеют права покупать чай или сакэ. Крестьяне должны высаживать бамбук или деревья вокруг дома, а опавшие листья использовать как топливо. Крестьянам необходимо быть предусмотрительными. Поэтому целесообразно не кормить рисом жен и детей во время сборки урожая, а оставлять его на будущее. Вместо риса следует питаться просом, овощами и другой грубой пищей. Листья, упавшие с дерева, нужно собирать, чтобы использовать в пищу в случае голода. Во время сева и сбора урожая, когда крестьяне много работают, питаться нужно лучше, чем обычно. Муж должен работать в поле, а жена — дома, на ткацком станке. Ночью тоже необходимо работать. Если жена пренебрегает своими обязанностями домохозяйки и часто пьет чай или гуляет по окрестностям, то какой бы красавицей она ни была, с ней надо развестись. Крестьяне должны носить одежду только из хлопка или конопли, но не из шелка. Им запрещается курить табак, потому что это вредно для здоровья, отнимает время и стоит денег».^[66] А народная пословица гласит: «Вечером пьяница — утром лентяй».

Храм Феникса в Удзи, период Хэйан

Первыми посетили Японию португальцы и испанцы. По одной из версий, путешественников занес на острова свирепый тайфун (1543). По другой версии, сюда и пришел португальский корабль. Огромный интерес вызвало у японцев огнестрельное оружие, неизвестное им (они называли его «танэгасима»). Ради получения мушкетов вечно воевавшие феодалы открывали гавани португальцам и даже выразили готовность разрешить миссионерам проповедывать христианство. Японцы встретили европейцев с интересом и почтением. Они разглядывали с любопытством их внешность, одежду, манеры, удивлялись, почему те не понимают значения иероглифов. Поэтому они называли португальцев «южными варварами» (намбандзин). Тем не менее диктатор Ода Нобунанга оказал пришельцам всяческую поддержку и разрешил строительство церквей, семинарий и больниц. Постепенно отделения католических миссий появились и в Центральной Японии. С 1582 по 1597 годы число японцев-христиан удвоилось, достигнув порядка 300 тысяч. Португалец Ф. Ксавье, прожив в Японии более двух лет, писал о ее народе: «Из того, что мы узнали, живя в Японии, я могу сообщить следующее: прежде всего, люди, с которыми мы познакомились, гораздо лучше всех тех, с кем до сих пор нам приходилось сталкиваться, и я считаю, что среди язычников нет нации, равной японской... Многие здесь умеют читать

и писать, что немало способствует быстрому запоминанию ими молитв и вообще восприятию истинной веры. Японцы отличаются доброжелательностью, общительностью и тягой к знаниям». Так считали многие. Вот что говорил в XVI в. о японцах А. Валиньяно: «Люди здесь – благородны, учтивы и чрезвычайно воспитанны, и в этом они намного превосходят все другие известные нам народы. Они умны от природы, хотя науки здесь развиты довольно слабо, поскольку японцы – самая воинственная и драчливая нация на свете. Начиная с пятнадцатилетнего возраста все мужчины, и богатые и бедные, независимо от общественного положения и рода занятий, вооружены мечом и кинжалом. Более того, каждый мужчина, благородного происхождения или низкого, имеет такую неограниченную власть над своими сыновьями, слугами и другими домочадцами, что может, если того пожелает, убить любого из них без малейшего повода и завладеть его землей и добром» (1549–1551).^[67] В годы правления Токугава Иэясу тут появились и англичане. Один из них, Уильям Адамс, вскоре стал переводчиком, приближенным сгуна и посредником в торговле (1600). Благодаря ему открылись голландское и английское торговые представительства. Под его руководством в Японии был построен и первый килевой корабль европейского типа. Не раз пытались проникнуть на острова и русские, давно слышавшие, что где-то «на востоце во окияне море» лежит удивительный остров, что «зело велик, именем Иапония». Интерес их с годами возрастал.

Прием голландского посольства японскими сановниками

Японцы, будучи в жизни прагматиками, ко всем относились ровно. Главы крупных феодальных домов Отомо, Омура, Арима, получая колоссальные барыши от торговли с португальскими купцами, если и приняли христианство, то из практических соображений. Вассалы следовали примеру сюзеренов. Идея равенства всех перед Богом привлекала в христианстве и низшие слои. Важную роль играла культура. Среди миссионеров было немало образованных людей. Иные из них надолго оставались в Японии. Патер Л. Фроиш пробыл здесь более 30 лет. Он овладел японским языком и написал первую «Историю Японии» (в несколько тысяч страниц). Другой португальский автор, Ж. Родригеш, стал автором первой грамматики японского языка (1604). Иезуиты-миссионеры не столько желали привести «заблудшие души» японцев в католическую веру, сколько искали власти и богатства (торговля оружием, шелком, золотом).

Этими же мотивами руководствовались все остальные европейцы. Кстати, упомянутый Ф. Ксавье первым стал рассылать в Европу письма из Индии и Японии. Затем письма в многочисленных копиях расходились по иезуитским миссиям. Ему же пришла в голову идея послать в Европу японцев-христиан. С этой целью из знатных японских семей христиан-обращенцев выбрали четырех молодых людей, обучавшихся в католической семинарии (14–16 лет). Они посетили Португалию, Испанию, Италию, всего 70 больших и малых городов. Их приняли два папы, наместник Португалии, король Испании, дожи Венеции и Генуи. В их честь устраивались пышные приемы, процессии. Их сделали римскими патрициями и рыцарями Золотой шпоры. Японцев одарили роскошными подарками. Знаменитый венецианский живописец Якопо Тинторетто исполнил в натуральную величину их портреты. Их поместили в Зале Большого совета, где были развешаны портреты дожей. В высшей степени знаменательно то искусство и тот дипломатический класс, который показала в данном случае католическая Европа. Так она желала заполучить благосклонность детей Востока. В прочитанной в Ватикане молитве говорилось: «Отдалила природа Японские острова от наших мест такими громадными промежутками моря и земли, что в древние времена они были не более, как глухим упоминанием, и лишь некоторые слышали это название; все же остальное было в полной

неизвестности. Однако, Святейший Отец, острова не только есть, но их много, они велики и многочисленны и замечательны природными способностями и талантами их обитателей и знанием военного искусства; так что уж кто увидит эти острова, предпочтет их другим восточным народам».

Портрет португальца Ксавье

Эти контакты дали результат. Уже первый объединитель страны Ода Нобунага (1534–1582) поощрял заимствования европейской техники и культуры. Однако этот процесс должен был приобрести более масштабный, энергичный характер, чтобы вывести народ из той изоляции, в которой он находился. Эпоха Токугавы (1603–1867) обещала принести необходимые изменения, динамизм, обновление. Объединение страны способствовало значительному подъему торговли и росту благосостояния населения. В свою очередь это стимулировало образование и культуру. Можно сказать, что уровень образования японцев и в XVI в. ни в чем не уступал европейскому. Японское крестьянство было уже почти поголовно грамотным. В больших городах большинство мужчин и женщин умели читать и писать. О способностях японских детей упоминали многие. Один из миссионеров писал: «Их дети очень быстро схватывают наши уроки и задания. Они овладевают чтением и письмом на нашем языке намного быстрее и легче, чем европейские дети. Низшие классы в Японии не так невежественны и грубы, как в Европе. Здесь они в большинстве своем разумны, хорошо воспитаны, и им легко дается учение».

Мореплаватель В. М. Головнин подтверждал это фантастическое стремление японцев к знанию и просвещению. Он даже выделил эту нацию в ряду других цивилизованных народов: «Что касается до народного просвещения в Японии, то, сравнивая массою один целый народ с другим, японцы, по моему мнению, суть самый просвещенный народ во всей подсолнечной. В Японии нет человека, который бы не умел читать и писать».

Их было немало, достойных сынов Японии, что освещали светом знаний умы соотечественников. Среди таковых назовем: незнатного воина Хидэеси Тоетоми (1536–1598), достигшего высшей власти и ставшего покровителем искусств и культуры, императора Гоедзэйтено (1586–1611), также большого покровителя наук и книголюба, привезшего из Кореи печатные станки с подвижным деревянным шрифтом, удостоенного титула «кокуси» (Учителя страны); Камо Мабути (1697–1769), ученого-кокугакуся, основателя собственной школы Агатай, из которой вышли многие выдающиеся ученые; Мотоори Норинага (1730–1801), врача и ученого, составившего за 35 лет ценнейший комментарий к «Кодзики». Возникло в Японии и свое классическое Возрождение (XVII–XVIII вв.). Феодалы, ученые, священники привозили из Китая редкие сочинения китайских классиков, книги по буддийской и конфуцианской философии. Возвращены были к жизни и древние японские сочинения («Сказание о делах древности», «Анналы Японии» и др.). Подобно древним грекам или римлянам, в «Анналах» («Нихонги») стали излагаться события японской мифологии. Ранее на нее в течение тысячи лет не обращали внимания. Как это было и в Китае, японские поэты воспевали мудрых, но бедных ученых.

Ученый Чжун-вэй любил свой нищенский дом.
Вокруг его стен разросся густой бурьян.
Укрывшись от глаз, знакомство с людьми прервал.
Стихи сочинять с искусством редким умел.
И в мире затем никто не общался с ним,
А только один Лю Гун навещал его...
Такой человек, и вдруг – совсем одинок?
Да лишь потому, что мало таких, как он:
Жил сам по себе, спокойно, без перемен —

И радость искал не в благах, не в нищете!
В житейских делах беспомощный был простак...
Не прочь бы и я всегда подражать ему!^[68]

Процесс сближения с миром шел трудно. Сближение между разными цивилизациями было не столько делом естественным, сколь неизбежным и невольным. Причем процесс вестернизации шел как бы снизу, от нужд народа. Выяснилось, что научно-технические достижения Запада, в том числе в области вооружений, крайне необходимы для дальнейшего развития страны. Однако не стоит преувеличивать масштабы этого влияния. Так, португальские и испанские священники принесли с собой науки и книги. Но многие из них подверглись гонениям. Проявился страх японцев перед чуждой идеологией. Последовал «указ о закрытии страны». Правительство запретило деятельность западнохристианских миссий в стране (1587). Законы 1636 и 1639 гг. запрещали японцам путешествовать за границу, а португальцам – оставаться жить в Японии. Власти пытались воздвигнуть «бамбуковый занавес» на пути проникновения в страну чуждой идеологии, введя запрет на книги, написанные в Пекине священниками-иезуитами и обращенными в христианство китайцами. Указом от 1630 г. запретили ввоз 32 произведений религиозного и научного содержания, написанных М. Риччи и другими учеными-иезуитами. Экземпляры этих книг были сожжены. Некоторые были упрятаны в специальные хранилища («Элементы» Эвклида, «О дружбе» Цицерона, труды по астрономии или географии, другие книги). Ввели цензуру на печатную продукцию. Строгости стали почти драконовскими с 1685 г., когда лишь за обнаружение на борту судна книг, где упоминалось бы о христианстве, команду изолировали, груз арестовывали, а капитану корабля запрещали появляться в японских водах. Книги на европейских языках (которых в Японии тогда никто еще не знал) не подлежали запрету.^[69]

Виной тому нередко были сами миссионеры. Находившийся в плену у японцев ряд лет В. М. Головин (1811–1813) объяснял причины предпринятых японцами дискриминационных мер против западных «крестоносцев»: «Главной, или, лучше сказать, единственною, причиной гонения на христиан японцы полагают

нахальные поступки как иезуитов, так и францисканцев, присланных после испанцами, а равным образом и жадность португальских купцов; те и другие для достижения своей цели и для обогащения своего делали всякие неистовства; следовательно, и менее прозорливый государь, нежели каков был Тейго, легко мог приметить, что пастырями сими управляло одно корыстолюбие, а вера служила им только орудием, посредством коего надеялись они успеть в своих намерениях. Но, несмотря на все это, изгнанные из Японии миссионеры в свое оправдание и по ненависти к народу, не дававшему им себя обмануть, представили японцев перед глазами европейцев народом хитрым, вероломным, неблагодарным, мстительным – словом, описали их такими красками, что твари гнуснее и опаснее японца едва ли вообразить себе можно. Европейцы все такие сказки, дышащие монашескою злобою, приняли за достоверную истину». Этот стереотип в отношении других стран и народов стал едва ли не общепринятым для Европы или США. Предприняли попытку завязать торговые отношения с Японией и французы. Но они больше внимания обращали на ритуальную, а не на деловую сторону визита. В «Путешествии Шардена» дается рекомендация: «Самое лучшее свое платье, которое ни разу еще не было надето вами в Японии, а также подобное платье вашей свиты вы должны сохранить до дня представления ко двору, до дня вашей аудиенции. Как скоро вы прибудете туда, распорядитесь, чтобы свита ваша запаслась небольшими кожаными башмаками и туфлями. Полы в японских домах покрыты коврами, и по этой причине, входя туда, вы должны снять башмаки; да лучше иметь башмаки без каблуков, чтобы вы удобнее могли их сбросить». Интерес к Японии проявила и Россия. Первый японец объявился в России в XVII веке. Им был некто Дэнбэй. В 1701 г. его препроводили в Москву и на основании сообщений составили доклад, где описывались географическое положение Японии, государственный строй страны, вооружение, религия, ресурсы, обычаи, ремесла. Так мы впервые узнали о Японии из уст самих японцев. В 1702 г. Дэнбэя принял сам Петр Великий. Его взяли, как говорится, на государственный кошт, крестили, нарекли Гавриилом и присвоили звание «учителя японской школы в России». Пути в Японию русские тогда еще не знали. Известно и пребывание японского купца Кодая со спутниками, попавшими в Россию после

кораблекрушения. Екатерина II пожаловала ему золотую медаль, 600 рублей, жилище и стол. Затем было принято решение отправить его в Японию на фрегате «Слава России». ^[70]

Обсуждение теории Коперника, или Диспут ученых. XVIII век

Эти отношения получают развитие в ходе визита в Японию чрезвычайного и полномочного посланника России Н. П. Резанова (1764–1807). На корабле «Надежда» он совершил первое кругосветное путешествие; а затем туда же прибыла и эскадра адмирала Путятина (1853). Военный корабль «Надежда» вышел в море, оставив Петропавловскую гавань, направился к берегам Японии и прибыл в страну в сентябре 1804 г. Н. Резанов обратился к команде с речью: «Россияне! Обошед вселенную, видим мы себя, наконец, в водах японских! Любовь к отечеству, мужество, презрение опасностей – суть черты, изображающей российских мореходов; суть добродетели, всем россиянам вообще свойственной. День сей, друзья мои, знаменит в отечестве нашем (день коронавания государя Александра I); но он еще будет знаменитее тем, что сыны его в первый раз проникают в пространства империи Японской, и победоносный флаг России ознакомливается с водами нагасакскими». Казалось, японская сторона вполне созрела для установления связей с Россией. В Японии ждали прибытия русского судна и готовились принять русских. Жизнь требовала налаживания торговых отношений. Японские купцы валом валили в Нагасаки, прослышав о приезде русских. Они предлагали и

свои условия торговли. Тем неожиданнее были результаты переговоров. Сгун заявил, что никаких переписок с россиянами иметь нельзя, в города иностранцам заходить запрещено, посольства император принять не может и торговли с Россией не желает и не просит. Ответ был подобен ушату ледяной воды, тем более что ранее были приняты иные решения. На самом деле причиной отказа была смена советников и ориентиров. Прежде, еще во время прибытия в Японию миссии Лаксмана (1792), при дворе тогдашнего сгуна преобладало влияние сановника Девесама, видевшего в сношениях с иностранными державами (в том числе с Россией) залог обновления и развития родины. Его мнение было господствующим, к нему прислушивался и сгун. Тогда духовный император (микадо) был скорее «фантомом власти». Когда же скончался Девесам, возобладали изоляционистские настроения, господствовавшие двести лет. Как всегда бывает в таких случаях, за отказом прослеживалось давление голландской стороны, желавшей сохранить права приоретной торговли и сношений с Японией. Сыграли роль и противоречия между сгуном и императором. Впрочем был свой резон и в мнении, высказанном в «Русской Старине» нашим военным специалистом К. Военским (1895): «Имей мы в то время в Тихом океане эскадру, которая могла бы поддержать наш авторитет в Японии, исход переговоров был бы, вероятно, иной, и честь открытия Японии для европейской торговли, – как это сделано было 50 лет спустя американской эскадрой Перри, – принадлежала бы России».^[71]

Различия во вкусах, порядках и нравах не могли не сказаться на взглядах и поведении. Это в свою очередь наложило отпечаток на отношения между представителями различных рас и наций. К примеру, португальцев удивляли некоторые особенности поведения японцев и даже их внешний вид. Если европейские женщины стремились к белизне зубов, то японки видели особый шик в черных зубах (японские модницы делали с помощью железа и уксуса свои рот и зубы черными). Европейцы совершали омовение дома в интимной обстановке. Японцы мылись совершенно открыто (в общественных банях или перед домом). Европейцы меняли репертуар пьес в театрах. Японцы предпочитали однообразие сюжетов. Европейцы любили в музыке богатство, гармонию звуков. Напротив, японцы в песнях, музыке непривычно тянули протяжный мотив («все дружно воют»).

Европейцы совсем теряли голову при виде золота, драгоценностей или иных сокровищ, а японцы полагали бесценными самые что ни на есть простые вещи. Они сочли тягу европейцев к дорогим вещам или камням пустой и даже где-то позорной привычкой. Европейцы стремились выразить в живописи батальные сцены или сложные композиции, тогда как японец мог восхищаться даже простым деревцем или певчей птицей. Признаться, и японцы нередко взирали на иностранцев с большим изумлением и опаской. Скажем, в начале XVIII в. самые невероятные слухи ходили о голландцах. Японцы называли их «красноволосыми» (комо), частенько сравнивая их с демоническими существами буддийского пантеона. Японец, посетивший голландский корабль, к примеру, оставил такое описание странных чужеземцев: «Лица у них темные, болезненно-желтоватые, волосы желтые, а глаза зеленые. Кто же при виде их не обратился бы в бегство от страха?!». Часто их образы и вовсе представлялись самыми невероятными: «Говорят, будто у голландцев нет пяток, что глаза у них, как у зверей, и что они великаны». Впрочем, японцы честно отмечали и те достоинства, которые их поразили в голландцах: «Они самые лучшие в мире мореходы, сведущие в астрономии, географии и предсказаниях. Они также первоклассные медики». Как видите, непонимания, заблуждений и мистификаций хватало с обеих сторон. Причина такого конфликта проста: речь шла о совершенно различных моделях культуры и мировосприятия. [\[72\]](#)

Кавахара Кэйга. Вице-адмирал Путятин со свитой (1853)

Все это, вместе взятое, должно, видимо, объяснить возникновение любого рода «занавесей» в истории взаимоотношений между многими странами. Такой рода «железный занавес» был принят на вооружение и в Японии. Власти там относились крайне настороженно к контакту граждан с иностранцами. Последним вообще запрещалось вступать в контакты с местными жителями. Если кому и разрешалось как-то общаться с голландцами, то это переводчикам, часто выполнявшим полицейско-шпионские функции, или проституткам. У входа на остров Дэсима в гавани Нагасаки, где была фактория, висела надпись: «Только для проституток. Для других женщин вход воспрещен». Так что в некотором смысле и тут самыми первыми культурными посланниками в Японии оказались «жрицы любви»: «Посетивший сегодня и завтра придет, не придет, так другой его место займет». Хотя в отношении замужних дам законы страны были очень строги и, пожалуй, даже чересчур суровы (если ее обнаруживали с другим мужчиной, муж или родственники обычно наказывали бедняжку лютой смертью).^[73]

Деспотические установки «кодекса национальной чести» сохранялись в Японии примерно до середины двадцатого века. В известном романе В. Пикуля «Три возраста Окини-сан» дана картина

той противоречивой Японии, когда еще в 1880 г. военная эскадра России нанесла визит в японские порты. Русские моряки были потрясены не только ландшафтами страны, умопомрачительной чистотой ее институтов и гимназий, но и утонченной красотой японских девушек. В романе речь идет о любви русского мичмана и японской девушки. В одну из ночей она поведала офицеру о своей горькой судьбе. В японском иерархическом обществе каждый человек должен был знать свое место. Так, женщине, рожденной в год Тора (а к ним принадлежала и Окини-сан), суждено было стать гейшей или работницей на фабрике. И когда спустя четверть века мичман (после трагедии Цусимы) оказался в плену у японцев, он вновь встретил Окини-сан. Япония повела себя сурово не только по отношению к врагу, но и к своим гражданам. Связь японок с русскими пленными офицерами сочли почти что преступлением. После того как заключался временный брак, новобрачных обычно тут же разлучали. Имя офицера публиковалось в газетах, а женщину-японку, осмелившуюся бросить вызов общественной морали, регистрировали в полиции как проститутку.^[74] Японцы, стремящиеся к жизненному равновесию и гармонии, любят повторять: «Добро – изнанка зла» и «Страдание – семя радости».

И все же женщина занимает исключительно важное место в японском доме. Это домашнее божество. В Японии дольше, чем где-либо, сохранялся матриархат. Дочка в семье считалась заветным сокровищем, благом, залогом будущего процветания. В Японии особо велика роль цариц и жриц. Они придавали тайну и очарование императорской семье. К примеру, существует легенда о принцессе Ямато-то-то-хи момосо химэ. Считалось, что эта принцесса приходилась супругой самому Богу, приходившему к ней по ночам. Известное женское любопытство побуждало ее увидеть мужа как-нибудь при дневном свете. Вняв просьбам жены, бог Омоно нуси дал ей шкатулку для гребней, посоветовав утром заглянуть в нее, но при этом не пугаться того, что она там увидит. Все женщины в любви бывают слепы, иллюзии в любви – опасны и нелепы. Жена, дрожа от возбуждения и едва дождавшись утра, открыла крышку таинственной шкатулки. И тут же вскрикнула от испуга – там, свернувшись клубком, лежала змея. Муж-бог тут же обиделся и ушел от жены (на гору Мива). Ушел надолго, а, может быть, и навсегда. Принцесса горько

затосковала и сошла с ума. Проткнув себе матку палочками от еды, бедняжка умерла. Хотя потомство их сохранялось и продолжало царствовать. В этой легенде виден глубокий смысл. Даже между самыми любимыми супругами всегда есть нечто, что сокрыто до поры до времени. Умные пары обычно стараются и не открывать «шкатулку».

Женщине в Японии отводится почетное место орхидеи или ветки сакуры... Она призвана украшать обитель мужчин, при этом одновременно оставаясь как бы в тени – незаметная и молчаливая. Женщина Востока. Взоры художников не могли миновать этих прелестнейших существ. Уже в период Хэйан (IX–XII вв.) зеркало культуры отражает пленительные женские образы. Разумеется, и сама женщина должна была сказать в искусстве веское слово. Видное место в японской поэзии заняли женщины-поэтессы. Специалисты отмечают, что в «золотой венец» японской литературы того периода «больше вплетено женских имен, чем мужских». Среди них Мурасаки Сикибу, Сэй Сенагон, Митицунано хаха, Идзуми Сикибу, Исэ, Сагами, Оно-но Комати. Японская женщина считается верной подругой. Это вам не коварный мужчина, о чьем отношении к любви можно было сказать словами поэтессы Оно-но Комати:

Он на глазах легко меняет цвет
И изменяется внезапно.
Цветок неверный он,
Изменчивый цветок,
Что называют – сердце человека.

Поэтесса Мурасаки оставила потомкам сборник, включающий 126 стихотворений («танка»). Некоторые писательницы и поэтессы не только имели большой поэтический дар, но и обладали исключительной красотой. Подобной красавицей слыла и прославленная поэтесса Идзуми Сикибу, которую называют также «одним из трех гениев хэйанской литературы». Однако будь она даже красавицей, женщина обязана вести замкнутую жизнь. Знатные дамы редко покидали свои дворцы. Помимо занавесей, штор и ширм их

скрывал от чужих глаз занавес кит. Внутри дома их передвижение было ограничено.

С изменением экономических и культурных условий развития японского общества (в том числе и под влиянием Запада), места придворных образованных дам заняли гейши. Институт гейш («жриц любви») возник в XVII–XVIII вв., когда особыми центрами развлечений стали «веселые кварталы» городов. Это было своего рода искусство. От учениц школ («майоко») требовали не только изощренных ласк, но часто глубоких знаний и понимания искусств. Известна фраза: «Вечер с гейшами – это не более как церковный ужин». Это означает, что при встрече с вами гейша отнюдь не обязательно предается любви. Она нальет сакэ (водки), попотчует мудрыми изречениями, расшифрует смысл икебаны, прочтет вам стихи, споет что-нибудь, исполнит танец. Ведь в буквальном переводе гейша означает «человек искусства». К слову сказать, серьезное образование в Японии ранее доступно было одним мужчинам. Иероглифику («отоко модзи» – «знаки мужчин») относили к делам неженским. Считалось, что девушке достаточно знать слоговую азбуку, уметь слегка музицировать, слагать стихи и танцевать. Разумеется, иным канонам следуют высшие слои общества. Кстати говоря, жены и их подруги (дамы полусвета) зачастую приводили мужчин в сферу культуры. Они обычно и становились глашатаями новой и оригинальной моды, надевая изящные кимоно, нарядные туалеты, делая умопомрачительные прически для своих лихих вояк и бандитов.

Институт гейш в Японии

Дамы диктовали моду на одежду, прически, манеры и украшения. Предметы украшения и знаменитые кимоно передавались из рода в

род. Мужчины, уставшие от бесконечных хлопот и неурядиц бытия, устремлялись сюда, под кров гейш, словно мотыльки, летящие на пламя свечи. Они желали зреть богинь во всем блеске праздничного, интеллектуального веселья... Институт гейш не имел и не имеет ничего общего, скажем, с печально известными римскими лупанариями или европейскими борделями. Делать из гейш проституток означает в очередной раз доказывать, что европейцы являют собой «варварскую цивилизацию». И все же не все одобряли посещение гейш. Некий японец в образной форме так выразил позицию народа в отношении этих древних профессий (XIX в.): «Что же касается танцовщиц, проституток, публичных домов, ночной работы и других подобных нечистых занятий, то все это должно считаться пагубным для страны, подобно гусеницам или стрекозам. Поэтому честные люди всегда и выступали против подобного зла. Так как по закону природы мужчина ищет общества женщины, то узаконено, чтобы эти люди и места не были терпимы, однако же, если бы законы эти строго исполнялись, то приходилось бы только постоянно наказывать, не делая ничего другого; поэтому с виновными не надо поступать строго, но из-за снисхождения к невежеству и к природе человека лучше смотреть сквозь пальцы на проступки такого рода».

[75]

Судзуки Харунобу. Летний полдень, или Прогулка

Из-за одной лишь страсти мимолетной,
Когда «любовь» целует нас в уста,
Мы губим все – и музу, и Христа,
И помыслы души, вчера еще свободной. [\[76\]](#)

И все же «веселые кварталы» привлекали внимание многих писателей, поэтов, художников. Японский художник Хисикава Моронобу (ок. 1618—ок. 1694), основоположник школы уки-э («изменчивый мир») составлял графические иллюстрации к книгам. Его гравюры стали верхом выразительности. Всего известно около 150 книг, им иллюстрированных. Черно-белые гравюры отображали бытовые сценки из истории Китая и Японии. Он впервые затронул темы из жизни «веселых кварталов». Моронобу назвал один из самых знаменитых своих альбомов «Сцены сивара» (район публичных домов в городе Эдо). Японцы, как истинные дети Востока, знают толк в изощренных ласках и тонких удовольствиях. Поэтому книги и рисунки о похождениях знаменитых куртизанок, любовных победах самураев находили очень большой спрос. Моронобу создал особый тип книги-альбома, где изображения даются почти без текста, а галантные сцены не нуждаются в переводе. В такой книге рисунок порой более красноречив, чем сам текст. Разумеется, он иллюстрировал и классические романы, вроде романа-хроники «Сога-моногатари» («Повесть о доме Сога»). В то время центром книгопечатания в Японии стал город Эдо. Туда и переехал художник. Здесь круг его героев расширился. Он часто рисует женщин из народа. Таковы прачки в книге «Сто изображений женщин этого бренного мира». Как видите, чувственность и эротика составляют значительную часть жизненной философии «сдержанного» японца. В конце XVII в. тут появились книги Ихара Сайкаку, большого мастера повестей о любви. Особую популярность завоевал его роман «История любовных походов одинокого мужчины» (1682), который вскоре переиздали, с иллюстрациями известного Моронобу. Однако чтобы живописать с таким восхитительным мастерством и знанием деталей любви, ему приходилось и самому предваться греху и блуду. В конце жизни художник пожелал замолить грехи. Он стал монахом и принял постриг. [\[77\]](#)

Заметное место в жизни японцев занял театр. Шиллер говорил, что лишь в театре великие мира сего слышат нечто редкое или даже для них невозможное – правду, и видят то, чего они обычно не видят никогда – человека. А Гоголь заметил, что театр – такая кафедра, с которой можно поведать миру о добре... В Японии же старейший театр, театр Но («Но» – умение, мастерство), существует более шестисот лет. Примерно в VIII в. на острова из Китая было занесено мастерство «санга-ку» (по-китайски «сань-сюэ»). Народ перевел это по своему, как «саругаку», что означает – «обезьянье искусство», «обезьянничанье». В Японии это означало увеселение с потешными фарсами, мимами, фокусниками, акробатами, марионетками. Хотя в Японии была и своя «античность» – культура хэйанской эпохи (IX–XII вв.), с центром в г. Хэйан (ныне г. Киото). В это время и появился прекрасный роман «Повесть о Гэндзи» (начало XI в.), сцены из которого охотно исполняли и театры. Это же можно сказать о романе-эпопеи «Повесть о Тайра» (начало XIII в.), принадлежащем перу неизвестного автора. В 1374 г. была исполнена некая мистерия в присутствии сгуна Асикага симицу («священное саругаку»). Полководец одобрил такого рода представление. Во главе труппы стоял тогда талантливый актер, сочинитель пьес и их постановщик Каннами Кицугу (1333–1384). Его дело продолжил сын, Дзэами, который был весьма просвещенным человеком. Мистерии обычно основывались на сказаниях предков. В древних японских храмах исполнялись мистерии «кагура», откуда японский театр многое позаимствовал, сочетая различные жанры – пение, музыку и танец. И хотя в пьесе Дзэами Мотоки хор поет: «Пусть говорят, что травы и деревья ни сердца не имеют, ни души», но в японских театрах в качестве одушевленного начала часто действует и матушка-природа. В театре в действиях актеров оживают духи сосен, пальм, дух вишни и т. д.

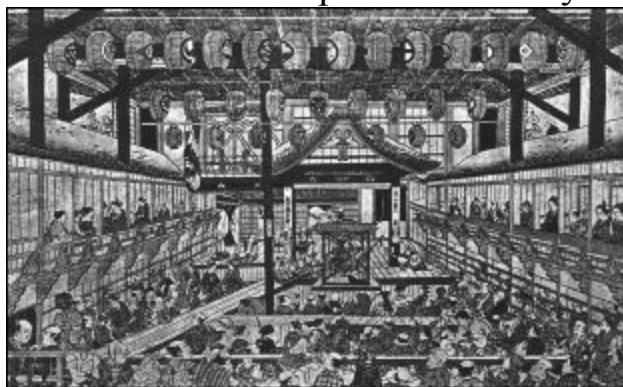
Веселое приключение в доме любви

Багрянец осени, унылая вода,
Природа, что застыла в ожиданье —
Все говорит о скором расставанье,
Напоминает, что бегут года. [\[78\]](#)

Темы трагической любви нашли выражение и в творчестве Мондзаэмона Тикамацу (1653–1724), драматурга, которого современники величали «богом среди драматургов». Родившись в семье небогатого самурая Тикамацу (его настоящее имя – Нобумори Сугимори), он вскоре очутился в городе Киото, одном из трех главных центров культуры. Юноша служил пажом в аристократическом доме, жил в монастыре, учился торговому делу и вообще «носился по волнам городской жизни». Молодой человек всюду жадно впитывал культуру во всех ее проявлениях (поэзия, песни, театр, танцы). Семейство принадлежало к кругу интеллигенции (врачи, священники, поэты). Юноша проявил незаурядный дар драматурга. Он стал сочинять пьесы для народного театра Дзрури (плебейского театра). В таком театре действуют куклы под напевный сказ единственного

актера-рассказчика. Японцы особенно ценят это искусство, ибо оно вбирает в себя богатство речи и тонов, игру слов и нюансов. Автор писал свои пьесы, чтобы можно было «почувствовать печаль без слов». Тикамацу писал для народа и для народных артистов. Одним из таких высочайших мастеров сцены был Саката Тодзюро. Сохранились его слова: «Какую роль ни играл бы артист Кабуки, он должен стремиться лишь к одному: быть верным правде», «Искусство артиста подобно суме нищего. Что ни увидишь, все запомни». На постановки пьес Тикамацу Мондзаэмона («Победоносный Кагэки», 1685; «Наследники братьев Сога», 1683; «Ночная песнь погонщика саку», 1708; «Гонец в преисподнюю», 1711; «Битвы Коксинги», 1715 и другие) собирались толпы народа. Затем он стал сочинять для театра Кабуки (живых актеров). Если в театре Кабуки властвовал актер, то в театре Дзрури – драматург. Успех пьес среди простых людей был столь велик, что знать сочла увлечение опасным. Самураям запретили посещать представления. Сначала были запрещены женские, затем юношеские труппы.

С тех пор в японских пьесах играют только мужчины.

Интерьер японского театра

Переехав из г. Киото в торговый город Осака, где, как говорится, «серебро рождало серебро», Тикамацу нашел тут прекрасный источник для пьес. Здесь можно было наблюдать купцов, ремесленников, женщин, проданных в дом любви. Порой судьбы героев были трагическими. В 1703 г. на сцене театра Такэмото-дза была исполнена «мещанская драма» Тикамацу «Самоубийство влюбленных в Сонэдзаки». Так вот в Японии и родилась первая народно-гуманистическая драма. Гибель влюбленных всегда вызывает сочувствие у публики. Появились и пьесы вроде «Масляного ада», где главным героем был убийца. Специалисты ставят искусство Дзэами и

Тикамацу в один ряд с великими драматургами – Калидасой, Софоклом, Кальдероном, Мольером, Шекспиром. Видимо, определенное влияние на японский театр оказали и комедии Лопе де Вега. К концу жизни Тикамацу создал порядка 90 исторических и 24 мещанских драм. Современники даже нарекли его «японским Шекспиром».^[79]

Япония чувствовала необходимость тесных связей с Западом. В этом нет ничего удивительного. Они еще в VI–VII–VIII вв. вынуждены были пойти на выучку к чужакам. Японцы многое заимствовали у Китая. Это касается буддизма, философии, искусства и т. п. В эпоху Тан (VII в.) в Японию проник фарфор из Китая. Оттуда же он доставлялся в Индию, Иран, к арабам, а уже оттуда – в Европу. В работе Л. Мэмфорда читаем: «В середине XVIII в. Китай прислал в Америку первые обои, экспортировал фарфор, который в более богатых домах заменил оловянную и гончарную посуду... Эта специфическая примесь китайщины была одним из проявлений того сильного влияния, которое приобрел в XVIII в. проникший с Востока эклектизм».

Понятно, что в стране нашлись люди, сделавшие изучение культуры и науки Запада своей профессией. Это были своего рода первые японские «западники» или, как о них чаще говорят, «ученые-голландоведы» (рангакуся). Среди самых образованных людей того времени – Хаяси Сихэй (1738–1793), Хирага Гэннай (1729–1780) и Сиба Кокан (1747–1818). Существует предание, согласно которому Хирага Гэннай столь пылко возлюбил книги, что решился ради одной полюбившейся ему голландской книги продать все свое имущество. Они взирали на Европу, ее законы и порядки с неподдельным восхищением. Голландоведы были убеждены, что Запад древнее и мудрее Востока. Хаяси Сихэй считал, что величие европейских стран обусловлено их замечательными и гуманными законами. Сиба Кокан, к примеру, считал самой древней европейской страной Германию, а Японию – относительно молодым образованием, говоря: «Вот почему наука здесь так неразвита, а мышлению так не хватает глубины». Он же полагал, что в Китае и Японии вообще не существует науки в подлинном смысле слова. Японские провинциалы даже поездку в Нагасаки называли «путешествием на Запад». Их увлекла идея приблизить научные, культурные достижения западной цивилизации к

Японии. Со временем и в странах Европы (уже в XVIII–XIX вв.) возникнет мода на все японское (изделия искусства, платья, прически). Миссионеры впервые информировали европейскую публику о Востоке и Японии. Затем и в Европе стали издаваться и рекламироваться всевозможные «Индийские и японские письма». Литература выполняла роль занятого чтива, одновременно знакомя людей с бытом, географией, климатом, культурой, нравами далеких и экзотических стран. С годами возрос интерес к достижениям остальной Европы. К концу XVIII в. появляются японцы, стремящиеся узнать поближе культуру и нравы этого региона. В 1771 г. энтузиасты «Голландских курсов» собирались 6–7 раз в месяц, пытались проникнуть в суть того, что написано в книгах европейцев. После года занятий они могли уже читать по 10 или более строк в день, если отрывок текста был не очень труден. *Jucundi acti labores* («Приятен оконченный труд»). Большинство учеников старалось, разумеется, выудить из европейских книг все толковые технические и научные уроки. Хотя понятно, что восприятие голландской «культуры» среди мещан, которые везде на одно лицо, принимало порой уродливые формы. Росла мода на все иностранное. Модники ели только голландскую пищу, носили четки и ладанки, выучивали «Отче наш» и «Аве Мария». Дома обставлялись на голландский манер: «Там стояли в ряд стулья, возле каждого находилась серебряная плевательница высотой около двух футов, похожая на вазу для цветов. На полу, поверх циновки, лежала ткань с узором, изображавшим цветы, а с потолка свисала стеклянная люстра». Это вызывало у поклонников заграничной моды неумеренные восторги. И далеко не всегда этому сопутствовал истинный прогресс знаний. Одно время японцы так же бездумно восторгались китайской мудростью, подражая им во всем. Поэтому правомерны критические оценки тех японских ученых, что предпочитали более трезво взирать на состояние дел в сфере науки и культуры Японии: «Это привело нас к чрезмерному невежеству в географии и к скудости знаний, которых мы добились с помощью нашего зрения и слуха. Так получилось, что наши соотечественники знают только названия «Китай» и «Индия», а встречаются и такие, которые думают, что Голландия – это китайские владения. Некоторые даже считают каждого иностранца, за исключением китайцев, варваром, недостойным упоминания. Как несовершенна и ограничена

такая наука».^[80] Несмотря на попытки донести до японцев сведения о Европе и мире, правительство Японии оставалось долго в неведении относительно фактов независимости Америки и Французской революции.

Зилотские настроения присутствовали и в Японии. Это проявилось в ряде восстаний. В них находили отражение социальные противоречия в обществе. Особенно заметно это стало в правление Мацудаира Саданобу, которое пришлось на эпоху Французской революции. Властитель обращал свои мечты в прошлое (к конфуцианским стандартам и древней этике самураев). В 1825 г. был принят строжайший Декрет о границах, который сделал изоляцию страны еще более полной. В стране возникла мощная сеть шпионов, которые блюли идейную «чистоту расы». За передачу иностранцу карты Японии запросто могли казнить и видного гражданина (как это и случилось с Такахаши Кагеясу). Однако новизна хороша не сама по себе, но если она удовлетворяет новым общественным потребностям. В 1830-е годы цепь неурожаев и бунтов острейшим образом поставила на повестку дня вопрос о реформах... Мицуно Тадакуни был умным министром, хотя, как говорят японцы, и «брал лососиной». Он ликвидировал коммерческие монополии, отменил валюты местных князьков, прекратил разбазаривать земли Японии, взял под жесткое правление крепость Осака. Земли вокруг нее принадлежали 165 частным владельцам. Он поприжал западную культуру, ограничив модные забавы, совместные купанья, игры, уродование тела татуировкой, а также деятельность так называемых «учительниц музыки». По его мнению, это оскверняло душу народ и природу Японии. Далее произошли интересные события. Среди восстаний той поры можно выделить восстание Ошио Хейхачиро (1837), самурая, вдохновившегося идеей одного конфуцианского философа – «Знание должно превращать в действия!». Вот тогда-то он продал все свои книги и купил на них оружие. Руководствуясь радикальными идеями в духе эгалитаризма Великой Французской революции, он обвинил правительство страны в насаждении голода среди народа. Девизом его движения стала программа «Спаси народ от прошлого ада и утвердить облик рая перед его глазами». Когда же это ему не удалось, он позорному капитулянтству предпочел героическую смерть (взорвал себя вместе с домом, в котором находился). Как видите, даже

терпеливые и мудрые японцы вынуждены были порой встать на путь революций.

В XIX в. Япония все еще замкнутая и изолированная, преимущественно сухопутная страна. Ее морские занятия и путешествия, как правило, ограничивались в лучшем случае каботажным плаванием и прибрежной рыбной ловлей. Новые идеи с трудом пробивали дорогу. Когда ученый, поэт-художник Ха-яси Сихэй издал на собственные деньги книгу «Военные беседы для морской страны», радуя за создание в Японии военно-морского флота (у страны к тому времени не было ни одного военного корабля), власти умудрились засадить его в тюрьму по ложному доносу. Печатные доски с текстом его книги сожгли. Автор не вынес коварства сородичей и через год скончался от горя. Везде нужно мужество, чтобы быть патриотом. Выступать с патриотических и державных позиций оказывается непросто. Можно ли в этой связи говорить о нарождавшемся в Японии просвещении (XIX в.)? Н. И. Конрад считал, что в случае с Японией и Россией речь шла не о просвещении, а скорее о просветительстве (о стремлении «подтянуть свою отставшую страну к уровню ушедших вперед стран»). Упомянутый Фукудзава в Японии скорее может быть отнесен к просветителям, стремившимся распространить уже готовую буржуазную культуру «на Японию», что имеет иное историческое качество. В Японии к «просвещенцам», т. е. к мыслителям, боровшимся «с феодальным режимом», Конрад склонен был отнести только представителей естествознания и математики. Хотя он отмечал и своеобразие лирических образов японской литературы. Порой картины грустны и печальны. Как сказано в одном из изумительных японских пятистиший («танка»):

Печальна жизнь. Удел печальный дан
Нам, смертным всем. Иной не знаем доли.
И что останется? —
Лишь голубой туман,
Что от огня над пеплом встанет в поле... [\[81\]](#)

В Японии возникло течение, в общих чертах созвучное российским западникам. И там шла длительная и острая борьба между

отрицанием европейской науки в духе теории «изгнания чужеземцев» и восприятием ценного и позитивного, что есть у европейцев (военное дело, техника, медицина, естественные науки). С 1818—30-х гг. шло внедрение наук и технологий. Немецкий врач Зибольд стал обучать японцев медицине и естественным наукам. Он сделал и первое систематическое научное обследование Японии. Развитию наук способствуют крупные феодалы и правительство «бакуфу». В этом разница западнической политики японцев, перенимающей лучшее в культуре Запада, от «западнического» курса иных марионеточных фигур... Есть заметные сдвиги и в образовании. В 1856 г. в районе Кудан была учреждена «школа западной науки» – Erakus, в г. Эдо – военное училище, в г. Нагасаки – военно-морское училище. На базе школы западных наук будут затем образованы филологический и физический факультеты Токийского университета. Старые культурные и профессиональные заимствования из Китая, Кореи, Индии касались языка, алфавита, книг, одежды, ремесел. К концу же XIX в. модернизация затронула науку, технологию и образование. Иэнага Сабуро пишет: «Тогда через просвещение рациональные знания и рациональный дух, опиравшиеся на современную науку, получили распространение среди широких слоев народа, и нужно прямо сказать, что именно в этом заключается то существенное различие, которое отделяет период японской культуры, наступившей после революции Мэйдзи, от всех предыдущих».^[82]

Нередко мы слышим: заимствования и подражание – плохие учителя... Японцы опровергли это печальное заблуждение лентяев и недоучек. Они избрали продуктивный путь модернизации, в основе которого лежали заимствования чужих достижений в науке и культуре. Однако процесс модернизации шел очень непросто. Конечно, ныне за давностью времен «революция Мэйдзи» может кем-то восприниматься сугубо бесконфликтно (видимо, лишь не знающими всех ее проблем чужестранцами). Но японцы отдавали себе отчет в безумной сложности реформирования любой традиционалистской системы. Ведь труднее всего изменить психологию народа. Достаточно вспомнить, что режим Токугавы под страхом смерти запрещал подданным воспринимать все иноземное (веру, знания, оружие). Отрицание мировой культуры к добру никого не приводит. И, как скажет Тойнби, последовал «второй взрыв иродианства». Произошло

это в эпоху Токугавы. В «Постижении истории» у Арнольда Тойнби читаем: «Тем более примечательно, что, когда правительство Токугавы решило порвать отношения Японии с Западом, оно, отказавшись от использования западного оружия, не рискнуло распространить этот запрет на предметы быта.

Результаты этой непоследовательности не замедлили сказаться. Династия Токугавы в конце концов утратила политическую власть, продемонстрировав в 1853 г. военную несостоятельность режима. Благодаря столь красноречивому свидетельству военной немоги Япония осознала, что 215-летний период изоляции задержал ее развитие и оставил безоружной и беззащитной перед лицом растущей силы Запада.

Между 1853 и 1868 г. созрело общественное требование, обращенное к правящей династии, выполнить свою зилотскую миссию, что выразилось не только в демонстративном неподчинении скомпрометировавшим себя властям, но и явной ксенофобии». То, что называют «Открытием Японии коммодором Перри в 1853 году», стало попыткой США пробиться на рынок Японии, сломав плотину затворничества.

Японцы в древнем вооружении

Современная история Японии датируется с революции Мэйдзи (1867–1868). Эта революция началась с путча, когда в 1868 г. сгуна

Токугава Юшимобу сместили молодые самураи, дети представителей старой элиты. К власти пришло буржуазно-дворянское правительство. Оно приступило к решительным социально-экономическим и культурным преобразованиям. Победители не стали делать все наоборот, а выразили готовность учитывать общее мнение и традиции. Курс был взят на сотрудничество классов и поиск знаний. Японцы лучше поняли смысл реформ! Японцы открыли для себя новый мир, знакомясь с достижениями науки и техники передовых стран. Когда-то монгол Хубилай пытался навести плавучий мост для вторжения конницы в Японию. Теперь пришло время наводить научно-технические мосты. Первый президент Токийской академии наук Юкити Фукудзава, побывавший с официальной миссией в США, скажет (1860): «Мы немало удивлены научными и техническими достижениями и прямо-таки ошеломлены общественными институтами». В эпоху Мэйдзи японцы добрыми словами вспомнили и о реформаторстве Петра Великого («Петер Берики»). Однако надо было обладать еще и вселенской мудростью Будды, чтобы после стольких лет отшельничества не только смело пойти на контакты с Западом, но и на практическое воплощение важнейших элементов культуры и цивилизации (но только тех, что действительно были необходимы). При этом особо подчеркнем то, что японцы не потеряли своего лица и, в особенности, души и национального духа, что считается у обитателей этой страны самым страшным грехом и жутким преступлением. Японцам больше повезло с идеологами реформаторства, чем нам. Это были разумные, нравственные, высококультурные люди. В лице Фукудзавы Юкити (1835–1901) явился идеолог, заложивший основы буржуазной культуры в Японии. Он стал влиятельным воспитателем народа. Его главные произведения – «Положение дел на Западе» (1866–1869) и «Призыв к знаниям» (1872–1876) – сыграли решающую роль в японской модернизации. Их выпускали миллионными тиражами. По сравнению с японскими западниками конца XVIII – начала XIX вв., Фукудзава был фигурой куда более крупного масштаба. В его лице нация получила действительно образованного просветителя. Он прекрасно владел английским языком, знал голландский, побывал в Америке, посетил многие страны Европы. Но главное не это. Иной «абориген» готов взирая на Европу и Америку как на рождественское чудо и рад

тащить оттуда на родину весь евроамериканский «хлам». Жалкие потуги таких «реформаторов» мы видим в современной России. Фукудзава понял, что единого Запада не существует.^[83]

Итогом его изысканий и наблюдений стала книга «Описание Запада», выходявшая частями с 1866 до 1869 года. При этом он отнюдь не идеализировал Запад и не призывал к слепому подражанию, но отстаивал идею обучения для прогресса свободной и независимой Японии. Особую роль он придавал не рынку и торговле, а практической науке, технике и культуре. Итогом визита стал осторожный и умный поворот страны к использованию всемирного опыта. В Японии издан декрет, который много лет верой и правдой служит обществу (1868). В нем содержался призыв: «Давайте искать знания во всем мире!». Как отмечал Ю. Берндт в «Ликах Японии», японцы изучали в США – экономику, в Англии – военно-морское дело, во Франции – юридические и военные науки, в Германии – юриспруденцию и медицину. Выход из экономической и научно-технической изоляции требовал современных знаний. Капитализм ускорил и подстегнул процесс их накопления и использования. Но Япония взяла только самые общие идеи, чертежи. Реализацию же замыслов она доверила самим японцам, а не советникам-американцам, немцам или евреям.^[84]

Встав на путь радикальных перемен, японцы остались традиционалистами, как бы следуя путем божеств, олицетворявших мужское и женское начала – Идзанаги и Идзанами. Согласно мифу, они и создали Японию в виде Страны восьми островов. Первая и вторая попытки были не очень удачны. Удрученные этим обстоятельством, божества, посоветовавшись, решили: «Дети, которых мы родили, не принесли нам удовлетворения. Наверное, будет лучше, если мы известим небесных богов и испросим их совета». Высшие небесные божества внесли коррективы в процесс – и «родители» Японии, учтя рекомендации, преуспели в создании Страны Восходящего Солнца. В этом мифе я вижу важные черты психологии народа. Японец, совершив ошибку, не станет упорствовать в заблуждении, но, тщательно проанализировав свои действия, учтя прошлый опыт, обязательно постарается внести необходимые изменения в свои действия, и лишь затем продолжит дело более осмысленно.

Как реализовали реформы практически? Молодой японский дипломат М. Аринори, представлявший страну в США, заручился поддержкой правительства, а затем обратился к ведущим деятелям Америки с фантастической просьбой: помогите советом и информацией в создании программы перестройки образования в Японии. Поступок тем более неожиданный и удивительный, что японская культура, как отмечалось, и сама достигла немалых успехов. Америка в помощи не отказала, разумеется, имея в виду свои корыстные интересы. Поэтому японцы тщательно проанализировали их советы и не думали слепо копировать и насаждать у себя американские порядки. Ведь в Японии все, конечно, решается и делается по-японски. К примеру, японцы бережно сохраняли традиции ткачества и ручной выделки одежд. В итоге, тут особенно ценится искусство мастеров-ремесленников. Каждая японская семья считает делом чести иметь дома предметы искусной ручной выделки. Хотя в то же время они довольно равнодушны к вещам, являющимся предметами машинной индустрии и ширпотреба.^[85]

Обратимся к тому, как же шло обучение японских консерваторов, желавших воспринять все лучшее и эффективное у Запада (то, чего так и не смогли сделать «реформаторы» в России, ибо изначально были и по сей день финансово и психологически остаются рабами и дешевой услугой того же Запада). Обратимся к книге Л. Хэрна, учителя английского языка в Японии. Как писал Гуго фон-Гофмансталь, он был едва ли не единственным европейцем XIX в., кто «вполне знал и любил эту страну не любовью эстета и не любовью исследователя, но более сильной, более всеобъемлющей, более редкой любовью: любовью, которая приобщает к внутренней жизни любимой страны». В книге «Душа Японии» (1904) им дается сравнение двух типов цивилизаций – японской и западной: «Нет, неизмеримо выше стояла древнеяпонская культура, культура души, проникнутая радостным мужеством, простотой, самоотречением и умеренностью; выше были ее запросы счастья и ее этические стремления, глубже ее проникновенная вера. На Западе царило превосходство не этики, а интеллекта, изощренного в способах угнетения, уничтожения слабого сильным».

Интересно понаблюдать за тем, как молодые консерваторы-самураи восприняли перемены в Японии, которые происходили в

стране под влиянием Америки и Европы. Ведь в очень похожем положении оказалась сто лет спустя и современная Россия. До этого Япония испытала на себе все негативные стороны изоляционистской политики Иэмицу, запрещавшей каждому японцу под страхом смертной казни покидать родину, что оставляло нацию в течение веков в неведении об остальном мире. Ситуация, описанная в книге Л. Хэрна, представляется нам следующим образом: после первых соприкосновений с Западом японское государство стало понимать, что оно столкнулось со все возрастающей угрозой со стороны западного мира (не только «черных кораблей» США, но и их «черной цивилизации»). Появление американских кораблей в водах страны вынудило сгунат признать, что это «могло обозначать лишь еще большую опасность, чем нашествие татар во дни Ходз Токимунэ». Но вскоре всем стало ясно: остановить вторжение западной цивилизации полностью нельзя. Тогда правительство разрешило действовать чужеземцам на земле Японии («даже издало приказ, чтобы во всех японских школах учили западной науке, чтобы английский язык занял первостепенное место в ряду преподаваемых предметов и чтобы школьное обучение было преобразовано на западный образец»). Власти официально это не признали, но в общем-то согласились с периодом ученичества, с тем, что Япония какое-то время должна пребывать под иноземной опекой. Их стремление воспринять силовую и научную составляющую успеха Запада было вполне оправдано. Но массы восприняли пришельцев иначе. И дело вовсе не в том, что внешне иностранцы порой напоминали зеленоглазых чудовищ с рыжими волосами (как у Сдзе: похожее на обезьяну сказочное чудовище с рыжими волосами и диким видом, известное своим пристрастием к пьянству). Просто при внимательном рассмотрении привычек западных людей (англичан, американцев, голландцев) японцы «больше склонялись к тому, что к миру животных они стоят ближе, чем к человечеству», и что «по моральным принципам их можно было принять за нечистых духов». Но так как японцы, как и все восточные люди, привыкли не спешить с выводами, то они вели самый точный учет привычек чужеземца. И «окончательный вывод, последовавший из этих сравнений и наблюдений, не был для него слишком лестным».

Отрицательно влияли чужеземные варвары на нравы японских портовых городов. Скажем, общение с иноземцами быстро переродило портовое население (когамы и других портов). Они стали грубы и вульгарны, ведя себя так, как ранее не осмелились бы вести себя самые низшие слои народа. Чужеземцы произвели на молодого самурая «еще более неприятное впечатление», ибо они держались с японцами «тона победителей с побежденными». Японец, несмотря на молодость, был умен. Он понял, что надо победить свое отвращение к янки или англосаксу, чтобы это не стало помехой его образованию. «Это было патриотической обязанностью – изучить натуру врагов своей нации». После изучения философии и религии Запада (Нового Завета) японец решил было, что эта могущественная культура превосходит все иные и в этическом плане (ведь и китайская философия утверждала, что благополучие народа находится в самой прямой зависимости от его следования божественным законам и повиновения мудрецам). Юноша опрометчиво воспринял материальные успехи Запада как знак превосходства его этики и мудрости. Но англичанин Л. Хэрн делает важную оговорку. Социальная эволюция Запада и формы материи прогресса возникали там «путем самой безжалостной конкуренции, которая не только противоречит принципам христианского идеализма, но и вообще несовместима ни с каким этическим принципом». Он прямо говорит о том, что христианский Запад использует свое военное могущество и новейшие технологии «для грабежа и уничтожения инаковерующих рас». Когда новообращенный самурай изучил самым внимательным образом все «ценности западной цивилизации и веры», он решил, что пора ознакомиться с реальной жизнью. Он предпринял ряд путешествий на Запад и Восток, посетив города Европы и Америки. Французское искусство поразило его, но не привело в восхищение. Он подивился этюдам голого тела, в литературе узрел признаки вырождения, во французском театре и опере – поверхностность и изнеженность. Однако более всего его потрясли жуткое двуличие, лживость европейской морали. В Париже рядом с прекрасными соборами и церквями процветали бесчисленные дворцы разврата, а магазины свободно торговали бесстыдными изображениями. Он видел роскошь богачей и нищету трудящихся масс. Меж ними пролегал пропасть. Удивительнее всего было то, что религия европейцев, внешне столь высоконтрастная, на деле часто

оказывалась лживой, алчной и лишенной нравственных начал («нравственно оздоравливающую власть религии он не видел нигде»).

«Открытие Японии» коммодором Перри в 1853 году

Самое неприятное впечатление произвели на него англичане и американцы. Попав в города Альбиона, он увидел огромные богатства Англии и оборотную их сторону – нищету низов. Громадные гавани были забиты богатствами сотен стран, «по большей части – награбленное добро, и (он) понял, что англичане, подобно своим предкам, были разбойничьей расой, и ему думалось, что случилось бы со всеми их миллионами, если бы они потеряли возможность – будь то хотя бы на один только месяц – заставляя остальные нации добывать для них все необходимое». А уж в распутстве и пьянстве англичане переплюнули даже французов. Что же касается лицемерия, тут они и вовсе были вне всякого сравнения. Десятая часть населения Англии состояла из профессиональных преступников и нищих, и это все несмотря на множество церквей и массу законов, несмотря на их немислимые богатства. А он-то, глупец, доверился этой подлой религии, этой адской цивилизации! «Нет, эта цивилизация была самым простым продуктом преступной борьбы между простодушием и коварством, силой и слабостью, причем сила и добычливость объединялись, чтобы столкнуть слабого в разверстую адову пасть. В Японии ничего подобного нельзя было бы представить себе даже в жесточайшем горячечном бреде». В то же время он полюбил простой

народ тех стран, который за внешне формальной холодностью скрывал склонность к доброте и ласке, а также доблесть и ум.

После всех путешествий и наблюдений он пришел к выводу, что в западной цивилизации нет ничего, что он смог бы любить. «Она была так же далека от духовной жизни, как жизнь на других планетах или под иным солнцем. Но он ощущал ее грозную силу и предчувствовал неисчислимое значение ее интеллектуального перевеса». Естественное и здоровое чувство японского патриота привело его к сложной, преимущественно негативной, но комплексной и взвешенной оценке Запада: «Он возненавидел ее; возненавидел чудовищный, безошибочно функционирующий механизм, возненавидел ее условность, ее стяжательность, ее слепую жестокость, ее чудовищное пустосвят-ство, отпугивающее уродство ее бедности и наглость ее богатства. Она показала ему лишь бездонные пропасти падения и никаких идеалов, которые могли бы оказаться равноценными идеалами его юности. Повсюду царила грубая, дикая борьба, и ему казалось просто чудом, что наряду с этим могло уместиться столько истинной доброты, испытанной им на самом себе. Действительное превосходство Запада было чисто интеллектуального рода: раскинувшиеся во все стороны отвесные высоты знания, под отвесными стенами которого должна была коченеть жизнь чувства. Без сомнения – старая японская цивилизация благоволения и добродетели была несравненно выше в своем представлении о счастье, в своих этических стремлениях, в углубленной религиозности, в ее радостной доблести, трезвости и самоотречении, в ее умеренности и скромности. И все-таки эта западная наука своей неопровержимой логикой доказывала ему, что эта цивилизация мало-помалу будет набирать все большее и большее могущество, и словно непреодолимый, неизбежный, неизмеримый потоп мирового горя зальет весь мир. Япония должна была покориться новым формам жизни и приобщиться к новым методам мышления. Другого выхода не было. И тогда им овладело сомнение из сомнений – вопрос, который неотвязно вставал перед мудрецами всех народов: «Да нравственен ли мировой порядок?» Но был ли он нравственен или нет, одно лишь, учитываемое слабым человеческим разумом, оставалось такое, чего не могла поколебать никакая логика: сознание, что человек должен стремиться к высочайшим этическим идеалам, отдавая этому всю свою силу до неведомого конца, хотя для этого ему пришлось бы

столкнуться с богом солнца. Нужда принудит японцев приобщиться к иноземному знанию, ввести многое из материальной цивилизации своих врагов, но никакая необходимость не могла заставить их поступиться своими взглядами на правду и неправду, обязанность и честь. И мало-помалу в его душе стало назревать такое решение, которое в результате должно было сделать из него вождя и учителя своего народа. Он хотел положить все свои силы на поддержание всего того лучшего, что было в старых временах, и бесстрашно восставать против введения всего того, что не было существенно необходимо для самосохранения и саморазвития его народа. Он, конечно, мог потерпеть крушение, но он все же мог надеяться спасти что-нибудь ценное из этой общей катастрофы. Расточительность западной жизни произвела на него более сильное впечатление, чем ее жажда наслаждения и подверженность страданиям. В чистоте и бедности своей родной страны он усматривал ее силу, в ее самоотреченной экономности видел он единственное оружие для соперничества с Западом. Чужая цивилизация научила его понимать ценность и красоту собственной страны, как он никогда еще не был в состоянии постигнуть, и он сгорал в страстном томлении в ожидании той минуты, когда ему будет дозволено вернуться на родину».^[86] Хотелось бы верить, что поколение русских патриотов, которое обязательно придет к власти в XXI в., научится понимать ценность и красоту собственной страны и сумеет после долгой борьбы выковать оружие победы.

Японская семья у очага

Перемены в государстве не могли не сказаться на положении в системе образования. Тяга японцев к серьезному образованию чем-то

напоминает их трепетное отношение к религии синто («путь богов»), воссоединяющей историю, традицию, поэзию и мифологию. Культура, образование воспринимались тут почти на инстинктивном уровне, подобно понятиям добра и зла. Если же вспомнить их давнюю пословицу «Кто любит, тот долго живет», то в связи с обучением и в контексте философии знаний ее можно трансформировать в некий житейский афоризм – «Кто любит учиться, тот и достойно живет». Японцы не рубили с плеча, понимая, что успех или неуспех их либеральной революции, в конечном счете, прежде всего зависит от образования, а «реализация планов в образовании даст ощутимые результаты через 10–25 лет, а то и позднее». Заметьте, японские «реформаторы» не только не снизили (как это мы наблюдаем в России), но резко увеличили государственную поддержку в создании различных учреждений, связанных с изучением европейских наук. В 1855 г. появился специальный Департамент по изучению иностранных наук (а в нынешней «реформаторской» России закрываются последние библиотеки, ученые лишаются даже жалких крох научной информации). Приглашаются иностранцы. Лекции по некоторым предметам читаются на иностранных языках. К началу эпохи Мэйдзи в стране насчитывалось 17 тысяч различного рода школ – от конфуцианских «колледжей» до приходских школ «теракойя», в которых обучались мальчики (43 процента) и девочки (10 процентов). Для сравнения укажем, что в ведущей промышленной державе мира того времени – Англии – школы посещало не более 25 процентов детского населения. Первым правительственным актом в этой области стал закон о введении новой системы школьного обучения (1872). В нем говорилось: «Мы надеемся, что наступит время, когда в Японии не останется неграмотных ни в одном селе, ни в одном доме». Вышел указ об учреждении 5,5 тысяч начальных школ. Начальное обучение признано всеобщим и обязательным. Император требовал от нации достижения всеобщей грамотности как важнейшей национальной задачи. Обязательное образование введено в Японии раньше, чем в какой-либо другой стране (за исключением Германии и Дании). Французские ученые отмечали: «Начальное образование в Японии достигло столь высокого уровня, что сравнение с ним (нашей школы) вызывает у нас чувство стыда».^[87] Наметились сдвиги в сфере искусства: была открыта первая частная школа западной живописи

(1869) и создана Художественная школа при Государственном инженерном колледже, где японцев обучали искусству педагоги из стран Европы (1876).

Казнь иезуитов и японцев-христиан

Япония – первая из стран Азии, показавшая необоснованность претензий Европы и США на превосходство их культуры и образования. По словам М. Таканэ, в конце XIX в. уровень грамотности японцев был выше, чем у европейцев. В 1903 г. начальную школу посещали 94 % всех детей школьного возраста. В 1907 г. принят закон об обязательном шестилетнем школьном образовании, охватившем 97,4 % детей. Таких масштабов и темпов образования, пожалуй, не знали западные страны. В известном смысле девиз *Ex oriente lux* (Свет с Востока) обрел реальные очертания.^[88] Даже в вопросах наказания провинившихся детей Япония была исключением из правил. Почти у всех наций мира задний фасад учеников был самым излюбленным местом, на которое обращали внимание ретивые учителя. Применяли физические наказания (порой жестокие) и японцы, но они все же старались уберечь детей от розг. В школах воспитание строилось скорее на нежности, ласке, заботливости и внимании. Один путешественник, много лет живший в Японии, так описал отношение учителей к детям: «Учителя за право преподавания в этих высших школах не только не получают гонорара, но должны

сами платить деньги, и таким образом преподавание из чистого ремесла превращается здесь в любимое, так сказать, занятие, спорт, если можно так выразиться. Девушки сами избирают для себя учителей, и, само собой разумеется, большинство педагогов отличается если не поголовной красотой, то уж наверняка миловидностью. Ученицы не сидят, как у нас, на жестких партах, набитые, как сельди в бочку. Нет, занятия производятся в великолепных садах, наполненных ароматом цветущего чая и пахучих цветов. Среди деревьев и кустарников разбросано огромное количество маленьких павильонов». Учителя и профессора читают лекции ученицам, разносящим слушающим фрукты и чай.^[89]

После эпохи Мэйдзи японская культура приблизилась в понимании европейской науки, культуры и искусства. Художники Кавамура Киео (1852–1934) и Харада Наодзиро (1863–1899) одними из первых были посланы учиться в Европу. Преподавание живописи в Японии стало строиться по западному образцу, для чего приглашаются педагоги-итальянцы (А. Фонтанези, В. Рагуза, Дж. Каппелетти). В Японии возникло и движение за сохранение национального наследия, которое возглавил философ и историк культуры Окакура Тэнсин, выступивший против неумеренной «вестернизации» Японии. Его поддержал американец Э. Фенолосса, приехавший преподавать в японский университет. В Токио был открыт Императорский музей – первая в Японии государственная коллекция национального искусства (1889).

Японцы ценят женщину не только как предмет любви и хранительницу рода, но и как объект духовного поклонения. Недаром их пословица гласит: «Кто любит людей, тот долго живет». Особой популярностью пользовались прелестные женские гравюры. Среди художников этого жанра (ксилографии) выделяется Китагава Утамаро (1754–1806). Он носит титул «певца женской красоты». Японцы сравнивают женскую красоту с нежным цветком, полноликой луной, благоухающей вишней, не уставая восторгаться и поклоняться. Утамаро сумел выразить эту красоту как никто иной. О Китагава Утамаро достоверных сведений нет. Юноша пришел в столицу Эдо из провинции. Его приютил издатель и помог напечатать первые гравюры. Художник перерисовал едва ли не всех красавиц в Эдо. Никто в столице не мог столь искусно передать прозрачность воды,

томность женского взгляда, изысканность кимоно. Девушки и женщины на его рисунках умны, женственны и прекрасны («Девушка, читающая список» и другие работы). Он не только прекрасно писал портреты или пейзажи, но изящно иллюстрировал книги. Его можно назвать «наблюдателем жизни». Так он и подписывал некоторые гравюры: «Наблюдающий Утамаро». Особенно любил художник жизнь и быт «веселых кварталов». Французский писатель Э. Гонкур назовет его «художником публичных домов». Женщины его возвысили. Женщины и погубили. Однажды случилось так, что гравюра «Хидэеси и пять наложниц» (1806) вызвала гнев сегуна, ибо тот увидел в ней сатиру на себя. Он распорядился упрянуть художника в тюрьму на 50 дней. Вскоре после этого самый яркий художник Японии умер.^[90] Издаются европейские классики (Дефо, Шиллер, Гете и др.), расцветает издательское дело. В середине XIX в. в столице Эдо функционировало уже более сотни издательств. Находясь в состоянии жесткой конкуренции, они способствовали ускорению процесса культурной модернизации. Япония переводит европейских мыслителей и писателей – Эзопа, Шиллера, Гете, Тургенева, Толстого, Достоевского. Стремясь завоевать рынок, издатели привлекали талантливых писателей и художников, разыскивали молодых одаренных авторов и мастеров. Им предоставлялись заказы. Так, в городе Осака на раннем этапе (1790–1816) сложилась монополия одного издателя (Сися Тебэя). В дальнейшем его вытеснили с рынка другие издательства. Со временем вместе с фирмой «Тэнки» действуют уже и другие фирмы – «Ибэкити», «Касимадо», «Каваото». Особой популярностью всегда пользовались мастера, изготовлявшие гравюры и рисунки к книгам.^[91]

Все японское завоевывает популярность в Европе. Вспомним девиз Гонкуров: «Японское искусство for ever (навсегда)». Эдмон де Гонкур заносит в «Дневник» следующее признание: «Нигде нет такого почитания природы и всех ее созданий, хотя бы самых ничтожных, как в Японии. Нигде нет такого взгляда, благоговейного и внимательного к крохотной букашке, как у японца, когда он, рисуя, тщательно воссоздает ее во всей микроскопической малости». В другом месте он же отмечает, что в Париже установилось настоящее японское поветрие... Магазин госпожи Дезуа и стал «тем местом, той школой, если можно так выразиться, где возникло великое увлечение всем

японским». Японские мотивы заняли заметное место и в творчестве постимпрессионистов. Партия японских гравюр, приобретенная Ван Гогом, стала для него откровением. Вспомним хотя бы его «Автопортрет с японским божком» или, к примеру, портрет К. Моне «Японка» (портрет Камиллы Моне).

Моне К. *Японка*

Жизненная позиция японца в целом оптимистична. Поэтому для большинства людей здесь «каждый день – это хороший день». Далеко не всегда столь же благоприятными оказывались эти дни для народов Юго-Восточной Азии, для многочисленных соседей воинственных японцев. Последние не раз проявляли воинственность и агрессивность в вопросах внешней политики. Подобно разъяренной Идзанами, японские милитаристы готовы были воскликнуть любому, кто перешел им дорогу: «За это я буду душить по тысяче человек в твоей стране за один день!» Поэтому вряд ли стоит удивляться тому, что объектами агрессии стали многие страны, включая Корею (Страну утренней свежести). Когда корейская королева Мин стала ориентироваться на сближение с Россией, японцы ее убили: «Не в силах отличить королеву от ее придворных дам, одинаково одетых и одинаково причесанных,

самураи повырезали всех женщин во дворце Сеула, потом стали расшвыривать теплые трупы – кто здесь Мин? Найдя королеву, японцы изрубили Мин в мелкие куски, останки облили керосином и сожгли. «Во всех наших унижениях, – доказывала самурайская пропаганда рядовым японцам, – виновата больше всех стран Россия, пусть она убирается прочь из-под крыши Азии... Нам необходимы весь Сахалин, вся Камчатка, все Курилы и даже Чукотка». Поэтому не стоит и идеализировать восточного соседа. Такие настроения пробуждающегося восточного гиганта на рубеже XIX и XX вв. взволновали умы... Идея паназиатского правления Японии родилась именно в горниле революции Мэйдзи, затем последующих индустриальных, военных побед Японии. Вероятность столкновения западной и восточной цивилизаций многим не казалась уже столь невероятной. К примеру, ученый А. Бельсор так интерпретирует позиции азиатов: «Они охотно мечтали бы о паназиатстве, когда соединенный Дальний Восток противостоял бы требованиям Европы. Мечта неясная, почти неосуществимая, которая первый раз явилась в голове опьяненного японца, но которая потом разнеслась повсюду. «Ах, – говорил мне один Тагал, – если бы Китай знал, если бы Япония могла (*si la Chine savait, si le Japon pouvait*). Мы тогда не были бы вынуждены переносить вашу грубость и земля, где мы выросли, принадлежала бы нам. Потому что в конце концов хотя вы и завоеватели, но вы битв не ищете и ваши торговые интересы уживаются с уколами вашему самолюбию. Достаточно было Японии заказать у вас суда и начать покупать пушки, чтобы настроение ваше сделалось более мягким, а политика менее заносчивой. Будучи христианами, вы уже соглашаетесь, чтобы ваши соотечественники были судимы буддистами-судьями. Японцы в двадцать лет сделали больше для нашей расы, чем все философы, которые проповедуют равенство людей. Вы смеетесь над ними, однако вы их боитесь. Говорят даже, что многие из вас дорого ценят союз с Японией. Не удивляйтесь же, что мы уважаем этот деятельный, промышленный, исполненный патриотизма и воинственный народ, который вынуждает вас к наружным формам почтения, и который, единственный из народов Востока, мстит наконец за наши долгие унижения и ваши вековые обиды». И Япония стала представляться мне местом, где готовятся великие отмщения за Азию».^[92] А если Восток вдруг

захочет выстроить (сообща с Россией) легионы перед заносчивыми Европой и Америкой?!

Говоря о задачах технической модернизации страны (будь то Япония, Китай или Россия), нужно на первое место ставить чисто прагматические, а не идейно-политические или какие-либо еще факторы. Там, где во главе страны стоят люди дела, воли и большого ума, там успех наверняка будет достигнут в короткие сроки и с минимальными издержками. Всем все давно уже известно. Надо брать лучшие достижения мирового опыта. Не хотят добром, так заставлять палкой. Нарушать закон культурной модернизации – заводы, дороги, школы, больницы, университеты, библиотеки, музеи – никому не позволено. Пример Японии и Китая в этом смысле довольно показателен. Вспомним, что японцы некогда были обязаны китайцам большинством своих культурных достижений, но Китай какое-то время отставал от Запада, а японцы сумели быстро перенять все лучшее. Вот что написал по этому поводу А. Тойнби: «Оба движения (японская и китайская вестернизации) столкнулись с задачей ликвидации местного ойкуменического режима, который доказал свою несостоятельность в условиях растущей необходимости достойно ответить на давление со стороны Запада. В столь непростых политических обстоятельствах японские вестернизаторы проявили себя как более гибкие, дальновидные и деятельные – по сравнению с китайскими – политики. Китаю потребовалось 118 лет, чтобы получить хотя бы негативный политический результат, тогда как японцам для этого потребовалось всего 15 лет». Успешный рывок Японии в области экономической и политической вестернизации обеспечил ей военное превосходство над Китаем и Россией. Начиная с китайско-японской войны 1894–1895 гг. и вплоть до Второй Мировой войны Китай был зависим в военном отношении от Японии. Поначалу и Япония извлекала военные дивиденды из процесса технологической вестернизации с виртуозностью, затмившей даже успехи петровской России, которых та достигла после победы в Северной войне 1700–1721 гг. Победоносно завершив русско-японскую войну 1904–1905 гг., она заявила о себе как о великой державе и была признана таковой в западном содружестве государств, как два столетия тому назад была признана победившая Швецию Россия.^[93] Последние успехи Китая говорят о том, что тот еще не сказал своего последнего слова в споре.

Отношения между нашими странами стали обостряться в конце XIX в., когда Япония уже проявила возросшие аппетиты в отношении Китая, Кореи и Дальнего Востока. «Япония, – заявил министр иностранных дел Муцу Мунэмицу, – совершенно особая страна в Азии» (1894). Обороты торговли России с Японией были незначительными (в 1879 г. русский ввоз и вывоз составлял мизерную сумму – 59,5 тыс. иен). Японцы беспощинно ловили и вывозили рыбу с Сахалина и устья Амура. Русские же при ввозе рыбы в Японию должны были платить таможенные сборы. Эти удары для нашей экономики были болезненнее, чем тот сабельный удар, полученный в 1891 г. наследником российского престола и будущим царем Николаем II от японского полицейского. То был еще не самый страшный удар. Впереди были поражения под Мукденом и Цусима. Подготовка агрессии против России поддерживалась прессой. В Японии публиковались грозные памфлеты, брошюры, книги, где недвусмысленно выдвигались требования аннексии русского Дальнего Востока и Сибири. В частности, в книге Утида Рехэй «Упадок России» (1901) прямо говорилось о том, что русская «Сибирь жаждет получить цивилизацию из рук Японии» и что «последняя не вправе отказать ей в этом». В Японии стали создаваться различные организации националистического толка («Национальное общество», «Общество черного дракона»), выступившие с идеологическими обоснованиями неизбежности войны с Россией. Англия и США открыто подталкивали Японию к конфликту, рассчитывая в случае поражения России принять активнейшее участие в разграблении наших природных богатств. Сенатор Беверидж прямо заявил, что другая оконечность Тихого океана (весь Дальний Восток) должна принадлежать США. В итоге 24 января 1904 г. Япония разорвала дипломатические отношения с Россией, начав военные действия (ее флот вышел в море).^[94] Война была бездарно проиграна Россией, несмотря на проявленное ее солдатами и офицерами мужество.

Однако порой и люди высокой культуры становились жертвой национальной предубежденности. Такова была судьба Токутоми Рока (1868–1926), писателя и переводчика Л. Толстого, посетившего великого русского писателя в июле 1906 г. (до этого он же выпустил в 1897 г. в Японии книгу о Толстом). Но, несмотря на то, что он слыл пылким почитателем таланта яснополянского старца и даже его

последователем, он признавался в письме Л. Толстому: «Должен признаться, что хотя я и преклонялся перед Вашим гением и уважал Вашу искреннюю душу, я не мог целиком следовать Вашему учению. Мне казалось, что во многих вопросах вы впадаете в крайности, с которыми может согласиться только фанатик. Если говорить правду, я хотел служить богу и мамоне, духу и плоти одновременно. Результатом, признаюсь, была полная опустошенность и оцепенение души. Я мысленно высмеивал Ваше учение о непротивлении. Я был горячим сторонником русско-японской войны, ибо, хотя я и любил русский народ, который знал по Вашим произведениям, однако я ненавидел русское правительство и считал, что мы должны нанести ему сокрушительное поражение. Ценою крови, полагал я, мы сумеем добиться мира, взаимопонимания и поэтому радовался японским победам. Но теперь, благодарение богу, жестокая, кровавая война кончилась, мир между двумя странами заключен, а вместе с этим пришло пробуждение моей души. Я очнулся от страшного сна и понял, как глубоко заблуждался. С тех пор я решил никогда больше не мириться с кровопролитием и навсегда вложил свой меч в ножны». Этого не сделала элита, опьяненная победами.

Гавань в Порт-Артуре. 1904

Старое японское изречение гласит: «Когда самурай выходит на улицу, он должен встретить семерых врагов». Этот воинственный самурайский дух никуда не исчез, он лишь принял иные формы. Следует вспомнить далекую историю этой страны. Ведь в Японии на протяжении многих веков существовал многочисленный вооруженный класс, над которым фактически не было никакой власти. Он заправлял всем в стране. Не случайно и то, что среди останков древних захоронений (начиная с IV в. н. э.) находят большое количество оружия и военного снаряжения (копья, мечи, кинжалы, доспехи, шлемы и т. д.). Характерно и то, что столь явная военная ориентация

японцев со всей очевидностью была ими продемонстрирована еще до появления первых письменных памятников. В этих же захоронениях найдено бесчисленное количество глиняных фигурок воинов высотой от 40 см до 1,5 м в снаряжении и с их лошадьми. Воин был главным человеком в Японии. Именно поэтому столь исключительное место занял в истории материальной культуры самурайский меч. У японцев история меча разделяется на четыре периода: первый период – с древнейших времен до VI–VIII вв. н. э.; второй период – с VI–VIII вв. н. э. до XVII в.; третий период – мирный период Токугавы (1600–1868); четвертый период – после Токугавы и отмены сословия самураев и их привилегии ношения меча. Иэясу, основатель последней сгунской династии, в своем «завещании» (своде правил по управлению страной, составленных им для руководства своим наследникам и их советникам) говорит: «Меч, который самурай носит за поясом, есть его живая душа. Тот, кто потеряет свой меч, без пощады должен быть наказан» (37 ст.). Поэтомуковка мечей считалась почетнейшей профессией. Ею обычно занимались люди благородной крови, хотя на торговлю японцы всегда смотрели свысока. Во время решающего момента при процессе выковки меча (когда стальное лезвие соединяется воедино с железным клинком) существовал старинный обычай. Мастер надевал парадную шапку и платье, которые обычно носили лишь вельможи высокого ранга. Затворив двери своей мастерской, он работал вдали от нескромных взоров и докучливого любопытства толпы. По форме это напоминало священнодействие. Хороший меч в руках опытного самурая разрубал три положенных друг на друга мертвых тела. Нередко остроту мечей сгуны и самурай пробовали на преступниках, нищих бродягах и собаках (тамэсигири). Араи Накусэки рассказывал в своей автобиографии о том, как его отец разрубил слугу вместе с блюдом, которое тот держал в руках. В Японии существовал и негласный закон, по которому тот, кто живет мечом, от меча и погибал. ^[95]

Японский броненосец «Миказа»

Подобные правила поведения диктовались нередко суровой действительностью. Скажем, в эпоху великой войны годов Онин было пролито море крови. Война, затянувшаяся на 10 лет, шла в пределах Киото. Когда же последние армии отступили (1477 г.), город был полностью разрушен. В написанной позже «Хронике годов Онин» говорилось: «Процветающая столица, которой суждено было простоять тысячу лет, превратилась в логовище лис и волков...». Мы не должны идеализировать самурайскую традицию и правила поведения этой касты. С одной стороны, они демонстрировали крайнюю жестокость и равнодушие к человеческой жизни. «Самураи создали леденящую кровь культуру эстетов-убийц. Высочайшие достижения духа причудливо сочетались в них с крайней жестокостью, абсолютным равнодушием к своей и чужой жизни» (А. Басов). Поэтому в войне японцы могут использовать любые средства. Не случайно, по словам Дж. Мэрдока, японцы с особым почтением относились и к такому известному произведению китайской военной классики как «Сон-ги». В этом произведении не столько демонстрируются способы ведения войны, сколь принципы управления народом при помощи «невообразимого двурушничества». Мэрдок пишет: «Самые циничные, самые гнусные места в известной 18-й главе «Правителя» [Макиавелли] бледнеют перед голой и откровенной безнравственностью старых китайских пособий по шпионажу». Японцы, как и все люди Востока, с пониманием относятся к подобной практике обмана противника и введения его в заблуждение. Не знаю, насколько хорошим тоном считается использование столь не рыцарских способов войны, но война и сама по себе является дикостью. Во всяком случае некий европеец, посетивший Японию в XVI в., заметил: «Когда японцы хотят убить

кого-то, то окружают его притворной любовью и весельем, и в разгар всего этого отрубая ему голову».^[96]

Японцам присуще однако и известное благородство. Правы те, кто говорят, что ныне военные Японии, следуя своему древнему канону «самые храбрые – самые благородные», дальше отходит от кошмаров и грязи войн. В то же время западные «демократы» и «пацифисты», наоборот, приходят к более гнусным и трусливым методам ведения войны. Они бьют ракетами по беззащитным людям с расстояния в сотни и тысячи километров, зная, что те просто не смогут им ответить. В конце концов японцам понятно и то, что принято называть «благородством» и «совестью». Это касается их известного пренебрежения к смерти. Они ценят достойную жизнь... История с самураем Судзуки Сигэнари наиболее отчетливо покажет читателю, что такое по-японски подлинное чувство чести. Став губернатором провинции Кюсю, тот вскоре увидел, сколь невообразимо тяжело и трудно живется народу. Губернатор обратился с просьбой уменьшить налоги к правящему сгуну, но тот ответил ему отказом. И тогда Судзуки Сигэнари совершил харакири, тем самым выказав свое глубочайшее несогласие с правителем. Вся страна была под впечатлением от мужественного и благородного поступка. Сгун, будучи японцем, не смог проигнорировать общественного мнения: он не только уменьшил налоги, но и назначил приемного сына погибшего самурая на пост губернатора. Самураи ставили государственные и общественные интересы выше собственных. Сей дух живет и поныне. Такое трудно себе даже представить где-либо еще. В России иной губернатор скорее выпустит кишки своему сопернику, не поделив с ним прибыли, нежели пострадает ради своего народа.^[97]

Хотя и самурайская воинственность находила подтверждение в немалом числе войн. Известна агрессия японцев против Китая и Кореи. В 1872 г. Япония захватила остров Рюкю, в 1895 г. – острова Тайвань и Пэнхуледао, в 1905 г. Ляодунский полуостров с Порт-Артуром и Дальним, Южный Сахалин, в 1910 г. – Корею, в 1914 г. – Циндао. Корейские историки говорят, что японцы на их земле походили на «волков в овечьих шкурах». Под благовидной вывеской «культурного управления» жизнь корейского народа стала ухудшаться день ото дня (1922). Корейцев подвергали нещадной эксплуатации и грабежу, лишали земли, профессии и крова. Многих ожидала голодная

смерть. Японцы стали вынуждать корейцев к массовой миграции. «Трудно поддается описанию трагедия большого Сеула. В качестве главной пищи беднякам нельзя надеяться даже на просо, чумизу и картофель, большинство их потребляет только сваренные и растертые соевые бобы, дневная прожиточная стоимость составляет всего лишь 3 чоны». Непросто складывались отношения японцев с коренным населением – айнами, да и с корейцами и китайцами. Стоит напомнить, что в этническом отношении японцы представляют собой смешение различных народностей, проживавших некогда на землях Кореи, Китая, островов Тихого океана, а также острова Рюкю. Ранее на территории нынешней Японии проживали коренные жители айны, создавшие древнюю культуру, но еще до XVII в. вытесненные на север Хоккайдо. С. П. Крашенинников так описывал их: «Сей народ ростом средний, волосом черен, лицом кругловат и смугл, но гораздо пригоже других народов, бороды у них большие и окладистые, тело мохнатое» (обитали на Южном Сахалине и Курилах, на юге Камчатки).^[98] Они являются коренным населением острова Хоккайдо. Японцы колонизировали их земли, обращаясь с айнами, как с рабами. Российский ученый Григорий де-Воллан (XIX в.), проживший в Японии 6 лет, отмечал: «Японец смотрит на айнов свысока и с большим презрением, третирует эту низшую расу». В 1872 г. в Токио открылась временная школа, где айнов должны были обучать чтению и письму, приобщать к знаниям в области сельского хозяйства и животноводства. Но первая попытка оказалась не очень удачной. Лишь с 1901 г. на Хоккайдо стали создаваться школы для айнов. Их учебные программы значительно уступали программам обычных японских школ. Японцы относились к ним, образно говоря, как к обитателям страны мертвых (емино куни), куда обычно попадают только несчастные грешники. Взгляд на японскую модель развития должен быть взвешенно трезвым.

Уборка риса

Японцы преодолели изоляционизм, негативно сказывавшийся на положении науки и культуры. У них появились видные ученые, оставившие заметный след в истории науки: Китадзато Сибасабуро, открывший возбудителя чумы; Сига Киси, обнаруживший возбудителя дизентерии; Такаминэ Дзкити, открывший адреналин. Прошло несколько десятилетий. И вот уже европеец вынужден признать: «Это на их предприятия... приезжают каждый год по полторы тысячи делегаций американских и западноевропейских бизнесменов и чиновников учиться рациональному использованию современной технологии – той самой, которую придумали в самих же США и Западной Европе... Девиз «вакон есай» свят для них до сих пор». Цветов говорит в заключение: «Девиз, о котором упомянул корреспондент «Эспрессо», появился во второй половине XIX столетия, когда Япония после долгой самоизоляции начала стремительно впитывать научные и технические достижения Запада. «Вакон есай» – это «взять новейшие знания, выработанные иностранцами, но не позволить им пошатнуть основы японского образа мышления».^[99] Это и является опорой страны, ибо интеллектуализм и всевозможные технические и научные новинки могут привиться и дать богатые плоды лишь на национальной почве.

В чем же причина столь обостренного интереса японцев к собственной нации? Японцы лучше других поняли важность бережного сохранения этнического и культурного единства. Бездумное, грубо-насильственное смешение рас и культур равносильно тому, как если бы взять да слить в один сосуд различные сорта вин. Каждая нация хороша своим неповторимым «букетом»!

Некогда японцы учились у Востока и Запада. Отношение к тем и другим у них различно. Они ощущают глубокую враждебность и чужеродность западной, в особенности англосаксонской, цивилизации (духу Японии). Англичанин Л. Хэрн, «приемный сын» Страны восходящего солнца, описывая отношение японцев к своим учителям, заметил: «Быть может в течение будущего десятилетия Япония будет дружелюбно настроена к своим иностранным учителям. Она никогда не будет питать к Западу таких чувств, какие питала до эпохи Мэйдзи к Китаю, – то благоговейное уважение, которое по древнему обычаю подобает по отношению к возлюбленному учителю. Потому что китайской мудрости искали добровольно, тогда как западная была навязана им силой. Быть может в Японии возникнут некоторые христианские секты; но страна никогда не помянет английских и американских миссионеров так, как она до сего времени поминает китайское духовенство, бывшее воспитателем ее юности. И в честь нашего пребывания в стране не будут хранить каких-либо реликвий, тщательно завернутых семью рядами шелка и упакованных в прелестные ящички белого дерева, потому что мы не открыли им никакого нового учения красоты, ровно ничего такого, что могло бы говорить миру их чувств».^[100] Вульгарность и самомнение Запада и США одинаково претят Японии, Китаю, Индии, России, что, видимо, их заметно сближает.

В отношении Японии больше, чем в отношении какой-либо другой нации (в этой же группе – китайцы, корейцы, индусы), можно сказать, что перед нами предстает «непрерывная и единая цивилизация». Безусловно, следует согласиться с оценкой социолога К. Х. Момджяна: «Конечно, можно утверждать, как это делают некоторые теоретики, что средневековая Япония значительно больше похожа на феодальную Францию, чем на современную Страну восходящего солнца, ставшую одним из лидеров мирового сообщества. Но это не дает оснований разрывать целостную историю страны, которая связана воедино не только общим названием, географическим положением и языком общения, но и устойчивыми стереотипами культуры, воспроизводимыми особенностями национального менталитета, в частности столетней психологией коллективизма, долга и дисциплины, которая во многом определила нынешнее преуспевание

японцев». Основой такой единой культуры и стала единая нация.^[101] Это надо учесть и реформаторам в современной России.

Тем более что в истории развития наших стран есть очень похожие моменты. Разве наши правители и цари не старались ограждать нас от достижений Запада? Разве у нас не издавался «указ о закрытии страны»? Разве мы, подобно Японии, фактически не создали параллельную цивилизацию, независимую от Запада? Может быть, нам менее удавалось взвешенное осмысление наших достижений и неудач. Однако и мы поняли, что отрыв от знаний мира смерти подобен! В этой модели отчуждения была специфика: русские всегда с интересом и вниманием заимствовали оружейные технологии и технику (а затем и сами становились лидерами), с меньшим интересом воспринимая достижения гражданского быта и идеологии. Но и тут мы удивительно напоминаем японские образцы поведения. У нас и лозунги почти что одинаковые. Во время революции Мэйдзи главным девизом стало «создание богатого государства и сильной армии». Это же ныне провозглашает новый президент России. И это очень разумно, как разумна и японская формула «восточная мораль – западное искусство». Все должно делаться так, чтобы обеспечить прогресс и не выпасть «из потока мировой истории», но при этом сохранить национальное достоинство, культуру, веру, справедливость. Как говорят японцы: «Справедливый к себе относится строго, к другим – снисходительно». У русских же, к великому сожалению, часто видим обратную картину: снисходительные к себе, мы готовы проявлять строгость к иным народам и нациям. Так многого не добьешься.

Что еще позволяет японцам добиваться успеха? Прежде всего, образование. Японцы создали уникальную систему образования, хотя далеко не все тут столь совершенно и безупречно. Так, одно время существовал крен в сторону естественных наук и прикладной техники. Это наносило ущерб гуманитарному обучению. Первый в Японии государственный университет создан в Токио в 1877 г. К началу XX в. в стране с 45-миллионным населением два университета. Победа в русско-японской войне ускорила процесс модернизации экономики. Науку и образование стали считать важнейшими инструментами развития. Нужда в высокообразованных людях дала толчок развитию вузов. С 1912 по 1925 гг. университеты выпустили 42,6 тысяч выпускников. Общее число окончивших колледжи за тот же период –

240 тысяч. К началу II мировой войны количество тех и других увеличилось соответственно в три и два раза. Спустя 40 лет после принятия Закона об образовании (1947) в системе высшего образования уже было 95 государственных, 38 муниципальных и 357 частных университетов, где обучалось 2 млн. человек. Вершину пирамиды тут занимают элитные университеты – Токийский и Киотский, чуть ниже стоят специализированные университеты – Хитоцубаси, Токийский технологический и пять других (бывших императорских) университетов. Еще ниже в образовательной иерархии стоят созданные после второй мировой войны в ряде административных центров государственные и муниципальные университеты. Среди частных вузов два самых престижных университета – Васэда и Кэйо. Отличительной чертой системы высшего образования в Японии стала тесная связь с промышленностью. Выяснилось, что специализация и сугубо профессиональные навыки – не главное. При нынешних темпах технического прогресса в высшем учебном заведении невозможно обеспечить специализацию на все времена. И дело тут не в отсутствии прилежания со стороны студентов или недостаточной мотивации их труда, а в высоких темпах перемен в области техники и науки. Большая часть крупных фирм Японии охотно берет на себя функции профессиональной подготовки и переподготовки своих кадров. [\[102\]](#)

Известный исследователь социальных проблем Таити Сакаия в книге «Что такое Япония?» (1992) считает, что едва ли не важнейшей чертой, обеспечившей Японии быстрый, стабильный и неуклонный рост, стала ее приверженность к стабильности и социальному равенству. Корень наших бед как раз заключается в обратном: ни того, ни другого в России не было и нет уже 10 лет. Наша ворующая элита этого не поймет и никогда не признает. В Японии же большинство граждан в душе своей являются как бы стихийными социалистами. Им свойственно неприятие крайностей и идей превосходства. Хотя такая позиция естественна для американцев, британцев или евреев. Действие этого закона видим везде и всюду – от экономики до образовательных установок и канонов. В Японии общество видит задачу в выравнивании доходов, а не в чудовищной их поляризации. В итоге достигается равновесие в экономике и семейных бюджетах. Стабильны бюджет страны, бюджеты предприятий, семей. Сегодня на

имеющиеся у нее финансовые активы японская семья может прожить не менее трех лет без какого-либо снижения уровня жизни, несмотря на колебания, которых трудно избежать. Схожая ситуация прослеживается в системе образования, где лучшим считается не тот, у кого наилучшие оценки, а тот, кто учится по принципу «я как все, как большинство». В межличностных отношениях японцы, как и мы, болезненно воспринимают превосходство других. Вот какое общество нужно было бы попытаться выстроить в России, а не «башню смерти», что в любую минуту может обрушиться, погребя под собой и правых и виноватых, и богатых и бедных. ^[103]

В Японии просто немыслима такая модель реформ, в результате которой наименее достойные, но более жестокие, алчные и беспринципные захватили бы власть и утвердили свои порядки. В итоге в Японии сегодня коэффициент разброса в уровнях личных доходов составляет всего 2,9 раза, в то время как, например, в Англии и Франции он выше 10, а в России он и вовсе порой зашкаливает на космической отметке в 18–24. В итоге такой вот жизненной философии японцы считаются одной из самых процветающих наций, тогда как они в относительно недавние времена жили небогато. Такой метаморфозе они обязаны тяжким трудом. И тем не менее для них неприемлема мораль, согласно которой право на жизнь имеют лишь те, кто может сам постоять за себя (Т. Сакаия). Идея заданной обреченности на смерть тех, кто не подготовлен к бедствиям (пресловутого рынка или конкуренции), для менталитета и психики японцев звучит просто варварски и дико. Общество, коллектив должны прийти всем на помощь. Наши же демократы неандертальцы об этом даже не слыхивали. Япония руководствуется общественной, национальной истиной, а не узко или ложно воспринятым принципом выгоды, корыстолюбия клана. У мыслителя Утимуры Кандзо (1861–1930) есть очень верное замечание. Он говорил так: «Если мы сохраним Истину, то государство, если и рухнет, сможет возродиться. Если же отречемся от Истины, то даже и процветающее государство все равно погибнет. Любовь к родине предполагает в большей степени верность Истине, чем верность государству». Сохранив государство, они сохранили и лицо, философию, культуру. Благодаря этому японцы пережили горечь поражения и стали победителями.

Глядя на постоянно раздираемую социальными и политическими противоречиями и бурями Россию, нельзя не позавидовать японцам, которые предстают единой нацией. Вот у кого бы поучиться нашим государственным мужам стойкости и умению. А то, глядя на иных наших лидеров – безвольных, трусливых, алчных и лживых, – трудно удержаться от мысли, что весь смысл их существования состоит в том, чтобы показать миру пример вырождения. Каноны поведения японцев, их культура и религия не позволяют им опускаться. Очень многое зависит от характера правящей элиты. Японский характер упруг, как стальной клинок, изящен и легок, как вязь иероглифа, внутренне сжат и подобран, как стих хайку.

Руссо говорил: «Самые большие подвиги добродетели были совершены из любви к отечеству». В отношении японцев можно было бы сказать, что они самые великие подвиги готовы совершить из любви и почитания к предкам и их нации. Трудно найти в мире такую страну, где бы столь серьезно, основательно и любовно изучали различные стороны национального характера. Их пословица гласит: «Сам себя не уважаешь – и другие не будут тебя уважать». В Японии популярны всевозможные «теории о японцах» («Нихондзин рон») или «теории о японской культуре» («Нихон бунка рон»). Ученый Хаяси Тикио, говоря, что их расцвет относится к годам токугавского сгуната (1853–1867), подчеркнул, что это явление по своей значимости для жизни народа не имеет себе аналогий ни в одной другой стране мира. Учитывая, что в мире с каждым годом обостряется борьба за лидерство, фактор учета национальной психологии становится особенно важен. И напрасно Дж. Вос и Р. Белл (США) обвиняют японцев в нарциссизме. Эта характеристика скорее применима к американцам, у которых нарциссизм развился за последнее время в некую патологию. Он у них в крови. Японцы же, думается, относятся к себе критичнее и честнее. Во всяком случае трудно представить, чтобы американцы (с их восхвалением «пакса американа»), вдруг решились бы написать о себе нечто, даже отдаленно напоминающее работы Мияке Сэцурэй «Правдивый, добрый и красивый японец» (1891) или «Лживый, злой и страшный японец» (1891). Трезвый взгляд на собственную нацию, вероятно, закончился бы плачевно для любого американского автора. ^[104]

Андо Хиросигэ. *Цветущие сливы в храме Камэйдо*

Японцы традиционно умеют совершенствовать, шлифовать профессиональное мастерство и искусство годами, если не столетиями. Кстати говоря, схожими путями шло воспитание и обучение немцев. И, видимо, не случайно японцев порой называют еще «арийцами Востока». Известный исследователь науки в Японии, Масанори Моритани также писал о близости восприятия профессиональных навыков у этих двух народов (японцев и немцев): «То, что производство германской промышленной продукции столь надежно, результат высокой эффективности и силы Meister-системы, то есть системы обучения и подготовки немецких мастеров. Подобная система, когда мастер обучает своих учеников своему мастерству искусства, ремесла, имеет давнюю историю, восходя к средневековью. Это было в обычаях того времени, когда Lehring или, иначе говоря, ученик, овладевающий профессией, путешествовал с места на место в поисках умелых специалистов-мастеров. Найдя такого мастера, он умолял его стать учителем и наставником». Масанори Моритани, говоря об успехах японской индустрии в наше время, подчеркивает, что секрет успеха можно бы лучше понять, если вспомнить «о духе древних самураев, которые вели своих воинов в бой». Эими

качествами бойца отличаются и современные менеджеры Японии. Долгое время Япония испытывала в отношении США и Европы сложный комплекс чувств. Это можно было бы даже назвать неким комплексом неполноценности. Однако именно эти чувства и породили в них желание реванша. Желание в один прекрасный день достать, а затем и превзойти «иностранных дьяволов» в области индустрии и технологии. [\[105\]](#)

Есть у японцев еще одно свойство – это врожденное чувство красоты и совершенства. Они чувствительны к красоте, видя подлинный смысл жизни в гармонии и совершенстве. В эпоху Эдо культура стала «продуктом» всего японского общества, имея в основании «не столько чаяния аристократов, сколь интересы простых граждан». Возможно, это самое существенное в японских нравах и порядках. Японец должен не только быть мудрым, но и прожить жизнь достойно и красиво. Они почитают красоту, как частицу божественного начала. Ее символом стал и храмовый комплекс Никко (1617–1636), называемый японцами «Лунным светом». Здесь покоится великий правитель Токугава Иэясу. Путь лежит через дивный красоты мост Синке (Святой мост), по которому могли шествовать лишь императоры и правители. Перед нами предстает целый ансамбль, включающий ярко-красный мост, чем-то похожий на огненную саламандру; аллея вековых криптомерий длиной в 38 километров (15 тысяч деревьев), выстроившихся, словно самураи, приветствующие своего полководца; весь архитектурный ансамбль Никко, состоящий из 22 сооружений, объединивших синтоизм и буддизм, где выделяются великолепием ворота Емэй и пятиярусная пагода, усыпальница Тайюин; 35-метровая пагода святилища Тосегу. По поводу впечатления от всего этого грандиозного комплекса можно сказать словами старинной японской пословицы: «Кто не видел красоты Никко, тот не может произнести и слово «кэкко» («прекрасно»)).».

Генеральный секретарь ЮНЕСКО К. Мацуура

Важны и индивидуальные особенности японской психологии, для которой характерно признание феноменальности мира. Ученый-религиовед Х. Накамура сказал, что японцы не только приемлют феноменальный мир как некий абсолют, но склонны жить и умереть в соответствии с его правилами. Знания и культура, подвиг и слава являются важнейшими слагаемыми того феноменализма, что всегда был характерен для японского народа. Исключительное значение для японцев имеет «итог жизни», то есть все содеянное ими в сферах, имеющих для них принципиальное значение. Для разных людей эти сферы могут быть различны. Однако есть и общие этические составляющие. Как писал поэт Яманозэ Окура (659–733), выражая извечную тягу японцев к славе и совершенству, красоте и гармонии:

Отважным мужем ведь родился я, —
Ужель конец короткого пути?
Без славы,
Что могла из уст в уста,
Из года в год, из века в век идти?!^[106]

Япония учит нас сочетать старое и новое. Она обновляет жизнь, не нарушая при этом своих культурных корней. Традиционное японское искусство создания миниатюрных удивительных шедевров (знаменитые «нэцке») оказалось востребовано и в современной культуре. Японцы достигнут высот в искусстве создания и новых технологических шедевров. Есть нечто мудрое и поучительное в том, что храм богини Аматаэрасу (прародительницы японцев) в Исэ каждые

20 лет (начиная с VII в. н. э.) разбирается и на этом месте собирается новое сооружение. Япония поклоняется Вечности. *Veritates aeternae!* Не потому ли японцы так любят гору Мива, которая воспета в самых ранних стихах. Эта священная гора не только прекрасна, но тут находится Омива дзиндзя, одно из самых древних и красивых святилищ национальной религии японцев – синто («путь богов»). История Японии – и есть восхождение по лестнице богов.

В поведении, речи и манерах японцев, конечно же, есть и свои особенности... Так, при встречах японцы приветствуют друг друга поклонами. Существует три вида поклонов – от самого глубокого сайкэйрэй (перед алтарем в синтоистском храме, в буддийском монастыре, перед национальным флагом) до церемониального или обычного легкого поклона. Японцы по несколько раз в день кланяются друг другу. Когда вас приглашают в дом, обязательно следует ответить: «Благодарю вас, с удовольствием». В первый раз в доме лучше не задерживаться более получаса. При посещении гостей ранее обменивались подарками. Ныне обычай отмирает. Но если вам вручили подарок, тут же не следует разворачивать. За столом принято ухаживать друг за другом (наливать рюмки, подкладывать самые вкусные куски). Японец старается сделать общение и трапезу приятными. «Делая как можно больше приятного человеку, – говорит Мититаро Тада, – мы, японцы, сами получаем от этого большое удовольствие». При походе в ресторан не принято давать чаевые. Наиболее важными являются правила общения и поведения, касающиеся сложного мира взаимоотношений людей. Стоит особо заметить, что японцы, в общем и целом, довольно скрытный народ. Им присуща сдержанность и некая эмоциональная скрытность. Тут не принято открывать душу перед первым встречным. В общении с японцами важно не торопиться в беседе, «не гнать лошадей галопом». Как отмечают знатоки, для того чтобы у японца сложилось мнение о том, что «этому человеку доверять можно», нужно провести немало встреч, бесед, дискуссий, обменов мнениями. Иначе говоря, европейец и русский должны психологически подготовить себя к более длинному пути. Причем движение должно быть осмотрительным, более взвешенным. Если янки сразу же хлопнет тебя по плечу и фамильярно станет звать по имени, затем довольно объявит, на сколько долларов вы выглядите, то японец в беседе будет сдержан, вежлив и осторожен. Он

постарается не заводить бесед с малознакомыми людьми. Речь его ровна и доброжелательна. Особенно он боится категоричности выражений. «В нас заложена привычка опасаться четких форм выражения», – говорит японский лингвист. Если человек западной культуры хочет поскорее подойти к сути беседы, торопится поставить все точки («Время – деньги»), то японцы, как говорится, не спешат «схватить быка за рога». В их понимании хорошее и достойное завершение беседы – это умелое сглаживание всех острых углов («кадога торэру»). Они не говорят обычно и слова «нет». Если все же нужно отказать человеку, то делать это нужно в наиболее мягкой и вежливой форме, оставляя надежду на возможность утвердительного ответа в будущем.^[107] Переборщить не надо. Пословица гласит: «Излишняя учтивость обращается в льстивость».

Отношение японцев к России двойственно. Взгляд на Японию, Китай, Корею, Индию как на страны высокой и дружеской к нам цивилизации всегда был свойствен наиболее просвещенным русским. Любопытную оценку находим в труде Д.А. Хомякова, сына богослова и писателя А.С. Хомякова (начало XX века). Он писал о народах Востока уважительно и, как говорят, с большой буквы: «Просвещение и культура – совершенно разные психические явления: можно стоять лично и даже общественно на высокой ступени культуры, принадлежа при этом к среде, по началу просветительному не высоко стоящей. Мы считаем, например, что Японцы и Китайцы цивилизованнее некоторых христианских народов».

Образ японца в русском сознании чуден, таинственен, привлекателен. Он воспринимается в облике прекрасной девушки, богатыря Фудзи-сана, гения «Сони», генсека ЮНЕСКО К. Мацуура. Их отличает ум, строгость, красота, духовная сила. В рассказе, названном «Японский богатырь», А. Вановский давал такую характеристику японскому народу. Он рисует обитателя Страны восходящего солнца в образе могучего богатыря: «Фудзи-сан – богатырь, стоящий на страже счастья и покоя японского народа. Он ведет непримиримую, неустанную борьбу с грозными стихиями, рождающимися на бесконечном просторе морей, омывающих цветущие берега Страны восходящего солнца. Закованный в броню льда, он бьется с зимними бурями и снежными вьюгами, никогда не уступая врагу поля сражения... Почему японский народ героичен? Да

потому что японцы из поколения в поколение имели и имеют перед своими глазами пример богатыря, самоотверженно сражающегося с могучими стихиями. Но Фудзи-сан не только воин, но и хозяин, живущий трудами рук своих».^[108] Все это дает силы японцам проявлять столь недюжинные способности в любом деле, чему способствует и совершенно удивительное сочетание преемственности и новизны, традиционализма и модернизма.

Подводя итог японской цивилизации, выделим ее черты: 1) японцы – древний народ, обосновавшийся на островах в результате миграции и вытеснения ими коренных жителей-айнов; 2) их путь к современности пролегал через длительный период ученичества и усвоения зарубежного опыта (китайского, корейского, голландского, немецкого, американского и т. д.), что сделало их динамичными, восприимчивыми к новшествам зарубежной культуры; 3) при этом важнейшей чертой самих японцев продолжает оставаться глубокая преданность и верность традициям и устоям их родной страны; 4) морально-нравственные критерии нации и личности, понимаемые в духе «бусидо» (то есть верность долгу воина и гражданина, чести), чрезвычайно высоки, что делает японское общество очень устойчивым и сильным; 5) для японцев характерны высокая религиозная терпимость, объясняемая многоликостью религиозных образов (буддизм, синтоизм, конфуцианство); 6) их отличает высокая степень образованности, грамотности, «экологичности» культуры; 7) из поколения в поколение они впитывают уважение и любовь к природе родной страны; 8) в социальном отношении японское общество всегда отличалось и отличается духом коллективности и общинной корпоративности; 9) при всех достоинствах японцев у них, видимо, есть и своя сумеречная зона – «страна скверны». Б. Данхэм в «Искусстве быть японцем» (1964) говорит: «На Западе люди либо говорят вам правду, либо лгут. Японцы же почти никогда не лгут, однако им никогда не придет в голову говорить вам правду». Но это, скорее, особенности национальной психологии. Традиции просто не позволяют им сказать кому-то слово «нет»; 10) быть может, главным основанием колоссального успеха и триумфа Японии является их неиссякаемая, истинно самурайская вера в свою страну, в превосходство японского духа, в их организацию; тут любой иностранец занимает подчиненное положение; вся иностранная

торговля должна находиться под их контролем, если не всецело в руках японцев («Это был бы величайший шаг вперед к осуществлению народного желания: Япония – для японцев! Если даже страна останется открытой иностранцам, все же иноземные капиталистические предприятия окажутся в полной зависимости от простой милости японских организаций»); 11) в этом смысле пример Японии интересен, поучителен и для России, хотя исследователь Ж. – П. Леман, вероятно, прав, заметив: «Японию нельзя воспринимать как модель, которую можно копировать. Ее следует использовать как зеркало, в котором нужно рассматривать собственные сильные и слабые стороны»; 12) ценность исторического опыта Японии надо воспринять правящей элите России; та должна открыть для себя современную Японию, перенять мудрое и дальновидное отношение японцев к науке, культуре, технике, образованию. Переняв их опыт, трудолюбие, обновим Россию, используя возможности Приморья, Сахалина и Сибири.^[109]

Нам кажется чрезвычайно важным выстроить мост дружбы и сотрудничества длиной в 10 тысяч лет между Россией и Японией. Нужно лучше узнать японскую культуру, религию, нравы. Запад боится этого союза России с Востоком. Автор труда «Николай II. Путешествие наследника цесаревича на Восток» довольно прозорливо заметил: «Иностранцы, свивая себе в Японии ненадежное гнездо, давно уже сеют там подозрение и нелюбовь к России. Воспитанные на заграничный лад и в чуждых по культуре университетах туземные радикалы проникаются предубеждениями западного человека против «северного колосса» и склонны поверхностно судить о нас в печати и литературе». Мы должны покончить раз и навсегда с «западничеством». Ведь отдаленное будущее человечества может быть вовсе и не связано с белой расой. Мы же продолжаем находиться в плену у англосаксонских и иудейских мифов о величии их цивилизации. Вот даже и В. М. Мендριν, посвятивший жизнь изучению культуры, литературы и языка японцев, решился заявить об этой стране: «Япония малокультурна, скорее даже некультурна. В ней не было и нет ни культуры технической, ни культуры философской, она слишком много заимствовала и заимствует, но этим воспользоваться надлежащим образом не умеет. Она изуродовала позаимствованную из Китая китайскую культуру, теперь она уродует

культуру европейскую». Сто лет спустя после написания этих строк мы отчетливо видим, сколь несправедлив и ошибочен подобный вердикт. В действительности, современная Япония становится одной из культурнейших стран мира. Ее экономическая и техническая мощь находится на уровне высочайших достижений цивилизации. Кстати говоря, я не считаю, что даже наличие двух-трех десятков первоклассных талантов в сфере культуры еще дает право любой стране считать себя подлинно культурною державой. Вот и в нынешней России мы, несмотря на сумасшедшие богатства нуворишей и всю нашу былую культуру, уходим все дальше от высот истинной культуры и цивилизации. Власть последних 10–15 лет напоминает правление рода Тайра в Японии, завершившееся его полным крахом. Японский исследователь Рай Дз (1780–1832) в «Вольной истории Японии» («Нихон гайси»), сей японской «Одиссее», писал об этом периоде: «Начиная с сифуса, Фудзивара взяли в свои руки государственное управление. Но все они радели о своем только роде, создавая ему благополучие. Их не радовала радость государства, не печалила его печаль. Они оспаривали власть друг у друга. Они забегали вперед перед тем из них, кто был у власти, угождали и льстили ему. И это вошло в обычай в высших правительственных сферах. Конечно, как и следовало ожидать, это создало почву для великих смут в стране. А в конце концов вышло то, что вместе с императорским домом стали клониться к упадку и рухнули вместе с ним. И остались им только их пустые титулы, без власти. Так можно ли не считать их жалкими! Читая исторические сочинения, я понял причину утери власти императорами и возникновения сгуната... Ах! Ах! Они признавали умным и мудрым того, за кем была родословная; прецедентами руководствовались они в делах управления государством и, отогнав прочь талантливых и выдающихся, тем самым помогли хищной сове. И все еще не одумались».^[110]

«Тот, кто родившись человеком, – говорится в одном японском поучении, – не знает закона человеческого, тот не есть человек; хотя он по внешнему виду и был человеком, но по сердцу он то же, что животное». Возможно, и нам придется пройти через период сгунского правления (власти военных, «русских самураев», духовной элиты науки, людей совести и чести), способных сломить губительную

власть эгоистических ничтожеств, положив жизнь ради России и своего Отечества.

Глава 13

Покорение и освобождение Латинской Америки

Огромный интерес представляет в культурном смысле и Латинская Америка... В силу самой истории и характера колонизации народы континента унаследовали черты различных рас. Тут возникли невообразимые этнические смеси, развилась самобытная цивилизация, уходящая корнями в далекое прошлое. По данным ученых, время обитания человека в Америке, видимо, не превышает 40–50 тысяч лет. Ранее других сложилась цивилизация Чавин, располагавшаяся в северо-западной части современного Перу (вторая половина II тысячелетия до н. э.). Ее главным памятником стал крупный религиозный центр Чавин-де-Уантар. В ремесленном производстве ею широко использовались металлы (золото, серебро, медь), процветали ремесла. Обнаружены изображения кондоров и двухголовых змей. Перуанские ученые склонны видеть в Чавине «корень культуры Анд», называя эту культуру «праматерью перуанской цивилизации». Возникли новые цивилизации (Паракас, Мочика, Тиауанако, Наска) и в Центральных Андах. В частности, цивилизация Наска оставила яркие образцы оригинальной культуры – полихромную керамику, необычайные росписи и, разумеется, загадочные надписи в пустыне Наска. Эти фантастические полосы и фигуры на пустынных плато юга побережья Перу словно прочерчены рукою внеземных богов. Их изображения можно разглядеть только с высоты самолета или космического корабля. Пауки, рыбы, птицы, какие-то странные орнаменты в своих размерах достигают колоссальных масштабов (порядка 8 километров). Их функциональное назначение неясно. Широко распространена версия внеземного происхождения фигур. На рубеже I и II тысячелетий н. э. эта цивилизация исчезла, как исчезли цивилизации Паракас и Тиауанако. От них остались величественные руины храмов, пирамид, гигантские каменные изваяния. Население было уничтожено или ассимилировано. Центры майя или инков до сих пор волнуют воображение. [\[111\]](#)

Кто заселял эти земли? Откуда у них столь удивительные познания и навыки? Каково происхождение этой расы? Когда Писарро открывал Перу, хронисты отмечали, что иные представители местного правящего класса были белее испанцев. Сами инки были убеждены, что они потомки богов, называя их «виракочи» (или люди «морской пены»). Многие сооружения древних цивилизаций были воздвигнуты пришельцами, «белыми, как европейцы». При попытках разгадать тайну их древних письмен и сооружений возникает масса вопросов. Уровень знаний чужеземцев, как считается, был достаточно высоким. У панамских индейцев куна (на западе от Колумбии и Венесуэлы), вырезавших письмена, сохранилось предание, что после катастрофического потопа явился великий муж, учивший людей, как жить, как именовать вещи и как ими пользоваться. За ним следовали его сподвижники, распространявшие его учение.^[112] Кажется, народы эти, как и богиня красоты и любви Афродита, рождены бурной океанской пеной – столько в них жизненной энергии, блеска, таланта, силы и страсти.

В древней истории народов, населявших земли Америки, находят немало загадок... Так, в развалинах города Тиаунако, в Андах, давным-давно жил народ, знавший астрономию (в тех местах был найден странный календарь с 290 днями в году). Город этот расположен на высоте 4000 метров, в среде, казалось бы, совершенно не пригодной для обитания. Однако здесь найдены остатки большого порта, изображения летающих рыб, скелеты ископаемых морских животных, что свидетельствует о том, что когда-то город находился недалеко от моря. Имелись сообщения и о том, что испанские конкистадоры, высадившиеся на континенте, нашли здесь на исполинских каменных статуях литые серебряные украшения (весом до полутонны). Однако те, кто жил в этих местах ко времени их прибытия в Новый Свет, обитали в тростниковых шалашах, не знали ни выплавки металлов, ни астрономии. «Пополь-Вух» доносит сведения о «первых людях», обладавших удивительными познаниями и способностями. Они не только «преуспели в знании всего, что имеется на свете», но и обладали некоторыми сверхчеловеческими способностями (обозревали весь свод небес, могли видеть в темноте, проникали взором во «внутренности земли», могли объять своей мыслью «весь мир»).

Мудрость их была велика и необычайна, о чем гласят многие легенды.
[\[113\]](#)

Следы андской древности империи инков, знак «внеземной цивилизации»

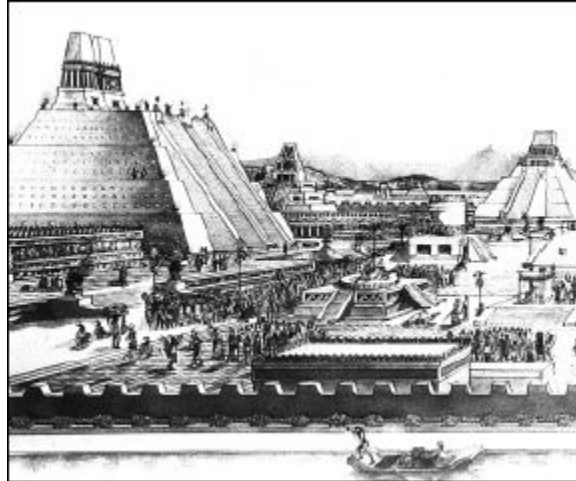
Откуда появились эти удивительные предки инков, майя и ацтеков? Ученые выдвигают различные гипотезы. В качестве переселенцев назывались викинги и атланты, египтяне и финикийцы, этруски и хетты, греки и римляне. Упоминались даже библейские «пропавшие десять колен Израилевых». Иные стоят на той точке зрения, что ход прогресса и цивилизации всегда шел с востока на запад. Ирландец Хуан Галиндо, ставший губернатором Северной Гватемалы, посетивший Паленке и Копан, высказал идею, согласно которой якобы местом зарождения мировой цивилизации является Центральная Америка. Некоторые утверждали, что истоки этой цивилизации следует искать у атлантов, в культуре «красной расы». Сторонником этой концепции был русский поэт В. Брюсов: «Можно сказать, что в начале XIX в. для мыслящего человека предоставлялся выбор между двумя концепциями мировой истории. Первая концепция, быть может, преувеличивая и увлекаясь, считала сотнями тысячелетий. Она учила о четырех «расах», поочередно принимавших скипетр культурного владычества на земле: желтой, красной, черной и белой. Белая раса, господствующая ныне, признавалась поздним

цветком на древе человечества, перед которым расцветали три других. Расцвет наиболее пышного из них – культуры красной расы, культуры атлантов, заложивших первоосновы всего, чем и поныне живет человечество в области духовной, – падал, согласно с традицией, на отдаленнейшие эпохи от 800–200 тысячелетий до нашей эры...»^[114] Вступать в обсуждение теорий нецелесообразно.

В тайны древних народов Америки пытался проникнуть и Тур Хейердал во время плавания на «Кон-Тики» (бог Тики, сын Солнца), множество ученых до и после него. Все сходятся в одном – в существовании своеобразной цивилизации. Древние перуанцы научились выращивать множество видов и сортов полезных растений. Напомним, что европейцы обязаны открытием хинного дерева древним перуанцам, которые издавна лечились с его помощью от малярии. В те времена малярия свирепствовала во Франции и Англии. Говорят, что впервые целебное зелье привезли из Америки иезуиты («иезуитский порошок»). Вначале к нему относились весьма настороженно. Когда малярией заболел могущественный протектор Англии Кромвель, ему предложили лекарство, но он якобы заявил: «Лучше умереть, чем лечиться зельем иезуитов». И умер. Впоследствии хинин опишут Линней и Гумбольдт (последний привез оттуда образцы дерева). Америка дала миру и другие ценные плоды. Иные даже полагают, что американские индейцы открыли Европу куда раньше, чем Колумб – Америку (приплыв в Португалию за 7 лет до открытия Нового Света).

Изобразительное искусство инков по сей день заметно влияет на культуру Латинской Америки. Представляется любопытной социально-экономическая и административная система. Некоторые ученые даже говорили о «социалистической империи инков» (француз Л. Бодэн). Такое название было дано ей в силу высокой степени рационализации (социальной инженерии), стирания и подавления личности, тенденций к уравнительному распределению, запрета частной собственности и т. д. и т. п. Не видя нужды в классификации всех этих явлений, не проводя никаких аналогий, заметим лишь, что уничтожение старых и возведение новых городов, организация больших государственных и корпоративных хозяйств, переселение целых народов на тысячекилометровые расстояния действительно представляют труднейшую задачу даже для современной культуры.^[115]

Любопытно и то, как выглядела образовательная деятельность у древних. Вот что писал по этому поводу приехавший на рубеже XVI и XVII веков из Перу в Испанию, на родину отца, метис по имени Инка Гарсиласо де ла Вега. Хотя описанное им во многом напоминает утопию в духе Мора или Кампанеллы, наличие реальных черт быта и жизни инков не вызывает сомнений. Властитель империи Инка Манко Капак старался научить соплеменников возделыванию земли, строительству домов, проведению оросительных каналов, содружеству и братству, благовоспитанности и согласию. Он учил их поступать так, как велят природа и разум, научил делать обувь, а также, используя ремесла и обучив изготовлению пряжи и ткани, одел всех в шерстяные одежды. Все законы должны были быть одинаковыми для всех. Инка учил мужчин уважать женщин. Это было крайне важно, ибо они вели себя по отношению к ним порой как настоящие варвары. Инка приказал иметь им не более одной жены. Он ввел смертную казнь для прелюбодеев, убийц и воров. Тем же, кто отличался добрым нравом, трудолюбием и умственными способностями, Капак велел стать учителями.^[116] Тайны и загадки сопутствуют тем, кто пытался отыскать следы первых учителей на латиноамериканском континенте. Тут действительно еще очень много неясностей. Иные утверждали, что таковыми являлись «ягуарьи индейцы» с острова Торреса, где якобы находился древнейший город Нового Света. М. Стингл называл обитателей этих мест предшественниками и учителями гениальных майя. Поселение существовало с 1000 до 400 гг. до н. э., тогда как майя выступили на арену индейской истории лишь в третьем столетии нашей эры. Их-то и открыл М. Стирлинг, называвший данную культуру «матерью» последующих высоких культур Месоамерики.

Реконструированный вид центра древней столицы Мехико – Теночтитлан

Древние майя обладали довольно внушительными знаниями. К примеру, лунный месяц, высчитанный жрецами-астрономами Паленке, был равен 2953086 дням, то есть оказался чуть длиннее фактического (2952059 дня), высчитанного с помощью современной вычислительной техники, всего лишь на 0,00027 дня. Это отнюдь не случайное совпадение, ибо подобные же точные расчеты встречаем у других жрецов из Копана. Да и календарь древних майя точнее нашего современного на 0,0001 дня. Если вообразить себе дворец в Паленке в годы его создания, то мы вправе отнести его к восьми чудам света. Пожалуй, история культуры майя и других древних народов Латинской Америки действительно подобна Вселенной (йок каб). Древние майя представляли ее в виде расположенных друг над другом миров (тринадцать «небесных слоев» и девять «подземных»). Интересно и то, что майя пользовались иероглификой, сходной с иероглификой Старого Света. Однако Европа еще считала на пальцах, когда математики древних майя уже ввели понятие нуля и могли оперировать довольно большими величинами. Одним словом, математические достижения майя даже ныне, в начале XXI в., потрясают воображение.^[117]

Реальность иероглифической письменности майя подтверждается наличием книг. Долгое время их содержание оставалось для европейцев неизвестным. В «Истории человечества» под редакцией Г. Гельмольта, изданной в начале XX в., говорилось о том, что первые испанские монахи настолько освоились с нею, что могли читать и даже

писать ее письменами. С течением времени, увы, знания эти были почти полностью утрачены. Теперь же «даже самые выдающиеся американисты не могут столковаться относительно того, к какой системе следует отнести письмо майя». А что касается свидетельства богов, то они безмолвствовали, включая и самого великого бога майя – Кукулькана, соответствующего богу ацтеков Кецалькоатлю. Кто мог поведать о древнем народе? К кому еще обратиться за разгадкой тайны?^[118] Оставалось уповать на жрецов современности – археологов, историков, лингвистов, математиков. Загадка цивилизации майя взволновала далеких от науки людей. Пылкое воображение готово было видеть наследников Древнего Египта и Древней Греции. Иные разглядели в них уцелевших потомков Атлантиды. Кто же обитал в действительности на юго-востоке месоамериканского региона? Сегодня можно сказать с уверенностью, что на территории площадью около 350 тыс. кв. км. (на землях нынешней Мексики, Гватемалы и Гондураса) 1500 лет тому назад существовало множество городов-государств, жители которых говорили на одном языке, поклонялись одним богам и достигли высочайшего уровня культуры. Это и были майя, которых называют «самым выдающимся народом планеты» (С. Морли) или «самой завораживающей из всех цивилизаций древней Америки» (Г. Леман). В самом деле, эта цивилизация, как мы сможем убедиться, достигла высокого уровня развития. Но лишь в 1840 г. Дж. Стефенс пришел к выводу, что перед нами самобытная и яркая цивилизация. С XIX в. здесь ведутся раскопки древних пирамид и сооружений майя. Число городов майя доходило до двух сотен, включая два десятка городов с 50-тысячным населением.

Майя располагались на территории в 300 квадратных километров (часть Мексики, Гватемала, Белиз, западные окраины Гондураса и Сальвадора). Зарождение этой цивилизации датируют примерно 1000 г. до н. э. Их численность доходила в разные времена до 10–20 миллионов человек. В 250 г. н. э. они вступают в свой «золотой век». Хотя археологи недавно нашли стелу с символами (ее относят к 146 г. до н. э.), на ней имеется фрагмент самой ранней летописи майя, что свидетельствует о высоком уровне их развития уже в давние времена. Условия обитания на этой земле были нелегкими. Если представить весь период существования майя, то «древо их культуры» выглядело

бы так: 1) «доклассический» период (1500 год до н. э. – 250 год н. э.); 2) ранний «классический» период (250–600 гг. н. э.); 3) поздний «классический» период (250–600 гг. н. э.); 4) «постклассический» период (900—1500 гг. н. э.). Первый период характеризуется влиянием ольмекской культуры и созданием таких крупных центров, как Эль-Мирадо, Тикаль и др. Второй ознаменован разделением общества на правящую элиту и подчиненных ей земледельцев, ремесленников, торговцев. В этот период начали возводиться храмы-пирамиды и стелы. В третий период усиливается соперничество между центрами власти, такими городами, как Тикаль, Паленке, Копан. Политические распри и военные столкновения привели цивилизацию майя к упадку. В последней стадии ее существования прекращается строительство, жизнь замирает, многолюдные города ветшают и приходят в упадок. В это же время усиливается влияние тольтекской культуры. Главным городом становится Чичен-Ица, а затем, после его загадочного падения, Майяпан, который в 1441 г. в свою очередь оказался разрушенным в ходе восстания. Таким образом, к моменту вторжения в Америку испанских конкистадоров цивилизация майя уж не была столь могучей и процветающей, как ранее. Это и предопределило ее закат.^[119]

Что добавить к сказанному? Майя создали и первый письменный язык на американском континенте (один из пяти языков древнейшего мира). Это был на удивление талантливый народ. Творческие способности дополнялись богато развитым воображением. В математических способностях им не было равных. Известно, что десятичная система счета изобретена в Индии в VII в. н. э. и передана европейцам арабами несколько веков спустя. Народ майя пользовался схожей системой счета по крайней мере с IV в. н. э. Огромный прогресс в области абстрактного мышления. Проявили они и завидные практические способности в вопросах управления. Город-государство возглавлял у них халач-виник («настоящий человек»). Ему помогал в управлении жреческий клир, выступавший главным хранителем знаний, поэтому их власть порой превосходила власть наследственных «монархов». Что составляло основу жизненных устремлений и деятельности народа? Майя занимались земледелием, ремеслами, торговлей. Монетами у них служили зерна какао и раковины. Между

городами майя, как и всюду, наблюдалось острое соперничество, выливавшееся в жуткие войны.

Дж. Томпсон сделал вывод, что майя поклонялись Небу и Времени, создав пирамиды, являвшиеся не только усыпальницами вождей, но также гигантскими часами и календарями. Они изобрели «машину времени», предсказывавшую с высокой точностью лунные циклы и солнечные затмения. Расшифровка карт доносит точное положение планет в будущем. Зафиксирована не только дата рождения их цивилизации – 5 тысяч лет тому назад, но и дата завершения нынешнего цикла жизни землян – 12 декабря 2012 г.

Камень солнца

Система образования у майя функционировала так. В акрополе города-крепости киче, где жили представители аристократии майя, располагались: учебное заведение, рассчитанное на 5–6 тысяч учащихся, четырехэтажный замок, пятиэтажная крепость и королевский дворец. По описанию хрониста, дворец в своем великолепии превосходил якобы даже резиденцию знаменитого «императора» Монтесумы и дворец инкского правителя в Куско. Южные и северные майя имели общие язык, мифологию, астрономию, хронологию, календарь и письмо. Мало что известно о характере их учебных пособий. Мы знаем лишь о существовании книги «Пополь-Вух», являвшейся народным эпосом (главный труд). В процессе обучения и воспитания индейцы часто обращались к коллективной памяти (мифы, сказы и легенды). Окончившие «высшую школу» дети

жрецов и аристократов составляли затем элиту общества. Достижения наук помещались в книги. До настоящего времени сохранилось лишь 3–4 книги (Париж, Мадрид, Дрезден). В Париже хранится ритуальный и пророческий календарь. Мадрид владеет кодексом с текстом для жрецов майя. Дрезденская рукопись находится в Саксонии и считается, пожалуй, самым древним источником.

Между обитателями Месоамерики то и дело вспыхивали войны. Так, северные города были разрушены тольтекскими воинами (IX–X вв.). Следствием этого был закат южных и северных городов, включая знаменитый Чичен-Ица с его величественной архитектурой и прекрасной скульптурой. Этот город, занимавший площадь порядка 26 квадратных километров, был главным центром майя последнего периода. Здесь возвышались 24-метровый замок Эль-Кастильо, обсерватория Караколь, Храм воинов, который с двух сторон обрамляют 200 каменных колонн с воинами. Майя подпали под власть торговцев-ица («народ по имени и»). Их ненавидели, презрительно называя «людьми, коверкающими наш язык», «плутами и мошенниками», «иноземцами», «людьми без отца и матери». Чичен-Ица некоторое время процветал под властью «картавых олигархов» (правителей-чужеземцев). Скоро им пришел конец.

Помимо Чичен-Ица на Юкатане были и другие города, славящиеся своей архитектурой (Ушмаль, Сайиль и Лабна). Особо выделялись красотой и изысканностью строения Ушмаля, города, основанного в VIII в., – Дворец губернатора, башня Волшебника и женский монастырь с его 74 залами и воздушными арками. Уже упомянутый нами епископ де Ланда писал в 1566 году: «Если бы Юкатан ценили только за обилие, грандиозность и красоту его зданий, как ценят другие районы Индии за золото, серебро и прочие богатства, тогда его слава опередила бы славу Перу и Новой Испании». Огромные пирамиды в Теотиуакане, городе богов, представляют собой впечатляющее зрелище. Кстати говоря, общее число индейцев майя к середине XX в. составило около 2 млн. человек. И ныне сюда в день солнцестояния приходят отдаленные их потомки. Они идут по широкой улице, называемой «проспектом мертвых», и поднимаются на пирамиды Солнца и Луны. Молча и торжественно обращают мексиканцы ладони к небу, как бы прося у богов милости и внимания. Древние обитатели полагали, что жизнь получена людьми лишь в

результате жестокой схватки с богами. А о чем думают нынешние жители? О жестокости своих предшественников (найдена братская могила с 200 казненными)? О том, что бог знаний и культуры Кецалькоатль, как считается, был предан другими завистливыми богами? Но разве нынче мы не наблюдаем сплошь и рядом еще большую жестокость белых, их откровенное пренебрежение наукой, знаниями, жизнью?! По крайней мере, предки мексиканцев любили природу, относились к ней как к живому существу и жили в гармонии с небом. Да, философия обитателей Теотиукана по-своему была величественна и прекрасна, как великолепны были изготавливаемые ими фрески и изумительны цвета природы. В мифе о Пернатом Змее (Кецалькоатле) раскрывается смысл существования человека. Как писала археолог Л. Сежурне в книге «Мысль и религия древней Мексики», в творениях народа науа заложена основа всей цивилизации Месоамерики, охватившей почти 2 млн. кв. км. Выдающийся мексиканский майянист А. Рус Луилье (именно он обнаружил знаменитый саркофаг в Паленке) имел все основания сказать в отношении древних майя, что они достигли высшего уровня цивилизации из всех тех, которые только знала та, доколумбова Америка. Жителей Теотиукана можно назвать, скорее, философами, чем воинами. Они полагали, что и самое низкое, пресмыкающееся на земле одарено магией символа, способностью к полету, к достижению небесных сфер. Эта посылка кажется нам более человечнее и возвышеннее горьковских слов: «Рожденный ползать летать не может». Их философия куда значительно более поэтична, чем рассуждения воинов Кортеса: «Считаем, что лишь золото исцеляет».

Судьба народов Латинской Америки трагична и величественна. Открытие Колумбом «Западной Индии» привело к серьезным изменениям в балансе мировых сил, значительно ускорило процесс становления единого мирового пространства. В то же время для коренных народов Америки белая колонизация стала нелегким испытанием, в ряде случаев ужасной трагедией. Можно ли утверждать, что Колумб, выпустив на волю джина испанской конкисты, тем самым вольно или невольно «удлинил цепь, сковывающую человечество» (Гейне)?

Обратимся к фактам истории. Во время первой встречи (12 октября 1492 г.) испанцев с коренным населением первого увиденного

ими острова Колумб (Кристинья Колон) отмечал простодушие и благородство «индейцев» таино. Он был уверен, что находится у побережья Индии. Индейцы ходили нагими, в чем мать родила. Всем им было не более 30 лет. Они еще не знали ни железа, ни денег. «Они приглашали нас разделить с ними все, что у них было, и высказывали нам столько любви, словно хотели отдать свое сердце», – писал Колумб в своем дневнике. Отношение туземцев к пришельцам настолько выпадало из типичного характера поведения «цивилизованных народов», находящихся в перманентном состоянии войны, распри, схватки, ненависти и зависти, что иные сразу же дали порядку аборигенов наименование «золотого века». «Они живут словно в том золотом мире, о котором так много говорили древние писатели, когда люди существовали просто и целомудренно, без насильственных законов, без распри, судей и судов, следуя лишь зову природы», – писал Педро Мартир де Англера, первый историк Нового Света, автор ставших в дальнейшем знаменитыми «Декад». Такова была эта встреча представителей двух полушарий – Западного и Восточного. ^[120]

Для определения истины необходим взвешенный и более системный анализ всего того, что было сделано испанцами в Америке. В преддверии 500-летнего юбилея «открытия Америки» генуэзцем Колумбом усилились споры вокруг этого события. Некоторые выступили против якобы разрушительного мифа о том, что Латинская Америка была создана при помощи геноцида, направленного против коренного населения Америки (разрушительного «для правды и для расовых взаимоотношений»). А многие историки называли такого рода утверждения и вовсе опасной ложью. Конечно же, и мы против одностороннего взгляда на столь неоднозначные и сложные процессы. Поэтому и обращаем ваше внимание на статью «В защиту Колумба» в английском журнале «Экономист» («The Economist») (от 21 декабря 1991—3 января 1992 г.).

Америго Веспуччи, подаривший свое имя континенту

Приводимые в ней аргументы носят апологетичный характер и внешне не лишены подобия справедливости. Авторы оспаривают то, что покорение Америки было актом геноцида, говоря, что политикой испанской короны было всемерное сохранение коренного населения Нового Света. Это диктовалось не просто филантропическими, но очевидными экономическими соображениями. Интересы колоний зависели от труда индейцев. Эта политика включала и обуздание жадности тех колонистов, которые были менее великодушны. Самому Колумбу принадлежат слова, что его главным долгом было «заботиться об индейцах и не позволять, чтобы им причинялся ущерб и вред». Законодательство ни одной из колониальных держав не предусматривало такой широкой защиты прав туземного населения, как у Испании. О фактах жестокости и зверства историки знают из-за пристрастия Испании 16 века к справедливости. Эти факты осуждались общественной моралью и фиксировались в судебных решениях. В статье пытаются доказать, что Америка была покорена не огнем и мечом, а с помощью культурного шока. Гибель миллионов обитателей Америки вызвана тем якобы, что иммунная система их была поражена чуждыми, фатальными болезнями. Кто же прав в этом споре? Где истина?

Наступление Нового времени вовсе не означало торжества разума. Зачем вводить читателя в заблуждение относительно сути западной системы. Просто люди, вышедшие из «пещер и могил» средневековья, обрели свободу для накопления и грабежа.

Эта же картина видна повсюду в Европе и мире. Колумб точно так же мечтал о богатстве, золоте, валяющемся под ногами, о власти, о

том, что когда-либо станет наместником короля в далеких и волшебных странах, что ему за его подвиги пожалуют титул «великого адмирала» Западного океана. Мы увидим, как он в дальнейшем торгуется, словно Шейлок, настаивает на все новых и новых привилегиях себе и своему семейству. Хотя Колумб вроде и заявлял, что ему не нужны почести и прибыли, он сразу же после своего возвращения в Кастилию (1504) занялся выбиванием денег у казны: сыну рекомендует добиваться, чтобы их высочества выполнили то, что ему обещали в соглашении и в патенте. Адмирал желал заполучить 60 тыс. песо (четверть тонны чистого золота), а в дальнейшем надеялся иметь не меньше 10 млн. мараведи в год (100 кг. золота). Такие огромные доходы получали в Кастилии лишь богатейшие магнаты. Образ Колумба, как «светлого жениха», выписанный поэтом Н.Гумилевым, вряд ли подходит. Скорее его воспримем как «легенду», выдуманную трубадурами Запада:

То Колумб светлее, чем жених
На пороге радостей ночных,
Чудо он духовным видит оком,
Целый мир, неведомый пророкам,
Что залег в пучинах голубых,
Там, где запад сходится с востоком... [\[121\]](#)

Не видевшие прежде таких существ туземцы восприняли пришельцев как посланцев бога. Завоеватели внешне выглядели, как «высшая раса». Б. Диас так описал главнокомандующего Кортеса (тому было 34 года): «Что же касается внешности Кортеса, то он был привлекательным, статным и сильным. Лицо его имело пепельно-серый оттенок; оно было бы красивее, будь немного длиннее. Выражение лица едва ли свидетельствовало о веселом нраве. Его взгляд был большей частью серьезным, но он мог, когда хотел, придавать своим глазам большую любезность. Он был хорошим наездником, искусным в обращении с любым оружием, в сражении как в пешем, так и в конном строю и, что самое главное, он обладал мужеством, которое не останавливалось ни перед чем. Если Кортесом овладевала идея, то его уже невозможно было заставить отказаться от

нее, в особенности в деталях военных». Такой предводитель, сумевший держать в руках испанских рыцарей, только и мог подчинить своей воле и племена индейцев. «Все, как предводители, так и простые солдаты, добровольно отдали бы за него жизнь». «Высшая раса» покажет вскоре туземцам ее истинное лицо.

Опять-таки и Новый Свет нельзя представлять земным раем с идеальной человеческой популяцией, которую злые конкистадоры якобы погубили. Доколумбова Америка, конечно же, менее всего походила на райское место. Тут велись страшные истребительные войны между племенами. Этому сопутствовали акты невероятной жестокости. Освящение главного храма ацтеков предположительно было отмечено жертвой в 80000 человеческих жизней. Глауна Карас, вождь инков, говорят, бросил тела 20000 убитых карангов в озеро Ягуаркоха за несколько лет до прибытия испанцев. Туземцы на Багамских и Больших Антильских островах к моменту встречи с Колумбом были уже поработаны воинствующими племенами соседних карибов. Цари угнетали своих вассалов, хотя порой вынуждены были платить за это немалую цену. Их не только убивали и приносили в жертву при поражениях, но, по давней традиции майя, царь обязан был проводить ритуал кровопускания (из собственных гениталиев и языка). Может это и неплохой пример для иных наших политиков, чья болтовня и распушенность стали притчей во языцах. Да и народ майя считал, что кровь властителя угодна богам. Значительная часть индейцев восприняла христианство. Была ли их менталитету понятна жертва Христа, пострадавшего за людей? Трудно сказать. Но многие приветствовали Колумба как освободителя, говоря: «Приди и посмотри на людей с небес».^[122]

Сами майя, ацтеки, инки были далеки от совершенства. Порой они были жестоки, порочны и беспощадны, подвергали пленников страшным пыткам, бросали в колодец живых людей («Колодец жертв»), в том числе принадлежащих им женщин, вместе с драгоценными камнями и золотом. Колумб столкнулся на Антильских островах с открытым каннибализмом, а Кортес в Мексике был свидетелем жертвоприношений. Индейцы обожали алкоголь и наркотики. Делали из черепов курительницы. У них бытовал особый взгляд на красоту. Женщины-модницы просверливали зубы, украшая их драгоценностями. В сексуальных отношениях они практиковали

содомию, гомосексуализм и т. п. Один из авторов, описывая нравы обитателей Америки, яростно возмущался: «Посмотрите только, как они хвастаются этим грехом... Они делают драгоценности с золотыми рельефами, на которых изображен мужчина, оседлавший другого мужчину в дьявольском и грязном акте содомии». Все эти пороки были особенно распространены среди элит. Бальбоа в 1513 г. отмечал, что гомосексуальность распространена среди верхушки общества и еще не достигла простого народа. Тогда же он бросил около сорока преступников (некоторые входили в ближний круг вождя племени квареква в Панаме) на растерзание псам. Разумеется, все эти жуткие сцены шокируют. Но разве и в конце XX в., 500 лет спустя, в Европе, Америке, Азии или России мы не видим схожих случаев гомосексуализма среди «цивилизованных» лидеров-извращенцев, среди правителей и министров, депутатов и банкиров (Х. Салано и пр.)?! [\[123\]](#)

И все-таки опыт первых волн испанских конкистадоров говорит о чем угодно, только не о цивилизаторской роли захватчиков... Рекомендуем прочитать книгу Бартоломе де Лас Касаса (1474–1566) «История Индий». Так испанцы называли Южную и Центральную Америку. В ней приводятся многочисленные примеры того, как шло тотальное ограбление индейцев. Колонизаторы забирали у них все, что только можно: земли, хлопок, сельскохозяйственные товары, золото, жемчуг, женщин. Индейцев убивали, на них спускали специально тренированных собак. Войско и вооружение испанцев было совершеннее, но их нравы, их поведение отличались коварством и неслыханной жестокостью. Автор признает, что установленные в отношении индейцев порядки и способы управления ими были «страшнее смертоносной чумы». Это вело к жесточайшему истреблению людей. Картина покорения «Индий» потрясает. Потрясает своей жестокостью и несправедливостью... Испанцы, правда, окрестили индейцев, но только затем, чтобы, подчинив их себе с помощью пут религии (католицизма), отправить затем (уже закованными в цепи) на плантации и рудники. Епископ Лас Касас отмечал, что на протяжении 40 лет испанцы терзают, душат, истязают, пытаются и мучают их самым зверским способом, буквально сживая бедняг со света. От населения Эспаньола (ныне – Гаити), еще недавно насчитывавшего более 3 млн. человек, осталось 300 аборигенов. По

мнению новейших историков (не испанцев), в период конкисты было уничтожено от 15 до 19 миллионов индейцев. Лас Касас отмечал весьма высокий уровень цивилизации майя, инков и ацтеков, чья культура в некотором смысле была «выше и тоньше культуры захватчиков». Одно время испанцы пытались было представить Лас Касаса лжецом или безумцем. Но факты довольно упрямая вещь. Так, Инка Пачакутек основал множество селений, устроил целую сеть оросительных каналов, так что земли из бесплодных и некультивируемых стали плодородными и изобильными. Он выстроил хранилища для запасов продовольствия во всех крупных и маленьких селениях, заполняя их за счет королевской ренты. Он изъясил у вассалов многих идолов, запретил злоупотребления и варварские обычаи, ввел новые законы и специальные указы. Он расширил и украсил город Куско новыми зданиями и жителями, обновив свою империю и процарствовав более полувека. Его любили за его мягкое правление и ему поклонялись как Юпитеру.^[124]

Ритуал жертвоприношения у индейцев

А что представляли собой ацтеки? Колыбелью культуры ацтеков считается долина Анагуак. Земли эти плодородны, что немалая редкость для Мексики и Центрального плато (здесь росли кукуруза и агавы, из которой делали текстильные волокна и сироп для знаменитого напитка пульке, из вод озер добывали соль). Кочевники-ацтеки (теноча) пришли в долину в 1168 г. До них тут обитали тольтеки, создавшие город Теотиуакан. Ацтеки или теноча считали себя выходцами из легендарной страны Ацтлан (испанцы звали их «ацтеки»). Как у всех племен, у них были и другие названия страны (одно из них «Мексика», по имени героя их племени). Теночтитлан (теперешний г. Мехико) заложен в 1370 г. Вся история государства, жившего за счет дани, наполнена войнами и набегами. Власть ацтеков

распространилась с годами и на Центральное плато. Возникла империя, охватившая почти всю территорию Мексики. Характер власти в ней был олигархический. Властитель носил титул «тлатоани» («тот, кто говорит»). Собрание глав родов выдвигало из своей среды 4 мудрецов в качестве советников («Совет четырех»). Монтесума II («Гневный господин») являлся высшим военачальником и верховным жрецом. Он облагал данью 371 город. Г. Матис пишет: «Тлатоани был лишь деспотом, поддерживаемым Советом, а власть его удерживалась в определенных рамках с помощью старых традиций. В случае деградации личности властителя и исчезновения регулирующего фактора воли подобная структура государства, построенного на авторитаризме, должна была неизбежно потерпеть поражение».

Нельзя не отдать должное энергии и таланту Кортеса. Он проявил себя не только как отважный воин, но и как опытный дипломат. Если бы он не сумел тогда решительно привлечь на свою сторону союзников-индейцев, в том числе обитателей вольного города Тласкалы (заклятого врага мексиканцев), вряд ли ему удалось когда-либо покорить и ацтеков.

Тласкала («страна хлеба») был городом-республикой. Этот вольный город, после ряда жестоких битв с войском Кортеса, все же склонился к миру и выделил для борьбы против Мексики вспомогательный корпус численностью около 100 000 человек. С тех пор главным правилом бледнолицых стало сохранение дружбы с Тласкалой. По словам историографа Эрреры, народ стал «важнейшей опорой кастильской монархии в Новой Испании».

Вот как, к примеру, Кортес покорил город-государство Чолулу, который у ацтеков считался неким подобием Мекки Нового Света, так как тут находилось наибольшее число самых роскошных храмов (теокалли). В городе процветали искусства и ремесла, а жители этого города были известны своей высокой культурой и знаниями. Считалось, что их обучал еще бог Кетцалькоатль искусствам и религии. Победить в честном бою жителей не удалось бы в силу хотя бы немногочисленности войска Кортеса (500 испанцев, примерно 3000 союзников-индейцев). В уличных боях даже использование лошадей или артиллерии не давало бы ему большого преимущества. Тогда он решил заманить вождей и вельмож Чолулы в западню. Он предложил касикам мир, а сам коварно напал на них, подверг разграблению и

уничтожению все храмы и дворцы. Правда, индейский источник «История Тласкалы» (написанная метисом Муньосом Камарго) возлагает всю полноту ответственности на враждебные Чолуле племена чолултеков. Однако факт остается фактом: Кортес – главный виновник геноцида ацтеков.

Покорив этот город, Кортес двинулся к Теночтитлану... Испанцы называли город «Венецией ацтеков». Город превосходил Гранаду и Севилью, считавшихся у испанцев эталонами красоты. Тут гармонично соединялись в единые ансамбли водоемы, земли, белые горы, холмы, леса, великолепные дворцы с обширными садами. В центре находилась огромная площадь, окруженная проходами с колоннами. Здесь устраивались базары, которые регулярно посещали 25–45 тысяч человек. Один из офицеров армии Кортеса описывал то впечатление, что произвел город на испанцев: «Великая столица Теночтитлан стоит на соленом озере, причем не точно в центре его, а ближе к западному берегу, так что ее дома подходят к суше на расстояние четверти часа пути. Она, очевидно, имеет в окружности от двух с половиной до трех миль, и большинство тех, кто видел ее во время завоевания, оценивает число жителей на тот момент примерно в 300 000 человек, живших в 60 000 домах. По дамбам с суши в центр города ведут три мощеные дороги, каждая шириной более тридцати шагов... В городе красивые, широкие улицы, среди которых две или три могут считаться главными. Все остальные подходят к вымощенным кирпичом берегам каналов, которые проходят во всех направлениях по всем кварталам, так что жители от своих домов могут всюду добраться и по суше, и по воде. Последнее происходит с помощью лодок, которые изготавливаются из выдолбленных стволов деревьев. Среди них встречаются лодки такой величины, что в них могут удобно расположиться 5 человек».^[125]

Состоявшаяся встреча Кортеса и императора ацтеков Монтесумы, девятого правителя Теночтитлана, была встречей двух культур (1519). По словам историка, последнему было около 40 лет. Он был высокого роста, пропорционально сложен, имел редкую бороду. Монтесума считался искусным полководцем и образованным человеком (имел неплохие познания в астрономии, истории). Кортес приблизился к правителю, они обменялись поклонами. Символичен последовавший затем обмен. Испанец повесил на шею Монтесуме нитку дешевых бус

из цветного стекла, получив в обмен за побрякушки два золотых ожерелья тончайшей работы. Похожим образом просвещенный Запад обменивался и обменивается с любым покоряемым им племенем. В ответ на знаки дружбы Кортес пленил императора ацтеков в первые часы знакомства. Типично европейское коварство. Сразу начались массовые грабежи, убийства в Теночтитлане. Если обратиться к современным испанским источникам, то видно, что акции Колумба, Кортеса, других завоевателей преследуют прежде всего экономико-политические и материальные, а уж затем (частично) и некоторые культурные цели. В многотомной «Истории Испании» (Барселона, 1995) в главе «Организация жизни индейцев» о колониальной затее испанцев на землях Америки дословно говорится так: «После завершения этапа «нашествия» (entrada) и военных действий сторонники Конкисты быстро попытались реализовать свои надежды по воссозданию в Новом Свете того типа жизни, который существовал в Испании (Кастилии). И в качестве своего рода премии за предпринятые (конкистадорами) усилия корона стала раздавать им в награду земли «вассалов» (индейцев), хотя юридически они таковыми и не являлись, в виде так называемой энкомьенды (права на пользование землей с индейцами, проживающими на ней); это и было то, о чем больше всего мечтали знатные испанцы. Хотя, за редким исключением, среди конкистадоров не было тех, кто принадлежал к знати, но успех в подобном предприятии означал уникальную возможность для всех, получивших сей шанс, за несколько лет они на землях новой заморской территории могли подняться на ту ступень, которую, вероятно, никогда бы не смогли достичь в своем собственном отечестве. Среди участников американской экспедиции (конкистадоров) не было никого, кто бы хотел довольствоваться в Новом Свете только тем, что они уже имели на своей родной земле».

[\[126\]](#) Экспедиция преследовала экономические цели.

Х.Ороско Кортес. *Фреска. 1938–1939*

Встреча в Америке двух миров и культур продемонстрировала не только преимущество вооружений, материальных и организационных навыков, но и несостоятельность западной цивилизации. «Культура метафор и чисел (культура ацтеков) была разрушена оружием железа и огня. Она исчезла как сон: ученые были уничтожены, рукописи сожжены, а скульптуры и дворцы превращены в груды бесформенный камней», – писал мексиканский историк и философ М. Леон-Портилья. Цифры говорят о катастрофическом падении численности коренного населения региона. Речь идет о геноциде невиданных масштабов. К 1519 г. индейское население Центральной Мексики составляло 25 млн. человек, к 1548 г. – 6,4 млн., к концу 60-х годов XVI в. – 2,6 млн., в начале XVII в. – около миллиона. В Испанской Америке к началу завоеваний насчитывалось 80–100 млн. коренных жителей, а к XIX в. осталось 17 млн. Воплотилось пророчество из «Книг Чилам-Балам», где о вторжении чужеземцев сказано: «Принимайте ваших гостей, бородатых людей, которые идут с востока. Это начало вашей гибели». На крови создал Запад его хваленое благополучие. [\[127\]](#)

В XIX в. земли Юкатана привлекли внимание американцев и европейцев. Среди первых исследователей цивилизации майя были: капитан испанской армии Антонио дель Рио, исследовавший культуру Паленке (1786), голландец Гильермо Дюпэ, составивший подробное описание этих мест (1805–1808), Жан Фредерик Вальдек, в

начале 1830-х гг. предложивший свою теорию происхождения памятников архитектуры и письменности майя (он искал истоки культуры майя у египтян, индусов, шумер, древних греков), Дж. Галиндо и др. Юрист и дипломат Дж. Л. Стефенс вместе с английским художником Ф. Казервудом выпустил книги: «Записки о путешествии в Центральную Америку, Чьяпас и Юкатан» (1841) и «Записки о путешествии на Юкатан» (1843). Маршрут пролегал по местам «диким, как до времен испанского завоевания». Особое впечатление на путешественников произвел Паленке, «печально-прекрасный» город. Столь фантастическими были эти пейзажи и строения, что иных богатое воображение увлекло бог знает куда. Француз Леплонжон в конце 1880-х гг. утверждал, что иероглифы на стенах городов майя говорят о гибели Атлантиды, что бородачи в Чичен-Ице напоминают своим обликом финикийцев, якобы побывавших тут, что одиннадцать с половиной тысяч лет назад в Ушмале соблюдались масонские ритуалы, а тысячелетиями позже майя использовали электрический телеграф. Однако все эти фантазии имели и позитив. Интерес к руинам древней цивилизации возрос необычайно. Вскоре появились первые фотографии, а затем и целые альбомы, посвященные цивилизации майя. В 1885 г. американский музей послал на Юкатан ученого Э. Томпсона, который в общей сложности провел в этих краях 40 лет. Огромное значение для изучения майянистики имел факт находки французским аббатом Брассером де Бурбуром пропавшего отчета Диего де Ланды «Сообщение о делах в Юкатане». Перед искусом цивилизации майя не устояли и женщины. Англичанка А. Бретон пробыла в Мексике 8 лет (1900–1908), где в точности запечатлела каменные рельефы, настенные росписи и детали декора. С некоторыми обитателями этих мест она сумела подружиться. Среди изваяний Верхнего храма ягуаров были и женщины.

Честь дешифровки и перевода загадочных писем майя принадлежит русским ученым Ю. Кнорозову и Т. Проскуряковой. Еще в годы Второй Мировой войны капитан Ю. Кнорозов, очутившись в горящем Берлине в 1945 г., совершенно случайно вытащил из пламени некую древнюю книгу. То была книга о цивилизации майя. В итоге слепой случай или само провидение подтолкнули к открытию тайны писем майя. Порой пути науки столь же неисповедимы, как воля Господня. Сто лет ведущие ученые США, Англии, Германии, Испании

ломали голову над иероглифической письменностью майя, а раскрыли тайну русские. Такова ирония судьбы... Татьяна Проскуракова, ныне являющаяся сотрудницей Института Карнеги (США), в 1960 г. проанализировала надписи на стелах из Пьедрас-Неграс (город к югу от Паленке) и пришла к выводу, что там записаны важнейшие события из жизни правящих династий (рождение, приход к власти, военные победы, смерть).^[128]

Положение населения Латинской Америки было тяжелым. Испанцы считали, что индейцы самым богом предназначены быть рабами, и называли их «gente sin razon» (неразумные люди). К тяжкому бремени, содержанию вице-короля и его свиты, которых окружало царское величие, вскоре добавились и знатные церковники (хотя низшие чины церкви довольствовались весьма скромными доходами). Они брали плату с индейцев буквально за все (бракосочетание, похороны и т. д.). Европейцы осчастливили аборигенов такими «дарами» цивилизации, как оспа, вирусный грипп и сифилис. Болезни выкашивали целые области. Испанцы сжигали язычников-индейцев на вершинах некогда возведенных ими же пирамид. Их старались убедить в том, что здесь находятся «врата ада», несмотря на то, что индейцы в Тукуме принадлежали к высокоразвитым особям. Таково «благодатное» наследие европейской цивилизации, распахнувшей перед местными племенами двери ада.

Страшным отравленным подарком Европы американским цивилизациям стали виноградная водка, ром и agua ardiente (водка из сахарного тростника). До прибытия Кортеса индейцы имели некое подобие возбуждающих напитков, но кленовый сок, пультке из агавы, маниока и т. д. не шли ни в какое сравнение с убийственным пойлом Запада (современным алкоголем). Индейские народы страшно пострадали от этого, явившего им свою доступность алкоголизма. По-видимому, такая цивилизация, как сложившаяся на мексиканских плато, утратив свои древние структуры и запреты, без удержу предалась соблазну, который с 1600 г. произвел в ней немыслимые опустошения. Вспомним, что пультке смогла давать государству в Новой Испании половину того, что давали ему серебряные рудники! Впрочем, речь шла о сознательной политике новых господ. В 1786 г. вице-король Мексики Бернардо де Гальвес бурно восхвалял результаты потребления пультке. Отмечая пристрастие индейцев к этому напитку,

он рекомендовал распространять оный к северу от Мексики среди апачей, которые его тогда еще не отведали. Помимо ожидаемой финансовой выгоды, нет-де лучшего средства создать у них «новую потребность, которая их жестко принудит признавать вынужденную зависимость от нас». Так же будут поступать англичане и французы с индейцами в Северной Америке: первые распространяли ром, вторые – водку, невзирая на все королевские запреты.^[129]

Когда земли «Западной Индии» (так называли испанцы свои заокеанские владения в Америке) попали в руки католических королей, те сразу же возложили миссию надзора и суда над местными жителями на «апостолических инквизиторов во всех городах, селениях и местах островов Моря-океана». Попытка как-то объяснить происхождение аборигенов, основываясь на Библии, не привели ни к чему. Одни церковники говорили, что индейцы происходят от Каина, убившего Авеля, другие считали их потомками Хама, сына Ноя, проклятого отцом за дерзость. Находились и богословы, утверждавшие, что в Америке испанцы имеют дело не с людьми, а с животными. Показательно в этом отношении высказывание хрониста Овиедо-и-Вальдеса, который писал в изданной в Севилье «Всеобщей истории Индии» (1535): «Индейцы по природе своей ленивы и порочны, меланхоличны, трусы и вообще бессовестные лжецы. Их брак лишен таинства, это святотатство. Они идолопоклонники, развратники и занимаются мужеложством. Их главная забота – жрать, пить, поклоняться своим истуканам и совершать животные бесстыдства. Что можно ожидать от людей, черепа которых столь тверды, что испанцы должны оберегаться в сражениях с ними, не бить их мечами по голове, так как мечи тупеют от этого?» Правда, папа римский формально признал их людьми в 1537 г. Однако они скрепили авторитетом Святой Церкви убийство Монтесумы, Куатемока и других правителей ацтекского государства, Атауалпы – правителя инков, Хатуэя – вождя кубинских индейцев. Поэтому можно понять тех индейцев, кто не желали принимать насаждаемую им религию и хранили изображения Христа среди «демонических идолов». И все же мы обязаны отличать правду от вымысла.^[130]

Существует легенда, согласно которой книги о жизни майя уничтожены епископом Диего де Ланда. Сюда же отнесем и слухи о его «жестокости и мракобесии». Он устроил аутодафе в Мани (1562),

где якобы были сожжены уникальные произведения (5 тысяч статуй богов, 13 алтарей, 197 сосудов и 27 кодексов). Разумеется, всю вину за эту акцию возложили на католика Диего де Ланда. Не обошли его вниманием и поэты:

Крушил он храмы и скульптуру,
И с книгой древней – фанатизм
Сжигал индейскую культуру...
Кто ж сотворил сию н а т у р у?
Конечно же – католицизм.^[131]

Отголоски той давней ненависти к католицизму (христианству и его богам) по сей день находят отклик в сердцах американцев, несмотря на толпы верующих, бурно приветствовавших и недавний визит римского папы по странам Латинской Америки. Один из примеров той сохранившейся в сердцах американцев ненависти к угнетателям народа – книга современного аргентинского писателя Эрнесто Сабато «О героях и могилах». Он – «поэт Апокалипсиса, его очевидец и свидетель». В романе в фантастических образах предстаёт мир Секты, правящей Миром. Герой пытается проникнуть в нее, узнать способы, с помощью которых та повелевает человечеством. Могущество Секты слепых объясняется тем, что в ее руках деньги, власть, наркотики, идеологи, колдуны, знахари, гадалышки и – священники. Автор пишет: «Если, как утверждают, Бог правит на небесах, то Секта господствует на земле и над плотью. Мир находится под ее абсолютной властью над жизнью и смертью, и осуществляется это посредством эпидемий и революций, болезней и пыток, обмана или лживого сочувствия, мистификаций или анонимок». Герой, которого автор представляет, впрочем, злодеем, утверждает: «И постепенно я выработал ряд теорий – идея о том, что нами управляет всемогущий, всеведущий и всеблагий Бог казалась мне совершенно неубедительной, мне даже не верилось, что ее можно принимать всерьез. Ко времени, когда я стал участвовать в банде грабителей, я разработал следующие возможные варианты: 1. Бога нет. 2. Бог есть, и он сволочь. 3. Бог есть, но иногда он спит: его кошмары – наше существование. 4. Бог есть, но у него бывают приступы безумия: эти приступы – наше существование. 5. Бог не вездесущ, он не может находиться повсюду. Иногда он отсутствует. Где он тогда? В других мирах? В других вещах? 6. Бог – жалкое ничтожество, которому его

задача не по плечу. Он борется с материей, как художник со своим творением. Иногда, очень редко, ему удается быть Гойей, но большей частью это бездарь. 7. Еще до Истории Бог был низвергнут Князем Тьмы. И низвергнутый, превращенный, как полагают, в дьявола, он дважды унижен, ибо ему приписывают власть над этим злосчастным миром». А далее автор (устаи своего героя) пытается доказать, почему многие абсолютно уверены, что мир принадлежит победившему Сатане. Сколько смелых проницательных умов было подвергнуто казням и пыткам. Их сжигали на кострах, вешали, с них живьем сдирали кожу. Целые народы уничтожались и изгонялись. «От Китая до Испании государственные религии (будь то христианство или маздеизм, религия огнепоклонников) очищали мир, пресекая любую попытку разоблачить тайну. И можно сказать, что в какой-то мере они своей цели достигли». Вывод его очевиден: миром и поныне правит Князь Тьмы. И правление его осуществляется «через Священную Секту Слепых». Нам остается лишь домыслить, кто они.^[132]

В битвах цивилизаций покорение одной культуры другой не всегда достигается с помощью оружия или явного принуждения. Есть более тонкие формы принуждения, способствующие надлому энергии и воли нации. В одних случаях это водка или наркотики, в других – газеты и ТВ (образно-информационный колониализм и духовный наркотик), а в третьих, даже и религия... Этот вид подчинения племен майя, инков, ацтеков продемонстрировали испанцы. Во время вестернизации Нового Света в целом и Мексики в частности испанцы, а затем и янки в высшей степени эффективно сумели поработить сознание «диких туземцев» с помощью так сказать колонизации образов, используя при этом возможности церкви, прессы, искусства, живописи. В нашу эпоху тот же эффект достигается при помощи зрительно-телевизионных образов и клише. Специалист в области истории колониальной Мексики С. Грузински – один из руководителей Центра по изучению Мексики, Центральной Америки и Андского региона в Школе высших исследований по социальным наукам (Париж) – обратил внимание на роль монахов-францисканцев, распространявших христианские образы в Мексике. Церковь (в другом случае ее с успехом может заменить идеологическая система) начала подчинение племен майя данного региона с разрушения идеалов, уничтожения тех или иных культурных образцов местной

цивилизации. И отнюдь не только идолов или капищ. Разрушались местные храмы, уничтожались древние обычаи, искоренялись культурные традиции. Не всегда насилие имело грубые и вульгарные формы. Порой для уничтожения национальных корней «цивилизаторы» использовали библию, символику или иконографию. Обычно эту методику обучения связывают с именами Хакобо де Тесторы и Диего Валдеса. Они пытались с помощью образов вложить знание письма в умы коренных жителей, которые до того вообще не имели письменности. Ничто не отягощало память. В представлении учителей сознание туземцев было подобно чистой доске. На ней можно было выписывать любые образы и письма. Францисканцы прибегали и к помощи художественных полотен, где «в наиболее доходчивой форме и последовательности» изображались Апостольское учение, Десять заповедей, Семь смертных грехов, Семь актов милосердия и т. д. При пропаганде нового строя использовали красочный язык фрески, картин, театрализованных постановок на религиозные сюжеты, церковной музыки. «Таким образом францисканские образы, – пишет С. Грузински, – были прежде всего поучительными образами, призванными служить орудием политики, с помощью которой предполагалось вначале «вытереть грифельную доску начисто», т. е. политики, которая отвергла какой бы то ни было компромисс с миром коренного населения. Образы францисканцев были образами-зеркалом, образами-памятью и образами-зрелищем, они были проводником вестернизации и предназначались исключительно для местного населения...»^[133]

Непросто прийти к верному пониманию результатов встреч двух миров, Старого и Нового Света. Все зависит от точки зрения, отражающей политические или материальные интересы. Испанский историк Ф. Лопес де Гомара назвал деяния Колумба «наиболее великим событием после сотворения мира» (за исключением рождения и смерти Христа). Другие же переводят эту коллизию Нового Света в русло культурного или религиозного противостояния цивилизаций. Некоторым кажется, что неплохим сравнением для вторжения конкистадоров и белых поселенцев в Месоамерику стала бы аналогия с вселенским потопом. Ведь неоспоримо, что абсолютное большинство аборигенов постигла в эпоху конкисты чудовищная катастрофа. Их культура, их общество, да и сами они как народы

практически перестали существовать. То, что это именно так, а не иначе, прекрасно понимали ацтеки (астеки), говоря мучителям: «Дайте уж нам умереть, дайте нам погибнуть, ибо наши боги уже умерли... Делайте с нами, что хотите». [\[134\]](#)

Д. Ривера. *Исполнение приговора*

В то же время было бы неверно отрицать некоторые полезные и даже позитивные итоги конкисты. Хотя главным побудительным мотивом Испании, толкнувшим ее к овладению Америкой, было стремление умножить богатства короны (скажем, тот же Кортес откровенно заявлял губернатору при прибытии в Новый Свет: «Я прибыл сюда, чтобы добыть золото, а не тащиться как крестьянин за плугом»), но долгосрочные усилия принесли и ощутимые успехи. Следует признать, хотим мы того или нет, что вместе с Испанией на землю Латинской Америки пришли более высокая культура и прогрессивное производство. В результате наряду с традиционным маисом на землях появляются пшеница, виноград, фруктовые сады, тутовые деревья. В сельском хозяйстве стали разводить лошадей, коров, овец, свиней. Испанские ремесленники наладили производство шерсти, шелка, железных изделий, вин, кож, мебели. Интенсивно ведется разработка серебра (в начале XIX в. в Мексике добывалось в 10 раз больше серебра, чем во всей Европе; его вывоз достигал 2/3 мирового производства). Мексика давала испанской метрополии 2/3 ее

доходов. Сюда стекались солдаты, авантюристы, строители, архитекторы, живописцы, историки. На континенте было создано множество городов и церквей (за три века – 13 тысяч). Испанцами только за время завоевания было выстроено 180 городов. Они покоряли индейцев не только силой оружия, но и силой слова и образа. Искусство и религия призваны были закрепить господство. Индейцев подчиняли с помощью музыки. Монахи пели им кантаты и духовные гимны, а музыкальные перуанцы восторженно следовали за ними. Так завязывались первые знакомства и налаживались дружеские отношения. Монастыри строились на месте древних индейских святилищ (и даже из их материала). Вожди конкисты сравнивали мексиканские города с красивейшими городами Испании. Скажем, как не упомянуть о том, что город Мехико получил свой первый печатный станок всего лишь несколько лет спустя после появления в Мадриде.

Покорение индейцев предполагало, что испанцы выразят себя и в художественном плане. Борьба племен и народов предполагает борьбу культур. Решающие битвы цивилизаций всегда развертываются на этом поле. Традиция, согласно которой в эпоху Реконкисты на месте арабских мечетей в Испании ставились храмы (как символ победы креста над полумесяцем), была перенесена в Испанскую Америку. Монашеские ордена с помощью индейской рабочей силы и королевской казны проявляли завидную строительную энергию.

Богатства и дары Америки

И здесь нельзя не сказать несколько слов в защиту францисканца Диего де Ланды. Лишь во тьме невежества и атеизма мог родиться сей лживый пасквиль на одного из благороднейших миссионеров, которые порой встречались и в суровой Испании эпохи инквизиций (вспомним полотна Педро Буррегете). Не стремясь обелить конкистадоров, грабителей и торговцев (всех этих Монтехо и Легисамо), мы должны все же сказать, что в тех условиях едва ли не единственными защитниками местных индейцев оказались представители католической церкви. В основном среди первых гуманистов видим монахов (Бартоломе де Лас Касас, Бернардино де Саагун, Луис де Вильяльпандо, Диего де Ландо и др.). Большинство чиновников испанской короны и администрации старались выкачать из Новой Испании все, что только было возможно. Новая власть забирала у индейцев самые плодородные земли, нещадно грабя их. Но нужен был формальный акт, позволявший колониальным властям наказывать «вероотступников». И когда стало известно о находке «идолов и костей», индейцев быстро обвинили в том, что они совершали жертвоприношения. Несчастных местных жителей побросали в

тюрьмы как «идолопоклонников». Ланда вынужден был возглавить следствие. Он принял решение ограничить пытки, запретил подвергать бедных индейцев расплавленным воском, прекратил избиения на допросах. Напомню, что в Европе и Испании XVI в. все эти «прелести» широко применялись. Заметим, наконец, что и знаменитое аутодафе 1562 г. было спектаклем. Виновных приговорили к незначительному штрафу и подвергли ударам розог. Иных из них раз в две недели заставляли присутствовать на воскресной мессе в монастыре. Сожгли же не людей, а кости покойников, впавших в апостасию. Неточность и с рукописями. Было сожжено лишь несколько из них. Эта акция дала Диего де Ланда возможность отвести главный удар от индейцев. Самый главный итог таков. Именно благодаря его уникальному труду «Сообщение о делах в Юкатане» до нас дошли важные стороны жизни древнего народа майя. Не зря же его называли «первым историком» Юкатана. Впоследствии он, будучи оболган и оправдан, назначен там епископом. Вот как описывает его деятельность русский ученый Г. Ершова: «Вернувшись десять лет спустя на Юкатан уже в качестве епископа, Ланда с прискорбием обнаружил, что за это время многие достижения францисканцев были утеряны. Почти никто из миссионеров не знал языка майя, что особенно возмутило епископа. Он срочно велел организовать занятия по языку и культуре. Перевел и издал на языке майя катехизис. Вновь повел непримиримую борьбу за элементарные права индейцев. И совсем не случайность, что умер он, по общим свидетельствам, «в ореоле святости». Это произошло в 1579 году. Совершенно очевидно, что благодаря проводившейся миссионерами политике, направленной на сохранение индейской общины, юкатекским майя удалось в значительной мере сберечь свою самобытность, культуру и традиции. Францисканец Диего де Ланда не только оставил нам бесценные описания древней культуры и ключ к чтению иероглифических текстов майя, он ценой невероятных усилий немало сделал и для того, чтобы спасти самих носителей этой культуры от деградации и вымирания. А в качестве благодарности получил лишь умело запущенные в оборот клеветнические обвинения, с удовольствием пересказывавшиеся в течение четырех столетий».

[135]

Колумб

Надо сказать, что основная миссия католической церкви в Латинской Америке в целом носила культурно-просветительский характер. Такова, скажем, была та роль, которую играло епископство отца Е. Компостела на Кубе в конце XVII века. Начав свою работу как проповедник и намереваясь приобщить к вере местных деревенских жителей, он создал целую группу церковных приходов, ставших ячейками новых поселений. Желая помочь всем нуждающимся и страждущим, он создал школы, больницы, общественные заведения и установления, которые в известном смысле способствовали трансформации кубинского общества. Достаточно раскрыть хотя бы роскошные фолианты, хранящиеся в Национальной библиотеке Мадрида и Центра исторических исследований, описывающие богатую историю и культуру Испании и Латинской Америки, чтобы понять, сколь серьезно и целеустремленно работали испанцы в Новом Свете. Не забывайте, что Испания тогда находилась в высшей точке своего военного, экономического и культурного могущества. Это был ее «золотой век» (XV–XVI вв.). Огромное число писателей, поэтов, ученых, художников работало в стенах учебных заведений и при дворе Филиппа II. Трудно перечислить даже малую толику созданного ими наследия. Частично об этом было сказано нами ранее, в главе об Испании. Здесь же отмечу уникальное исследование Хосе де Акосты

«История природы и нравов Индий» (1590). В ней автор ставил своей целью не только описать события в Новом Свете, но и «привести объяснения причин и оснований того нового и редкого», что обнаружено в природе Латинской Америки. Далее историк пишет: «Это исследование ставило перед собой амбициозную цель соединения всего богатства американской природы и европейского научного знания. Причем оно проведено на том высочайшем уровне и с теми критериями, которые будут отличать фундаментальные работы Александра Гумбольдта, изучавшего положение в Новом Свете. Этот труд Акосты был переведен на латинский, немецкий, голландский, французский, английский и итальянский языки, выдержал 25 изданий за пределами Испании, не говоря уже о множестве других».^[136]

Главное же то, что испанская колонизация создала самобытную художественную культуру. В 1492 г. на Гаити был заложен первый испанский город Ла-Навидад. Первооткрыватели Нового Света видели в открывавшемся перед ним материке лишь единственное богатство – золото: «Золото – удивительная вещь! Кто обладает им, тот господин всего, чего он захочет. Золото может даже душам открыть дорогу в рай». Но подлинным, главным сокровищем стали создаваемые испанцами тут искусство и архитектура. В Латинской Америке возникло подобие грандиозного европейского средневековья. Это своего рода латинское Возрождение. В частности, испанский конкистадор Франсиско Писарро (1470–1541) не только разграбил и уничтожил государство инков – Тауантинсуйу, но и основал г. Лиму. Здесь им был заложен собор, который после землетрясения 1575 г. был восстановлен и расширен. В этом великолепном сооружении и покоятся останки завоевателя... Внутри собора сохранился великолепный резной алтарь 1672 г. (на его создание ушло 25 лет). Именно в Лиме находится самая древняя колониальная резиденция Латинской Америке (ей исполнилось 500 лет). Так и кажется, что в стенах этого великолепнейшего особняка живет дух первых испанских воинов. Дом Gonzalo de Aliaga был связан с домом Писарро и монастырем. Столь велики богатства испанцев, что они одно время даже стены молелен покрывали серебром. В великолепном монастыре францисканцев проходили научные диспуты. В усыпальницах и катакомбах обители Св. Франциска покоятся останки 70 тысяч усопших. В колониальный период появилось и множество

художественных галерей и музеев. Среди предметов, находящихся в экспозиции, мы видим статуи, изделия из серебра и золота, картины, оружие, книги.

Потрясающее впечатление производит в Лиме Музей золота, в котором собрана уникальная коллекция изделий доинкского периода. В культуре, существование которой относят к XII–VIII вв. до н. э., стены жилищ древних обитателей, их одежды, утварь делали из золота (золотые короны, кубки, топоры, лопаты, фигурки идолов, маски из бирюзы и изумрудов). Здесь же представлена замечательная коллекция оружия. Древняя столица перуанцев город Куско – это удивительная зеленая жемчужина, сохранившая все очарование древней индейской культуры (храмы и обычаи). Отсюда дорога ведет и в затерянную высоко в горах горную крепость Мачу Пикчу, где индейцы три десятка лет отстаивали свою свободу от испанцев. В начале XX в. американец Бингэм производил здесь свои изыскания.

В колониальной политике испанцев заметную роль играли образование и культура. В этом смысле наиболее показательна история культуры Мексики. Стоит остановиться и на истории этой легендарной страны. В 1325 г. кочующие племена достигли точки, которая была указана им божеством дождя Тлалока в качестве «земли обетованной». Там путники увидели орла со змеей в клюве, сидящего на кактусе-нопае. Так гласил миф. Этот образ впоследствии и стал символом мексиканской нации. Здесь и было основано поселение, превратившееся со временем в грандиозный Мехико-Теночтитлан. В названии города были увековечены имена великих вождей (Меши и Теноча). Молодой народ теночков достиг поразительных успехов в культурном строительстве. Он создал дороги-дамбы, акведуки, улицы, школы, рынки и даже плавучие огороды. В Теночтитлане ко времени захвата его испанцами насчитывалось до полумиллиона жителей. Обитатели города являли собой пеструю массу. Тут были крестьяне, ремесленники, учителя, солдаты. Некоторые из них, как пишут историки, успели побывать во многих отдаленных районах мира, «в Константинополе, по всей Италии и в самом Риме». В городе проживало немало молодежи. Все юноши по достижении 15 лет поступали в школу (вне зависимости от своего социального положения). Была и высшая школа (кальмекак), куда учителя (пипильтины) отбирали самых одаренных юношей. И все же в высшую

школу попадали в основном дети аристократов (пилли). Там преподавались такие дисциплины, как ораторское искусство, владение правильной и культурной речью, божественные песнопения, астрология, история и толкование мудрых книг – «книг лет», основы морали и права, правила общественного и личного поведения. Увы, вскоре от всего этого великолепия остался «один лишь прах» (Диас). Но на руинах Теночтитлана испанцы воздвигли колониальный Мехико, столицу Новой Испании. И по сей день строители то и дело извлекают из-под земли предметы былой материальной культуры. Словно Пернатый Змей и великий бог-созидатель Кецалькоатль подают знак. При строительстве метро в Мехико рабочие обнаружили статую Кецалькоатля в образе бога Ветра Эхекатля и статую богини Коатликуэ. ^[137]

Фигурка человека из золота. 900—1466 гг.

Легенда гласит, что Кецалькоатль, представляющийся в образе белого бородатого мужчины, покинул свой народ и отправился за океан. Перед тем он пообещал, что вернется на землю Америки с востока в год Кеакатля. По исчислениям жрецов, это был 1519 год, год высадки Кортеса. Началась иная эпоха. Хотелось бы обратить внимание на тот огромный вклад, который внесли испанцы в жизнь и культуру Месоамерики. К сожалению, у нас гораздо меньше говорится о созидательной стороне конкисты. Вскоре после завоевания Теночтитлана Кортес строит в Мехико госпиталь Иисуса. Он существует и поныне. Затем создается одна за другой множество больниц (для прокаженных, сумасшедших, больных инфекционными болезнями, для незаконных детей, для индейцев, черных, мулатов,

метисов и даже для больных сифилисом). Разумеется, в соответствии с европейской традицией тут же возводится виселица и позорный столб. Позитивна роль католической церкви, особенно ордена францисканцев, учрежденного в Мехико в 1523 году. Монахи в пристройке к монастырю создали школу для обучения местных аборигенов профессиональным навыкам и искусствам. Школа стала выпускать певцов, музыкантов, писцов, клерков, художников, резцов, ткачей, переплетчиков и т. д. Таким образом постепенно стала возникать местная интеллигенция. Она сразу включилась в изучение истории, археологии, ботаники. Колледж Санта-Крус стал одним из важнейших центров культурной жизни (1537–1564). Тут пишутся фундаментальные книги по истории Новой Испании. Во многом благодаря усилиям церковных учителей местный индеец Мартин де ля Крус сумел создать книгу по народной медицине (использование трав в медицинских целях) – старейшую на континенте. Ее перевели на латынь. Сменив множество владельцев, она попала в библиотеку Ватикана, и лишь недавно возвращена папой Павлом II в Мехико. Были и другие редчайшие книги. Стоит подчеркнуть, что в городе было налажено печатное дело гораздо раньше, чем, скажем, в России – в 1539 году. В XVI в. тут действовало восемь печатных домов, выпустивших порядка трехсот наименований книг! Все это составило то, что называют «мексиканская инкунабула» (катехизисы, словари на десяти языках, молитвенные книги, работы по философии и теологии, истории и литературе, медицине и хирургии, естественным наукам, навигации и математике). Испанский язык заговорил не только с Богом, но и с десятками чужеземных племен, которые обрели в нем объединителя и друга.

Перемены в общественной жизни шли одновременно с усилением роли как церковной, так и светской власти испанской короны. Волны иммигрантов устремлялись в Новую Испанию в поисках золота, земли, благополучия. Формально идеей освоения новых земель была идея приобщения аборигенов к христианству. На деле конкистадоры осуществляли грандиозный план захвата Месоамерики в своих собственных интересах. Вся масса пионеров подчинялась вице-королю и архиепископу из метрополии. С 1572 г. в Мехико стал действовать и орден иезуитов. Его задачей было обучение креолов, из которых они подготавливали официальное духовенство, со временем замещавшее

монахов-миссионеров в возникавших приходах. Как уже отмечалось, в городе активно велось строительство церквей, дворцов, общественных заведений. В архитектуре царил некий смешанный стиль, соединявший элементы готики, барокко, ренессанса. Для строительства использованы камни былой культуры майя-тольтеков. Испанцы старались создавать нечто ничуть не менее величественное, нежели гигантские пирамиды или так называемые фигуры атлантов высотой в 4,5 метра. Отметим и то, что в столице был торжественно учрежден университет – старейший в Америке (1553). Ему даны те же привилегии, что и университету Саламанка в Испании. С тех пор он обладал всеми правами и политическим статусом. Здание находилось рядом с дворцом вице-короля. В университете читали лекции блестящие ученые (Франциско Сервантес де Салазар, монах Алонсо де ла Веракрус, иезуит Антонио Рубио). Их перу принадлежали работы по логике и философии в Америке.

Таким образом, на землях, открытых Колумбом и покоренных Кортесом, возникло новое государство, многие граждане которого были выходцами из Испании, но сердцем оставались американцами. Это была совершенно особая, не похожая на Европу цивилизация, хотя и питающаяся ее соками и культурой. Самыми величественными творениями испанской культуры XVII в. в Мехико, бесспорно, являются церкви и соборы. Это удивительная галерея архитектурных образов, в каждом из которых чувствуется искренность и талант ее создателя. И нам понятно, почему в отношении одного из таких строений – церкви Сан-Бернардо (1685–1690), творения архитектора Хуана де Сепеда – поэтесса Мексики Хуана Инес де ла Крус написала теплое посвящение: «Друзья, восхвалим же гений архитектора, превзошедшего своим творением мастерство создателя пирамид в Мемфисе или колонн в Кадисе». [\[138\]](#)

Надо сказать, что многие города Мексики и Гватемалы выстроены на развалинах городов их древних обитателей. Столица Гватемалы – г. Гватемала находится на месте древнего города Каминальхуйу, Санта-Крус-Киче – на месте древней столицы киче – Кумаркааха, город Текпан-Гватемала – рядом с развалинами столицы какчикелей Ишимче и т. д. Об исторической памяти, живущей в сердцах народа, пишет классик гватемальской литературы, лауреат Нобелевской премии Мигель Анхель Астуриас в «Легендах Гватемалы». Писатель вызывает

в памяти причудливые образы древней культуры майя и других племен: «Преданья, которым теперь не верят ни бабки, ни дети, говорят, что город стоит на погребенных городах. Чтобы скрепить стены, в известь лили молоко, и, как повествует «Летопись знатных», зарыли где-то в зарослях травы свертки с тремя десятками перьев и тремя десятками тростниковых трубок, полных золотого песка. Одни говорят – под гнилым стволом, другие – под ворохом хвороста, а третьи – под горой, из которой бьют ключи. Но ни одной ресницей не дрогнет спящий город и не шелохнутся нежные тела вещей. В дыханье деревьев горы кажутся дальше, за дорогой, подобной струйке дыма. Темнеет; плывут апельсины из мглы; так тихо, что слышен любой шорох, щебет птицы, шуршанье слетевшего листа, – и просыпается Кукушка Снов. Тогда встает перед нами большой город – светлый город, который мы носим в сердце. Он в сотню раз больше скопления пестрых домишек, обвитых свернувшейся горой-кренделем святого Власия. Тот город сложен из древних городов, как дома из этажей. Этаж на этаже. Город на городе. Книга в каменном переплете, собрание гравюр на испанском пергаменте и на бумаге Республики, золоченной золотом Индий! Сундук, хранящий мертвую мечту, золотой песок и кудри луны, серебряные кольца! В тебе, многоэтажном, древние города. По лестницам бесшумно и бесследно ступают образы снов. От двери к двери сменяются столетья. Тени мигают в свете окон. Призраки – слова вечности. Кукушка Снов свивает нить сказок».^[139]

Церковное строительство в испанских владениях Америки по интенсивности и объему не имеет аналогов в мировой истории... К XVII в., через сто лет с начала завоевания, руками «порабощенных» индейцев построено 70 тысяч церквей и 5 тысяч монастырей. Одна из первых королевских инструкций гласила: ни один город не может быть основан без священника. Первым зданием непременно должна была быть церковь. Кстати говоря, ведь и Кортес проявил себя в каком-то смысле как выдающийся организатор, создав сложную структуру вице-королевства. Знаменателен порядок возведения культурных и бытовых построек. В английских и французских колониях в Америке сначала строились жилые дома, потом церкви, затем школы, а спустя некоторое время – казармы и губернаторские дома. В колониях же Испанской Америки порядок был обратный: сначала в обязательном порядке шли церкви, казармы, административные здания, за ними – дома частных

лиц и, наконец, школы, хотя долгое время очередь до них не доходила. Эти каменные великаны империи словно охраняли власть могущественных пришельцев Старого Света.

Бартоломе де Лас Касас

Вера заботилась о душе народа, искусство шлифовало ум и нравы. Это понимали в Испании. Испанцы были потрясены великолепными сооружениями туземной архитектуры в Америке. В Латинской Америке масса изумительных храмовых построек (творений архитектуры). В одной Мексике только за пятьдесят лет (1530–1580) воздвигнуто от 230 до 400 монастырей. Причем, эти монастыри были величественнее многих их европейских прародителей, а их функции разнообразнее. Они фактически стали центрами распространения христианства, перестройки всей туземной жизни, проводниками новых знаний в области религии, земледелия, ремесел и искусств. Несмотря на то, что в монастырях обитала горстка монахов (обычно от 2 до 5), в небо устремились фантастические постройки. Епископ Гвадалахары в 1572 г. восхищался «великолепными зданиями, такими могучими, такими большими и такой великолепной архитектуры, в которых были сосредоточены такие большие ретабло, такое богатство в сакристиях, такие музыкальные инструменты на хорах, какие можно только представить в самых богатых и старых соборах». Великолепны соборы в Мехико (1563–1813) и в Гаване (1748–1777). Постройки такого рода имели своей целью служить центром новых городов для индейцев.

Опять же скажем и доброе слово в адрес монашеских братств (францисканцев, доминиканцев, августинцев). В одном только Юкатане во время завоевания создано 180 городов, хотя не все они оказались жизнеспособны. Позже это же увидим в США, где города будут зарождаться и умирать сотнями. Так что XVI–XVIII вв. – важный период месоамериканского искусства. Благодаря индейской культуре европейская архитектура обрела в Испанской Америке совершенно особое и неповторимое звучание.^[140] Вожди конкисты – Кортес, Агилар, Бернал Диас – сравнивали мексиканские города с крупными и красивейшими городами Испании (Гранадой, Севильей, Саламанкой, Сеговией). Вряд ли это можно считать большим преувеличением.

Р. Рильке некогда экспрессивно писал о соборе в Шартре. Однако ничуть не менее эмоционально можно сказать и о лучших образцах архитектуры и искусства в Латинской Америке:

Когда, как богоборец, вокруг собора
ярится буря с каждым вихрем злей,
внезапно ты приковываешь взоры
улыбкою блаженною своей.
Ласковый ангел! Мудрый солнцелов!
Твои уста воистину стоусты,
но разве ты не чувствуешь, как густо
часы стекают с солнечных часов,
где разом цифры дня размещены
и выровнены в строгом равновесьи,
и все часы, как спелый плод, сочны?
Что в нас ты, камень, понял на свету?
И, может быть, твой взгляд в ночной завесе
еще блаженней смотрит в темноту?^[141]

Объявились в Америке и свои литературные таланты. Как правило, это были мужчины. Исключением стала поэтесса Хуана Инес де ла Крус (1651–1695). Ее называли «маленьким чудом» Мексики. В тайне от всех она в 3 года выучилась читать, к 6 годам освоила премудрости письма и сочинила первый поэтический гимн. В 8 лет в

совершенстве освоила латынь. Ее метода обучения достойна удивления. Не справившись с тем или иным учебным заданием, она добровольно обрезала прекрасные волосы. К чему украшать голову, которая не может преуспеть в интеллектуальных упражнениях. Услышав об открывшемся университете, она умоляет родителей переодеть ее мальчиком и отправить учиться (в 8 лет!). Ее страсть к познанию неодолима. Об одаренной девочке прослышали в окружении вице-короля. Вице-королева устроила нечто вроде публичного экзамена и была очарована ее красотой и умом. Крус предстала перед царской четой, умнейшими людьми вице-королевства (теологи, философы, математики, историки, литераторы, поэты). Ответы ее умны и блистательны. Она стала любимицей вице-королевской четы. В 14 лет Хуана – первая дама мексиканского двора. Но уже в 16 лет она уходит в монастырь. Вряд ли тому причиной несчастная любовь. Скорее тут нечто схожее с грибоедовским «Горе от ума». Быть ученой женщиной и в наше время довольно непросто, а уж в XVII в., в колонии, вдали от просвещенного европейского мира и подавно. Ее уход в монастырь вполне объясним, особенно если учесть, что тогдашние монастыри во многом являлись главными оплотами культуры, подобно тому как монастырские школы – едва ли не единственные источники образования. Иные монастыри известны своими уникальными библиотеками. В келье, заполненной книгами (библиотека к концу жизни составляла 4 тысячи томов), заваленной географическими картами и чертежами, заставленной музыкальными инструментами и приборами для опыта, она, видимо, наконец-то обрела свое счастье. Келья стала храмом поэзии и науки. Хуана переписывалась с виднейшими учеными и поэтами в метрополии и Мексике. По-прежнему ее единственным наставником была безгласная книга, а соучеником – бесчувственная чернильница. Печальная история прекрасной дамы, имевшей несчастье быть еще и умной.

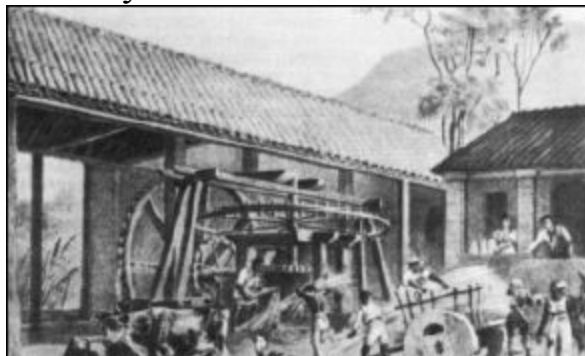
Что оставалось делать мексиканской Сафо? Выразать свои чувства в поэзии. В одном из своих восхитительных сонетов она осуждает мирскую суетность и убогие устремления всех этих глупцов-мужчин, столь слепо и безрассудно поклоняющихся власти и злату, словно они вечно пребудут на этой земле:

Зачем, о свет, меня терзаешь ты?
Ужель обидно так мое стремленье
возвысить красотой свои сужденья,
суждением не унизив красоты?
Мне чужды о сокровищах мечты,
ищу лишь для ума обогащенья:
опасны о богатстве размышленья —
они доводят ум до нищеты.
Гляжу с непреходящею тоскою
на ставшую добычей красоту,
на алчность, что кладет конец покою...
Что до меня, я лучше предпочту
навек проститься с радостью мирскою,
чем жизнью мнить мирскую суету.^[142]

Те же методы покорения местных народностей демонстрировали и португальцы, которые освоили огромные пространства Бразилии, за которые вели долгий и кровавый спор с голландцами. Первую волну колонизации индейцы встретили так же миролюбиво, как и испанцев. Они даже были готовы породниться с пришельцами. Официальную историю колонизации связывают с именем капитана Мартина Аффонсу, хотя и до него были предприимчивые колонисты (Жуан Рамалью, Дьогу Алварис и др.). В 30-е годы XVI в. открытые земли были разделены на капитании, возглавляемые капитан-губернаторами. Главным городом колонии стала Байя. Отсюда Лиссабон управлял своими новыми владениями. Правда тут, несмотря на интенсивные поиски, колонисты не нашли ни золота, ни серебра. Они вынуждены были заняться сельским хозяйством (выращиванием сахарного тростника). Покорение племен местных индейцев шло трудно. Восстания были нередки, но битва туземцев с европейцами чаще всего заканчивалась поражением первых. «В самом деле, — писал француз Жан де Лери, находившийся в Бразилии в 1556–1558 гг., — когда перед ними оказывался один из наших всадников при всей амуниции, с пистолетом в руках, на скачущем коне, так, что с одной стороны — огонь и гром, с другой — чудовище, составленное из человека и коня, то первой их мыслью было, что это Эньян, то есть на их языке сам

дьявол». Колонизаторы уничтожали и порабощали туземцев тысячами. В числе захватчиков был преимущественно всякий сброд из деклассированных элементов, возглавляемых плантаторами и профессиональными вояками. В колонизации активное участие приняли и иезуиты. Впервые появившись на бразильской земле в 1549 г., они основывали миссии там, где жили наиболее развитые в земледельческом отношении грамотные туземцы. В итоге к концу XVI в. они стали уже богатыми землевладельцами, а обращаемые ими в христианство индейцы превратились в крепостных. Таково было подлинное назначение миссии этих слуг Христовых. Когда же стала ощущаться нехватка местных индейцев как источника рабочей силы, португальцы не побрезговали работорговлей, доставляя рабов-негров из Африки. В течение трех с половиной веков европейские колонизаторы ввезли в Бразилию не менее 5 млн. рабов. Конечно же, с благословения католической церкви. Негры, как и индейцы, повели отчаянную борьбу против рабовладельцев и эксплуататоров. Они даже создали в сельве «республику Палмарис» (Республику пальмовых лесов), государство негров на территории Бразилии. Оно просуществовало с 1630 по 1697 г. Так стала зарождаться бразильская нация. Среди предводителей республики выделялся вождь Зумби (Зомби). Только с помощью предателя удалось убить его. Голову этого «черного Спартака» насадили на кол для устрашения местных жителей. Лишь в конце XVII в. пал последний свободный лагерь негритянских повстанцев (Черная Троя). Стоит еще упомянуть и о том, что сюда устремились и голландские завоеватели во главе с принцем Морицем Нассау. Он старался привлечь на свою сторону местное население. И даже построил прекрасный город на острове, близ Ресифи, – Морицстад. Город был хорошо спланирован. В нем были каменные дворцы, каналы, дамбы, мосты, зеленые сады. Говорят, это был один из красивейших городов Латинской Америки. Против голландских захватчиков поднялось все население, не только португальцы, но индейцы и негры. Безусловно, совместная битва вынудила европейцев отнестись к местному населению более гуманно, способствуя пробуждению возросшего национального самосознания бразильского народа. Вскоре граф Антониу Алварис де Кунья основал новую столицу Бразилии – Рио-де-Жанейро (1763), ставшую воротами в Европу и Бразилию, поскольку город находился на берегах

великолепной бухты. К тому же, катастрофическое землетрясение в Португалии, разрушившее столицу – Лиссабон (1755), заставило португальцев обратить особое внимание и на развитие своей южноамериканской жемчужины.^[143]

Х. Ругендас. *Производство сахара в Бразилии*

На протяжении XVIII в. европейцы продолжали питаться странными сведениями о народах Латинской Америки. Литература писала о неполноценности и вырождении людей, животных, растений в Новом Свете. Француз Ж Бюффон утверждал, что американская недоразвитость заметна не только у людей, но и у пумы. Говорили, что мексиканские индейцы способны считать только до трех. Аббат Рейналь писал о физической немощи американцев, порицая Америку «за чрезмерную высоту перуанских гор». Кстати, горы эти не так уж и высоки. Но для Европы край был экзотикой. Самые дикие и нелепые представления заполняли тогда головы европейцев. Их отношение к коренным американцам даже в конце XIX – начале XX вв. можно сравнить разве что с отношением к китайцам, африканцам или к представителям других «низших рас». Ученый Ш. Летурно, исследовавший вопросы обучения и воспитания различных человеческих рас, оценивая умственные способности австралийских аборигенов, писал об их «крайне умственной тупости». Что же касается древнего воспитания молодых инков, то, по его мнению, экзамены, проводимые в их школах и продолжавшиеся тридцать дней, были скорее испытанием воли и выносливости, а не ума. В этих экзаменационных сессиях, презрительно утверждал он, умственное развитие не играло «ни малейшей роли». Такого рода характеристики некорректны, в высшей степени неверны и нелепы. Вряд ли кого-либо убедит ссылка на то, что вождей латиноамериканцы избирали якобы лишь за голос или ораторские данные, а не по уму. К тому же, если

вспомнить историю стран Европы XVII–XX вв., можно заметить, что так называемые цивилизованные народы, находящиеся вроде бы в здравом уме, ставили порой к кормилу власти откровенно ничтожных, жалких, а то и явно преступных правителей, низвергавших свои страны в пучину трагедии. Это заставляет нас усомниться в уме и способностях просвещенных европейцев. Поэтому и их наветы на других могут быть отнесены к категории все столь же печально знаменитых «*Epistolae obscurorum virorum*» («Письма темных людей»).
[\[144\]](#)

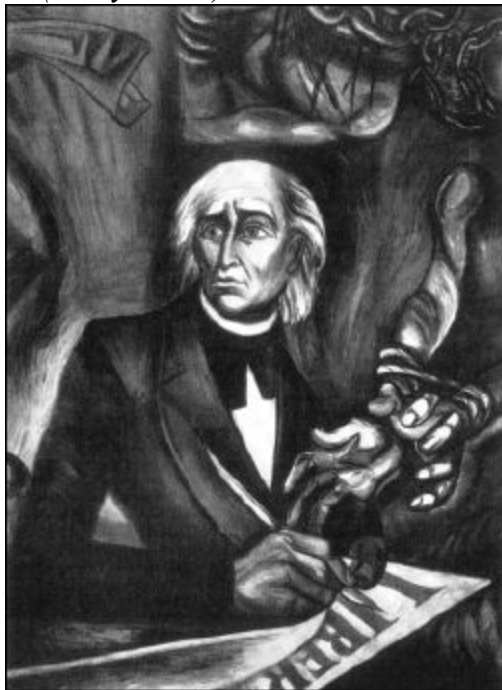
Все заметнее растущее самосознание народов Латинской Америки. Отмечая это, Александр Гумбольдт писал: «Креолы предпочитают, чтобы их называли американцами. Со времен Версальского мира (1783 г.), а особенно с 1789 г. часто слышишь, как они с гордостью говорят о себе именно подобным образом». Впереди Латинскую Америку ожидал период кровавой и упорной национально-освободительной войны. После того как в Испании началась революция и Карл IV отрекся от престола (1808), Наполеон, сменив «шкуру льва на лисью», решил прибрать к своим рукам и Новую Испанию. Он сказал: как-никак это «150 млн. дохода, кроме неисчислимых сумм из Америки». Брат императора Жозеф Бонапарт провозглашен королем Испании. Крах диктатора воодушевил Латинскую Америку. Та увидела шанс сбросить иго испанцев. Восстания прокатились повсюду, от Венесуэлы до Мексики, сопровождаемые кличем «Смерть гачупинам!» (земельная испанская аристократия).

Мексиканцы – это гремучая смесь испанцев, креолов, негров и метисов... Гордый и талантливый народ, разумеется, не мог смириться с господством испанцев, хотя те и убеждали, что противостоять им, испанцам, все равно что *molinos de viento acometer* (исп. «сражаться с ветряными мельницами»). Недовольство политикой испанских властей вылилось в ряд восстаний. В 1794 г. в Мехико возник заговор Хуана Герреро, а в 1799 г. Педро де Портилья возглавил в столице «заговор мачете». Все мексиканцы были недовольны властью испанской короны, ибо за океан уходило более 60 процентов налогов. Сигнал к восстанию даст священник Мигель Идальго (1753–1811). Он и создал правительство. Это был в высшей степени просвещенный человек, прекрасно знавший историю Древней Греции и революционной

Франции. В его библиотеке были тома Демосфена, Цицерона, Декарта, Корнеля, Мольера, Расина, Лафонтена, Бюффона, «Древняя история Мексики» Клавихеро, «Энциклопедия» Дидро. Он самостоятельно переводил на испанский язык творения Мольера и Расина. Святой отец Идальго и стал тем героем-революционером, что первым поднял знамя свободы над Мексикой.^[145] Вот как описал этого замечательного человека Х. Марти в новелле для юношества «Золотой возраст»: «У Идальго была пламенная душа, он любил созидать, и эта любовь к созиданию распространялась на все, – он построил даже печи для обжига кирпича. Для многих и многих чистым светом доброты горели его зеленые глаза. Про священника из поселка Долорес все говорили, что он превосходный оратор, что он много знает и часто помогает беднякам. Собрав вокруг себя земляков, которые любили его, как родного отца, священник Идальго сел на коня. К нему присоединились пеоны и работники асьенд, они стали его конницей, индейцы стали его пехотой, оружием им служили палицы и луки, пращи и дротики. На сторону Идальго перешел вражеский полк. С его помощью повстанцы захватили предназначавшийся для испанцев обоз с порохом. Идальго вступил победителем в Селайя, сопровождаемый музыкой и победными криками. На другой день он собрал аюнтамьенто. Его провозгласят генералом. Так пробуждался народ. Идальго освободил негров и возвратил землю индейцам. Он основал газету и назвал ее «Пробуждение Америки».^[146]

Сидящая фигурка (Колумбия). 1000–1400 гг.

Хосе Клементе Ороско. Идальго и рабы

В Латинской Америке начала XIX в. именно представители культурной интеллигенции возглавили движение за освобождение. Уже тогда слово «родина» («*patria*») все чаще означает собственную страну, а не испанский мир. Яркой личностью был Симон Боливар (1783–1830), под руководством которого добились независимости Венесуэла, Колумбия, Эквадор, Перу и Боливия. Потом за ним закрепится в истории прозвище Освободитель. Боливар был родом из богатой семьи. Состояние отца оценивалось примерно в 10 млн. долларов. Духовным наставником Боливара стал обучавшийся в Европе директор венесуэльской школы Родригес. В одной из докладных записок, озаглавленной «Размышления о недостатках преподавания в школах начального обучения в Каракасе и о мерах по улучшению одного», этот педагог предложил ввести совместное обучение для мальчиков и девочек, учить ремеслам, допускать в школы детей негров и мулатов. Пусть молодежь изучает науки, языки, литературу, право, физику, ботанику, но главное, чему нужно обучать молодежь, – «это умение жить в обществе». Вместе с Боливаром он читает Руссо, ведет спартанский образ жизни, совершает прогулки в горы. Огромное впечатление на Боливара произвела встреча с Гумбольдтом в Венесуэле. Затем его отправляют в Мадрид для завершения образования к дяде. Впереди перспектива стать грандом Испании. Однако столь блестящие перспективы вовсе его не привлекают. Личная жизнь юноши также не складывается (в десять лет – сирота, в девятнадцать – вдовец). Молодые люди жаждут героических подвигов. Находясь вместе в Италии, Боливар и Родригес, стоя на одном из римских холмов (Монте-Сакро), поклялись освободить свою родину от испанцев.^[147] Боливар посещает Париж, Милан, Вену, возвращается на родину, где активно участвует в работе Патриотического общества. Х. Марти писал, что в Латинской Америке три героя священны: Боливар, Сан-Мартин и Идальго. Боливар, собрав вокруг себя триста героев, совершил подвиг не менее блистательный, чем царь Леонид в Фермопилах со своими спартанцами. Он освободил Венесуэлу, Новую Гранаду, Эквадор, Перу и основал новое государство – Боливию. Боливар был подготовлен к роли руководителя освободительного движения. Когда будет одержана победа при Аякучо (1824), он заявил о необходимости создания единого и мощного государства, сравнимого со Священным союзом в Европе. У нас,

говорил Боливар, должна быть одна власть, одни законы, одна и та же денежная система. Тогда мы сможем разрешить внешние и внутренние проблемы, улучшить благосостояние народа, развить сельское хозяйство и промышленность, сделать просвещение доступным всем слоям населения. Тогда латиноамериканцам не будут страшны ни внешние, ни внутренние враги. Великий сын Латинской Америки, Либертадор («Освободитель») понял то, чего иные политики не поняли, кажется, по сей день. Образование – ключ ко всему. Когда из Европы вернулся Родригес, Боливар назначил его министром просвещения и сказал: «Открывайте школы, воспитывайте новое поколение – ему предстоит закончить начатое нами дело». Новым поколениям предстояло защищать независимость и свободу Америки. А это было не просто в условиях мощного давления Великобритании и США. ^[148] Герои справились с задачей.

Боливар как никто иной понимал связь прогресса с образованием. В колониальную эпоху, по мнению современных ученых, просвещение в Венесуэле практически отсутствовало (М. Фермин). На территории страны не было крупных культурных центров (как в Мексике). Первая начальная школа возникла в 1560 г., а первый колледж открылся в 1696 г. (в 1721 г. он преобразован в университет). К концу XVIII в. сформировалась и своя интеллигенция. Боливар выдвинул знаменитый революционный тезис – «Образование для освобождения». Он прилагал огромные усилия для приобщения масс к знаниям, говоря: «Нации продвигаются к вершинам своего влияния в той мере, в какой им сопутствует образование. Они устремляются вперед, если вперед движется образование, пятятся назад, если оно деградирует, низвергаются в бездну и исчезают в небытие, когда ниспровергается основа образования или оно приходит в полный упадок». Другой же столп – нравственность. Это душа истории, без которой не бывает свершений и побед.

В основании деятельности всякого здорового государства лежат два наиважнейших элемента – мораль и образование. Боливар прав. Мы видим на собственном примере, как уничтожение государства начинают именно с сокрушения двух столпов нации! Поскольку «общество создается началами нравственными» (Достоевский), то и разрушается оно безнравственностью власти, ее беззаконием. Только то правительство, которое сформирует у нации высокую мораль,

способно привести народ к величию и процветанию. Знание должно уравниваться моралью, благоразумием. Шамфор писал: «Воспитание должно опираться на две основы – нравственность и благоразумие: первая поддерживает добродетель, вторая защищает от чужих пороков. Если опорой окажется только нравственность, вы воспитае́те одних простофиль или мучеников; если только благоразумие – одних расчетливых эгоистов». Задача мудрой власти – уравновесить оба эти начала. Выступая на Ангостурском конгрессе, Боливар заявил: «Мораль и просвещение должны стать нашими первоочередными задачами и обязанностями». Он требовал создать институты моральной власти. Вспомним знаменитый кантовский моральный закон. Как утверждал немецкий философ Кант, две вещи наполняли его душу удивлением и благоговением – «это звездное небо надо мной и моральный закон во мне». Когда политики разрушают нравственный «закон небес», на них обрушивается и само небо!

Освободитель – Симон Боливар

От деятелей культуры и просвещения он требовал познать достижения других стран, усваивая все лучшее (в применении к местным условиям). Сторонник социального равенства, в интеллектуальном и нравственном отношениях он был на десять голов

выше доморощенных либералов-демократов (всех их вместе взятых). Яркие индивидуалисты и эгоисты, глашатаи «манчестерской школы» утверждали в странах Латинской Америки режим жестокой эксплуатации. Ему сопутствовали неравенство и массовое невежество, а «невежественный народ – слепое орудие собственного уничтожения» (Боливар). Лидер латиноамериканской революции предпринял и ряд конкретных шагов на пути реализации своих идей. Он ведет переписку с видными европейскими педагогами и просветителями, стремясь привлечь их к созданию цельной системы народного образования в регионе. При его содействии в Америку приехал английский педагог-просветитель Ланкастер. Возникла сеть школ, основанных на принципе самообучения. В условиях нехватки учителей в Латинской Америке «ланкастерские школы» помогли включить в систему обучения значительное число учеников. Созданы профучилища и средние учебные заведения. Большое внимание уделяется развитию университетского образования. Демократизируются условия приема в университет Каракаса (отменены дискриминационные меры социального, религиозного, расового характера – требование «чистоты крови» и т. д.). Университет должен готовить не узких специалистов-профессионалов, а подлинно просвещенных, высокообразованных людей. Помимо специальных предметов, студенты изучали французский и английский языки, изящную словесность, физические науки.

Латинская Америка гордится своей просветительской «святой Троицей»... В ее составе – Симон Боливар, Симон Родригес, Андрес Бельо. Сюда же надо включить кубинца Х. Марти. Философ С. Родригес (1771–1854) был социалистом-утопистом по убеждению. Он писал о том, что в Европе лишь привилегированное меньшинство пользуется плодами просвещения. Народные же массы прозябают в отчаянной нищете и невежестве. Для конца XVIII – начала XIX вв. это действительно было так. Положение вещей, при котором подавляющее большинство народа отчуждено от знаний и культуры, Родригес называл чудовищным. В ответ на упоминания о достижениях европейского Просвещения, он заметил: «Не говорите о мудрости и учености Европы... поскольку если мы откинем блестящие покрывала, то увидим ужасающую картину ее бедности и ее пороков, которые особенно ясно заметны на фоне ее невежества». Он – сторонник

создания новой «социальной цивилизации в Латинской Америке». Его перу принадлежит важный педагогический труд «Об общественном образовании» (1825).

Третьим в этом блистательном ансамбле стал Андрес Бельо (1781–1865)... Как напишет о нем Л. Прието, тот не был призван уничтожать тиранию с помощью меча. На его долю выпала миссия сеятеля, идущего за теми, кто выкорчевывает сорняки. Он шел за военными освободителями, «сея семена культуры, создавая фундамент для независимой жизни народов, проводя в жизнь идеалы, которые воодушевляли освободителей». Он принадлежал к числу лиц, о которых говорят, что его биография – это его труды. Его духовное поле – университеты, его житницы – его книги. Этот человек, эрудит и энциклопедист, прожив лишь незначительную часть жизни на родине (Венесуэле), тем не менее оказал огромное влияние на интеллектуальную и духовную жизнь своего народа. Он изучал классические и современные языки, занимался историей, философией, географией. Известен Бельо и как талантливый поэт. Отплыв в Европу в составе дипломатической миссии, он более не возвращался на родину. Пришла пора испытаний. Ему принадлежат классические труды: «Основы международного права» (1832), «Философия понимания» (1843), «Краткий курс истории литературы» (1850), «Грамматика кастильского языка для испаноамериканцев» (1847) и другие. В «Обращении к поэзии» (1823) он называет ее наставницей народов и королей, призывает покинуть Европу и направиться к берегам Америки, чтобы найти здесь источники вдохновения. Особенно ярко его талант проявился во время пребывания на ответственном посту в министерстве иностранных дел Чили. Как советник главы государства, он стал вдохновителем и создателем «Гражданского кодекса» – труда, сыгравшего в Америке роль не меньшую, чем Кодекс Юстиниана для Римской империи или Кодекс Наполеона для Франции и Европы. Бельо, что всю свою жизнь прожил, обучая, стал одним из духовных освободителей Латинской Америки. Его называют «великим светочем» американских народов. Образовательные заслуги просветителя велики. В Лондоне им издавались журналы «Библиотека американа» и «Реперторио американо» (совместно с колумбийцем Х. Гарсия дель Рио). Выдающийся педагог и теоретик, создатель новаторской системы

народного образования, он был первым и пожизненным ректором первого чилийского университета (1843 г.), воспитавшим плеяду выдающихся деятелей чилийской науки и культуры. В своих педагогических воззрениях он был сторонником синтеза наук, единства культуры и образования. Без высокой культуры и духовности не может существовать и просвещение. А. Бельо принадлежит и такой глубоко верный афоризм: «Хорошие учителя, хорошие книги, хорошие методы, хорошее руководство образованием являются результатом исключительно высокого уровня развития духовной культуры».^[149]

Велика роль и кубинских просветителей... Система образования на Кубе стала складываться еще в XVI веке на базе первых монастырских и миссионерских школ. Однако доступ в них был ограничен. Первый университет открылся в Гаване в 1728 г. по указанию папы римского Иннокентия XV (реорганизован в 1863 г.). В его стенах готовились священнослужители и чиновники королевской администрации. Исключительное значение для демократизации национальной системы образования возымела деятельность славных сынов кубинского народа: Х. де ла Лус-и-Кабальеро, Р. М. Мендиве, Э. Х. Вароны (1849–1933) и, конечно же, Х. Марти (1853–1895). Все эти просветители решительно выступали за отделение школы от церкви, за открытие ее дверей для представителей народа, за более прогрессивные методы обучения и воспитания молодежи.

Особое место в жизни кубинцев, всех латиноамериканцев занял революционер и просветитель Хосе Марти. Тому, что он стал учителем по профессии, немало способствовал случай и школьные успехи. Надо сказать, что учился он прекрасно. Позже он напишет: «Тот, кто не желает учиться, никогда не станет настоящим человеком». Но отец счел, что парень и так уж знает достаточно. Семье жилось трудно. Юношу направили на работу в поле. К счастью, он попал в Гаванскую среднюю мужскую школу, к педагогу Мендиве. Царившая там атмосфера любви к знаниям и поэзии вдохновила Марти. Юноша ступил на стезю преподавательской деятельности. Вместе с тем с 16 лет он посвятил себя революционной деятельности. До 1876 г. он был журналистом в Мексике, а в 1876–1878 гг. преподавал литературу и философию в Центральном педагогическом училище Гватемалы. Одновременно с этим он преподавал в Гватемальском университете французскую, английскую и итальянскую литературу. В 1878 г. он

вернулся в Гавану, где работал в колледже начального и среднего образования Эрнандес-и-Пласенсиа. Здесь же он подрабатывал в юридической конторе, когда власти лишили его разрешения на преподавание, опасаясь агитации и революционной «заразы». Где бы он ни преподавал, учащиеся ощущали на себе его чары и оказывались, как вспоминает один из них, «в плену его чародейства» (Р. Нассиф). В дальнейшем его путь пролегал через Испанию, Францию, Англию, США. В Мадриде он изучал право, философию, литературу, в Сарагосе получил степени лиценциата: гражданского и канонического права, философии, литературы. В 1880–1895 гг. Х. Марти жил в США, сотрудничая в газетах. Здесь он выпускал журнал для детей – «La edad de oro» («Золотой возраст»). Среди его рассказов и публикаций: биографический очерк «Tres heroes» («Три героя») о Сан-Мартине, Боливаре и Идальго, адаптированные отрывки из «Илиады» и т. д. Вот как он сам описывал цели этого издания: «...чтобы американские дети могли знать, как жили люди в старину и как они живут теперь в Америке и в других странах; как делаются многие вещи, такие, как стекло и железо, паровые двигатели, висячие мосты и электричество; чтобы ребенок, увидев цветной камень, знал, почему камень цветной... Мы расскажем им обо всем, что делается на заводах и фабриках, где происходят вещи, необычнее и интереснее, чем волшебство в сказках. Это и есть настоящее волшебство, удивительное, как ничто другое... Мы пишем для детей, потому что они-то и знают, как любить, потому что дети и есть надежда мира». Его энергия вызывала восхищение. Она вся была обращена к человеку и для человека. Ему во многом обязана своим рождением и «Лига просвещения» рабочих-негров. Вскоре он вновь вернулся к преподаванию (стал учителем испанского языка в одной из средних школ Нью-Йорка). Почему он старался вернуться на кафедру? Тому было несколько причин. В работе с молодежью он видел средство агитации. Марти запомнил слова наставника, Хосе де ла Луса: «Садиться за создание книг, что само по себе дело нетрудное, невозможно, когда ты снедаем беспокойством и тревогой, и у тебя нет времени на самое трудное из всех существующих дел – на создание людей».

Марти считал главным своим долгом службу родному отечеству. Тем, кто отправляет своих чад в зарубежные палестины, стоило бы обратить внимание на высказывание великого кубинца Хосе Марти (из

письма к М. Меркадо): «...наши страны должны населять люди с самобытным умом, воспитанные для того, чтобы быть счастливыми в той стране, где они живут, и жить с ней в согласии, не в отрыве от нее, как не то граждане только по названию, не то презрительные чужестранцы, которые на то, что они родились в этой части света, смотрят как на наказание». Любопытны его мысли и о создании «корпуса странствующих педагогов», то есть учителей-миссионеров, а также требование предоставить всем классам равно хорошее и добротное образование. Марти верил в могущество просвещения. Любопытно его понимание сути подлинной демократии. Демократия никоим образом, никогда не может быть уделом меньшинства. Устройство, где правит меньшинство, – в любом случае царство скотов (только одни – наверху, другие – внизу). Он был убежден в том, что с помощью обучения и воспитания решаются все самые главные вопросы общественного развития, как и сама судьба страны и всего народа. «Невежда находится на пути к тому, чтобы стать скотиной, тогда как человек образованный и ответственный находится на пути к тому, чтобы стать Богом; а в выборе между народом богов и народом скотов никто не станет колебаться».^[150]

В 1892 г. Хосе Марти создал Кубинскую революционную партию и основал газету «Родина» («Patria»). В 1895 г. в местечке Монте-Кристи (Доминиканская республика) он пишет свое легендарное воззвание к кубинскому народу – «Манифест Монте-Кристи», призвавшее к началу национально-освободительной войны. В манифесте были и такие строки, которые и для русского человека сегодня звучат более чем актуально: «Условия жизни, трудовая деятельность нашего одаренного народа, завоевавшего справедливую республику, позволят преодолеть разобщенность и своекорыстие отдельных групп, лень и высокомерие, порождаемые в иных людях войною, мстительную злобу господ, лишенных своих привилегий, а также неоправданную поспешность, с которой кучка вчерашних рабов, неудовлетворенных своим положением, быть может, будет претендовать на общественное признание, приобретаемое только личными заслугами и талантами; и, наконец, сопротивление значительной части образованного городского населения, которому придется распрощаться с роскошью и тем изобилием, какое дают ему незаконные колониальные повинности и доходные должности, ибо

свободный народ их отменит. Завершив освободительную войну, вдохновляемую самыми бескорыстными стремлениями, Куба, расположенная у порога богатого индустриального мира, из страны униженной, страны, где благосостояния можно добиться только ценою явного или тайного сотрудничества с тиранией алчных чужеземцев, разоряющих и развращающих кубинский народ, станет страной независимой и страной, провозгласившей всеобщее право на труд. Те, кто в героических подвигах на поле брани и в скромном созидательном труде видит великие начала разума и согласия, не сомневаются в духовных силах кубинского народа, в его способности завоевать и отстоять свою независимость; величия нашего народа не замечают только люди, чуждые ему и высокомерно считающие его неспособным к революционным и творческим деяниям, годным лишь на рабское прозябание в тисках колониальных повинностей».^[151] Кто бы мог подумать, что через сто лет и русскому народу придется столкнуться почти с теми же проблемами, с которыми столкнулись вожди революционной Кубе.

Он высадился на Кубе с повстанцами и лично участвовал в боях. А помимо всего прочего Марти был прекрасным поэтом, считая, что стихи революционера «сильнее, чем кинжал». В стихотворении «Две родины» Хосе Марти в художественной форме высказал образ его родины: «Две родины даны мне: это – Куба и ночь. Иль – две в одной?» Обретя родину, он не ушел в ночь небытия, хотя и погиб от рук испанцев. Имя его живет. Его путем пойдет самый известный герой Кубы – Фидель Кастро.

Наше исследование – не энциклопедия. Оно не позволит вместить все имена и события. Неизбежно мы говорим лишь об отдельных фигурах Просвещения. Сюда следовало бы отнести и аргентинского педагога Доминго Фаустино Сармьенто (1811–1888). Он был воспитан на учениях Локка, Руссо, Монтескье, Токвиля, Кондорсе, Леру, Гизо и ряда других видных фигур европейской мысли. Один из самых ярких просветителей континента, он многое почерпнул у Кондорсе и Гизо. У первого он заимствовал идеи государственного гарантирования образования каждому индивиду, полного духовного, полититико-экономического, социального развития, а у второго – идеи бесплатного и свободного народного образования. Стоит заметить, что его философия образования сложилась во многом за время его посещения

Европы и Америки (Франции, Англии, Пруссии, Швейцарии, Италии, Испании, США). Конечно, посещая эти страны, он не мог не задаваться вопросом: «Почему уровень развития стран Латинской Америки отстает от европейского?» По его словам, причинами невежества народных масс, коррупции, политической анархии, медленного экономического и культурного развития являются наследие испанского владычества, а также «метисация населения». Как писал почетный профессор университета Буэнос-Айреса Э. Браво, разница в эволюции Латинской и Северной Америки обусловлена различием цивилизаций. Среди других причин он называл и такое преимущество, как моральное превосходство протестантского мира над миром католическим. [\[152\]](#)

Решающую роль в обеспечении дела прогресса он отводил образованию и культуре. Начальное образование – «мерило начала цивилизации». Слово «цивилизация» он употреблял не только в материалистическо-техническом смысле, но понимал его куда более широко, полагая, что с ним в страну должны прийти процветание и культура... В журнале «Viajes» он писал: «Вся совокупность познанных истин составляет знание в данную эпоху; но лишь овладение в максимально широких масштабах всеми плодами земли, предназначенными для разумных существ, и всеми материальными силами для удобства, удовольствия и морального совершенствования как можно большего числа людей характеризует цивилизацию народа». Для меня особенно ценно в просветителе то, что он ратовал за приобщение к цивилизации не избранных элит («десяти тысяч»), а миллионов неимущих и обездоленных. Он писал: «Что нам нужно в первую очередь, так это стать цивилизованными; причем речь идет не о 200 студентах в университетских аудиториях, а о 200 тысяч тех, кто даже не посещает школу». [\[153\]](#)

Смесь кровей в Латинской Америке

Великий Боливар мечтал о мирном, добром сотрудничестве между всеми странами Западного полушария на созванном по его предложению Панамском конгрессе (1826). «Как прекрасно было бы, – писал он, – если бы Панамский перешеек стал для нас тем, чем был Коринфский для греков. Каким счастливым будет тот день, когда здесь соберется Высокий Конгресс, чтобы обсуждать и решать вопросы войны и мира совместно с государствами трех остальных частей света!» Однако провозглашение «доктрины Монро» (1823) показало, что янки иначе видели будущее Латинской Америки. По мере роста их мощи усиливались и их экспансионистские устремления. Вспомним, как президент Т. Джефферсон призвал США постепенно поглощать испанские колонии, как Б. Франклин требовал аннексии Квебека, Новой Шотландии, Флориды, Бермудских и Багамских островов. О том, как янки понимали это будущее, сказал государственный секретарь США Джон Куинси Адамс, заявив, что Куба и Пуэрто-Рико являются «естественным придатком Североамериканского континента и что аннексия Кубы нашим Федеральным союзом необходима для дальнейшего существования и целостности этого союза» (1823). Созданный панамериканский союз (1889), по сути дела, выражал господство лишь одного участника – США. Характерно, что за 122 года состоялось 208 панамериканских конференций, где было подписано более 100 договоров. Однако только один из них был ратифицирован 21 республикой. Об отношении большинства жителей Латинской Америки к империализму янки один из исследователей

сказал так: «Южная Америка ненавидит Соединенные Штаты за фальсификацию выборов в этой стране, за мошенничество в торговле, за их нелепого полковника Рузвельта, за их бесцеремонную дипломатию, за профессоров, которые пишут о Латинской Америке, обнаруживая полнейшее невежество, за потопление крейсера «Мэн», за появление на свет Панамской республики, за установление контроля над финансами Гондураса и за захват таможен Доминиканской республики, за пролитую ими кровь и за ликвидацию независимости Никарагуа, за инспирированную ими революцию в Мексике, за вторжение в Вера-Крус, за вздорные претензии к Венесуэле, за так называемый иск Олсопа к Чили, за их посягательства (которые США не слишком стараются скрывать) на Галапагосские острова, принадлежащие Эквадору, и острова Чин-ча, принадлежащие Перу, за постоянные утверждения, что аргентинская статистика не заслуживает доверия, за попытки помешать Бразилии повысить цены на кофе, за захват Пуэрто-Рико, за «поправку Платта» к конституции Кубы, за превращение своих телеграфных агентств и газет в орудия дискредитации всех испано-американских республик, за агрессивную империалистическую политику, за действия против стран Латинской Америки в течение последних 50 лет».^[154]

К сожалению, и в Латинской Америке, чье развитие носило преимущественно сельскохозяйственный и латифундистский характер, у власти чаще находились не просветители, а генералы. Там складывалась власть особого типа – невежественный сатрап, окруженный кланами родственников и домочадцев. В такой стране у народа нет ни свобод, ни прогресса, ни благосостояния, ни просвещения. Страна становится добычей интервентов и иностранных монополий. Эта судьба ожидала Кубу, Мексику, другие страны. Мексика добилась независимости в 1821 г. (провозглашена республикой в 1824 г.). Однако ей не повезло: сосед Мексики – быстро растущие и могущественные Соединенные Штаты Америки. С 1820-х гг. в эту страну стал проникать и иностранный капитал (северо-американский и английский). Цели США стали ясны в ходе американо-мексиканской войны 1846–1848 гг. Воспользовавшись тем, что Европу тогда сотрясали революции, янки грубо, по-бандитски, отторгли от Мексики свыше половины ее территории (около 1 млн. кв. км.). Штаты Калифорния, Техас, Аризона, Невада, Колорадо были

нагло захвачены и присоединены к США. Вот оно подлинное лицо демократической Америки! Когда либералы в Мексике попытались робко вести антифеодальные реформы, просвещенная Европа и США пришли на помощь внутренней реакции, осуществив интервенцию (так называемая Мексиканская экспедиция 1861–1867 гг.).

Что же за власть установили в Мексике англичане, французы, американцы, столь гордящиеся своими законами, свободами, демократиями, либерализмом и т. д. и т. п.? В 1876–1877 гг. они помогли прийти к власти генералу Порфирио Диасу (1830–1915), как позже Батисте на Кубе. Что привлекло цивилизаторов в сыне дубильщика кож? Почему те сделали из него президента? Да потому, что крупным стервятникам всегда нужен мелкий и ничтожный шакал-президент (слабый, подлый, алчный, трусливый). Чтобы он полностью устранился от решения актуальнейших вопросов страны. Зато славно «дубил кожу» своего народа, погрузив людей в голод, нищету, страдания. Как забывчивы все эти ничтожные политиканы... И чего только эта скотина не наобещала народу, клятвенно заверив, что в Мексике президент может находиться только один срок у власти. Став латифундистом, он тут же забыл о своем обещании. Холуи и его ненасытное окружение создавали ему культ личности. Срок пребывания у власти продлили с 4 до 6 лет, а затем и вообще убрали из законодательства пункт о переизбрании. Диас переизбирался целых 6 раз! Чем не пример для России (мечта губернаторов)! Тем более что и сходство налицо. «Сыновья, зятья, племянники, шурины, – писал один из современников, – заняли все посты». Молодая супруга (почти дочь) президента лично назначала министров. Вы скажете: да это же подлая и отвратительная диктатура. Это если нет лживой прессы и ТВ, что готовы и дьявола объявить святым демократом. Уйма подлецов легко докажет народу: все, что имеет место быть, в высшей степени цивилизованно, все идет по самым что ни на есть демократическим канонам. Президента поддерживали сатрапы. Эта банда захватила места в правительстве. Министров меняли, как марионеток. Губернатор находился на посту 34 года! Вот это – «прогресс» и «демократия». Вот это, я понимаю, «цивилизация», о которой мечтают власти.

Совершенно понятно, что итогом правления этой охлократии должна была стать революция. Революция и разразилась в 1910–1917 годах. Она и свергла диктатуру Диаса. Одним из героев революции

стал великий сын мексиканского народа Панчо Вилья (1878–1923). Это был человек с «душой ягуара», с сердцем сокола. Другим вождем революции стал Эмилиано Сапата (1879–1919). Вилья вел крестьян севера, Сапата был вождем крестьян юга. Понимая, что президент страны выполняет волю враждебных народу сил, Панчо Вилья окружил резиденцию тогдашнего президента Гутьерреса и обезоружил охрану. Президенту предъявил жесткие требования. «Какой из меня президент, – жаловался Гутьеррес Панчо Вилье, – если вы и Сапата действуете, как вам заблагорассудится! Вы, генерал Вилья, держите под своим контролем железные дороги и телеграф, печатаете деньги. Сапата в Морелосе ведет себя точно Бог. Ваши командиры арестовывают людей и расстреливают их без суда и следствия». Вилья ему ответил так: «Мы живем в военное время. Железные дороги, телеграф, деньги нужны, чтобы вести войну с каракланами (ставленники охлократии. – Авт.). Что же касается расправ с предателями, то мы охотно передадим это дело правительству. Однако правительство бездействует. Бездействует и Конвент; он перебрался в столицу и занимается пустословием. Стране нужны революционные законы, а их нет. Пока их не будет, мои солдаты, представляющие революцию, будут действовать так, как это необходимо для блага народа».^[155] Алчность и непомерная жажда власти местных олигархов-латифундистов и корыстные интересы политиков и монополистов США и Англии вынудили народ взяться за оружие. А когда говорят ружья и пушки, музы молчат. Символично заканчивает книгу о восставшей Мексике Дж. Рид: «Когда мы с Фиденчо, обнявшись, проходили по улице, мне вдруг пришло в голову, что подобные представления предшествовали золотому веку театра в Европе – расцвету Ренессанса. Было интересно размышлять, какую форму принял бы Ренессанс в Мексике, если бы он не пришел так поздно. Но уже вокруг узких берегов мексиканского средневековья бушуют огромные волны современной жизни – индустрия, научная мысль, политические теории. Мексиканскому театру придется обойтись без своего золотого века».^[156] Перед ним словно широко распахнулся занавес уже иного, капиталистического театра.

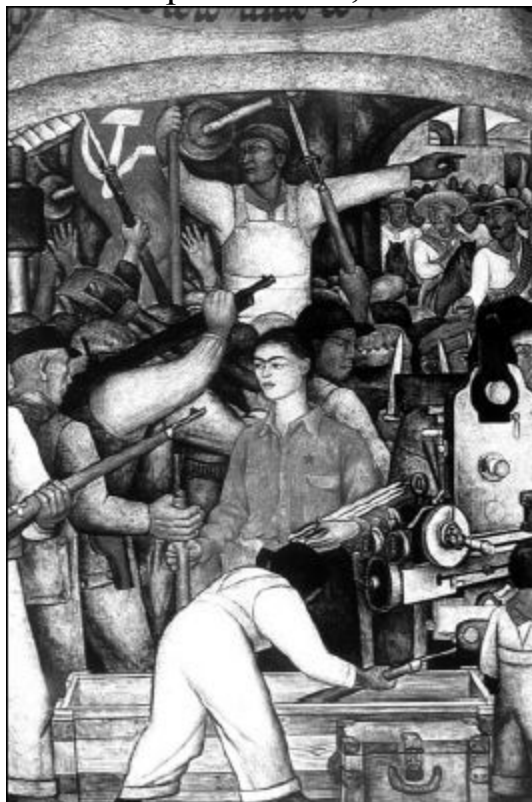
Хуан О'Горман. *Провозглашение независимости Мексики. 1960–1961*

Латинской Америке придется еще не раз пройти через полосу поражений и измен. Здесь на одного Боливара, Идальго, Сан-Мартина, Хосе Марти, Сапату, Вилью, Перона, Кастро, Альенде чаще приходилось по десятку Диасов, Трухильо, Дювалье, Стресснеров, Батист, Сомос и Пиночетов. Правда, латиноамериканские патриоты рано или поздно всегда настигали своих палачей и предателей. В романе великого колумбийского писателя Габриэля Гарсиа Маркеса (1928—) «Осень патриарха» дается и фантастический образ такого диктатора, прожившего то ли сто пятьдесят, то ли двести лет в «эпоху Великого Шума». Этот драматический и одновременно гротескный образ вне времен и вне национальностей. Он с легкостью подойдет и под тип «отца-каудильо», и «отца народов», и «отца демократии» в новой России. Г. Маркес рисует вечного диктатора – «Генерала Вселенной», «властелина времени». Тот указывает истории, который час та должна показывать на своих часах, и даже приказывает смерти убраться восвояси. Но смерть в конце концов настигает тиранов и предателей, самых мерзких и коварных из его окружения. В образе немощного старика, ставшего фактически заложником окружения, легко узнается иная историческая фигура... Следующие строки романа не нуждаются в комментариях: «Новые клеветы обманывали его... чтобы окончательно превратить его в раба собственной власти, в какового он и превращался, впадая в старческий маразм, погружаясь в него все глубже. Он постарался не принимать обман слишком близко к сердцу и попытался примириться с реальной действительностью, издав декрет о восстановлении предприятий, выпускающих отечественную хину и другие лекарства, необходимые для процветания государства, однако действительность оказалась полна

таких сюрпризов, которых он все же не ожидал; не ожидал, что так изменился мир, что есть в этой жизни нечто, совершенно не подвластное ему («Как восстанавливать какую бы то ни было промышленность, мой генерал, если у нас не осталось хинного дерева, не осталось какао, не осталось индиго, не осталось ничего за исключением ваших личных богатств, неисчислимых»). Все так же приватизировано, как и в современной России. Даже американские послы похожи. Посол Фишер решительно требовал, чтобы диктатор согласился на высадку в стране морской пехоты – «в соответствии с договором о взаимной помощи». Сторонники тирана выведены в образе прокаженных. Министры-компрадоры горячо советовали ему пойти на все условия могущественной державы: «Пусть возвращаются морские пехотинцы... пусть приходят и берут, что хотят!» (Берите, сколько утащите!). И вскоре у его страны «забрали море» – конечно, не Черное или Балтийское, а Карибское! Море аккуратно разобрали на части, пронумеровали, «чтобы собрать под небом Аризоны», и увезли к себе, в Америку. «Пусть отберут всю родину». Толпа же молча и равнодушно наблюдала за всем этим национальным позором. На улицы не вышел никто! И никто не прокричал: «Долой гринго!» – чтобы тем самым прекратить разграбление отечества. Власть теряла авторитет. Жизнь обездоленных людей проходила вдали от президентского дворца. А там царили обман, ложь, властолюбие, жадность, трусость. Только перед смертью диктатор, наконец, понял: «Никто нас не любит». Терпение народа не бесконечно. Народ, наконец, все же вышел на улицы, патриоты выловили в зданиях и офисах правительства и мэрии последних слуг режима и отдали их на волю стихийного правосудия масс (кого-то побили камнями, кого-то вздернули с «собственным половым органом во рту»). Власть перешла в руки кадровых офицеров. Они заменили старых генералов, прислужников жестокой тирании.^[157]

Волны бурного времени вынесли на гребень исторического процесса и фигуру Фиделя Кастро Рус. Порой его сравнивают с самыми выдающимися реформаторами и революционерами современности (Хо Ши Мином, Мао-Цзэ-дуном, Джавахарлалом Неру, Гамалем Абдель Насером). Действительно, этот великий кубинец стал знаменем всей Америки, солнцем бедняков, героем угнетенных народов. Когда-то Х. Марти писал: «Нации в критические моменты

рождают людей, в которых они воплощаются: национальные личности». Такая выдающаяся личность и появилась в облике Кастро на Кубе, этом прекрасном острове песен, любви и вечной революции.

Диего Ривера. Деталь фрески в здании Министерства образования

В Антильском, Антильском море —
Карибским зовут его также —
исхлестана злыми валами
и легкою пеной украшена,
Под солнцем – оно ее гонит,
а ветер назад отгоняет,
а слезы живут только в песне —
качается Куба на карте:
зеленая длинная ящерица
с глазами, как влажные камни.

Венец из колючих стеблей
ей плетет тростниковый сахар,
но он не похож на корону,

ведь носит его раба;
царица в плаще – если издали,
с изнанки плаща – служанка,
печальнее всех печальных
качается Куба на карте:
зеленая длинная ящерица
с глазами, как влажные камни.

Но ты, у берега моря
стоящий на крепкой страже
морской тюремщик, запомни
высоких копий сверканье,
валов нарастающий грохот,
язык языков пожара
и ящерицу, что проснулась,
чтоб вытащить когти из карты:
зеленая длинная ящерица
с глазами, как влажные камни. [\[158\]](#)

Еще Колумба потрясла красота острова, и он предсказал ему большое будущее. Население состоит в основном из «белых» (белые составили 66 процентов в 1980 г., 22 процента – мулаты, 12 процентов – негры). Куба имеет долгую историю борьбы за свою независимость. Республика Куба была основана в 1902 г. Однако борьба различных групп, кланов и партий не утихала. Важными этапами борьбы стали периоды 1868–1898 гг. и революционное движение 1927–1933 гг. О суровости битв свидетельствует и такой факт: когда в 1958 г. произошла революция Кастро, шестидесятилетних мужчин на острове уже почти не осталось. Ярость битв за свободу Кубы объяснялась во многом тем, что на смену старому хозяину и властителю (Испании) вскоре пришел куда более могущественный и коварный противник – Соединенные Штаты Америки. Вытеснив Испанию в ходе войны 1898 г., янки фактически захватили Кубу, превратив ее в колонию. Только с 1898 по 1920 гг. правительство США четырежды осуществляло интервенцию против формально независимой Кубы. Курс был взят на полное подчинение экономики и политики страны

американскому влиянию. И надо сказать, что только за первую четверть века (к 1926 г.) инвестиции США составили огромную сумму в 1,36 миллиарда долларов. Им принадлежало тут почти все: сахарная, табачная, горная промышленности, банки, железные дороги, торговля, недвижимость и т. д. Они контролировали электроэнергетику и весь внутренний рынок. Против такого экономического засилья выступал еще «апостол свободы» Хосе Марти. Он требовал «второй независимости» для испанской Америки, панамериканизма, но без янки. Не стоит и говорить, что в культурном отношении Куба также почти полностью зависела от установок и ценностей США. Американцы взирали на кубинцев как на расу второго сорта, считая их неспособными к созидательной деятельности и абсолютно некомпетентными. Так, сенатор Кэбот Лодж писал Т. Рузвельту в 1906 году: «Отвращение к кубинцам обычно, общее чувство такое, что их следует взять за шиворот и трясти, пока они не станут хорошо себя вести. Я думаю, что это заставило бы антиимпериалистов считать, что некоторые люди менее способны к единоличному управлению, чем другие».^[159]

Фидель Кастро Рус родился в крестьянской семье. Его отец был выходцем из испанской Галисии, пожалуй, самой бедной из провинций (половина испанских эмигрантов были галисийцами). Правда, к моменту его появления на свет отец, будучи предприимчивым человеком, сумел разбогатеть. Ему принадлежали довольно большие площади земли, где выращивали сахар. Его мать, Лина Рус Гонсалес, была крестьянкой. Это был уже второй брак отца. Ей Кастро и обязан тем, что получил прекрасное образование. Отец дома часто рассказывал ему о подвигах бойцов кубинской национально-освободительной армии (мамбисес). Учился он в иезуитских колледжах, так как там давали самое лучшее образование. Колледж «Белен», открывавший дорогу в Гаванский университет, сравнивали с английским Итоном. Кастро усердно изучал гуманитарные науки и выделялся как прекрасный спортсмен, будучи звездой баскетбола. Выписка из его школьного дела гласила: «Фидель Кастро Рус (1942–1945). Отличался всегда во всех дисциплинах, связанных с литературой. Его успехи блестящи. Великолепный атлет, всегда мужественно и с гордостью защищал честь колледжа на соревнованиях. Сумел завоевать любовь и восхищение своих

товарищей. Он намерен изучать юриспруденцию, и мы не сомневаемся, что он заполнит блестящими страницами книгу своей жизни. Фидель – это великолепный материал, а художник для работы с таким материалом обязательно найдется». Отдадим должное иезуитам, воспитавшим Ф. Кастро.

Президентский дворец после нападения революционеров 13 марта 1957 г.

Кастро был всенародным любимцем. Перед ним была перспектива спокойной богатой жизни. Он мог сделать прекрасную карьеру внутри той или иной олигархической партии. Но он предпочел стать «постоянным возбудителем и агитатором студенческой массы», а затем и бойцом революции. «Дон Кихот университета» готовил себя к решающим битвам против предателей-президентов. Его любили батраки-поденщики, в хижинах которых он часто находил приют и стол (несмотря на более комфортабельную обстановку и сытную трапезу у себя дома). Его обожали товарищи-студенты, ради которых он всегда был готов жертвовать собой и своими интересами. Им восхищались соратники-революционеры. Казалось, само небо хранило его. Противники реакционных режимов на Кубе уничтожались сотнями. Он уцелел чудом. Мужеством молодого революционера, кстати, доктора юридических наук, просто нельзя было не восхищаться. Удивительно, с какой отчаянной смелостью он выступил

против президента страны П. Сокарраса, чьи связи с гангстерами были общеизвестны. Кастро собрал на него компрометирующий материал. Он возбудил уголовное дело, обвинил президента в незаконном приобретении имущества, в нарушении основных положений трудового законодательства, в извращении функций вооруженных сил Кубы, в насаждении латифундий. Президент ежемесячно лично вручал главарям преступного мира по 18 000 песо. Он предоставил им в общей сложности 2000 важных постов в звеньях государственного аппарата. Гангстеры преспокойно получали зарплату, при этом даже не являясь на работу. В книге В. Бородаева и Н. Леонова «Фидель Кастро. Политическая биография» приводятся эти вопиющие факты и обвинения против президента страны, который «покупал и продавал убийства». Авторы далее пишут: «По свидетельству очевидцев, этот отчаянный шаг Фиделя Кастро заставил всех остолбенеть от ужаса. Отмечают, что в то время «никто не дал бы и сухой мухи за жизнь Фиделя»; полагали, что он будет убит в самое ближайшее время, потому что никто никогда не отважился сказать вслух даже тысячной доли того, что публично разоблачал Фидель. До сих пор кое-кто мучается в поисках ответа на вопрос, почему Фидель остался жив. Но наилучшей защитой Фиделю и на этот раз стала полная поддержка общественного мнения, не имеющая границ личная смелость Фиделя и его постановка вопроса в широкой политической плоскости. Фидель почувствовал, что общество, страна устали от политического террора, что в рядах самих гангстеров появились признаки брожения и недовольства той грязной ролью, которую им отводят политики, и нанес точно рассчитанный, сокрушительный удар».^[160]

Этот отрывок заставляет глубже задуматься над тем, а почему же в России, славной своими героями и мучениками за веру, не нашлось столь же мужественного борца, который бы столь же смело выступил против клики предателя-президента? Почему наши политические фигуры сотни раз болтали о «чемоданах компроматов» и т. д. и т. п., но так ничего и не произвели на свет?! Гору этих прохвостов и трусов, поставленных народом для защиты страны, родила мышь. Лишь единицы проявляют столь необходимую для страны смелость, называя вещи своими именами. Мужество и честность – верное оружие в борьбе с врагами народа. Напрасно ищут обаяние Кастро в бороде, голосе, манере, в чем-то еще. Сила его – в его народе.

Хосе Марти сказал, что родина должна быть не пьедесталом для гордыни, а священным алтарем, на который каждый из нас, не задумываясь, готов принести свою жизнь. Когда у героя любовь к народу и отечеству сильнее тщеславия, алчности, карьеры, даже личной жизни, всего на свете, тогда революционер отважно идет на штурм казарм Монкада, как это сделал Ф. Кастро, захватывает дворец тирана-президента, как глава Федерации университетских студентов Эчеваррия с его бойцами в 1957 г., сражается за свободу народов Латинской Америки, как Че Гевара. Тогда его не устрашат месяцы и годы тяжелой борьбы в горах Сьерра-Маэстра, и даже смерть. С гор Сьерра-Маэстры, на восьмидесятый день военной кампании, Фидель Кастро Рус пишет манифест народу: «Кампания в Сьерра-Маэстре показала, что диктатура, пославшая на театр военных действий свои лучшие войска и самое современное оружие, не способна подавить революцию. Она бессильна, а у нас в руках с каждым днем становится все больше оружия, все больше людей присоединяется к нам, растет военный опыт, расширяется поле наших действий, мы все лучше осваиваем местность, крестьяне все увереннее поддерживают нас. То, что выдерживаем мы день за днем и месяц за месяцем — голод, дожди, тяготы и жертвы, движимые высокими идеалами, основанными на правоте и справедливости нашего дела, не могут выдержать те, кто за мизерное жалованье в 70 песо должны защищать несправедливость и угнетение. Сыновья Батисты не идут в горы, сыновья Табернильи не идут в горы, сыновья миллионеров, наживающихся на солдатской крови, не идут в горы. Тирания идет неизбежно к поражению, начиная с того момента, когда не только политические партии, гражданские организации всего народа, но даже солдаты стали стремиться к патриотическому решению. Тирания смертельно ранена».

Ф. Кастро выступает с докладом на I съезде Компартии Кубы, декабрь 1975 г.

Победа кубинской революции 1959 г. стала лучом света для Америки. Г. Маркес говорил о ней как о важнейшем историческом событии после обретения Латинской Америкой независимости. Кастро оказал исключительное влияние на ход цивилизации... Во времена трусливых карликов, слабых людей он высится, как гранитная скала справедливости над земным шаром. Во многом он заменяет латиноамериканцам живого Христа. Куба для стран Латинской Америки сегодня, безусловно, значимее португальской или голландской империй XVII в., Британии – XVIII в. Успех Кастро после неудачного штурма казармы «Монкада», бегство диктатора Батисты внушают и нам веру в окончательную победу патриотов в России. Настанет день и час – и наши «батисты» побегут, бросая особняки и свои посты. Кастро на процессе 1953 г. сказал: «История меня оправдает». В эти слова должны вникнуть и наши политики, ибо и у нас возможны Сьерра-Ма-эстра и Монкада. Он сказал, что основной предпосылкой, на которой основывалась вера монкадистов в успех, были причины социальные, безграничная вера в народ. Далее он

(Кастро) сказал: «Когда мы говорим «народ», мы имеем в виду не зажиточные и консервативные слои нации, которым по нраву любой угнетающий режим, любая диктатура, любой вид деспотизма и которые готовы бить поклоны перед очередным хозяином, пока не разобьют себе лоб. Под народом мы понимаем, когда говорим о борьбе, огромную угнетенную массу, которой все обещают и которую все обманывают и предают, но которая жаждет иметь лучшую, более справедливую и более достойную родину. Мы имеем в виду тех, кто веками рвется к справедливости, ибо поколение за поколением страдает от несправедливости и издевательств. Мы имеем в виду тех, кто хочет мудрых и больших преобразований во всех областях и готов отдать за это все до последней капли крови, когда верит во что-то или в кого-то, особенно если достаточно уверен в себе. Но чтобы люди искренне и от всей души уверовали в какую-то идею, надо делать то, что никто не делает: говорить с людьми с предельной ясностью и безбоязненно все. Демагоги и профессиональные политики хотят сотворить чудо, сохраняя во всем и со всеми хорошие отношения, при этом неизбежно обманывая всех и во всем. Революционеры же должны смело провозглашать свои идеи, определять свои принципы и выражать свои намерения так, чтобы никто не обманывался в них – ни друзья, ни враги».

[\[161\]](#)

Воздадим наши скромные слова признательности герою, одержавшему победу над тиранией спустя 5 лет, 5 месяцев и 5 дней после штурма казарм Монкада. Он стал кубинским Христом. Ему было 33 года. Фидель помог нам сохранить веру в справедливость, идеалы молодости. Он не предал Идею, как ее предали позорные вожди. Поэтому Кастро и стал живой легендой.

Как светлый Бог, неудержимо
Ты вел восставшей черни рать:
И реки повернули вспять,
И горы расступились зримо.
О Куба, все здесь сердцу мило...
Твоя земная благодать
Народу гордому под стать,
Под стать герою полумира.
Как океан – необозримый,
Как солнца луч – неуловим,

Ты вел бойцов своих дружин
На бой святой и справедливый.
Фидель, орел неукротимый,
Ты верен Правде до конца!
Нам бы такого храбреца —
Была бы Русь непобедимой. [\[162\]](#)

Если кубинец Фидель Кастро стал в XX веке воплощением революции в политике, то три величайших мексиканских художника явились живым воплощением революции в живописи (Ороско, Ривера, Сикейрос). Хосе Клементе Ороско (1883–1949) считается основателем национальной школы настенно-монументальной живописи. Он родился в семье владельца мелких предприятий в Гусмане. Затем окончил школу при Педагогическом институте. Там же он постиг и первые уроки живописи, у художника Х. Посада, чья мастерская находилась неподалеку. Там пробудился его творческий дух, осознав существование искусства живописи. Он посещал вечерние классы Академии Сан-Карлос, главного художественного заведения Мексики. В 17 лет ему при взрыве оторвало кисть левой руки и повредило глаз. Однако это заставило его острее вглядываться в жизненные катаклизмы. Получив немалые знания в архитектуре, живописи, математике, он полностью отдался учебе в Академии художеств. Во время учебы он внимал словам известного ученого и живописца доктора Атля, жившего в Европе и рассказывавшего о великих фресках Возрождения, о Сикстинской капелле, о Леонардо. К тому времени в стране вспыхнула революция 1910–1917 гг. После падения режима Уэрты во главе академии стал доктор Атль. Первым «декретом» стало объявление: «Кирпичи тоже нужны революции». Это означало, что художник должен служить народу и быть строителем государства, а не его разрушителем или холодным лакировщиком. С тех пор Ороско крепко-накрепко связал свое творчество с исторической тематикой («Последние испанские солдаты, покидающие мексиканскую землю в 1825 г.»). Он пишет серию «Мексика в революции». В этом графическом документе эпохи нашли отражения страшные картины гражданской войны и самоуничтожения (расстрелы, конвульсии, разрушенные дома, повешенные, трупы). Уже тогда он сформулирует тему своей живописи: «Моя единственная тема – человечество». Он рисует всех – солдат, генералов, монахов, актеров, президентов,

проституток, школьниц – и становится знаменитым. Все говорят о его персональной выставке (1916) и даже называют «мексиканским Гойей». В набросках «Мексики в революции» ощущаем тональность «Бедствий войны». Надежда на то, что художественный вкус в США более развит, развеялись. Американская таможня уничтожила 60 его работ, обвинив его в аморальности. Позже Сикейрос так описывал его жизнь в Нью-Йорке: «Он жил в страшной бедности и работал на фабрике кукол, раскрашивая лица из пульверизатора, а глаза и ресницы от руки». Вернувшись на родину, Ороско становится затворником. Многие даже стали называть его одиноким волком. Известны его стенные росписи. К тому времени уже существуют росписи Монтенегро, Риверы, Леалья и других, которые в свою очередь опирались в творчестве на древние росписи индейцев. Существовали и простонародные росписи в частных домах и пулькериях. «Истинно национальное, – писал Ороско в 1923 году, – может основываться не на театрализованном гардеробе того или иного вида, не на той или иной простонародной песне весьма сомнительного качества, а на взятом в полном объеме нашем научном, промышленном или художественном вкладе в цивилизацию». Можно сказать, что Ороско смог синтезировать знания и искусство великих мастеров итальянского Возрождения и природный вкус обитателей древних цивилизаций Месоамерики. К чести американцев, они предоставили ему в 1932 г. в полное его распоряжение 270 кв. м стен Бейкеровской библиотеки в Дартмутском колледже (штат Нью-Хэмпшир, США), которые он покрыл фресками. Ему дали профессорский оклад и предоставили деньги на поездку в Европу (Англия, Франция, Италия, Испания). Приступив к работе, Ороско создал обширную панораму деятельности человека на американском континенте. Так, эпос индейской части – начало освоения западного полушария – открывала сцена миграции монголоидов. Тут представлены ацтекские воины с серебряными штандартами и перьями, сцены с Кецалкоатлем, жертвоприношения жрецов богу войны, индейцы, вскапывающие землю на фоне побегов кукурузы, железные рыцари с крестом и мечом, Кортес, трупы и машины, символизирующие англоязычную Америку и машинную цивилизацию. Тут же он создает, используя уроки художника Джотто, удивительный образ мексиканского Христа. «Христос, разрушающий свой крест» предстает на фоне гор оружия, рядом с могилой

неизвестного солдата. Этот потрясающий Христос с огромным топором в руках напоминает нам то ли лесоруба, то ли мясника, то ли восставшего ангела. Он всем своим видом говорит о готовности к битве. Это мужественный образ борца и революционера, готового повести в бой угнетенные массы своих приверженцев. Впечатление усиливает и расположенная рядом фреска «Заточение духа», символизирующая скованные и поработанные международным капиталом и империализмом силы интеллигенции.

В 1937 г. с приходом правительства Карденаса в Мексике начинаются важные социальные преобразования. Крестьяне получают во владение 25 млн. акров земли. В страну возвращаются три великих живописца – Ороско, Ривера и Сикейрос. В 1936–1939 гг. художник создает грандиозные фрески в Гвадалахарском университете, в правительственном дворце, в приюте Кабаньаса. Во фресках «Катарсиса» изображена толпа разгневанных и истощенных людей, которые предъявляют вожакам требования справедливой и достойной жизни. Те же указывают им на букву закона, раскрыв свои талмуды. А. Костеневич называет фреску «Фарисействующие вожди и страждущая толпа». Символичен и образ ученого с пятью обращенными в разные стороны лицами. Здесь не только символ неустанного научного поиска, обращенного во все стороны света, но и их готовность ответить на любой социально-политический или финансовый заказ. Надо бы отметить и фреску «Идальго-освободитель» в Правительственном дворце Гвадалахары. На этой фреске Идальго представлен в облике Прометея, с факелом в руках он освещает путь восставшему народу. Трудно даже перечислить все фрески великого Ороско. Тут и «Бесчеловечный труд» (1941), где согбенные фигуры рабочих подобны роденовским фигурам из «Страшного Суда», и «Правосудие» (1941) в Верховном суде, где изображена заснувшая фигура Закона, почти выронившего меч (она была бы очень к месту в Верховном Суде России), и «Апокалиптическая блудница» (1942–1944) из Церкви Иисуса в Мехико, фигура которой как две капли воды напоминает мадам Олбрайт, и «Расстрел» (1940) из библиотеки «Габино Ортис», восходящий к «Расстрелу в ночь со 2 на 3 мая 1808 г.» испанского живописца Гойи. В отношении его картин можно было бы сказать словами ацтекского поэта и правителя Нетсаулькойотля: «Книга картин – это твое сердце». Когда художника провожали в последний

путь, Диего Ривера сказал в отношении всей его живописи: «Ороско поднял народные деяния и психологическую трагедию Мексики до выражения решительно монументального. Если однажды Мексика захочет исследовать свою карту болезни, чтобы попытаться излечиться от своих язв и развить свои лучшие качества, ничто не будет более полным и точным, чем творчество Ороско и Посады».^[163]

Традиции Ороско воплощали Сикейрос и Ривера. Альфаро Сикейрос (1898–1974) создал грандиозные росписи в Мехико – в клубе профсоюза электриков (1939), в Дворце изящных искусств (1945, 1950–1951), в «Полифоруме» (1971). В дни мексиканской революции он сражался капитаном в отрядах армии свободы, тогда как его отец был полковником на стороне диктатора. Затем он побывал в революционной Испании, не раз сидел в тюрьмах и находился в изгнании. Ренато Гуттузо писал: «Его цель была ясна: возобновить традиции монументального искусства доколумбовой эпохи и совместить их с живописью итальянского Возрождения. Взгляд Сикейроса простирался от ацтекских пирамид до Микеланджело и Тинторетто. Но он всегда проектировал мифы и легенды древней Мексики в современность. Ацтеки были для него символом революции и борьбы родины за независимость». Используя технику распыления красок, он искал новые законы перспективы, мечтая о волшебном инструменте, гигантской кисти, с помощью которой можно было бы создавать фигуры огромных размеров, как рисунки в пустыне Наска. Он создал грандиозное полотно в Зале конгрессов в Мехико. Это панно получило название «Путь человека на Земле и в Космосе» и посвящено героям человечества и его палачам. Площадь в восемь тысяч метров в три раза превышала площадь фресок знаменитой Сикстинской Капеллы. В президентском дворце-музее Кастильо де Чепультепек в Мехико им дана кровавая история битв человечества. В основу фресок легли документальные фотографии времен мексиканской революции. В скорбных шеренгах революционеров, несущих тела погибших бойцов, в их суровой решимости видна твердая вера, что победа будет за народом. И хотя к знамени родины тянутся руки тиранов и предателей, но всем объективным наблюдателям уже ясно: в итоге все равно победят революционеры-социалисты.

Такой же яркой и нестигаемой фигурой был создатель национальной школы монументальной живописи Диего Ривера (1886–1957). Ему принадлежат циклы росписей в Министерстве просвещения (1923–1929) и Национальном дворце в Мехико (1929–1950). Известна история с фресками, которыми он расписал Рокфеллеровский центр. Весной 1933 г. ему предложили расписать стены и потолок главного вестибюля небоскреба в манере росписи храма, но в современном духе. Ривера считал Ленина кульминационным пунктом в истории человечества. Рокфеллеры собирались разместить в здании правление могущественной нефтяной компании «Стандард ойл». Рядом с Лениным лозунги: «Мы хотим работы, а не благотворительности!», «Долой империалистические войны!». Заказчик пытался подкупить художника. Но тот остался непреклонен. В конце концов портрет Ленина ночью тайно соскоблили. Сегодня в центре росписи находится фигура А. Линкольна. Впоследствии Ривера восстановил уничтоженную роспись на стенах дворца изящных искусств в Мехико. Ныне в стране великой революции ее дети и внуки спешат уничтожить везде, где можно, малейшие признаки эпохи, которая у других наций вызывает гордость.

Для коренных жителей Месоамерики фрески великих художников представляли собой не просто поэтические образы. Трагические последствия вторжения западной цивилизации на земли Америки известны. Некоторые народности, как было сказано, исчезли под напором белых поселенцев, создавших США. Тем не менее, опыт древних цивилизаций Месоамерики часто используют при анализе современных явлений и событий. К примеру, писатель А. Зиновьев сравнивал крах империи инков с крахом СССР, поставив эти события в один общий историко-цивилизационный ряд: «Колоссальный пример, я о нем начал говорить больше десяти лет назад, – это завоевание, разгром империи инков, когда 300 испанских воинов во главе с Писсаро победили 300 тысяч инков, которые могли их затоптать просто в грязь. В течение нескольких минут эти тысячи были разгромлены!.. Если вы вспоминаете историю, Писсаро принял гениальное совершенно решение. Он бросился с группой воинов на фигуру бога инков – и все: когда те увидели, что бога их захватили и ничего особенного не произошло, армия капитулировала сразу».^[164] Здесь верно лишь одно: в обоих случаях речь идет, в конечном счете, о

тотальном столкновении культур («цивилизаций»). Все остальное – блеф... Против СССР и России (отнюдь не против коммунизма) были брошены силы и богатства всей объединенной западной буржуазной цивилизации. В грандиозной битве культур русские только отступили. Отошли на время, как во времена вторжения Гитлера или Наполеона. Их культура и мысль не сломлены и не побеждены. Решающие сражения еще впереди. Заново перестроив наши ряды, усвоив лучшие достижения мира, сбросив ярмо ничтожеств и недоумков во власти, мы стремительно пойдем вперед, обгоняя старые корабли Запада и Востока, ибо как раз в духовном, культурно-нравственном отношении Русская Цивилизация является наиболее высокой и содержательной.

К концу XIX в. завершился раздел мира. Прогресс в области экономики, науки, образования, техники, культуры становится постоянным и все усиливающимся фактором, создавая прочную инфраструктуру мировой цивилизации. Мы показали, сколь велики заслуги Европы, Латинской Америки, Японии в формировании современной цивилизации. Это стало возможным во многом и благодаря универсальности культуры Запада. «Западный мир создал универсальные кристаллизации, обеспечивающие непрерывность в формировании образованности: *imperium Romanum* и католическую церковь. Оба эти института стали основой европейского сознания... – писал философ К. Ясперс. – Однако тенденция к созданию универсальных форм образованности не привела здесь к мертвой закоснелости духовной жизни».^[165] В XX веке всем странам Месоамерики, впитавшим через Испанию католицизм и культуру Европы, предстояло пройти и фазу индустриализации.

Символом индустриализации стали работы выдающегося бразильского архитектора Оскара Нимейера (1907—), которого относят уже ко второму поколению пионеров современной архитектуры. Его имя стало широко известно всему миру, наряду с такими именами, как американец Франк Ллойд Райт, немцы Людвиг Мис ван дер Роэ и Вальтер Гропиус, француз Ле Корбюзье, японец Кендзо Танге, финн Ээро Сааринен, многие другие. Родившись в Рио-де-Жанейро, закончив тут же Школу изящных искусств (1934), он, работая в мастерской известного архитектора и педагога Л. Коста, создает совместно с ним павильон Бразилии на Всемирной выставке 1939 года в Нью-Йорке. Его творения отличаются богатством

пластики, полетом воображения, экспрессивностью форм. Постепенно к нему приходит и известность. После того как в 1945 г. в Бразилии пала диктатура, президентом страны стал Ж. Кубичек (1956–1960). К этому времени Нимейер был уже известен как автор проекта Музея современного искусства в Каракасе, здания международной выставки в Сан-Паулу и т. д. Еще в конце XVIII в. борцы за независимость страны предложили перенести столицу Бразилии в глубинные районы, что затрудняло бы проникновение колонизаторов. Президент Кубичек решил воплотить эту идею в жизнь. Сам архитектор вспоминает: «Я начал заниматься Бразилиа в одно прекрасное сентябрьское утро 1956 года, когда Жуселину Кубичек, выйдя из своей машины зашел за мной и по дороге в город (Рио-де-Жанейро) изложил мне суть своего дела. С этого момента я стал жить мыслью о Бразилиа». Население новой столицы должно было составить полмиллиона. Главным в этом плане было стремление приступить к освоению и экономическому развитию почти не заселенных внутренних районов страны. Нимейер мечтал и о том времени, когда Бразилиа станет «городом свободных и счастливых людей, освобожденных от социального и экономического неравенства». Задача была поставлена сложная. Ведь помимо сугубо практических задач, идеологи переноса столицы преследовали политические, патриотические и образно-символические цели. Само название столицы было предложено видным борцом за независимость страны, основателем бразильского государства Жозе Бонифасиу ди Андрада-и-Силва. Предполагалось, что город станет символом возрождения огромной страны, раскрытия ее богатейшего творческого и природного потенциалов. С его возникновением словно должен был подняться рассвет над страной. Символично, что дворец президента был назван Дворцом Рассвета. Оскар Нимейер писал впоследствии: «Самым главным, на мой взгляд, было построить Бразилиа вопреки всем препятствиям, возвести его в пустыне, быстро, словно по мановению волшебства, и затем почувствовать его дыхание в этом бесконечном сертане (глуши. – **Ред.**), ранее неизведанном и безлюдном. Важно было проложить дороги, построить плотины, увидеть, как на плоскогорье возникают новые города; покорить безлюдные районы страны, придать бразильцу немного оптимизма, показать ему, что наша земля благодатна и что ее богатства, на которые так грубо посягают наши враги, требуют защиты и энтузиазма».^[166]

Этот мастер архитектуры символизировал собой образ динамичной и просвещенной Латинской Америки. Кульминацией его творчества стал созданный им в конце XX в. Мемориал Латинской Америки, выросший в Сан-Паулу. По его словам, это лучшее из его творений. Ансамбль мемориала состоит из семи зданий и двух просторных площадей. Тут истинный праздник поэзии и муз, воплощенных в бетоне и стали. В комплексе наиболее значимое место занимают «салон торжественных актов» и библиотека. Библиотека стала крупнейшим специализированным фондом по проблемам Латинской Америки. В ней собрано более 20 тысяч томов, половину из которых составляют бразильские издания. Сюда поступает литература из Аргентины, Перу, Кубы, Испании. Привлекает внимание и павильон творчества, где демонстрируются экспозиции образцов ремесленного искусства Бразилии, Мексики, Гватемалы, Эквадора и Перу. Здесь же работает Бразильский центр латиноамериканских исследований с крупнейшей лабораторией гуманитарных наук континента, где проводятся международные конференции, конгрессы и научные семинары. Центр имеет право вручать премии штата Сан-Паулу, своего рода латиноамериканский эквивалент Нобелевских премий. Нимейер соединил колорит бразильской и латиноамериканской культур с мировыми культурными течениями. В одной из статей он писал: «Бессмертные и всемирно прославленные произведения искусства действуют на наши чувства именно своей красотой, оригинальностью и гармонией пластического решения. Мы чувствуем это, когда стоим перед Шартрским собором во Франции или перед собором Василия Блаженного в Москве, независимо от наших политических и философских взглядов. В сравнении с изяществом и красотой этих памятников для будущих эпох их функциональные и утилитарные цели отступают на второй план». Поэтому каждый проект архитектор рассматривал с точки зрения красоты, как «если бы он был Версалем».

О. Нимейер. Трибуны для зрителей карнавала, сцена-музей, школы самбы, Рио-де-Жанейро, 1984

Новый Свет становился более зрелым в экономическом и культурном отношении. Эти процессы, во всем их сложном, а порой и драматическом развитии, мы видим не только в Европе, Азии, России, но в Америке и Австралии. Уроки колонизации Южной и Центральной Америк представляют и для нас немалый интерес: 1) ведь здесь удалось создать ряд самостоятельных центров цивилизации, которые в известном смысле выступали альтернативой европейскому и азиатскому типу цивилизации; 2) народы майя, ацтеков, инков достигли высокого уровня прогресса (знания, искусства, строительство); 3) вторжение конкистадоров, представителей иной, европейской цивилизации сделало возможным генетический симбиоз различных типов и народностей, что явилось, видимо, третьим масштабным ассимиляционным сдвигом в истории цивилизаций (после знаменитого переселения народов в Европе и смешения племен Древней Руси и Азии); 4) в то же время нужно учесть коренные отличия методов испанской колонизации в Америке от методов, практикуемых русскими в Евразии, хотя в том и другом случае заметно поменялись этнопсихологический климат континента и культурный фон; 5) учитывая это, вероятность столкновения испано-американской цивилизации с холодной, чуждой, в высшей мере рационалистичной цивилизацией Соединенных Штатов вовсе не исключена; 6) Куба, Мексика, Аргентина, Бразилия, Чили, Перу, Боливия, Венесуэла, другие страны континента не раз являли примеры стойкости и мужества народов, ведомых национальными героями.

Глава 14

Соединенные Штаты Америки – цивилизация двуликого Януса

Еще предки нынешних коренных обитателей Америки индейцев создали на континенте свою цивилизацию. Т. Джефферсон считал, что «первые американцы» пришли в Америку северным путем, из глубин Азии. Уже в письмах Колумба и в приписываемом Америго Веспуччи трактате «Mundus novus» появились смутные образы американской мечты. Картины наслаждений и радостей земных сочетались с образами диких необжитых пространств, таящих бесчисленные опасности. Первым белым американцем был потомок древних викингов. Звали его Скорпи. Эти события описаны в «Гренландской саге», а также в «Саге об Эйрике Рыжем». [\[168\]](#)

В истории возникновения колоний Новой Англии можно слышать рассуждения, что мы имеем дело с цивилизацией, написанной с чистого листа, и это, вроде бы, делает ее свободной от архаических пут старушки-Европы. Однако цивилизацию создают люди, а они непременно приносят с собой весь багаж прошлых знаний, привычек, вер, ошибок, страстей и заблуждений. Поэтому правильнее было бы сказать, что на земле Америки воздвигнут остов европейской культуры. В каком-то смысле были правы и те, кто считал, что американская культура представляет собой лишь осколки матушки-Европы. Характеристику американской цивилизации дал философ К. Леонтьев: «Соединенные Штаты – это Карфаген современности. Цивилизация очень старая, халдейская, в упрощенном республиканском виде на новой почве в девственной земле». [\[169\]](#) Америка – незаконная дочь Британии и Европы. Из Англии в Америку прибыло не более 5 миллионов, поток иммигрантов составлял 35 миллионов человек. То, что переселенцы из Британии оказались в числе первых и в большинстве в тот период, сыграло решающую роль в формировании модели Америки (институты, философия, психология, культура). Несмотря на унаследованные черты, янки стремились создать порядок более справедливый нежели на родине. Поэтому

Новая Англия представлялась многим землей обетованной. Если революция 1640-х гг. заставила поверить в особую роль Англии, то провал этой «благочестивой революции» придал североамериканским колонистам уверенность в их особой миссии. Бог, считали они, высматривает Новую Англию, чтобы та стала Новым Иерусалимом. Группа пуритан основала колонии на побережье Северной Америки. Первые колонисты прибыли на нескольких кораблях. Один из них – «Mayflower» (Майский цветок). Их называли «отцами-пилигримами» (Pilgrim Fathers).

Дату высадки американцы назовут «Forefathers' Day» (21 декабря 1620 г.). Основным стимулом переселения в Америку стало их стремление обрести независимость, стряхнуть с себя власть «государственной церкви, обрядов и епископов». Среди колонистов были разные люди. Дж. Смит (ок. 1579–1631) основал первую английскую колонию в Джеймстауне и стал ее первым президентом. Смит был сыном преуспевающего земледельца. Авантюрная натура побудила его к удивительным приключениям. В 15 лет он ушел из дома, нанялся слугой к купцу, а затем пошел воевать наемником в армии голландцев и венгров. Получив ранение, он попадает в плен и становится рабом знатной турчанки. Вспыльчивый и непокорный, Смит убил своего хозяина-турка и, преодолев тысячу километров дорог, в конце концов вернулся в Англию, но вернулся лишь затем, чтобы направить свои стопы в Америку в 1606 г. Три корабля Лондонской Виргинской компании и 144 переселенца высадились в апреле 1607 г. на побережье Виргинии, составив первый отряд переселенцев. Они основали Джеймстаун (в честь короля Джеймса I, или Якова I). Первые пилигримы не жаждали тяжким трудом осваивать землю, начав с воровства со склада инвентаря и материалов. Стали заниматься «бизнесом», ведя торговлю с индейцами. Другие занялись поисками золота. Между поселенцами постоянно вспыхивали ссоры и распри. Надо отдать Смиту должное. Он обустроил свой быт и занялся тщательным исследованием местности и изучением языка индейцев. Молодой капитан пытался как-то вразумить своих товарищей, однако это было трудно. Смит записал в дневнике, что колонисты «не говорят друг с другом, не думают о будущем, не работают, а только копают золото, добывают золото и мечтают о золоте». И если бы им не помогли индейцы припасами, они все бы

погибли уже в первую зиму 1607 г. Соперничество было острым. Смита судили и чуть было не расстреляли по приговору «тройки», возглавляемой руководителем Совета колонии Уингфилдом. К его величайшему счастью, Смита и его товарища спас тогда от смерти первый на территории Америки суд присяжных.

Отправившись за провиантом к индейцам, он попал в плен. Смита вновь едва не казнили. Выручила 12-летняя дочка вождя Покахонтас, которой понравился отважный англичанин. В дальнейшем Виргинская компания подарила ее отцу, вождю племени, золотую корону и дала титул «императора» виргинских индейцев. Покахонтас не только стала христианкой, но и приняла участие в разведении табака – главного товара колонии Виргиния. В дальнейшем она приедет в Англию под именем «дикарской принцессы», «императрицы Виргинии». Там она наслаждалась комфортом и так и не вернулась на родину, так как перед самым отплытием в Америку заболела оспой и умерла.

Адам ван Брен. *Отплытие пуритан из порта Делфт к судну «Мейфлауэр», которое отправляется в Новую Англию. 1620*

Жизнь в колониях была тяжелой. К весне 1608 г. из 144 человек в живых осталось лишь 38. Об этом говорят скудные записи самого Смита, который пишет в дневнике, как один из колонистов «убил свою жену, засолил ее и ел до тех пор, пока об этом не узнали другие и по приговору суда не казнили его». Далее капитан Смит, с типичным юмором английского висельника, продолжает: «А была ли она лучше в жареном, вареном или копченом виде – я того не знаю, но о таком блюде, как мясо собственной жены, я доселе никогда не слыхивал». Смит стал и первым законно избранным президентом Совета колонии, хотя перед тем его благодарные соотечественники вновь вынесли ему смертный приговор. Познав на своей шкуре, что представляют собой

колонисты, он вынужден был править железной рукой. Смит всех заставил работать («Кто не работает, тот не ест»). Он же впервые отправил в Англию и товарный груз строевого кедра, что принесло доход компании.^[170] Другой заметной фигурой был Р. Уильямс (1603–1683), основавший колонию Род-Айленд. Будучи сыном портного, юный Роджер обратил на себя внимание «оракула английского закона» Э. Коука, занимавшего министерский пост генерального прокурора в Англии. Оценив способности юноши, тот взял его секретарем. Роджер окончил школу. В колледже не позволяли читать книги светского содержания, играть в мяч и карты, купаться в реке. О считавшихся смертным грехом танцах речи не было. Тут обучались отпрыски привилегированных сословий, но основную массу студентов составляли стипендиаты из средних торгово-купеческих слоев. Он думал продолжить обучение и стать магистром. Но через год покинул Кембридж, став капелланом в одной из домашних церквей. В 1631 г. Уильямс прибыл в Америку, где его избрали «учителем» (проповедником), т. е. помощником пастора в вопросах вероучения. Отныне он мог вести достойную сытую жизнь, деля время между чтением проповедей и уэльской медовухой. Коллективный труд и дух общины придавали быту черты «коммунизма», крестьянско-плебейской ереси. В отличие от соотечественников, Уильямс проявил интерес к индейцам. Чем больше он узнавал их, тем больше привязывался: общался с ними и изучал их язык, взялся за составление словаря. Поселенцы называли индейцев «дикарями» и «варварами», изгоняя с родных мест. Вскоре он уже мог свободно общаться с ними. В свою очередь и индейцы уважали Роджера и были ему признательны за его любовь к ним и за его советы. В дальнейшем он выпустил в Лондоне книгу «Ключ к языку Америки, или Пособие к изучению языка туземцев» (1643). В книге он писал: «Такие грехи, как пьянство и обжорство, им вообще неизвестны. Среди них нельзя услышать о таких преступлениях, как кражи, убийства, супружеская неверность и т. д., которые встречаются среди англичан».^[171] Он не был ортодоксом. В нем проявилась свободная и благородная мысль, что не так часто увидим в Америке в дальнейшем. Господствующий тут дух пуританизма и индивидуализма подавлял любые ростки мысли. Подтверждением этому стало и то, что вплоть до середины XVIII в. в колониях Новой Англии не создано ни одного серьезного

произведения в области теоретического богословия. Богу, равно как и Разуму, было тесновато на просторах Америки. Автор труда по истории этой страны Д. Бурстин писал: «Отступничество Роджера Уильямса – единственное реально обогатившее теорию движение в колонии Массачусетского залива в XVII столетии – привело к его изгнанию в октябре 1635 года. Лишь вернувшись в Англию и постепенно подружившись с Джоном Милтоном, написал он свои полемические книги... Однако его вынудили покинуть колонию Массачусетского залива, а самое его имя стало синонимом ереси и бунта. Он умер в нищете, изгоем из общины».^[172]

Англичане благосклонно отнеслись к идее создания на юге Каролины колоний, надеясь, что это будет самая процветающая земля во Вселенной. Колонизация продолжалась. К 1700 г. в Виргинии было 70 тыс. поселенцев. Утверждения типа, будто Америка породила викторианский образ мысли за 50 лет до того, как «сама королева Виктория взошла на трон по ту сторону Атлантического океана», сомнительны. Епископ Беркли писал в 1726 году:

И воспоют поэты век златой,
Грядущий век Империи и Музы,
Век рыцарей с бесстрашною душой,
Век благородных и мудрейших мужей.
Таких в Европе дряхлой больше нет,
Но было много в дни ее зенита,
Когда сиял знаменьем лучших лет
Небесный пламень на ее ланитах.
На Запад путь Империи лежит:
Четыре акта зал уже пленили,
Но только пятый драму завершит
Финальным и решающим усиьем.

Многие надеялись, что лондонские улицы скоро очистятся «от смрада, которым наполняют их бесчисленные нищие дети и прочие бедные». Парламент Англии выделил на проект кругленькую сумму – более 130 тысяч фунтов. Говорилось и о том, что англичане «будут обязаны проекту сохранением части своего народа, увеличением

спроса на английские товары и укреплением их владений на Американском континенте». Англия попыталась решить ряд важнейших стратегических задач.

Жизнь индейцев в Америке

Если называть вещи своими именами, колонизация в Америке стала своего рода ямой, куда сбрасывали, как в отвал, ненужный человеческий шлак. Подобно средневековым хирургам, порой более походившим на мясников, элита Европы путем иммиграции выпускала нации «дурную кровь». К этому подталкивали острые социальные кризисы, поражавшие европейские страны – Англию и Францию. Во второй половине XVIII в. ситуация стала невыносимой. Повсюду закрывались мануфактуры. В Лионе они были на грани остановки. В Руане более 12 тысяч рабочих жили за счет милостыни. 20 тысяч рабочих за 3 месяца покинули Францию, уехав в Испанию и Германию. Во Франции в 1717 г. основали «Западную компанию», главной целью которой стала эксплуатация американских земель. Для этой цели часто использовалось население изоляторов. Туда везли узников из Руана и Ла-Рошели. Депортация в колонии сброда стала делом вполне обыденным. За этим стоит политика властей: использовать излишки населения в стране, как дармовую рабочую силу, а то и просто-напросто как подобие скота на бойне. Чем больше заключенных, тем лучше. Можно с максимальной выгодой использовать бесплатный труд «белых рабов». В колониях оказался не лучший биологический материал – нищие, преступники, безумцы, авантюристы. Историк Фуко пишет: «Людей подвергают заключению для того, чтобы в дальнейшем «отправить на Острова»; дело идет о том, чтобы вынудить значительную часть мобильного населения покинуть родину и отправиться осваивать территории колоний;

изоляция становится своего рода складом, где эмигрантов держат про запас, чтобы в нужный момент послать их в заданный регион. С этого времени изоляция выполняет уже не просто функцию рынка рабочей силы во Франции, но определяет положение дел и уровень колонизации Америки: влияет на движение товаров, развитие плантаций, соперничество между Францией и Англией, войны на море, ограничивающие как торговлю, так и эмиграцию. Здесь будут периоды затоваривания, как, например, Семилетняя война; и наоборот, в некоторых фазах этого процесса спрос будет чрезвычайно активным, и население изоляторов легко будет сокращаться путем отправки в Америку».^[173]

Среди отцов-основателей Америки были англичане, французы, испанцы, ирландцы, немцы и голландцы. Так, немцы в 1720–1730 гг. почти полностью германизовали Пенсильванию. Основателем Пенсильвании считался англичанин Уильям Пенн (1644–1718). Вместе с 11 квакерами он купил земли в восточной части колонии Нью-Джерси, затем получил и от короля Карла II право на обладание еще огромным куском земли, названным им Пенсильвания («лесная страна Пенна»). Тут он и решил построить идеальное христианское общество. В 1682 г. он разработал конституцию, согласно которой в колонии устанавливалась полная свобода вероисповеданий. Он заложил основы столицы колонии Филадельфии (города «братской любви»). Город быстро рос и вскоре превратился в один из главных торговых центров. У. Пенн поддерживал дружеские отношения с индейцами, выкупал у них земли, даже выучил язык делаваров. Ф. Купер устами одного из героев романа «Морская волшебница» дал такую характеристику голландским колонистам: «Ваша беспристрастность вошла в поговорку! «Честен, как олдермен ван Беверут!», «Великодушен, как олдермен ван Беверут!» – только и слышишь со всех сторон; некоторые говорят еще: «Богат, как олдермен ван Беверут», – при этом бюргер замигал голубыми глазками, – но что стоит честность, богатство и великодушие без влияния в свете? Необходимо иметь вес при королевском дворе. Хотя колония наша более голландская, нежели английская, среди членов муниципального совета почти нет представителей фамилий, известных в провинции вот уже половину столетия. Всякие Аликсандеры, Хиткоты, Моррисы и Кеннеди, Де-Ланси и Ливингстоны господствуют в совете и в законодательном

собрании, в то время как лишь немногие из ван Ренсселеров, ван Куртландтов, ван Шюйлеров, Стюйвезантов, ван Беекманов и ван Беверутов занимают посты, соответствующие их истинному положению в колонии. Представители всех национальностей и религий, только не потомки основателей, пользуются здесь привилегиями».^[174] Между обитателями Нидерландов и основателями Нью-Йорка, некогда голландской колонии, называвшейся «Новым Амстердамом», можно заметить несходство нравов. Первыми губернаторами Нью-Йорка были голландцы. С годами национальное начало отступало, оставляя следы в названиях городов. В условиях целины, свободы, тяжкого труда и индивидуализма рождался особый тип человека-борца – Номо-Кампф. У голландцев иные традиции, хотя, казалось, корни схожие с колонистами. Вспомним, как В. Ирвинг говорит о быстрой смене традиций: «Увы! Увы! Неужели голландский дух навеки исчез? Неужели навеки ушли времена патриархов?».^[175]

Европейцы, которые на протяжении веков воевали друг с другом в Старом Свете, не стали иными, перебравшись в Новый Свет. Началась конкуренция за обладание землями. Испанцы утвердились во Флориде (1565) и в Калифорнии (1769). Француз Картье основал Монреаль (1535). Затем усилиями Шамплена был основан Квебек, первое поселение Новой Франции (1608). Благодаря усилиям Ришелье была основана компания Новой Франции (1628). Французские колонисты получали щедрую помощь от Людовика XIV и его министра Кольбера. Они устремились на континент Америки, преследуя экономические и геополитические цели, выражая недовольство тем, что испанцы имеют в Америке королевства большие, нежели вся Европа. В борьбе держав за европейскую, мировую гегемонию французы не хотели упускать своего шанса. Их деловые интересы в Северной Америке ограничивались зачастую лишь меховым и рыбным промыслом. В соответствии с этими интересами они и строили политику. Следовало учесть то, что английские колонисты пользовались несколько большей свободой. Французы же разрешали селиться в Канаде лишь католикам. В итоге к моменту начала Семилетней войны между англичанами и французами на 1 француза там пришлось 20 англичан. Победа в этой войне, конечно, осталась на стороне британской короны, имевшей к тому же более сильный флот. По договору 1763 г. англичане отняли у Франции всю Канаду, а у Испании – Флориду. Все эти события и

подтолкнули колонистов к первой попытке объединения (1754). Первый проект объединения территорий создал Бенджамин Франклин.

Нет ничего ошибочнее, нежели представлять Соединенные Штаты Америки страной, в которой изначально царил безграничный дух свободы. Читатель должен быть реалистом и не попадаться на удочку демагогам, рисующим Америку в виде цитадели демократии. Америка на протяжении большей части своей краткой истории была страной рабов (черных и белых). После свободных крестьян (ирландцы, шотландцы) наиболее многочисленным пополнением народонаселения Америки в XVIII в. стали закабаленные на разные сроки бритты. Шла оживленная торговля белыми рабами, принося колоссальные барыши. Объявления тех лет изобилуют сообщениями типа вырезки из «Америкэн уикли меркюри» (1729): «По сходной цене и с рассрочкой платежа продаются весьма умелые английские работники – мужчины и женщины; некоторые из мужчин – ремесленники. Партия только что прибыла из Лондона». В центральные колонии (Пенсильванию) приезжали и немцы из Рейнской области, тысячи несчастных, чьи дома были разорены войной. Они продавали себя в кабалу. Многие из них становились жертвами мошенников-агентов и вынуждены были находиться в кабале долгие годы. «Дер хохдейче пенсильванише берихт» сообщала (1750): «Капитан Хассельвуд только что доставил на своем корабле из Голландии новую партию немцев. В нынешнем году это уже четырнадцатое судно, прибывшее с грузом немцев на борту. В суде зарегистрировано 4317 новоприбывших немцев. Помимо них, из Ирландии, Англии прибыли 1000 работников и пассажиров».^[176] Надо ли говорить, что все эти люди с ужасом вспоминали о том, что им пришлось пережить у себя на родине.

Решающую роль в судьбе страны играл труд. Хотя были и состоятельные поселенцы. Они обрели тут желанные богатство, почет, положение. Предводитель Великого пуританского переселения в Массачусетс (1630 г.) Дж. Уинтроп стал крупнейшим землевладельцем Бостона. Труд в Америке не был столь раскрепощен и свободен, как об этом говорят. Хотя здесь были большие возможности. Между русскими и янки можно провести параллели. К. Маркс писал: «Можно было бы сказать, что то, что в Соединенных Штатах является историческим продуктом, – это безразличие к определенному виду труда, – у русских, например, есть врожденная склонность. Однако

прежде всего существует огромная разница в том, варвары ли могут быть ко всему приспособлены или же цивилизованные люди сами себя ко всему приспособляют. И потом, у русских этому безразличию к какому-либо определенному виду труда практически соответствует традиционная прикованность к вполне определенной работе, от которой они отрываются только вследствие внешнего воздействия».

[177]

И все же, несмотря на все трудности, колонисты не теряли оптимизма, понимая, что им не на кого рассчитывать. Главными стимулами жизни и развития явился не дух свободы и демократии, но дух сурового индивидуализма и борьбы. Надо было выбиться в люди во что бы то ни стало – или же умереть! Поэтому столь велика роль труда в Америке. Они становились пуританами поневоле, поклоняясь труду, как главному божеству. Нет сомнений в том, что иные из них (наиболее образованные, конечно) ревностно твердили строки сонета Милтона:

Бездействие дозволено лишь тварям,
От них Господь не требует отчета,
Но людям Он предписывает труд
Телесный иль духовный – ежедневно;
И с этим нас возвысил Он над ними.

Охота на китов

В истории были иные прецеденты освоения новых пространств – от великого переселения народов до освоения просторов России. Поэтому воспримем сдержанно хвалебные слова нью-йоркской

«Трибюн», писавшей об одиссее переселенцев, как о якобы «превзошедшей великие военные походы средневековья размахом, степенью опасности и авантюризмом». Наличие свободных земель позволяло фермерам и рабочим пользоваться благами земли. К примеру, крестьянин из Вермонта Ф. Тэйлор пишет своим родителям в Англию письмо: «Я обосновался на этой богоизбранной и свободной земле два с половиной года назад и с тех пор ни разу не платил за удовольствие жить на белом свете. Да и шапка моя за это время ни разу не ломалась для поклонения перед «господином»». Это – красноречивое свидетельство. Чтобы столь сложное предприятие увенчалось успехом, нужны не только инициатива, но и хорошая организация дела. Америка стала могучей страной благодаря чувству коллективизма, а не индивидуализма! Взаимосвязь между идеей богатства и способностью нации к труду очевидна. И протестантизм с его культом труда и философией «помоги себе сам» сослужил Америке добрую службу. Вот и Р. Эмерсон писал: «Совместный труд воспламеняет в людях такую ярость свершения, какой они редко могут достичь в одиночку». А общественный деятель Г. Бичер верно заметил, что «в будничных житейских делах трудолюбие способно делать все, на что способен гений, а кроме того, множество вещей, которые гений делать не умеет». В то же время Л. Мэмфорд высмеял идеализированное представление об американцах как об отважных пионерах, будто бы сбросивших ветхие одежды Европы, создавших тут новые формы жизни. В действительности, писал он, в поселениях Нового Света «вспыхнули в последний раз потухающие отблески средневекового строя». В Америке, как нигде, полно было страха, насилия, дикости и жестокости – всего, чем ранее отличались варварство и средневековье. Это и понятно. На первых кораблях в колонии прибыли далеко не идеальные люди. Поэтому и называть общину «янки-коммунизм» – просто нелепо. К середине XVIII в. земельные участки на Манхэттене (Нью-Йорк) уже оказались в частных руках. «Хищные зубы монополистов так глубоко вонзились в этот прекрасный кусок земли, что уже тогда стал ощущаться недостаток в жилищах».^[178]

Т. Бетон. *Уборка пшеницы*. 1938

Как складывалась школьная система? Она состояла из городских школ в Нью-Йорке и частных церковных школ на Юге. Учитель выступал в роли пилигрима, посещая дом за домом. Затем создаются постоянные школы. Возникли и школьные округа. Обучение было доступно лишь семьям, платящим налоги. Читаем о тех годах: «Окружные школы возникли давно. Однако уровень обучения в них оставался крайне низок: короткий «учебный год», плохо оплачиваемые учителя, лишенные элементарных средств преподавания, ужасное поведение школьников, отвратительные гигиенические условия в помещениях, разноречивость учебных пособий, переполненность школ или же, напротив, полупустые классы, трудность преподавания, отсутствие элементарной дисциплины – таковы все те основные беды, которые испытывала только что возникшая система школьного образования на первых этапах колонизации Америки».^[179] Н. Уэбстер ставил образование выше духовного развития. Американцы жертвовали на школы и университеты, а писатель В. Ирвинг считал первейшим долгом патриота быть человеком образованным. Первая средняя школа возникла в Бостоне (1635). В 1636 году основан Гарвардский колледж. Он готовил юристов и управленцев. В 1696 г. в Виргинии основан колледж Уильяма и Мэри и знаменитый Йель. В XVIII в. возникли колледжи Принстон, Колумбия, Браун, Ратджерс, Дартмут. На Юге с его плантационным хозяйством создавались школы для детей плантаторов и малое число школ для бедных. Богачи отправляли детей учиться в Англию. При свободе вероисповеданий официальная религия полностью отсутствовала.^[180]

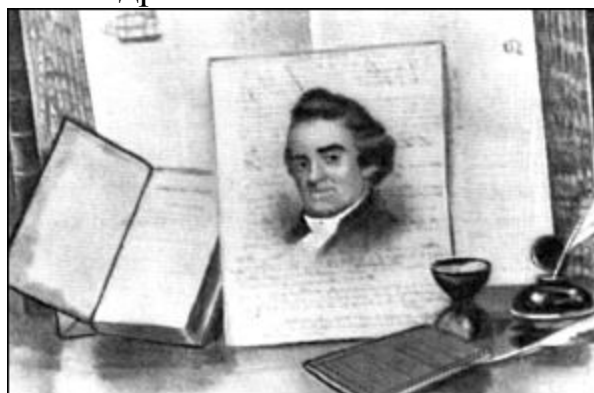
От местной власти требовалось создавать в городах разного рода общественные институты для обучения. В противовес европейской наследственной аристократии янки хотели создать у себя аристократию таланта. Возникновению школы или университета предшествовало создание общины, а затем и города. Историк М. Беркбек писал: «В тех местах, где несколько новых колонистов купили у правительства земли для распашки по соседству друг с другом, собственник, немного более дальновидный в том, что касается потребностей страны и ее будущего развития, предположив, что его местоположение благоприятно для размещения нового города, делит свою землю (землю, уступленную ему правительством) на небольшие участки, разделенные удобно проложенными проездами, и продает их по мере того, как представляется случай. На них строят жилища. И прежде всего приезжает лавочник (так именуют торговца любыми предметами) с несколькими ящиками товаров и открывает лавку. Рядом появляется постоянный двор и становится резиденцией врача и юриста, каковой выполняет функции нотариуса и поверенного в делах; лавочник ест на постоянном дворе, и здесь же останавливаются все приезжие. Вскоре, по мере того как в том начинает ощущаться нужда, появляются кузнец и прочие ремесленники. Непременный член зарождающейся общины – школьный учитель, служащий и священником для всех христианских сект... Там, где раньше можно было увидеть только людей, одетых в шкуры, теперь являются в церковь в хорошем синем костюме, а женщины – в коленкоровых платьях и соломенных шляпках... Как только зародился город, быстро распространяется культура...» Представлять американцев тех лет образованными Робинзонами наивно. Реальность была иной. Да и не до наук большинству из них было на первых-то порах. Задачи выживания, освоения, обустройства соответствующим образом выстраивали приоритеты. Там, где в первую очередь нужны мосты, дороги, дома, фабрики, вряд ли объявятся Галилеи, Ньютоны, Спинозы, Шекспир. Америка сумела усвоить уроки европейской науки и культуры, но слова А. Токвиля, что якобы англоамериканцы прибыли на эту землю «уже культурными людьми», им «не надо было учиться, достаточно было не забывать», не стоит принимать на веру. Они не могли похвастаться образованием и культурой. Вот как описывает писательница М. Митчелл в романе «Унесенные ветром»

переселенцев тех лет: «Если запас знаний Джералда, с которым он прибыл в Америку, был весьма скуден, то сам он, вероятно, об этом не подозревал. Да и не придавал бы значения, открой ему кто-нибудь на это глаза. Мать научила его чтению и письму и выработала у него хороший почерк. Арифметика давалась ему легко. И на этом его образование оборвалось. Латынь он знал постольку, поскольку мог повторить за священником, что положено повторять во время католической мессы, а его познания по истории ограничивались всевозможными фактами попрания исконных прав Ирландии. Из поэтов он знал только Мура, а по части музыки мог похвалиться недурным знанием старинных ирландских песен. Питая искреннее уважение к людям, получившим хорошее образование, он, однако, ничуть не страдал от недостатка собственного. Да и на что оно ему было в этой новой стране, где самый невежественный ирландец мог стать большим богачом? В стране, где от мужчины требовались только сила, выносливость и любовь к труду».^[181]

Чем был обусловлен интерес к образованию? Токвиль писал: «Как только толпа начинает интересоваться умственным трудом, она осознает, что успехи в какой-либо из интеллектуальных сфер в огромной мере помогают человеку обрести славу, могущество и богатство. Порожденное равенством беспокойное честолюбие тотчас же начинает действовать в этом, как и в любом другом перспективном направлении. Число занимающихся научной деятельностью, литературой и искусством становится огромным. В мире интеллектуального творчества наблюдается необычайная активность; каждый пытается найти в нем свою собственную дорогу и этим привлечь к себе внимание публики. Нечто подобное происходит в политической жизни Соединенных Штатов... Следовательно, утверждение о том, что люди, живущие во времена демократии, наделены естественным равнодушием к наукам, литературе и искусству, не является истинным; необходимо признать лишь то, что они культивируют их на особый манер, привнося в них свои собственные достоинства и недостатки». В начале XIX в. лорд Дж. Брайс, посетив США, неожиданно для себя обнаружил, что средний уровень знаний здесь выше, а привычка к чтению распространена шире, нежели в любой другой стране. В Коннектикуте был широко известен лексикограф Ной Уэбстер. Было распродано 50 миллионов

его словарей. С их помощью народ обрел единое правописание. Многие помешались на учености. Слово «образование» к тому времени становилось в Америке паролем, символом веры. Примеры истового, почти религиозного преклонения перед знанием и наукой можно видеть всюду. Современник писал: «Образованием сейчас никого не удивишь – к нему тянется tiers etat (третье сословие), им заморожены все слои населения. Вчера дочка нашей старой служанки объявила мне, что «почти завершила свое английское образование: с французским все прекрасно, а музыкой и рисованием осталось позаниматься одну четверть»». ^[182]

Вначале школы давали скудное образование. Президент США Линкольн вспоминал: «Была так называемая школа, но от учителей никакой квалификации не требовалось, лишь бы они умели читать, писать и считать. Если случалось забрести в эти края человеку, о котором говорили, что он разбирается в латыни, то его уже считали ученым». Школа в Пидженкрик, где учился Эйб (так сверстники и соседи звали юного Линкольна), работала только зимой, да и то, если там оказывался учитель. В случае отсутствия такового она попросту закрывалась. Труд преподавателя оплачивался не деньгами, а чаще всего натурой (олениной, окороком, зерном, шкурами, продуктами). Президент признался, что его обучение в школе продолжалось в общей сложности менее года. В дальнейшем его основными учебниками станут книги и мемуары, наподобие «Жизни Джорджа Вашингтона», биографии Франклина и др.

Ной Уэбстер

Лучшие полотна, рисующие жизнь американских девчонок и мальчишек, принадлежат М. Твену («Том Сойер» и «Гекльберри Финн»). Мы видим строгих учителей, главным учебным пособием

которых были розга и линейка. Несмотря на писательскую иронию, те оригинальные произведения, что зачитывались на экзаменах девицами, свидетельствуют о насыщенности программы обучения. Отдадим должное педагогам США, их средствам информации, внедрявшим в сознание идеалы трудолюбия и образованности. С начальных школ и семей до лицеев и читален тут превозносили обязательность трудовых усилий. Знаменитые хрестоматии У. Макгаффи учили труду несколько поколений американской молодежи. В этой стране вначале не было и в помине философии «быстрых денег». Воровская этика нуворишей, в основе которой лежит идея «крупной кражи», не могла привлечь народ Америки. Начиная с 1836 г. не менее половины американских детей «приходили в школы, получали книгу Макгаффи, учились у него трудолюбию, бережливости и умеренности». Учебники же стремились донести до молодежи мысль: «Упорное трудолюбие позволит тебе справиться практически с чем угодно». В Америке всегда считалось стыдом плохо и небрежно работать.^[183]

Прекрасный пример подал и автор «Декларации независимости», президент США Джефферсон (1743–1826). В 1778 г. он внес на рассмотрение виргинской ассамблеи «Билль о большем распространении знаний». Главной задачей билля являлось просвещение умов народных масс. Предлагая давать детям техническое образование, Джефферсон опередил свое время. Благодаря его усилиям на посту губернатора Виргинии реорганизуется система образования в штате. Велика роль Джефферсона и в создании Виргинского университета. Создание колледжа или университета в Америке считается почтенным делом. Вытряхивая из прижимистых богатеев деньги на образование, он словно уподоблялся царю Мидасу, обращавшему в золото все, к чему прикасались его руки. Им создан «Фонд для нужд просвещения». Он спроектировал академическую деревню. К зданию университетского комплекса (по образцу римского Пантеона) примыкали 10 двухэтажных зданий, в каждом из них аудитория, квартира для преподавателя, комнаты для студентов. В центре находилась Ротонда – храм знаний. Все это окружено аллеями и садами. «Отец-основатель» наметил программу обучения, пригласил лучших преподавателей, собрал прекрасную библиотеку (что позже и составит основу знаменитой библиотеки конгресса). Виргинский университет открыли в 1825 г., когда отцу-основателю было уже 82

года. Это было главным его деянием. Перед тем как покинуть бренный мир, он собственноручно набросал текст надгробия: «Здесь похоронен Джефферсон, автор американской Декларации независимости, Виргинского статута о свободе вероисповедания, отец Виргинского университета». В первом наборе было принято для обучения 40 студентов. Это высшее учебное заведение считается одним из лучших в США государственных университетов (18 тысяч студентов и аспирантов). Он настаивал, чтобы лица, которых природа наградила гением и талантами, могли бы получить образование независимо от наличия или отсутствия у них средств, происхождения, других случайных условий или обстоятельств («для распространения счастья на всех без исключения граждан»). Эта позиция просветителя воплотилась в его знаменитом девизе – «Дорогу талантам!». В США всегда некоторым преимуществом пользовались одаренные дети, что, вообще-то, закономерно. Они освобождались от платы за обучение. В каждом ребенке, считали представители раннего американизма, можно найти зародыш всех совершенств, достигаемых человеческим духом. Вспомним, как Фурье утверждал: «Почти каждый может стать равным одному из самых изумительных существ, являвшихся миру, как Гомер, Цезарь, Ньютон и т. д.». Джефферсон стал своеобразным *summus princeps* (высшим вдохновителем – *лат.*) своего времени и духа Америки. ^[184]

Это же мы вправе сказать о Дж. Мэдисоне (1751–1836), четвертом президенте США, одном из авторов Конституции США. Выходец из семьи потомственных плантаторов, Джеймс был отдан в лучшую школу Виргинии, школу Д. Робертсона, талантливого педагога из Шотландии. Мэдисон вспоминал о нем как о человеке больших познаний и выдающемся учителе. Он поступил учиться в Принстонский колледж (основан в 1746 г.).

Принстон тех лет отличали академизм и высокое качество преподавания. Мэдисон постигал премудрость юридических наук, изучал социальные, философские и политические учения, пытаясь на практике реализовать идеи философа Юма («политика может быть превращена в науку»). В Принстоне юноша обрел друзей и соратников (У. Брэдфорд, Ф. Френо, Х. Брекенридж). Большое влияние на него оказали два известных шотландца (философ Юм и поэт Фергюсон). Ему удалось приобрести некоторые познания в иврите, хотя это не

входило в программу колледжа. Упор он делал на изучение истории. Впоследствии Мэдисон дважды занимал пост государственного секретаря в правительстве Джефферсона, дважды избирался президентом страны. По общему мнению, это один из самых просвещенных и талантливых американских политиков. Его заслугой считается разработка концепции разделения властей (знаменитая система сдержек и противовесов с помощью двухпалатного парламента). Имя Мэдисона уже при жизни стало символом единства американского Союза. [\[185\]](#)

В таких учебных заведениях, как Гарвард, старались давать азы классических знаний. Брукс писал: «Само же обучение состояло из опроса. Никакой профессорской чепухи, никаких лекций и ненужных посторонних сведений, никаких цветистых примеров. Уходишь с головой в латынь или в математику, на столе пара свечей. На завтра ты принимаешься грызть ту же науку снова. Профессора были не няньками и не учителями танцев. В Гарвард поступали не затем, чтобы развивать свои сомнительные склонности. В Гарвард приходили выучиться и «заслужить мраморный бюст». Все желали, чего бы это ни стоило, но добиться громкой славы и заполучить *monumentum aere perennius* (памятник прочнее меди)». Задача не простая. Но как говорил У. Чэннинг: «Дело или занятие, не содержащие трудностей, не требующие полного напряжения ума и воли, недостойны человека». [\[186\]](#) Здесь говорили на смеси английского, французского и латыни. Студенты любили щегольнуть иностранными словечками, вроде слова *symposium*. Хотя студенты видели в этом слове синоним словосочетания «выпивать вместе». А уж в трезвости или в излишней строгости ученых мужей никто не заподозрил бы. В день выпуска закатывали банкеты на 600 гостей с танцами во дворе. В чем заключалось обучение в университете?

Гарвардский университет. Мемориал-холл

В середине XIX в. писатель Г. Торо сказал о результатах обучения в Гарварде: «Оканчивая колледж, я с удивлением узнал, что я, оказывается, изучал там навигацию! Да если бы я прошелся по гавани, я узнал бы о ней больше. Даже бедному студенту преподают только политическую экономию, а экономией жизни или, другими словами, философией в наших колледжах никто серьезно не занимается. В результате, читая Адама Смита, Рикардо и Сэя, студент влезает в долги и разоряет своего отца». Высшее образование еще не стало ключевым фактором социально-экономического развития. Американцы не относились серьезно к высшей школе, как советовал Г. Торо: «Я хочу, чтобы студент не играл в жизнь и не просто изучал ее, пока общество оплачивает эту дорогую игру, а серьезно участвовал в жизни от начала до конца. Что может лучше научить юношу жить, как не непосредственный опыт жизни?.. Так же как с нашими колледжами, обстоит дело с сотней других «современных достижений», в них много иллюзорного и не всегда подлинный прогресс». В этом трезвом и критическом взгляде есть резон. Невысока была и читательская культура.

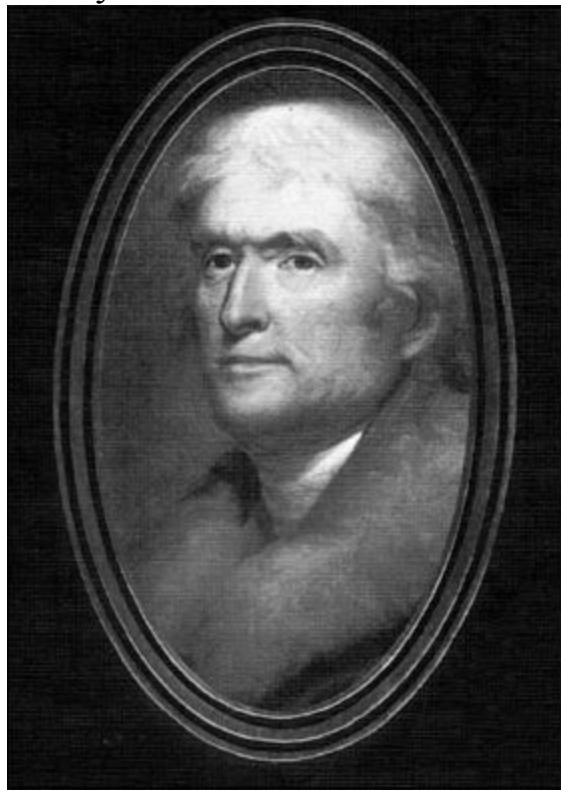
Не лучшим образом характеризует Гарвард тех лет и политик Генри Адамс. Если судить по его воспоминаниям, не только он сам не придал высшему образованию серьезного значения, но и никто из

студентов-бостонцев не относился к делу ответственно. Похоже, они не питали уверенности, что даже и сам ректор Уокер, или пришедший ему на смену ректор Фелтон, относятся к наукам намного серьезнее собственных студентов. Гарвард важен был для тех и других главным образом в так называемом социальном, а не интеллектуальном аспекте. Эти речи и настроения вряд ли способствовали крепости нравов. Адамс писал, что университетское образование и воспитание играло в ряде случаев отрицательную, а в известном смысле даже и пагубную роль. Новых идей (объективных или субъективных) тут не приобретали. Как и всюду, в учебных заведениях было немало бездельников и лоботрясов. Американцы обычно их называли *rah-rah boys* (предпочитающие занятиям бурное веселье). Достоинства высшего образования вначале были невелики, если не считать таковыми привычку употреблять спиртное в неограниченных количествах. Обычай пить, отмечает Адамс, остался в памяти выпускников одним из ярких воспоминаний студенческой поры, вызывая недоверие к собственной памяти, такими чудовищными казались попойки. Познания такого рода можно было отнести к искусству поглощения крепких напитков. Виски, ром, джин приносили для народного употребления (*ad usum populi*. – *лат.*), распивая в кругу сотоварищей. Посиделки зачастую превращались в оргии. ^[187]

Однако лодырей и любителей выпить хватает всюду. Стоит ли о них вести речь! Для послереволюционного периода в Америке куда более важными являются примеры Франклина, ученого, который, по словам Тюрго, «исторгал огонь с неба и вырывал скипетр из рук тиранов», Джефферсона, исследователя ряда областей науки и техники, талантливого публициста и инженера Т. Пейна, врача и химика Б. Раша, покровителей образования и изобретательства Дж. Боудена, Дж. Хэнкока, Дж. Адамса. Вашингтон, хоть и не блистал риторикой, но был неплохим топографом и астрономом, а среди предков вице-президента А. Бэрра было немало весьма образованных людей (иные из них известны как богословы, ректора университетов).

В первую треть XIX в. в Америке разворачивается и движение американских просветителей («движение лицеистов»). Они собираются для чтения лекций, докладов, организуют народные школы. Лидер движения Дж. Холбрук стал инициатором общей реформы образования. Он организовал в 1828 г. «Американский

лицей» или «Общество для усовершенствования школ и распространения полезных знаний». Между просветительским движением и движением промышленников налаживаются тесные связи (их поддерживали известные деятели культуры и просвещения Н. Уэбстер, Э. Эверетт и другие). Как пишет историк Д. Стройк, просветители собрались в Бостоне в 1830 г., основав там «Американский институт просвещения», который и занялся усовершенствованием системы народных школ. В 1831 г. был создан Национальный лицей, а в 1834 г. в США насчитывалось почти 3 тысячи лицеев. Только в штате Массачусетс к 1839 г. было образовано 137 лицеев.^[188] Как заметил Р. Эмерсон: «Ничего великого никогда не было достигнуто без энтузиазма».

Томас Джефферсон

Как и всюду, религия в колониях вначале играла заметную роль. Конгрегации выполняла важные социальные, культурные, образовательные функции. Священник был служащим и слугой города, избираясь прихожанами. Никаких специальных церковных принадлежностей у него также не было. Даже воскресные церковные службы вначале совершались не в церквях, а в народных собраниях (молельных домах). Это приучило прихожан относиться к священнику,

как к равному среди равных. Среди священников были превосходные ораторы, учителя, писатели. Человеком большой учености слыл К. Мезер, а теолога из Коннектикута Дж. Эдвардса философ Фихте даже называл «самым оригинальным мыслителем Америки». ^[189]

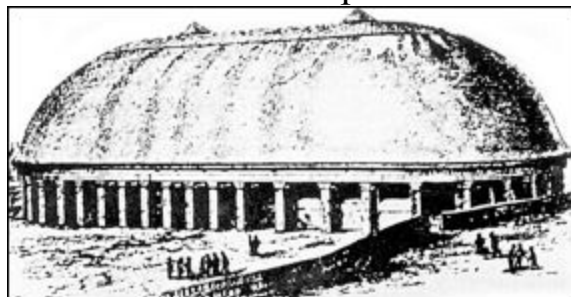
Одним из таких людей был и К. Колден (1688–1776). Он родился в семье шотландского священника, закончил медицинский факультет Эдинбургского университета, а в 1710 г. приехал в Филадельфию. Город был средоточием культурной и политической жизни, и не зря его порой называли «американской Флоренцией». Здесь стал помощником губернатора. Колден занимался ботаникой, медициной, математикой, физикой, историей и философией. Он первым в Америке ввел линнеевскую ботаническую классификацию. Во «Введении в изучение философии, написанном в Америке, для пользы молодого джентльмена» он писал о роли религии в деле воспитания: «Ничто не было столь действенным в установлении господства попов, как воспитание молодежи, которое они полностью взяли в свои руки. Все преподаватели и учителя в государственных школах и университетах были попами, никто другой не допускался к обучению; таково и ныне положение в католических странах. Они хорошо знают, как легко в юные умы вселять предрассудки и какой силой обладают эти предрассудки в течение всей жизни. Дабы отвлечь пытливые умы (а такие ведь встречаются во все времена) от приложения своих мыслей и исследований после получения подлинного знания, попы ввели в своих школах некое учение о предметах, существующих подобно сновидениям лишь в воображении... Схоластика ныне изгнана из наук. Вы ее не найдете в новейшей астрономии или в какой-либо из математических наук; лучшие авторы по медицине стыдятся использовать ее, но ее в обилии можно найти в книгах по теологии и праву. Поистине удивительно, что повсюду, где духовенство, даже у протестантов, руководит школами, молодые люди обязаны тратить много времени на изучение этого бесполезного или, вернее, вредного учения, потому что оно фактически делает их неспособными к приобретению подлинных и полезных знаний... Но, конечно, учение, с помощью которого могут защищаться и распространяться только исступление и суеверие, не может быть подходящим методом их искоренения. Надеюсь потому, что либо протестантское духовенство

изгонит этот род учения из своих школ, либо ему больше не позволят руководить школьным обучением».^[190]

И все же религии в общепринятом смысле слова тут не было. А строительство церквей не означало торжества религии. Янки точнее было бы назвать антирелигиозным народом. Конечно, в Америке были проповедники типа Кальвина, строгие ревнители веры и морали. От проповеди Дж. Эдвардса (1703–1758) «Грешники в длани разгневанного Бога», прочитанной в 1741 г., говорили, буквально веет запахом адского пламени и серы. Зря он пугал американцев, сравнивая их положение с положением паука, раскачивающегося над роковой бездной, повиснувшего на тонкой нити, которую якобы держит карающий Бог. Янки знали, что Бог где-то там, наверху. Кровожадных пауков они сколько угодно встречали на каждом шагу и в повседневной жизни. Им были непонятны все эти увещевания и призывы к истинной добродетели. Следов таковой вокруг не наблюдалось нигде. Дж. Эдвардс был противником дешевой благодати проповедников-ривайвелистов. Однако именно такого рода «благодать» и такого рода «спасение душ», приобретаемые за деньги, как некогда в Европе индульгенции, получили распространение. Глядя на это, гуманист Р. Эмерсон позже сложит с себя сан проповедника, заявив: «Иногда ко мне приходит мысль, что для того, чтобы стать настоящим священнослужителем, необходимо прежде покинуть церковь».^[191] С годами религия становилась пропитанной денежным духом. Иные пытались сделать из Христа накопителя и дельца. Эббот утверждал, что тот одобрял использование богатства для накопления, Хант написал книгу под названием: «Книга о богатстве, в которой с помощью Библии доказывается, что долг каждого человека заключается в том, чтобы стать богатым».

Вера в США носит прикладной характер, будучи чем-то вроде пивного общества, клуба для игры в гольф. Отсюда большое число сект. Марк Твен в «Кратком очерке истории мормонов» описал историю возникновения одной из сект мормонов, весьма влиятельных в США. Секта была вынуждена скитаться по стране. Ее членов подвергали преследованиям и гонениям. В штате Иллинойс они воздвигли храм. Основоположником их религии считается Дж. Смит, нашедший «пресловутую Книгу Мормона и считающийся основоположником их религии». Их заставили уйти в штат Айову. На

их долю пришлось бедность, лишения, голод, холод, недуги, травля. Они крепко держались веры и основали город Грейт-Солт-Лейк-Сити (Город Великого Соленого Озера). Случилось это в 1847 г. Мормоны образовали свое правительство, объявив себя «штатом Дезерт». Безусловно, по-своему это были отважные и необычные люди. Твен пишет: «Они устояли даже против соблазна золота, – а ведь у скольких народов загубило оно цвет молодежи, выкачало последние соки! Из всех возможных испытаний испытание золотом – самое суровое, и в народе, его выдержавшем, должно быть заложено нечто весьма основательное». У сторонников этого учения были странности. Так, Бригем Юнг, ставший к тому времени губернатором «территории Юта», объявил многоженство одним из основных догматов церкви. Затем он назначил себя господом богом. В ответ на запрет конгрессом США многоженства их глава завел себе несколько десятков жен. Долгие годы преследований и гонений мормонов привели к тому, что и в их сердцах возникла ненависть ко всем остальным обитателям Америки, и, разумеется, к правительству. Неприязнь усилилась после так называемой резни на горном лугу (1857).^[192] В 1882 г. их вотчину в Солт-Лейк-Сити посетил О. Уайльд. Он отметил не только уродство здешних церквей и их убранства, но и лицемерие религиозного культа мормонов. Затем он высказал свои впечатления журналисту: «Храм напоминает по внешнему виду крышку от супницы, а внутреннее убранство достойно тюремной камеры. Это самое уродливое сооружение, которое мне когда-либо доводилось видеть. Оказавшись внутри, я обнаружил, что там все ненастоящее, и даже колонны нарисованы. А ведь в доме Господнем не пристало лгать!» Тем не менее, ради интереса он нанес визит президенту мормонов Тейлору, которого правительство преследовало за полигамию, ибо у него было 7 жен и 34 ребенка. Таковы секты и их нравы.

Огромный храм мормонов в Солт-Лэйк-Сити

К концу XIX в. религия перестала играть серьезную роль в США. Обер-прокурор св. Синода в России К. Победоносцев (1827–1907) писал: «Северо-американский Союз поставил основным условием своего устройства – не иметь никакого дела до веры. Последствием такого юридического состояния выходит на деле, что преобладающей церковью в Соединенных Штатах становится мало-помалу римское католичество. В Северной Америке пользуется оно такую свободой преобладания, какой не имеет ни в одном европейском государстве». [\[193\]](#)

Распространены мифы о наличии братолюбия и веротерпимости у янки. «Идея братства стала одной из наиболее крупных и страстных тем, вокруг которой у нас идут горячие споры. Это свидетельствует о том, что все понимают огромную важность темы, – писал ученый. – Однако в Америке «братство» идентифицируется прежде всего с немедленным осуществлением полной индивидуальной свободы и возможности удовлетворять все желания, которые возникают на основе такого «братского инстинкта». И, как всегда это бывает у нас, эта утопия (чужая и слепая в отношении самой природы общения) глубоко уходит своими корнями в ненависть по отношению к собственной личности и в страх перед всеми другими. Отсюда и столь распространенное желание уничтожить индивидуальность, что находит слишком очевидное выражение, в конечном счете, в глухой враждебности к человеческому «я»». [\[194\]](#) Вспомним в этой связи нашумевший процесс 1691–1692 гг., когда по настоянию священника Мэзерса, произносившего речи по поводу скорого воцарения в Америке «Нового Иерусалима», колонисты осудили на смерть 19 невинных женщин («салемских колдуний»). Гонения на «ведьм» в Европе сошли на нет к XVII в., а в США они входили в моду. Процесс в Салеме (от евр. «шолом» – мир) тем отвратительнее, что среди гонителей был президент Гарвардского университета И. Мэзерс. Некую А. Хиббинс обвинили в ведовстве и повесили на основании того, что она «гораздо умнее, чем все ее соседи». Н. Готорн, чье детство прошло в Салеме, в рассказе «Кроткий мальчик» описал атмосферу ненависти и отторжения, с которой встретили пуритане секту квакеров. На протяжении ста с лишним лет соотечественники наказывали их штрафами, заключали в тюрьмы, подвергали

бичеваниям и казням. Индейцы проявляли к ним больше симпатии и сочувствия, чем белые поселенцы.

Много лет в США и Европе идут жаркие споры и о том, что представляла собой та «первая революция» колонистов Америки. Одни делают акцент на политико-идеологических мотивах, стремясь показать, что действия колонистов были вызваны не столько социально-экономическими причинами, сколь опасениями политического характера. Они считали, что в Англии, якобы, к власти пришли «безответственные, стремящиеся только к собственной выгоде авантюристы – те, кого в двадцатом столетии назовут политическими гангстерами» (Б. Бейлин). Другие отмечали сумбурный характер идей, вокруг которых был создан остов политической философии американского государства – от Локка и Макиавелли до А. Смита. Можно сказать, что Америка стала своего рода испытательным стендом мировой политэкономической и социальной практики. Где же было и опробовать новые идеи, как не в Новом Свете?!

Ко времени начала войны за независимость в Америке проживало 2,5 млн. человек. Это четвертая часть населения Великобритании. Подтолкнул колонистов к действиям и тот факт, что Англия была вовлечена в европейские дела и ей было не до них. Француз А. Токвиль писал (1831), что к середине XVII в. здесь утвердилась община. Тогда меж людьми существовало и некоторое равенство «в том, что касалось их имущественного положения и тем более уровня их интеллектуального развития». Британский путешественник А. Маккей в 1842 г. отмечал, что равенство человека является «краеугольным камнем» американского общества. Отметим это обстоятельство. На первом этапе, даже с учетом рабства белых и черных, политэкономическая жизнь строилась с учетом более или менее равных возможностей. Что же предшествовало созданию американской республики? Свой путь к свободе колонисты начали с так называемого Навигационного акта (1651 г.), который закреплял монополию торговли за колониями и Англией. Все было сделано, заметьте, в угоду английским и американским промышленникам и нарождавшейся экономике колоний. В 1766 г. Англия приняла и специальный акт, в котором твердо было заявлено, что колонии «были, есть и будут под юрисдикцией имперской короны и парламента Великобритании». В этом акте англичане угрожающе подчеркивали,

что у Великобритании достаточно сил, воли и мужества, чтобы «удержать колонии и народ Америки при любых обстоятельствах». Говоря о губительной (для американцев) политике Британии, Франклин писал: «Они не довольствуются высокими ценами, по которым продают нам свои товары; сейчас они начали еще более повышать эти цены посредством новых пошлин; с помощью дорогостоящего аппарата нового комплекта чиновников они замышляют, по-видимому, увеличить и умножить эти тяготы, которые станут для нас еще более мучительными. Наш народ безрассудно увлекается их модными излишествами и промышленными изделиями, поглощающими все наши наличные деньги и отягощающими нас долгами, что ведет к обнищанию нашей собственной страны; они не позволяют нам сдерживать с помощью законов стремление наших жителей к роскоши, как они это делают у себя; они могут издавать законы, препятствующие ввозу французских предметов роскоши или запрещающие его; но хотя английские предметы роскоши не менее разорительны для нас, чем французские для них, стоит нам только издать закон такого рода, как они немедленно его отменят. Таким образом, посредством торговли забирают у нас все наши деньги; всякий доход, какой мы могли бы где-либо получить посредством нашего рыболовства, нашей промышленности или торговли, в конце концов сосредотачивается у них; но тогда мы лишаемся этого дохода. Пора же нам, наконец, позаботиться о самих себе с помощью лучших средств, какие только имеются в нашей власти... Будем жить бережливо, будем прилежно производить все, что можем, для себя самих». Как видим, тут налицо волеизъявление двух сторон. Империя желает удержать колонии. Колонии хотят освободиться от империи. Подобное развитие событий предвидели прозорливые политики и в Европе. Во Франции восходящая звезда, будущий министр, тогда 23-летний А. Тюрго писал о финикийских колониях за четверть века до начала Американской революции (1750): «Колонии подобны плодам, которые висят на дереве только до тех пор, пока созревают: став сильными, они сделали то, что затем сделал Карфаген, что некогда сделает Америка».^[195]

В Северной Америке высадились английские войска генерала Брэдока (1755). Колонисты были не большими охотниками до битв. Вашингтон это понял, сказав: «Собрать у нас армию почти то же, что и

попытка оживить мертвеца». Поход к французскому форту Дюкенъ закончился катастрофой для английских солдат и вирджинских ополченцев (из 86 офицеров 63 были убиты или ранены, из 1 373 рядовых невредимыми осталось 459 человек). 2 тысячи англичан и ополченцев были разбиты 100 французами, 150 канадцами, 650 индейцами. Брэддок погиб. Пули пробили костюм Вашингтона, сбили шляпу, под ним были убиты две лошади, но он остался жив, обретя бесценный опыт, понадобившийся в войне за независимость.

В 1770 г. произошла бостонская бойня – вооруженное столкновение между английскими солдатами, расквартированными в Бостоне, и местными жителями. Мелкая стычка завершилась тем, что солдаты открыли огонь и убили троих и смертельно ранили двоих бостонцев. Только после ареста капрала и 6 солдат, а также вывода английских войск удалось снизить накал противостояния. Виновные были отданы под суд. В 1775 г. в Конкорде и Лексингтоне произошли новые стычки. Так постепенно тлел и разгорался огонь войны за независимость. Эмерсон посвятил событиям оду, названную им «Конкордским гимном»:

Здесь наши предки в ранний час
Из бревен мост когда-то сбили
И сотни ружей, грянув враз,
Весь мир в апреле разбудили...

Еще одним из актов противодействия американских колонистов политике метрополии стало так называемое «бостонское чаепитие» (Boston Tea Party). Английский парламент принял в 1773 г. «чайный акт». Согласно ему Ост-Индской компании, тогда находившейся на грани банкротства, разрешили ввозить в североамериканские колонии 0,5 млн. фунтов чая беспошлинно. Это означало, что местные купцы-оптовики, которые вели контрабандную торговлю голландским чаем, были бы поставлены на грань разорения. Под нажимом патриотических организаций («Сынов свободы» и других) этот чай отправили обратно в Англию. В Чарлстоне по истечении установленного законом срока конфисковали весь груз, а в Бостоне группа патриотов, переодетых индейцами, проникла на корабли и

выбросила за борт находившихся там 342 тюка чая стоимостью 18 тысяч фунтов стерлингов. В ответ на подобные действия Великобритания приняла «нестерпимые акты», один из которых закрывал порт Бостона в качестве наказания. В основе будущей войны за независимость лежали экономические причины. [\[196\]](#)

Война за независимость (1775–1783), первая Американская революция, как всякая война, сопровождалась жестокостями, трагедиями, героизмом. В том числе: трагедия заключенных американских патриотов на кораблях-тюрьмах, созданных англичанами. За время революции в этих плавучих гробах умерли от болезней, голода и ран около 11 500 солдат и моряков. Вот как описывались условия пребывания пленных на корабле-тюрьме «Джерси» одним из узников: «Когда я впервые очутился там, нас было около 400, но в скором времени осталось 120, так как болезни косили всех без разбора. Среди самых губительных «всадников смерти» были дизентерия, черная оспа, желтая лихорадка. Рядом с «Джерси» находились суда-госпитали, но они вскоре были переполнены и не могли никого принять. В итоге, больные и здоровые лежали вперемежку. Можете себе представить картину того, как две сотни больных и умирающих лежали вповалку со здоровыми в абсолютной темноте в трюме. Порой люди сходили с ума. Однажды утром я проснулся, можно сказать, в объятиях трупа». Среди бойцов за свободу Америки были и герои. Легендарная личность Натан Хейл был красавцем и блестящим выпускником Йельского университета. В годы борьбы за независимость он добровольно вступил в армию (1775), пойдя на службу к Вашингтону. Его шпионская карьера длилась всего несколько недель. Будучи арестован, он сразу сознался в целях его миссии. Чертежи позиций английских войск и фортификационных сооружений стали убедительным доказательством его вины. И британцы, не колеблясь, его повесили. Перед смертью он якобы произнес фразу, ставшую знаменитой: «Сожалею лишь о том, что у меня только одна жизнь, чтобы отдать ее за мою страну». [\[197\]](#)

Фенимор Купер посвятил этой теме один из лучших романов («Шпион»). Известный писатель учился в Йельском университете. Его жизненные принципы чем-то напоминали известную фразу Н. Хейла. В письме С. Холлу (1831) он скажет: «Моя цель — духовная независимость Америки. И если я смогу сойти в могилу с мыслью, что

хоть немногим способствовал достижению этой цели, я буду утешаться сознанием, что не был бесполезен среди моих сверстников». О том, что двигало тысячами американских патриотов, говорит герой его романа. В одной из сцен Вашингтон хочет наградить его за заслуги, давая ему золото. Тот решительно отверг его, говоря генералу: «Что привело ваше превосходительство на поле боя? Ради чего вы всякий день и всякий час подвергаете смертельной опасности вашу драгоценную жизнь, участвуя в битвах и походах? Стоит ли говорить обо мне, если такие люди, как вы, готовы пожертвовать всем ради нашей родины? Нет, нет, я не возьму у вас ни доллара, бедная Америка сама в них нуждается!» Патриот получил документ, в котором сказано: «Серьезные политические обстоятельства, от которых зависели жизнь и благосостояние многих людей, принуждали меня хранить в тайне то, что теперь раскроет эта записка. Гарви Берч многие годы верно и бескорыстно служил своей родине. Если люди не воздадут ему по заслугам, да наградит его Господь! Джордж Вашингтон».^[198]

Просвещение дало миру яркие фигуры: Т. Джефферсона, Б. Франклина, Дж. Вашингтона, А. Линкольна, Д. Мэдисона, Б. Раша, Т. Пейна, Г. Торо, Р. Эмерсона. Все они видели в разуме средство развития, совершенствования человека. Их отличали талант и склонность к наукам. Американская мысль унаследовала традиции пуританской этики, века Просвещения: «И если американских вождей, создавших республику, можно назвать прирожденными англичанами, то в такой же степени они имеют право называться подлинными европейцами, вплетавшими в свое новое предприятие нити всех достойных общеевропейских начинаний. Поколение интеллектуалов, создавшее Декларацию и Конституцию, авторы и читатели «Федералиста» унаследовали культуру Греции и итальянский Ренессанс, идеи Реформации, «великих философов», а потом и Французской революции. Новые американские республиканцы в политической истории Греции и Рима искали образцы гражданской доблести. Ранняя американская архитектура выросла из чистого французского классицизма и ренессансного стиля Палладио, американские педагоги развивали прогрессивное учение Руссо и Песталоцци, американские богословские диспуты (особенно в эпоху трансцендентализма) продолжались в туманной атмосфере Геттингена и других центров немецкого романтизма».^[199]

Что представляли собой эти люди? В лице Т. Пейна (1737–1809) американская нация обрела страстного защитника американской независимости. Хотя иные говорят, что его вклад в философию «больше ценится за риторический напор, нежели за умственную новизну». К философии он пришел не сразу. Как и многие деятели той эпохи, он пробовал заниматься многим (открывал корсетную мастерскую и бакалейную лавку, работал акцизным чиновником, преподавал, читал проповеди). Затем решает эмигрировать в Америку (1774 г.). О путях своего духовного формирования Т. Пейн писал: «Мой ум обладал естественной склонностью к науке. Я имел некоторые способности к поэзии, даже поэтический талант. Но я скорее подавлял в себе эту склонность, нежели поощрял, поскольку она заводила меня слишком далеко в область воображения. Как только я получил возможность, я купил пару глобусов и стал посещать философские лекции». И далее: «Я не имел никакой склонности к политике. Она представлялась моему уму не чем иным, как искусством обманывать. Поэтому, когда я обратился к вопросу о государстве, мне пришлось сформулировать для себя систему, соответствующую нравственным и философским принципам, в коих я был воспитан. Я видел, или по крайней мере думал, что видел, широкую перспективу, которая открывалась миру в тех событиях, которые происходили в Америке... Именно из этих соображений я выпустил книгу, известную под заглавием «Здравый смысл», которая была моей первой печатной работой. И, насколько я могу судить, я никогда не стал бы известен миру как писатель, если бы не события в Америке» (1776). Его перу принадлежат такие известные произведения, как «Здравый смысл» (1776), «Права человека» (1791), «Век разума» (1794). Замечу, что между явлениями духовно-исторического плана (создание гениальной теории, эпохальной книги, какого-либо шедевра, революции) существует тайная, возможно, даже мистическая взаимосвязь. В 1776 году, словно в едином пучке энергии, соединились внешне, казалось, вовсе не связанные события: в Америке была принята «Декларация независимости», тогда же в Англии вышли «Богатство народов» Адама Смита и «Здравый смысл» Томаса Пейна. Первое событие ознаменовало собой появление будущих Соединенных Штатов Америки. Книга экономиста А. Смита стала своеобразным манифестом экономического либерализма. «Здравый смысл» Т. Пейна

означал торжество либерально-демократической революции. Было ли случайным соединение этих трех событий? Думаю, нет. Все они стали ярким выражением взглядов и настроений той эпохи. Всегда лучшие умы выносят приговор эпохе, намечая дальнейший путь. А народы идут за ними. [\[200\]](#)

Томас Пейн (1737–1809)

В дальнейшем Пейн уходит в политику. Встреча с Франклином в Лондоне предопределила его судьбу. С рекомендательными письмами Пейн отправился в Америку. Там он начал писать научные, политические памфлеты («Африканское рабство в Америке», эссе «Здравый смысл» и др.). Последнее эссе имело потрясающий успех в Америке и во Франции. В 1776 г. в Америке было продано 100 тысяч экземпляров его сочинений. С началом войны за независимость Пейн вступил в американскую армию адъютантом генерала Н. Грина. В новых эссе («Кризис») он отстаивал дело колоний. Заслуги его перед Америкой очень велики. Будучи назначен секретарем Комитета иностранных дел (1777), он получил от Франции провиант, займы и военную помощь для колоний, а после войны подготовил законодательные меры, способствовавшие постепенному освобождению рабов в Пенсильвании и учредил первый банк. Вернувшись во Францию, он попал прямо на «пир революции». В памфлете «Права человека» Пейн отстаивал идеи Французской революции, выступая против ее аристократии. В Англии же его обвинили в подрывной деятельности, а затем привлекли к суду и изгнали из страны.

В революционной Франции, куда Пейн бежал, он был признан героем и избран делегатом Национального Конвента, причем округа соревновались за честь выдвинуть его в Конвент. Пейна назначают в «Комитет Девяти», в задачу которого входит составление новой французской Конституции. Популярность его в Америке и Европе была исключительно велика. Лафайет поручил Пейну передать Вашингтону в качестве символа ключи от захваченной народом Бастилии. В ответ Вашингтон и пальцем не пошевелит, когда Пейна посадят в тюрьму во Франции, где он оказался потому, что защищал жирондистов. К счастью, ему удалось избежать гильотины и он сумел-таки завершить работу над «Веком разума» (1794). После публикации работы на него набросились христиане. И много лет спустя иные никак не желали реабилитировать имени автора. Для этих людей он оставался «грязным маленьким атеистом» (Т. Рузвельт). Пейн смог вернуться в Америку лишь в 1802 г. Упрекать его в атеизме нет оснований. К примеру, вот как он начал «Век Разума»: «Я верю только в одного Бога, и ни в какого другого; и я надеюсь на счастье в другой жизни. Я верю в равенство людей, я верю, что долг религии состоит именно в поддержке справедливости, любви и милосердия и в стремлении сделать наших людских братьев счастливыми... Но я не верю в credo, которое распространяют Еврейская Церковь, Римская Церковь, Греческая Церковь, Мусульманская Церковь, Протестантская Церковь, да и вообще ни одна известная мне церковь. Мой собственный ум – вот моя церковь».^[201] Отчего они обрушились на Пейна? Он тонко чувствовал слабые места религий: «Иудеи превратили Бога в человекоубийцу, с целью освободить место для иудейской религии. Христиане превратили его в самоубийцу, чтобы превзойти и изгнать иудейскую религию, они вынуждены были допустить несовершенство его силы и мудрости». Пейн утверждал, что «Библия и Новый Завет – обман и подделка». И ратовал за такую революцию в системе религий, когда «каждому проповеднику придется быть философом», а в результате перемен «каждый храм станет школой».^[202]

Т. Пейн оказал серьезное влияние на ход американской и европейской мысли. Его называют «апостолом американской и французской революций», ибо он считал революции полезными инструментами истории. Без них нет и не может быть прогресса. Тем

же, кто упрекал восставший народ в США в уравниловке, говорил: «Все эти герцогские и графские титулы были не более чем детской забавой для тщеславия. Теперь люди действительно достигают зрелости и надевают тогу мужей. Революция не уравнила – она возвысила». Пейн отверг упреки в насилии, предъявленные народу. Чего вы ждете от тех, кто за все время не видел от правящего класса ничего хорошего, кроме пыток и нищеты! Чернь – плод жизни и деятельности богачей! Только революция сможет превратить «чернь» в «народ». Может, власти и парламент изменят положение вещей?! Нет, привилегии никогда не будут уничтожены самими привилегированными. Если свести к некому обобщению взгляды Т. Пейна, то перед нами предвестник теории государственного социализма. Кроме того, это был человек очень мужественный и совестливый. Он говорил: «Малодушие – удел ничтожных. Тот, чье сердце твердо, чьи поступки совершаются в согласии с его совестью, будет отстаивать свои принципы до конца жизни». И, надо сказать, сам он до конца дней четко следовал этому девизу.

Обращаясь к богачам в работе «Аграрная справедливость», он просил их подать пример самоограничения. Он же предложил из своих скромных средств внести в национальные фонды Франции и Англии по сто фунтов стерлингов, требуя одновременно увеличить и налоги на прибыль богачей. Он писал: «Но когда система цивилизации, возникшая из этой системы правления, будет так организована, что каждый мужчина и каждая женщина, родившиеся в этой Республике, получают в наследство некоторые средства, чтобы начать свою жизнь, и будут гарантированы от нищеты, которая неизбежно сопутствует старости при других правлениях, тогда Французская Революция найдет защитника и союзника в сердцах всех народов. Армия принципов проникнет туда, куда не может пробиться никакая армия солдат. Она будет преуспевать там, где дипломатия потерпела бы крах...».^[203] Пейн призвал народ не верить пустым обещаниям и конституциям. Любопытно, что виг Э. Берк одно время заигрывал с демократией, переписываясь с Пейном. Но после его публикаций Берк вдруг превратился в ярого тори! Почему? «Права человека» глубоко потрясли консервативную Англию. Вся демократия буржуазии сразу куда-то улетучилась.

Ж. Жорес назвал книгу «Права человека» – «первым евангелием политического радикализма с социальным оттенком».

Политикам, желающим сохранить страну и голову, надо внимательнее изучать труды Т. Пейна. Он требовал от государства выплаты пенсий трудящимся «не как милостыни, а как права», ратовал за предоставление всем детям пособий, чтобы они могли ходить в школу и получать должное воспитание. Он требовал держать в жесткой узде как монополии, так и конкуренцию. Пейн разработал четкую программу социального обеспечения трудящихся, считая, что подлинная свобода наступит только тогда, «когда мастерские будут полны, а тюрьмы – пусты, когда на улице нельзя будет встретить ни одного нищего», когда мир и разоружение дадут больше средств науке, образованию, культуре, а к власти в стране придут последовательные республиканцы и социалисты. Он утверждал: «Война – это жатва королей» и сильных мира сего. Пейн решительно подчеркивал: «Все люди по роду своему едины и, стало быть, все они рождаются равными и имеют равные естественные права». Представляется важной мысль и о том, что богатства в обществе не могут принадлежать только узкой кучке собственников. Пейн писал о правах человека: «Общество ничего не дарит ему. Каждый человек – собственник в своем обществе и по праву пользуется его капиталом».

[\[204\]](#) В одной из своих работ он заявил: «Один честный человек ценнее для общества, чем все когда-либо жившие коронованные хамы». Сторонник образования и самовоспитания, он говорил: «Каждый обучающийся является в конечном счете своим собственным учителем».

Наиболее известными деятелями американской революции были Вашингтон, Франклин и Джефферсон. Предки Бенджамина Франклина (1706–1790) владели в Англии небольшим участком земли. Этого было недостаточно для сносной жизни. И йомены занялись различными ремеслами (угольщики, ткачи, мыловары). Родичи Франклина были образованными и умелыми людьми. Не редкость для йоменов. Один из них, Бенджамин-красильщик, изобрел систему стенографии и обучил племянника, как ею пользоваться. После его смерти нашли две большие тетради стихов. Позже в Лондоне племянник купит восемь политических брошюр, написанных этим дядюшкой. Другой его дядя, Томас, несмотря на то, что был выходцем из простых крестьян,

выделялся талантами и образованностью, и влиятельный прихожанин эсквайр Палмер помог ему стать адвокатом. Ему покровительствовал даже влиятельный лорд Галифакс. Дед Франклина по линии матери был оратором, мастером слова. Так что одаренность этого рода очевидна.

В 1683 г. отец Франклина переселился в Новую Англию, в Бостон. В городе тогда насчитывалось всего 5 тысяч жителей.

Там он женился во второй раз (первая жена умерла). В семье было 17 детей, последним был Франклин. Отец внушил Бенджамину уважение к труду и образованию. Сына он предназначал к духовному званию. В автобиографии он напишет: «Я не помню времени, когда бы я не умел читать». В школе он проявил способности, так что его через полгода перевели во второй, а к концу года в следующий класс. Денег на продолжение обучения не было и оно, увы, ограничилось двухлетним пребыванием в грамматической, а затем в более дешевой школе. Научившись письму и арифметике, он с 10 лет работал в лавке, выполняя граверные работы. В детстве зачитывался «Жизнеописаниями» Плутарха, книгами Д. Дефо «Робинзон Крузо» и «Опыт о проектах», сочинением Мезера «Опыты о том, как делать добро». В мемуарах он упоминает книгу Локка «О воспитании». Тогда же он стал обучаться ремеслу типографа, ликвидируя пробелы в образовании, шлифуя стиль работ, часто повторяя слова Б. Попа: «Нужно учить людей так, чтобы они не замечали, что их учат, а думали, что они только вспоминают забытое ими». Этому правилу он и сам следовал в жизни. В нем проснулся дар литератора. Позже он вспоминал о надеждах юности: «Это заставляло меня думать, что со временем я, пожалуй, стану неплохим писателем, к чему я всячески стремился». Даже в воскресные дни он предпочитал книги богослужению («я не мог позволить себе тратить на это время»). Сэкономить деньги на любимые книги ему частично помогало и вегетарианство. Появились у него и друзья-книголюбы – М. Адамс, Д. Коллинс. Франклин стал издавать «Бостонскую газету», а затем и «Нью-Ингленд курант» (1721). В тайне от всех он писал статьи. Все были в восторге от статей «Молчальницы» и охотно их печатали. Автор заявлял: «Я враг порока и друг добродетели» и обрушивался с резкой критикой на ханжей и пьяниц, которых уже тогда было полно в Америке. Затронул он и важные политические вопросы, а заодно и

положение в образовании. Когда же тайное стало явным, популярность Франклина у бостонской интеллигенции выросла. Хотя брат-хозяин (они были братья от разных матерей) не был в восторге. Раньше он поколачивал Франклина, а тут еще явный успех его дарования. После того, как Джемса арестовали за одну из публикаций против ассамблеи Массачусетса и посадили в тюрьму на месяц, Бенджамин взял на себя все хлопоты по типографии. В 1723 г. 16-летний Франклин стал издателем газеты. Небывалый успех! Один из биографов скажет: «Бенджамин в свои семнадцать лет был самым умным человеком Бостона и самым лучшим учеником в мире». Это привело к обострению конфликта. Разрыв с братом стал неизбежен. Тогда Франклин уехал в Нью-Йорк, затем в Филадельфию, где и устроился работать в типографию.

Там он создал просветительское общество, названное Клубом кожаных фартуков (1728). Членами его были ремесленники, подмастерья, торговцы. На заседаниях обсуждались вопросы политики, истории, философии, поэзии, физики, механики. Молодежь всерьез стремилась к самообразованию, избегала карт, танцев, выпивок. Франклин вспоминал, что он и его друзья вовсе не были буками, любя компанию, болтовню, рюмочку, песню. В дальнейшем клубы получили прописку по всей Америке. Из них выросло Американское философское общество. Франклин стал и его первым президентом. Издававшийся им в течение 30 лет «Альманах бедного Ричарда» вскоре сделал его обеспеченным человеком. Он воплощал в себе «все достоинства средней прослойки зарождающейся цивилизации бизнеса».^[205] В 1730 г. Франклин вступил в гражданский брак. Жена его, Дебора, была верным другом, трудолюбивой и бережливой хозяйкой. Порой легче заработать деньги, чем уметь с толком и бережно ими распорядиться. Умная и аккуратная женщина – неоценимая помощница для делового человека. Был он сложным человеком, признавая: «Неукротимые страсти юношеского возраста часто толкали меня на связи с женщинами легкого поведения, которые встречались на моем пути, что влекло за собой известные расходы и большие неудобства, а также постоянную угрозу моему здоровью, особенно меня страшившую, хотя, к моему величайшему счастью, я избежал этой опасности». Холостяцкая жизнь в Лондоне полна искушений. А о его жизни в Филадельфии пишут: «Снова, как и в

Лондоне, главный порыв, который он не мог сдержать или не регулировал, был сексуальный» (К. Дорен).^[206] Тема волновала колонистов. Женщин было мало. Франклин в «Бедном Ричарде» говорил, что «золото испытывается огнем, женщина – золотом, мужчина – женщиной». В «Совете молодому человеку в выборе хозяйки дома» он развил эту тему: «Мужчина и женщина, соединившись, создают полное человеческое существо. Одиноким мужчина не представляет собой той ценности, в которую он превращается в состоянии союза с женщиной. В одиноком состоянии он несовершенное животное». В перерывах между издательскими заботами, научными опытами и усилиями по созданию светского университета (Гарвард, Йель, Принстон были теологическими школами) Франклин работает над «бестселлером» – «Размышление о том, как ухаживать за женщинами и жениться». Это первая опубликованная им в Европе книга. Проблему образования он понимал широко. Он писал:

«Опытность – это школа, в которой уроки стоят дорого, но это единственная школа, где можно научиться». Франклин успешно соединял теорию с практикой. Ухаживая за молодыми дамами, друзьям он советовал жениться на зрелых женщинах, аргументируя так свой совет: они окружают мужа заботой и вниманием и не будут закатывать истерик. Обычная философия политика, старающегося подsunуть народу подержанный «товар». У него было три великие страсти – политика, наука и женщины. Впрочем, его бурной энергии хватало на законодательные усилия, на то, чтобы замостить городские улицы, организовать местную милицию и пожарную команду в Филадельфии, на то, чтобы принять конституцию США, стать послом в Лондоне и Париже, и даже на то, чтобы в свои 70 лет с некоторым успехом волочиться за 20—30-летними куртизанками.

Вопрос сей решался в Америке специфически. Р. Тэннэ-хилл отмечала в книге «Секс в истории», что если взять такие крупнейшие города как Нью-Йорк, город иммигрантов, или Сан-Франциско, тут добропорядочных женщин было, как говорят в таких случаях, «кот наплакал». В 30-х гг. XIX века в одном лишь Нью-Йорке насчитывалось 20 тысяч проституток. Социальный реформатор Роберт Оуэн прикинул, что если каждая проститутка в день имела, условно говоря, трех клиентов (при пятидневной рабочей неделе), то половина

взрослого мужского населения города должна была посещать проституток трижды в неделю. Ничего не поделаешь: зов природы! Цифры выглядят даже несколько заниженно. Схожая картина наблюдалась в Сан-Франциско. Благодаря «золотой лихорадке» население тут выросло с тысячи в 1848 г. до 25 тысяч человек в 1852 году. И на ниве любви тут честно и самозабвенно трудились 3 тысячи проституток. Они слетались, словно ночные бабочки на свет и звон червонного золота, буквально отовсюду, со всех концов света – из США, Франции, Англии, Испании, Китая. В г. Цинциннати насчитывалось 7 тысяч дам легкого поведения на 200 тысяч человек населения, а в Филадельфии – 12 тысяч на 700 тысяч человек. Наблюдая эти прелести американской «демократии», английский журналист заметил (1867): «Париж в своих пороках может быть более утонченным, Лондон – более вульгарным, но по степени развращенности, по безудержному разгулу греха, по буйству грубости Атлантик-Сити, как мне говорили, не имеет соперников на земле».^[207]

Благосостояние Франклину принесла газета. С 1748 по 1766 год газета дала ему 12 тысяч фунтов прибыли от подписки и 4 тысячи фунтов от объявлений. Газета процветала, выходя в свет до 1821 года (дольше, чем любая другая газета тогдашней Америки). Вдобавок в 1732 г. Франклин получил выгоднейший заказ на печатание бумажных денег. Говоря словами Мирабо, в нем явилась генерация людей, чей гений освободил Америку и сделал ее процветающей. Представляют интерес и советы Франклина. В «Совете молодому торговцу» он рекомендует помнить, что «время – деньги, а путь к богатству, если вы его желаете, так же прост, как и путь на рынок». Богатство зависит от двух главных условий: трудолюбия и умеренности. Не теряй ни времени, ни денег, то и другое используй наилучшим образом. «Без трудолюбия и умеренности ничего не удастся, а с их помощью удастся все». В «Советах тем, кто хотел бы быть богатым» (1736) он говорит: «Все преимущество иметь деньги заключается в возможности ими пользоваться». В «Пути к изобилию» (1757) он дает ряд советов. Если любите жизнь, не тратьте времени зря, ибо вся жизнь состоит из времени. Бойтесь лени: «Лень, как ржавчина, разъедает быстрее, чем труд изнашивает». Он говорит: «Мы платим в два раза больший налог за свою праздность, втрое больше за нашу гордость и вчетверо больше за нашу глупость». Безделье и лень хуже преступления. Что значит

надеяться на лучшее будущее? Пустые мечты не подвинут к воплощению ваших чаяний. «Мы сами можем улучшить жизнь, если сами как следует примемся за дело». Все решит усердие, ибо усердие – мать удачи. Забудем про усталость. «Работай сегодня, ибо не знаешь, что тебе может помешать завтра». Есть мрачные советы в духе «черной метки»: «Трое могут сохранить секрет, если двое помрут». Отдыхать Франклин любил среди книг, а также в кругу веселых дам, часто повторяя: «Отоспимся в могиле!»^[208]

Он основал библиотеку по подписке – общественную библиотеку. «Библиотека дала мне возможность, – писал он, – усовершенствоваться благодаря постоянным занятиям, на которые я ежедневно выделял час или два. Эти занятия помогли мне возместить до некоторой степени отсутствие систематического образования, которое когда-то хотел дать мне мой отец. Чтение было единственным развлечением, которое я себе позволял». Он никогда не прекращал и самостоятельно учиться, овладев несколькими иностранными языками, начав с изучения французского, затем итальянского и испанского. В итоге он уже мог свободно читать книги и газеты на них.

Библиотека в Филадельфии

В основе его философии лежала идея приумножения капитала. Социолог М. Вебер писал: «Теперь уже не приобретательство служит человеку средством удовлетворения его материальных потребностей, а все существование человека направлено на приобретательство, которое становится целью его жизни... Ибо на вопрос, почему же из людей следует «делать деньги», Бенджамин Франклин – деист без какой-либо конфессиональной направленности – в своей автобиографии отвечает библейским изречением, которое он в

молодости постоянно слышал от своего отца, строгого кальвиниста: «Видел ли ты человека, проворного в своем деле? Он будет стоять пред царями». Приобретение денег – при условии, что оно достигается законным путем, – является при современном хозяйственном строе результатом и выражением деловитости человека, следующего своему призванию, а эта деловитость, как легко заметить, составляет альфу и омегу морали Франклина».^[209] Мораль умножения капитала.

Обретение денег и благосостояния любым способом стало стержнем американской цивилизации. В основе ее лежит «философия скупости», символом которой стал довольно жуткий девиз: «Из скота добывают сало, а из людей – деньги». Разумеется, не эти труды (и даже не богатство) принесли Франклину славу ученого. Будучи членом Королевского общества, он много усилий приложил для создания «Американского философского общества» (1744). Вскоре иностранными корреспондентами Академии стали известные европейские ученые (Бюффон, Линней, Рейналь, Лавуазье, Кондорсе и др.). Франклину как изобретателю принадлежит немало интересных технических разработок – изобретение громоотвода, опыты по электричеству, работы в области теплопроводности металлов, исследование Гольфстрима, работы в судостроении, геологии, ботанике. Его называли «Ньютоном электричества». Ему многим обязана современная терминология электричества, он ввел ряд новых терминов – батарея, конденсатор, проводник, заряд, разряд, обмотка и др. Однако он никогда не брал патентов, полагая, что прогресс не должен служить обогащению одиночек. Он объяснил явление грозы. О нем ходили фантастические слухи, вроде того, что он якобы изобрел вещество, способное превратить собор Св. Павла в горстку пепла. Наукой он занимался не более семи лет (с 41 года). За эти годы сумел сделать больше, чем крупные ученые профессионалы. Одновременно он нес груз многочисленных общественных и административных поручений. Многие идеи Франклина получили признание сначала за границей, а затем уже и на родине. Ряд колледжей и университетов наградило его почетными степенями. Королевское общество Англии (Академия наук) вручило ему золотую медаль, а в 1756 г. избрало почетным членом. Философ Кант обращался к нему в восторженных тонах, называя Прометеем, похитившим огонь с неба. Его известность в Европе стремительно росла.^[210]

Бенджамин Франклин

Его избрали попечителем будущего университета. Основание Франклином академии вызвало реакцию других колоний. Вскоре там был создан целый ряд высших и средних учебных заведений. Способ основания первого американского университета – путем частной инициативы – стал традиционным. После академии он взялся за устройство первой общественной больницы в Америке. Таковы звездные пути этого славного сына великой американской республики. Гражданин, имеющий приличный капитал, вполне мог бы вынести из примера его жизни своего рода заповедь торжества Разума. Она могла бы звучать так: «Если хочешь навечно остаться в сердце народа и человечества, создай университет, библиотеку или больницу!»^[211]

Интересны его философские выводы в области истории цивилизации. В работе по истории североамериканских колоний он отдавал пальму первенства народным массам как решающему фактору. Немало сделано им для изучения жизни и быта индейцев. Главный его труд – «Исторический очерк конституции и правительства Пенсильвании» (1759 г.). Здесь он убедительно обосновал право народа Америки на революцию, которая разразится спустя 15 лет. Обратите внимание на памфлет «Как из великой империи сделать маленькое государство.

Правила, преподанные министру при вступлении его в должность» (1773). Франклин иронично говорит, что большую империю, как большой пирог, «легче всего уменьшить, обламывая по

краям». Обратите внимание на отдаленные земли, «с тем, чтобы, когда вы избавитесь от них, за ними могли по очереди последовать другие». Чтоб возможность такого отделения сохранялась постоянно, надо озаботиться, чтобы провинции (вчерашие части единого союза) не объединялись с метрополией и не пользовались теми же общими правилами и торговыми привилегиями. Как бы миролюбиво не вели себя жители колоний, какую бы не проявляли преданность правительству, считайте, что они все-таки всегда склонны к мятежу. Расквартируйте там войска и «подавляйте эти восстания пулями и штыками этих войск». Особое внимание обратите на выборы губернаторов, ибо они – лицо правительства. К чему выбирать мудрых, хороших, образованных и честных губернаторов. Какой от них толк?! Лучше найдите расточителей, воров, игроков, разоренных картами или игрой на бирже. Это то, что надо. «А если бы они к тому же оказались еще невеждами, упрямыми и наглецами, то тем лучше». Если вы вдобавок подберете туда таких же судей, стряпчих, прокуроров, блюстителей закона, то вообще попадете «в десятку». Народ люто возненавидит правительство, главу страны и захочет отказаться от них чего бы это ему не стоило. «Когда такие губернаторы набьют свои сундуки до отказа и вызовут к себе такую ненависть населения, что дальнейшее их пребывание там окажется невозможным без риска для их личной безопасности, отзовите их и наградите пенсиями». Они с не меньшим успехом поработают в центре, в самом правительстве, в вашей администрации, что сделает всю вашу компанию ненавистной для народа. [\[212\]](#) У нас так и делают.

Пора рассказать о Джордже Вашингтоне (1732–1799). Образ этого Мафусаила американской демократии благосклонно взирает с сотен тысяч портретов, висящих на стенах тысяч школ, колледжей, офисов, а также с долларовых купюр США. Обратимся к книге яркого и талантливого американиста, профессора Н. Н. Яковлева. Предки Вашингтона жили в XVII веке в Англии, в графстве Эссекс. Один из них во времена Кромвеля был священником. Пуритане изгнали этого «завсегдатая таверны» из прихода за разврат. Он умер в нищете. Двое сыновей отправились в Америку. Выгодно женившись, прадед будущего президента, Дж. Вашингтон, стал мировым судьей, членом нижней палаты ассамблеи Вирджинии. Личность прелюбопытная, хотя и не отличавшаяся особо высокими моральными устоями. Будучи

мировым судьей, он взял себе за правило находить своих жен среди особ легкого поведения, которых осуждал. Где искать достойную невесту, как не на скамье подсудимых! Вторая жена обвинялась в содержании дома терпимости. Когда же она умерла, наш славный Джон, не желая особо утруждать себя поисками новой подруги жизни, взял в жены еще одну осужденную, ее сестричку, которая проходила по делу как любовница и сожительница губернатора. К тому времени эта соблазнительная и греховная дама уже трижды успела побывать замужем и овдоветь. Ничего не скажешь, Джон Вашингтон был ловким малым. Бывало, выступал истцом в делах и сам же пуредседательствовал в суде. Однажды он оттягал у индейцев целую деревню, за что индейцы прозвали его «Джон Кантакариус» («похититель деревень»). Будучи полковником ополчения, он с типично американской отвагой расправился с пятью индейскими послами. Предки Вашингтона любыми способами сколачивали состояния, вступая в выгодные браки, захватывая земли у индейцев, ввозя в Виргинию каторжников из Англии для самых тяжелых работ, налаживая производство чугуна, а затем контрабандой отправляя чугун в метрополию. На закон все смотрели сквозь пальцы. К моменту появления Вашингтона на свет в колониях было всего 600 тысяч населения, из них в Виргинии – 114 тысяч. Площадь освоенных земель в колонии примерно равнялась площади Англии. Виргиния считалась «самым главным и блистательным из всех штатов», а для многих на Юге «человек родом из старой Виргинии почитался высшим существом» (М. Твен). В школах и колледжах зубрили Цицерона, Вергилия, Горация, Ливия, Тацита, Аристотеля, Геродота, Демосфена и т. д.

Л. Феррис. *Джордж Вашингтон предлагает руку Марте Кастис*

Зимой 1748/49 г. Джордж Вашингтон прошел краткий курс теории в колледже Уильяма и Мэри в Вильямсбурге, сдал экзамен и получил свидетельство землемера. К тому времени он уже работал землемером у крупного землевладельца лорда Ферфакса. В свои 16 лет он получал немалые деньги – по дублону в день (старинная золотая испанская монета – 7,5 грамма золота). Вскоре он понял, что его профессия – настоящий клад. В 1750 г. он купил 600 гектаров земли в долине Шенанда, прозванной Аркадией в Виргинии. В возрасте 18 лет Дж. Вашингтон стал крупным землевладельцем. Вскоре после смерти брата Лоуренса (в 34 года) в ведение Джорджа перешла усадьба Маунт-Вернон. В 22 года у него были 2 350 гектаров земель, рабы, должность землемера графства. Он вскоре получил пост майора ополчения и, как говорили тогда, «стал на тропу войны». В одной из многочисленных стычек с французскими войсками Джордж Вашингтон убил французского посла, видимо, вспомнив подвиги своих предков. Франция наградила его титулом «убийца Вашингтон». Таким образом, как пишет историк, не будет преувеличением сказать, что Вашингтон «сделал первый выстрел Семилетней войны, хотя официально она была объявлена почти через два года». Молодой командир проявил определенную храбрость и мужество. Проявились упорство и железная хватка Вашингтона. В 1776 г. англичане взяли штурмом Нью-Йорк, разбив армию Вашингтона. Тот потерял 1550 человек и более 1000 пленными. В минуту отчаяния он скажет: «С

величайшей тревогой я вынужден признаться, что не верю в боееспособность войск». Началось повальное дезертирство. Вашингтон понял: нужна регулярная армия, полагаться на ополчение и зеленых юнцов смерти подобно. После взятия форта Ли один англичанин писал, как воюют американцы: «На кострах еще кипели котлы, были накрыты столы для офицеров. В форту нашли всего двенадцать человек, все мертвецки пьяные. Обнаружено 40–50 заряженных орудий, включая две большие морские мортиры, громадные запасы боеприпасов, продовольствия, палатки не были сняты». Таким образом, этот неприступный редут Вашингтона был взят англичанами без единого выстрела.

Вашингтон сумел укрепить дух армии, вдохнуть веру в солдат и офицеров. Вместе с Пейном, который шел с войсками, он убеждал всех не бояться испытаний. Хотя Америка уже тогда была страной, где многое решали деньги. После победы под Трентоном (славное дело, с ночным форсированием реки в рождественскую ночь, когда пьяные гессенцы спали) он пытался удержать солдат, рвущихся домой, обещая оставшимся по 10 долларов. Затем следует победа над англичанами при Принстоне. Выяснилось, что хваленые британцы тоже умеют бегать. Это было подобно грому среди ясного неба. Один из очевидцев тех дней, Кресвелл, записывает в дневник: «Имя Вашингтона превозносится до неба. Александр Македонский, Помпей и Ганнибал ныне по сравнению с ним пигмеи». Прусские вояки и англичане вели себя в Новом Свете точно так же, как и в Старом. После их вторжения в Нью-Джерси в письме к Джефферсону сообщали: «Позоря цивилизацию, они насилюют прекрасный пол – от десяти до семидесяти лет». В этом смысле позиция Вашингтона резко отличалась от поведения оккупантов. Приказом он решительно запретил офицерам, солдатам и ополченцам континентальной армии кого бы то ни было грабить («тори он или нет»). Он выразил надежду, что «человечность и вежливость к женщинам и детям будут отличать смелых американцев, сражающихся за свободу, от презренных наемных разбойников, как англичан, так и гессенцев» (1777). 3–4 тысячи его солдат босы и голы. Армии не хватало одежды, обуви, продовольствия. Денщик командующего походил на какого-то оборванца. Восточные штаты могли бы дать одежду для 100 тысяч человек. Но солдаты бродили по снегу босиком, оставляя кровавые

следы. От болезней и истощения умерло 2 500 человек. А у окрестных фермеров всего было предостаточно. И что же? Они снабжали врагов! Продавая продукты англичанам в Филадельфию, торговцы зерном из Нью-Йорка охотно снабжали английскую армию за валюту. Поставщики из Бостона отказались отпускать продукты бойцам за свободу Америки, если те не соглашались оплачивать товар по завышенным ценам (с прибылью не менее 1000–1800 процентов). Поймав таких «своих торговцев», солдаты их расстреливали и вешали при малейшем сопротивлении реквизиции. Простые солдаты и принесли Америке свободу. «Они наги и умирают с голоду, – писал Вашингтон, – но мы не можем не нахвалиться несравненным терпением и верностью солдатской массы». Они предвосхитили революционную французскую армию, ободранную и голодную, которая вскоре будет громить по всей Европе войска монархий. Вашингтон хотел обучить армию военной науке. В Европе нашли немецкого офицера, барона фон Штебена. И хотя выяснилось, что он вовсе не барон и не генерал, а капитан, но дело свое он знал исправно. На смеси французского, немецкого, английского он учил «болванов». И в американской армии многое стало меняться. Сравнивая американцев с европейцами, Штебен писал приятелю в Европу: «Эту нацию нельзя сравнить с французами, пруссаками или австрийцами. Ты говоришь своему солдату – делай так, и он выполняет, но я вынужден сначала объяснить, зачем это нужно, и тогда местный солдат повинуется». В результате этих уроков армия янки стала более или менее походить на регулярное войско. Историк называет немецкого офицера Штебена «отцом американской армии». [\[213\]](#)

Сражение у Принстона 3 января 1777 года

Если немец стал учителем армии Америки, то француз был ее финансистом. Чтобы добыть «золотое руно свободы», мало одного желания, нужны воля, деньги и оружие. К делу независимости США приложил руку французский писатель Бомарше... Неужто блестящий мастер комедии интриг, великий знаток женских проказ, автор острых и язвительных сатир на высший свет, мог иметь какое-то отношение к священному делу свободы и борьбы за независимость?! Представьте себе. Говорил же Фигаро, что чем только ему не приходилось заниматься в жизни: без гроша в кармане «писать о ценности денег и о том, какой доход они приносят», воровать, так как «все вокруг меня хапали» и т. д. Бомарше был обладателем крупного состояния (его прибыль за восемь лет, с 1776 по 1783 гг., составила 21 092 515 ливров, а расход за те же годы – 21 044 191 ливр). Уже в то время продажа оружия была прекрасным бизнесом. Бомарше долго уговаривал нерешительного Людовика XVI помочь американским мятежникам, обещая королю колоссальные прибыли. Боясь открытых шагов, король дал Бомарше 10 июня 1776 г., за месяц до провозглашения Американскими штатами независимости, миллион ливров и разрешение на получение оружия из французских арсеналов (25 тысяч ружей, двести пушек, мортиры, снаряды, ядра, порох и т. д.). Бомарше создал фиктивный торговый дом «Родриго Горталес и компания»,

приобрел 40 кораблей. Нагрузив суда всем необходимым для повстанцев, он направил их в Америку. Помимо правительственного миллиона, он вложил в дело и огромные собственные средства, рассчитывая получить из Нового Света в уплату за оружие виргинский табак, индиго и другие товары, которые можно было бы с выгодой перепродать в Европе. Письма Бомарше к Конгрессу представляют собой «смесь духа патриотического и купеческого, в равной мере искреннего» (Ломени).^[214] Он отослал американцам товаров на пять миллионов ливров. Те видели в Бомарше подставное лицо французского правительства. Предъявляя счета янки за столь необходимые им товары, он уверял их, что является ревностным поборником их нации. Те же, болтающие о правах человека, святости собственности и т. д., так и не вернули ему долга. Так действовали эти хваленые «законники». Янки будут тянуть волынку с выплатами долгов наследникам Бомарше и торгового дома «Родриго Горталес и К» чуть ли ни целое столетие – до середины XIX в. Поэтому при общении с американцами всегда следует помнить, что перед вами вовсе не герои Плутарха, а прожженнейшие типы из «Тартюфа», «Скупого рыцаря» или рассказов Шолома-Алейхема.

В тяжелую годину истории руку помощи американцам протянула Франция. В 1778 г. Людовик XVI все-таки решился обнажить шпагу. По договору о союзе, подписанному между Францией и США, было провозглашено, что их цель – достижение полной и не ограниченной независимости Соединенных Штатов. Франция обязалась защищать американскую территорию, США – французские владения в Вест-Индии. Главным же было то, о чем заявил и сам Вашингтон: «Франция своими припасами спасла нас от ига». Французы фактически взяли на полное содержание всю освободительную армию янки. Они же полностью и вооружили ее. По подсчетам М. Смелзера, в золотых долларах XVIII в. общая сумма субсидий для США равнялась примерно 2,4 миллиона долларов. Шестую часть из них дали испанцы. Если сюда прибавить займы и затраты на оплату американских судов в европейских водах, то выходит внушительная сумма в 9,3 миллиона долларов. «По современной покупательной способности на американскую независимость Франция истратила примерно 2,5 миллиарда долларов, а самим американцам она обошлась в 1 миллиард долларов. Или Франция отдала за нее около 2,3 процента валового

национального продукта. Без французской помощи не было бы победы».

Америка безусловно выиграла от такой щедрой и фантастической помощи. В отношении же Франции все обстояло далеко не столь лучезарно. В результате «помощи» французские офицеры заразились духом революции, а короля Людовика XVI, который имел глупость вложить огромные средства в войну в колониях и тем обанкротил казну (война обошлась Франции в 2 миллиарда ливров), якобинцы отправили на плаху! Американцы завоевали свободу на французские деньги и чужими руками. Историк В. Стинчкомб (США) пришел к твердому выводу: «Без союза с Францией Соединенные Штаты, вероятно, не добились бы независимости». Многие французы приняли участие в военных действиях в Америке. Одним из таких героев войны за независимость был Лафайет (1757–1834).^[215] Маркиз рос под влиянием идей Руссо, Монтескье и Мабли. Республиканские идеи очаровали его. Война позвала его в дорогу. Он прибыл в Америку в качестве волонтера. Присутствуя на смотре плохо оснащенной армии американцев, в ответ на извинения Вашингтона он скажет, что он приехал в Америку для того, чтобы «учиться, а не поучать». Гейне писал: «Лафайет возвратился с аргонавтами свободы из Америки и привез золотое руно – идею свободного государственного строя». Он был в гуще сражений.

В конфликте колоний и Англии русские заняли проамериканскую позицию. Когда английский король предложил Екатерине II прислать солдат для подавления восстания в Америке, та мудро отказалась, заметив, что недостойно «двум великим державам соединиться своими силами, чтобы раздавить народ, лишенный каких-либо союзников, в его справедливой борьбе за независимость». Вот как об этом периоде писали российские историки: «Осенью 1775 г. Георг III направил Екатерине II послание, в котором просил прислать 20 тыс. русских солдат для подавления мятежа в Америке. Одновременно посланнику Англии в Петербурге было велено добиваться соответствующего соглашения. Но Екатерина, какова бы ни была ее неприязнь к повстанцам, поднявшим мятеж против законного монарха, даже и не собиралась помогать своей сопернице Англии. Просьба Англии была отклонена. Екатерина II ответила, что посылка российских войск в Америку «выходит за пределы возможного». Провал ее дипломатов

был чрезвычайно болезненно воспринят Англией. К идее привлечения российских войск, славившихся своими боевыми качествами, возвращались и позднее. «Корпус из 10 тыс. боеспособных русских солдат, – писал в июле 1777 г. главнокомандующий английской армией в Америке, – мог бы гарантировать Великобритании военный успех в предшествующей компании». Англичане так и не дождались. Россия заявит вооруженный нейтралитет, поставив крест на надеждах Англии. [216]

Пушечными салютами и колокольным звоном приветствовала Америка «Декларацию независимости» (4 июля 1776 г.). Конгресс одобрил Декларацию. Вашингтон, объясняя происхождение США, писал (1823): «Заимствовал ли я мои идеи из книг или пришел к ним путем размышлений – не знаю. Я знаю только то, что при написании ее не обращался ни к книгам, ни к брошюрам. Я не считал, что в мои обязанности входило изобретать новые идеи, и я не выразил никаких взглядов, которые уже не были известны». Он руководствовался здравым смыслом и общими смутными идеями колонистов. Что создали американцы – республику, монархию, империю? Янки создавали империю! У. Драйтон из Южной Каролины, прямо и совершенно определенно называл создававшееся в Америке устройство империей: «Всевышний избрал нынешнее поколение, чтобы создать Американскую империю». Ни о каких республиканских устройствах они и не помышляли. Даже республиканец Т. Пейн заявит в «Здравом смысле»: «Даже первое заселение Америки отвечает характеру (нынешней) революции. Римская империя – некогда гордая повелительница мира – первоначально являет собой банду головорезов. Грабежи и хищения принесли ей богатство, а угнетение миллионов людей принесло ей величие. Но Америке никогда не придется стыдиться своего происхождения и способов, благодаря которым она стала империей». [217]

Вчерашние революционеры проявили поразительную готовность обрядить своего лидера в монархическое тряпье. Сенат проголосовал именовать Вашингтона «Его Высочество президент Соединенных Штатов и протектор их прав». Об этом в «Документальной истории США» говорил и сам Вашингтон: «Многие уважаемые лица заговорили о монархической форме правления», а «от мыслей и речей до действий всего лишь только шаг». Мэдисону стоило немалых

усилий уговорить коллег ограничиться более скромным титулом – «президент США». Вашингтон в письме к Ноксу признался (1789): «Говорю тебе со всей искренностью (мир, конечно, едва ли поверит этому) – я иду к креслу правителя, обуреваемый чувствами, едва ли отличными от тех, какие испытывает преступник, приближающийся к месту своей казни». Шатобриан не относил Вашингтона к «породе титанов» и признавал, что о том никто не рассказывает легенд, тем не менее, он отдавал ему все же явное предпочтение (в сравнении с Бонапартом). Вот что писал о нем Шатобриан в «Замогильных записках»: «Вашингтон возвышает нацию до независимости и, удалившись на покой, умирает в своей постели, оплакиваемый соотечественниками и почитаемый народами. Бонапарт отнимает у нации независимость: низвергнутый император, он отправляется в изгнание на далекий остров, и уstraшенная земля почитает сам океан недостаточно надежным тюремщиком. Он умирает; новость эта, запечатленная на воротах дворца, перед которым глашатаи завоевателя столько раз возвещали о смерти других людей, не останавливает и не удивляет прохожих: о чем им скорбеть? Республика Вашингтона живет; империя Наполеона рухнула. Вашингтон и Бонапарт вышли из лона демократии: оба дети свободы, но первый остался ей верен, второй же ее предал». На наш взгляд, Вашингтон и Бонапарт в равной мере далеки от идеалов демократии. [\[218\]](#)

Декларация независимости

У Вашингтона порой чувствовались пробелы в знаниях. До конца своих дней он писал с орфографическими ошибками. Второй президент США Дж. Адамс вынужден признать: «Что Вашингтон не был ученым, ясно, что он был слишком невежественен, неучен и неначитан для своего положения, также не нуждается в доказательстве». Его секретарь А. Гамильтон презирал умственные способности шефа. Но не будем излишне строгими к пробелам в культуре и грамотности первого президента страны. Ведь с годами первый президент, подобно египетской мумии, даже приобретает некую археологическую ценность. Все это ничуть не помешало американцам создать величественный миф об «Отце Страны»... Будущий первый президент США занял место в истории, которое сравнивали только с божественным. Г. Видал говорил о нем, что он с 43 лет «не только играл роль американского Бога, но этим Богом был».

Американское государство испытало на себе большое, серьезное воздействие масонов. Масонство было завезено в Америку колонистами из Англии. Вот что писал об этом известный журнал «Лайф» (февраль 1957 г.): «В 1717 году четыре Лондонских ложи, составившихся из этих большей частью масонов (каменщиков), образовали Большую Ложу Англии. После религиозных неурядиц того времени много англичан нашли себе утешение под эмблемой циркуля, треугольника, нивелира, под управлением самого Бога, как Великого Архитектора. И куда ни приходили бы англичане, всюду основывали масонские ложи, в которые входили уже тогда в Европе Фридрих Великий, Вольтер, Моцарт». Эти тайные организации вызывали подозрения не только у власти, но и у низов. В Лондоне процессии масонов встречались градом камней трудящихся. Масонов не признала и католическая церковь. Папа Римский Климент XII предал масонство анафеме (1739 г.), резонно заметив: «Если бы они не хотели делать зло, то не боялись бы света». Американские президенты и олигархи ответили на это политикой преследований и ненависти по отношению к католикам. В этой стране масонство прочно обосновалось примерно с 1730 г. Вашингтон был активнейшим масоном. Он лично утвердил создание лагерной ложи в Долине Форж при содействии французского генерала Лафайета. По утверждению неплохо информированного журнала «Лайф», ныне число масонов в США «вдвое большее, чем во всем остальном свете».^[219]

Джордж Вашингтон в масонской ложе (с картины XIX в.)

Демократия чуть не погубила Соединенные Штаты: начались распри по поводу границ между штатами, разгорелась торговая война, росла безработица, экономика пришла в упадок, многие попали в долговую кабалу. В 1786 г. вспыхнуло восстание отчаявшихся крестьян под предводительством фермера Д. Шейса. Гамильтон писал в «Федералисте»: «Не будь капитан Шейс отчаянным должником, очень сомнительно, чтобы провинция Массачусетс была ввергнута в гражданскую войну». Страна погрузилась в анархию, известную как «конфедеративное безобразие». Отчаяние охватило американцев. Иные хотели провозгласить королем США Генриха, брата Фридриха Великого. Тогда в Филадельфии собрались «отцы-разработчики» Конституции США. Главную роль играли Вашингтон, Мэдисон и Франклин (1787). 2 июля 1788 г. она вступила в силу, повлияв на создание «Декларации прав человека и гражданина» в годы Французской революции. В дальнейшем вся политическая история Соединенных Штатов Америки будет проходить под знаком незатихающей борьбы, как пишет В. Л. Паррингтон, «между идеалами «Декларации независимости», в которой провозглашались главным образом права человека, и положениями американской конституции, призванной служить узкопрактическим целям защиты прав собственности».^[220]

Роль конституции в судьбах любой страны велика. Стоит чуть подробнее остановиться на документе. Обратимся к книге американского историка Ч. Бирда «К экономической интерпретации Конституции США» (1913). Тогда прогрессивная Америка (как и Россия ныне) вела войну не на жизнь, а на смерть с монополистами,

всевозможными «разбойными баронами», погрязшими во взятках чиновниками и т. д. Тезис Бирда прост и понятен. Он утверждал, что конституция США была порождена и принята теми людьми, чьи финансовые интересы связаны с нею теснейшими узами. Попросту говоря, важнейший политический документ Америки составлен плутократами. Абсолютное большинство американцев (3/4 взрослых мужчин) лишены права избирать делегатов. В верхнюю палату парламента (сенат) попадали лишь обладатели крупных капиталов. Большинство населения оказалось исключено из процесса ратификации документа. Конституция была ратифицирована не более чем 1/6 частью белых граждан Америки. Никто не смог опровергнуть тезисы Ч. Бирда, называвшего сей документ заговором и консервативной контрреволюцией. Один из отцов-основателей США П. Генри отказался присоединиться к делегатам, собравшимся в Филадельфии (1787): «Это конституционное совещание дурно пахнет». Генри был абсолютно прав, если учесть, что эта конституция была принята, по сути дела, всего-то пятью процентами населения тогдашних Соединенных Штатов.^[221]

Известны попытки прямого подкупа членов конгресса в пользу принятия государственного долга (членам конгресса предлагали по 1000 гиней). Все это похоже на обычное жульничество. Джефферсон дал такую оценку конституции и системе: «Финансовая система Гамильтона... преследовала две главные цели. Во-первых, она являлась головоломкой, задачей которой было не допустить того, чтобы народ смог разобраться в ней и тем более проконтролировать ее последствия. Во-вторых, в ее лице создана была машина прямого подкупа законодательного собрания страны. Нужно признать с сожалением, что действовала эта машина довольно эффективно». Схожие группы плутократов действуют в парламенте России. Мэдисон называл эти действия американского правительства «общественной грабировкой», где самыми заядлыми спекулянтами и обманщиками выступили президентские структуры (исполнительная власть) и конгресс (власть законодательная). Отдуваться пришлось народу. Джефферсон утверждал, что за Конституцию голосовали не представители американского народа. Они не имели ничего общего с массой населения страны. Все сливки от перемен снимали богачи. В результате их махинаций банки и представители высшей власти

выкачивали чудовищные суммы у средних и бедных слоев. Наибольший урон при этом понесли представители трудовой и деловой Америки – фермеры, купцы, ремесленники, производители, тогда как денежная аристократия сказочно обогатилась. [\[222\]](#)

Даже апологеты конституции не могут отрицать, что она сочинена небольшой группой лиц, крупных собственников по преимуществу. Делегатов на решающие форумы избирали легислатуры, а те в свою очередь уже принимали статьи документа. Народ остался за стенами собраний и конгрессов. Из конституции США на каждом шагу торчат «зубы дракона», указывая на ее консервативный характер. Три четверти взрослых мужчин страны, имевших право голоса, не смогли принять участие в выборах делегатов Конституционного собрания. Разве это свидетельствует в пользу демократии? Народ США не был допущен к прямому избранию всех ветвей власти (кроме Палаты представителей конгресса). Сенаторов США до 1913 г. выбирали выборщики, а члены Верховного Суда назначаются президентом пожизненно. Народу Америки вообще долгое время не решались доверить выборы президента. [\[223\]](#) В социальном плане конституция США была архиреакционной, не гарантируя прав народу Америки – имущественный ценз в стране был ликвидирован к концу XIX в., а женщины получили избирательные права только в начале XX в. Правда, в 1789 г. принят «Билль о правах» – 10 поправок к Конституции США, включавший неотчуждаемые права личности. Сегодня лишь 47 процентов взрослых американцев имеют представление о том, что представляет собой указанный «Билль о правах» американцев. Напомним слова Э. Берка. Сторонник британской модели государственности, англичанин был достаточно опытен и умен, чтобы не пытаться узреть в ней универсальный образец. «Когда я хвалю британскую конституцию и высказываю пожелание, чтобы ее хорошо изучили, я вовсе не имею в виду то, что ее внешняя форма или фактическое устройство должны стать образцом, который вы или какой-либо другой народ рабски копировали бы. Я хочу лишь рекомендовать принципы, на которых она основана». [\[224\]](#)

Только продажные и невежественные политики могли взять конституцию США за основу российских законов и порядков. Глава Комитета по безопасности Государственной думы РФ В. И. Илюхин в

книге «Нация, государство, безопасность» отмечал, что после возвращения Б. Ельцина из США, где тот был с секретарем конституционной комиссии О. Румянцевым, в России и появился на свет первый вариант Основного Закона (Конституции). Документ слово в слово повторил «Декларацию независимости» США. Даже должность госсекретаря, придуманная специально для Г. Бурбулиса и не предусмотренная Конституцией, скопирована с административного устройства США. В. И. Илюхин пишет: «Новые революционеры перепутали время и место действия, решив, что Россия 1991 г. то же самое, что Северная Америка второй половины XVIII века. Такая историко-географическая аберрация допустима в литературно-философских утопиях, но ничего хорошего не сулит в прямом политическом действии и законотворчестве».^[225]

В ходе войны собственность хлынула туда, где ее ранее отродясь не бывало, а «маленькие ручейки превратились в выходящие из берегов реки». Эта собственность создавалась путем грабежа старых аристократов и состоятельных людей. Иначе говоря, произошел новый великий передел. Русским надо бы знать, что американская революция в действительности – величайшее ограбление века! Янки точно так же ограбили своих богачей, как и русские бедняки и люмпены. Повсюду в колониях видны были не только признаки успеха, но знак беды и катастрофы. Одно из писем гласит: «Вы не имеете ни малейшего понятия о страданиях тех, кто из богатства был низвергнут в самую настоящую нищету». П. Уэбстер из Филадельфии писал о «самых пагубных пертурбациях в сфере собственности», о «многих тысячах порушенных судеб». И наоборот: «те, у кого едва ли было что за душой, теперь имеют деньги». Кто был ничем, тот стал вдруг всем (как и в России после 1917 и 1991 гг.). «Те, кто пять лет назад были «ничтожными людьми», – писал С. Кервен, – теперь в результате странного переворота оказались почти единственными, кто обладает властью, богатством и влиянием». Их в Америке называли тогда «новомодными джентльменами» («новыми американцами»). Не стоит идеализировать «романтиков Запада», героев Американской революции. О тех годах с документальной точностью говорит роман Г. Видала «Вице-президент Бэрр». Читая книгу, мы видим в США истинное лицо «героев»: невежественного президента, у которого проваливаются все его начинания от фермерства до изобретательства;

его речь косноязычна, а его письма в парламент изобилуют грамматическими и орфографическими ошибками; корыстолюбивых членов правительства; делегатов Континентального конгресса, больше думающих о спекуляции валютой, чем об интересах народа и армии; политиков, бывших когда-то друзьями и союзниками, а в итоге люто возненавидевших друг друга, готовых к драке (вице-президент А. Бэрр убьет на дуэли генерала А. Гамильтона) и т. д. и т. п. Читая эту злую и честную книгу, глубже понимаем реальный, не выдуманный мир тогдашней, да и нынешней политической и культурной жизни Америки. В горькой иронии автора немало правды. Вот что сообщает нам Бэрр о нравах досточтимых янки: «Подлинная моя задача состояла в том, чтобы прекратить грабеж гражданского населения. Мародерство стало основным занятием не только солдат, но и офицеров. В общем-то, мародерствовала половина населения Вес-тчестера. Тех, кто грабил тори и англичан, называли «живодерами». Тех, кто грабил нас, называли «ковбоями»... Магдуггал метал громы и молнии по поводу ведения – или, скорее, неведения – войны. – Ох, уж этот конгресс! – Он говорил с заметным шотландским акцентом. – И откуда только понабрали таких мерзавцев! Этого мнения придерживалась вся армия. Все знали, что те немногие делегаты, которые утруждали себя присутствием на заседаниях Континентального конгресса, больше думали о спекуляции валютой, чем об интересах армии...» Политики в глазах армии выглядели просто гнусно. Своеобразным приговором войне и лидерам служат слова генерала Ли: «Считают, что во всем виноваты политики. Каждый вечер мы пили за то, чтобы поскорее закончить войну и вздернуть политиков, всех политиков».

[226]

Капитуляция англичан в Йорктауне

В конституции США были некоторые здоровые начала. С принятием конституции прерогативой центрального правительства стало взимание пошлин и налогов, забота об обороне США, регулирование торговли с другими иностранными государствами и между штатами, чеканка монеты и определение ее стоимости, управление транспортом, почтой и т. п. Конечно же, такого рода политика не могла понравиться всем элитам и многим руководителям. Вскоре, к 1814 г., между частями Союза стали проявляться острые противоречия. Возникла угроза выхода ряда штатов из состава Союза. Что лежало в основе противоборства сторон? Разумеется, чисто корыстные интересы кучки знати в лице крупных чиновников и многих местных плантаторов.

После революции правительство США оказалось в тисках огромного национального долга. Надо было где-то найти деньги. А. Гамильтон, «мессия американской буржуазии», предложил осуществить массовую распродажу западных земель. Конгресс постановил пускать земли в оборот огромными кусками в 640 акров по два доллара за акр. Эта политика была рассчитана на привлечение к продаже земли спекулянтов. Ведь у простых земледельцев денег не было. Ситуация и тут в чем-то схожа с нашей, российской. Сразу же вынырнули акулы демократии, коих фермеры Америки называли «пиратами». Большинство поселенцев считало, что освоение, культивирование земли является заботой человека труда, земледельца. Они видели в этом дело божеское и патриотическое. Трудовая Америка тогда проявила себя молодцом, убрав юридические «филькины грамоты», приходившие из центра, и положив начало скваттерству, самовольному захвату земель, т. е. «черному переделу». Хотя при этом аграрные законы, как и права индейцев, игнорировались. Экспедиция полковника Гармера, отправленная, чтобы изгнать с мест пионеров, вынуждена убираться восвояси.

Александр Гамильтон

Б. Гиббард в «Истории аграрной политики США» писал, что тут и проявился настоящий дух народного сопротивления и суверенитета. Пионеры считали, что единственная подлинная стоимость земли – это стоимость циклопического труда, вложенного в нее самим фермером. В романе Купера «Пионеры» один из героев, Буш, восклицает: «Я такой же полноправный собственник земли, на которой стою, как любой губернатор в Штатах! Где есть такой закон или право, по которым один будет владеть участком, городом или, может быть, целым графством, а другой – выпрашивать из милости землю, чтобы вырыть себе могилу? Это противно природе... Воздух, вода и земля даны свободно в дар человеку, и никто не властен делить их по кусочкам. Человек должен пить и дышать, и ходить, а потому у каждого есть право на свою долю земли». Переселенцы стремились занять свободные земли, обрета собственность и права. Сюда массами устремлялись крестьяне из Европы. Фермерская, рабочая цивилизация вступала в острые противоречия с рабовладельцами, чиновными политиками, спекулянтами и торгашами. Они видели совершенно в различном свете и будущее колоний. Так, некий Дж. Куинси, «великий демократ» и член Палаты представителей Массачусетса, в ужасе восклицал: «Давайте заглянем вперед и представим, что вдобавок к этой массе людей все население замиссисипского края будет представлено в обеих законодательных палатах и примется издавать законы, распоряжаться нашими правами и решать нашу судьбу». Он же выразил надежду, что господа парламентарии все же «не будут

такими идиотами». Богачей пугало уже тогда, что в результате обретения экономической независимости люди труда начнут иначе мыслить. Как сказал в ходе дебатов в законодательном собрании Виргинии один такой «друг народа»: «Не роста населения на Западе следует бояться этому джентльмену, а силы, которые придают этим переселенцам легкие ветры гор и уклад жизни на Западе. Они перерождаются, сэр. Они быстро становятся трудящимися политиками, а разница между разглагольствующим политиком и трудящимся огромна». Вспомним и слова Герцена: «Но Россия расширяется по другому закону, чем Америка; оттого, что она не колония, не наплыв, не нашествие, а самобытный мир, идущий во все стороны, но крепко сидящий на своей собственной земле. Соединенные Штаты, как лавина, оторванная от своей горы, прут перед собою все; каждый шаг, приобретенный ими, – шаг, потерянный индейцами». ^[227] Россия же старается сохранить себя.

В Америке произошло коллективное восстание масс. Те воспрепятствовали хитроумным планам спекулянтов. В 1828 г. комиссия конгресса по общественным землям высказалась за узаконение самовольно захваченных колонистами земель, заявив, что «бороться с поселением на общественных землях невозможно». Хотя в администрацию президента шли жалобы местных «акул»: как же так, с санкции президента эти участки назначены в продажу, а народ плюет на решение властей, осуществляя прямое надругательство над законами США. Народ прибегнул к единственному голосу, который понимает власть, – к силе оружия. Вот что доносили военному министру США в 1830 г. о состоянии дел на передовом крае поселений: «Фермеры решили, что, поскольку конгресс отказался дать им право преимущественной покупки по минимальной цене, они завоюют это право силой оружия». Такого рода демократия и сделала Америку сильной и великой державой! В борьбе с земельными спекулянтами и правительственными чиновниками зародились и знаменитые суды Линча. Самым скромным наказанием для спекулянта и вора там было наказание плетью, погружение зимой в прорубь, обмазывание дегтем, вывалыв в перьях. Господ спекулянтов и бандитов, тех, кого в России зовут «посредниками», просто вешали. Отлично! Вот бы и с нашими поступать так. ^[228]

Демократия тех времен сурова, справедлива, жестока, неотвратима. В Филадельфии в 1777 г. трудящиеся, организовавшись, похватали крупных спекулянтов и бросили их в тюрьму. «В наших руках оружие и мы умеем им пользоваться, – гордо заявили они. – Мы приложим все усилия, чтобы освободить город от нелояльных, враждебных и хищных членов общества, какими бы ни были их звания и положение». В Бостоне появились листовки, призывавшие граждан избавиться от купцов-монополистов, взвинчивающих цены, от спекулянтов, что подобно раковой опухоли разъедают тело нации. Все они сторонники Даниэля Шейса, Джона Брауна и Ната Тернера. Их героическое восстание 1831 г. ставило целью «сделать первых последними, а последних первыми».^[229] Общины страны работали скорее по военным, чем по гражданским законам. Никакой волокиты. Должностных лиц избирали сроком на несколько месяцев. В любое время двумя третями голосов общины их могли освободить от занимаемой должности. Судили сурово: за попытку убийства товарища по экспедиции наказывали изгнанием, при возвращении изгнанника его ожидала смерть. Признание виновным в убийстве означало бы немедленную смертную казнь. Трудовое большинство было само Законом и могло менять конституцию и законы. Считали по головам, а не по кошелькам. Власть в расчет не принималась. Главным было: а что ты сам представляешь из себя как товарищ и человек. Все ключевые вопросы жизни переселенцы решали также сами: выделяли земли под школу, вершили правосудие, сообща боролись против спекулянтов. Если на ферму поселенца кто-то претендовал не по праву, могли избить и вышвырнуть из округи. Народ питал недоверие к магистратам и к власти предрежающим. Паррингтон отмечал, что со времен революции проявилась тенденция к максимальному усилению судебной и исполнительной власти, а также ко всемерному усилению власти законодательной, к установлению контроля над правителями со стороны демократических органов. Народ не особо доверял своим правителям.

Когда появился рэкет, включая бандитов в форме, народ справился и с ними. Рэкет в США, как в России, почти легально существовал и в верхних эшелонах власти – в правительственных и парламентских, в милицеских структурах. Известна история с шерифом Г. Пламмером, чьи агенты грабили золотые караваны в Монтане. Он действовал под

прикрытием закона. От рук его бандитов пало 102 человека, помимо тех, чьи останки так и не были найдены. На их стороне выступали и федеральные власти вкупе с несправедливым и подлым законом. Порой даже самые высшие служители Фемиды оказывались замешаны в аферах! Некий гангстер заявил членам комитета Сената: «Сегодня кругом рэкет. Каждый занимается рэкето́м на свой лад. Фондовая биржа – это тоже рэкет». Чтобы хоть как-то воспрепятствовать этому, в США стали создаваться комитеты бдительности и заявочные клубы. Дело решали просто и быстро. Со всей округи собирали старателей. Функцию судьи мог исполнить, скажем, медик, общественным обвинителем выступал кузнец, а в роли присяжных были все присутствующие. Троном правосудия служил фургон переселенца. Несмотря на попытки верховных покровителей защитить негодяев, бандитов вешали. Так должна действовать демократия! ^[230]

Основу реальной демократии, что на заре XIX в. придавала, на наш взгляд, крепость и силу трудовой и творческой Америке, составляли не выпускники вузов и не холёные джентльмены с лощеными физиономиями. Это были пионеры-трудяги, простолюдины лесной глуши, которые уже в силу их жизни и философии на практике осуществляли принцип верховенства народной воли. Все или почти все, что есть по сей день здорового и подлинно великого в нынешней Америке, шло и идет от них. Среди переселенцев было два типа граждан: тип фермера-труженика, рабочего, изобретателя, учителя и т. д., и другой тип – воротилы, мошенники, болтуны-политики, авантюристы. Первые желали зарабатывать на жизнь нелегким личным трудом. Вторые искали случая, чтобы путем убийств, грабежей, махинаций, подлости, составить состояние. К первым принадлежал Эндрю Джексон (1767–1845), ко вторым – Генри Клей (1777–1852). На стороне первого были фермеры-простолюдины и городской пролетариат. На стороне второго – буржуазия и аристократы, почувствовавшие вкус к спекуляциям. Запад был уже тогда весь пропитан духом спекуляции. Даже религиозные общины больше думали о деньгах, нежели о Боге. Один из миссионеров писал в 1818 г.: «Когда я прибыл сюда, к религии здесь относились пренебрежительно. Фаланга оппозиции выстроилась вдоль всей улицы. Для какой же цели они меня пригласили? Для спекуляций. Священник, церковь, школа – все это слова, необходимые для

рекламных объявлений о продаже земельных участков». Лихорадка охватила все слои населения (старых и малых). Особо быстро этой психологией заражались слабые и неустойчивые элементы общества. Появились и политики, которые, раздувая пламя неоправданных, порой паразитических ожиданий части народа, стали убеждать американцев в скором обогащении. Каждого обещали сделать Крезом. Среди таких жуликов был и Клей, заурядный мерзавец, ставший идеологом этой волчьей стаи спекулянтов.

Америка не могла не ответить на наглый вызов спекулянтов. Выразителем желаний и стал упомянутый Э. Джексон, «первый великий народный руководитель». Он родился в бедной ирландско-шотландской семье. Отец умер еще до его рождения. У семьи не нашлось денег даже на надгробный камень родителю. Не для того он уехал в Америку, чтобы и здесь поклоняться господам. Знание юриспруденции позволило заняться политикой. Его избрали в сенат, затем он стал членом Верховного суда штата. Все отмечали его железную волю, целеустремленность. Эти качества очень помогли ему после того, как в результате кризиса 1795 г. он разорился, потеряв большую часть состояния, дом и рабов. В 1822 г. он впервые выставил свою кандидатуру на президентских выборах, хотя для его мировоззрения было характерно отсутствие какой-либо четко сформулированной концепции государства. Важно, однако, другое: он сумел сохранить старые демократические убеждения, сблизившие его с простым народом. До конца дней он называл себя «старым республиканцем 1798 года». Его любимые выражения: «денежные тузы – капиталисты» и «гидра коррупции». Его победу на президентских выборах 1828 г. сравнивали с землетрясением. Это походило на извержение вулкана. Вулканом стали народные массы. Приход Э. Джексона открыл новую эру. Огромное число людей собралось на инаугурацию. Обозреватели сравнивали огромные толпы почитателей президента с «вторжением варваров» в Рим. Простые люди в грубых одеждах, нечищеной, запыленной обуви пожимали президенту руку, выражая ему свое восхищение. Очевидец вспоминал: «Воцарение Короля Толпы было действительно триумфальным».

В чем причина искреннего уважения простых американцев к Джексону? В нем они видели наследника великой освободительной революции! Ведь он еще юношей сражался за свободу Америки,

потеряв в битвах двух братьев. Джексон с детства питал глубокую симпатию к угнетенным и эксплуатируемым. В ходе делового опыта он испытал «глубокое отвращение к капиталистическим организациям Востока США». Он имел основания убедиться, что банки, накручивая проценты на кредиты, по сути дела разоряют деловую и промышленную Америку: «Это было просто невыносимо: видеть, как легко и привольно живущие банкиры Филадельфии и Нью-Йорка имеют все возможности погубить тех, кто трудится в поте лица в Теннесси». Джексон не забывал о своей близости к труженику. Ему обязаны американские рабочие тем, что на заводах и фабриках в 1836 г. был введен 10-часовой рабочий день (тогда трудились по 12–14 часов в день). Самым важным шагом президента стало то, что он железной рукой заставил «южан» выполнить волю союза. Когда один из лидеров южан – глава Южной Каролины Кэлхун – попытался ему перечить, Э. Джексон, глядя ему в глаза, твердо сказал: «Наш Союз должен быть сохранен!» Это фраза стала бессмертной и передавалась из поколения в поколение. Так же со временем будут (со стыдом и проклятиями) вспоминать имена разрушителей другого великого Союза – Советского Союза. Когда Каролина двинулась курсом сепаратизма, президент послал туда войска и военно-морской флот. Повсюду расклеили прокламации, объявляющие изменниками тех, кто решит отсоединиться от Союза путем восстания. Президент твердо заявил, что повесит сепаратистов. И сожалел, что не сделал этого.^[231] И мы сожалеем, что этого не сделали!

Когда мы говорим о демократических настроениях и взглядах американцев тех лет, нельзя ни на мгновение забывать о том, насколько все же ограничена и ущербна была демократия. Подтверждением тому было рабство, к слову сказать, нисколько не нарушившее законов их «цивилизации». Европа сказочно разбогатела на работорговле. Такса за рабов была высокой. За одного раба в XVIII в. платили 4 ружья, или 100 патронов, или 100 литров водки, или 12 пачек писчей бумаги. Их перевозили в Америку, как скот, и даже в гораздо более худших условиях. За четыре столетия европейцы вывезли 20 млн. африканцев. При этом в пути умерло 40 млн. человек. США были типичной рабовладельческой страной. Вопрос о рабстве ни разу с 1800 по 1815 гг. не поднимался в Вашингтоне, новой столице США (прежней была Филадельфия). Петиция Филадельфийского общества борьбы с

рабством повисла в воздухе. И Север долгое время шел в этом вопросе на поводу у Юга. Это и понятно, если учесть, что вся правящая элита Америки была родом из рабовладельческой Виргинии (хотя одно время так называлась вся территория колоний) – Джефферсон, Вашингтон, Мэдисон, Монро и другие. А вот как рассуждал о черных рабах просвещенный и гуманный Джефферсон: «Мнение, будто они стоят ниже по умственным способностям и воображению, следует высказывать с большой осторожностью. Чтобы сделать общий вывод, необходимо провести много наблюдений даже в тех случаях, когда субъект может подвергаться анатомированию, рассмотрению под микроскопом, тепловому или химическому анализу... Разрешите мне, кроме того, добавить еще одно весьма деликатное обстоятельство: наше окончательное суждение может низвести всю расу людей на более низкую ступень, чем та, на которую творец, возможно, их поставил. К своему стыду, следует сказать, что, хотя в течение ста пятидесяти лет перед нашими глазами прошли расы черных и красных, мы никогда не рассматривали их с точки зрения естественной истории. Я высказываю только как предположение, что черные, независимо от того, были ли они первоначально отдельной расой или время и обстоятельства выделили их, стоят ниже белых по физическому и духовному развитию... Злополучное различие в цвете и, возможно, способностях – значительное препятствие для эмансипации этого народа».^[232]

Негры и цветные были второй по очередности группой, которая испытала на себе все «прелести» свободной Америки... Сложившиеся у нас стереотипы о том, что в США якобы были «злые и плохие» южане-рабовладельцы и «честные и благородные» северяне-аболиционисты, не совсем верно отражают действительность. Европа, по словам историка, «почти опустошила свои тюрьмы и бордели», она похищала детей и подростков, чтобы насытить колонии Америки рабами. Дело в том, что доходы табачных плантаторов возросли настолько, что «колония, построенная на дыме», как говаривал Карл I, стала лакомым кусочком для короны. В 1672 г. была образована Королевская Африканская компания, получившая хартию от короля Карла II, официально занявшаяся работоторговлей. Вскоре рабство прочно укоренилось повсюду не только в Виргинии, но и в Нью-Йорке. В 1700 г. в городе было больше рабов в процентном отношении,

нежели в рабовладельческой колонии Виргиния – 15 процентов населения. В 1732 году в Нью-Йорке на 40 тыс. белых приходилось 7,2 тыс. черных рабов. Историки США отмечают, что рабство было широко распространено как географически, так и демографически. Замечу, что его плодами охотнейшим образом пользовались все экономические и социальные группы – торговцы, фермеры, квакеры и даже священники. Б. Букбиндер пишет: «На Лонг-Айленде... процветающие семьи имели 14 или более рабов, тогда как менее состоятельные белые обходились одним или двумя». Официально в штате Нью-Йорк с рабством покончили в 1827 г. Но следы его заметны буквально на каждом шагу до конца Гражданской войны. Рабов не допускали не только в школы, но и в церкви. Плантадоры считали опасными собрания «черномазых». Понятен тот негативный тон, которым Г. Торо охарактеризовал жителей Нью-Йорка (1843): «Свиньи на здешних улицах – самая респектабельная часть населения».^[233]

Что знает читатель о положении негров в США? Вероятно, кое-что из книги «Хижина дяди Тома» американской писательницы Г.Б. Стоу. Г. Бичер Стоу ступила на литературное поприще в 1832 г., написав школьный учебник по географии. Затем следует серия рассказов. После сборника рассказов и очерков («Мэйфлауэр») она всерьез задумалась над сюжетом из жизни негров (1851).

В США были честные и мужественные журналисты и редакторы. Одним из них был Г. Бейли, редактор «Национальной Эры», главного органа пропаганды аболиционистов. Уроженец Юга, он уже в 1839 г. освободил 21 раба, а из шести его сыновей пятеро стали офицерами армии Соединенных Штатов, четверо умерли от ран и болезней, полученных во время несения службы. Он и издал «Хижину дяди Тома». Об этом романе писали: «Миссис Стоу наконец завершила свое великое дело. Мы не помним какого-либо произведения американского писателя, возбуждавшего более широкий и глубокий интерес». Успех книги был ошеломляющим: менее чем за год книга разошлась в трехстах тысячах экземпляров. Г. Б. Стоу получила 10 тысяч долларов, а идеи аболиционизма обрели множество соратников и друзей. Реальность была более страшной. Приведем отрывок из дневника Токвиля («Путешествие в Америку»). Находясь в Балтиморе (4 ноября 1831 г.), тот однажды увидел негра, которого обуяло безумие... Не станем ничего ни прибавлять, ни убавлять к этой сцене. Токвиль

писал: «В Балтиморе живет некий торговец рабами, которого ужасно боится чернокожее население. Негр, о котором я поведу речь, вообразил себе, что этот торговец постоянно, днем и ночью, выхватывает зубами частицы его плоти. Когда мы вошли к нему в камеру, он лежал на полу, завернутый в одеяло, которое стало его единственным одеянием. Глаза его вылезали из орбит, а лицо выражало одновременно страх и ярость. Время от времени от сбрасывал с себя одеяло и кричал: «Уйди, уйди, не приближайся ко мне». То была ужасная сцена. Сей человек был одним из самых красивых негров, каких я только когда-либо видел. Он находился в самом расцвете жизненных сил».^[234] И таких трагедий было немало.

Борьба против рабства обострилась. Рабовладельцы громили редакции газет аболиционистов. Трижды разгромив типографию, убили редактора «Обозревателя» Э. П. Лавджоя. Он был близким другом семьи Г. Б. Стоу, которая разделяла идеи аболиционизма. Когда рабам удавалось бежать, писала она, «мы никогда не отворачивались от беженцев и помогали им всем, чем могли». Вопрос взаимоотношений рас встал остро как никогда. Появилась брошюра «Смешанные браки: теория смешения рас в приложении к белому американцу и негру» (1864). На юге страны вопрос решался просто: негра, уличенного в связи с белой женщиной, вешали. Бурную полемику вызвало дело Джона Брауна. Этот мужественный и религиозный человек посвятил жизнь делу борьбы с рабством. «Его великое сердце, – вспоминала его вдова, – страдало от страданий негров». Вместе с ним в борьбе за освобождение негров приняли деятельное участие его сыновья. Они с оружием в руках сражались за свободу людей иной расы, иного цвета кожи. В 1856 г. капитан Браун устроил канзасскую резню, перерезав горло пятерым рабовладельцам. Сыновей убили, а его, израненного, захватили рабовладельцы. Суд был коротким. Героя приговорили к повешению. Против приговора выступил писатель В. Гюго: «Берегитесь, чтобы убийство Брауна не было с точки зрения политической непоправимой ошибкой, которая пошатнет американскую демократию». Он требовал помиловать борца за свободу народов, говоря южанам, что это убийство «есть нечто более ужасное, чем убийство Авеля Каином, – именно – убийство, Спартака Вашингтоном». Но к виселице отца Брауна поведет актер Уильям Бут, который впоследствии приобрел громкую известность как

убийца Авраама Линкольна. Так причудливо порой завязывает старушка Клио, история свои остросюжетные узелки.

Гарриет Бичер-Стоу в год первого издания «Хижины дяди Тома»

Знаменательно, что и гуманист Г. Торо оправдал тогда теракты Брауна как «публично практикуемую гуманность». Он даже уравнил его с Христом, когда того повесили: «Около 1800 лет назад был распят Христос; вероятно, сегодня утром был повешен капитан Браун. Это суть два конца одной цепи, связанные между собой. Джон Браун был избран Богом и послан, чтобы стать освободителем тех, кто был в оковах, призван, чтобы стать избавителем для четырех миллионов человек, и послушно, как Христос, он взял свою жизнь и отдал ее за собратьев. Однако так же и в казни Христа, убить можно было только его тело. Теперь он еще живее, чем прежде. Он достиг бессмертия».

Аукцион по продаже имущества и рабов в одном из городов американского Юга. С гравюры XIX в.

В Брауне многие американцы увидели нового Кромвеля, создающего с мечом и Библией в руках государство справедливости. Его даже объявили национальным героем во время Гражданской войны Севера против Юга.^[235] Тем более нас потрясает фарисейство нынешних янки, которые осуждают русских за их отчаянную битву против рабовладельцев Юга (чеченцев).

В жизни все сложнее и серьезнее. Ведь если говорить о споре Севера и Юга, надо говорить о двух различных типах культур. Конфликты и противоречия были ясно обозначены в книге Х. Хелпера «Надвигающийся кризис» (1857). Хелпер, южанин из Северной Каролины, был последователем Т. Пейна. Он хорошо знал жизнь и все проблемы Юга. Он провел тщательное исследование экономики страны и вынес сокрушительный приговор рабовладельческому Югу. Книга потрясла южан. Многие из них даже не осмелились взять ее в руки. Северяне же, готовясь к тяжелой битве, поняли ее идейную и идеологическую значимость. Были собраны деньги, и книгу распечатали невиданным тиражом – 100 тысяч экземпляров. В книге речь шла о том, что южане – ничто без помощи Севера. Какую бы сферу человеческой деятельности вы не взяли, писал автор, везде жители Юга уступают гражданам Севера. Они вынуждены обращаться к Северу буквально за всем, за любым предметом массового потребления или украшения: от спичек и колодок для сапог до хлопкобумажных фабрик, пароходов, машин, библий, книг, учебников, наглядных пособий, картин, лекарств, модных одежд и очков. На Юге отсутствует иностранная торговля, нет хороших артистов, нет ничего... Всюду отмечены признаки упадка, инерции, ветхости, запустения, даже дикости. Идеология рабовладельцев приучает их взирать с презрением на любой новый прогрессивный принцип. На Юге, писал Хелпер, нет культуры, отсутствует умственная свобода, читатели, серьезная духовная активность. Южане полны тщеславия, самомнения и дикости.^[236]

Гражданская война Севера против Юга (1861–1865) явилась важнейшим этапом американской истории. Эту войну называют Второй американской революцией. США вступили в нее рабовладельческой республикой, а вышли (после ее успешного завершения) «страной свободы». В основе конфликта лежали вопросы политэкономического и социоэтнического характера. Задачей северян

не было освобождение негров. Поэтому свобода не могла прийти легко и просто, как в рассказе М. Горамы «Большой Джон Освободитель». Стоило слуге-негру, которого белый хозяин решил как-то вздернуть за некую провинность, уговорить одного из его приятелей трижды чиркнуть спичкой над петлей, приготовленной для него, и трижды произнести страшные заклинания, как его хозяин тут же испугался и сразу отпустил всех рабов на волю. Когда 20 декабря 1860 г. конвент штата Южная Каролина объявил о выходе из Союза (к нему присоединились 10 южных штатов), вспыхнула война. Война была безумием для тех и для других. Экономика взяла верх над общенациональными интересами. Южане стояли на позициях средневековья. Скажем, вот что заявил вице-президент Конфедерации Юга: «...В основу нового союзного правительства положена та великая истина, что рабство является естественным и нормальным состоянием негров», «возникшее правительство – первое правительство в истории мира, которое покоится на этой физической и нравственной истине!» Эта «истина» дикаря и бандита, разумеется, не имела ничего общего с положением передовой нации.^[237]

Всякий раз, когда речь идет о серьезном столкновении сторон, надо принимать во внимание всю совокупность фактов и факторов. В борьбе Севера против Юга на стороне первого были многие важнейшие компоненты. Так, Север безусловно был населеннее и богаче Юга. Согласно переписи населения 1860 г., почти две трети населения страны было представлено северянами. Перевес Севера оказался существен и в области имущества: из 16 млн. долларов движимого и недвижимого имущества страны около 11 млн. долларов приходилось на долю северян. Добавим сюда 1000 млн. акров свободных казенных земель на севере и западе, которыми Север мог в случае необходимости расплатиться со своими волонтерами. Стоило только честно и непредвзято сравнить эти цифры – и итог борьбы сторон становился ясен.

Столкновение между соотечественниками у всех обычно вызывает страх. Янки с дрожью в сердце читали строки У. Уитмена из пророческого стихотворения «Песнь о себе!» (1855):

Бей! бей! барабан! – труби! труба! труби!

В двери, в окна ворвитесь, как лихая ватага бойцов.

В церковь – гоните молящихся!
В школу – долой школяров,
Нечего им корпеть над учебниками,
Прочь от жены, новобрачный,
Не время тебе тешиться с женой,
И пусть пахарь забудет о мирном труде,
Не время пахать и собирать урожай,
Так бешено бьет барабан,
Так громко кричит труба!.. [\[238\]](#)

Северян к победе над рабовладельцами-южанам привел Авраам Линкольн. Он стал символом лучшей части Америки. В нем соединилась и воплотилась наиболее толковая и прогрессивная часть федеральной общины. Первый президент страны, прошедший путь от простого фермера до главы государства. Отец пытался отлучить его от образования. Ведь сам он никогда не учился, не умел читать и писать и побаивался учебы. Вот что об этом говорил сам будущий президент. Отец пытался ему внушить: «Думаю, что ты валяешь дурака с образованием. Я пытался остановить тебя, но ты вбил себе в голову эту дурацкую фантазию, и она застряла в ней. Вот я не учился грамоте, но дела у меня идут лучше, чем если бы я имел образование». [\[239\]](#) Но как раз невежество и подрывало все начинания отца. Лишь мачеха Авраама, Сара, защищала права отрока читать и учиться в свободное время. Хотя книжный багаж юноши был вначале довольно скуден: Библия, Бернс, «Басни Эзопа», «Робинзон Крузо», «Жизнь Генри Клея».

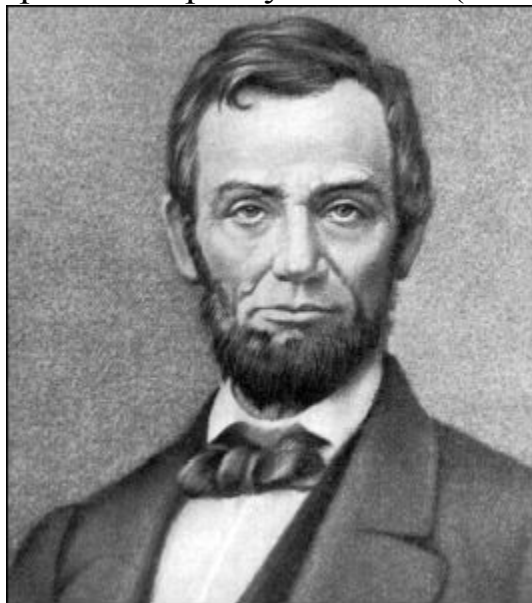
В политике А. Линкольн взял курс на партию вигов. В дальнейшем северные виги составят Республиканскую партию, тогда как южные примкнут к «демократам». Одной из самых ярких его речей стала двухчасовая речь 1839 г., на которой он показал всю лживость и вороватость американских «демократов». Он перечислил крупных чиновников, почтенных членов демократической партии, которые фантастически обогатились за счет воровства из казны. «Посмотрите на Свартаута, который украл миллион двести тысяч долларов, – говорил он, – на Прайса, укравшего семьдесят пять тысяч долларов, на Гарриса, похитившего сто девять тысяч долларов». Все эти господа и

многие другие преспокойно «удрали с этими деньгами, принадлежащими народу, кто в Техас, кто в Европу». Какой вдохновляющий и светлый пример для наших отечественных демократов – понятно, почему они учатся у американской демократии и преклоняются перед ней! Линкольн с тех пор воспитал в себе стойкое презрение к «демократии» воров и произнес твердую клятву, обращенную к американскому народу: «Перед лицом Бога и людей я клянусь всегда оставаться верным делу справедливости, как я его понимаю, во имя моей родины – страны свободы, страны, которую я люблю».^[240] Такой тип президентства крайне желателен и для России.

Успешная борьба за единство страны, ее будущее возможны лишь в том случае, если лидером страны станет выдающийся человек и патриот. Такой яркой личностью, обладающей железной волей, чувством ответственности и умом был Авраам Линкольн. Его простота, скромность и доступность поражали многих. Он готов был принять в кабинете всех, простых и знатных, и в любое время. Следует добавить, что в США слово «политик» традиционно считается бранным словом. Иные даже добавляют сюда эпитет «грязный». Совсем иной, более достойный смысл американцы вкладывают в слова «государственный деятель». В чем разница между этими понятиями? «Политик» в глазах американцев – это отъявленный прохвост, более всего обеспокоенный своими узкими и корыстными интересами. Заполучив в правительстве или администрации президента тот или иной важный пост, он сразу же начинает обогащаться. Государственный же деятель, напротив, – не на словах, а на деле служит стране и народу, способствуя росту их благосостояния, безопасности, мощи. Между этими двумя типами лежит пропасть!

В те времена и Америка разделилась на два резко полярных, непримиримых лагеря. С одной стороны, стояли республиканцы Линкольна, последовательно и горячо выступавшие за истинную свободу, за отмену рабства, за торжество справедливости (разумеется, в буржуазном смысле слова). С другой – демократы, или самая дикая и оголтелая часть рабовладельцев и реакционеров (видимо, не случайно в прогрессивной печати за ними закрепилось прозвище «медянки», т. е. ядовитые гадюки). К чести большинства американского народа, что он не захотел иметь во главе страны демократа. Во время повторных выборов, как известно, победил Эйб. После завершения

избирательной кампании республиканцы говорили: «Избранием Линкольна... народ решил, что нация будет жить, а рабство умрет». Будем надеяться, что вскоре во главе такой могущественной страны как США окажется президент-республиканец (что и произошло).

Авраам Линкольн

Победа президента-демократа в США означала бы трагедию не только для негров, но и катастрофу для страны. Курс демократов был губителен для будущего. Журнал «Современник» в России писал следующее: «Торжество Линкольна равносильно заявлению американского народа, что он, несмотря на все тягости войны, готов принести всевозможные жертвы имуществом и кровью своею для сохранения нераздельности национального союза и для совершенного уничтожения невольничества, корня восстания и всего зла». Кстати, и в США избирательную кампанию «демократа», кандидата в президенты Макклеллана финансировали еврейские банкиры (Ротшильд, штаб-квартира которого была в Париже). Для выполнения миссии Ротшильд даже направил в США специального агента — Бельмона. В дальнейшем и путь кандидатов-демократов и близких к ним лиц (в России), как увидим, лежит через США. Линкольн оказался куда более крепким орешком для демократов-рабовладельцев и их зарубежных сторонников. [\[241\]](#)

Как известно, попытка южан отколоть от страны 11 штатов в ходе войны (1861–1865) стоила американскому народу 600 тыс. убитых и миллионы раненых. При этом резко замедлился рост производства (до

2 процентов в год), страна понесла огромные материальные потери. На 13 процентов уменьшилась производительность труда. Радикальным республиканцам не оставалось ничего как прибегнуть к «якобинским методам»... Их армии победоносно прошли по восставшим штатам рабовладельческого Юга. Генерал Шерман в 1864 г. совершил свой знаменитый «марш к морю», в тыл мятежников... Он взял Атланту, гнездо южан, а федеральный флот Фэррагута разгромил их военноморские силы в бухте Мобил. Замечу и напомним горе-политикам России: в регионах с расистско-сепаратистскими устремлениями правительство Севера фактически ввело военно-политическую диктатуру! Сохранение единства Америки и разгром сепаратистов заложили мощный фундамент будущего величия страны. Американцы не только смогли уничтожить рабство, но сумели-таки не допустить распада союза.

В гражданских войнах не бывает ангелов... Скажем, один южный «партизан», Николс из Миссури, был расстрелян за то, что имел обыкновение насыпать порох в уши попавшим к нему в плен северянам. Затем поджигал порох. Взрыв разносил в клочья головы несчастных пленных. Когда его поймали, у него нашли несколько человеческих ушей. Его тут же расстреляли. Что и говорить, прекрасно, если есть хоть малейшая возможность избежать гражданских войн. Они разделяют страну на два люто ненавидящих друг друга лагеря. Однако для этого стороны должны быть готовы к компромиссу и поступиться частью несправедливо нажитых богатств. Увы, безудержная алчность слишком часто лишает власть, богачей и их прихвостней элементарного рассудка. В итоге они теряют все. В Америке отголоски тех давних антипатий нет-нет да пробиваются сквозь скорлупу национального единства. Впрочем, война воочию показала: создавшие невиданную по мощи и волчьей хватке республику люди были, по сути своей, жестоки и беспощадны. На сей счет не должно быть никаких иллюзий.

Известная писательница М. Митчелл, южанка и «покорительница Америки», урожденная СГХара, так описывает в романе «Унесенные ветром» некоторые «подвиги» и нравы своих соотечественников – северян: «Всем было хорошо известно, что творили янки в Миссури, в Кентукки, в Теннесси, в Виргинии. Даже малые ребяташки, дрожа от ненависти и страха, могли бы поведать об ужасах, содеянных янки на

покоренных землях. В Атланте уже было полно беженцев из восточных районов Теннесси, и город узнавал из первых рук о перенесенных ими страданиях. Там, как во всех пограничных с Северными штатами областях, сторонники Конфедерации были в меньшинстве, и война обернулась к ним самой страшной своей стороной, ибо сосед доносил на соседа и брат убивал брата. Все беженцы требовали в один голос, чтобы Пенсильванию превратили в пылающий костер, и даже деликатнейшие старые дамы не могли при этом скрыть своего мрачного удовлетворения».^[242] В гражданских войнах озверение охватывает всех.

После поражения в войне реакционеры попытались восстановить рабовладение на юге путем введения «черных кодексов». Убиты были тысячи негров в Мемфисе, Чарлстоне и Новом Орлеане. Позже в США делались попытки оправдать все преступления южан-сепаратистов. «Школа клиометристов» (Фогел, Энгерман) попыталась было доказать, что плантационное рабство на 35 процентов производительнее, чем свободные фермерские хозяйства, что среднему рабу доставалось около 90 процентов производимой им прибыли, что каждый раб подвергался наказанию плетьюми не более 0,7 раза в год и т. д. Все эти попытки равносильны тому, как если бы кто-либо решил обелить преступников, вызвавших крушение державы и гибель сотен тысяч людей, а то и миллионов во имя накопления кучкой людей чудовищных сверхприбылей.^[243]

Что же касается обучения негров, то до окончания войны Севера против Юга об этом речь не шла вообще. Сднako и после освобождения вчерашние рабы не сразу смогли найти себе пристанище и пищу. В 1869 году из 4 миллионов бывших рабов помощь от властей получал лишь один из 200. Первые серьезные попытки дать неграм образование относятся к 1865 г., когда правительство утвердило так называемое «Бюро Фридмена». В его обязанности входила организация школьной системы для негров на Юге. Около 750 учителей и миссионеров отправились инструктировать 75 тысяч негритянских детей и подростков. Негры вынуждены были сами строить первые свои школы (к марту 1869 г. было создано 630 школ). Сразу же с них стали брать плату за обучение. Однако отсутствие у многих из них денег вынуждало их расплачиваться натурой (яйца, цыплята, зайчатина и т. п.). Одним словом, к 1868 г. 40

процентов семей негров платили за обучение своих детей. К тому же и само обучение оставалось для них делом далеко не безопасным. Расисты нередко поджигали школы, разгоняли детей цветных и даже их учителей.^[244] Конечно, были достойные люди. В Америке сильны традиции благотворительности. Иные старались сеять семена разума и добра. Как писал русский эмигрант П. А. Тверской, преуспевающий фермер и фабрикант, в США получило распространение массовое пилигримство белых американок из обеспеченных семей Севера в самые захолустья Юга (60-е годы XIX в.). Цель их – обучение негров грамоте. С их помощью налаживалась образовательная и благотворительная помощь в больших городах Америки, битком набитых толпами эмигрантов из разных частей света. Многие из них приезжали на Юг совершенно без знания языка, обремененные детьми.^[245]

Президенту Линкольну в годы войны пришлось решать нелегкие финансовые задачи. Финансовое положение Севера было в те годы близким к катастрофическому. Государственный долг составлял 75 млн. долларов (понятно, что тогдашний доллар был совершенно иной наполненности), а в казне оставалось всего лишь 1,7 млн. долларов. Как накормить народ, ведя одновременно жесточайшую войну? Линкольн назначил министром финансов бывшего губернатора и сенатора из Огайо Салмона П. Чейза. Ему должны были помогать по финансовым вопросам законодатели Тадеуш Стивенс, Джустин Морилл, Эмбридж Сполдинг и Уильям П. Фессендер. У всех у них был небогатый опыт решения острых проблем. Тогда Америку охватил острейший финансовый кризис. Выплаты в звонкой монете прекратились, долги росли, деньги стремительно обесценивались. Чейз предложил стране выпустить ценные бумаги с процентной ставкой в 7–7,3 процента. Однако при этом строго предупреждал всех и вся: «Необходима наибольшая осторожность, чтобы предотвратить превращение этих выпусков в неразменное бумажно-денежное обращение, которое несомненно может явиться наиболее верным средством для обеднения народа и для потери доверия к правительству». Умные банкиры Америки поняли эту истину 130–140 лет тому назад лучше, чем иные деятели в России конца XX в. Но надо было мобилизовать капитал на ясных и четких условиях.

Президент Линкольн зачитывает Акт об отмене рабства

25 февраля 1862 г., день, когда законопроект о выпуске государственного займа принял силу закона, считается важнейшей гранью в истории деловой Америки. Закон постановлял: 1) выпустить на 150 миллионов долларов казначейских билетов США, обладающих законно-платежной силой; 2) выпустить на 500 миллионов облигаций, приносящих 6 процентов прибыли со сроком погашения от 5 до 20 лет; 3) выпустить вкладные свидетельства, приносящие 5 процентов прибыли (в обмен на казначейские билеты США); 4) создать Фонд погашения государственного долга. Заметьте, что речь шла о ситуации чрезвычайной: шла война. Правительство прислушалось к голосу конгресса, а не банкиров-спекулянтов. Д. Дьюи писал: «Схема банковских деятелей не вызывала сочувствия и со стороны лидеров политических партий, которые были проникнуты духом национального суверенитета. На банки они указывали, как на «лихоимцев» и «ростовщиков», «бегание» на Wall Street с целью раздобыть деньги строго осуждалось». Хотя далеко не все тогда одобряли денежную эмиссию. Морилл, к примеру, считал, что если это жесткая военная мера, то она, видимо, даст больше преимуществ врагу: «Я скорее снабдил бы армию китайскими деревянными пушками, чем только бумажными деньгами». Так вот и появились на свет «гринбэки» («зеленые доллары»). Можно понять безвыходность тогдашней ситуации. Не забудьте, что доллар – дитя, появившееся на свет не по доброй воле, а жертва политэкономического аборта! Поэтому массовый выпуск долларов вскоре привел к росту цен на золото и повышению цен на товары. Содержание золотого эквивалента в бумажном долларе сократилось наполовину в 1862–1865 гг. Как это и бывает обычно, основная тяжесть бремени легла на рабочих страны,

ремесленников, фермеров, солдат, клерков. Стремясь изыскать какие-то деньги, правительство обложило налогами спиртные напитки, пиво, табак, аукционы, золото, серебро, железные дороги, пароходы, паромы, яхты, банки, страховые компании, а также весь класс чиновников снизу доверху.^[246]

Банкиры повели себя так, как они привыкли вести себя везде и всюду, то есть нагло: они явились прямо в Вашингтон и сказали президенту и правительству, что им не нравится то, как те руководят страной (тем же языком пытаются сегодня говорить с президентом в России иные губернаторы-сепаратисты). Поскольку они дают деньги, то президент и правительство должны делать в политике то, что они, банкиры, им порекомендуют. Тут поднялся конгрессмен Келог и сказал, что если капиталисты не принесут денег добровольно, то он выскребет ради нужд страны «последние центы из касс штатов, из касс капиталистов, из касс граждан» и отдаст все эти деньги в распоряжение правительства. Однако не все готовы были доверить капиталы президенту и правительству. Война породила невиданные масштабы спекуляции и коррупции. Торговцы и спекулянты получали баснословные барыши, воруя, поставляя недоброкачественный товар, получая чудовищные взятки за поставки. По указанию Линкольна с помощью тайной агентуры в бизнесе были вскрыты массовые случаи хищений, коррупции и мошенничества. Сотни казалось бы солидных банковских счетов обязаны происхождением торговле строго запрещенными спиртными напитками, медикаментами, стройматериалами, дефицитным сырьем, нарушением блокадных ограничений и т. д. Прибыли делали на чем угодно: на плохом зерне, гнилой материи, картонных подметках сапог. Одним словом, как с убийственной иронией написал английский журнал «Блэквудс магазин»: «Большая война всегда больше создает подлецов, нежели убивает». Чем выше был пост чиновника, тем больше у него имелось соблазнов и возможностей. Какое-то сплошное месиво из правящих высокочинных воров, состоящее из губернаторов, конгрессменов, сенаторов, военных, чиновников администрации. Журналы и газеты писали о том, что в Нью-Йорке отели, рестораны, ювелиры, портнихи перекрыли все рекорды выручки. Ворье бурно проживало жизнь за границей и дома. По сообщению «Лезлиз уикли», за год импорт бриллиантов достиг просто сумасшедшей суммы – 2 млн. долларов.

Крупные тузы застегивали жилеты пуговицами из бриллиантов, золото украшало их жен и кокоток во время приемов и всяческих зрелищ. Покупая свежие персики, их дамы наивно удивлялись: «Мы не чувствуем тягот войны». А в это время шинели, кителя, штаны, обувь солдат, защищавших родину и дело свободы, с первым дождем превращались в лохмотья и расползались. Солдаты недоедали, часть фермеров едва сводили концы с концами. Рабочие фабрик, мастерских, в типографиях, на железных дорогах вкалывали за доллар в день – обычная поденная плата в то время. Рабочий день продолжался по 12–16 часов. Дельцам и высокопоставленным чиновникам до них не было никакого дела. Они отдыхали, устав от спекуляций. Газета «Рипабликан» писала о диких скандалах в банках и министерстве финансов США: «Один из отделов министерства финансов стал домом обогащения и проституции. Члены конгресса устроили своих любовниц на должности секретарей». Чиновники за казенный счет денно и ночно накачивали себя виски. С правительством заключались жульнические договоры на поставки. Чиновники совершенно открыто грабили казну. «Вашингтон никогда не был охвачен такой мерзкой коррупцией, как сейчас».^[247] Это был какой-то безумнейший пир во время чумы!

В то же время нет сомнений, что порядки, царившие в южных штатах, являлись данью еще более дикому средневековью. Продолжай Юг и дальше упорствовать, он не смог бы вписаться в современную промышленную систему. Лишь покончив с безумными мыслями об отделении от США и всерьез занявшись экономическим развитием и обустройством этого региона, он обрел истинную свободу и благополучие. К счастью, главная рабочая сила Юга – негры не покинули те земли, но после некоторого перерыва все же вернулись на фабрики и плантации. Сюда же двинулись и многие белые. Возникли профсоюзы. Немалое значение имел и характер политического устройства. В США политик, аристократ-рабовладелец, бюрократ не имели решающего веса, или пользовались довольно ограниченным влиянием в общественной жизни. Большая часть населения страны все же исповедовала иные ценности. В споре с южанами победили не только и не столько северяне, сколь более эффективный и перспективный способ производства, стиль жизни и деятельности, если угодно, иной образ современной цивилизации, более деловой и

прогрессивный. Победив, Север сразу же взялся за решительную реконструкцию системы общества. Французский историк Ф. Бродель в труде «Материальная цивилизация, экономика и капитализм» прямо говорит, что в Америке в XVIII в. и в первой половине XIX в. наблюдался только «второразрядный капитализм», тогда как истинный капитализм «все еще находился в Лондоне, в центре мира». [\[248\]](#)

Война между соотечественниками, конечно же, оставила страшные раны на теле всей страны. Матери оплакивали убитых и замученных детей, погибших от ран и болезней. Чтобы читатель наглядно представил себе ситуацию, в которой пребывали южане после 1865 г., обрисую вкратце обстановку в южных штатах. Происходившее там можно с полным основанием назвать началом контрреволюции (войну 1861—65 гг. называли Второй американской революцией). В южных регионах, несмотря на «демократию», у власти остались старые лисы-политиканы (конфедераты). Они не думали уступать своих, как они считали, законных прав кому бы то ни было. Они желали вернуть плебс в рабские латифундии, где их роды и кланы оставались полновластными хозяевами. Крича на весь мир о свободе и самостоятельности, они втайне стремились к деспотии и варварству. Уже попытки бюро Фридмана (созданной на юге страны организации для распространения образования среди негров) открыть неграм доступ в школы встретили бешеное сопротивление реакции. Прогрессивные организации типа «Союзной Лиги», «Герои Америки», «Братство Линкольна» подверглись ожесточенным атакам южан-рабовладельцев. Что же вызвало их ярость? Не только попытка дать знания освобожденным неграм, но сама мысль о равенстве негров с белыми, о праве осуществить политическую волю в ходе выборов. Для вчерашних владык Юга страны распространение подобных идей казалось кощунством куда более страшным, чем уничтожение той же Атланты или резня и погромы, устраиваемые во время знаменитого марша армий генерала Шермана к морю. В конце концов, это была война, а на войне как на войне. Но когда центр покусился на святая святых их «демократии», на право эксплуатировать и убивать черных (или белых), те встали на дыбы. Головорезы организовали ку-клукс-клан (1865), назвав его «невидимой империей». В течение месяца бандиты приняли свой ритуал, правила, название и приступили к террору. По их примеру на юге США возникли другие отряды убийц и

головорезов. Они обзавелись устрашающими кличками типа Драконы, Гидры, Фурии, Титаны, Ночные ястребы, Волки. Ритуалы террористов включали устрашающие ночные рейды, балахоны и факелы.

Разумеется, всякое поражение вызывает у нации (в данном случае мы имеем полное право воспринимать южан США почти как отдельную нацию – со своим укладом, философией, верой и т. д.) глубокие психологические и моральные стрессы, а также желание отомстить обидчику и, возможно, даже добиться реванша. Как мы знаем, у южан месть играет не последнюю роль. Новая жизнь, которую постарались внедрить плутократы Севера, была все же глубоко чужда белым обитателям Юга. Когда же им внушили, что отныне все свободны и нет уже более границ так называемой свободы, наружу выплеснулась дикость и дремучесть. Иных подхлестывало отчаяние. Многие лишились своих домов, родных, близких, знакомого им уклада жизни. Единственный «рациональный» ответ аборигена в таких случаях прост – террор, захват, поджог, убийство, пытка. Юг в те злосчастные и трагические времена представлял жуткую картину. Начались массовые убийства мирных граждан всех национальностей и цвета кожи. Первыми стали убивать негров-собственников, у которых были земля и недвижимость. Заодно под шумок уничтожали и неугодных белых. Банда в Миссисипи призналась в убийстве 116 негров, чьи тела бросили в реку. В Северной Каролине группа ку-клукс-клановцев в ходе 260 акций убила 7, высекла 72 белых, 141 негра. В Южной Каролине в 1870 г. было убито шестеро, 300 подверглись бичеванию. Это был полнейший беспредел.

События, последовавшие после окончания гражданской войны, еще раз воочию продемонстрировали, сколь выборочной оказалась американская демократия. В результате выиграли белые, а негры и цветные получили лишь иллюзию прав и свобод. Так, хотя на Юге негритянское население увеличилось с 4 млн. в 1860 г. до 8 млн. в конце XIX в., их положение ничуть не изменилось по своей сути, лишь оплата труда стала производиться деньгами или частью урожая. Верховный суд отменил «принудительные законы» 1870–1871 гг. о конституционных правах всех граждан. В 1883 г. был объявлен не соответствующим конституции закон 1875 г., обеспечивавший неграм равные с белыми права в отелях, театрах и других публичных местах. Как отмечают историки, негритянские дети вынуждены были

посещать и особые школы. Но даже там, где негры составляли большинство населения, таковых школ оказалось немного. Смешанные браки запрещались. В 1881 г. в Теннесси был принят закон Джима Кроу, по которому негров обязали ездить в отдельных вагонах или купэ. Подобные законы широко распространились повсюду на Юге. С 1883-го по 1903 год произошло около 2 тыс. случаев судов Линча. Только за 1892 г. линчеванию подверглось 235 негров. Таковы были «плоды свободы». ^[249]

Сотрудникам федеральных служб приходилось жить на Юге в условиях, близких к боевым. Один из федеральных агентов вспоминал, как вынужден был в Теннесси месяцами спать, держа в одной руке револьвер, в другой – заряженную двустволку, а под подушкой – топор. Особую ненависть местные головорезы испытывали к членам отрядов негритянской милиции. Имена их лидеров были внесены в так называемую Книгу Смерти. По улицам Юга дефилировали процессии, несущие гробы с именами известных северян-радикалов. На них были надписи такого рода: «Мертвый, проклятый и избавленный от земных хлопот». В Арканзасе капитана негритянской милиции убили на улице, среди бела дня. В Южной Каролине застрелили белого руководителя отряда Дж. Круса. В Миссисипи зверски убили известного сенатора-негра Ч. Колдуэлла. Так отреагировали южные экстремисты на попытку конгресса США установить федеральные законы. И это в «самой демократической стране мира»! Юг стал трагедией и испытанием для США.

Кто развязал вакханалию убийств, захватов, грабежей? Будучи внешне, казалось, смущены подобными дикими эксцессами (как-то неудобно перед мировым общественным мнением), иные приличные и глубокоуважаемые члены южной республики попытались уверить всех, что в терроре участвуют якобы лишь низшие слои – «пьяницы и бродяги, не уважающие законы». Вину за преступления южане попытались свалить на невежественных люмпенов, лишенных всякого образования. Демократы Севера с пеной у рта оправдывали и восхваляли действия «свободных и благородных южан», величая отпетых бандитов и уголовников, возглавлявших подразделения ку-клукс-клана, «рыцарями свободы». За спинами убийц стояла самая что ни на есть избранная элита, набравшая на подобной грязной и кровавой политике политические очки и деньги, не брезгуя открытым

воровством и грабежами. Историк Дж. Франклин писал: «Трудно себе представить, как это цвет южной нации уступил лидерство в ку-клукс-клане столь безответственным элементам своего сообщества. Лидерами ку-клукс-клана в Алабаме были генералы Дж. Х. Клэнтон (в прошлом адвокат вигов) и Дж. Т. Морган, сенатор Соединенных Штатов. Среди ку-клукс-клановцев: в Миссисипи генерал А. Пайк, поэт и журналист; в Северной Каролине – бывший губернатор У. Л. Саундерс, полковник конфедератов и издатель; в Джорджии – генерал Дж. Б. Гордон, богатый член страховой компании; великим магистром отделения ордена был генерал Н. Бедфорд». Особый интерес (в контексте Чечни) представляет ответ на вопрос: «Как федеральному правительству удалось справиться с контрреволюцией, бандитами и убийцами, занявшими правительственные кресла в южных штатах?» Новые губернаторы, сторонники Реконструкции, взялись за дело решительно и смело. Губернатор Теннесси, где фактически и начался мятеж против единства американского государства, отреагировал по-военному четко и твердо. Он прямо объявил мятежников «заговорщиками» и «предателями». В 1868 г. в штате было введено, по сути дела, чрезвычайное положение («во имя сохранения мира»). Приняты были и другие жесткие меры, получившие названия «Законы против ку-клукс-клана». Любой, кто принадлежал к этой организации, принимал участие в ночных рейдах, терроризируя людей и угрожая мирной жизни, наказывался штрафом в 500 долларов и получал тюремный срок не менее 5 лет. Доносившим на заговорщиков и бандитов отдавали половину или три четверти штрафа. Огромные штрафы налагались на правительства штатов, допустивших деятельность бандитов на своей территории. Деньги шли на школы. В Алабаме любой, кого заметили в маске и камуфляже, считался виновным в антизаконной деятельности *prima facie*. Аналогичные законы ввели и другие. В Теннесси, Арканзасе, Северной

Каролине против ку-клукс-клана бросили спецвойска. С бандитами поступали по закону военного времени. Их расстреливали тут же – прямо на месте.

И все-таки даже не эти жестокие меры подорвали влияние Ку-клукс-клана и привели к его роспуску. Южане с немалым трудом, с сомнениями, но все же стали постепенно понимать бесперспективность и вред акций. Президент США Грант занял

позицию бескомпромиссной борьбы с сепаратистами. Вокруг него не свили гнезда, как вокруг нашего, «демократические гадюки». По закону 1871 г. действия мятежников уже прямо подпадали «под восстание против правительства Соединенных Штатов». В районы мятежа были введены федеральные войска. В 1871–1872 гг. последовали массовые аресты. Конгресс США создает специальные комиссии, которые расследуют все конфликтные ситуации (кстати, среди членов комиссии были и южане). И все же итог первых лет борьбы против клана нельзя назвать очень оптимистичным для федералов. Федеральная власть вынуждена на время предоставить Юг собственной его участи. Патриотическая пресса США поддержала федеральную власть. Каждый инцидент и преступления южных бандитов широко обсуждались. Там пресса ориентировала общественное мнение в пользу единства Соединенных Штатов, а не в пользу сепаратистов и бандитов, как часто поступала враждебная России «демократическая», а на самом деле сионистская печать.

Возможно, не столько для американцев, сколько для нас несомненный интерес представляет тот период, который последовал за окончанием гражданской войны в США... Если северяне чувствовали себя победителями, то южане оказались в положении побежденных. Юг лежал в развалинах. Голые поля, сожженные города, разрушенные мосты и дороги. Самым ощутимым было то, что вся экономика Юга оказалась разрушенной почти что до основания. Ресурсов для восстановления не было. Жители пребывали в смятении и неуверенности. Тысячи и тысячи беженцев скитались по стране (белых и черных). Старый порядок рухнул. Никто не знал, что их ждет в будущем. Среди белых южан ходили ужасные слухи. Якобы негры должны были приступить к актам мщения. Все это понятные ситуации и настроения побежденной стороны. Гораздо большее значение в годину поражений и испытаний имеет волевой и моральный настрой обитателей. Историк говорит о сути психологической: «Сердце южанина в итоге этой войны оказалось разбитым. Вера его в своих лидеров дала трещину. Конфедерация потерпела поражение, и огромное большинство ее граждан согласилось с фактом военного поражения. Это отнюдь не означало, что они приняли политику президента Линкольна, экономику Чейза, или моральные принципы Гаррисона. Южанин в те годы только посмеялся бы над мнением

наивного северянина, который высказал бы мысль о возможности перерождения Виргинии на основе идей победителей и их свободных институтов». Время сделало свое. Конечно, вся страна должна была быть перестроена, но только на основе южной идеологии и южных институтов. Так считали южане. В битве при Аппоматоксе не произошло ничего, что заставило бы граждан Юга изменить этой фундаментальной уверенности. Привязанность белых южан к их образу жизни стала в итоге еще более крепкой, чем раньше, и они были полны решимости и готовности сохранять былые порядки. Конечно, некоторые из них испытали горечь. Вся их жизнь пошла наперекосяк. Однако другие выражали готовность работать и если необходимо, то и драться за свои ценности. Готовность выжить и сила духа были велики. Потерпев поражение, те южане не стали безвольно складывать руки, а энергично принялись за восстановление.^[250]

Америка – жестокая и суровая страна. Она создана на землях изгнанных, уничтоженных, покоренных, заключенных в резервации народах. Поколения выросли в рабской колыбели. Честно говоря, не хотелось бы, чтобы описание своеобразной культуры выглядело как «голова мертвеца на праздничном пире» («death's head at a feast» – англ.). Тем более что внешне Америка, казалось бы, давно и весьма решительно отбросила рабовладельческие формы управления. Но душа их рабской эксплуатации жива: откровенная жестокость, презрение к униженным и слабым составят тайную веру, внедренную беспощадной действительностью. Когда Христофор Колумб вступил на землю Америки, в отношении индейцев он высказывался весьма недвусмысленно: «Мне сдается, что местные жители обладают изобретательным умом и могли бы стать хорошими слугами». Этот стратегический курс в отношении аборигенов был взят на вооружение американскими колонизаторами. До открытия Америки на территории Северной Америки проживало по разным оценкам от 10 до 12 миллионов человек (сотни племен, говоривших на многих языках). Согласно другим оценкам, эта цифра была значительно большей – до 90—110 млн. человек (Г. Ф. Добинз, 1966 г.). Какова их судьба? Иначе как трагедией это не назовешь. Индейцы не выдержали столкновения с цивилизацией Старого Света. Вот что писал американский историк С. Бручи: «Начнем сначала, со времен, предшествовавших появлению европейцев в Америке, и поговорим немного об индейской

цивилизации, с которой столкнулись англичане при попытках основать поселения в Северной Америке в начале XVII столетия. Историки конца XX в. иногда называют это «повторным заселением» американского континента вторгшимися туда европейцами. Кто действительно вторгся, так это бактерии, принесенные из Европы сотнями первопроходцев и торговцев к началу XVII века. Это вторжение было настолько «успешным», что лишило жизни 90 процентов коренного населения на территории, которой впоследствии предстояло стать Соединенными Штатами. Коренное население, численностью от 10 до 12 млн. (по разным оценкам), сократилось к моменту высадки английских колонистов в Плимут-Роке в 1620 г. примерно до 850 тыс. человек». Потрясающий цинизм. Попытка «списать все на бактерии» выглядит бессовестно. Факты говорят о другом: на протяжении первого столетия колонизации погибло до 95 процентов коренного населения Америки от рук белых поселенцев. Таков итог столкновения двух культур.^[251]

Б. Франклин в «Заметках о североамериканских индейцах» выражал серьезные сомнения в том, что белые превосходят индейцев в цивилизованности. Он писал: «Мы называем их дикарями потому, что их обычаи отличны от наших, а наши мы почитаем вершиной цивилизованности. Они, в свою очередь, почитают вершиной цивилизованности свои. Я думаю, что, если мы беспристрастно рассмотрим обычаи разных народов, мы не найдем настолько диких народов, чтобы у них нельзя было усмотреть благовоспитанности; равным образом мы не найдем и ушедших вперед народов, у которых не сохранились бы грубые нравы...»^[252] Однако такого рода призывы оказывались гласом вопиющего в пустыне.

Многие племена индейцев были разгромлены еще до революции. Одной из самых жестоких стала война белых против наррагансетов в 1675–1677 годах. Некогда их вождь спас белых поселенцев от голодной смерти. Белые в ответ на добро казнили его сына, водрузив голову на кол, а священник К. Мэзер взял на память кусок его челюсти. Стороны дрались с величайшим ожесточением. Белые колонисты вырезали мирное население буквально поголовно – мужчин, женщин, детей. Пытали пленных, сжигали их на кострах, скальпировали, цинично нарушая договоры и т. д. В 1723 г. власти Массачусетса выплачивали 100 фунтов стерлингов в виде вознаграждения за скальпы

индейцев, власти Пенсильвании – 130 испанских долларов за скальп мужчин старше 12 лет и 50 долларов за скальп индианки. Белые втягивали индейцев во все войны, какие только шли на территории Америк, что и приводило к опустошению, схожему с эпидемиями чумы или холеры. Индейцы мужественно сражались за свои земли и свободу. В 1763 г. разразилось грозное восстание Понтиака, вождя оттавов: индейцы 6 месяцев держали в осаде г. Детройт, перебив 2 тыс. британских солдат и поселенцев. Они даже нанесли сокрушительные поражения генералам Хармеру и Сен-Клеру у Цинциннати (1790–1791). Силы были неравные. Попытки индейцев объединиться, создать индейскую республику оказались тщетны из-за распрей, чем ловко пользовались колонисты-американцы. В Северо-Западном ордонансе декларировалась независимость индейских племен: «В отношении индейцев всегда будет соблюдаться предельная справедливость. Их земли и собственность никогда не будут отторгнуты без их согласия; их права и свободы не будут ущемляться» (1787). Однако власти США обманули индейцев самым подлым и бессовестным образом.

Насколько можно верить американцам и подписываемым ими договорам, свидетельствуют следующие факты. Президент Т. Джефферсон заявил, не стесняясь: «Наша сила и слабость индейцев теперь настолько очевидны, что они должны понять: чтобы сокрушить их, нам достаточно прихлопнуть их рукой». А в 1808 г. в письме к делаварам и могикам утверждал: «Вы смешаетесь с нами, ваша кровь будет течь в наших жилах и вместе с нами распространится по этому великому острову». Их кровь действительно смешалась с кровью белых поселенцев, но совсем в ином, более страшном смысле... В начале XIX в. колонисты Джорджии приобрели за деньги (мизерные суммы) у племени криков около 6 миллионов гектаров и у чероки 400 тысяч гектаров земель. О том, как приобретались земли в США, говорит такой факт. Отец Джефферсона, владелец табачных плантаций и мировой судья, приобрел свои земли (ни много ни мало, а более 160 га) всего за бочку пунша... Белые этим не удовлетворялись, но решили полностью искоренить индейцев. Началось их планомерное уничтожение. Появились гуманные лозунги типа «Дикари должны уйти», «Хорош лишь мертвый индеец».

Федеральное правительство развязало ряд крупных войн с индейцами в первом десятилетии XIX в. (с племенным союзом шауни,

с конфедерацией криков, с семинолами). Войны с сиу, чейен и навахо (1862–1867) обошлись правительству США в 100 млн. долларов. Президенты Джексон и Тейлор снискали славу убийц индейцев. В 1876 г. объединенные силы индейцев нанесли белым самое тяжелое поражение за всю историю, в схватке уничтожив генерала и 300 солдат. Несмотря на неравенство сил, сопротивление белым захватчикам было велико. Героически сражался вождь сименолов Оссеола, 7 лет успешно отражая атаки 7 лучших генералов США. В конце концов, Америка признала поражение и вынуждена была пойти на переговоры. США взяли Оссеолу коварством: пригласив на переговоры, гарантировав ему безопасность, его оглушили ударом по голове, связали, бросили в подземную тюрьму, где вождь умер. Так действовала и действует по сей день эта «самая честная и демократическая» из всех наций. [\[253\]](#)

В этой борьбе янки не брезговали ничем... Они не только убивали их везде, где только было можно, но и спаивали индейцев, заражали их, даря одеяла, оставшиеся после смерти прокаженных и больных чумой. Это был настоящий геноцид истинных и главных хозяев Америки. Писатель Л. Буссенар в книге «Без гроша в кармане» (1895) так писал о взаимоотношениях хозяев континента и американцев, установивших там «самый гуманный мировой порядок»: «Американец, говоря об индейцах, обычно называет их «краснокожими скотами». Этот эпитет возникает сам собой, когда речь заходит о туземце, который для янки служит объектом презрения и гонения. Американец ненавидит краснокожих и, где только возможно, преследует их». В сознании белых американцев до сих пор сохраняются схожие стереотипы мышления. Так же будут они действовать в XX в. Вот что писал М. Твен по поводу действий американцев на Филиппинах («Избиение моро», 12 марта 1906 г.). При Теодоре Рузвельте весь мир был оповещен о событии, имевшем место на Филиппинах, где «племя темнокожих дикарей» укрепилось в кратере потухшего вулкана. А перед этим янки в течение восьми лет пытались лишить их свободы и законных прав. Племя моро вместе с женщинами и детьми насчитывало шестьсот человек. Генерал Леонард Вуд приказал произвести на них внезапное нападение. С этой целью наверх втащили даже пушки. Сам генерал Вуд, этот «бесстрашный и

отважный солдат», выехал на место событий, чтобы возглавить операцию «Буря в вулкане».

Твен пишет: «Генерал Вуд наблюдал битву с начала и до конца. Его приказ гласил: «Убейте или возьмите в плен этих дикарей». Очевидно, наша маленькая армия истолковала это «или» как разрешение убивать или брать в плен смотря по вкусу; и так же очевидно, что их вкус был тем же самым, который уже восемь лет проявляют наши войска на Филиппинах, — вкусом христиан-мясников... С каждой стороны в бою участвовало по шестьсот человек; мы потеряли пятнадцать человек убитыми на месте, и еще тридцать два было ранено... У противника было шестьсот человек, включая женщин и детей, и мы уничтожили их всех до одного, не оставив в живых даже младенца, чтобы оплакивать погибшую мать. Несомненно, это самая великая, самая замечательная победа, одержанная христианскими войсками Соединенных Штатов за всю их историю». Точно так же считал и президент Соединенных Штатов, отправивший генералу Вуду в Манилу поздравление с блестящим «триумфом у Ватерлоо». Он телеграфировал ему: «Поздравляю вас, а также офицеров и солдат, находящихся под вашей командой, с блестящей военной операцией, во время которой вы и они столь достойно поддержали честь американского флага». Далее следовала подпись и самого президента: «Теодор Рузвельт».^[254]

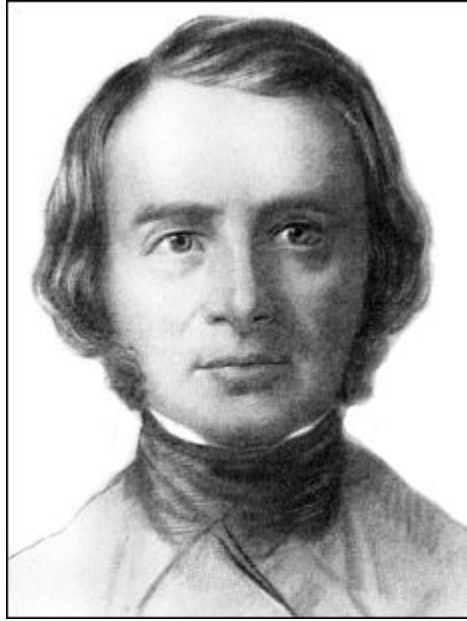
Впервые федеральное правительство США подняло вопрос о просвещении аборигенного населения в 1784 г., после заключения мирного договора с индейцами снейда, тускарора и стокбридж. Администрация в обмен на земли обязалась обучать молодежь этих племен. Американские власти крестили индейцев и робко попытались дать хотя бы минимальный объем необходимых знаний и навыков. Что же это было за просветительство? Насильственный характер обучения не вызывает сомнений... В 1818 г. в комитете по ассигнованиям палаты представителей Конгресса США отмечалось, что существующее положение в отношении индейцев таково: придется или «коренным образом исправить нравы этих «сыновей лесов» или уничтожить их». Тогда же было заявлено, что «если дать индейским детям в руки букварь и мотыгу, то со временем они, естественно, возьмутся за плуг». При таком подходе индейцы неохотно отдавали детей в школы. В начале XIX в. такие школы создавались под

совместным наблюдением миссионерских обществ и правительства, но в 1860 г. был принят закон, запрещающий тратить федеральные фонды на миссионерские школы. Уже со времен учреждения Бюро по делам индейцев в 1824 г. делаются попытки искоренить языки коренного населения. В период резервации (с 1871 г., когда индейские племена были превращены в «подопечных» США) просвещение индейцев перешло полностью в ведение федерального правительства. В 1887 г. уполномоченный по делам индейцев заявил о том, что обучение их на родных языках якобы не только бесполезно, но и наносит ущерб делу цивилизации и просвещения указанных племен. По его словам, язык, который годится для белого человека, должен подходить и индейцу, а «обучение подростка на его варварском диалекте, несомненно, вредно для него самого». Как видите, по мере успешного продвижения Америки по пути буржуазной «цивилизации» сами ее представители все глубже погружались в белорасистское варварство, корни которого в Америке весьма и весьма глубоки. Хотя ныне ситуация, конечно же, уже несколько иная.

О том, что в действительности представляла собой политика патернализма в отношении индейцев, красноречиво говорят не слова, а дела... Вскоре после окончания Гражданской войны конгрессмен от Миннесоты И. Донелли открыто заявил: «Предопределение белого человека – владеть всей землей-кормилицей на этом континенте, которая не терпит, чтобы на ней хозяйничали дикари... Мы уже вступили с этими дикарями в псевдодоговорные контакты, хотя они беспечны, словно дети, и посему подлежат опеке в соответствии с нашими законами об опеке несовершеннолетних и недееспособных. Величайшая на земле нация унизилась до установления договорных отношений с жалкими индейцами, не способными даже подписать заключаемые ими договоры... Правительство США не нуждается более в предлоге для захвата их земель: если сто человек могут прокормиться на территории, где прозябает один дикарь, белый имеет право прийти туда, овладеть этой землей и возделывать ее».^[255] Конгресс издал закон (1871) о лишении индейских племен права считаться независимыми нациями, отношения с которыми регулировались на договорной основе, а в 1887 г. – закон о разделе резервационных земель на индивидуальные участки (закон Дауэса). Земли индейского народа были раздроблены и перешли в руки белых. Как следствие

этого, и так невысокие урожаи зерновых у индейцев упали в среднем в 1,5–2 раза, а урожаи овощей – в 8–10 раз. Таковы итоги «демократической приватизации» земляных массивов по-американски. По закону индеец, отказавшийся от рода-племени, мог получить кусок земли, став гражданином США. Некоторые не соглашались и сражались до конца. Таким был и вождь племени оглала Неистовая Лошадь, которого янки подло убили. Его племянник, вождь Генри Стоящий Медведь, заказал скульптору его памятник, сказав при этом: «Мы хотим, чтобы белый человек знал, что и у индейцев были свои герои» (1948). Памятник воздвигнут в штате Южная Дакота из цельной скалы гранита, изображая вождя оглала на боевом коне. Памятник на 26 метров выше пирамиды Хеопса. [\[256\]](#)

Каков же был итог «миротворческой и просветительской» деятельности янки в отношении истинных хозяев Америки? Приход западной цивилизации был губителен для аборигенов. Туземцы были опрокинуты, раздавлены, буквально смяты чужой культурой. Имели место и биологическо-климатические последствия. Свидетели тех лет пишут: «Американские туземцы прежде, когда здесь не было европейцев, доживали до ста с лишним лет, а теперь они живут едва ли половину этого срока, и повинна в этом не только убийственная водка и изменившийся образ жизни, но, вероятно, и исчезновение многих прекрасно пахнувших трав и мощных растений, запах которых по утрам и вечерам был таким сильным, как будто ты находишься в саду. Зима наступала раньше и была холоднее, постоянное, здоровее, – теперь весна запаздывает и, как все времена года, бывает менее постоянной и сопровождается резкой сменой погоды». [\[257\]](#) Таково было мнение европейцев. Если чего и добились американские индейцы, так это внушительного свода законов и норм, состоящего из 33 томов положений, разработанных Бюро по делам индейцев, 5 тысяч федеральных статусов, 2 тысяч решений федерального суда и около 500 решений министра юстиции. Законов было много, но индейские племена постепенно вымирали, как это произошло с некогда многочисленной народностью найютов. В конце XX в. их осталось тысяча. Поэтому все разговоры о благах промышленной цивилизации для них, в основном, были пустым звуком. Хотя по сей день названия многих графств, городов, улиц, дорог, рек, гор и долин в США (особенно в Оклахоме) напоминают об индейской культуре. [\[258\]](#)

Генри Вордсворт Лонгфелло

Памятником индейской культуре стала поэма «Песнь о Гайавате» романтика Г. Лонгфелло (1807–1882), где он воспел жизнь подлинных хозяев дикого и прекрасного континента (посетивший его О. Уайльд говорил, что он и сам по себе представлял собой «целую поэму»):

Там, в тиши лесов и моря,
Внука нянчила Нокомис...
Много-много рассказала
О звездах ему Нокомис;
Показала хвост кометы —
Ишкуду в огнистых косах,
Показала Танец Духов,
Их блистающие рати
В небесах Страны Полночной,
В Месяц Лыж морозной ночью;
Показала серебристый
Путь всех призраков и духов —
Белый путь на темном небе,
Полном призраков и духов.
Так малютка, внук Нокомис,
Изучил весь птичий говор,
Имена их, все их тайны:
Как они вьют гнезда летом,

Где живут они зимою;
Часто с ними вел беседы,
Звал их всех «мои цыплята».
Всех зверей язык узнал он,
Имена их, все их тайны:
Как бобер жилище строит,
Где орехи белка прячет,
Отчего резва косуля,
Отчего труслив Вабассо;
Часто с ними вел беседы,
Звал их «братья Гайаваты»...

В мифах, сказках, легендах индейцев Тихоокеанского побережья Северной Америки читаем, скажем, горький рассказ о судьбе индейцев племени ияков («Об истории и языке ияков»): «Ияков становилось все больше... Скоро у тех ияков появились дети, и их стало очень много. Иногда они плавали к устью реки, охотились на тюленей. Здесь вокруг Ияка всего много: тюленя, лосося, всяких моллюсков, птичьих яиц, гусей, диких уток. Так Ияк стал им домом... Когда пришли белые, ияки перешли в их поселок, Кордову, и живут теперь там. Ияков теперь осталось мало. Раньше их было больше; было несколько разных племен ияков. Но они умирали. Их бы было много, если бы дети их говорили, как ияки. Тогда бы было видно, что они – тоже ияки. Но дети не говорят по-своему. Все говорят, как белые, никто не говорит, как мы». (Последний человек, помнивший этот язык, – Анна Нельсон Харри – умерла в 1983 г.).^[259]

Только в наше время, когда от индейского прошлого остались жалкие останки былой культуры, американцы спохватились. К 1967 г. в стране насчитывалось 536 музеев, имеющих постоянные экспозиции, на которых представлена история индейцев с древнейших времен до наших дней. В Окмалгийском национальном музее-заповеднике (штат Флорида) около 2 млн. экспонатов. Со временем решительно изменилось настроение и белой элиты. Уже в середине XX в. историк П. Мартин напишет в книге «Индейцы до Колумба»: «Читатель мог бы сказать – «Отлично! Греки и римляне внесли свой вклад в развитие нашей цивилизации. Но какую пользу может принести нам

исследование индейских культур?» Его ответ содержит две части. Во-первых, американские индейцы внесли немалый вклад в формирование современной жизни янки, дав им идеи в архитектуре (пуэбло и майя) и обеспечив ценными продовольственными культурами: картофель, помидоры, земляной орех, маис, бобы, тыква и многое другое. Во-вторых, даже если бы их вклад и не был столь значителен, уже само по себе изучение столь самобытной цивилизации имеет огромную ценность. В этом случае Америка предстала подобием гигантской колбы, лаборатории». Такой вердикт означает, что янки воспринимают и весь мир также. ^[260]

Теперь ответим на вопрос: чем вызван бурный взлет американской экономики и промышленности? Или всему причиной только знаменитая американская предприимчивость? Нет, разумеется. Для превращения Америки (и нынешней России) в могучую державу необходимо удачное сочетание ряда историко-культурных, политических, научно-технических, рыночных факторов. Уместно вспомнить высказывание англичанина М. Оукшотта, доказывавшего, что история любой страны должна рассматриваться как цельное образование, как ряд обусловленных и тесно связанных друг с другом событий. Народ США поставил во главу угла дело развития и строительства страны и личного благосостояния. Свобода не мешала, а способствовала экономическому росту нации. Янки нацелен, как стрелка компаса, на достижение личного богатства и жизненного успеха. Бесспорно, это мощный фактор, объясняющий во многом и успех государства. В этом тайна знаменитого «практического ума янки». В чем, в чем, а в прагматичности и деловитости ему не откажешь. Англичанин О. Уайльд, сам принадлежавший к нации, отличавшейся деловой хваткой, писал в отношении янки: «Однако хоть наши юные смекалистые дельцы, возможно, и далеки от культуры в нашем ее понимании, – как познания всего лучшего из созданий мысли и слова на земле, – но называть их примитивными ни в коем случае нельзя. Глупых американцев в природе не существует. Многие из них отвратительны, вульгарны, докучливы, наглы, как и многие англичане; однако у них глупость не стала национальным пороком. Поверьте, в Америке дураку хода нет. Даже от чистильщика сапог американцы требуют сообразительности, и в этом они пресупели». ^[261] Это та

деловая черта, которой порой чрезвычайно не хватает нам, русским. Надо поучиться этой хваткости у янки.

К тому же, американцы не думали, да и не хотели обходиться без помощи Англии (старшей сестры). Это и естественно.

Торговля между метрополией и колониями после отделения даже возросла. Самым важным в акте было не отделение, а соединение – соединились накрепко бывшие разделенные колонии со своими законами и правительствами. Историк США Р. Моррис прав, сказав, что создание сильной и мощной федеральной системы и укрепление союза американских штатов-государств означало более важную революцию для жизни народов Америки, нежели хирургическое отделение от Великобритании. Американские колонисты отнюдь не стремились создать новый социальный порядок, но лишь желали освободить себя от вмешательства правительства Великобритании. Они освобождались от влияния власти, которая была далекой и чуждой, но сделали все возможное для сохранения союза и геополитического пространства. Ради этого они даже пойдут на Гражданскую войну, доведя ее до победного конца! Возможно, не очень и грамотные поселенцы тем не менее обладали чрезвычайно важным качеством – четким видением исторической перспективы страны и своего народа. ^[262]

Исторический опыт развития ведущих стран свидетельствует в пользу федерализма как наиболее удобной и эффективной модели развития. Первым таким образованием стали вышеупомянутые Соединенные Штаты Нидерландов, основанные еще в 1579 г., а «отцом» теории федерализма считается Иоханнес Альтузиус (1562–1638). Согласно его теории, федеральное государство должно рассматриваться как союз дружественных общностей, иерархически возвышающийся над меньшими по размерам образованиями. Несмотря на свою государственную молодость, США, основанные конституцией 1787 г., являются одной из самых старых федераций. Идея федерализма стала тут особенно популярной во второй половине XIX–XX вв. Как известно, еще Прудон предсказывал, что XX в. откроет эру федераций. Все это вовсе не означает, что федеративное устройство подходит любой из стран. К тому же подчеркнем, что и американский федерализм создавался на поле жесточайшей и бескомпромиссной битвы со всем тем, что хотя бы отдаленно

напоминало сепаратизм! Это федерализм особого, я бы сказал диктаторского, типа! Сначала железное единство, а уж всякие там свободы, демократии, права человека и т. п. потом. ^[263]

Громадный интерес представляют в этой связи взгляды Т. Джефферсона. Обратимся к книге Г. Шелдона «Политическая философия Томаса Джефферсона». Будучи реальным демократом капитализма, он вслед за Харрингтоном считал, что для развития страны важнее и полезнее наличие относительного экономического равенства, благополучия. Он предлагал в «Проекте конституции для штата Вирджиния» (1776) наделить каждого человека, достигшего совершеннолетия, 50 акрами земли или той площадью, которой ему не хватает до 50 акров. Его потряс чудовищный контраст между богатством и бедностью в предреволюционной Франции. В его письме к Мэдисону (1785) содержатся любопытные фразы: «Собственность в этой стране (Франции) сконцентрирована в очень немногих руках, обеспечивая доходы до полумиллиона гиней ежегодно». Джефферсон считал это верхом несправедливости, говоря: «Земля дана людям как их общее богатство, чтобы они трудились и жили на ней. Мелкие земельные собственники – самая драгоценная часть государства». Федералы США хотели сосредоточить политическую власть в руках центрального правительства в противовес штатам и местному управлению, а экономическую власть – в руках богатых коммерсантов и банкиров, благодаря политике бумажных денег, государственных кредитов, биржевой игры и т. д. Одним словом, они делали в Америке то, что делали ельцинисты в России. Джефферсон резко выступал против такого вот «федерализма», считая, что тот является скорее прикрытием банды коррупционеров, спекулянтов и жуликов. Нам придется выкорчевывать ростки оного и у себя, в России.

Федеральная республика Джефферсона – это пирамида республики, вершина – республики округов и штатов, а увенчивает оную – национальная республика. Его идеалы выражены в девизах: «Федеральный союз и республиканское правление» и «Мы все – республиканцы, все – федералисты». В жизни достижение гармоничного баланса между этими противовесами оказалось затруднительно. Сей коренной вопрос США придется, как позже и Германии, решать железом и кровью, о чем горе-политологи России и зависимые от Запада политики умалчивают. Не идеализируя никоим

образом взгляды одного из основателей американского государства, скажем все же и о его идеалах. Об этом предпочитает помалкивать нынешняя иудейско-русофобствующая пропаганда. То, что насаждают в умах нашей молодежи – индивидуализм, цинизм, алчность, безответственность, эгоизм, – в понимании Джефферсона было и остается позором, примером создания жалких «автоматов», а не свободных людей. Он считал, что человек обязан сражаться за достойную политическую цель. Социальная и нравственная индифферентность ведут не к свободе и счастью, а к греху и страданию как самого человека, так и общества. ^[264]

В России за событиями, развертывающимися в США в последней трети XIX в., наблюдали со смешанными чувствами. Обе страны столкнулись со схожими проблемами. Но в России это было крепостное право, в Америке – рабовладение. В том и другом случае речь шла о бесчеловечной системе, которую следовало уничтожить. Пути рабовладения, крепостничества повязали двух колоссов по рукам и ногам. Европа смогла раньше преодолеть это позорное наследие. И вот теперь наступал черед России и Америки. Вл. Соловьев писал: «При весьма различных исторических условиях и в Америке, и в России организованное общественное целое, обладающее властью, решило положить конец слишком грубому нарушению христианской – Божьей и человеческой – правды в общественном строе. В Америке это было достигнуто ценою крови, страшною междоусобною войною, у нас – властным правительственным действием. И вот мы видим, что этот внешний государственный акт сразу поднимает у нас уровень внутреннего сознания, т. е. делает то, чего не могли сделать сами по себе тысячелетия нравственной проповеди. Конечно, само это общественное движение и правительственное действие были обусловлены прежнею проповедью, но для большинства, для целой среды общественной эта проповедь получила силу только тогда, когда воплотилась в организованных властно мероприятиях. Благодаря внешнему стеснению зверские инстинкты потеряли возможность проявляться, должны были перейти в бездейственное состояние, от неупражнения постепенно атрофировались и у большинства исчезли и перестали передаваться следующим поколениям... А между тем нет никакого основания думать, что тогдашние отцы были сами по себе хуже нынешних сыновей». ^[265] Хотелось бы и нам думать, что сыновья

России и народов СССР не глупее и не хуже своих отцов. Ведь они же признают силу и могущество Соединенных Штатов?! Но почему же никто не хочет задуматься над тем, а каковы же были составляющие, сыгравшие главную роль в выдвижении США на первые роли в мире? А надо бы. Мы не взываем к эмоциям. Янки, образуя из множества изолированных территорий и штатов мощное и крепкое государство, утвердили торжество рационализма в политике и экономике. Ведь они поняли самое главное: лишь вместе, в тесном единстве смогут стать динамичным и процветающим регионом мира. Этого пока не могут или не хотят понять эгоистичные и недалекие элиты бывшего СССР. Думаю, что и частям бывшего СССР (народам и элитам), пора уж уразуметь в XXI в. – создание единой политэкономической структуры, будь то Север и Юг Америки или России (Беларусь, Приднестровье, Средняя Азия, Кавказ, Украина), это необходимость.

Но сегодня чаще приходится слышать о необходимости предоставления свобод всем и вся в России. Любая свобода – сильное и опасное средство. Порой действия ее вызывают у незрелых народов «наркотическое опьянение». Давать ее нужно строго выверенно, в дозированной форме. Это особенно важно в отношении регионов и территорий России, где почти любая из них тянет на пол-Европы. Не зная границ, не чувствуя «невидимой руки» умной центральной власти (а иной быть не должно), они такую «свободу» у себя устроят, что завтра мы и Россию на карте не отыщем! Да и пример США в этом плане весьма красноречив. Давайте же все задумаемся: почему американские колонии, где на протяжении двух с лишним веков имелись невиданные для тех лет свободы и возможности бытия, так и не сумели подняться к высотам государственно-экономической мощи, живя по отдельности, сами по себе? Потому, что были разобщены. Такая же разобщенность может погубить и отбросить в развитии вчерашние «окраины» СССР.

Самый последовательный и твердый демократ Америки (я говорю о Пейне) считал вопрос единства колоний ключевым и решительно высказался в пользу союза штатов. Полагаю, что его слова могли бы быть выбиты золотыми буквами и на стенах наших региональных парламентов и учреждений. «Но что всего сильнее должно запечатлеться в мыслящем, проницательном уме, что поглощает и облегчает все меньшие заботы – это союз штатов. От него зависит

великая слава нашей нации. Это он должен дать нам авторитет за границей и безопасность дома. Только благодаря ему нас знают и могут знать в мире как нацию», – заявляет Т. Пейн. А каковы роль и место штатов в системе федеральной власти? Как поступить с их суверенитетом? Читаем далее: «Дела каждого штата носят местный характер. Они не идут дальше его самого. И даже все достояние самого богатого из них было бы недостаточно для охраны суверенитета от иноземного нападения. Короче говоря, у нас нет другого национального суверенитета, кроме как в качестве Соединенных Штатов. Для нас было бы даже губительно, если бы мы его имели, ибо его слишком дорого было бы поддерживать и невозможно защищать. Отдельные личности или отдельные штаты могут называть себя, как им нравится, но миру, в особенности миру врагов, не внушить почтения одним звучанием имени. Суверенитет должен обладать силой защитить все части, образующие и составляющие его; и как Соединенные Штаты, мы на высоте этого названия, в ином же случае – нет».^[266] Слова американского демократа следует напомнить и тем недобросовестным «певцам демократии» (а фактически смертельным и лютым врагам страны), которые все еще продолжают вопить и кликушествовать в нашей прессе, на ТВ, в региональных органах власти, требуя «свободы» (свободы произвола и грабежа России). Больше всего свободы и самостоятельности у американских регионов было тогда, когда они были предоставлены сами себе (как и российские регионы при Ельцине). Но с появлением вменяемой власти в центре, у него стало и все больше нитей реального управления. Центральное правительство изъяло из-под контроля штатов все развитие транспорта, связи, промышленных корпораций, нефтегазопроводов, контроль за выплатой пенсий и над многими вопросами образования и здравоохранения. Почему это сделали? Потому, что местная власть была коррумпированной и бесконтрольной. Усилились элементы централизации и в образовании. Создано было специальное ведомство, а в 1979 г. и министерство образования США.

В сталинский период наша страна встала, условно говоря, на северо-американский путь развития. И даже при немалых потерях и трагедиях ей сопутствовал успех. Затем в ослабленной России недобитые «рабовладельцы-демократы» подняли голову, тесня

«северян». Тупая, косная, абсолютно бессовестная и бездарная охлократия в центре и на местах захватила рули власти. На время победу одержал реакционный бандитский слой, закамуфлированный под образ демократического правления. Это страшно дорого обошлось стране и народу, отбросив нас назад на многие годы. Любой разумный человек понимает, сколь губительна логика элит ряда бывших республик РСФСР, зачастую ведущих необъявленную или открытую войну отсталого, а порой и по сути дела рабовладельческого Юга против развитого Севера. Наши южане хотят жить за счет России, имея дотации, распоряжаясь всеми ее ресурсами на земле и море. Князькам на собственные народы наплевать. Будут ли они столь же глупы, узколобы и недалёковидны, мешая воссоединиться тому, что по праву истории и экономической необходимости должно быть воссоединено? Время покажет. Если эгоизм элит возобладает, рано или поздно они получат революцию, гражданскую войну, итогом которой станет физическая ликвидация их класса, или, что во сто крат страшнее: нищета, убожество, дикость, болезни, вырождение их наций.

Кое-кто в России решил поддержать образец плантаторского хозяйства, базирующегося на полурабском труде и примитивных технологиях, нищете и забвении наук, на полнейшем презрении к образованию, а то и на рабовладении. Надо ли доказывать, что торжество такого типа «хлопко-нефтегазо-никелевого рабовладения», по сути дела, означало бы утверждение в России самого дикого и неприкрытого рабства. Это в начале XXI века! Исторически вопрос поставлен остро: власть «новых рабовладельцев» нужно низвергнуть демократически или с помощью армии (по-суворовски), взяв курс на создание научно-технологичной, мощной в военном и в культурно-образовательном отношении державы. Инструмент воздействия – использование всего арсенала экономических и политических средств для решения этой важнейшей проблемы.

США в этом вопросе не колебались ни секунды, применив жестокий экономический прессинг против Южной Каролины, Техаса, Род-Айленда, дабы загнать под федеральную крышу, когда те стали поговаривать о нуллификации федерального законодательства (то, что проделала Чечня). Эту проблему решат сильные, умные лидеры России. И чтобы ни один политик (если он в здравом уме и трезвой памяти) впредь не смел бы и подумать, а не то что произнести фразу:

«Берите столько суверенитета, сколько сумеете проглотить». Таким лидерам надо заливать рот кипящим оловом, как некогда поступали в Византии императоры с самыми закоренелыми преступниками.

Всю эту суровую логику и правоту уроков Американской революции, к большому сожалению, не понял «новый высший класс» России. Плутократы и олигархи вошли в противоречие с духом и задачами Народа и Государства. Наследники дембольшевизма, они ставят целью довершить то, что не удалось сделать Троцкому и К., то есть окончательно уничтожить Российское государство. Это наследники того бесовского отродья, которое вывел на страницах книг еще наш великий Достоевский... Вспомните четвертую главу «Бесов» («Хромоножка») и увидите гнусную и наглую физиономию нынешних радикал-демократов в России. Он прежде всего лакей, выискивающий, «как бы кому-нибудь сапоги вычистить» на Западе. А чтобы ни у кого из читателей не осталось сомнений в их готовности пособничать и прислуживать американскому «хозяину», почитайте, как «демократ» Шатов говорит об эмиграции в США, куда они с другом отправились, дабы «испробовать на себе жизнь американского рабочего и таким образом личным опытом проверить на себе состояние человека в самом тяжелом его общественном положении». Шатов – этот точный прообраз и копия наших «интеллектуалов» и «демократов» – говорит, что он не только «от лакея родился», но «теперь и сам стал лакеем».

Прибыв в США, они нанялись в работники к «одному эксплуататору». Работали, мокли, мучились, уставали, наконец ушли, не выдержали. Разумеется, американский эксплуататор-хозяин ловко их обчистил при расчете, заплатил в два-три раза меньше того, что им обещал. Российские «герои» провели без работы четыре месяца, «лежа на полу». При этом янки их регулярно поколачивали. Вы думаете наши «демократы» возмутились, ответили обидчику?! Ничуть не бывало... Впрочем, дадим слово Достоевскому: «Мы, напротив, тотчас решили с Кирилловым, что «мы, русские, пред американцами маленькие ребятишки и нужно родиться в Америке или по крайней мере сжиться долгими годами с американцами, чтобы стать с ними в уровень». Да что: когда с нас за копеечную вещь спрашивали по доллару, то мы платили не только с удовольствием, но даже с увлечением. Мы все хвалили: спиритизм, закон Линча, револьверы, бродяг. Раз мы едем, а человек полез в мой карман, вынул мою головную щетку и стал

причесываться; мы только переглянулись с Кирилловым и решили, что это хорошо и что это нам очень нравится». Если янки даже им плюнут в лицо, улыбаясь, они скажут: «Божья роса».

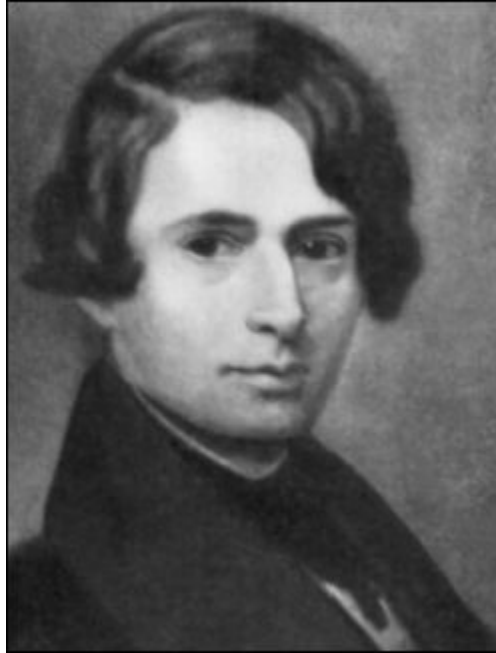
Опыт развития заокеанской державы, несомненно, в чем-то мог бы быть полезен и для России. Но надо помнить, что условия развития в России все ж иные, чем у них. *Sed alia tempora!* («Но времена иные»). Герцен писал: «Величайшая идея, развитая Северными Штатами, — чисто англосаксонская, идея самоуправления, то есть сильного народа со слабым правительством, самодержавия каждого клочка земли без централизации, без бюрократии, с внутренним, нравственным единством. Как Америка будет относиться к социальным стремлениям — трудно сказать; дух товарищества, ассоциации, предприятий сообща чрезвычайно в ней развит; но ни общего владения, ни нашей артели, ни сельской общины нет, личность соединяется с другими только на известное дело, вне которого ревниво отстаивает полнейшую независимость. Россия, напротив, является совсем особенным миром, с своим физиологическим характером, не европейским, не азиатским — а славянским».^[267] С другой стороны, и мы готовы признать, что умная федеральная власть вкупе с торговлей и мощной промышленностью помогли США стать великой страной. Но произошло это уже после того, как Линкольн железной рукой соединил мозаику территориальных суверенитетов! Хотя нам бы и не повредила доля их инициативы.

Какой президент нужен великой стране? Кто мог бы спасти страну в час роковых испытаний?! Исключительно важно, что столь решительный человек стал во главе великой страны. Можно себе представить, какой катастрофой завершилось бы это предприятие, если бы во главе США тогда встал, скажем, любой из тогдашних нерешительных «либералов». Такая безвольная личность, которая не может отличить белое от черного, погубила бы страну. Так и трансценденталист Г. Торо в 1851 г. жаловался на то, что «распущенный Север» не хочет подниматься на рабовладельцев войной. Это была бы «самая сияющая страница, которую их раса смогла бы вписать в книгу современной истории». Но вот минуло десять лет, и в 1861 г. война освобождения, наконец, началась. Что же Торо? Как повел себя этот «самый истинный американец»? Читателям он заявляет совершенно противоположное: «Что же касается моего

читателя, то я надеюсь, что он игнорирует форт Самптер, Олд Эйба и все такое, ибо игнорирование есть самое могучее и притом единственно действенное оружие из всех, которые человек способен направить против Зла». Последуй Линкольн совету таких «демократов», и США так и продолжали бы жить в рабстве до конца XIX века. Возможно, это была заурядная трусость, и романист Р. Л. Стивенсон был где-то прав, назвав Г. Торо симулянтом и трусом.

Есть некая закономерность в том, что северяне избрали Линкольна, а не кого-либо еще, ибо это был человек из народа и для народа! Он это понимал, говоря: «Правительство народа из народа и для народа никогда не исчезнет с лица земли». Губернатор Иллинойса Д. Эйтс, выступая с речью в Брайан Холле, разумно заметил: «Политиканы могут стараться вовсю, но это бесполезно, – народ хочет старину Эйба и никого другого... Из моего продолжительного знакомства с Линкольном я сделал вывод, что он не только самый честный человек, когда-либо созданный Богом, но и самый ясномыслящий, хладнокровный, рассудительный государственный муж, какого когда-либо знала история мира». Его поддержали и писатели... Г. Бичер-Стоу заявила в бостонской газете: «Мир с удивлением воспринял величайшее чудо и примету нашего времени, а именно то, что простой рабочий, выходец из народа, имеющий не больше образования, воспитания и культуры, чем любой другой такой же рабочий, был призван провести великий народ через период кризиса, затрагивающего судьбы всего мира... У Линкольна своеобразная сила». Так их рабочий привел США к триумфу и богатству, наш рабочий, голосуя за полнейшего идиота, привел СССР и Россию к позору, развалу и нищете.

14 апреля 1865 года, в день торжеств по случаю окончания гражданской войны, актер Джон Бут, фанатик из стана южан, в театре застрелил избранного вновь президентом Линкольна, крича: «Так да погибнут тираны, Юг отомщен!». Было нападение и на госсекретаря Сьюарда, помощника президента. План покушения пришел из центра конфедератов – г. Ричмонда. Заговор предполагал устранение всех членов патриотического правительства. В те дни едва ли не вся нация была в трауре, что вполне объяснимо. Он получил у американцев прозвище «честный Эйб» (Honest Abe). Вскоре Линкольн стал легендой Америки. Память о добром президенте пережила века.

Портрет Генри Торо в молодости. Выполнен его сестрой в декабре 1839 г.

Однако успех политики Линкольна оказался неполным и в некотором смысле даже кратковременным. На смену поколению Линкольна шел уже иной тип политика. Вот что писал о политической элите тех лет в США Л. Тихомиров: «Единство какой-нибудь общенародной воли замечается здесь даже менее, нежели при старом строе. Сформировалось как во Франции, так и в Америке сословие правящее – политиканы, – стеной стоящее между государством и народом и пользующееся уже никак не большей любовью и значительно меньшим доверием населения, чем правящие сословия старого строя. Короче, ни одна черта нового, небывалого не осуществилась».^[268]

Попытки преодолеть этнические разногласия и подозрительность внутри правящей элиты завершились тем, что после гибели Линкольна страна ушла в сторону от демократии. Союза свободных этносов и не получилось. Если в странах Латинской Америки все же не было официальной сегрегации и официальной дискриминации, то в «свободных» США они пышно процветали на протяжении всей истории. Директор центра социальных исследований А. Кихано (Перу) и директор Центра Фернана Броделя в Бингемтонском университете И. Валлерстайн (США) абсолютно правы, говоря, что скрытая сущность расизма не всегда требует словесного или хотя бы просто внешнего

социального проявления. Они пишут: «С другой стороны, официально отменив рабство, Соединенные Штаты стали в XIX в. первой страной современной мировой системы, которая официально ввела сегрегацию, а также первой страной, поместившей в резервации коренных жителей Америки – индейцев. Таким образом, еще одним вкладом американизма в мировую систему стал официальный расизм».^[269] Расизм оказался живуч.

После Гражданской войны 1861–1865 гг. возникла необходимость в особо энергичной работе, творчестве, строительстве. В результате частичного освобождения от пут рабовладельческой «демократии», Северная Америка получила реальную возможность воплотить в жизнь некоторые надежды и чаяния не только фабрикантов или денежных тузов, но и немалой части народных масс. С победой объединителей в рамках союза (США) возникли надежды на лучшую жизнь, хотя понадобятся усилия многих поколений, прежде чем на земле Америки воплотятся устремления тех, к кому обращался Г. Лонгфелло в «Псалме жизни» (1839):

На житейском бранном поле,
На биваке жизни будь —
Не рабом будь, а героем,
Закалившим в битвах грудь.
Не оплакивай Былого,
О Грядущем не мечтай,
Действуй только в Настоящем
И ему лишь доверяй!
Жизнь великих призывает
Нас к великому идти,
Чтоб в песках времен остался
След и нашего пути, —
След, что выведет, быть может,
На дорогу и других —
Заблудившихся, усталых, —
И пробудет совесть в них.
Встань же смело на работу,
Отдавай все силы ей
И учись в труде упорном

Ждать прихода лучших дней!

Для многих Америка стала землей сбывшихся надежд. Новые возможности открылись перед фермерами, механиками, рабочими, инженерами, врачами, учеными, литераторами, юристами и банкирами. Накопление значительных богатств американской нацией создавало благоприятные предпосылки для дальнейшего прогресса науки, культуры, образования. Иван Тургенев писал: «Свобода новейших народов отзывается деньгами». В целом то знак, скорее, позитивный, если народ действительно получает возможность зарабатывать честным трудом хорошие деньги. Росли ассигнования на высшую школу и науку, увеличивалась продолжительность обучения, складывалась эффективная система управления. Педагоги, говоря словами В. Ирвинга, хорошенько вспахивали мозги нации. То, что называли «утилитаризмом» в Европе, тут величали «прагматизмом». Словесно-схоластическая школа была непопулярна. В эпоху промышленной революции XVIII–XIX вв. сам характер производства порождал узкоутилитарный подход к образованию. США в этом смысле не были исключением. Требования экономики определяли и невысокий (по нынешним меркам) уровень подготовки. Все, что не служило жизненной конкретике, оказывалось неприемлемым. Американцы по-своему интерпретировали работу Г. Спенсера «Воспитание умственное, нравственное и физическое». Цель образования – не абстрактные знания, но знания, необходимые для достижения имущественного или социального успеха. Спенсеровские идеи развили У. Самнер, Л. Уорд, Ф. Гиддингс и многие-многие другие.

К середине XIX в. янки прочно встали на ноги. Как писал поэт Г. Тейлор, «ничто не может расшевелить до конца ум человека, если отсутствует мечта». У Америки были мечта и горячее желание воплотить ее в жизнь четко, быстро, оперативно. Это относилось и к образованию. Иные даже были готовы обрезать духовную пуповину с Европой. Со своеобразной декларацией интеллектуальной независимости выступил Р. Эмерсон. В 1837 г. он заявил: «Дни нашей зависимости, нашего долгого учения посредством освоения опыта других стран, подходят к концу. Миллионы наших сограждан,

вступивших в жизнь, не могут быть насыщены лишь остатками зарубежных пиршеств. Происходят такие события и действия, которые воодушевляют... Уже созданы творческие подходы, мы видим творческие действия, мы слышим зовущие слова...» Хотя обрезать пуповину, видимо, все же было еще рановато. Школы далеко не всегда отвечали потребностям рабочего люда. Порой их называли «учреждениями для пауперов». Правящий класс не очень охотно шел на создание учебных заведений для людей физического труда. «Кто будет пахать землю, кто будет строить железные дороги, кто будет потеть на фабриках и заводах, если все будут образованными?» – возмущались владельцы фабрик и заводов. В одной из статей «Национальной газеты» говорилось: «Крестьянин должен работать в течение дня столько часов, сколько часов его богатый сосед отдает абстрактной тренировке своего ума; иначе земля не может дать достаточного для всех количества продуктов. Рабочий не может бросить своего ремесла для занятия общими науками; если бы он это сделал, не хватило бы многих предметов жизненного обихода, разрушение, нищета и неудовлетворенность распространились бы на все классы...» Власти и капитал все еще желали бы видеть в трудящихся былых подневольных рабов. Поэтому их лозунгом частенько оставался беспощадный девиз империи: *Servi pro nullis habentur* («Рабы считаются никем». – *лат.*). В стране 1 миллион детей в возрасте от 5 до 15 лет не посещали школы (1833). Число неграмотных детей даже возросло до 1,25 миллиона. Велико было и число функционально неграмотных. Многие школы Нью-Йорка фактически представляли собой сборища невежественных люмпенов. В 1837 г. в Пенсильвании из 400 тысяч детей школьного возраста не посещали школу 250 тысяч. [\[270\]](#)

К различиям внутриклассового, межрасового свойства следовало добавить и региональные аспекты. Как известно, Соединенные Штаты в XVIII–XIX вв. представляли собой две зоны – Северную (индустриально-промышленную) и Южную (сельскохозяйственную). Одна зиждилась на свободном труде, преимущественно труде белых, другая же интенсивно использовала рабов-негров (черный пояс). Системы образования на Севере и Юге носили децентрализованный характер. Школы оставались главным образом частными, несмотря на принятие некоторыми штатами закона об общественной поддержке

образования. На Юге вплоть до конца Гражданской войны (1865 г.) школы обеспечивали минимум профессиональных знаний для детей белых по ведению хозяйства на плантациях. Иная ситуация на Севере. Быстрая индустриализация, наплыв иммигрантов, рост благосостояния поставили на повестку дня вопросы модернизации системы образования. Появились умные идеологи типа Горацио Мэнна. Он считал, что система общественных школ позволит решить не только вопросы воспитания, но будет способствовать экономическому росту и предотвратит социальные потрясения. Благодаря усилиям его и его сторонников в Массачусетсе возник Департамент образования. В 1840–1850 гг. создается централизованная система образования в США. Некоторые считают, что эта первая крупная реформа образования в США стала фундаментом для формирования будущей школьной системы страны.^[271]

И все-таки надо признать, что американцы одними из первых создали и массовую школу. Идея единой школы, теоретиками которой в Европе выступали такие известные личности, как Песталоцци, Лепелетье де Сен-Фаржо, Кершенштейнер, Наторп, Гурлитт и другие, практически оформилась и утвердилась именно в Соединенных Штатах. В частности, тут были популярны идеи Песталоцци. Ассоциация промышленных рабочих стала в 1830-е годы инициатором создания системы бесплатного образования. В 1887/88-м учебном году школьным образованием было охвачено 15 с лишним миллионов детей (пятая часть всего населения). Созданная в 1896 г. Национальная ассоциация промышленников и основанное Дж. Рокфеллером в 1903 г. Бюро по народному образованию способствовали расширению масштабов трудового обучения, организации сети профессиональных школ. Смысл обучения в школе состоял в том, чтобы купец смог лучше разобраться в товарах, ремесленник – улучшить дело новыми инструментами, смесями и материалами, науки – помочь советами новым видам производства и изыскать новые методы обработки земли. Возникли предпосылки для профессионального обучения. «Необходимо меньше геометрии, а больше деловой арифметики; меньше ботаники и французского, а больше и лучше машинописи» – заявили школьные власти Нью-Йорка. Школа должна стать слепком или копией общества, ибо «школа есть жизнь». В 1910 г. 81 процент американских мужчин в возрасте 25 лет и старше имели лишь

начальное образование, и только 3,6 процента из этой группы закончили высшие учебные заведения. Женщины были допущены к высшему образованию к концу 80-х годов. Они завоевали прочное положение в различных профессиях. В 1900 г. в США насчитывалось 7399 женщин-врачей, 5989 писательниц, 1041 женщин-архитекторов, 3405 женщин-священников, 1010 женщин-адвокатов, 327905 учительниц.^[272]

В школьном персонале преобладали женщины. Известный педагог Л. Модзалевский (1837–1896) писал в конце XIX в.: «Таким образом, совместные школы, которых боится Европа и по настоящую пору, существуют в Америке уже около ста лет. Юноши, после нескольких лет учения, покидали школы, чтобы отдаться практической школе, а девушки оставались в них еще на некоторое время и дополняли свое образование. Когда же стало увеличиваться число школ, усиленный спрос на учителей заставил американцев привлечь к этой профессии женщин, и последние оказались вполне подготовленными к педагогической деятельности. Вот уже около ста лет женщины держат в своих руках народное образование Соединенных Штатов. Женщины преподают во всех школах: в низших, средних и высших, в женских, мужских и смешанных, и во многих случаях они не только преподают, но и стоят во главе педагогического управления. Что педагогическая деятельность женщин не уступает качественно деятельности мужчин на том же поприще, доказывается уже одним тем фактом, что американский народ оставляет в женских руках так долго и такую важную профессию, как народное образование, которое он считает главной основой своей свободы и главным залогом дальнейшего развития. Уже по одному тому, что народное образование находится преимущественно в руках женщин, Соединенные Штаты должны поддерживать женское образование на одном уровне с мужским». Так в США достигалось и «равенство полов».^[273] По мнению многих, по сравнению с рутинной педагогикой Старого Света американская школа приближена к нуждам и запросам ребенка. Отличные условия позволяют учиться свободно и с охотой. Отсутствуют способы принуждения. В общении педагогов с детьми не встретишь резкого тона (не говоря уже о брани). Классы производят впечатление дружной семьи. Отношение к детям уважительное и серьезное. Поведение педагогов таково, как если бы перед ними уже взрослые люди. Лозунг

учителей: «Учение должно быть высокопроизводительным!» Есть продвинутые классы, где обучаются таланты, выполняющие программу за более короткое время. Общеобразовательная американская школа по качеству и уровню преподавания и подготовки выше среднетехнической и высшей школы. Главное – научить мыслить. Цель обучения – не столько приобретение знаний, сколько способность разбираться в полученных знаниях и эффективно пользоваться ими. Интересна оценка австралийца Лебнера: «Истинная причина беспримерного экономического и культурного роста Соединенных Штатов лежит не в одних лишь необъятных природных богатствах и благоприятном климате, не в подземных сокровищах ее «кладовых», даже не в демократическом образе правления или наследии пуританских свойств характера. Она лежит еще больше в системе образования и воспитания, созданной лучшими представителями народа для полного его состава».^[274]

Янки старались учитывать имеющиеся различия в способностях обучающихся. У. Джеймс в «Психологии» (1890) обращал внимание на различие интересов и способностей школьников, подчеркивая, что молодой человек, проявляющий завидные способности атлета, может быть «крайне тупым в учебных занятиях». Этот же человек может поразить знанием различного рода спортивных фактов и быть ходячей справочной энциклопедией по статистике спорта. Если же человек с ранней юности задастся целью обосновать теорию эволюции или увлечется чем-либо еще, этот материал будет накапливаться в памяти, а эрудиция в данной области будет быстро расти. Это основа прагматического обучения. В ходе обучения могут возникать и некоторые проблемы: «Энциклопедическая эрудиция может совмещаться почти с таким же «энциклопедическим» невежеством, и последнее может, так сказать, скрываться в промежутках ее ткани. Те, кому приходилось иметь много дела со школьниками и профессиональными учеными, поймут, какой тип я имею в виду».^[275]

Право выбора касалось не только здоровых людей, но и тех, к кому природа была менее благосклонна, лишив их слуха или речи. Число таких людей велико во всех странах. Как их обучить и научить? Первой школой для глухонемых стал основанный в Париже в 1760 г. священником Чарлзом де л'Эпе (1712–1789) Институт для глухонемых. Изучив знаки глухонемых, тот создал словарь, а затем и

стандартизировал систему знаков, позволявшую обучать их чтению и письму. В 1778 г. в Лейпциге возникло первое заведение такого рода, поддерживаемое государством. В США такое заведение основано Т. Галлоде в 1817 г. в Хартфорде. Ранее он обучался у де л'Эпе в Париже. С ним приехала Л. Клерк, лучшая ученица школы, ставшая первой глухой учительницей в США. Они соединили алфавит де л'Эпе со знаками местного сообщества глухих. К 1863 г. в США существовало уже 22 аналогичные школы. Как пишет Дж. Фоли, в 1864 г. младший сын Галлоде способствовал учреждению первого американского колледжа для глухих (штат Вашингтон). В наши времена именно университет Галлоде остается единственным в мире университетом гуманитарных наук для глухих. Здесь преподают любые современные предметы с помощью знаков – от управления бизнесом до физики и философии. Даже президентом этого университета стал глухой (впервые в истории). Такие же процессы шли в Англии. В 1890 г. основана Британская ассоциация глухих, а в 1911 г. Лео Бонн, торговец и банкир, страдавший тем же дефектом, учредил Национальное бюро помощи глухим. Но именно в Америке, славящейся своей тягой к новаторству и изобретательству, обучение глухих в дальнейшем, особенно в XX веке, получило наибольшую поддержку и обоснование (во многом благодаря трудам известного американского лингвиста У. Стокоу). [\[276\]](#)

Судьба вуза в Америке во многом зависела от возможностей общины. Практически все первые колледжи создавались той или иной сектой. Президент становилось духовное лицо. Средства поступали, в основном, из церковной казны. Президент внецерковного университета Ф. Линдсли с неудовольствием писал: «Главной причиной чрезмерного множества и крошечных масштабов западных колледжей, несомненно, является раздробленность наших конфессий. Почти каждая церковная секта обзаводится собственным колледжем и в каждом штате имеет хотя бы по одному. Из десятка колледжей в Огайо, Кентукки и Теннесси лишь два-три не принадлежат церковным сектам» (1834). Сектантство превращало эти колледжи в своего рода рынок, где были готовы предложить любой «продукт» по сходной цене. В 1870 г. в одном лишь Кентукки возникло 11 колледжей, в Айове – 13, в Иллинойсе – 21. Каждый городок пытался во что бы то ни стало построить свое высшее учебное заведение. В Истоне с

населением всего в 3700 человек собрали довольно круглую сумму и руками студентов сумели выстроить несколько зданий. Иные мечтали сделать местные университеты подобными знаменитым Оксфорду, Кембриджу, аналогичным университетам во Франции или Германии. В организации системы высшего образования США многое переняли у европейцев. Кое-что в области инженерного образования Америка взяла у России. С опытом Высшего Императорского технического училища американцы познакомились на Филадельфийской международной промышленной выставке в 1876 г. и сделали выводы. Эталоном считалось образование, полученное в немецких университетах. Сильной стороной немцев было то, что профессора их высшей школы работали в тесном контакте с исследовательскими институтами. Американцы позаимствовали сей принцип и опыт. Если в первой половине XIX в. в Германии в университетах побывало 200 американцев, то в 1880-е годы – вдесятеро больше. К середине XX в. тысячи американцев имели на руках дипломы ведущих немецких институтов и университетов. [\[277\]](#)

Роль пионеров в формировании новой системы университетского образования взяли на себя Корнельский университет, Гарвард, университет Джона Гопкинса, руководителями которых были А. Уайт, Д. Гилман, Ч. Элиот. Университет Гопкинса замыслили как исследовательский центр. Здесь сильны были немецкие исследовательские традиции. Большая часть профессоров были выпускниками Геттингенского университета в Германии. Однако вначале этому воспротивились бизнесмены-учредители. Тогда при университете открывается высшая медицинская школа, которая должна была обеспечить всеми необходимыми средствами ученых-исследователей, работающих в науке. Основателями Корнельского университета стали Э. Корнель и А. Уайт. Уайт проводил в жизнь идею единства всех ступеней образования в штате (школы, колледж, университет), усилив профессиональный акцент в образовании (подготовка инженеров, агрономов, агротехников, историков), предлагая все виды программ («от академических до узкопрактических профессиональных»). Важным моментом стало совместное обучение мужчин и женщин в университетах. В конце XIX в. наметились сдвиги в системе высшего образования в Америке. Вот что писал по этому поводу француз П. Таннери: «Но самым

выдающимся фактом в истории научного преподавания за последние 30 лет в глазах потомства будет, вероятно, вступление Соединенных Штатов в семью университетских стран. Американцы очень долго питали пристрастие только к техническому образованию. После междоусобной войны сильное умственное движение привело к перенесению в Америку европейских научных учреждений. Американцы стали интересоваться чистой теорией и обзавелись даже такой роскошью, как класс ученых, могущих соперничать с учеными Старого Света. Свободные от стеснительных традиций, наделенные заметным (быть может, даже преувеличенным) стремлением к оригинальности, американцы настолько удачно дебютировали на научном поприще, что могли рассчитывать на самое блестящее будущее».

Женщины в университете Цинциннати

В первое время ощущались слабость общей культуры, нехватка оборудования и учебников, отсутствие квалифицированных преподавателей. Тем не менее, в Англии с населением в 23 миллиона человек к 1880 г. насчитывалось 4 университета (1880), а в одном американском штате Огайо с трехмиллионным населением их уже было 37. Хотя надо принять во внимание и высокую «смертность» среди возникших колледжей. В юго-западных и западных штатах она составляла в среднем свыше 80 процентов. Более 700 колледжей было закрыто уже к 1860 г., а к 1930 г. и вовсе функционировало менее одного из пяти колледжей и университетов, основанных перед Гражданской войной. Итак, хотя из 180 с лишним колледжей и университетов, основанных между Революцией и Гражданской войной, более 100 возникли за пределами первых тринадцати штатов, все же куда более прочными и надежными выглядели колледжи в

старых штатах, в Новой Англии. Сам по себе факт столь быстрого становления системы высшего образования, конечно, означал огромную веру янки в почти беспредельные возможности знаний. Этому способствовали: присущий им дух миссионерства, предприимчивость людей колониальной поры и почти безграничная самоуверенность янки. Среди громадных университетов и институтов, этих признанных грандов американского и мирового истэблишмента, были и относительно скромные колледжи и университеты (Мидлбери колледж, Уэллсли колледж, Вермонтский университет). В Мидлбери группа горожан решила создать колледж свободных искусств (1800). Тогда это были пограничные места, где проживало немного людей. Студенты готовили себя к карьере священнослужителя. Первым президентом колледжа стал Дж. Этвотер. В 1819 г. один из обитателей городка Г. Пэйнтер оставил учебному заведению большую часть своего поместья. Сегодня это старейшее здание университетского типа в штате Вермонт (США). Штат Вермонт – это первый штат Америки, чья конституция отменила рабство. Здесь же первый американец африканского происхождения А. Твилайт получил степень бакалавра (1823). Пройдя через все трудности, колледж Мидлбери сохранился, в то время как другие небольшие колледжи вынуждены были закрыться. Он первым из колледжей превратился в важный региональный центр просвещения (1883).

В 1791 г. был создан и университет Вермонта, ставший пятым по счету высшим учебным заведением Новой Англии. Основателем его стал И. Аллен. В хартии университета особо подчеркивалось, что тут на образовательной ниве не отдается никакого предпочтения той или иной религии или секте. Вермонт стал по сути дела пионером веротерпимости и свободы на американской земле. По мнению американских историков, сей университет стал одним из законодателей практического или прагматического обучения. Сюда шли учиться преимущественно дети среднего американского класса. Вермонт, кстати, стал и первым невоенным высшим учебным заведением Америки, предложившим студентам курс инженерных наук. В какой-то мере знаменателен и тот факт, что «отец прагматической философии» Дж. Дьюи, о котором сказано ниже, также был выпускником университета Вермонт. Край этот знаменит не только природными красотами, но и пребыванием тут неординарных

личностей: генерал Лафайет некогда заложил тут камень нового университетского здания взамен уничтоженного пожаром в 1824 г., а в одном из колледжей преподавал курс русской литературы В. Набоков, автор «Машеньки», «Лолиты», «Защиты Лужина», «Приглашения на казнь». Здесь же нашел пристанище уже в XX веке известный русский писатель, лауреат Нобелевской премии А. Солженицын. ^[278]

За годы трансформации Америки в крупнейшую державу в политическом истеблишменте возникла традиция всячески способствовать делу развития высшей школы. Подготовка культурной и научной элит в Америке уделялось все больше внимания. «Если мы не найдем и не подготовим гениев, наше общество низвергнется в варварство», – говорилось в одной из работ. В США к 1860 г. существовало около ста научных обществ и ассоциаций, произошло объединение вузов в Ассоциацию американских университетов. К концу XIX в. 14 вузов выпускали 90 процентов общего числа докторов в стране. США проявляли тенденцию стать своего рода республикой ученых. В США отношение к науке было сродни выражению немецкого физика М. Планка, основоположника квантовой теории – «наука возникает из жизни и возвращается обратно в жизнь». Однако эра массового высшего образования была еще впереди.

Победив южан, промышленники Севера ринулись на завоевание континента и мировой экономики. Они были восприимчивы к науке, без чего не было бы, вероятно, и столь разительных перемен в США. Лишь науке и технологии по плечу освоить огромные пространства, свести леса, проложить железные дороги, обустроить города, засеять зерновыми земли, собрать хлопок, обуздать природу. Бизнес подстегивал развитие технологии: инновации, научные открытия означали снижение затрат, появление новых сфер вложения капитала, подъем производительности труда. Америка становилась грандиозной лабораторией. М. Лернер заметил: «Характерными науками для американской технологической цивилизации оказались химия и физика, электроника и радиационная химия, как и подобает народу, ставящему на первое место энергию и скорость, коммуникацию и силу. В обоих случаях наука служит ключом к пониманию основополагающих свойств цивилизаций. В одном случае это в основном естественные науки, науки упорядочивающие, в другом – науки, изучающие энергию и силу». Науки оказались настоящим

кладезем прибылей. Американский бизнес повел себя в дальнейшем умнее и дальновиднее наших реформаторов, не жалея средств на развитие техники, создавая различные исследовательские фонды, крупные лаборатории. Разумеется, их щедрость имела деловые корни. [\[279\]](#)

Особо скажем о роли техники. Известно, что когда-то в Греции и на Востоке творили выдающиеся техники и механики. Но мы слышаны лишь о великом Архимеде, да и то Плутарх писал о нем как об уме, чуждавшемся всего практического и необходимого. Но ничего не известно об инженере прошлого Диаде. Тот строил осадные орудия царю Филиппу, участвовал в походах Александра. История несправедлива: ею описаны кровавые сражения, заговоры, восстания и смуты. В ее скрижали занесены сотни венценосных идиотов, убийц или солдафонов, умевших лишь вышибать мозги и выпускать кишки ближнему, причем самым неартистичным образом. «И только об инженере, – писал немецкий ученый-исследователь Г. Дильс, – который вел и эту и другие осады Александра, который оставил руководство по военно-инженерному искусству, где были описаны его изобретения: передвижные осадные башни, нового вида таран, подъемные мосты и разные военные машины, историки ничего не знают. Как вообще вся древность, они презирали техников». [\[280\]](#)

Америка же быстро научилась преклоняться перед механиками и техниками. Инженер стал в этой стране существом более почитаемым, нежели ветхозаветный Ной, выстроивший свой ковчег для спасения всех живых тварей. Практический гений творчества был увенчан здесь славою и честью, а порой и «венцом из чистого золота». А. Токвиль в «Демократии в Америке» отмечал, что практическая наука здесь развита великолепно. Особенно заботливо относились американцы к тем разделам теории, которые необходимы для практического применения. В данных областях они демонстрировали «мышление ясное, свободное, оригинальное и плодотворное». Одним этим уже оправдано воцарение США, ставших меккой изобретателей. Хотя изобретательность американцев носила заземленный и узкоутилитарный характер. «В этой стране есть хорошие рабочие, но мало созидателей. Фултону пришлось долгие годы отдавать свой талант другим народам, прежде чем он смог найти ему приложение в своей стране», – отмечал А. Токвиль. Подобная ситуация не должна

вызывать изумления. «В Америке богачей было немного. Почти все американцы имеют профессию. Занятие профессией требует навыков и мастерства. Образованию они имеют возможность посвящать лишь ранние годы жизни. К 15 годам американец должен следовать своему призванию. То есть, его образование обычно заканчивается, когда в нашей стране оно начинается. А если и продолжается, то строго в определенном и выгодном для них направлении. Наукой тут занимаются как бизнесом».^[281] Видимо, ранее тут подняли бы на смех идеалистические воззрения Дж. Бруно на науку, как и видение им ее задач: «Наука есть наилучший путь для того, чтобы сделать человеческий путь героическим».

Научно-технической элиты как таковой еще не было и в помине. Она только-только в XIX в. поднималась из нищеты, из самой что ни на есть народной глубинки. Обратимся к работе М. Уилсона, повествующей об изобретателях... Об изобретателе Э. Уитни (1765–1825) говорили, что он более чем кто-либо иной способствовал преобразению Севера и Юга. Закончив Йельский колледж, он хотел вознамерился быть учителем. Однако сокращение зарплаты учителям наполовину поставило крест на его мечтах и занятиях. Как ни странно, это пошло на пользу не только Уитни, но и Америке. Оставив учительство, он изобрел знаменитую хлопкоочистительную машину, сделавшую рабовладение весьма выгодным (цены на рабов выросли сразу же вдвое). Благодаря его машине плантаторы заработали 10 млн. долларов на продаже хлопка. Но у изобретателя не осталось ни цента. Он едва спасся от банкротства, уехал на Север, где стал делать ружья. Такой резкий поворот в судьбе изобретателя не редкость для тогдашних США.

Дж. Каст. *Дух «американского прогресса»*. 1872

Самюэл Морзе (1791–1872), как и Уитни, учился в Йельском университете. Морзе родился в Бостоне, в семье педагогов (отец – священник, автор известного учебника географии, дед – директор Принстонского колледжа). Вначале юноша мечтал стать художником. Одна из его картин украшала ратушу. Первые проблески идеи изобретения зародились у него на лекции. Морзе поразили услышанные им слова, согласно которым выходило, что ток якобы мог становиться видимым при преодолении препятствия на пути. «Тот факт, – вспоминал он, – что электричество можно сделать видимым в любом месте на пути тока, было первым семенем, из которого развилось и выросло в моей голове изобретение телеграфа». Мечта стать художником тем не менее не покидала его. Он едет в Европу учиться живописи. Картину «Умиравший Геркулес» высоко оценили на выставке Лондонской академии художеств. Тут он получил первую золотую медаль и вскоре стал вождем группы молодых американских художников. После возвращения из Европы он работал профессором живописи и рисования в Нью-Йоркском университете. В то время отношение к живописи в США было более чем прохладным.

Ему стало ясно: рисунком тут не проживешь. Одному из студентов он откровенно советовал: «Ни за что не становитесь художником; это полная нищета. Дворовой собаке лучше живется на свете». Поэтому наш «американский Леонардо» вернулся к работе над электромагнитным телеграфом. Все чаще стала занимать мысль: «Как заставить электричество писать?» Поездка в Европу желанных денег ему не принесла. А между тем тогда же в России электротехник П. Шиллинг в 1832 г. (раньше американца) изобрел электромагнитный телеграф и даже показал его действие Николаю I. Однако русский царь, испугавшись самой идеи и возможности быстрой связи между людьми, запретил даже упоминать об изобретении. В Америке условия были иными. Хотя и тут было немало препятствий. В Нью-Йорке была создана маленькая телеграфная линия на Лонг-Айленде, изготовлен и примитивный аппарат, напоминавший телеграф (1827). Власти возбудили против изобретателя судебное преследование, угрожая арестом за то, что пытался «устроить тайное сношение между разными городами». Тот вынужден был бежать из страны.

Морзе изобрел телеграф в 1832 г., находясь на борту корабля «Sully». Прошли годы тяжких раздумий и опытов, прежде чем пришла

победа. В письме к своему другу он признавался: «Я не встречаю ни сочувствия, ни помощи со стороны людей, знающих меня. В течение двух лет я существовал на самые жалкие средства и отказывал себе даже в необходимой пище, чтобы скопить достаточно денег для представления моего аппарата в конгрессе. Я гибну от недостатка средств. Никому не известно, скольких дней и месяцев непрерывного труда стоило мне усовершенствование моего аппарата. Только одно сознание, что у меня в руках изобретение, которое может сделать эру в развитии цивилизации и облагодетельствовать миллионы людей, поддерживает меня в этих испытаниях». Отчаяние охватило изобретателя. Наконец, все же удалось получить у конгресса США 30 тысяч долларов (немалые деньги). В тот вечер, не дождавшись решения конгресса, Морзе вернулся в бедную комнату в гостинице Вашингтона. В кармане у него оставалось менее полдоллара. Но первая депеша, посланная из Балтиморы в Вашингтон на имя Морзе, гласила: «С помощью Божией великое дело исполнено!» По телеграфу были переданы результаты выборов президента и членов правительства. К середине XIX в. возникли говорящие молнии (так вначале называли телеграф).^[282]

Яркой фигурой был и Александр Белл (1847–1922), родившийся в Эдинбурге в семье известного знатока ораторского искусства XIX века. Стоит упомянуть, что его отец ввел в фонетику языка систему, получившую название «Видимая речь» (это своего рода фонетическая транскрипция). А в 1876 г. на «Выставке Столетия» в Филадельфии его сын демонстрирует прибор, девиз которого «Видимая речь» (речь шла о ныне незаменимом телефоне). Порой крестной матерью изобретений становилось образование. Приведу лишь один наиболее известный пример. Белл приступил к работе в Бостонской школе для глухонемых (1871). Помимо преподавания в школе, он исправлял заикание и другие дефекты речи и читал лекции для учителей по системе «Видимой речи». Способ же конструирования телефона найден был им совершенно случайно. Работая вместе с Ватсоном над музыкальным телеграфом, Белл как-то услышал дребезжание зажатой пластинки в отдаленной комнате. И понял: они нашли то, что искали. Спустя 24 года после «Выставки Столетия» в США уже работало полтора миллиона телефонных аппаратов. Прав был философ Р. Эмерсон, сказав, что «всякая революция была поначалу мыслью в

мозгу одного человека». Это действительно так. Однако к мыслям в голове нужно было добавить еще и энергию талантливых предпринимателей!

Легендарной фигурой среди американских творцов техники был, конечно же, Томас Эдисон (1847–1931). Как и многие в тогдашней Америке, он ходил в школу лишь несколько месяцев. Все считали его явным тупицей, ибо он «наотрез отказывался декламировать в классе». Мысли его были заняты тем, что он мастерил дороги, мельницы, гроты и всевозможные сооружения. Он «не знал детских игр, его забавами были паровые машины и механические поделки». Типичный Том Сойер своего поколения (торговал овощами, газетами, увлекся химией). Эдисон любил проверять сам действия законов природы. Однажды его нашли «сидящим на гнезде с гусиными и куриными яйцами, из которых он пытался вывести цыплят» (в сарае). Вот и Л. Мэмфорд в «Отрывках из жизни» писал, что он свое вдохновение и материалы для своих книг находил не в библиотеках, а во время прогулок и путешествий по сельской местности и городам США. [\[283\]](#)

Отец Эдисона был деловым человеком, как и его родня (прадед изобретателя был одним из директоров банка США, после революции 1776 г. его подпись стояла на ассигнациях). Мать – учительница. Ее называли второю Мартою Вашингтон. Она передала сыну жизненные навыки, приучила любить знания ради знаний. Ее сын зачитывался всем, что попадалось ему под руку – «Энциклопедия» Чемберса, «История Англии» Юма, «История реформации» Добиньи, «Падение Римской империи» Гиббона, Ньютоновы «Начала», «Технический лексикон» Юра, «Несчастные» и «Труженики моря» Гюго. Отец, не имея денег для того, чтобы отдать его учиться в университет, который стоил недешево, просто напутствовал сына: «Иди-ка ты в жизнь!» Тот стал «поездным мальчишкой», продавал газеты, сладости и всякую всячину (в 12 лет). Ухватив суть бизнеса, он наладил дело. И вскоре торговля газетами стала прибыльной (взял 4 помощников, применил телеграф, забрасывая «наживку» в виде кратких новостей на ближайшую станцию). Газеты Эдисона разлетались моментально. Он умудрился со временем даже печатать газету в поезде, хотя предприятие кончилось печально. Вместе с типографией он устроил в поезде и химическую лабораторию, в результате чего возник пожар.

Кондуктор в гневе выбросил в окно лабораторию, типографию, а заодно и самого «химика» – Эдисона.

Будучи глух на одно ухо, Эдисон в армию не попал и стал телеграфистом. Как известно, глухота не помешала гениальному Гойе писать картины, а Бетховену сочинять музыку. Не одолела она и творческую натуру Эдисона. Научившись посылать телеграммы с невиданной для того времени скоростью, он в 1869 г. изобрел телеграфный аппарат для деловых контор (впрочем, уже тогда были и более совершенные модели). Технику Эдисон знал как свои пять пальцев. Вскоре он получил должность управляющего фирмой с окладом в 300 долларов. Раз и навсегда он решил не заниматься бизнесом в «черную пятницу» 24 сентября 1869 г., когда обезумевшая толпа теряла на спекуляциях («пирамидах») состояния. В газете «Телеграф» появилось сообщение, что Т. А. Эдисон оставил свой пост и посвятил себя изобретательской работе. Фирма «Гоулд энд Сток Телеграф компани» предложила ему за патент на усовершенствование биржевого телеграфа 40 тыс. долларов. Так начиналась новая эра. А в 1880 г. он получил патент на изобретение 223898 (электрическая лампочка). 4 сентября 1882 г. 35-летний Т. Эдисон пережил, как он называл это событие, «величайшее приключение в своей жизни». В этот день электрический ток дала первая в Нью-Йорке электростанция на Пирл стрит – и в 85 домах, магазинах и конторах вспыхнул свет 400 лампочек накаливания. А незадолго перед этим он принял участие в переводе Нью-Йорка с газа на электричество. В августе 1883 г. уже 430 зданий города освещались светом 10 000 электрических лампочек. Заслуги Эдисона этим не ограничились. Он усовершенствовал ряд изобретений (свет, телефон, телеграф, динамомашину), изобрел фонограф, обнаружил ток свободных электронов через вакуум (что легло в основу создания радиоламп и радиопромышленности). В его лице человечество обрело гения, поставившего процесс технических изобретений на конвейер (Бюро патентов выдало ему в течение жизни 1093 патента). Такого еще не знала человеческая история.

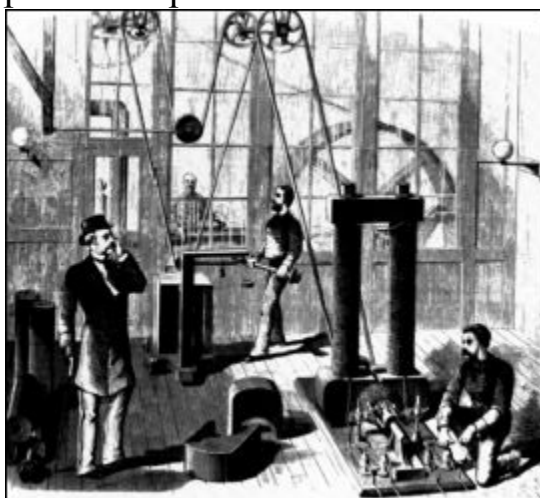

Томас Эдисон

В его лице Америка обрела новый тип предпринимателя-инженера. Когда Эдисон переехал в просторный дом с лабораторией в Вест Орандж (Нью-Джерси), он уже был обладателем миллиона долларов, заработанных на изобретениях (1887). На принадлежавших ему фабриках и заводах работало около пяти тысяч рабочих и инженеров. Особое значение приобретал сам метод работы в сфере науки и техники, предложенный Эдисоном. Вот как он сам однажды сформулировал его (в «Сайентифик Америкэн»): «Черновые наброски передаются создателям моделей, которые изготавливают из материала элементы соответствующих деталей или, возможно, даже целые узлы для аппаратуры. Учитывая то обстоятельство, что в этом процессе задействовано много работников, рабочая модель может появиться на свет в течение очень короткого промежутка времени». Порой путь от идеи до первой модели занимал всего один день. Так родилась фабрика изобретений. Гений Эдисона проявился и тут. В его доме была и огромная библиотека, насчитывавшая 100000 томов. Ему же принадлежала идея съемки первых фильмов (в частности, знаменитая лента «Великое ограбление поезда» снята в 1903 году в его студии). Этот человек всю жизнь трудился, как каторжный. Поэтому американских гениев воспримем в духе его же изречения: «Гений – это один процент вдохновения и 99 процентов пота». [\[284\]](#)

В 1889 г. он посетил Всемирную выставку в Париже. Отвечая на вопрос, как ему нравятся Париж и французы, Эдисон заметил, что они нравятся ему особенно своими идеями, где они превосходят даже англичан. «Ну кто бы из них придумал башню Эйфеля или статую Свободы (подаренную французами США)?» Но кое-что его и неприятно поразило: «Что меня здесь особенно поражает, это всеобщая лень. Когда же эти люди работают? И что они делают? Здесь, по-видимому, выработалась целая система праздноштанья... Эти

инженеры, разодетые по последней моде, с тросточками в руках, которые меня посещали, – когда же они работают? Я тут ничего не понимаю... Да, мне случалось работать несколько суток подряд... Но в среднем я занимаюсь около двадцати часов в сутки. Я нахожу совершенно достаточно спать 4 часа». Так Эдисон оценил некоторые порядки в Европе. Казалось, что в лице американцев народы обрели смелых предвестников зари будущего. Они множат число научных и инженерных лабораторий. И на смену изобретателю-одиночке («изобретателю из мансарды») идут группы инженеров, техников, подобных тем, что будут созданы Т. Эдисоном в его знаменитом Менло-Парке, «Фабрике изобретений».

«Фабрика изобретений» Томаса Эдисона

Достижения американцев в области техники уже тогда разнообразны. Среди них и планетарий Риттенхауса, украсивший собой печать Пенсильванского университета (1782 г.). Но, пожалуй, самое знаменитое изобретение эпохи – шестизарядный револьвер Кольта. Известно, что 16-летний матрос из Коннектикута Сэмюел Кольт за время долгого плавания в Сингапур вырезал из дерева первую модель револьвера. Таким образом, и право на ношение оружия, провозглашенное конституцией США, обрело почти сакральный смысл после рождения этого изобретения. Отныне любой американец мог разобраться с чиновником или бандитом с помощью «самого надежного в мире уголовного кодекса». Впрочем, вначале это оружие было направлено главным образом против индейцев. Впервые его пустили в ход в конном бою 15 рейнджеров, одержавших победу над 75 команчами (1840). Война в Мексике сделала кольт типичным

оружием американского Запада. С тех пор янки испытывают особую и прямо-таки пламенную страсть к изобретениям орудий убийств и уничтожения человечества!

Кое-что сделано для облегчения работы статистиков. Для подсчета и обработки статистических данных Г. Холлерит изобрел перфокарты, сделанные из непроводящих материалов. Проходя через перфокарту, электрический ток позволял сделать все необходимые подсчеты. Использованное во время национальной переписи 1890 г. изобретение явилось как бы началом наступления эры компьютерной индустрии. Открытие способствовало прогрессу цивилизации. Статистика станет удобным инструментом не только науки и экономики, но и средством, с помощью которого был найден способ обмана масс. [\[285\]](#)

Гений изобретательства и инженерии нередко сочетался с талантом организатора и промышленника. Описывая научно-технические достижения, С. Цвейг отмечал в одной из новелл, что ныне требуются иные скорости передвижения и передачи мысли. Он говорил: Где путешествовал в карете с тем же комфортом и быстротой, что и апостол Павел, войска Наполеона передвигались с той же скоростью, что и легионы Цезаря или орды Чингиз-хана, а корветы Нельсона бороздили моря и океаны немногим быстрее, чем галеры финикийцев или ладьи викингов. Такой медлительности капитализм теперь уже никак не мог себе позволить.

Вслед за созданием сухопутных телеграфных линий встала задача прокладки и подводных кабелей. Брет проложил кабель через Ла-Манш (1851). Спустя некоторое время телеграф уже связал Англию с Ирландией, Данией, Швецией, Корсику с материком. На очереди – Египет и Индия. Сложнее обстояло дело с Америкой. Бескрайние просторы и глубины океанов пугали самых смелых инженеров. Где найти такие корабли, что смогут поднять 2 тысячи миль кабеля? Как построить столь мощный электрогенератор? Иные считали возможность реализации подобного проекта чистым безумием. Но разве не прав был поэт Беранже, когда восклицал:

По безумным блуждая дорогам,
Нам безумец открыл Новый Свет;
Нам безумец дал Новый завет —

Ибо этот безумец был богом.
Если б завтра земли нашей путь
Осветить наше солнце забыло —
Завтра ж целый бы мир осветила
Мысль безумца какого-нибудь!

В творческом порыве, в трудах гениальных изобретателей воплощается Разум, во многом и определяющий место человека в истории цивилизации. Таким образом, ученый, мыслитель, гениальный инженер выступают в роли архистратега Будущего. Он должен выстроить новую общественную систему, как бы начертать идейно-технологический скелет оной. Иные организуют повседневную жизнь, направляют ее в нужное русло. Вместо армий политиканов и уродливых вояк, которые почему-то заправляют миром вот уже 5–6 тысяч лет, превращая землю в кладбище людских надежд и талантов, они должны создавать отряды пионеров науки, техники, образования, культуры – ударные штурмовые группы цивилизации. Мозг смертных видел в этих действиях лишь «элементы безумия». Л. Арагон описал в «Тени изобретателя» (1924) действия людей, действующих на перекрестке грез: «И тут сам инженер начинает отрекаться от своего гения, он снова берет эту галлюцинацию и, так сказать, калькирует ее, переводит, ставит на расстояние протянутой руки неверующих... в тот миг, когда изобретение только появляется на свет, едва начиная осознавать себя, когда оно чуть-чуть приподнимается, оно являет собой некое новое отношение, безумие, которое позже превратится в реальность. Загадка, аналогичная заре».^[286]

К числу таких вот «безумцев» можно отнести английского инженера Гисборна, задавшегося целью связать подводным кабелем Нью-Йорк с Ньюфаундлендом и решившего продлить кабель до Ирландии, а также предпринимателя С. Фильда, обладавшего завидными качествами делового человека. Энтузиаст идеи, этот янки осаждал правительства просьбами, связывался со специалистами, проводил кампании по сбору средств. Вера в электричество оказалась не менее сильной, чем вера в Бога. Всего за несколько дней в Англии им было размещено акций на сумму в 350 тыс.ф. ст. Среди акционеров – финансисты, промышленники (и даже Теккерей с леди Байрон).

Наконец гигантская электрическая пуповина из 367 тысяч миль медных и стальных жил связала два полушария (1866). Если вытянуть их в линию, хватило бы соединить прямым кабелем Землю и Луну! Величайший триумф инженерного гения, помноженного на упорный труд предпринимателя. Надо согласиться с философом Дж. Дьюи, сказавшим как-то: «Каждый великий успех науки имеет своим истоком великую дерзость воображения».

В 1864 г. сделали попытку соединить телеграфной линией Россию и Америку. Шла война Севера против Юга, а Россия заняла дружественную к Северу позицию (Англия же поддерживала рабовладельцев-южан). Снарядили экспедиции в Сибирь и на Аляску с большими запасами телеграфной проволоки, с двумя телеграфными кабелями (для Берингова пролива). В экспедиции участвовали ученые, инженеры, механики. К сожалению, пришлось отказаться от дела. Западная телеграфная компания в США истратила на американо-русский проект «Аляска—Сибирь» по тем временам просто чудовищную сумму— 2–3 миллиона долларов... Однако в 1866 г. после ряда неудач Атлантический подводный кабель был-таки проложен.

Из песни слов не выкинешь. Американцы оказались наиболее восприимчивы к идеям научно-технической революции. Разве случайно, что проекты ирландца Р. Фултона (1765–1815) обошли все передовые страны мира той поры, прежде чем осуществились в США? В Англии его идея постройки парового судна не увенчалась успехом. Приехав в Париж, он предложил устроить сеть каналов между реками Франции и пустить по ним пароход. Однако французам, воевавшим с Европой, было не до него. Не повезло ему и в Голландии. Справедливости ради скажем, что и Америка не сразу ухватилась за идею. Когда в 1784 г. к первому президенту США Вашингтону (почти в одно и то же время) явились два изобретателя, Фич и Дж. Рамзей, и предложили построить суда, движимые паром, они получили отказ. Тогда Фич уехал во Францию, а Рамзей — в Англию, где впал в отчаяние и скоро умер от горя. А ведь первые успехи Р. Фултона имели место во Франции, где он получил поддержку Бонапарта. На эти средства он построил подводную лодку, которая могла находиться под водой довольно длительное время (однажды сам Фултон пробыл под водой 4 часа, пройдя 25 верст). Значительную помощь (идейно и финансами) оказал посланник США во Франции Р. Ливингстон. Он

был большим любителем механики, видным промышленником, сыгравшим решающую роль в покупке у французов и присоединении к США Луизианы. Пароход Фултона был успешно опробован на Сене (1803). Увы, Наполеон не понял значения изобретения. Хваленые члены Парижской академии, наблюдавшие за испытаниями, не смогли или не пожелали убедить правительство Франции и консула. Бонапарт назвал Фултона «идеологом» и «пустым мечтателем». Тогда он уехал в Америку и построил там пароход «Клермонт». Подчеркнем исключительную роль «безумца» Ливингстона, истратившего на это свое огромное состояние. Первый рейс между Нью-Йорком и Албани состоялся (1807), хотя пассажиры не решились ступить на «чертову машину». Однако на обратном пути нашелся смельчак, выложивший за проезд 6 долларов.

Америка становилась мировой ярмаркой технических новинок. Ученые, инженеры, поэты, деятели искусств создали тут «миф о машине». Скульпторы сравнивали гигантский мотор на выставке с телом женщины, обладающей мощными эротическими формами. Лондонская «Таймс» писала, что американцы проявляют себя в механике столь же ярко, как древние греки в скульптуре, а венецианцы в живописи. Журнал «Атлантик мансли» безапелляционно утверждал, что отныне гений и вся сила человеческого творчества должны сосредоточиться лишь на инженерных деяниях, а не на литературе, науке или искусстве. Технические склонности американцев были очевидны. «Нет в мире другой страны, где бы столь любили машины и технику» (О. Уайльд). Как отмечал профессор Дж. Кувенховен, в США по сей день широко распространены убеждения, что автомобили, аэропланы, моторы в эстетическом отношении наиболее привлекательны из всех творений человека.^[287] Янки стали истинными поэтами и романтиками техники.

США занялись индустрией, техникой, наукой... Дух образования, новаторства, изобретений, научных открытий, освоения богатых природных ресурсов стал тут определяющим. Имена Франклина, Эдисона, Белла, Вестингауза, Морзе, Фултона у всех на устах. Как скажет в адрес американцев Ж. Верн (1866): «Янки – эти первые механики мира – рождаются инженерами, как итальянцы – музыкантами, а немцы – метафизиками». Иметь такую похвалу из уст первого фантаста мира почетно. В США была введена в действие

эффективная патентная система, о которой президент Авраам Линкольн образно и точно сказал, что она «питает творческий гений изобретателя горючим заинтересованности», способствуя росту численности изобретателей и инженеров в США. О динамике роста говорят цифры: когда был принят Закон о патентах (1834), в кармане у изобретателей было не очень-то густо (чуть более 1200 патентов). Ситуация изменилась в корне уже через какие-то 30–40 лет. Известно, что только между 1860 и 1900 гг. в Бюро патентов в США было подано уже примерно 676 тыс. патентов. [\[288\]](#)

Открытие первой американской трансконтинентальной железной дороги

Америка подпала под действие могучего закона ускорения. Мировая добыча угля и потребление энергии удваивались каждые десять лет. В 1900 г. тонна угля давала в 3–4 раза больше энергии, чем в 1840-м. По мнению Г. Адамса, такого революционного переворота производительных сил доселе еще не знал цивилизованный мир... Грандиозная научно-техническая революция развернулась в США. Число умов, занятых поисками новых машин, увеличилось от нескольких десятков и сотен в 1838 г. до десятков тысяч в 1905-м, — людских умов, натренированных до такой степени цепкости и остроты, какой никто еще не достигал. Вооруженные инструментами, приборами, превосходящими органы чувств по их огромной мощности и точности восприятия (с помощью которых они отыскивали энергию в таких тайниках природы, где сама она не подозревала о ее наличии), ученые проводили подсчеты и анализы, опровергающие самое бытие. Они стали достигать таких удивительных синтезов, которые угрожали самой стихии. Американцы пошли по пути индустриализации. Страна развивала экономику, поднимала города, прокладывала дороги (а не загоняла уворованные капиталы в Лондон, Париж, Женев, Антверпен). В 1825 г. канал связал Нью-Йорк с Буффало на Великих озерах, а к

1850 г. целая сеть каналов и путей, проложенных по рекам и озерам, протянулась от Атлантики до Миссисипи. Общественные работы стимулировали развитие и региональных экономик вокруг Филадельфии, Нью-Йорка, Сент-Луиса, Чикаго. С 1828 г. началось строительство железных дорог. Расходы распределялись следующим образом: 40 % средств шло из казны государства, а 60 %: из частных источников. Наблюдается рост урбанизации. Города росли, как на дрожжах. Особенно стремительно рос Нью-Йорк, избранный Лондоном в качестве главного торгового и финансового партнера. Население увеличилось с 135 тысяч человек в 1820 г. до 1,338 млн. человек в 1870 г. Целый ряд городов имели уже население от 0,5 до 1 млн человек. Главные потоки иммигрантов в первой половине XIX в. шли из Германии, Англии, Шотландии и Ирландии. В дальнейшем, с 1870 по 1914 гг., в США въехало свыше 25 млн. иммигрантов. Имело значение укрупнение мелких земельных участков в крупные хозяйства или фермы, работающие как заводы, объединяя (не раздробляя) усилия. С. Уорнер-младший, объясняя условия роста Америки, писал: «Масштабность, величавость, даже гигантизм, стали наибольшим сюрпризом той эры, что наступила в конце XIX – начале XX веков».

[\[289\]](#)

Помимо наличия талантов, Америка имела необходимые ресурсы для развития (как и Россия). О запасах железной руды знали с колониальных времен, но лишь открытие месторождений в северном Мичигане и Верхних озерах дали США решающее преимущество в производстве железа и стали. Полковник Дрейк обнаружил нефть в западной Пенсильвании (1859), а через пять лет нефти добывали уже более 2 млн. баррелей в год. Бурились тысячи скважин. Сюда устремились сотни миллионов долларов. Нефтяная лихорадка вполне могла соперничать с золотой. Хотя здесь находили медь еще со времен Колумба, лишь разработка месторождений в Монтане и Аризоне в 1882 г. создала новую ситуацию («война медных королей»). Сюда же можно добавить открытие серебряных рудников в 1859 г. в Колорадо и Неваде. Во владениях США (после захвата ими огромных земель у Мексики) оказались колоссальные запасы угля. Только в Нью-Мексико угля было столько, что его хватило бы американским заводам для работы в течение века. К 1910 г. в США добывали 500 миллионов тонн угля, что составляло лишь менее одного процента имеющихся запасов.

К 1884 г. Америка производила 1/5 часть мирового железа и 1/4 часть мировой стали, в стране проложено 6200 миль нефтепроводов. И все это немыслимое природное богатство – в руках предприимчивых и энергичных людей. Страна бурно строится. Поднимаются ввысь небоскребы – эти наследники пирамид и Вавилонской башни. Всемирная выставка в Чикаго (1893) с ее классическими формами ознаменовала начало эры динамизма и технического прогресса. Грандиозная выставка стала своего рода символом Уолл-Стрита, то есть символом народившейся империалистической Америки.^[290]

Почетное место в ряду научно-деловой элиты США занимали инженеры. Надо сказать, что Америке на первых порах восторжествовала ньюменовская модель университета. Центры высшей школы США (Йельский, Принстонский, Гарвардский, Колумбийский университеты) до середины XIX в. старались реализовывать традиционную классическую программу обучения (древние языки, история, философия, литература, математика). Естественные науки практически отсутствовали, что вынуждало желающих их изучать перебираться в Европу. Ситуация абсурдная для страны, претендовавшей на роль промышленного и экономического лидера. Тем более что с каждым годом промышленное производство заявляло о себе заметнее. К концу века почти повсюду возникли кафедры естественных наук. У. Уитмен, выражая горячую поддержку наукам, даже восклицал: «Этот – математик, тот – геолог, тот работает скальпелем. Джентльмены! Вам первый поклон и почет!» Принят был закон федерального правительства о высшем образовании, подписанный Линкольном (1862). По нему штаты получали во владение земельные участки специально для организации учебных заведений, для подготовки агрономов и инженеров. Закон носил самые общие очертания и, тем не менее, во многом способствовал быстрому становлению высшей школы. Особо важную роль в формировании системы технического образования призваны были сыграть Корнельский университет и Массачусетский технологический институт (нынешние лидеры в сфере техники).

Начало Реконструкции, наступившей после окончания Гражданской войны, потребовало от общества уделять больше внимания подготовке грамотных и высококлассных специалистов. Инженерное образование в Америке восходит к французскому Corps

du Genie, возникшему в 1676 г. и оформившемуся в качестве высшего учебного заведения в 1749 г. Во Франции в эпоху Людовика XV было учреждено и гражданское высшее инженерное училище (1747 г.), первое инженерное заведение такого рода в мире. «Отцом инженерного образования» считается французский ученый Жан Родольфо Перроне (1708–1794). Внес лепту и Наполеон, создав школу подготовки инженеров в области гражданского строительства (Ecole des Travaux Publics), известную как Политехническая школа. Ее создали по проекту Кондорсе, а пальму первенства перехватил император. Как бы там ни было, а именно по французской модели и создавались первые инженерные учебные заведения в США. В немалой степени это родство вытекало из общности политических и социальных пристрастий. Разве выдающиеся французы не принимали активное участие в войне за независимость?! В свою очередь и янки отнеслись с почтением к Монтескье, Руссо, Вольтеру, Дидро, другим энциклопедистам. Так у кого же было перенимать инженерные навыки, как не у этой великой нации воинов и ученых?!

С особой остротой необходимость подготовки инженеров в США почувствовали в эпоху войны за независимость (1775–1783). Фактически в тот период все инженеры в американской армии были иностранцами. История возникновения инженерного образования в США напрямую связана с армией, с армейским корпусом инженеров. Дж. Вашингтон неоднократно высказывался в пользу подготовки квалифицированных инженеров. Об этом же твердил с 1776 г. и интеллектуал Джон Адамс: «У нас ощущается нехватка инженеров. Они редки и дороги. Нуждаясь во многих, мы не имеем и малого их числа. Я полагаю, что настало время создать Академию инженерного образования». В 1778 г. Конгресс США поддержал идею и высказался в пользу создания подобных школ. К ней вернулись вновь – после окончания войны. А. Гамильтон, возглавлявший один из комитетов, вполне резонно заявил, что военные инженеры еще более нужны стране во времена мира. Для их подготовки необходимы серьезные научные знания и длительная учеба. В 1794 г., уже после избрания Вашингтона президентом, в Америке была учреждена и первая военная школа – в Вест-Пойнте.

Официальной датой возникновения инженерного образования в США считается 16 марта 1802 г., когда конгресс учредил академию в

Вест-Пойнте, которая должна была готовить многопрофильных специалистов-инженеров. Вначале в академии, правда, отсутствовала строгая система подготовки и экзаменов. С приходом к руководству полковника С. Тэйера в 1817 г. дело стало налаживаться. Помог также опыт и французской Политехнической школы. Постепенно выстроились главные детали и элементы Вест-Пойнта: высокие требования к знанию, четкие стандарты образования, жесткая дисциплина. Таким образом, в Америке был создан прекрасный образец для всей последующей системы технического образования. Количество инженерных школ в стране с каждым годом увеличивалось, так к 1850 г. их стало уже около 6 тысяч. В 1821 г. в Норвиче (штат Вермонт) была создана Американская литературная, научная и военная академия, в программах которой значились такие предметы, как механика, химия, инженерия, электричество, строительство и т. д. Одним из наиболее известных институтов подобного рода стал Франклиновский институт, основанный в Филадельфии в 1825 г. Он вскоре получил и первый правительственный заказ на научно-прикладные исследования. По мере подъема промышленности, роста образования, развития общественных потребностей становилось все очевиднее, что США нуждаются в стройной системе профессионально-технического и инженерного образования. Особенностью инженерного образования в США было то, что им руководили педагоги-теоретики, а не люди практики. Такая ситуация сохранилась до тех пор, пока не произошло становление самой инженерной профессии и различные специальности в колледжах не выделились в качестве самостоятельных учебных дисциплин. В отличие от инженерных школ, ставших впоследствии органической частью академической и университетской наук, медицинские школы оставались автономными. [\[291\]](#)

Термин «гражданский инженер» появился в 1828 г., а первым профессором инженерных наук в США стал А. Пэтридж (1785–1854), в дальнейшем основатель Норвичского университета. Когда сформировались южные границы США (к 1853 г.), настал час полномасштабного освоения страны. Решение данной задачи зависело от инженерного и технического корпуса. В США состоялось совместное заседание Американского института горных инженеров и

Всеамериканского общества гражданских инженеров (1876). Определили пути развития высшего технического образования, сделав акцент на усиление практических знаний. Критике подверглось положение, по которому к обучению инженерным профессиям допускались те, кто ранее не имел к этому никакого отношения, хотя закон Моррилла (1862) предоставил финансовую поддержку слушателям практических курсов, а также студентам, занятым в течение дня работой на фермах. В высшем образовании были как теоретики, так и практики. Ряд учебных заведений (Массачусетский технологический институт, Институт технологий Стевенса, Колледж инженеров в Корнелле и др.) сделали упор в программах на развитие теоретической инженерной подготовки, а остальные (Свободный институт Ворчестера, Политехнический институт Роуза, Технологическая школа Джорджии и др.) главное внимание уделили практической стороне подготовки механиков и мастеров для промышленности. Студентам предоставлялось право свободного выбора специальных дисциплин. К началу XX в. половина американских вузов начали предлагать на выбор от 50 до 70 процентов читаемых курсов. Увлечение утилитаристским подходом привело к тому, что Америка за эти годы произвела на свет одного великого теоретика – Гиббса. Узкая специализация характерна для высшей школы того времени. В американском обществе превалировало мнение, что высшее образование непременно должно давать практический результат. Янки заимствовали у родоначальника позитивизма то, что им ближе по духу и сути – прагматизм. У большинства, как полагал американский педагог и философ Дж. Дьюи, превалируют сугубо практические наклонности. В Америке серьезный интеллектуальный интерес проявлялся лишь у небольшого числа людей. Считалось, что лишь 15 процентов населения США имеют такой уровень интеллектуального развития, который дает им право на получение высшего образования.^[292] И в иных странах ситуация была схожей.

От степени заинтересованности лидеров страны положением высшей и средней школы в немалой степени зависел и зависит уровень популярности политика. Это служило как бы признаком хорошего тона и даже незаурядного ума. Тот, кто лишь осмелился бы покуситься на прерогативы среднего класса в США, неизбежно сразу бы стал

политическим трупом (позорнейшая ситуация в России, где средний класс оказывается в последнее время среди париев общества, просто немыслима в США). Немудрено, что многие политики именно на поддержке высшей школы и науки сделали себе карьеру государственных деятелей. С университетской скамьи пришло немало президентов США (Т. Джефферсон, В. Вильсон, Г. Трумэн и другие). Когда в 1902 г. В. Вильсон вступил на пост ректора Принстонского университета, немногие, вероятно, тогда догадывались, что перед ними – будущий президент Соединенных Штатов. Он повысил уровень подготовки специалистов, поднял требования к студентам, ввел специализацию. Для повышения авторитета в Принстон стали приглашать видных американских и иностранных ученых. От иных профессоров старого стиля пришлось избавиться, так как они «выпадали из времени». Университет пополнился новыми учебными корпусами и общежитиями. Здесь же был произведен первый опыт введения наставничества в американских вузах. Суть принятой стратегии новый ректор сформулировал следующим образом: «Я не намереваюсь предлагать, чтобы мы заставили студентов все время учиться. Но я предлагаю сделать так, чтобы они сами все время желали учиться». В итоге Принстон стал вскоре одним из ведущих учебных и научных центров США. Им были предприняты серьезные усилия и по перестройке всей системы управления и финансирования университета. Финансирование учебного заведения составило огромную для того времени сумму – 12 миллионов долларов в год. Он ликвидировал обеденные клубы для детей из высших слоев, и все стали питаться сообща. Президент пошел и на другие демократические меры. [\[293\]](#)

Принстон вымостил Вильсону дорогу к Белому Дому. Ученый Д. Саймонтон (США) провел исследования, изучив судьбы и условия воспитания и обучения 314 выдающихся личностей за сто лет (1841–1948). Выяснилось, что среди ученых и изобретателей большинство имело высшее образование, меньше – ученые степени, среди художников большинство учились в колледжах на младших или высших курсах. Сложнее оказалось с политиками. Изучив личные дела 33 президентов США, он пришел к выводу, что наибольший догматизм был свойствен президентам, имевшим слабое образование, или же напротив – тем, кто был слишком заумным.

Всемирная выставка 1893 года в США

К первой группе он отнес президента Э. Джексона (жена учила его писать и читать), ко второй – В. Вильсона (президент с докторской степенью). Прямой зависимости между высшим образованием и талантом, возможно, и нет. Нет такой зависимости и между постом президента, уровнем его культуры и знаний. Да и истинный смысл таланта обнаруживается за пределами традиционного образования. Но уже тогда было ясно, что хорошее образование в целом необходимо любому человеку, а уж политику, отвечающему за судьбы огромной страны, тем паче. [\[294\]](#)

Вильсон открыл эру прихода в политическую карьеру президентов из науки. Напомню, что его перу принадлежали серьезные труды: шеститомная «История американского народа», «Правление конгресса» (1885 г.) и др. Всего же он написал около десятка книг, а в 1908 г. опубликовал курс лекций «Конституционное правление в Соединенных Штатах». В них он доказывал, что президент является политическим вождем народа и что, конечно же, «вершит все дела». Те, кто решал партийные вопросы (в США), наконец-то, поняли, что им нужен умный и волевой президент (да еще профессор). Вильсона избрали губернатором штата Нью-Джерси. Это стало началом успешной политической карьеры (1910). Представляют интерес и его взгляды на управление страной. Он сравнил гигантские корпорации с автомобилями. Если с теми что-то неладно, говорит он, нужно не наказывать «автомобиль» (тружеников и акционеров), а сменить руководство. Если же то ворует, нужно сажать в тюрьмы беспощадно. «Чтобы реформы были настоящими и глубокими, – убеждал он, – лучше законно посадить в тюрьму одного действительно ответственного человека, одного истинного организатора махинаций, противоречащих общественным интересам, чем обложить штрафами тысячу корпораций». Народу Америки понравились эти слова. И, надо

сказать, что президентство его (в области внутренней политики США) было успешным. Реорганизованы системы управления и законодательные институты. Обязаны США Вильсону и своей современной финансовой системой. Это дало возможность федеральной системе мобилизовать финансовые ресурсы на развитие страны. Тариф Унтервуда (1913 г.) уменьшил абсурдные ввозные пошлины. Принят антитрестовский закон Клейтона (1914 г.). Учреждена межштатная торговая комиссия, что заметно обуздало власть монополий. Злоумышленники в сфере бизнеса почувствовали его железную руку. Фермеры получили закон, установивший скромную систему кредитования в сельском хозяйстве. Введен 8-часовой рабочий день на железных дорогах национального значения. Установлена и компенсация многим гражданским служащим. Можно привести массу других умных и своевременных шагов президента. Это были реальные реформы, а не видимость реформ, за ширмой которых в России действуют жулики и проходимцы. Такой президент, конечно, мог заявить: «Президенту не возбраняется по закону и по совести быть столь великим человеком, каким он только может. Президент выше конгресса, ибо за ним, а не конгрессом, стоит нация». [\[295\]](#)

Однако и в тогдашнем обществе было немало противоречий. Нищета и страдания не исчезли. При концентрации богатств в руках малой части нации, писал Генри Джордж, в другой «люди умирают от голода и маленькие дети не получают капли молока из высохшей груди матери». В известной мере рассеялись грезы, связанные с наукой и образованием. Плоды с дерева знания, стоило их взять в руки, «становились яблоками Содома». Богатства и знания доступны далеко не всем. Низшие слои общества вообще не участвовали в пиршестве. Перемены не принесли огромной массе людей здоровья и счастья. При этом даже восхваляемый прессой и наукой прогресс в ряде случаев вел значительное число бедных к еще большей нищете. Налицо жесточайший конфликт между капиталом и трудом. Распространен детский труд. Прогресс науки и техники не смог заменить правящему классу отсутствие морали. Трудно более определенно выразить суть тех проблем, с которыми уже столкнулась тогда Америка. [\[296\]](#) Янки дали и первый ясный, сознательный анализ меновой стоимости, сводящий ее к рабочему времени. Франклин в юношеской работе (1729) сформулировал основной закон современной политической

экономии. Он считал необходимым найти иную меру стоимостей, чем благородные металлы. Эта мера – труд. Янки не остановились на этом, а пошли гораздо дальше, сделав мерой стоимости жизни и всего на Земле эквивалент труда – доллар. К. Маркс в работе «К критике политической экономии» писал, что этот почти что тривиальный анализ «мы находим у человека Нового Света, где буржуазные производственные отношения, введенные туда вместе с их носителями, быстро расцвели на почве, на которой недостаток исторической традиции уравнивался избытком гумуса». ^[297]

Те же процессы наблюдались и в Канаде. Попытки иных буржуазных идеологов (П. Брауна) сравнивать Канаду с раем вызвали недоумение и возмущение (1872 г.): «В Канаде весь народ страны является капиталистом. У нас нет Ротшильдов, Асторов, Вандербильтов, Твидсов. Но у нас имеются тысячи мелких инвесторов, которые и есть наши единственные капиталисты». Канадцы и американцы видели на каждом шагу сцены совершенно иного рода. Канадские газеты сообщали о фактах эксплуатации детского труда: «Существующая у нас губительная потогонная система, заставляющая работать детей по 12–13 часов в день, является настоящим проклятием. Она лишает нас права называться разумной цивилизацией. В городе сотни девчонок и мальчишек вынуждены работать по 10–14 часов в день. На хлопчатобумажных фабриках Онтарио и Гамильтона дети 9–10 лет находятся в стенах фабрики по 12 часов. Часто эти крохи вынуждены трудиться без перерыва (с 5 утра и до 12 дня). Здесь введена особо жестокая система штрафов и наказаний. С них за опоздание на полчаса берут четверть доллара. Заметьте, что дети вынуждены вкалывать за 2 доллара в неделю. Вина за все несчастные случаи у станков также возлагается исключительно на них. Таковы прелести рая». ^[298]

Появляются критики капиталистической системы. Жесткому анализу подверг капитализм основоположник институционализма экономист Торстен Веблен (1857–1929). На его позициях стояли известные ученые – Дж. Гэлбрейт, У. Ростоу, О. Тоффлер, Р. Хейбронер, Г. Мюрдаль, Ф. Перру и др. Этот американец норвежского происхождения, закончив колледж, проработал год учителем, а затем поступил сначала в университет Гопкинса и в Йель. Здесь он занялся учением об эволюции и получил ученую степень доктора философии

(за работу по истории и теории распределения национального бюджета среди американских штатов). Веблен – яркая и неординарная личность (изобретатель, историк, филолог). После ряда злоключений он получил научную стипендию в Корнельском университете за работу «Некоторые оставляемые без внимания вопросы теории социализма». Сто лет спустя ее впору начать разрабатывать всерьез и в России... В 1891 г. Веблен начал работать в Чикагском университете. Университет слыл заведением достаточно консервативным. Закономерно, что Веблен показал реакционно-консервативные черты системы высшего образования – в «Теории праздного класса» (1899), в книге «Высшее образование в Америке» (1918), имевшей красноречивый подзаголовок: «Исследование полного бесправия». Самым известным курсом стали «Экономические факторы в цивилизации». С 1906 г. он профессор в Стэнфордском университете. Он сформулировал идею дихотомии, т. е. противопоставления производства и предпринимательства, индустрии и бизнеса. По мнению Веблена, с развитием капитализма дихотомия производства и бизнеса обостряется. Это находит выражение в том, что сфера рыночных отношений и разнообразные спекулятивные операции стали для капиталиста более выгодными, чем созидательная промышленная деятельность. Время подтверждает жизненность идей выдающегося американца. Из многих созданных им книг «Теория праздного класса» пользовалась, пожалуй, наибольшей популярностью, принесла ему заслуженную славу классика социально-экономической литературы. Как и в других его работах, тут обозначены идеи технологического эволюционизма. Его печатали нарасхват все журналы США. Автор книги «Веблен и его Америка» Дж. Дорфман писал: «Его читали все, кто претендовал на право называться интеллектуалом. Вебленизм сиял во всем блеске».^[299]

Веблен считал, что согласно законам общественного развития «денежная цивилизация», если она сохранит позиции, неизбежно заведет человечество в тупик. Цивилизация эта будет погружаться все глубже в бездну варварства по мере того, как усиливается институт праздного класса (прямой наследник варварской культуры). Верхние слои общества освобождены от материально-производительного труда, довольствуясь стрижкой купонов в самой различной форме. Физический труд стал делом недостойным и позорным, как в

рабовладельческом обществе. Современный труженик представлялся ему новым типом раба, которым всячески помыкают власти. (В нашем понимании это современный прикованный Прометей, сердце и мозг которого хищно клюют воры, бюрократы и спекулянты.) Как он видел место и роль высшего образования в обществе? Предоставим слово самому Веблену. Характерные черты академических дисциплин, да и системы образования в целом формируются на Западе денежными тузами, вытекая из ценностей и критериев праздного класса. Высшее образование он называл «выражением денежной культуры». В образовании вообще и в высшем образовании в частности наиболее ярко проявились идеалы праздного класса. Вузовская интеллигенция взирает на капитал подобно дикарю, что некогда в страхе и трепете поклонялся сверхъестественным проявлениям могучих богов. Ее деятельность сопровождается обетами подчинения и лизоблюдства. Это выражается в омерзительных актах идолопоклонства, источаемых власти предержащей и капиталу. Выпускник колледжа и университета должен быть чуть выше слуги, подающего хозяину в трактире рюмку водки. Посвящение в жрецов науки или политики сопровождается целым джентльменским набором «магических ритуалов и шаманского мошенничества». Ученость, как оккультные науки, стала средством одурачивания неграмотных людей. И чем ниже уровень развития общества, тем большую дань оно воздает эзотерическим ценностям (статус, ритуалы, ранги, звания, мантии, регалии). Ректоров награждают орденами, титулами, чтобы те рабски служили власть имущим, а не народу! По мнению Веблена, высшее образование преимущественно стало занятием «праздного класса» (класса, находящегося на службе у власти и денежной аристократии). Утверждению ценностей богачей служит и тенденция ставить во главе вуза капитана индустрии или крупного банкира. Создаются и особые «братства», объединяющие студентов согласно классовой принадлежности и степени состоятельности родителей. Колледжи и университеты захлестнула волна делячества. Многие руководители высших учебных заведений видят свою миссию не в достижении высокого уровня знаний (фабрики знаний), а в превращении вузов в «фабрику денег», дойную корову. Они стремятся выкачать больше денег, давая студенту не знания, а некий «престиж» или «марку». Эти

негативные процессы обостряют без того острые социальные контрасты. Сегодня схожие процессы наблюдаем и в России.

Внешние проявления консерватизма дополняются консервативностью мышления... Ученые круги американских вузов «на все нововведения смотрели косо» (особенно это касалось новых взглядов, затрагивавших теорию общественных отношений и капитал). Образование в избытке плодило людей, в сознании которых господствовали эгоцентричная система потребления, созерцательство и никчемная праздность. В таких учебных заведениях, по мнению Веблена, формировался паразитический класс, глубоко враждебный народу. Этот класс («жирные коты») цинично переделал на свой собственный лад известную фразу из «Послания» Горация «Рождены, чтобы кормиться плодами земными» в девиз – «Пусть нас кормит низкий плебс!». Отмеченные ученым тенденции прослеживаются не только в США, а и в России. «Коты» есть и в науке. [\[300\]](#)

Против этих тенденций выступил и Генри Джордж (1839–1897), который с 14 лет прошел суровую школу жизни (моряк, золотоискатель, клерк, издатель). Его перу принадлежала книга «Прогресс и бедность» (1879). В ней он, в частности, отмечал, что XIX в. стал свидетелем невиданного роста производства богатств. Благодаря электричеству, машинам, разделению труда, массовому производству, транспорту, достижениям науки и техники эффективность труда чрезвычайно возросла. Всем казалось, что не сегодня-завтра наступит подлинный «золотой век». Эти настроения особенно были заметны в США, на которых многие тогда взирали как на чудо прогресса. Но капиталистическую цивилизацию США необходимо воспринимать двояко. Одно видение у тех, кто преуспел. Это удачливые и сытые: круг элит, верхушка общественной пирамиды, хищники с железной и деловой хваткой (ловкие, сноровистые, циничные, безжалостные), их окружение. Разумеется, эти вынесли о капитализме и царящих в американском обществе порядках благоприятное мнение. Иной круг был, по меньшей мере, далеко не в восторге от капиталистической цивилизации. Среди недовольных – не только неудачники, пьяницы, лодыри. По мере развития умственных и культурных горизонтов человечества среди ревностных сторонников капитализма оказывалось все меньше его адептов.

При близком знакомстве с капитализмом янки у многих «открывались глаза». В 1842 г. туда прибыл Ч. Диккенс (вместе с женой). Визит был заранее подготовлен. В. Ирвинг уверял Диккенса, что триумф неизбежен. Успех «Пиквикского клуба» также внушал его автору оптимизм. По итогам путешествия Диккенс создал американские главы в «Мартине Чезлвите» и серию очерков «Американские заметки». Акцентируем внимание вначале на положительных впечатлениях писателя. Первая реакция Диккенса после прибытия в США: эйфория; казалось, он попал в страну утопии. Диккенс пишет о Бостоне: «В этом городе, да и во всей Новой Англии, не найдется человека, у которого не пылал бы огонь в камине и который не имел бы каждый день мясо к обеду. Меч, охваченный пламенем, появившись он внезапно на небе, привлек бы меньше внимания к себе, чем нищий на улице». Общество приняло писателя «на ура». Встреча походила на путь триумфатора. Говорили, что его принимали с такой же помпой, как Лафайета. Вокруг все сливки культурной Америки – историк инков Прескотт, Лонгфелло, известные ученые. Когда Диккенс остановился проездом в Нью-Йорке, студенты Йельского университета пели серенады. Вокруг одна сплошная свобода и, казалось, сплошное благоденствие. И вдруг страшный конфуз и фиаско. Что же разочаровало Диккенса в янки? Не философия, которая готова из любой знаменитости сделать клоуна и предмет развлечений, не увлечение политиканством, не вакханалия рабства на Юге и даже не линчевание бедных негров. Возможно, все это он перенес бы. Он возненавидел янки за стяжательство и отъявленное скупердяйство. Его книги вышли в США миллионами экземпляров, но писатель и полпенни не получил со своих изданий. Вот тебе уважение свобод и международное авторское право, вот тебе и рынок! Он потребовал от американцев законной оплаты своего труда. Но претензии произвели эффект разорвавшейся бомбы. Газеты США (выжиги) обвинили его в корыстности, алчности. Гнусное лицемерие американского жулья: оно не упустит случая ограбить вас до нитки. Больших жуликов, чем янки, нет на белом свете.^[301]

Многим становилось ясно (по мере того, как пелена спадала с глаз), что в США возник суррогат цивилизации, в создании которой приняли участие культуры целого ряда народов и этносов. Вряд ли можно считать случайным то, что ни в одной великой исторической

теории Америке не нашлось места как самостоятельной цивилизации. В глазах О. Шпенглера, Америка представлялась «отростком» от древа Европы. А. Тойн-би отодвинул США на задворки культурно-индустриального мира. М. Твен и вовсе увидел в слове «цивилизация» чуть ли не синоним бранного слова: «Наша цивилизация представляется мне дешевым убожеством, полным жестокости, тщеславия, самонадеянности, мелкой злобы и лицемерия. Мне противно даже слышать это слово, поскольку за ним скрыта ложь». Как сказал Э. Каммингс, «не сострадай больному бизнесмонстру, бесчеловечеству». Хотя у идеи американской цивилизации были и защитники. Гегель считал, что Америка – это «страна будущего, где в грядущие эпохи еще проявит себя груз общемировой истории» («Философия истории»). В разные времена ею восхищались Маркс, Энгельс, Ленин. Американские историки Ч. и М. Бирд в трактате «Становление американской цивилизации» писали: «Ни одно понятие, будь то свобода, демократия или американский образ жизни, не может так исчерпывающе и адекватно выразить дух Америки, как идея цивилизации». М. Лернер полагал, что Америка – страна, одновременно соединяющая культуру, цивилизацию и общество.

В Америке слово «культура» было связано больше всего с развитием науки и техники. Но нельзя пройти мимо значения иных культурных универсалий в жизни янки. В XVIII–XIX вв. культурным человеком в США считали грамотного и в меру начитанного человека. Патриарх американской социологии Н. Смелзер писал: «Современное научное определение культуры отбросило аристократические оттенки этого понятия. Оно символизирует убеждения, ценности и выразительные средства (применяемые в искусстве и литературе), которые являются общими для какой-то группы; они служат для упорядочения опыта и регулирования поведения членов этой группы. Верования и взгляды подгруппы часто называют субкультурой».^[302] Какие же черты можно считать определяющими в этом человеческом эмбрионе, что вылутился из яйца переселенцев-пуритан в Новой Англии, став в дальнейшем американским типом? Культура для янки была довеском, деликатесом к повседневной пище. Иным она смутно напоминала о былой родине. Здесь, в Америке, люди-беженцы довольствовались принципом – «Где хорошо, там и родина!» (*Ubi bene, ibi patria!*). Как известно, науки и искусства активнее расцветают там,

где нации прочно пустили местные корни. В течение полутора-двух столетий поселенцам было явно не до изящных искусств и литературных изысков. Жизнь на североамериканском континенте была суровой и опасной. Еще в конце XVIII в. средняя продолжительность жизни здесь равнялась 35 годам. «Бедуинам» Америки, увы, было не до культуры. Им недоставало самых элементарных предметов обихода. Не говоря уже о том, что еще и в 1849 г. на весь большой Сан-Франциско насчитывалось лишь 15 женщин! Это же трагедия. ^[303]

Каковы первые шаги американской литературы? Книги вначале были большой редкостью. Первой книгой, отпечатанной в США, считается «Полное собрание псалмов, достоверно переложенных английским стихом» (1640), первой американской книгой стал сборник стихов А. Бредстрит (1650). Появление книг, первая газета «Общественные происшествия» (1690), духовные стихи Э. Тейлора (крупнейшего поэта XVII в.) еще не означали возникновения литературы. Литература немыслима без издательского дела. Пример Франклина, успешно рекламировавшего свой аукцион лучших книг с минимальной начальной ценой, показателен. В Филадельфии в 1742 г. было пять книжных магазинов, в 1760-м г. 50 книготорговцев открыли магазины, а в 1776 г. в городе насчитывалось 77 книжных магазинов. Во второй половине XVIII в. лидерство в англоязычной торговле книгами перешло от Лондона и Бостона к Филадельфии. В ходу был небольшой набор книг (словари, учебники, атласы, работы по истории, путешествия, справочники, книги по анатомии, биологии, химии, геометрии, математике, астрономии, сельскому хозяйству). Символом Америки, помимо появления массовых школ, библиотек, большого числа колледжей и университетов, стали невиданные ранее тиражи книг. Только в 1877 г. так называемых «пэйпарбэк» (книг в бумажных переплетах) было издано в Америке 2,5 млн. экземпляров. Быстро росло и общее число издательств. ^[304] Книги стали интеллектуальным гумусом США.

Как Америка восприняла книгу? С почтением и интересом. «Хорошая книга дает плоды, порождая другие книги, – писал педагог Э. Б. Олкотт. – Ее слава ширится из века в век, и прочтение ее составляет целую эру в жизни читателей». Без хороших книг нет образования. Ученый и писатель Дж. Леббок (1834–1913) составил

список ста лучших книг. В «Гимне книгам» (обращение к студентам) он говорил о значении книги в деле воспитания и образования: «Выбор книг, как и выбор друзей, – задача серьезная. Мы так же ответственны за то, что мы читаем, как за то, что мы делаем. В хорошей книге, говоря высоким слогом Милтона, «как в фиале, хранится чистый и крепкий раствор того живого интеллекта, который вскормил ее». Рескин в главе «О воспитании девушек» выразил надежду, что дамы «не станут подхватывать в передник первые попавшиеся книги из фургона летучей библиотеки, еще влажные от последних брызг фонтана глупости». Чтобы получить от книг наибольшее удовольствие (я уже не говорю о наибольшей пользе), мы должны читать для образования, а не для развлечения». Нельзя опираться в выборе жизненных ориентиров на одни лишь книги. «Книги, – уверял Эскем, – за год научат нас большему, чем собственный опыт за двадцать лет, вдобавок чтение учит, не причиняя боли, в то время как жизненный опыт делает человека скорее несчастным, чем мудрым. Мы рискуем получить душевные раны прежде, чем поумнеем... Право же, немногие стали счастливы и мудры без книжного учения, беря уроки только у самой жизни. Присмотритесь внимательнее к тем своим знакомым – старым или молодым, – которые приобрели хоть немного мудрости и счастья без книг, на одном лишь жизненном опыте: вы убедитесь в том, сколько несчастий выпало на их долю, сколько опасностей повстречалось на их пути, и при этом девятнадцать из каждых двадцати сложили голову. И тогда вы задумаетесь над тем, стоит ли вашему сыну отправляться за мудростью и счастьем этим путем».

В первую четверть XIX в. здесь напечатано вдвое больше книг, нежели за все предшествующее столетие. Для издательств характерна опора на европейскую и мировую культуру. Подтверждением тому стала издаваемая с 1841 г. американским издательством «Харпер» серия мировых романов в 600 томах. Она включала лишь 8 книг, написанных американскими авторами. В начале XIX в. в США выходит уже 400 газет. После окончания Гражданской войны большой популярностью пользуются журналы «Харперз мансли мэгэзин», «Антлантик мансли», «Нэйшн», «Скоттс мансли мэгэзин», «Сазэрн ревью», газеты «Таймс», «Трибюн», «Геральд» и проч. На Юге стали появляться работы, пытающиеся ответить на вопросы о причинах

войны между Севером и Югом (двухтомник А. Стеффенса «Конституционный взгляд на минувшую войну между штатами» и др.). Масса предпочитала чтиво в виде газет и журналов и популярных «10-центовых новелл» (с 1870). Американцы были больше знакомы с работами Алджера и Хэлси, чем с работами Твена. Эту ситуацию не удастся изменить даже спустя поколения. [\[305\]](#)

История американской литературы XIX – начала XX вв. дала нам прекрасные, запоминающиеся образы, вошедшие в жизнь благодаря гению М. Твена, Ф. Купера, Э. По, В. Ирвинга, У. Уитмена, Дж. Лондона и др. Судьба истинного писателя в Америке была очень нелегкой. Во времена пионеров и первопроходцев, как отмечалось, многим обитателям Америки было не до искусств. Простота нравов колонистов была такова, вспоминал В. Ирвинг, что на него в Европе смотрели зачастую как на нечто странное – «дикарь с пером в руке, а не на голове». Однако первый же опыт книг Ирвинга увенчался успехом. [\[306\]](#)

Успех в Америке в те годы зачастую буквально валялся на улице. Достаточно было, скажем, У. Уитмену (1819–1892) опубликовать небольшую книжицу в 95 страниц, как он стал известен. Что так потрясло в ней американцев? Поэтический дар уж далеко не молодого писателя? Вряд ли. Как известно, до этого он без особого успеха был типографским рабочим, занимался редактированием, читал лекции, помогал отцу строить и продавать дома. Да и первая его книга «Франклин Эванз, или Пьяница» не столько призвана была служить делу спасения молодых людей «от демона неводержанности», сколь ставила вполне прагматическую цель заполучить в виде гонорара пару сотен долларов (в ней заметно влияние Диккенса). Думаю, американцам импонировал сам дух книги, автор которой восклицал: «Я славлю себя и воспеваю себя» (1855). Ведь с тех пор Америка только тем и занимается, что делает себе рекламу везде, где только можно. После появления «Листьев травы» Уолта Уитмена торжествующий Эмерсон будет рассылать их друзьям с припиской: «Американцы, находящиеся за границей, могут возвращаться: среди нас появилась личность». Но первое издание книги Уитмена тут же уценили, да и второе, прямо скажем, не принесло автору ни большой славы, ни богатства.

Уолт Уитмен – самый американский из всех поэтов США. В нем нашли воплощение характерные черты янки. Прежде всего это их личностные и индивидуальные начала. Американцы поклоняются (кроме денег – этой главной священной коровы Соединенных Штатов) Личности и Будущему. Уитмен в своих «Листьях травы», обращаясь к европейскому историку, бросает ему перчатку вызова, как перед рыцарским турниром. Чего это вы все воспеваете минувшее, всякие там расы и земли! Что интересного обнаружили вы во властителях и жрецах! Я же воспую человека, Личность! Перед нами «певец Личности», что надеется обрисовать контуры Будущего. Он заявляет: «Я проектирую историю будущего». И с присущей янки «наивной скромностью» пишет «Песнь о себе». Песня стала личностно-индивидуальным гимном едва ли не всей американской нации с тех пор. Пожалуй, согласимся с Гачевым, назвавшим книгу Уитмена своего рода «Новым Заветом по-американски». Он предлагает рассматривать «Песнь о себе» не в ряду произведений поэзии и литературы, а в ряду основополагающих религиозно-поэтических текстов народа, подобно «Теогонии» Гесиода, «Илиады» Гомера или «Бхагавадгита» индуизма и т. д. С этим можно бы даже и согласиться, если бы не одно существенное «но» – тотальное отсутствие духовной Личности в США. [\[307\]](#)

Не в те колокола звонил Уолт Уитмен... Его или не услышали, а если и услышали, то не поняли глубины пафоса художника. О чем думал и мечтал Уолт? О том, что американцы сумеют все же заполнить тот существенный культурный пробел, что некогда смущал их, хотя и был неизбежен. Он пишет: «Почти все страны, большие и малые, рано или поздно, в какое-нибудь время от глубокой древности до наших дней, создали, каждая по-своему, хотя бы одну великую бессмертную песню, в которой воплощены и возвеличены доблесть, мудрость, красота человека, как их понимали в данной стране в ту или иную эпоху. Величественный эпос Индии, Библия, Гомер, «Нибелунги», «Поэма о Сиде», Дантов «Ад», Шекспировы драмы о человеческих страстях и феодальном обществе, песни Бернса, поэзия Гете в Германии, Теннисона в Англии, Виктора Гюго во Франции и многое другое – все эти разнообразные, но бесспорные вехи (в известном смысле самое высокое, что создали человеческий ум и сердце, выше науки, техники, политических преобразований и т. д.), которые лучше,

правдивее всего повествуют о долгих путях истории, отмечают этапы, каких достигало человечество, идеи, какие оно исповедовало при различных сменявших одна другую цивилизациях... Где вклад Америки в собрание этих бессмертных памятников – вклад, достойный ее самой и современности? До сих пор наше демократическое общество (если рассматривать все его слои как одно целое) не имеет ничего (даже своей, самобытной музыки, этой крепчайшей национальной связи) похожего на ту могучую, живую, религиозную, общественную, эмоциональную, художественную, неопределимую, неописуемо прекрасную силу, которая сплавила воедино отдельные части феодального общества в Европе и Азии, чудодейственно переплетая основу чувства ответственности, долга и счастья». ^[308]

По мере взросления янки вкусы сей публики нисколько не становились более изысканными и тонкими. Эмерсон не смог отыскать даже крупницы поэзии среди деловитости Нью-Йорка, Сан-Франциско и Чикаго. Радости американцев все чаще ограничивались погоней за деньгами, пьянством и политикой. «Отец американской словесности» В. Ирвинг, как и герой одной из его новелл, словно пробудившись от сна, бежал из Америки в Европу и оставался там целых 17 лет. Блистательный писатель Р. Эмерсон, воспевающий «души высокое стремление», предпочел уединиться от сует Америки в Конкорде, отдавшись мыслям о европейской культуре. А те, кто побывал в американской республике на рубеже XVIII и XIX вв., порой отзывались крайне нелестно об уме и способностях ее обитателей... В частности, Шатобриан так сказал о нравах и культурном уровне янки: «Однако не следует искать в Соединенных Штатах того, что отличает человека от других тварей, того, что сообщает ему бессмертие и украшает его жизнь: вопреки стараниям множества преподавателей, трудящихся в бесчисленных учебных заведениях, словесность новой республике неведома. Американцы заменили умственную деятельность практической; не вменяйте им в вину их равнодушие к искусствам: не до того им было... Американцы не прошли через все те ступени развития, через которые прошли другие народы; их детство и юность остались в Европе... На новом континенте нет ни классической, ни романтической литературы, нет и литературы индейской: для классической литературы американцам недостает образцов, для романтической – средневековья, что же до литературы

индейской, то американцы презирают дикарей и ненавидят леса, как тюрьму, которую чудом избежали. Таким образом, в Америке нет литературы как таковой, литературы в собственном смысле слова; там имеется литература прикладная, служащая различным нуждам общества: это литература для рабочих, торговцев, моряков, земледельцев. Американцам даются только механика да точные науки, потому что у точных наук есть материальная сторона: Франклин и Фултон заставили молнию и пар служить людям. Честь открытия, без которого впредь не сможет обойтись в своих морских экспедициях ни один континент, принадлежит Америке». [\[309\]](#)

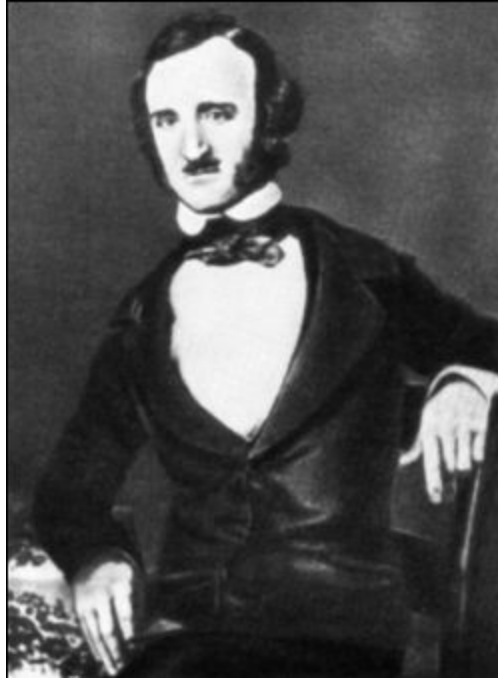
Стоит напомнить читателям метаморфозу некоторых известных писателей Америки. Фенимора Купера (1789–1851) называли великим писателем, ставя в один ряд с Гомером и Сервантесом. Его юношеские годы прошли довольно бурно. В годы обучения в Йельском университете Купер, по воспоминаниям педагогов, «был довольно своенравен, терпеть не мог серьезного ученья, особенно отвлеченных наук, и без памяти любил читать романы и забавные повести». Кульминацией его научной карьеры стало то, что он, будучи студентом, с помощью пороха взорвал в университете дверь, после чего его исключили. Славу писателя ему удалось обрести не в США, а за их пределами. Вначале он был убежден, что Америка «стала образцом для мудрых и добрых людей в любом краю». Вскоре он понял, что страна эта «не для поэтов» и резко осудил жесточайший конфликт «между людьми и долларами». В одном из писем художник с горечью вынужден признать: «Бесспорно одно – я разошелся с моей страной, – пропасть между нами огромна...» Вскоре Купер вышел на свою первую тропу войны. В знаменитой пенталогии о приключениях охотника Натаниэля Бампо, по прозвищу Зверобой, или Кожаный Чулок, и могиканина Чингачгука, называемого Великим Змеем, он показывал жизнь колонистов и индейцев в Америке XVIII века (в 1823 г. вышли в свет его «Пионеры»). В то время четырех жизней средней продолжительности было достаточно, чтобы передать из уст в уста в виде преданий все, что цивилизованный человек совершил в пределах американской республики. В романах с симпатией описаны простые люди, охотники, рыболовы, пионеры. Среди тех и других встречались разные люди, ощущается, что он на стороне индейцев, а не на стороне белых колонизаторов. С уважением говорит об

обитателях лесов и прерий. Белых же Купер характеризовал так: «Предпринимая свой второй набег на индейский лагерь, Хаттер и Непоседа руководствовались теми же самыми побуждениями, которые внушили им в первую попытку; к ним лишь отчасти примешивалась жажда мести. В этих грубых людях, столь равнодушных к правам и интересам краснокожих, говорило единственное чувство – жажда наживы».^[310] В его романах предстала страна, стремящаяся к богатству, знаниям, смело овладевавшая природными богатствами континента. Купер писал: «Повсюду виднеются дороги: они тянутся по открытым долинам и петляют по запутанному лабиринту обрывов и седловин. Взгляд путника, впервые попавшего в эти места, через каждые несколько миль замечает «академию» или какое-либо другое учебное заведение; а всевозможные церкви и молельни свидетельствуют об истинном благочестии здешних жителей и о строго соблюдаемой здесь свободе совести. Короче говоря, все вокруг показывает, чего можно достичь даже в диком краю с суровым климатом, если законы там разумны, а каждый человек заботится о пользе всей общины, ибо сознает себя ее частью. И каждый дом здесь – уже не временная лачуга пионера, а прочное жилище фермера, знающего, что его прах будет покоиться в земле, которую рыхлил его плуг; или жилище его сына, который здесь родился и даже не помышляет о том, чтобы расстаться с местом, где находится могила его отца. А ведь всего сорок лет назад тут шумели девственные леса».^[311]

Джеймс Фенимор Купер

Америка была страной строителей, не культуртреггеров. Как известно, до 80-х гг. XIX века ни один из писателей США не смог заработать себе на жизнь литературным трудом. Для многих известных писателей и художников Америка стала не лучшим местом. Для Э. По (1808–1849) США стали громадной тюрьмой, по которой он отчаянно метался, словно затравленный зверь. Впрочем, трагическим фактом его биографии стала потеря родителей в младенчестве (Эдгару не было и трех лет). Его приемный отец Дж. Аллан был табачным торговцем и мало что понимал в воспитании, балуя пасынка, не очень принуждая к учебе. После школы тот поступил учиться в один из старейших университетов США – Виргинский, или, как его тогда называли, Оксфорд Нового Света. Виргинскому университету повезло на знаменитостей. По проучился тут целый семестр. Учился он легко, вознамерившись стать военным. Массу времени проводил в библиотеке. Домой пишет о грубых и необузданных нравах, царивших тогда в университете. Обыденным явлением были драки. На это никто не обращал внимания. Зато объявление экзаменов вызвало у студентов переполох. О нем говорили так: «Дома в Америке он закончил школу и поступил в Виргинский университет, где проучился только один семестр, но вовсе не потому, что его исключили, как принято думать. И репутацию пьяницы и игрока ему вряд ли придумали бы, если бы он не стал знаменитым писателем. Всего четыре года раньше в Боуденском колледже был оштрафован на пятьдесят центов за игру Готорн. К счастью, из этого случая не раздули для Готорна дурной славы. По же, несомненно, играл на большие суммы чаще, чем его собрат по перу, да и пил больше. Что ж, с тех пор миновали поколения студентов, более злостных игроков и пьяниц, не обладавших в свое оправдание гениальностью. Просто По, на свою беду, был на редкость подвержен действию алкоголя и к тому же имел обыкновение пить залпом. А это очень несчастливое совпадение. Привычка пить залпом до сих пор распространена в Америке и породила два исторических явления: горького американского пьяницу и 18-ю поправку к Конституции – сухой закон».^[312] Но разве у нас на Руси мало писателей, деятелей искусств, да кого угодно, ставших жертвой «зеленого змия»?

Эдгар По в молодости

Трудности и неувязки той поры можно было бы пережить, если бы не скарденность опекуна Эдгара – Дж. Аллена. Миллионер (его состояние оценивалось тогда в 750 тысяч долларов), он присылал пасынку гроши, включая доллар «на карманные расходы». Стоимость пребывания в университете равнялась 350 долларам в год. Жадность опекуна привела к трагическим результатам: Эдгар вынужден был залезть в кредит, стал поигрывать в карты и выпивать. Рассвирепевший Аллен, заплатив часть долгов, без лишних слов отлучил его от университета.^[313] Затем его уволили из Военной академии Вест-Пойнт (1831). Впрочем, это не помешало литературной славе Э. По. Из знаменитых рассказов По («Убийство на улице Морг», «Золотой жук» и др.) вышла едва ли не вся мировая детективная литература... Чем же была вызвана эта личная трагедия? Поэт и переводчик Бальмонт так объяснил ее: чем острее, идеальней, воздушней талант, чем он своеобразнее, тем страшнее и неотвратимее осложнения. В особенности часто это случалось в Америке, где «общество состояло, да и теперь состоит главным образом из искателей доллара и учредителей деловых предприятий, и где умственная грубость и художественная тупость – господствующий факт».^[314] Эдгар По – удивительный, таинственный, пророческий художник... В одном из рассказов («Человек толпы») он описал загадочного старика, лицо

которого напомнило ему Дьявола. Поэт-символист К. Бальмонт, тонко чувствующий игру символов, писал о нем так: «Смотря на лицо Эдгара По и читая его произведения, получаешь представление о громадной умственной силе, о крайней осторожности в выборе художественных эффектов, об утонченной скупости в пользовании словами, указывающей на великую любовь к слову, о ненасытимой алчности души, о мудром хладнокровии избранника, дерзающего на то, перед чем отступают другие, о торжестве законченного художника, о безумной веселости безысходного ужаса, являющегося неизбежностью для такой души, о напряженном и бесконечном отчаянии».^[315] Враги и недоброжелатели приклеили ему прозвище «планета без орбиты».

С интересом читал рассказы Э. По и художник Делакруа, находя в его необычайных или сверхчеловеческих концепциях некую фантастическую привлекательность, свойственную, по его, да и общему мнению, северным или каким-то там иным натурам, но совершенно чуждую французской природе. «Эти люди, – пишет он, – нравятся другу другу только тем, что в них есть сверхъестественного или неестественного. Мы ж, французы, не умеем до такой степени терять равновесие, разум должен быть на страже всех наших блужданий. Лишь в крайнем случае я допускаю такого рода распущенную манеру, но у него все рассказы написаны в том же духе. Уверен, что нет ни одного немца, который бы среди всего этого не чувствовал себя как дома»^[316] Вдумываясь в смысл его странных образов, понимаешь, что он, возможно, более чем кто-либо обладал уникальной способностью – увидеть истинный лик Америки. Ее демонический символ предстает перед нами то в образе могучей Науки, этого «дитя Седых Времен», то в образе Убийцы с улицы Морг, то в образе Вечного Жида, спешащего по улицам нью-йоркских кварталов, то в облике Красной смерти, поражающей пирующих «в забрызганных кровью» залах, то в образе дома Ашеров, что вот-вот рухнет при блеске молний и кроваво-красном свете луны от страшной трещины, что роковым зигзагом уже пересекла фасад американской цивилизации.

В числе духовных учителей человечества я назову Джека Лондона (1876–1916). Выходец из рабочей среды, сам он скажет о себе, что с 8 лет «прилежно работал», а в 15 лет «был уже взрослым». Он обошел всю Америку, от Калифорнии до Бостона, вернувшись к побережью

Тихого океана через Канаду. И куда только судьба не забрасывала писателя: был матросом, грузчиком, золотоискателем, контрабандистом, бродягой. Очутился однажды даже «на дне, в бездне, на свалке цивилизации». Такова полная испытаний и приключений жизнь этой *Rara avis* («редкой птицы») американской литературы.^[317]

Художник, Великий Мечтатель, Правдолюбец, Романтик... Он, подобно Мессии, пришел в американскую литературу, дабы очистить ее от «бесхребетных слюнтяев» и литературных «евнухов». Ранее у нас много писали о социалистическом облике писателя. Действительно, в его творчестве отчетливо слышны социальные нотки... Но, как Лондон однажды заметил, он «стал социалистом примерно таким же путем, каким язычники-тевтоны стали христианами, – социализм в меня вколотили». Согласитесь, как бы вы ни относились к данной идее, в любом случае это не лучший способ воспитывать в душах твердые идеологические убеждения. Мы видим в нем великого художника (а вовсе не «пролетария», как утверждал Горький). Но мне в тысячу раз ближе и роднее труженик, чем скоты, гордо именующие себя демократическими писаками. Равнодушные к горестям людским, такие литераторы (а такие есть в России) хуже трупных червей... Но Лондона никак не назовешь равнодушным. В рассказе «Отступник» им нарисован образ мальчугана из бедных, что родился прямо в ткацком цеху. Он с детства прикован к безжалостной машине, как раб. Школа для него недостижима. Вымотанный системой, вынуждающей его совершать 25 миллионов движений в год, он даже ходит «не как человек и не был похож на человека».^[318] И таких юношей немало в США.

В автобиографичном романе «Мартин Иден» описан и культурный багаж Лондона. Среди книг, прочитанных героем – Платон, Мор, Суинберн, Браунинг, Юм, Локк, Беркли, Рикардо, Смит, Дж. Милль, Вагнер, Спенсер, Джефферсон, Линкольн, Китс, Ницше, Блаватская и другие. К культуре так называемого образованного общества герой отнесся явно негативно. Лондон обвиняет их в невежестве. Где эти напыщенные индюки подрастеряли свои знания?! Ведь было время, они чему-то учились, читали хорошие книги. Почему же те их так ничему и не научили? Что за образование получили они в хваленых университетах! «Раньше он по глупости воображал, что каждый хорошо одетый человек, не принадлежавший к

рабочему сословию, обладает тонким умом и чувством прекрасного. Крахмальный воротничок казался ему признаком культуры, и он не знал, что университетский диплом и истинное образование далеко не одно и то же». [\[319\]](#)

Когда Джек Лондон умер, на его могилу возложили громадный красный камень (сам он некогда называл его «Камень, который не пригодился рабочим»). Мы всегда будем ценить его талант. Некогда Горький сказал о нем так: «Джек Лондон пробил огромную брешь в литературной плотине, которая окружала Америку с тех пор, как средний класс, состоящий из промышленников и лавочников, пришел к власти». Нам тоже хотелось бы пробить брешь в коре равнодушия новых капиталистов России, безмозглого стада, которое говорит нам сегодня примерно то же, что некогда с горькой иронией говорил герой романа Дж. Лондона Мартин Иден: «Кто ты такой, Мартин Иден?.. Кто ты и что ты? Где твое место?.. Твое место среди миллионов людей труда – там, где все вульгарно, грубо и некрасиво. Твое место в хлеву, на конюшне, среди грязи и навоза... А ты смеешь совать нос в книги, слушать красивую музыку, любоваться прекрасными картинами, заботиться о своем языке». Эти вопросы все чаще себе задают в современной России те молодые люди, которые вчера еще могли свободно пользоваться всеми благами науки, культуры и образования.

Потомок викингов, дитя людской пустыни,
Гомер Аляски, вольный сын морей,
С тобой я коротаю бег ночей,
Ты занял место Бога и латыни. [\[320\]](#)

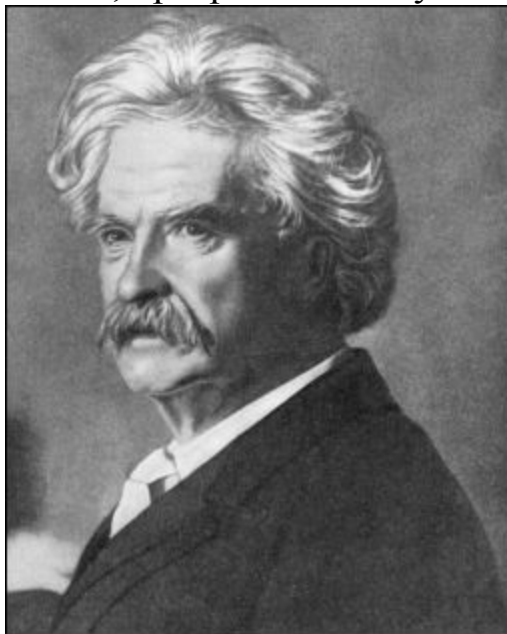
Джек Лондон-золотоискатель

Впрочем, писательская жизнь нигде не была похожа на райские кущи (а в США особенно). Это справедливо даже в отношении таких ярких писателей, как Марк Твен (1835–1910), чей поразительный талант заставил Хемингуэя сказать, что вся современная литература США вышла из «Гекльберри Финна». Родился Сэмюэл Клеменс (Твен) в семье захолустного юриста и лавочника. О предках его известно крайне мало. Поздние попытки самого Марк Твена обнаружить некоего Клеменса среди тех, кто якобы выносил приговор Карлу I в Англии XVII в., видимо, свидетельствуют о его республиканских убеждениях... Среди дедов и прадедов будущего писателя были плантаторы, ремесленники, лавочники, фермеры. Жизнь семьи протекала в городишке Ганнибал (штат Миссури). Здесь он увидел многое из того, что позже вошло в его замечательные книги. В школе учился так себе (ни шатко ни валко). Зубрил правила грамматики. С тоской слушал унылое подвывание учителей. Скрашивал время, гоняя вошь по грифельной доске. Тоже веселенькое дело. Но это не помешало ему стать чемпионом по диктанту. До 14 лет он посещал школу крайне нерегулярно, совмещая учебу с работой в типографии (как он позже вспоминал, за одежду, стол и ни гроша наличными). Его духовной пищей стали Сервантес, Свифт, Голдсмит, Диккенс. Юноша рано начал печататься, но прежде чем избрать тернистую стезю

репортера и писателя, он учился на лоцмана, одно время работал старателем. Затем Твен опубликовал книгу «Простак за границей» (1869), в которой высмеял более чем скромные познания жителей Нового Света (янки) в области европейской культуры и искусства. В ней описано, как вандалы (американцы) были поражены, впервые услышав имя Колумба, а в каждом встретившемся им в Европе памятнике непременно видели «работу Микеланджело».^[321]

Книги «Том Сойер» и «Гекльберри Финн» стали для миллионов детей учебниками жизни. Читая их, погружаешься в радостное и шаловливое детство восторженно, словно в чистую и глубокую заводь. Многие наверняка отнесут эти книги (возможно, еще и «Принц и нищий», «Янки при дворе короля Артура») к любимому чтиву. Но не менее интересен зрелый Твен, которого называли «Линкольном литературы, самой сущностью американизма». Любопытно взглянуть на эволюцию взглядов писателя... Почему Твен, человек романтический и мягкий, в начале карьеры говоривший языком любви и простодушного юмора, позже стал желчным и саркастичным?! Вначале он идеалистически и в розовых тонах воспринимал американцев, говоря: «бесстрашные молодцы, волевые и настойчивые», «само простодушие, отзывчивость и бескорыстие», «цвет человечества, избранники богов», «удивительный и прекрасный народ». Однако вскоре его охватило чувство горечи и разочарования. Сыграли роль и личные трагедии (смерть дочерей, жены, банкротство основанного им издательства). И на многое открылись глаза. Словно лопнул злокачественный «демократический» нарыв. Он клеймит жесткость окружающего мира, показывает коррумпированность чиновников и подлость политиков. С гневом пишет он о «сонной американской нации», бичует «одетых в мундир убийц», расправляющихся с беззащитными женщинами и детьми Филиппин. Достаётся и губернаторам, понастроившим таких шикарных и дорогостоящих особняков, что и в столице не сыщешь. Подобно отважному Ланселоту, он смело шел в бой против тех, кого называл «зверинцем» (взяточники, мошенники, бандиты, политиканы). Стыдно за свой народ, писал он с возмущением, когда видишь: «Какие мыльные пузыри постоянно восседали на его тронах». Историк Хилдрет в «Истории Соединенных Штатов Америки» (1849) сделал попытку развенчать «мыльные пузыри золотого века сказочных

достоинств и чистоты». Но и отповедь Марк Твена «патриотам собственного кармана» звучит актуально: «Эта жажда денег привела к загниванию целых наций, она сделала их жестокими, убогими, бездушными, бесчестными, превратила их в угнетателей». [\[322\]](#)

Марк Твен в 1896 году

Капитал везде убивает подлинную литературу. Вспомним знаменитые слова К. Маркса: чем «больше становится твоё сокровище, не подтачиваемое ни молью ни червем, – твой капитал», чем «больше твоё имущество», тем меньше ты «покупаешь книг, тем реже ходишь в театр, тем меньше ты думаешь, любишь, теоретизируешь, поешь, рисуешь», тем «ничтожнее твоё бытие...». [\[323\]](#) Если только не доводить этого высказывания до полного абсурда, то оно абсолютно верно. Чем больше у людей денег, тем ниже их культура и тем страшнее жертва, приносимая ими же Молоху. Чем больше у человека денег, тем меньше у него совести. В отношении таких людей справедлива и английская пословица – «You cannot get blood from a stone» (англ. «Ни капли жалости»).

Даже в столь почтенной сфере, как научная и университетская деятельность, обнаружились безрадостные тенденции. Подумать только, сколь нелепыми и наивными кажутся сегодня старые добрые времена, когда получение почетного диплома доктора университета было величайшей редкостью. Для этого нужно было свершить в науке нечто выдающееся. Сегодня же степени продают, словно дыни на

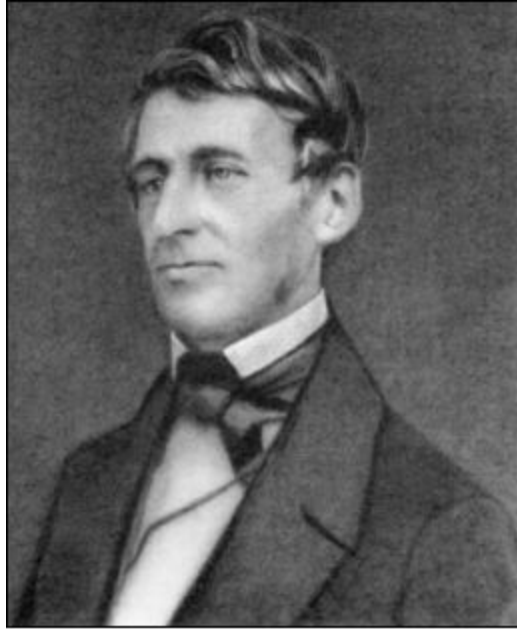
восточном базаре. Бери за небольшую мзду! В рассказе «Ученые степени» (1907) Твен саркастически описал, как его пригласили в Оксфорд на вручение ученой степени: «Новая ученая степень доставляет мне каждый раз такое же наслаждение, как индейцу свежесодранный скальп». Две степени он получил от Йельского университета, третью от университета в Миссури. За истекшие 40 лет университеты США, писал он, разбазарили так до десяти тысяч почетных дипломов. Этот процесс поставлен на деловой поток, что говорит о желании делать деньги, о серьезнейшей профанации всей науки, а заодно и системы высшего образования.^[324]

Поскольку янки пришли на пир мудрецов позже других, они не могли не попытаться добиться успехов и в области философии и культуры. С этой целью многие американцы учатся упорно и кропотливо. Уитмен впитал не только идеи Эмерсона, но Гегеля, Канта, Шиллера. Прагматизм ощущался и тут. В США и философы стремились делать из идей деньги. Правда, оказалось, что создавать высокую культуру мысли и духа куда сложнее, чем смастерить колыт. Не случайно Т. Драйзер однажды скажет (в очерке «О некоторых чертах американского национального характера»): «Корень зла в том, что в Америке никогда не было, да и по сей день нет того, что можно было бы назвать истинным просвещением и культурой. У нас нет никакой разумной, видимой миру цели, если не считать таковой стремление к наживе».^[325] Нельзя сказать, что попытки обрести высшие цели не делались тут вовсе. Но сравняться с корифеями мировой мысли, культуры было непросто.

Неужели же тут не было ярких имен? Хотя мысль никогда не была в Америке главным козырем, но серьезные мыслители в США все же встречались Среди них выделим шестерых – американские философы Р. У. Эмерсон (1803–1882), Г. Торо (1817–1862), Ч. Пирс (1839–1914), У. Джемс (1842–1910), Дж. Дьюи (1859–1952), Дж. Санатаяна (1863–1952). Первого в Америке называют «конкордским мудрецом» и «предметом особой национальной гордости», второго (Торо) – трансценден-талистом и «первым хиппи», третьего (Пирса) – одним из «признанных вождей американской философии», четвертого (Джемса) основателем американского прагматизма, пятого (Дьюи) относят к видным представителям инструментализма, и, наконец, шестого

(Сантаяна) можно было бы назвать видным мастером критического реализма.

Ральф Эмерсон родился в семье пастора. Закончил Гарвардский университет. Там же читал лекции по богословию, принял, а затем и сложил с себя сан священника. Дальнейшую жизнь он посвятил литературно-философской деятельности. Эмерсон путешествовал по Европе, дружил с Т. Карлейлем, С. Колриджем, У. Вордсвортом, Г. Торо. С 1834 г. обосновался в Конкорде, где занялся творчеством, выступая с лекциями перед аудиторией. Часть их опубликована в виде эссе («Американский ученый», «Философия истории», «Культура человечества», «Речь перед выпускным классом школы богословия», «Избранники человечества», «Наша эпоха», «Жизнь человеческая»). Наиболее яркими считают последние три. Литературно-лекционное наследие писателя объединено в двух томах «Опытов» (1841–1846). Труд назовут самой феноменальной симфонией Нового Света. Чем он замечателен? Необычайно поэтическим видением мира. Пожалуй, никто из современников не умел столь мастерски соединять философию с литературой. Разве что немец Ницше или англичанин Карлейль. Эмерсон – американский Сократ, который умел вести беседы не только с высококолобыми интеллектуалами, но и с простонародьем. С ним он беседовал о высоком и прекрасном на языке, исполненном огненной силы (Р. Ричардсон). Натура Эмерсона позволяла ему видеть мир глазами ближних. Писательница В. Вулф говорила, что его «нельзя проигнорировать, ибо он обладал вселенной внутри себя». Это был философ от Бога. Он писал для людей, а не для систем и элит. По этой причине его преследовала скрытая неприязнь «профессиональных мудрецов». Тогда же всходили звезды просветителя У. Чаннинга, романиста Н. Готорна, философа и натуралиста Г. Торо, публициста М. Фуллер, педагога Э. Олкотта, философа О. Брунсона, У. Уитмена. На таком ярком фоне не кого-то, а именно Эмерсона в 33 года увенчали венцом патриарха, подобно тому как некогда римляне увенчали терновым венцом Христа. С 14 лет, с поступления в Гарвард, вся его жизнь – непрерывное движение вперед. На пути Эмерсона будут подстерегать как поражения, трагедии (смерть первой жены, сына, любимого брата, пожар дома), так и грандиозные триумфы, общенародное признание его заслуг.

Ральф Уолдо Эмерсон

Ныне его глубоко почитают в США. Причин тому несколько. Он дал американской интеллигенции то, чего ей всегда не хватало – свое Возрождение, мечту и утопию. Всем известно, что янки жили и живут на духовном импорте. Они тащат отовсюду идеи, моды, культуру. На то, чтобы вывезти из Европы, Азии, Америки все ценное (и как можно дешевле), у них хватает ума, энергии и, главное, денег. Чего же не хватает? Нормальной человеческой жизни. Разве назовешь истинной жизнью эту непрерывную гонку за прибылью, безжалостную битву за выживание. Деньги, власть, хитрость, коварство, колых, афера – жить внутри такой обстановки нормально нельзя. Можно в лучшем случае лишь существовать. Эмерсон писал: «Мы обладаем гораздо большей добротой, чем об этом принято говорить. Вопреки всему эгоизму, ледящему мир подобно восточным ветрам, единая семья человечества купается в стихии любви как в тончайшем эфире... Я обращаюсь с упреками к обществу, я стремлюсь к уединению, и все же я не настолько неблагодарен, чтобы не видеть мудрых, обаятельных и благородных, которые время от времени входят в мои врата. Тот, кто внимлет мне, кто понимает меня, принадлежит мне, он – мой навсегда». Р. Эмерсон прочел в стенах «Лицея» около ста докладов (за полвека существования оно). Главную задачу жизни он видел в распространении знаний. Будучи почвенником, он не отрицал достижений техники, науки, экономики, хотя с тревогой наблюдал, как

торговля «все выносит на рынок – талант, красоту, добродетель, самого человека». Но, приняв правила игры, он надеялся удержать бизнес в границах морали.

В 1840 г. Р. Эмерсон решил основать в Конкорде свободный университет, а М. Фуллер, Дж. Рипли, С. и Э. Олкотты вознамерились, вместе с Эмерсоном, основать коммуну, где можно было бы жить и учиться сообразно высшим умственным и нравственным идеалам. Так возникла идея коммуны Брук Фарм, или «Институт агрикультуры и воспитания». Приглашали и Г. Торо, но этот «инспектор ливней и снежных бурь» предпочел одиночество. Идеология обитателей коммуны была такова. Цивилизации свойствен эгоизм изолированных одиночек. Эти люди хотят выбиться из нищеты и насладиться законными благами. Однако это под силу лишь самым сильным и наименее щепетильным в выборе средств. Капитализм направляет побуждения человека в сторону разрушения. Хотя можно добиться, чтобы человеческие побуждения гармонично сочетались друг с другом. Нужно лишь стремиться к тому, чтобы антагонизм в человеческих отношениях уступил место «мутуализму» (от «mutual» – взаимный). Каждый человек должен в обществе быть опорой других. По мере того как развиваются такого рода человеческие склонности, возникнет и «новая цивилизация». Все мужчины и женщины трудились бы и были счастливыми, все люди смогли бы приобщиться к благам культуры. Собственность в таком обществе превратится из врага в союзника, а преступность должна полностью исчезнуть, так как отпали бы сами мотивы преступлений. Эту несколько утопическую и романтическую философию и исповедывали обитатели коммуны Брук Фарм. Эмерсон говорил о неизбежности революции. Философ имел в виду не столько «заговор равных», сколь усилия талантливых и справедливых, открывающих новые возможности (труд, просвещение, науки). Коммуна представляла собой синтез платоновской академии и аристотелевского ликея. Центром коммуны была школа. Среди поселенцев представлены: семья Рипли, Натаниэль Готорн (романист), Уильям Аллен и другие. Частыми гостями были Эмерсон, Торо, Э. Пибоди, Чаннинги, Паркер и др. Здесь господствовали благородные помыслы, просвещение, культ искусств и наук. Тут стал вскоре издаваться и главный фурьеристский журнал «Харбинджер» («Предвестник»). Сюда, как некогда в Мекку, устремлялись тысячи

паломников. Успех был столь впечатляющ, что и законодательное собрание штата Массачусетс наделило ферму особым статусом. Обитатели коммуны даже возвели здесь прекрасный «дворец», своего рода «храм социализма» (с помещениями для мастерских, администрации и т. д. и т. п.). Этот пример вызывал у кого-то опасение (у завистников, эксплуататоров и хищников). Весной 1846 г., когда члены коммуны занимались науками, словесностью и искусством, почти достроенный дворец вдруг вспыхнул, как свечка, сгорев буквально за считанные минуты. Так по чьей-то злой воле и было уничтожено это «светлое здание будущего». [\[326\]](#)

Политехнический колледж в Пенсильвании

«Конкорд» (Concord) переводится как «согласие». В реальной, повседневной жизни согласием и не пахло. Экономический потенциал штата Массачусетс увеличился за 30-е годы на 20 процентов, за 40-е – на 35, однако вскоре разразился страшный кризис. В 1837 г. на нью-йоркской бирже прогорело акций на 100 млн. долларов, и это при 37-миллионном годовом бюджете страны. Эмерсон, нигде не служивший и не имевший накоплений, понял, как трудно жить в США. Американцам в ту тревожную пору, честно говоря, было абсолютно наплевать на Эмерсона и его идеи... Конкордский старожил вспоминал о том времени и об отношении обывателей к их гениальному сородичу: «Жители Конкорда совершенно не понимали ни Эмерсона, ни Торо и не собирались этого делать. Это сообщество браминов, литераторов не желало иметь для себя переводчика. И потому люди даже не представляли, из какого теста слеплены Эмерсон и Торо. Да жителей все это и не очень беспокоило. Я прекрасно знаю, о чем сейчас толкую, ибо сам был одним из тех сторонних «людей», жил и работал среди них. Так что непонимание было взаимным и естественным». У обывателя были и будут свои герои. Янки говорят: «на все у нас, даже на небо, чисто коммерческий взгляд» (Хозмер). А

тут вдруг какие-то мечты о космосе, природе, любви или о чем-то возвышенном! Это же просто сумасшедшие.

Некоторые считают его мистиком... В нем действительно выражены мистический порыв и любовь к безграничному, которые в отдельных своих проявлениях выражают американский дух. Он считал, что «даже лепет младенца, лежащего в колыбели, проникнут мистицизмом». Но разве Америка не была в цивилизованном отношении своего рода «младенцем»?! Нам кажется замечательным уже и то, что он воспел поэта в стране совершенно непоэтической. В поэте он увидел героя, провидца и пророка, говоря: «Рождение поэта является основным событием в истории». В отличие от людей заземленных, которых абсолютное большинство, он называл поэта «крылатым человеком», «стихия которого – вечность». Поэт (речь идет, ясно, о больших поэтах) не только отличается целостностью натуры и философии, но он еще возвещает и определяет явления. Поэт принадлежит к сонму героев и мудрецов. Три категории людей воплощают в себе триаду высоких призваний: действовать, мыслить и говорить. Из всех трех наиболее велик поэт. Остальные лишь снабжают его материалом; он же – творец и строитель.

Он – пророк: «У поэта свои верительные грамоты и свои приметы: он провозглашает то, чего никто не может предсказать». Именно поэт и обладает редчайшим духовным восприятием, этим сверхъестественным качеством, позволяющим ему связывать сложные явления настоящего и улавливать контуры будущего. «Поэт... восстанавливает разрозненные элементы природы и вселенной».^[327] Эмерсон – удивительно гармоничен.

В его лице человечество обрело гения. Показательна следующая, сказанная им фраза: «Гений человечества – вот единственно правильная точка зрения для истории». Но тогда Эмерсона в США поняли немногие. В России им восторгался Л. Толстой (книги Эмерсона стали его спутниками), его обожествлял Ф. Ницше. Минули годы, и сегодня он стал настоящей иконой Америки. Интеллектуалы ссылаются на его афоризмы, изречения так часто, как на Библию с Шекспиром. О нем можно сказать словами, которые он обращал в адрес Торо: «Никто так полно и с таким достоинством не олицетворял истинную Америку, как он». Великая слава пришла к нему после смерти.

Это можно сказать и о Дэвиде Генри Торо (1817–1862). Сын обанкротившегося отца, владевшего мелочной лавкой, он имел счастье родиться и жить в городе, ставшем средоточием культурной элиты первой половины XIX в. Для художника и мыслителя место обитания ничуть не менее важный факт жизненной биографии и судьбы, нежели сами родители. Он учился в частной школе и в Гарвардском университете. Последний разочаровал его, как и многих его современников. Больше повезло ему с наставником, отцом О. Браунсоном. Недели с ним стали началом новой эры в его жизни. Уже в те годы в нем, активно занимающемся самообразованием, родилась мысль о необходимости постоянного духовного развития и роста (трансцендентализма). Исключительное влияние оказало эссе Р. Эмерсона «Природа». Юноша познакомился с автором. Встреча оказалась знаменательной. В свою очередь и Эмерсон увидел в Торо как бы «воплощение идеала» нового типа американского ученого и мыслителя. К тому времени Торо работал учителем, но вскоре ушел из школы, так как ему приказали применить розги (обычное требование того времени). В качестве протеста он не только покинул школу, но поменял порядком свое имя, превратившись из Дэвида Генри в Генри Дэвида. Если бы столь же просто можно было бы поменять всю жизнь... Впрочем, вначале ему не на что было жаловаться. Его частная школа процветала, его заметили и избрали секретарем основанного лица Конкорда. Появились друзья. В то же время выявились особенности поведения Торо. Он предпочитал одиночество, стараясь быть «свободнее любой планеты». Конечно, можно уйти от общественного мнения, правительства, религии, образования, даже от друзей. Но как уйти от самого себя?! Он уединился на берегу заброшенного озера. Видимо, тому послужили серьезные жизненные основания. Первая его любовь была неудачной. Компанией друзей в коммуне «Брук Фарм» он решительно пренебрег. От столбняка умер его брат Джон. Вскоре выяснилось, что у него началась чахотка. А тут еще общество не пожелало признавать его литературный талант. Вдобавок ко всему он не пожелал платить выборный налог, за что его тут же упрятали в тюрьму. Немудрено, что за ударами судьбы последовал период депрессии.

Торо получил громкую известность своим эссе, названным им «О гражданском неповиновении». Там он заявлял, что ему по душе девиз:

«То правительство хорошо, которое правит меньше всего». Подумав, пошел дальше, говоря: «То правительство лучше всего, которое вовсе не правит». Такая идея по меньшей мере спорна, а на мой взгляд, и чрезвычайно опасна. Об этом свидетельствует и опыт России последних лет. Правительство, может, и нецелесообразно, но только на небесах, где пребывают лучшие люди, да и там стража в лице апостола Петра поступает с нарушителями порядка ой как строго! Спору нет, правители часто используют возможность надувать людей к собственной выгоде. И у мыслителя были все основания быть недовольным американским правительством, ибо это – «правительство рабов». Но это не основание вообще отказываться от его услуг. Впрочем, и сам Торо призывает народ «подумать о хорошем правительстве». Г. Торо считал, что его единственной обязанностью, которую он смог бы принять на себя, стало требование справедливости. Он считал, что лишь немногие люди – «герои, патриоты, мученики, подлинные реформаторы – служат государству на совесть». Поэтому их зачастую и считают «врагами государства». Что же касается государства, то он высказывался в отношении его так: «Я с восторгом представляю себе государство, которое обращалось бы справедливо со всеми людьми и относилось бы к личности с уважением, как к ближнему».^[328]

Обострилась его болезнь. Чахотка унесла сестру Хелен. Стало ясно: жизнь, не успев дать плоды, начинает клониться к закату. Он записал в дневник, что у него появилось ощущение близкого краха (1856). Смерть начинается не с отмирания конечностей и органов чувств, а с потерей способности воспринять сверхъестественное. И вот уж дух начинает проявлять явные признаки распада – а это ужасно. Торо еще не стал патриархом, и не мог рассчитывать на полную забот, внимания и любви «осень патриарха». Конфликт с самим собой, с природой и обществом также не способствовал гармонизации жизни. Он умер, когда ему было всего 44 года. Умер явно разочарованным. В «Дневнике» запись: «Мир не продвигается вперед». Но Господь, к которому он обращал голос, был к нему благосклонен. Он даровал ему бессмертие и, что еще важнее для всякой сколь-либо неординарной и высокодуховной личности, веру в то, что прожитая им жизнь была не напрасна. В одном из своих ранних стихотворений Торо умолял его об этой милости: «Великий Боже, я прошу тебя не о малости, но о

великом даре – чтобы я не разочаровался в самом себе». Торо не разочаровался, и не разочаровал других. Из человека, которого одно время считали лишь эпигоном Р. Эмерсона, он превратился в одного из самых почитаемых писателей Америки. И хотя он жаловался, что общество так и не предложило ему сделать для него что-либо по-настоящему стоящее, ему удалось сделать кое-что стоящее. Его перу принадлежат книга «Жизнь в лесу», эссе «Гражданское неповиновение» и «Прогулки», стихотворения и дневники. А историк литературы Ф. Л. Пэтти вообще заметил: «Ни один другой писатель не сделал большего для независимости американской мысли».^[329]

В лице Генри Дэвида Торо в Америке объявился чудесный певец природы, которого можно было бы назвать первым экологом современного мира. Р. Эмерсон в своих воспоминаниях о Торо рассказывал, что рыбы сами плыли к нему в руки, сурки позволяли вытаскивать себя за хвост из норы, а лисицы даже прятались в его хижине от охотников. Его любовь к животным напоминает Блаженного Августина, разговаривавшего с птицами. Видимо, он и сам чувствовал себя в чем-то сродни этому святому, говоря: «Однажды, когда я работал мотыгой в одном из садов поселка, ко мне на плечо уселся воробей, и я почувствовал в этом более высокое отличие, чем любые эполеты». Природа заменяла ему людей и все те радости, которые должна была дать цивилизация. Когда же ему становилось уж очень одиноко, он приглашал себе в спутники звезды Млечного пути... Он писал в «Уолдене»: «У меня свое собственное солнце, луна и звезды, собственный маленький мир. И однако, как я не раз испытал, любое творение Природы может быть источником нежных и невинных радостей и приятным обществом даже для унылого мизантропа и самого заядлого меланхолика. Тот, кто живет среди Природы и сохранил способность чувствовать, не может впасть уж в черную меланхолию. Нет такой бури, которая не могла бы звучать Эоловой арфой для здорового и невинного уха. Простого и мужественного человека ничто не должно повергать в пошное уныние. Пока я дружу с временами года, я не представляю себе, чтобы жизнь могла стать мне в тягость».^[330] Таков был этот американский беглец от благ цивилизации.

Заметной фигурой интеллектуальной общины Америки стал и психолог У. Джемс, создавший учение, названное им «радикальным

эмпиризмом». Философ пытался соединить веру и прагматизм, написав в 1896 г. книгу «Воля к вере», а в 1907 г. «Прагматизм – новое название некоторых старых способов мышления». Джемс был протестантом и демократом в традиционном смысле этого слова. Его еретические взгляды с большим трудом приживались в Америке, где всегда существовали по меньшей мере две морали, две философии и истины. Он не желал признавать, что «для философов существует одна истина, а для простого народа (the vulgar) – другая». Символично, что гордый бритт Б. Рассел в глубине души сомневается в учении Джемса. Видно, радикальный эмпиризм и гуманизм У. Джемса пришелся и ему явно не по вкусу.^[331] Джон Дьюи о нем говорил так: «Пирс писал как логик, а Джемс – как гуманист». Думается, для нас важно восприятие гуманизма как прагматического учения. Джемс ратовал за то, чтобы избегать пустых абстракций, словесной шелухи, фальшивых принципов и ложных абсолютов при принятии решений. Истина должна быть не только конкретной, но и ясной, четкой, преисполненной мудрости и силы. Вопросы ценностного уровня он рассматривал в работах «Нравственная жизнь и философ» (1891) и «Воля к вере» (1897), уделяя в них внимание вопросам абсолютизма и авторитаризма. В очерке «Великие личности и их окружение» (1880) он подчеркнул: не бывает истинно великой личности без мощной творческой работы и новаторских усилий ее самой. Если этого нет – перед нами лишь идол, истукан, робот.^[332]

Прагматизм по сей день считается официальной идеологией американского общества. Если вождем прагматического образа мыслей считают Дж. С. Милля, то народом, воспринявшим близко к сердцу прагматическо-утилитаристские взгляды, стали янки и англичане. В этой философии есть здоровое зерно. Она требует действий, успехов, достижений, результатов, свершений, жизненных благ. Сложнее обстоит дело с духовными потребностями. Конечно, и для воплощения духовных потребностей нужны практические действия, да и деньги. Но дело в том, что духовные потребности соотносятся с жизненными целями и поступками людей не прямым образом. Часто бывает наоборот. Чем выше степень прагматической заданности индивида, тем ниже его духовно-нравственный и культурный уровень. Об этом писал В. Вундт в «Проблемах психологии народов»: «Чем с большим безразличием будет все подчинено воле, тем необходимее глубокое

падение общего идеала, общего понятия цели, который теперь должен уже руководствоваться скорее более низменными или, в лучшем случае, заурядными ценностями, чем высшими. Общее, как и всегда в вопросах ценности, очень близко соприкасается при этом с низменным, пошлым. Таким образом, прагматизм принижает безусловные требования практического разума (здесь достаточно красноречива уже сама подмена выражения) до степени мотивов удовлетворения потребностей, имеющие абсолютную ценность идеалы – до степени относительно полезных целей». Если, по формуле И. Бентама, богатство является мерой счастья, то формула прагматиста-янки: «Деньги и власть – это и есть главные слагаемые счастья».^[333]

Дж. Дьюи считают высшим философским авторитетом вузовской и научной элит. Сантаяна был последним пуританином (в 1935 г. вышел его роман «Последний пуританин»), а Дьюи, видимо, следовало бы назвать последним философом Америки. Чем только он не занимался! Вначале его увлекла психология. В конце века он отдался педагогике, создав школу нового типа. Став профессором философии в Чикаго (1894), он одним из первых включил педагогику в число преподаваемых предметов. Его перу принадлежит книга «Школа и общество» (1899). Некоторые из его книг переведены в России. Его работы (30 книг и около 900 статей) охватывают широкий спектр философских и социальных проблем, включая этику, эстетику, религию, культуру, образование. В основе философских построений лежит опыт (демиург, творец, критик и аналитик), охватывающий факторы человеческой жизни и деятельности. Исследователи говорили о нем: «У Дьюи все есть опыт и опыт есть все». Среди его философских верований упомянем такие: убеждение, что политика обязана быть высокоморальной, требование социальной реконструкции американской системы, решимость воплощать свои идеи без насилия, т. е. мирными средствами. Видимо, на него в какой-то мере повлияло и то, что в 30-е годы XX в. он возглавил комиссию по расследованию деятельности Троцкого. С этой целью он уехал в Мексику, где изучал материалы. Побывал в России и в Китае. С точки зрения его значения как философа стоит сказать и о его критике понятия «истины». Истина для Дьюи не статична, а подвижна и переменчива, как сама реальность и жизнь. Мышление он

рассматривал как эволюционный процесс. Верил ли он в Бога? Трудно сказать. Как вспоминал Б. Рассел, Дьюи как-то в порыве откровения признался ему, что он освободился от оков традиционной ортодоксальной теологии вовсе не для того, чтобы «дать заковать себя в другие оковы» материального свойства.

Что же касается жития «великого гуру» США, философа Дж. Сантаяны, то, будучи рожден в Испании, он остался чужаком в Америке, где не очень ладил с ее ученым миром. Известно, что упомянутый У. Джемс назвал его докторскую диссертацию «верхом нравственной испорченности». По рождению он был католиком и испанцем, по воспитанию – пуританином и американцем. Вероятно, по этой причине он так и оставался чужим в американском мире (без страны, церкви и семьи). Жизнь и деятельность философа протекали в стенах Гарварда. Тут читали лекции У. Джемс, Дж. Ройс и Сантаяна (с именами упомянутых ученых обычно и связывают «золотой век» американской философии). В 1889 г. он получил звание доктора философии, а в 1911 г. покинул стены Гарварда, пожелав полностью посвятить себя науке. Скажем прямо и честно: Сантаяну тяготила Америка с ее безумным и бесчеловечным культом наживы и денег. Как только ему позволили финансы, он навсегда оставил США (1911) и переселился в Европу (Англия, Испания, Италия). В Риме он создал свои самые значительные произведения. Среди наиболее сильных работ – «Чувство красоты» (1896), «Жизнь разума» (1904–1905), «Царства бытия» (1940), «Люди и места» (1943–1945), «Господство и власть» (1951). Сантаяна с помощью философии пытался осмыслить жизнь, найти ответы на волнующие его вопросы, стремясь «выразить полуоткрытую действительность так, как это делает искусство». ^[334] Это не всегда ему удавалось в деловой Америке.

И все же янки лишены облагораживающего влияния исторической традиции, классического искусства. За их плечами нет блеска Рима, величия Испанской и Германской империй, походов Наполеона, нет седой китайской древности, нет ни египетских пирамид, ни Кремля, ни собора Василия Блаженного. Это все время как-то злит их и раздражает, заставляя чувствовать что ли культурную провинциальность и духовную неприкаянность, порой даже явную ущербность. Не случайно известный историк США Ф. Тернер усиленно пытался провести аналогию между США и Древней

Грецией, отмечая, что для Греции Средиземное море сыграло такую же роль в становлении ее культуры, как и фактор духа границы для Америки. А находившийся на дипломатической службе в Вашингтоне П.И. Полетика даже писал в статье «Состояние общества в Соединенных Американских областях» (1830): «Первоначальное обучение весьма распространено в Соединенных областях, так что редко встречаются люди, даже в числе ремесленников, не знающие грамоты и цифири. Сверх сего, английские путешественники признают, что язык, употребляемый большей частью жителей Соединенных Областей, чище и правильнее того, коим говорит простолудин в Англии, где каждая провинция и, так сказать, каждое графство отличается особенным наречием. Но когда, отдав сию справедливость, мы приступим к рассмотрению Наук и Художеств в Соединенных Облациях, то увидим, что край сей еще очень отдален на сей счет от Европы». Однако после революций и войны за независимость активность в области культуры заметно возросла: «За четверть века поразительного обновления в стране появились первый роман, первая эпическая поэма, первый композитор, первая профессионально поставленная пьеса, первый актер и танцовщик, первый музей, первые значительные живописцы, мастера музыкальных инструментов, граверы, журналы, — поистине большинство определяющих черт традиционно высокой культуры».

[\[335\]](#)

И все-таки в массе своей американцы оказались в положении соломенной вдовы: вроде бы и сожительствуют с культурой, но связь эта эфемерная. Во-первых, подобная двусмысленность определялась довольно скудными условиями жизни и довольства (в начале пути). Во-вторых, тут восторжествовал лейбницевский подход, определяющий ценность поэзии и искусства по отношению к науке примерно как 1 к 7. США с трудом воспринимают культуру. Л. Мэмфорд писал: «Если дело касалось литературы или... духовной музыки, пуританин не восставал против этого рода искусства. Но художественное выражение было невыносимо для его глаз... Они отвергали всякую связь между свободным художником и прикладными искусствами, они изгнали художника на улицу, где он вынужден был продаваться первому встречному».

[\[336\]](#) В-третьих, главным стимулом всех усилий обитателей США стало добывание денег (причем,

любыми доступными им способами). Их демократия пропитана денежной «культурой», как пьяница алкоголем.

Когда колонисты впервые прибыли на обетованную землю, единственное, что предстало их взору, это великолепные дикие ландшафты и разбросанные то тут, то там жилища местных индейцев. Находки деревянной скульптуры индейцев в Оклахоме (Спиро Маунд), Флориде (Марко Сайт) и на севере от Вашингтона свидетельствуют о высоком художественном вкусе аборигенов (например, «трубка Люцифера», относящаяся к 13–17 вв.). Встречаются и образцы каменной скульптуры. Однако по мере усиления экспансии янки, индейцев вытеснили с их земель и те стали терять вкус к художественному творчеству. Следы их изобразительного искусства постепенно теряются. Единственным исключением стали, пожалуй, ирокезы и делавары, чья жизнь ярко описана в романах Купера. В XVIII–XIX вв. последние островки художественного творчества аборигенов оказались разбросаны по Аляске, юго-западу и северу штата Нью-Йорк. Американцы, безжалостно искоренив культуру индейцев, в конечном итоге отвергли и их искусство.

С другой стороны, понятно, что скульптура как высокое искусство должно было прийти из Европы, как и многие другие культурные «аксессуары». Этот процесс приобщения к европейским традициям и стандартам стал заметнее особенно после 1776 года. Среди наиболее интересных работ такого рода – различные виды мебели, статуя каторжника, установленная напротив тюрьмы в Ист Гринвиче, Род Айленд (что неподалеку от будущей статуи Свободы). Работавший в конце XVIII – начале XIX вв. У. Раш стал автором символических фигур Комедии, Трагедии, Мудрости, Правосудия. По мнению автора очерка об искусстве этого периода, деревянная скульптура Дж. Вашингтона, сделанная Рашем (1814), гораздо точнее схватывает черты героя войны за независимость, нежели мраморная скульптура самого Гудона (1792).

И все-таки важно подчеркнуть, что американцы не смогли обойтись без поддержки великого классического наследия Европы, в том числе, итальянцев и французов (Гудона, Кановы, Франзони и других). В частности, знаменитая «Греческая рабыня» Пауэрса (1847), получившая немалую известность в Европе и Америке, была выполнена в духе Венеры Флорентийской. Последующие поколения

художников и скульпторов устремлялись в залитые солнцем города и музеи Апеннин, где и обучались вершинам классического искусства. Многие американские художники были самоучками. Они начинали как обычные ремесленники, разрисовывая дома, экипажи, вывески, кабинеты знатных и богатых людей. Последних в принципе не интересовала живопись как таковая. Толстосума интересовала его собственная персона, представленная во всем величии денежной значимости. Нувориши не видели смысла в художественном образовании и воспитании. Заметим, что первое художественное училище европейского толка было открыто в США лишь в конце XIX в. Живопись долгое время оставалась здесь уделом париев, как это некогда бывало и в рабовладельческом Риме. Весьма знаменательно шутовское замечание О. Уайльда в отношении американцев (шахтеров): «Я говорил им о ранних флорентийцах, а они спали так невинно, как если бы ни одно преступление еще не осквернило ущелий их гористого края. Я описывал им картины Боттичелли, и звук этого имени, которое они приняли за название нового напитка, пробудил их ото сна, а когда я со своим мальчишеским красноречием поведал им о «тайне Боттичелли», эти крепкие мужчины разрыдались, как дети». Хотя вряд ли было бы иным в подобной ситуации и поведение российских шахтеров.

Можно ли считать случайным, что замечательный портретист Копли (его «Автопортрет» 1760 г. доносит до нас образ американца XVIII в.) накануне революции вынужден был уехать в Англию, дабы не ограничивать свое искусство исключительно заказными портретами. Другой даровитый художник, Трамбелл, пытался писать исторические сюжеты, но Америка оказалась не готова воспринять такую живопись. Еще один американский гений, Морзе, учившийся на художника и мечтавший вернуться в Америку, чтобы писать полотна, подобные полотнам великих европейских мастеров XV века, понял наивность и бесперспективность своих чаяний. В итоге он бросил живопись и занялся изобретательством, хотя и небезуспешно. Искусство долгое время находилось в Америке в лучшем случае в положении лакея, в худшем – в положении клоуна, развлекающего занятую погоней за долларом толпу.^[337]

Впоследствии в Америке будут свои замечательные художники. В особенности это касается тех, кто составил реалистическую школу

живописи и графики. Среди наиболее ярких художников-реалистов – У. Гомер (1836–1910), Т. Икинс (1844–1916), Р. Генри, О. Таннер и др. У. Гомер и Т. Икинс посвящали картины труженикам и природе страны («Труженики моря», «Ветер крепчает», «Клиника Гросса»). Продолжателями их творчества стала группа «Нью-йоркских реалистов» (Дж. Слоун, Дж. Люкс, У. Глэккен). Они отражали повседневную жизнь Америки, за что получили в прессе прозвище «школы журналистов». Дж. Беллоуз (1882–1925) выразил дух динамичной, трудовой, деловой Америки. В его картинах – жизнь большого города, работа машин, спортивные состязания. Все они – певцы индустриальной Америки, ее героев (картина Э. Хоппера «Манхэттенский мост» и Ю. Спайнера «Ред Мур, кузнец»). Среди негритянских художников следовало бы выделить ученика Т. Икинса – Оссава Таннера, что в 90-е годы XIX века жил в Париже и даже получил там орден Почетного легиона за яркие романтические пейзажи и полотна на главные библейские сюжеты. [\[338\]](#)

Пальму первенства янки отдают строительству и архитектуре. Земледельцы, плотники, охотники, рыбаки, дровосеки, правители, бизнесмены нуждаются в жилищах. Архитектура это не только застывшая музыка или музыка в пространстве (как говорил Шеллинг), но и важный элемент бытия. Первым архитектурным сооружением в Новом Свете была бревенчатая хижина. Затем, по мере имущественного расслоения американцев, постепенно менялось и отношение к архитектуре. Как это происходило, показывает американский писатель В. Ирвинг в «Истории Нью-Йорка»: «Итак, благоустроив свои земли, он (американец) затем принимается за постройку дома, достаточного быть жилищем земледельца. Среди чащи немедленно вырастает громадный дворец из сосновых досок... Скромная бревенчатая хижина, в тесных, но уютных стенах которой некогда ютилась эта преуспевающая семья, прочно стоит рядом, как жалкий контраст, разжалованная в коровник или свиной хлев». Ирвинг сравнил такого преуспевающего американца с честолюбивой улиткой, покинувшей свое скромное жилище ради помпезной скорлупы омара. Хотя готовность обустроить свой дом вызывает понимание и уважение («Мой дом – моя крепость»). Разумеется, существовала громадная разница между усадьбой президента Джефферсона и жилищем для простых рабочих, напоминавших собой рыночные загоны для скота,

или, скажем, между роскошными банковскими офисами-дворцами и домами для рабочих иммигрантских семей, построенных на Восточном побережье в 1830-е годы.^[339]

Известны и мастера чикагской школы. Когда в 1871 г. пожар уничтожил большую часть Чикаго, на две трети состоявшего из деревянных домов, архитекторы Салливен, Адлер, Дженни, Рут, Бернэм создали новый город. Воздвигли поэму из камня и стали. И хотя площади Чикаго и Нью-Йорка далеки от грандиозной площади Св. Марка в Венеции, ставшей для итальянцев неким эстетическим и гражданским символом, а Блок никогда не сказал бы об Эмпайр-Стейт билдинг – «Марк утопил в лагуне лунной узорный свой иконостас», но и они, бесспорно, стали важной чертой урбанистической Америки. Уитмен говорил, что искусство не может и не должно игнорировать науку и технику. Оно обязано устремлять свой взор не в прошлое, а в будущее. К этому-то как раз и стремились чикагские архитекторы. Мечтатель Л. Салливен (1856–1924) грезил о том, что ему удастся заставить власть служить демократии. К тому же стремился Ф. Л. Райт (1869–1959), самый одаренный архитектор США, «романтик прерий», чьи работы унаследовали лучшее из народного зодчества. О его творчестве писали так: «То, что Уитмен, Эмерсон, Лонгфелло сделали для духовной культуры Америки, Райт пытался сделать для ее архитектуры. Он хотел запечатлеть в ней какой-то самобытный национальный дух, утвердить ее исчезающий идеал, но сделать это на основе идей и технических открытий XX века».^[340]

Капитализм, говорил Салливен, подавляет наиболее гуманные и человеческие архитектурные методы. Конечно, он внешне продуктивен и эффективен (его сильные стороны). Другое дело, могли ли восторжествовать «философия органической и свободной архитектуры» Райта, его удивительный «Город Широкого Простора» в середине XX века, если цели данного общества были узки и эгоистичны? Здесь успехи капитализма достаточно противоречивы. «Мы не можем строить свободные здания, апеллирующие к свободе свободного народа, если сама жизнь не свободна... Извращенный мир, где капитал выше труда, а индивидуальные качества личности калечатся под гнетом власти денег», – заметил Райт. Есть немалая правда и в словах Л. Мэмфорда, называвшего многие строения в крупных городах США «храмами алчности», лишенными солнечного

света и даров величественной природы. Это мрачные замки крупных феодалов капитала. В пригородах Америки торжествуют черты органической и демократической архитектуры.^[341]

Города США, как любой иной живой организм, строились, развивались и хорошили, но одновременно и ветшали, скучивались в толпу, как скучиваются в сумерках бродяги. По мере того как они подпадали под власть Желтого дьявола, они становились все отчужденнее и нелепее. Зверь выходил из бездны... Французский архитектор Корбюзье сравнивал Нью-Йорк с вздыбленным диким зверем, приготовившимся к прыжку. Этот город не только «некрасив», но он «ранит наше чувство счастья».^[342] Конечно, многие не согласятся с этой точкой зрения.

Отдельно стоило бы сказать о той части крупных американских городов, что предназначены были для низов (или «отбросов») капиталистического общества. Эти районы в Чикаго, Нью-Йорке, Детройте, Сент-Луисе или Буффало являются, по сути дела, настоящими трущобами. Известно, что и трущобы Глазго когда-то называли «раком Империи». Такой же раковой опухолью становились беднейшие районы американских городов. В начале XX в. это скопление трущоб, представлявших собой настоящее гетто, обрело ужасающие размеры. Даже в 1950 г. архитектор из Швейцарии Альфред Росс, преподававший тогда в Сент-Луисе, был до глубины души потрясен контрастами Америки: «Я много раз бывал в трущобах Лондона. Я видел захламленные районы в городах Западной Европы. Но с таким я сталкиваюсь впервые».

И все-таки, пожалуй, именно в строительстве и архитектуре обрели американцы свою Мечту, Родос, свой Град на холме. Скульптор Х. Гриноу (1805–1852), заложивший основы «новой архитектуры», утверждал, что не красота, а совершенство должно стать целью творчества. Он призывал создавать здания, превосходящие своим великолепием Парфенон. Капиталисты проявили заметный интерес к строительству и архитектуре, ибо, подобно фригийскому царю Мидасу (подпоившему Силена, дабы овладеть его знаниями), видели в этом занятии золотую жилу. Все это, вместе взятое, и позволило Америке наконец-то взять реванш у Европы в той сфере, где она всегда чувствовала себя бедной падчерицей. Подобно тому, как римские первосвященники некогда увековечили свои образы в величественных

капеллах и храмах, первосвященники капитала решили увековечить себя в небоскребах, соединявших пышность древних соборов, грандиозность египетских пирамид, храмов, ацтеков и майя. Небоскреб стал своего рода символом Америки. Стал для нее «тем, чем был собор для средневековой Европы или палаццо для Италии эпохи Возрождения». [\[343\]](#)

Как относиться к небоскребу? При всей грандиозности фигуры, при том восхищении, которое вызывает мастерство, с которым решены труднейшие технические задачи, порой все же он представляется склепом духа Америки. Мы ранее воздали должное талантам первых ее строителей. Ведь и Т. Джефферсон, создавая Виргинский университет, был архитектором, подрядчиком, планировщиком, мастером. Он все делал сам: добывал средства, изготавливал архитектурные чертежи, нанимал рабочих, выписывал скульпторов из Италии, разрабатывал все детали постройки, учил рабочих, как класть кирпичи, отмерять доски. Та Америка гораздо более близка и понятна нам. Но у небоскреба иная философия. Человек в нем низведен до положения муравья (в гуще однородной массы собратьев). Используя аргументацию австрийского архитектора А. Лооса, считавшего простую комнату, в которой скончался Гете, «прекраснее всей пышности времен Возрождения», а «стиль модерн» выражением аморальности эпохи, можно сказать, что небоскреб – это своего рода надгробный памятник гигантомании американцев и США. [\[344\]](#)

Как нам кажется, цель небоскреба – возвыситься над окружающим миром, подавить человека, втоптать его в прах. Но во имя чего? Что же двигало их создателями? Гордыня и алчность. Известно, что древнегреческий скульптор Фидий некогда изваял в Элиде бога Юпитера. Об этой скульптуре теоретик итальянского искусства Л. Альберти сказал, что ее создание в немалой степени укрепило однажды принятую религию. Своего рода «религиозные задачи», видимо, решала и американская архитектура конца XIX – начала XX вв. Но ее цель – укрепление религии капитала. [\[345\]](#)

Если небоскреб был американским детищем, то чадом матушки-Европы стала знаменитая Статуя Свободы. Ее называют воплощением американской мечты. История ее сооружения такова. Ее создали и подарили США французы (как знак либерализации режима Наполеона III). Тот желал, чтобы все видели в нем республиканца, не

империалиста. Предложение было сделано в 1865 г. Перед тем французы с англичанами вторглись в Крым в 1855 г. и развязали войну с Россией. Позже французская военная экспедиция высадилась в Мексике, посадив на трон марионетку Максимилиана (в 1867 г. тот был взят мексиканцами в плен и расстрелян). Вот тот весьма далекий от свободолюбия фон, когда в голову императору Наполеону III и пришла идея о статуе Свободы. Как бы там ни было, дело ее создания растянулось на целых двадцать лет. В итоге с трудом нашли требуемую сумму (400 тыс. долларов), привлекли таких выдающихся мастеров и инженеров, как Ф. Бартольди и Г. Эйфель. В 1864 г. работа была закончена. Статую отправили через океан в 214 ящиках. Любопытнее всего то, что янки не только не проявили особенного энтузиазма в отношении «Свободы», но и не пожелали раскошелиться на ее возведение. История тянулась до неприличия долго, пока Дж. Пулитцер не устыдил часть американцев, и те собрали недостающие 100 тыс. долларов. Так янки с большим скрипом водрузили «свой» символ. ^[346]

Там, где обитает народ, никогда не смолкает голос муз. В Европе в эпоху формирования наций (XIV–XVI вв.) наибольший интерес у аудитории вызывали странствующие певцы и актеры. Схожими путями шла Новая Англия. Правда, отсутствие театральных традиций вначале сдерживало развитие театра. Одно время здесь даже запрещались театральные постановки. Первые театры возникли на юге, где обитали богатые плантаторы (в 1716 г. – в Вильямсбурге, штат Вирджиния, и в 1753 г. – в Нью-Йорке). Хотя пуритане были строги сверх всякой меры (запрещали путешествия по воскресеньям, ввели обязательное посещение церквей, за провинности секли), это не остановило граждан, возлюбивших театр и зрелища. Наслаждаясь игрой слуг Мельпомены, они не упускали случая пофлиртовать с актрисами и пропустить рюмочку-другую с полюбившимся актером в ближайшей салуне. Труппа прибывала обычно из Англии. Дорога оттуда была долгой и опасной. Ставили популярные комедии Р. Шеридана и О. Голдсмита. Первой собственно американской пьесой стала пьеса «Контраст» (1781). ^[347] Американские критики сравнивают эту пьесу со знаменитой «Школой злословия» Шеридана. Она носила пуританский оттенок и имела отчетливо выраженное патриотическое звучание. Драма и комедия в США сразу же встали «на чисто

американский путь», хотя не чурались иноземных образцов и влияний. [348] Один из известных театроведов США с едва скрытой досадой писал (в наши дни): «Америка вот уже много лет живет с чувством смущения по поводу того, что у нее нет такого Театра, который можно было бы поставить рядом с французским «Комеди Франсез», русским «Художественным театром», немецким «Берлинер ансамблем», английским «Королевским шекспировским театром», выражающими «искусство сцены» в самом высшем смысле слова. Создание такого рода коллектива было заветной мечтой всех, кто когда-либо работал в этой области в Соединенных Штатах Америки». [349]

А как чувствовали себя тут древние богини-покровительницы музыки и песни, Полигимния и Эвтерпа? Американская музыка, во-первых, развивалась стихийно, будучи лишена некоего главного очага культуры, и, во-вторых, теснейшим образом была связана с фольклором (духовные песни южан, негритянские «спиричуэлс», протестантские хоралы). Это был неистощимый, богатейший источник, в чем-то уникальный и революционный. Видно, не случайно Ф. Энгельс некогда назвал протестантский хорал «Марсельезой шестнадцатого столетия». О значении музыки в жизни людей говорит популярность французских гугенотских псалмов, гуситских гимнов, песен нидерландских гезов или, скажем, русской духовной музыки. В США мировые музыкальные потоки и создали путем синтеза неповторимый феномен афро-американской музыки. Это был некий межэтнический духовный орган, рождавший совершенно необычные звуки. Правда, вначале музыка носила прикладной, второстепенный характер. Создатели школы хоровых гимнов часто совмещали с музыкальной деятельностью некое «полезное ремесло» (О. Холден – столяр, Д. Рид – ремесленник, Д. Кимбалл – кузнец, Э. Дулитл – ювелир и т. п.). А народный бард У. Биллингс (1746–1800), первый национально-самобытный композитор, сочинения которого легли в основу стиля хоровых гимнов XIX в., был дубильщиком. Когда же он бросил ремесло, то, выпустив несколько сборников, впал в страшную нищету и вскоре умер, не оставив средств даже на собственное погребение.

Вскоре на смену такому композитору-ремесленнику и учителю пения приходят музыканты-профессионалы. Наступает эпоха джаза, джазовой экспансии. Джаз – это детище трех культур (индейской,

латинской, африканской). Зародился в Новом Орлеане. В этом веселящемся городе, как стали его называть американцы, соединявшем черты Африки, Испании и Франции, и возникла в середине XIX в. популярная джазовая музыка. Джаз – это великолепно! Негры – подлинны́е основатели этого восхитительного искусства. Америка стала для них землей горя и слез. Поэтому именно в музыке, песне и танце они старались найти эмоциональное утешение. Они аккомпанировали себе на самодельных инструментах, пели веселые песни. Певцы «спиричуэлс» и блюза странствовали с гитарой по городам и поселкам, выступали в церквях и на площадях. Из этих народных музыкантов и певцов возникли первые негритянские джаз-оркестры (с 1865 года). Следует, видимо, согласиться с мнением специалистов: «Именно негры создали джаз с присущими ему музыкальными законами. Джаз – музыкальный язык другой расы».^[350] Место рождения джаза в Новом Орлеане – район «красных фонарей» (притоны и публичные дома Сторивилля). В этих «храмах Мельпомены» в роли меломанов выступали низы, а нередко авантюристы и преступники. Район имел далеко не лучшую славу и сюда школьников не пускали. Однако эта «школа жизни», конечно же, зачастую влияла самым губительным образом на молодое поколение. В трущобах и дебрях Чикаго, Нью-Йорка, Сан-Франциско вырастали и воспитывались поколения «крестных отцов». Власти Нью-Орлеана вынудили негров, спасавшихся от безработицы и голода, играть здесь, приняв в конце XIX в. закон, запрещавший им заниматься любимым ремеслом где-либо помимо притонов.^[351] Джаз пережил разлагающую атмосферу ночных клубов, выйдя возмужавшим и прекрасным из купели сладострастного греха... Этот негритянский Орфей с несравнимым волшебством играл на своей сладкозвучной кифаре. Позже Америка даст миру многих выдающихся музыкантов: в том числе и «короля джаза» Л. Армстронга, Д. Эллингтона, других ярких певцов и исполнителей. Им будут присущи высокий лиризм, изящество, эмоциональность. «В каждом моем звуке – Нью-Орлеан», – говорил Армстронг. В каждом звуке джазе – частица Америки.^[352]

Хотя известная танцовщица Айседора Дункан, возлюбленная Есенина, зло назвала джаз «музыкой для дикарей»... Она писала: «Мне кажется чудовищным, что кто-либо может полагать, что джаз является выражением Америки... Американская музыка будет

совершенно иной: она возьмет силу и размах просторов, глубину и чистоту у бездонной чаши неба... Это будет титаническая музыка, превращающая хаос в гармонию... Музыка, которая выразит духовный мир Уолта Уитмена и Авраама Линкольна». Однако фокус в том, что нувориши, невежды-миллионеры и не нуждаются в титанической музыке. Они ее просто не понимают. Бетховены и Чайковские им не нужны. Об этом говорит и сама Дункан, подчеркивая, что богачи «напрочь лишены чувства понимания искусства и считают художника чем-то вроде прислуги». ^[353] Означает ли это, что искусство им чуждо?

Как обстояло дело с художественным вкусом американской элиты? Присуще ли ей понимание прекрасного? Если в России были и, полагаем, еще вырастут такие люди как Савва Морозов, Третьяковы, то и в Америке есть люди, отличающиеся подлинным вкусом и умом. И все же здесь крайне мало тех, кто желал «увидеть восход нового солнца» человеческой веры и преисполниться благородными чувствами (Р. Эмерсон). Бизнесмены часто грубы, компенсируя свою неразвитость внешним декором, джентльменским набором миллионера. По поводу нравов такого типичного американского бизнесмена писатель Синклер Льюис скажет с иронией: «И в политике, и в религии этот Здравомыслящий Гражданин умнее всех на свете, а уж что касается искусства, у него врожденный вкус, он всегда выбирает самое лучшее. Ни в одной стране в мире вы не найдете на стенах гостиных такого количества репродукций со старых мастеров и с известных картин, как в наших Соединенных Штатах. Ни в одной стране нет такого количества граммофонов с набором пластинок – и не только танцевальных, но и серьезных, оперных – например, оперы Верди, – где поют самые высокооплачиваемые певцы в мире». ^[354] Но разве плохо, если бы и в России пели самые высокооплачиваемые певцы в мире, а наши богачи вместо скупки вилл уделяли внимание состоянию национальных музеев, библиотек, театров, институтов и консерваторий?!

Луи Армстронг

Что же касается оперы и балета, то американцы на протяжении трех столетий не создали ничего, что по своему уровню хотя бы отдаленно напоминало европейские или русские шедевры. Впервые американцы услышат европейскую оперу лишь в 1825 году. Однако вкус к этому виду искусства у них проявился гораздо позднее. Впрочем, учитывая, что первое оперное представление разыграно на берегах Нила 4 тысячи лет тому назад, в эпоху XII династии фараонов во время празднеств Озириса, все европейцы тут – «новички». С. Прокофьев, написавший в США некоторые лирические пьесы и пьесу «Любовь к трем апельсинам», отмечал малый интерес американцев к новой музыке. Газеты тогда презрительно называли его музыку «большевистской» и даже сравнивали ее мелодии с «бегущим стадом мамонтов на азиатском плато». Прокофьев, в отместку, называл Америку отсталым «дитем», которое еще не доросло до музыки. [\[355\]](#)

Кстати, нелишне напомнить русскому читателю, что и заслуга создания первой национальной американской оперы «Порги и Бесс», как и многое другое в Америке, принадлежит уроженцу России – еврею Д. Гершвину (1898–1937), впервые использовавшему в симфоническом сочинении и афро-американский музыкальный фольклор. Между прочим, интернациональным оказался состав главных создателей оперы (режиссер Р. Мамулиан, уроженец Тбилиси, учившийся в Московском университете, дирижировал А. Смоленский, декорации и костюмы выполнял С. Судейкин). Вспомним, что огромный вклад в формирование музыкальной культуры Соединенных Штатов внесли такие выдающиеся русские

композиторы, музыканты и певцы, как Рахманинов, Шаляпин, Прокофьев, Стравинский и другие. Замечу только, что и Стравинский, который вынужден был пробыть в США целых тридцать лет (как он признавался, «в изгнаничестве и чуждой культуре»), так и не смог обрести в Америке идеала или душевного покоя.^[356] Тем не менее, мы наслаждаемся и по сей день музыкаой «Вестсайдской истории».

В общем и целом, как отмечают исследователи музыкальной культуры США, «музыка легкожанровой эстрады и салона, популярные церковные гимны, марши для духовых оркестров – этим сугубо провинциальным искусством исчерпывается все, что возникало на американской почве в рамках музыкальной системы». Музы Америки отдавали предпочтение увеселительным и пикантным заведениям. На Бродвее особенно популярным шоу было одно время «Зигфельдские глупости», в которых сюжет с успехом заменяли полураздетые девицы. Настоящую культуру янки воспринимает плохо. В чем причина? Виной тому очевидная заземленность и неразвитость чувств среднелобого американца. Веселенькое и залихватское шоу, комикс, дешевый боевик больше подходит для американских голов. Поэтому их средства информации, как и наши, пропагандируют «массовую культуру». Та оглушает массы, что и требуется плутократии. Знаменательно, что уже в XX в. Селдз в работе «Народное искусство» был вынужден признать, что корифеи средств массовой информации предали возможности народных искусств (так же ведут себя прозападные деятели культуры и в России).^[357] Идиотизм таких вот шоу общеизвестен.

Европейцы также попытались проанализировать состояние феномена – культуры США. Известный английский поэт Мэтью Арнолд (1822–1888), автор эссе «Культура и анархия» (1869), развенчавший миф о «викторианском процветании» в Англии, не обошел своим вниманием и Америку... Англичанин утверждал в книге «Цивилизация в США» (1888), что одни лишь достижения в индустрии, торговле, накопительстве или даже изрядное число церквей, школ, библиотек, газет, проявления свободы печати и т. д. и т. п. еще никоим образом не означают торжества цивилизации. Столь узкое понимание понятия является ущербным и ограниченным. Более того, он называл американскую цивилизацию не иначе как «второсортной» по причине ее «неинтересности»! Главным условием,

позволяющим народ называть себя «цивилизованным», является присущее ему чувство красоты и гармонии, а также ощущения отличия и своеобразия своей нации. Этого-то как раз и недостает американцам-космополитам, что сглажены машинным урбанистическим катком в безликую массу. Американцы не приучены любить свою «малую родину», свои холмы и долины. Они быстро и запросто покидают хижины, чтобы перенестись в другое место. И таких примеров масса. Янки просто не успевают врасти в почву. Для них непонятен и чужд глас «родных осин или берз». Если бы мы, в Англии, пишет Арнолд, вдруг оказались без старых соборов и церквей, замков или особняков средневековья, мы сразу стали бы очень похожи на американцев. Еще больше оснований для сомнений в цивилизованности обитателей США дает их бессердечие, их безумная и роковая алчность, когда все или почти все определяется «золотым эквивалентом». «Американский тип» лишен чувства поэзии, романтики, красоты. Арнолд пишет: «В Америке тот, кто стремится найти в цивилизации «нечто интересное и захватывающее», кто желает найти в окружающем его мире удовлетворение своей тяге к прекрасному и возвышенному, очень скоро убедится, что небо над его головой сделано из железа и стали. Хуже всего в Америке решена в настоящий момент проблема человеческих отношений и личности. Здесь ощущается чудовищный провал. Людям недостает высокого и прекрасного. Жить не интересно! Эти высшие надежды похоронены. Однако страшнее всего то, что могильщиком этих начал выступает вся масса американцев, которая громогласно отрицает саму эту необходимость».

Европа до сих пор придерживалась мнения, что умственно-эстетические возможности американцев невелики. Так, проехавший всю Америку вдоль и поперек француз из Эльзаса А. Зигфрид выпустил книгу о США – «Америка устаревает» (1925). Опираясь на данные статистики и факты, он заявил, что США сами по себе мало что значат и что англо-саксонская цивилизация не может быть для всех примером для подражания. Да и вообще все лучшее, что есть в Америке, принадлежит не ей. «Не пускаясь в обобщения, – писал он, – можно уверенно сказать, что, когда вы вдруг увидите здесь вдохновенный взор или живой ум, чаще всего их обладателями являются итальянец, еврей или русский. Подобно необработанным алмазам, они приехали сюда из Европы, обогащенные традициями их

блестящих цивилизаций. Однако от них тут же потребовали избавиться от прошлого наследия одним махом. Многие, в особенности, интеллектуалы, решительно отказались следовать указке...»^[358]

Несомненно, большинство людей в США связывало свои надежды главным образом с чудесами науки и техники, а также с расцветом бизнеса и экономики. Профессор Г. Эмерсон (1853–1931) в работе «Двенадцать принципов производительности» (1912) показал плюсы и минусы соотечественников. Он, в частности, сказал: «Американцы отличаются бойкостью ума; люди у нас имеют тем больший успех, чем больше проявляют инициативы. Поэтому они добиваются огромных индивидуальных успехов, но зато и терпят огромные индивидуальные фиаско». Сравнивая прошлые и нынешние «чудеса света», он отмечал, что из всех современных чудес света американцам не принадлежит ни одно. К последним он относил римский собор Св. Петра, Триумфальную арку в честь Наполеона, Суэцкий канал, башню Эйфеля, Сен-Готардский туннель (в Альпах) и т. д. Будем все же справедливы, американцы создали немало: Панамский канал, новые железные вокзалы в Нью-Йорке, каналы и водные пути, мощный военный флот, подземку, небоскреб с лифтом, автомобиль. Все это воплотило их идеалы. Если на фронте древнегреческого храма были высечены слова

«Познай самого себя», то граждане США выписали неонов фразу «Познай дух своего предприятия». Г. Эмерсон считал, что в промышленно-финансовом мире четыре талантливых американца создали новый идеал человечества (Э. Карнеги, Дж. Хилл, Дж. Морган и Дж. Рокфеллер). Прибавим сюда имя Г. Форда, с именем которого связан выпуск автомобилей в США (1893).

На рубеже XIX–XX вв. в стране происходит бурное становление индустриально-машинного производства. Истинным героем дня, отцом новой философии и практики («фордизма») стал Г. Форд (1863–1947), изобретатель, инженер, миллиардер, менеджер, автомобильный король. Его концерн выпускал каждый второй автомобиль в мире (1922). Фигура заслуживает того, чтобы быть названной в ряду учителей. Каковы взгляды Г. Форда? Этот капиталист считал, что капитализм способствует расточению ресурсов «во всех его видах» и отнимает у людей «продукт их труда». Да и век железных машин и

«машин-людей» не есть верх мечтаний человечества. Машины, деньги и имущество полезны лишь постольку, поскольку способствуют жизненной свободе, – так полагал Форд. Он был уверен, что основу любого нормального общества составляют не спекулятивный капитал, а земледелие, наука, промышленность и транспорт. В них и только в них «квинтэссенция физической жизни», ибо только за ними закреплено гордое слово «работа». И наоборот, «спекуляция с готовыми продуктами не имеет ничего общего с делами – она означает ни больше и ни меньше, как более пристойный вид воровства, не поддающийся искоренению путем законодательства». Законодатели вряд ли улучшат социально-экономическое положение народа. Задачу правителей он видел в налаживании здоровой хозяйственной жизни. И деньги тут вовсе не главное. Капиталисты, создающие капиталы благодаря торговле деньгами, – временное и неизбежное зло. Но если они умны, трудолюбивы, талантливы и любят свое отечество, их можно с пользой использовать на благо всей страны и народа. Таким образом, если их деньги вливаются в производство и общество, нет нужды воспринимать их как мировое зло, но если они «прокручивают» деньги и «гонят прибыль» – они не более чем паразиты и «в самом деле вредители». Но и обычный труженик должен усердно и хорошо работать, а не паразитировать на теле общества. Если же он ничего не желает давать социуму – предоставьте ему полную свободу «умереть с голоду».

Все люди никак, ни при каких условиях, не могут быть равны, считал Генри Форд. Рассуждения типа «дайте каждому по его потребностям» не приведут государства и людей ни к чему хорошему... Как работник, так и любое предприятие должны работать с полной отдачей. Без мыслей, поисков, знаний, серьезных усилий по нахождению верных решений – толку не будет. Продукты должны быть доброкачественными, полезными народу и конкурентоспособными. Нет ничего отвратительнее праздной жизни. Поэтому Форд делает вывод: «В цивилизации нет места тунеядцам». В работе огромных производственных машин государства и частного бизнеса есть два наиболее опасных момента – это расточительность и алчность. И то и другое в состоянии подорвать экономику и привести страну к кризису. Умные правители не допустят господства ни той, ни другой крайности. Не нужно бояться будущего, писал он. Работайте

умно и энергично, не страшитесь конкуренции, спокойно уступайте дорогу тем, кто лучше справляется с делом, стремитесь, чтобы в основе доходности лежала общая польза людей, а не спекуляция, уходите от сырьевой экономики и создавайте конечный продукт, упрощая производство и управление – и ваш успех неминуем. Важнейшим условием успешного труда Г. Форд считал эффективную модель управления и производства... Никаких сложных организаций, пышных постов с особыми обязанностями, никаких громких титулов и чрезмерно раздутой администрации. Минимум служащих и нужных документов. В этом случае, полагал он, не будет волокиты и превышения власти. Каждый человек в корпорации или банке должен быть на своем месте. Где много титулов и должностей, там наверняка – масса бездельников. Неприятнее всего то, что сановники губят капитал, компрометируя его в глазах общества и народа. За любым чиновником, как и за капиталом, нужен строгий контроль.

Кто хорошо работает, тот не нуждается в титулах. «Работа, исключительно одна работа, является нашей учительницей и руководительницей», – писал Г. Форд. Задача руководителя – найти перспективные идеи, воплотить их в жизнь. Следует помнить, что одни созданы для творчества (к сожалению, таких немного), другие – для довольно рутинных операций. То, что вполне подходит одному, для другого является каторгой и проклятьем. Но верные идеи и хорошая работа – еще далеко не все. Во всяком деле главное – человек. Главная цель капитала и государства – улучшение жизни человека и общества. Г. Форд уверенно стоял на социал-демократических позициях. В его книге постоянно встречаются замечания о сокращении рабочего времени, социальной собственности, содержании труда, здоровье и образовании трудящихся. Перед нашим взором предстает идеология «цивилизации солидарности». Плоды труда должны при всех условиях доставаться людям, исходя из принципов справедливости. Самым главным было то, что свои идеи он подкреплял делом. По истечении года Г. Форд распределял между рабочими проценты от чистой прибыли (в 1900 г. им было распределено так 80 000 долларов). На предприятиях Г. Форда делалось все, чтобы молодые американцы научились уважать и ценить свою работу. За хороший труд хорошо платили. В то же время «научно продуманная промышленность не должна быть Молохом, пожирающим всех, кто к ней приближается», –

писал Форд. Он создал больницу для рабочих и служащих стоимостью в 9 млн. долларов. Именно так им и другими предпринимателями воплощалась в жизнь «американская мечта». ^[359]

Форд считал, что современная промышленность требует «такой степени знаний и искусства, которые не даются ни кратковременным, ни длительным посещением школы». Нужно специальное образование, позволяющее удовлетворять, как он говорил, «творческий инстинкт нормального юноши». В 1916 г. он учредил Промышленную Школу, где учились мальчики 12–18 лет с годовой стипендией в 400–600 долларов (неделя в школе, две в мастерской). «Мы содержим первоклассный учебный персонал, а учебником служит фабрика Форда. Она дает более широкую возможность для практических занятий, чем большинство университетов», – заявлял он с гордостью. При школе открыта мастерская с первоклассным оборудованием, а наиболее успешные классы исполняли тонкую микрометрическую работу. Ребята сами чинили машины, учились обращению с ними и тем самым закладывали фундамент успешной карьеры. Школа сумела даже сама себя окупить, без какой-либо благотворительной помощи. «Промышленная школа отнюдь не должна быть смесью высшей технической школы и школы вообще, но скорее средством научить молодежь продуктивности», – считал ее создатель.

Какое резюме возникает после знакомства с цивилизацией США? В этой системе решающую роль играет богатство, добытое порой самыми беззастенчивыми и преступными путями. Поэтому в данном случае следует говорить не столько о «невидимой руке» А. Смита, сколь о более чем реальной, видимой и жестокой руке монополистов. В американском бизнесе в последней четверти XIX в. доминировали три человека, каждый из которых имел свою сферу деятельности. Сталь принадлежала Карнеги, нефть – Рокфеллеру, Уолл-стрит, то есть банки – Дж. П. Моргану. В истории возвышения этих семейств имеется и немало откровенно грязных страниц.

Символом времени стали и герои романов Т. Драйзера (1871–1945). По словам Синклера Льюиса, впервые со времен Твена и Уитмена, Драйзер внес в пуританский обиход струю свежего воздуха. Перед тем как стать писателем, он работал чернорабочим в Чикаго, «городе-короле» в лохмотьях и заплатах, сверкавшем кичливой роскошью среди грязи. В те годы на Средний Запад переместились

многие мастера литературы и культуры (Драйзер, Мастерс, Андерсон, Линдсей, Сэндберг). Янки часто говорят: «Не узнав Чикаго, не узнаешь Америки». Здесь и воцаряются такие гении капитала, как герой его романов Каупервуд. Этот «бунтующий Люцифер» не лишен обаяния и, бесспорно, огромной энергии. Хотя превыше всего он ценит деньги, у него все же есть некоторый вкус. Собранная им коллекция прекрасных картин, статуй, изделий из нефрита, фарфора, старинных ковров, молитвенников порой вызывала у него чувство, близкое к религиозному. [\[360\]](#)

Это подлинный Робин Гуд капиталистических джунглей! В трилогии Т. Драйзера о капитале («Финансист», «Титан», «Стоик») эта колоритная фигура предстала «во всей красе»... Фрэнк Каупервуд подобен «монументу, воздвигнутому на вершине скалы». Этот человек пытается покорить Чикаго. Совершая гигантские усилия, он идет на подкуп чиновников и даже на явные подлости, чтобы получить концессию на строительство железных дорог. Он, как и его российские собратья из ведомства приватизации, создал массу дутых компаний типа «Общества по продаже недвижимости», «Объединения крупных домовладельцев», «Союза банкиров» и «Лиги коммерсантов». Та приватизация обернулась наглым надувательством народа. Поборники прав народа (а такие есть и в Америке) показали, какие баснословные барыши имели заправила подлых махинаций. Вот как описывала смысл «честного договора» одна независимая газета: «Миллионы – каждому из воротил объединения, ни одного цента – Чикаго». Люди эти не были кристально чистыми херувимами. Гулд и Хантингтон использовали железные дороги и для личного обогащения. Структуры компании «Стандарт ойл» были коррумпированы сверху донизу, а методы были бандитскими (не случайно в 1909 г. Верховный суд США приказал расформировать компанию Рокфеллера). Морган в молодые годы набил руку на спекуляции золотом (с сыном банкира Э. Кетчума он скупил золота на 4 млн. долл.). Отправив половину в Англию, он обогатился на рынке в результате спекулятивного ажиотажа. Затем, выкручивая руки американскому правительству, он стал фактически как бы филиалом центрального банка США (в 1893 г. в стране еще не было ЦБ). [\[361\]](#)

История бизнеса пестрит подлогами, обманами, подкупами, шантажом, чудовищной эксплуатацией, убийствами. Так,

рокфеллеровская «Стандарт Ойл» обманула и разорила огромное число независимых производителей. Джон Д. Рокфеллер считал, что сам Господь передал ему в руки нефтяной бизнес, и общественность не имеет тут права голоса. В отношении же конкурентов он вел себя как откровенный убийца (почище Джека Потрошителя), говоря: «Я преследовал моих врагов и догнал их: к тому же я не отвернулся, пока их не истребили». Ни о какой морали и нравственности в мире капиталистов тогда и речи быть не могло. Один из историков семьи писал: «По обочинам дороги, где прошел Рокфеллер, разбросаны разоренные люди и покинутые заводы: он получил неоспариваемый контроль над огромными источниками богатства» (А. Невинс). В то же время надо признать, что в Америке сформировался мощный рынок финансов, который был неотделим от промышленного роста. Во многом именно финансисты, контролируемые властью, и становились главными объединителями различных отраслей и даже движителями технического прогресса. Любовь, симпатия, дружба – все живет и умирает в рамках стратегии бизнеса. Широко известно высказывание Рокфеллера: «Дружба, основанная на бизнесе, лучше, чем бизнес, основанный на дружбе».

Ашер Дюран. *Родственные души на природе*. 1844

Последняя треть XIX в. продемонстрировала, наряду с бурным ростом богатств и развитием производительных сил страны, далеко не лучшие качества капитализма. Забирая в свои руки земельные, лесные, рудные богатства, те и не думали принимать в расчет судьбы жителей.

Рокфеллер верил, что существование большой компании – «это просто выживание наиболее приспособленного». Дж. Хилл, ратуя за монополию железнодорожных магнатов, вещал: «Богатства железнодорожных компаний определяются законами выживания самых приспособленных». Властвующую элиту США откровенно зовут «клубом миллионеров». Она воспитана на мальтусовской традиции «борьбы за существование» и «выживания сильнейшего». Народу тут навязали систему, в которой на одной стороне оказываются богачи, промышленники, банкиры, президенты, парламентарии, сенаторы, на другой – бесправные и угнетаемые массы. При этом богачам и властителям нет нужды быть особо просвещенными и образованными. Магнат Дж. Херст признавал, что отсутствие глубоких знаний не мешает людям его круга управлять страной: «Я не очень знаком с книгами, я не очень много читал, но я много ездил, видел людей и много чего еще. Накопив опыт, я пришел к выводу, что члены сената – это те, кто выжил, это самые приспособленные». В отношении же чиновников магнаты действовали в духе ироничных слов Р. Эмерсона: «Говорю тебе, глупый филантроп, что я пожалею доллар, десятицентовик, даже цент тем, кто со мною не связан и с кем не связан я». [\[362\]](#)

Конечно, были исключения. Среди практиков американского индустриализма колоритной фигурой был «патриарх Бродвея» П. Купер (владелец металлургических заводов, первым начавший строить паровозы в Америке). Нищета и убожество народа в США, похоже, угнетали его. Памятуя о том, что «справедливость – это истина в действии» (Ж. Жубер), Купер выделял на благотворительность огромные суммы. Его прозвали величайшим филантропом мира. Главной заслугой этого нетипичного капиталиста стало основание «Куперовского союза», цель которого – бесплатное обучение молодых прикладным искусствам и наукам. Он истратил на эту цель огромное состояние. Однако такого рода люди, осуждавшие разбойничью эксплуатацию со стороны собственного класса, составляли скорее исключение, чем правило «позолоченного века». Возможно, в душе они разделяли взгляды известного утописта XVII века Кампанеллы: «Техника – конкретное проявление морали». И Купер ринулся в борьбу «за дело народа», утверждая: «Я всегда был, есть и вечно буду с бедными тружениками и фермерами». Он обвинял конгресс США, где

продажные политики принимают законы «для богатых». У монополистических корпораций, будь то банки или железные дороги, заверял он, нет сердца. Купер писал с глубоким знанием состояния вещей: «У нас в стране быстрыми темпами складывается денежная аристократия – наихудшая форма аристократии, которая может стать проклятием для благоденствия любой страны... Эта аристократия бездушна и лишена патриотизма. Спасем же страну от этого самого сильного и, я надеюсь, последнего ее врага». Он говорил о кабале двух тысяч банков, разбросанных по всей стране, этой тайной армии, преследующей свои корыстные цели... Их требования и аппетиты будут неуклонно расти, «пока из трудящихся масс американского народа не будут выжаты последние соки».

Среди лидеров индустрии и управления были патриоты. Они строили домны, заводы, дома, дороги, мосты, библиотеки, больницы, музеи. Не отказывали себе в забавах, носивших экстравагантный характер. Морган был членом 19 клубов, Вандербильт – 15, Гарриман – 14. Их переполнял жизненный природный оптимизм, ибо в целом они работали на национальный интерес. Морган девизом своей жизни сделал слова: «Ничего не жалею для прославления Америки». К этой же группе «титанов-стоиков» можно было бы отнести Д. Дрю, Г. Форда, Э. Карнеги, Дж. Д. Рокфеллера. В них горел не затухающий огонь пуританизма и провинциализма. Мне кажется, в них было нечто от шотландских пресвитериан, от кромвелевских «железнобоких». Лернер описывает их так: «Они были воздержанны, регулярно посещали церковь, преподавали в воскресных школах. Они мало тратили на себя и делали это без лишнего шума. Подобно Рокфеллеру, они раздавали блестящие десятицентовые монетки и, подобно Форду, вкладывали всю прибыль в расширение бизнеса. У них были причуды, которые могут позволить себе люди, сидящие на вершине пирамиды власти. Эти, как правило, угрюмые люди и в глазах окружающих выглядели суровыми, лишенными одновременно и улыбки, и жалости. Но тем не менее они, вероятно, были ближе, чем патриции, к теологическим корням капитализма: демонстрации добродетели через успех, вере в призвание, проповеди трудолюбия и бережливости. Взятые вместе, эти два рода Титанов воплощают в себе привлекательность бизнеса как образа жизни».^[363] Не знаю, можно ли их назвать «титанами», но они вызывают у меня куда большее

уважение и порой даже восхищение, чем иной наш homo trium literarum (иносказательно «вор» – *лат*).

Плоды их труда искупают их невежество. Да и не знаю, чего в них больше. Лафарг в статье «Американские тресты, их экономическое, социальное и политическое значение» (1903) верно свел черты добра и зла в единую картину: «Морганы и Рокфеллеры воздвигают храмы и основывают университеты; они одаряют их миллионами, к великой зависти французских университетских деятелей. И священники, и профессора всячески стараются угодить желаниям этих толстосумов, которые в случае надобности напоминают им об их обязанностях. Несколько лет тому назад одна из жертвовательниц, поддерживавшая университет в Сан-Франциско, заставила дать отставку одному профессору политической экономии, осмелившемуся критиковать чрезмерные привилегии капитала. В Америке церковь не субсидируется государством, и содержание духовенства зависит от щедрости паствы. Церкви строятся акционерными обществами, совсем как промышленные предприятия. «Возблагодарим господ, ниспосылающего нам денежные пожертвования» – такова молитва, которую повторяют в этих храмах каждое воскресенье. Духовенство всех исповеданий падает ниц пред крупными капиталистами, этими истыми богами, дающими им хлеб насущный, жилище и прочие блага. Нью-йоркский католический епископ недавно отрешил от сана одного священника своей епархии за пропаганду христианского социализма. В Бостоне протестантский епископ публично заявил с кафедры, что если бы Иисус снизошел теперь на землю, то он бы занимался спекуляциями на бирже, ибо нет более почтенного занятия... Рокфеллер... собирается организовать тресты для издания учебников, имея в виду очистить Библию от негодующих протестов против богатых, встречающихся на страницах Ветхого и Нового Заветов. Унизительное раболепие духовенства и интеллигенции... Пресса, обрабатывающая общественное мнение в пользу капиталистов, находится в руках последних... Одни только социалистические газеты не находятся в зависимости от капиталистов, так как они являются не коммерческими предприятиями, а лишь органами пропаганды и борьбы... Финансисты, управляющие трестами, с общего ведома и на глазах у всех ассигнуют миллионы на расходы по выборам обоим соперничающим партиям, республиканской и демократической... Ими

же куплены... сенаторы и депутаты». Эти же черты цинизма и безверия видны в США всюду, даже в Церкви.^[364]

В США и среди демократов встречаются люди-подвижники. «В противовес этим подвижникам, – пишет Драйзер, – шайка политических пиратов, тех, что засели в ратуше и вершили дела (за исключением, впрочем, мэра), готова была, подобно голодным свиньям, запертым в хлеву, наброситься на все, что попадало к ней в кормушку, лишь бы нажраться до отвала». В моменты этой борьбы за наживу открываются глубины низости и реже «недостигаемые вершины идеала». В США мэр города не может шагу ступить своевольно без контроля оппозиции (не говоря уж о президенте страны). Поэтому Драйзер и вложил в уста мэра (защитника народных интересов) такие вот слова: «Никогда нельзя знать, на что могут отважиться те или иные негодяи, заведя перед глазами жирный куш в двадцать-тридцать тысяч долларов. Большинство из них, даже при самой неслыханной удаче, едва ли за всю свою жизнь сумеют сколотить хотя бы половину этой суммы. К тому же они ведь не надеются быть избранными вторично. С них хватит и одного раза. За их спиной уже стоят другие, тоже жаждущие сунуть свое рыло в кормушку. Ступайте в ваши округа и районы и организуйте митинги. Призовите к себе избранных вами олдерменов. Не давайте им улизнуть; не позволяйте им морочить вам голову, прикрываясь громкими фразами насчет свободы личности и всяких там прав и обязанностей должностных лиц. Не уговаривайте их – угрожайте. Добром от этих мерзавцев ничего не добьешься. Возьмите их за глотку, и когда вам удастся вырвать у них обещание не давать концессии Каупервуду, стойте наготове с крепкой веревкой в руках, чтобы ни один из них не посмел отступить от своего слова. Я не сторонник насильственных мер, но сейчас ничего другого не остается... Боритесь».^[365]

Несмотря на все трудности, они сумели создать могучую державу! Тут они правы. В самом деле, если Древний Рим дал образцы умелых солдат и администраторов, Средние века известны рыцарями и святыми, Возрождение породило богатых князей-меценатов и великих художников, то Америка явила миру примеры воинов-бизнесменов, инженеров, строителей и созидателей. В их семействе есть «пуритане» и «патриции», но, видимо, меньше вырожденцев-грабителей и парвеню, помышляющих только о корыстном благе, чье дитя с

улыбкой клинического идиота будет вещать с экрана: «Я буду миллионером!» Хотя любой янки и мечтает об успехе и деньгах, но там больше героев, начинавших свой путь, подобно персонажу Фицджеральда. В романе «Великий Гэтсби» тот уповал прежде всего на свои знания, умение, волю. Для того чтобы добиться успеха, герой купил массу учебников по экономике, по банковскому и кредитному делу и стал неистово их штудировать. Учебники и книги, «выстроившись на книжной полке, отливая червонным золотом, точно монеты новой чеканки, ...сулили раскрыть передо мной сверкающие тайны, известные лишь Мидасу, Моргану и Меценату».^[366] Этих людей превозносил упомянутый Т. Веблен в книге «Инженеры и система ценностей» (1921), второй по значимости книге после «Теории праздного класса». Если в первой он жесточайшей критике подверг плутократию и спекулятивный капитал, то в «Инженерах» высказал мысль о господстве в обществе специалистов. Веблен, будучи смелым и честным мыслителем, видел, что господство в Америке (или в России) «денежных мешков» неизбежно ведет к засилью спекулянтов и барыг. Эти господа не знают и не ценят производства. Они обычно стараются его игнорировать, а значит, игнорируются интересы тех, кто напрямую связан с индустрией, наукой или сельским хозяйством. А это большинство населения страны, все общество. В результате в стране быстро растет безработица, усиливается хаос, множится нищета. Выход, считает Веблен, только один: «Никто в Америке не сможет лишиться власти всех этих финансовых воротил, если только этим не займется организация, вполне компетентная для того, чтобы взять под свое крыло всю производственную систему страны, управляя ею более эффективно, нежели это делается финансистами (Vested Interests)». Далее он, правда, указал, что пока такая организация отсутствует. Что же касается профсоюзов, то все, на что они способны, так это осуществлять более или менее эффективно акты саботажа. «Но саботаж— это ведь не революция». Выход он видел в создании Высшего Совета технических специалистов, говоря нашим языком, Совета современных менеджеров и управленцев.^[367]

Политика американских плутократов встречала противодействие со стороны трудящихся. В 1877 г. страну потрясла забастовка железнодорожников (первая общенациональная забастовка в

американской истории). В Пенсильвании, Огайо, Алабаме, Виргинии шахты стали ареной жесточайших битв, стоивших жизни сотням рабочих. В 1892 г. рабочие металлургических заводов Питтсбурга взяли в руки оружие и встретили правительственных чиновников и сыщиков огнем. Такой язык порой куда понятнее плутократам, нежели жалкий и трусливый лепет иных «профсоюзных подстилок», этих willing slaves (покорных рабов) плутократических режимов. Федерация горняков Запада, возглавляемая Б. Хейвудом, вела в Монтане, Колорадо, Айдахо настоящие сражения с войсками штатов и рудничной охраной. В 1869 г. был основан «Благородный орден рыцарей труда», а в 1881 г. возникла Американская федерация труда. К концу века в АФТ было 548 тысяч человек. Она объединяла квалифицированных рабочих и исповедовала принцип гармонии интересов капитала и труда. При Гомперсе АФТ стала откровенно прислуживать финансовому капиталу. В 1889 г., по решению Интернационала, объявлен Международный праздник 1 Мая (в столетие взятия Бастилии).^[368] Впрочем, и среди рабочих немало тупых полуживотных. Таковы некоторые шахтеры из романа Андерсона «Люди на марше» (1917), который правильнее бы назвать «Марш в преисподню». Такой «пролетарий» переполнен ненавистью не только к власти, но даже «к товарищам по черной яме в пенсильванских холмах». Когда же он выбился во власть, его настроения быстро вписываются в русло установок властителей, эксплуататоров, диктаторов. Писатель говорит: самые страшные и опасные враги рабочих приходят порой как раз из их собственных рядов: «Выйдя из среды людей, которые никогда ничего не знали, кроме бессловесного тупого труда, сам он хочет достичь блеска власти. Полный ненависти и презрения ко всему человечеству, он считал, что оно должно служить ему. Выросший среди людей, которые были просто людьми, он хотел стать их властелином».^[369]

Поэт Р. Чаплин пишет песню «Солидарность навсегда», ставшую гимном пролетариата. В ней есть слова: «Будь проклята власть имущих, идущая по костям, сталью лап загребущих когтящая души нам». В 1906 г. выходит роман Эптона Синклера «Джунгли», описывающий жизнь труженика. Легендарный лидер рабочего класса Джо Хилл (подлинное имя Хагглунд, он родом из шведского города Евле) создает мощную организацию – «Индустриальные рабочие

мира» (ИРМ). Он же пишет самую боевую и популярную песню рабочих того периода («Кейси Джонс»). Писательница Э.Флин так сказала о нем: «Он выразил дух рабочего движения в бессмертной форме песни. Без песни никогда не было ни одного победоносного движения, оставившего след в мировой истории». Американская буржуазия свирепо расправилась с певцом (его казнили 19 ноября 1915 г.). За день до казни он послал Б. Хейвуду телеграмму, в которой написал: «Прощай, Билл. Я умираю, как преданный делу бунтовщик... Не оплакивайте меня. Организуйтесь в профсоюз!» Это вам не холеные деятели профсоюзов нашего времени, у коих на личном счету миллионы долларов (плата за предательство интересов тружеников). А перед самым расстрелом поэт-бунтарь Хилл пишет послание к своим близким:

Легко решить, что завещать, —
Мне просто нечего делить.
Что может у скитальца быть!
Одно прошу – не горевать!

Немалый вклад в дело отстаивания демократических и республиканских ценностей в США внесла наиболее честная и просвещенная часть американской интеллигенции (ученые, писатели, журналисты). Как только в Америке был введен золотой стандарт (1900) и окончательно утвердилось неприкрытое господство промышленников и финансистов, наступает период переоценки ценностей. Надежды мелкой буржуазии и интеллигенции на то, что акулы бизнеса (rich as Croesus – богатые, как Крез) создадут более справедливую и гуманную цивилизацию, рассыпались в прах. Интеллигенция все же нашла в себе силы и волю честно и объективно взглянуть на то, что происходит. Из школы тех, кто верен был идеалам Просвещения и демократии, вышли борцы за обуздание зверя алчности и наживы. Они поняли: бесконтрольное господство капитала и чиновничества уничтожит демократию. Поэтому повели атаку на тех и других. Появляется статья Лоусона «Взбесившиеся финансы» (1903). Из искры разгорелось пламя «разгребателей грязи». Их девиз: «Pereat mundus et fiat justitia!» («Пусть погибнет мир, но свершится

справедливость!» – *лат.*). Лоусон писал: «Народ, конечно, стал номинальным властителем. Но поскольку составляющие его люди, и по отдельности и как класс, находились в экономической кабале у богатых и жили за счет их милостей, то так называемое народное правление превратилось в дымовую завесу для капиталистов». Э. Беллами (1850–1898) в книге «Оглядываясь назад» говорил о перспективах развития страны в будущем: «Лишь когда перестройка промышленной и общественной системы на более высокой этической основе и в целях более эффективного производства богатства была признана необходимой для интересов не одного класса, а в равной мере всех классов, богатых и бедных, образованных и невежественных, старых и молодых, слабых и сильных, мужчин и женщин, тогда появилась перспектива того, что она (Революция) совершится. И тогда национальная партия взялась за дело ее свершения политическими методами». Есть ли сегодня такая национальная (русская) партия в России?

Любая демократическая революция останется фикцией и обманом, пока в обществе не произойдут серьезные экономические перемены в пользу народа. В США попорчено главное в самом принципе демократии – ценность и достоинство личности и народа. (Нечто близкое, но еще в более чудовищных масштабах, происходит в конце XX в. в России). «Разгребатели грязи» взяли на себя роль общественного контролера, идеолога новой культуры и порядка. Эту политику поддержали Дж. Лондон, Э. Синклер, Д. Филлипс, Б. Лафоллет, В. Вильсон, Т. Веблен, Ч. Бирд, Дж. Дьюи, Л. Брандайс, Ф. Уолш, Л. Стеффенс, Ч. Рассел, Ю. Дебс. Эссеисты, историки, философы, правоведы Америки не отсиживались на задворках, а бросились на штурм цитаделей плутократии. Стал выходить журнал «Нэшнелист», вокруг которого объединились прогрессивные силы. Беллами убедительно доказывал, что вся манчестерская школа с ее фетишизацией *laissez faire* является лженаукой. Экономика должна создавать, используя богатства на пользу народу и обществу, а не вести к грабежу и полному разорению страны. Законы наживы и конкуренции неизбежно обернутся для нации экономическим, тем более нравственным самоубийством. Поздно приходящим – всегда достаются кости («*Tarde venientibus ossa*» – *лат.*).

Пресса Коммунистической рабочей партии в США (1920) писала о порядках, исповедуемых в США: «Капиталисты готовы с помощью своего правительства безжалостно подавлять любую попытку рабочих организовываться и улучшать условия своего существования, но они не могут остановить непрерывный рост стоимости жизни, который ощущается в доме каждого рабочего и сеет недовольство и революцию... Никакие правительственные институты не будут прочны там, где, с одной стороны, немногие владеют богатством в миллионы и миллиарды долларов, а с другой – огромное большинство народа должно работать за плату, не достаточную для прожиточного минимума при колоссальном росте стоимости жизни.... В настоящее время нет и намека на согласованную работу всех звеньев правительственной машины. Назначенные бюрократы, не ответственные ни перед какими народными органами, присваивают себе самодержавные права и топчут все так называемые гарантии свободы и демократии. Частным организациям, финансируемым частным капиталом, разрешено принимать на себя функции государства и совершать акты насилия. Газеты открыто проповедуют убийства, плетут заговоры и помещают ложь о рабочем движении. Иметь собственное мнение – преступление. Издать газету, выступающую против взглядов класса капиталистов, – преступная анархия».^[370]

О том, как вели себя янки в отношении малых стран в своем полушарии, можно было бы написать отдельную книгу. Приведу лишь несколько примеров... Когда на Кубе вспыхнуло восстание против испанского господства, когда мужественный кубинский народ, несмотря на жертвы (погибли Хосе Марти, Антонио Масео), стал побеждать в борьбе, янки подло предали кубинцев. Хотя общественное мнение США было на стороне восставших кубинцев, лидеры Америки ратовали, по сути дела, за захват Кубы. Английский журнал «Экономист» (1897) сказал о причинах, толкавших Белый дом к войне против Испании. Лидеры сената, писал журнал, «ратуют за интересы крупных трестов, таких, как Сахарный и Табачный тресты, которые полагают, что приобретение Кубы... абсолютно необходимо для их «систем»». После таинственного взрыва американского крейсера «Мен» (1898) янки вмешались в войну. Итог войны – Куба, Пуэрто Рико и Антильские острова перешли к США. Президент У. Маккинли

заявил, что «мы не можем предоставить филиппинцев самим себе, ибо они не подготовлены для самоуправления», и поэтому США ничего не остается «как взять все Филиппинские острова». Намекнув на неспособность кубинцев к самоуправлению, он заявил, что это накладывает на США «ответственность за хорошее будущее управление на Кубе». Итогом их действий стала оккупация острова. Конгресс США утвердил и аннексию Гавайских о-ов (1898).

Тут стоит особо остановиться на роли Теодора Рузвельта, занявшего президентский пост в 1901 г. (после убийства У. Маккинли). Его учителем был адмирал Мэхен, известный своими экспансионистскими, милитаристскими взглядами. Его сторонники и организовали кружок, который, условно говоря, вполне можно было бы назвать кружком разбойников с большой дубинкой. В кружке Т. Рузвельт (не путать с Ф. Д. Рузвельтом) близко сошелся с Б. Адамсом, автором нашедшей книги «Закон цивилизации и упадка» (1895). Книга произвела на президента большое впечатление. Адамс высказывал там мысль о неизбежности упадка всякой цивилизации. Согласно его мнению, центр мировой торговли, богатства и силы постепенно перемещается с Востока на Запад. «Центрами притяжения» ранее в истории выступали Константинополь и Венеция, затем Амстердам и Лондон. В конце XIX в. точка фуркации, центр экономической мощи передвинулся через Атлантику в США. Правда, будучи человеком последовательным, Адамс полагал, что американская цивилизация в будущем должна войти в фазу упадка и краха (XX–XXI вв.), а центр экономической мощи переместится в Россию и Китай. В дальнейшем он, однако, пересмотрел свои взгляды, выступив со статьями в книге «Экономическое превосходство Америки» (1900). Рузвельт был глашатаем силы. Он пораженчески не ныл, не разводил в бессилии руки, а укреплял дух нации, пытаясь воспитать в янки воина, бойца, от которого зависит судьба США. Мир в его представлении был, есть и будет полем битвы. В нем было нечто «от громил и убийц». Поэтому иные современники весьма точно прозвали его Тедди Большая Дубинка. [\[371\]](#)

«Цивилизация» идет в Соединенные Штаты

По признанию Т. Рузвельта, аннексия Панамы стала самым важным делом, которое ему удалось совершить во внешней политике. Захват Панамы нужен был США для постройки канала, обеспечивавшего стратегические интересы Америки. Президент США тогда без тени сожаления признавал: «Мы фактически послужили полицейской силой на перешейке ради его жителей, наших собственных национальных интересов и блага всего цивилизованного мира». Бывшие по договору 1846 г. гарантом Панамы, США сами же первыми набросились на подзащитную сторону. Используя местных сепаратистов и деньги банкиров, они захватили собственность, которую ранее обязались защищать «от любых посягательств». Так что пусть никто в России не строит иллюзий в отношении международных договоров, подписываемых США. Если им что-то очень нужно и выгодно, они тут же растопчут любой договор (как говорится в подобных случаях, «не пощадят и мать родную»). Под договором между США и Панамой, по которому Америка была уполномочена вступить во владение каналом (1903), стояли подписи американца и француза. А вот подписи панамца (представителя той страны, которую янки фактически захватили) не было. Такая же история запросто может произойти с Россией, Украиной и т. п., если их вожди когда-либо решат довериться «демократической» Америке. [\[372\]](#)

Лучшие качества нации сформировались в эпоху пионеров, когда янки в большинстве своем были намного свободнее, демократичнее и естественнее. Культуролог В. Паррингтон назвал середину XIX века «золотым веком». Позже нация утратила черты демократизма. Всюду – в экономике, политике, культуре – возобладали империализм и

плутократия. Если США и демократия, то особого, эксплуататорско-плутократического типа. Черты ее с убийственной точностью обрисовал лидер рабочего движения Америки Юджин Дебс: «В Америке нет ни одного плутократа, который не был бы за «демократию», такую демократию, которая дает ему возможность оставаться плутократором, а тебе рабом. В Америке нет ни одного плутократа, который не был бы против демократии, ликвидирующей рабство и делающей всех людей свободными».^[373] Это и есть демократия американского типа. Сегодня и в России воцарилась демократическая плутократия, гнуснейшее дитя нашей «цивилизации».

Со временем и хваленая система меркантилизма, регулирующая западную экономику, стала давать сбои. Капитализму стало тесно на земном шаре. Ушли в прошлое времена, когда Д. Юм писал в трактате о торговле (1742), что как человек и гражданин Великобритании он тем не менее готов «помолиться за процветание торговли Германии, Испании, Италии, даже Франции». Симпатии друг к другу еще могут стать уделом двух влюбленных, но не жестко конкурирующих друг с другом наций. Очевиднее становилась и глубочайшая пропасть, все глубже разделявшая бедных и богатых. Как писал один из современных экономистов Д. Гилдер в «Богатстве и нищете» (1993), и в США ситуация вовсе не радужна. Некогда поэт М. Арнолд, певец викторианского процветания, с завистью писал об американцах: «То, что в Англии мы называем «средним классом», в Америке составляет всю нацию». Ныне всем уже ясно, что неравенство распространилось в США в огромных масштабах (шла ли речь о прибылях, богатствах, доходах, собственности или о чем-то еще).

Схема распределения богатств в Америке такова: 2 процента семей владеют 44 процентами семейных богатств, а 25 процентов граждан вообще не имеют ничего. Статистика не всегда дает исчерпывающие данные, но тут факт общеизвестный.^[374]

Далеко не обнадеживающе выглядит положение и с расовым равенством и партнерством. Даже после официального запрещения рабства Америка так и не сумела принять в свои ряды как равных негритянское и цветное население страны. Негров открыто считали и называли париями (примерно до середины XX в.). Более того, случались и откровенные парадоксы: в 1900 г., до ужесточения

антинегритянских законов в г. Вашингтон, негр даже мог обратиться в любую больницу, а к 1950 г. с началом «эры равенства» его приняли бы лишь в двух. Еще более неоднозначно, как это ни странно, выглядит положение евреев, «избранного народа». Сыны Авеля и Каина устремлялись сюда в течение XVIII–XIX вв. во все возрастающих количествах. Америка оказалась весьма удобным и благодатным плацдармом для создания здесь их собственных колоний. Евреи обрели здесь относительную безопасность и свободу, чего не имели ни в Европе, ни в Азии, ни в России. Известно, что Лютер незадолго до смерти говорил своим последователям, что евреев нужно или поголовно окрестить, или изгнать из государства. Не очень-то жаловали их в Австрии и в Германии. Они были изгнаны из Вены (XVII в.), где все еврейские синагоги обратили в церкви (при Леопольде). Хотя Фридрих Вильгельм и допустил евреев в свои владения, его сын Фридрих I предпочел все же заметно ограничить их права.^[375]

Нам трудно сегодня уверенно назвать тот день и час, когда нога иудея впервые ступила на американскую землю... Согласно одной из версий, якобы уже в июле 1654 г. некий голландский еврей высадился в Нью-Йорке, а месяц спустя сюда прибыли еще 33 представителя этого народа. Все они оказались потомками тех своих собратьев, которые были изгнаны из Испании и Португалии инквизицией в 1492 г. После суровых жизненных испытаний и приключений они попали в Нью-Йорк, бывший в то время голландской колонией. Тогдашний ее губернатор П. Стивесант самым решительным образом потребовал от Ист-индийской торговой компании: «Ни одному из представителей еврейской нации не должно быть позволено заселять Новую Голландию». Однако тем все же удалось каким-то образом остаться. Да и обитатели колонии отнеслись к ним вполне либерально и демократично. Переселение на американский континент имело далеко идущие последствия. Со свойственным им талантом они довольно быстро прибрали к рукам американскую экономику. Обладая редкой племенной сплоченностью, они обосновывались в банковской, деловой, информационной и культурной сферах. Вскоре они стали играть первостепенные роли в важных социальных структурах, постепенно подчиняя себе американское общество. Данные говорят о высокой экономической и расовой мобильности народа. Налицо талант

несомненный, хотя работающий не столько на общество, сколько на благо кагала и соплеменников-домочадцев.^[376] Русским впору у них поучиться этим завидным качествам.

Благосостояние и заработки средней еврейской семьи в США в XX в. на треть выше, чем у американцев любой иной национальности (кроме, разве что, энергичных японцев). Около 70 процентов евреев трудятся в бизнесе, юриспруденции и т. д., тогда как лишь 30 процентов остальных народностей работают в этих сферах. Разница в уровне образования, по сравнению, скажем, с неграми явно в пользу евреев. Любопытно и то, что почти все кино, радио, телевидение, многие газеты (то, что везде принято называть средствами информации) являются в США, можно сказать, типично еврейским бизнесом.^[377]

Несмотря на это, а может быть именно поэтому расизм, ранее распространенный в отношении цветных, все чаще направлен ныне против евреев. Видимо, основная причина этого заключается в иудейском фундаментализме, который стремится представить США как «Новый Израиль, призванный пасти народы в конце истории». Новый образец тоталитарного мышления под фальшивой маской демократии. В известном смысле показателен даже такой факт: Т. Джефферсон, президент США и автор Декларации независимости, одно время предлагал изобразить на гербе этой страны взятый из Библии образ сынов Израиля, идущих за лучом солнца. В сегодняшней Америке немалая часть правящей элиты состоит из иудеев и, как следствие этого, нередко «переносит все табу из древней Иудеи в современную Америку». Представляет интерес и мнение политолога Ханны Арендт («Истоки тоталитаризма»). Понимая, сколь далека Америка от образа форпоста гуманизма и прогресса, она, еврейка, весьма прозрачно намекает и о причинах проявления антисемитизма в США: «Там, где дискриминация не связана только с еврейским вопросом, она может стать моментом кристаллизации политического движения, стремящегося устранить все естественные трудности и конфликты, присущие многонациональной стране, посредством насилия, власти толпы и вульгарных расовых идей. Один из наиболее многообещающих и в то же время опасных парадоксов Американской республики заключается в том, что она отважилась осуществить равенство в условиях самого неравноценного в физическом и

историческом отношении населения в мире. В Соединенных Штатах социальный антисемитизм может когда-нибудь стать ядром чрезвычайно опасного политического движения». Повторяю, этому обстоятельству не стоит удивляться, ибо засилие «избранного народа» в верхах социально-экономической, информационной, особенно денежной пирамид означает на самом деле дискриминацию остальных групп. История учит всех: если маргинальный, но влиятельный слой упорно не хочет подчиняться традициям и законам господствующего этноса, то рано или поздно народ отторгает его от себя, как чужеземца-завоевателя. [\[378\]](#)

В США заметно усилился антисемитизм. Как это оказалось возможно в демократической Америке? Да не может такого быть! Однако все это не так уж и странно. Всем известно то исключительное влияние, каким пользуется «избранный народ» в деловой и финансовой жизни, а также в информационно-культурной сфере в США. Евреев-экономистов и финансистов – 82 %, редакторов газет и журналов – 70 % в США (хотя они составляют лишь 3 процента населения США). Такое засилье (даже в особо благоприятной для них стране) не вызывает восторга у американцев. Зачастую именно непропорционально большое представительство «избранного народа» на самых верхах социума, в бизнесе и средствах информации, их непомерная, болезненная любовь к деньгам и власти, их беспардонность и наглость, чванливость и презрение к другим народам делают их объектом неприязни, а то и откровенной ненависти. Многие американцы считают их засилье более опасным для будущего англосаксов и белой Америки, нежели «негритюд». [\[379\]](#)

Если при опросах примерно треть американцев считает возможным дать шанс неграм (афроамериканцам), то евреям готовы предоставить такой жизненный шанс поразительно малое число янки – лишь 8 процентов! Особенно решительно выступают коренные американцы против того, чтобы позволить евреям играть наиболее видные роли в высшем эшелоне политической элиты. Приведу слова М. Лернера: «Что касается евреев, то большинство американцев и по сей день считает недопустимым, с политической точки зрения, чтобы верховная власть в Америке была доверена даже и выкресту, в отличие от Великобритании, где во главе правительства стоял Дизраэли, и Франции, где его возглавляли Блюм и Мендес-Франс. Избрание еврея

или католика на самый высший государственный пост, который воплощает в себе символ нации, было бы равносильно избранию чужака; политическая партия, которая отважилась бы выдвинуть такого кандидата, тем самым бросила бы вызов глубоко укоренившимся традициям».^[380] Опасения американского историка стали реальностью в современных США. Фактически страна превратилась в колонию, заложника иудея. Недавно одна из главных израильских газет с явным удовольствием отметила: «Соединенные Штаты больше не имеют правительства гоев». Это подтверждают американцы. Патриот-республиканец, сторонник идей традиционализма конгрессмен Д. Дюк в книге «Мое пробуждение» писал: «Мы стоим перед необходимостью революции». Эта необходимость вызвана тотальным засильем еврейских капиталов и сионистов в органах власти и средствах массовой информации в США. В высшем органе власти США после президента, в Национальном Совете безопасности 7 из 11 его членов являются евреями и представляют скорее интересы мирового сионизма, чем собственно Соединенных Штатов. Евреями являются госсекретарь США Олбрайт, министр финансов, министр обороны и глава ЦРУ.^[381]

Америка традиционно рассматривается официальными американскими историками как своего рода «плавильный котел», где нации и культуры соединились в некое сложное образование, подобное переплавленным элементам в тигле. Современный американский историк М. Новак, скажем, так описывает в своей книге сцену выпускного школьного вечера. В этой милой сценке США предстают взору в роли некоего обретенного переселенцами «рая»... Там на сцене изображен бутафорский корабль с только что прибывшими в страну иммигрантами. Перед ними высится громадный «плавильный котел», символ Америки. По сходням спускаются выходцы из различных стран – в жалких лохмотьях, с убогим скарбом... Все они тут же залезают в означенный «котел», на котором изображены знаки империи Форда. Некоторое время спустя в котле начинает бурлить, из него идет пар... Учителя, приблизившись к котлу и совершив ряд ритуальных манипуляций, одного за другим выуживают вновь прибывших. И вот, наконец, под звуки бравурного марша, размахивая американским флагом, появляются лоснящиеся и всем довольные, в одеждах с иголки, вчерашние несчастные иммигранты.^[382] Однако

сколь бы мы с вами и не иронизировали по этому поводу, но факт стремления в США или в Европу как в страны с более высоким жизненным уровнем и степенью благосостояния не вызывает сомнения.

Другое дело, что с годами знаменитая идея «плавильного тигля», в котором будто бы была выплавлена единая американская нация, даст трещину и разлетится в прах. Сегодня уже вряд ли кто-либо из специалистов готов признать эту идею как основополагающую идею сотворения американского мира. Их пугает и то, что разнообразный человеческий материал вдруг предстанет неким монолитом Большого Каменного Лица, за которым бояться увидеть облик «Большого Брата». К тому же противоречия между этими этносами, психологические, культурные и религиозные особенности обязательно рано или поздно выплеснутся наружу. Один американец, чьей родиной из Ливана, ставший впоследствии ученым, писал: «Когда я рос в ливанской общине Бруклина, в Нью-Йорке, метафора «плавильного котла» была широко распространена в процессе нашей борьбы за ассимиляцию с американцами. Но, оглядываясь назад, я вижу, что мы так и не составили «сплав», и уж тем более не растворились. Максимум, чего мы достигли, так это смешения... Наша культурное прошлое прослеживается как нечто естественное и всем нам глубоко присущее, вошедшее в самую суть нашей жизни. При этом этническая память и ценности заложены в основе как первого, так и второго поколения, которое по внешним признакам уже неотличимо от коренных американцев».^[383] Поэтому и представлять процесс адаптации и обустройства в Америке таким идеальным образом означало бы грешить против истины. Пройдут века и годы, прежде чем серьезных ученых посетит идея, что концепция плавильного котла не только не точна, но и ведет к заблуждению, ибо человеческие культуры сложны, динамичны и «не могут плавиться, как сталь и железо».^[384] Правильнее было бы воспринять опыт США не в виде тигля, в котором плавится сталь, а в виде парового котла. Нам кажется, этот образ куда больше подходит к облику и типу американской цивилизации. Если это так, то можно предположить, что с годами давление на его стены может стать столь чудовищным, что вдребезги разнесет каркас государства.

Сегодня нельзя угадать, чего больше в этом смешении этнических потоков – позитивного или негативного. Американский эксперимент далек от окончательного завершения. Тут есть свои плюсы и минусы. Пока США не очень успешно удавалось справляться с проблемой содружества рас и культур, если вспомнить то варварство, которое не раз было проявлено ими по отношению к индейцам и неграм. Нельзя не упомянуть и о страхе, преследующем белых американцев – страхе вырождения их расы. Историк М. Лернер признает: страх того, что неограниченное перекрещивание и смешение кровей приведет к вырождению Америки, распространен довольно сильно. «Даже почтенных авторов охватывает паника при мысли о биологической и культурной порче, которую могут навлечь на чистых англосаксов негры, азиаты, славяне, евреи и средиземноморские народы. Страх вырождения – это страх чужой крови и чужого стиля жизни со стороны тех групп, которые видят угрозу извне своим экономическим и социальным привилегиям и считают представителей иных рас захватчиками и врагами». Правда, автор попытался как-то преуменьшить значение проблемы, приведя в качестве примера позитивный опыт таких стран со смешанным населением, как Испания, Голландия, Британия или Россия. Но последующие события ХХI в. могут и не дать оснований для оптимистичных прогнозов.^[385]

Не очень-то удачливыми в своей борьбе за равноправие оказались американские женщины, хотя внешне американки выглядят очень эмансипированно. На ранних этапах своей истории преследования, порки и позорные столбы для непокорных дам были обычным явлением. М. Твен писал о позиции губернатора Плимута в отношении квакеров: «По моему глубокому убеждению, квакеры – это такой народ, который необходимо было бы вовсе стереть с лица земли. Ни к ним, ни к женам и детям их нельзя иметь сожаления, а тем более оказывать им милость». Против квакеров был направлен суровый закон, обращенный к жителям Бостона, которые считали себя верхом культуры и образованности (1657): «Кто из жителей Бостона так или иначе устроит, чтобы квакер поселился в городе, подвергнется штрафу в сто фунтов стерлингов и до уплаты этих денег заключается в тюрьму под стражу. Кто принимает у себя в доме и угощает человека, зная, что последний – квакер, платит за каждый проведенный у него гостем час штрафных сорок шиллингов и, пока не внесет этих денег,

арестовывается в тюрьме. Ко всем тем, кто поучает квакеров и проповедует среди них, применяются те же законы, какие введены для лиц, приезжающих из-за границы, а именно: за первое нарушение закона, если преступник мужчина, отрезается ухо, и наказанный заключается в тюрьму до тех пор, пока не изыщет средств для того, чтобы быть отправленным из пределов колонии; уличенные во второй раз в том же преступлении подвергаются отрезанию второго уха и тюремному заключению на тех же основаниях, что и в первый раз. Если виновной окажется женщина, то она подвергается сильному наказанию розгами и всему тому, чему провинившийся в первый раз мужчина. Рецидивисты, попавшиеся в третий раз, будь то мужчина или женщина, караются просверлением языка с помощью раскаленного железа и последующим заключением в тюрьму с применением тяжелых принудительных работ до тех пор, пока на их собственный счет не явится возможность выслать их за границу».^[386] О лицемерии американцев писал и Диккенс в «Американских заметках»: «Здесь заседает законодательный орган штата Коннектикут; это тот мудрый орган, который в давно прошедшие времена принял известный кодекс законов, именуемый «голубые законы»; среди прочих «разумных» постановлений в кодексе имелось и такое, согласно которому любого гражданина, насколько я помню, поцеловавшего свою жену в воскресенье (в случае, если это было доказано), могли посадить в колодки». Варварское отношение к женщине было и остается нередким явлением в Америке.

Но в XIX в. ситуация складывалась уже иначе, ибо наблюдался их дефицит. По переписи 1860 г. на территории тогдашних США было на 733 тысячи больше белых мужчин, чем женщин. Как писал один из авторов о положении женщин во второй половине XIX века: «Такое поразительное несоответствие одна из главных причин эмансипационного движения. В Америке на брачном рынке спрос на женщину, а не на мужчину. Тогда как в Европе, в некоторых культурных центрах число девушек и женщин более чем на 100 тысяч превышает число мужчин, и вследствие этого возникает настоящая охота за мужьями; в Америке девушке, желающей выйти замуж, не нужно никакой *steeple chase*. Она свободно выбирает между бесчисленными кандидатами, зная, что, как представительница своего пола, она составляет предмет исканий и желаний и ее рука сама собою

является капиталом. Отсюда ясно, почему в Союзе говорят, что сватаются женщины, а не мужчины. В этом они видят естественное преимущество своего пола, и неограниченная свобода, с которой даже последняя горничная может располагать своей рукой и сердцем, вызвала в американских женщинах то гордое сознание собственного достоинства, венец которого представляет эмансипационная лихорадка. Ни одна женщина в Союзе не занимается физическим трудом, женская прислуга неизвестна, потому что даже беднейшая девушка каждую минуту может найти себе мужа. За исключением Мэриленда, Нью-Хемпшира, Нью-Йорка, Нью-Джерси, Северной Каролины, Род-Айленда и Колумбии, повсюду во всех штатах существует постоянный и большой спрос на женщин». Никого это не удивляет. Янки-мужчины привыкли стряпать, работать по дому, носить воду, колоть дрова, убирать комнаты и т. д. ^[387] Предмет зависти дам в иных странах.

Публичное наказание девушки в Америке за внебрачную связь

Однако за внешней свободой нередко скрывался половой расизм. Американская исследовательница проблемы К. Миллет пишет в книге «Сексуальная политика» (1970): «Такое положение дел объясняется тем, что наше общество, как и все исторические цивилизации, является патриархатным... Этот факт становится очевидным, если вспомнить, что армия, промышленность, технология, университеты, наука, политические институты, финансы, — короче говоря, все поле власти в обществе, включая силовые ведомства, находится целиком в руках мужчин. Учитывая, что сущность политики — сила и власть, это

не может не иметь последствий. То, что еще теплится в нашей культуре от сверхприродного авторитета, Божества, «Его» пастырства, этики и ценностей, философии и искусства, сама цивилизация – все это, как однажды заметил Т. С. Эллиот, является продуктом деятельности мужчин». [\[388\]](#)

В XIX в. женщине было вообще трудно добиться свободы, если речь не шла о древнейшей профессии. Одной из наиболее известных «героинь» на этой ниве стала Виктория Клафлин-Вудхалл (1838–1927). Вся ее жизнь похожа на удивительную мелодраму с криминальной начинкой. Перечень «славных побед» этой эмансипированной американки столь велик, что мы не станем вдаваться во все детали ее «подвигов». Происходя из семьи немецких евреев, она к 11 годам закончила три класса, а затем вступила на дорогу, полную приключений. Мать Виктории верила в оккультные силы и поклонялась учению Месмера (в итоге 3-е ее детей умерли еще во младенчестве). Отцу за мошенничество и поджог собственной мельницы грозила виселица. Семейство вынуждено было бежать из родной Пенсильвании. Пропустим годы службы на панели. Подойдем к 1868 г., когда Виргиния и ее сестра Теннесси предстали как чудо-исцелительницы перед мультимиллионером Корнелием Вандербильтом. К тому времени 74-летний коммодор уже считался богатейшим человеком. Однако он устал от борьбы и болезней. Сколотив 100 миллионов долларов, он чувствовал себя полным хозяином страны, с презрением взирая на судей и законы США. «Закон? – восклицал он. Какое мне до него дело? Разве у меня недостаточно власти?» Он мог быть беспощаден, мог даже вооружить три латиноамериканские республики, чтобы доказать им свое право. Когда ему надоела первая жена, он на два года запихнул ее в сумасшедший дом. Вот к этой акуле бизнеса и подкатили две юные проститутки, проведя с ним «магнетический сеанс». Теннесси стала его любовницей. Он называл ее «мой воробушек», она его – «мой старичок». В конечном итоге, сестрички сумели, видимо, предъявить богачу красноречивые аргументы, убедив Вандербильта помочь им создать брокерскую контору. За 3 года контора заработала 700 тыс. долларов. Историк пишет: «Остается только подозревать, что они продавали далеко не одни лишь акции железных дорог».

Преуспев в «бизнесе», В. Вудхалл приняла решение баллотироваться в президенты. Это так воодушевило всех проституток Америки, что те стройными рядами двинулись в ряды суфражисток-демократок. Некая С. Энтони во всеуслышание заявила, что «будет приветствовать всех женщин Нью-Йорка, имеющих дурную репутацию, если они будут произносить речи за свободу». Клич «Проститутку – в президенты!» вдохновил всю Америку. Тот факт, что Виктория имела двух мужей (носила фамилию одного, а спала с другим), что она и сестра с 14–15 лет были содержанками, торгуя собой налево и направо, и сидели в тюрьме, конечно же, не могло помешать демократии свободной любви проникнуть в парламент. Сцену ее триумфа описывали так: «Наступил решительный момент. Судья Картер из Огайо, прихрамывая, подошел к краю сцены. «Я выдвигаю Викторию Вудхалл кандидатом на пост президента Соединенных Штатов! – прокричал он. – Все, кто за ее выдвижение, скажите «да!». Аполло-Холл задрожал от криков «да!». Сотни людей повскакали со своих мест, вопя, приветствуя, размахивая шляпами и носовыми платками, в то время как Теннесси Клафлин, выдвинутая в качестве кандидата в члены Конгресса, возглавила шествие четырехсот чернокожих солдат и оркестра по заполненным возбужденной публикой проходам зала». Так воплощаются «идеалы свободы»! Проститутка и кандидат в президенты дожила до 90 лет. Как это ей еще не воздвигли памятник?! Хотя один из современников высказался на сей счет вполне определенно: «Ее надо было бы повесить и у подножия виселицы воздвигнуть монумент в ее память».^[389] С тех пор проститутки частые гости Белого дома, почти почетные его мажордомы. Возможно, в один из дней они смогут занять кабинет президента Америки уже на правах хозяйки (пример Моника Левински или госпожи Олбрайт вселяет в них надежду). В Америке жизнь иного политика грязнее жизни любой проститутки и извращенца. Политик в США порой вынужден быть тем и другим одновременно.

Как видим, женщины США ничем не напоминают милых застенчивых особ, краснеющих от робости при первом слове их «повелителя-мужчины». Они быстренько укажут ему место, замордуют в судах и вдобавок еще ловко выпотрошат его карманы. Будучи агрессивнее, чем амазонки, они нападают первыми и, подобно

коварным Далилам, сами же затаскивают мужчин в постель или в кабинет президента, требуя от них затем в суде «компенсации за ущерб». Все это никак не умаляет их значения и возросшей роли в социальной или деловой жизни.

В свое время О. Уайльд с присущим ему серьезным юмором писал: «Американец женится рано, американка выходит замуж неоднократно, и их семейная жизнь протекает на удивление счастливо. Мужчина с детства взращен в обстановке исключительного внимания к промыслу и добыче, поэтому уважение к слабому полу он воспринимает как принудительное проявление рыцарства; в то же время супруга его олицетворяет безграничный деспотизм, основанный на женской логике и смягченный женским обаянием. В целом же громадный успех брачных союзов в Штатах отчасти обязан тому обстоятельству, что американцы совершенно не способны сидеть без дела, и отчасти тому, что ни одна американская жена не несет ответственности перед супругом за качество приготовленной пищи. Америке почти совершенно неведомы кошмарные сцены из семейной жизни... Даже в самой доступности развода в Америке заключено хотя бы то достоинство, что это привносит в брачный союз новый элемент романтической зыбкости. Вследствие такой свободы действий, или, возможно, вопреки ей, скандалы в Америке случаются чрезвычайно редко, а если случаются, то именно мужчине это не простится ни за что на свете, настолько сильно в обществе влияние женщины. Америка – та единственная страна в мире, где Дон-Жуан непопулярен».^[390] На наш взгляд, английский писатель глубоко заблуждался в отношении отсутствия кошмарных сцен в жизни американской семьи. На самом деле их куда больше, чем во всем мире, вместе взятом. Ведь такая «неполноценность» мужчин заканчивается стойким состоянием ненависти, которая в дельнейшем неизбежно оборачивается немислимым количеством уродливых семей и детей. И все это «неожиданно» затем выплескивается в актах неприкрытой жестокости, «немотивированных» убийств, пандемии агрессии и т. д. и т. п.

А вот достижения американской техники несомненны... Хотя и самые громкие из них не всегда помогают достижению человечности. Говоря о перспективах американской цивилизации, Дж. Ландау заметил в статье ««Да» и «нет»» в споре искусства и техники» (1967), что в Америке тоталитаризм часто пронизывает собой все эти

технические чудеса. Везде и всюду (в политике, бизнесе, религии, промышленности, науке и образовании) тут царит технократ это – существо напоминает собой жуткого инопланетного монстра. Часто он напрочь лишен и человеческих черт. В культуре и науке знания его ничтожны. Не зря же Ортега-и-Гассет называл технократа и специалиста «ученым недорослем». Такие же недоросли встречаются и в России. Худший вид правителя – это технократ и олигарх! Он туп, безжалостен и пьян. ^[391]

Поэтому наряду с плюсами в подобном преклонении янки перед техникой и рационализмом были свои минусы. В США в результате развития и упрочения идей технократии утвердился безжалостный и суровый порядок. Этот порядок механистичен, бездушен и жесток. Английский исследователь М. Оукшотт писал: «Рационалист считает, что единственный элемент знания, включенный в человеческую деятельность, – это знание техническое. Для рационалиста верховная власть «разума» означает верховную власть техники». Практическое воплощение идей технократов и плутократов будет иметь далеко идущие, крайне негативные последствия для судеб Америки и всего мира.

Полтора века тому назад поэт У. Уитмен, похоже, уже ощущал эту духовно-нравственную убогость, ущербность Америки. Тем более чудовищную, что ей часто сопутствует серьезный прогресс в технике, промышленности, науке, финансах, образовании. Многие исследователи обращали и обращают внимание на этот парадокс развития американской цивилизации. Становясь все более богатыми, сытыми, сильными и довольно искусными в профессионально-техническом отношении, янки сталкиваются с опасностью опуститься в нравственном и духовном отношении на несколько пролетов вниз «по лестнице эволюции». Чем больше у них денег, экономической мощи, тем меньше в них христианских и человеческих добродетелей.

Так в чем же смысл феномена американской цивилизации? Выделим такие лучшие ее качества, как жажда новизны, динамичность, прагматизм и конструктивизм. По сравнению с другими странами, корни которых уходят в седую древность, США относительно молодое государство. Это дает им дополнительную энергию, силу и динамику. Большое значение имеет и многоплеменной характер нации, собранной из различных народов и рас. Вобрав в себя

плоть и культуру едва ли не всего мира, Америка зачастую оказывается перед искушением выступить в роли гегемона и жандарма Земли. Самонадеянность силы в смеси с наглостью и воинственностью крайне опасна. В любой момент эта страна может стать причиной мировой катастрофы, ибо американцы более других отстали в нравственности и морали. Многие культуры и народы ярче их и мудрее.

Пожалуй, Америка хороша для крайних эгоистов и индивидуалистов, особенно для натур, живущих, как принято говорить, сугубо материальными, меркантильными ценностями... Не случайно социологи позже прикрепят к американцам «как к виду» прозвище Одинокая толпа. Соединенные Штаты Америки давно уже стали цивилизацией человеческих склепов, где похоронены благородные надежды мира. Общению с людьми ее граждане предпочли отношения с миром вещей... «Это объясняет, – писал психолог Московичи в «Машине, творящей богов», – почему тема одиночества находит свое высшее выражение в литературе Соединенных Штатов Америки».^[392] Те все больше напоминают машину, творящую не богов и сверхчеловеков, а бесстрастных роботов, запрограммированных убийц, лишенных каких-либо светлых людских эмоций или чувств.

С тревогой писал и Твен о негативной стороне идеологии янки («Мы американизируем Европу», 1906): «Не знаю, к лучшему или к худшему, но мы продолжаем образовывать Европу... За нами, вот уже в течение века с четвертью, закреплена должность инструктора. На эту роль никто нас не выбирал. Мы просто ее захватили. В конце концов ведь мы принадлежим к англо-саксонской расе. Не так ли?! На одном из банкетов почетный председатель, из больших военных шишек в прошлом, заявил громовым голосом: «Мы – англо-саксы, а когда англо-саксы чего-то очень хотят, они просто берут это». Спич вызвал бурю оваций в фешенебельном клубе. Речь вояки, если ее перевести на нормальный английский язык, должна была бы означать примерно следующее: «Англичане и американцы являются ворами, бандитами, пиратами, и мы испытываем гордость от подобного сочетания качеств и способностей»».^[393] Подобная оценка англосаксов имеет свой резон. Несмотря на сатирический характер высказывания Твена, не вызывало сомнений, что с ростом военно-экономического могущества США

резко усилились агрессивные черты в их политике. Позже эти тенденции разовьются, приведя к экспансии образа жизни, философии американского типа-убийцы по земному шару. *Te deum laudamus!* (лат. «Тебя, боже, хвалим»).

Однако в современном мире, где нищета и бедность все еще правят бал (во многом именно благодаря жестокой, позорной системе неокapиталистического грабежа и угнетения), образ Америки как некой «земли обетованной» все еще очень притягателен.

В США стремятся люди бедные, а также эгоистичные и алчные, те, кому неведома любовь к родине и народу – обыватели, и те, кого называют космополитами (граждане мира). Им уж тут полный простор и раздолье. Для них идеалом является какой-нибудь газетчик-миллионер Херст, имевший семь замков, свозивший в них сокровища искусств со всего мира, возлежавший на кровати самого Ришелье, а для своего «общения с Богом» приказавший разобрать монастырь в Испании, который и был доставлен в феодальное поместье в Сан-Симеоне, где он коротал время.

Но сегодня при всем их внешнем могуществе США все чаще напоминают больного. Дефицит страны перевалил рубеж в 4,5 триллиона долларов. Страна почти ничего не производит (на 70 процентов деиндустриализована). Все необходимое производится в других странах. По мнению американского экономиста Хоббса (Нью-Мексико), члена лондонского Совета экономических исследований, США – банкрот. Янки вынуждены выплачивать 47 процентов их дохода в виде налогов, и, согласно данным Федерального резервного банка, граждане США обязаны отдавать 81 процент своих доходов для оплаты их долгов и процентов. Внутренний долг страны при президенте Б. Клинтоне увеличивался на 500 миллиардов долларов ежегодно! Доллар не подкреплён золотом, ибо США владеют всего 4 процентами мирового золотого запаса (тогда как «евро» обеспечено 25 процентами мирового золота). Поэтому и идет накачка долларов в другие страны. Доллар является мыльным пузырем, который в любую минуту может лопнуть. Даже глава федеральной резервной системы США А. Гринспен недавно заявил, что США стоят на пороге системного кризиса (финансового, управленческого, идейного). Такой кризис может обрушить экономику и финансы привязанных к доллару

стран (в России). США – клещ-паразит, вампир, высасывающий кровь у всего человечества.

Америка явила миру новый тип колонизации – финансово-военно-промышленной. Но она действует намного сильнее и эффективнее старых колониальных структур. Подобно тому как за мифической Вавилонской башней шли пирамиды, за древними пирамидами – средневековые соборы, за соборами и церквями – офисы небоскребов, за небоскребами – ракетные комплексы, так американский тип цивилизации дал все, что мог, и в настоящее время превратился в стальные, финансовые и информационные оковы для свободолюбивых народов. Как известно, Сергей Есенин в 1923 г. побывал в Соединенных Штатах. После этого визита его зрение «преломилось», и он вернулся домой «не тем». С одной стороны, ему в Европе и Америке очень понравилось шоссе, и он стал ругать наши непролазные дороги и «всех цепляющихся за «Русь», «как за грязь и вшивость». С этого момента, писал он, «я разлюбил нищую Россию», но при этом «еще больше влюбился в коммунистическое строительство». Безусловно, на него произвела огромное впечатление «железная и гранитная мощь» Америки. Есенин, глядя на созидательную мощь Америки, невольно поразились возможностям человека. Однако при этом он писал: «Что такое Америка? Вслед за открытием этой страны туда потянулся весь неудачливый мир Европы, искатели золота и приключений, авантюристы самых низших марок, которые, пользуясь человеческой игрой в государства, шли на службу к разным правительствам и теснили красный народ Америки всеми средствами. Красный народ стал сопротивляться, начались жестокие войны, и в результате от многомиллионного народа краснокожих осталась горсточка (около 500 000), которую содержат сейчас, тщательно огородив стеной от культурного мира. Дикий народ пропал от виски. Политика хищников разложила его окончательно. Гайавату заразили сифилисом, опоили и загнали догнивать частью на болота Флориды, частью в снега Канады». Позже мы вспомним эти слова С. Есенина в связи с событиями в России. [\[394\]](#)

Автор должен упомянуть (пусть вкратце) об историческом факте освоения русскими земель Америки в XVIII–XIX вв. Тут уместно вспомнить многих, в том числе русского мореплавателя А. Чирикова. Его матросы высадились на берега Америки в 1741 г. Узнав, что земля

эта сказочно богата «морскими бобрами», Адмиралтейств-коллегия посылает в 1764 г. экспедицию П. К. Креницына и М. Д. Левашева для проверки данных, закрепления за Россией новых земель и приведения в подданство «американцев». Затем в 1784 г. на остров Кадьяк прибыл рыльский купец Г. И. Шелихов и основал там первое русское поселение. С 1792 по 1808 г. центром Русской Америки стало созданное А. А. Барановым, первым Главным правителем Русской Америки, селение в гавани Св. Павла, или Павловской Гавани (ныне г. Кадьяк). В 1799 г. оформилась и единая Российско-американская компания, получившая от Павла I монополию на торгово-промышленную деятельность в Северо-Западной Америке и на управление ее территориями. С середины XVIII в. русские стали крестить алеутов, распространяя там веру Христову. Следует вспомнить и имя К. Т. Хлебникова (1784–1838), выдающегося летописца Русской Америки, чей труд «Записки о колониях в Америке» по праву называют настоящей энциклопедией. Известен и двоюродный дядя Л. Толстого, князь Ф. И. Толстой, которого все вокруг называли «американцем». ^[395]

Путешествующий по Америке П. А. Чихачев писал: «Россия и Соединенные Штаты – два государства, перед которыми раскрывается наиболее блестящая будущность. Географическое положение обоих просто и непрерывчато; двигатели их народной деятельности, хотя и различные по-своему, мощны и юны. Недавно вступив на поприще истории, они упрочили для себя место в потомстве, торжественно и твердым шагом подвигаясь к своей цели». Оценки русских уважительны, хотя черты «неутомимого эгоизма», страсть к животному довольству общества в США, у которого нет «ни закона, ни веры», а сами дельцы – «люди без чести и совести» (Ф. Каржавин) поражали нас, русских. Декабрист В. Кюхельбекер в «Европейских письмах» (1820) описал будущее человечества в XXVI в. Он называл Америку «естественной преемницей Европы». Правда, его прогноз читать сегодня как-то жутко: Париж и Лондон к тому времени не существуют, а города Испании и Италии полуразрушены. ^[396]

Напомню, что когда Наполеон III предложил Англии и России вмешаться в войну в США, канцлер А. М. Горчаков ответил решительным отказом. Известен и визит эскадры адмирала Лесовского, спасшей Нью-Йорк от бомбардировки англичан. Россия

поддержала правительство Линкольна. Рейд русской эскадры в порты СевероАмериканских Соединенных Штатов тогда удержал правительства Англии и Франции от активного участия в войне на стороне Юга (1863). На стороне федеральных войск сражался и русский полковник Генерального штаба, артиллерист Иван Васильевич Турчанинов. Его чуть не отдали под суд в России за участие в деле освобождения рабов. Линкольн отвел угрозу и присвоил ему звание генерала. М. Твен, побывавший в России в те же годы, писал об этом событии: «Америка многим обязана России, она состоит должником России во многих отношениях и в особенности за неизменную дружбу в годину ее великих истгганий. Только безумный может предположить, что Америка когда-либо нарушит верность этой дружбе предумышленно-несправедливым словом или поступком». Хочется верить, что он не ошибся в своей стране, и у нее осталась хотя бы капля чести. Ведь Россия всегда вела себя в отношении американцев гораздо порядочнее. ^[397]

Интересно и мнение Пушкина о янки: «С некоторого времени Северо-Американские Штаты обращают на себя внимание людей наиболее мыслящих. Не политические происшествия тому виною: Америка спокойно совершает свое поприще, доньше безопасная и цветущая, сильная миром, упроченным ей, ее географическим положением, гордая своими учреждениями. Но несколько глубоких умов в недавнее время занялись исследованием нравов и постановлений американских, и их наблюдения возбудили снова вопросы, которые полагали давно уже решенными. Уважение к сему новому народу и его уложению, плоду новейшего просвещения, сильно поколебалось. С изумлением увидели демократию в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нестерпимом тиранстве. Все благородное, бескорыстное, все возвышающее душу человеческую подавлено неутомимым эгоизмом и страстью к довольству (comfort); большинство, нагло притесняющее общество, рабство негров посреди образованности и свободы; родословные гонения в народе, не имеющем дворянства; со стороны избирателей алчность и зависть — такова картина Американских Штатов, недавно выставленная перед нами». ^[398]

Колониально-финансовая империя янки — враг человечества... Сто лет тому назад вожди их «демократии» высказывали более

открыто свои планы. П. Биджлоу в Лиге политического воспитания, расшифровывая методы борьбы янки за восточные рынки, заявил без обиняков: «Мы нуждаемся в мировом рынке, нам нужен весь земной шар, потому что мы умнее и предприимчивее всех. Мы истребили краснокожих индейцев, показав таким образом замечательный пример переживания наиболее приспособленного. Испано-американской войной мы запечатали эту идею и в умах европейских народов. Нам нужны рынки всего мира, ибо в нашей истории все войны были не чем иным, как борьбой за рынки».^[399] Исторический опыт XVIII–XIX вв. свидетельствует: для достижения своей цели они не остановятся даже перед новой колониальной войной и оккупацией.

Социальный дарвинизм, в основе коего лежит борьба индивидов и групп в современном обществе, давно уже стал «библией» многих американцев. Хотя те в массе своей никогда не читали Т. Мальтуса, Г. Спенсера, Ч. Дарвина, У. Самнера, У. Беджгота, Л. Гумпловича, все они были согласны с тем, что «естественный отбор» господствует не только в ранней, но и в современной истории, когда «сильнейшие убивали слабейших, как только могли». Янки, даже ничего не слышавшие о работе Гумпловича «Расовая борьба», прекрасно адаптировали ее к истории Америки, где борьба против индейцев, негров, цветных никогда не утихала. Со временем этноцентризм еще более укрепился. Американец (особенно по мере роста могущества США) уверовал в то, что его народ «занимает самое высокое место не только среди современных народов и наций, но и в сравнении со всеми народами исторического прошлого».^[400]

Не случайно неоконченный роман Ф. Кафки, названный «Америка», начинается с упоминания о статуе Свободы, в руке которой герой романа узрел не факел, а меч! Сегодня янки уничтожают иракцев, сербов ради воцарения и упрочения своей Империи смерти. Эта страна не имеет права ходить в лидерах человечества, ибо убога душой и тупа. Переманивать чужих ученых ей пока удавалось только за счет России, Восточной Европы, Азии и Америки, но от этого янки не стали и не станут умнее (многие умы уже бегут из Америки – японцы, немцы, китайцы, индусы, евреи). Похоже, и Маяковский был прав, назвав Америку «отколотой половиной Земли». Только янки составляют не половину Земли, а лишь ничтожную ее часть. Видимо, их может ожидать то, о чем написал М. Лернер в книге «Развитие

цивилизации в Америке»: «Когда какой-нибудь будущий Винкельман раскопает руины Нью-Йорка и Лос-Анджелеса». Шпенглер предрек США судьбу погребенной в пламени и пепле Помпеи, а известный американский правовед Р. Берк, издавший еще пару лет назад книгу «Ковыляние к Гоморре», предупредил США, что если те не откажутся от преступных привычек, их ждет судьба библейской Гоморры. Может, одумаются и вернутся в лоно разумной цивилизации?!

В моральном отношении эта страна превратилась в ад, в гиблое место, в мировую помойку, в язву человечества. Вот данные самих американцев. Каждую неделю в США происходит почти 500 убийств, свыше 2000 изнасилований, более 13 тысяч ограблений. Массовые убийства детей и взрослых сверстниками стали обычным явлением в Америке. От пуль маньяков тут ежедневно погибает 13 детей (об этом заявил даже президент Клинтон). В Вашингтоне убивают в 17 раз больше, чем в европейских столицах (в расчете на 100 тысяч человек). По данным ФБР, 25 процентов девочек до 12 лет подвергается изнасилованию, а 70 процентов всех американских девушек стали жертвами попыток к изнасилованию. Около четверти всех мужчин в США – гомосексуалисты (вспомним хотя бы ежегодные шествия 700 тысяч гомосексуалистов в Лос-Анджелесе, которые по размаху превосходят даже празднование Дня независимости). С 1986 по 1997 г. число брошенных детей в США возросло с 1,5 до 3 миллионов. Это – нация садистов, убийц, наркоманов и самоубийц. Если за время войны во Вьетнаме погибло 40 тысяч военнослужащих США, то уже после ее окончания там покончило с собой около 120 тысяч ветеранов. [\[401\]](#)

Стране банкиров, выжиг и рабов,
Где совести давно уж не бывало,
Нужна, как Солнце, воля радикала —
И гнев богов, бичующий скотов!

Ужель среди Америки сынов
Лишь рыцари наживы и кинжала?
Ужель страна себя та исчерпала
И, жалкая, погибнет средь оков?!

Линкольн был взлетом, гением природы.

Его распяли так же, как Христа.
С тех пор душа Америки пуста.

В ней нет ни равенства, ни чести, ни свободы.
Душа разбойника та более чиста...
Иль Сатана ее возводит своды?!^[402]

Судьба Америки напоминает судьбу Вавилонской башни, что рухнула, не выдержав тяжести увенчивавшего ее золотого идола. Фундамент США подточен морями крови, на которой эта цивилизация была воздвигнута. Подобно позднему Риму, что погиб от чрезмерной роскоши и невиданного растления нравов, Америка представляет собой рассадник болезней, наркоманов и гомосексуалистов. Английский писатель Честертон считал одной из главных причин гибели Римской империи распространение там мужеложства. Но римляне если и встали на этот путь, то в силу необходимости. Легионеры находились в военных походах годами и поневоле были лишены постоянного женского внимания и женской любви. В США же педерасты не ходят никуда дальше ближайшей пивной, а вместо битв с немцами устраивают побоища безоружных сограждан. Римляне любили бои гладиаторов, но не превращали школы и общественные заведения в ристалища, где жертвами становятся дети и подростки. Америка ради «процветания» разрушит мир!

Многоязыкое и многоплеменное племя американцев не представляет собой единого народа. Тема эта болезненна для янки. Они на каждом шагу выпячивают свой патриотизм, но факт остается фактом. Это искусственное образование напоминает собой колонию воинственных космических пришельцев, описанную в романе Уэллса «Война миров». Ученый Г. Гачев, выделяя особенность судьбы США, говорил так об американцах: «Итак, искусственность (не натуральность произрастания рода-племени на данной земле) – рок Америки. Роковая рукотворность всего тут: и материального окружения, и населения. Не народилось оно тут, а привезено в иммиграции. Так что именно не народ – американцы. Они – общество, нация, как угодно еще назовите общность из людей, но не народ, естественно народившийся в родной природе. Собственно и страна им

своя – не Родина, как и не мать». ^[403] Народ без родины – что дитя без родителей.

Поэтому и экономические отношения между нашими странами всегда были довольно скромными. США на протяжении XVIII–XIX вв. оставались на периферии российских внешнеполитических и торговых интересов. Так, к примеру, вывоз наших товаров в эту страну за 84 года (1827–1910) был незначителен. Его количество едва превышало полпроцента, а вот привоз американских товаров в Россию был примерно в 4 раза выше. Тому было множество причин. Одна из них – слабость прямого пароходного сообщения между Россией и США. Поток товаров из России часто перехватывался Германией и Англией. В конце XIX—начале XX вв. стал заметен прирост в товарообмене, однако он носил сырьевой характер. ^[404] Видимо, чтобы как-то компенсировать дисбаланс, правительство России не нашло ничего более умного, как продать США Аляску в 1867 г. Подробнее об этом можно узнать, прочитав книгу Н. Волховитинова «Русско-Американские отношения и продажа Аляски». Грустно сознавать, что «реформы» у нас всегда почему-то начинаются с уступок своих важнейших территорий.

В сущностных своих началах Америка – принципиальный антипод русской цивилизации. Однако если и антипод, то в своей конструктивной части небесполезный для урока. Поэтому есть резон в оценке, данной историком Г. Гачевым в книге «Америка в сравнении с Россией и Славянством»: «И именно на это подалась Америка... И именно это не удастся в России, и это ей есть божественный дар неудачности в уюте и быту, удерживающий ее в ценностях душевно-духовного развития. Глядя на бурное издевательство из Америки совершенного быта, на титаны кораблей и зданий, моторы машин, Уитмен радуется, находя в этом осуществление энергично-ургийного завода американства и человека – тут сбылось, тут удовлетворяется аппетит его существа, – но тем лютее душевный голод по истинным высоким ценностям духовным, которые ничего общего не имеют не только с уютом-бытом среди вещей, но и с образованностью даже, культурностью: все это внешние отяжки и помехи, и чем ближе, по видимости, к духу (как культура, эрудиция, лоск интеллектуальный) – тем дальше: как сатанинские подножки, сбивающие людей с подступов к самым вершинам... То есть полная сдача американством своих

позиций перед Евразией и отказ от того, чем гордились, ибо ни демократия, ни труд не привели к совершенствованию душевно-духовного и даже биологически жизненного человека. Так что именно вырождение совершается – в стране, где на правах национальной философии прижилось Дарвиново учение о борьбе за существование, которое к совершенствованию пород и человека, значит, вести бы должно, – а тут и в этом крах». Высокие духовные ценности, напомним, никогда и не являлись целью существования американцев. [\[405\]](#)

В США, которые иные считают страной обетованной, царит *lex in manibus* («кулачное право»). Социалист Дж. Брей писал о царящих там порядках: «Опыт показывает нам республику Соединенных Штатов, которая в политическом отношении является всем, о чем мы до сих пор мечтали и чего полностью добиться никогда не надеялись. И что же мы видим там? Властных тиранов и скованных рабов, сытых денежных королей и голодающих нищих, обанкротившихся капиталистов и безработных рабочих! Мы наблюдаем там фактически все несправедливости, несчастья и пороки, с которыми мы знакомы у себя на родине». [\[406\]](#) Строки эти написаны 150 лет тому назад. Но и в конце XX в. более 40 процентов населения страны живет ниже порога бедности. Э. Фромм писал, что американское общество, как ни парадоксально это звучит, никак нельзя назвать богатым: «По меньшей мере 40 процентов американцев и большая часть остальных 60 процентов могут позволить себе весьма ограниченные траты». [\[407\]](#) Масса цветной молодежи нигде не учится. В Бога уже никто не верит. Посещение церкви за послевоенные годы упало в 3 раза. Страна находится на грани широкомасштабной гражданской войны. Силы внутренних войск в США увеличены со 100 тыс. в 1993 г. до 800 тыс. ныне. Созданы огромные тюрьмы-катакомбы, готовы и передвижные камеры для всех недовольных. Нас же убеждают, что США достигли немыслимого совершенства в сравнении с иными цивилизациями. На ум невольно приходит «закон Паркинсона». Тот не без иронии писал о таком «прогрессе»: «Наука доказала, что административное здание может достичь совершенства только к тому времени, когда учреждение приходит в упадок». Не это ли и происходит с нынешними США?! [\[408\]](#)

Пример поведения нынешней Америки вызывает у людей в России, Китае, Индии, во всем мире все большую тревогу. Глядя на

преступления США и стран НАТО в Югославии, Ираке, видим: они вполне заслужили титулы жандармов и палачей мира. Они бомбят везде, в любой точке земного шара, кого и когда им заблагорассудится: японцев, вьетнамцев, корейцев, иракцев, ливийцев, сербов, хотят поставить на колени русских, убивают китайцев в посольстве Белграда. Америка и Европа обезумели. Безумием было бы считать их лидерами мировой цивилизации. Народы должны причислить их к варварам и остановить силой как Батыя, Наполеона, Гитлера. В этой связи XXI в. может стать «концом американской цивилизации». Многие аналитики без тени иронии говорят о предстоящем развале США, называя и примерную дату (2010 г.). Казалось бы, трудно сказать о США точнее, определеннее, нежели это сделал еще Пушкин, как-то заметивший: «А что такое Соединенные Штаты? Мертвечина».

Уж сколько раз твердили миру, что прямые, слепые заимствования в тысячу раз страшнее самых лютых войн и природных катастроф. Не помогает. Вот она тупость «реформаторов», проучившихся кое-как, чуждых истории, пропивших как СССР, так и всю Россию... А ведь еще великий И. Гердер внушал неучам: «Не надо думать, будто люди в силах единым махом обратить чужую часть света в Европу, стоит только прорубить леса и возделать землю; все живое творение – это одна живая взаимосвязь, и изменять ее можно только с большой осторожностью».^[409]

Уместно привести высказывание и итальянского журналиста Дж. Кьеза из его нашумевшей книги «Прощай, Россия», где в обращении к политическим элитам обеих наших стран говорится: «Вот еще один пример того, как двое слепых, взявшись за руки, пытаются перейти дорогу. В такого рода анализах поражает цинизм, с которым делаются аналогии с другими ситуациями и другими странами, не имеющими ничего общего со страной, о которой идет речь. Ведь «американские параметры» были достигнуты за два века истории и рынка при совершенно ином и складывавшемся постепенно общественном устройстве и в ином психологическом и организационном контексте. В России разрыв между доходами за шесть лет увеличился с 1 к 2 до 1 к 17. И это в стране, где люди за несколько поколений (98 % населения) привыкли к условиям неукоснительной уравниловки». В результате так называемых реформ «элита» ограбила Россию на многие сотни миллиардов долларов. И большая часть тех денег осела в банках США,

Европы, Израиля, в «офшорах», куда вскоре, как мы твердо убеждены в России, побегут и сами «реформаторы».

[410]

И все же, если отвлечься от этих «частностей», придется признать: выход США на мировую арену явился важным и знаменательным явлением истории. Американский капитализм самодетельного типа представляется важным. В американском примере заслуживает внимания и практика организации нового общества для расселения различных этносов в огромном географическом районе. Утописты заселяли своими героями фантастические земли и острова. Американцы обжили и обустроили вполне реальные пространства огромного материка. Это жадное стремление покорить и освоить новые материки отличало все народы-пионеры – испанцев, португальцев, англичан, русских, американцев. А. И. Герцен с восхищением писал о наших двух странах, которые рвутся через страшные пространства, помечая везде свой путь городами, селами, колониями, до берегов Тихого океана, этого «Средиземного моря будущего». К началу XX в. эта схожесть натур и темпераментов не исчезла... Один из русских, проживший в США около 23 лет, отмечал сходство натур у янки и русских. При этом врач П. И. Попов в книге «В Америке» (1906) отмечал и некоторые, довольно существенные различия двух културно-исторических типов: «Фантазия и ум американцев направляются не к созданию артистических произведений, а к изобретению бесчисленных машин и приспособлений всякого рода, начиная от машинки для чистки картофеля и кончая грандиозными мостами, равных которым нет нигде». Американский тип стремителен и более напорист. Он жаждет получить все сейчас и немедленно. «Их жизнь не течет спокойно, а быстро несется, как курьерский поезд, on rapid transit plan». Поражает принцип равенства социальных возможностей. Особенно удивляет их нацеленность на настоящее, а не на прошлое. Американцам присущ также и патриотизм. Попов пишет: «Американец благодарен своей родине за то, что она предоставляет ему огромное поле деятельности, неисчислимы природные богатства, учреждения, которые дают всем равные шансы добиться своего и покровительствуют смелым игрокам в жизни. Отсюда вытекает активное чувство общего интереса, солидный, крепкий, общественный дух, патриотизм – не созерцательный и мистический, но практический и деятельный».

[411]

Деловой, практический, хозяйственный характер американского патриотизма и привел их к успеху, к экономическому лидерству.

Мы должны оценить по достоинству игру низовых сил, сметку, риск, трудолюбие янки. В «Письмах американского фермера» Г. Кревкера (1782) есть суждение русского дворянина о США: «Нынешних жителей Америки я считаю провозвестниками будущих народов, которые вскоре заселят этот безграничный континент. Русские в чем-то похожи на вас. Мы тоже новый народ, новый в отношении знаний, искусства и разного рода усовершенствований. Кто может сказать, какими революциями чреваты Россия и Америка? Очевидно, мы связаны между собой более тесными узами, чем нам иной раз представляется». Американцы сумели придать идеям труда и техники почти теософское звучание. В этом вижу их заслугу перед современной историей. Конечной целью труда в тех условиях стало обретение «мелочных жизненных удобств», страсть к земным благам и достатку (в ущерб началу духовному и нравственному). Американец и в самом деле временами напоминает, говоря словами того же А. Токвиля, всего лишь простенькую «машину» (разумеется, функционально ладно работающую и эффективную), занятую производством и переработкой «элементарных промышленных отходов». Благодаря янки пали некоторые старые мифы и стереотипы, но, разумеется, тут же стали повсюду нарождаться новые.^[412] Америка верит в прогресс, личный успех, труд, противоборство жизненным случайностям, в значение эффективности и полезности как факторов развития, в науку и образование, что могут и должны дать шанс в жизни. В США людей сама жизнь расставляет по заслугам. Хотя немало и «выскочек», занявших высокое положение в обществе. По подсчетам социолога П. Сорокина, тут среди заправил промышленности и финансов 38,8 % в прошлом и 19,6 % в настоящем начинали бедняками; 31,5 % бывших и 27,7 % ныне живущих мультимиллионеров начинали карьеру, будучи людьми среднего достатка. Среди 29 президентов США 14 (т. е. 48,3 %) вышли из бедных или средних слоев. Хотя надо все же учесть, что эти данные относятся непосредственно к XIX—началу XX вв. Позже ситуация кардинально изменилась. И сегодня Америка уже иная.^[413]

Статуя Свободы

Итак, мы подошли к завершающим страницам саги об Америке. Постараемся выразить суть этого неоднозначного явления в истории мировой цивилизации. Подводя итоги становлению и развитию американской цивилизации, можно утверждать, что: 1) с освоением новых земель Европа получила уникальную возможность свободной колонизации, а заодно облегчения бремени своего развития («сбрасывая» в Америку не только тружеников-энтузиастов, но еще в большей степени бандитов, диссидентов, революционеров, рабов, утопистов, извращенцев, нищих); 2) впервые в мире в таких масштабах реализовывался принцип так называемого плавильного котла, где, как в тигле, порой смешивались не только различные культуры и цивилизации, но также разнородный человеческий материал; явившись гораздо позже других на историческую сцену, янки тем не менее сумели быстро наверстать упущенное, оказав довольно сильное влияние на ход истории; 3) условия существования колонистов в Америке были таковы, что здесь выкристаллизовался особый «колонизаторский тип», сочетавший в себе черты трудолюбия, воинственности, пионерства, конкуренции, свободы, любознательности, дикости и жесткости; 4) несомненные и внушительные успехи в ряде областей человеческого творчества

(индустрия, техника, наука, торговля, медицина, образование, массовая культура и т. д.) достигнуты с помощью умелой комбинации труда, профессионализма и капитала; 5) попытки реализации на практике идей прекрасного и светлого града на холме разбились об острые утесы суровой американской действительности; крайний индивидуализм, алчность, неприятие равенства и истинных свобод, расовая дискриминация, воинственность и моральная нетерпимость привели к тому, что на месте Божьей Обители возник новый Вавилон; 6) США живут за счет насилия и ограбления ресурсов планеты; ни у кого не найдешь такого стремления к превосходству, такой идиотской убежденности в миссии «нации-избавителя, что должна принести человечеству новый мировой порядок»; 7) США – не комета, а всесжигающее ядерное солнце, чьи лучи могут испепелить всю Землю; по мере старения американской цивилизации в ней нарастают острые противоречия: с одной стороны, между нормами, установками, уровнем жизни элит США и массы населения, с другой, между Америкой и человечеством, которое не имеет никакой возможности, да и желания следовать по пути американской модели, то есть по пути деления мира фактически на разные планеты, где миллионы людей (помимо янки) обречены на нищенское, полурабское существование, плетясь в хвосте «цивилизации новых рабовладельцев»; это вопиюще несправедливо и кончится всеобщим возмущением; 8) прогресс США принимал и антигуманное, антиприродное, антибожественное, античеловеческое направление, ведя к воцарению, как сказал бы Е. Трубецкой, «усовершенствованного зверя»; 9) заявления янки в духе «Если ты такой умный и талантливый, то почему ты столь беден!» стало кое-где девизом не труженика, но стаи разбогатевших идиотов и бандитов; 10) американская цивилизация явила миру, видимо, последний из образцов капиталистической модели. Хотя опыт США несет массу полезных открытий и находок, толковых начинаний, важных для любой страны. Джефферсон, Эмерсон и Линкольн надеялись, что США станут некогда притягательными для мира. Поэт А. Маклиш скажет: «Америка была неким обещанием». Но время показало: эта модель не может распространиться на все человечество. Янки должны понять – попытки навязать волю остальному миру закончатся для них полным крахом. Ни романо-германская, ни бесчеловечная англо-американско-иудейская цивилизации с их *povus*

lex, novus rex не могут быть для нас, пока еще скованной мировой плутократией, но уже пробуждающейся России буквальным примером для подражания. Хотя сотрудничество с Америкой небесполезно для России. Америке трудно реализовать мечту Г. Торо. В эссе «О гражданском неповиновении» (1848) тот сожалел, что в стране едва ли найдется человек, которого нельзя ни скрутить, ни подкупить. Американец отличается «развитым органом стадности, недостатком интеллекта и неунывающей самоуверенностью». Г. Торо мечтал о том, что наступит день, когда Америка придумает «какой-нибудь стимул, чтобы в ней рождались Люди».^[414] Охотно присоединимся к этой светлой мечте. Найдут ли США ответ на вызов времени и истории. Пойдут ли путем милитаризма и агрессии или путем роста науки, техники, образования? Путь сей будет трудным и болезненным, несмотря на кажущиеся и очевидные успехи. Но американцы будут надеяться и энергично работать. Как сказал еще в XVII в. англичанин У. Кэмден: «Без надежды может разбиться сердце». Президент Дж. Буш-младший заявил, что между США и Россией отношения будут дружественными, хотя и подчеркнул: «Америке трудно формировать Россию на свой манер». Вот и замечательно. Генерал Пауэлл сказал, что он намерен «надеть мантию Авраама Линкольна», а советник по вопросам безопасности К. Райс резонно заметила, что «России придется полагаться на свои силы». Мы с неким оптимизмом восприняли приход к власти республиканцев. Надеемся и верим в лучшую, благородную, творческую, гуманную АМЕРИКУ! В Америку, посылавшую когда-то в 30-е годы своих инженеров, машины и станки в революционную, коммунистическую Россию. Лучшие ее сыны и дочери поднимали из руин Россию, строили автогиганты, гидростанции, работали на благо. Может, вскоре настанет час нового открытия, освоения пространств Руси дружественной Америкой?

Янки в космосе

Глава 15

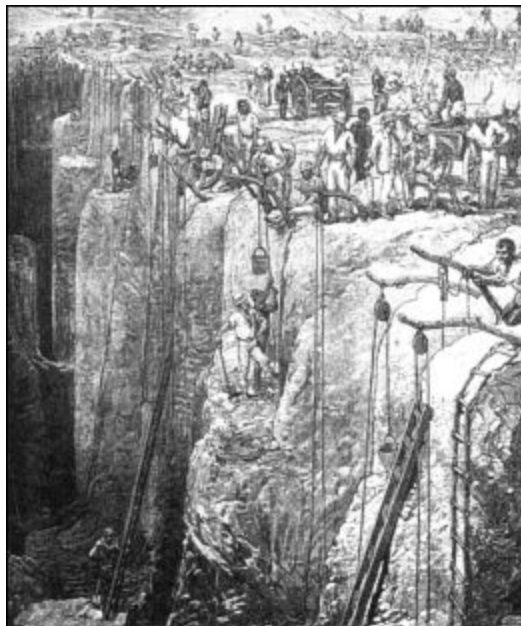
Философия «конца века» и столкновение цивилизаций

Что же за цивилизация утвердилась на просторах Европы, Северной Америки, Азии, Латинской Америки в результате господства и вторжения материальных ценностей Европы? Она являла собой странное образование, словно прожорливый крокодил проглатывая все новые и новые куски территорий. Эра колониализма ломала устоявшиеся границы старых государств и образований. Монополии-пираньи обглаживали нации до хребта. Англия, Франция и США, в основном, и поделили мир. Джон Буль захватил вдесятеро больше территорий, нежели Франция. Англосаксы создали колоссальную империю. Ничего принципиально нового *sub specie aeterni* (с точки зрения вечности) завоеватели не продемонстрировали. К этому же стремились римляне, Чингисхан, Дарий, Филипп, Наполеон, Черчилль, Гитлер. Хищническо-преступный характер британской, французской, американской колониальной политики очевиден. Дж. Голсуорси в романе «Собственник» (1906) описал Форсайтов (дельцов, акционеров, рантье). Они не возят товары, но предпочитают вывозить капитал. Директор ряда компаний Н. Форсайт говорит о плане использования на Цейлоне золотых приисков. Добыча обещает солидную прибыль. А умрет ли труженик «дряхлым стариком у себя на родине или молодым от сырости на дне рудника в чужой стране, это, конечно, не имеет большого значения, принимая во внимание тот факт, что перемена в его образе жизни пойдет на пользу Британской империи». Эти господа с легкостью готовы принести в жертву своей алчности людей «низшей расы». Семья Форсайтов (высшее общество в миниатюре) вызывала ненависть в сердцах угнетенных. Голсуорси признавал: «Мной руководит ненависть к форсайтизму». В предисловии он писал: «Если крупной буржуазии, так же как и другим классам, суждено перейти в небытие, пусть она останется законсервированной на этих страницах, пусть лежит под стеклом, где на нее могут поглазеть люди, забредшие в огромный и неустроенный

музей Литературы. Там она сохраняется в собственном соку, название которому – Чувство Собственности».^[415] Бернард Шоу о деятельности плутократов сказал: «Рокфеллер заслуживает виселицы». Англичане все в большей мере напоминали нацию рантье. Число рантье тут на рубеже XIX и XX веков составило один миллион. Если внутренний доход Англии удвоился с 1865 по 1898 г., то доход от заграницы за это же время возрос в 9 раз! Доход слоя рантье в Англии составлял порядка 100 млн. фунтов стерлингов.

В основе колонизаторских устремлений Великобритании, Голландии, Франции, Испании, США, Германии, Италии, Бельгии, Японии лежали меркантильные и, прежде всего, сырьевые интересы. Англичане вели с кафрами на юге Африки так называемую «войну из-за топора» (1846–1853). В действительности, то была схватка за обладание природными богатствами региона. Все это стало абсолютно ясно и понятно, когда в Африке нашли алмазы. За них шли настоящие сражения. Историк писал о судьбе Базутоленда: «Как буры, так и англичане не придавали этой области никакой цены. Но взгляд их переменялся, когда в стране были открыты алмазные россыпи. Первые алмазы были найдены в 1867 году. Спустя два года какой-то готтентот продал одному искателю знаменитую «Южную звезду», стоимостью в 625.000 франков. Скоро искатели наводнили край; в 1870 году их насчитывалось уже более 10.000; они ютились в шалашах, в палатках, в толевых бараках. В это время был основан Камберлей, столица алмазного района. Кому принадлежал район? Оранжевая республика считала его своей собственностью и назначила туда своих чиновников. Губернатор Капской колонии объявил его принадлежащим племени гриква и убедил их вождя... просить о включении страны в состав английских владений». Так вот завоевывают земли – *Manu forti* (силой принуждения – *лат*). Схема поведения везде и всюду примерно одна и та же во все времена. Где крупные залежи алмазов, нефти, сырья – там сразу же появляются колонизаторы. Это наглядно продемонстрировали британцы, осуществлявшие в Африке политику неприкрытого колониализма. Суть политики мирового господства выразил британский конкистадор С. Родс: «Мы, люди практичные, должны завершить то, что пытались сделать Александр, Камбиз и Наполеон. Иными словами, надо объединить мир под одним господством. Не удалось это македонцам, персам, французам. Сделаем мы –

британцы». Английские деятели искусства выступали с позиций поддержки геополитических и экономических интересов Англии. Дж. Рескин, выступая перед студентами Оксфорда (1870), призвал их способствовать скорейшему приобретению Британией колоний, распространяя могущество Англии на земле и на море.

Алмазные копи Кимберли

Колонизаторы вели себя хуже варваров и на других континентах. Английская Ост-Индская компания ввезла из Индии в Китай в 1837–1838 гг. 80 тысяч ящиков опиума. Ученый Фань Вэнь-Лань (КНР), описывая действия колонизаторов, так говорил об их преступной политике: «Английское же правительство, кичащееся своей цивилизованностью, силой принуждало часть индийского крестьянства сеять мак, а еще большую часть крестьян привлекало к разведению мака путем выдачи кредитов и авансов, причем строго монополизировало в своих руках все производство этой отравы. Государственные чиновники распродавали опиум торговцам, а те воровским образом ввозили его в Китай. Каждый ящик опиума обходился правительству примерно в 250 рупий, а при продаже его в Калькутте он оценивался в 1210–1600 рупий. Продажа опиума китайцам давала английским властям в Индии 1/7 всех их доходов, и англичане, конечно, не останавливались перед применением вооруженных сил с целью пресечь мероприятия, могущие спасти Китай от опиума. Так называемая «цивилизация» и «свобода» класса

капиталистов в действительности заключалась в словах: «Где сила – там и право».^[416]

Не лучше проявили себя в Китае немецкие завоеватели. Вильгельм считал себя врагом азиатов. Он, правда, занял пророссийскую позицию в споре России с Японией, заметив в 1904 г. на полях отчета, который должен быть разослан всем представителям Германии: «Моим дипломатам, для руководства! Это будет решительная борьба между христианством и буддизмом, между западной культурой и восточной полукультурой. Это та борьба, которую я предсказал в моей картине, борьба, в которой вся Европа должна будет объединиться и объединится в Соединенные Штаты Европы под предводительством Германии для защиты наших священнейших достояний... Здесь идет речь о будущем России, а косвенно и Европы!.. Я уверен в том, что рано или поздно нам придется сразиться с Японией не на жизнь, а на смерть, и своевременно принимаю меры! Русские... впоследствии помогут нам отразить японцев, но было бы лучше, если бы они уже сейчас хорошенько намяли бы им бока!». Он послал Николаю II картину, на которой азиаты и Будда были показаны в облике идолов, восседающих на престоле из крови и огня. Вильгельм напутствовал войска перед отправлением в Китай словами (1900): «Пощады не давать! Пленных не брать! Убивайте, сколько сможете! Как тысячу лет назад, когда гунны во главе с королем Атиллой заслужили славу, которая и сейчас в легендах и сказках вызывает ужас, так слово «германец» должно ужасать Китай в следующую тысячу лет. Вы должны действовать так, чтобы китаец уже никогда не посмел косо посмотреть на германца». Подобная «философия каннибала» вполне типична для «цивилизованного» европейского колонialisта.^[417]

Для решения задач используются все средства. В одних случаях это может быть обычная артиллерия (как при подавлении англичанами восстания сипаев в Индии в 1857–1859 гг.), в других на помощь зовут «артиллерию небес», the artillery of Heaven (миссионеров – *англ.*), в третьих – капиталы. Последний способ влияния с годами приобрел наибольшее значение. О «бархатном колониализме» писал Г. Сенкевич, посетивший в 1876–1878 гг. Соединенные Штаты Америки: «Цивилизация должна быть ласковой наставницей и сгибать исподволь, а не ломать сразу... Мне кажется, что научный закон о

необходимой гибели народов, встречающихся с цивилизацией, можно объяснить не абсолютной неспособностью этих народов, а тем, собственно, что они не имеют достаточно времени цивилизоваться так, как цивилизовались европейские народы, т. е. путем прогрессивного и постепенного развития. Живя в первобытном состоянии... дикие племена сталкиваются сразу с высоко развитою и абсолютно для них недоступною цивилизацией; ничего нет удивительного, что вместо того чтобы под ее влиянием развиваться, они только глупеют и в результате разбивают себе головы об эту слишком твердую для них цивилизацию».^[418]

Бельгии потребовалось четверть века, чтобы войти во вкус колониальных амбиций. Хотя страна заявила о вечном нейтралитете, политика ее была активной. Став королем, Леопольд II заявил: «Моя цель – сделать Бельгию более могучей, сильной и процветающей» (1865). Он был «органическим империалистом», понимая то, что не всегда разумели представители «манчестерской школы» экономики. Те считали, что для свободной торговли колонии не нужны. Леопольд так не думал. Он полагал, что прямые и четкие связи между метрополией и колонией могут обеспечить первой гарантированный рынок для ее товаров и капиталов. Кроме того, колонии могли поставлять и дешевое сырье. А так как Бельгия являлась «заводом всего европейского континента», колонии были необходимы. Он разъезжал по миру, словно опытный старьевщик, присматривая, где и что плохо лежит... После посещения им Греции он отправил министру финансов кусочек камня с развалин Парфенона с многозначительной надписью: «Бельгии нужны колонии». А после визита к турецкому султану его посетила гениальная идея, которую он выразил с чисто солдатской прямоотой: «Надо подготовить людей, которые бы могли захватить часть, а то и всю Османскую империю» (1860). Пока же хвастаться было особо нечем. Он утешал себя мыслью, что и Рим не сразу строился. Напрасно кто-то усмехнется, узрев в Леопольде II мечтателя, так сказать романтика колониализма. Нет, он хорошо понял немалую выгоду колониальных владений, когда, посетив Испанию и поработав в ее колониальных архивах (в Валенсии), узрел, что владения на Кубе и Филиппинах приносили испанцам фантастически баснословные доходы.

Став королем Бельгии, Леопольд II обратил взор на Африку. В одном из меморандумов он, отмечая сказочные богатства континента, призвал европейцев покончить с работорговлей и установить тут «мир и цивилизацию». Узнав, что англичанин Г. Стэнли спустился в устье реки Конго и пересек экваториальную Африку, Леопольд тут же пишет послу в Лондоне: «Я хотел бы встретиться с ним, и если он мне понравится, я дам ему денег на исследование всего Конго и его окрестностей, а также на устройство там бельгийских станций, которые можно будет превратить в постоянные поселения». Англичане отнеслись с прохладцей к идее освоения Конго (у них и так хватало земель, денег, владений). Всякая колониальная миссия стоит немалых денег. Это надо учитывать всем. Бельгийскому королю так хотелось стать похожим на своих могучих европейских монархов, что он, как говорится, буквально лез из кожи вон для обретения желанных земель. Он брал деньги везде, где только можно, хотя не жалел и своих капиталов. Ряд финансистов, давших ему в долг крупные суммы, в итоге обанкротились. Но Леопольд упорно продолжал начатое дело, и в 1885 г. ему удалось-таки стать королем бельгийского Конго с населением в 10 млн. человек и территорией в 1 млн. кв. миль. Король тем не менее достиг главных своих целей: 1) он выдвинул страну в число колониальных держав; 2) упрочил оборону и усилил армию; 3) украсил Бельгию так, как не удавалось никому ранее из правителей. В Брюсселе состоялось торжественное открытие Дворца изящных искусств (1887), построенного в духе классицизма по проекту архитектора А. Бала, где до сих пор находятся многие известнейшие произведения мирового искусства. Парадокс истории, но из жизни король уйдет разочарованным и уставшим человеком, не любимым согражданами, отторгнутым границей. [\[419\]](#)

Капитализм явил две тенденции в развитии человечества – позитивную и негативную... С одной стороны, в результате ярких экономических и научно-технических побед, а также роста образования и культуры, налицо прогресс в жизни народов Европы и США. В XV веке кое-где в Европе пели песенку, в которой говорилось: «Наши жены одеты в редкие меха. Они наряжены, как принцессы. Кто же может узнать их общественное положение?» Движение в этом направлении было естественно и неизбежно. Давно минуло время, когда люди ходили еще в шкурах. Индустриализация позволила одеть

значительную часть людей в готовое платье. В США в 1880 г. менее половины мужской одежды шилось на фабрике, а к началу XX в. почти все мужчины были одеты в готовую одежду. В 1890 г. в магазинах продавалось одежд на 1,5 млрд. долл. (шляпы, кепки, рубашки, нижнее белье, обувь). Однако столь серьезный прорыв в бытовой культуре достигнут за счет и с помощью потогонной системы, оформившейся к 1892 году. Тогда же появились и новые храмы торгово-промышленной цивилизации: первые универмаги и универсамы. Эти успехи капиталистической цивилизации несомненны и важны. Вероятно, мы согласимся со словами, сказанными Ф. Рузвельтом при вступлении его на пост губернатора штата Нью-Йорк (1929): «Дело заключается в признании того, что наша цивилизация не сможет уцелеть, если мы, отдельные люди, не поймем нашу личную ответственность перед остальным миром и нашу зависимость от него. Ибо азбучной истиной является то, что самостоятельно живущий человек стал таким же пережитком старины, как человек каменного века. Без помощи тысяч других людей каждый из нас погиб бы без одежды и без пищи. Взгляните на хлеб на нашем столе, на одежду на наших плечах, на предметы роскоши, делающие нашу жизнь приятной. Сколько людей работало на полях под палящим солнцем, в темных шахтах, плавало металл, обливаясь потом, трудилось у станков и машин на бесчисленных заводах, чтобы создать эти вещи и чтобы мы могли пользоваться ими и наслаждаться жизнью!»^[420] К концу XIX в. уже житель иной захолустной деревни в Европе или Америке имел более широкий культурный кругозор и разнообразные интересы, чем сто лет тому назад «первый министр третьестепенного или даже второстепенного государства». В цивилизованном обществе работают теперь «от 5 до 25 раз больше, чем полвека тому назад». Кухарка пишет больше, чем профессор, а мелкий торговец путешествует и видит больше, чем «в прежнее время коронованная особа». Итог парадоксален: у кухарки, правда, появляются профессорские амбиции, у профессора – кухаркина философия.

Ван Дейк, И.Виндерс. *Королевский музей изящных искусств. 1880–1890*

Капитализм вытолкнул миллионы рук и голов в Южную Америку. В 1890–1920 гг. сюда прибыло 18,2 млн. иммигрантов, больше, чем за всю предшествующую историю США. Потoki иммигрантов устремились и в другие страны. Аргентина между 1857 и 1930 гг. приютила порядка 3,5 миллионов новых граждан, что дало ей 60 % прироста населения. Если в США к 1914 г. насчитывалось лишь 13 % жителей иностранного происхождения, то в Аргентине их число составило уже 30 % (основная масса приехала из Италии – 46 %, и из Испании – 32 %). Это же наблюдалось в Бразилии. Мир был охвачен лихорадкой торговли. Товары, продукты, материалы, техника перемещались из конца в конец земного шара. В основе всех этих чудес лежал промышленный и технический подъем. Здесь мы видим, как новые рабочие руки (в более свободных, хотя и нелегких условиях!) совершают буквально чудеса. Судите сами... В промежуток времени между 1870 и 1900 гг., когда около 21 миллиона европейцев переместились в иные страны, на другие континенты, мировое промышленное производство увеличилось в 4 раза, а грузооборот товаров через моря и океаны почти удвоился.

Новые времена. Конвейерное производство

Торгово-промышленный Вавилон не мог бы подняться без прямого и непосредственного участия его Величества Капитала... Все эти проекты (строительство городов, заводов, дорог, портов, кораблей, магазинов, музеев и школ) требуют больших денег. Наблюдалось повсеместное укрепление позиций финансового капитала. Гюго назвал режим – «Миллион». Суть событий выразил французский финансист Лаффит, удовлетворенно заметив: «Отныне наступает царство банкиров». Хотя процесс этот начался давно. Глава немецкого банкирского дома Фуггеров Яков еще в 1523 г. писал королю Карлу V: «Известно всем, что без моей поддержки Ваше Величество никогда не получили бы короны Священной Римской Империи». Властители мира – премьеры, президенты, министры, военные, депутаты, журналисты – все более попадали в зависимость от могущественных магнатов. Их власть становилась все заметнее и значимее; «свободная пресса», «честные политики», министры, даже деятели искусств выстраивались, словно лакеи, у дверей их роскошных особняков и контор. Даже саркастичный Мольер, казалось бы, не щадивший никого на свете, не сделал ни одного выпада против финансистов и банкиров. Ходили даже слухи, что он и его друзья получали прямые указания от самого министра финансов Кольбера. Что уж какие-то журналисты! Президенты, премьеры и короли нередко оказываются пешками в их руках. Рассказанная Шамфором шутка сегодня устарела. Когда арестовали английского банкира, обвинив в заговоре с целью «похищения короля» (Георга III), банкир, удивившись, заявил суду: «Я отлично знаю, зачем королю нужен банкир, но не понимаю, зачем банкиру может понадобиться король». Деньги желали иметь на престоле, у руля страны, послушную и зависимую марионетку. «Крупные банкиры, – писал Берто, – пожелали иметь королем человека, всецело им обязанного, который, образно говоря, принял бы корону из их рук». Сегодня банкиры прекрасно знают, «зачем» им нужны не короли (что с них взять!), сколь продажные президенты, губернаторы, министры, депутаты! Сами по себе банкирские компании не являются неким «мировым злом». Мир не изобрел иного способа управления денежными потоками и капиталами. Банковские кампании в Италии обладали в XIV–XV вв. колоссальными капиталами и пускали их в оборот. А банкирский дом Медичи установил тираническую власть во Флоренции. Однако он вошел в историю

цивилизации как меценат, покровитель поэзии и искусства. Есть жизненная правда и в строках стиха Верхарна («Банкир»):

...Пред ним те станции, что строил он в пустынях.
Те иглы рельс стальных, что он в песках провел,
По странам золота и драгоценных смол,
Где солнце властвует в просторах слишком синих;
Пред ним покорный круг фонтанов нефтяных,
И шахты темные его богатых копей,
И звон его контор, знакомых всей Европе,
Звон, что пьянит, зовет, живет в умах людских;
Пред ним властители народов, побежденных
Его влиянием; он может их рубеж
Расширить, иль стеснить, иль бросить их в мятеж
По прихоти своих расчетов потаенных;
Пред ним и та война, что в городах земных
Он, как король ведет, без выстрелов и дыма,
Зубами мертвых цифр грызя неутомимо
Кровавые узлы загадок роковых...

«Кровавые узлы» – это о них. О еврейском капитале А. Костон писал: «Банк Ротшильдов процветал, могущество барона росло день ото дня, мелкие и крупные государства занимали очередь за кредитами, даже римский папа не постеснялся занять денег у всесильного финансиста...» «Соломон Ротшильд между тем решил поселиться в Вене, где вскоре подружился с небезызвестным Меттернихом (государственный канцлер Австрийской империи в 1821–1848 гг.). Эта интимная дружба отнюдь не помешала Соломону заниматься самым настоящим шпионажем: правая рука канцлера – фон Гентц – получал от финансиста 10 000 флоринов в год!» Спекуляции и махинации соседствовали со шпионской деятельностью.^[421] Деятельность банкиров-евреев из семейства Ротшильдов вела к подчинению национальных экономик Европы их воле. Они создали целую финансовую сеть. Вскоре в их руках оказались важные политические нити, ибо они ссужали деньгами видных политиков, выплачивали доходы с процентных бумаг деятелям режимов.

Коррупция расцвела благодаря еврейскому спекулятивному капиталу. Популярным лозунгом «семьи» стала фраза: «Покупка политика во стократ прибыльнее приобретения золотых рудников».

«Презренный жид, добрейший Соломон», Натан Ротшильд (1840–1915) был смелым игроком. Среди биржевых спекуляций он чувствовал себя, как щука в воде. Его полем битвы была биржа, его Аустерлиц и его Иена. На лондонской бирже он за пять лет умножил капитал в 2500 раз. Он перегонял золотые потоки из страны в страну, как цыган перегоняет под покровом ночи украденный табун лошадей. Вскоре он стал первым богачом Франции. Карлейль писал: «Перед этим капищем всемогущего золота современный культурный европеец не может не почувствовать своеобразного трепета. Здесь все то, что на жаргоне нашей лживой цивилизации зовется своим счастьем, могуществом и даже кумиром, находится в неизмеримом количестве в виде груд блестящего золота и пачек банковых билетов, чистых и свежих, точно только что обмундированные солдаты, готовые ринуться в «битву мира», разнося всюду зависть, вражду, соревнование и минуты призрачных, но жгучих наслаждений... Ротшильд – полководец, более могущественный, чем Цезарь и Александр; золотые монеты и груды банковых билетов – его армия, победоносно обходящая весь мир, все подчиняющая своей власти, всюду ненавидимая и всюду устрашающая». Признавая, что «деньги есть нечто чудодейственное», он пишет, что их обладатели внесли в представления невообразимую «путаницу и темноту», вплоть до «полного исчезновения нравственных чувств у больших масс людей».

[422] «Когда ты ненавидишь человека, – учит один раввин, – давай ему деньги в долг: когда ты желаешь ему отомстить – предъяви ко взысканию свой вексель». Ни один строй не подчинен так банкирам как демократия. И бедному люду там места нет... Во время схватки премьера Тьера с бароном Ротшильдом в 1840 г. по поводу возможной войны с Германией из-за берега Рейна, банкиры-евреи встали на сторону Германии. Ротшильд заявил, что в случае войны он будет на стороне Германии. И что же? Франция перенесла оскорбление, а Тьер подал в отставку. Это равносильно тому, как если бы известный банкир заявил, что если мы не прекратим борьбу против бандитов в Чечне, он выступит на стороне бандитов. При этом президент России должен уйти в отставку под напором еврейских банкиров. У банкиров

нет ни общественной нравственности, ни симпатии к народу, ни элементарной совести. Сердца их сухи и черствы. [\[423\]](#)

Одна из легенд гласит: когда курьеры принесли Натану Ротшильду весть о победе союзных армий над Наполеоном в битве при Ватерлоо в 1815 г., тот, находясь в Лондоне, очень быстро отреагировал. Важные известия дошли до его ушей на сутки раньше, чем об этом узнал глава британского кабинета. Он воспользовался козырем. Реальная стоимость ценных бумаг, выпущенных правительством Англии, резко взлетела на бирже после обнародования новостей. Цены поднялись – и семейка стала богаче. Вот тебе, бабушка, и весь дефолт! Отчуждая капитал, монетаристы не столько управляют, сколь манипулируют им. По сути дела, это жестокое племя кровопийцев-финансистов слишком *terre-a-terre* (прозаично и низменно). Подлость и обман – их стихия. Маркс был прав, говоря, что они носят в их душе «вампира»: за 300 процентов прибыли (не говоря уже о тысячах процентов) готовы с легкостью пойти на любые преступления. Поэт А.Шамиссо с издевкой писал:

«Одно словечко: открой секрет,
Акции Ротшильда брать или нет?..»
Но рыцарь пружину нажал до конца —
И мигом исчез из глаз кузнеца... [\[424\]](#)

Власть финансово-промышленной буржуазии на Западе имела и позитивную сторону. Так, префект одного из департаментов Франции с гордостью утверждал: «Цивилизация, как никогда раньше, проникла в самые отсталые районы»... Действительно, за первое десятилетие правления Луи-Филиппа количество паровых машин увеличилось в 8 раз, добыча каменного угля – в 3 раза, потребление хлопка – в 2 раза. Франция стала покрываться заводами, каналами, сетью железных дорог, протяженность которых была весьма значительной, хотя и вдвое уступала германской. С 1850 по 1870 гг. количество рабочих на заводах страны удвоилось. Развитие французской экономики в эпоху так называемой Второй империи (1852–1870) привело к увеличению импорта и экспорта в 400 раз. Вряд ли согласимся с фразой Маркса («Капитал»): «Après moi le deluge! («После нас хоть потоп») – вот

лозунг всякого капиталиста и всякой капиталистической нации». С годами и капитал умнеет. Бродский называл оный, наряду с водой, огнем, небом, землей, – «пятой стихией». Как и всякая стихия, он может приносить людям добро и зло. Даже Ленин вынужден признать: «Этот закон возвышения потребностей с полной силой сказался в истории Европы – сравнить, например, французского пролетария конца XVIII и конца XIX в. или английского рабочего 1840-х годов и современного».^[425] Нужны трезвые оценки роли предпринимателей и банкиров. Успехи промышленных революций стали возможны, во-первых, благодаря сверхэксплуатации низов и, во-вторых, были ограничены Европой и Америкой. В Англии промышленники-филантропы строят «образцовые города» для рабочих, описанные Б. Шоу в пьесе «Дома вдовца». В Лондоне для еврейских эмигрантов воздвигли «дома Ротшильда». В квартиры городов поступил газ, обеспечивающий жителей теплом и светом (1879). В ряде стран типичными стали дома для одной семьи. Позитивные перемены затронули меньшую часть общества, и все же признаем: если бы промышленная революция не дала плодов, ход истории пошел бы в трагическом направлении. Революция спроса, культурных преобразований в результате индустриально-рыночных сдвигов сыграла роль. Наметился прогресс в жизнеобеспечении трудящихся в XIX в.: «Большинство фабричных рабочих (тут имеются в виду рабочие-надомники), – пишет Майнерс, – не довольствуются питательными и легко усваиваемыми, но дешевыми и простыми блюдами; их тянет к городским лакомствам, о которых они имели возможность узнать. Кофе с жирнейшими сливками – таков ежедневный напиток всех фабричных рабочих, мясо – ежедневное блюдо, как и очень часто самое изысканное и дорогое, что только можно купить».^[426]

Задача мудрой власти не в том, чтобы экспроприировать капитал. Надо, образумив гобсеков, направить деяния их капитала в полезное и конструктивное для большинства людей русло. К капиталу надо относиться уважительно и бережно, но только в случаях, когда он проявляет уважение к стране и народу, честно и толково выполняя долг! Капитал составляет важную часть государственного тела (если угодно, даже служит украшением). Сильный, деятельный национальный капитал – благо. Он обеспечивает надлежащее и

здоровое потомство нации и вправе рассчитывать на ее расположение. Но гипертрофированный рост органа нежелателен и вреден. Плутократический «орган» вырастает до гротеска и карикатуры, становясь вещью в себе и для себя. С таким капиталом жить нельзя. Он поглощает и высасывает животворные соки из государственного тела. Тело народа в сравнении с ним хиреет, слабеет, болеет и умирает. Такой орган превращается в извращенца, убийцу, насильника. От него бежит все живое (даже женщины). Народ должен в целях собственного спасения и выживания прибегать к решительным мерам (вплоть до кастрации органа). Теоретик анархизма Кропоткин в труде «Хлеб и воля» писал: «Точно так же мы вовсе не хотим и делить деньги Ротшильда. Мы хотим устроить так, чтобы каждому родящемуся на свет человеческому существу было обеспечено, во-первых, то, что оно выучится какому-нибудь производительному труду и приобретет в нем навык, а во-вторых, то, что оно сможет заниматься этим трудом, не спрашивая на то разрешения у какого-нибудь собственника или хозяина и не отдавая львиной доли всего своего труда людям, захватившим землю и машины. Что же касается до различных богатств, находящихся во владении Ротшильдов и Вандербильтов, то они только помогут нам лучше организовать наше производство сообща».^[427]

У кого были деньги? Разумеется, все у тех же Великобритании, США, Европы. Банкиры Сити веками копили капитал в подвалах банков и контор, пуская их в оборот умно, трезво, осторожно, приумножая, лелея, словно драгоценную возлюбленную. В течение веков из подвалов еврейских банкиров, с берегов Альбиона вливались в жилы мира кроваво-грязно-золотые потоки, кровь тружеников и страдальцев, кровь убиенных и ограбленных, кровь униженных и растоптанных. В период с 1870 по 1913 гг. инвестиции английского капитала в Латинскую Америку поднялись с 85 миллионов до 757 миллионов фунтов стерлингов. Это составило около двух третей всех иностранных инвестиций на континент. Британские компании контролировали и свыше половины оборота всех портов в Аргентине и Бразилии. В их собственности находилась фактически вся железнодорожная сеть этих стран. Кстати говоря, английский капитал усиленно внедрялся и в железнодорожную сеть США (в 1900 г. туда было вложено 400 млн. ф. ст.). Ф. Фернандес-Арместо в книге

«Миллениум» («Тысячелетие») приводит примеры деятельности делового империализма. Немалая часть капиталов шла из Германии и Франции. Ни о каком альтруизме не было речи. Капитал шел для того, чтобы затем вернуться владельцу в стократных размерах!.^[428]

Экспансия облегчалась тем, что если взять Латинскую Америку, тут продолжали господствовать старые порядки. Латифундисты предпочитали действовать в экономике по старинке. В Чили, да и в других странах региона, местные олигархии привыкли «не тратить на обработку своих владений и содержание работников даже один реал» (К. Гаи). Правящая олигархия превратилась «в бич и проклятье». Для крестьян и бедняков не существовало справедливости. Их могли в любое время года выбросить на улицу. Латифундисты, платя за тяжелейший труд гроши, подвергали крестьян телесным наказаниям. Производительность труда в сельском хозяйстве Чили, к примеру, была в 4 раза ниже, чем во Франции, но гектар земли приносил владельцу в Чили в два раза больший доход, чем во Франции. Секрет процветания асьенд и латифундистов был прост. Владельцы земель изымали у крестьян не только прибавочный продукт, но и большую часть необходимого. Поистине в XIX в. помещики и крестьяне представляли собой «две различные и враждующие расы, между которыми лежит пропасть».^[429]

В жестокую эпоху колонизаторства и империализма тем не менее встречались великие, благородные сердца (в Англии, Германии, Франции, России). К их числу отнесем ученых-миссионеров Д. Ливингстона, А. Швейцера, А. Гумбольдта, Г. Стэнли, Н. Миклухо-Маклая и др. Д. Ливингстон (1813–1873) родом был из бедной шотландской семьи. Образование получил в деревенской школе. С 10 лет работал ткачом, зная, «почем фунт лиха». К 16 годам он знал Вергилия и Горация, отдавая чтению каждую свободную минуту и предпочитая умные книги. Терпеть не мог «пошлых романов». К 20 годам у юноши возникло желание послужить богу (людям). Это стремление исполнить завет Христа («положить душу свою за людей») он сравнил с обращениями Св. Павла и Августина. Его влекут дальние страны. Желая принести пользу туземцам, он прошел курс наук в университете Глазго (лекции греческого языка, богословие, медицинские науки). Нужно было не только сделать христианство «доступнее сердцу и совести просвещаемых», но внести в их среду

семена «искусства и науки цивилизации». Это направление деятельности впоследствии у социологов будет обозначено как «культурная колонизация» (или же «модернизация»). Встреча с известным миссионером Моффатом, работавшим в Африке, и определила его судьбу... Получив в Глазго диплом доктора медицины (1840), Ливингстон отплыл в Капскую провинцию. Он изучал язык и нравы туземцев, вел научные изыскания и сумел покорить сердца аборигенов, был прост в обращении, неплохо лечил и обучал местных жителей. Правда, христианские проповеди и уроки не пользовались у них большим успехом. Кафры не были готовы следовать правилам непонятной им религии и крайне неохотно посещали школу. Резиденцией стала миссия у Колобенга. Заслуги Ливингстона как картографа и путешественника несомненны. Он прошел 16 тысяч верст, нанес на карту многие горы, реки, озера и поселения. Любой путешественник такого ранга выполняет задачи первопроходца, пионера, разведчика. В вопросах идеологии он занял по отношению к местным жителям уважительную позицию. По возвращении в Англию, ученый привлек внимание общественности к делу просвещения Африки (своими книгами, речами, лекциями). В личном плане он был бескорыстен. Говорят, за 11 лет переездов и путешествий ему так и не удалось сшить себе нового костюма. Легенда, но в ней есть глубокий смысл. Тем и славно племя пионеров науки и прогресса, что ими движут не деньги или вещи, а сердце и идеи.^[430]

Слепая, безоглядная поддержка всех империй не наш идеал. Англия не раз демонстрировала крайнее пренебрежение и величайшую жестокость к народам Индии, Африки. В примечании к книге Д. Рида «Спор о Сионе» сказано: «Англо-бурская война известна и своими темными пятнами, на английской стороне. Чтобы взять врага измором, англичане выжигали поля и массами убивали скот в бурских селениях, а чтобы принудить буров к сдаче, сажали их жен и детей в лагеря, где они умирали с голоду. Таким образом, концлагеря для заключения людей, за которыми не было никакой вины, – изобретение не только не немецкое, но даже и не советское, а английское. Английские солдаты и, в особенности, их офицеры вероятно вели себя в соответствии со спортивным духом, присущим английской нации, но приказы сажать женщин и детей в концлагеря приходили из Лондона, а об их источнике наверное и у Дугласа Рида было бы свое мнение».^[431] Увы,

не всегда земли туземцев посещали светлые, мудрые Ливингстоны и Швейцеры. Чаще было иначе. Вспомним рассказ Дж. Конрада «Аванпост прогресса». Там описывается пребывание двух белых служащих на торговой станции, в некой затерянной в джунглях «дикой стране». Как все это в действительности далеко от того, о чем пишут газеты метрополии в тематике «Наша колониальная экспансия» (пышные и громкие фразы «о святости просветительной работы», о заслугах тех, кто «несет свет, веру и коммерцию в темные уголки земли»). Но пароход в эти места приходил раз в шесть месяцев. И вот мы видим, как эти вполне приличные и цивилизованные люди («два славных парня» уже не первой молодости) не сумели вынести «бремени белых». Однажды между ними возникла пустяковая ссора. Один убивает другого, а затем сам кончает жизнь самоубийством.^[432] Да, это имело место. Но не только Запад влиял на Восток, а и Восток оказывал воздействие на западную культуру. Стоит вспомнить хотя бы повальное увлечение европейцев китайским, индийским и японским стилями в XIX веке. Или как не сказать о Киплинге, чьи лучшие произведения – «Книга джунглей» и роман «Ким» – принадлежат к индо-английскому культурному наследию. «Ким» появился на свет в 1900 году. Индийский критик Нирад Чаудхири справедливо называл эту книгу «лучшим рассказом об Индии – по-английски». Писатель постиг в ней истинный дух страны, проникая в ее тайны с восхищением и любовью. Иные называют его роман «Ким» (рассказ о судьбе индийского мальчика) самым колдовским творением Киплинга, а юного героя – «Ариелем Киплингского индийского волшебного царства». В романе Киплинг предстал неоромантиком. Бремя белого человека превращается у него в воздушное покрывало грез. Так он воплощал мечту о создании колониальной «Человеческой комедии». Но реальные деяния и преступления колониалистов Европы и США могут дать более достоверный и актуальный материал для страниц «Человеческой трагедии».^[433]

И все-таки нельзя не воздать должное воле, упорству и талантам, с которыми Британия осуществляла мировую экспансию и колонизацию! Примером такой колонизации стала Австралия... В Юго-Восточной Азии, словно золотое руно в водах голубого океана, лежит Австралия – «Южный материк». Его открыли голландцы, стремясь обрести новые районы скупки пряностей, жемчужных

ловлей, найти месторождения золота или алмазов. В ноябре 1605 г. из Бантама (западная Ява) на компанейском корабле «Дейфкен» («Голубок») к Южному материку был послан Виллем Янезон (Янц). Этот голландский Ясон и положил начало более тщательному его исследованию. Голландские капитаны (а также испанец Торрес) станут открывать один за другим большие участки северного, западного и южного побережий Австралии, которая получит в XVIII веке название «Новой Голландии», нанеся на карту 3,5 тысяч километров береговой линии Австралии. Исследование продолжают англичане (Д. Кук), которые и колонизируют южный материк. [\[434\]](#)

Глашатаем правления «высших рас» стал французский социолог Г. Лебон (1841–1931). В «Психологии народов и масс» (1894) он развенчал ум, отдав пальму первенства характеру, воле, силе и прочим качествам. Сравнивая римлян времен упадка, имевших довольно утонченный ум, он объяснил их крах потерей прежних качеств характера (энергии, упорства, жертвенности, уважения к законам, мужества). Благодаря характеру англичане держат во власти 250 миллионов индусов, из которых многие по крайней мере «равны им по уму, а некоторые неизмеримо превосходят их эстетическим вкусом и глубиной философских воззрений». Лебон высмеял и надежды прогрессистов путем просвещения исправить законы природы и приравнять «мозги негров из Мартиники, Гваделупы и Сенегала, мозги арабов из Алжира и, наконец, мозги азиатов» к европейским. Подобные усилия он считал химерой. Задолго до него французский философ А. де Гобино в труде «Опыт о неравенстве человеческих рас» (1853, 1855) поставил вопросы упадка и гибели цивилизации в прямую зависимость от расового фактора. Он видел в смешении рас одну из причин неизбежной гибели в будущем всей цивилизации. Хотя в начале эволюционного витка такое смешение казалось благотворным. Историю восхождения народов он представлял в виде иерархической лестницы, в которой на самых верхних ступенях расположена «белая», затем – «желтая», а еще ниже – «черная» расы.

Расстрел сипаев

Проблема рас, их место в шеренге цивилизации волновали многих ученых. Л. И. Мечников признавал наличие известных расовых различий между племенами: «Почему в различные исторические периоды наблюдается перемещение ролей между народами? В самом деле, в ту эпоху, когда, например, кушиты зажгли в нижней Халдее и в северной Индии тот великий культурный светильник, который в течение тысячелетий, переходя из рук в руки, и доныне освещает путь человечеству, современные им социологи и этнографы имели полное право удивляться неспособности тогдашних белых людей к развитию и прогрессу и с полным правом могли зачислить белую расу в число «отверженных»... Нет никакой причины предполагать, что может или должно служить причиной резкого разделения между различными группами человечества или создать между этими группами непреходимые границы. Напротив, расовые отличия, отнюдь не составляя неизменных и основных условий развития, должны рассматриваться только как результат приспособления человека к среде, т. е. к разнообразным географическим и социальным условиям».

[\[435\]](#) Но за антропологическими оценками, как правило, следовала идеология той или иной расы. Превознося расу, превозносят нацию или страну, обосновывая право на их господство над другими племенами.

По обе стороны Ла-Манша бушует вакханалия расового превосходства. В Британии ветвь раздора и расовой ненависти подхватил один из идеологов фашизма Х. Чемберлен (1855–1927), зять Вагнера и заядлый германофил. В главном произведении – «Основах девятнадцатого столетия» (1899) он воспевал «тевтонскую расу» как наследницу «арийской». В Европе вызвало ажиотаж «дело Дрейфуса» (1889). Антисемитизм стал популярен. Причина понятна. Сочетание

капитала, науки и демократии стало важным средством господства иудейской элиты. Р. Вагнер с тревогой наблюдал за усилением финансового и интеллектуального расизма в среде тех же евреев. Он писал о плутократах сионизма: «Само собой разумеется, что синтез всех знаний, философия, может привести лишь к отрицанию, тогда как всякое иное умозрение, подчиненное воле, стремится во всем не отрицать, а утверждать. Это проведенное во что бы то ни стало через все ценности мира утвердительное ДА ничто иное, как иудаизм, опять могущественно овладевший миром, тот иудаизм, в котором сказалось самое узкое, самое мелкое понимание жизни, когда-либо выступавшее в процессах истории».^[436] Звезда Давида отсвечивала зловещим светом. С усилением еврейского капитала, однако, росло и сопротивление ему. Не нравилась гегемония евреев и Веберу. Он отказал иудеям в праве называться «буржуазным хозяйственным этносом». Вебер видел в них угрозу трудовому пуританизму. Идеалы пуританизма вытеснялись духом лавочников и спекулянтов. Пуританизм отступал, менялся под их натиском. Если былой пуританин, говоря словами Вебера, стал евреем, не означало ли это, что и буржуазия Запада генетически из Евы превращалась в Далилу? Не преподнесет ли она в этом случае, зададимся вопросом, земную цивилизацию «филистимлянам» (иудеям) на блюде, как ветхозаветная сестра голову Самсона?!

^[437] Подтверждений умственного, культурного декаданса класса буржуазии становилось больше. В конце века русский ученый А. Введенский посетил страны Западной Европы. Признаки интеллектуального вырождения налицо. В 1891/92 году из числа 5371 берлинских студентов только 801 изучали гуманитарные науки, а собственно философию – всего 236, да и то из них 143 иностранца. На долю немцев остается 93 человека (из 5371). Красноречиво? Из числа 259 докторских диссертаций 1889–1890 годов только одна – философского содержания. Некогда знаменитые на весь мир философские фрейлы и семинары исчезли. «Дух философской производительности отлетает, – пишет Л. Тихомиров (цитируя Введенского), – а с ним отлетает и общая развитость». Узкий материализм овладевает умами и сверху, и снизу. Оставив спорный вопрос о «разложении», заметим, что западный человек стал мельчать в культурном и нравственном отношении.^[438] Буржуа мог бы сказать

честнее и откровеннее. В глубине души он был смертельно напуган просвещением масс. Он взирал на процесс их приобщения к знаниям так: «Зачем учить толпу на свою же голову?!» Ничего на свете глупец так не боится, как просветления умов! *Noli me tangere!* («Не тронь меня!»). Отсюда «Не тронь Разума, ибо тогда сразу же поймешь происхождение капиталов!» Знаменателен конец романа Франса «Восстание ангелов». Сатана видит вещий сон: он провозгласил себя Богом, справедливость объявлена несправедливостью, истина — ложью. Страшный финал.

Апокалипсические настроения царили среди поэтов. Уайльд характеризует культуру рубежа веков: наука — летопись умерших религий, промышленность — корень уродства, образование — глупость, искусство — безнравственно. Что толку в учебе, если «на экзаменах глупцы предлагают вопросы, на которые мудрецы не могут дать ответ». «Потерянное поколение» на улицах, в армиях, школах и университетах. Его удел — трудиться и умирать на полях сражений без веры и надежды. Вера стала плавиться под лучами энциклопедистов науки. Ницше скажет: «Бог умер, это мы его умертвили». Бог трансформировался «в единого космополитического бога» (П. Лафарг). Всюду он звался по-разному и приносил доход. Ф. Ницше, будучи смертельно больным человеком, назвал разум «больным пауком». Болен был, скорее всего, мозг общества. Нигилизм, утилитаризм, атеизм, капитализм захватили бразды правления. Следы упадка к концу XIX–XX вв. заметнее и в России. Достоевский писал о наличии болезненного явления «нашего интеллигентного, исторически оторванного от почвы общества, возвысившегося над народом». В «закате истины сущего» видел суть вырождения народов философ М. Хайдеггер. Трагизм эпохи остро ощущал и яркий итальянский мыслитель Дж. Джентиле (1875–1944). Он писал о взаимоотношениях масс народа и героев: «Герои, в свою очередь, являются таковыми потому, что они стоят над толпой и отрываются от нее. Сыновья самих себя, они не извлекают из масс (и в силу этого — из традиции) идеи, которые являются их силой. Массы вокруг них и позади них — простая безразличная материя, с которой герои все же должны сводить счеты; и массы их будут ограничивать, и обуславливать их деятельность: она подчинится также их неуничтожимому и непреодолимому закону. Чтобы быть слишком людьми, не являются людьми даже они». ^[439]

Буржуазная цивилизация казалась чудовищным уродцем, с безмерно развитой мускулатурой и убогим умишком, которому доступно лишь бульварное чтиво и ненасытное потребление. Торговля – ее бог, деньги – истинное назначение, порно – ее стиль. Глядя на улицы мировых столиц, на конторы банков, на помпезные офисы учреждений и компаний, соседствующих с жалкими лачугами бедняков, поэт Шарль Леконт де Лиль (1818–1894), глава парнасской школы, автор «Варварских стихотворений» и «Трагических стихотворений», писал о мрачных предчувствиях, охвативших мыслящую интеллигенцию:

В цепях молчания, в заброшенной могиле
Мне легче будет стать забвенной горстью пыли,
Чем вдохновением и мукой торговать.
Мне даже дальний гул восторгов ваших жуток, —
Ужель заставите меня вы танцевать
Средь размалеванных шутов и проституток?

Заметной фигурой в обществе становится преступник. Ч. Ломброзо в «Преступном человеке» (1876) убеждал, что преступник – атавистическое явление. Но почему же их тогда становится все больше и больше? Автор книги «Век криминалистики» Ю. Торвальд, говоря об усилиях ученых и полицейских (Э. Видока, А. Бертильона) в деле поимки преступников, вынужден признать: «Во всяком случае, стало очевидным, что с ростом населения и дальнейшим развитием промышленного производства постоянно росло и количество преступников. Феноменальная память Видока на лица преступников была единственной в своем роде, но теперь не хватило бы даже сотни видоков, чтобы запомнить лица бесчисленного количества преступников всевозможных категорий, всплывших на поверхность огромной трясины больших и малых преступлений в 80-х годах XIX столетия».

[\[440\]](#) То были скромные «цветочки цивилизации».

«Капиталистический тип» соединил в себе черты разбойника, ганзейского купца и еврейского менялы. В работе «Буржуа» (этюды из истории духовного развития современного экономического человека) В. Зомбарт писал: «Без сомнения, все формы проявления капиталистического духа, как и все состояния души и психические

процессы вообще, коренятся в определенных «предрасположениях», т. е. в первоначальных унаследованных свойствах организма... они в этот исторический момент были у него в «крови», т. е. сделались наследственными». Что же представляет собой это наследство? Историк и философ Б. Кроче (1866–1952) не без горечи заметил по поводу идеи эволюции народов: «Душа жаждет увидеть в истории картину благородных войн, а в ответ получает животное-механическую фантасмагорию о происхождении человечества, с огорчением, разочарованием и даже стыдом мы убеждаемся в своем неистребимом варварстве». Писатель Доде хотел создать книгу о «новой породе мелких хищников, которые воспользовались законом Дарвина... для оправдания всевозможных низостей...» Он писал: «Я работал над этим уже несколько месяцев, но тут во Франции вышел перевод замечательного романа Достоевского «Преступление и наказание», и оказалось, что это именно та книга, которую я собирался написать, да еще принадлежащая перу гения...».^[441]

Простой народ для подобных господ ничего не значит. Он для них – «моральный нуль». Ход мировой истории – с выбиванием, вырезанием, вымиранием миллионов – убеждает нас в этом! Пастер был абсолютно прав, сказав: «В мире борются два противоположных закона: один – закон крови и смерти, который каждый день придумывает все новые способы войны... и второй закон – закон мира, труда и благоденствия, который ставит себе целью избавить человечество от преследующих его несчастий». Австрийский зоолог К. Лоренц, основатель этнологии и Нобелевский лауреат, придавал исключительное значение контролю за агрессией и конкурентным поведением.

Преступница Г. Бомпар, совершившая вместе с любовником убийство

Он подчеркивал, что самым важным в понимании законов жизни, да и будущего всего человечества стала парадигма сотрудничества, дружелюбности и кооперации. Без этого ни одно общество, ни один индивид не смогли бы просуществовать и дня, не говоря уже о тысячелетиях. На схожих позициях стояли известные русские ученые: Данилевский, Тимирязев, Кропоткин, Новиков. Тимирязев полагал, что на смену зоологической борьбе людей с таким трагическим исходом как взаимное истребление сторон должно прийти мирное решение всех споров. Выступая сторонником формулы Дж. Милля – «наибольшее благо для большего числа людей», он ратует за то, чтобы народы решили споры голосованием, а не пулеметами. Его не очень-то пугает глас «непросвещенного большинства», ибо во стократ хуже и страшнее «господство непросвещенного меньшинства». Их голос вряд ли когда-либо «станет голосом разума». Может ли осуществиться движение «от зверя к человеку» демократией, голосованием? Увы, это лишь благое пожелание, мечта, являющиеся фикцией. Тимирязев признает: все это имело бы смысл лишь при готовности правящего класса поделиться плодами прогресса и культуры с народом. Отрезая ему путь к свету и заслуженному благу, власть толкает массы к насилию. А «пулемета словом не перешибешь».^[442]

Поэтому можно понять Герцена, охарактеризовавшего буржуазную цивилизацию, как цивилизацию людоедов, питающихся человеческим мясом и кровью. Это подтверждали и бесчисленные войны... В. И. Ленин, подразделявший войны на национальные, революционные, империалистические и гражданские, сделал вывод: «При капитализме, и особенно в его империалистической стадии, войны неизбежны». В его реферате от 1 октября 1914 г. (опубликован в Швейцарии, когда Первая мировая война бушевала) находим такие строки: «Для торжества современной цивилизации, для полного расцвета капитализма, для вовлечения всего народа, всех наций в капитализм – вот для чего послужили национальные войны, войны начала капитализма». Здесь же отмечено, что «из всех воюющих стран одни сербы борются еще за национальное существование».^[443]

Империализм с колониализмом будут запускать механизмы различных войн (во имя «торжества цивилизации»), втягивая в мясорубки сотни тысяч, десятки миллионов невинных людей, лишая их жизни, а их семьи кормильца. Жертвами военных действий станут и гражданские люди. Отчего возникали войны? К началу XX в. в капиталистическом мире были созданы невиданные по своим размахам и мощи военные производства. Из чудовищной пасти заводов рождались все новые горы оружия. Это требовало новых природных ресурсов и людских усилий. В число новых империалистических хищников вошли США, Германия, Япония, Италия. За столом мировых яств им становилось тесно, а самые прожорливые страны не желали делиться ни с кем. Война не является слепым актом страсти, но «в ней господствует политическая цель», включающая в себя подчинение стран и народов, против которых ведутся войны, воле победителя. Для запуска механизма войны всегда найдутся предлоги и веские основания. Война является хамелеоном, в каждом конкретном случае меняющим обличье. Клаузевиц пишет: «Итак, мы видим, что ни при каких условиях мы не должны мыслить войну как нечто самостоятельное, (но) как орудие политики; только при этом представлении возможно избежать противоречия со всей военной историей. Только при этом представлении эта великая книга становится доступной разумному пониманию».^[444]

Капиталистическая экспансия раздвинула поле битвы, вовлекла все страны в схватку. О начале войн объявляют политики... Но не

только и не столько они являются главными их виновниками и зачинщиками. Ф. Меринг писал: «Чтобы получить правильное понятие о мировой войне восемнадцатого столетия, надо с корнем вырвать представление, что прусский король Фридрих был ее героем». По аналогии с вышесказанным можно сказать: для того чтобы получить верное представление о Первой мировой войне должно с корнем вырвать представление о ней как о некой случайности или роковом *quid pro quo* (лат. – недоразумении). Эта война была столкновением разных культур, рас и капиталов.^[445] Все демагогические речи демократов, пацифистов, либералов не меняли сути взаимоотношений могущественных финансовых, промышленных, деловых и политических кланов. Гильфердинг заметил (1909): «Старые фритредеры верили, что свободная торговля не только наиболее правильная система экономической политики, но и начало эпохи мира. Финансовый капитал давным-давно утратил эту веру. Для него нет гармонии капиталистических интересов, напротив, он знает, что конкурентная борьба все более превращается в борьбу политических сил».^[446]

Первая мировая война и стала последним доводом новых королей (финансистов, дельцов, промышленников). С беспрецедентной наглостью они бросили его в лицо человечеству. Им «ненавистен мир и слово мир» (Шекспир). Это признавали фактически все видные участники всемирной трагедии (прямо или косвенно). Руководитель отдела иностранной печати Германии полковник Герварт назвал Первую мировую войну «первой экономической войной в мировой истории». В масштабной и кровавой войне были заинтересованы все правящие круги.^[447]

Некоторые пытались описать характер будущей войны. В конце XIX в. появился труд русско-польского промышленника И. С. Блоха «Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношениях» (1898). Автор был известен как видный организатор консорциума железных дорог, звезда первой величины среди королей железных дорог. Им, кстати, создан пятитомный труд о влиянии железных дорог на уровень экономического развития России. Блох писал о том, что наблюдающийся повсюду в мире бурный рост вооружений неминуемо вызовет войну, гибельную и для победителей, и для побежденных. Эта война непременно вспыхнет в Европе и

народы придут в «страшное замешательство». Правители и сильные мира сего не могут жить без войн. Из примерно 3,4 тысяч лет истории на мирное состояние народов приходилось всего 227 лет (1 год мира на 13 лет войны). Война является, таким образом, обычным состоянием народов. Даже знаменитая энциклопедия «Источник всех знаний» гласит, что войны на Земле будут всегда, ибо в противном случае это была бы не Земля, а Рай. Страны истощают силы, изготавливая горы оружия. Милитаризация изнуряет экономику, озлобляет народы. Но правители ничего не желают слышать – ни возмущения народов, ни горе семей, потерявших кормильцев, ни стоны раненых. Они не понимают и того, что «в среде народов вырабатывается вещество более могучее, чем динамит, способное взорвать уже не только крепости и города, но и само общество». Никто не желает задуматься, что в грядущей большой (мировой) войне крещению огнем подвергнутся не только регулярные войска, но огромные массы мирных граждан. Это вызовет губительные последствия в самой психологии народов. Чудовищные средства истребления ведь могут обрушиться и на самих их создателей и владельцев. При этом Блох подчеркивает тот факт, что лучшие умы человечества – от Бентама, предлагавшего в «Очерках международного права» (1789) прийти к вечному миру путем одновременного уменьшения всеми европейскими государствами военных сил, до квакерских проповедников в США и Англии, от доктора Ворчестера, опубликовавшего в США «Исследования войны» (1815), до такого «могучего апостола мира», как кузнец Беррит, который агитировал в пользу мира, – проделали огромную работу. К сожалению, усилия миротворцев похожи на глас вопиющего в пустыне. Их голоса заглушаются свирепым ревом милитаристов и убийц-реакционеров. С отчаянием Блох восклицает: «Неужто недостаточно того, что в XIX в. война поглотила в Европе 12–15 миллионов человеческих жизней и сотни миллиардов денег?!» О главном он, увы, умолчал. Ведь войны приносят милитаристам, финансистам, политикам огромные прибыли. Поэтому-то и погибают миллионы!^[448] Империалисты никогда не были откровенны в объяснении мотивов войн. В каждой стране находились могущественные круги, которые жаждали войны, хотя Ллойд-Джордж и уверяет нас, что «среди правителей и государственных деятелей... не было ни одного, кто бы хотел войны».

Что же это за таинственные круги? «Было бы глупой и невежественной клеветой называть эту войну войной банкиров... Влиятельнейшие деловые круги Англии стремились избежать войны». В действительности именно они, банкиры и промышленники, более всего заинтересованы в развязывании мировых войн. Как известно, войны не ведутся ради забавы или каких-то мелких амбиций. Вопросы, которые обычно решаются с помощью войн, серьезны. И если экономика стала главным двигателем так называемой цивилизации, то ясно, что ее проблемы порой приходится решать также и военным путем (когда экономические средства не действуют или все же не достаточно эффективны). Эту ситуацию вынужден был признать и Ллойд-Джордж: «В 1910 г. мы стояли перед многими серьезнейшими проблемами, которые день ото дня становились все серьезнее... На горизонте показался грозный признак безработицы. Наши соперники за границей быстро шли вперед и оспаривали у нас первенство на рынках мира. Наблюдался застой в развитии нашей внешней торговли, которая способствовала исключительному благоденствию предшествовавшего полувека... Наш рабочий люд толпился в мрачных и бедных кварталах; рабочие не были уверены в том, что назавтра они не лишатся хлеба вследствие болезни или изменения хозяйственной конъюнктуры; они проявляли все большее недовольство». Коренные интересы Британской империи, которая продолжала носить титул «владычицы мира», остро требовали начала решительной и беспощадной битвы за сохранение ее владений и рынков. Однако все сильнее становилась имперская Германия, объединенная Бисмарком. Поэтому Ллойд-Джордж уже не мог скрыть очевидного: деловые круги Англии только и ждали «часа, когда они могли бы разбить великого соперника в торговле». [\[449\]](#)

Францию также не пришлось подталкивать к схватке. Еще бы. В сердцах французов все еще жил позор от капитуляции Франции, осады Парижа, разгрома во франко-прусской войне, контрибуции в 5 миллиардов франков, захвата немцами Эльзаса и Лотарингии. Поэтому те поступали строго в соответствии с известной фразой Гамбетты: «Всегда думать о войне с Германией – и никогда об этом не говорить!» Президент Франции Р. Пуанкаре (с 1913 года), тесно связанный с биржей (Comite des Forges), получивший прозвище «Пуанкаре-война», правда, попытался в мемуарах снять ответственность с элиты за

начало мировой войны. Но и для него вопрос абсолютно ясен – война с Германией неизбежна. Германия стала «громadным военным заводом». Франция отстала в своем промышленном развитии. Он отдает приказ о начале войны и заносит в дневник 7 августа 1914 г.: «Мы даже одержали сегодня победу... Наши победоносные войска заняли возвышенность, на которой построена церковь и откуда открывается вид на обширную равнину Эльзаса, окаймленную голубыми очертаниями гор. Население приветствовало французские войска радостными возгласами... Отсюда должна быть сделана попытка дойти до Рейна, сломать здесь мосты и двинуться затем в направлении Кольмара. Французы в Эльзасе! Через сорок четыре года после того, как совершился один из величайших грабежей, которые знает история!»^[450] Об истинных причинах таких войн А. Франс писал в «Острове пингвинов» (1908): «Ведь это промышленные войны. Народы, не имеющие развитой торговли и промышленности, не нуждаются в войнах; но деловой народ вынужден вести завоевательную политику. Число наших войн неизбежно возрастает вместе с нашей производственной деятельностью. Как только та или иная отрасль нашей промышленности не находит сбыта для своей продукции, возникает надобность в войне, чтобы получить для него новые возможности. Вот почему в этом году у нас была угольная война, медная война, хлопчатобумажная война. В Третьей Зеландии мы перебили две трети жителей, чтобы принудить остальных покупать у нас зонтики и подтяжки». В итоге «интеллигентный герой» решает, что единственный выход – запастись динамитом и взорвать планету. Кто поможет капиталисту достичь вожделенных целей? Сомнений нет. На войну пошлют простонародье, кого Тардые называл «прекрасным французским животным».^[451] Плебс стал пушечным мясом. Точнее говоря, он был им всегда.

Традиционными, давними противниками Германии оставались Англия с Францией. Разумеется, англичане никак не могли отказать себе в удовольствии «подлить чуть масла в огонь». Немец Герварт пишет так: «Англия сознательно и настойчиво разжигала идею реванша во Франции, а Франция охотно прислушивалась к английским нашептываниям и давно уже вооружалась». Идет захват немецких колоний в Африке. Все понимали, что будущая война станет войной техники и капиталов. Француз Ж. Симон подчеркивал, что теперь речь

пойдет уже «не о войне героической, а о войне научной». Слава, которую прежде добывали храбростью своих солдат, теперь чаще «завоевывается механизмами и количеством» (1894). Германия выступила как ударный кулак новых индустриальных гигантов, хотя ее лидеры всячески старались предстать перед миром в облике божьих агнецов. Канцлер Германии фон Бюлов, проливая крокодиловы слезы, вещает: «Бедная, бедная Германия... со своей вечной свирелью мира под мышкой превратится в посмешище честолюбивых соседей». Оказывается, еще в восьмидесятые годы XIX в. впервые стала пробуждаться британская зависть к блестящему и бурному (пожалуй, даже опасно бурному) экономическому развитию ринувшейся вперед Германии. Порожденное завистью распоряжение, чтобы все германские товары снабжались пометкой об их происхождении «Made in Germany», оказалось промахом. Эти принудительные этикетки действовали на европейцев не как отпугивающее клеймо, а, скорее, как яркая приманка или добрая рекомендация. Бюлов заключает: «Германская конкуренция не ослабевала, а усиливалась, и вместе с ней усиливалась английская зависть».^[452] Британцы укрылись за Ла-Маншем. И прямым нападением их достать трудно. Как же добраться до этих наглых англичанишек, что относятся к немцу, как к бедному родственнику, и готовы при первом же удобном случае «использовать его для черной работы»? Надо бить по тылам – по экономике, по фунту стерлингов, по их заморским базам и территориям. Германии самим небом предопределено в тот или иной час возмездия наказать вавилонскую блудницу Англию, северную Иудею! И вице-адмирал Киргоф в порыве откровенности рявкнет: «Уничтожить Англию – это наша культурная миссия!» Канцлер Бюлов без всякой там дипломатии говорит: надо «бросить Англию в огонь», а затем «во славу божию напасть на Францию».^[453] Отношения немца и француза напоминали отношение кошки с собакой. При виде друг друга у них шерсть встает дыбом. Во времена Фридриха немцы воспринимали Францию как лютого врага, главную разорительницу Германии (Вольтер). А канцлер Бисмарк убежденно заявлял: «С Францией мы никогда не будем жить в мире!» И презрительно бросал в адрес французов: «Китайцы Европы!» Суть проблем выразил глава немецкого Генерального штаба граф фон-Шлиффен в статье «Современная война» (1909): «Идея реванша, вооружившая всю Европу, образует краеугольный камень ее политики.

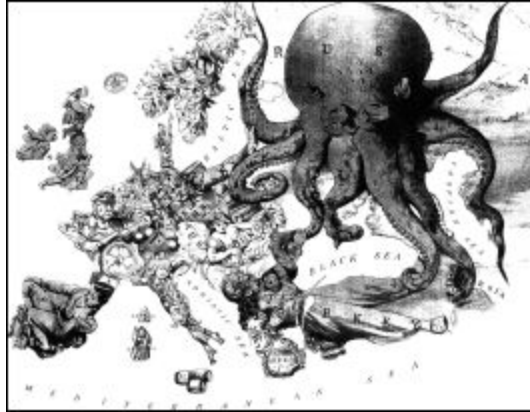
Мощное развитие германской промышленности и торговли создало Германии нового непримиримого врага. Ненависть к... конкуренту не может быть ни устранена уверениями в искренней дружбе и сердечной симпатии, ни обострена зажигательными словами. Степень раздражения определяется не чувствами, а реальными интересами». [454] Великие вопросы времени решаются не речами и резолюциями, а железом и кровью. Европейцы воспринимали войну, как деловое предприятие. Мольтке выразил позицию с немецкой четкостью: «Вечный мир – это мечта, и притом даже некрасивая».

Янки, отделенные от Европы океаном, делали вид, что их все это не касается и что они якобы ярые пацифисты. Президент Т. Рузвельт (Тедди Большая Дубинка) в послании к конгрессу заявил (1905): «Полагаю, что как раз настало время сказать кое-что об отношении американского правительства к проблеме мира. Войну мы все более и более рассматриваем как прискорбное и злодейское явление, если взять ее саму по себе. Бессмысленная или бесполезная война, чисто агрессивная война, одним словом, любые военные действия, начатые или осуществляемые бессовестным образом, должны быть осуждены как исключительно жестокое преступление против человечества». [455] Ложь никого не ввела в заблуждение. Капиталисты, промышленники, финансисты никогда не считали и не считают войны бессмысленным делом. Подобно тому, как идеолог английского империализма С. Родс заявлял, что «империя – это вопрос желудка», так и империалисты отдавали себе отчет в том, что «война – это вопрос прибылей и господства». И английская газета «Сатэрдей ревью» с полным основанием писала: «Прежде народы годами сражались за какой-нибудь город или наследство, неужели же они теперь не должны начать войну из-за ежегодного торгового дохода в пять миллиардов?!» Американцы с тревогой наблюдали за усилением Германии после ее объединения. Если позволить немцам занять в Европе первые роли (а это неизбежно в случае их победы), то Германия вскоре возобладает в мире. Посол США в Берлине Джерард отмечал, что «если Германия победит, я серьезно опасаясь войны против нас», а личный советник президента Вильсона полковник Хауз был еще более категоричен в оценках. Он считал, что в случае поражения союзников (Антанты) «положение Америки станет роковым», ибо Германия в этом случае имеет все шансы превратиться в полного мирового владыку. О каком

владычестве шла речь? Прежде всего об экономическо-финансовом. Хотя янки и сами на такой масштабной бойне были вовсе не прочь подзаработать. В. Вильсон, говоря о том, что благосостояние страны является результатом роста промышленности и торговли, заявлял: «Внутренний рынок ограничен... Короче говоря, мы достигли критической стадии в процессе создания нашего благосостояния... Если США не получают больших иностранных рынков, все рухнет. Тогда в стране начнется столпотворение, а это будет иметь фатальные экономические последствия». Далее он указал на необходимость завоевания внешних рынков. Американский посол в Лондоне Пэйдж в первые же дни войны послал президенту Вильсону радостно-восторженное письмо: «Это была замечательная неделя... Европа обанкротится, это неизбежно, а мы станем неизмеримо сильнее в финансовом и политическом отношении».^[456] Заправила США увидели в мировой войне прекрасную возможность, во-первых, безумно обогатиться и, во-вторых, подорвать позиции усилившейся Германии. Начало войны в Европе они встретили чуть ли не бурными овациями. «Уолл-стрит вовсе не заинтересован в сокращении сроков войны», – писал журналист Найбер (1915). Один из крупнейших олигархов Америки Ламонт высказал свое мнение в отношении мировой войны с циничной капиталистической прямоотой: «Война должна продолжаться как можно дольше! Тогда мы станем финансовым центром мира».^[457] Об этом же говорили и цифры экспорта товаров США за весь период Первой мировой войны. Поток экспорта американских товаров и оружия вырос в Англию, Францию, Италию, Россию с 825 млн. долларов (1914) до 3 млрд. 215 млн. долларов (1916), экспорт в Австро-Венгрию и Германию сократился со 169 млн. долларов (1914) до 1,1 млн. долларов (1916). Суть же политики «нейтралитета» Америки: пусть Англия, Франция, Германия и Россия как можно больше ослабляют друг друга в смертельном противостоянии. Курс, при котором не будет достигнуто «ни победы Германии, ни победы Англии», был чрезвычайно выгоден для Америки.^[458]

Особо нужно сказать и о том стойком антиславянском и антирусском духе, который веками настаивался в европейских центрах и биржевых конторах... Скрытая форма культурного империализма. Тут и гадать не приходится. Европейец предстает в действительности

жесточайшим дикарем, варваром. Евразиец Н. Трубецкой писал в очерке «Европа и человечество» (1920): «Затаенной мечтой каждого европейца является обезличение всех народов Земного шара, разрушение всех своеобразных обликов культур, кроме одной европейской... которая желает прослыть общечеловеческой, а все прочие культуры превратить в культуры второго сорта».^[459] Европа всегда выступала против русских (в любых союзах и коалициях), если только сама не сталкивалась с угрозой прямого порабощения (Наполеон и Гитлер). Во время национально-освободительной борьбы болгар и сербов проявилась коварная и подлая линия империалистической Европы. Н. Я. Данилевский в статье «Война за Болгарию. Как отнеслась Европа?» отмечал, что против русских, ставивших своей целью освободить Болгарию от турецкого рабства, на стороне турок, что сдирали с болгар, греков, армян кожу, сажали их на кол, жгли или закапывали в землю живьем, бесчестили и убивали жен, дочерей и младенцев, выступила вся так называемая «просвещенная и цивилизованная Европа». Он с горечью писал о ее фарисействе: «На стороне турок, во-первых, Англия, не министерство только, но и парламент, а следовательно и представляемое им большинство нации... Явно на стороне Турции... часть австрийского правительства и преобладающий в ней, если не численно, то политически мадьярский народ. На стороне ее жидовствующая, банкирствующая, биржевая, спекулирующая Европа – то, что вообще понимается под именем буржуазии, как о том свидетельствуют лучшие и знаменитейшие выразители ее стремлений... На ее стороне Европа католическая со святым отцом во главе; а как она еще сильна, энергична, как велика ее численная сила, это показывают явления последних годов. Но на стороне же Турции и отъявленные враги католичества и буржуазии; Европа демократическая, революционная и социалистическая, начиная от национально-революционных партий, Польской, Мадьярской... до космополитической интернационалки...»^[460]

Карта Европы. 1877

Россию трижды сталкивали с Европой и Германией. Хотя справедливости ради скажем, что в Первую мировую войну мы выступили защитником Сербии... В мемуарах Палеолога приводится его разговор в министерстве иностранных дел России (между ним и немецким послом). Палеолог говорит немецкому послу: «Я убежден, клянусь честью, что русское правительство совершенно спокойно и готово ко всем примирительным решениям. Но не просите у него, чтобы оно допустило уничтожение Сербии. Это значило бы просить у него невозможного». Германия поощряла союзницу Австро-Венгрию к нападению на Сербию. Министр иностранных дел России Сазонов сказал побледневшему Николаю II: «Если война вспыхнет, ни совесть вашего величества, ни моя не смогут ни в чем нас упрекнуть. Ваше величество и ваше правительство сделали все возможное, чтобы избавить мир от этого ужасного испытания... Но сегодня я убежден, что дипломатия окончила свое дело. Отныне надо думать о безопасности империи. Если ваше величество остановит наши приготовления к мобилизации, то этим удастся только расшатать нашу военную организацию и привести в замешательство наших союзников. Война, невзирая на это, все же вспыхнет в час, желательный для Германии, и застанет нас в полном расстройстве».^[461] Немцы не раз попадали на наживку, брошенную англосаксами, французами и иудеями, нападая на нас. Положение правящей верхушки России тогда и сейчас (сегодня в меньшей степени) зависит от выплат крупных финансовых центров Франции, Англии, Бельгии, Германии, США. К 1914 г. важнейшие отрасли промышленности России, как отмечал российский историк Г. Селезнев, «находились в руках французских, английских и бельгийских капиталистов», а внешняя торговля в

значительной мере была сосредоточена в руках германских монополий.^[462] В своих решениях правительство России не было самостоятельным. Если Александр III говорил, что Балканы не стоят крови одного русского солдата, то Николай II с «купеческой щедростью» заявит послу Франции в России Палеологу: «Чтобы добиться победы, я готов пожертвовать последним своим солдатом!» Вот я только не возьму в толк, почему же сторонники монархии в России до сих пор не поймут, что подобная фраза и действия царя и привели к тому, что солдаты позже захотят пожертвовать «последним членом семьи Романовых». Кровь за кровь. А как же еще иначе?! В 1916 г. на основании франко-русского соглашения на Западный (Французский) и Салоникский фронты были отправлены четыре русские пехотные бригады в обмен на поставку русской армии военного имущества (и в обмен на французское золото). Итог? В Энском сражении эти части потеряли почти 30 процентов личного состава. Тяжелейшие потери понесли русские войска и на Салоникском фронте. Их бросали в самое пекло... Таким образом, тысячи «проданных за снаряды» наших воинов навсегда остались лежать погребенными в чужой земле, на полях Шампани и в горах Македонии.^[463]

В мясорубку, преследующую цели экспансии, борьбы западной цивилизации за гегемонию в современном мире, Россия была втянута практически силком. Хотя я не исключаю огромной вины и собственно российской элиты, готовой таскать каштаны из огня для сытой Европы. Народ же, скажем без обиняков, заставили выполнять в этой мировой бойне роль пушечного мяса. Никакой болтовни и демагогии в расчет не принимаем. Есть интересы и проблемы, а есть средства и пути решения проблем и достижения интересов. Но у России не было тогда ни самостоятельной промышленности, ни денег, ни умных вождей. Большая же война всегда требовала колоссальных расходов, а где, спрашивается, взять денег нищему. Оружие для войны давала Америка, деньги – Англия, США и Франция. Ну а кровь солдат и офицеров, ясное дело, была русская. Приведу ряд цифр. В начале войны русские в вопросах вооружения обходились еще собственными силами. Но в 1916–1917 бюджетном году ввоз американских товаров резко возрос. Вскоре США прочно заняли первое место в русском импорте. В 1917 г. американцы направили в Россию 24,5 тысячи

пулеметов и 3,6 млн. винтовок (из общего числа полученных из-за границы 5,4 млн.).^[464] России и Временному правительству дали кредиты под кабальные проценты. Отчего Запад обожает все «временные правительства» в России? Ответ понятен. Оно позволяет Западу делать в стране и со страной что угодно. Временщикам дали 450 млн. долларов, не считая косвенных кредитов, полученных ими уже через посредство Англии. Представитель американских промышленников Тарло писал Керенскому почти в приказном порядке: «Столь необходимые России капиталы может дать только Америка!» Полковник Хауз, как бы отвечая на призыв президента В. Вильсона «Мы должны финансировать весь мир», пишет шефу: «Англия дала займы России около трех миллиардов долларов. Она сделала это не из любви к России. Она это сделала, как бы оплачивая часть собственных военных расходов. Цель состояла в том, чтобы нанести поражение Германии, достигнуть этого Англии было легче всего, поддерживая своих союзников. Нами руководили те же побуждения».^[465] Займы России затем с прибылью возвращались в банки США. Таким вот способом янки и финансировали собственную промышленность. К осени 1917 г. русские заказы в США составили сумму в 1287 млн. долларов, или свыше 2,5 миллиардов рублей. На деле оказалось, что Россия совершенно не подготовлена к войне. «Возникшая война, — признались царские министры Барк и Трепов, — с несомненностью показала отсталость нашей промышленности от современных требований и нашу во многих отношениях грозную зависимость от иностранцев». Россия понесла невосполнимые людские потери. Во-первых, уничтожались лучшие и отборные армейские кадры. В ходе боев, как отмечают, был практически выбит кадровый офицерский корпус (25 тыс. из 49 тыс.), состоявший из строевых офицеров армии. Немецко-австрийские орудия и пулеметы безжалостно уничтожали элитные гвардейские и лейб-гвардейские части, а также унтер-офицерский состав, эту опору могучей империи. В итоге, к осени 1917 г. вооруженные силы России потеряли 60,6 процента личного состава (то есть больше, чем даже войска побежденных Германии и Австро-Венгрии). Потеряв 7 млн. человек убитыми, ранеными и калеками, Россия лишилась старой и надежной кадровой армии. В столицы хлынули потоки шушеры (в том числе 0,5 млн. евреев, которых выселили из прифронтовой полосы). Здесь же осели беженцы

из мест жестоких боев. Во-вторых, все это вместе взятое превратило столицы в пороховые бочки, к которым достаточно было поднести горящий фитиль. В-третьих, ценой русских солдат и офицеров Англия, Франция и США одержали победу в битве против Тройственного союза (Германии, Турции, Австро-Венгрии). «Разгадка «чуда на Марне» и многих других побед Антанты на западном фронте лежит на дне Мазурских и иных болот».^[466]

Долгосрочные итоги войны также известны... В проигрыше оказались Россия, Германия, Франция, Австро-Венгрия. Выиграли Англия, Сербия и в особенности Соединенные Штаты Америки. О России мы, даст Бог, еще сможем поговорить в будущем. Пока скажем только, что Россия стала отныне данником капиталистического мира, по сей день влача вериги царского долга Франции. Хуже всего то, что мы в 1914 г. в сражениях против Германии, Австро-Венгрии, Турции положили почти всю свою кадровую армию, обслуживая капиталистов Англии, США и Франции. Ллойд-Джордж скажет в 1939 г., что если бы не было «жертв со стороны России в 1914 году, то немецкие войска не только захватили бы Париж, но их гарнизоны по сие время находились бы в Бельгии и Франции». Позже даже У. Черчилль вынужден будет сказать по поводу этого замечания Ллойд-Джорджа: «Мудрые слова» (1948). В той войне мы потеряли практически весь цвет русской армии. Командир корпуса Зуев доносил военному министру России: «Немцы вспахивают поля сражений градом металла и ровняют с землей окопы и сооружения, заваливая их защитников землей. Они тратят металл, мы – человеческую жизнь!»^[467] При таком отношении к русским людям наших царей, премьеров, министров, генералов и банкиров многие из них заслужили свою судьбу в «окаянные дни» (Бунин).

Что же мы видим при взгляде на цивилизацию? На ее корабле мы с грехом пополам добрались до наших дней. Говоря словами Ф. Броделя, капиталистическая модель, несмотря на все просчеты и ошибки ее строителей, все-таки «доплыла» до XXI века. Слава Богу. Но люди должны понимать, сколь уродлива и несовершенна конструкция. У корабля, имя которому «Земля», разошлись шпангоуты и проржавело днище. Как бы мы не кружили в поисках ответа, все равно придем к словам Горация: «Solve senescentem» (лат. – «Отпрягай стареющего коня»). К сожалению, даже крупнейшие историки и

философы современности не решаются посмотреть правде в глаза. А она такова: старые идеи исчерпали себя и лежат вне поля интересов большинства людей. Мы подошли к логическому завершению системы мышления, которая оправдывает и закрепляет 10-тысячелетний несправедливый порядок. Старые и подновленные политэкономические системы уже явно не отвечают духу времени, нуждам XXI–XXII вв. С ними рухнут и старые экономики, структуры власти, законы, идеологии. Г. Лебон сто лет тому назад писал в «Психологии толп»: «И если в настоящее время старое общество колеблется в своих устоях и видит все свои учреждения сильно пошатнувшимися, то это потому, что оно все более и более теряет свои старые верования, которыми люди жили до сих пор. Когда человечество их совершенно потеряет, новая цивилизация, основанная на новой вере, необходимо займет ее место».^[468] Время это близится.

Группа русских офицеров ударного отряда. 1916

Человечество идет к концу цикла, отведенного капиталистической системе. Э. Трельч в труде «Историзм и его проблемы» писал: «И ситуация не становится лучше, если мыслить начавшийся примерно 10 000 лет тому назад культурный период продленным в будущее. Продление его не может быть бесконечным. Мы достаточно ясно видим, что все культурные системы обладают ограниченной продолжительностью и затем погибают. Вряд ли друг за другом следуют все новые и все более высокие образования, культура поглощает в конце концов физическую и нервную силу; и несомненно, приходится считаться с тем, что благоприятный для существования климат будет меняться, а Земля перестанет быть пригодной для обитания. Изображение последнего человека, который печет на последнем угле картошку, нарисованное Дюбуа-Реймоном, не следует полностью отвергать, и оно во всяком случае гораздо более вероятно,

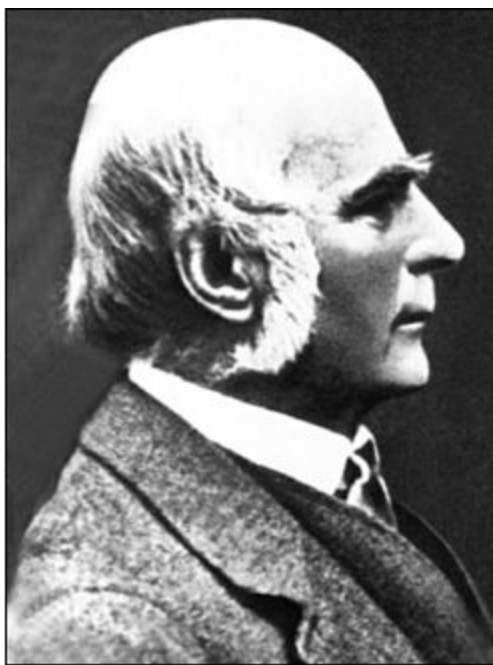
чем заверченный социализм, второе пришествие Христа или воспитание сверхчеловека. Но как же можно при этом говорить о культурной творческой истории. Не надо закрывать глаза на возможность того, что эта история является лишь коротким и несовершенным цветением величественного древа земных существ» (1918). Эти мысли о «последнем человеке, который печет на последнем угле картошку», навеяны той жуткой мировой бойней, в которую втравили нас правители капиталистического мира дважды на протяжении XX в. ^[469]

Поэтому необходимы действия «по переплавке» людей и народов. Речь в данном случае, конечно, не идет о механической или вульгарно-биологической переделке. Хотя сказанное нами не означает отрицания евгеники, политики, социологии. Тем более что конец XIX–XX вв. демонстрирует фантастический взлет технических изобретений и научного творчества в мире (в том числе в России). В перспективе, уверен, придется серьезно вмешаться в генетику. Ученые предприняли обнадеживающие попытки. Однако ныне важнее социально-духовная хирургия и «вивисекция», которым придется подвергнуть сами общества и их законы. Это не снимает груза индивидуальной ответственности с каждого. Кто сумеет проникнуть в тайну механизма наследственности и научится управлять им, тот сможет изменить лицо мира. В XIX в. такая попытка предпринята биологом и антропологом Ф. Гальтоном (1822–1911), талантливым последователем Ч. Дарвина. Как уже отмечалось, он был родней Чарлзу Дарвину (они – двоюродные братья или «полукузены», у них общий дед – Э. Дарвин). Жизнь Гальтона могла бы стать руководством к его научным трудам по наследственности. По сведениям К. Пирсона, среди дальних предков Гальтона, восходящих еще к раннему Средневековью, встречаются такие лица, как Карл Великий, Ярослав Мудрый (киевский князь), Вильгельм-Завоеватель, несколько английских королей и т. д. (предки по линии бабушек, предки дедов – из крестьян). В книге «Наследственность таланта» (1869) он, используя статистический метод, обосновал идею наследственности таланта. Способности, утверждал он, наследуются, как и физические принципы. Идея проста: таланты можно выводить так же, как племенных рысаков в конюшне, высокоудойных коров, породистых гончих. Он воспринимал жизнь как «экзамен»: «Я смотрю на общественную и профессиональную жизнь

как на непрерывный экзамен. Все выступают кандидатами на хорошее мнение своих ближних и на успех в своей профессии; этого успеха они достигают в той мере, в какой общее мнение оценивает их совокупные достоинства. На обыкновенных школьных экзаменах по различным предметам выставляются баллы в определенных количествах — столько-то за латинский язык, столько-то за греческий, столько-то за английскую историю и т. д. Свет точно так же, не замечая того, определяет людям подобные отметки. Он ценит таким образом оригинальность мысли, предприимчивость, деятельность и энергию, административное искусство, различные таланты, силу литературного выражения, ораторское красноречие и многие другие качества, имеющие общее жизненное значение или применяемые к какой-нибудь специальности. Эти аттестации не выражаются какими-либо числами, которые могут быть выговорены; здесь является нечто вроде безмолвного общего соглашения, которое действует в этом случае с приблизительным постоянством. Получившие наибольшее число этих неписанных отметок возводятся людьми, стоящими во главе общественного мнения, в разряд наиболее заметных личностей своего времени».^[470]

Главная заслуга Гальтона не столько в том, что он доказывает, как в том, к чему он побуждает (К. Пирсон). Его идея на треть истинна и на две трети ошибочна. Истинно в ней то, что наличие наследственных черт в поколениях имело место, а ошибочно то, что наследственность не может выступать постоянной величиной. Как справедливо пишет И. И. Канаев, одаренность нельзя выразить в числах так же четко, скажем, как рост или вес человека. Через двести лет после выхода книги Гальтона «Наследственный гений» современная наука «не нашла еще адекватного метода для количественной оценки талантливости». Его «теория корня» в какой-то мере предвосхитила идею Вейсмана о «зачатковом пути». Наибольший интерес представляет книга Гальтона «Английские люди науки. Их природа и питание». Ученый рассчитал, что в возрасте от 50 до 65 лет (самый активный научный возраст) на Британских островах проживало около 300 первоклассных ученых. Это составляло примерно 1 человека на 10 000 лиц мужского пола. В книге он определил, что гениальность не есть автоматическая активность духа. Хотя идеи, образы, мысли приходят в голову гению сами собой, как бы помимо его воли. Так

возникает то, что поэты назовут вдохновением. Гальтон считал едва ли не самым существенным и важным при подготовке научных элит фактор «питания».^[471] Предпринял важную попытку разобраться в особенностях психики гениальных людей психиатр и криминалист Ч. Ломброзо (1835–1909). В книге «Гениальность и помешательство» он писал о существовании людей, предрасположенных к гениальным актам творчества (или, наоборот, к преступлениям). Но и до него Аристотель отмечал, что под влиянием приливов крови к голове и возбуждения «индивидуумы делаются поэтами, пророками и прорицателями». В качестве примеров подобного помешательства он называл Сократа, Платона, Эмпедокла. А Демокрит вообще утверждал, что не считает истинным поэтом человека, находящегося «в здравом уме». Паскаль полагал, что величайшая гениальность часто граничит с полным сумасшествием. Многие считали безумным и сэра Ньютона. Оставим измышления, но, возможно, Спиноза прав: «конечный мозг не может понять бесконечного»?!

Фрэнсис Гальтон (1822–1911)

Народы, массы, толпы (включая и публику) не могут сами осмыслить и направить движение исторического процесса. Им нужен ум, катализатор, мотор, крылья. Нужны идеи, образы, метафоры, симфонии, картины, перспективы. Это может дать только Личность! С. Московичи писал о массе: «Она лишь тесто, они же – дрожжи». Не

хватает слабых силенок правительств, премьеров, президентов, парламентов, банков. Они – инструменты возможных перемен. Вызревая в чреве обществ, Идеи обретают плоть и кровь в уме гениев. Идеи движут миром. Их и порождают гении и таланты, толкая народы, страны и элиты к их воплощению. Обычные люди не найдут выхода. Нужны избранники небес, чей жизненный путь – особого рода миссия. И тысячу раз прав был Гераклит, говоря об умнейших: «Для меня один достойнейший равновелик 10 тысячам». Прекрасно. Что делают эти гении? Они воссоздают мир в мыслях и набросках. Правда, тот еще очень зыбок... Возможно, этим и объясняется, что Гоббсу, Паскалю и Гте являлись галлюцинации и привидения, Мольер и Мендельсон страдали сильной меланхолией, Бетховен был на грани безумия, Ампер сжег трактат «Будущность химии» (потому, что тот якобы был написан сатаной). Саути, Гуно, Монж, Сальери, Мюссе, По, Батюшков, Ван-Гог посходили с ума, а Гельдерлин и Баратынский покончили с собой в припадке безумия. Иным оказалась не по плечу великая задача. Русский ученый-эволюционист В. Ковалевский надумал изучить и охватить эволюцию жизни в масштабах планеты, что дало бы ему ключ к понятию природы. Он объездил всю Европу, работал во Франции, Германии, Англии (в Британском музее). И в итоге пришел к выводу, что люди в большинстве своем «жвачные свиньи». Его вклад в эволюцию парнокопытных значителен. Но изучение свиней это не одно и то же, что изучение людей. Может, поэтому у него и не сложились отношения с супругой – знаменитой Софьей Ковалевской? У той ее любовь к математике была сильнее любви к мужу. Ученый вынужден был зарабатывать на ее вояжи за границу, удовлетворяясь «диссертацией о взаимной свободе», а собственную диссертацию так и не успел написать. [\[472\]](#)

Мир образов, идей, мыслей, звуков и цифр, мир реальных дел – это тяжелая работа, труд олимпийца, навечно приковавшего себя к скале высочайшего долга. Смертные неплохо обжились в мире повседневных забот (в общем и целом, ясном и понятном). Гении же обитают «в стране ангелов и бесов». Кто посетит их в ту или иную минуту – им неведомо. Их жизнь – вечное движение по краю бездонной пропасти, над которой удержаться непросто. Страшны даже не поражение или смерть, но ожидание конца творчества. Руки теряют пластичность. Глаза и мозг лишаются остроты видения мира. Глас

совести замолкает. Художник мертв. Суть этих ощущений выразил писатель Дж. Свифт, заявив Юнгу при взгляде на лишенную листвы вершину вяза: «Я точно так же начну умирать – с головы». Известен и ответ Шопена священнику, напомнившему перед смертью композитору, что он пришел за его душой. А тот заметил, что вся его душа давно ушла в музыку.^[473] Вспоминается фраза Шиллера: «Гений остается всегда для себя самого тайной». Таинственен процесс создания гением шедевра. Однажды Моцарта спросили, как ему удастся создавать чудесные симфонии. Моцарт, улыбаясь, заметил: «Это так же трудно объяснить, как причину чрезмерной длины моего носа, не похожего на другие носы». Последнее замечание должно успокоить владельцев неарийских или неславянских носов. Гальтон и Ломброзо проследили и другую сторону жизни: когда среди наследников гениев и талантов встречается масса посредственностей, негодяев и ничтожеств. В таких случаях говорят: устав от рождения гения, природа-мать отдыхает на потомстве. Еще сложнее выглядит задача избавления человечества от «болезненных микробов», обнаруживающихся в массе (убийцы, воры, наркоманы, извращенцы, шлюхи). На ум приходит мысль Байрона: «Странная вещь – размножение живых существ! Любая капля семени, излившаяся в лоно шлюхи или в оргазме эротического сновидения, могла бы (почем знать) породить Цезаря или Бонапарта: ведь об их отцах, кажется, неизвестно ничего примечательного».^[474] Из семейств богачей, правителей, интеллектуалов (у которых, казалось, есть все для гармоничного развития их потомств) часто выходят жестокие и бездарные существа. А ведь закон отбора требует: воспроизводство гнилого семени должно быть исключено (затруднено). Если промышленность и наука борются за качество товаров, то нельзя допускать волюнтаризма в столь важном вопросе, как сохранение качества человеческого рода. Намеков Гальтона и других, оценивавших одаренность рас по числу гениев, мы повторять не будем. Но порой семя шлюхи ничем не отличишь от семени принцессы. Были времена, когда перед учеными и мыслителями стояла задача «найти свою Троицу», открыть тайну египетских иероглифов, сокровища фараонов или письма майя, отыскать в ассирийской пустыне древние дворцы или обнаружить в развалинах Ниневии древнейшую библиотеку. Несомненно, подобные задачи и ныне

продолжают стоять перед научным миром. Как однажды заметил Гте: «О тайне мира – пусть хотя бы лепет». Но только ли эти задачи!? А как насчет важнейшей задачи построения основ цивилизованного мира?

Конечно, право сильного всегда играло существенную роль в истории, но, ведь, и оно оказывалось, в конечном счете, бессильным при неправоте и неприятии его народом. Говорят же у нас на Руси: «Не в силе Бог, а в правде!»... Иное бесславное правление исчезало скорее, чем можно было бы предположить, даже при молчаливом протесте народа. Мудрые правители старались менять внутренний климат страны без слов. Солон говорил, что он дал афинянам не те лучшие законы, какие можно теоретически вообразить, но «такие, которые лучше всего подходят к ним». Надо чаще внимать сердцу народа. Г. Лебон в «Эволюции цивилизации» иронизирует по поводу властных глупцов, вообразивших, что можно все перестроить в стране в один день, создав какую-то конституцию, а уж тем более пытаться навязать ее народу «убеждением и силой». [\[475\]](#)

Должны ли (не умолкая ни на день, ни на час) звучать колокола справедливости!? Известный испанский философ Х. Ортега-и-Гассет в «Восстании масс» (1930) рассматривал массы как субъект, не имеющий ни идей, ни серьезной культуры. Их багаж – это якобы лишь прописные истины, словесный мусор, тирания пошлости... «Разве не величайший прогресс то, что массы обзавелись идеями, то есть культурой? Никоим образом. Потому что идеи массового человека таковыми не являются и культурой он не обзавелся». [\[476\]](#)

Ортега все ставит с ног на голову. Варварство было всегда. Существует оно и по сей день. Но кто его порождает? Разве не сама буржуазия?! Это ее культура служит целям правящих и могущественных кланов. И чем дальше, тем больше... Не пролетарии же и крестьяне, в самом деле, обитают в редакциях тысяч и тысяч газет и журналов! Взгляните на этих прохвостов, плутов, лжецов и шутов, что заполонили собой эфиры, восседающих в иных центрах и институтах. О них можно и ныне сказать словами тех же Гонкуров: «Никогда еще так не брехали, как в наш век. Брехня повсюду, даже в науке. Из года в год всяческие господа Бильбоке (Авт. – «пройдохи») пророчествуют нам по утрам новое чудо... Все это – академическое и непомерное вранье, благодаря которому ученые получают доступ в Институт, ордена, влияние, оплаты, уважение серьезных людей. А

жизнь тем временем дороже, вдвое, втрое; не хватает самого необходимого...» (1857). Хитрая и подлая свора «интеллигентов», понимая значение культуры как средства воспитания личности, делает все от нее зависящее, чтобы дать два «рациона питания». Один предназначен для эстетствующих господ и избранных («умных»), другой (низменная, массовая эрзац-культура) – для толпы и плебса («глупцов»). Первым – золотой дождь и «Триумфы». Вторым – скотство и варварство. «Harta Magnus», великая хартия одичания. Она убивает интеллигенцию. В основе серости и тупости низших классов лежит социально-экономический эгоизм и невежество верхов. Задача честного социолога (а не тех жалких прохвостов, что, подобно стае собак, ждут, виляя хвостом, когда «хозяин» бросит им очередную кость) не в ловком жонглировании цифрами и опросами, а в показе истинного положения страны и народа. В социологе должен жить народный Брут! Иные политологи, социологи, историки, психологи сделали из лжи прибыльную профессию. Они даже не хотят задуматься о страданиях и муках народа. С. Сигеле пишет: «Преступники, умалишенные, дети умалишенных, алкоголики, вообще социальная грязь, лишенная всякого чувства и развращенная преступлением, – составляли самую главную часть бунтовщиков и революционеров».^[477] Гнусная ложь. Монтень прав: «Лживость – гнуснейший порок». Возможно, революции и имели истоком «грязный развращенный строй». Но строй сей есть дитя и плод буржуазной практики, всех этих циников и слуг капитала. Если у трудящихся нет даже куска хлеба, о каком смирении вы болтаете?!

Социализм становится все более неотложным требованием эпохи. К концу XIX в. многие представители европейской интеллигенции открыто исповедовали идеи социализма. Философ Л. Фейербах перед смертью вступил в ряды социал-демократической партии. Что его подвигло к решению? Видно, осознание конечной необходимости создания справедливого общества. Ж. Ренар (1864–1910), внук крестьянина, так выразил эту направленность новой европейской культуры: «Социалистом был Монтень, социалистами были они все – Лафонтен, Лабрюйер, и Мольер, и Бюффон (да, Бюффон!). Виктор Гюго умер социалистом».^[478] Не будучи коммунистом, премьер Франции Э. Эррио писал: «Нам представляется безнравственным лишать далее благ среднего образования детей простого народа,

которые дали столько доказательств мужества и жизнеспособности во время этой войны. Вернем богатым семьям их маленьких лодырей, которые отравляют наши лица; будем учить полноценных ребят, которые добиваются лишь одного – возможности развиваться; правильно понятая демократия не является режимом, искусственно поддерживающим между людьми несбыточное равенство; это режим свободного отбора, который не ставит иных пределов продвижению в обществе, кроме усилий и воли индивидуума!».^[479] Для глупой власти и некоторых узколобых правителей любые доводы разума, напоминающие о революционном прошлом народа, – забытый звук. Это же все равно что *surdo asello fabulam narrare* (лат. «глухому ослу басню рассказывать»). Судя по всему, они даже не знают, что видные политики Европы, крупнейшие промышленные магнаты разделяли социалистические установки и взгляды. Так, А. Нобель называл себя «социалистом, но только с оговорками», мечтал о новом гармоничном мире, будучи воспламенен любовью к роду человеческому (а чтобы любовь не казалась ему слишком уж «пресной», не жалел усилий для производства динамита). Заботился он и об улучшении условий жизни рабочих, свято веря во всеобщее просвещение, и терпеть не мог лицемерной демократии. В душе социалистом был и его брат Л. Нобель, которого иные даже называли «пионером социального прогресса как в среде инженеров, так и в среде низшего персонала».^[480]

Интеллигенты типа Ж. Жореса (1859–1914) мечтали об иной цивилизации. Он писал: «Когда социализм восторжествует, когда период согласия сменит период борьбы, когда все люди будут обладать своей долей собственности в общем капитале человечества и своей долей инициативы и воли в его гигантской деятельности, тогда все они будут испытывать полноту гордости и радости; в самом скромном ручном труде они будут чувствовать себя сотрудником всемирной цивилизации; и этот труд, ставший более благородным и братским, они организуют таким образом, чтобы оставить себе несколько часов отдыха для размышления и ощущения жизни... Они скоро почувствуют, что вселенная, из которой возникло человечество, не может быть в своем существе грубой и слепой, что повсюду присутствует ум, повсюду душа и что само мироздание является лишь гигантским и смутным стремлением к порядку, красоте, свободе и

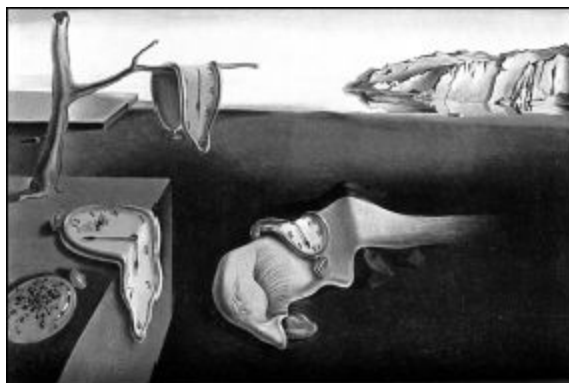
добру. Да, другим взором и другим сердцем они будут смотреть не только на людей, своих братьев, но и на землю и небо, на скалу, на дерево, на животное, цветок и звезду». Реакция убила Жореса с помощью киллера (некоего Вилена). Знаковым стало то, что сразу после его убийства грянула Первая мировая война.^[481]

Социалист Моррис выражал возмущение жестокостью, хищничеством, цинизмом, вульгарностью британской цивилизации.

Он утверждал, что она превратила вест исторический прогресс в бессвязную нелепость. Эта «цивилизация» казалась ему убогой, уродливой и бессмысленной. Моррис выступал против той резкой грани, что разделила богатых и бедных, хозяев и работников. Это господство контор и офисов, компаний и фирм казалась ему горами ненужного шлака.^[482] Цивилизация отделила труд от радости, а искусство – от ремесла. Миру предстоит воплотить в жизнь идеи социальной справедливости. В новую модель войдет и колоссальный опыт капитализма. Однако его час пробил. Он стал строем для себя – строем узкого, бессовестного класса, пожирающего человечество, словно дикий ненасытный зверь. Видимо, пора уже сказать капитализму в духе эссеиста С. Конноли: «Капиталистическая цивилизация – это зола, оставшаяся от горения Настоящего и Прошлого».

Каковы же взаимоотношения между народами, элитами и героями? Осуждая социализм, Лебон писал о толпах Великой французской революции и Парижской коммуны. Не жалея красок, описывал преступления башмачников, слесарей, парикмахеров, каменщиков. Ради приличия перечислил бы преступления элиты Франции. Та любит порассуждать о деспотизме толп. Но элита подвержена глупости не менее чем массы. Она амбициозна, лжива, самонадеянна. Уровень ее правления низок. Ее роль порой напоминает роль червей-паразитов. Философ Ш. Бонне высказал в конце XVIII в. мысль, что черви-паразиты, попадая в тело хозяина, изменяются под влиянием новых условий, а затем могут изменить и сам вид. Капиталисты и торговцы алчны, эгоистичны, некультурны. Они стали менять вид в худшую сторону. Буржуазные авторы не находят места в талмудах для пары абзацев, где рассматривались бы преступления вождей. Их гнев направлен против «низов» общества: «Преступники, умалишенные, дети умалишенных, алкоголики, вообще социальная

грязь, лишенная всякого нравственного чувства и развращенная преступлением, составляли самую главную часть бунтовщиков и революционеров» (Сигеле). Как низко пала буржуазная наука, если даже ее корифеи за сто миль обходят проблему преступных элит, виновников несправедливых и гибельных устоев. Они представляют собой худший вид преступной толпы. Н. К. Михайловский прав, когда, прочитавopusy Тарда и Сигеле, резонно задался вопросом: «При чем тут собственно толпа? И не подойдут ли под это определение, например, Бисмарк, Наполеон I, Наполеон III? А с другой стороны, пока власть находится в руках этих людей, пока они имеют силу карать и миловать, всякое покушение на эту власть есть уже тем самым преступление». Его критика труда Г. Тарда, без разбора сваливающего в кучу разбойников, преступников и героев, абсолютно справедлива. [\[483\]](#)

Сальвадор Дали. *Память неистребима*

В политике и бизнесе повелевает не масса, не толпа, а узкий круг лиц. Племя плутократов и олигархов. Оно выросло в джунглях городов, тиши банковских контор, среди суматохи бирж и власти, отнюдь не в адовой преисподне шахт и мартенов. Р. Михельс в работе «Политические партии» вывел железный закон олигархии (1911). В партию идут за властью и деньгами, реже — за идеями (в романтические, революционные эпохи). Партия и олигархия — близкие понятия. Даже демократия без организации немыслима. Но с ростом организаций демократия исчезает. Происходит это с расширением аппаратов (генсека, президента, премьера, профсоюзов, банков, монополий). Объединение в союзы, движения, партии, ассоциации — не всегда шаг к совершенствованию личности. Писатель Дж. Свифт остроумно заметил: «Партия — это безумие многих ради выгоды

единиц».^[484] Последствия этого печальны. Властное меньшинство, сплоченное в единый кулак, в состоянии верховодить в тысячи раз более многочисленными неорганизованными толпами. В основе правления элит лежит не только сила. Власть меньшинства сильна тем, что она владеет несметными материальными богатствами (деньги и собственность). «Доминирующей чертой правящего класса стало в большей степени богатство, нежели воинская доблесть; правящие скорее богаты, чем храбры» (Моска). Слова Р. Эмерсона о том, что «меч и скипетр, или мече – и скипетро-подобные таланты двигают всем миром», не ко времени. Если только не брать крайний случай, когда армия в той или иной стране решает взять в руки власть, опираясь на «волю меча».^[485]

Может быть, роль лидеров возьмут на себя ученые? Они зависимы от истеблишмента и редко позволяют себе выступать против глупостей и преступлений власти. Журналисты и деятели искусств часто движимы корыстью и эффектом, рабски смотря в рот банкирам и дельцам. Им ли быть повелителями народов! «Мир держат в оковах новые тираны – капиталисты, издатели газет». Журналисты похожи на ту публику, о которой Фрейд писал: «Народный представитель, призванный говорить кайзеру беспощадную (ruckhaltlos) правду, прислушавшись к внутреннему голосу, который как бы говорит: а не слишком ли ты смел? – делает оговорку: слово ruckhaltlos (беспощадный) превращается в ruckgratlos (бесхребетный)».^[486] Это касается и прессы, святая святых «демократии»: «За преступной толпой стоит еще более преступная публика, а во главе последней – еще более преступные публицисты». И Тард совершенно справедливо упрекает привилегированные слои: «Высшие классы, которых постигает преступление, не замечают того, что именно они пустили в обращение принцип преступления, если не сами даже показали пример его». Элита становится контрэлитой. Она, как всякий правящий класс, хочет быть наследственной (если не по закону, то фактически, достигая этого с помощью богатств или власти). Открытое «демократическое общество» стремится к закрытости. Это справедливо в отношении всех правительственных постов, мест во властных структурах, в руководстве банков, компаний и т. д. Аналогичная ситуация складывается и в сфере элитного образования, куда смертным не пробиться. Буржуазная элита, совершив виток

эволюции, становится «новым феодализмом». Моска счел правомерным ее существование, называя это «преимуществом positions déjà уже занятого положения».^[487] Так же говорили феодалы, короли, аристократы, пока восставший народ не низверг их. Поэтому и конец антинародных элит неизбежен.

Кто же определит «правильное направление истории»? Вряд ли это по плечу верхам, оторванным от жизни народа. Но это и не низы, зачастую лишенные всякой культуры, чувства собственного достоинства, раболопные, подавленные монотонным каторжным трудом или алкоголем. Философию будущего мог бы сформировать средний класс. Апологетом политики золотой середины был историк Ф. Гизо, министр и глава правительства (1847). Он – сторонник среднего класса. Тот не беден и не богат, не поражен алчностью богачей и не раздавлен непосильным трудом бедняков. У него нет позорных излишеств и чрезмерной роскоши. Богач возносится высоко и как бы не нуждается в народе. Условия бытия среднего класса побуждают его к мудрой уравновешенной политике. У него есть идеи, время и желание осмыслить путь, есть время на культуру и чтение. В одном из трудов, посвященных идеям Ф. Гизо, говорится: «Обществом должны руководить люди средних классов. Раз эти классы существуют, они как бы роковым образом становятся руководителями общества. Теория подтверждается здесь фактом. Члены средних классов руководят обществом, создавая мнение». Теория «золотой середины» кое-где воплощена в жизнь, но это скорее исключение из правил.^[488]

Инструменты закабаления стали тоньше, изощреннее. Говоря о свойствах толпы, Солон подчеркивал: один отдельно взятый афинянин – хитрая лиса, но когда они собираются вместе на форуме народного собрания, приходится иметь дело со стадом баранов... Фридрих Великий ценил своих генералов, но добавлял: когда их собирают на военный совет, они выглядят как кучка имбецилов. Римляне говорили о сенаторах: «Сенаторы – мужи очень достойные, римский сенат – скверное животное» («Senatores omnes boni viri, senatus romanus mala bestia»). Мопассан, выражал глубокую неприязнь к толпе, поглощающей личность: «Качества разумной инициативы, свободной воли, благонравного размышления и даже понимания любого отдельного человека полностью исчезают с того момента, как

индивидуум смешивается с массой людей». Политики – не исключение. Поэтому С. Московичи открыл книгу фразой: «Если бы вы попросили меня назвать наиболее значительное изобретение нашего времени, я бы, не колеблясь, ответил: индивид».^[489]

Кто же первым сделает шаг в будущее по пути гуманизма и прогресса, по пути мудрой эволюции? Где тот новый неистовый Сократ, что решится стать мудрым Учителем человечества, не убоясь чаши с ядом? Где все эти звездные таланты, выпестованные в недрах академий и университетов, сорбонн, оксфордов, кембриджей, гарвардов и гейдельбергов, которые бы, говоря словами Канта, предложили человечеству правила нового мироустройства? Мир корчится в муках и «*son silence est une calamite publique!*» (его молчание – общественное бедствие)?! Задача науки – разжечь подлинный мировой пожар духа в сонме умов и волей. Фихте ставил перед учеными грандиозную цель – помочь народам пробиться к лучшему будущему. Он писал: «Стоять и жаловаться на человеческое падение, не двинув рукой для его уменьшения, значит – поступать по-женски. Карать и злобно издеваться, не сказав людям, как им стать лучше, не по-дружески. Действовать! Действовать! – вот для чего мы существуем». Эти действия надо было бы нацелить на умственное и нравственное улучшение рода человеческого.

Время испытывает на прочность культуры и народы. Все мы внутри огромной реторты, имя которой – «цивилизация». *Panta rhei* («Все течет»). Эволюция – сложный феномен. В нем мы видим три действующих лица: Природу, Разум (Бога), Человека. Они взаимодействуют, созидают или исчезают в потоке Времени. «Каждое поколение в меру своих сил и возможностей пыталось создать подобие такой философии и идеологии жизни, основу которой составлял бы мир, «организованный, как гармоническое целое».^[490] Движение не означает парадного шествия разума. Замедляясь или отклоняясь, порой идя вспять, оно выглядит хаотично и бессистемно. Варварство и дикость спокойно соседствуют и уживаются с разумом и культурой. Христиане ломали шедевры античной культуры. Варвары разрушали прекрасные города. Римляне уничтожили Карфаген. Арабы вывезли библиотеки из Александрии и Ктесифона. Крестоносцы разграбили и дотла сожгли Иерусалим. Евреи разорили город Саломину, вырезав 240 тысяч киприотов (115 г. н. э.). Чингисхан из книг библиотек Багдада

строил переправу. Порой в костер цивилизаций шли целые народы, как это не раз бывало в Азии, Америке и Европе. Конкистадоры железом и кровью покорили Америку, а англичане уничтожали ирландцев. Цивилизация не очень-то изменилась. Неандертальский тип, дитя прогресса, сегодня предстает не только в метро, но и в кабине современного бомбардировщика, за пультом ракеты.^[491] Может случиться, что современный тип – *Homo sapiens* или *Homo sapiens explorans* («Человек разумный, исследующий») – на поверку все же не создаст гуманную и разумную цивилизацию. Философ Э. Юнгер писал о том, как в вымершем и окруженном песками городе нашли доску, где рассказано о некоем властителе, считавшем, что богатства и процветание пребудут с ним вечно. Вдруг нагрянул «истребитель всех блаженств и разрушитель всех союзов». Опустошитель и грабитель нажитого, убийца великих и малых, грудных детей и матерей, стал сокрушителем империи, погибшей в потоках собственной и чужой крови. Юнгер пишет, что подобная катастрофа может быть следствием как нападения на Запад чужеродных беспощадных сил, например, «цветных рас», или стать следствием внутренней болезни цивилизации и культуры («смертельной болезнью культуры»)^[492] Эти прогнозы обрели пугающую реальность. По оценкам палеонтологов, за время эволюции жизни на Земле сплошной чередой прошло 500 миллионов видов животных и растительных организмов. В настоящее время их насчитывается 2 миллиона. При этом только в результате вырубки лесов суммарные потери флоры и фауны составляют 4–6 тысяч видов в год. И это примерно в 10 тысяч раз больше естественной фоновой скорости исчезновения видов до появления человека.

Живой процесс видообразования почти прекратился. Планета колонизируется видами «технической популяции».^[493] Кто же браковщик, в таком темпе бракующий не только виды, но выбрасывающий целые народы из жизненного цикла? Главным судьей жизни и смерти стали развитые страны, властные элиты США, Европы. Авангард прогресса стал авангардом гибели и насилия.

К концу XIX—началу XX вв. европейцы и американцы вступили в период своей зрелости У. Ростоу считает, что этот путь начался в Англии в 1850 г., в США – в 1900 г., в Германии – в 1910 г., в Японии – с 1906 г. Народился «новый порядок», в котором монополистический капитал стал единственным и полновластным хозяином мира. К концу

XIX в. 100 млн. европейцев управляли более чем 700 млн. жителей Азии, Африки и Америки. Оттуда непрерывным потоком шли природные богатства, сырье, дешевая рабочая сила. В обратном направлении – жалкие крохи... Характер отношений между так называемыми цивилизованными народами и третьим миром мало изменился. Разумеется, западные страны внесли некоторый вклад в развитие колониальных владений, но вся прибыль от их эксплуатации фактически оставалась у них. В Кении в 1901 г. было 13 поселенцев-англичан, а к 1952 г. число их возросло до 30 тысяч. Сельским хозяйством там было занято 2500 европейских семей, но они заняли 39 тыс. кв. км. лучшей и плодороднейшей территории с самым здоровым климатом. В то же время на долю местных жителей-африканцев пришлось 134,5 тыс. кв. км. сухих, худших, наименее плодородных земель. На душу белого населения (городского и сельского) приходилось 320 акров лучшей земли, а на душу туземного населения – лишь 6 акров худшей земли. Такова справедливость по-европейски. ^[494] Разрыв в уровне жизни передовых индустриальных стран и остального мира стал практически непреодолимым. Выступая с докладом на Пагуошской конференции (1964) С. Поуэлл привел цифры: «Подсчитано, что пищевые отходы Соединенных Штатов могли бы прокормить количество людей, равное по численности населению США. С 1800 г. материальное благосостояние жителей Европы выросло примерно в 10 раз, тогда как в Индии и Китае оно до недавнего времени оставалось неизменным или даже понижалось. Для 400 млн. людей в Европе и Северной Америке годовой доход на душу населения превышает 400 фунтов стерлингов, тогда как для 1000 млн. жителей Азии, Африки и Южной Америки он меньше 40 фунтов стерлингов». ^[495] Этот разрыв между нациями (а теперь и внутри наций) продолжает быстро расти.

Что нас ожидает в будущем? Столкновение цивилизаций, о чем писал С. Хантингтон?! В XX в., по его мнению, облик мира будет формироваться в ходе взаимодействия всего семи-восьми крупных цивилизаций. К ним он отнес западную, конфуцианскую, японскую, исламскую, индуистскую, православно-славянскую, африканскую и латиноамериканскую цивилизации. Американец уверяет, что наиболее значительные, трагические конфликты случатся «вдоль линии разлома между цивилизациями». Правомерен вопрос: а не уйдет ли в разлом,

не сгинет ли Земля, подобно легендарной Атлантиде, исчезнувшей в бездне?! Не сгинут ли острова и районы, заполненные передовыми технологическими чудесами, в бездне?^[496] Перечитывая шпенглеровский «Закат Европы», понимаешь справедливость его слов: «Нам предстоит еще пережить последний духовный кризис, который охватывает весь европейско-американский мир». Сказано это о XX в., или миру еще предстоит Голгофа XXI в. – покажет время. Запад вошел в противоречие с жизнью на Земле. Экономист Всемирного банка Л. Саммерс советует поощрять вывоз грязных производств и ядерных отходов в бедные страны. Если народы последуют его совету, возможно, через миллионы лет пришелец из космоса спустится на Землю и, вскрыв ее кору, увидит безрадостный пейзаж, о котором писал русский ученый Н. А. Умнов (1846–1915) в статье «Эволюция мировоззрений в связи с учением Дарвина»: «Мы увидим совершенно иную, подавляющую картину: сплошное кладбище, и не обычное, привычное нам кладбище индивидов, а вымерших форм, типов, рас – от микроскопических до крупнейших».^[497]

Карикатура на теорию Дарвина об эволюции

Капитализм счел идею эгоизма определяющим фактором истории, поставив во главу мотивации поведения народов и личностей первобытные и животные инстинкты. Как сказал О. Уайльд: «Любовь к самому себе – это единственный роман, длящийся пожизненно». Но такой роман не может иметь счастливого конца. В этом мире человек – циник, «который всему знает цену, и ничто не в состоянии оценить» (Уайльд). У них «интеллект – на службе у физиологии» (Хаксли). Их кумир – меняла, ловкач, видящий величайшее искусство жизни в том, чтобы выиграть побольше, а ставить меньше. Тип торжествующего индивидуалиста-хищника не отвечает целям и задачам жизни. Установки типа «Своя рубашка ближе к телу» утвердились в развитых, богатых, аморальных обществах. Там торжествуют одинокие толпы, потерянные поколения. Об этом писал Э. Фромм («Бегство от свободы»). Острую тему не обошли и писатели (Г. Гессе в «Степном волке»). Человек одинок и несчастен: «Цивилизация, которая ради прогресса и роста разрушает малые жизненные группы, сделает людей одинокими и несчастными». Рисмен в «Одинокой толпе» пишет о терроре одиночества (1950). Запад поражен обесцениванием, обессмысливанием жизни. Бессилие и отчуждение людей становятся всеобщими. При опросах часты самооценки: «Как я теперь вижу, будущее совсем пусто для меня», «Все в мире угаснет», «Мы чувствуем себя отторгнутыми от общества» и т. д. и т. п.^[498] Старые боги умерли или доживают свой век. Эти настроения заметны и у нас. Миру надо решительнее менять старую философию и представления о «цивилизации». Капитализм в исторической перспективе не оставляет надежд человечеству. На Конференции по окружающей среде и развитию ООН (в Рио-де-Жанейро, 1992) ее генеральный секретарь М. Стронг сделал беспрецедентное признание: «Западная модель развития более не подходит ни для кого. Единственная возможность решения глобальных проблем сегодняшнего дня – это устойчивое развитие». Сделанные выводы, казалось, далеки от нас. Однако во-первых, чужих народов в природе не бывает, и, во-вторых, чей-то чужой пример, как говаривал Э. Берк, «это единственная школа человечества; в другую школу человек никогда не ходил и ходить не будет». Для умных и пытливых история вообще не делится на «свою» и «чужую», ибо в жизни каждого народа, несмотря на «все бесконечное разнообразие их законов и нравов», есть все же некоторые

общие принципы и правила, то, что философ называл «общей добродетелью» (Монтескье). Посещая эту школу жизни, толковый ученик никогда не позволит себе забыть великих и полезных уроков. Хотя Б. Чичерин и вынужден был заметить: «Для невежд уроки истории не существуют»... Но народы пока продолжают брести вслепую, действуя по инерции, как бы в сомнамбулическом сне. Мы убеждены: история не сказала еще и не скоро скажет свое последнее слово.

Рассуждения о «конце истории» предлагаем повернуть в русло решения проблем конца тиранов и воров. В основу цивилизации должны быть положены не законы потребления для кучки народов и кланов, а правила самоограничения и обуздания правящих элит. Военно-гладиаторским, бандитским, лукулловским воззрениям на жизнь пора, наконец, положить предел. Живи и здравствуй, но не за счет других людей, столь же, а, возможно, более достойных, чем ты! Не ослабляй великой связи Целого. Многие народы только расправляют могучие плечи гигантов (Китай, Япония, Россия, Индия, Корея, Бразилия, другие). И лидеры капиталистического мира, полагаю, попытаются найти разумный выход. Вряд ли они захотят остаться в памяти людей как рабовладельцы и создатели «технотронного колониализма». Такая философия приведет к гибели весь мир и процветающий Запад, который, по словам Ф. Броделя, ранее «всегда умел направлять и контролировать перемены, чтобы сохранить свою гегемонию». Если это на самом деле так, вопрос в том: сумеет ли Запад предоставить шанс этой новой жизни? Мало говорить: «Такой мир невозможен и не нужен. Верить в то, что он возможен – иллюзия, пытаться воплотить его – безумие. Осознавать это – значит признавать необходимость изменения моделей потребления и развития в богатом мире» (Я. Тинберген).^[499]

«Если вы не думаете о будущем, то, возможно, оно для вас и не наступит» (Дж. Голсуорси). Беспрестанная борьба идет в наших душах. В плане облагораживания человечеству не приходится рассчитывать на Европу и Америку. Г. Торо восклицал: «В Америке не появился еще человек с талантом законодателя. Такие люди редки в мировой истории. Есть тысячи ораторов, политиков и просто красноречивых людей, но еще не заговорил тот, кто способен определить самые болезненные вопросы современности» (1862). Минуло

полтора столетия. Ученых, подобных Сен-Симону, Оуэну, Фихте, Торо, Европа и США более не производят – за ненадобностью. Идеализм тут давно вымер, как некогда вымерли мамонты. Империя капитала нынче несет людям несправедливость, страдания, войны и насилие – и «развалится в свой черед» (Ф. Пэртэн). Идеологи вслед за Ницше, воспевавшим «последнего человека», за Э. Юнгером, говорившим, что «пророчество о последнем человеке быстро исполнилось», внушают народам мысль о «конце истории» (Ф. Фукуяма) и утверждают (И. Валлерштайн), что процесс становления единой мировой капиталистической цивилизации завершен (1950 г.). Поляризация мира приняла, якобы, законченный, постоянный характер. По этой «модели» выходит: сильные и развитые народы раз и навсегда покорили мир. Путь развития «завершился»... Отныне менее развитым остается одно: питать постиндустриальные страны ресурсами и дешевой рабочей силой и быть донорами. В таком сообществе надежд на успешное национальное развитие у большинства стран и народов нет (и не предвидится). Нет ничего более нелепого, лживого и опасного, нежели подобный взгляд на положение вещей. Отдельные дальновидные мыслители это уже поняли. К примеру, сотрудник Стокгольмского университета Т. Костопулос полагает, что миру пора переходить на систему, в которой господствующую роль будут играть не деньги и средства информации, не властные круги и армии, а власть Ноуса (знания). Он назвал работу «Закат рынка». Будет ли триумф разума? Но бездарно-вороватые вырожденцы в нынешней России, которые, говоря словами П. Н. Савицкого, решили стать аванпостом мировой цивилизации не столько в борьбе с другими культурами, сколько со своей собственной культурой и своим народом, сегодня только и болтают, что о «восходе рынка».^[500] На наш же взгляд, стержнем цивилизации, рычагом социальных перемен должны быть знания и законы справедливости. Если общество не сумеет объединиться на базе справедливости, честности и равенства, то в ходе развития оно будет постоянно сталкиваться не только с завистью, но и с яростным стремлением «к переделу» (Б. В. Марков).^[501] В России произошло размежевание нации на новых богачей и новых рабов. Человек у нас – не неудавшийся Бог, но обманутый властью Раб. Для России возможен один выход – авторитарная и просвещенная диктатура. Мы нуждаемся в альтруистах, что служат интересам всего общества и человечества, а

не только себе лично или своему клану. Конечно, им жить гораздо труднее, чем массе скотов, выросших на стадных инстинктах борьбы и естественного отбора. Поэтому порой так печальны их судьбы. Число великих, честных мыслителей, ученых, писателей, провидцев невелико, но без них нет жизни и прогресса... Генетик В. Эфроимсон пишет: «Однако попробуем сопоставить судьбу стада, орды полулюдей, целиком лишенных духа познания, с судьбой такой группы, в которой хоть изредка появлялись его носители, почти всегда погибавшие бесцельно или бесследно, но нет-нет да оставлявшие орде, полустаду-полуплеменю какую-либо из тысячи находок, будь то уменьше добыть огонь, насадка камня на палку, «изобретение» щита, уменьше плыть на бревне, хоть немного повышавших шансы группы на выживание и размножение. «Большинство людей готово безмерно трудиться, лишь бы избавиться от необходимости хоть немножко подумать», – сказал Эдисон. Этот афоризм вряд ли будет справедлив вечно. Но он, вероятно, точно описывает ситуацию, существующую не одну тысячу лет. Тем нужнее эти немногие думающие для племени».

[\[502\]](#)

Их торжество и будет способствовать расцвету государства и личности. Самораскрытие свободной, продуктивной личности само по себе не произойдет. Потому мы и надеемся на «русский социализм» (православный), что нутром понимаем: без дисциплины и контроля нам не подняться. Со «свободой» справится один из тысяч. Социализм должен сопровождаться развитием культуры, прав и обязанностей, веры, нравственности и строгости закона. Слова Макиавелли о моральных правителях как страшных и опасных разрушителях государственной машины («История Флоренции»), – глупость. В любой стране власть должна стремиться к духовно-нравственным началам.

Говорить о судьбах мира имеет право лишь тот, чье сердце принадлежит России и Русскому народу. Скажем словами Буало: «Свою страну и век должны вы изучать: они на каждого кладут свою печать». К сожалению, по пальцам можно пересчитать лидеров страны, бизнесменов, чиновников и депутатов, интересующихся отечественной, мировой наукой и культурой. В этом беда многострадальной России. Председатель Совета Федерации России Е. С. Строев писал: «Кто мы в соотношении со всем земным миром,

человеческой цивилизацией – необходимо знать каждому гражданину России, каждой деревне, каждому городу, каждой ее области, чтобы отличить суетное от вечного, не отягощать душу и смысл существования своего ненужным, мелочным, чтобы нести в мир добро и свет». [\[503\]](#)

Вот почему для патриота, любящего свой народ и Россию, как отмечал еще С.Булгаков, нет более захватывающей темы для размышлений, как о природе русской души, интеллигенции и государства. Поднимутся ли они на высоту великой задачи? Явится ли у нас столь необходимый образованный класс с русской душой? Или же ослепленное иудейство в союзе с татарщиной и псевдорусским «гомункулом» погубят Россию?! [\[504\]](#)

Глава 16

Триумф и трагедия Империи

ез России, ее культуры и науки, ее великого народа, о коем речь впереди пойдет особо, на наш взгляд, вообще невозможно понять смысла и предназначения всей мировой истории. Так же невозможно понять всего разнообразия климата Земли без изучения глубин и течений ее океана. Россия – цивилизация совершенно уникальная, древняя и молодая, цельная и многоликая, мощная и динамичная... Многие умы пытались приблизиться к ее пониманию. Немногим это удавалось, да и то в неполной мере. Здесь сходятся земные и небесные оси, перекрещены главные пути Запада-Востока, сосредоточены едва ли не все мировые религии. Иностранцы емко нарекли Россию Heartland (Сердце мира). Сердце это всегда бьется в унисон с сердцем угнетенного мира. Мы были и остаемся непохожими на других во все времена. Русист из США М. Малиа хотя и говорит о нас как о «стране диких, но полных жизненной энергии «скифов»», но все же признает: «Коммунистическая Россия представляла собой не просто «одну из европейских стран», а особый мир, вызывающе отличный от других». [505] Как заметил ранее К. Леонтьев, мы сорвались с европейских рельсов, выбрали свой путь развития, отличный от других, чтобы встать «во главе умственной и социальной жизни человечества».

В России проявлялось особое отношение к слову «цивилизация». В ней видели то могучего коренника, который мог бы выкатить матушку-Русь в богатую и процветающую Европу, то некое подобие страшного черта, что может до смерти напугать косный ум российского обывателя. Сразу после Великой Французской революции высочайшим указом императора Павла I в России было запрещено употребление целого ряда «крайне опасных» иностранных слов (таких, как «общество», «граждане», «отечество», «цивилизация»). Слово «цивилизация» у нас тогда так и не прижилось. Впервые оно появилось в печати только в XIX в., в словаре Даля. Большинство не ждали от цивилизации ничего хорошего. М. Голицын в «Просвещении и цивилизации» (1867) признавался: «Для моего русского уха как-то не совсем сочувственно звучит иностранное слово «цивилизация». Запад

видел в цивилизации позитивное начало, синоним «собственности, знания, силы кооперации» (Дж. Милль). Наши охотнее обращали внимание на ее пороки и болезни. Все сливается «в серую массу и, когда процесс гниения заканчивается, наступает смерть». Таков, мол, конец всех доселе нам известных цивилизаций.^[506] Но так ли это в действительности?

Когда в России сформировались лагеря «западников» и «славянофилов», то и тут каждый из них увидел в цивилизации нечто свое. Каждый стан вычленил в ней то, что ему ближе, подвергая сокрушающей критике чуждое и непонятное. Позицию первых выразил герой романа И. С. Тургенева «Дым» Потугин, ярый западник, преданный ее началам «до чрезвычайности». Он говорил: «Да-с, да-с, я западник, я предан Европе; то есть, говоря точнее, я предан образованности, той самой образованности, над которою так мило у нас теперь потешаются, цивилизации, – да, да, это слово еще лучше, – и люблю ее всем сердцем, и верю в нее, и другой веры у меня нет и не будет. Это слово: ци...ви...ли...зация (Потугин отчетливо, с ударением произнес каждый слог) и понятно, и чисто, а другие все, народность там, что ли, слава, кровью пахнут... бог с ними!»^[507] Да и сам Тургенев, «почти француз» (Мопассан), будучи, казалось, всецело предан ее ценностям, считал, что русских все же отличает от европейца некая «позитивность умственного склада мыслящего русского человека». Французов задавила привычка к мещанской сытости и комфорту. А у русских материальная обстановка и материальные блага отстают перед идейностью, духовными интересами. В Европе «все покрыто толстой корой сытомещанской культуры». Заражена ею и рабочая масса, даже так называемые «вестники новой жизни, проводники новых идеалов – социалисты». Хотя и признавал: живется там у них, в Европе, все же гораздо легче, чем у нас, да и дышится там, пожалуй, намного свободнее.^[508]

Любя русский народ, отдавая дань его великим заслугам и достоинствам, мы не должны умолчать о том, что мешает его росту и развитию. Не имеем права! Очевидные слабости были в известном учении славянофилов (слово изобретено К. Н. Батюшковым), представлявших нас избранниками небес, солью земли и цветом человечества. Б. Н. Чичерин (один из умных западников, который буржуазную «демократию» не принимал) бросил в адрес

славянофилов ряд упреков. Приведу полностью его высказывание, не подвергая критике спорные моменты: «Славянофильское учение было произведением досужих московских бар, дилетантов в науке, которые думали упорный труд и зрелую мысль заменить виртуозностью и умственную гимнастикой, создавая себе привилегированное умственное положение с помощью салонных разговоров и журнальных статей. Значение их в истории русской мысли состояло единственно в том, что они возбуждали прения; но это более чем искупалось вредною стороною их деятельности, тем, что они сбивали с толку неприготовленные умы, которые ослеплялись блеском софистики и увлекались обаянием ходульного патриотизма. Никакого самосознания в русском обществе они не пробудили, а, напротив, охлаждали патриотические чувства тех, которые возмущались нелепым превознесением русского невежества над европейским образованием. Нет ничего, что бы так вредило всякому делу, как безрассудное преувеличение. Я сам на себе испытал, до какой степени прирожденная мне любовь к отечеству, составлявшая одно из самых заветных чувств моей жизни, страдала от необходимости вести войну со славянофилами. Приходилось напирать на темные стороны нашего быта, чтобы побороть то высокомерное презрение, с которым они относились к тому, что нам было всего полезнее и что одно способно было вывести нас из окружающего нас мрака... В практическом же отношении лучшие из них легко сходились с западниками... Поэтому, когда наступила пора практической деятельности, теоретические различия сгладились и споры умолкли».

[509]

Ему, как и нам, не нравится, что патриоты и славянофилы считали, что России и русскому народу якобы само собой уготовано место на верху цивилизации. Будто бы нас там, в Европе-Америке, ждут не дождутся с цветами, шампанским, чтобы мы ввалились в «европейский дом» (еще и развалились там, как в своей харчевне). Такой дар данайцев расслабляет и обезоруживает русских! Нелепо и даже опасно думать, что место под солнцем нам якобы достанется без упорной умственной работы, без исторической борьбы. Русским давно уж пора понять — ни нам, ни нашим внукам-правнукам такой «малины» не видать. И слава богу!!! Нужны упорный труд, зрелая мысль, огромные знания, стальная хватка и очень, очень умное правительство. Б. Чичерина относят к консервативным либералам. Н.

Бердяев считал его ненавистником социализма, соответствовавшим русским исканиям правды. Он так писал о Б. Чичерине («Русская идея»): «Он принимает империю, но хочет, чтобы она была культурной и впитала в себя либеральные правовые элементы. По Чичерину можно изучать дух, противоположный русской идее, как она выразилась в преобладающих течениях русской мысли XIX в.». [\[510\]](#) Мы хотим примерно того же – культурной, деловой, правовой и могучей России.

В. Васнецов. *Битва славян со скифами*

Бытовая и культурная стороны жизни Запада вскружили голову многим в России. Те с головой окунулись в немецко-французско-английскую или еврейскую идейную среду, примеривая сюртук чужой философии на голое тело. Киреевский «перебывал Локистом, Спинозистом, Кантистом, Шеллингистом и даже Гегельянцем». Он, по словам Кошелева, доходил в неверии даже до отрицания Бога. Сначала горячо упрекал Хомякова за излишнюю церковность и недооценку значимости европейской цивилизации, яростно бранил его за желание нарядить всех в зипун и обусть в лапти. Однако вскоре его вдруг отчего-то повело в противоположную сторону: он стал пылко верующим и начал упрекать Хомякова в излишнем рационализме и недостатке чувства в делах веры. [\[511\]](#) В XX–XXI вв. шарахания у нашей «умничающей интеллигенции» все те же.

Иные, напротив, хотели высвободиться от объятий цивилизации, смыв ее с себя, как смывают плотный нарост грязи, якобы покрывший тело России за годы пребывания на Западе. М. Гершензон в споре с В. Ивановым узрел в цивилизации лишь систему тончайших принуждений. Провокационно он подбросил идею: надо полностью отринуть «умственное достояние человечества», сбросить это «досадное бремя»: «Мне кажется, какое бы счастье кинуться в Лету, чтобы бесследно смылась с души память о всех религиях и философских системах, обо всех знаниях, искусствах, поэзии, и выйти на берег нагим, как первый человек, нагим, легким и радостным, и вольно выпрямить и поднять к небу обнаженные руки, помня из прошлого только одно – как было тяжело и душно в тех одеждах, и как легко без них». Славная перспектива, что и говорить – ходить везде и всюду «без одежд» (да еще в России). Только так ведь недолго заболеть, опаршиветь, совсем замерзнуть. [\[512\]](#)

Постепенно стал вырабатываться более взвешенный подход к понятиям «цивилизация» и «прогресс». Далеко не все относились к ним отрицательно. Н. Хлебников в книге «Что такое цивилизация» (1878) заявлял, что цивилизация – это и есть сама жизнь. Только благодаря ей и возможен прогресс. В то же время он считал: «момент застоя в умственной жизни есть момент упадка»... Вл. Соловьев подчеркивал, что не христианству вовсе мы обязаны так называемым прогрессом, начиная с уничтожения рабства и до чудес изобретателя Т. Эдисона. Романтик традиционализма К. Леонтьев, ставя знак равенства между цивилизацией и культурой (имея в виду настоящую цивилизацию, а отнюдь не ту убогую, выхолощенную и массовую поп-культуру, что явит позже культ публичного идиота), писал в книге «Византизм и славянство» о ее роли: «Цивилизация, культура, есть именно та сложная система отвлеченных идей (религиозных, государственных, лично-нравственных, философских и художественных), которая вырабатывается всей жизнью нации. Она, как продукт, принадлежит государству, она принадлежит всему миру». [\[513\]](#)

Весь фокус в том, что у нас такая система совмещения духа и быта все время заимствовалась высшим слоем извне. XVIII в. прошел под знаком заглывания и переваривания французских идей, XIX в. – английских, немецко-еврейских идей (хотя и не бесполезных, но все

же большей частью пустых), а конец XX в. прошел под знаком гегемонизма идей США. Поэтому в России и сегодня масса тех, кто готовы воспринимать историю уже только на основании того, что нам когда-то «рассказали из милости немцы, французы и англичане» (Д. Валуев). А уж иудейских мессий и оракулов русские вынуждены слушать денно и нощно. Как некогда пророчески сказал Ф. И. Тютчев в отношении этих господ:

Напрасный труд – нет, их не вразумишь, —
Чем либеральней, тем они пошлее,
Цивилизация – для них фетишь,
Но недоступна им ее идея.
Как перед ней ни гнитесь, господа,
Вам не снискать признанья от Европы:
В ее глазах вы будете всегда
Не слуги просвещения, а холопы... [\[514\]](#)

Поведение Запада нас не удивляет. Французы, англичане, немцы, американцы, евреи живут по иным правилам, нежели мы. Тютчев верно сказал: «Западные люди, судящие о России, – это нечто вроде китайцев, судящих о Европе, или, скорее, греков (Greculi), судящих о Риме. Это кажется законом истории: никогда ни одна общественная система, ни одна цивилизация не проявила понимания той, что должна была прийти ей на смену... Что еще больше вводит их в заблуждение, так это западная колония образованных русских, которая вторит им их же голосом. Насмешка эха». Эта колония отличается извечным лакейством мысли. [\[515\]](#) Непонимание западной колонией образованных русских (где русских-то раз, два – и «обчелся») всей духовной музыки России очевидно. Наша прозападная интеллигенция потому и не в состоянии заглянуть в будущее, что не привыкла глубоко мыслить. Нюансы истории оказались недоступны политическому чутью даже столь умелого и изощренного политика, каким был Ленин, замысливший великий социальный эксперимент в России. До конца понять его логику нам трудно. Как можно было брать на вооружение галиматью, созданную давними ненавистниками России в целом и русских в частности?!

Культурно-психологический анализ черт разных народов убеждает нас и в том, что у них различные представления об идеалах, смыслах жизни. То, что кажется хорошим для немца, еврея, англичанина, француза, американца и т. п., зачастую абсолютно не подходит нормальному русскому человеку (если он не выродок). Для англичанина свято то, что существует, для немца законно все, что указано и одобрено сверху, для француза и американца праведно то, что дает прибыль, для еврея хорошо все, что хорошо для его кармана и его народца. Русский эту философию не понимает и не принимает. В. Шубарт писал: «Я отметил как одно из величайших преимуществ русских то, что у них, в отличие от немцев, между духом и общественной жизнью нет пропасти. У англичан, кажется, дела обстоят так же, но, увы, – только на первый взгляд. Потому что англичанин не стремится, как мессиански настроенный русский, от абсолюта к действительности, а исходит из мира опыта, за который он цепляется, не рискуя далеко выйти за его пределы. В то время как русский приносит земное в жертву идее, англичанин приносит идею в жертву земному».^[516]

Возможно, эти различия Запада и России ощущал «звериным чутьем» М. Бакунин, что привело его к бурному разрыву с Марксом и Интернационалом! В одном из писем Бакунина в газету «La Liberté» (1872) имеется нелестная характеристика не только К. Маркса (тут причиной могла быть их известная борьба за лидерство в Интернационале), но и немецко-еврейской нации (ее отношения к славянству). Бакунин писал так: «По отношению к славянам они (немцы) выказывают презрение, но в этом презрении немало боязни; подлинное чувство их к ним – ненависть, ненависть угнетателя к угнетаемому, со стороны которого он опасается грозного возмущения». Ненавидя и не понимая – они боятся нас!?.^[517] В основе своей мало что изменилось с тех пор.

«Земля обетованная» марксизма

Марксизм никак не мог стать панацеей для нас, ибо, во-первых, был воспринят чисто по-холопски и, во-вторых, нес в себе семена чуждой «религии», уходящей корнями в дикую ненависть к славянству. Позже А. В. Луначарский (министр культуры в Советской России) с гордостью назовет «учение Маркса» не иначе как «пятой великой религией, сформулированной иудейством», или религией, «подаренной титаном-евреем пролетариату и человечеству» (нередко наш слабо просвещенный крестьянин и рабочий молились на них). В этой связи давно уже необходимо поставить перед Россией вопрос: «А знает ли она подлинные взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса?» Думаю, что не совсем (или не то, что изучала). Особенно это касается их личного отношения к России, русским и славянству. У Маркса есть статьи 1853–1856 гг. для газеты «Нью-Йорк Трибюн». Статьи скрывались всеми коммунистическими издателями с тайным страхом (как весьма опасные и «деликатные»)… «Разоблачения по истории тайной дипломатии XVIII столетия» – К. Маркса наиболее значительное из всего того, что он посвятил политической истории России. Там русским вовсе нет места в Европе! Это действительно разоблачения (но «иудейского марксизма»)… В них подвергнуты бичеванию не только и даже не столько политика царского правительства России (которая в ряде случаев заслуживала и резких оценок), но русский народ как явление.

Обратимся теперь к аргументации почтенного доктора (К. Маркса). Признавая насущную необходимость России в обзаведении открытыми морскими портами в Архипелаге и в Балтийском море,

если та желает сохранить свое доминирующее положение в Европе, он, однако, не оправдывает способы и приемы, которыми преследуются эти цели. К. Маркс даже утверждает, что принципы и способы осуществляемой ею политики указывают «на внутреннее варварство самой России». Что получается!? Войны, ведущиеся с применением силы всеми европейскими странами (Францией, Англией, Пруссией, Австрией, Швецией) за сферы влияния, в том числе против России и всех славянских народов, в его понятии означают благо, ибо их осуществляет «цивилизованная Европа»! Когда же наш Иван, теряя последнее терпение, весь измордованный, погрозит кому-то кулаком в Европе, Прибалтике, Крыму, на Кавказе, в Азии (чтобы не замали!) – это, видите ли, дикое варварство! Гнусная логика Запада! Следуя их логике, эти господа и вынудили нас в XX в. уйти с берегов Черного и Балтийского морей. Анализируя политику России, Турции, Греции, других стран на Балканах, у Маркса то и дело вырывается страх немца (да еще иудея), что рано или поздно, а все же воплотится в жизнь идея «славянской империи», которая объединит всех южных славян – греков, болгар, сербов («все ветви славянской расы») «под одним скипетром», что неминуемо приведет их к тому, что «они станут господствующей расой Европы»...

Маркс представляет всех славян варварами. Они не только неисторические народы, но и круглые невежды. Славяне вообще не имеют права на жизнь. Так, Энгельс писал с презрением о поляках: «Никогда поляки не делали в истории ничего иного, кроме как играли в храбрую и задорную глупость». Ненависть Маркса-Энгельса к славянам не случайна и не эпизодична. Чего стоит хотя бы фраза о «славянской сволочи» (*Lumpengesindel*). Но о своей нации, о немцах, Маркс говорит с гордостью: да, я немец, и хороший немец (*von Haus aus ein Deutscher*). Победы же пруссаков над французами Маркс и Энгельс называли не иначе как «нашими блестящими победами». Надо ли удивляться, что и лидеры социалистов Европы оказались в одной лодке с убийцами и ненавистниками сербов?! *Odium theologicum!* (лат. «Неприязнь на почве вероисповедания»). Им чужд и враждебен сам образ наш. Сегодня, когда объединенная Европа вкупе с США фактически ведут войну на уничтожение славян, думаю, Маркс получил бы шквал похвал от милитаристов и банкиров Запада за его позицию.

В другом месте он выступил еще более цинично и нагло, фактически ратуя за интервенцию Запада в Россию и против России, которая в его лице, близок час, «натолкнется на своего настоящего противника» (грозит!). Итогом тотального наступления «западной культуры» (что в ее экспансионистско-захватническом устремлении, «подобно солнцу, обойдет весь мир») неминуемо явится то, что Запад «вдребезги разобьет русский колосс». Он желает нациям Европы гармонизации, мира и процветания: «западные народы обретут снова единство и способность к волевым решениям» («гуманист»!). Что же до матушки-России, то ей Маркс желает только одного: чтобы либерально-демократическая революция (или эволюция, ему один черт, чем убивать Русь) окончательно сокрушила и уничтожила эту внушающую страх полуазиатскую державу, разбила «вдребезги русский колосс». Смысл ясен и понятен: в России и революция должна пойти «на ее погибель». В этой связи вспоминается и фраза О. Бисмарка о том, что для социализма надо выбрать страну, которую не жалко. Маркс не принял и факта существования России как государства («Это государство, которое даже при достижении им мировых успехов можно лишь принимать на веру, а не принимать как факт»). Истинное лицо онемеченного еврея Карла Маркса раскрылось в оценке личности Петра I. К имени Петра с почтением отнеслись французские энциклопедисты, немецкие философы, горделивые британцы. Что же наш «интернационалист»? Он не увидел в России, ее великом народе ничего, кроме «виртуозности в искусстве раболепствовать». Петр лишь «сочетал политическое искусство монгольского раба с гордым честолюбием монгольского повелителя». Автор сборника «Маркс против России» Н. Ульянов замечает: «Проглядел всего Петра, проглядел всю Россию, – что можно еще сказать об этой духовной слепоте!? Жалкое, презренное мировоззрение, которое не позволяет усмотреть в чужой истории, в чужом величии и в чужой беде, в чужой жертвенности и в чужом героизме ничего другого, как только низость и подлость, коварство и трусость, раболепие и ничтожество».^[518] Духовная слепота некоторых господ «интеллектуалов» потрясает.

Эту чужеродность марксизма тонко чувствовали и мыслители христианского направления в России. В частности, философ С. Булгаков (1871–1944) упрекал Маркса в пренебрежении отдельной

личностью, в нежелании в каждом «читать человека». Он писал: «Здесь снова всплывает характерное пренебрежение Маркса к личности. ... личность упраздняется целым, какой-то социалистической Спартой, как у Маркса. Только на религиозной почве, где высшее проявление индивидуальности роднит и объединяет всех в сверхиндивидуальной любви и общей жизни, только соединение людей через Христа в Боге, т. е. церковь, личный и вместе сверхличный союз способен преодолеть эту трудность и, утверждая индивидуальность, сохранит целое... Да приидет Царствие Твое! Да будет воля Твоя на земле, как и на небе! Такова наша молитва. Такова же и конечная цель мирового и исторического прогресса». Маркс – симбиоз пророка, фанатика-еврея, немецкого националиста-догматика. Интересно, что на тот факт, что он фактически не имел серьезных исторических знаний, почти никто не обратил внимания. Хотя Ф. Меринг упоминал о том, что за 9 семестров в Берлинском университете (с 1836 по 1841 гг.) он прослушал 12 курсов (более половины относилось к юриспруденции, один к философии, два к богословию, один к литературе и ни одного к истории). Человек, попытавшийся изменить ход истории, совершенно не интересуется ее течением и содержанием. Как вам это нравится?! Полагаю, что именно антиисторизм и вынес «смертный приговор» марксизму, причем вынес задолго до того, как эта теория овладела умами миллионов людей. Он и диалектику-то Гегеля взял, как панельную девку (попользовал ее, а затем и бросил). Поэтому С. Булгаков справедливо говорил о беспрецедентной философской катастрофе, разразившейся в Европе, о разрыве с классическими традициями. Если сюда добавить огромное самомнение Маркса, питаемое такими чувствами как ненависть, мстительность, тиранство, то многое станет понятнее в этой личности. Один из его почитателей написал: «Если бы он имел столько же сердца, сколько ума, столько любви, сколько ненависти, я готов был бы пойти за него в огонь» (Трехов). Лишенный капли любви, он и не мог создать ничего кроме философии и политики ненависти. [\[519\]](#)

Вот и Энгельс бросал в адрес русских патриотов упреки, направляемые против нас ныне лютыми врагами России. По его словам, именно русские – «особенные враги демократии» и потому, мол, их вообще нельзя пускать в Европу. Когда Герцена избирали членом одного из международных комитетов (1855), против его

кандидатуры решительно выступил К. Маркс, заявив, что хотя он лично и не знает Герцена и не может сказать против него конкретно ничего плохого, но все же он категорически против, ибо тот прежде всего панславист, русский, притом «русский, который во всем, что писал, поддерживает Россию».^[520] Какой страшный грех! Если бы проклинал Россию на каждом углу, тогда, ясно, наш брат-демократ. К сожалению, даже патриотические круги сегодня все еще редко и робко говорят о русофобской и антиславянской сущности марксизма. Энгельс кликушествовал (в духе фюрера и демократов, пропагандирующих жандармские «достоинства» НАТО): «Всеобщая война, которая разразится, раздробит славянский союз и уничтожит эти мелкие тупоголовые национальности вплоть до их имени включительно. Да, ближайшая всемирная война сотрет с лица земли не только реакционные классы и династии, но и целые реакционные народы, и это также будет прогрессом... Мы знаем теперь, где сосредоточены враги революции: в России и в славянских землях Австрии... Мы знаем, что нам делать: истребительная война и безудержный террор». Зная все это, нужно было быть самоубийцей, глупцом или врагом России, чтобы ставить во главу реформ и революций идеи еврейских вождей, и их самих, ненавидящих Россию и русских всеми фибрами души.

Но прежде всего надо быть человеком нерусского склада, чтобы положить такую идеологию в основу государственного строя. Сталин писал: «Многие секретари обкомов, крайкомов усвоили марксизм? На это нужно десятилетие, чтобы усвоить марксизм. Как Ленин усвоил марксизм? Как он читал сочинения Маркса? Он не просто читал, а прорабатывал. Он записки составлял, раз, другой, третий раз перечитывал, руководил движением. И вот он в конце концов добился, что усвоил марксизм. Нельзя же требовать этого от каждого члена партии. Это глупо».^[521] Бог с ним, с марксизмом. Мы же не думаем, что «Карл Маркс лучше знает, в чем заключаются интересы русского народа, чем сам этот народ» (И. Солоневич).

Российские консерваторы пели хвалу монархическому устройству России. В их словах всегда было много пафоса, но гораздо меньше правды и истины. Монархист Н. Черняев в «Русском самодержавии» писал, что неограниченная монархия имеет ряд заметных преимуществ и светлых сторон, благотворное влияние которых для

страны очевидно и несомненно. В такого рода монархиях, якобы, нет острой борьбы за верховную власть. Черняев уверяет, что власть и почет «не ослепляют его» (монарха), и даже утверждает, что при такой власти «не бывает ни подкупов, ни волнений, ни насильственных переворотов», а великий акт перехода власти по наследству в монархиях «совершается сам собою, не ведя за собою ни смут, ни бесплодной затраты общественных сил». Однако же помимо акта передачи, есть еще и главное – управление страной. На этом как раз крепко и споткнулась Российская монархия! Царь хотел править, а окружение хотело всем заправлять. Черняев ставит монарха в привилегированное положение, говоря: «Ни президенты республик, ни члены парламентов не заинтересованы так близко в судьбах страны, как самодержавный монарх. Все они, как халифы на час, не имеют особенной надобности тревожиться за ее будущность. Если они не отличаются высокими личными качествами, то обыкновенно думают: *apres nous – le deluge* (после нас – хоть потоп). Для того чтобы подобной точки зрения держался наследственный самодержец, он должен быть чудовищно легкомыслен и развращен, ибо, если у него есть хотя в слабой степени любовь к детям и вообще к потомству, он будет прилагать все усилия, чтобы сделать свой народ счастливым, богатым и сильным».^[522]

Черняев назвал царя «представителем нужд и потребностей своего народа». Иные узрели в нем воплощение государства. П. Столыпин рассматривал власть самодержавия как хранительницу идеи русского государства. Отчего же она не сохранила жизни ни ему, ни стране? М. Катков писал, что разнородные племена и различные области русского мира «составляют его живые части и чувствуют свое единство с ним в единстве государства, в единстве Верховной Власти – в Царе». Некто господин С. Шарапов говорил о Самодержавном Государе высокопарно как о живом воплощении коллективного и исторического организма. Поэтому, мол, Русский Государь и сосредотачивает в себе всю полноту прав. Монархист В. Катков страстно и убежденно восклицал: «Исторические особенности нашей жизни, борющиеся интересы отдельных групп, племен и рас, ее населяющих, поглотили бы собою интересы всей России, если бы разум творцов ее не выработал из недр ее особого института, обязанного хранить «душу нации» и служить ей объединяющим

знаменем... Этот институт и есть Императорская власть русских Вождей». Профессор Грановский писал, что в прошлом именно монархическое начало, являющееся корнем, из которого выросла наша государственная жизнь, и лежит в основании «великих явлений русской истории». Об историческом значении самодержавия говорили и Б. Чичерин с Л. Тихомировым. Философ В. Розанов так и вовсе заявил: «Царь, это – я сам, но только могущественный...». Эти и другие высказывания взяты нами из книги крупнейшего российского юриста, профессора П. Е. Казанцева «Власть Всероссийского Императора» (1913). В героической и тяжелой истории России самодержавие на определенном этапе сыграло важную и позитивную роль. Но обратите внимание на итог. Факты всем широко известны: к сожалению, царь, самодержавие, дворяне, в конечном счете, ведь так и не смогли создать в XX в. ту «несокрушимую преграду», о которую могли бы разбиться яростные «волны надвигающихся с Запада социальных переворотов». Единство народа, царя и церкви в России, как это ни печально, все ж оказалось призрачным. Л. Толстой был прав, когда выражал сомнение в том, что самодержавие является идеалом русского народа. Говоря о позициях И. С. Аксакова, Толстой писал: «Он и не замечает того, что самодержавие известного характера есть не что иное, как известная форма, совершенно внешняя, в которой действительно в недолгий промежуток времени жил русский народ. Но каким образом форма, да еще скверная, да еще обличившая свою несостоятельность, может быть идеалом, – это надо у него спросить». Верно, самодержавие знало времена громких побед, результаты которых нынешние «демократические самодержцы» растранижили самым бездарным и позорным образом. Почти-что все из того, что удалось за долгие 5–7 веков собрать, построить, защитить и сохранить Народу, Царям и Церкви.^[523]

Ну а если царь слаб и мыслит в духе казненного Людовика?! Николай II любил детей и семью, но как государственный деятель – ничтожная и безнравственная личность, ибо допустил развал России и гибель миллионов. Кстати, это ведь он, такой «нежный и любящий», в детстве пытавшийся даже воробышка обратить в христианство, осуществлял массовые порки крестьян. С его согласия казнили без суда за малейшие волнения, казненных даже хоронили как «бесфамильных». Карательные экспедиции стали обычным явлением

после его демагогического «Манифеста». И все это скреплял рескриптом Николай! А чего стоит Распутин и его власть над царицей?! Канонизировать невинно убиенную семью царя можно, если угодно, но не царизм... Элита не введет нас в заблуждение, пытаясь подsunуть новую клетку и выбросив лозунг «Не трогайте короля!». Они потому и нашли «царские кости». Лишь бы отвлечь внимание голодающих масс от преступлений режима. Мы имеем в виду не классический труд Ж. Кювье «Исследования об ископаемых костях», появившийся на свет в 1812 г., и не скрупулезный доклад следователя Соколова, а попытку реставрировать монархию.

Семья Романовых. Санкт-Петербург, 1904 г.

А взять дворянское сословие... Разумеется, немало достойных и честных дворян верой и правдой служили России. Однако с годами менялось и дворянство. Уже в «Дворянском гнезде» И. С. Тургенева предстает такой милый и такой добрый Федор Иванович Лаврецкий. Казалось, уж как славно воспитывал его бывший аббат и энциклопедист. Он влил в его голову всю премудрость XVIII в. В итоге там даже кое-что засело из трудов Дидро, Вольтера, Руссо, Рейналя, Гельвеция. Но эта премудрость Запада из головы быстро выветрилась. Жизнь шла сама по себе, а мудрствования сами по себе. Ни сердцу тепло, ни желудку сытно от того не стало. Итог – вполне ожидаемый и

печальный. Наш дворянин плюнул на все проекты реформирования России – и со своей мамзелью укатил в Швейцарию, Германию, Италию, Францию. И даже слушал там лекции в Сорбонне. Тут мы с Достоевским поспорили бы относительно пользы такого вот «демократического соприкосновения» с народом. Ума много не надо «вот этак» с ним, горемычным, соприкасаться. Дворяне в Баден-Баденах (а теперь наши новые баре на Канарах) собственными руками подготовили себе плаху и веревку... И Кара-Мурза прав, говоря: выродившееся дворянство, как и выродившаяся номенклатура, вызывает у народа не просто вражду – но омерзение, ибо все они охотно готовы продать и предать свой же народ с потрохами. «В начале века дворянство, составлявшее 1 процент населения, владело половиной пахотной земли, отнимало за аренду у крестьян половину урожая и прожирало эти деньги в Париже или проигрывало в Монако. Масштабы вывоза денег из России (в целом) напоминали нынешние». Кончилось все тем, что аристократы по уговору с тем же Западом свергли царя, а офицеры-дворяне, певшие «Боже, царя храни», кинулись служить Западу в «белой армии». Перечитаем «Белую гвардию» М. Булгакова и вдумаемся, а кому же служат эти милейшие Турбины. Ну, кому служат «демократы» в России, читателю объяснять не надо.

В.И. Гау. *Портрет неизвестной в белом платье. 1844 г.*

В.И. Гау. *Портрет герцога Адольфа Нассауского в интерьере. 1844 г.*

Царская бюрократия во многом и была, наряду с главным бюрократом – царем, виновником большинства бед, которые обрушились на нас в XX в. Социолог и правовед Б. А. Кистяковский (1868–1920) вполне справедливо заметил: «Русская бюрократия заслоняла перед русским монархом народную Россию с ее истинными нуждами и потребностями. Сама по себе бюрократия, особенно в лице ее высших представителей, совершенно была оторвана от народа тем более, что значительный контингент ее состоял из аристократического элемента инородческого происхождения: из остзейских баронов, финляндских рыцарей, татарских, армянских, грузинских и других кавказских князей. Поэтому знаменитое утверждение славянофилов, что бюрократия является средостением между царем и народом, было не только удачным образом, но и точным отражением действительности... Русский неограниченный монарх сносился только с бюрократией и совсем не мог быть осведомлен о нуждах своего государства».^[524] Высшая бюрократия высасывала все соки из нашего народа до 1917 г., как она с тем же успехом проделывает и после 1991 года. Эти господа были готовы грабить матушку-Россию тогда, а новые буржуа готовы, еще хлеще, гнать атом, нефть, хлеб, газ, уголь, металл за границу за бесценок. Пусть хоть весь наш народ перемрет. Поэтому если кто еще не сказал последнего слова, так это не царь, не генсек, не император, не президент, а лишь НАРОД РУССКИЙ.

Не лучше выглядела и исполнительная власть в России! Столыпин сказал о национальном составе органов власти России: «Государственная Дума должна быть русской и по духу. Иные народности должны иметь в Государственной Думе представителей нужд своих, но не должны и не будут являться в числе, дающем им возможность быть вершителями вопросов чисто русских». В речи в Государственной Думе он же заметил (1907 год): «Поэтому наши реформы, чтобы быть жизненными, должны черпать свою силу в этих русских национальных началах... Нельзя к нашим русским корням, к нашему русскому стволу прикреплять какой-то чужой, чужестранный цветок (*бурные рукоплескания в центре справа*). Пусть расцветает наш родной русский цвет, пусть он расцветет и развернется под влиянием взаимодействия Верховной Власти и дарованного Ею нового представительного строя. Вот, господа, зрело обдуманная

правительственная мысль, которой воодушевлено правительство. Но чтобы осуществить мысль, несомненно, нужна воля. Эту волю, господа, вы, конечно, найдете всецело в правительстве». Он требовал не «превращать Думу в древний цирк, в зрелище для толпы», но, твердо сохраняя неуклонную приверженность к русским историческим началам (и к русским людям и идеям), направить все свои законодательные усилия на благо страны и народа России.^[525] Но Столыпин злодейски убил еврей Мордко Богров.

Не очень-то повезло России с думами и госсоветами. I Государственную Думу царь распустил, объяснив тем, что она «разжигает смуту». Главная же причина была в ином. По словам В. И. Вернадского, Государственная Дума дотронулась до бюджета, приступила к контролю и анализу того нерва, которым жила бюрократия. «Этого бюрократия снести не смогла». Ученый оценил роспуск царской Думы как акт безумия и самоубийства, сказав, что это сделано по невежеству и полному отсутствию государственного смысла. Он предвидел, что в результате будет изменен строй России и прольется много крови. Но не намного лучше выглядел и старый Госсовет России. В. Вернадский писал: «В Государственном Совете я увидел этих людей, нищих духом, а в их руках власть, и нельзя считать, что они будут делать то, что разумно». Правда, в 1924 г. он скажет несколько в ином духе, а именно: что там были тогда и талантливые, яркие люди (Витте, Кони, Ковалевский, Таганцев и др.). Однако, увы, не они задавали тон. У основной массы сенаторов «не было ни *esprit du corps*, ни блеска знания и образования, ни преданности России, ни идеи государственности». А в общем и целом это была «ничтожная и серая, жадная и мелкохищная толпа среди красивого декорума».^[526]

Столыпин знакомится с хуторским хозяйством недалеко от Москвы. 1910 г.

Ну а промышленники и купечество? Вроде бы экономическое и хозяйственное развитие России в начале XIX в. внушало оптимизм. На ее долю приходилось более половины мирового производства ржи, 1/4 пшеницы и овса, 2/5 ячменя, 1/4 картофеля. Наши же твердые, высокобелковые пшеницы, долговолокнистые льны, а также сибирское и вологодское масло почти не имели конкурентов на продовольственном рынке мира. Запад осознавал наш громадный потенциал. Э. Тэри, которому правительство Франции поручило провести анализ перспектив нашего развития, отметил, что Россию ожидают: прирост коренного населения, увеличение промышленной и сельскохозяйственной продукции, усиление ее образовательного и военного потенциала. Он писал: «Ни один из европейских народов не достигал подобных результатов». Производство каменного угля увеличилось у нас на 79,3 процента, железа и готовой стали – на 53 процента, объем промышленной продукции – на 88 процентов. Европа делает вывод: «Если у большинства европейских народов дела пойдут таким же образом между 1912 и 1950 годами, как они шли между 1900 и 1912, то к середине настоящего столетия Россия будет доминировать в Европе как в политическом, так и в экономическом и финансовом отношениях». ^[527] Заправила мира не допустили, ввергнув Россию в 3 революции, 6–7 войн (из них две – мировые). Но и тут все далеко не однозначно.

Жизнь народа при самодержавии вовсе не была такой сладкой, какой ее ныне пытаются представить сторонники монархии. Зачем лгать себе и людям? Кого мы вводим в заблуждение? Олухов и невежд? Романтиков монархизма? Ученый К. Тимирязев еще сто лет тому назад выпустил убийственную брошюру «Точно ли человечеству грозит близкая гибель?» (пересказ лекции). В ней он приводит отрывок из труда англичанина Крукса, в котором тот, перечисляя производящие пшеницу страны, даже не остановился на России. Хотя многие и тогда склонны были называть ее «закромами Европы», тот даже и не вспомнил об этих ее «закромах». Почему же? А они были пусты... И это место невозможно читать без горечи и боли. Крукс приводит

данные, говорящие о том, что лишь в России, Италии и Турции в конце XIX в. потребление хлеба населением не возросло, а падало... «Крестьянин в России, – писал англичанин, – голодает, падает жертвой голодного тифа, а производители пшеницы экспортируют то, что должны были бы оставить дома». ^[528] Это лишь малая часть горькой правды о России. В 1911 г. голод охватил 11 губерний, жестоко поразив 30 млн. человек.

Разумеется, столь сложное явление как развитие капитализма в России на 2–3 страницах не опишешь. Этому посвящены серьезные и интереснейшие книги. Но, прочитав их, мы вправе сделать некоторые обобщения (самые беглые). Во-первых, в России налицо запаздывающее развитие капитализма по сравнению с передовыми странами. И не просто какое-то там полувекое запаздывание, а трехвековое отставание. Уже этот фактор говорит о многом, а еще к большему обязывает. Мы обречены догонять Запад (при глупых, посредственных вождях) или должны работать на опережение (если России чуть повезет и она избавится от своей тупой правящей «элиты»). Во-вторых, капитализм в России был таков, каков был. А был он слаб, глуп, труслив, алчен и недальновиден. Среди класса русских купцов и промышленников, бесспорно, есть яркие, одаренные, сильные фигуры. Таким был, скажем, Сергей Иванович Четвериков, владелец суконной фабрики. Закончив реальное училище, он мечтал о поступлении в университет, сочинял ноктюрны и романсы. Старый немец, главный бухгалтер конторы, даже сказал о нем как-то: «Никогда хорош купец не будет». Однако культура и знания сделали свое дело. Отец послал его учиться за границу. Тот узнал, как работают лучшие европейские суконные предприятия. Уровень их был неизмеримо выше. Мы уступали во всем – машинах, знании, качестве сырья, уровне организации, не говоря уже о социальных условиях жизни и быта рабочих и мастеров. И он первым среди русских промышленников пошел на радикальное изменение условий труда и быта рабочих. Уничтожены были все ручные ткацкие станки, ликвидированы ночные смены для женщин и малолетних, 12-часовая рабочая смена заменена на 9-часовую смену. В 1907 г. Четвериков одним из первых в мире и первым в России сделал работников участниками в прибылях фабрики, отчисляя им из чистой прибыли 20 процентов, а старшему рабочему персоналу и высшим служащим – 10

процентов. Однако это было исключение из правил. В целом Кит Китычи жили по старинке: «Не обманешь – не продашь». Вся масса капиталистов решительно не желала уменьшать рабочий день даже до 10 часов. В качестве отговорок утверждалось, что у рабочих и без того отнимается до 50 дней в году на церковные праздники. Рабочие жили в скученных казармах, как в тюрьмах (их селили из расчета 1 кв. м на человека). Если масса рабочих (ткачи, прядильщики, набойщики) на коншинских фабриках в Серпухове получали по 15–16 руб. в месяц в среднем, то 5 директоров компании за 1913 г. получили в общей сложности 235 тыс. руб. И такова была типичная картина практически по всей России. Не мудрено, что управляющие доносят: «Социал-демократическая пропаганда настолько возбудила аппетиты, теория борьбы классов настолько подогрела ненависть и недоверие, что всякое требование сносной, добросовестной работы понимается как грубая эксплуатация и посягательство на права пролетариата».^[529] Сейчас эта эксплуатация возвращается.

Ночлежка в России. 1900-е годы

Во-вторых, сами промышленники и помещики были те еще «патриоты» и «гуманисты». Иностранные капиталисты (немцы, французы, евреи и проч.) старались выжать из рабочих все, что только можно. Председатель Петербургского общества заводчиков и фабрикантов С.П. Глезмер в записке, направленной в Министерство финансов России, утверждал, что поскольку рабочих в России «менее 2 процентов общего населения», то и волноваться нечего. Никакой организованной борьбы они не в состоянии наладить. Капиталисты требовали освободить их от обязанности заботиться о больницах,

школах, жилищах, кассах для рабочих. Зря, мол, власть увлекается «западными образцами». Они нам не указ. Витте и Плеве напрасно вzywали их к осмотpительности и осторожности. Иначе говоря, российская буржуазия не сумела или не захотела пойти на серьезные реформы.^[530] Отчаянным было и положение массы крестьян... В 1902 г. в Полтавской и Харьковской губерниях имел место систематический грабеж помещичьих хлебных запасов. Грабили неимущие. К столь отчаянным действиям их подтолкнул недород хлебов в 1901 г. Когда один из помещиков обратился к толпе, пришедшей грабить, с вопросом, за что же они хотят его разорить, некто Зайцев (впоследствии обвиняемый) зло сказал: «У тебя одного 100 десятин, а у нас по 1 десятине на семью. Попробовал бы ты прожить на 1 десятину земли...». Другой с горечью говорил властям: «...обращались мы, мужики, всюду... нигде нас не принимают, нигде нам нет помощи».^[531]

В-третьих, возможно, это кого-либо даже несказанно удивит, но в начале XX в. русские в России составляли меньшинство населения страны (45 процентов населения империи). Но мало того. Долгий период «татарщины», «полятчины», «неметчины» и т. д. и т. п. привел к тому, что высшая власть кишмя кишела инородческими элементами. Почитайте любой перечень имен царских приемов и балов. Подумаете, что ошиблись адресом, попав в какую-нибудь Польшу или Германию. Б. Миронов пишет в фундаментальной работе «Социальная история России периода империи»: «Во-первых, русские не были «господствующим» народом империи. Они подвергались частичной социальной дискриминации по сравнению с нерусскими и уступали ряду народов (например, немцам, полякам и евреям) по степени урбанизированности, уровню (своей) грамотности, экономическому развитию, по числу лиц, занятых в сфере интеллектуального труда. Русские в массе всегда жили хуже, чем нерусские. И если об уровне благосостояния судить по средней продолжительности жизни, то русские даже на рубеже XIX–XX вв. уступали не только латышам, эстонцам, литовцам, евреям и полякам, но также украинцам, белорусам, татарам и башкирам».^[532] Это лишь подтверждает всю закономерность дальнейших трагических событий.

В-четвертых, то, что долгое время было опорой российского самодержавия, – а именно православие, – претерпело эволюцию.

Любовь к Христу давала многим утешение и надежду. «Любовь к Богу может быть выражена только делами, а не словами», – говорил в одном из своих поучений св. Феодосий. Но с годами сама церковь стала давать далеко не лучшие примеры для подражания. Пагубно сказался и рост атеизма. Стендаль уверял, что и атеист – это достойный человек, а общество вполне могло бы существовать вовсе без религии. Ницше завидовал ему за эту «лучшую атеистическую шутку», которую и он сам мог бы выдумать: «Единственное извинение Бога в том, что он не существует». Ведь в безбожном обществе, считал Стендаль, не будет места ненависти адептов одних религий к другим, низости или зависти. Вольтер же говорил иначе: бедный, но сильный атеист, уверенный в своей безнаказанности, «будет глупцом, если не убьет вас, чтобы украсть ваши деньги». Вольтер утверждал и то, что в атеистическом обществе будут порваны все связи, а «тайные преступления заполонят землю». Кто же из них прав? Казалось, по итогам XX в. полностью и безоговорочно оправдались слова Вольтера... В России выходило как-то так: то вера, церковь, православие, боголюбие, клир, молитвенный экстаз, дух, ученое монашество, пустынники и юродивые Христа ради, то цивилизация, прогресс, богатства, пороки, алчность, гордыня, дьявол. Как тут не вспомнить слов Иоанна Златоуста из послания к верующим христианам, своего рода манифест христианства («Против иудеев»): «Как же ты исповедуешь, что Христос есть глава Церкви? Глава, естественно, соединяет все члены, с точностью направляет их друг ко другу и связывает между собою. Если (на самом деле) у тебя ничего нет общего с твоими братьями, то Христос не глава тебе. Иудеи пугают вас, как малых детей, а вы не чувствуете этого. Как негодные слуги, показывая детям страшные и смешные личины (маски), пугают их по слабости детского ума, так и иудеи пугают только слабых христиан своими личинами. Могут ли, в самом деле, устрашать обряды их, срамные и постыдные, обряды людей, прогневавших Бога, подпавших бесчестию и осуждению? Не таковы наши церкви, нет: они истинно страшны. Ибо, где Бог, имеющий власть над жизнью и смертью, где так много говорят о вечных муках, о несокрушимых узах, о тьме кромешной, – то место страшно. А иудеи ничего этого и во сне не видят, так как живут для чрева, прилепились к настоящему, и по своей похотливости и чрезмерной жадности нисколько не лучше свиней и

козлов: только и знают, что есть, пить, драться из-за плясунов, резаться из-за наездников. Это ли заслуживает почтения и страха? Кто может утверждать это?»^[533] Минули века. В одном из выпусков «Домашней беседы» (за 1860 год) появился характерный обвинительный акт против современности, прогресса цивилизации (а заодно и против церкви). Никто иной, как редактор журнала Аскоченский утверждал, что между православием и современностью не должно быть якобы и вовсе ничего общего. С прогрессом, цивилизацией русское православие, якобы, должны вечно пребывать в различных и даже враждебных лагерях. «Человек, ратующий за православие и протягивающий руку современной цивилизации, – трус, ренегат, изменник» – так вот писала «Домашняя беседа».^[534] Нужно ли доказывать, что из такого вот враждебного противопоставления веры и прогресса в жизни и воспитании русского народа явились многие коллизии и беды. Это не пошло на пользу ни русской интеллигенции, ни народу, ни церкви, ни «делу прогресса».

Чтобы быть на позициях объективного и честного человека, придется ответить на многие болезненные вопросы. Назову некоторые из них: «Как случилось, что в России при многовековой власти православия откуда-то вдруг объявились толпы разрушителей и осквернителей церкви, убийцы священников и духовных отроков? Если Бог всемогущ, почему не уберег народ, доверившийся благодати, от власти Люцифера? Отчего вокруг русского царя, с его давней трехсотлетней династией, помазанника Божьего, почти не осталось никого из преданных ему людей? Куда ж все они в один миг подевались? И что предшествовало бегству с корабля монархии петербургской и московской элит?» Видно, все сторонники старой империи не отвечали в чем-то чаяниям народа... Поэтому ныне не станем и ратовать за возвращение монархии. Новая монархия в России будет просто глупостью или шутовским балаганом. Хватит уж нам «синдромов Цезаря». Но почему православная Церковь оказалась бессильной, а народ-богоносец стал в жизни язычником-скифом, погнавшим «табун в церковь», охотно бросившимся с гиканьем «мясо белых братьев жарить» (Блок), а заодно уничтожать церкви и храмы, сжигать святые иконы и церковные книги?! Как произошло, задается вопросом о. Вениамин, что «Третий Рим» вдруг превратился в большую тюрьму, «зону» для собственного народа, где одна половина

граждан усердно стерегла другую, в агрессивно-преступный рассадник коммунизма, угрожающий всему миру? Как же образовался этот новый, поистине чудовищный суррогат религиозности, эта «дьявольская имитация христианства без Бога» – с новым видом ортодоксии, марксизмом-ленинизмом, с псевдодуховенством (или партией), с инквизицией (политической полицией), выявлявшей еретиков, с новым идолопоклонством – вождю? В православной России стало возможно «новое пещерное варварство, уничтожение всего духовно связанного с самодержавием»? Интересную книгу написал святой отец, но и у него все же не хватило духу на всю горькую Правду.

В. Перов. *Проповедь в селе. Фрагмент. 1861*

А правда эта заключается в том, что многие представители власти, да и народа были неверующими, по духу и сути недалеко ушедшими от сектантов... Такое случалось в царской России не раз (в XVII веке, между 60-ми годами XVIII века и 1832 г.). Читатель, вероятно, слышал о секте хлыстов. Сюда же можно отнести и явление скопчества.

Скопца Селиванова принимал император Павел I (затем отправил его в дом сумасшедших). Розанов удивлялся, как это в России, в эпоху конгрессов, Сперанского и Аракчеева, когда не смела и шевельнуться «не так», «не по закону» ни одна былинка, в Петербурге на глазах высшего правительства явилось сектантское общество и открыто распространялось учение о «Сыне Божиим, Иисусе Христе», «вторично сошедшем на землю Икупителе» (седенький столетний старичок). Вот и В. Розанов писал: «Высшие сановники, Кочубей, Голицын, Толстой, Милорадович, ведут секретную переписку об «этом Старике», который нигде в документах не назван по имени по какому-то безотчетному и основательному страху; посылается к нему «для некоторого переговора» директор департамента народного просвещения, сам позднее принявший учение секты...» Философ говорит и о причинах их популярности: «Раскол есть восхождение к идеалу, усилие к лучшему в том самом типе бытия и развития, в котором находимся мы на очень низкой ступени». Староверы, к примеру, отличались особым трудолюбием, трезвостью, тихим, миролюбивым нравом. Они предлагали свою помощь братьям и сестрам во Христе: «Итак, вот христианское братство, взаимопомощь, а у нас homo homini lupus est».^[535] Мы не углубляемся в системный анализ (да и старовер – не чета сайентологу), беря лишь общую картину состояния дореволюционного и постсоветского обществ. Несчастных духоборов гоняли с места на место в царской России... Так, в 1894 г. часть духоборов (4300 человек) расселили по аулам в Тифлисской губернии по две-три семьи. Мало того, что народ местный совсем не говорил по-русски, так бедолаг еще и поместили на гнилые земли. В итоге за 3 года тысяча из них отдала Богу душу. Духоборы Таврической губернии – самая богатая часть населения не только Кавказа, но, пожалуй, и всей тогдашней России. Даже бедняки у них имели по 4–5 лошадей и 5–6 голов рогатого скота. Их общественный капитал достигал сотен тысяч рублей. Все они были людьми высокой трудовой культуры (плотники, ткачи, кузнецы, столяры, каменщики, портные), все делавшие своими руками «для создания полной, зажиточной жизни». Однако царизм и духовенство сделали все возможное, чтобы вытолкнуть тружеников вон из России! Не помогли даже уговоры Л.Н. Толстого, и несчастные староверы уехали в Канаду.^[536]

Если на Западе государство и церковь шли рука об руку с капиталом, то у нас взирали на него как на исчадие ада. А почему? Да потому, что в роли главных держателей капитала и собственности у нас выступали высшие чиновники, евреи, немцы. Где же еще можно воровать? Дело наладить – это не в казну залезать! Как пишут историки, российское высшее чиновничество с давних пор поимело гнусную привычку – дела не делать, а со всего процент иметь. Куда там еврею! Меншиковы, Головины, Салтыковы, Воронцовы, Куракины, Шуваловы никогда и «не упускали случая получить прибыли от коммерческих сделок». Возглавляя правительственные, в том числе коммерческие учреждения, такие горе-сановники добивались особых привилегий для себя, получая огромные барыши, менее всего заботясь о пользе России и действительном развитии торговли. Так они разоряли купцов, спекулируя на разнице покупной и продажной цены. Ясно, почему наиболее трудовая и порядочная часть крестьянства и купечества старалась держаться как можно дальше как от государства, так и от церкви. Многие именитые роды московских купцов и текстильных фабрикантов вышли из старообрядцев (Морозовы, Рахмановы, Рябушинские, Хлудовы, Юсуповы, Гучковы и т. д.). Это трагедия, что наша официальная церковь оттолкнула тех же раскольников. Жизнь учила старообрядцев, что как только кто из власти, значит взяточник, вор или гонитель свобод. [\[537\]](#)

Кустодиев Б.М. *Московский трактир. 1916 (фрагмент)*

В-пятых, все это вместе взятое создало страшный вакуум безвластия и безверия в России. А свято место пусто не бывает. Сюда устремились враждебные силы. Вспомним историю захвата России еврейским сообществом. В 1870 г. в России вышла «Книга Кагала» Я. Брафмана. Книга произвела среди читателей эффект разорвавшейся бомбы. Историк еврейства Н. Граве писал в «Русском архиве»: «Книга Брафмана в первый раз открыла России и всему христианскому миру, (...) что евреи, считавшиеся угнетенными, устроили в черте своей оседлости настоящее (тайное) Израильское царство, разделенное в кагальные округа с кагальным управлением, облеченным деспотической властью над евреями...» Вот как оценивал Брахман действия пропагандистской и властной «машины кагала» (то есть прессы, газет, журналов) по отношению к русским: «Все дурное русское, повторяем, умышленно выводится здесь на сцену, но не потому, что оно дурное, а потому что оно русское. Здесь собран сор не для того, чтобы очистить избу, но для того, чтобы бросить ее в лицо хозяину. Наконец, ознакомившись ближе с произведениями авторов этой литературы, нетрудно убедиться, что здесь нет людей, желающих

внести что-нибудь в общую сокровищницу человеческого знания или по крайней мере желающих служить разработке еврейского вопроса: тут работает целая фаланга горячих защитников ветхозаветного-талмудического царства; в то время, как вся четырехмиллионная масса русских евреев благодаря исключительно особенностям и силе своих общественных и религиозных учреждений до такой степени живет паразитом за счет производительного труда окружающего ее христианского населения, что богатые евреи, даже для домашнего услужения приглашают христиан, считая своих единоверцев неспособными для этого сравнительно легкого труда, в это время защитники иудейского знамени, не желая сознаться, что вся искусственная организация еврейской общины, вредная для интересов русского государства, создана их же собратьями и благодаря незнанию со стороны русского правительства особенностей еврейской массы, упорно ими же поддерживается, домогаются, с одной стороны, чтобы русские во что бы то ни стало передали в их руки должностные места, допустили их к управлению государственными и общественными делами, сами же, с другой стороны, заявляют непримиримый протест против всякого нравственного сближения евреев с русскими... Что же касается еврейских периодических изданий на древнееврейском языке, как наших русских, так и заграничных, то, кроме пропаганды тех же сепаратических тенденций, но проводимых еще с большей яркостью и резкостью, издания эти (...) разжигают ненависть евреев к тому правительству и народу, среди которого большая часть сынов рассеянного по всему миру Израиля нашла себе приют и хлеб». [\[538\]](#) Только в России такое было возможно.

Два века назад поэт Г. Державин предпринял попытку ликвидировать систему кагального утеснения беднейшего еврейства. Достоевский указал на истинную мотивацию лютой ненависти к России, приводя слова Шатова на его публичной лекции: «Те по крайней мере деньги взяли за то, что обязались зарезать свою мать (Россию) и надругаться над ней. Те вполне сознательно действуют: они держат нож на горле жертвы и говорят: «Это денег стоит», и им спешат заплатить, чтоб они дорезали свою жертву. Эти явно на содержании врагов России. Но другие-то (газеты), но гнусенькие-то, маленькие, глупенькие, академические младенцы, Панургово наше стадо... – те-то чего пляшут над матереубийством? Тем и денег не надо. Они по

убеждению ненавидят Россию, и всякое слово о России и славянах возбуждает у них каннибальский пляс и ругательства».^[539] Обращаясь к евреям, Достоевский в «Дневнике писателя», как вы помните, выражал надежду (хотя и довольно слабую): «Да будет полное и духовное единение племен и никакой разницы прав! Если высокомерие их, если всегдашняя «скорбная брезгливость» евреев к русскому племени есть только предубеждение, «исторический нарост», а не кроется в каких-нибудь гораздо более глубоких тайнах его закона и строя, — то да рассеется все это скорее и да сойдемся мы единым духом, в полном братстве, на взаимную помощь и на великое дело служения земле нашей, государству и отечеству нашему!».^[540] К сожалению, этот исторический нарост не только не исчез куда-то, рассеялся и рассосался, но с годами еще и разросся, став огромной злокачественной опухолью.

Подтверждение тому вся история существования еврейских финансовых групп в России. В конце XIX—начале XX вв. в стране активно действовало еврейское семейство Поляковых, имевших 6 банков коммерческого кредита, с помощью которых они и контролировали капиталы на сумму в 150–200 миллионов рублей (в торговле, строительстве и промышленности). Еврейские капиталы в России имели не производительный, а спекулятивный и жульнический характер. Такое же происхождение имеют капиталы наших нуворишей. Масштабы их таковы, что не снились даже самым оборотистым дельцам царской России. Е. Соловьев, говоря о состояниях американских, английских и французских капиталистов XIX в., писал: «Но если француз, принадлежащий к одной из самых богатых наций в мире, поражен этими уродливо-грандиозными цифрами, этими ихтиозаврами капитализма, — что должен почувствовать русский человек, которого до сей поры Бог миловал от всяких миллиардеров? На самом деле, у нас состояния Губониных, Кокоревых, Сибиряковых, которые едва ли можно мерить десятками миллионов, — считаются уже из ряда вон выходящими. По-американски богат был у нас, кажется, только барон Штиглиц, оставивший, как говорят, после себя около 100 миллионов рублей».^[541] А вот что писал по тому же поводу О. Платонов в статье «Еврейский вопрос в русском государстве»: «Сын уже упомянутого нами основателя династии российских Ротшильдов Лазарь Соломонович Поляков своей деятельностью являет пример

такого спекулятивного, жульнического капитала. В 1900 г. Поляков обратился к государственному банку с просьбой о предоставлении ему кредита в 4–6 миллионов рублей под акции трех банков. Тогдашний министр финансов Витте, большой покровитель еврейского капитала, перед тем, как предоставить кредит, поручил провести ревизию дел поляковской финансовой империи. Оказалось, что эта империя была построена на песке, имела чисто жульнический характер. При собственном капитале в 5 миллионов рублей банкирский дом владел ценными бумагами на сумму свыше 43 миллионов рублей и выдал ссуд, разумеется, своим людям, более чем на 6 миллионов рублей. Эти средства Лазарь Соломонович получил, отдавая в залог ценные бумаги созданных им по сути дела фиктивных предприятий и займов. Поляковская «империя» не только не имела уже собственных капиталов, но и должна была уплатить 10-миллионный долг. Казалось, крах неминуем. Но министр иностранных дел С. Ю. Витте использовал все свои возможности и вытянул Полякова из пропасти. При Московской конторе Госбанка было создано особое совещание по поляковским делам, на которое возложили задачу постепенной его ликвидации. Три поляковских банка были за счет казны спасены от банкротства и позднее слились в Соединенный банк, продолжавший свою деятельность в том же духе». ^[542] Крупный капиталист в XIX в. у нас – немец, и, конечно, фраза – «Бог миловал». Такое отношение к капиталу недальновидно, если не сказать опасно. Поэтому капитал должен быть преимущественно русским, патриотичным и, конечно, жизнеспособным.

Глупо объяснять успехи коммунизма и социализма тем, что объявился «сатана коммунизма» в облике «ангела света». Еще менее разъясняют положение вещей оценки С. Булгакова, писавшего о приближении «социалнавуходоносора», или репризы Мандельштама о новом ассирийском чудовище (с таким же успехом и основанием мы скажем о сионистско-иудейском чудовище). Уничтожение Церкви, культуры, разгром хозяйств, общественной жизни в России последовал после того, как светская, чиновничья, церковная элиты почти полностью отвернулись от сути социальных чаяний и надежд народа. Вот вам и ответ... Честный ученый о. Вениамин вынужден признать, что и в коммунизме «была значительная «доля правды», поскольку он был озабочен социальным положением трудящихся масс. ^[543] Конечно,

мы решительно не согласны с поэтом Рубцовым: «Не жаль мне, не жаль мне растоптанной царской короны, не жаль мне, не жаль мне поруганных белых церквей». Но следует привести слова-признания того же отца Булгакова: «Всю свою молодость и сознательную жизнь до первой революции я был непримиримым врагом самодержавия, я его ненавидел, презирал, гнушался им, как самым бессмысленным, жестоким пережитком истории. Самодержавие – это полиция, жандармы, тюрьма, ссылки, придворные, ни для кого не нужные, неинтересные приемы и убийственная жестокость к русскому народу. Всю гамму интеллигентской непримиримости к самодержавию я изведal и пережил».^[544] И это ведь человек верующий?!

Марксистско-демократическое рабство уже дважды устанавливалось в России в XX в. (как коммунизм, затем как либерализм, а на поверку все тот же еврейский радикализм). Это акция тех сил, о которых давно писал духовный писатель С. Нилус... Окончив Московский университет, он свободно владел французским, немецким и английским языками. Род Нилуса ведет происхождение от шведа, приехавшего в Россию еще при Петре I. В книге «Великое в малом» (1903) он писал о тех, кто хочет овладеть российским обществом. Эти силы нанесли удар «под самое сердце» – в наше Православие. Многие наслышаны о «Протоколах сионских мудрецов», где описан не только приход к власти иудеев в 1917 г., но и детали недавней «перестройки» в России. В обоих случаях ситуация близка была в чем-то фразе Серафима Саровского: «Антихрист близок и Страшный суд Господень близ есть, при дверех».^[545] В «Протоколах» говорится о «гениях политической мощи», что насильственно порушат старые порядки в России (СССР). Народ же, глядя на эти их действия, будет лишь дивиться: «Подло-то, подло, но ловко! Фокус, но как сыгран, сколь величественно и нахально!» Чтобы привлечь массы к поддержке переворота, масоны громогласно заявят им: «Все шло ужасно плохо, все исстрадались. Мы разбиваем причины ваших мук... Испытайте то, что мы вам даем». Толпа тут же вознесет эту новую власть в восторге своих светлых надежд и упований! И, как стадо напуганных волками овец, неминуемо попадетя в загон еврея – «пастуха». Власть постарается оглупить народ, устранив появление в нем больших честных талантов, сильных индивидуальных умов, что смогли бы проникнуть в тайные ее замыслы. Везде на ключевых

постах она расставит своих агентов и заставит толпу слепо внимать и слушать только ее (хорошо платя им «за послушание и внимание»). Народ же скоро вынужден будет подчиниться масонским лидерам, ибо поймет, что от них зависят «зарботки, подачки и получения всяких благ». Планы эти «не перевернут пока вверх дном современных учреждений», они «только заменят их экономию, а следовательно, всю комбинацию их шествия». С воцарением «демократической эры» они получают в России возможность заменить настоящего правителя «карикатурой правительства – президентом, взятым из толпы, из среды наших креатур, наших рабов». Ни на что дельное тот абсолютно не способен. Но это-то и самое замечательное, ибо его задача постоянно вносить замешательство в умы народа своими бессмысленными, идиотскими действиями и тем самым «окончательно дезорганизовать страну». А чтобы держать его в руках, «мы будем подстраивать выборы таких президентов, у которых в прошлом есть какое-нибудь раскрытое темное дело, какая-нибудь «панама» – тогда они будут верными исполнителями наших предписаний из боязни разоблачений и из свойственного всякому человеку, достигшему власти, стремления удержать за собою привилегии, преимущества и почет, связанный со званием президента». Таким образом мы вот и получим вместо волевого, умного, ответственного, весьма решительного руководителя – «куклу в наших руках». Его имя станет мишенью для насмешек и брани в народе. Но и это пойдет еврею на пользу и послужит оглуплению и закабалению народа.

Порой даже власти такого вот их президента-марионетки, слепо выполняющего позорную роль, может оказаться недостаточно для полного подчинения всего русского народа. Поэтому очень важная, а быть может даже и решающая роль отводится в России «свободной прессе». Ее главная задача: служить «пылкому разгоранию нужных нам страстей». Подобная пресса «пуста, несправедлива, лжива», но именно такая пресса нужна для сокрушения России и уничтожения русских. Большинство людей ведь не понимает, «чему она служит»... Мы же прессу «оседлаем и возьмем в крепкие вожжи, то же сделаем и с остальной печатью...» А чтобы сохранить некую видимость свобод, будем провоцировать наших собственных агентов на тайные нападения на наши учреждения, нашу печать и правителей. Но – «исключительно на пункты, предназначенные нами к изменению».

Каково! Ну разве же эти русские ослы сообразят! Чтоб механизмы работали четко, подчиним нашему капиталу и все информационные агентства. «Эти агентства будут тогда всецело нашими учреждениями и будут оглашать только то, что мы им предпишем». Они, как индийский божок Вишну, будут иметь сто рук. А русское «быдло» будет послушно внимать нашим указаниям.

«Ни одно оповещение не будет проникать в общество без нашего контроля». Однако этого мало для полного покорения умов воле иудея. Нужно установить еще и полный контроль за печатью. Наша печать будет чтивом дешевым и простым для умственного восприятия. Ее станут покупать, и нарасхват. Зато желающие писать против нас встретят бойкот всех наших издателей. Постараемся их еще и подкупить. Даже в оппозицию мы внедрим наших тайных агентов (в печатные органы, в парламент и т. д.), что постараются возбудить у народа доверие к своим идеям, а на самом деле уже давно будут находиться на содержании наших центров. Мы скупим все средства массовой информации, не оставив друзьям и сторонникам православной России ни одного канала, ни одного сколь-либо серьезного и массового издания... «Мы будем побеждать наших противников наверняка, так как у них не будет в распоряжении органов печати, в которых они могли бы высказаться до конца...». «Роль либеральных утопистов будет окончательно сыграна, когда наше правление будет признано. До тех пор они нам сослужат хорошую службу. Поэтому мы еще будем направлять умы на всякие измышления фантастических теорий, новых и якобы прогрессивных: ведь мы с полным успехом вскружили прогрессом безмозглые головы и нет среди них ума, который бы увидел, что под этим словом кроется отвлечение от истины во всех случаях... Кто заподозрит тогда, что все эти проблемы были подстроены нами по политическому плану, которого никто не раскусил в течение многих веков?..» На самом деле власть, насаждаемая нами, будет способствовать их отуплению, растрелению и, в конечном счете, их неотвратимой, страшной гибели. Либералы и демократы пусть сыграют свою губительную роль до конца. Тогда Россия полностью и окончательно падет к нашим ногам как созревший плод! Так надеялись они.

«Свобода печати» (гравюра неизвестного автора, 1797)

В культуре растлим всю Россию низкопробной и скотской порнолитературой. Бесстыдно писали: «В странах, называемых передовыми, мы создали безумную, грязную, отвратительную литературу». Они действовали подобным образом как перед революциями начала XX в., так и в ходе контрреволюции конца XX века. Мы ранее говорили о популярности всякого рода извращений среди высших слоев общества, как и среди еврейских революционеров. Вспомним, что именно столицы империи – Петербург и Москва – представляли собой гнездо разврата. Характерно, что именно с либерализацией печати в России после 1905 г. страну заполонили откровения «садистов» и «мазохистов» (термины Краффт-Эбинга). Как писал судебный медик В. Тарновский, анализируя извращенное состояние нравов космополитической «интеллигенции»: «Чем выше образовательный ценз – тем ниже нравственный уровень». Половые психопаты и извращенцы есть во всех слоях народа. Но в высшей степени показательна эта болезнь у тех, кто стоит на самом вершине власти или обслуживает ее. Во многом прав народник А. Пешехонов, заявивший в «Русском богатстве»

(1908): «Поскольку дело касается всякого рода извращений, то они идут, конечно, главным образом из центра, из среды богатых и сильных». Пример Распутина красноречивее всяких слов. Но и революционеры недалеко ушли от тех, кого они обличали. В те же годы газета консерваторов «Новое время» не без злорадства отмечала, что «революционный психоз сменился половым». Ясно одно: пресса и «культурная интеллигенция» всячески покровительствовали «произрастанию клубнички на ниве народной». Половое безумие, охватившее публику, свидетельствовало о наступлении эры буржуазного декаданса, о вырождении класса буржуазии. ^[546]

Так же стремились лишить способности к сопротивлению здоровые силы в наше время, клеветая на русские партии, церковь, организации патриотов и писателей. Агенты сионистов при президенте, в правительстве России, в парламенте, судах и средствах информации призывали запрещать организации патриотов повсюду в России. Население страны стремились вовлечь в войны, расстрелы, казни. «Когда мы, наконец, окончательно воцаримся при помощи государственных переворотов, всюду подготовленных к одному и тому же дню, после окончательного признания негодности всех существующих правительств (а до этого пройдет еще немало времени, может быть, и целый век), мы постараемся, чтобы против нас уже не было заговоров. Для этого мы немилосердно казним всех, кто встретит наше воцарение с оружием в руках. Всякое новое учреждение какого-либо тайного общества будет тоже наказано смертной казнью, и те из них, которые ныне существуют, нам известны, служат и служили, мы раскассируем и вышлем». ^[547] Таковы мысли документа, воплощенные в первый раз сионистами-большевиками, во второй — сионистами — «демократами».

Когда-то в революционной Франции рабочий-атлет Марш, с грохотом опустив приклад перед носом смертельно испуганных членов Ратуши, потребовал от них в течение часа принять декреты о праве народа на труд и об организации труда. Разогнали Учредительное собрание и матросы Железняка после знаменитой его фразы — «Караул устал!». Однако народ, вырвав власть у царя и буржуазии в 1917 г., взял да и отдал ее в руки «избранного этноса», решив: мол, в России места хватит всем. Но справедливости он не дождался! Евреи сумели оседлать революцию! Под властью «интернационалистов» русский

народ получил дырку от бублика. Ряд малых этносов Балтии, Кавказа, Причерноморья, Каспия, не говоря уж о евреях, преуспели, создав лучшую жизнь за счет обнищания России. Многие беды и трагедии нашей истории как раз и объясняются тем, что русские давно еще отдали власть в руки внутренних иноземцев. Вон и И.Ильин говорил, что русские «не повинны» в социалистической революции: «Русский человек оказался слабым в добре и подчинился нерусским людям, составляющим в стране ничтожное меньшинство (около 50000 большевиков)». Нет, Иван, мы не вправе винить кого-то, оставаясь равнодушными наблюдателями и покорными исполнителями чужой воли. Напустили вшей в постель – и стонем, когда они нас кусают! Взять бы да и передавить их всех, как это и делает с превеликим удовольствием мужик в бане!

Евреев-радикалов отличали безмерные амбиции и куца образованность. Разве же они не «народ книги»? Так они говорят о себе. Обратимся к фактам. Яков Свердлов в гимназии проучился лишь 4 года. Имея свидетельство об окончании пяти классов, стал учеником аптекаря, затем «революционером». Карел Радек закончил гимназию, но, по его словам, совершенно «запустил школьную учебу», читая днем и ночью социал-демократическую литературу. На одной из статей его В. И. Ленин собственноручно начертал – «Жид порхатый!». Л. Троцкий – из семьи помещика-колониста. Окончив николаевское реальное училище, «мечтал о будущем писателя», и даже попытался поступить вольнослушателем на математический факультет, но неудачно. В революционном плане был слабо подготовлен, в чем и сам признавался не раз: «Политическое невежество масс было весьма глубокое. В сущности, я ни одной революционной книги тогда не читал. Даже с «Коммунистическим манифестом» познакомился впервые, читая и разъясняя его в кружках». Однако при этом он заметил: «Я удивляюсь, с какой легкостью нам, небольшому кружку юношей, удалось войти в доверие николаевских рабочих». И. Сталина, окончившего духовное училище, исключат из тифлисской духовной семинарии (хотя учился он отлично). Е. Ярославский, в советское время известный «теоретик» и борец с религией, на 14 году окончил городское трехклассное училище, был учеником аптекаря, а затем «организовал кружок учащихся, из которых впоследствии вышло немало революционеров».

Хотя были такие, как М.Урицкий, окончивший юридический факультет университета (Киев), а также русский Г. Чичерин, выпускник Петербургского университета. [\[548\]](#)

Богородский Ф.С. Нашли товарища. 1932

Коммунисты, как черт лаdana, боятся обнажить суть проблемы национального состава власти в советской, затем в демократической России. Самые активные деятели революционного движения в России были евреями или же полуевреями (Аксельрод, Блюмкин, Дзержинский, Каменев, Мартов, Радек, Свердлов, Троцкий, Урицкий, Зиновьев, Голощекин). И это, заметим, не считая остальной массы активистов пяти еврейских партий революционеров, куда тогда входили: Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России (Бунд); Еврейская народная партия; Еврейская социал-демократическая рабочая партия (Поалей-Цион); Сионистско-социалистическая рабочая партия; Социалистическая еврейская рабочая партия. Все высшее звено руководителей-революционеров, пришедших к власти в России после 1917 г. и определявших политику новой России, как отмечают ученые, фактически почти полностью состояло из евреев. Так, из 539 руководителей государственного

аппарата и партий России в 1917–1921 гг. 82 процента оказались евреями. В частности, в составе руководящих работников Совета народных комиссаров – 77 %; комиссариатов: военного – 81 %, внутренних дел – 69 %, иностранных дел – 81 %, финансов – 83 %, юстиции – 95 %, гигиены – 80 %, народного просвещения – 79 %; комиссий: по оказанию социальной помощи – 90 %, по расследованиям – 71 %; депутатов Красного Креста – 91 %; Главного совета народного хозяйства – 83 %; Бюро совета рабочих и солдатских депутатов в Москве – 83 %; ЦИК 4-го конгресса рабочих и солдатских депутатов – 97 %, ЦК 5-го конгресса – 71 %; ЦК Соц. Дем. Рабочей партии – 75 %; ЦК Соц. Дем. Рабочей партии меньшевиков – 100 %; ЦК правого крыла Партии социалистов-революционеров – 87 %; ЦК левого крыла Партии социалистов-революционеров – 83 %; Комитет анархистов – 80 %; журналистов газет: «Правда», «Известия», «Финансы народного хозяйства», «Знамя труда», «Воля труда», «Торгово-промышленная газета» – 83 %. *Ситуация не изменилась и при Сталине!* Из 551 руководителя аналогичного уровня в 1936–1939 гг. 81 % были евреями, в том числе: среди членов ЦК ВКП (б) – 72 %, полпредов страны за рубежом – 58 %, в Лиге Наций – 88 %.^[549]

Они и стали палачами. Л. Д. Троцкий, строя свои зловещие планы в отношении России и русских, признался в порыве откровенности окружению: «Мы должны превратить ее (Россию) в пустыню, населенную белыми неграми, которым мы дадим такую тиранию, которая не снилась никогда самым страшным деспотам Востока. Разница лишь в том, что тирания эта будет не справа, а слева, не белая, а красная. В буквальном смысле красная, ибо мы прольем такие потоки крови, перед которыми содрогнутся и побледнеют все человеческие потери капиталистических войн. Крупнейшие банкиры из-за океана будут работать в теснейшем контакте с нами... Если мы выиграем революцию, раздавим Россию, то на погребальных обломках ее укрепим власть сионизма и станем такой силой, перед которой весь мир опустится на колени... Путчем террора, кровавых бань мы доведем русскую интеллигенцию до полного отупения, до идиотизма, до животного состояния... Наши юноши в кожаных куртках – сыновья часовых дел мастеров из Одессы и Орши, Гомеля и Винницы – умеют ненавидеть все русское. С каким наслаждением они физически уничтожают русскую интеллигенцию, офицеров, академиков,

писателей! Мы вам покажем, что такое настоящая власть...»^[550] И садисты из органов, где было явное засилье иудеев и нерусских, уничтожали лучший русский генофонд. Видимо, широкая публика не знает о том, что в ЧК, Московской чрезвычайной комиссии, одном из главных орудий уничтожения сотен тысяч русских, подавляющее большинство ее членов составляли евреи (из 36 членов – 25 евреев, 8 латышей, 1 немец, 1 поляк и лишь 1 русский). На тех же принципах было сформировано и петроградское ЧК с евреем Моисеем Урицким во главе. Как скажет поэт Яков Смеляков в знаменитом стихотворении «Жидовка»: «В девятнадцатом стала жидовка комиссаром гражданской войны». Понятно, что всем этим господам незачем было жалеть русской крови... В «Кресте поэта» В. Сорокин пишет: «Информация о Есенине, разумеется, постоянно доходила до Льва Троцкого. Есенин, видя кровавое перемалывание русских, бросался в трагический огонь правды, а Троцкий, видя непримиримое отношение Есенина к расправам над русским народом, зверел. Зверели и его подручные. Узел над головой поэта затягивался... Кровавый рассвет палачества не миновал золотой головы поэта. Страшно подумать: Гумилев, Блок, Есенин, Маяковский, Клюев, Васильев, Корнилов – самое лучшее, что дала нам русская поэзия того времени, – убраны пулей и травлей».^[551] И уж сегодня вовсе диву даешься, видя, как отпрыски тех, кто были палачами царской семьи в 1918 г., вдруг при Ельцине стали ярыми «сторонниками монархии»...

Сергей Есенин

Террор большевиков-иудеев, прибалтов и кавказцев был направлен главным образом против национально-мыслящей, державно-имперской, православной, да и вообще лучшей части интеллигенции России. Публицист Меньшиков, создатель Всероссийского национального союза, девизом которого были слова: «Лишь бы жила Россия», написал перед расстрелом (его расстреляло ЧК, председателем и членами которого были евреи, 1918): «Запомните – умираю жертвой еврейской мести не за какие-либо преступления, а лишь за обличение еврейского народа, за что они истребляли и своих пророков. Жаль, что не удалось еще пожить и полюбоваться на вас». Он был арестован на Валдае. 19 сентября 1918 года М.О. Меньшиков писал своей жене из заключения: «Члены и председатель Чрезвычайной следственной комиссии – евреи и не скрывают, что арест мой и суд – месть за старые мои обличительные статьи против евреев». Его и казнили-то за эти обличительные статьи против евреев. В своей статье «Наша сила» М. Меньшиков писал о главных причинах слабости России (28 июня 1909 года): «Почему бы в самом деле и не пожить России? Но вот беда: забыты истинные Петровы замыслы. Забыто то, чем была одушевлена Россия и что дает могущество каждому народу. Почти столетие сплошь посвящено у нас тому, чтобы размотать единство, расстроить единодушие народа, подорвать его веру в Бога и в себя.

Глазунов И.С. *Разгром Храма в Пасхальную ночь. 1999*
(фрагмент)

Целое столетие все идет к тому, чтобы денационализировать Россию. Я писал на днях, как правительство, одушевленное, по-видимому, самыми благими намерениями, из всех сил старалось насадить в России еврейскую интеллигенцию наряду с русской. Устраивались казенные еврейско-русские училища, давались евреям стипендии и всевозможные льготы, давались почетные звания, чины, ордена – лишь бы завести врачей-евреев, адвокатов-евреев, учителей-евреев, профессоров-евреев, инженеров-евреев, журналистов-евреев, не говоря уже о купцах и промышленниках обрезанного племени. Не одни евреи пользовались такой составляющей как бы «род недуга» благосклонностью русской власти. Целые немецкие княжества пересаживались под видом колоний на широкое тело России. Немецким крестьянам, не оказавшим ни малейших заслуг России, давались дворянские по величине поместья. Немцы на долгие годы освобождались от налогов и повинностей, им давалось самоуправление, им разрешалось быть иностранцами, и в то же время они пользовались всей защитой русской государственности. Прибалтийский край, потомство тевтонов, пятьсот лет разорявших наши границы и ливших кровь русскую, сделалось питомником новой аристократии. Наши герои вроде Ермолова, спасавшие Россию, как высшей почести просили «производства в немцы». Другая широкая струя, вливавшаяся в нашу знать, были шведы – за подобные же государственные заслуги! Третья струя – поляки. Четвертая – кавказские инородцы, армяне, грузины, татары, греки. В течение двухсот лет самое сердце нашей национальности – аристократия растворялась во всевозможных примесях, между которыми большинство были племена, исторически враждебные России. Невероятно пестрое крошево всевозможных наций, вероисповеданий, культур, традиций, предрасположений смешивалось, как в помойном ведре химика, в смесь мутную и нейтральную. Кислотные и щелочные элементы погашали друг друга, и в результате учетверенной, удесятенной метисации получился аристократ-интеллигент, существо с крайне дробной, мозаической душой.

Равнодушная вообще ко всему на свете, эта всечеловеческая душа, кажется, специально презирует Россию. Вот где самое слабое место нашей народности – *наша правящая знать* (курсив мой. – В.

М.). Просмотрите список героев Полтавской битвы и список сподвижников Петра. Он охотно принимал иностранцев, он разыскивал способных между ними и приглашал их, но первыми у него были коренные русские. Того же метода держалась и наследница его души Екатерина. Сама немка, она была из тех немцев, которые чувствуют величие России и вмещают его в себе. И Петр, и Екатерина – европейцы мирового размаха, понимали, что без национальности они ничто. К глубокому сожалению, Россия слишком быстро раскрыла свои границы и включила в них слишком много врагов своих. Не какого-нибудь деревянного коня, что погубил Трою, – Россия втянула в себя несколько царств, которые еще недавно воевали с ней, и имела наивность думать, что это усилило ее. Может быть, огромные приобретения Петра и Екатерины усилили бы нас, если бы отнеслись к ним, как англичане к своим завоеваниям, то есть постарались бы выжать из них все соки. Наше полуинородническое правительство не было одержимо этим пороком. Жиденский патриотизм его никогда не доходил до национального эгоизма. Покорив враждебные племена, мы вместо того, чтобы взять с них дань, сами начали платить им дань, каковая под разными видами выплачивается досель. Инородческие окраины наши вместо того, чтобы приносить доход, вызывают огромные расходы. Рамка поглощает картину, окраины поглощают постепенно центр. В одно столетие откормили до неузнаваемости, прямо до чудесного преобразования, Финляндию, Эстляндию, Курляндию и Польшу. Никогда эти финские, шведские, литовские и польские области не достигали такого богатства и такой культуры, какими пользуются теперь. Никогда еврейство в этой части света не процветало, как под нашим владычеством. В чем же секрет этого чуда? Только в том, что мы свою национальность поставили ниже всех. Англичане, покорив Индию, питались ею, а мы, покорив наши окраины, отдали себя им на съедение. Мы поставили Россию в роль обширной колонии для покоренных народцев – и удивляемся, что Россия гибнет! Разве не то же самое происходит с Индией? Разве не погибли красные, черные, оливковые расы, не сумевшие согнать с тела своего белых хищников? А мы – некогда племя царственное и победоносное – сами накликali на себя чужеземцев, мало того: победили их для того, чтобы силой посадить себе на шею! Углубляясь в великое прошлое, когда Россия была сама собой, понимаешь силу

народную и бессилье. Разве можем мы теперь мечтать о каких-нибудь победах? Конечно, нет. Как организму, который кишит посторонними, внедрившимися в него организмами, России прежде всего нужно подумать об элементарном лечении. Что из того, что тело нашей империи огромно и румянец еще горит на исхудалых щеках? Пока народом нашим питаются другие – она не воин. Пока мы – добыча евреев, поляков, немцев, армян, мы не встанем с места». ^[552] Все и всех подчинить русской воле!

Схожая задача – сесть окончательно на шею России – встала в конце XX в. и перед евреями – «демократами». Для этого надо было тихо и мирно (без концлагерей и массовых расстрелов) убрать русских с земли, известной миру как Россия. Механизм давно известен: использование голода как оружия в борьбе против народа. В. И. Вернадский в статье «Автотрофность человечества» (1925) писал: «Последним фактором является неумолимый голод, который становится беспощадной движущей силой социального строя общества. Общественное равновесие поддерживается лишь неустанным трудом, и оно всегда неустойчиво. Большие перевороты в общественных строях, ошибки, совершенные на этой почве, всегда приводили к ужасающим последствиям. В данном аспекте наша цивилизация всегда находится на краю пропасти. В настоящее время сотни тысяч людей умирают или прозябают в России вследствие недостатка питания, а миллионы других – больше 10–15 млн. – стали жертвами совершенных социальных ошибок». ^[553] Э. Прентис в «Голоде и истории» (1939) показал: голод – главное препятствие для развития разумной и здоровой цивилизации. Эти строки могут быть отнесены не только к голоду 30-х годов, но и к нынешней России! А недавно вышла книга индийского ученого А. Сена «Политэкономия голода», за которую автор удостоен Нобелевской премии по экономике (1998). Там сказано: «Голод может быть вызван не отсутствием продовольствия, а отсутствием дохода и покупательной способности, поскольку в рыночной экономике лишь доход дает право на получение продовольствия». Схему с явным успехом использовали и используют против народа России нынешние «демократы».

Но как им удалось увлечь массы? Беда в том, что массы у нас так и не смогли получить ни капли собственности! Разговор об этом шел и идет Бог знает с каких времен. Еще в проектах и записках Екатерины

II (в знаменитом «Наказе») не раз говорилось о значении института собственности (ибо «всякий человек имеет более попечения о собственном»). Идеи находили развитие в законодательстве и законопроектах. В частности, в одном из них было сказано: «Собственность личная есть первое правило (среди) всех прочих прав». ^[554] Как видим, мы все время зависим в этом важнейшем вопросе от кого угодно: от царя, барина, правительства, президента, а теперь вот — от жулика-капиталиста. Может, хватит! Лишь почувствовав петлю на шее, капитал идет на социальные реформы. У нас в России это, увы, так! П. Струве признал, что голод 1891–1892 гг. в России сделал из него сторонника марксистского учения в большей мере, чем все чтение «Капитала». Буржуазно-дворянская элита не дала ответ на коренные вопросы жизни. Потому Струве и говорил (1923): «Крестьяне оказались не имеющими собственности, не проникнутыми ни ее идеей, ни ее ощущениями, и за это и русское крестьянство, и вся Россия поплатились множеством человеческих жертв и великим разорением страны. Тут обнаружилась основная решающая связь между двумя фактами и двумя понятиями — собственностью и отечеством». Он призывал русских поскорее сделать своим лозунгом два слова, объединенных единым смыслом и рожденных от единого корня: «отечество» и «собственность», ибо без собственности, разлитой в народных массах, ощущение которой перешло, так сказать, в их плоть и кровь, «у них не может быть ни отечества как крова, под который они могут всегда укрыться и который они готовы защищать до последнего, ни ощущения этого отечества», того, что мы называем «патриотизмом». «Земля — крестьянам!» Кстати, этот же лозунг и обеспечил победу большевиков в лютой гражданской войне. Но и ныне сей вопрос попрежнему «висит», продолжая будоражить общественное сознание и умы в России. ^[555]

Кстати, в эпоху ранней молодости буржуазии, когда ее ум был еще более открыт и ясен, вышла книга М. Штирнера «Единственный и его собственность» (1844). В ней исчерпывающе ясно сказано по сути острейшего вопроса о собственности. Всякие там демократии и либерализм даже не упоминаются им, ибо всем ясно, что вопрос собственности «не может быть так мирно разрешен, как мечтают социалисты и даже коммунисты». Так как же он разрешается? Ясное дело. Он разрешится «только войной всех против всех». И беднякам

нечего ожидать от господ: всех этих хозяев, управляющих или директоров. «Бедняки только тогда сделаются свободными и собственниками, когда они восстанут, поднимутся». Ясно, господа трудящиеся!? Восстанием добывают власть и собственность, а не псевдовыборами, где буржуа все равно надуют вас. Так писал классик буржуазии.^[556] Советуем обратить внимание на здравую идею соединения труда и собственности. Она давно назрела в России, да и близка архетипу сознания большей части трудящихся, пониманию ими идей справедливости. В ней находит разрешение одна из сложных антиномий европейского разума Нового времени: противоположность демократии, свободы и равенства. К сожалению, пока мы не смогли разрешить эту дилемму. А вот Запад сумел-таки частично создать хрупкое равновесие меж свободой и равенством, между собственностью и трудом. Хотя капитализм живет в жесточайшем конфликте, носящем всемирно-исторический характер. Однако, во-первых, тот проявляется по-разному в различных странах, во-вторых, гражданско-самодетельный тип в странах бесспорно существует и развивается, в-третьих, пора бы и народам России иметь нормальную, достойную, трудовую часть собственности.

На волне этих надежд пришел к власти Ельцин. Власть в России оказалась в руках тех, кого еще П. Чаадаев называл не иначе как «бессмысленною мошкой». Суть их одна – все они лютые враги реального прогресса в России, как и ее Народ. Мы не единожды смогли убедиться: та «элита», которая бесконтрольно правила Россией все эти годы, в принципе так ничего и не смогла (и не сможет) сделать с толком и умом, ибо состоит из бездарнейшей и самой подлейшей части народа (паразитов), а часто из криминальных элементов (отбросов общества). Они опираются на наиболее реакционный, воровской Запад. Их единственная цель – это достижение личной власти, удовлетворение амбиций и сугубо корыстные интересы. Герцен называл таких господ «расстригами науки, ренегатами цивилизации». В умственном и в практическом отношении все «герои реформ» последних 15 лет являют собой ну просто вопиющую посредственность. Нелепо искать в них не то чтоб каплю гениальности, но и самый что ни на есть завалявшийся умишко. Хуже скотов. Иные из них обидятся, как обиделся известный в Европе анатом, узнав, что Гте приравнял homo к низшим видам животных: «Я

все-таки несколько оскорблен сближением нашей расы (человеческой) с таковой скотов». Но речь в данном случае идет вовсе не о «расе».

Когда-то еще Ф. Бэкон писал об идолах (идолах шумной площади, соотнося их с торговлей и общением). Однако в понимании философа «идолы» – это своего рода иллюзии, препятствующие истинному познанию, развитию. Нынче бесчеловечные идолы – реальны, они и руководили страной. Рожденные шумной площадью, из власти они сделали – театр, из экономики страны – пещеру, где люди живут почти в первобытном состоянии, из рынка – идола, которому поклоняются, а из себя – врагов России, да и всего рода человеческого. *Vae victis!* (Горе побежденным!) Вожди «демократии» (воровской анархии) все эти годы разрушали страну, как только могли. И что же? Может быть, у нас объявилась свобода личности? Да нет, ее не стало вовсе. Если, конечно, не иметь в виду свобод для разбоя, лжи, воровства, пуль бандитов, рабства, смерти, голода миллионов, разгула богатств олигархов и т. д. У нас пресса на каждом шагу болтает о демократии и о том, что власть ныне, якобы, находится в руках народа. Наглая и неприкрытая ложь. Американский мыслитель У. Пенн заметил: «Внушите людям, что они правят сами, и ими можно легко управлять». Россия сегодня дальше от подлинной демократии, нежели это было в 1917 году или тем более в 1991 году. Мы видим картину, подобную той, которую описал еврей Дизраэли Биконсфилд, первый министр Англии (1844): «Жиды! Жиды! Всюду жиды! Бывало ли когда-либо в Европе сколько-нибудь заметное движение без широкого в него вмешательства с нашей стороны?.. Возьмем для примера хотя бы русскую политику, исполненную такой таинственности, что перед ней от страха бледнеет вся Западная Европа. Кто ее вдохновляет, кто направляет? Жиды!»^[557]

Понимаем ли мы, в какую жуткую западную заманила нас псевдоэлита СССР и России, их проституированная и бездарная обслуга?! Они не сумели создать за 15 лет ничего сколь-либо осмысленного, что дало бы четкую, ясную программу прогрессивного, гуманного развития и роста России. Эта публика ворует и пробавляется «мемуарами». Ничего осмысленного, как признал даже лебезящий перед ними Астафьев – «ни звука, ни хрюка». Таких губителей немало и среди русских. Трудно удержаться от мысли: в ходе жестоких битв, голода, репрессий XX в. самых смелых,

отважных, умных и честных особей выбила Смерть. Режиссер С. Ростоцкий сказал: из ста парней его возраста, ушедших на битву с фашизмом, в живых осталось только трое. Лучшие погибли в этой страшной битве за свободу социалистической Родины. Что это означает? Силы народа были подорваны. В процентном отношении остался слой слабый, конформистский, ущербный. Они и дали жизнь поколениям тех, кто, не веря ни в Бога, ни в черта, хотят лишь капитала и наживы, вполне созрев для буржуазной стихии. Добро бы, если они могли что-то созидать. Но этому их не учили. Болтуны, воры и демагоги. Дети и внуки вчерашних лидеров – атеисты и невежды в кубе. Доллар, фунт и марка – их святая Троица. Племя ничтожеств может только торговать собою (в придачу – Россией). Во времена Смуты XVII в. Палицын из Троице-Сергиевой лавры сказал: «Россию терзали свои более, нежели иноплеменные: путеводителями, наставниками и хранителями ляхов были наши изменники». Так вот и нынче.

Время даст честную и беспристрастную оценку трагических событий минувшего десятилетия, правления Ельцина, что, говоря словами поэта Б. Пастернака, не вполне «трезво шел по трезвым рельсам». Прочитав его книгу «Записки президента», мы не искали глубоких мыслей. Хотелось понять психологию человека. Конечно, в известном мужестве ему не откажешь. Старый строй был обречен. Приходится, увы, с грустью констатировать, что появление в СССР и России поста президента и копии конституции США (этих чертовых даров американской цивилизации) принесло нашим народам неисчислимые беды.словно ящик Пандоры открылся (о чем писал Гесиод в «Трудах и днях»). Сразу объявились тысячи трагедий: бедствия, войны, болезни, голод, нищета, крах великой страны, потеря территорий, развал союзов и блоков, грабежи, коррупция, гибель миллионов людей в мирное время. Само слово «президент» стало злым роком, знаком беды, печатью Антихриста, числом зверя. Ельцин утверждал: якобы, Россию «обуревают жажда глобальной войны с западной цивилизацией». Его мучил «русский комплекс», «вполне объяснимый стыд», ибо СССР «потенциально угрожал сообществу цивилизованных стран». Что же видим теперь? Запад, обманув Горбачева с Ельциным (разумеется, с их согласия), угрожает существованию России, лишившейся союзников, баз и плацдармов. На

деле западная цивилизация (США и НАТО) обуреваемы жадой конфронтации с Сербией, Ираком, Ираном, Россией. Ельцин уверял, что у нас «исчезает страх», тот «страх, затаенность, угрюмость, которые всегда были свойственны русскому обществу».^[558] Напротив, всю Россию окутала атмосфера страха и отчаяния (за жизнь людей, за здоровье и будущее их детей, что ныне мрут тысячами, за судьбу Родины). Когда это еще так крали людей, увозя в рабство в Чечню?! Русь не знала таких ужасов со времен набегов татар, со времен Батыя.

Злой дух России

Что же — в России нет толковых и умных людей, любящих родину?! Есть, и немало. Почему Ельцин выбирал и отбирал тех политиков, при которых стране и народу жилось все хуже и хуже?! О каких «молодых ребятах с головой, хорошим образованием, со здравым смыслом» он изволил говорить?

Я их знавал: без чести, без закона —
Сановных подлецов с корыстной душой...
Взгляните, льстивою и жадною толпой
Они хлопочут у подножья «трона»!^[559]

Время обвиняет правителей России (1991–1999) в геноциде населения страны! Как говаривал Вл. Маяковский, «воспаленной губой припади и попей из реки по имени «Факт». Основная масса народа России ныне голодает. Дефицит белка в питании россиян составляет 35–40 %, витаминов 50–60 %. Смертность от голода стала обычным явлением среди беднейших слоев. О том, что это и есть прямой заговор Запада и сионистской колонны прежде всего против народов России, пишет и журнал «Президентский контроль» (1, 1999). Чтобы прийти к такому выводу, не надо никаких особых домыслов и догадок, достаточно сопоставить ряд важных цифр. На СССР приходилось 33,7 % мирового выпуска молочных продуктов и 21,4 % мирового рынка масла. И все это хозяйство было порушено. По официальным данным, в СССР в 1991 г. производилось 29,5 % мирового производства зерна (5 урожаев США), пшеницы – 16,2 % мирового производства (2 урожая США), овса – 45,1 % мирового производства (4 урожая США), ржи – 55 % мирового производства (12 урожаев ФРГ). Отсюда ясно, что наша страна и не нуждалась в импортном зерне. Но после прихода сиониста Гайдара во власть Америка вынудила Россию покупать у них зерно по 220–280 долларов за тонну, тогда как наши элеваторы не брали отечественное зерно по 160 тыс. рублей за ту же самую тонну, тем самым добывая собственное зерновое производство... Наконец, чтобы разрушить наше хозяйство окончательно, в 1992 г. из России было вывезено 40 % азотных и фосфорных и 70 % калийных удобрений. В итоге же в 1993 г. 75 % земель под зерновые остались без удобрений, а Сибирь в 1995 г. вообще была вынуждена высевать без удобрений. Нехватка горючего и техники ставит труженика села перед проблемой выживания. За эти преступления «реформаторов» надо расстреливать без суда и следствия!^[560]

Какое право имел бывший президент России, считающий себя русским, отдать страну на откуп внуку кровавого палача и тирана

русского народа Голикова – Егору Гайдару? В книге художника Глазунова «Россия распятая» описываются подвиги того Гайдара (палача): «Особой свирепостью отличался среди них юный командир – каратель Аркадий Голиков. Впоследствии страна узнала его в совсем иной, благостно-умильной «ипостаси» детского писателя. А псевдоним его, Гайдар, происходил от хакасского «хайда» (куда). «Куда?» – спрашивал чоновец Голиков местных жителей о передвижениях семеновской «банды». За сокрытие, за отказ от ответа – к стенке! Женщин, стариков, детишек – в заложники, под пулеметные очереди. Трусами безвинных набивали колодцы... Много сегодня уже написано о преступлениях Гайдара на берегах Соленого озера в Хакасии. Это была жуткая «шоковая терапия» лицемерного сочинителя трогательной сказки о Тимуре и его команде, борца за новый мировой порядок. Но в Хакасии помнят навечно злодеяния Аркадия Голикова – Гайдара-карателя и садиста».^[561]

А вспомним сиониста Свердлова с его приказом: «Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно». С другой стороны, конечно, прав был и покойный Д. Балашов, заметив в статье «Через бездну»: «Не будем забывать и про русских «Ванек», которые заседали в комбедах, грабили «кулаков», выдирая пеленки из-под больных детей и, выгребая хлеб до последнего зернышка, крушили (православные) церкви, издевались над священнослужителями... А кто же, по приказу Свердлова, расстреливал целыми деревнями казаков, убивал стариков, детей и женщин? Сам Свердлов? Увы! Русские солдатики, и все ведь крещенные, и в церковь когда-то ходили, и причащались! Не будь этих солдатиков, по приказу жида-комиссара убивавших своих русских офицеров, провоевавших вместе с ними четыре года, этих веселых «Ванек», и «жид бы не встрепенулся», по терминологии Достоевского».^[562] Это так. Ведь не будь сыновей и внуков все тех же безмозглых русских Ванек, к власти в России в конце XX в. не пришли бы и «каратели во фраках» – Гайдар и Чубайс, Бурбулис и Козырев, Березовский и Гусинский, Собчак, Шахрай и Шохин, Киселев и Шумейко, многие другие. Они осуществляли геноцид народа России при помощи Ельцина и, что уж скрывать, части русских масс. Эти новые господа нечаевы, верховенские и ставрогины – бесы, кружащиеся над нашей Россией! Помните, как в «Бесах» Достоевского

идеолог западной цивилизации Верховенский исходит бешенством, обличая «наше унижительное бессилие», как он говорит про «отвратительное паразитство» народа. Ну как же, ведь он тоже «реформатор». Поэтому и предлагает радикальный выход: «О, русские должны бы быть истреблены для блага человечества, как вредные паразиты!»^[563] Вот и по мнению Собчака, цивилизация нас, русских, якобы вообще не коснулась, а истинное место СССР – где-нибудь в верховьях Амазонии. Ему вторила ошибка природы Новодворская, чье бешенство матки странным образом обратилось в бешенство против России. Она заявила в «Новой газете» (май, 2000 г.), что все русские и слово «Россия» должны исчезнуть с карты мира. Они принадлежат к тому же типу вырожденков, что иуда Пеньковский, люто ненавидивший Россию, предлагавший Западу использовать атомные заряды для уничтожения Москвы, чтобы ее население сгорело «дотла», так сказать, до косточки, или Березовский, осевший ныне за границей, предлагающий Западу использовать против России «югославский вариант». С ними и поступать, как с Пеньковским.

В стране прогрессируют давно уж, казалось бы, исчезнувшие во времена СССР опаснейшие заболевания, о которых забыли (туберкулез, холера и т. п.). Число больных туберкулезом выросло вдвое. На рынках Москвы почти каждый второй работник болен этой страшной болезнью нищеты и бесправия. Жертв от СПИДа и сифилиса становится все больше: число больных сифилисом среди молодежи увеличилось в 70 раз по сравнению с 1990 г. По темпам роста СПИДа мы идем на первом месте в мире (и впереди – Москва). В случае развития эпидемии у нас их будет порядка 2 млн. Нищета и общая деградация толкает людей на улицы. Наркомания стала бичем молодежи. Растет число бездомных детей – более 3 млн. детей (ныне ситуация хуже, чем в годы гражданской войны или после войны 1941–1945 гг.). Налицо фактическая депопуляция и вырождение народа. Уровень рождаемости в России ныне вдвое ниже, чем до начала ельцинизации, и вчетверо ниже, чем даже в довоенные годы (при Сталине). Жизнь мужчин у нас сократилась до 57 лет, женщин – до 64 лет. Число умерших в России в 1,5–1,7 раза превысило число родившихся. Общие демографические потери (с учетом умерших и не родившихся в силу жутких социальных обстоятельств) давно превысили 8 млн. человек, тогда как за весь период гражданской

войны 1918—20-х гг. численность населения России сократилась на 2,8 млн. человек. К 2005 г. население страны может дополнительно уменьшиться еще на 9—10 млн. человек. Это усилит движения сепаратистов и может в итоге привести к самым трагическим и страшным последствиям для России. Ведь если внимательно проанализировать данные по народонаселению в России, то получается и вовсе убийственная картина. В годы, которые известны как самые тяжелые в истории, с 1929 по 1939 гг., то есть в годы коллективизации, голода 1933 г., репрессий 1937–1939 гг. и так далее, в России умерло около 20 процентов населения. И примерно столько же умерло за 10 лет геноцида в России (1989–1999). Но при Сталине, как писал В. Кожин, мы все-таки многое сумели создать, а сейчас, в основном, только разрушаем.

Уровень жизни абсолютного большинства людей в России упал сегодня до самой низкой отметки за послевоенное время. За годы президентства Б. Ельцина голод и безработица привели к уничтожению главного богатства нашей страны – квалифицированного труда. По данным Минтруда, уровень доходов трети россиян ниже прожиточного минимума (1999). По европейской классификации, к категории беднейших можно отнести 60 % населения. При нынешней власти 20 человек из 1000 в России кончают жизнь самоубийством.

Мы занимаем 1-ое место в мире по этим показателям! Политика режима «демократов» по геноциду населения России очевидна. Темпы вымирания населения сравнимы с годами гражданской войны – 1,5 млн. в год. У ученых явление получило наименование «Русский крест». Точнее сказать – «Русская Голгофа». Особенно тревожит то положение, в котором оказались дети и подростки, надежда и будущее всей нации. По всей России идет «избиение младенцев» (18 тысяч в год). ООН, ЮНЕСКО, МВФ, Мировой банк, Международная федерация планирования семьи, Российская ассоциация планирования семьи, поддерживают эту политику геноцида народа России, ведут целенаправленную кампанию по сокращению нашего населения. В 1998 г. РАПС получила от МВФ порядка 80 млн. долларов «на уничтожение русской нации», объясняя действия соображениями экономики и морали. В эти маски рядились и фашисты. Вот отрывки из их указов (материалы): «Необходимо с помощью прессы, радио, кино, книг и лекций внедрить в сознание русских, что вредно иметь несколько детей. Надо указывать на расходы, связанные с детьми, и на то, что эти деньги могут быть истрачены на приобретение хороших вещей... Ни распространение противозачаточных средств, ни совершение аборт не подлежат преследованию. Надо пропагандировать добровольную стерилизацию» (1942). В том же духе высказывались и янки. Представитель Агентства международного развития доктор Р. Равенхолт заявил в 1977 г., что для поддержания финансовых интересов США нужно стерилизовать по меньшей мере четверть всех живущих на земле женщин детородного возраста. США на путь стерилизации толкнули Индию. И та за 6 месяцев 1976 г. стерилизовала 3 млн. человек. Не с этой ли целью и наш Минздрав разрешил запрещенные в 134 странах мира аборты на поздних сроках?

Последствия проводимой ельцинским режимом преступной политики сродни технике депопуляции славянских народов, разработанной некогда нацистами для расчистки экономического пространства СССР «для расы арийских сверхчеловеков». Так говорит «русский Катон», депутат Думы В. И. Илюхин.^[564] С. Глазьев, глава Комитета Думы, в книге «Геноцид. Россия и новый мировой порядок» (1997) пишет о роли компрадорско-олигархической элиты. Их действия – это действия грабителей-оккупантов (типа Наполеона, Гитлера). Их политика привела к уничтожению 1/3 национального богатства страны, к огромным потерям населения, к двухкратному сокращению производства, к расчленению державы. Вывод однозначен: «По имеющимся оценкам, число человеческих жертв политики, проводимой в России в последние годы, втрое превышает число жертв предыдущего социального эксперимента – революции и гражданской войны 1917–1920 гг. Материальный ущерб этой политики существенно превышает ущерб, нанесенный СССР гитлеровским

нашествием 1941–1945 гг.». Сегодня после ряда войн, голода и революций нас стало в два-три раза меньше. По расчетам Абалкина, к 2030 г. на территории России может остаться всего 20 процентов русских.^[565] «Римский клуб» объявил, что к 2010 г. русских в России должно остаться не более 50 миллионов человек. По данным ЮНЕСКО и Всемирной организации здравоохранения, проводивших полный анализ жизнеспособности народов, Россия по этим важнейшим показателям находится позади Сомали, Гаити, Бирмы, Папуа, Западной Сахары, индейцев Южной и Центральной Америки. Вымирают русские. В русском треугольнике Москва-С.-Петербург-Нижний Новгород возникла демографическая пустыня, где уровень смертности превышает рождаемость в несколько раз. А ведь тут ядро русской нации.^[566] Хотя Менделеев и намечал оптимальную численность населения в России в конце XX в. – 500–600 млн человек.

Средства информации и кремлевские власти убеждают народ в полной правильности и неизменности курса. Уйдя от власти, Б. Ельцин удовлетворенно заявил: «стратегический курс был правилен». А один из его подручных, «малюта от академии», всепреданнейший

друг Сиона В. Тишков пытался оправдать палачей России, заявив, что, оказывается, в стране нет никакой демографической катастрофы, а есть плохие демографы.^[567] Он мудрено рассуждал о том, что разговоры о вымирании России есть «проявление отсталого сознания и плохого знания». Он буквально из кожи вон лез, только бы оправдать ограбление и нищету огромных масс населения, выезд из России на заработки (во многом вынужденный и трагический). Для этих господ принадлежность человека к своему народу и его национальная идентификация – глупость. Ему хотелось бы, чтобы все назвали себя «россиянами». В статье, конечно же, нет ни полслова о Русском народе. Поражает его вывод о положении науки и ученых: «В Дагестане средняя заработная плата научных работников составляет 700 руб. в месяц. Но двое дагестанских коллег, с которыми я беседовал, признались, что брак их молодых отпрысков стоил им по 15–20 тыс. долл. личных средств». Смысл статьи в его финальном вердикте: «Моя позиция – «в России жить стало лучше, но сложнее» лишь отчасти является формой гуманитарной терапии». И эти лжеученые, ставшие лжецами и обслугой плутократии, стоят во главе ведущих академических институтов! Позор... С такой наукой Россия не будет сильной.

Тютчев сказал, что русская история до Петра I – это сплошная панихида, а после Петра – одно сплошное уголовное дело. То и другое втройне верно в отношении России эпохи правления «царя Бориса». Плоды деятельности «господ» налицо. Ни о каких реформах, перестройке промышленности, армии и сельского хозяйства они и не помышляли. Их чаяния и цели иные: украсть, вывезти из России больше богатств (из страны легально увели 400 млрд. долл., ежемесячно продолжая и в 2000 г. красть у страны по 1,5 млрд. долларов). Вот уж и известный ученый, экономист, писатель, директор Института Европы РАН Н. Шмелев, который 15 лет везде и всюду с пеной у рта отстаивал приход к власти губителей Отечества, вдруг «прозрел». Теперь он пишет о том, что в России расходы на образование, науку, здравоохранение уменьшились в 10 раз, оборонные расходы – в 5 раз, заработная плата – в 2–3 раза, пенсии сократились в 5–6 раз, хотя налоги выросли вдвое и уже нет нужды содержать бывшие 14 союзных республик. А это ранее обходилось СССР в 50 млрд. долл., плюс 20–25 млрд. долл. на страны СЭВ, третьего мира. Но где же высвобожденные деньги? Куда подевались столь фантастические суммы? «Это всем известно – они в основном за рубежом, эти фантастические состояния, созданные здесь с нуля, из воздуха». Если богатства эти направить на благо народа, они могли бы дать достойную и хорошую жизнь миллионам людей.

Как один русский мужик 10 олигархов прокормил?

Власть назначила миллиардерами всех этих господ: Березовского, Гусинского, Мостового и т. д. и т. п. Но почему же только их? Прежде всего это сам г-н Ельцин, его «семья», все окружение от А до Я (Барсуков, Коржаков, Тарпищев, Грачев, Черномырдин, Сосковец, Кох, Лифшиц, Лужков, Шахрай, Шумейко, Филатов, Чубайс), многие тузы местных элит. Кого ни возьми – не ошибешься. Замазаны тысячи. Академик Д. С. Львов и группа экономистов подсчитали, что только за 5 лет правления правительства Черномырдина из страны неизвестно куда утекло 74 миллиарда долларов. Конечно же, такая бурная деятельность «заслуживает» Нобелевской премии. Правительственная верхушка растащила бешеные суммы. Потрясающе, но их просто списывали (реальная сумма – около 90 миллиардов долларов). При правительстве Примакова в карманы воров, олигархов утекло еще 13–16 миллиардов долларов. И во главе страны стояли Черномырдин, Чубайс, Березовский, Гусинский, Смоленский, Потанин, Авен, Алекперов, Черные. Они говорят: «Мы своих богатств уже не отдадим. Оставьте нам и нашим потомкам на веки вечные украденные у всех народов России сотни миллиардов долларов. Забудьте об этом на веки вечные». Ныне этих господ выбирают в парламент, награждают орденами и почетными званиями. За что?! За ту страшную разруху, за море нищеты, в которое они окунули всю Россию?! К несчастью, к власти в России в конце века пришло бессовестное, бездарное, дикое племя нуворишей. Немаловажные черты к портрету тех, кто правил

Россией, добавили сделанные А. Коржаковым откровения в передаче «Герой дня без галстука» (30.10.99). С усмешкой он говорил, как Ельцин любил культивировать в себе жестокость ко всякой божьей твари, убивая по 30 зверей за день (утром, днем и вечером, как молитву). Их гнали егеря. Президент, оказывается, культивировал жестокость и жажду убийства. А верный опричник добивал искалеченное, израненное зверье! Но нынче он тоже «прозрел» (вместе с женой, которая «плакала от стыда за нашу страну», наблюдая за «показательными» выступлениями Ельцина в Германии, когда тот исполнял «Калинку-малинку», выступая в роли пьяного «дирижера»). Главный охранник «понял»: «Раньше мы с вами думали, что мы обманываем людей ради продолжения реформ, ради демократии... А нынче ясно, что все это вранье нужно лишь вашей семье да горстке людей, приватизировавших власть».^[568] Палач и его подручный. Теперь вспоминает, как таскали деньги коробками на выборы Ельцина. И банкирам нравилось давать деньги под Ельцина, ибо они потом имели во стократ больше за счет льгот и откупов при нищей и голой России. Вспомнив фразу «Не так сидим», сказанную плебейским Цицероном на заседании по случаю 2000-летия цивилизации в Кремле, скажу проще и яснее: «Не там сидят!»

Голодная Россия!

Видимо, это к их племени можно отнести слова Иисуса: «Все, сколько их ни проходило предо Мною, суть воры и разбойники». Но о них почему-то говорят неопределенно – «рыночники». Мы отнюдь не против рынка. «Рыночный день – это судный день для меновой ценности товаров», – заметил философ Э. Фромм.^[569] Помилуйте, но какой же это рынок, господа? Это грабеж среди бела дня. Вспомним вновь Къеза. Он пишет, как состоялась встреча с четой демократов-реформаторов, принадлежавших к московской элите. Хозяин дома работал редактором радикал-демократического еженедельника. Госпожа недавно была принята на работу в банк. В стране идет бешеным темпом либерализация цен. Для наших народов, брошенных на произвол судьбы, это были «судные дни России»! Далее следует текст Къезы: «Не успел я закончить свой рассказ, как раздалась раздраженная реплика гостыи: «Мы не можем жалеть этих людей, – воскликнула она, – если хотим, наконец, иметь в России рынок. Они никогда к нему не приспособятся. Надо отдавать себе отчет в том, что вымрут по крайней мере тридцать миллионов человек, и ничего с этим поделать нельзя. Или так, или мы по-прежнему будем далеки от цивилизации!» И тут разгоряченная дама стала рассказывать, что теперь она, наконец, получила возможность ездить в Париж, присутствовать на демонстрациях мод, делать покупки в Лондоне и Риме, отдыхать у моря в Марбелле. Можно ли требовать, чтобы она от всего этого отказалась? И ради чего? Ради какого-то литра молока для

старухи, которой все равно суждено быть проглоченной историей, рынком?! «Признаюсь, что у меня просто челюсть отвисла... Меня словно носом ткнули в классический пассаж о первичном накоплении в экономике капитализма, о чем говорится у Рикардо и Маркса. Помню, я попытался ей возразить: «Но, дорогая, может вы объясните мне тогда разницу между вашим образом мышления и образом мышления Сталина? Ведь он тоже, вероятно, считал, что смерть тридцати миллионов человек необходима для построения коммунизма. Вы полагаете, что столько же народу должно погибнуть во имя построения рынка?» На этой моей реплике наша дружба закончилась, и обед застрял в горле не только у меня, но, думается, и у моих гостей, которые, разъезжая по Парижам, и поныне продолжают считать себя очень демократичными».^[570]

Ясно, что времена св. Франциска, который когда-то с братьями-монахами хотел было довести бедность до крайнего предела, уподобившись птицам небесным, или Якова Бме, пришедшего в необъяснимый ужас, когда он вдруг обнаружил в пещере полную денег кадку, миновали. Запустить механизм реформ можно, опираясь на экономический интерес как индивидов, так и народа. Приватизация назревала. Но чего и как?

Кто и что купит? У народа денег на все эти заводы, аэропорты, железные дороги, газо- и нефтепромыслы не было (если что и было, у него их украли). Но фантастическая собственность, созданная народом, была в избытке. Нормальный путь развития был: сохранить руководство процессом приватизации у государства. Надо было сделать ход ее честным, ясным, прозрачным, разумно-контролируемым. Но тут уж и дураку ясно, что в этом новая бюрократическая элита (младобандитская) была не заинтересована, ибо при жестком контроле крупно не украдешь. Приватизация сделана бандитами для бандитов.

Что представляет собой наш народ? Бытуют оценки характерных черт народов: англичанин – тактичный, спокойный, критичный, умный; японец – трудолюбивый, осторожный, организованный, серьезный, упорный; немец – практичный, организованный, трудолюбивый, уверенный, твердый и жесткий; татарин – вспыльчивый, самоуверенный, сметливый, хитрый, трудолюбивый, гордый; русский – щедрый, непрактичный, доверчивый,

миролюбивый, бесшабашный. В. Ключевский писал о великороссе, что он «любит подчас, очертя голову, выбрать самое что ни на есть безнадежное и нерасчетливое решение, противопоставляя капризу природы каприз собственной отваги». Отчего же мы привыкли «играть в удачу» и надеяться на наше знаменитое «авось»?! Не поздно ли «отстаиваться в беде и смуте», не глупо ли «в страдании трезветь и молиться», а «в несчастье собирать силы»?! Может, было бы лучше их вообще не допускать, а заодно и не напиваться до бесчувствия?! Тогда и не придется «жить в крайней скудости, иссякать в истощении, опустошаться в запустении» (И. Ильин). Не придется, слава Богу, и «возрождаться из пепла и на костях»! Бедность и нищета масс, особенно на фоне вызывающей роскоши спекулянтов и торгашей, самого тихого и кроткого из нас готова превратить из Иова в Робеспьера. К сожалению, мы в России бываем зачастую сильны лишь «задним умом». [\[571\]](#)

В вопросах собственности нельзя и слепо мести под корень. Тот, кто хорошо и нормально работает в частном бизнесе, кто готов эффективно, умно трудиться и направлять свои усилия на развитие экономики России, пожалуйста (русский или иностранец, не столь и важно). Даже если идти по пути серьезной капитализации собственности, ряда предприятий, абсолютно необходим разумный пересмотр тех итогов приватизации. Кому и зачем понадобилось делить «Аэрофлот» на 200 компаний? Это не привело к здоровой конкуренции, но лишь крайне ухудшило состояние и эксплуатацию авиапарка. За 10 лет закупки самолетов в России сократились в 30 раз, число аэропортов—двое. Зато обогатились ближайшие родственники Ельцина. Народ и государство оказались в проигрыше. Увы, кого сегодня в России интересуют столь отвлеченные и нелепые понятия как «народ» или «государство»? Кстати, во всем передовом мире наблюдаются противоположные тенденции. Так, в США мы видим, как слияние «Локхида» и «Мартин-Мариетты» привело на деле к созданию министерства аэрокосмической промышленности, а поглощение «Боингом» компании «Магдоннел-Дуглас» привело фактически к образованию минавиапрома США. Эти же тенденции видны повсюду: в Италии, где «ФИАТ» выступил в роли минавтопрома Италии, в Европе, где «Юнилевер» стал своего рода минхимпромом Европейского союза. [\[572\]](#) Нефтяные, газовые, алюминиевые короли

вывозят прибылей на миллиарды долларов. Нужен закон прямого действия и контроль – вывоз металл, нефть, газ, лес, богатства морей в обход закона, все до копейки конфисковать, отправив «героев» на каторгу. Как говорят в этом случае французы: «А tout seigneur, tout honneur» (Каждому следует воздать должное). Надо убрать воров и компрадоров! Разве не ясно!? Стратегические заводы – в умелые руки! Как можно было отдавать заводы Милля или «Композит» бандитам, вора́м, расхитителям. История учит, что в иных случаях иностранные предприниматели в России имели успех. На Полотняном дворе немца И. Тамеса в Москве некогда прошло выучку много поколений русских купцов. Русские мастера, выучившись, стали учить и других. А взять братьев Меллеров, чьи железные заводы в первой четверти XVIII в. выплавляли больше чугуна, чем все заводы центрального металлургического района России. Они имели право сказать, указав на превосходство своих заводов, управляемых ими, что таких «в Российском государстве не бывало». [\[573\]](#)

Однако же самым потрясающим является и то, что «цивилизованные» Запад и Восток, некогда воюя с социализмом, унаследовали его позитивные черты. Мы же за последние годы стремительно удаляемся от такого социализма в сторону варварского капитализма эпохи первоначального накопления, от которого в мире не осталось и следа. В передовой Европе и Америке принята концепция смешанной экономики, называемая «рыночным социализмом» (это же азбучная истина). «Демократы» столь же мало подходят для задач реформирования России, как и *asinus ad lyram* (как осел способен к музыке – лат.). Эти люди не только неумны, но и цинично равнодушны. Писатель Р. Эберхардт сказал о равнодушных людях: «Не бойся врагов – в худшем случае они могут тебя убить. Не бойся друзей – в худшем случае они могут тебя предать. Бойся равнодушных – они не убивают и не предают, но только с их молчаливого согласия существует на земле предательство и убийство». По поводу шагов реформаторов академик Г. Осипов заметил: «Курс реформирования был нацелен на построение капиталистического общества, а приватизация рассматривалась и рассматривается как средство осуществления буржуазной (ползучей) революции (контрреволюции. – **В. М.**). Принятие модели возврата к капитализму, то есть регрессивной модели реформирования, означает принятие реформаторами на

вооружение еще одной очередной социальной утопии». Говоря о бесперспективности таких утопий, М. Доган писал: «Ожидать экономического чуда от экспортации капитализма в страны «третьего мира», забывая о стратегиях экономического развития Европы, означает строительство модели развития ни на чем. Как можно забыть о том, что в XIX в. западные страны колонизировали и эксплуатировали ресурсы колониальных зон?». ^[574]

И. Ильин писал в «Предпосылках творческой демократии»: народ должен разуместь свободу, нуждаться в ней, ценить ее, уметь ею пользоваться и бороться за нее. Все это и есть – искусство свободы! «Нет его – и демократия обречена». «Есть уровень необразованности, малообразованности и неосведомленности, при котором голосует не народ, а обманываемая толпа; и из этого возникает не демократия, а охлократия (правление темной толпы)». ^[575] У нас в 1991–1996 это и произошло. И сегодня эта толпа (где полным-полно нас – русских) покорно и даже рабски голосует за козыревых, михасей, мавроди, абрамовичей, шутовых, япончиков, березовских, ельциных... А вы говорите – народ! Поистине «сумма нулей есть грозная цифра».

Хотя тяга нашего народа к лучшей и более сытой жизни, его отклики на попытки реформирования нам понятны. Людям хотелось, чтобы и у нас все было как-то более или менее по-человечески – «как в Европе». Вспомним, что еще К. Леонтьева одолевали сомнения, когда он раздумывал над словами Вл. Соловьева: «Русская цивилизация есть цивилизация европейская». Вспоминал и отвечал себе: «А что если с этой стороны Соловьев видит дело вернее нас; что если мы хотим верить тому, что нам приятно, и ослепляемся?.. Будет ли еще вообще новая, вполне независимая, полная, оригинальная культура на земном шаре – это вопрос! Допустивши даже, что будут еще (до неизбежного и надвигающегося светопреставления) один или два новых культурных типа, мы все-таки не имеем еще через это права надеяться, что этот новый культурный тип выработается непременно весьма уже старою Россией и ее славянскими единоплеменниками, отчасти переходящими прямо из свинопасов в либеральных буржуа, отчасти давно уже насквозь пропитанных европеизмом». ^[576] Не о нашем ли времени он задумывался? Если уж философа Леонтьева, мудреца, одолевали сомнения, то наш темный мужик, конечно, и вовсе запутался.

Хотя если быть честным до конца, надо признать и другое. Исторический факт то, что без народа не было бы никакого Ельцина. Народ не волновало то, что он все более напоминал бога смерти Таната, вынимающего из людей душу. Ельцин с его окружением могли бы стать персонажами Достоевского или Салтыкова-Щедрина, известных произведений – «Записок из мертвого дома», «Палаты 6» и «Истории одного города», где описывалась жизнь вымышленного города Глупова с его тупостью, ленью, сплетнями, клеветой, взяточничеством, аферами и низкопоклонством. Его объятья – это объятья Люцифера, его поцелуи чем-то напоминают нам «поцелуй смерти» сицилийского бандита. Даже его семья, как и семья злого царя Миноса, полно змей, скорпионов и паучих. Наш народ сам же создал своего могильщика. Поумнев, надеюсь, он покончит с царями-питекантропами и их клеветами, устроившими чудовищный эксперимент над страной. Скоро всех призовут к ответу.

Как штормовой прибой, шумит молва людская:

Как пена – грязная, и как сова – слепая... [\[577\]](#)

Десять лет украдены у нас. На лавры Цинцинната (римский диктатор, ушедший добровольно с поста) Ельцину не приходится рассчитывать. Жуткие итоги его господства нельзя недооценивать. Уже создан и тонкий слой «новых богачей». Тот стал правящей силой, которую невозможно убрать демократическим путем. Они сделали власть безальтернативной. Выборы идут под их контролем. Все это было бы еще терпимо, если бы они были готовы созидать – развивать науку, технику, промышленность, сельское хозяйство, образование и культуру. Но эта власть паразитарна по своей сути. В Приморье и на Камчатке люди неделями и месяцами сидят без электричества, а власти устраивают «цирк с выборами». В голодной и нищей стране, где учителя месяцами не получают жалких грошей, десятки бар предлагают себя в президенты, а Ельцину и его слугам дают 45 млн. рублей в год (тогда как им по закону полагается несколько рублей в день – «тюремная норма»). Их бы – на лесоповал, в рудники, в зону вечной мерзлоты, вместе с их окружением, зарабатывать на хлеб насущный (а не платить по 100 тысяч долларов). Ельцин заслужил в

истории России титул самого бесстыдного президента. Не сделал его святым и визит на Святую землю. Рядом с таким «святым» разбойник Варрава покажется Христом. Народ был ловко запутан и разагитирован «золотым веком капитализма». Завораживал пример Америки, где средний доход на душу населения сто лет тому назад был примерно таков, каков он в нынешней России. Уж сколько раз твердили миру, что прямые, слепые заимствования в тысячу раз страшнее лютых войн и природных катастроф. Не помогает. Вот она, тупость «реформаторов», проучившихся кое-как, чуждых истории, пропивших СССР, да и всю Россию... А ведь еще И. Гердер внушал: «Не надо думать, будто люди в силах единым махом обратить чужую часть света в Европу, стоит только прорубить леса и возделывать землю; все живое творение – это одна живая взаимосвязь, и изменять ее можно только с большой осторожностью». Подобных «слепых» немало на Олимпе.

Масса идиотов и невежд, раззявив губы, побежала, задрав штаны, во всевозможные панамы и частные «пирамиды» (МММ, хопры, властелины), поверив посулам и потеряв при этом 20 трлн. рублей! Многие сограждане, будем откровенны, воспламенились идеей разбогатеть за месяц. Учиться, работать в поте лица, повышать культуру, профессиональное отношение к делу?! Еще чего надумали! Сорвал банк – вот и вся недолга. Этот скотский слой слепо и ринулся в демократические загоны. Будучи невеждами, дураками и лентяями, подобные типы желали взять у Запада комфорт и сытость, но без упорного труда, знаний, дисциплины. Паразиты в наичистейшем виде. Некоторых воспитал прошлый строй, но гораздо большее число их появилось за 10–15 выморочных лет «катастрофы», на волне «демократии». Не удивляйтесь: монетарист-плутократ, вор и спекулянт, с паразитом внутренне схожи и близки. Жизнь тех и других зависит от получения «объедков с Запада». Они прильнули к корыту «реформ», как к сказочным молочным рекам с кисельными берегами. Многие рассуждали, как герой повести А. Платонова: «Не мы создали божий мир несчастный, но мы его устроим до конца. И будет жизнь могучей и прекрасной, и хватит всем куриного яйца!». [\[578\]](#)

В. Шульженко. *Спящие*

Кстати о дураках... Один из наших правителей рассказывал, как во время визита в Англию он разговорился с умудренным жизнью лордом. В ходе беседы речь зашла о положении в России. Этот политик стал, как это принято у «элиты», жаловаться, что все проблемы России, мол, от извечных бед – «плохих дорог и дураков». Подумав, лорд ему возразил. В Англии дураков, пожалуй, поболее, чем в России, но там строгие и умные законы, не позволяющие вору и дураку попадать в правительство. Злободневное высказывание мудрого бритта. Самое любопытное в истории то, что ее поведал П.П. Бородин, госсекретарь союза России и Беларуси. Как мы знаем, ныне он сам оказался в дураках и поставил в дурацкое положение три государства. Приглашенный на инаугурацию президента Буша («ужин при свечах» и т. п.), он был препровожден в Бруклинскую тюрьму, коротая время у «параши». Выводы напрашиваются сами собой: 1) позорно и глупо ставить во главе государств креатуру ельцинской поры (хотя это и «наш сукин сын»); 2) Запад алчен безмерно, а порой и откровенно подл, и не упустит случая сделать очередную гадость России; умные руководители страны должны не допускать подобного конфуза; 3) президенту Путину следует быть строже и последовательнее в подборе кадров управления (чувство «личной благодарности» дорого обходится Родине и ему лично); 4) Запад при Ельцине отмыл и перекачал в свои банки сотни миллиардов долларов – и никто из дельцов этой аферы не арестован (ни у них, ни у нас); 5) надеюсь, это «последнее прости» друга Билла не осложнит наших отношений.

А дураки-обыватели есть везде. П. Сорокин отмечал: самая распространенная и самая многочисленная партия, говоря, что если и погибнет Россия, то от обывателя. Его идеалы: не трудясь, в один присест получить богатство и сладкую жизнь. Он созрел для афер, грабежей, убийств и хочет ловить рыбку в мутной воде. Оттого он до бесовщины жаждет узреть крах власти. Контроль государства ему страшен. Стремление украсть или урвать стало распространенным явлением в России. В этом власть подает народу гнусный пример. Ей выгоден такой разгул «свобод». Х. Марти писал: «Если свобода тирании ужасна, то тирания свободы внушает отвращение, потрясает, страшит».

Дух быстрой наживы проник в умы молодой России. Пожалуй, и тут мы не одиноки в переживании подобного момента истории. Когда-то, еще в первой половине XIX века, И. Эккерман, секретарь Гте, писал: «Не буду доискиваться, почему наша современная молодежь вообразила, что ей от природы дано то, чего до сих пор люди добивались лишь долголетним трудом и опытом, но одно, думается, я вправе сказать: ныне столь часто проявляющиеся в Германии тенденции дерзко перескакивать через все ступени постепенного развития вряд ли оставляют нам надежду на появление новых мастерских произведений». Это замечание появилось на свет после того, как Гте показал ему письмо одного студента, который просил сообщить ему план второй части «Фауста, дабы он мог вместо Гте закончить это произведение» (1825).^[579] Эккерман резюмирует, что было бы гораздо проще достроить Кельнский собор, нежели продолжить «Фауста» в духе Гте! В России ситуация печальнее. Молодежь предпочитает не писать «Фаустов» и «Пророков», не «достраивать соборы», а строит «пирамиды», богатея на обмане людей. Анархия и псевдодемократия позволили насиловать, воровать, убивать, похищать, грабить. Достоевский писал о западниках и нигилистах в «Бесах»: нигилисты и западники требуют окончательной плети. «Эти бесы, выходящие из больного и входящие в свиней, — говорил он, — это все язвы, все миазмы, вся нечистота, все бесы и бесенята, накопившиеся... в нашей России, за века, за века!». ^[580] Окончательной плети и каторги! Не амнистии или прощенья, а каторги и высшей меры для виновных в грабеже России. Вор должен сидеть в тюрьме!

Слой плутократии (партийные, хозяйственные, промышленные работники) и стал могильщиком страны. 75 процентов элитарных политиков и 61 процент нынешней бизнес-элиты во власти – выходцы из старой советской номенклатуры. Эти господа и осуществили переворот, завладев собственностью и властью в России. Ельцин стал негласным вождем этой тупой, алчной массы. Однако было бы в корне неверно зачислять в ряды новой буржуазии всю бывшую советскую элиту. Миллионы людей не приняли распродажу государства, того, что создано многими поколениями, такую распродажу, итогом которой стало полное обнищание народа. Это видят те, кто не слеп, не принадлежит к ворах. Дело вовсе не в собственности! Есть и те, кто, взяв в свои руки собственность, попытался наладить и развить дело, служа целям России, народа и личным. Такие собственники нам нужны. Другие избрали воровство, уход от налогов, коррупцию, лжеэкспорт, бандитизм. Куда ни глянь, всюду грандиозные аферы в сотни миллионов, миллиарды долларов. Этих убрать безжалостно. Нужна новая опричнина. [\[581\]](#)

«Демократическое» отребье уникально по бессовестности, подлости и алчности. Чудовищна вина псевдоинтеллигенции, которую Россия и Русский народ как таковые вообще не интересуют. Любопытно, что то же было и в веймаровской Германии. В книге «Новая Вавилонская башня» Дитрих фон Гильдебранд описывает ту немецкую интеллигенцию, которая в свое время проложила путь фашизму, поддерживая его всей мощью победоносной посредственности. Кстати, она также утвердилась на волне демократии. Он писал: «Но, в то время как в нацистской Германии культ посредственности насильно навязывался фюрером и его приспешниками (и поддерживался из страха многими профессорами), его нынешнее бурное распространение происходит под прикрытием демократии, свободы слова и академической свободы». [\[582\]](#) Под скипетром «царя фашиствующей демократии» и в России пришла к власти вопиющая посредственность. Объединило их всех – серость.

Культура, наука, искусство должны отражать горе, боль и трагедию народа. Горе той «творческой интеллигенции», что подобно паршивой приبلудной собаке побежала, виляя хвостом, за первым же жирным куском. Придет час и народ напомнит вам о вашей гнилой и тварной сущности. А. И. Солженицын, «царь эмиграции», вернулся в

Россию, как он полагал, «на царство». Иные ждали, что он и последует по пути пушкинского пророка, осудив преступления против России:

Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнишь волею моею,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей...

Напрасные ожидания. Ни слова о положении России, ее народа! Ни слова о тех, кто, корчась в муках, стонет от боли и позора! Этот лжепророк всегда метил не в коммунизм, а в Россию. В свое время он возмущался тем, что наши войска в XVIII в. вошли в Берлин, говоря: «Я еще не понимал (в войну), что нашими победами мы, в общем, роём себе тоже могилу. Что мы укрепляем сталинскую тиранию еще на следующие тридцать лет». Много лет тому назад и я прочел «Архипелаг Гулаг». И меня потрясла какая-то лютая ненависть Солженицына к России. О таких вот Ф. М. Достоевский в «Бесах» говорил: «Судорожная ненависть к России. Если случится факт к хвале русскому народу, то их уже коробит». Говоря о Великой Отечественной войне и битве народов против фашизма, Солженицын заявил, что «настоящие русские патриоты», якобы, сражались с Гитлером, в рядах «власовцев». Солженицын в «Архипелаге Гулаг» бросает фразу: «Нет на свете нации более презренной, более покинутой, более чужой и ненужной, чем русская». В романе «В круге первом» Солженицын заявляет о России: «почти позорное слово Родина». И как венец рассуждений потаенная мечта самого Солженицына (устаами героя):

«Ты хочешь быть гражданином вселенной, ты хочешь быть ангелом поднебесья – так нет же, за ноги дергают: кто не с нами, тот против нас! Оставьте мне простору! Оставьте простору!». ^[583] Слишком явно у «ангела» торчат рога и копыта. Ощувив конец ельцинизма, он все же заявил по ТВ (28.11.99): с 1985 и особенно с 1991 гг. «все пошло не так»; все развращено и изгажено гораздо хуже, чем при Советах; «не оставили ни одного здорового направления в народной жизни» за эти годы; опять всем заправляют евреи (это правда. – В.М.), как «банкир Рубинштейн и банкир Манос управляли Распутиным» когда-то; даже «удивительно еще, что народный

организм сохранился». Впрочем, даже у Солженицына, прожившего значительную часть жизни на Западе, наряду с фантазиями о перенесении западных порядков в Россию, все же есть понимание того, что «почти ни в чем не можем копировать Швейцарию», что «Россия в обвале» и что даже опыт царской России «не может быть просто перенесен в сегодняшнюю растерзанную страну, где искажены самые основы жизни», что нравственный и интеллектуальный уровень правящей элиты очень низок, а миллионам россиян, тонущим в нищете, вряд ли поможет и двуглавый орел. ^[584] Академия наук России ввела его в число ее членов.

Е.С. Строев и А.И. Солженицын. Как нам обустроить Россию?

Ко многим деятелям культуры хотелось бы обратить строки Лермонтова: «О, полно извинять разврат! Ужель злодеям щит порфира?». В их ряду оказался и В. Астафьев. В романе «Прокляты и убиты» один из его героев говорит о Родине. Для одних это слово необходимо лишь как «половая тряпка, – грязь вытирать». Честные же и достойные русские люди воспринимают «родину» и «народ» как солнце, как нечто великое, на них «и глядеть-то, как на солнце, во все глаза невозможно». ^[585] Писатель пошел с теми, против кого, не щадя своих жизней, боролись герои его романов. Был царем, стал рыбой, и умрет рабом! А слава его родилась в советские годы. Прав А. Кротов, сказав об Астафьеве в «Русской смуте» с суровой военной прямоотой: «...пригрели Вас инородцы на груди народной, да и обратили в подколенную змею. Страшная Вам досталась доля! Ваше имя встало в один ряд с проклятым человечеством Каином, Геростратом, Иудой. И

ославило Вас таким образом не писательское русское перо, не русский язык и русская культура, а ославила ненависть к русскому народу. Удивительно еще, как Вас после этого земля русская носит».^[586] Недавно сам Астафьев, словно поев блинов с икрой в Масленицу, с улыбкой поведал, как ребенка съели черви. И, причмокивая, довольно добавил: «До косточек!» Душу твою черви съели – до тех самых косточек! Горемычная земля русская многих предателей на веку повидала. Немало их, «служителей Аполлона», что, словно стая взбесившихся собак, с бешеным лаем бросились на Россию. А сколько, как сказал поэт, «приставкиных к литературе» жиреют на нашей крови! «Демократических собак кормят хорошо», награждая «букерами», «антибукерами», «триумфами». Запад всячески поддерживает своих верных сторонников в России, оплачивая их турне, лекции, жалкие книжонки, отдыхи и т. д. Так, в интервью журналу «Родина» известному «демократу» Ю. Афанасьеву был задан каверзный вопрос: «А вот вы, Юрий Николаевич, в мае-июне 1990 г., как было замечено, куда-то «пропали». На это тот ответил так: «Я действительно в конце весны – начале лета брал отпуск. Побывал в Японии, Южной Корее, Дании, Голландии, Франции, США, получилось почти что кругосветное путешествие. Отнюдь не туристическое. (Гляди-ка, прямо-таки наследник престола Николай, в конце XIX века объехавший мир). Во всех перечисленных странах я выступал на симпозиумах и конференциях. Проблематика самая разная, но так или иначе она касалась происходящих в Советском Союзе процессов».^[587] Так вот оплачивались и оплачиваются иные ученые, литераторы, депутаты, мастера культуры, работающие на Запад, служащие верой и правдой поработителям Отечества. «Демократы» давно стали ширмой для прикрытия невиданного грабежа России Западом и олигархами.

Все они хотят одного: как заявил некий русофоб в статье «Дым от отечества», чтобы от России остались в истории дым да пепел! «Э, погибай Россия!» Для них мы – черная дыра в истории, ничтожные людишки. Никого хуже нас нет на всем белом свете, поскольку мы готовы «принять в свою нацию хоть свиней», лишь бы те приняли нашу веру. Нет у нас «подлинных пророков и духовидцев, подлинных героев и рыцарей». Господин пишет в своих мерзких откровениях: «Мы должны начать против России крестовый поход, как абсолютно

ложного состояния Европы...» (1998). Позвольте же узнать, кто это — «мы»? Оказывается: «наследники Григория Отрепьева, князя Курбского и генерала Власова, желающие видеть в России малое европейское королевство, подчиненное европейским династиям», «глашатаи новой веры, идущие на свою Родину с мечом и огнем, под знаменами оккупантов». ^[588] Известное дело, смердяковщина вновь оживает, когда ей начинает мерещиться скорая гибель России. Они всегда мечтают, чтобы Наполеон, Гитлер, Клинтон, да кто угодно покорил бы Россию: «умная нация победила бы весьма глупую-с: совсем другие порядки были б». Забыли, иудино семя, слова: «Кто в Россию с мечом придет, тот от меча и погибнет»? У русского поэта Н. Гумилева есть такие строчки о душах наших соотечественников:

Только змеи сбрасывают кожу,
Чтоб душа старела и росла,
Мы, увы, со змеями не схожи,
Мы меняем души, не тела...

Глядя на эту деградацию «элит», на подлость и бессовестность власти, как и ее услуги, вспоминаются слова Георгия Флоровского, написанные им в Софии в 1921 г.: «Гибель «географического отечества» заслоняет от нас ужас умирания человеческих душ... Не то страшно, что люди умирают, а то, что они перестают быть людьми. И от этого ужаса и страха выход есть только один. Не о «Великой России» только должно гореть сердце, но, прежде всего и первее всего, об очищении помраченной русской души». ^[589] Охвачены мраком душа и разум.

А в это время на нищете, голоде, войнах, крови, смерти и болезнях миллионов новые богачи создавали и создают себе миллиардные состояния, обкрадывая без зазрения совести страну. Тут и западные социологи стали просыпаться (после с пеной у рта талдычания, как замечательно будет жить в России при капитализме и демократии). Либеральные реформы поддерживались «не более чем одной третью населения». Но кто же тогда избрал Ельцина? Сфальсифицировали выборы? По данным Фонда общественного мнения, в первой половине 1998 г. не более 6 % россиян были

убеждены, что страна идет в «правильном направлении», в то время как 54 % считали, что она развивается в «неправильном направлении». 80 % россиян, по данным ВЦИОМа, связывают бедность в стране с нынешней экономической системой. Еще красноречивее цифры: большинство считает, что ими управляют преступники (51 %), коррумпированные бюрократы (25 %), олигархи (26 %). В. Розов верно назвал события 1991–2000 гг. в России – контрреволюцией.

В 1995 г. приватизировано 57 % всех предприятий. Уровень производства в 1992–1996 годах упал на 51 %, удельный вес доходов от приватизации составил всего 0,13-0,16 % от общего дохода бюджета. С 1991 по 1997 год валовой внутренний продукт страны упал на 83 %. Сельскохозяйственная продукция сократилась на 63 %. Масштабы инвестиций в экономику – на 92 %. Закрылось 70 тысяч фабрик. Россия стала производить на 88 % меньше тракторов, на 76 % меньше стиральных машин, на 77 % меньше хлопчатобумажных тканей, на 78 % меньше телевизоров. 13 миллионов человек стали безработными. Кто сумел сохранить работу, тем зарплату урезали наполовину. С 1992 г. уровень ВВП на душу населения в России сократился на 40 %, составляя 15 % уровня США. Разрыв между доходами населения за шесть лет вырос с 1 к 2 до 1 к 17.

Иные предприятия приватизировали за пару тысяч бутылок водки или бесплатно. «Новые русские» стали грабить захваченные заводы и фабрики. Деньги быстро уплывали на Запад. Заводы превращались в призраки. Россия пошла с молотка за какие-то несколько миллиардов долларов. По данным Службы внешней разведки и ФСБ, приватизация предприятий военно-промышленного комплекса привела к массовой утечке на Запад новейших разработок технологий, уникальных научно-технических достижений даром. Но, по данным американской консалтинговой компании McKinsey & Company, проделавшей изучение российской экономики и изучившей причины ее низкой эффективности, рост возможен. Предприятиям нужны равные условия конкуренции, модернизация и внедрение современной системы управления. Надо бы только не красть, а вложить в модернизацию суммы, равные всего 5 процентов ВВП в течение 5 лет. Это сразу могло бы дать рост объемов производства в среднем на 40 %. Но подобные задачи и не ставятся.

Даже английский «Экономист» («буржуазный» до кончиков ногтей) стал уже, кажется, понимать (но не весь Запад), что привели к власти в России чудовищ. Дж. Кьеца с убийственной прямоотой напишет: «А ведь «Экономист» пережил короткое озарение в 1995 году, когда потерял терпение (это случается даже и с англичанами) и поместил на обложке, на черном фоне, физиономию Ельцина со взглядом убийцы и недвусмысленным заголовком: «The wrong man for Russia»» – «Не тот человек, который нужен России». (Тем не менее зам. госсекретаря США хвалил Б. Ельцина за «успехи, уже достигнутые Россией»)... Кьеца дал описание той публики, что поддержала и поддерживает сей режим: «Теперь понятно, кто такие элегантно одетые господа, развалившиеся на сиденьях по меньшей мере сотни «мерседесов-600», разъезжающих по Москве... Они являются маленькой, но очень показательной составляющей российского «капитализма». Понятно, почему они голосуют за Бориса Ельцина вместе со своими семьями, шоферами своих авто, гувернантками своих детей, садовниками своих дач и телохранителями, сопровождающими их жен делать шоппинг. Разумеется, все эти люди оплачиваются в долларах. Они подбирают крохи награбленного богатства, чьи размеры и форма с трудом поддаются описанию, настолько они превосходят – как мы вскоре увидим – воображение самых искушенных романистов».^[590] Понадобилось 10 лет, чтобы пелена спала с глаз.

У этих новых собственников вполне определенное лицо. Во-первых, эти люди прежде всего ориентируются на США, получив состояния в ходе крупнейшей в мире приватизации («Эпохи Великого Грабежа»). И, во-вторых, подавляющим большинством этого частного сектора, по словам М. Назарова, владеют евреи, которые работают на свои, а не на национальные интересы. 70 процентов российского ВВП перешло в индивидуально-частный сектор. Если бы при таком засилье в экономике они все же честно работали (в том числе и на Россию), а не на себя только, страна бы процветала. Однако она живет все хуже. И как тут не вспомнить ироничные, бьющие не в бровь, а в глаз строки поэта Б. Слуцкого (между прочим, еврея):

Евреи хлеба не сеют,
Евреи в лавках торгуют,

Евреи раньше лысеют,
Евреи больше воруют.
Евреи – люди лихие,
Они солдаты плохие:
Иван воюет в окопе,
Абрам торгует в рабкопе...[\[591\]](#)

Нельзя не сказать о засилье евреев в средствах информации. Это было заметно еще в начале XX в. В России в 1902 г. увидели свет 800 периодических изданий, в Англии их было 9500, в Америке – более 21300. В России и США в них всем заправляли евреи. Масон А. И. Гучков, рожденный от матери еврейки, в беседе с царем говорил с тревогой о еврейском засилье в духовной области: «В области печати – евреи... всесильны; художественная театральная критика – в руках евреев». По словам редактора русской патриотической газеты «Киевлянин» Д. И. Пихно, во всех редакциях западной и южной России, да и в столичных газетенках (как, собственно, это обстоит и нынче), «не только репортеры, но и сплошь и рядом весь состав сотрудников состоял из разных еврейчиков». Эти же юркие ребяташки уже тогда совершенно безнаказанно и «открыто совращали молодежь в еврейско-коммунистическую веру Маркса...» Ныне Россия снова во мгле. Они хвалятся всесилием их четвертой власти. Мандельштам писал об их четвертой власти в «Четвертой прозе» (об иудейской братии): «Я настаиваю на том, что писательство в том виде, как оно сложилось в Европе, и в особенности в России, несовместимо с почетным званием иудея, которым я горжусь. Моя кровь, отягощенная наследством овцеводов, патриархов и царей, бунтует против вороватой цыганщины писательского отродья... Писательство – это раса с противным запахом кожи, самыми грязными способами приготовления пищи. Это раса, кочующая и ночующая на своей блевотине, изгнанная из городов, преследуемая в деревнях, но везде и всюду близкая к власти, которая ей отводит место в желтых кварталах, как проституткам. Ибо литература везде и всюду выполняет одно назначение: помогает начальникам держать в повиновении солдат и помогает судьям чинить расправу над обреченными».[\[592\]](#)

Медиаимперии являются в современной России квинтэссенцией и сутью, как сказал бы Ф. Достоевский, «жидовского царства». Русским пора понять: они имеют дело с врагом хитрым, циничным, алчным и коварным. Нити его ведут далеко – и в те центры, которые всем нам известны. В. Шурыгин привел данные отдела психологических операций ГРУ. Телеэкран вещал «о русской агрессии», оскорблял русскую армию. «Российский обыватель был фактически убежден прессой и телевидением в том, что: а) эту войну Россия выиграть никогда не сможет; б) российская армия несет неизмеримо с боевиками большие потери; в) чеченский боевик морально, физически и вооружением превосходит российского солдата; г) Российская армия деморализована и не способна воевать и занимается лишь грабежом и мародерством; д) чеченские боевики борются за свободу и независимость своей земли. Они добры и гуманны к пленным; е) чеченские командиры по всем статьям превосходят российское военное командование в Чечне. Иначе говоря, идеологическая машина чеченских сепаратистов находилась не где-нибудь в Грозном, Анкаре или Лондоне, а в Москве; и на деньги российских налогоплательщиков вела агитацию в пользу Чечни и проигрыша Россией этой войны». В «Пресс-клубе» (ТВЦ, 20.11.99), где как всегда не было ни одного русского, когда показали фильм об участии армии-победительницы в борьбе за власть в Москве (акция маршала Жукова против грузинского еврея Берии), сионисты в клубе, облепившие все микрофоны телестудии, издали вопль ужаса и забегали, словно ошпаренные вши в тифозном бараке. Не попадая зуб на зуб от страха, Альбац по-козлиному заблеяла в микрофон: «Армия не имеет права принимать самостоятельных политических решений». Большинство прессы и телевизионных каналов в России, принадлежащие на деле еврейско-американскому и международному капиталу, работают против России, против ее народа! Хотя Исаак Дизраэли (отец Б. Дизраэли, лорда Биконсфилда) писал, что «истинный гений органически связан со своей нацией». Он является «живым ее органом». Подобные национальные писатели горячо любимы народом и изучаются с энтузиазмом соотечественниками. Гении утверждают достоинство и превосходство своего отечества.^[593] Почему же российские иудеи, живя в России, везде и всюду почем зря хаят ее, русский народ?! Или не считают ее своей родиной?! Зачем нам нужны эти паразиты,

вредители и хулители!!! Остракизм и ненависть к ним естественна и логична.

Сегодня они подняли истошный вой на весь мир по поводу красного флага и советского гимна. Моя бы воля, я бы тех из них, кто служил ударным отрядом оболванивания людей в России, поддерживал воров, убийц и хриstopродавцев, ненавидит родную Русь, кто говорил и говорит о ней в презрительно-оскорбительном духе (эта страна), или, как заявил Березовский: «У русского народа – рабский менталитет», заслал туда, куда Макар телят не гонял. Кстати говоря, насилие против печати не такая уж редкость в истории цивилизации. П. Сорокин говорил, что меры евреев-радикалов против буржуазной печати – плагиат законов и указов о печати, вводимых ордонасом звездной палаты в Англии (1585), указами Наполеона I (1800), декретом Наполеона III (1852), российским царем (1863). И реквизиция типографий практиковалась властью. В этом ряду декреты Ленина, Зиновьева и Троцкого, назначавшие три года тюрьмы за печатание объявления в частной газете. Социолог писал: «Ленин, Троцкий и К заявили: «Кто говорит о свободе печати, тот идет назад». Они закрыли газеты, арестовали редакторов, конфисковали типографии, запретили собрания и митинги, закрыли общества и союзы. И в этой политике дошли до таких границ, до которых никогда не доходил царизм».^[594] Евреи и возглавили сей процесс. Ленин вначале не прислушивался к словам Г.Плеханова о том, что евреи – сплошь шовинисты и националисты, каких свет не видывал, и что надо не давать себя «в пленение колену гадову». Но в итоге и он кое-что стал понимать, заявив: «Как тут можно молча подчиниться. Ведь если молчать, то еврейские марксисты завтра верхом будут на нас ездить». Дзержинский отмечал: евреи равнодушны к развитию социалистического движения в России, к судьбе страны и ее народа. Все, что они делают тут, сводится к превращению «христиан» в прислужников их еврейского движения».^[595] Задачи их были куда масштабнее: превращение всех народов России в прислужников еврейской элиты! Властная еврейская псевдоэлита в нынешней России, состоящая из литературно-актерско-журналистско-телевизионно-спекулянтской братии, в высшей мере бессовестна, воинственна, убога. В отношении ее, пожалуй, правомочны и слова

Ленина, сказанные им как-то М. Горькому: «...на деле – это не мозги нации, а говно».^[596]

Зовущие себя «гражданами мира» служат лишь своему племени. Поэтому власть псевдоэлиты в России стократ страшнее ига Батыева. Розанов абсолютно верно сказал: «Иго еврейское горчайшее монгольского, не – «угрожающее будущее», а – наставшее теперешнее». Он «везде ползет и везде сосет» (28 октября 1917 г.). Всю жизнь Розанова «мучали евреи». При этом, как вспоминает З. Гиппиус, он все же, говоря о самых негативных чертах многих представителей их племени, готов был яростно защищать их «Песнь песней», любовь и огонь еврейства.^[597] Но ежели великий иудей Моисей все же вывел своих евреев из плена, то отечественные сионисты, предатели и компрадоры фактически уводят Россию в плен США. Если Моисей говорил: «Господи, вычеркни меня из Книги жизни, если не будет спасен мой народ», то нынешние «моисеи», развязавшие «новую иудейскую войну» против народов России и славян, хотят вычеркнуть нас из Книги жизни! Беда в том, что среди них на одного пророка и мудреца – 100 иуд! Если их курс сохранится, мы еще не раз вспомним Есенина: «Бедный русский Гайавата!»

Бич над Россией

Правительству России, если оно считает себя русским правительством, рано или поздно придется взяться за средства информации, кипящие ненавистью к русским. Нужно поскорее

выкорчевать все эти «сорняки». Ковалеву, киселеву, доренко, гусеву, резнику, любимову, сванидзе, гербер, новодворской, черкизову присуще органическое лицемерие. Печатно-телевизионные азефы – «шлюхи» из разных борделей, у которых один и тот же Хозяин. Даже М. Лесин вынужден был признать, что средства печати и информации в России освещают события с антирусских позиций. В печати, на телевидении почти не слышно слов русской правды, истории, мысли и веры! Если иной медиамагнат-иудей и раздаст акции своей империи десятку или даже тысяче евреев, та все равно русской не станет. Средства информации должны перейти в руки «русских златоустов». Бывший министр печати Б. Мironov резонно требовал изгнать русофобов, выразив идеи в книге «О необходимости национального восстания». Если этого не сделать в самые ближайшие годы, недалек час: может осуществиться пророчество Розанова, как-то сказавшего, что «через 150–200 лет над русскими нивами будет свистеть бич еврейского надсмотрщика», а под ним будут видны «согнутые спины русских рабов».

Евреи на «земле обетованной»

Витте предложил царю два способа решения сионистской проблемы: «всех их утопить» или предоставить полнейшую свободу в

России. Дали полную свободу. И что же? Они утопили лучшую часть офицерства, а умнейших мыслителей выслали или убили. Теперь вновь получили полнейшую свободу. И топят уже весь народ в море горя и нищеты, заставляя людей покидать родину в поиске хлеба. Может, отправить эти мертвые души в их американско-иудейский дом, в новую эмиграцию, сказав им словами графа Игнатьева: «Западная граница для евреев открыта»?! И, господа, скатертью дорога. Если они считают, что «рай – в направлении Запада», пусть множат собой обслугу Европы и США, а те кормят подонков и прихлебателей. Это будет не тот «русский корабль эмиграции», что некогда по приказу Зиновьева, Троцкого, Ленина увозил в эмиграцию лучшие умы... Место их – на свалках, в кабаках и притонах, среди «сброда» Америки и плутократической Европы. Наполеон звал Европу кротовой норой: «Только на Востоке существовали истинно великие империи и происходили могучие перевороты – там живут 600 миллионов! Европа – это просто кротовая нора».

Задача очищения Америки от «ига сионистов» остро стоит и перед коренными американцами. Лидер республиканцев в Новом Орлеане, конгрессмен Д. Дюк, баллотировавшийся кандидатом в президенты США, пишет об общности задач двух наших народов. Им также надо было бы ликвидировать засилье этих господ в важнейших отраслях – финансовой системе и в средствах массовой информации. Говоря о том, что средний русский и американец в чем-то очень даже близки, у них даже и враг общий, Дюк продолжает: «Нас сближает также то, что общий враг как американского, так и русского народа гнездится в финансово-информационной группировке, подмявшей под себя средства массовой информации и захватившей практически все имущественные позиции. Именно контроль под СМИ, искусством и государственной идеологией позволяет манипулировать историческим процессом. СМИ, которые сейчас доминируют, – телевизионные, голливудские, – ведут тотальную войну, мощнейшую атаку на традиционную европейскую цивилизацию. Пропагандируются извращения, сексуальная распущенность, однополые браки, что укладывается в модель вседозволенности, подкрепленной не ограниченным нравственностью научным знанием».^[598] Эта же гнилая, дикая система абсолютно безнаказанно действует в России.

Неожиданно вспомнился рассказ дореволюционной писательницы Н.А. Тэффи – «Монархист»... Некий еврей Хацкин вдруг становится рьяным сторонником королей и царей (Людовика XIV, Людовика XV). Услышав признание еврея, его собеседник Ванин стал допытываться у «угнетенной нации»: «Значит, вам неприятно, что теперь воцарилась справедливость и один класс не будет угнетать другой? А? Неприятно?» Хацкин лишь вздыхал и упорно стоял на своем. Русский Ванин тогда пообещал ему, что ежели тому не нравится то, что в России покончили с капиталистами, он «устроит все наоборот»: «весь народ будет пользоваться привилегиями и угнетать только одного человека, – вас, Хацкин. Вы один будете угнетаемы потому, что вы один не желаете справедливости на земле». ^[599] Может, еврей и в самом деле – либо жестокий тиран, либо раб?!

Мы, НАРОД РУССКИЙ, в своем миротворчестве, верном служении России и Господу, конечно же, должны исходить в планах и делах наших из знаковой, ключевой фразы философа К. Леонтьева: «Чем разнообразнее русский дух, тем лучше»... Чем больше умных русских наверху, тем лучше для России (впрочем, это верно и в отношении умных белорусов и т. д.). Да и вообще там, где 9/10 населения считают себя русскими, умные, энергичные, талантливые русские пусть составят основной костяк и новых властных структур! Напомним слова И. Ильина, ставившего проблему национальной ответственности великоросса: «Что такое есть национализм? Национализм есть любовь к историческому облику и творческому акту своего народа во всем его своеобразии. Национализм есть вера в инстинктивную и духовную силу своего народа, вера в его духовное призвание. Национализм есть воля к тому, чтобы мой народ творчески и свободно цвел в Божием саду... Национализм есть система поступков, вытекающих из этой любви, из этой веры, из этой воли и из этого созерцания. Вот почему национальное чувство есть духовный огонь, ведущий человека к служению и жертвам, а народ – духовному расцвету. Это есть некий восторг (любимое выражение Суворова!) от созерцания своего народа в плане Божием и в дарах Его Благодати... В национальном чувстве скрыт источник достоинства, которое Карамзин обозначил когда-то как «народную гордость» и источник единения, которое спасло Россию во все трудные часы ее истории». ^[600]

Все рассказы о «людях мира», «космополитах», «европейцах» и т. д. – чистой воды блеф. С. Н. Булгаков говорил, что «космополитический гомункул» в жизни не существует. Соскреби с него внешний слой – за ним безжалостное агрессивное животное, отстаивающее власть мировых владык. Иные из них, впрочем, порой «милые люди», но они живут для себя. Россия для них – так, паршивый домишко где-то на отшибе, в захолустье, где прошла их юность, но куда они не желают возвращаться даже и в кошмарном сне. Да и видел кто-либо когда-либо хотя бы одного всечеловека (если только он не Вечный Жид, не ушлый гастролер или «снежный человек»)? Н. Бердяев, любивший порассуждать о «всеедином человечестве», тем не менее отмечал, что сам этот человек непосредственно обустраивается в обществе, живет, развивается, действует в рамках этого конкретного общества уж отнюдь не как «отвлеченный человек» (авт. – как некий «гражданин мира», «советский человек», «россиянин» и т. д.), но прежде всего «как русский, француз, немец, или англичанин». Стоит задуматься и над его словами о том, что вне реальной национальности, вне живого типа невозможно существование человечества. В самих глубинах жизни заложена национальность. Она – «ценность, творимая в истории...».

[601] Этого не желают понимать лица, у кого интернациональная паталогия (в образе «всечеловеческой всемирной цивилизации») дошла до безумного, болезненного предела... О них писал Д. Н. Овсянников-Куликовский в «Психологии национальности» (1922). О том же говорил Э. Кассирер, утверждая: «Для человечества не существует ни общей формы, ни общей цели». Да и каждая культура обладает своей особенной душой. [602]

Император Александр III

Поэтому нужны вожди и умы, которые бы каждый раз в ответ на предложение поставить на важный правительственный, деловой, управленческий, научный пост нерусского человека всегда отвечали контрвопросом, обычно задаваемым в этом случае императрицею Елизаветой: «А разве ж, други мои, нет на это место достойного русского человека!?» Тут нам и Александра III, «мужицкого царя», что верой и правдой служил России, не грех вспомнить. Ему припишут афоризм «Россия для русских», чтобы натравить на него другие народы. Подлость «демократии» в России налицо: воспевают слабого царя-пораженца Николая II (к слову сказать, ими же подло убиенного), а вот восстановить на старом месте памятник и доброе имя истинного русского, царя-победителя Александра III не спешат! Почему? Потому, что враги России его ненавидят и боятся, ибо тот, по словам Витте, более всех иных подданных любил русский народ. Только умный и честный русский человек может быть достойным Верховным Правителем, который приведет Россию к счастью и процветанию.

РУССКИЕ

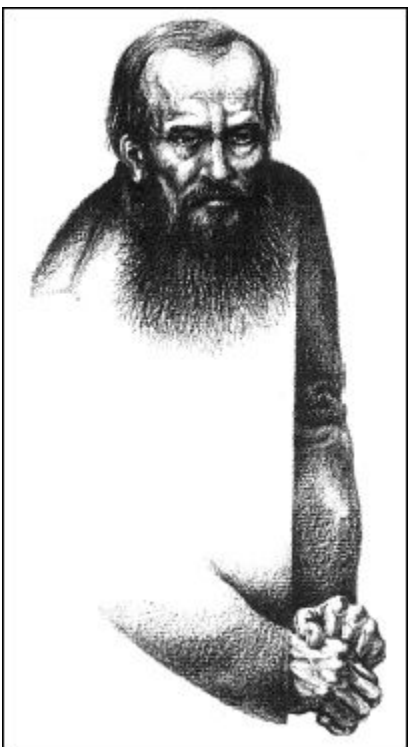
Есть слово – дивное для слуха,
Как мать лелеящее нас,
Что всех сзывает в грозный час

И утешает как подруга...

Звучит в нас с детства: тайно, глухо,
Как некий внутренний наказ,
Как родом отданный приказ,
Как клятва верного супруга.

Быть русским ныне столь же трудно,
Как быть вселенским мудрецом
Иль взрослой дочери отцом,
Когда б не верилось подспудно
В тебя, Россия, в жребий чудный
Всех тех, кто послан был Творцом!^[603]

Хотя нам ценны и дороги все народы, расы и веры... Бережно и любовно мы сохраняем кладезь вселенских знаний, мудрость, опыт веков и народов. Мы равные среди равных наций. В России русских – 82 процента, значит, они должны держать в руках и 82 процента власти! Чтобы жить и творить, нужен ведь не только талант, ум, умение, но и честная национально-кадровая политика. Вон и Ф. М. Достоевский в «Дневнике писателя» (1877) спрашивал: а что, если бы это «не евреев было в России три миллиона, а русских; а евреев было бы 80 миллионов – ну, во что обратились бы у них русские и как бы они их третировали? Дали бы они им (русским) сравняться с собою в правах? Дали бы им молиться среди них свободно? Не обратили бы прямо в рабов? Хуже того: не содрали бы кожу совсем?»^[604] Мы – люди русские, крещеные... И сдирать с евреев кожу не будем, хотя они с нас сдирали и сдирают по сей день (экономически, да и «физически»). Но и повелевать нами более не дозволим: мы вошли в этап Русской Национальной Революции. И главную роль в будущей цивилизованной России должны играть люди русские и русской ориентации!

Ю. Селиверстов. *Портрет Ф.М. Достоевского*

Однако когда я говорю «русские», я имею в виду также народы и народности, что в повседневной жизни и деятельности относят себя к «русским» (удмурты, карелы, чуваша, марийцы, немцы, татары, белорусы, украинцы и т. д.). Народы эти вошли в плоть и кровь единой неделимой России. Все эти народы никак нельзя рассматривать как «чужаков». Они издавна живут на этой земле. Пушкин писал, говоря о поэтическом таланте «патриарха певцов» Державина: «Ей-богу, его гений думал по-татарски – а русской грамоты не знал за недосугом», и добавлял уверенно, что его гений, который он сравнивал с суворовским, «со временем переведенный, изумит Европу».^[605] Известные и славные фамилии в России имеют татарские корни. Как сказал Л. Шестов: «Поскребите русского, и вы найдете татарина». В прошлом немало выходцев из Золотой Орды и татарских ханств влилось в славянскую генетическую реку. Приведем лишь ряд примеров... Род Тютчевых принадлежит либо к генузцам тюркского происхождения, либо к туркам, как и род Кутузовых (тюркское слово *gutuz* – бешеный). По мнению Н. А. Баскакова, тюркское происхождение фамилии Аксаков также не вызывает сомнений (в

основе ее лежит прозвище Аксак – «хромой»), фамилия Аракчеев, якобы, происходит от тюркского прозвища aragcu («тот, кто любит вино, пьяница»). Фамилия Бердяев восходит к тюркскому слову ber di (он дал). Род Кочубеев также якобы «происходит из полуострова Крымского и почитается в числе знатнейших и благородных в татарском народе, как это доказывается самим названием бея, которое в области Крымской есть первое после владевшей там чингисской фамилии...» К тюркской группе фамилий относят: Карамзина (gara – «черный», и mīrza – «титул знатного человека»), Татищева, Салтыкова, Бухарина (тюркское слово buhara), Годунова. Пушкин писал: «Вчерашний раб, татарин» (о Годунове). Якобы, и Суворовы происходят из рязанских дворян, но имеют родство с Измайловыми и Сунбуловыми, подтверждая тюркскую основу их прозвища (Сувор – «наездник»). Называют Тимирязевых, Чаадаевых, Мусин-Пушкиных, Огаревых. Правда, трезвые ученые опровергают всю эту этимологию (С. Веселовский, Г.Скрынников). А то при такой поголовной «татаризации» России получится, что уже чуть ли и Пушкин, Толстой, Есенин Чайковский окажутся татарами. [\[606\]](#)

И все-таки мы и впредь будем выступать за всестороннее развитие рас, народов и культур. Все они – желанные и дорогие гости на общем пиру и помощники в общих делах. Однажды Пушкин изрек: «И нежно чуждые народы возлюбил, и мудро свой возненавидел». С этим высказыванием поэта я решительно не согласен. Нам и так хватает ненавистников русских. Чуждых народов в России нет. Разве чужды нам евреи?! Можно ли отрицать очевидное?! Россия ценит таланты их ученых, музыкантов, художников, композиторов, поэтов: Левитана, Иоффе, Пастернака, Рубинштейна, Дунаевского, Ромма, Товстоногова, Быстрицкую, Григоровича и т. д. Талант национальности не выбирает! Признавая их очевидные способности и таланты, нельзя позволять, чтобы бездари превращали братский пир в тризну по русской культуре! Отделим злаки от плевел: честных и умных евреев, тех, кто составляет славу и гордость России, – от ее заклятых недругов и ненавистников. Работающий в науке, культуре, промышленности еврей в России часто ощущает себя в положении еврейского мыслителя Соломона Маймонида... Ведь у того по прибытии в Штеттин всего и богатство было – одна железная ложка. А сколько бедных и честных соломонов делят с другими позор и тяжесть преступного курса

ельцинистов и сионистов. Их гибельный курс является не только антирусским, но и антиеврейским. Хотя надо признать, что и «избранный народ» заметно выродился и деградировал до неузнаваемости. Символом вырождения еврейских элит стали театр, кино, литература, ТВ, особенно демпресса с ее интеллектуальным кретинизмом (главный критерий их «успеха и карьеры», не говоря уже о подлости и алчности, что подразумевается *sine qua non*). О боги, как же низко пала еврейская интеллигенция! Можно произнести сколь угодно слов осуждения в адрес еврея-революционера. Но немыслимая разница между ним и нынешними иудеями в том, что тот все же чем-то напоминал героя Давида, взявшего в руки пращу, чтобы поразить ею монархического Голиафа во имя народа! Эти же выродки направили орудия капитала против угнетенных! И все же в отношении лучшей, умнейшей, благородной части еврейства хотелось бы повторить фразу Ницше, сказанную им в отношении роли России в будущем: «Мыслитель, на совести которого лежит будущее Европы, при всех планах, которые он составляет себе относительно этого будущего, будет считаться с евреями и русскими как наиболее надежными и вероятными факторами в великой игре и борьбе сил».^[607]

Обратимся теперь к теме прогресса и взаимоотношений России и Запада... Н. Я. Данилевский, который, говоря словами А. Фета, «восторгов опасных старался обуздывать ложь», сравнивал западную и европейскую цивилизации с теми зачатками ее, которые успели выразиться в славянском культурно-историческом типе. В чем главное отличие русского понятия «цивилизации» – от чужеземных? Запад ставит на первые места рационально-прагматические и меркантильные ценности. Для них цивилизация – не только знания, но и власть, собственность, деньги, быт, культура, научный прогресс и т. д. Л. Морган даже называл идею собственности – «страстью над всеми страстями». Хотя это страсть и опасная, ибо затмевает все остальное.

Прислушаемся к оценке Н. Я. Данилевского: «Принадлежит ли в этом смысле Россия к Европе? К сожалению или к удовольствию, к счастью или несчастью – нет, ни принадлежит. Она не питалась ни одним из тех корней, которыми всасывала Европа как благотворные, так и вредоносные соки непосредственно из почвы ею же разрушенного древнего мира, – не питалась и теми корнями, которые почерпали пищу из глубины германского духа... Не составляла она

части возобновленной Римской империи Карла Великого, которая... как бы общий ствол... Не знала Россия и гнета, а также воспитательного действия схоластики, и не вырабатывала той свободы мысли, которая создала новую науку; не жила теми идеалами, которые воплотились в германо-романской форме искусства. Одним словом, она не причастна ни европейскому добру, ни европейскому злу; как же может она принадлежать к Европе? Ни истинная скромность, ни истинная гордость не позволяют России считаться Европой». И все же он не прав, посчитав нас чужими Европе... Мы так не думаем. Другой классик сказал: «У нас, русских, две родины: наша Русь и Европа». И дело не в том, что русские, поляки, чехи, сербы, болгары, словаки – обитают в Европе. Следы славян встречаются повсюду, от Альп и Франции до Адриатики, Балтики и Атлантики. Славяне – часть Европы! Даже немцы писали о заселении ими обширной территории Западной Европы – Саксонии, Силезии, Богемии, Моравии, Тюрингии, Померании, Рюгена, Голштейна. С какой же стати, скажите на милость, мы будем отдавать *нашу* Европу в безграничное владение западных европейцев и янки?!

К тому же, ясно у Европы, США, Японии немало очевидных достоинств: трудолюбие, деловитость, бережливость, знания, опыт, таланты, умение работать и торговать и, конечно, культура. Технически западные добродетели, разумеется, удобнее, но морально широкая душа нараспашку русских имеет больше возможностей, чем наглухо замкнутая душа Запада. Это не значит, что мы лучше. Но столь же неправы те «мудрецы», кто думают, что наше главное призвание заключается в угасании своего в культе «средних западных добродетелей». В «добродетелях» этих нужно еще дать себе отчет, понять их, не превращая в окончательный идеал, который нередко воплощается в типе обывателя и квартирной хозяйки. «Воспевание этого идеала, которому ныне многие предаются, поистине является надругательством над нашей культурой и ее ценностями».^[608]

Кризис Запада был ощутим уже в начале XX в. Признаки упадка западной цивилизации ощущал А. Лосев. Понимание этого пришло к нему во время слушания им в Большом театре вагнеровского «Кольца Нибелунга» (1914). Вспоминая те годы, он писал: «Богам и героям Вагнера потребовалось для построения небесной Вальхаллы похитить золото, извечно таившееся в глубинах Рейна; для самоутверждения

героев-богатырей понадобилось путем насилия воспользоваться этим золотом, которое переходило из рук в руки и повсюду приводило к распрям и убийствам, к торжеству смерти над жизнью... И вот вывод, к которому я тогда пришел в результате... философско-музыкальных восторгов: великий композитор-мыслитель пророчествует о гибели европейской буржуазной культуры. Та культура, перед которой нас учили с малолетства преклоняться, обречена, дни ее сочтены, и вот-вот случится что-то ужасное и непоправимое... И сейчас, спустя десятилетия после первого своего вслушивания в вагнеровские откровения, мне ясно, что и у самого Вагнера, и у его почитателей было сознание гибели мира, который вырос на золоте, на капитале...». [\[609\]](#) Кризис нарастал.

Фото М. Наппельбаума. *А.Ф. Лосев*

В экономической области частично можно быть «западником» (техника и быт): «Мы совмещаем славянофильское ощущение мировой значительности русской национальной стихии с западничеством чувством относительной культурной примитивности России в области экономической и со стремлением устранить эту примитивность». [\[610\]](#) Как видим, Н. Трубецкой не видел в том противоречий факту настоящей, а уж тем более грядущей культурной своеобразности России. Надо лишь научиться проводить четкую разграничительную линию между тем, что составляет культурно-технологическое звено и

ядро западной цивилизации, и его психолого-идейную безнравственную начинку. Никто же, разумеется, и не призывает отказываться от книг, речи, телефонов, железных дорог и т. д. П. Сорокин писал: «Какая катастрофа разразилась бы в итоге такой потери! Мир взаимодействия людей, похожий при их наличности на могучий непрерывно бурлящий водопад, сразу превратился бы в жалкое, засохшее русло маленького ручья, в котором лишь местами остались бы затянутые плесенью лужицы воды. Потеря речи равносильна была бы смерти сотен миллионов ежеминутно возникающих коллективных единств».^[611]

Вон и Пушкин рвался в Европу, даже величал себя «французом» в молодости, любил французский язык и признавался Чаадаеву в этой любви («*Mon ami, je vous parlerai la langue de TEurope, elle rrTest plus familiere que la notre*»). Но, повзрослев и поумнев, написал: «Поймите же, Россия никогда ничего не имела общего с остальной Европою, история е требует другой мысли, другой формулы...» Вспомним и давнее высказывание В. А. Жуковского (в одном из его писем к Гоголю): «Нам в теперешних обстоятельствах надобно китайской стеной отгородиться от всеобщей заразы... ход Европы – не наш ход; что мы у нее заняли, то наше... мы должны обрабатывать его у себя, по-своему, не увлекаясь подражанием, не следуя движению Запада, но и не вмешиваясь в его преобразования... В этой отдельной самобытности вся сила России». Но и эту самобытность как важный фактор решения цивилизационных задач Родины надо поддерживать умно. Разве политика – это неустанный выбор из двух зол?! Трижды прав был В. Шубарт, отмечая в книге «Европа и душа Востока»: «Англичанин хочет видеть мир – как фабрику, француз – как салон, немец – как казарму, русский, – как церковь. Англичанин (американец) хочет зарабатывать на людях (митменшен), француз хочет им импонировать, немец – ими командовать, – и только один русский не хочет ничего. Он не хочет делать ближнего своего – средством. Это есть ядро русской мысли о братстве и это есть Евангелие будущего». Но прежде чем думать о всемирном братстве, надо бы в начале хотя бы стать хозяином в своем доме.

Смешно говорить об автаркии во взаимосвязанном мире. Нечего и отгораживаться от мира глухой стеной. Это не даст России преимуществ, не пойдет ей на пользу. Так, доступ во Всемирную

торговую организацию нам полезен и необходим. С какой стати мы должны закрываться от Европы и мира на замки и засовы?! Время глухих железных занавесей, видимо, прошло. Хотя разумно-избирательные таможенные барьеры нужны. Удивляет, что никому не пришла в голову, казалось бы, естественная мысль: время настажь распахнутых государственных дверей и экономик для нашей слабой экономики еще не пришло (да и вряд ли скоро придет). Более того, для держащей крепко в своих руках евразийские пути России как раз такая вот ограниченная замкнутость (в границах бывшего СССР) даст больший эффект, чем безграничная свобода, оборачивающаяся грабежом наших недр. Н. Я. Данилевский писал (1867): «Не только особенности русской государственной области требуют самостоятельности и разнообразия ее промышленной организации, а следовательно, и ограждения тех отраслей ее, которые еще слишком слабы, чтобы возникнуть и процветать при соперничестве иностранцев: это является необходимым еще и по особенностям в строе и в развитии русского общества. Еще не совсем окончила Россия борьбу с напиравшими на нее азиатскими народами и едва приступила к борьбе с препятствиями, представляемыми физическими условиями ее территории, как очутилась она лицом к лицу со сплотившимися уже в сильные государственные тела – Западом. Охрана первого народного блага – политической самобытности и независимости – поставила ее в необходимость устремить все свои силы на укрепление своей государственности. Ежели при этой работе зашли слишком далеко, коснувшись нравов, быта, характера жизни народной, как думают некоторые, как думаем и мы, тем не менее, государственная сторона реформы была крайне необходима. Она имела своим последствием, что государственное развитие России, как могущественного политического тела, далеко опередило ее экономическое развитие».

В наших книгах больше места уделено светской истории и культуре. Однако и допустить того, что Святейший Алексей II называет изгнанием религиозных мотивов, исканий и опыта «на периферию человеческой активности», мы все же не можем. Проникновение в глубинные пласты материи с помощью науки и техники требует от человека не только огромных усилий, мужества, таланта, но и веры. Веры в то, что такого рода постижение возможно, что этим преследуется высший смысл бытия, что проникновение в

тайны природы не закончится всеобщей гибелью. Здесь нам на помощь в трудные мгновенья и приходит Бог, ибо ум наш несовершенен, а дух недостаточно крепок. Даже Наука порой готова обратиться к Богу как к *ultimum refugium* (последнему прибежищу – лат.). В глубине души мы остаемся пантеистами... Мистика средних веков порой вдруг оживает в нас, как жива была она для натурфилософов Возрождения, для Спинозы, Гердера, Гте. Только для нас это более уже не столько орудие борьбы с ортодоксальным теизмом, механицизмом материалистов, сколь «детская вера» в существование потустороннего – истинно высокодуховного и нравственного мира. Быть может, мы уповаем «на чудо», на малую вероятность фантастическим образом обрести вторую жизнь, подобную той, что описана древними авторами в тибетской «Книге мертвых» (VIII в. н. э.)? В глубине души мы все же нет-нет да осознаем: «*Non est discipulus super magistrum!*» («Ученик не выше учителя!»).

О воспитательном и образовательном значении религии говорилось. Надежда на милость Всевышнего смягчает и успокаивает человека, давая ему надежду. У веры есть свои плюсы и минусы. История каждой из них отводит свою роль. Фейербах, считавший разлад между богом и миром, небом и землей, верой и разумом «неестественным противоречием», абсолютизировавший преимущества ученого перед теологом и священником (он еще не знал всех «прелестей» нашей ученой братии), вынужден был признать известное сотрудничество между ними. Да и Лютер говорил: «Я убежден, что истинная теология не может существовать без наук». В том же духе высказывался Меланхтон: «Во имя блага церкви, которое вы должны всего ближе принимать к сердцу, я заклинаю вас не пренебрегать философией, так необходимой для теолога». В конечном счете, не столь уж и важно, кто будет «высиживать яйца», лишь бы умным и достойным оказался «цыпленок». Хотя мы вспомним и предостережение Д. Бруно: «Если бы не было веры, не было бы невежд». Он не прав. Невежды будут всегда. Вера не ликвидирует незнания, но порой укрепляет его. Правда, некогда Жозеф де Местр резко упрекал философов в том, что им свойственна какая-то свирепая и мятежная гордыня, которой ничем не угодишь. «Дайте им волю – и они атакуют все на свете, даже Бога, ибо он – владыка». Но здесь и

проходит грань между человеком высокоученым и полуобразованным. Подлинный ученый знает, доколе простираются его знания и вера. Это в целом довольно-таки ничтожные величины. Полной достоверности у науки не было и нет. Однако полной ясности и достоверности, думаю, нет и у Бога. По крайней мере, мудрец знает, сколь невелики его силы и возможности. Потому он честно признает: *Nulla mihi religio est!* («Я не исповедую никакой религии»). Возможно, наступят времена, когда формальные признаки религиозного чинопочитания уйдут в прошлое, между конфессиями не будет позорных склок, о которых писал Г. Гейне в стихотворении «Диспут»: «Хочет каждый *ad absurdum* привести слова другого, превосходство доказав Иисуса иль Еговы».

Корин П.Д. *Схимница из Ивановского монастыря*

Миссия Церкви сегодня — помочь нашему униженному, ограбленному, угнетенному народу, вооружив его идеей сопротивления, труда, борьбы, выводя из рабства и плена. Православная Церковь в России получила в эту годину свой

величайший шанс: встать в авангарде Русского Народа. Мы обязаны дружно начать генеральное наступление Мысли и Веры, Общества и Церкви на пустыни бездуховности, пошлости, алчности и измены. Наступление должно вестись не с помощью слов, а прежде всего с помощью каждодневных дел! Немало добрых и праведных дел содеяно Церковью, немало мудрых наставлений ее находит путь в грешные души. Ведь еще в «Правилах христианской мудрости» сказано: «Размышляй о высочайших совершенствах Господа, поклоняйся Ему и люби Его всем сердцем. Почитай родителей твоих и властей и повинуйся их законам. Не делай другим, чего ты себе не хочешь. Будь ласков, человеколюбив, услужлив и благотворителен к каждому. Люби свое Отечество и будь готов пролить кровь твою для его спокойствия. Старайся об общественном благе и храни добрый порядок. Во всяком случае береги твое здоровье и твоего ближнего. Будь добрый отец, верный подданный, искренний друг и почитай добродетель, где бы она ни была. Убегай зла, посещай добрых и имей отвращение от порока».

[\[612\]](#) Но нельзя спасать души, не защищая тело и честь Народа, не сражаясь словом и мечом с врагами и угнетателями России. Креста мало, нужны ум и меч!

Мы видим порой: верховная власть всюду удобно и спокойно чувствовала себя под сенью и защитой любой из религий. Католики и протестанты Европы продемонстрировали миру, как под сенью католическо-протестантской веры их духовные чада безнаказанно вершили массовые убийства в Югославии, Ираке и Ольстере! «Под знаменами ислама» идет бойня в Чечне, Ираке, Афганистане, Алжире, Турции. А что происходит в «святой» Палестине?! А разве в России с ее возвращением в лоно церкви стало меньше преступлений? Нет, их стало куда больше, чем в советское время. У властителей пора спросить: «Кто душу купил – атеист или бес?» Нам же часто внушают со ссылкой на Священное писание: всякая власть от Бога и Богом установлена. А я думаю, прости меня Господи: не всякая власть от Бога. Есть прямая власть от Сатаны! Восстание против власти, которая противоположна идеям Христа – долг истинного русского христианина! Писатель Г. Честертон как-то заметил по поводу роли веры: «У того, кто верит, всегда есть повод к мятежу: ведь Бог в сердцах человеческих под пятой Сатаны. В мире невидимом ад восстал против неба. Здесь, в мире видимом, небо восстает против ада.

Верующий всегда готов восстать; ведь восстание – это восстановление. Всегда, в любой миг, ты можешь восстать во имя правды, которой человек не видел со времен Адама». ^[613] Или церковь не видит, что власть одною рукой нещадно грабит, убивает и душит окормляемый ею Русский народ, который есть надежда и опора Православия? В то же время другой рукой она охотно раздает щедрые подачки церковной власти, чтобы та не скажу «замаливала ее грехи» (на это ей просто наплевать), но чтобы держала Народ в рабской узде повиновения! Нам нужна истинная вера в Россию, в наш народ, в Бога народа, а не бутафория со свечами.

Философ отец В. Зеньковский писал, что на святой Руси обличения житейской неправды составляли главное содержание церковной литературы XII–XIV веков. И эти обличения никогда не поселяют в душах «отречения от жизни, но всегда соединяются с верой в преображение жизни силой Божьей». ^[614] Понимаем. Трудно... Иные недруги при деньгах, во власти и могуществе. Тут-то и проявляется истинная святость подвижника-иерарха: в требовательной позиции патриота, верного сына святой Руси. Прав архиепископ Сан-Франциский Иоанн (Шаховской), говоря в статье «Свобода и власть»: «Восставая в чем-либо против каких-либо властей этого мира, христианин восстает не на природу этих от Бога данных властей, а лишь на несправедное их содержание... Восставая против несправедного духа той или другой власти, борясь за восстановление попираемых в мире Божиих законов, человек, в сущности, защищает самый лик власти как Божиего установления, данного Богом на добро, а не на зло». Нельзя возводить хоромы, кусая руку, дающую на них деньги? Но тогда что стоит такая вера?! ^[615]

В дни гибели сербов наша Церковь словно воды в рот набрала. Стыд и позор! То, что когда началось избиение братьев наших сербов, промолчала холуйская часть псевдоинтеллигенции и власть в Кремле, нас несколько не удивляет. Что взять с иноверцев, чуждых сербам по крови, распявших Христа и предавших Россию, давно ушедших в добровольный плен Западу! Нечего было ждать и от ельцинских иуд, в грош не ставящих свой собственный люд – а не то что какой-то сербский народ! Но Церковь-то могла хотя бы молитвы прочесть в храмах! В XIX в. она так и делала в годы битвы за болгар. Глубоко прав ученый И.Прийма, вопрошая нас с болью в сердце: «Почему не

служили в церквях молебны за воинство сербское, победу сербского оружия? Почему обратили непрестанную всенародную молитву за братьев в шепот среди мирян и клира в храмах? Почему даже кружок на сбор средств для сербов в храмах не установили? Кого испугались? Или православные стали мыслить категориями: «благосклонность Запада», «кредиты», «хрупкое равновесие в мировой политике» и уже десять лет как установившийся «социальный мир» внутри России? А молчание было вопиющее. Еще немного такого молчания – и православные вновь будут обречены на духовное диссидентство в собственной стране». [\[616\]](#) И не по этой ли причине (трусости) Ницше назвал христианство «позором человечества», а Розанов определил сущность XIX в. в том, что Бог оставил человека?!

Но восстать против невежества и злоупотреблений мало. Надо иметь высокий, светлый ум и мужество, дабы указать народу выход из тупика, как это сделал в XVII в. патриарх Гермоген, говоря: «Да будут те благословенны, которые идут на очищение Московского государства. А вы, окаянные московские изменники, будете прокляты». Милостями власти его не осыпали, нет, а умили голодом! Но эта праведная мужественная душа инока-воина доселе живет в моем сердце. В историческом плане о разумном социальном устройстве Церковь речи не вела вовсе, как будто отделив царство земное от царствия небесного! Но тогда бы и властвовала бы себе на небесах! Но она же хочет править тут, на Земле, и быть пастырем людей. Церкви Запада и Востока (при всех их заслугах в воспитании народов, образовании, обуздании диких инстинктов) так никого еще всерьез не соединили и не воспитали. Взгляните: католик на дух не приемлет протестанта, мусульманин – христианина, иудей ненавидит мусульманина, православный – старовера. Весь мир видит, что делается в Палестине, в месте сосредоточия трех религий! Так кого же сроднила религия!? С амвонов и кафедр «христианской» Европы освящены сотни религиозных войн, противостояний и геноцидов. Где мы видим в мире воспетую сверхиндивидуальную любовь Церкви? Одни к богу взывают, другие – грабят и убивают. Где голос протестующей святой Церкви?! Верю, что изменится Церковь, отважным витязем встанет рядом с Народом! Вопрос Веры ныне стоит остро как никогда. Или Церковь восстанет с народом против зла и пороков «демонократии», что создает мир по образцу и подобию

Сатаны, или же Она может лишиться прав на главенство и сочувствие в душах людей. Спору нет, быть Великим Утешителем – почтенная миссия, но это не способствует пробуждению в людях духа энергии, отваги, созидания и борьбы. Такой подход обрекает людей на безысходность, плодя нацию рабов. Этим вы, слуги Его, предаете Его! Нам близки архипастыри великой идеи (митрополит Иоанн). Должна сказать слово истинная Россия. П. Флоренский в «Записках о христианстве» подчеркнул: «Западное христианство времени барокко допускало существенную ошибку, когда попыталось внести в себя сырые куски антихристианской культуры и, не одухотворяя их изнутри, навести снаружи лаком благочестия или подкрасить под тон церковности. Научная и культурная деятельность иезуитов может заслуживать глубокого уважения по своему замыслу – дать христианству христианскую культуру. Но она глубоко ошибочна, ибо это не настоящие строения, а выставочные павильоны и скалы из штука: такую лжекультуру можно строить лишь для ошеломления невдумчивых новичков, но отнюдь не для собственного употребления. Современному человечеству нужна христианская культура, не бутафория, а серьезная, действительно по Христу и действительно культура»^[617] В более широком плане философ и священник, возможно, и прав. Но не стоит отрицать достижения иных церквей ссылками на «выставочные павильоны». Сами мастера на эти штуки.

Вспомним опять же Пушкина... В 1822 г. в «Заметках по русской истории 18 века» он трезво и с горечью писал о разрушении церковной культуры (заметьте, еще за сто лет до революции, да и при самых авторитетных царицах-матушках – Екатерине II, и царях-батюшках – Петре I): «Екатерина явно гнала духовенство, жертвуя тем своему неограниченному властолюбию и угождая духу времени. Но лишив его независимого состояния и ограничив монастырские доходы, она нанесла сильный удар просвещению народному. Семинарии пришли в совершенный упадок. Многие деревни нуждаются в священниках. Бедность и невежество этих людей, необходимых в государстве, их унижает и отнимает у них самую возможность заниматься важною своею должностью. От сего происходит в нашем народе презрение к попам и равнодушие к отечественной религии; ибо напрасно почитают русских суеверными: может быть, нигде более, как между нашим простым народом, не слышно насмешек на счет всего церковного.

Жаль! Ибо греческое вероисповедание, отдельное от всех прочих, дает нам особенный национальный характер. В России влияние духовенства столь же было благотворно, сколь пагубно в землях римско-католических. Там оно, признавая главою своею папу, составляло особое общество, независимое от гражданских законов, и вечно полагало суеверные преграды просвещению. У нас, напротив того, завися, как и все прочие состояния, от единой власти, но огражденное святыней религии, оно всегда было посредником между народом и государем, как между человеком и божеством. Мы обязаны монахам нашею историей, следственно и просвещением...» Мы согласны со всем, только не с тем, что сказал поэт в отношении церквей и просвещения. Известно же, что тут как раз и сокрыта существенная разница в положении Православной церкви и Церкви католической. Последняя много веков делала и делает главный упор миссии на просвещение людей, хотя и, разумеется, в духе римско-католических идеалов.^[618]

Главная сила иезуитов, культурной элиты Ватикана, состояла и состоит как раз в их широкой сети образовательных и культурных учреждений. Вот и коренной перелом в пользу Православия в России произойдет только тогда, когда Русская Церковь сделает ставку на образование народа. Пушкин писал: «Иезуиты довольно были умны, чтобы знать природу человеческую и невежество русского народа». Да еще как умны были... Ведь из их учебных заведений вышла фактически вся культурная, писательская, научная и философская Франция, да и «вся Европа». И Екатерина была неглупа. Это она после издания папой Климентом XIV буллы о роспуске ордена иезуитов (1773) позволила им сохранить свою организацию и владения в России. Мы были единственным государством, где они имели такое вот право. Почему она пошла на это? Только ли потому, что была немка: привыкла, мол, видеть опору власти в западной церкви?! Как сказал де Местр, обращаясь к Александру I (1815): «Иезуиты – это сторожевые псы верховной власти. Вы не хотите дать им воли грызть воров, тем хуже для Вас; по крайней мере не мешайте им лаять на них и будить Вас». Главный труд Церкви сегодня – уже не в охранительной, а в просветительской миссии. Нас волнует судьба Православия и Церкви. Опять же сравните. У иезуитов по миру – 195 университетов, 500

колледжей, институтов, 9 тысяч средних школ. В США – более ста их университетов. [\[619\]](#)

Хотелось бы обратить внимание наших церковных и светских властей на те методы, которыми иезуиты завоевывали популярность среди мирян и властей. У них кое-чему можно было бы и поучиться. Если взять их «тайные скрижали» и «конституции», то там главным требованием к служителю Ордена было знание и интеллигентность. С помощью немалых знаний и тонкого умения передавать их людям (причем, бесплатно) они учились управлять обществом и людьми. В свои коллегии и университеты они подбирали лиц не по верности догмам или канонам, а по таланту. Иезуиты искали таланты, поддерживали их, помогали им всячески. Интересно, что даже их противники (Д'Аламбер и Вольтер в статье «Иезуиты» в «Энциклопедии») смогли поставить им в упрек лишь один недостаток – гордыню. А заполучив в свои руки молодежь, будущую элиту, они становились хозяевами в странах. Менее убедительны итоги их воспитания. Г. Бмер в книге «Иезуиты» писал о «плодах просвещения» иезуитов в Польше: «Чтобы завоевать Польшу, нужно было прежде всего покорить дворянство. Проблему разрешили иезуитские школы. Благодаря своей бесплатности они получили в Польше, как и везде, самую широкую славу... Примерно в 1650 г. все высшее преподавание находилось, за немногими исключениями, в руках ордена. Игнатий Лойола в буквальном смысле слова стал Praeceptor Poloniae, и Польша сделалась классическою страню школьного господства Ордена на севере, как Португалия была ею на юге. Какое воспитание дал Польше этот наставник? Дворянство выучилось латинскому языку и превратило латынь в обиходный язык... Оно пришло к убеждению, что хлоп, крестьянин, является потомком Хама и как таковой вполне законно осужден на рабство. Оно пришло также к убеждению, что еретиков не только можно, но и должно преследовать. Вообще же оно ничему не научилось и ничего не позабыло. Под поверхностным лоском новой латинской культуры оно осталось попрежнему глубоко невежественной, дикой, буйной аристократией с очень большим самомнением, но с очень маленьким сердцем. В иезуитских школах оно сделало только одно новое приобретение: варварский фанатизм». В итоге поляки, позволившие себе увлечься идеями иезуитов и пытавшиеся распространить это учение на земли Украины и Литвы с

помощью грабежей, захвата церковей, подавления православия, вызвали у народа восстание (в 1611 г. иезуиты разрушили церковь в Вильне, в 1616 г. – богемскую и лютеранскую церкви в Познани, в 1637 г. разграбили дома в Кракове). Киев, Смоленск, иные земли перешли к России, «под естественное покровительство русского царя». Таков урок истории.^[620] Иная церковь не только спасает, но и создает грешников.

И все же клир Запада в чем-то угадал магистральный путь эпохи: «Идти вместе с образованием, наукой, культурой». Когда церковь потребовала от Г. Торо заплатить некую сумму для поддержки священников, чьи проповеди посещал его отец, но никогда – он сам, Торо отказался это сделать. Объясняя это решение, он сказал: «Не пойму, почему школьный учитель должен платить налог на нужды священника, а не священник – учителя». Православию надо бы взглянуть на себя незамутненным оком. Тот идеал, который зачастую рисуется, далек от реальной картины мира. Везде царит «жалкая и убогая Русь». Об этом Б. Н. Лосский писал отцу. Говоря о живописи Нестерова, он отмечал, что при взгляде на его «Святую Русь», которая была широко представлена в Европе на афишах, у европейца-католика тут же возникает впечатление, что это «страна несчастных и немощных дикарей», которая приносит тут свое покаяние Римом признанному Христу.^[621] Диалог Православия и Рима должен войти в культурно-духовную сферу. Всем нужен мир, а не войны и раскол, да и спор церковей непонятен Богу.

Православная Церковь должна наверстать то, что ею упущено за века. Русское социально-экономическое агентство пишет, что 60 процентов россиян верят в Бога. Хочется в это верить. Но надо трезвее смотреть на положение дел: век, а то целых два ходили в атеистах – и вдруг чудо: всеобщее воцерковление! Я понимаю, что после стольких лет атеизма нельзя требовать от массы людей искренней веры. Пусть они хотя бы выполняют наизидание немецкого романтика Новалиса, сказавшего: «Совесть замещает на земле Бога». А то кого только не узришь нынче в храмах Москвы или Петербурга. И это не схоластический спор сиониста М. Бубера с христианином о том, кто из них лучше понял Христа. В конце спора оба посмотрели в глаза друг другу, сказали «Забыто» и – обнялись. Хорошо уже то, что 34 процента граждан России выступают за сотрудничество Церкви и государства в

духовно-гуманитарной области. Нас радует невиданное возрождение интереса к православной культуре, мысли, духу и образованию. Православная Церковь просто обязана стать, наряду с русскими писателями и учеными, духовником нового государства Российского. Радует, что сегодня идеи православия проникают в души молодежи (прежде всего сельской молодежи). Более 300 школ в Курской области активно участвуют в реализации областной программы преподавания «Основ православной культуры», а в Курском педагогическом университете в 2000 г. открыто религиоведческое отделение. Ведь некогда на философско-богословских факультетах России вырастали и мужали умнейшие люди. Завязь истинной человечности или «бутоны культуры» произрастает из зерна религии (П. Флоренский). Даже И. П. Павлов высказывал сомнение в том, сможет ли наука или положительное знание «полностью и для всех заменить религию». Хотя он считал, что пусть «натура сама выбирает», быть ли человеку верующим или рационалистом, видя в религии адаптивное, а порой целительное средство, позволяющее людям слабым или же в горе уйти от дрянной действительности. Ученый считал религию естественным и законным человеческим инстинктом. Поэтому он категорически возражал против уничтожения религии (кем бы то ни было). Известны и его усилия по восстановлению колокольного звона в храмах.^[622] Уже в наши дни директор Института мозга РАН, академик Н.П. Бехтерева скажет: «Всю жизнь посвятив изучению мозга человека, я прихожу к выводу, что понять создание такого чуда без понятия Творца практически нереально». Жизнь на Земле безусловно имеет своего творца.

Союз конфессий в России

Ныне нужно воспеть не удаление от мира, а деяние в миру. Хорошо бы Христос стал не только первосвященником, но и «работником». А это потребует союза науки, культуры, религии, усилий всего общества. Поэтому и возрождение церквей и храмов – первый и, видимо, все-таки наиболее легкий шаг в преодолении бездны обезбоженного сознания. Мало говорить о Боге, мало даже поклоняться ему, надо еще созидать, работать и учиться по его законам – Пастыреначальника. Нужна умная и отважная, честная и справедливая Православная Церковь, идущая с народом, а не с ворами-олигархами, ибо только тогда она может стать опорой жизни духовной и праведной. Царство Божие хотя и имеет начало в сердце человека, но лишь трудом, умом, совестью достигается в жизни. Министерством образования и культуры РФ пора встать на почву русскую и Православия, открыв кафедры православной культуры и религии. Это шаг необходимый. Тем более что молодежь остро нуждается в духовном контроле и пастырстве. Сердце ее пусто, а культура и образование не заменяют веры (арх. Бронницкий Тихон).

Нам не хотелось бы рассматривать проблемы России или Запада в духе схватки цивилизаций, противостояния Западной и Восточной Римских империй, в духе религиозной «конкисты» или «реконкисты». С другой стороны, мы отнюдь не склонны выступать и в роли ярых ревнителей «древнего благочестия» на Руси, утверждавших, как Никита Пустосвят, что, мол, «в Российском государстве-царстве исстари самая истинная православная вера», и что только одна Россия «благодати Божия сподоблена бысть». Да и XVII в., когда староверы выступили против никоновских реформ на том основании, что те разрушали идеальный образ «Третьего Рима», каковым мыслилась Русь, давно ушел в прошлое. Тогда староверы даже и царя Алексея Михайловича записали в «антихристы». Видимо, семена раскола в нашем государстве возникли уже давно. Но если старообрядцы избрали путь «убегания» от «антихриста», то мы, верующие в Россию и ее народы, выбираем путь битвы с «антихристом» и, в конечном счете, победы над ним!^[623]

Поэтому нам о присутствии антихриста никоим образом нельзя забывать. Ведь под масками «богов», в одеждах и сутанах западных

проповедников предстают нередко слуги дьявола. Чему учат эти эмиссары Сатаны? Какого Бога и какую цивилизацию стараются привить людям эти посланцы? Еще у Монтескье в его «Персидских письмах» дана неприглядная картина религиозного прозелитизма. Французский философ писал: «Согласен, история полна религиозных войн. Но причина этому – не множество религий, а дух нетерпимости, которым бывала охвачена религия, считавшая себя господствующей, тот дух прозелитизма, который евреи заимствовали у египтян и который, как заразная, повальная болезнь, перешел от них к магометанам и христианам; наконец, тот дух заблуждения, развитие коего нельзя считать не чем иным, как полным затмением человеческого разума».^[624] В Москве работают 500 сект. Их посещают тысячи молодых людей и взрослых. В Санкт-Петербурге в Удельном парке открыт первый в России зал конгрессов Свидетелей Иеговы на 1600 мест. В короткие сроки иеговисты создали по всей стране 230 центров и 760 собраний. Тревожит, что в Петербурге число официальных членов секты Свидетелей Иеговы уже достигло 105 тысяч официальных членов, 250 тысяч присутствуют на собраниях, а еще 500 тысяч изучают учение иеговистов дома. В России в секты вовлечено где-то от 3 до 5 миллионов россиян (замечу: половина из них – молодежь). «Цель этих сект – духовное расчленение нашего народа», – заметил митрополит Кирилл. Вместе с тем только за последние три года (1997–2000) у нас погибло 10 тысяч сектантов, служителей Иеговы. С приходом «сатаниста Ельцина» они стали действовать открыто. В бездуховном и преступном мире, заправляющем всем и вся в России в последние годы, это – реакция заброшенных властью и церковью людей, теперь еще и ограбленных богатеями, отчаявшихся найти поддержку и помощь.

Фактически филиалом ЦРУ стали и разведцентры «секты Хаббарда» («Разведка – это информация»). Они открыто собирают информацию о ведущих российских политиках, ученых, военных, журналистах, педагогах и священниках. В одном из центров обнаружены сотни досье (самые уважаемые члены – враги России, «демократы» и «либералы»: А. Яковлев, Явлинский, А. Дейч, Жириновский и т. п. – занимают там почетные и важные места). Отчего так вольготно чувствуют себя подобные медузы-горгоны сайентологии и сектанты, а также всякого рода богородческие

центры!? Где же, наконец, то самое наше «око государево»? Где эти генпрокуроры и министры юстиции с судьями? Словно бесы в преисподней, прыгают по баням да нумерам с голыми девками... «Иуда в сравнении с ними апостол нравственности» (Л. Бородин). Запретили бы секты, законники, коль считаете себя русскими, православными. А то в стране как поганки плодятся секты «Церковь сайентологии», «Церковь объединения» Муна, «Общество сознания Кришны» и др., действуя, по сути дела, открыто. По итогам научной конференции, прошедшей в Сибири, было подчеркнуто: «Опыт России показал, что страна, в которой уничтожается христианская духовность, подвергается опасности развития самых примитивных языческих суеверий и практик, как возникающих в ней самой, так и привносимых извне. Мы с горечью признаем, что те группы людей, которые отпали от Христа в странах Запада, ныне переносят проповедь своих неоязыческих и оккультных доктрин в Россию. Мы свидетельствуем, что деятельность тоталитарных сект и неограниченная законодательством проповедь их членов носит неприкрытый характер экспансии, направленной на подрыв безопасности, гражданского мира и всех устоев Российского государства». Сайентологи уже запрещены в Греции, Германии, Финляндии.^[625] В мире отнеслись серьезно к угрозе сект, ибо установлено: четверть всех людей легко подвергаются внушению. Последствия этого страшны и трагичны, о чем свидетельствуют и массовые самоубийства, совершаемые сектантами в США.

Высокопреосвященнейший Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский

Да и в России сатанисты почти открыто правят бал. Общество Кришны плодит убийц и педофилов, совершая насилия над детьми и молодежью. Их защищает цитадель разврата в нынешней России – «Московский комсомолец», у которого педофилия – нежно любимая тема. По оценкам ФБР, в мире 5–7 процентов ярко выраженных половых извращенцев дают 30 процентов серийных убийц-насильников. В Колумбии один маньяк-извращенец убил 140 детей. Место такого рода насильников, главарей сект – в тюрьмах. На Западе, в той же демократической Англии, педофилов преследуют, как бешеных собак. А у нас, на диво всем, сфера «искусства» полна геями, министры юстиции закрыли глаза на жуть, полусектант избран вице-губернатором. Телевидение и пресса полным полно извращенцев. Пора бы в столь важном для России вопросе в конце письма поставить «vale». Вопросы высокой нравственности и патриотизма должны составлять главную тональность всех образовательных систем.

Особо подчеркнем необходимость объединения всех без исключения патриотических, православных, державных сил. Иоанн Петербургский и Ладужский говорил в духовном завещании: «Сегодня

выживание России и русского народа зависит от того, как скоро смогут православные, национально-патриотические силы сформулировать и представить обществу четкую, ясную, осмысленную идеологию русского возрождения, поддержанную конкретной, практической, положительной программой, включающую в себя все важнейшие области человеческого бытия от религии до экономики, опирающуюся на многовековой опыт народа.... Что мешает этому? Во-первых, разобщенность здоровых сил общества, отсутствие у его большей части потребности духовного опыта, позволяющего ясно видеть цели и правильно различать друзей от врагов. Такой опыт придет по мере воцерковления нашей жизни, но медлить нельзя: каждый должен отдавать себе отчет, что от его личных усилий зависит общее дело. Во-вторых, яростное сопротивление русоненавистников. Враги России знают, что настоящей властью в современном мире обладает не тот, у кого в руках красная кнопка, и не тот, кто отдаст приказы заводам и танкам, осуществляя непосредственное руководство экономикой или армией, но тот, кто имеет возможность формировать самосознание масс и государственное мировоззрение. Поэтому их главные силы брошены на то, чтобы удерживать контроль над общественным мнением, целенаправленно разрушить мешающие им идеологические приоритеты и создать на их месте иные, удобные для себя. Такая концептуальная власть над обществом, находясь в руках злонамеренных людей, смертельно опасна для любого государства и народа, особенно для народа русского, доверчивого, доброжелательного. И чтобы не случилось этого, надо беспощадно бороться с силами тьмы, разрушения и ненависти. Сегодня, не переломив в этом отношении ситуацию в России, бессмысленно рассчитывать не только на ее возрождение, но и просто на выживание. Итак, вспомним сами и убедим окружающих, что Путь возрождения Святой Руси есть путь веры и здравого смысла. Условие его успешного прохождения – диктатура совести. Его главная цель – спасение души творением добра и правды. Его начало – восстановление соборности и державности русской жизни. Аминь».^[626]

Зададимся целью создания социодуховного русского гуманизма как теории и практики близкого будущего. Мир давно нуждается в теории справедливости, в новой «Русской правде». Обновим идейное наследие прошлых мыслителей и пророков, осознав совокупные

интересы стран, классов, народов. Для этого нам нужны огромные знания, вера и культура. Ну и, разумеется, мужество мысли и духа. А. Франс сказал, что «самое редкое мужество – мужество мысли». Именно русские обязаны проявить это мужество мысли и высоту полета. С Гермогеном, Аввакумом, Пушкиным, Хомяковым, Тютчевым, Данилевским, Леонтьевым, Ильиным, Федотовым, митрополитом Иоанном (упокой Господи его душу) мы обращаемся к великой России, веря в ее духовную и нравственную силу. На пути движения к некой «цветущей сложности», разумеется, нас ожидает немало серьезных препятствий, преград. И все же будем работать денно и ночью, верить и делать все, чтобы Россия вскоре зримо и мощно поднялась на волне будущего. Правы те, кто видит суть и уникальность русской цивилизации в том, что с эпохи Крещения и до начала третьего тысячелетия «она пыталась жить на земле по правде». Вот и православие должно жить по правде, войти в благодатную и духовно чистую обитель Иоаннову. Русский «иоанновский» человек стремится к честности и праведности. Возможно, он не так уж и свят, но он жаждет царства Правды и Святой Истины. А. Казин пишет, что пока же у нас на поверхности жизни «почти полностью преобладают сегодня «человекоживотные», которыми успешно управляют служители антицеркви». Поэтому они приняли и освятили ельцинское правление, слуг «нового мирового порядка». Хотя внешне они пока, казалось бы, торжествуют победу. Но пусть не заблуждаются враги: легионы воинов Христовых, сыны России, вскоре опрокинут мерзостный вертеп разврата, грабежа, предательства! Никто не в силах обмануть служителей Веры и Истины: «Близ есть при дверях». Свет исходит из сердец!.

[627]

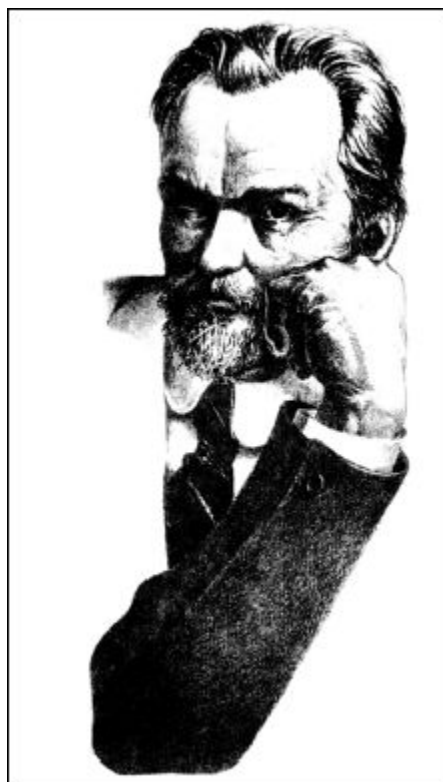

Архитектор А.Парланд. *Храм Воскресения Христова («Спас на крови»)*. 1883–1907

Исключительно велико значение и национальной русской науки и культуры. В известном смысле они гораздо сильнее, могущественнее армий, гор оружия и даже информационных средств. Сегодня Россия находится в тисках культурно-информационного гнета Запада. Нужно вычистить, как авгиевы конюшни, это поле бескультурия, где наследили «демократы». Рихард Вагнер был прав, требуя от правителей Германии создавать и укреплять национальное немецкое искусство, которое могло бы противостоять чуждому, зарубежному и космополитическому влиянию. Властители страны, дайте нам русскую литературу и искусство! Ушинский писал, что «высказать смело слово истины бывает иногда гораздо опаснее, чем подставить лоб под вражескую пулю, которая авось пролетит и мимо». Он боролся против всех тех, кто чернил родную страну, ее историю и обычаи. В последние 15 лет «культурная интеллигенция» с яростным остервенением бросалась на русских. Они разрушали основу России, изгоняя из школ и вузов, со страниц книг и газет, с ТВ, со сцены русский дух и русских героев. И. Ильин мечтал о том, чтобы дети

России с 5–6 лет знали национальных героев и даже влюблялись в них. Реформаторы дали «героя», золотушного еврейчика. Тот с безумным воплем убеждал с экрана телевизора, что «хочет быть миллионером». И эти варвары – у руля идеологии, экономики, культуры?!

Как-то даже В. Розанов не выдержал и возопил по поводу того, что тут всюду «засели прозорливые евреи», и «ни один русский не пущен даже в приказчики»: «Сегодня я раскричался в одном таком: «Все взяли вы, евреи, в свои руки». Молоденькая еврейка у кассы мне ответила: «Пусть же русские входят с нами в компанию»». ^[628] Розанов наивен до невозможности. Так они вас туда и пустят! Да и находиться в их компании для приличного человека не с руки – в компании по тотальному разграблению, закабалению, обману и уничтожению страны. Но есть и верный выход. Для блага России, народа надо всю их братию перетряхнуть, как грязное и завшивевшее белье (пропарив в огне русской бани) – раз и навсегда, прочно и умно поставить на русское основание власть, армию, безопасность, средства информации, ТВ, банки, культуру, образование. Все и вся, что так или иначе служит России. А то получается прямо-таки по Грибоедову: «ни слова русского, ни русского лица».

Художник Ю. Селиверстов. *Портрет В.В. Розанова*

Все патриоты должны ныне отдавать себе отчет в следующем: «У кого ключ к истории и культуре, к школам и вузам, к печати и ТВ, у того в руках и судьба России». Культурно-информационный рупор мощно влияет на жизнь людей. Нельзя допускать, чтобы он был у тех, кто враждебен нам. Народ должен твердо им сказать: «Которые тут «временные», слазь»! В системах образования, печати, культуры, юриспруденции полным-полно апологетов русофобии (борцы против православия, сторонники геноцида русских). Иные требуют, чтобы мы забыли нашу веру, язык, культуру. Певец Кобзон призывает отказаться от употребления таких «вредных слов», как «родина, держава, отечество». Ректор Российского гуманитарного университета Ю. Афанасьев не нашел ничего умнее, как взять да и ляпнуть, что все беды России, якобы, – от отсутствия в ней протестантизма и протестантской этики. Другой корифей культуры, Э. Рязанов сделал открытие, которому позавидовал бы и проф. Марр. Он заявил, что несчастья русских от того, мол, что они до сих пор пишут кириллицей. Этому дурачьё сиволопому взять бы да прийти к латыни и католицизму. Художник-портретист, «звезда демократии, певец гуманизма и красоты», состояние которого превосходит во много раз скудные возможности гениев Возрождения, вместе взятых, срывает драгоценности с больной жены и у еще свежей могилы дочери выбрасывает ее мать на улицу, как бездомную собаку. Знаток «куриной души» режиссер Андрей Кончаловский убежден, что в нынешние «благие времена» Шекспир обрел бы вдохновение в «Московском комсомольце»: «Сегодня Шекспир читал бы «Московский комсомолец»». ^[629] И это тот самый «МК», что одарил нас откровениями типа: «Давайте вспомним, между русским человеком и свиньей – много общего». Глава Московской коллегии адвокатов г-н Резник, известный наглостью, грозя России карами Сиона, призвал Запад захватывать собственность России за рубежом. Режиссер Р. Виктюк ведет пропаганду извращенцев. Алла Пугачева на старости лет зазвала в Россию хор гомосексуалистов. С. Говорухин, написавший книгу, где называл ельцинский режим в России «криминальным», «воровским» и «фашистским» (после массовой бойни людей у Дома Советов и

Останкино), оказался в одной с ним компании. Что с него взять! Барин «демократии», продажный, как и все они. Им все равно, кому служить. Лишь бы побольше платили. Хошь диссидент, хошь президент, хошь лакей любого абрашки! Хотя ранее он, когда еще был человеком, писал, объясняя коварный метод плутократов в поимке слабых душ: «Главное – успеть «замазать» людей. Замазался – все, ты наш, ты обязан нас защищать, это мы тебя сделали таким... Заставить... искать нечестные способы наживы, чтобы как-то прокормить семью. Замазать, замазать, замазать! Замазался – наш».^[630] За 15 лет «демократии» враги России создали такое море бескультурья и дикости в области информации и культуры, что над душой и умом народа нависла опасность. Телевидение, кино, театр и пресса в руках сионистов страшнее басаевых-хаттабов. Те отрезают головы, а террористы от информации в миллионах голов молодежи внедряют алчность, насилие, глупость, дикость, цинизм. Для них нужен карающий меч! Уверен – время расплаты близко. Задача правительства русских и славян – вырвать их змеиное жало. Четко и ясно об этом сказал президент Лукашенко, узрев на ТВ «таракана в пробирке» (Сванидзе): «Я бы вырвал их поганый язык!» Крайне важно, чтобы осознание богатства русской истории, всей ее трагической правды доносилось и претворялось в жизнь умом и гением тех, кто искренне любит матушку-Россию и кто способен понять ее великую культуру.

В образовании сохранялось положение, когда, как писал полунемец-полушвед В. Даль, царили эрзац-просвещение, эрзац-экономика, эрзац-наука. У нас, более чем где-нибудь, наше просвещение стало гонителем всего родного и народного. Ревнителю готового чужого, не считая нужным изучить свое, насильственно переносят к нам все в том виде, в каком оно попадалось им на чужой почве, где оно было выстрадано и выработано, тогда как тут могло приняться только заплатами и лоском. Когда после разгрома отборных частей немцев в Сталинграде у фельдмаршала Паулюса спросили: «Почему вы потерпели крушение?», он, почти даже и не задумываясь, ответил: «А потому, что нас победил русский учитель!» Десять лет русские учителя и профессора не получали месяцами, а то и годами тех жалких крох, что им положены. Стыдно было смотреть, как в науке кучка прихлебал охотно воспевала «реформы», составив опору и интеллектуальное прикрытие воровских шаяк у власти, так сказать,

«элиту демократии» в России. Для них Русь – одна лишь грязь, тьма, пьянь да невежество. А ведь это под ваши бурные овации и спичи, господа «интеллектуалы», в России и пришли к власти палачи-губители Отечества. Немало тех, кто откровенно поддержал банду реформаторов. О таких вот Пушкин писал: «Составлен он из подлости и спеси». «Последний интеллигент» Д. С. Лихачев кое-что понял у двери гроба: «Мы растеряли огромный пласт культурных ценностей. Продали. Пропили. Просадили».^[631] Г. Торо в данном случае был прав, сказав: «Трусость ненаучна, ибо не может быть науки о невежестве».

На заре XX в. писатель Л. Н. Толстой как-то заметил: Россия платит пахарям и философам – медью, а своим политическим клоунам и ворам – золотом. В конце XX века эта формула на удивление всем вновь ожила самым зловещим образом. Открыв настежь двери ворами-коррупционерам, ельцинисты намеренно встали на путь уничтожения и оглупления народов России, ввергнув в полную нищету умнейшую и достойнейшую часть населения страны. Во главе системы образования стояли люди, чуждые России (иудеи или западники). Думаю, закономерно, что в пору их власти расходы на образование в бюджете стали уменьшаться с 1992 г., достигнув в 1998 г. 3,45 процента. В 1997 г. на образование было израсходовано 0,7 валового внутреннего продукта, критический предел был перейден в 15 раз (в 1999 г. – 1 %). Критический уровень расходов на науку равен 2 процентам ВВП (в СССР было около 5 процентов). В 1997 г. на науку пошло 0,3 процента, или в 16–18 раз ниже, чем в СССР. В развитых странах на образование тратят 4,5–6,5 процента ВВП. В США эта сумма равна 320 млрд. долларов. В Японии 80 процентов выпускников школ поступают в вузы, в США – 60 процентов. У нас же пытаются поступить в вузы 25 процентов выпускников. Мы все заметнее превращаемся из страны гениев в страну вопиющих невежд, неучей и идиотов. И в обществе стремительно нарастает экспансия бескультурия и невежества. По словам министра образования В. Филиппова, мы оказались в наихудшей группе стран (даже в области математического и естественно научного образования). Таковы данные ЮНЕСКО. Поэтому министерство образования приняло решение перейти на 12-летнее обучение, усилив гуманитарное и патриотическое образование. Все развитые страны мира перешли на эту систему. Лишь 23 процента наиболее отсталых стран – вне ее. Беда в том, однако, что в новом

Базисном учебном плане русская литература и история фактически поставлены в ранг необязательных и второстепенных предметов. Некогда Зиновьев, покушаясь на свободу Академии, умудрился издать декрет об упразднении рассадника «буржуазной науки». «Наследники Зиновьева», судя по всему, живы. Министерство образования приняло решение кастрировать русскую литературу и историю (приказ 56 от 30.06.1999). Вот итог «великих реформ» – из числа обязательных авторов в школе исключены: Михайло Ломоносов, Н.М. Карамзин, писавший: «история предков всегда любопытна для того, кто достоин иметь Отечество»; А.Н. Радищев, баснописец И.А. Крылов, первым внесший в русскую литературу элемент народности. Изгнали и А.С. Грибоедова с его «Горем от ума», гоголевского «Ревизора», стихи Кольцова и Майкова. Причем, самый главный удар современные скалозубы от образования нанесли по гражданственной и державной литературе и истории. Какой-то «спиноза» в недрах министерства ликвидировал Пушкина («Деревня», «Арион», «Анчар», «К Чаадаеву», «Клеветникам России», «Я памятник себе воздвиг нерукотворный»), поэму «Медный всадник», трагедию «Борис Годунов», стихи М. Лермонтова «Смерть поэта» и другие, некрасовскую «Родину» и «Кому на Руси жить хорошо». Последнее для того, видимо, чтобы ни у кого не возникло столь же горьких ассоциаций в отношении жизни в «демократической» России...^[632] Россия не может иметь во главе образования людей невежественных, будь то технократы или гуманитарии. Столь вопиющее невежество лидеров угрожает будущему страны. С их подачи и плодятся у нас во множестве «Иваны, не помнящие родства». Да что говорить, если даже директор Института российской истории РАН А.Н. Сахаров пред Западом «ломал шапку», великого Петра «изгнал». Корреспондент РАН С.М. Каштанов и д.и.н. Е.А. Мельникова пишут в «НГ» (11, 20.12.2000): «Но что говорить о зарубежных источниках, когда нынешний Институт российской истории не заинтересован в публикации русских: практически остановлена работа над «Письмами и бумагами Петра Великого», крайне медленно идет подготовка летописных текстов. Наконец, в 2000 г. с легкостью упразднен Центр по изучению и изданию древнерусских источников. Это отбрасывает отечественную историческую науку на 50 лет назад».

А вообще-то стыд и позор. Финансирование образования упало с 12–17 процентов бюджета в СССР до 3,75 процента в нынешней России! Уже треть вузов страны являются платными. Надо учитывать полнейшее обнищание населения! Для простого люда сегодня проблематично не только высшее, но и среднее образование. У нас не учатся 65 тысяч детей в возрасте 7—15 лет. Две трети молодежи находится за чертой бедности, а стрелка безработицы колеблется в разных регионах России на уровне 20–57 процентов. С 1987 по 1997 гг. в стране родилось на 6 млн детей меньше, чем за предшествующие 10 лет. И виной тому никакие не «волны рождаемости», а жуткая, небывалая смертность населения, вдвое превысившая уровень рождаемости. Смертность в России самая высокая в Европе (14,7 на 1000 человек населения). Заметно возросло число самоубийств среди молодежи. Наугограды вымирают. Уже только 8 процентов выпускников вузов намерены пойти работать в нашу науку. Интеллектуальные способности выпускников школ снизились наполовину. А ведь в советские времена страна получала до 25 процентов валютной выручки от экспорта научно-технической, наукоемкой продукции. Что делать? Детки нуворишей, как правило, и не стремятся в науку. Они жаждут богатств. Их папаши показали им пример того, как можно сделать миллионы долларов за 5 лет, так и не создав ничего путного, еще и обокрав народ до последней рубахи. Правда, иной раз говорят о поддержке своих «бедных Ломоносовых» (Г. Греф). Дай-то Бог!

Мир вступил в новую эру – информации. Особое значение приобретает в этой связи сеть Интернета, которая открывает доступ к знаниям в любой точке мира. Специалисты говорят, что сегодня в мире два великих уравнителя – Интернет и образование (Дж. Чэмберс). В передовых странах Запада и Востока наблюдается повсеместное подключение населения к Интернету. В Нидерландах создается Национальная электронная сеть, которая объединит все школы и колледжи страны, и каждый учитель будет иметь собственный e-mail и доступ в Интернет. В Германии на подключение к сети выделено 100 тысяч немецких марок, а 900 тысяч педагогов страны получают бесплатный доступ в сеть. Аналогичные процессы идут в Швеции, Ирландии, Франции, США. В России 40 млн. людей каждый день учится или обучает. Однако давняя пропасть между городом и

деревней в последние годы стали еще глубже и катастрофичнее. У нас из 68 тыс. школ 46 тысяч школ являются сельскими. В 80 процентах последних вообще нет ни одного компьютера. Курс информатики есть, оценка в аттестате есть, а вот «живого» компьютера селянин и в глаза не видывал. Интернет для жителя городов России – все еще диковинка.

Только 3 процента российских школ к нему подключено. Правительство планирует изыскать 40 млн. долл. на компьютеризацию сельских школ (в 2001 г. в 40 тыс. сельских школ придут компьютерные классы и Интернет). Энтузиасты Интернета считают, что к 2010 г. 80 процентов населения России должны будут уметь использовать Интернет. Иначе отстанем от цивилизованного мира. Создана Федерация Интернет-образование. Готовится и федеральная программа информатизации системы образования. В Интернет к 2005 г. планируют привлечь 10 млн. молодых людей от 10 до 20 лет (половину всех школьников) и обучить 276 тыс. учителей. [\[633\]](#)

Положение, видимо, в целом не столь безнадежно, если летом 2000 г. российские школьники-математики сумели-таки привезти из Южной Кореи (с олимпиады) 5 золотых и 1 серебряную медаль. Вон и в Детройте (США), на всемирном смотре научного и инженерного творчества юных (International Science and Engineering Fair-2000), русские участники на 9 персон получили 11 престижных наград. Среди них первое место в секции «математика» и главная награда в области химии. Так что не все еще потеряно.

Особое значение в истории России всегда имела политика в отношении Востока. Никак нельзя обойти проблему взаимоотношений с Кавказом и Азией. Вопрос острый и болезненный. Как не вспомнить ряд поколений русских имперцев, создававших могучую державу на удивление и зависть всего мира! И слова поэта Есенина: «Ты Рассея моя... Рас... сея... Азиатская сторона». Некогда Г. Флоровский писал о «евразийском соблазне», о том, что это – сплошной самообман. Но его упреки несправедливы. Нет, Россия – не «улус», не «наследие Чингисхана». И все же с буддистско-мусульманской Азией, как и с Кавказом, их культурно-бытовой, религиозно-государственной стихией дело иметь нам придется. Тут нужно много ума, такта, воли, силы, знаний и мужества... Так или иначе придется с помощью знаний, культуры, экономики, мощи, веры создавать великую *partis mundi* – или же возникнет перспектива потерять Россию! Знаменательно то,

что даже небезызвестный маркиз де Кюстин, которого к друзьям мы не отнесем, высказал в книге «Россия в 1839 году» схожую и весьма даже злободневную мысль: «Союз Запада и Востока, с последствиями которого сталкиваешься на каждом шагу, – отличительная черта русской империи».^[634]

Прочитую еще одно высказывание русского философа, историка и богослова Г. Флоровского: «Исторические взаимодействия России с Азией не приходится отрицать, и верно, что до сих пор мы это мало знали. Русскую Азию до сих пор мало изучали и мало чувствовали и понимали русские задачи в Азии. И в этом отношении есть известная правда у евразийцев. Свою русскую Азию, Азию в России, географическую и этническую, необходимо узнать и освоить, понять ее государственный смысл и вес, – но это должно в последнем счете вести к оформлению и укреплению восточной границы России. Верно, что в народно-государственном сложении и бытии Россия не вмещается в географическую Европу, и «азиатская» (зауральская) Россия» не есть колониальный придаток, но живой член единого тела. Однако все это имеет государственный и экономический, но не религиозный смысл».^[635] Ясно, что в евразийстве главная ноша ляжет на русско-туранский элемент. В основе же – Русский Народ, русская культура и капитал. По мнению И. Ильина, задача русских весьма благородна – «не искоренить, не подавить, не поработить чужую кровь; не задушить иноплеменную и инославную жизнь; а дать всем жизнь, дыхание и великую родину». К сожалению, верного понимания сути евразийства у нашей правящей элиты нет.

Вспомним историю. Когда-то в давние времена в Дагестан и Чечню хаживали воины Батыя и Тимура, разорив дотла земли и отбросив тамошние народы на много лет назад в развитии. Еще более страшный ущерб русскому населению наносили набеги крымчаков-татар. Так, в 1776 г. один из руководителей нашей дипломатии князь А. А. Безбородко, секретарь Екатерины Великой, в записке о губительных набегах татар на нашу землю высказал мысль о необходимости присоединения Крыма к России. «Остался один только Крым, – писал он, – и подвластные ему Татары, от которых Россия уже с двести лет как страждет и разные разорения претерпевает». Екатерине он в 1777 г. указал на то, что любая «независимость Татар в Крыму ненадежна для нас». Он посоветовал русскому правительству: «Принять добрые меры

против сих наших вечных неприятелей, дабы единожды и навсегда привести себя от них в безопасность и чрез то доставить отечеству нашему надежное навсегда спокойствие». ^[636] «Доставили» – вовсе отдали Крым!!!

Символическая граница между Европой и Азией

Положение на Кавказе такое, как и во времена генерала Ермолова... Давайте же посмотрим правде прямо в глаза... Чечня издавна считалась у народов Кавказа царством бандитов и отщепенцев. Еще генерал А. Ермолов называл этот регион «гнездом всех разбойников», причем разбойников самых подлых, жестоких и коварных. И тогда сюда сбегались «злодеи всех прочих народов, оставляющих землю свою по каким-либо преступлениям». Они находили тут пристанище и поддержку. Автор многотомной истории «Кавказской войны» генерал-историк В.Потто, скажем, отличал такого чеченца от благородного и мирного кабардинца. При этом он подчеркивал, что разбойник-чеченец – мстителен, коварен и вероломен.

И все же между событиями народно-освободительной войны горцев, скажем, в XVIII–XIX вв. и «борьбой за независимость» Чечни в конце XX в. – неизмеримая, просто чудовищная пропасть. В первом случае, при всех нюансах и деталях, мы имеем (со стороны чеченцев) борьбу за независимость и свободу, войну все же скорее оборонительную. Напомним, тогда для покорения Чечни царь отправил огромную армию (до полумиллиона солдат). Правитель Чечни и Дагестана Шамиль (с 1840 г.) противостоял России 25 лет. После поражения только в одно лето 1865 г. до 25 тысяч чеченцев покинули свою родину и ушли в пределы Османской империи. Однако то была феодальная эпоха. Чтобы сравнить образы тех и этих борцов «за торжество ислама», приведем хотя бы одно описание из жизни шейха Мансура, идеолога национально-освободительного движения на Кавказе (1785–1791 г.). Вот что говорится о нем в книге «Чеченцы: история и современность»: «Судя по всем имеющимся в нашем распоряжении материалам, шейх Мансур – убежденный сторонник справедливости, добра, нравственного совершенства, и он не мог позволить себе действия, противоречащие собственным религиозным и нравственным представлениям. В своих проповедях он призывал чеченцев отказаться от вражды, насилия, кровопролития, употребления спиртного, словом, от всего греховного. Для подкрепления своих религиозно-нравственных воззрений он обращался к Корану и в качестве примера часто приводил добродетельные поступки пророка Муххамеда. Ведя аскетический образ жизни, он ограничивал себя во всем. Его призывы жить по совести и правде для того жестокого времени казались удивительными и странными. Люди шли к нему, чтобы слышать его речь, приобщиться к проповедуемой им духовной чистоте. Убежденность его слов доходила до человеческих сердец и все, кто однажды слышал его наставления, каялись в грехах и становились его последователями. Бескорыстие его было общепризнанным. Когда благодарные горцы приносили ему подарки, он тут же все раздавал бедным, сиротам, нуждающимся. В суровых сердцах горцев он будил высокую нравственность, братские чувства... Влияние шейха Мансура на народ было настолько сильным, что, следуя его просьбам, люди прощали друг другу взаимные обиды, оскорбления, многие кровники мирились. Посвятив себя религии, утверждению ислама, нравственному самосовершенствованию,

Мансур вел уединенный образ жизни, показываясь лишь изредка на людях. Все это создавало вокруг него ореол таинственности, мифичности». ^[637] Мансур, конечно, не брал в заложники больных и детей, не прятался за юбки женщин, не убивал мирных жителей, не взрывал дома сограждан, не занимался поборами и грабежами, не вел работорговлю, не находился на содержании у чужеземных спецслужб и стран.

Защитники независимости могут вспомнить слова Августина из трактата «О граде Божиим»: «Почти всем народам каким-нибудь образом прозвучал голос природы, так что они менее склонны покоряться победителям, нежели подвергаться всевозможным опустошениям». Попытка учредить независимую Ичкерия – тем не менее нарушение международных правовых норм. «Отец международного права» Гроций писал, что при отчуждении части государства требуется согласие каждой части, об отчуждении которой ставят вопрос. Он оправдывал отделение только в крайних случаях, говоря: «Так, в свою очередь, и любая составная часть не имеет права отделяться от тела, если только иначе она не может сохраниться». ^[638] Он писал во времена попыток Нидерландов отделиться от Испании. Но в XVII в. провинции были самыми развитыми в экономическом, культурном, торговом отношениях. Кавказ – иное дело.

Корни нынешних событий лежат глубоко. Ведь и раньше Российскую империю пытались расшатать и уничтожить разные силы: автономисты, «кавказцы», бродячие инородцы, «Союз достижения равноправия евреев». Причем, «слабые национальности» Польши, Прибалтики, Кавказа и т. п. пытались не столько добиться прав и свобод, сколько уничтожить, расщепить русское ядро, культуру, разрушить Империю. Польский депутат в I Думе А. Ржонд с явно злым умыслом натравливал малые нации на Русский народ: «У нас есть принцип покровительства слабым национальностям, посмотрите – щепки летят от евреев, кавказцев, литовцев, латышей и армян, у нас есть великая славянская идея – и все тюрьмы заполняются польскими и украинскими учителями!» Обе стороны проявляли тогда нетерпимость и национализм. Хотя и факты русификации населения окраин России имели место. Так, ущерб нанесли союзу славян не всегда справедливые гонения на братьев-украинцев. Под жестким лозунгом «Кто не православный – тот нерусский» (в Галиции)

выселялись униатские священники, запрещали чествование 100-летия со дня рождения Т. Г. Шевченко (в феврале 1914 года), проводили изъятие украинской литературы из народных библиотек и школ, в Киеве в 1915 г. были запрещены 15 газет и журналов (по обвинению в пронемецкой деятельности), а известного деятеля украинской культуры Грушевского «упекли» в Сибирь. Приводились примеры увольнений, высылка за ношение национальной одежды, употребление своего языка украинцами и т. п. Менее жестко осуществлялась дискриминационная политика в отношении евреев. Их выселяли в годы войны из Курляндской области и Прибалтики, считая ненадежным элементом. А они в ответ заселяли столицы. Хотя к ним и у славянского населения были серьезные претензии. С мест неоднократно шли жалобы на жестокие притеснения местного люда арендаторами-евреями (Бессарабия, Украина, Подольщина, Прибалтика). Депутат Андрийчук от имени избирателей ясно «обрисовал эксплуататорскую роль евреев в Подольской губернии, где те нагло обогащались за счет других слоев населения: «Нельзя продать пары волов, не заплатив еврею 5 руб. Земля благодаря им вздорожала. Жить в России, благодаря евреям, стало невозможно: крестьяне стали выселяться в Сибирь». Между политиками возникла и личная неприязнь. Еврейские политики ненавидели патриотов, а Пуришкевич покидал в ответ зал заседаний в Думе, стоило на ее трибуну взойти еврею И. Фридману. Эти признаки неравноправия (включая притеснения казахов – 4,5 млн. казахов были лишены избирательного права) не позволяют нам закрывать глаза и на такое обстоятельство, кажется, ныне забытое теми же национальными элитами: уже тогда среди притесняемых народов главным был и русский трудовой народ. В газете «Казах» лидер национального движения А. Букейханов открыто писал (1913): «...в Думе из 442 депутатов только 40 или 50 человек представляют русских мужиков. И кому какое дело до какого-то малочисленного, разоренного и невежественного казахского народа, когда есть такое пренебрежение к мужику, на котором держится все Царство Российское?! Захотели – и выставили из Думы». ^[639] Эти порядки губительно влияли на положение, расшатывая устои Империи. С другой стороны националист Марков– 2, обращаясь к представителям народа Кавказа, заявил при обсуждении «кавказского вопроса» (1909): «...не надейтесь на автономные республики, их не

будет, ибо русский великий, мощный, богатый народ живет, и жизнь его так могуча, что перед нею ваши, хотя и почтенные, но мелкие жизни должны ступать». Эти настроения толкнули многих аборигенов в революцию. Болезненное самолюбие Востока известна. Пока Империя казалась сильной, все обходилось. Мелкие нации побаивались ее. Сами жили в мире и к нам относились дружески. К тому же, на рубеже XIX–XX вв. процесс национальной идентификации у малых наций едва вышел на авансцену истории, а известный лозунг Мадзини «Каждой нации – каждое государство» не обрел массовой притягательности. Но к 1914 гг. национализм стал гораздо агрессивнее и опаснее.

Западный культуролог Э. Хобсбаум в работе «Нации и национализм» утверждал, что сова Минервы, несущая мудрость, кружит над нациями и национализмом, и это, мол, «добрый знак». [\[640\]](#)

Но в случае с Ичкерией не сова, а гриф-стервятник кружит над полями и горами, усеянными трупами... Бандиты превратили святой клич свободы в орудие чудовищного преступления против народов всей России. К сожалению, и темная масса чеченцев поддавалась на эту уловку. «Предупреждала Библия о сроке, когда придут на Землю лжепророки». Рано или поздно Ичкерия, привыкнув веками жить разбоем и грабежом, напала бы на ослабленную Россию. Условия этому способствовали: прекращение притока «дани» (дотаций) из России и готовность ряда стран Запада и Востока оплачивать этих бандитов. Народ же клюнул на наживку.

Физиономии разных народов

Вот и все. По данным Контрольной палаты России для погашения наших якобы «долгов» Чечне из федерального бюджета изъяли 11 триллионов рублей, которые были позарез нужны России. В Москве открыто работали банки, финансировавшие бандитов. Деньги шли на покупку оружия для убийства русских воинов, на взрывы домов в России. 20 миллионов тонн нефти уходило из России в Чечню через черную дыру, принося 6–7 миллиардов долларов в год бандитам Чечни и России. Еще большую прибыль, чем продажа чеченской нефти и рабов, давала торговля наркотиками. То, что происходило в Чечне эти годы, иначе как национальной катастрофой и трагедией назвать нельзя. Итоги воцарения режима Дудаева-Масхадова-Басаева видны из неумолимых и жестоких цифр. Две трети населения республики стали беженцами или вынужденными эмигрантами, в Чечне 74 тысячи инвалидов (в том числе 19 тысяч детей), 2 тысячи слепых, 1,5 тысячи глухонемых, 3,4 тысячи полных сирот, осталось без крова 35 тысяч семей, то есть 210 тысяч человек. В республике не работали школы и детские сады, осталось несколько больниц. Чечня в развалинах. Как заметил Махмуд Эсамбаев, «нет ни страны, ни народа». Фактически страну между собой поделили 157 банд. По данным Секретаря совета безопасности РФ С. Иванова, бандиты удерживали в рабстве 70 тысяч человек, изгнав сотни тысяч русских (с 1996 по 1999 гг. они казнили тысячи русских, грабя, убивая, захватывая дома и земли). Тысячи людей похищены с целью продажи. Масхадов имеет состояние в многие миллионы долларов, а село Масхадова остается одним из беднейших в Чечне (там нет даже электричества). В Ичкерии процветают фанатизм, зверство и рабовладение... Иных несчастных рабов замуровали в бетон живыми. Кто еще не видел «каменного века» в 3-ем тысячелетии, пусть посетит Чечню. Если мир узнает правду о зверствах этих бандитов, он содрогнется. Говорят, что чеченцы некогда по числу лиц с высшим образованием на тысячу граждан занимали первые места в России. Очередная лживая сказка. Отчего же «умные» вайнахи и чечены обрекли на гибель народ? Как допустил Аллах, чтобы они резали своих учителей-русских, как баранов, удерживая в рабстве и кандалах по 10 лет? Дудаев заявил, что абреку хватит и трех классов, а девушкам Чечни вовсе не надо учиться! Стоило русским

открыть для детей Чечни школу, как «воины ислама» тут же подожгли ее. «Новые султаны» Ичкерии или Кавказа (а многие из них в прошлом партийные и комсомольские вожди, «интернационалисты») смотрят на русских людей, как на рабов или наложниц. С чумой ичкерийства и ваххабизма надо кончать. Переговоры с убийцами губительны для России. Уничтожать бандитов, как крыс. В плен брать – дело портить. Бандит, у которого руки по локоть в крови, хорош в гробу. Работать не будет, трудиться не может, не хочет, не умеет. Вероломство чеченцев и ингушей проявилось в годы Великой Отечественной войны: многие отказались тогда воевать с фашистами (63 процента призыва) и даже активно помогали немцам. Сталин в чем-то, вероятно, был прав: «Если враг не сдается – его уничтожают».

П.З. Захаров. *Генерал А.П. Ермолов. 1843*

Чечня сделала все, чтоб разрушить российскую цивилизацию, ставя наш народ на грань полного уничтожения. Кавказ скатился в XV в., в эпоху рабовладения. Бандитам уже было мало Чечни, они хотят распространять свои порядки на пол-Азии, на юг России. Вахабизм – это дикость. Согласно их закону, воин ислама может что угодно сделать со своим пленником или пленницей (убить, заковать, продать или сделать рабом). Философ Соловьев писал по этому поводу: «Божество в исламе является абсолютным деспотом, создавшим по своему произволу мир и людей, которые суть только слепые орудия в его руках; единственный закон бытия для Бога есть

его Произвол, а для человека – слепой неодолимый рок».^[641] Оно и стало деспотом. Р.Абдулатипов пишет, что во время войн, которые вел Шамиль с русскими ислам был прогрессивен. В одном он прав: тот наказывал воинов за жестокое отношения к русским, говоря: надо подавлять «низкое в себе».^[642]

Время показало: ослабление русской нации, уход Русского народа от кормила власти, перехват этой власти у него на всех уровнях малыми нациями (якобы обиженными и угнетенными) привело к угнетению, эксплуатации русских и других рядом «избранных», малых этносов. Это – знак общенациональной катастрофы. И методы тут нужны ермоловские... Читаем в «Записках»: «Желая наказать чеченцев, беспрерывно производящих разбой, предложил выгнать их с земель Аксаевских. При атаке сих деревень, лежащих в твердых и лесистых местах, знал я, что потеря наша должна быть чувствительною, если жители оных не удалят прежде жен своих, детей и имущество, которых защищают они все отчаянно, и что понудить их к удалению жен может один только пример ужаса. В сем намерении приказал я Войска Донского генерал-майору Сысоеву окружить селение Дадан-юрт, лежащее на Тереке, предложить жителям оставить оное, и буде станут противиться, наказать оружием, никому не давая пощады. Чеченцы не послушались предложения, защищались с ожесточением». Итог этого боя был ясен и понятен: все, бывшие с оружием, истреблены (не менее 400 человек). Ныне патриоты-мусульмане должны встать на защиту России. Хватит нашей кровью крепить державу. Пусть чечены искореняют своих бандитов. «Казнить, нельзя помиловать» (Тынянов). Обманутым надо объяснять, где их родина и что такое ислам. Сказал же пророк Муххамад: «Любовь к Родине – частица твоей веры».

Нет, не слетит счастливою звездой
С небес желанная Свобода...
Прольется прежде кровь народа:
Ее поток – горячий и густой —
Откроет дверь в иное время года...^[643]

Понятно негативное отношение подавляющего большинства народов России к «чеченам» (после всех их ужасов и зверств). Порой можно услышать и суровый приговор: «Вы писали на стенах «Исламского университета» в Урус-Мартане – «Рай под тенью сабель!» Мы скажем, что вы создали в эти годы в «независимой Ичкерии». Вы создали ваххабитский фашизм, преступное рабовладельческое государство! А еще вы вознамерились распространить эти дикие порядки на часть России, на весь Кавказ! Вы взрастили выроdkов, убийц и недоумков, не знающих труда и алфавита, отвыкших от любой умственной и созидательной работы (при попустительстве иудеев в Кремле). Вы – племя вурдалаков, хищно питающихся кровью невинных жертв! Вы даже калеку не жалеете и берете в рабство, требуя с него 3 млн. долларов. Вы – самые гнусные, самые рабские и подлые натуры на земле, ибо вернули в мир исчезнувшее всюду рабовладение. Истинная же свобода требует дисциплины, ума, чести, труда, уважения к другим людям и их правам! Немецкий философ Кант писал: «Идея свободы делает меня членом умопостигаемого мира». Вы поняли, исчадия ада? Мира, где есть ум и необходимость с его помощью постигать законы человеческого сообщества. Вы же понимаете лишь один звериный, жестокий закон – Закон меча, огня, рабства и кандалов. И не волки вы (те благородны и умны), а обезумевшие шакалы. Вы подняли меч не только против русских, но против законов человеческих, против Христа и Аллаха, против правил самой Жизни. Вы – изверги рода людского. Вас хоть сто лет пои, корми, лечи и учи, вы все равно (при первом же удобном случае) станете оборотнями и будете продавать в рабство тех, кто вскормил вас, пригласите на свадьбу русского в качестве шафера – и отрежете ему голову. Честь и совесть вам чужды. Вам нужен Сатрап, чтобы ваши же вожди все не разворовали, отняв больницы, школы, университеты, кусок хлеба у своих детей. Созданный вами рай больше похож на ад. Потому он и должен быть стерт с лица земли, как город Грозный... Город-призрак, город-скелет, превращенный в город мертвых дикостью, алчностью и вашим безумием, останется вечным напоминанием будущему. Отпетых бандитов явных или скрытых уничтожать поголовно. Смерть за смерть. Пусть еще триста лет ездят на ослаx и ишаках. Ни рубля на восстановление их городов. Не

Сталинград же! Снова все украдут. Восстановление начать, когда падет последний бандит. Важнее восстановить град Петербург!»

Каждый этнос, клан, народец, тейп захотели нынче править и властвовать сами, вовсе не думая о единстве России, грозя сепаратизмом, выходом из состава России. Эти черты заметны у лидеров Урала, Поволжья и Сибири, у иных князьков Азии, Кавказа, у ханов Калмыкии. В Татарстане и Башкортастане заигрывают с ваххабизмом. В Ингушетии бандиты свили гнезда. Каков народ, такова и власть. Как же они дошли до жизни такой? Казалось, умные мусульмане сто лет тому назад понимали, кому выгодна война против русских. Исмаил бей Гаспринский писал (1896): «В сфере политической это стремление Запада видно совершенно ясно и рельефно. Презрение... и противодействие ей (России) в последние два века не что иное, как следствие необходимости движения Европы на Восток. Этим же... объясняется политика Европы, начиная с Карла XII с Петром Великим и кончая последними беспорядками в Армении... Этого мало – Европа в лице англичан, обогнув Восток, уже становится поперек интересов России на юге Азии, в Афганистане и на плоскогорьях Памира. Действуя то против России, то против мусульман, европейцы в том и другом случае извлекают выгоду и идут вперед... Если же посмотреть, с какой бессердечностью Европа угнетает весь Восток экономически, делаясь зверем каждый час, когда дело коснется пенса, сантима или пфеннига, то становится очевидным, что Востоку нечего ждать добра от Запада. На мой взгляд, ни Европейский Запад, ни монголо-языческий Восток не могут, а следовательно, и не будут питать добрых чувств к народам, занимающим центральные области восточного полушария. Если грядущее монголоязыческого мира может казаться темным и гадательным, то задачи и стремления живого, цивилизованного Запада обрисовываются отчетливо. Сеять недоверие и вражду к России среди мусульман, выставить ее истребителем и беспощадным врагом ислама и западной культуры – прямой расчет европейцев. Они ловко и систематически эксплуатируют... недоразумения в отношениях между мусульманами и русскими. Недоразумение это роковое и чрезвычайно выгодно для Европы. Грабить экономически весь Восток, держась на дружеской ноге, и ослаблять Россию периодическими войнами с мусульманами, снаряженными и вооруженными западными

друзьями, – вот политика, от которой Запад во всяком случае ничего не теряет, ибо даже освобождаемые Россией мелкие народности, родственные ей,... тянут свои ручки к Западу, пока не нужна помощь мощной братской России».

[644]

Кавказ – центр схватки сотен властителей, интересов и вер. Здесь царствовали сильнейшие. Ну а как же Толстой, Ганди и Торо с их идеями непротивления злу и насилию? Вон американский гуманист Г. Торо писал: «Одoleвайте зло силою добра». Благие, но пустые фразы! Поэтому в реальной жизни он воспел борца против рабовладения Брауна, назвав «ангелом света» того, кто физически истреблял рабовладельцев в США. Древнеиндийский афоризм гласит: «Сострадание правит миром». Ганди писал, что Лев Толстой вернул ему веру в истину ненасилия. Но Индия тем не менее имеет сегодня одно из самых жестких законодательств, карающих смертью всех террористов и убийц.

Россия мирным народам не мстит – в том ее мудрость и нравственная сила, суть прочности, которую не могут сокрушить враги! Говорят, что есть бандитские правительства, а бандитских народов, якобы, нет и быть не может. Некая доля истины в словах Гюго есть. Бандит – не национальность, не профессия. Однако некоторые народы сделали бандитизм профессией («абреки»). Поэтому снимать с них вину не стоит. Вина эта велика! Все несут историческую ответственность. А как же?! Не сумели немцы в 20-е и 30-е годы разглядеть, кто скрывался за маской Гитлера – вот и обрекли Германию, Европу, да и весь мир на смерть и разруху! Допустили русские приход к власти Горбачева, Ельцина и Гайдара, их бандитские кланы – заплатили откатом страны на 30–50 лет назад! Стали в XX веке сионисты в России ударным отрядом геноцида русского народа – заплатят. Сделали туземцы Европы, Прибалтики, Украины неонацизм, политику ненависти к России, стержнем цивилизации – получают жесткий и болезненный отпор. Привел народ Чечни вырождаков и недочеловеков к власти: убивал, поддерживал бандитов хлебом, жилищем, оружием, держал людей в рабстве; пляски своих стариков, жен, матерей, детей устраивал у отрезанных голов – должен понести наказание.

Пусть диаспора платит за восстановление Чечни. Карлейль хвалил Русских за то, что выравнивают окружившую их дику Азию. Своим

мужеством они напоминают великих римских воинов прошлого. «Да, я думаю также, что и молчаливые Русские чего-нибудь да стоят: разве они даже и теперь не воспитывают, несмотря на всяческое порицание, огромную полуварварскую половину мира, ...приучая их к порядку, к подчинению, к цивилизации поистине древнеримским способом: не говоря обо всем этом ни слова; спокойно слушая всякого рода порицания, высказываемые разными Ответственными Издателями!»^[645] Цели же врагов нам понятны: изгнать русских с Кавказа, из Азии, оттеснить от Каспия. Поэтому на южном подбрюшьи России и создается дуга мусульманской нестабильности... Еще до нападения на нашу страну фашистами был разработан знаменитый план «Ост», автором которого считают доктора Абеля. Вот как этот фашист видел пути реализации сверхзадачи по уничтожению России и Русского народа, ее сердцевины и опоры. Он писал: «Речь идет не только о разгроме государства с центром в Москве. Достижение этой исторической задачи никогда не означало бы полного разрешения проблемы. Дело заключается... в том, чтобы разгромить русских как народ, разобщить их. В таком случае можно идти разными путями. Прежде всего, надо предусмотреть разделение территории, населенной русскими, на различные политические районы с собственными органами управления, чтобы обеспечить в каждом из них обособленное национальное развитие... В целом в отдельных центральных областях России политика отдельных генеральных комиссариатов должна быть направлена по возможности на разъединение и обособленное развитие этих областей. Нет сомнения в том, что такое административное дробление русской территории и планомерное ослабление отдельных областей является одним из средств борьбы с усилением русского народа».^[646] Сталин о планах Гитлера сказал: «Рвется любой ценой к грозненской нефти». Сегодня исламский фашизм и Запад рвутся к подбрюшью России. Цели тайных планов – не только большая нефть региона (Чечни, Каспия), но и захват путей и военных плацдармов. Русофоб и старый член еврейской масонской ложи «Бнай Брит» З. Бжезинский в книге «Геостратегия для Евразии» несколько лет назад заявил: «Россия будет раздробленной и под опекой». Ему вторил Клинтон. Угрожала и Олбрайт: «Россия поплатится за Чечню, попав в международную изоляцию». В журнале «Форин эфэйрз» помещена карта «Конфедеративной России». Россия

представлена на ней жалким лоскутным образованием, состоя из Европейской части, Сибирской, Дальневосточной республик. Приморье должно будет отойти к «Великому Китаю», Южные Курилы – конклаву «США-Япония», Северный Кавказ, Калининградская область, северная столица Петербург – так называемой «Атлантической Европе» (судя по всему, странам-участникам НАТО). Хотят во что бы то ни стало вытеснить русских из Закавказья, создав там базы НАТО и нацелив ракеты на города России! Известен и вопиющий факт подготовки минеров-взрывников англичанами, которых нежно, любовно охраняли головорезы Масхадова. Диверсанты под маской международной гуманитарной организации «Хэйло-Траст» обосновались в Тбилиси, Сухуми, Гали. Две тысячи бандитов прекрасно чувствуют себя за спиной Шеварнадзе. Поэтому и зачастили сэры-пэры, лорды-морды и гады-джадды. Скоро слово «сэр» стану произносить, как Э. Гофман, – с ненавистью. Сдадим Чечню – посыпется вся Россия. Известная стратегия домино. Русская широта и доброта хороши и важны, но только «за гранью дружеских штыков».

Но мудрые русские готовы подавить священный гнев – и вот в Грозном появился свет! Пока в горах и лесах Чечни обезумевшие бандиты завершают последнюю «пляску смерти», в русском поселке с певучим названием «Снегири» чеченские юноши и девушки, наследники великого танцора Махмуда Эсамбаева, возрождают «пляску жизни». Кадыров, Ильясов, Гантамиров и другие потихоньку стали налаживать жизнь внутри Чечни, создаются рабочие места. Это трудно, ибо за 10 лет «свободы» люди там отвыкли от нормального труда. Диаспора Чечни в России равнодушно взирает на вырождение своего племени. «Патриоты». Кавказу пора понять: его сделали пешкой в игре без правил. Запад не позволит им быть свободными от России, не ведя против нас постоянной агрессии и войны. Случись раскольникам типа Дудаева, Масхадова, Басаева, иным получить права экстерриториальности и независимости (как того требует от нас Запад), России потребуется две-три армии и век борьбы. Жизнь жестко диктует: если не хотим новой 100-летней войны – надо добивать гадину в ее берлоге. «Охота на волков» должна завершиться полным и безжалостным уничтожением всех тварей, чтобы летописец написал с годами об этом так: «И престало время бандитов-чеченцев по всему Кавказу – и наступило время Русских!» Власть на Кавказе закрепить

постоянным присутствием наших войск. Хотя число их не должно быть чрезмерно. Передозировка «лекарства» вредна для живого организма.

Карта территориальных претензий к России

С Россией случилось то, что я называю «эффектом национального бумеранга». Порою из уст людей в быту можно услышать горькую шутку: «Ни одно доброе дело не должно быть не наказуемо». Как раз именно это и произошло с нами. Попытки принести знания, образование, культуру тем, кто еще вчера пребывал в диком мраке и невежестве, благородное стремление оказать покровительство слабым (до или после 1917 г.) привели к обратному результату. В СССР утвердился режим гнета и подавления русских малыми нациями – по мере их взросления и приближения к состоянию «цивилизованности» (как они это сами понимали). Итог же интернациональной политики Советов печален. Об этом молчат ученые, писатели и журналисты в России, молчат, набравши в рот воды. Правда, провидец Розанов давно еще как-то заметил, что малые нации все норовят «ужалить» бедную Россию. «Жалит ее немец, жалит еврей, жалит армянин, литовец; разворачивая челюсти, лезет с насмешкой хохол». Есть и такие с позволения сказать русские (лжерусские), что норовят наступить грязным «сапожищем на лицо бабушки-Родины». Ныне нас жалит бандит-чеченец, бандит-араб, бандит-ингуш, бандит-прибалт и т. д. А на Кавказе фактически идет битва против международной Антанты, неприкрытая агрессия против России.

Но ведь Н. Рерих утверждал, что будущее – за Востоком?! На лике восточных племен виделся ему «вдохновленный иероглиф наступающей эры». А девизом у Г. Торо были слова «Свет с Востока» («Ex Oriente

lux» – *лат.*). Мудрый политик не станет никогда слепо молиться ни на Запад, ни на Восток, ни на Север, ни на Юг. «Вдохновенный иероглиф Востока» оставил не один рубец и уродливый след на прекрасном лице любимой России. Когда-то, еще в середине XIX в., русский консерватор М. Катков очень точно заметил, что если бы утопические чаяния иных народов вдруг мгновенно возвратили бы всех их в то состояние, которое кажется им «желанным и чудесным», но из которого в действительности лишь «таким тягостным трудом вырабатывалось человечество», наступила бы жуткая катастрофа. Вместо исцеления недуга мог бы исчезнуть и «самый организм». В таком народе или стране «насильственный передел собственности возобновил бы все варварство завоевания, воскресил бы эпоху переселения народов, и человечеству предстоял бы старый путь...». [\[647\]](#) Как видим, именно это и произошло не только в Чечне, но в Грузии, на Украине, в Молдавии, да и на территориях иных республик в самой России.

Хватит жить представлениями о славном интернациональном прошлом. СССР был когда-то могуч. Его боялись. Человек на Востоке уважает силу. Винить его нельзя. Закон сохранения вида в суровых и жестоких условиях. Он так воспитан был историей, хотя в застольной беседе он же с восточно-змеиной хитростью поведает вам милую легенду о «чудо-косынке», брошенной женщиной между враждующими семьями (после чего, словно по волшебству, всюду наступят мир и согласие). Но вы-то должны понимать, что это легенда, миф, не более. Жизнь – это почти сто лет кровавой резни Шамиля и тысячи лет кровной мести. После «славной эпохи интернационализма» нации забыли все хорошее. К сожалению, оказалось, что интернационализм – не панацея, а бомба замедленного действия.

Национальные области, что всегда стояли и стоят на дотации центра, пытаются шантажировать Россию. В Адыгее три четверти населения русские, а высшие командные посты находятся в основном в руках у адыгейцев (из 52 высших чинов республики 18 – русские, в парламенте – «равное» представительство, а из 60 педагогов в университете русских – 18 человек), хотя 50 процентов бюджета республики формируется за счет России. Не мудрено, что они стали вести себя, как князьки, по сути дела выгнав представителя президента России («нам он не нужен!»). В самом богатом ауле Адыгеи, в вотчине

президента А. Джаримова, открыто действовал рынок русских рабов. Бандитов принимают с улыбками и объятиями, делают советниками, а русским говорят: «Вон из Адыгеи!» Такое же соотношение сил в Якутии, где якутов треть населения, но вся власть у них! Эти признаки крайней несправедливости по отношению к русским видны повсюду. Схожие настроения и нравы проявились в других республиках, краях и округах. В Усть-Ордынском Бурятском автономном округе живет 55 процентов русских и 37 процентов бурят, при этом из 38 руководителей окружных и федеральных ведомств было 31 бурят и лишь 7 русских (1996). Приводят аргумент: «более высокий» уровень образования. Хотя недавно у них его не было вовсе. Выучили на свою голову!? Обучали националов, потокая их амбициям, давая им степени, звания, главное – места во власти и без счета. Таких господ немало. Хотя есть и мудрые просвещенные сыны ислама (прежде всего верховный муфтий шейх-уль-ислам Талгат Таджудин, с отличием окончивший знаменитое медресе Мир-Араб в Бухаре, Каирский мусульманский университет Аль-Азхар, чье имя, как одного из лучших шакирдов, высечено на камне). На другой стороне – господа типа Ниязова, у которого фальшиво все (и титул, и вера, и фамилия). У кого ислам, а у кого один срам.

Парадокс... Умную, грамотную, техничную, квалифицированную работу делают русские, а их хозяевами оказываются иные... Вспоминается, как председатель Совнаркома Рыков признал в 1927 г., что РСФСР является наиболее отсталой по оплате труда кулработников (и не только) в сравнении с Украиной и Закавказьем. Но это, мол, правильно, дабы не распространять «великорусский шовинизм»?!. Что же, нам отплатили сторицей. Друзья, а может быть мы просто развратили «аборигенов»? И все должно быть наоборот!? Мы уже не хотим больше быть «подстилкой для целого ряда маленьких национальностей, желающих на нашем теле разлагаться и захватывать над нами власть» (М. О. Меньшиков). Умные русские должны бы всюду возглавить власть, экономику и силовые ведомства при активном участии местных. Россию – под контроль русских генерал-губернаторов. Понаплодили президентов, ядрена вошь. В Приморье мафия ворует на глазах у всех, запрещает выборы, игнорируя закон. В масштабах невиданных воруют лесные, морские и прочие богатства России. Ингушские бандиты завладели золотым

промыслом Приморья. Водочная мафия Осетии опутала сетью республику. Грузинские националисты изгнали 350 тыс. русских из Грузии, зато приютили 7 тыс. чеченских бандитов. Кавказ охватило безумие суверенитетов. Конечно, можно вернуть им череп Хаджи-Мурата, но прибавит ли это мудрости в черепа нынешних соотечественников? Не говоря уже о том, что эта «свобода» не даст горцам нового Льва Толстого, автора «Хаджи-Мурата».

С исчезновением страха выплеснулись амбиции, зависть, алчность и дикость. У поэта-эмигранта Г. Иванова есть такие строчки: «Россия тишина. Россия прах. А, может быть, Россия – только страх». Конечно же, это далеко не так. Но ведь и страх Божий обязательно должен пребывать в народах и правящих элитах. Когда исчезает страх, то исчезает и разум. Хотя все главные разрушители СССР уже сидят на Западе, им охотно подыграли сотни наших партийных баев, ханов и князьков. США режиссировали развал, затратив миллиарды на поддержку «пятой колонны». Трагедия народов произошла и потому, что «элиты» с ясной головой пошли на обман. Будь вожди в Кремле умнее, честнее, наконец, мужественнее, приняли бы китайский вариант. Но они были эгоисты, воры и трусы, более радевшие об устройстве их судеб и мечтавшие о капитале.

Последние 15–16 лет нашу Россию предавали и продавали все элиты: политики, дипломаты, генералы, губернаторы. Страна – в границах XVIII в. (на Кавказе – как в начале XIX в., а на Западе – там, где была в 1645 г.). Мы уязвимы для любой локальной агрессии, любого набега. Народ России привели к невиданной катастрофе: богатейшая держава мира на 40 процентов зависит от импортных продуктов; критический порог падения производства составляет, по оценкам, 30–40 процентов, у нас же он уже превысил 50 процентов – реализован план деиндустриализации страны. Уровень безработицы превышает предельно допустимый в полтора раза, фактически за чертой бедности и нищеты живет 50 процентов населения; из 43 миллионов детей школьного возраста 3/4 живут в полной нищете. Такой несправедливости не видывала Русская земля, пожалуй, за всю свою историю. В немыслимой роскоши купается 10 процентов населения (у иных журналистов гонорары достигают 1 млн. долл.), зато все остальные люди едва сводят концы с концами. Социологи говорят, что 15 процентов россиян доведены до полного отчаяния,

поставлены на грань гражданской войны. Правящий класс ощущает неуверенность, почти животный страх. Сталин всех взял бы в одну ночь, привез мафию в цепях, а тех, кто замечен в бандитизме, ликвидировал бы физически в течение месяца! Такая система власти понятна, разумна, эффективна. Восстал против русского царя, занялся разбоем, грабежом – голову долой. Проворовался – расстрел или (как милость) бессрочная каторга, даже если ты начальник. В понимании людей это и есть «народная демократия»! Мы против тирании. Жестокость не свойственна русскому сердцу. Силы оружия тут недостаточно. Надо бы воспитать новые, мудрые, культурные поколения, не забывая о призыве Тютчева спаять единство российских народов любовью. Мир узреет великую Россию! Все это возможно только при условии, если русские стальной хваткой возьмут власть в союзных республиках, сочетая государственную дипломатию, экономику, силу и любовь. Удел евреев, писал Кафка, провоцировать ненависть. Удел русских, – воспевать и защищать любовь, хотя сегодня чаще приходится защищать ее огнем и мечом.

Хочу любовь провозгласить строною,
Чтоб все там жили в мире и тепле,
Чтоб начинался гимн ее строкою:
«Любовь всего превыше на земле».

Чтоб гимн прекрасный люди пели стоя
И чтоб взлетала песня к небу, ввысь,
Чтоб на гербе страны Любви слились
В пожатии одна рука с другою.

Во флаг, который учредит страна,
Хочу, чтоб все цвета земли входили,
Чтоб радость в них была заключена,

Разлука, встреча, сила и бессилье,
Хочу, чтоб все людские племена
В стране Любви убежища просили. [\[648\]](#)

Когда-то идеолог Евразии П. Савицкий (1895–1968) утверждал, что Россия и Евразия, как он полагал, стоят перед своим самораскрытием и перед своей исторической миссией. Но что же помешало воплощению в жизнь этой миссии? Савицкий считал, что виновата элита России: «Правящий слой (правительство и интеллигенция) дорого расплатился за свою науку у Европы, необходимую для самого существования России, ибо Европа технически ее опередила и ей угрожала. Этот слой настолько европеизовался, что почти потерял свою русскую душу, не приобретя, впрочем, и европейской. Он сохранял русские свойства и даже часто специфически русские дарования, но без организующей их русской идеи. Русское Православие, как принцип евразийско-русской культуры, сменилось или недейственной, бледной и мнимой общехристианской и даже общечеловеческой религией, или европейским религиозным индифферентизмом, или европейским же рационалистическим сектантством, религией человечества и социализма. При таких условиях правящий слой был не в силах даже для себя самого оправдать евразийско-русскую идею. Но он не мог ее и как следует понять. Россия-Евразия представлялась ему как культурно отставшая часть Европы, и, болезненно стыдясь и вечно сомневаясь, он всячески старался доказать себе и европейцам свою «культурность» и предлагал Европе свои вредные или ненужные для России услуги. Естественно, что между ним и народными массами сначала установилось взаимное непонимание, а потом разверзлась непреодолимая пропасть. Он оторвался от взрастившего его народа, встал к нему во враждебные, хотя у интеллигенции долго считавшиеся народолюбством, отношения и, не питаемый здоровыми народными соками, стал засыхать или разлагаться. Однако и здесь поразительной оказалась сила политического единства. Оно держалось вопреки полной негодности правящих. Его не уничтожили ни война, ни преступные эксперименты... Из невероятных потрясений Россия-Евразия выходит не потрясенной и обессиленной, не усталой, а обновленной и полной рвущихся наружу сил. Это что-нибудь да значит».^[649] Безусловно, значит. Думаю, на начало XXI в. мы уже прошли нижнюю точку падения, готовясь начать восхождение.

Н.К. Рерих. *Грядущее. Великий всадник*. 1927

Примером плодотворного культурного сотрудничества России и Востока была деятельность выдающегося деятеля русской и мировой культуры Н. К. Рериха (1874–1947). Он всегда выступал против идей «европоцентризма» и известной киплингвской концепции – «Запад есть Запад, Восток есть Восток», считая деление цивилизаций на западные и восточные ошибочным. «Где Восток и где Запад? После Азии вы приезжаете в Грецию и чувствуете мудрость Востока; вы прибываете в Италию – и та же мудрая романтика проникает в вас; Корсика, Испания – в этих местах сохранилось до сих пор что-то от великого Востока. И знамена Фердинанда и Изабеллы близки к марокканским орнаментам. Вы прибываете в Нью-Мехико, и на просторах этой прекрасной страны опять звучит гимн Востоку; и вы знаете, что в Мексике, на Юкатане, во всех замках Южной Америки – та же самая нота великой поэмы, великого видения, великой мудрости звучит повсюду». ^[650] Во время путешествий он не раз убеждался, что Россия, находящаяся на стыке двух культур, некогда собою Восток и Запад сопряжет.

Быть может, и Россия, говоря словами Герцена, является двуликим Янусом с единым сердцем? Мы должны смотреть не только на Запад, но и на Восток, где находятся Индия, Корея, Китай, Япония. Как писал китаист В. Алексеев: «Изучая Восток, европеец делает это, не учась у него. И в этом, по-моему, и лежит основа нашего многовекового непонимания и незнания его». Китай порой называют «центром Поднебесной». Страна сумела умно и толково перенять лучшее как у СССР, так и у Запада. Ранее мы посвятили немало страниц великому народу, как и народам Египта, Греции, Италии, Индии, Кореи, Ирака, Ирана. Опыт их также интересен для России. Скажем, почему Китай преуспел, а мы терпим поражение? За китайцами – древняя цивилизация. Она и придает силу, мощь и мудрость лидерам. Главное же: в Китае всем заправляют китайцы, а у нас – русофобы, чуждые духу народа. Лидерам новой России не мешало бы обратиться к китайской «Книге Перемен». Можно найти ответы и на то, как выйти из ситуации упадка. Во-первых, надо найти единомышленников сильной России. Такая коллективность интересов может спасти положение. Надо ее сохранять и поддерживать. Вместе легче преодолевать последствия заблуждений и катастроф, облегчать бремя забот, находить путь к истине. Во-вторых, с помощью активных действий патриотов России нейтрализовать влияние сил тьмы, выдающих «подобие истины за самую истину». В самом факте полнейшего провала «западнических реформ» вижу истоки скорого возрождения. В-третьих, как гласит «Книга Перемен», и в России должен явиться великий человек, «который в состоянии приостановить процесс упадка». Для этого он должен найти прочную опору в народе, который освободился от иллюзий. Успех дела возможен при двух обстоятельствах. Первое: если его конструктивная деятельность пойдет «на благо остальным людям». Второе: если он обладает культурой для усвоения всех богатств окружающего мира и волей к действию. Старый порядок должен быть низвергнут, а корни его ликвидированы. Так говорят гексаграммы Книги.

Наверху сильная черта.

Низвергнутый упадок.

Сначала упадок, а потом радость. [\[651\]](#)

История Китая вполне укладывается в формулу «Сначала упадок, а потом радость». Вот и судьба Мао Цзэдуна (1893–1976), вождя социалистического Китая, служит тому примером. Статью «О классах китайского общества» (1926) он начал с постановки вопроса: «Кто наши враги и кто наши друзья? Вот вопрос, который имеет в революции первостепенное значение. Основная причина того, что в прошлом все революционные бои в Китае приносили лишь очень незначительные результаты, заключалась в неумении революционеров сплотить вокруг себя подлинных друзей для нанесения удара подлинным врагам. Революционная партия – это руководитель масс, и в истории не бывало случая, чтобы революция, которую революционная партия повела по неправильному пути, не потерпела поражения. Чтобы иметь уверенность, что мы не поведем революцию по неправильному пути и непременно добьемся успеха, мы должны заботиться о сплочении вокруг себя наших подлинных друзей для нанесения удара нашим подлинным врагам. Чтобы отличить подлинных друзей от подлинных врагов, следует проанализировать в общих чертах экономическое положение классов, составляющих китайское общество...». Далее вождь Китая выделяет класс помещиков и компрадорской буржуазии, которых он называет вассалами международной буржуазии; сюда же он отнес крупную бюрократию; средний буржуа олицетворял у него капиталистические производственные отношения; особняком стояли крестьяне, мелкая буржуазия, пролетариат. В основном, условия жизни последней группы «день ото дня ухудшаются». И при подведении итогов в конце года они в ужасе восклицают: «Ох, опять убыток!» Как в России!^[652]

Как же вышли китайцы из этого положения? Они выдвинули из недр партии великого «отца китайских реформ» Дэн Сяопина. У нас же так и не нашлось русского Дэн Сяопина (видимо, им мог бы стать Косыгин). Дэн нашел ученых (из числа китайцев), которые обосновали реалистичную программу достижения Китаем к 2050 г. уровня всеобщей зажиточности. Принят лозунг: «Бедность – не социализм!». В СССР так и не нашлось героев, которые бы уничтожили предателей. Так как это сделал великий китайский поэт Синь Ци-цзи, дивный мастер «цы». Когда в их армии, боровшейся с поработителями Китая, оказался предатель Чжан Ань-го, убивший вождя армии Гэн Цзина и перешедший на сторону врагов, поэт во главе пятидесяти всадников

отважно врезался в войско чжурчженей, насчитывающее несколько десятков тысяч человек, схватил Чжан Ань-го, доставил его в стан патриотов и лично казнил изменника. Так должны поступать у нас патриоты с врагами нашей родины. Он писал в одном из своих стихотворений: «Под знаменем своим когда-то в бой я вел полки без страха за собой».^[653] За таким вождем, бесспорно, пошла бы в бой и наша Русская Армия! В России еще немало мужественных людей.

В Китае были целые поколения мыслителей-реформаторов, которые могли подать пример китайцам, хотя с тех пор прошли тысячи лет. Так, Конфуций (ок. 551–479 гг. до н. э.), автор «Лунь юй» («Беседы и суждения»), как вы знаете, одно время занимал высокий пост верховного судьи княжества Лу. При этом князь дал ему полное право преобразования старых положений и введения новых. Фактически он стал вторым властным лицом в княжестве. Вот что рассказали о его судебной деятельности историки. Когда Конфуций вдруг узнал, что некий монополист, держащий на откупе всю мясную торговлю, приобретает задешево гурты скота, а затем втридорога продает его в розницу, он вызвал монополиста в суд. Заметив, что вся тяжесть этой монополии падает на бедняков княжества, он твердо сказал: «Я слышал, что вы один из первых богачей в городе. Мне это было бы очень приятно, если бы вы приобрели свои богатства трудом или честным промыслом; но я слышал, что они приобретены совершенно другим путем. За это вы заслуживаете строгого наказания, которое я, однако, сменяю на милость, но с условием: вы должны возратить народу все, что награбили у него. Возвращение это может быть сделано без ущерба для вашей чести. Из всего вашего богатства вы оставьте себе столько, сколько вам нужно для безбедного существования, остальное же передайте мне. Я сумею распорядиться им как следует. Не оправдывайтесь, не думайте обмануть меня; даю вам несколько дней сроку!..» Откупщик повиновался совету Конфуция. Его богатство пошло на пользу обществу, всем людям под названием добровольного приношения. Но то в Китае! А у нас подобный вор если и отдаст украденное, то только под страхом смерти, высшей меры наказания, – иной язык ему даже и не понятен.^[654] Мы в России (СССР) оказались в чем-то в аналогичной ситуации, о которой Конфуций говорил со своим внуком Цзы Сы (Кунцзы). Однажды, увидя своего деда (Конфуция) печальным, внук, часто внимавший его урокам, сказал:

«Часто я выслушивал от вас уроки, что если отец соберет и приготовит хворост, а его сын не в состоянии нести эту связку хвороста, то его признают выродком и недостойным». Можно сказать, что и у нас в России старшие поколения сынов и дочерей собрали «прекраснейший хворост» ценою великих трудов, невысказанных жертв. Нужна искра, чтобы зажечь пожар созидания. Ужели вы, наследники, как раз и окажетесь «выродками»?! Не верю. Да, сейчас – провал. К слову сказать, ведь и Конфуций явился в Китае «во время общего упадка и распушенности». Понимая, что ему будет трудно найти сочувствие среди сильных мира сего, философ старался, как мог, передать свои мысли потомству для просвещения. Замечу, что и в Китае насчитывалось около 3 тысяч учеников Конфуция, но настоящая суть учения была передана лишь одним. После него появилась уйма ничтожнейших ученых, привыкших стряпать пустые лживые компиляции, занятых выгодным обслуживанием властей (а вы дивитесь нашим ренегатам). Но пришло время – и «Великая наука» («Да-сюэ») Конфуция нашла свой путь к людям власти, которые стали пользоваться ею как «вратами для входа на дорогу мудрости». Самому же Конфуцию в книге Цзин («Главной книге») принадлежит лишь одна глава (а все остальное в труде является комментарием его учеников). Мы приведем оттуда одно высказывание: «Все, что бывает в мире, имеет свою первопричину и производит свои действия. Все дела людские имеют свое начало и свои последствия. Познавать причины и действия, познавать начала и последствия – значит приближаться к тому разумному знанию, через которое достигается совершенство. Древние цари – те, которые желали раскрыть и поднять в своих государствах (народах) светлое начало разума, которое мы получили от Неба, прежде всего старались хорошо управлять своими царствами... Когда углубишься и исследуешь начала и причины поступков, тогда суждения о добре и зле (нравственные познания) достигают последней степени совершенства. А когда суждения о добре и зле (нравственные познания) достигнут последней степени совершенства, то и желания станут чистыми и искренними. А когда желания чисты и искренни, сердце становится правдиво и прямо. А когда сердце правдиво и прямо, то человек исправляется, становится лучше. А когда человек исправляется и становится лучше, то и в семье учреждается порядок. А когда в семье порядок, то и народы хорошо управляются. А когда

народы хорошо управляются, то и весь мир будет жить в мире и прекрасном согласии. От человека, находящегося на самой высокой ступени общественной лестницы, и до человека темного, находящегося внизу, для всех одна обязанность: исправлять и улучшать самого себя; иначе сказать – самосовершенствоваться. Это – твердое основание, исходная точка всякого прогресса и нравственного развития». Так видел Конфуций основу прогресса и пути для улучшения положения в экономике, культуре, управлении страны. [\[655\]](#) Составленные учениками Конфуция «Суждения и беседы» («Лунь юй») были канонизированы еще до нашей эры (III в. до н. э.), став величайшим учебником в истории, ибо в течение многих столетий поколения китайцев заучивали его наизусть. Это уроки и наставления самого мудрого человека Китая – Конфуция. Нигде еще во главе нации не стоял мыслитель и философ (ведь Христос, Будда и Мухамад, строго говоря, не являются таковыми). Китайцы увидели в личности учителя могучий источник духовного возрождения для его учеников. Хотя текст «Лунь юя» публично сжигали при императоре Цинь Шихуане (259–210 гг. до н. э.), а в 1972–1976 гг. в Китае разразилась настоящая антиконфуцианская истерия («бить Конфуция, как крысу, перебегающую улицу»), слово Учителя оказалось сильнее всех его преследователей. Два разных Китая сошлись в оценке этого великого сына нации. [\[656\]](#)

Конфуций – покровитель просвещения

Эти древние законы и кодексы великого народа каждое поколение китайцев воспринимает, как святыню. Тут была сила, которая не дала сбить движение народа с пути социализма. В год, когда в России шел развал страны (1991), у нас вышла книга «Население Китая». Авторы, находясь на стажировке в Китае (и не раз), так толком ничего и не поняли там, говоря: «На наш взгляд, именно неудовлетворенность ходом реформы вывела людей на демонстрации и митинги на площадь Тянь-аньмынь в Пекине, на улицы и площади других городов Китая. Темпы реформы политической системы в КНР в конце 80-х годов стали заметно отставать от темпов экономической реформы. Надеемся, что события на площади Тяньаньмынь в Пекине в мае-июне 1989 г. не смогут воспрепятствовать дальнейшему развитию реформ в Китае». В противном же случае, якобы, возможен возврат на путь «большого скачка» и «культурной революции».^[657] Трескотня Горбачева и невежд закончилась чудовищным развалом СССР и тотальной разрухой в России (и не только в головах, как говорил герой романа Булгакова), а Китай переживает невиданный взлет экономики, науки, культуры. Вот что значит опора на собственные силы, учет национальной специфики. Нынче мир торжественно отметил 50-летнюю годовщину Китайской народной республики, Китай триумфально вышел в космос, став третьей космической державой. Страна за десять лет (1980–1990 гг.) вдвое увеличила объем валового национального продукта, в 2000 г. планирует увеличить этот показатель ВВП еще вдвое (по сравнению с 1990 г.). А Россия за это же время более чем вдвое сократила объемы ВВП по сравнению с 1990 г. Это наглядно показывает, кто прав, а кто совершил роковую ошибку. Если сие ошибка, не предательство (а я в это не верю), то, говоря словами Талейрана, ошибка, куда более страшная, чем преступление. За это надо ставить к стенке. Китай оказался и мудрее, и умнее.

Кстати, он повел в отношении малых народов жесткую политику, хотя находился в более трудном положении, чем мы. Китайский философ и политик Лян Цичао писал в 1921 г., что прежде, чем на мировой арене с образованием Китайской республики в 1911 г. появилась великая и самая многочисленная китайская нация – «чжунхуа гоминь», ханьцам и их предкам пришлось целых 4–5

тысячелетий прилагать усилия для «переплавки в едином котле» целого ряда «низкосортных» народов страны «шэнтен минцзу». Для решения кардинальной проблемы пришлось, по словам мыслителя, вытеснить и поглотить некоторые народы. Известный китайский историк Фань Вэньлань в свое время признавал, что «за пять тысячелетий (ханьцы и их предки) поглотили сотни больших и малых этносов и, в конце концов, превратились в огромную ханьскую нацию». За последнее тысячелетие с этнической карты Китая исчезло более 30 весьма крупных этносов, имевших относительно развитую культуру, свой уклад и т. п. Среди них можно назвать народ кидани, давший русское самоназвание Китая, бохайцы, чжурчжэни, часть монголов, сэму, бо, ляо, лоло, индусы, арабы и т. д. Между прочим, в Китае напрочь исчезли все евреи... Когда же в 1953 г. во время переписи населения КНР 400 неханьских этносов решили заявить о своей спецификации, власть признала лишь 55. Вот это и есть реальная демократия большинства, которая привела государство и народ Китая к процветанию.^[658] И недалек час, когда Китай встанет в авангарде человечества. Нам же придется еще долго расхлебывать «кашу», заваренную ничтожествами и недоумками (с криминальным оттенком) последних двух десятилетий.

Нашим же деятелям стоило бы почитать труды Председателя КНР Цзян Цзэминя, классного инженера и профессора, любителя истории, поэта, философа, знатока нескольких языков. Товарищ Цзян Цзэмин рассматривает становление и развитие социализма как длительный и сложный процесс. По его мнению, в настоящее время Китай находится лишь на первой стадии социализма, которая охватывает столетний период как минимум. Китайцы оказались куда мудрее и опытнее русских в цивилизационном отношении. Цзян Цзэмин правильно заметил: «В сегодняшнем Китае патриотизм по существу неразрывно связан с социализмом». Социализм – это выбор китайского народа. Китайцы не только успешно срыли «три большие горы», мешающие им двигаться – империализм, феодализм, бюрократический капитализм, но успешно опираются на известные критерии и лозунги «Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ» и «Ставить древнее на службу современности, ставить иностранное на службу Китаю». Они умело соединили традиции народа Китая и задачи современности. Китайский народ – великая нация с

многовековой историей и блестящей культурой. Ей не надо объяснять, что такое преемственность в истории... Она умело отделяет зерна от плевел. Но главное тут другое: ее лидеры – умницы, а не догматики. Они предоставили 800 миллионам крестьян права на обработку земли, не разрушив крепких хозяйств. Там была традиция. Поэтому экономика села стала стремительно развиваться по линии специализации, товарности и социализации. И все-таки они не превратили экономику в фетишь, а главное внимание уделяют образованию, культуре, науке, нравственности молодежи. И воспитанию руководящих кадров. Цзян Цзэмин пишет: «Личный пример надо показывать прежде всего в неподкупности и самодисциплине. Это необходимые качества руководящих кадров партии и правительства. Древний мудрец говорил: «Правление предполагает справедливость», это значит, что правители должны быть справедливыми и честными в делах и поступках, не наносить вред общему делу из корыстных побуждений. А еще мудрец говорил так: «Если ты справедливый, то люди пойдут за тобой и без приказа, а если несправедливый, то не будут подчиняться, несмотря на приказ». Широкие массы судят (в Китае и России, – В. М.) о руководящих кадрах не по словам, а по делам. «Как они будут верить тебе, если ты говоришь одно, а делаешь другое, на словах объявляешь миру борьбу разложению, а на деле даешь простор порочным поветриям?»

Конечно, надо учесть, что у каждого народа свои вкусы и пристрастия. Китайцы, к примеру, обожают есть мясо кобры, запивая его водкой, куда добавляют (для остроты вкуса, вероятно) толику змеиного яда. Россияне же довольствуются и обычной водкой, поскольку ядом их и так уже в избытке потчуют средства информации. Высшее руководство КНР объявило коррупцию, воровство в высших эшелонах власти самой главной угрозой для страны, приняв беспрецедентное решение – расстреливать высших руководителей страны, если они замешаны в коррупции и преступлениях (никто в мире не решался на это, кроме, разумеется, Сталина). Они расстреляли вице-губернатора и зам. главы парламента. Но в России найдутся средства информации, власти, «правозащитники» (воры и коррупционеры), которые протащат через Минюст, Кремль, Верховный Суд отмену смертной казни. Раздолье для грабежа казны и народа! Хотя в США – а страна эта преподносится как символ

демократии и правопорядка – с 1998 г. в Техасе уже привели в исполнение 227 смертных приговоров! И США экономически процветают. Китай, не сомневаемся, достигнет своих целей.^[659] У нас разная философия. В Китае, желая завоевать доверие вождей, их потчуют утками по-пекински. В России вожди, желая завоевать доверие своего народа, вот уже 15 лет потчуют его «утками по-русски».

У Китая, разумеется, есть немало и серьезных проблем (имеются безработные, малые пенсии и т. д.). Порой можно прочесть и об «одышке красного дракона». Действительно, в последнее время темпы прироста ВВП снизились. Впервые после 1983 г. стал падать объем внешней торговли КНР. Государственный долг Китая составил 100 млрд. долл. Половина из имеющихся 120 тыс. предприятий убыточны. Не пользуется спросом и 70 процентов выпускаемой для внутреннего рынка продукции. Скрытая безработица уже перевалила за цифру в 150 млн., а закрытие нерентабельных производств вытолкнет за ворота предприятий в ближайшее время еще 50 млн. человек. Если сохранятся негативные тенденции, суммарная численность безработных может превзойти 400 млн. Но факт остался фактом: рост Китая стал возможен только в условиях независимости от МВФ и Всемирного банка, при жестком надзоре за движением капиталов в стране и вне ее, протекционистских мерах, сохранении госмонополии на ряд товаров. Страна растет на глазах: так, рост китайских детей за последние 10 лет увеличился на 4 сантиметра, а их вес – на 3–4 килограмма (наши же дети мрут, как мухи, множа беспризорщину и бродяжничество). Успехи Китая очевидны даже для Запада и США. Поэтому Китай имеет положительное сальдо в торговом обороте с США, хотя доллары не имеют хождения на его внутреннем рынке. США направили в социалистическую экономику Китая 80 млрд. долларов. Мы же выпрашиваем у янки паршивую сотню-другую миллионов, а те ведут себя с нами, как с дешевой уличной девкой... Подумать только, всего сто лет тому назад император России Николай II писал королеве Виктории, «дражайшей бабушке», выражая глубокую тревогу в отношении будущих судеб Китая (1899): «Пугает сама идея крушения этой страны и возможности раздела ее между разными державами, и я считал бы это величайшим

из возможных бедствий».^[660] Сегодня Китай могуч и вскоре может стать ведущей державой мира, а вот нынешней России грозит раздел.

В истории наших стран были разные периоды – как периоды крепкой дружбы, когда СССР фактически передал Китаю трофейное оружие разгромленной нами японской Квантунской армии (а это – 370 орудий и минометов, 600 танков, 860 самолетов, 12 тысяч пулеметов, все военные корабли японской Сунгарийской флотилии, 680 различных военных складов), затем столь же безвозмездно отдал 24 тысячи комплектов научно-технической документации, проекты свыше 1400 крупных предприятий на десятки миллиардов долларов. Только в 1950–1960 гг. свыше 10 тысяч советских специалистов побывали в КНР для передачи опыта. В нашей стране получили основательную подготовку и 20 тысяч китайских рабочих, инженеров, научных работников. И это лишь малая часть того, что мы сделали для наших восточных друзей. «Помощь Советского Союза экономическому строительству нашей страны, – признавала и газета «Жэнь-минь жибао» в 1959 г., – по своим масштабам не имеет прецедента в истории». Однако в том же Китае были люди, настроенные националистически, видевшие в СССР даже «главного врага». В давние времена, когда коммунисты Китая только становились на ноги, в доме китайского маршала Фэн Юйсяна на стене висела «Карта позора Китая», на которой в числе будто бы захваченных у Китая территорий фигурировал и Советский Дальний Восток. Один из руководителей компартии Ли Дачжао (был убит в 1927 г.) сказал нашему советнику: «Не забывайте, что в Китае может настать такое время, когда появятся не только люди типа маршала Фэн Юйсяна, но и люди с коммунистическим партийным билетом, настроенные так же, как он». И не обязательно с коммунистическим. В 1973 г. на Тайване вышла книга Чжан Яньцзяня, в которой утверждалось, что и слово «Сибирь» происходит от «сяньби» – название древнейших аборигенов Китая, проживавших некогда «в бассейне Енисея». Отсюда следовал вроде логический вывод – права Китая на Сибирь «датируются еще каменным веком» (Э. Генри). Даже Мао Цзэ-дун подчеркнул в беседе с японскими журналистами в 1964 г., что Хабаровск, Владивосток, Камчатка стали территорией России сто лет тому назад, многозначительно при этом добавив: «Мы еще не предъявили счета по этому реестру».^[661] Как отмечалось, население России за Байкалом

около 10 млн., а население Китая в северных районах в 15 раз больше. Не будем забывать, что и китаец все чаще поглядывает на север. В Китае пахотный клин в расчете на душу населения в 9,5 раза меньше, чем в бывшем СССР. По некоторым сведениям, Китай готов выложить за нашу землю 190–200 млрд. долларов. Перенаселенный Китай тем не менее характеризует динамическая и мудрая политика. Россия – страна с вымирающим населением, провалившаяся в страшную бездну «перестройки». Ученый А. С. Панарин пишет: «На долю Сибири приходится 80 процентов всех разведанных запасов угля (свыше 160 млрд тонн), 7,1 млрд тонн железных руд, 98,5 млн тонн марганцевых, свыше 41 млрд куб. м древесины. Вне человеческого приложения все эти богатства лежат мертвым грузом. В мире, по-видимому, зреет «заказ» на освоение этого неиспользованного или бездарно разбазариваемого богатства, и число соответствующих претендентов, ждущих своего часа, растет». Это так.^[662] Видимо, дело освоения Сибири и Приморья должно стать частью огромного международного проекта. И хотя нас тревожит их мирная экспансия, правильно говорят китайцы: «Близкий сосед дороже дальнего родственника». Россия имеет куда больше оснований, чем Китай, называться «срединным государством» (П. Н. Савицкий).

У России есть еще один перспективный, весьма умелый союзник на Дальнем Востоке... Мы имеем в виду великий корейский народ, который уже встал на путь объединения. История взаимоотношений русских с корейцами, конечно же, лежит вне плоскости нашего рассказа. Отметим лишь наиболее интересные факты. Во время освоения русскими Южно-Уссурийского края привлечение корейцев в качестве переселенцев в XIX в. привело к тому, что те буквально всего за несколько лет смогли обеспечить этот район овсом и ячменем (1874 г.). Даже Амурская экспедиция, «командированная по высочайшему повелению», вынуждена отметить, что весь «юг Приморской области кормится руками почти исключительно корейцев-инородцев». Они принесли с собой в эти края и новые культуры – рис и тутовый шелкопряд. Как отмечает С. Г. Нам, большинство рабочих на золотых приисках Сибири и Дальнего Востока в 1913 г. относились к «желтой расе» (22 тысячи китайцев, 4 тысячи корейцев и всего около 7 тысяч русских). Вдобавок в каменноугольных копях Приморья трудилось еще более 5 тысяч корейцев. В целом же, в крае работало

более 20 тысяч рабочих-корейцев. Причем, на некоторых участках (Посъетский участок) все земли находились фактически в руках корейцев. Свидетели отмечали при этом, что обрусение края ничтожно, а при проезде по участку «получается впечатление скорее настоящей Кореи, чем русских владений» (В. Д. Песоцкий). И все же сближение народов шло довольно активно. Многие корейцы часто бывали во Владивостоке, сносно говоря по-русски. Отношение русских к корейцам было неоднозначным. Если быть до конца честным, то царская империя предстает вовсе не идеальным государством. Минимальное, что можно сказать, так это то, что безземельное корейское население фактически было поставлено вне закона, находясь как бы на положении «бродячего рабочего скота». Их могли ограбить или убить, не боясь никаких наказаний. Генерал-губернатор Приамурского края П. Унтерберг заострял внимание на различиях двух рас, говоря о необходимости выступать крепким и дружным славянским оплотом против желтой расы. Этот немец-гунн, люто ненавидя «желтых», заметно отличался от своих русских предшественников (М. С. Корсакова, Н. П. Синельникова, С. М. Духовского, Н. И. Гродекова). Процветали и чиновники типа Любатовича, разжигавшие национальную рознь. В отчете 1910 г. Любатович утверждал: «Посъетский участок с заселением его корейцами, – печальный исторический факт, похожий на тот, когда евреи переселились в Египет и не ассимилировались; египтянам евреи почти ничего не оставили, кроме опустошенной земли; то же повторяется здесь с корейцами. После лишения корейцев земли они превратятся из землевладельцев в новый вид желтолицых «жидов», вид еще более страшный, чем желтолицые земледельцы...» Другие были убеждены, что ассимиляция и обрусение корейцев – вполне возможное явление. Это действительно так, хотя все зависит от условий, масштабов переселения и мощи России. В русских корейцев привлекали терпимость и гуманизм. Были расположены они и к христианской вере. И вообще этот трудолюбивый и грамотный народ представлял собой ценное «приобретение» для огромных массивов безлюдных земель Российской империи. Отмечалась тяга корейцев к образованию. В. Граве писал: «По справедливости можно сказать, что школьное образование среди корейцев стоит выше, чем среди русского населения Приамурского края, не говоря уже о Забайкальской области,

где, например, в казачьих поселениях по средней и нижней Аргуни трудно достать грамотных... Напротив, у корейцев нет ни одного селения, где не было бы школы... Вполне сознавая пользу образования, корейцы не щадят денег на него и широко отпускают средства. Обычно к казенному содержанию учителей прибавляются из общественных сумм от 300 до 500 руб., что дает возможность иметь прекрасный учительский персонал». Переселение корейцев в Россию усилилось после поражения России в русско-японской войне 1904–1905 гг. и установления японского протектората в Корее, а затем и аннексии Кореи Японией в 1910 г. [\[663\]](#)

Не порывая с Европой, мы обязаны крепить единство с Азией и Востоком. В. Соловьев заметил, что Достоевский ближе всех угадал «новое Слово России», «союз Запада и Востока»: «Это есть слово примирения для Востока и Запада в союзе вечной истины Божией и свободы человеческой. Вот высшая задача и обязанность России, и таков «общественный идеал» Достоевского». В его основании лежат нравственное возрождение, духовный подвиг не отдельного, одинокого лица, а целого общества и народа. Как и встарь, такой идеал неясен для учителей израилевых, но в нем истина, он и победит мир». [\[664\]](#)

Корея. Юноши, изучающие каллиграфию в содане. Конец XIX—начало XX вв.

Запад же глуп и еще не понял, что ему выгоднее помогать России, честно способствуя созданию более крепкой «цивилизации» в дружеской России, а не ломать и не давить нас, натравливая народ на народ. В этом шанс на его спасение! При слабой России случится так,

что полчища «нового Тамерлана» могут хлынуть в Европу! Тогда запыхаются ее сытые и ухоженные города, вобравшие сокровища, награбленные за века эксплуатации у сотен стран и народов! К слову сказать, кардинал Пупар, префект папского совета по вопросам культуры, недавно издал книгу под названием «Христианство на заре нового тысячелетия», в которой открыто признает: «Европа должна сознавать, что ислам стремится ее завоевать». Европа знает и на практике, что широкомасштабное «нашествие исламистов» (турок, албанцев, арабов и проч.) началось. Это лишь первый признак надвигающейся на Запад и Европу «бури». Эта волна, девятый вал, возможно, и станет катарсисом для мира, изменив весь баланс сил. Но как же глупы, недаленовидны янки, европейцы и их правящие элиты! На них вот-вот надвинется тьма азиатско-мусульманских полчищ. Процесс пошел. Им, глупцам, молиться на русских, ставить свечи в храмах за наше здравие, открывать нам житницы, технологии и подвалы банковских хранилищ, давая безвозмездные ссуды, — только бы воссоздать могучую и непобедимую Россию, которая, как послушный холоп, по привычке все еще крепко держит щит «меж двух враждебных рас Монголов и Европы»! Нет, они стараются загнать нас в угол, раздробить на части, унижить, задавить и смешать с грязью нашу веру, науку, культуру. Плата за спасение Европы!? Опомнитесь: недалек роковой час, когда 3–4 миллиарда населения угнетаемых стран обернутся к вам их «азиатской рожей»! Что будете делать тогда? А тогда мы скажем вам словами замечательного русского поэта Александра Блока:

Но сами мы – отныне вам не щит,
Отныне в бой не вступим сами,
Мы поглядим, как смертный бой кипит,
Своими узкими глазами.

Не сдвинемся, когда свирепый гунн
В карманах трупов будет шарить,
Жечь города, и в церковь гнать табун,
И мясо белых братьев жарить!

В последний раз – опомнись, старый мир!

На братский пир труда и мира,
В последний раз на светлый братский пир
Сзывает варварская лира!

Вступив в лоно русско-евразийской культуры, мы не перестанем быть Русскими. Отнюдь! Напротив, только русские смогут связать воедино географические, политико-социально-хозяйственные, торгово-промышленные, научно-технические, экономические, военные, культурные, религиозные узлы огромного и сложного континента. Главный Элемент, их скрепляющий. Сим элементом, как поняли недруги, всегда был и останется Русский Народ. Его мы должны сохранить, мощно вооружить и укрепить. Мы говорим о русских как о евразийцах, при этом главным образом имея в виду, что Россия находится как в Европе, так и в Азии. Сами русские в строгом смысле слова не являются ни европейцами, ни азиатами. Потому, признавая наличие феномена Евразии, оценив должным образом ее богатство, культурно-духовное наследие, мы все же считаем Россию, русских главным духовно-культурным, научно-образовательным, военным, организационно-экономическим центром в пределах евразийского пространства, обширных границ Российской Федерации и великого Союза Дружественных Народов!

Что же касается Европы, Азии, Африки, Америки, то приходится признать правоту О. Бисмарка, говорившего: великие вопросы времени (как это ни грустно сознавать) решаются порой все же отнюдь не в парламентах и не голосованием, а железом и кровью! Ранее Бисмарка это понял наш великий провидец Константин Леонтьев. Как-то он, недолго думая, в ответ на оскорбление со стороны консула Франции высек того хлыстом (каки должно поступать с наглými политиками). Леонтьев внушал, что даже республиканско-демократическая Западная Европа «будет еще враждебнее Русской Империи и союзу восточно-православных народов, чем была Европа монархическая». Все ее речи о мире, прогрессе и разоружении – хитрая и лживая болтовня, ставящая целью скрыть за маской дипломатии гегемонистские планы Запада и США по закабалению России и других стран. Признаться, испытываешь нечто похожее на изумление, и даже оторопь, когда сегодня читаешь эти пророческие

строки, написанные К. Леонтьевым (120 лет назад!) – о будущем слиянии и союзе европейских стран (под эгидой некой жестокой военной силы): «Какой ценой должно быть куплено подобное слияние? Не должно ли будет это новое Все-Европейское Государство отказаться от признания в принципе всех местных отличий, отказаться от всех, хоть сколько-нибудь чтимых преданий, быть может... (кто знает!) сжечь и разрушить главные столицы, чтобы стереть с лица земли те великие центры, которые так долго способствовали разделению Западных народов на враждебные национальные станы». Запад предложит вассалам такие коренные перевороты «не на розовой воде и сахаре», а «всегда путем железа, огня, крови и рыданий!». Жизнь стран, народов сурова и беспощадна. Сдавайся или дерись! У русских выход один: либо подчиняйтесь Европе, Западу, Востоку в рабском поклоне под ярмом полной вассальной зависимости, либо держитесь вместе дружно («в своей отдельности»). Леонтьев недвусмысленно ратовал за независимость России. Но для этого надо меньше думать о благе, а больше о силе. [\[665\]](#)

События на Балканах вошли в историю как поворотная и отрезвляющая веха во взаимоотношениях России с США и Европой. Империалисты ряда стран (во главе с палачами-изуверами Англии и США), по сути дела, объявили о создании ими мирового правительства, базирующегося на объединенной мощи западных армий, технологий и капиталов. Этот союз убийц пытается еще нацепить маску миротворцев-цивилизаторов. Объектом третьей мировой войны стала гордая и независимая Сербия. Конечно, это была первая «атака инфернальной силы на западный форпост небесного воинства». НАТО совершило тысячи вылетов. Эквивалент ракет и бомб, сброшенных на Югославию (150 тысяч тонн бомб и 1500 крылатых ракет), равен 6 атомным бомбардировкам Хиросимы. Янки жаждут крови. 30 тысяч боевых вылетов за 76 дней агрессии. Погибло 2000 граждан, 5 тысяч получили ранения (многие из них стали инвалидами). Слепо, дико ими уничтожались города, дороги, мосты, аэропорты, промышленная и культурная инфраструктура. Пострадало 2000 школ и 35 вузов. Разрушены университеты, больницы, роддома, госпитали, библиотеки. Треть погибших в бойне НАТО – дети. 5 миллионов жителей Сербии остались без электричества, воды и жилья. В Косово было сожжено и уничтожено более 50 тысяч сербских

домов, разрушено 84 сербских церквей и храмов. «Позор для так называемого цивилизованного мира», – писал посол СФРЮ в России. Бомбами и ракетами «культурной Европы» уничтожены леса, заповедники, монастыри в Печской патриархии (XII в.), Жича (XIII в.), Дечани и Грачаница (XIV в.), средневековый город Звечан (XIII в.) и Смедерево (XV в.). Запад истратил на войну 50 млрд. долларов. Прямой ущерб от бомбардировок Югославии равен 20–25 миллиардам долларов. В результате геноцида из всех частей бывшей Югославии вынуждены уйти 2 млн. сербов. В Приштине, где проживало 40 тысяч сербов, осталось 200 человек сербов. Из университета изгнаны 2 тысячи профессоров и аспирантов-сербов, 18 тысяч студентов-сербов. Под видом беженцев в Косово-Метохию вошло свыше 200 тысяч иностранцев (албанцев из Албании). Страны НАТО хотят закрепить итоги агрессии: они строят крупнейшую военную базу у города Урошевац. В штабах НАТО подумывают и о захвате Черногории. Почему же 19 сильнейших стран Европы и западного мира напали на 9-миллионную Сербию? С одной лишь целью – преподнести урок устрашения России. Запад не оставил еще надежд на то, что трусливые ничтожества ельцинской поры, напуганные бомбежками Югославии, под давлением пятой колонны сионистов, заставят и наш народ встать на колени и предать сербов, как предали некогда Хоннекера. Простой серб в повести В. Хайрюзова «Сербска девушка» сказал так: «Разговор зашел о нынешних российских политиках. – Горбачев – курва, – усмехнувшись, по-русски сказал коренастый. – Предатель! И Козырев с Ельциным. Сдали Сербию, да и Россию тоже. А нам всем хотят выдать коровий рог за свечку».

Самолеты НАТО готовы бомбить Югославию

Читаю «Белую книгу» о преступлениях НАТО в Югославии. Возмущение и ужас вызывает вид сожженных тел мирных граждан (сербов или албанцев) – результат бомбардировки беженцев в Бистражине, район Джаковицы, и т. д. Убитые женщины, дети, оторванные головы и руки, обращенные в прах мирные здания и школы, взорванные мосты. Югославия ни на кого не нападала. Это вам не бандитская Ичкерия, пытающаяся разломать остоу России. Она отстаивала целостность, как и мы, русские. Одна из жертв бомбардировок сообщила, что после удара ракеты его внучка боится самого понятия «Европа»: «Я вспоминаю мою внучку, которая не могла понять, как дом, сделанный из кирпича, мог быть унесен далеко, так как это не было возможно даже в рассказах для детей, которые она читала». Идут массовые чистки сербов. В Косово сербов убивают посреди белого дня. Ни в британской, ни в американской «свободной прессе» о геноциде – не найти ни строчки. Министр иностранных дел Великобритании Р. Кук заявил (в целях оправдания агрессии), что, якобы, в Косово число жертв сербских репрессий среди албанцев превысило 100 тысяч человек. Экологический ущерб огромен. В почву попало 7 тонн ртути. И правы те, кто сравнил эту катастрофу с последствиями Чернобыля и «Бури в пустыне». Вспомнился О. Уайльд: «Хуже Несправедливости только Справедливость без карающего меча. Когда Добро бессильно, оно – Зло». Эксперты установили: число жертв в Косово не превышает тысячи. Найдено 400 неопознанных трупов, погибших в основном от бомбардировок (это признала и депутат английского парламента, лейборист А.Ман). Причем нельзя установить, кто они. Более половины пострадавших от бомбардировок в Косово и Метохии – этнические албанцы, защитой которых преступники из НАТО оправдывают свою агрессию, называя ее циничным образом «гуманитарной интервенцией».^[666] Главный ястреб НАТО Блэр, затмивший Макбэту, убеждает всех, что «дьявол побежден». На деле же настал час торжества Дьявола, и Блэр – одна из его ипостасей. Они вместе с Куком, как говорят англичане, давно уже sold their souls to the devil (англ. – «продали душу дьяволу»). При этом они нагло и подло врут миру. Если кто и прочел о смерти Гитлера и Геббельса, не стоит этому верить. Дух фашизма жив-живехонек. Он

сегодня обитает в стенах госдепартамента США и британского «Форин офиса». Европа впервые после Гитлера прибегла к массовым бомбардировкам мирной страны. Правительство Югославии, на наш взгляд, вполне обоснованно подало в Международный Суд на страны-члены НАТО с требованием признать их виновными в агрессии против их страны. Это вопиющий акт агрессии.

От бомбардировок и бокад, осуществляемых Западом и США в Ираке, от голода и болезней только за последние годы там погибло 1,5 миллиона человек. И это господа «цивилизаторы» называют естественным отбором, survival of the fittest (выживание наиболее приспособленных)?! Двойной стандарт тут общепринят. Вот уж много лет 30–40 млн. курдов обречены на уничтожение Турцией. Но никто не думает помочь им даже в куцой автономии в Европе. Эту чудовищную, антидемократическую, агрессивную политику вершит узкая верхушка военно-политического руководства США и НАТО. Все они, в основном, евреи. Клинтон – еврей по материнской линии; Гор, кандидат в президенты США от демократов, – еврей; кандидат в вице-президенты США Либерман – ортодоксальный еврей. Командующий НАТО У. Кларк имел еврейские корни, министр обороны США У. Коэн – еврей; первый заместитель шефа безопасности США С. Бергер – еврей; Олбрайт и Шиа, представитель НАТО в Европе, – евреи, как и Дж. Рубин, спецпредставитель Белого дома. Таков лик их «демократии», вотчины сионизма.

Жертва бомбардировок НАТО в Югославии

Схожую политику геноцида в отношении арабов-палестинцев ведет и Израиль. Здесь фактически создано гетто для «гоев». Как иначе

вы охарактеризуете эту страну, где гойи составляют 40 процентов населения страны, но лишь четверть из них имеет право голоса. Нет ни одного гои в Верховном суде, в правительстве, в генералитете армии, в авиации, в руководстве секретных служб. Нет ни одного гои (не еврея) даже в редакции главной израильской газеты «Гаарец». Зато вот в России почти вся печать и средства в информации в руках евреев. В ходе известного Кишиневского погрома (в царской России) было убито 45 человек и 600 ранено. Все русские писатели и ученые осудили погромщиков. В Израиле за последнее время убито свыше 350 палестинцев-арабов, тысячи ранены. Но союз еврейских писателей поддержал погромщиков. Евреи захватывают чужую собственность и тут же называют ее своей. Нужно поступать по отношению к евреям точно так же, как они поступают по отношению к другим народам. Око за око, зуб за зуб.

Запад показал свое истинное лицо. И это лицо убийцы! Прийма пишет, говоря об этой чудовищной агрессии стран НАТО и США: «Югославия разбомблена новейшим оружием, отброшена на несколько десятилетий назад, находится в международной изоляции. Что же это, – «закат Европы»? Безусловно, новый закат Европы и США. «Кризис европейского человечества»? Несомненно». «Вот уже свыше ста лет закат Европы и кризис ее человекобога, сопровождаемый обезволивающими и укрепляющими инъекциями в виде евросоюза и евровалюты на фоне неуклонной моральной деградации... Соединенные Штаты – раковая опухоль Европы, средоточие ее недугов, выпершее из материнского тела наружу...». Запад вербует подлых, алчных, слабых духом и телом. Смена власти в Белграде ничего не меняет в отношении к сербам Запада.^[667] Правы те, кто считает, что война против Сербии и оккупация Косово имеют несколько важнейших военно-стратегических задач. Это прежде всего создание мощного военного плацдарма, откуда можно будет напрямую контролировать важнейшие точки будущих споров и противостояний (Россия, Украина, Кавказ, Каспий, Черное море, Персидский залив, пути нефти, Великий шелковый путь). На очереди, несомненно, и будущие объекты вторжения: Иран, Ирак, Россия, Сербия, Корея и Китай.

Сербы, как справедливо отмечают, были подвергнут яростным бомбежкам за уклад бытия, веру и культуру, за идеи, а вовсе не за

«диктатуру Милошевича». Демократ Клинтон цинично, с вызывающей наглостью предложил 5 млн. долларов за голову президента Милошевича, министр обороны Великобритании Робертсон позволил себе открыто (тоже «демократ») призывать к его свержению. Сербов казнят за верность своей Истории и их Православной вере. Милошевич – это славянский богатырь, стоявший «как утес на Балканах» (хотя к нему немало претензий у собственного народа). Значим и подвиг Р. Караджича, разделившего судьбу своего народа в Боснии. Как сказал М. Кузнецов, его имя «будет сиять, как имя Негоша и царя Лазаря». Назрел союз славян Россия-Белоруссия-Сербия! Пора создавать нам военный союз для сдерживания вконец обезумевшего Запада. Ось Москва-Минск-Белград-Китай-Индия-Корея-Ирак-Иран станет каленым мечом в сердце нашего общего врага. Хотя мы и жаждем мира!

Черчилль сказал: «Главный урок истории заключается в том, что человечество необучаемо». Нет уж. Мы обязаны хорошенько усвоить уроки Запада. «Западная гуманистически-функциональная цивилизация внутренне кончилась» (А. Казин, Ф. Казин). Произошло то, что неизбежно и должно было случиться – завершение процесса трансформации зверя-Запада в свое подлинное и истинное обличье! За миссиями, парламентами, судами, лозунгами, помощью, кредитами скрывается лик Сатаны. И он хорошо понимает только один язык – язык «Русского Сатаны»! Никогда более не доверяйте Западу, что бы он, его витии ни болтали вам о демократии, свободах, равенстве. Помните, перед вами – патологические лжецы. Они будут вежливо улыбаться, жать руки, пить с вами водку на брудершафт – и замышлять убийства, блокады, бомбардировки, расчленения стран и геноцид народов. Стоило зам. госсекретарю США Тэлботту объявиться в Армении, как там произошло гнуснейшее убийство дружественно настроенных к России лидеров Армении (премьера В. Саркисяна, спикера К. Демирчана и др.). В таких случаях обычно говорят: «*Cui prodest?*» (лат. – «Кому выгодно?»). Запад требует выдачи террориста Бен Ладена, обвинив его во взрыве посольств США, вводит санкции ООН против Афганистана. Но те же лидеры и страны (США, Франция) принимают на высшем уровне террористов Чечни, дают им визы, развязывают кампании поддержки убийц и работоторговцев в западной прессе, на каналах телевидения (скандал с немецкой телекомпанией,

растиражировавшей гнусную ложь о «зверствах русских к Чечне», обошел все телеэкраны мира). Они ведут силовой нажим на Россию, требуя признать де юре террористов и палачей, взорвавших мирные дома. Лорд Р. Джонстон грозит выставить вон Россию из Совета Европы. И таких (извините за нецензурное выражение) нобльменов полным-полно на Западе. Уход наших войск из Европы и Прибалтики (без сохранения там военных баз) лишь подстегнул реваншизм империалистов. Вон уже и ветераны-эсесовцы проводят парады в Латвии, а русские патриоты и воины, освободившие ее, сидят там в тюрьмах. Убийцы «Саюдиса» провокационно стреляли по своему же народу в Вильнюсе. Ныне их там превозносят как национальных героев. Запад охотно примет в НАТО таких «демократов». Есть нечто символично-роковое в фразе Шубарта: «Европа была проклятием России. Дай Бог, чтобы Россия стала спасением Европы». Но я полагаю, что большее значение имеет фраза И. Солоневича: «Спасение Европы – в данный момент интересует нас сравнительно мало: наша очередная задача – наше собственное спасение». Спасение России и должно стать первоочередной задачей. Нужно единство славян, России, Китая, Индии, Ирака, Ирана, арабов, латиноамериканцев. Нужен союз поработленного человечества против безжалостных убийц из тайного мирового правительства.^[668] Бывший госсекретарь США Г. Киссинджер, один из влиятельных политиков, откровенно писал, что Россия, какой бы она ни была, коммунистической или демократической, остается противником номер один. Ее, мол, надо изолировать, устрашать, контролировать и держать под прицелом ракет, орудий и новейших средств вооружения. «Новая история, с момента падения Берлинской стены, – вещал он, – есть не что иное, как завершающий этап «холодной» войны, цель которого – расчленение России... И с побежденным особенно церемониться не стоит, вести себя с ним следует начальственно». Не дать России никогда снова стать сверхдержавой – таковы главные рекомендации ряда американских аналитиков для администрации Клинтона. Директива президента США на 1994–1998 гг. в области обороны рассматривает любое возрождение «Большой России» как прямую угрозу США, которую следует устранить любыми средствами, не исключая и военные. Известный ястреб и русофоб («пся крев») Бжезинский пишет о необходимости расчленения Российской

Федерации на три разных региональных образования: европейское, сибирское и восточное, которые составят конфедерацию с неопределенным политическим статусом. Он же требует рассматривать Россию как Сербию, а Путина как Милошевича. А бывший госсекретарь США Олбрайт («блудница») пишет: «Несправедливо, что Россия, имеющая небольшое население, обладает такой колоссальной территорией и такими национальными богатствами». С подобной идеей, как вы помните, носилась Г. Старовойтова – расчленения России на 50 государств. Олбрайт – заклятый враг славян. Это с е подачи бомбят сербов, когда-то спасших е семью от смерти в годы Второй мировой войны (сербы укрыли тогда их, евреев). В знак благодарности эта «вавилонская блудница» давала указание еврейским банкам не давать в долг денег России и Сербии. Бжезинский назвал Россию «главной разменной картой американской геополитики», заявив, что «новый мировой порядок при гегемонии США создается... против России, за счет России и на обломках России». И мы это знаем и видим.^[669]

Поэтому они и давят нас «режимом военных репараций», когда мы вынуждены за 1 взятый доллар у МВФ и других фондов отдавать по 10 долларов. Зачем же брали? Очень глупый вопрос. Брали с одной целью – украсть деньги и вывезти. США скупили на корню «элиту», только бы та привела Россию в плен к Западу. Привязанность российской экономики к доллару очевидна. По оценкам специалистов, в 1998 г. на доллары приходилось 80 проц. всех российских внешнеторговых контрактов, 90 проц. банковских депозитов в СКВ, 65 проц. валютных резервов ЦБ РФ, а также 67 проц. государственных долгов развивающихся стран. Из примерно 460 млрд. долл., выпущенных в США в наличной форме, около 120 млрд. долл. обращается в России (в качестве неофициального платежного средства). В структуре нашего внешнего долга (220 млрд. долл.) примерно 75 проц. заимствований сделано в долларах.^[670] Американская валюта преобладает в расчетах внутреннего рынка, в сбережениях нашего населения и т. д. А как говорил еще президент США Джеймс Гарфилд (1831–1881), тот, «кто управляет объемом денег в любой стране, тот является и полновластным хозяином всей промышленности и торговли». Мы – сателлит Америки!

*Х.К. Ороско. Апокалиптическая блудница. Фреска. 1942–1944.
Церковь Иисуса Христа*

От вопросов планирования штабы НАТО и США перешли к действиям. В Норвегии уже идет полным ходом развертывание радиолокационной станции «Глобус-2», что нарушает международное соглашение по ПРО. При президенте Шеварнадзе действует аппарат западных военных советников по вопросам обороны и безопасности, куда входят военные эксперты из Германии, Англии, США, Франции, Швейцарии во главе с генералом Дононсоном (Англия). «Уолл-стрит джорнэл» писал: Шеварнадзе боится быть свергнутым, если русские утвердятся в Чечне и уничтожат бандитов. Если русские войска покинут эти земли, мы получим аэродромы НАТО под носом (оттуда они и полетят бомбить Севастополь, Ростов, Москву, Киев, Минск, как бомбили Белград). А НАТО имеет ясную цель – оторвать от России Кавказ, а заодно – и Каспий. Поэтому все мысли идеалистов (итальянца д'Авоссa) о союзе России и НАТО пока еще утопия. В НАТО спят и видят, как бы прибрать к рукам сказочные сокровища Евразии, ключ от которых находится у России. Надо ли напоминать, чем кончилась идея вождя о «нерушимых гарантиях мира» с фашистами? Бесспорно, лучше жить в мире и согласии с Европой, нежели воевать с ней, но попытка вхождения в «европейский дом» завершилась распадом СССР. А не приведет ли схожая идея о вхождении страны в НАТО к развалу России!? Если только не предположить фантастическую картину, когда вступление в эту агрессивную антироссийскую организацию лишит смысла само ее существование. Но как бы не переиграть в таком «гамбите» самих себя

и Россию. Давно пора понять, что агрессия против России была, есть и будет главным направлением политики Запада в отношении нас. Ясно: там, где богатства, там и их интересы. Кладовые России могут дать чудовищной машине Запада пищу и спасти ее от гибели. Без них им придется туго. Будь они честнее, сказали бы нам прямо словами гтевского Фауста:

Твоя земля таит без пользы тьму
Сокровищ, не известных никому.
Мысль самого высокого полета
Не может охватить богатств без счета.

Стратегическим курсом России на все третье тысячелетие должна стать жизнь в условиях границы. Лучшая разрядка – крепкий научный тыл и армия, мощная экономика и образование, ракетные комплексы, нацеленные на тех, кто не может жить по-человечески, «без узды» и «намордника». В одной из книг писатель В. Карпов приводит разговор с маршалом Н. В. Огарковым, крупнейшим военным стратегом России и мира прошлых лет.

«Огарков категорически возражал против того, что Советский Союз стремился к распространению коммунизма на весь земной шар. Это не то же, что стремление США к мировому господству капиталистической системы.

– Не зачисляйте нас даже в тихие агрессоры. Не мы, а история, объективный ход развития человечества обусловили победу социализма на всей планете в будущем. Я напомнил:

– Но лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» за все годы существования коммунистической партии, да и сегодня, там, где компартии сохранились, этот призыв не снят, он действует. Огарков согласился:

– Действует и приведет в конце концов к победе социалистической системы. То, что произошло с нашей страной в 80–90 годы, явление временное, случайное. Произошло не в результате победы в Третьей мировой войне, а как следствие крупного предательства в ходе этой войны. Война продолжается. В победном

для нас завершении я не сомневаюсь. Разумеется, произойдет это не так быстро, но произойдет.

– Какими же силами мы одержим победу? Государство развалили на микрореспублики. Нет армии, способной отстоять отечество.

– Есть народ. В нем вся сила. Современные войны ведут уже не только армии, а народы. Народ и необходимую армию создаст, вспомните Минина и Пожарского.

– Значит, вы тоже считаете, что Третья мировая война идет?

– Да, считаю». ^[671] Россия вынуждена вести войну на два фронта. С внешним врагом, если тот нападет, еще можно справиться, объединив силы евразийских и славянских народов. С врагом же тайным и внутренним («пятой колонной катастрофы») надо разбираться самим. Радует, что из уст маршала И. Сергеева, наконец, услышали то, что давно понял любой русский солдат – именно США и НАТО стоят за спинами бандитов, поощряя сепаратизм и войну против все еще ослабленной России.

Так называемый «цивилизованный мир» не любит и боится России. Он не знал и не желает знать никакого Христова евангельского закона. Будь иначе, он трижды за последние пару веков не стали бы начинать мировые войны (включая и вторжение Наполеона). Так было и будет всегда. И прав писатель С. Куняев, говоря: «Нелюбовь родилась задолго до русского коммунизма. Она была при Иване Грозном и при Петре Великом, при Александре I и при Николае II». Запад прямой дорогой с бешеной скоростью катится в своего рода новый вид варварства, во «внутрицивилизационное» варварство (К. Реберг).

История учила и учит нас, что смертельная угроза России много веков подряд исходит из Европы. Запад подталкивает нас к новой «холодной войне». Мы ее не хотим, она нам не нужна, ибо это заставит Россию жить, подтянув ремень на животе. Но им на это наплевать. Неужели мрачный дух фюрера и Наполеона вселился в иных европейских, американских лидеров? Или он в них и не умирал никогда?! В XX в. кукловоды мировой закулисы четырежды пытались сокрушить русских с помощью Германии, Англии, Франции, Польши, США, Японии... Друзья, не идеализируйте Европу! Она быстро и легко сбрасывает «фрак джентльмена» и становится душегубом... Г. Жуков писал в «Воспоминаниях»: «Гитлеровский фашизм превратил

немецкую молодежь, еще не достигшую зрелого возраста, в душегубов. Без капли сожаления расстреливали они, сжигали в печах и растаптывали живых людей, невзирая на возраст и пол... Как это могло случиться со страной, подарившей величайшие научные открытия, шедевры литературы и музыки, живописи и архитектуры, страной, где жили и творили гениальные Бах и Бетховен, Гте, Гейне..? Историки еще не раскрыли всю систему и методы, применявшиеся в гитлеровской Германии для формирования в сознании людей слепой веры в фашизм, в чванливое, неоправданное величие «немецкой расы», как высшей и «сверхчеловеческой», во всепобеждающую мощь германского государства... Одурманенные речами своих фашистских главарей, в том числе и самого фюрера, воодушевленные легкими победами над странами Европы, гитлеровцы послушно шли завоевывать и уничтожать. До тех пор, пока им не преградили путь советские Вооруженные Силы, вдохновленные самыми справедливыми в мире идеями – свободы своей Родины, равноправия и независимости всех народов на земном шаре. Война подвергла суровому испытанию и всесторонней проверке советский общественный и государственный строй. Эта проверка подтвердила его полное превосходство и жизненную силу. Ход и исход войны показали решающую роль в ней народных масс... В тяжелых условиях, недоедая и недосыпая, трудились рабочие, колхозники, интеллигенция. Женщины и подростки сменяли тех, кто уходил на фронт... Даже в самые трудные минуты, когда, казалось, враг должен был взять верх, советский народ не опустил рук, не согнулся под ударами противника, а... с честью преодолел все трудности и добился всемирно-исторической победы».^[672] Народы должны будут выступить единым фронтом для организации сопротивления Всемирной плутократии, однажды породившей Фашизм.

Глава 17

Битва за Россию

Культурный европеец почил под бомбами. Он мертв. Достоевский был прав: «Я хочу в Европу съездить; и ведь я знаю, что поеду лишь на кладбище, вот что». Нынче он не стал бы целовать ее камни, ибо они пропитаны кровью невинных. А Пушкин и вовсе был твердо убежден, что Россия «по своему положению, географическому, политическому, etc. есть судилище, приказ Европы. Nous sommes les grands juges» (*франц.* – «мы – великие критики»). Так тому и быть. Читатель знаком с книгой О. Шпенглера «Закат Европы», где тот писал о европейской цивилизации, о гибели Запада, заявляя: «Они – конец, без права обжалования». Последние события показали: в образе Америки и Европы с пугающей реальностью предстает не духовная основа мира, и даже не реликт культуры, а новый кочевник, гунн и паразит-убийца, не щадящий ни живых, ни святых, ни мертвых. Тем, кто пленился культурой Запада, придется признать и частичную правоту слов Освальда Шпенглера: «Слово «Европа» следовало бы вычеркнуть из истории». [\[673\]](#)

Все проще и от того гораздо страшнее... Происходит логическое развитие черт западного человека, который на каком-то небольшом отрезке истории позволил себе «гуманистические вольности». По мере же ужесточения всей ситуации, как она складывается в мире (с ресурсами, потоками эмиграции, конкуренцией и т. д.), Запад будет все чаще обращаться к самым жестоким, самым варварским формам решения проблем и конфликтов. Вся западная цивилизация, будучи исключением, привилегией и добычей бандита, слепо жаждет сохранить все то, что ранее уворовано и награблено. Весь тот лоск, что показывает купленное на корню ТВ, отнюдь не исчерпывает и их европейскую жизнь. В этой хваленной «демократии» есть свой Освенцим, но без проволоки, вышки стражей заменены телебашнями, овчарки – прессой, автоматы – нищетой и мором. По сей день в Европе и США существует варварский институт рабства. И в XXI в. миллионы русских, украинских, белорусских, молдавских, турецких, латиноамериканских, африканских рабов почти бесплатно гнут спину

на господ европейцев и янки. Ну и что из того, что когда-то француз (гением Руже де Лилия) создал бессмертную «Марсельезу», которую тот впервые продекламировал в Страсбурге?! Сегодня в Страсбурге поют иные песни – гимн рабству и рабовладению. Сыны Франции, некогда несшие миру благородные принципы свободы, равенства и братства, сегодня более напоминают алчных пиратов, чем сынов свободы! Говорят, что Александр I после вхождения русских войск в Париж благородно приказал не отнимать у французов русские вещи, награбленные ими в Москве. Французские же суды отнимают у русских матерей даже сыновей, запрещая им видеть своего ребенка. «Гиганты Европы» выродились в пигмеев. Демократия стала фарсом. Петр I сказал бы, доживи он до сих дней: «В задницу сей Запад и демократию!»

Мы не возбуждаем ни к кому ненависти... Боже сохрани. Мы помним и слова великого Гте, сказанные им Эккерману: «И вообще странная получается штука с национальной ненавистью. Она всего сильнее, всего яростнее на низших ступенях культуры. Но существует и такая ступень, где она вовсе исчезает, где счастье или горе соседнего народа воспринимаешь как свое собственное. Эта степень культуры мне по нраву...». Она и нам по нраву. Потому и уверены, что англо-американо-иудейским силам никогда не удастся вновь сравнить былых могущественных противников. К тому же и история – занятная штука. Возьмет да и свернет с намеченного западными геополитиками пути. Помните, монголы наводили ужас на всю Европу? В Кельнской хронике монастыря св. Панталеона читаем: «Значительный страх перед этим варварским народом охватил отдаленные страны, не только Францию, но и Бургундию и Испанию, которым имя татар было дотоле неизвестно». В хрониках средневековья было сказано, что следствием этого стал застой в торговле среди всех богатых наций (в том числе, и у англичан). В Германии в ходу была молитва: «Господи, избави нас от ярости татар».^[674] А есть еще Китай, Индия, Ирак, Иран, Куба.

Тысячелетняя борьба народов за свободу, борьба за более достойное человеческое существование не только не окончена, но вступает в новую и, вероятно, решающую фазу. Россия стала самым слабым звеном мировой плутократической системы. Видимо, тут и обновится мир. Организуем сопротивление чудовищной и дикой власти их «мирового правительства». Не стану повторять соловьевские

басни, что, дескать, «русские» – это, якобы, имя прилагательное, а существительное к этому слову – «европеец». Русские – имя существительное! Хотя «русские европейцы», откровенно говоря, – это такой же генетический нонсенс, как белый медведь в африканской Сахаре. Но у Европы было немало великих мыслителей и художников. Именно лучшая часть Европы нам действительно дорога... Достоевский в очерке «Пушкин» («Дневник писателя» за 1880 г.) отмечал эту органическую близость «настоящего русского» такой Европе, считая западничество и славянофильство «недоразумением». Он мечтал о гармонии и братском согласии племен. Мечты оказались блефом. Для Запада характерно отсутствие всечеловеческого мышления, ибо ему наплевать на человечество.

Минуло более ста лет с тех пор, как Ф. М. Достоевский в «Дневнике» за 1877 год сформулировал учение о трех мировых идеях, которые в его представлении являются главными движущими силами мировой истории. С одной стороны, это идея мирового господства, которую воплощал в жизнь имперский Рим и которую унаследовал католицизм. С ней пришла в жизнь философия мирской мощи, власти, с ними – «благо цивилизации». Другая идея – идея протестантская, немногим отличающаяся от первой. Ее суть фактически осталась все та же, хотя воплощением католицизма стал француз, а протестантизма – германец. Это два единокровных брата, спорящих за то, кому достанутся все богатства почившего в бозе их отца-разбойника. Их богатства, вероятнее всего, утащит третий сын, незаконнорожденный отпрыск англосакс. Но есть одна-единственная идея, которая бросает вызов вырождающимся человечеству, этим наследникам Иуды и Ирода. Такой великой и святой идеей Достоевский считал идею славянскую. «А между тем на Востоке действительно загорелась и засияла небывалым и неслыханным еще светом третья мировая идея – идея славянская, идея нарождающаяся, – может быть, третья грядущая возможность разрешения судеб человеческих и Европы». Третья идея тесно связана с Православием, рождена и крепится им. Она требует от славян духовного, экономического и военного единства. И, разумеется, веры. Как напутствовал нас Достоевский, «встретимся на Христе».^[675] Славянам не на кого рассчитывать, кроме как на самих себя. Сербия не имела и никогда не будет иметь другого столь верного преданного союзника, как Россия. Конечно, торговать можно и нужно со всеми. Но

когда их вновь попытаются обратить в рабство, презрев расчеты и выгоды, встанет и пойдет сражаться за них по зову сердца лишь одна страна мира – Россия.

Славяне должны стать ядром единой и православной федерации. Почему ратую за их лидерство? Дело не столько в их числе и силе, как в духовности, мудрости, человечности. В «Краткой истории Черной горы» написано, что Митрополит Данила, прочитав послания русского царя, воскликнул: «Мы с русскими одной крови, одного языка!» Очень вероятно, что и одной судьбы. Вот и болгарский поэт П. Славейков писал о нас: «Человечность, отзывчивость и то сочувствие радостям и страданиям человеческим вообще присущи душе славянина. Эта душа менее всего подвержена вспышкам грубого эгоизма, столь свойственного германской расе, или кичливой аффектации, столь характерной для романской. Отзывчивость, и сочувствие славянина к чужому доходит до самозабвения, до полного пренебрежения своим «я». Это можно ясно установить по общему характеру культурного развития в России, как в значительной степени и других народностей славянского племени».^[676] Поэтому решительно нельзя допускать того, чтобы под сурдинку демократии мы с вами выплеснули святого ребенка славянизма!

Президент Белоруссии А.Г. Лукашенко

И все-таки я вынужден предостеречь наших русских правителей от излишнего оптимизма в отношении славянофильства (восточных славян). Так же как нет в помине пролетарского интернационализма, так нет и всенепременного единого братства славян. Свобода иных народов в битвах мировых капиталов, ресурсов и интересов часто оказывается невольной заложницей. Запад борьбу за свободу и независимость народцев довольно умело сделал козырной картой в большой игре. Мировых заправил не интересуют хорваты, косовары, чеченцы, грузины, молдаване, прибалты, сербы! Малые народы этого не понимают или понимают слишком поздно. Но США и их сателлиты будут и впредь болтать о поддержке «благородной борьбы за независимость». На деле прохвосты планируют новый коварный план по переделу мира и сфер влияния! Негодяев среди местных элит, что всегда готовы сделать свой народ заложником Запада, они с легкостью отыщут. Похожее имело место и с СССР, где иные народы подпали под власть отпетых воров и убийц, вызывавших к борьбе против «неверных», «оккупантов» во имя свободы грабежей, убийств, насилия. Вчерашние «союзники» могучего СССР по Восточной Европе вдруг в мгновение ока переориентировались на Западную Европу и США. Не удивляйтесь. В эпоху Лютера говорили, чья власть, того и вера. Деньги и власть – у американцев, англичан, немцев. Венгры, поляки, чехи, румыны, хорваты, не говоря уже о прибалтах и хохлах, готовы стать хоть чертом, хоть евреем, только бы поживиться за счет Запада... Униатский епископ С. Панкович в Закарпатье, «продавший душу» католикам, писал: «Если мы живем теперь под властью мадьяр, то мы должны быть мадьярами, а если будут господствовать немцы, то станем немцами».^[677]

Из сотен слов я лишь одно – славянство —
В стихах своих, как гимн, превозношу...
Устав от войн, жестокостей, коварства,
Когда-нибудь, как путник к шалашу,
В отчаянную, страшную грозу
К нему придут другие государства...^[678]

Наконец, сделан первый важнейший шаг в создании будущего нерушимого союза с Белоруссией. Шаг поистине исторический. В наш славянский союз прибыло еще 11 миллионов белоруссов. Строго говоря, началось воссоединение союза славян, а это означает, что сделан и первый, самый главный шаг в восстановлении единой Славянской империи.

Не удалось разбить наше геополитическое пространство, а затем уже добивать русских, белорусов, сербов и т. д. поодиночке. Историческая память побуждает белорусов к единству. Они ведь помнят, как еще в XVII веке войны с поляками, конфликты между магнатами привели к тому, что население сократилось вдвое за 17 лет: с 2876 тыс. человек в 1650 г. до 1352 тыс. человек к 1667 году. Во время войны против Гитлера они потеряли больше всех других народов России. Поэтому тут и сохраняется любовь к русским, как и белорусско-русское двуязычие.^[679] Экономические основы интеграции таковы: через Беларусь проходит 70 процентов российского экспорта-импорта; знаменитый белорусский «сборочный цех СССР», чьи рабочие и инженеры станут работать на всю страну. Разумеется, и Беларусь будет получать на льготных условиях 90 процентов необходимых ей ресурсов из России, ибо 80 процентов производства продукции промышленности зависит от сырья, материалов, комплектующих, запчастей из России. Я уже не говорю о военно-стратегической составляющей, играющей первостепенную роль в холодном мире, который уже наступил. Потому «пятая колонна» и набросились на А. Лукашенко, бесстрашного витязя Белоруссии и России. Знают недруги славян: союз с Россией – это их «смертный приговор».

Сторонника союза с Западом и НАТО Кучму ожидают горькие и безрадостные дни. Его отец, отдавший жизнь за нашу страну, похороненный в России, от стыда в гробу ворочается. Забыл сын, что Гитлер хотел превратить дивный Киев в поселок фольксдойчей «Киевбург». Оставляя Украину, Гиммлер отдал жесткое приказание главе СС и полиции Прюцману: «Надо сделать все, чтобы при отступлении с Украины там не оставалось ни одного человека, ни одной головы скота, ни единого грамма зерна, ни метра железнодорожного полотна, чтобы не уцелел ни один дом, не сохранилась ни одна шахта и не было бы ни одного неотравленного

колодца» (1943). Украина находится на 102 месте в мире по уровню жизни, при 4 миллионах безработных. 80 процентов промышленного потенциала страны безнадежно устарело. Пока Кучме удалось списать 1,5-миллиардный долг Украины России за газ. Но это потому, что ежегодно Украина открыто ворует 5 млрд. кубометров газа у наших городов и сел. Пора предъявить счет. Пусть возвращает Крым, платит заводами и землями. А то выходит по крыловской басне: власти Украины флиртуют с НАТО, а газ наш потребляют («сало русское едят»). При этом некоторые успешно подворовывают, глядя на своих российских коллег. В «романе» Украины с НАТО главное – военно-стратегические планы «униатов» против России. Поскреби «самостийника» – узришь бендеровца. Хотя кое-кто хочет просто-напросто выторговать дюжину-другую займов за передачу плацдармов, аэродромов и военных баз (и прибрать их, как Лазаренко, сидящий ныне в тюрьме США). Они намерены (как теленок) «сосать двух маток» – Россию и Европу. При умном вожде в России такая политика станет невозможной. Ключ к ликвидации славянского сепаратизма – в кармане русского правительства. Украина – ничто без опоры на энергетическую, научно-техническую мощь России. Гоголевский Тарас Бульба поступил сурово, но справедливо с сыном Андреем, продавшим честь и веру рода своего польскому пану. Вот и русскому президенту пора «стать Тарасом Бульбой», пустив газ и нефть в обход Украины. Тогда скоро «одумается сынку». Западу хотелось бы оторвать Украину от России навсегда, но экономические, транспортные и иные системы наших стран переплетены, как вены и аорты одного большого тела. Сотрудник Исследовательского центра по изучению конфликтов при Королевской военной академии в Сэндхерсте Дж. Шерр признал, что в словах главы правительства Украины В. Пустовойтенко об интеграции с Россией заложена большая доля истины («теперь нет иного пути»).^[680] Верю: логика и проза жизни образумит соседей, а затем явит и нового «гетмана великого единства» Б. Хмельницкого. Это, кажется, стали понимать на Украине, после появления нового вождя в России.

Украинцы поймут и то, что известно любому образованному человеку. Великий Гоголь писал: «Какая у меня душа – хохляцкая или русская – сам не знаю. Знаю только то, что никак бы не дал преимущества ни малороссиянину перед русским, ни русскому перед

малороссиянином. Обе природы слишком щедро одарены Богом, и, как нарочно, каждая из них порознь заключает в себе то, чего нет в другой – явный знак, что они должны пополнить одна другую... Русский и малороссиянин – это души близнецов, пополняющие одна другую, родные и одинаково сильные». Предки воспринимали слова «Русская земля» как единое понятие. Прав член-корреспондент АН Украины Н. Ф. Котляр, говоря: «В области идеологии понятие «Русская земля» серьезно сплачивало народность и государство как в годы его относительного единства (IX–XI вв.), так и, в особенности, в эпоху раздробленности, когда оно было одним из ведущих объединительных стимулов в стране».^[681] Б. А. Рыбаков пишет о невежестве тех, кто в князе Владимире хотел бы видеть только украинца. Восточные славяне всегда были в составе одного государства от Новгорода на севере до Черного моря на юге. Русские, украинцы и белорусы составляют триединый народ. У них одни корни, история и государственность. Все летописи – в Киеве или в Новгороде – писались на одном древнерусском языке. «Помрачение Беловежской пущи еще не прошло у части украинских националистов. Они пытаются переписать историю, но это все равно, что оскорблять память предков и времен Киевской Руси и времен Богдана Хмельницкого».^[682] Однако же у этого «помрачения» западные корни.

Убийственно точно охарактеризовал тайну украинского сепаратизма русский ученый-эмигрант Н. И. Ульянов. В своей книге «Происхождение украинского сепаратизма» (1966) он отмечал, что главная отличительная черта псевдоидеи украинского сепаратизма – крайняя ее искусственность, дикость, надуманность. Ученый пишет: «Гораздо лучше это было видно людям «со стороны», вроде чехов. Крамарж называл его противоестественным, а Parlamentar, орган чешских националистов писал об «искусственном возвращении» украинского национализма. До прихода к власти большевиков он только драпировался в национальную тогу, а на самом деле был авантюрой, заговором кучки маньяков. Не имея за собой и одного процента населения и интеллигенции страны, он выдвигал программу отмежевания от русской культуры, вразрез со всеобщим желанием. Не будучи народен, шел не на гребне волны массового движения, а путем интриг и союза со всеми антидемократическими силами, будь то русский большевизм или австро-польский либо германский нацизм.

Радикальная русская интеллигенция никогда не желала замечать этой его реакционности. Она автоматически подводила его под категорию «прогрессивных» явлений, позволив красоваться в числе «национально-освободительных» движений». ^[683] Знаем этих «русских»!

Уверены, что чем культурнее, патриотичнее будет украинская верхушка, тем скорее и до нее дойдет свет истины. Ей не надо ничего изобретать. Проблемы двух народов и культур во многом остались те же, что и 150 лет тому назад. Дивен украинский язык. А что за чудо украинские песни, которые, увы, нынче не звучат в проиудейской Москве. Нет ни театров, ни книг. И все ж, как говорится, «нехай Шевченко – батько, Украйно – мати», но зачем же русский язык губить?! Русские не стали переименовывать улицы Тараса Шевченко и Леси Украинки в улицы Ельцина и Черномырдина, а «вии» переименовали улицы Пушкина и Лермонтова в улицы Черновила и Дудаева, да и штраф (в 50 долларов) за исполнение у себя украинских песен мы не берем, как это делается в западной Украине в отношении певцов русских песен. Русские вот и памятник Т. Шевченко в Петербурге недавно воздвигли. Сторонник развития украинской культуры Н. Костомаров говорил: «Смешно было бы, если кто-нибудь перевел на южно-русский язык «Космос» Гумбольдта или «Римскую империю» Момзена». Сто тридцать лет тому назад в «Вестнике Европы» (1872) появились статьи М. Драгоманова, где тот отмечал, как тесно связаны «нравственные и экономические интересы середины России с судьбою лежащих и дальше наших границ стран прикарпатских и придунайских». И хотя он был против «перерусения» или «дорусения» Малороссии, но он же ясно и недвусмысленно высказался в пользу федерации славян – общей, сохраняющей целостность империи. Против этого, говорил он, только евреи («Сион»), поляки и Европа. Он даже говорил «ляхам»: «Оставьте же нам самим с Великороссами реформировать Россию». Драгоманов считал попытки перевести преподавание в школе на украинский язык не просто глупым и бестактным, но и безусловно скорее разрушительным, чем созидательным. Простой люд всегда хотел и ныне хочет учиться по-русски. Драгоманов повторял: «Умение читать по-русски не повредило бы нашему народу», а «на заведение в школах на Украине государственного русского языка я смотрю как на факт

исторически неизбежный». На этих же позициях стояли профессор Киевского университета В. Антонович, другие украинофилы. Но то были люди высокой культуры, народ просвещенный, а не тупые и невежественные нынешние «западенцы». [\[684\]](#)

Конечно, иные слова хотелось бы обратить к горячо любимому нами братскому народу. В духовном плане новая Украина будет строить свою культуру на идеях мыслителей (Г. Сковороды, Т. Шевченко, М. Драгоманова и др.), на украинских «громадах», «братском» движении, но, главное, на взаимоотношении с Россией, хотя и не чуждаясь европейской цивилизации (А. Карась). Народы наши подошли к воплощению идеи славянского социализма! Мы не делаем каких-то открытий. Еще Г.Федотов писал, что «большинство русских так называемых пореволюционных течений возникает на почве социального православия». Самым благодатным выходом для Украины, России, Беларуси будет развитие идей неохристианства и социализма. Это же судьба славян! Двоеверие вообще было очень распространено в славянской культуре. Известно, что Илариону Киевскому были свойственны не только уважение к православию, но и гордость за свое языческое прошлое. Россия может, имеет полное право прожить еще добрых тысячу лет в рамках великого двоеверия – православия и социализма! Такой порядок правильно воспримет народное сознание да и все общество. [\[685\]](#)

В конечном счете, украинцы вынуждены будут сделать окончательный и разумный выбор: выбирая между близкой им по языку, вере и культуре Россией, полуиудейской Европой и США или «вахабитами». Как заметил бы Г. Сковорода: «Лучше уж быть в чести у одного умного, чем у сотен глупцов». Хотя наше сердце и переполняет боль при виде этого позора и измены лидеров братской страны. И показалось, что нынешнему времени, тому, что происходит с родной Украиной, созвучно написанное мною (В.Б. Миронов) когда-то стихотворение («Памяти Л. Украинки»).

Отчего наше сердце, тоскуя,
Ждет извечного зова любви?
Отчего все пожары в крови
Возникают с искры поцелуя?!

Может быть, оттого, что с любовью

Мы явились на сей белый свет,
А уходим, когда ее нет, —
Смерть потом уж спешит к изголовью?!

Может быть, поцелуи подруг
Обладают таинственным жаром,
К жизни нас возвращая пожаром
Из забвений тоски и разлук?!^[686]

По форме устройства Россия, Украина, Беларусь неизбежно должны будут стать единой Славянской Федерацией, состоящей из братских этносов, где все братья-славяне играли и будут играть равную и доминирующую роль. Мы знаем: стоит появиться умным, гибким, волевым, дальновидным руководителям (к счастью, в России и Беларуси они сегодня уже есть), как будут созданы и все предпосылки для восстановления единой «Империи» (то есть Федерации трех народов). Народам более всего нужна спокойная союзная политика, в основе которой лежит единство регионов, наук, политик, экономик, торговли, вооружений и армий. Убрать продажных, прямо ориентированных на Запад и на развал нашего государства предателей! Видимо, глубоко правы те, кто говорит о необходимости установления в России (Украине и Беларуси) власти, которая будет обладать «этическим императивом империи» (сильная армия, мозговые тресты славянских структур, эффективные, мощные экономические рычаги). Историк А. Кольев верно пишет о характерной особенности российского государства: «Россия, как известно, не является и не являлась типичным колониальным государством. Здесь периферия всегда жила за счет центра, метрополии».^[687] Хватит жить за счет центра. Никаких льгот и преимуществ «малым народам»! Не случайно слышны речи о «самодержавной демократии» (В. Видеманн), восстановлении элементов «советской империи», «возвращении к имперскому сознанию» и «приоритете империи» (В. Махнач). Некогда даже известный историк и философ А. Тойнби (в письме к академику Конраду) называл Советский Союз моделью будущего развития человечества. Впрочем, необходимо все же решительно сменить вектор полюсов. Со старой советской системой существования окраин

и малых наций за счет «русской России» (за счет Украины, Белоруссии) пора покончить раз и навсегда.

Нас называют «прирожденными империалистами». Хотя славянская империя в корне отличается от всех империй Запада или Востока. У нее совершенно иные ценностные, нравственные, сердечно-духовные скрепы. «Империя» – традиция, сохраняющая в душах и сознании нации возможность реализации общей воли. Собственно, эту идею и исповедывал консерватор-монархист К. Леонтьев. Он говорил о том, что демократия и свобода (в западном духе) нам чужды. У нас все умное насаждалось сверху умными царями, поэтому и все глупое, гибельное шло оттуда же. Леонтьев писал: «Социализм (т. е. глубокий и отчасти насильственный экономический и бытовой переворот) теперь, видимо, неотвратим». Не вдаваясь в оценку его взглядов, отметим некоторые ключевые черты, которые он определил как важные для будущего устройства России: «Государство должно быть пестро, сложно, крепко, сословно и с осторожностью подвижно. Вообще сурово, иногда до свирепости. Церковь должна быть независимее нынешней. Иерархия должна быть смелее, властнее, сосредоточеннее... Быт должен быть поэтичен, разнообразен в национальном, обособленном от Запада единстве. Законы, принципы власти должны быть строже, а люди стараться быть добрее: одно уравнивает другое». Как главный и магистральный путь развития он видел «прогрессивно-охранительный путь».^[688]

Старая русская интеллигенция нащупывала решение вопроса «Куда идти России и что ей делать?». Представляют интерес взгляды главы московской школы философии, права теоретика неолиберализма П. И. Новгородцева (1866–1924). Личность во всех отношениях замечательная: первый марксолог, один из основателей конституционно-демократической партии, член ЦК, не вошедший в состав Временного правительства, активный участник белого движения, а затем (уже в годы эмиграции) первый председатель Религиозно-философского общества им. Вл. Соловьева, декан Русского юридического факультета в Праге, прошедший эволюционный путь от идей либерализма к идеям социализма. В его позиции для нас важно и ценно понимание того, что одним прыжком или скачком (с помощью революций, переворотов, реформ, да чего угодно) в социально-гуманный «рай» не попадешь, хотя мы в принципе и не против идеи

Бабефа, неустанно повторявшего: «Рай равных – здесь на земле!» Нужна четкая и разумная цепь последовательных действий, сдвигов, реальных перемен, улучшающих не рай (Бог уж с ним), а жизнь труженика. Новгородцев писал в своей работе «Об общественном идеале» (1921): «Таким образом, когда мы говорим, что социализм, входящий в культурную работу современного государства, «врастающий» в современное общество, вполне приемлется теорией новейшего либерализма и практикой правового государства наших дней, это значит, что мы говорим в данном случае не о марксизме, а некотором новом историческом явлении. Это значит, что мы имеем здесь в виду социализм, утерявший свое внутреннее существо и превратившийся в политику социальных реформ. В этом историческом воплощении социализма марксизм умер и превратился в предание. Таков исход реформистского течения социализма». Мы ранее уже показали неприемлемость не только иудейского марксизма, но и капитализма, называемого «демократией» (они – близнецы-братья, у них и физиономии одинаковые, как сказал бы Гоголь, один и тот же характерный «Нос»). Так что пусть о крушении капиталистических и марксистских утопий земного рая скорбят те, кто верит в Запад, в его способность создать гуманный мудрый мир. Мы же твердо уверены в том, что идеи социального гуманизма восторжествуют в России. Они станут «необходимым элементом каждой политической системы, притязающей на титул современности».^[689] Не случайно философ-богослов С. Булгаков, совершивши эволюцию от «легального марксизма» к «христианскому социализму» и ортодоксальному православию (после убийства царя и зверств иудеев-большевиков), встал на эти позиции. В роду Булгаковых смешались густые потоки русской и татарской кровей (союз наций). В научном же отношении он соединял философский идеализм с социалистическим реализмом. По мысли Булгакова, в России возможен и реален христианский социализм, ибо в нем соединены высокая мораль и верный экономический уклад (кстати, близкий общинной России), идеализм и материализм, дух и тело. Даже воспитывавшийся в протестантской среде философ Ф. Степун (казалось бы, сторонник западной «цивилизации» и противник марксизма-ленинизма) считал христианство «некой абсолютной истиной». Если у нас демократия и социализм фактически оказались в жестокой и острейшей

конфронтации, то Степун, напротив, считал их союзниками. И это правильно, ибо социализм ничто иное как социальная проекция христианства. И наоборот: наше будущее Новое Христианство (именно Русское Христианство) – духовная проекция социально-экономических, культурных чаяний России и человечества на жизнь людскую. Об этой своей мечте Степун говорил вполне оптимистично: «мало-мальски беспристрастное исследование вопроса об отношении христианства к социализму и капитализму с непрекаемой очевидностью устанавливает социалистическую, а не капиталистическую душу социальной эпохи христианства». Почему же так, а не иначе? Потому, что западный вариант социализма ограничен и ущербен по самой сути своей, ибо исходит из убеждения, что все строится только на экономическом интересе, что иных сил не существует вовсе. Он не верит в силу духовно-нравственных начал в людях. Для такого «социализма» и «человек есть денежный мешок, пустой или наполненный, так же, как и для капитализма». Мещанские основы современного социализма западного типа делали и делают их учение «духовно-мертвящим», лишают его поэзии и очарования. При западном образе жизни человек как-то незаметно превращается в червя, в прозаичное, серое, бескрылое и, по сути, низменное существо. Стадо, напоминающее жуткого идола или молоха. Оно поклоняется лишь «демократии денег», понимаемой ими, как прекрасное и удобное стойло. В такой «социалистической толпе» нет места ни уму, ни высокой религиозности, ни гуманизму. Образ примитивного социализма выведен у М. Булгакова в романе «Собачье сердце» или как скажет поэт Г. Адамович (1892–1972):

Социализм – последняя мечта
Оставленного Богом человека.
Все разделить. Окончить все счета.
Всех примирить, отныне и до века.
Да будет так. Спокойно дышит грудь,
Однообразно все и однозвучно.
Никто не весел, никому не скучно.
Работать в жизни, в смерти отдохнуть... [\[690\]](#)

Капитализм вырос, скорее все ж из спекуляций, жестокой эксплуатации и грабежа, нежели из честного труда. Христианство истинное, напротив, «защищало труд, и прежде всего даже физический труд, как основу человеческого общежития», проповедуя трудовой социализм, защищая трудовую («мозолистую») собственность. Степун, как и я, не приемлет спекулянта, это пошлое стадо «березовских бензоколонок» или же «гусинских вещевых рынков». Он ценит лично-творческую функцию труда. Оценка же им русской православной души верна – «христианская душа по природе социалистична». [\[691\]](#)

М. Назаров в книге «Тайна России. Историософия XX века» описал причины российской трагедии XX века. Одной из причин трагедии он назвал «отход от замысла Божия о нас». Катастрофа 1917 г. рассматривается им как непосредственная подготовка прихода в Россию царства антихриста. Хилиастическая идеология революционеров, кадровый состав, их заграничное финансирование – все это уже указывало на воплощение того «безбожного жидовского ига», что было предсказано еще в конце XVIII в. иноком Авелем. Все великие умы сошлись в том, что марксистское учение стало секулярным вариантом иудаистских чаяний «земного рая» (В. Соловьев, С. Булгаков, Н. Бердяев, Г. Федотов и другие). Этот очевидный факт признали даже евреи (от лидера сионизма М. Бубера, министра культуры Луначарского и до главы финансистов-евреев в США Шиффа). С. Булгаков писал (1941): «В большевизме более всего проявилась волевая сила и энергия еврейства, все те черты, которые так известны уже и по Ветхому Завету, где они были предметом гнева Божия... В грядущих событиях центральное место принадлежит России и еврейству... Россия находится под игом большевизма, ... еврейство же претерпевает еще раз в своей истории гонение (в гитлеровской Германии. – М. Н.). Но само же оно доселе остается в состоянии поклонения золотому тельцу и отпадения от веры, даже и в Бога Израилева. Все эти новые бедствия... кара за то страшное преступление и тяжкий грех, который им совершен над телом и душой русского народа в большевизме... Еврейство в самом своем низшем вырождении, хищничестве, властолюбии, самомнении и всяческом самоутверждении, через посредство большевизма совершило если – в сравнении с татарским игом – и непродолжительное хронологически

(хоть четверть века не есть и краткий срок для такого мучительства), то значительнейшее в своих последствиях насилие над Россией, особенно над Святой Русью, которое было попыткой ее духовного и физического удушения. По своему объективному смыслу это была попытка духовного убийства России...». Но победа сатаны над Россией оказалась все-таки временной, хотя стоила нашему народу многих и многих кровавых жертв.^[692] Ельцин – финальный аккорд иудейской кары!

Россию нельзя даже походя называть «тюрьмой народов»! У малых наций была возможность убедиться, что жизнь окраинных и малых народов в 1917–1991 гг. была не так плоха, хотя известна депортация крымских татар, чеченцев. Лидер коммунистов Г. Зюганов в целом вполне справедливо заметил: «Очень важно понять исторические особенности российской цивилизации. Это – традиции терпимости, уважения к тем, кто живет по соседству. Наши просторы осваивались не так, как это было в Новом Свете. Вперед шли не с мечом, а с крестом. Несли слово, знание, а не уничтожение. Поэтому в России и сохранились все народы, жившие здесь издревле. Скрепляющей основой, на которой было создано наше государство, является русский народ. Без его духовного возрождения невозможно возрождение других народов страны».^[693] Хорошо бы, если русская составляющая стала на деле, а не на словах основой политики коммунистов. Кстати, в жерновах Запада за 3–4 века безжалостно перемолоты многие этносы. Видим парадоксы: есть Великобритания, но нет бриттов, есть Пруссия и Германия, но исчезло мощное и культурное племя пруссов, есть французы, но давно нет гасконцев, бретонцев, провансальцев, есть пространства Северной Америки, где почти исчезли коренные индейцы. В. Кожин пишет: «Невозможно излагать здесь всю этническую историю стран Запада, но для уяснения проблемы достаточно в самых общих чертах сравнить ее с этнической историей России, – той России, даже в центральной части которой на протяжении веков жили, росли и крепили вроде бы совсем «чужие» русским народы – башкиры, коми, марийцы, мордва, татары, удмурты, чуваша и т. д., а на окраинах столетиями сохранялись даже и самые малочисленные этносы в несколько тысяч или даже в несколько сот (!) человек. На Западе же многие десятки народов либо вообще исчезали, либо превратились к нашему времени в своего рода этнические

реликты (как шотландцы, валлийцы, бретонцы, гасконцы, лужичане и т. п.)»... [\[694\]](#)

Роковой ошибкой коммунистов было нежелание опереться на Русский народ. Как бы, не дай Бог, их не причислили к русским националистам. Упоеваете на Интернационал?! Француз, англичанин, немец, японец, китаец, испанец, американец, араб, еврей называют себя сторонниками национальной идеи открыто и гордо. А вот коммунистов охватывает страх и дрожь, когда речь заходит о русском национализме и патриотизме. Почему? Да потому, что если поскрести «интернационалиста», обнаружим еврейство, масонство и космополитизм – три составные части антирусской люциферской силы. Они были заповедями «интернационалов». «Никогда не забывайте, что масонство прежде всего и главным образом интернационально», – откровенно заявляли многие видные масоны. На первом Интернациональном Конгрессе масонов в Париже в 1899 г. масон высокой степени Амиабль говорил, что «космополитизм – это главное» в их союзе, и что «всемирная демократическая республика – вот идеал, рожденный и высказанный за полвека до революции 1789 года». России нужна массовая русская партия, выстраивающая систему кадров на лучших людях России.

У русского социализма иной смысл, чем у еврейского марксизма-капитализма. И все же между христианством и социализмом есть разумное соотношение. Философ С. Булгаков писал: «Христианство дает для социализма недостающую ему духовную основу, освобождая его от мещанства, а социализм является средством для выполнения велений христианской любви, он исполняет правду христианства в хозяйственной жизни. Разумеется, насколько социализм проникается антихристианским духом и отдается чарам первого искушения, он не может быть соединен с христианством, которое требует прежде всего человеческого сердца. Но в социализме самом по себе, рассматриваемом как совокупность мер социальной политики, нет ничего, что бы не соответствовало христианской морали. Поэтому самая мысль о «христианском социализме» не имеет в себе ничего противоречивого. Принципиально христианский социализм вполне возможен». У христианского социализма России должны быть все же совсем иные черты и особенности, нежели у социал-фетишизма Запада и США. [\[695\]](#) И в то же время, как сказал философ, в социализме, как и

по всей линии нашей культуры, идет борьба Христа и антихриста. Борьба идет также за самого Христа и за социализм! Поэтому и надо видеть две стороны этой сложнейшей проблемы.

С одной стороны, при самом критическом, даже негативном отношении к марксизму-ленинизму надо признать: подобно христианству на заре истории, это движение в XIX–XX вв. в значительной мере стало движением угнетенных и униженных людей. Пролетарии мира узрели в нем мощное оружие, с помощью которого они сокрушили несправедливый строй и дикие порядки, установленные монархией и буржуазией. Будем честными до конца. Почему марксизм овладел умами масс? А потому, что обещал выход и спасение простым людям здесь, на земле, а не в заоблачной выси. Если в Европе и Америке дали простор инициативе и собственности 2–3 века тому назад, в России власть ничего не сделала, чтобы покончить со страшной нищетой, варварством, эксплуатацией и неравенством. Что же удивляться, что народ стал прислушиваться к социалистам?! Не имея собственных идей, революционеры должны были опереться в битве на немецкую философию, английскую политэкономия и французский социализм. Так родился симбиоз – русско-еврейский коммунизм. Материализм воплотился в научном социализме, послужив основой для массовых политических партий «всех цивилизованных стран мира», ориентирующихся на трудящиеся массы (писал В. И. Ленин). Эти идеи позволили хоть как-то противостоять вакханалии богатееров, плутократов, эксплуататоров. Хотя сегодня они вряд ли способны выдвинуть из своих рядов мужественно-героическую фигуру «нового Ленина». Нужны иные умы и масштабы.

Вспомнилась книга французского историка Мишле «Народ», где он разъяснял состоятельным людям смысл их бытия, их главный интерес и опору. Обращаясь к богачам, он вопрошал: что, ищите спасения у тех, кто наименее надежен, кто непостоянен, алчен и корыстолюбив – у политиканов, столь часто сменяющих друг друга у кормила правления, у плутократов и жуликов, что первыми «в день революции поспешат схватить свои портфели с акциями и перебраться за Ла-Манш»?! Сделайте ставку на ваш же собственный народ. «Пусть он будет вашей опорой! Надо не бояться народа, а идти к нему... нужно, чтобы люди поняли друг друга». В высшей степени актуально звучит сегодня фраза: «Хватит запугивать наш бедный народ двумя

жупелами – «Террор» и «Коммунизм». Иначе вы сами когда-нибудь от ужаса и страха обратитесь в камень!». Эти же слова, хотя с рядом оговорок и пояснений, мы вправе бросить в лицо нынешним властителям и охлократии в России.^[696]

Нельзя забывать и о серьезных достижениях советского строя. Есть же, в конце концов, и факты, мимо которых не пройти никому. Это при русском царе еще сто лет назад продолжительность жизни у русских мужчин ожидалась всего-то 27,5 лет, тогда как у латышей – 43,1, а у молдаван – 40,5 (по переписи 1897 года). Повторяем, и царь вроде бы был «православный», да и власть, кажись, опять-таки «русская». И это без марксизма и еще до революций! Только при советской власти масса простых людей, а не кучка заворовавшихся и безродных тварей, жила более или менее достойно. Она могла учиться! Даже наследник Романовых, Н. Романов, вынужден был заявить, что приход большевиков в России был, видимо, неизбежен (1999). Частью прав С. Кара-Мурза, говоря в статье «Патриотизм – не абстракция»: «Так пусть же патриоты-антисоветчики наконец-то честно и громко признают, что именно советский строй (и только он!) резко сократил этносоциальное неравенство русских (правильнее сказать, «славянский строй». – **В. М.**). Продолжительность жизни была у русских мужчин 64,6 года, а у латышей – 65,9, у молдаван – 65,1. Почти сравнялась. Так что русские рано умирали при царе и при Ельцине, а жили долго только при советском строе. И это перевешивает все шпильки, которые втыкает в спину коммунистам И. Р. Шафаревич... Но все прекрасно помнят... что краткий исторический период максимально полного национального единения был как раз советский период! И экзаменом были не слова, а тяжелейшая война (а до этого – невиданная индустриализация). Такое единение было возможно только при соответствии жизнеустройства и идеологии чаяниям и интересам народа. А это для России и есть максимальная «русскость». Становился строй все менее советским – все меньше получал поддержки. Этим и был вызван крах 1991 г.». Но и тут не вся правда.^[697] В споре двух русских патриотов (С. Кара-Мурзы и М. Назарова) одновременно и правы и неправы – оба. Первый видит главный итог советского строя в одних лишь завоеваниях и победах. Второй подает царскую Россию только как мощную и процветающую страну, а советский строй – в образе жестоком и бесчеловечном.

Б. Иогансон. *Рабфак идет. Вузовцы. 1928*

Так спорить нельзя. Умные люди должны понимать: царская Россия выполнила свое историческое предназначение и должна была уйти с исторической сцены. То, что она попала в руки евреев-большевиков – трагедия, но оптимистическая. Да и роль евреев неоднозначна. Видимо, и Сталин был абсолютно необходим на том этапе, чтобы «пасти» их властно-алчное Авраамово стадо. Он же стал важнейшим противовесом иудеям. В XV в., еще во времена распространения на Руси ереси жидовствующих, когда Московским митрополитом был их сторонник Зосима, подвижник и богослов, игумен Волоколамского монастыря Иосиф Санин дерзко обличал еретиков в «Просветителе». В итоге царь одумался и покаялся. Ересь по постановлению Собора 1504 года была искоренена, часть жидовствующих сожгли, иным урезали язык, остальных заточили в тюрьмы и сослали. Четыре с лишним века спустя Иосиф Сталин отбил новый их натиск. Он лишил постов и чинов всех жидовствующих революционеров, иных казнил и сослал. Тем самым спас Россию от геноцида, на который обрекает ее третья волна жидовствующих, – самая страшная и разрушительная для нас!

Все эти годы осуществлялась политика подчинения интересов Русского народа интересам малых наций и народностей. Главным заповедями тут всегда были еврей-сионисты. Ведь именно они заняли все без исключения ключевые посты в правительствах РСФСР и СССР (вместе с «кавказцами»). Это они озаботились тем, чтобы само имя России исчезло из политического и культурного словаря народов мира. Слово «русский» сделали жупелом. Нарком просвещения Луначарский (Байлих) цинично и откровенно заметил: «Пристрастие к русскому лицу, русской речи, к русской природе – это иррациональное пристрастие, которое отнюдь не нужно воспитывать». Когда в 1927 г. в ЦК партии все же встал вопрос о повышении представительского статуса русского народа в центральных органах власти, «интернационалисты» (евреи, кавказцы, азиаты) в один голос все завопили: «Ванька прет! Ату его!» И было принято решение «бороться с русским Ванькой». Занявшие к тому времени комиссариаты нацменьшинства быстренько сообразили, что создание Русской республики стало бы серьезным препятствием на пути их гегемонии в России. Именно партократическая (и в основе прежде всего русофобская сволочь) на протяжении XX века блокировала создание Русской республики. Те же господа окопались в двух столицах, они и сегодня еще сидят тут выводками, как тараканы. Не мудрено, что в одной компании оказались (что естественно) Ленин и Каменев (1922), Сталин и Троцкий (1923, 1925), Сталин, Берия, Маленков (1949), Хрущев, Брежнев и Андропов (1956–1983), Горбачев, Ельцин и Гайдар (1985–1999). О роли Сталина, подававшего себя как «русского патриота-интернационалиста», а на деле же уничтожавшего «русских националистов», еще предстоит рассказать. Об этом гласят материалы «ленинградского дела»: заместителя Председателя Совета Министров СССР Н. А. Вознесенского, члена Политбюро, члена Оргбюро, секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Кузнецова, члена Оргбюро ЦК ВКП(б), Председателя Совета Министров РСФСР М. И. Родионова, первого секретаря Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) П. С. Попкова и много сотен других «ленинградцев», принявших за чистую монету тошнотворный лозунг «за здоровье русского народа» (на приеме 24 мая 1945 г. в честь командующих войсками Красной Армии). О скрытом коварстве Сталина говорит и тот факт, что перед тем как взять и уничтожить Кузнецова и Вознесенского Сталин в узком кругу (за столом) называл

их «официальными преемниками». Ю. Андропов, которого превозносит иудейско-партийная элита, был ярким русофобом, о чем говорит и его известная фраза: «Главная забота для нас – русский национализм; диссиденты потом – их мы возьмем за одну ночь».

Конечно, Сталин – фигура крупная. Ему хотя бы хватило ума оценить наследие, полученное им из рук русских царей. При всей путаности взглядов, он в душе оставался слугой великой империи – России. И выступая в ноябре 1937 г. перед узким кругом своих соратников (за праздничным столом у Клима Ворошилова), Сталин не мог в душе не признать того, что цари сделали «одно хорошее дело: сколотили огромное государство до Камчатки». И если большевики получили в наследство это государство, то «демократы» его... Участники той беседы тогда одобрили слова вождя: «Поэтому каждый, кто пытается разрушить это единое социалистическое государство, кто стремится к отделению от него отдельной части и национальности – враг, заклятый враг государства, народов СССР. И мы будем уничтожать каждого такого врага, был бы он и старым большевиком, мы будем уничтожать весь его род, его семью, каждого, кто своими действиями и мыслями, покушается на единство социалистического государства, беспощадно будем уничтожать». Оставим без комментариев эти в принципе очень верные слова. В 1939 г. Сталин беседовал с видным государственным деятелем СССР, послом в Швеции А. М. Коллонтай. Он говорил ей, размышляя о будущем: «Многие дела нашей партии и народа будут извращены и оплеваны прежде всего за рубежом, да и в нашей стране. Сионизм, рвущийся к мировому господству, будет жестоко мстить нам за наши успехи и достижения. Он все еще рассматривает Россию как варварскую страну, как сырьевой придаток. И мое имя тоже будет оболгано, оклеветано. Мне припишут множество злодеяний. Мировой сионизм всеми силами будет стремиться уничтожить наш Союз, чтобы Россия больше никогда не могла подняться. Сила СССР – в дружбе народов. Острые борьбы будет направлено прежде всего на разрыв этой дружбы, на отрыв окраин от России. Здесь надо признаться, мы еще не все сделали. Здесь еще большое поле работы. С особой силой поднимет голову национализм. Он на какое-то время придавит интернационализм и патриотизм, только на какое-то время. Возникнут национальные группы внутри наций и конфликты. Появится много вождей-пигмеев,

предателей внутри своих наций. В целом развитие пойдет более сложными и даже бешеными путями, повороты будут предельно крутыми. Дело идет к тому, что особенно взбудоражится Восток. Возникнут острые противоречия с Западом. И все же, как бы ни развивались события, но пройдет время, и взоры новых поколений будут обращены к делам и победам нашего социалистического Отечества. Год за годом будут приходить новые поколения. Они вновь подымут знамя свободы отцов и дедов и отдадут нам должное сполна. Свое будущее они будут строить на нашем прошлом».

Плакат работы художника Б. Ефимова. Москва. 1933

Первая часть его пророчества, как видим, осуществилась. Близок час и второго. Сегодня в Грузии при всеобщем ликовании народа восстановлен памятник Сталин, символ «империи».

Эту неумолимую логику истории понял даже еврей Синявский (Абрам Терц), выразив глубокое сожаление по поводу того, что, развенчав культ личности Сталина, мы нанесли страшный урон нашей религиозно-эстетической системе. Он с глубокой тоской заметил, что для нас было бы лучше, если бы «дети, ложась спать, молились бы в окошко на сияющие зимние звезды» Небесного Кремля, и если бы мы не «взорвали» фундамент шедевра культуры, который мог бы войти «наравне с пирамидой Хеопса и Аполлоном Бельведерским в сокровищницу мирового искусства»... Я не могу согласиться с его безудержной апологией сталинизма. Однако в чем-то он был прав, говоря о грядущем периоде: «После смерти Сталина мы вступили в полосу разрушений и переоценок. Они медленны, непоследовательны, бесперспективны, а инерция прошлого и будущего достаточно велика.

Сегодняшние дети вряд ли сумеют создать нового бога, способного вдохновить человечество на следующий исторический цикл. Может быть, для этого потребуются дополнительные костры инквизиции, дальнейшие «культы личности», новые земные работы, и лишь через много столетий взойдет над миром Цель, имени которой сейчас никто не знает». Хотя, полагаю, лишь болезненно извращенное сознание диссидента-еврея и могло в образе культа личности или костров иудейско-кавказской инквизиции узреть вдруг «великие цели мира».

[\[698\]](#)

Но и такая сильная личность как Сталин не сумела выкорчевать гнилые ростки местничества, сепаратизма, предотвратить развала союза. Причин тому немало. Главная в том, что и сам он был из того же теста. После смерти Сталина интернациональная модель СССР (иудейско-кавказская) приказала долго жить. И демонтаж старой, советской империи стал на повестку дня. Это был вопрос времени. И дело не только в том, что Ленину и Сталину «не хватило русскости». Проблемы глубже и серьезнее. Изгнание Русского народа из власти, забвение русской идеи, антирусский душок партийно-чиновничьих элит столиц, в большинстве своем нерусских, – все это с самого начала было частью общего плана по закабалению Русского народа малыми нациями, плана по вытеснению убежденных и стойких патриотов из руководства страны. Такая ярая русофобская политика и должна была неминуемо привести к катаклизму и краху.

[\[699\]](#)

Замечательнее всего то, как ловко надули те же евреи нашего брата, русского. Упрек Шубарта, что якобы «в большевизме загнало себя насмерть русское западничество», неверен. О русском западничестве речи не было и нет. Все, с чем мы имеем дело в России в XX в., это – типично еврейско-азиатское западничество. Те, кто называет себя «демократами» или «консерваторами», на деле – ни те и ни другие. Это бесполое существа, политические трансвеститы азиатско-иудейского происхождения. Вчера – «большевики-интернационалисты», ныне они (к выгоде своей) предстали «западниками». Из них прет иудейская Хазария. Крайнее русское западничество – явление азиатской души.

[\[700\]](#)

В 1985–1991 гг. к власти пришла антинациональная и антидержавная мразь. Демонтаж советского строя, который мог бы стать выправленным в русском духе подобием православного

социализма, был осуществлен людьми безыдейными. Ларчик «реформ» открывался просто. Новой поросли партийно-хозяйственных бонз захотелось прибрать к своим рукам собственность страны. Произошло то, что должно произойти. Партия коммунистов стала прибежищем карьеристов и чиновников. Высокие умы сюда не допускались. Эта серая беспринципная масса неизбежно должна была увлечься «идеалами капитализма». Если голова пуста, души нет, а сердце бескровно, то этим животным нужны власть, удовольствия и богатства. Они могут хоть как-то «согреть кровь». Трудовые массы в силу своей крайней наивности, неразвитости, а также бедности восприняли пафос ораторов «демократии» за искренние убеждения. Все было сделано расчетливо, хитро и умело. Подобно тому, как отцов и дедов подцепили на крючок лозунга «Земля – крестьянам», ныне массы купились на идею «Собственность – народу».

О том, что представляла собой все прошлые годы власть в СССР (в социально-этническом отношении), не принято говорить. Это было и остается табу... Единицы (Ф.Э. Шереги) набрались смелости сказать о том, что «по всем признакам, СССР – это еврейское ессейское государство, в противовес США – еврейскому фарисейскому государству». Два крыла иудейства – мессианское ессейство в России и шовинистическое фарисейство в США – вели схватку. Наша страна, как утверждается, жила и живет по принципам еврейской идеологии, на основе еврейской литературы, музыки, кинематографа, образования, науки и культуры; рули экономики и финансов также в руках у иудеев. Факты эти очевидны. Советская модель пока еще оказалась не востребована миром. Мир и люди слишком эгоистичны, а средств и богатств на планете всем не хватает. Поэтому-то еврейская элита в СССР и поспешила осуществить «вторую еврейскую революцию» (1991–1999), выбрав в качестве куколмарионеток (во главе правительств, партий, парламентов и т. д. и т. п.) абсолютно никчемных людей. Прежняя же коммунистическая элита оказалась «интеллектуальным импотентом, превратившим страну в вотчину криминального и политического треста». Она же подбросила соблазнительную идейку: вновь все поделить. Вожди «коммунизма», сотни аппаратчиков ею соблазнились и стали превращать страну в колониально-сырьевой придаток международного капитала. Министры, их замы, премьеры, вице-премьеры последних лет стали

членами одной большой «банды». Все это подавали народу под видом «демократии». О том, что ожидает сей народ при такой власти, Шереги пишет: «Стремясь «европеизироваться», русские не создадут своего «этнического» государства. Это невозможно исторически, по их генетической основе. Они создадут (и создают, о чем косвенно свидетельствует «приглашение» в российское правительство молодых евреев, а также полная «оккупация» евреями российских финансовых институтов) в ближайшей исторической перспективе лишь новое еврейское государство фарисейской (американской) модели. Это будет государство «золотого тельца», то есть государство монетарного типа... Это будет государство с господством базового идеала фарисеев – Закона... В таком государстве будет присутствовать сословная «псевдodemократия», но если у кого-то не будет денег, эта демократия обеспечит для него свободу лишь в том, чтобы занять «свое» место где-нибудь на полу в метро. Это все, что сможет дать демократия монетарной системы». Никакого благополучия этот процесс массе среднего класса не принесет. Этническая революция завершится торжеством евреев на всем пространстве нового Российского государства. А вот «собственно русскому государству в истории человечества не быть»... Русские же, будучи в основе своей антропологически открытым этносом, составят «генетическую основу всеобщей ассимиляции этносов».^[701] Иначе говоря, нам с вами уготована участь «сырья», или «трансплантантов». Реформаторами не принимается в расчет одна «пустяковая» деталь – мощное возрождение русского самосознания в России.

У этих людей нет ни ума, ни совести. Некогда, давая характеристику поэту Шиллеру, Сталь сказала: «Совесть – его муза» («La conscience est sa muse»). Что скажут потомки о «героях» конца XX века в России?! «Подлость – их крестная мать». Горбачев получил от Германии за сдачу Восточной Германии высший Крест за заслуги, Ельцин – «Орден Гроба Господня». Состоявшее в немалой степени из педофилов и неонацистов правительство Латвии держит в своих застенках героя борьбы с гитлеровскими фашистами Героя Советского Союза партизана В. Кононова, но врагу, предателю России Ельцину вручает высшую награду «Орден трех звезд». Впрочем, это закономерно: чем больше получают премий, звезд, крестов от Запада

Горбачев и Ельцин, тем хуже и безысходнее жизнь большинства народа.

Итог их власти отмечен иными наградами: миллионами могильных крестов и гробов. Без мыслей и идей, не веря в свой народ, лидеры последних лет шли в фарватере ведущих стран Запада, служа их интересам, работая против России. Запад им рукоплещет, а собственный народ ненавидит. Печать «иуд» будет навечно прикреплена к ним, хотя бы Запад осыпал эту сволочь целыми горами золота. Авторитет державы за последние 15–10 лет снизился до невиданно позорного уровня. Формально нас, правда, вроде «пустили в Европу». Но как?! Как приживалку или шлюху. В любую минуту нас выставят за дверь и не спросят. События в Косово это показали. Скоро цыгане будут грозно требовать согласия на пролет наших самолетов над табором. Россия должна входить в Европу с гордо поднятой головой, а не вползать рабски на брюхе, охваченная страхом и подбострастием, как евнух у трона турецкого султана. Где же у нас политики, подобные генералу Ермолову? Тот бросил в лицо персидскому визирю перстень с огромным алмазом, когда тот попытался подкупить его на переговорах (чтобы он предал национальные интересы России). Ныне предают за меньшие подачки.

Идеи возрождения давно не рождаются на кончике пера... Нелепо и полагать, что такая идея «упадет из общечеловеческого вихря, как перо Жар-птицы». И мы, мол, подхватим ее «и, как очарованный странник, пойдем» (Л. Аннинский). Один раз мы уже имели несчастье кое-что «подхватить» на Западе – до сих пор не можем вылечить! Вон и Гайдар утверждает, что народ «не созрел для того, чтобы пройти свой путь в Европу». Кох заявил, что Россия – «обанкротившаяся страна» и «никому не нужна», «в мировом хозяйстве нет для нее места». Если и есть толика правды, то лишь в том, что Западу не нужна сильная Россия! Обанкротилась еврейско-западническая элита, ее прихвостни. Все, что надо для счастья России, у нас есть – умные и отважные люди, вера, ресурсы! Ф. Достоевский писал: «Жду спасения от расширения идеи русской!» Россия во всех смыслах шире и богаче Европы (не только в нравственном или духовном плане). То-то де Голль размышлял: «Европа от Атлантики до Урала». Но Россия не может принадлежать только Европе. Не стоит и лезть туда на любых условиях. Н. Я. Данилевский прав: «Эксплуатируя Россию, не

принимая ее в настоящее, действительное общение с собою, Европа, с своей точки зрения, вполне права. Не принадлежа, в сущности, к Европе, Россия размерами своими составляет уже аномалию в Германо-Романско-Европейском мире; и одно естественное увеличение ее народонаселения должно все более и более усиливать эту аномалию. Одним существованием своим Россия уже нарушает систему европейского равновесия... Нельзя не сознаться, что Россия слишком велика и могущественна, чтобы быть только одною из великих европейских держав; и если она могла занимать эту роль вот уже семьдесят лет, то не иначе как скорчиваясь, съеживаясь, не давая простора своим естественным стремлениям, отклоняясь от совершения своих судеб». ^[702] Это был величайший ум, не до конца нами оцененный.

И все же почему у нас не выходит так, как в Западной Европе, США, Японии с Китаем (Тайванем)? Не могут же все они быть глупыми, а мы – умными. Экономический, научно-технический и социальный успех этих стран очевиден. В докладе Банка Австрии сказано, что посткоммунистическим странам Европы, видимо, потребуется от 13 до 48 лет для достижения ими лишь половины того уровня жизни, который существует в Западной Европе (России – 36 лет). Мир вынуждает и нас учиться и переучиваться, перенимать важные элементы, узлы и детали добротных научно-технических, культурных и организационных конструкций. Нам друг без друга никуда не деться. Европа без России – пустое место, заплатка на земном шаре. Нужно лишь трезво и умно ее воспринимать. Серьезные перемены в методах нашего хозяйствования назрели. Былой строй был бесперспективен. Народ при нем был скован узами партии и уравниловки. В то же время мы твердо убеждены в том, что нужно и должно найти реальное, разумное, гармоничное соотношение меж социализмом и капитализмом. Мы не станем подробно рассуждать на эту важнейшую тему (экономика, образование, наука, техника, промышленность, культура, сельское хозяйство). Отнесем вас к словам Менделеева (из его духовного завещания): «Мне недостает умения в доказательстве того, что высшей функцией правительств должно считать заботы о просвещении народа и его промышленном развитии, но я твердо знаю, что это составляет мое заветнейшее убеждение, и так как «Заветные мысли» не составляют трактата юридического

характера, а назначаются только для передачи моих личных убеждений, могущих иметь реальное значение, то я ограничиваюсь сказанным и перехожу к тем частностям, которые относятся к шести вышеперечисленным правительственным функциям, имея в виду уже не одну общую картину отношений народа к правительству и обратно, но исключительно современность, и притом нашу, русскую, наших дней, наставших после замирения и вызываемых живыми изменениями прошлого строя, определяемыми буквой и смыслом высочайших предначертаний и требующих отчетливого и реального к ним отношения от всех нас». Оба начала нынче в забвении.^[703]

Интересно и то, что почти те же истины старался втолковать граф С.Ю. Витте великому князю Михаилу Александровичу в 1900–1902 гг. (в его лекциях). Сей государственный человек говорил его величеству о том, что особенностью России всегда было то, что тут строительство страны «поглощало все усилия, сюда неслись жертвы народа – было не до экономического устройства». Нам многого не хватает. Нет нужных капиталов (в России в начале XX века было вложено в торгово-промышленное дело и железные дороги 8 рублей на душу населения, в Германии – 90 рублей, в Англии – 300 рублей), отсутствовала свобода труда и т. д. и т. п. Если же мы и добивались успеха в росте, то не за счет наших сравнительно малых капиталов, «для чего нужны были века», а тем путем, каким шли все народы. Путь этот – насаждение и развитие каждой страной «при помощи покровительственной политики своей собственной обрабатывающей промышленности»^[704] и возможное ускорение процесса за счет капиталов стран, экономически ее опередивших; но главное – это «постоянное ограждение России от эксплуатации ее иностранной промышленностью». Цари этого не поняли, а понял Сталин, начавший индустриализацию страны в тяжелейших условиях капиталистического окружения. Этого не понимали Горбачев, Ельцин, Гайдар, Черномырдин, Кириенко, Чубайс, Вяхирев, Геращенко, Греф, Касьянов и т. д.

Однако не надо думать, что дело лишь в либеральных ценностях и свободной экономике: стоит нам обратиться к «чуду», все в России, мол, изменится как по волшебству – народ будет благоденствовать, а страна наша – процветать. Увы, должен разочаровать многих читателей. Не будет этого. Если цивилизация ныне позволяет, говоря

словами Фауста, помыть руки в Англии, а вытереть их в Ингольштадте (Германии), то огромную страну с сотней народов, находящихся на разных уровнях культуры, по мановению руки в Европу не перенести! Надо у себя создавать *vita nuova* (только бы не заговорить о ней, как Данте, – у свежей могилы возлюбленной). Нужны не займы, а опора на светлые головы Народа. Многое этому мешает. Пора бы, кума-Россия, и на себя оборотиться... Россия– страна Зазеркалья. Здесь все не так, как во всем мире. В этом есть и польза с благом, а есть и величайшее горе с бедой. О первом не стану говорить, ибо уже сказано. О втором у нас рассуждать вообще не принято ни наверху, ни внизу. Виной тому, что мы живем, как живем, сам народ! Похоже, у элит и части народа традиция разумно-энергичной, самостоятельной, свободной экономической деятельности прервалась. Робко-смутное понимание этого есть. Впервые правительство заговорило о необходимости поднять уровень мелкого и среднего бизнеса. В развитых странах на предпринимателей приходится 50–60 процентов валового внутреннего продукта. В Европе и США на одну тысячу жителей приходится 25–30 предприятий, у нас в России на ту же тысячу всего 7. Еще разительнее контрасты с Тайванем. На этом небольшом острове всего-то проживает 20 миллионов человек, однако ж годовой оборот Тайваня – 245 млрд. долларов. Это равняется примерно 10 бюджетам громадной России! Как же так? Е. Строев говорит: там «хватило ума не разорять то, что они уже имели». Но ведь 50 лет назад на Тайване вообще еще почти ничего не было, кроме хижин. В чем же все-таки дело? А дело в простом. У нас все эти годы стояли у власти те, кто желал личного обогащения. Вся банковская политика сосредоточена была в руках корыстных дельцов. Что же, они не знали, что передовые страны мира типа Германии, Японии, Франции избегают долларизации экономики и работают на кредитах порядка 2–3 процентов?! Дешевые кредиты дают возможность работать их национальной промышленности на полную мощь. Она конкурентоспособна. У нас же вся верхушка в центре и на местах стремилась украсть, выжать свой процент, а не вкладывать в развитие производства, инфраструктуру. Лишь Москва в этом смысле вносит толику разума и слабой социальной справедливости (к чести г-на Лужкова).

Вспомнился Нобелевский лауреат К. Лоренц, сравнивавший борьбу алчных политиканов с борьбой крысиных кланов, пожирающих

друг друга... В нынешней власти расплодилось столько крыс, что давно пора явиться «дудочнику». Зиновьев в «Зияющих высотах» вывел образ крысиной псевдоинтеллигентской породы, что заполнила властные коридоры. «Плутократическо-компрадорская демократия» в России в постсоветскую эпоху представлена целыми толпами политических «крыс» (Демвыбор, Яблоко, СПС, ЛДПР, НДР). Говоря словами А. Камю, они явились нашим людям на горе и на поучение («Чума»). Убийц, воров и проходимцев стало столько на Руси, что никакими словами и цифрами не передать. Неоднородно выглядит Дума. Минувшие думские выборы показали, сколь изворотливы, хитры агенты влияния. Блок «Медведь» («Единство») пытаются скрестить с еврейским «Бундом» – тремя сионистскими карликовыми партиями: Явлинского, Кириенко, Чубайса, Гайдара; партией Жириновского; не считая «бурята» Кобзона, «чукчу» Абрамовича, «черкесса» Березовского. Силой, хитростью хозяина тайги «Медведя» хотят загнать в гадючье гнездо («скрестить ежа и ужа»).

Обывателям и ворах не нужна сильная Россия. Их делегаты будут выступать выразителями и защитниками плутократического строя. Вспомним слова того же П. Астафьева: «А этот строй, не знающий истории, не знающий ни национальности, ни государственности, не знающий и никакого другого идеала, кроме мирно благополучной, сытой и посредственной особи, живущей только собой и для себя, есть одичание. Это одичание и в смысле общей культуры, и в смысле счастья и ценности жизни отдельной личности, возможных в этом строе лишь для существа, утратившего и все свои высшие духовные интересы, и все низшие инстинкты и страсти, – вполне выродившегося».^[705] Астафьев прав, говоря, что парламентаризм – идеал буржуазии, идеал сугубо утилитарно-космополитический. Порой наша Дума выглядит как типичный буржуазный парламент. Сколь быстро она обрела все черты буржуазного института. Даже ее оппозиционность – чисто номинальная, кажущаяся. Тем она безусловно и ценна для буржуазии, ибо продолжает внушать массам иллюзии, что с помощью сей Думы можно «что-то изменить и поправить». Главная функция парламентов мира – прикрытие олигархической власти. Не будем тешить себя иллюзиями на их счет. Вице-президент РАН Жорес Алферов, Нобелевский лауреат, поэтому и бросил в лицо думцам обвинение в том, что те выделили на

строительство своих апартаментов (Дом парламента) в 5 раз больше средств, чем на русскую науку (техника, капитальное строительство и т. д.). Конечно, «отрезать яйца» думцам не надо, но умерить их аппетиты, снять с них и сенаторов неприкосновенность давно уже пора. Народ наш убедился: Дума, Совет Федерации как инструменты власти все эти 10 лет не выражали волю трудящихся. Поэтому никого не удивляют «парадоксы»: там странным образом соседствуют плутократическая власть и оппозиционная Дума. А народ в стране в это время гибнет, слабеет, болеет и хиреет. Пусть же будут бдительны думцы-патриоты, консулы армии и трибуны народа! Их миссия – направить меч против тупых плутократов, обывательщины!

Оппозиция Его Величества!?

Народ наш преступно терпелив. Это – страшный порок. На глазах всего мира его морят голодом, убивают холодом – а он молчит, как рыба. Сибирский поэт Василий Козлов недавно так выразил свои чувства о Русском Народe, выплеснув несвойственную стойким сибирякам кручину и ностальгию:

Великий и сильный народ,
Над миром паривший как птица,
Уже никуда не идет,
Уже ни к чему не стремится...

Конечно, его боль нам близка и понятна, но мы уверены, что он заблуждается. Хотя в иных странах камня на камне не оставили бы от

дворцов такой власти, устроив, как во Франции, Испании, Англии и Германии, пару забастовок. Там люди приучены к самостоятельности, к борьбе за свои права. Мы видим, что в Европе тюрьмы, клетки для голубей, даже туалеты чище и комфортабельнее, чем большинство наших жилищ «для народа». Наш же здоровяк сунет леску в реку – и сидит в ожидании то ли мормыжки, то ли социального чуда... На худой конец уйдет в контрактники или в разбой, лишь бы не брать ответственность за защиту Родины от собственных разбойников. Сидит и ждет, когда же «барин» о нем, горемычном, подумает. Не будет этого, ибо тот – природный хам и развращенный полнейшей безнаказанностью негодяй. В Китае порядок иной: украл у государства – расстреляют. В назидание казнь по телевидению покажут. А у нас создали комиссию в Думе по отмене «негуманной смертной казни» (во главе с «демократическим» негодяем). Цель одна – спасти воров от «вышки».

На протяжении многих лет наших воров – «космополитов» щедро подкармливал и любовно лелеял Запад, все капиталистические лидеры (от Коля и Клинтона, до Берлускони и Ширака). Президент США Буш прямо заявил в августе 1991 г. о том, что приход к власти в России Бориса Ельцина – это «победа ЦРУ». ^[706] Полмиллиарда долларов со счетов ЦРУ отправили в посольство США в России с одной единственной целью – во что бы то ни стало поддержать и сохранить у власти г-на Ельцина и всю его банду. В передаче Хинштейна на ТВЦ (10.03.2000) Коржаков и другие открыто назвали немыслимые цифры: один миллиард немецких марок от Коля, полмиллиарда долларов – от США и т. д. Как ранее в случае с большевиками, Запад вновь щедро финансирует всех тех, кто своей политикой губит Россию. Лишь бы у власти по-прежнему оставались его марионетки. Причины более чем очевидны, если вспомнить Черномырдина, Чубайса, Березовского, Дубинина, Алексащенко, Кириенко,

Гусинского, Коха. Не без помощи США они привели к дефолту в России. Сионистскому капиталу в США, Израиле, Англии, Франции, Германии была жизненно необходима и выгодна власть марионеток в России. О том, что «демократы» – продажные твари, свидетельствует потрясающее признание, сделанное Б. Клинтон на закрытом совещании Объединенного Комитета начальников штабов (24 октября 1995 года). Источник наш абсолютно надежен, ибо принадлежит

компетентному лицу – генералу Ю. И. Дроздову (книга «Записки начальника нелегальной разведки»). Приводим убийственные слова президента США Билла Клинтона: «Последние десять лет политика в отношении СССР и его союзников убедительно доказала правильность взятого курса на устранение одной из сильнейших держав мира, а также сильнейшего военного блока. Используя промахи советской дипломатии, чрезвычайную самонадеянность Горбачева и его окружения, в том числе и тех, кто откровенно занял проамериканскую позицию, мы добились того, что собирался сделать президент Трумэн с Советским Союзом посредством атомной бомбы. Правда, с одним существенным отличием – мы получили сырьевой придаток, не разрушенное атомом государство, которое было бы нелегко создавать. Да, мы затратили на это многие миллиарды долларов, но они уже сейчас близки к тому, что у русских называется самоокупаемостью. За четыре года мы и наши союзники получили различного стратегического сырья на 15 млрд. долларов, сотни тонн золота, драгоценных камней и т. д. Под несуществующие проекты нам переданы за ничтожно малые суммы свыше 20 тыс. тонн меди, почти 50 тыс. тонн алюминия, 2 тыс. тонн цезия, бериллия, стронция и т. д. Грабеж и разгром России (СССР) – цель так называемой разрядки, перестройки. В годы так называемой перестройки в СССР многие наши военные и бизнесмены не верили в успех предстоящих операций. И напрасно. Расшатав идеологические основы СССР, мы сумели бескровно вывести из войны за мировое господство государство, составляющее основную конкуренцию Америке. Наша цель и задача в дальнейшем – оказывать помощь всем, кто хочет видеть в нас образец западной свободы и демократии. Когда в начале 1991 года работники ЦРУ передали на Восток для осуществления наших планов 50 млн. долларов, а затем еще такие же суммы, многие из политиков, военных не верили в успех дела. Теперь же, по прошествии четырех лет, видно – планы наши начали реализовываться. Однако это еще не значит, что нам не над чем думать».

В России, где недостаточно сильно влияние США, говорил Клинтон, необходимо решить еще ряд задач. О каких задачах говорил американский президент? Главным средством, которое гарантировало бы сохранение власти компрадоров, слуг американской политики в

России, была тогда (перед выборами президента России в 1996 году) максимальная помощь Ельцину в занятии им президентского кресла на второй срок. Клинтон прямо говорил, что если Ельцин победит, они тем самым создадут в России полигон, с которого уже никогда не уйдут. Понимая, что Ельцина вскоре возненавидит вся страна (за исключением вороватых холуев), Клинтон хотел убрать из окружения президента всех тех, кто явно скомпрометировал себя. Затем янки сделают еще несколько трюков, когда во главе России встанет тот, кто внешне может вести себя «в левых традициях». Это не должно пугать Запад. Трюки они и есть трюки. Ведь давно известен девиз: «Цель оправдывает средства». Важно не допустить к власти подлинно левые партии, ставя на их пути всяческие преграды и препоны. Четко выстроены задачи США в отношении России на ближайшие годы: «Если нами будут решены эти две задачи, то в ближайшее десятилетие предстоит решение следующих проблем: 1. Расчленение России на мелкие государства путем межрегиональных войн, подобных тем, что были организованы нами в Югославии. 2. Окончательный развал военно-промышленного комплекса России и (русской) армии. 3. Установление режимов в оторвавшихся от России республиках, нужных нам. Да, мы позволили России быть державой, но империей будет только одна страна – США».^[707] Патриотам придется хирургически вскрыть этот нарыв, удалив из тела России, – с кровью и гноем.

По делам их вы узнаете их. За 90-е годы объем ВВП России сократился в два раза, уступая США в 10 раз, Китаю в 5 раз. Почти вся экономика ушла в сферу бандитско-полубандитского капитализма. В конце 1999 г. 10 процентов самой богатой части населения получало в 15 раз больше доходов, чем 10 процентов бедных (это официально). В СССР совокупная зарплата трудящихся составляла в сумме доходов населения 80 процентов, социальные выплаты – 12–14 процентов. В России зарплата (трудовые доходы) составляет всего лишь 37 процентов. Простые труженики живут на гроши. В советское время зарплата министра энергетики, к примеру, равнялась пяти средним зарплатам, тогда как зарплата Чубайса сегодня в 400 раз больше средней зарплаты по стране. Нигде в мире нет таких нетрудовых доходов, как в нынешней России. Даже при капитализме на 1 доллар зарплаты трудящихся собственники получают не более 0,2

доллара нетрудовых доходов. Но и это много, учитывая огромное число работников и довольно малое число их хозяев. Нетрудовые доходы США составляют около 16 процентов всех личных доходов граждан. В Испании та же картина – 1 песета дохода – на собственность и предпринимательство против 5 песет – на зарплату. А в России на 1 рубль зарплаты приходилось 1,22 рубля нетрудового дохода крупных чиновников, банкиров, дельцов, шутов массмедиа, собственников. В России инновационной деятельностью занято 5 процентов предприятий. В мире на эти цели в 1997 г. 300 крупнейших транснациональных корпораций выделили 216 млрд., в 1998 г. – 240 млрд. долларов. На рынках наукоемкой продукции доля российских изделий равна 1 проценту, в Японии – 30 процентов, США – 36 процентов. Кстати, в Германии 70 процентов денег на науку дает промышленность. Ясно, что при таком подходе техническая оснащенность российской промышленности уступает передовым странам мира в разы, исключая военные отрасли. Инвестиций в промышленность России с Запада как не было, так и нет, и не предвидится (11,5 млрд. долларов в Россию против 43 млрд. долларов, направленных в китайскую экономику). Хотя ситуация может измениться.

Деньги у «новых русских» есть. «Элита» России (боссы никеля, газа, нефти, атома, леса, чиновники) вывезли из России от 600 миллиардов до 1 триллиона долларов. Это в пять раз больше всего ВВП 1999 г., в 100 раз более тогдашних золотовалютных запасов Центробанка, в 250 раз больше дефицита госбюджета. По сей день из страны широким потоком продолжает уходить лес, нефть, газ, металлы, деньги, морские продукты (удаётся пресечь лишь 7–8 процентов контрабанды). Все это делается с благословения высших чиновников. Итальянская газета «Република» опубликовала сенсационный материал, где утверждалось, что предоставленный России в августе 1998 г. кредит МВФ на сумму в 4,8 млрд долларов «был банально украден». Деньги кредита, уйдя из нью-йоркского Федерального резервного банка (счет 9091), попали почему-то не в Россию, а в американский «Нешэнл рипаблик бэнк», принадлежащий банкиру Э. Сафре (счет 608555800). 17 августа 1998 г. грянул известный кризис. После визита Березовского в бункер Э. Сафры там вспыхнул пожар. Банкир задохнулся в дыму. Все концы в воду. Запад

поспешил назвать это дело «Рашенгейтом». Не предваряя следствия, не называя виновных, заметим одно – деньги кредита исчезли.^[708] Недавно президент США Дж. Буш-младший, выступая против Гора в теледебатах в октябре 2000 г., откровенно сказал о том, что происходило в России в это десятилетие: «Мы пришли в Россию. Дали деньги, чтобы они жили по нашему примеру. Деньги осели в карманах Черномырдина и у других фигур. И Путин должен решить: по какому же пути пойдет Россия»... В истории не было, кроме России, такой страны в мире, которая была бы столь безоглядно щедра к чужим народам (и равнодушна к своим). Пора бы подумать и о своем народе.

Нужен жесточайший контроль за капиталами. Это одно из главных условий возрождения, сохранения безопасности. Классик политической экономии Д. Рикардо писал об огромной важности контроля государства за финансами, что находятся у того в обращении. В парламенте Англии он резко выступал против злоупотреблений «банковской олигархии» (его термин), предупреждая, что «национальный кошелек в руках министров не находится в безопасности». Рикардо называл таких высших чиновников, министров – «контрабандистами». И добавлял: «Для кого мы издаем законы: для людей или для бревен и камней?». Финансисты склонны к небескорыстному манипулированию чужим капиталом, будучи большими доками и умельцами в получении сверхбарышей (еврейские финансисты – сто крат).^[709] Что ждет Россию при сохранении политики опоры на Запад? То же, что Латинскую Америку, Африку, Малайзию. Координатор по Латинской Америке Д. Смолл, выступая с докладом в Варшаве (6–7 апреля 1992 г.), привел данные: четыре страны Латинской Америки за 10 лет (1980–1990 гг.) наполучали кредитов от США в сумме 243 млрд. долларов. Одновременно за этот же период страны-получатели выплатили одних процентов по кредитам Соединенным Штатам 321 млрд. долларов. Но всего «замечательнее» то, что после выплат долгов этих стран Соединенным Штатам Америки (вы подумали, что они сократились до минимума, или были вовсе аннулированы!?) долг еще более возрос, составив ни много ни мало 427 млрд. долларов.^[710] Премьер-министр Индии Индер Кумар Гуджрал (1997–1998) говорил: «Скажем, десять лет назад я был в Малайзии, и премьер-министр этой страны сказал нам, участникам встречи «Группы 15», что он уже давно не берет займов у Японии. Но

курс иены растет, и в результате его долг растет сам по себе. То же с Индией. Большую часть кредитов Индия брала в то время, когда за доллар давали 6–8 рупий, а сейчас доллар стоит 43 рупии. Так что те долги за это время выросли в пять-шесть раз. Я слышал забавное определение: раз взяв в долг, вы чем больше платите, тем больше должны. Я вижу, что само слово «колониализм» становится устаревшим. Но дух его не умирает». Эта схема использована и против России... В. Путин заявил в конце 2000 г., что из 30-миллиардного долга (часть общего) Россия выплатила 17 млрд. долларов, но при этом осталась должна Западу еще 42 млрд. долларов. Это же настоящий капкан для России!

Поразительно, с каким цинизмом и бессердечием относится элита к народу (губернаторы, генсеки, президенты, мэры, парламентарии). Равнодушная к судьбам России тварь пришла к власти (в начале 90-х гг.). Плевать им, что люди с голодудохнут, что в домах нет тепла и света, люди без хлеба и работы, а дети бродяжничают. Господа на украденные деньги дворцы из мрамора строят, роскошные виллы по белу свету. Ворованные миллиарды долларов за рубеж увозят (только бы не возрождать страну, где живут). Они воруют и гордятся этим. Как сказала о них поэтесса, «на всех печать убийцы или вора». О них, в том числе о «всенародно избранном» Ельцине скажем словами поэта: «Он задом думал, головой трудился». Умных и деятельных людей, доказавших свою способность хорошо делать дело на благо народа и страны, они убивают или обрекают на голод и безработицу. В вожди и парламент тащат тех, на ком пробы негде ставить, по ком давно плачет каторга. Янки таких правителей давно пристрелили бы или посадили на электрический стул. В Японии они совершили бы харакири, ибо там еще остается понятие о чести. Алчность же большинства российских плутократов безмерна. Добровольно денег, украденных у народа, они не вернут. Власть их безнравственна. Моя бы воля, я бы их всех, как Моисей, увел в пустыню или, как Сусанин, завел в леса дремучие и оставил бы на веки вечные, ибо уверен: не вдохнут они жизнь в Россию. О чем договариваться с ними? Только об условиях сдачи с повинной! Нужна тотальная «охота на волков» в России и зарубежье.

И вопрос не в том, пересматривать или нет итоги приватизации. Воровскую приватизацию нельзя не пересмотреть коренным образом. У нее нет ни одного законного основания, ибо в Кремле сидели воры, они создали такие же законы. Все базовые отрасли должны будут перейти в руки государства. Главное – найти умных и честных менеджеров, оплачиваемых достойным образом. Ведь все это создавалось Народом. Скажите, с какой стати эта сволочь получила сокровища народа в частную собственность?! Может, они хорошие управленцы? Мы видим, как в России целые города, области, края месяцами сидят без света и тепла. Или наши воры усвоят начатки учения Христова, придя к совершенству? Верится с трудом. И уж никакой «круглый стол» не убедит этих вырождающихся в необходимости служить народу. Скорее, думаю, вид дыбы или колеса пыток заставят быть сговорчивее в возвращении денег. Нельзя требовать и чьей-то поддержки. Ведь на глазах у мира Кремль не сделал ничегошеньки для возврата бешеных денег, преступным образом украденных у страны! Безродная тварь не знает Отечества!

Когда-то в Древней Греции Диоген искал человека днем с огнем. Сегодня мы вынуждены искать тех, кто способен вникнуть в нужды, чаяния, беды, заботы простых людей. Философ М. Хайдеггер в

трактате «Бытие и время» (1927) заметил, что одним из важных экзистенциальных факторов развития человечества и личности является наличие у них феномена совести. В чем его суть? В том, что люди должны уметь прислушиваться к другим людям. Совесть – некий внутренний бесшумный голос, что звучит или, по крайней мере, должен звучать в нас. Если Кант представлял совесть в виде судебной палаты, то Хайдеггер понимал глас совести как «момент удара, внезапного потрясения». Совесть должна жить в нас постоянно!^[711] Д. С. Мережковский повторял: «Сила русской интеллигенции не в intellectus, не в уме, а в сердце и совести». Актер Г. Бурков перед смертью все горевал, глядя на то, что делается у нас: «Эх, совесть бы надо вернуть! Совесть!» Однако, похоже, что у наших «элит» совести нет вовсе. Откуда она у них, совесть-то? «Vox clamantis in deserto!» (Глас вопиющего в пустыне! – *лат*). Сей отросток души и культуры исчез у «элиты» в России напрочь. Совесть ей не нужна, она вредна и опасна. Какая совесть может быть у нынешних олигархов в России, раз они позволяют миллионам людей голодать, лишают их куска хлеба, света и тепла, а на украденные деньги за 5–6 лет создают чудовищные капиталы?! Города и края России стали инкубаторами мафиозных жуликов. Где совесть у вояк и политиков США, НАТО, убивающих всех подряд (сербов, иракцев, китайцев) с одной целью – утвердить в мире свой порядок и право! Совесть если где-то и существует, то лишь в модусе молчания. Так она и говорит уже тысячи лет! Не удивительно, что в итоге мир, его законы не улучшились ни на йоту! Это никак не может устроить народы. Нужна генетически и нравственно здоровая элита! Но где ее взять, если ДНК не сохраняет ни памяти прошлого, ни культуры, ни чести былых поколений?

До мудрых, совершенных особей нам очень далеко. Более того, за последнее время не стало порядка, дисциплины и ответственности. На всех уровнях, во всех слоях общества расплодилось много гнили и мрази. Будучи частью живой природы, все люди и элиты, подобно лесу, также время от времени нуждаются в «чистке». Без тотальной «чистки» элиты и Россию не спасти!

Мы уверены: нынешний этап как никакой другой в истории Руси требует жесткого и бдительного контроля за ресурсами, капиталами, товарами, людьми. Без разумного протекционизма и «военного контроля» в короткие сроки нам не подняться. Видный экономист,

академик Д. С. Львов, выступая на V Всемирном Русском Народном Соборе, привел очень впечатляющие цифры, говорящие, что ресурсные богатства России превосходят богатства США в 2,5 раза, Германии – в 6, 5 раз, и Японии – в 18 раз. Хотя наш годовой доход от получения ресурсов составляет примерно 60–80 млрд. долларов, фактический бюджет страны всего лишь – 20 млрд. долларов. Вклад труда и капитала – 10–12 процентов. Большая часть ресурсов великой и огромной страны (50 млрд. долларов), полученных от Бога, присваивается в России малой кучкой населения – пятью процентами. Даже в Норвегии каждый гражданин имеет доход от специального нефтяного фонда, не говоря уже об эмиратах. Почему же в нашей родной России, вчера социалистической, а нынче, кажись, еще вдобавок и православной, такое стало возможным? Ведь разница доходов 10 процентов самых богатых россиян и 10 процентов самых бедных составляет сейчас 13–18 раз, а за годы экономических «реформ» (грабежа) страна потеряла более 60 процентов своего производственного потенциала. Как же такое стало возможно?! Почему сегодня по уровню дохода мы находимся на уровне США столетней давности?! Вместо того чтобы идти вперед или хотя бы удержаться на месте, мы рухнули в пропасть при полном попустительстве исполнительной власти? Ответ придется дать В. Путину, «наследнику», а теперь и «императору». Уж кто-кто, а он знает, как славно «потрудились» на ниве разграбления Отечества многие из известнейших «героев нашего времени» («демократы»). Какую идею он, его команда вынашивают? Вопрос не ясен. Дадут ли березовские, гусинские, уринсоны, аксененки, малашенки, чубайсы, потанины, кохи, клибановы освободиться от их мертвящей хватки? Назрела санация воровской «элиты» сверху донизу. Она должна пройти по всем слоям, участвовавшим в разграблении и разрушении России, как и в глумлении над нею. Нет, мы не говорим, подобно Горькому в «Жизни Клима Самгина»: «когда русский крадет, говорят – украл вор», а когда украдет еврей, скажут «украл еврей». Воруют многие. Как заметил еще Ф.Бэкон: «Возможность украсть создает вора». Афера Соловьевой обошлась населению в 380 млрд. рублей. Всего в России действовало тогда примерно 2000 финансовых организаций-пирамид. Все они рухнули, десятки миллионов стали жертвами – и ни один не наказан. Фантастика! Вывод ясен: в России

фактически нет богачей, составивших себе состояния законным и «цивилизованным» путем.

Прокуратура все годы молчит – даже и рта не раскроет... Скуратов был занят путанами, а не преступниками. Ему подавай президентство. Случись такое, он всю Россию превратил бы в сплошной бордель. Колоритны и фигуры Ильюшенко и Ковалева. Но именно такие прокуроры и министры позарез нужны власти. Хлестаковы в прокурорских погонах никогда не доведут до конца ни одного серьезного дела. Прокуратура надежно похоронила или заморозила все серьезные расследования. Попугают крупных воров – и отпустят с миром! Дела заведут, но крупную «дичь» выпустят за рубеж. При Степашине Счетная палата не вскроет ни одной серьезной аферы, в которых погрязли иные боссы кремлевской администрации и правительства. С ворами он будет воевать так же, как с чеченцами («Хватит уж, навоевались!»). Ведь для этого же их и избирали. Трусы и пустозвоны. Люди честные, конечно, есть везде. Но они знают: начни они всерьез копать, их тут же выгонят. Следы-то ведут на самый верх. В честных прокуроров стреляют, смелых следователей, ребят из МВД и журналистов убивают, достойных отставляют (Катышев, Илюхин), ибо аферы имели «крышу» в высших эшелонах. Поэтому иные суды обеляют воров и убийц. Их оплата идет не из казны России, а из «общака» воровской власти? У нас по-прежнему царствует паразит, чиновник, посредник. Воры стали элитой! Однако конец их близок. Консулы президента на местах должны взять в руки нити власти, чтобы любой «авторитет», нарушивший законы России, был арестован в течение суток и препровожден в «Кресты»! Помня пример Ельцина, бесконтрольной власти быть не должно. Управа должна быть на всех! Президенту придется устроить «большую стирку»!

Потому перед Россией стоит дилемма: найти в себе силы и сбросить ярмо кровососов – или стать рабами, разложиться и погибнуть! Надо покончить с преступной кликой, что правит бал в униженной разоренной стране. Конечно, всех не возьмешь в один большой мешок и не утопишь, как Герасим свою суку. Преступники должны ответить по всей строгости российских законов за все, содеянное ими! И не только за кражи, но за растление умов и детских душ, за уничтожение науки, высшей школы, за разрушение нашей

промышленности и экономики, за развал армии! Должен состояться Великий процесс XXI века!

Мотивы «ностальгии по сталинизму» понятны. России нужен человек державы, герой и стоик Империи, соединяющий в себе волю и мощь императора, суровую жесткость и беспощадность советского диктатора, веру и православную мораль С. Радонежского! Русский Вождь равнодушен к корыстолюбию, ненасытству и тупости обывателя, чтоб «грех алчный» не гнался за ним по пятам. Но главным в нем и его рати будут: воля, высочайшая культура, знания, ум, способность творчески переработать мировой и российский опыт истории, верность делу народа, отвага. Успех может быть достигнут путем творческих трудовых усилий масс, а не возни, интриг, хитросплетений верхушечных, коррумпированных сил. Это будет очередной обман народа, какой мы уже видели 10–15 лет подряд. «Такое разрешение означало бы, что мы тем самым вступили на почву развития особенностей нашей истории – на почву наших исторических культурных традиций. В то время как современные наши «западники», начиная с социалистов и кончая монархистами, сочувствуют пробужденной революции буржуазной стихии и верят в то, что им удастся построить русский мир по типу договорившихся между собою собственников, знающих два закона: «не тронь меня» и «do ut des» (Н. Алексеев).^[712] Договор между буржуа и ворами-олигархами, конечно, не сможет привести к решению главных и насущнейших вопросов России.

Хотя итальянец Ч. Беккариа в книге «О преступлениях и наказаниях» писал: «Хотите предупредить преступления? Сделайте так, чтобы просвещение шло рука об руку со свободой. Зло, порождаемое знаниями, находится в обратном отношении к их распространенности, а добро – в прямом. Невежественный народ преклоняется перед ловким обманщиком, а просвещенный народ освистывает его. Облегчая сравнение предметов, показывая их с разных точек зрения, знания противопоставляют многие ощущения друг другу... Перед лицом просвещения, широко распространенного среди нации, смолкает клеветующее невежество и трепещет авторитет, лишенный доводов разума, тогда как непоколебимой пребывает могущественная сила законов»(1764).^[713] Итак, на первом месте стоит безопасность общества! История, однако, показывает: тираны и воры

нормального человеческого языка не понимают. Их может привести в чувство реальности страх. Нетрудно услышать животный визг обитателей оруэлловской «Фермы животных». Они тут же увидят в этих словах открытый призыв к террору. Но что поделаешь, если доводы совести, разума, порядочности, культуры, гуманизма для многих воротил власти, бюрократии, бизнеса – глас вопиющего в пустыне?!

Не верьте тем, кто увещевает подождать два-три столетия, пока разум, наука и опыт образумят власти, заставив предоставить народу то, что ему принадлежит по праву. Философ К. Леонтьев в очерке «О всемирной любви» призывал (1885): «Пусть хоть в этой передовой стране, во Франции, коммунисты подождали бы усиливаться до тех пор, пока все французы не станут хоть такими добрыми, умными и благородными, как герои Жорж Санд; однако они этого ждать не хотят...»^[714] А я скажу так: молодцы французы, что не захотели рабски ждать, пока их толстосумы и воры набивают себе карманы, прожигая жизнь во дворцах. Смело пошли в бой и стали жить достойно! В России в последние 10–15 лет наоборот – народ мордуют, а он сидит и ждет у моря погоды. Власть же преспокойно, с явным презрением и издевкой вытирает о него ноги. Я считаю законным и справедливым святое стремление народов разрубить кровавые узлы «загадок мировых» с помощью бурных революций и мощных восстаний народа. Так как ум у значительной части буржуазии в России отсутствует, должен поработать и страх... К 200-летию Великой французской революции во Франции вышла книга Ж. Лефевра «Великий страх 1789 г.». О чем в ней шла речь? Автор показал положение масс крестьян в период, предшествующий революции. Над ними, как и над городским плебсом, нависла тогда угроза голода. Цены на основной продукт питания хлеб росли бешеными темпами. Негативными факторами были безземелье и малоземелье. Бездарная политика правительства и эгоизм сеньоров способствовали росту нищеты. Положение ухудшалось и в силу чудовищного перенаселения страны. Многие стали нищими из-за массовой безработицы в городах и деревнях. Крестьян грабили бесчисленные банды уголовников и дезертиров. Добавьте сюда рост цен на продукты. Все боялись всех и каждого. Крестьяне опасались насильственных реквизиций («продразверстки»). Города боялись

местных нищих или заговоров аристократов. Аристократы и сеньоры дрожали от страха уже при одном виде национальных гвардейцев. Власти с ужасом ожидали часа, когда в их город или деревню ворвутся «разбойники». Вспышки страха наблюдались постоянно: в 1791 г. в связи с бегством короля, в связи с кровавыми событиями 10 августа 1792 г. (штурмом Тюильри и падением королевской власти). Две крупные паники были зафиксированы в 1793 г. Страх оказал сильное, даже воспитующее воздействие на аристократию и буржуазию, приблизив отмену Учредительным собранием привилегий феодалов. Еще и в середине XIX в. во французских провинциях 1789 год называли «годом страха».^[715] Выразусь еще жестче и определеннее. Вероятно, «великий страх», испытанный всеми мировыми властными элитами в годы Великой французской революции, Парижской Коммуны или Великой Октябрьской революции и стал наилучшим «просветителем» эгоистичной аристократии и буржуазии мира. Подобным же образом станут у нас называть «годами страха» и правление И. В. Сталина. На самом деле он продолжил великое и святое дело Калиты, Ивана Грозного, Петра I, собирателей русских земель. Вероятно, без такого страха нет и не было бы и прогресса! Конечно, теоретически, да и практически было бы куда лучше, если бы правящий класс руководствовался в своей политике высшим разумом, моралью, выгодой страны. Увы! Хотя во многих странах мира есть небольшое число благотворителей-спонсоров, но и ими, на самом деле, в жизни движет вовсе не нравственно-духовное начало, никакой не *Vox populi*, а выгода и страх.

Решающую роль приобретает государство. Аристотель писал в «Политике»: «Первичным по природе является государство по сравнению с семьей и каждым из нас; ведь необходимо, чтобы целое предшествовало части. Уничтожь живое существо в его целом, и у него не будет ни ног, ни рук, сохранится только наименование их».^[716] Однако наши тупые, безграмотные, алчные «вожди демократического разлива» до сих пор полагают, что Аристотель – это название «марки» греческого коньяка. Если бы они заглянули в Аристотеля, возможно, узнали бы, что «тирания заключает в себе все то зло, какое присуще и демократии, и олигархии». А ведь именно такой строй и установили в России Горбачев с Ельциным (демократия олигархов). Наихудшее и самое опасное общественное устройство на земле. А какое же тогда

лучшее? Философ говорит об этом прямо и недвусмысленно: «Итак, ясно, что наилучшим государственным строем должно признать такой, организация которого дает возможность всякому человеку благоденствовать и жить счастливо». В нашей стране устройством, более или менее отвечавшим подобному определению, для большинства народа была вне сомнений, несмотря на критику, советская система. Опыт веков создал и подобие лучшего строя для России – общенародную республику, близкую по форме правления к ограниченной монархии. В ней отсутствовал, к сожалению, важный элемент аристократизма, ибо партия была псевдоаристократией. Ничтожества и бездарности, лишенные идеи и веры, и погубили власть Советов. Гены новой аристократии (духа, познаний, культуры, веры, профессионализма) должны быть выработаны социумом. Надо поднять низкий уровень власти.

Вот и Плутарх в «Наставлениях о государственных делах» призывал к тому же: «Первое условие, как бы надежная и устойчивая основа для государственных трудов: чтобы решение заняться ими проистекало из разумного выбора, а не из обуянности тщеславием или задором или из недостатка в иных занятиях. У кого нет приличного дела дома, тот без всякой нужды проводит большую часть времени на площади; так же точно есть люди, которые от того, что не имеют, чем бы им заняться всерьез, бросаются в общественные дела, превращая их в некий род препровождения времени... Не должно также приступать к общественным делам в надежде на обогащение и наживу, как Стратокл и Дромоклид, звавшие друг друга к «золотой жатве»... Ну, а кто, уподобляясь лицедеям, наряжающимся к выходу, ищет красоваться и домогаться славы, тех-то уж неминуемо постигнет разочарование: один у них выбор – либо ходить в рабах у тех, над кем думали властвовать, либо наживать себе врагов среди тех, кому желали угодить».^[717]

По крайней мере еще 300 лет в России первые роли должны быть у государства. И на Западе (вопреки болтовне невежественных журналистов) на первом месте прочно стоит государство, а никакое не гражданское общество. Оно существует, но лишь в сильном и эффективном государстве. Наряду с усилением власти и мощи государства, однако, надо уделить первостепенное внимание роли таланта в России. «Талант – единственная новость, которая всегда

нова» (Б. Пастернак). Элита высочайшей пробы необходима России, как воздух. Она есть! Тысячи и тысячи известных и заслуженных людей служат стране и народу не за злато и страх, а за совесть. Однако наверх все время почему-то попадает какая-то сволочь. Надо в корне изменить кровеносную систему власти. Гте писал: «Все великое и разумное пребывает в меньшинстве. Мы помним министров, которым равно противостояли и народы, и короли, так что великие свои планы им приходилось осуществлять в одиночку. О том, чтобы разум сделался всенародным, мечтать не приходится. Всенародными могут стать страсти и чувства, но разум навеки останется уделом отдельных избранников». Но Гте, премьер в Веймарском герцогстве, одновременно был управленческим богом в трех лицах (премьер, министр финансов и министр культуры). Вот такие люди, являющиеся культурными и научными лидерами страны, должны в будущем управлять нами, а не партийцы, которые мыслят как царедворцы, ибо целиком и полностью зависят от своего окружения (партейгеноссе). Возразят, что Гте, якобы, признавал только олигархический образ правления. Да, но он был «самодержцем» науки, культуры, просвещения!

Композитор Г.В. Свиридов

Уверен: у России есть еще шанс добиться перелома и решительного поворота в состоянии экономики. Некогда ученый француз Ф. Бродель, сравнивая жесткую конкурентную борьбу в XVII–XIX вв. Юга и Севера Европы (католического Юга и протестантского Севера), писал, что Север победил только потому, что при прочих

равных условиях тут была более низкая заработная плата рабочих, недорогие перевозки и масса каботажных и грузовых судов с дешевым фрахтом. Пользуясь этими дешевыми ресурсами, Север сумел создать мощную и современную промышленность. В итоге же оказался более конкурентоспособным, чем старые капиталистические страны Юга (Италия и другие). «Победа Северной Европы была, несомненно, победой пролетария, низкооплачиваемого работника, который ел хуже, если не меньше, чем другие».^[718] Едим мы хуже и меньше – дальше некуда. Но в большей степени это была победа немецкого, английского, голландского социумов, наладивших сложнейшую работу предприятий, портов, дорог, банков, университетов, школ и больниц.

Будет ли толчок пассионариев исходить из Москвы? Не знаю... Хотя в песне поется: «И врагу никогда не добиться, чтоб склонилась твоя голова, золотая моя столица, дорогая моя Москва», но за минувшие годы тут расплодилось тьма-тьмушая эгоистов, корыстолюбцев, воров, трусов, чинуш и алчных спекулянтов, явно «не способных к самопожертвованию ради бескорыстного патриотизма».^[719] Возможно, духовный подъем начнет «глубинка», как некогда Минин и Пожарский возвали народ к «очищению Московского государства от душевредства»! Порою слышишь... – Тут умирает активная идея, страсть к битве и борьбе. Тут банковский капитал, магазины, где простому люду делать нечего, церетелевский царственный уродец. Все здоровое и умное давит Москва нуворишей – сверхбогатая, подлая, циничная (с ее холуйско-воровским западничеством): мельтешит скандалами, пирамидами, аферами, сплетнями, шоу, казино, банкетами, путанами, бандитами. *Urbs venalis!* (продажный город, – лат.). Град Кутеж. Так говорят, вероятно, лишь злопыхатели и завистники!?

Храм Христа Спасителя. 1883

«Москва, столица небывалой цивилизации, на которую то с ужасом, то с любовью взирала земля, превратилась в азиатский торговый город»... Недавно еще Москва при 6 процентах населения России производила 18–19 процентов товаров и услуг, ныне – лишь 3 процента. Ранее это был город-труженик, город-солдат, город-ученый. Разумеется, и сегодня здесь известные на всю страну вузы, Московский университет. Творят ученые. Работают библиотеки и театры. О Кремле исписано немало восхищенных страниц: «По-моему, если иностранец, совсем не знающий Россию, нигде больше в ней не бывавший, видит хотя бы один лишь Кремль, он все равно уже понимает, чем наша страна отличается по облику от других стран. А при внимательном рассмотрении и всю ее историю может здесь увидеть» (А. Рогов). А разве не хороши храм Христа Спасителя и заново отделанные Кремлевские палаты?! Но тут же невольно вспомнил фразу Жорж Санд: «Народ голодает, пусть люди возвышенной мысли разрешат нам подумать о хлебе для народа, прежде чем думать о том, чтобы сооружать им, умникам, храмы». Хотя вон и в новом Гостином дворе прошел бал медалистов, выпускников школ. Так-то оно так, но вот в духовно-нравственном отношении она

больше похожа на град спекулянтов, авантюристов, торгашей (27 процентов торгового оборота). Здесь куда легче встретить купца и лакея, чем гражданина. В Москве и Питере скопилось 70–80 процентов капиталов страны. Значительная часть уводимых из страны нелегально денег носит криминальный оттенок. То-то особняки, похожие на замки, растут в этих краях, как грибы. Публичный город продал душу дьяволу. Та ли это Москва, за которую когда-то погибали герои-панфиловцы? Она более похожа на город-спрут, высасывающий соки из покоренных народов. Но и это лишь часть правды.

Высшее образование – высшему классу?

Москва становится нерусским городом (400 тысяч евреев, 1 млн. мусульман). Ю. А. Русаков из Эрмитажа назвал Москву «преддверием Азии». Тут не столько европейские наслоения «легли на восточный фундамент, европейская культура на фон провинциального неустройства», сколько самая жестокая эксплуатация легла на внешне демократические, цивилизованные конструкции (или декоры). Особо бросается в глаза вопиющая нищета коренного населения столицы. Но история учит: в прошлом в первую очередь как раз богатые города-

тираны – Вавилон, Фивы, Карфаген, Рим – и становились жертвами войн, грабежей нищих и озлобленных народов. Два-три десятилетия – и, может, Георгий Победоносец, украшающий герб столицы, покинет кумачевое поле. Кто ж останется на гербе?^[720]

Когда-то Петр Великий, не любивший Москву, пытался предостеречь юных от дурных западных привычек: «...дабы ходя в трактиры и другие мелкие дома, с непотребными обращаясь, не обучились их непотребных обычаев и в других забавах времени не теряли бездельно; понеже суть образцы такие из многих иностранных, которые в отечестве добронравны бывши, с роскошниками и пьяницами в бездельничестве пропали и государственного убытку больше, неже прибыли учинили».^[721] Хотя что греха таить: дорогой Петруша любил порой крепко погулять и побуянить. Но потом с головой уходил в дело обустройства России. Он-то преуспел в созидании созидателей, а нынешняя власть слишком лелеяла губителей, воров и разрушителей России. Сегодня у власти (и не только в Москве) – ржа и накипь. О нравах этих господ писал Г. Федотов в своей статье «Россия, Европа и мы»: «Они становятся невыносимы, когда в них выражается тоска по комфорту, запоздалое упоение старой ветошью, уже доношенной Западом и бросаемой им своим духовным приживальщиком.

Это социальный грех «буржуазности» в его чистом выражении. Из этой русской среды выходят запоздалые защитники капитализма, столь редкие сейчас на Западе... В России капитализм далеко еще не изжил своих творческих возможностей. Война и революция жестоко оборвали расцвет его культуры на нашей родине. Все хозяйственное сопротивление России коммунизму основано на неумирающих началах свободы труда и предприимчивости, спасающих (или спасавших) страну от окончательного удушения и голодной смерти. Отсюда ставка на капитализм в России. Что при этом забывают о разлагающем, мертвящем значении капитализма на Западе, это объясняется полной духовной изоляцией от Европы. Беспросветная нужда, борьба за кусок хлеба ожесточают людей. Их отталкивание от Запада, первоначально окрашенное национально, наконец принимает ярко выраженный антикапиталистический характер». Сей Запад тут ясно виден. Хотя есть трудовая столица – град Китеж, «Москва златоглавая».^[722] Она определяет лицо столицы!

Есть и еще одно немаловажное обстоятельство, делающее проблематичными планы по оздоровлению России из Москвы и на базе Москвы. Град сей погряз в коррупции. Конечно, это не является каким-то особым исключением в России. Хотя она, по оценке экспертов, и находится по уровню коррупции среди «самых грязных стран» мира (4-е место). Масштабы и размах тут истинно московские, так что даже Запад в изумлении чешет в затылках. Лишь при Иване Грозном, когда запросто сажали на кол, да при Петре (или Сталине), которых чиновники и бюрократы боялись пуще смерти, ситуацию как-то удавалось держать под контролем. Вон Монсу, фавориту Екатерины, отрубили голову. Тут же прибили «рописи взяткам». Но уже после смерти великого Петра и восшествия на трон Екатерины I, как писал Ключевский, все освободились от страха, «и принялись торговать Россией, как своей добычей». В фискально-полицейском государстве были установлены точные расценки взяток (кому, сколько и за что). На словах дочь Петрова, Елизавета, провозгласила себя наследницей великого царя. Но на деле была далеко не бескорыстна. Она и Петр III взяли за привычку забирать себе в карман большую часть казенных доходов. Когда же у них кто-то просил денег на неотложные нужды государства, те молвили: «Ищите денег, где хотите, а отложенные – наши». Взятка, как во времена кормления (когда воеводы, судьи, приказные «законно» обирали народ), была главным источником существования чиновника. Понятно, что в этих условиях в правительство шли с единственной целью – украсть и поправить имущественное положение. Правительству никто не верил и не ждал от него ничего хорошего, кроме как вреда для народа и общества. Тот же историк В. О. Ключевский, оценивая нашу действительность в середине XVIII в., писал: «Государство в народном мнении утратило свой смысл и даже превратилось в какой-то заговор против народа». Екатерина II попыталась после восшествия на престол как-то справиться с тотальной коррупцией, издав указ о борьбе со взяточничеством. Затем попытку предпринял и Александр I («Об искоренении лихоимцев»). Увы, искоренить оное так и не удалось, а Н. Карамзин охарактеризовал состояние России одним словом – «Крадут!». В Москве и России не просто крадут, а крадут артистично, широко, истинно по-византийски – и до сих пор почти совсем безнаказанно. [\[723\]](#)

Все лжедмитрии последних десятилетий – Горбачев, Ельцин, Черномырдин, Гайдар, Чубайс, Березовский, Глушков, Гусинский – закрывали перед Россией окно в цивилизацию: в нормальную, человеческую, гуманную, достойную и разумную жизнь. Москва поддержала, хотя Лужков и был против этих господ, получив то, за что упорно и боролась. В своей книге С. Говорухин, отмечая, что «слово Правды стоит дорого», заметил в этой связи: «Город, население которого уже на треть состоит из этой только что выведенной особи, из этих биологических мутантов, плюющих в человека с белым флагом, не дающих вывести из горящего здания детей и женщин... Разве такой город имеет право занимать место на планете? Выходит, не оставляем мы Господу Богу иного варианта, как только сжечь этот, погрязший в предательстве и смертном грехе, город. Как сжег он, чтобы не безобразить землю, Содом и Гоморру!». ^[724] Что мы, нехристи, наполеоны, чтобы сжигать такую красавицу?!

Если попытаться найти ответы на вопрос, почему же гремят взрывы в Москве: взлетают на воздух дома с мирно спящими жителями, вагоны метро, магазины, подземные переходы, троллейбусы, синагоги и даже приемные ФСБ (не в духе криминально-террористических разборок, а в широкой, историко-философской и нравственной плоскости) – прояснится многое. Богу не угоден этот варварский, преступный строй! Москва – столица страны, ограбленной теми, кто сидит в Кремле. Москва – город, население которого в большинстве своем голосовало за эту преступную, воровскую власть. И уровень жизни москвичей в среднем в 5–6 раз превосходит уровень жителей провинции. Значительная часть ее доходов – нетрудовые, ибо немало этой публики работает в обслуге новой плутократии. Москва ведет «войну» против всей страны, ибо в ней, через ее банки «ходят» чудовищные суммы, украденные властными ворами, тогда как десятки миллионов граждан не получают их крох годами и месяцами. Москва – спрут, высасывающий соки из нищей России. Взрывы гремят еще и потому, что «Москва кабацкая» плясала на развалинах Дома Советов. Хотя тут и самая маленькая безработица! Видимо, наступает петербургский период истории России. Но сможет ли град Петров переломить ситуацию в позорной истории последних десятилетий!? В этом мы видели бы некий божественный промысел. Три века тому назад Петр «прорубил окно в Европу». Столбовая дорога политики

начала XX в. прошла через Петербург. В литературе Пушкин советовал учиться у московских просвирен. По словам Гоголя, Москва часто попрекала Петербург в том, что «он не умеет говорить по-русски». Нынче же, похоже, уже сама Москва разучилась говорить по-русски, ибо печать и ТВ тут в нерусских руках. Автору антиутопии «Мы» Е. Замятину принадлежит интересная статья «Москва-Петербург». В частности, он писал: «Так весь XIX век рос и строился Петербург в литературе – и строилась в Петербурге русская литература. Здесь, за малым исключением, издавались все влиятельные русские журналы, здесь работали все крупные издательства, здесь рождались и строились литературные течения. Здесь, уже на нашей памяти, перед войной, на смену долго царствовавшей династии реалистов, законченной Буниным и Горьким, пришли символисты, выславшие своих заместителей и в Москву. Москва признала их, она послушно платила им литературную дань». Когда же взорвалась «бомба революции», в Москве у власти оказались все те же самые леваки и «футуристы», которые предлагали «Пушкина, Достоевского и Толстого – выбросить за борт корабля современности», не говоря уже обо «всех этих Горьких, Блоках, Сологубах, Буниных и проч.». Петербург, как более культурная столица, заупрямился, не захотел ранее накопленные культурные богатства России «выбрасывать за борт корабля современности». [\[725\]](#)

Неизвестный художник. Смотр гвардейских частей на Дворцовой площади. 1810-е годы

История повторяется?!.. В Петербурге явилось политическое течение, которое нашло выражение в приходе во власть большой группы петербургских вождей. Может, наконец, создадут, как говорил

Петр I, правильное государство? Но это должно быть, конечно, не еврейское правительство, воцарившееся в Петрограде после Октябрьской революции. Как отмечают историки, туда прибыло из США 2 парохода с иудеями-эмигрантами. Они захватили руководящие посты сначала в органах меньшевистской власти, а затем и в Петроградском аппарате. Тот состоял всего из 16 русских и 371 иудея (266 из них прибыли из Нью-Йорка). Хотя сравнивать нынешний Петербург с Северной Пальмирой трудно. Больше оснований назвать его столицей Северной Сицилии. И все же многие скажут:

Когда бы в облаках я мог парить,
Как в небесах парят свободно птицы,
Я б вновь вернулся, Землю облетев,
К камням священным Северной столицы!^[726]

Однако нам дорога и Москва. Горечь наших чувств не позволяет забыть, что тут по-прежнему находится «святыня Московская». Видно, не случайно один из памятников древнерусской литературы тесно связал Москву и Русь, вопрошая: «почему было Москве царством быть, и кто-то знал, что Москве государством слыти». Здесь некогда поселился Святитель Петр (умер в 1326 г.). Он заповедал Калите заложить каменный храм в честь Успения Пресвятыя Богородицы. Вскоре тут был выстроен Успенский храм, ставший Кафедральным Собором Русской Церкви, давним духовным центром всея Руси. Значение Москвы всегда оставалось значимым и весомым. Ведь даже после перенесения столицы в Санкт-Петербург русский император короновался в кафедральном соборе Московского Кремля. Москва давно была и средоточием умельцев и мастеров. В Москве веками накапливались бесценные греческие и славянские книги. Келарь Троицкой обители А. Суханов привез с Афона в Москву 500 рукописей, составивших библиотеку Печатного двора. Сюда же доставлялись чудотворные иконы со всех концов православного мира. В стенах московских монастырей писались образы. Архимандрит Макарий говорил: «Уже много веков Московия, Русь, Россия – многонациональное государство, в лоне которого живут многие народы». А вот свидетельство иностранного дипломата: «В Москве

существует и немецкая церковь, в которой слово Божие проповедуется во всей чистоте, так как здесь каждому предоставляется свобода вероисповедания». Важно, что эти сведения исходят от самих инославных, которые лучше других ощущали терпимость Русской Церкви и Русского государства. Признание за каждым народом, за каждым человеком права исповедовать Всевышнего так, как он хочет, присуще Православию и сегодня». В православной столице действуют храмы мусульман и католиков, протестантов и иудаистов.^[727] К тому же, как отмечал М. Меншиков: «Московская Русь сумела накопить в русском сердце эту драгоценность – *чувство Родины*. Петербург сумел его растратить».

Хотя вот поэт К. Батюшков относился к столице неоднозначно. В его видении это был исполинский город, построенный великанами. Но и тут всюду заметно смешение роскоши и нищеты, огромного изобилия и крайней бедности, смесь нравов европейских и восточных. Москва – «живая картина нашего Отечества». Именно о любимой нами Москве он сказал: здесь «я дышал свободой прямою». Сегодня Москва – столица, кафедральный град Русской Православной Церкви, град инославных языков, место трудов и подвигов многих Просветителей и Всероссийских Первосвятителей. Не ведаю, прав ли был проректор Московской Духовной Академии архимандрит Макарий, заявляя: «Москве от века было предопределено стать стольным градом»? И сохранили ли суть слова Майкова: «И, древнею блестя красой, ты никогда не перестала быть царства нашего душой»? Смогут ли москвичи подхватить копьё Георгия Победоносца? Смогут ли дать России некие великие нетленные «духовные плащаницы»? Станут ли в будущем явью слова Ф. Тютчева из его «Спиритистического предсказания»?

Дни настанут борьбы и торжества,
Достигнет Русь завещанных границ,
И будет старая Москва
Новейшею из трех столиц.^[728]

Нельзя не сказать нескольких слов о роли мэра столицы и о его «могучей кучке» (Шанцев, Кезина, Ресин, Шевцова, Платонов и др.).

Кто они? Новые Саввы Морозовы, о ком Немирович-Данченко писал: «он приносит много пользы»; мудрая Коллонтай или «страшные чудовища»? Нельзя не видеть того мощного строительства, что идет в Москве, которому могли бы позавидовать многие европейские или даже заокеанские столицы. В последнее время правительство Москвы больше внимания уделяет социальным проблемам. Москвичи дважды единодушно поддерживали Лужкова, несмотря на всю грязь в его адрес. Правда, Ф. Э. Дзержинский в письме к Э. Квирингу заявлял: «Госстрой, Мосстрой – это почти поголовно все самое циничное ворье». Хотя и советовал перестать наивно думать, что удастся быстро все это преодолеть и подобрать честных людей, говоря – «утопия». Он рекомендовал пойти «на строительный нэп».^[729] Но и сегодня строительство дорог в Москве обходится вдвое дороже, чем в других регионах. В интервью газете «Ла Стампа» мэр заявил, что в будущем видит Россию интегрированной в мировое «цивилизованное пространство». Далее он продолжил мысль: «Никакой изоляции, только интеграция на достойных условиях. Я сторонник диалога и компромисса. Мы в России склонны к поляризации, мы любим или ненавидим без промежуточных этапов. Это (полагает он) и плохо, и опасно. Наш экономический идеал – социальная направленность результатов рынка. Мы – за демократическое государство со свободой выбора и обязательно свободой слова». Бесспорно, на первый взгляд, вполне разумный и взвешенный ход мыслей. Проблемы возникают лишь в деталях. Недаром же говорят: черт таится в деталях. Ведь Москва все-таки живет не на каком-то изолированном острове.

На деле проблем масса. В так называемое цивилизованное пространство в России пока может «интегрироваться» только Москва и Петербург, и то частично. «Диалог» или компромисс меж кучкой наглых миллиардеров и нищим, в большинстве своем полуголодным населением России вряд ли возможен. Отсюда склонность к поляризации (как не «заклинай» ее, она не исчезнет). Бешеный успех Москвы в «реформировании» – это не только опыт и знания, но и бешеные деньги элит, следствие дикой обираловки населения России реформаторами. Не мудрено, что социальная направленность не желает выходить за пределы Москвы. Наконец, имеются очень серьезные сомнения и по поводу Запада. Похоже, тот никогда не хотел и вряд ли захочет интегрировать Россию в капиталистическую

цивилизацию на достойных условиях. Сырьевой придаток – пожалуйста. Будь Лужков логичнее, задумался бы.^[730] Его забота о пчелах похвальна. Хорошо бы, если бы он обратил побольше внимания и на людей.

Юрий Лужков – мэр Москвы

Для многих в настоящую минуту именно «провинция представляет в тысячу раз более интереса, чем столицы, и это понятно» (письмо 1861 г. И. Аксакова к Л. Толстому). Почему? Аксаков объяснял причины, которые и сегодня кажутся нам вполне убедительными (хотя, увы, не всегда реальными): «Пока развитие наше совершалось в области отвлеченной, без приложения к жизни, не захватывая быта земли, – она, естественно, заключалась в среде столичной, в среде людей отвлеченно-просвещенных, оторванных от почвы, в оранжерее умников, книжников, литераторов. Но когда дело коснулось всей земли, быта народного, когда наступила та социальная революция, которую мы теперь переживаем, наши столичные интересы мигом побледнели, жители столиц остались как раки на мели, чувствуют или должны почувствовать всю свою несостоятельность, всю свою отчужденность от дела, когда наступило серьезное дело, когда из области фраз оно перешло в область жизни...

Я убежден, что в народе русском лежат начала для нового права (jurgovum) – совершенно противоположного началам римского права, началам формальной, внешней правды». [\[731\]](#)

Особая надежда – на наши исконные русские земли (Орловщина, Владимир, Тула, Курск, Рязанщина, Серпухов, Ярославль, Калуга, Вологда, Сибирь, Урал). Орловщина, к примеру, занимает второе место в стране по количеству студентов на тысячу жителей, уступая Москве. Думаю, что талантами, как и отношением к труду глубинная земля в чем-то даже превосходит нынешнюю столицу. Эта земля, как и Центральная Россия, Север, Ставрополь, Кубань давно стали душой и сердцем России, ее головой и золотыми руками. Бунин, Тургенев, Л. Толстой, Лесков, Тютчев, Апухтин, Пришвин, Фет, Шолохов – все они пришли отсюда. Главное – тут обитают светлые, чистые и умные русские люди. Им дорога Россия. Тут проходят Дни славянской письменности, собирающие сотни тысяч людей. На Орловщине среди народа проводятся дни Тургеневских чтений, а в столице – фестивали гей и съезды демократок-лесбиянок. Голова у Москвы есть, но – русская ли, православная, человеческая ли она? Мне ближе русский крестьянин и труженик провинции, чем иной буржуа-москвич (да простят мне москвичи). Хотя мы не сбрасываем со счетов трудовую столицу и те 3 тысячи медалистов, которые блистательно окончили школы в 2000 г., не говоря уже о культуре и о массе умных и честных людей.

Если народ проявит дальновидность и толику мудрости, а Бог благословит Россию, скоро могут начаться серьезные перемены в стране. Н. А. Бердяев в «Духовном кризисе интеллигенции» заметил: «Должны явиться избранники народа в высшем смысле этого слова, вожди и вдохновители, чуткие к смыслу истории, обладающие идеей всечеловеческой и сверхчеловеческой. Не на отдельные социальные группы можно возложить надежды, а только на народ, победивший групповое самоутверждение, откуда бы народ этот ни вышел». Эти русские люди в политике и практике должны руководствоваться «идеей народа и правды». [\[732\]](#) Долгие годы мы находились в историческом ослеплении, страдая амнезией. Время это заканчивается. Мы уже поняли и запомнили как «Отче наш» – власть в России должна быть в руках у порядочных и умных людей! Обязанности и права всех этносов России должны быть введены в более разумное и строгое

федеративное русло. Стержнем державы явится Русский Народ. В оформлении союза соратников и идейных товарищей мы, конечно, исходим не из знака крови или заявлений вульгарно-дикого свойства, а из реального вклада, участия в деле создания лучшего будущего для страны. Однако исторически уже давно назрело выделение Русского народа в главную нацию державы. Всякое правительство должно свято соблюдать в политике мудрое петровское правило: используя иностранцев, никогда не назначать их на ключевые посты! Пора проявить характер русскому народу, армии. Еще философ Ж. – Ж. Руссо писал: «Первый принцип, из которого нам следует исходить, – это национальный характер: каждый народ имеет или должен иметь национальный характер; если бы не было его у народа, то пришлось бы начинать с того, чтобы ему такой характер дать».

Ну а что же происходит в мире? Тысячелетиями катится по планете из конца в конец война – и нет ей преград и пределов... Гераклит сказал: «Война – начало всего». Неужели это и есть нормальное естественное состояние человечества?! Война всех против всех? Существует, правда, два типа или вида войн. Один вид являет собой открытую схватку вооруженных сил, народов, групп, личностей. В этом случае «международное право попросту отменяется» (М. А. Таубе). Однако есть другой вид войны, когда беспрестанно ведущаяся «аморальная война» находит продолжение в войне «моральной» – в схватке политических, экономических, промышленных, торговых сил. Между народами существует тесная взаимосвязь, не позволяющая им существовать автономно. М. Таубе, специалист по праву, еще в 1922 году подчеркивал, что «моральное или экономическое заболевание одного ведет к заболеванию соседей», или, в переводе на язык практической политики, – весь мир – «одна хозяйственно-торговая единица» (Ллойд-Джордж). Таким образом, хотим мы того или нет, «все суть члены одного великого тела». [\[733\]](#)

Неужели русские не поняли, что тайной, сокровенной мечтой Запада и Америки является закабаление России, захват огромных богатств ее?! Все они заодно друг с другом в закабалении и разграблении России. Полковник Хауз, руководивший внешней политикой США, отклонивший эту политику «в сторону сионизма», говорил: «Россия слишком велика... Ее надо свести к Среднерусской возвышенности. Перед нами будет чистый лист бумаги, на котором мы

начертаем судьбу русских народов». Теми же целями руководствовались империалисты Европы в интервенции Антанты против России. Министр вооружений Франции А. Тома заявил: «Интервенция должна быть осуществлена» (1918). В беседе с наркомом Чичериным корреспондент газеты «Тан», угрожая Советской России, выболтал планы интервентов: «Но берегитесь! Понемногу, с помощью вашей толстовской позиции непротивления злу вы позволите пруссакам занять всю Россию. Мир не потерпит, чтобы вы отдали на милость победителя все огромные ресурсы, имеющиеся на вашей территории. Подобное нарушение равновесия грозило бы опасностью будущему свободе. Берегитесь, цивилизованный мир не допустит и мысли об этом; в противном случае народы будут вынуждены для обеспечения своей безопасности сместить вас и защищать вас от собственной уступчивости».^[734]

Сегодня известен чудовищный по своему цинизму секретный план Гитлера (по созданию грандиозной по масштабам магистрали через всю Россию до Владивостока). По этой невиданной колее должны были ходить двухэтажные составы весом в сотни и сотни тысяч тонн, перевозящие одновременно по 18 тысяч людей. Колоссальные локомотивы суперпоездов должны были гнать с огромной скоростью по трем направлениям составы с ресурсами и материалами для германского рейха. Они уходили бы с гигантского вокзала в Мюнхене, под куполом которого легко бы уместились египетские пирамиды. В роскошных вагонах с ресторанами, кафе, спортзалами, кинотеатрами восседали бы арийцы, победители русских недочеловеков. В зоне магистрали должно было остаться в живых лишь 30 процентов населения России. Все остальные подлежали уничтожению. К 1960 г. гитлеровские «чудо-поезда» должны были двинуться на Север и Юг России, а также к побережью Тихого океана. Эта заветная мечта Гитлера, по сути, была не чем иным как концентрированным выражением воли всего западного мира.

Что нас ожидало бы тогда? Вспоминается история с княгиней Васильчиковой-Вяземской (Меттерних). Гитлеровцы требовали от нее свидетельств ее полноценности. Дивная красавица, умница вынуждена была отправиться в министерство Розенберга, где какой-то «карликовый горбун» (как из «Песни о Нибелунгах») стал измеривать ее череп и рост, при этом сам вынужден был вскарабкаться на стул,

чтобы дотянуться до головы стройной и высокой русской женщины. Далее она пишет: «Уже в первые годы, когда нацисты разработали свою расовую теорию, чтобы оправдать экспансионистскую политику, русские были объявлены варварами, которые неплотно населяют огромный континент, оставляя неиспользованное широкое жизненное пространство... О русских говорили исключительно как о людях низшей расы, представлявшей собой угрозу для западной культуры». Такая вот многозначительная история. [\[735\]](#)

Поэтому надо меньше пускаться в утопии и фантазии, а больше вглядываться в мир, который нас окружает. Тогда лучше поймем взаимосвязь его частей. Для того чтобы обеспечить мир всем необходимым, надо бы увеличить мировой совокупный продукт в 5 раз. Ныне он составляет 13 триллионов долларов в год, и основная его часть производится «развитым миром». Для удовлетворения нужд мира придется повысить меру использования естественных биологических ресурсов земли с 10 до 50 процентов... Однако примерно треть всех мировых запасов природных ресурсов находится на территории современной России. Отвечая на вопросы американского корреспондента Стассена, Сталин заметил: «Европа – такая часть света, где много фабрик и заводов, но ощущается недостаток сырья и продовольствия. В этом проблема». [\[736\]](#) А далее уже идет чистой воды геополитика.

Эта взаимосвязь с каждым веком и годом будет становиться все более острой. Бросим взор и на общую картину состояния жизни народов на Земле, на все те проблемы, с которыми нам приходится сталкиваться. Суммируя весь комплекс проблем, уже можно сказать следующее. Мир пребывает в состоянии борьбы и бешеной активности. Особенно это заметно в сфере роста экономик. Мировая экономика составляет гигантскую сумму в 39 трлн. долл. совокупного ВВП (1998 г.). По сравнению с 1900 г. мировой ВВП вырос (за сто лет) более чем в 17 раз. Мировое промышленное производство увеличилось за это время более чем в 50 раз, и, замечу, свыше 4/5 этого прироста пришлось на период с 1950 г. Мир стремительно развивается.

Катастрофическое падение производства и экономики СССР и России означает одно – нашу вероятную гибель как яркой цивилизации. Вопрос стал с небывалой остротой: или смерть паразитов, высасывающих из России все и вся, или жизнь народов

России. Индустрия, энергетика, ресурсы ныне все заметнее играют роль сердца, желудка и легких цивилизации. Это ясно хотя бы из следующих цифр: только за первые три четверти этого столетия потребление энергии в мире выросло в 11 раз (нефти – более чем в 100 раз), стали – в 25 раз, алюминия – почти в 2000 раз и т. д. Так что все разговоры об устойчивом долговременном развитии нашей страны останутся пустой болтовней, если нет бурного и динамичного развития всей промышленной и энергетическо-сырьевой базы. Не секрет, Россия была, есть и пока все еще остается сырьевой страной. США и Запад делают все, чтобы мы застыли в «первобытном состоянии». Этому способствуют анархия и беспредел местных воротил и чинуш. Точь в точь, как в XVII в. на Руси... В ответ на призыв: «Бойся де ты Бога да государя!» на местах отвечали: «Боюсь де одного боярина своего» или же: «Я де ваших властей не слушаю, я сам с братениками своими тут князь».^[737] Промышленность страны превращается в «музей древностей». Средний возраст оборудования в России превысил 16 лет, а степень его износа – 53 процента. Быстро устаревают и мощности в электроэнергетике. Многие гидростанции и атомные станции находятся в прединфарктном состоянии. Необходима почти тотальная модернизация промышленной инфраструктуры, заводов, фабрик, НИИ, станций, железных дорог. Нужны многие сотни миллиардов долларов. Вопрос «прост»: «Где их взять!?!»

Петр в реальной жизни пытался перенять у Европы как можно больше нужных и полезных вещей. Екатерина говорила: «Россия – страна европейская». Однако Европа, США не очень охотно идут на инвестиции в Россию. По оценке вице-президента Всемирного банка И. Линна, в 1992–1999 гг. прямые зарубежные инвестиции в Россию составили 16 млрд. долларов. Это ничтожно малая сумма (на душу населения России – 15 долл., в Польше – 84 долл., в Чехии – 118 долл., в Венгрии – 221 долл.). Поэтому чтобы добыть деньги из внутренних источников, надо ввести жесточайшие наказания даже за украденный провод, за килограмм угля и ведро нефти, а за тысячи тонн, вывезенных под липовыми документами – четвертовать главных виновников. Только тотальный и жесткий контроль (с висящим над головой дамокловым мечом) может дать огромные средства для реального, а не надуманного обновления российской экономики, науки, культуры, образования. Наведем жесточайший порядок с

финансами и ресурсами у себя дома, позиция Запада изменится. Знак нам подан в Париже. И визит премьера Англии неплохой признак. Но все это капля в море, если не вернуть украденное в самой России!

Как выстраивать отношения с Западом? Трезво, твердо, эгоистично, осторожно, умно. Надо отстаивать наши интересы на всем геополитическом и экономическом пространстве. Главным руководящим принципом политики должен стать российско-славянский эгоизм. Сколько можно выступать спасителями мира, слугами тех, кто, цинично нас использует!? Для тех из нас, кто, как и мы, не принадлежит к ряду вульгарных последователей материализма (не говоря уже о диком пещерном монетаризме), культура не есть лишь надстройка над экономической базой. И все-таки спешу заметить: если отцы читали «Капитал» (хотя, С. Есенин гордился тем, что оное произведение не читал «при любой погоде»), то внукам пора научиться его создавать путем умного и эффективного труда на благо России! Поразительно, но Запад давно понял и принял то, от чего мы стараемся бежать. Все значительные умы на Западе (Гэлбрайт, Фромм, Кейнс и т. п.) ратуют за капиталовложения в государственный сектор. Читаем в «Революции надежды» у Эриха Фромма: «Все инвестиции в государственный сектор, в который входят общественный транспорт, гражданское строительство, школы, парки, театры и т. д., обладают двумя достоинствами: во-первых, они удовлетворяют те потребности человека, которые направлены на его развитие и жизнелюбие; во-вторых, они помогают развить (у народа) и чувство солидарности, которое вытесняет чувства жадности, зависти, ненависти и вытекающую из этих чувств конкурентную борьбу». Так нет же, стали развивать «революцию потребления» (и не в массе людей, а кучки плутократов и их услуги). Их жадность не знает пределу а и устремлена в бесконечность. Что же у них в конце? Тюрьма, пуля в висок, наркотик, обжорство или алкоголизм. Конечно, каждый человек имеет право на хорошую жизнь. Но ведь не за счет же других. Фромм отмечал, что можно было бы сделать хлеб, общественный транспорт, образование бесплатными. При этом с грустью добавлял, что нарисованная картина «является чистой утопией». Но для «развитого человеческого общества, — подчеркивал он, — это было бы разумным как с экономической, так и с психологической точек зрения».^[738]

Нечто похожее у нас было. Однако все это было порушено самым бездарным образом.

Конечно, имеется немало критиков советского социализма. Иные возражали против такой модели, утверждая, что «сталинизм есть социализм в том смысле, что он является его неизбежным, хотя и непредвиденным, политическим и культурным спутником»(Макс Истмен). В 30-е и 40-е годы, разумеется, можно было писать о том, что социализм сродни фашизму, а социалистическое планирование может стать «величайшей тиранией, которую когда-либо видел мир». Но Диккинсон, которому принадлежат эти слова, писал о безответственном руководстве.

Прав был в каком-то смысле и Фридрих А. Хайек, утверждавший, что авторитарный социализм более реалистичен и последователен, чем красивая и идиллическая картина «либертарианского социализма».^[739] Но с тех пор прошло уже 70 лет. И мы сегодня вправе заявить, что дикий капитализм, выстраиваемый ныне у нас в России сионистами и плутократами в сто раз хуже фашизма! В Германии в те времена все-таки (худо ли, бедно ли) кормили свой народ, давали работу и благосостояние миллионам немцев, а ростовщиков-иудеев отправляли в тюрьмы, национализировав их капиталы (что не отменяет преступного характера идеологии). В России же строй псевдодемократов привел к власти нелюдей (почище, чем гитлеровцы)... Они изводят под корень свой же собственный народ. Ну что можно ожидать от этих дельцов, работающих только из личной корысти (за проценты). Все эти господа, фамилии которых на слуху у всей России, да и мира, генетически так устроены, что думают лишь о себе, о своей выгоде. К экономике и приватизации их близко нельзя подпускать. Проблема в том, что после катастроф 1985–1999 гг. в переходный период есть лишь один реальный путь к возрождению России. Он лежит через полуавторитарный социализм с элементами капитализма. Иначе ворье бюрократии и капитализм компрадорского толка (правлящие поныне) всю Россию погубят голодом и холодом. Неужели же трудно понять элементарную истину. Западу категорически противопоказана сильная Россия. Они дадут этим «чикагским мальчикам» огромные отступные, только бы доломать и добить остатки конкурентной индустрии и науки в России... Страна живет все хуже и хуже, а кучка тварей становится все богаче и богаче.

Всех ельцинистов, взявших собственность, убрать, ибо они проводят процесс капитализации собственности во вред России, народу. Предательство живет в них изначально, как и алчность.

Нельзя не видеть и того, что мир со страшной скоростью продолжает раскалываться на противоположные галактики в пределах крошечной Земли... Лишь малая часть населения живет в приличных условиях, обладая высоким уровнем жизни. Одновременно сотни миллионов землян страдают от голода, 1,2 млрд. человек остаются неграмотными, 1,6 млрд. человек не имеют доступа к чистой воде, 2 млрд. человек не пользуются электричеством. Возникла поистине сатанинская пропасть между кучкой сверхмагнатов и большинством человечества. Пару сотен самых видных супермиллиардеров владеют в мире совокупным богатством более чем в 1 трлн. долларов, что равняется ежегодному суммарному доходу всей беднейшей половины человечества. Рубцов как-то прозорливо заметил, что пусть «только двадвора будут стоять посреди огромной тайги – но и тогда все равно будут происходить драмы, вплоть до самых ужасных трагедий».^[740] Что говорить о миллиардах дворов безумно тесной Земли с обитающим на ней людом. О планах «цивилизаторов» недвусмысленно сказано на Каирской конференции 1997 г.: «...на этой планете недостаточно чистого воздуха, воды, земли, чтобы поддерживать миллиарды китайцев, индусов, мексиканцев, русских». К 2030 г. население Земли вырастет. Назревает восстание беднейших масс Земли против кучки мировых вампиров, и, возможно, даже национализация всей их чудовищной финансово-плутократической системы! Но угроза может исходить и с другой стороны. Нагрузка на природную среду и ресурсы планеты становится все ощутимее (особенно грешат США, потребляя почти треть ресурсов планеты при 5 процентах населения). По данным бывшего генерального директора ЮНЕСКО Ф. Майора, 20 процентов населения мира, самые индустриальные страны потребляют 80 процентов ресурсов Земли. Лишь слепцу не ясно, что назрел серьезнейший пересмотр глобальных моделей роста и развития. Но прежний исторический опыт, да и эгоизм стран так называемого золотого миллиарда не позволяют надеяться на то, что те встанут на новый путь развития (в интересах человечества). Россия обязана все это трезво учитывать!.^[741]

Надо бы прислушаться к словам оракула современной западной цивилизации, английскому экономисту Дж. Кейнса (1883–1946). Ставший впоследствии директором Английского банка, поклонник и любимец В. Вулф, большой ценитель искусства, он превратил мрачную и скучную науку «в революционный пафос строительства». До него либералы Запада (кстати говоря, не чета нашим недоучкам и ворам) мрачно и безнадежно утверждали, глядя на кризис: «Ничего тут не поделаешь. Не вмешивайтесь в экономику». Кейнс на это заявил: «Все это чепуха. Государство может и должно ликвидировать безработицу и бедность!» И далее: «Экономическая проблема – если взглянуть в будущее – не может быть постоянной проблемой человеческой расы». Слава пришла к нему еще во времена парижской мирной конференции (1918–1919), где В. Вильсон, Ллойд-Джордж и Клемансо настояли на жестких репарациях против побежденной Германии. Он написал книгу «Экономические последствия мира», где прямо обвинил Америку и Европу в глупости и недалекости. Немцы не смогут выплатить столь тяжкого долга, они нас возненавидят и отомстят рано или поздно. Собственно, так и случилось. Нищая и озлобленная Германия породила Гитлера... Сегодня США и Европа тупо и недалекости давят на униженную Россию, насаждая у власти марионеток, политических ничтожеств, откровенных воров... У Кейнса есть и другие мудрые мысли. Крайне важна мысль о том, что в годы депрессии главная роль должна принадлежать не частному капиталу, а государству. Для нынешней России тут ключ к решению проблем роста. Она переживает времена более страшные, чем годы Великой депрессии 30-х годов. Частный бизнес тогда сворачивал производство, плодил нищету и безработицу. Социальное положение масс становилось катастрофическим. Может, голос Кейнса дойдет до наших госопод, пораженных глухотой?^[742]

Жалуясь на то, что «старые циники Европы снова водят за нос Америку», тот же Кейнс писал (1919 г.): «Нравственно добры только индивиды, а нации все бесчестны, жестоки и коварны».^[743] Это пора бы понять российской правящей элите. Сегодня столь известные фигуры как директор Гарримановского института Колумбийского университета (США) Марк фон Хаген прямо говорит нашим «западникам»: «Я уверен, что никакие американские модели социально-экономического, политического и административного

устройства в России не приживутся. Скажу более: копируя почти во всем американцев, ваши реформаторы первого поколения тоже имели поверхностное представление об Америке в целом и о терзающих ее серьезных проблемах в частности». Наши «умники» не понимают этого (делают вид).

Замечу, что при выборе перспектив из двух моделей развития – царской и советской – все тот же Дж. М. Кейнс заявил во «Взгляде на Россию» (1925): «...мне хотелось бы дать России шанс, помочь, а не препятствовать ей. Ибо (если отвлечься от многого) насколько охотнее я содействовал бы, будь я русским, Советской, а не царской России! Я не с большей охотой подписался бы под новыми официальными догмами, нежели под старыми; я испытывал бы не меньшее отвращение к деяниям новых тиранов, чем к деяниям старых. Но я чувствовал бы, что смотрю в направлении возможных перспектив, а не в сторону; ведь из грубости и глупости старой России не могло выйти ничего хорошего, но под корой грубости и глупости новой России могут скрываться крупницы идеала».^[744]

Как же невежественны наши политики! Вот что значит отсутствие серьезных знаний. Ведь еще Чернышевский писал о разумном эгоизме. Суровую отповедь дал глашатаям «общечеловеческих ценностей» и Н. Данилевский. Он говорил: «Почему нет общечеловеческого и бескорыстного интереса? – воскликнут наивные политические идиллики. Потому, во-первых, что, строго говоря, никто не знает, в чем заключается действительно бескорыстный общечеловеческий интерес. Потому, во-вторых, что, по крайней мере в настоящий период истории, русско-славянский эгоизм совпадает с бескорыстным общечеловеческим интересом. Наконец, в-третьих, потому, что если не действовать в духе русско-славянского эгоизма, то ничего не останется, как действовать в духе антирусско-славянского, англо-австро-европейского эгоизма (и европейского, американского, еврейского, немецко-прибалтийского или кавказского эгоизма. – **В.М.**), как до сих пор мы большею частью и действовали; потому что для политической деятельности России только и открыты эти два пути, нигде не сходящиеся, прямо друг другу противоположные. Русско-славянский эгоизм совпадает в настоящее время с общечеловеческим бескорыстным интересом! В этом-то и заключается вся наша сила, вся наша надежда на окончательный успех, несмотря на столько раз

повторяющиеся неудачи, происходившие не от чего другого, как именно от непонимания этого тождества».^[745] Беда в том, что элита восприняла идею эгоизма в высшей степени корыстолюбиво, а не в национальном духе.

Надо бы сузить круг геополитических, военных интересов собственно задачами России и ее ближайших друзей. Вождям надо бы запретить под страхом смерти бездарно тратить силы, ресурсы, кровь соотечественников во имя чьих-то чужих замыслов и расчетов. Об этом писали многие русские патриоты – от князя А. Горчакова до графа Валюева и Н.И. Ульянова. Надо бы ограничить усилия периметром великой России, собрать ресурсы, навести дисциплину и порядок. Блестящий публицист-эмигрант Н. И. Ульянов (1904–1985), требовавший от русских высот их культурного идеала, писал в «Роковых войнах России» о том, что одной из величайших бед России стала ее поистине безумная готовность ввязываться в любые войны за пределами своей страны. Он отмечал, что в истории Европы были две великие страны, противоположные друг другу по характеру их войн: Англия, редко начинавшая войны без соображения крайней целесообразности и надобности для государства, и Россия, вступавшая в войны без особых на то оснований и размышлений. После смерти Петра Великого и Екатерины у нас в царях и царицах одна дурь правит... Анна Иоановна угробила 100 тысяч русских солдат в Крыму. И России по мирному договору запретили иметь военные и торговые суда на Черном море (Белградский договор 1739 г., который от имени России заключал французский посол). Мы воевали против Фридриха и против французов в Италии, даже вознамеривались «идти в Индию и завоевать оную» («омыть сапоги в Индийском океане»). Некогда английский мыслитель Годвин сказал: «Чем лучше мы поймем свои собственные интересы, тем меньше мы будем склонны нарушать мир наших соседей». Дай же нам Бог силы, ум и волю понять, в чем наши интересы, защитив и сохранив Россию! Надо сто лет мира и покоя, защиты собственных границ и своих интересов. Нельзя пускаться ни в какие военные авантюры, которые прямо и грубо не затрагивают наших границ, наших национальных интересов.

Художник Ю. Селиверстов. Русский мыслитель Н.Я. Данилевский

В политике всего дороже трезвость. Эмоциям тут нет места. Талейран в чем-то был прав, когда в ответ на упрек царя Александра I, высказанный им саксонцам (дескать, они, якобы, «предали дело Европы»), заметил: «Сир, это вопрос дат», намекая на Тильзит и Эрфурт, когда медовый месяц с Наполеоном был в самом разгаре. Александр зря полез в Европу, не послушав мудрого Кутузова. Хотя тот внушал ему (после разгрома войск Наполеона в России) не ходить в эту Европу: «Наша территория освобождена, а другие пусть сами себя освобождают». Затем Николай I вздумал делить Турцию. Ведь и неудачная Крымская война началась из-за того, что султан отобрал ключи от Вифлеемского храма у греков и отдал их туркам. Так из-за «ключей от гроба Господня» мы начали неудачную войну. Китайский философ Лао-цзы, очевидно, был прав, вопрошая: «Почему Небо не любит воинственных?» Небо и История не любят слишком воинственных, ибо с ними в жизнь человеческую приходит слишком много горя, бед и страданий. Лишь мудрый Александр III пытался

удержаться от авантюр, даже если его, как и Горчакова, порой обвиняли в «великом бессилии». При Николае II военные захотели захватить Босфор. Когда турки учинили резню болгар, наши войска освободили братьев по вере и языку. Но последствия этого для России оказались скорее печальными. Н. И. Ульянов пишет: «Но спасенные русскими войсками от гибели болгары чуть не на другой же день превратились во врагов России. Факт этот, хорошо известный деятелям эпохи Николая II, не послужил предостережением и не предотвратил в 1914 году русского заступничества за Сербию, которую Австрия намеревалась аннексировать. Это из-за не Россия объявила мобилизацию, послужившую предлогом для выступления Германии и начала мировой войны. Это был тот «путь смерти», о котором гласил трактат Сунь-Цзы. Не прошло года, как в Ставке Российского Верховного главнокомандующего стало известно, что Сербия, из-за которой успели погибнуть сотни тысяч русских солдат, готова заключить мир и перейти на сторону врагов. Этого не случилось, но духом балканских измен повеяло ясно. В СССР и за границей много написано на тему гибели России. Чаще всего это (были) поиски «виновных»: бездарный царь, тупые министры, недалекая либеральная общественность, техническая и культурная отсталость. Лишь об одном органическом пороке никогда не упоминается — о нелепых безрассудных войнах, истощавших нашу родину на протяжении двух столетий. Их роль в российской катастрофе до сих пор не принимается во внимание».^[746] Увы, это так. Пора научиться отличать войны за коренные интересы государства, каковой, бесспорно, является война в Чечне, от всякого рода авантюр за пределами границ России.

Думать же надо, господа русские политики, что нас ожидает через 30–50 лет! И вообще пора бы уже научиться щадить и беречь свой народ. Даже в середине XIX века, когда Россия еще была довольно-таки сильной и пользовалась авторитетом в тогдашнем мире, министр внутренних дел граф П. А. Валуев писал, что России вне пределов своей страны за чьи-то там интересы «войну вести не следует, что рисковать ею безумно, а вводить в заблуждение славянские племена надеждою на наше содействие преступно». Тогда мы носились с планами захвата черноморских проливов, войны против Турции. Умная политика требует холодного и точного расчета, учета крови, материальных жертв, разрушений и страданий как своего, так и чужого

народа. Бескорыстно можно влюбиться в мужчину или женщину, если уж совсем голову потеряли. В политике такие вещи недопустимы и даже преступны. «Разве можно иметь бескорыстную политику? – недоумевал «про себя» Валуев, почтительно выслушивая «наивные по невинности» рассуждения своей государыни. – При чьей помощи, на чей счет и по какой цене можно ее вести? Разве кровь русских, смерть в госпиталях, страдания и слезы семейств, разорение частных лиц и государства не имеют цены? Кто ими распоряжается? Кто рыцарски приносит их в дар фразе о бескорыстии? Подобный бессознательный эгоизм чудовищен». Я вполне согласен с графом. Ни в одной стране нет столько желающих составить капитал и завоевать почести на крови и бедах народа, как у нас. ^[747]

Разумеется, еще Фридрих Великий говаривал: «Русского солдата мало убить, его надо еще и подтолкнуть, чтобы он упал». Немецкий поэт Шиллер и вовсе утверждал: «Победить русских могут только русские». Увы, сегодня не русские решают свою судьбу даже в России. Остро встал и такой вопрос: «А будет ли у России достаточно сыновей и дочерей, которые поднимутся на защиту любимой Родины?» В мире сейчас 23 млн. солдат и офицеров регулярных армий, более 7 млн. человек в различных полувоенных формированиях, плюс 39 млн. резервистов. Армии ряда стран Запада и Востока уже нащупывают плацдармы битв против России. Проблема роста численности населения России (и прежде всего русских) – первостепенная проблема, так как именно на плечах русских более всего и держится Российское государство.

Ведь сегодня война продолжается более яростно, свирепо и тайно, чаще в мирных формах – торгово-экономическая, культурно-промышленная, битва экономик, технологий и торговых компаний. Давно мир янки выстроил всех живущих на земле в шеренги промышленно-торговых солдат (как заметил еще Б. Франклин, «человек по природе своей изготовитель орудий»). Мир вовлечен буржуазией в невиданную «ярмарку тщеславия» – это тщеславие экономик, денег и мировых фабрик. Тут разворачиваются такие яростные «невидимые сражения», что земля ходит ходуном. Обмен товарами и ресурсами – это обмен ударами воинов-гладиаторов, где один из них может в любую минуту быть уничтожен. Этого мы, русские, кажется, не понимаем. Мир нас этому учит – безжалостно и

сурово. Защищенность нашего строя и наших границ рухнула. И это безусловно опасно. Опасно не потому, что завтра нас оккупируют войска захватчиков. Оккупируют их товары и валюты, их идеи и «ценности». Если мы ничего тут не сможем сделать, то нас ожидает судьба худшая, чем судьба бездомной собаки. А. Смит сказал в «Богатстве наций»: «Никто никогда не видел, чтобы собака совершила справедливый и намеренный обмен одной кости на другую с другой собакой». Перефразируя Адама Смита, скажу, что у такой бессловесной собаки никто и спрашивать не будет: у нее отнимут последнюю кость, а саму «собаку» быстро отправят на живодерню – при полном согласии всей мировой «демократии». Ведь вся их цивилизация – «только покров, за которым нетрудно вновь различить «старую бестию» (Д. Кампер).^[748] XX в. был самым свирепым и жутким из всех! А XXI век? Каким окажется этот век?

Нам придется вести жестокую битву в сфере мысли, духа, техники, наук! А. Тойнби писал: «Создается впечатление, что в столкновении между Россией и Западом инициатива в духовной сфере, в отличие от сферы технологической, перешла, во всяком случае на данный момент, от Запада к России... И если мы что-то должны и можем уяснить себе, так это то, что столкновение между остальным миром и Западом переходит из сферы технологической в сферу духовную». Идеи, в конечном счете, все же гораздо сильнее и могущественнее любого оружия. «Запад снова оказался под угрозой духовного разрушения изнутри и духовного штурма извне. Таким образом, коммунизм, угрожая основам Западной цивилизации на ее собственной почве, показал себя куда более эффективным антизападным оружием в руках русских, чем любые материальные вооружения».^[749] Главная сила России – в знаниях, культуре, вере, духовности народа. «Соединясь, рассудок и душа даруют нам светильник жизни – разум». К счастью, Россия сохранила ее великую гуманитарную, научно-техническую и военную элиту! Поэтому не говорим, подобно еврею Нильсу Бору: «Чтобы была новая физика, должны сгинуть старые физики». Эта посылка ошибочна и глупа. Ведь «старые» физики и инженеры, врачи и учителя, конструкторы и деятели культуры составляют на сегодняшний день главную опору России! Это врагам надо, чтобы сгинули лучшие умы России. Нам же нужно, чтобы физики и лирики, любящие Родину, стали опорой нового

возрождения России. Гений – интеллект, зажатый в тиски необходимости. Мы призываем русский интеллект, наконец, взять власть в стране. На повестке дня стоит вопрос о союзе науки, армии, промышленников, крестьян, инженеров, русского капитала. Этот круг людей явит собой строителей и спасителей России. Он возглавит и «крестовый поход против зла» (Бердяев), все еще торжествующего и поныне.

Россия имела и имеет не только лучших солдат в мире, но величайшие умы и таланты в сфере разработок военной техники! В очерке К. Раша «Рождение танковой нации» и «Время офицеров» описывается потрясающий сплав гения, мужества, стойкости и воли, который некогда и выдвинул Россию (СССР) на ведущие рубежи среди воителей мира. Он прав, говоря: «Но приходят смутные времена, когда Генеральный штаб вынужден брать на себя функции мозга осиротелой нации, а воинство совесть той же нации». Когда-то Петр Первый заметил, что «воинским делом Россия вышла от тьмы к свету». Сегодня главная задача русской науки и армии – рассеять простершуюся над Россией тьму плутократии. Велика и во многом определяющая в истории России роль армии, офицерства, флотов, разведки. Благодаря Русской армии собственно и существует Россия. Все мы – «ее дети» (сыны ее полков, отрядов, флотов, эскадрилий). Александр III сказал, что у России нет более верных союзников, чем ее армия и флот. Страна нуждается в укреплении армии, чистке ее рядов, перестройке системы подготовки, организации сил армии и флота, их экономического и военно-технического обеспечения. С начала 90-х годов военно-морские силы России сократились в три раза. На Балтийском и Черном морях наш флот в 3–4 раза уступает потенциальному противнику. Петр I начинал строить армию и флот – а создал могучую империю. Сегодня, как и сто лет назад, России нужна не только армия контрактников-профессионалов, но и народная армия. Наполеон подчеркивал: «Военных сил недостаточно для защиты страны, между тем как защищаемая народом страна непобедима». Это прекрасно понимал создатель русского Генерального штаба, выдающийся стратег и тактик Н. Н. Обручев (1830–1904), настаивая на том, чтобы возможно большее число «дозревших к службе людей» в России получало бы военную подготовку. Хотим иметь великую и

могущественную страну, что фактически является центром Евразии и Поднебесной, надо серьезно укреплять армию и тыл. ^[750]

Огромная площадь России обуславливает и ее протяженные сухопутные и морские границы. Но ведь эти просторы надо содержать, осваивать, защищать. Мы уже и сегодня значительно отстаем по количеству солдат на один километр границы от Франции и Китая. Скоро их нечем будет и защищать! Проблема численности населения имеет важнейшее геополитическое значение. Плотность проживания в России составляет 8,7 человека на кв. км., что втрое ниже, чем в США, в 14 раз – чем в Китае, в 17 раз – чем в Западной Европе, в 38 раз – чем в Японии. В азиатской части России плотность населения еще меньше, и равна 2,5 человека на кв. км. Приходящаяся на одного солдата длина границы у нас самая высокая в мире. На фоне постоянной убыли населения, сокращения числа призывников этот показатель возрастает. Скоро не сможем поддержать ни обороноспособности, ни территориальной целостности. Академик Коптюг как-то сказал, что Россия не выполнила исторической миссии, не освоила колоссальных территорий, не смогла поднять и освоить богатств недр. России как воздух необходимы, по меньшей мере, еще 150–200—300 млн. человек для освоения необъятных русских пространств, для поддержки регулярных сил мощных армий и флота, для создания сильнейшего научно-технического и военного потенциала, развития структур экономики. Мы окружены странами, численность населения которых, их экономическая мощь и боеспособность неуклонно возрастают. Это – Китай, Корея, Япония, Индия, Пакистан, Иран, Турция и т. д. Политика контроля над рождаемостью привела к тому, что в Китае на каждые 118 мальчиков рождается лишь 100 девочек. Демографы прочат ему нелегкое будущее (на 70 млн. больше мужчин, чем женщин). Природные ресурсы истощаются всюду, а потребность в них, напротив, постоянно возрастает. Энергоносители играют решающую роль в XXI веке. Страны все чаще обращают взор на богатые недрами территории. Серьезные территориальные претензии имеются и к России. Поэтому уделим внимание росту числа русских. Нужен решительный и скорый подъем уровня жизни, знаний, рождаемости! Ломоносов предупреждал: «Величие, могущество и богатство государства состоит в размножении русского народа».

Солдат НАТО

России нужна умная и мобильная армия, оснащенная современным и мощным оружием. Есть рубеж, ниже которого армия просто не имеет права опускаться. В России через ряды армии обязательно должно пройти практически все русское «мужающее население страны». Хотя и тут необходимо чувство разумной меры, ибо несоразмерно большие армии гирями повисают на бюджете страны, на ее ресурсах, жизненных нуждах государства. Армии нужно не «пушечное мясо», а физически крепкие, умные, духовные и искусные бойцы. Сегодня положение с призывом в армию иначе как трагическим не назовешь. Хорошо еще, если пятая часть призыва приходит в нашу армию относительно здоровым. Голод, нищета, болезни и пороки выбивают солдат еще задолго до поля боя и схватки с врагом. Детки богачей норовят увильнуть от службы всеми правдами и неправдами. Это вызывает у народа социальную ненависть к «белой кости». В рядах Вооруженных Сил часто оказываются низы общества и, увы, уголовники и наркоманы. От 2 до 3 тысяч солдат (в год) погибают вне поля сражения! Ленин, конечно же, был прав, заявив: «Социал-демократы требуют, чтобы постоянное войско было уничтожено, а вместо него чтобы введено было народное ополчение, чтобы весь народ был вооружен. Постоянное войско, это – войско, отделенное от народа и подготовляемое для того, чтобы в народ стрелять».^[751] Но плутократам нужен наемник для защиты их богатств

и подлых жизней, подавления своего народа (те, кто выполнял приказ Ельцина, расстреливая Верховный Совет в 1993 г., или же поддерживал Дудаева, Масхадова, Басаева, Радиева, Хаттаба). И. Солоневич подчеркнул, что «классическая демократия Европы» (Великобритания) вела войны почти исключительно наемными силами. Это же можно сказать о Франции, опиравшейся преимущественно на силы «иностранный легиона» в XX в. Россия – иное дело. «Наемных армий мы не знали никогда и никакого покупного пушечного мяса у нас нет».

Русский солдат

Великий Суворов когда-то еще говорил, что «в свете храбрее россиянина нигде нет». Но сегодня иные из лидеров требуют не призывать их народ в русскую армию. В столице наблюдается массовое уклонение от службы в армии. Торговать да воровать они горазды, а родину защищать – пусть дураки идут в бой. Житель маленькой Швейцарии, которую и на карте-то с трудом находишь, считает долгом чести пройти военную службу или военные сборы. Имеется и гордое понятие «воина-гражданина». Страна может в

минуту опасности выставить 400-тысячную армию. У нас же иные столичные «баре» и торгаши норовят всеми правдами и неправдами улизнуть от военной службы. У меня все время вертится на языке вопрос: а среди московских и региональных властных элит есть хотя бы один, чей сын сражался в Чечне за единую великую Россию?! Или же в битвах за наше русское Приднестровье?!

Армия должна стать душой и основой русской цивилизации, чтобы «выжечь всю нечисть в стране», наведя «наш имперско-русский порядок». Для этого надо бы навести порядок в самой армии. К власти должна прийти генерация новых офицеров и ученых, патриотов, людей дела, мужества, справедливости и чести, верных нашим идеалам, законам державы. Русская армия, разведка, патриоты спецслужб должны войти (грозно и молниеносно!) в большую политику, нанеся смертельный удар всем тайным и явным врагам нашей отчизны, соединив роли защитника, спасителя и строителя великой Российской державы. Благодаря их героическим усилиям позорное и тяжкое время русофобов-сионистов закончится и наступит заря очистительный эры первой Русской национальной революции. Сионисты сочли, вероятно, что их час пробил и «национальные государства начнут отмирать» (Г. Шахназаров), что им удалось окончательно поставить на колени Русский народ и уничтожить. Но вот уж русский «раб» сбивает оковы. Он получил в руки оружие. Кадры новых вождей России дадут армия, спецслужбы, научная и творческая русская интеллигенция.

России нельзя поворачивать вспять, уходя в позднее неосредневековье, в эпоху князей, феодалов, ханов, монархии, финансовых магнатов, капиталистов. Надо идти вперед – к нравственной, христианско-социалистической, военно-соборной организации. В этом союзе (казалось, неожиданно) сплотятся истинные русские патриоты – националисты, имперцы и социалисты, православные, мусульмано-иудеи, сторонники военной диктатуры, федералисты и честные парламентарии. Все это должно идти не от формы власти, не от схемы, не от своего места в этой власти, а от сути мечты о величайшем строе справедливой России. Мы должны сочетать в стране права и обязанности всех и каждого. И тогда на путях порядка и свободы воплотится диктатура прав достойных и трудолюбивых, восторжествуют и творческие начала. В этом суть революционно-

эволюционного процесса. Выступаю против возвращения к большевистской модели России, преступно и бездарно раздаривавшей земли России. Большевики в 20-е гг. распродали за гроши «пол-Эрмитажа» (на этих полотнах и вырос музей Вашингтона). Нам не нужен такой «коммунизм». На практике это означает одно – паразитизм малых наций, эксплуатирующих русское ядро. Хватит и трех Интернационалов, от коих Россия не может прийти в себя. Вместо интернационалов – да здравствует братство народов! Хватит власти лжекоммунистов (с их иудейской начинкой). Нужна Русская Имперская партия с социал-христианской основой. Белые и красные будут вместе!

Во всяком случае уже ясно, что для воплощения в жизнь замыслов возрождения России придется приступить к созданию на соборной основе новой организации – с высочайшими требованиями, жесточайшей дисциплиной и ответственностью всех ее членов. Конечно, это не отшельническая организация типа монастыря (как писал Гоголь, «Россия – наш монастырь»). В то же время тут надо соединить некоторые элементы армии, спецгруппы, казачьего круга, народного вече, боевой дружины, монашеского ордена. Мы должны создать тип военно-научного ордена (русско-православно-мусульманского), более могущественный, чем средневековый орден рыцарей-тамплиеров, с иной духовно-провиденциальной основой, а значит и с совершенно иной судьбой... Н. Алексеев, основатель евразийского права, видел отправной точкой порядка «советский государственный строй». В основу организации положить принцип научной группы и разведроты. Глупцов, трусов, лентяев в орден не брать. Проверять реальными делами, творениями, их истинными заслугами перед народом, мастерством и пролитой за Русь кровью! Стержнем этой новой русской гвардии уже стали русские воины, одержавшие решающую победу в Чечне! Теперь их задача – вычистить политическое поле!

Воины говорят: «Не дадим политикам украсть у нас победу!» Но этого мало. Политика России – слишком серьезное дело, чтобы доверять ее гражданским! Русская армия – главный гарант побед! Русский гуманизм должен быть похож на воина, ученого, монаха, дервиша! Наука, Церковь, Капитал, Меч должны быстрее находить пути друг к другу. Патриарх Алексей II освятил впервые храм во имя

благоверного и святого Ильи Муромца (поселок Власиха, в Главном штабе ракетных войск), а митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий посетил выставку образцов русских вооружений в г. Климовске. Может они, наконец, освятят воинов и спецслужбы на битву с нашими ворами-предателями! Благодать приходит через Святое принуждение. Принуждение – суть прогресса. Генерал-губернаторам надо вернуть порядок в страну, остановив потоп анархии. И взор наш обращен к новым русским вождям... Знаток законов Б. Чичерин был глубоко прав: для русского человека главное в его жизни не безлично-аморфные институты, а лица, эти живые носители нравственного закона. От них и зависит наведение порядка в России, улучшение жизни народа и, наконец, исполнение законов.^[752] Пусть победит много национальная, хотя и Русская партия справедливости, выражающая интересы народа.

Опора на силовые структуры неизбежна. Хотя сионисты и вопят: «И ничто не говорит нам о том, что не может быть, что после следующих выборов вместо семи банкиров будут семь генералов. Это очень опасно». А это уж смотря какие генералы. Есть генералы Аушев, Бакатин, Бабков, Воробьев, Дудаев, Руцкой, Грачев, Ерин, Крючков, Кобец, Калугин, Лебедь, Степашин, Шапошников и т. д. Но в армии и на флоте больше тех, кто верой и правдой служили и служат России: Баранов, Булгаков, Ивашов, Егоров, Исаков, Квашнин, Корнуков, Коровинский, Куроедов, Козлов, Лебедев, Леонов, Маргелов, Маев, Николаев, Отроковский, Патрушев, Трошев, Солтаганов, Тихомиров, Шаманов, Шпак, Чичеватов, Яковлев, воины, которые разят врага, верны Родине до креста и гроба, как Родионов, Майданов, Евтюхин, псковские десатники, герои ФСБ Ромашин и Алексеев и др. Иные сыновья генералов из народа сложили свои головы за Родину, иные погребены в пучине морской.

Нужен «генеральный штаб Русской цивилизации», чтобы русские танки и наши гвардейцы-победители (банд Басаева, Масхадова, Хаттаба), вместе с русскими соколами, завершили еще одну операцию, описанную в «Памятке русскому человеку» В. Ушкуйника: «Иудейская власть в Союзе, построенная «на костях и крови», создавалась ими в течение тридцати пяти лет; танки маршала Жукова смели ее буквально в несколько минут... Но в расчеты иудеев никак не входила возможность внезапного нападения танков, и даже их появления в

самом центре города». Лондонская «Таймс» (8 сентября 1959 г.) дала оценку великому жуковскому освобождению России от «пятой колонны»: «Нет сомнения, что влияние иудеев в советской иерархии, значительное в годы после революции 1917 года, теперь исчезло». ^[753] Танки России и ее славная гвардия должны послужить народу. Мы воспитаем молодежь, которая не станет трусливо ждать развала страны, а встретит врага «огнем и сталью». Надо взрастить ее так, чтобы она была полна решимости взять оружие и раздавить клику любого предателя России. К. Раш писал: «Стрельба по Белому дому явилась самым крупным политическим провалом после расстрела царской семьи». Позор этого расстрела, как и предательство в первой войне в Грозном, нужно смыть кровью тех, кто отдал преступные приказы. Им нужен «второй Мюнхен и Хасавюрт». Русской армии и народу нужен «второй Берлин». Нам нужна «одна победа», – и мы «за ценой не постоим». Помни, Армия – враги России, выражающие политико-финансовую волю чужих хозяев, должны быть растоптаны, как фашистская свастика! Русская армия, народ обязаны принять верное военно-политическое решение – определить ход истории и развитие России на ближайшие тысячелетия. Все изменится в одну ночь, если к власти, в политику придут настоящие политики, воины, мужчины. Во главе армии, правительства должны стоять Жуковы, а не те, кто ведут себя трусливо и подло. И «не смейте трогать грязными руками святое имя русского солдата и офицера» (Шаманов).

Плутократы убоятся лишь Русской армии. Немалая часть гражданской власти в России уже насквозь коррумпирована и враждебна народу. Отсюда тоска народа по сильной и честной власти, тоска по правде и справедливости. Однако же и в армии порой царят такие же порядки. В нашей стране давно уж назрела военная реформа. Но и армия не может быть «священной коровой». Вот уж 10–12 лет на наших глазах военные чины (генералы, адмиралы, полковники) разворовывают имущество, распродают его в обход казны... А сколько преступников в погонах породила армия! Хищения в штабах, со складов, взрывы боеприпасов, грабеж среди бела дня солдат и офицеров, продажа оружия бандитам, массовое воровство и т. д. – не секрет! Порочная система порождает огромное число бездельников и воров. Японцы говорят: «Кто чувствует стыд, тот начинает чувствовать долг». У нас же не так. Иные врачи покупают себе машины на деньги,

выделенные на коляски воинам-инвалидам. Кое-где генералы в законе (прокуратура, милиция, ФСБ) из рук губернатора имеют «премиальные» в 4–5 тысяч долларов. Бандитов и воров немало среди региональных баронов и думцев. Пусть думу думают в камерах. В армии, по словам А. Кокошина, порядка 6 тысяч фиктивных подразделений, которые существуют только на бумаге, на деле же служат лишь для ложной отчетности, уворовывания средств, выплат огромных сумм, карьер разного рода ничтожеств с большими звездами... Вычистить авгиевы конюшни военной плутократии! Никто так не ворует, как тыловые крысы в армии. Ликвидировать. Не говорю «Прощай, оружие», скажу: «Прощай, неэффективная, бездарная, ворующая и предающая свой народ каста».

В этом ряду стоит потрясшая весь мир катастрофа атомной подлодки «Курск». Конечно, во время работы сложных технических систем катастрофы не редкость (Чернобыль, «Челленджер», «Курск», «Конкорд» и т. д.). От них никто и никогда не застрахован. Другое дело, что российский флот понес сокрушительный урон от действий предателей, как и от неэффективности нашей экономики. Трудно сказать, кто или что нанесло больший вред. Полагаю, что «военные перегрузки» и глобальные имперские планы стали роковыми для СССР. Тупость же лидеров страны лишь ускорила катастрофу. Как следствие, демагоги и враги России вне и внутри ее получили «веские доводы» в пользу тотального уничтожения армии и флота. А как распродавали флот?! Н. С. Леонов прав, называя убийцами тех, кто продал за доллар самый мощный буксир в мире («Фаттей Крылов»). Судить подлецов. Вспомним же, как «военные лбы» поддержали Ельцина, моряки и их жены в Мурманске-Североморске дружно выбрали в парламент иуду Козырева.

Памяти погибших моряков атомного крейсера «КУРСК»:

Когда моряки покидают
Отчизны родной берега,
Немало сердец замирает —
Столь многим их жизнь дорога.

В далеких походах и странах,
Во тьме океанских глубин,

Средь бурь и седых ураганов
Моряк остается один.

Служа беззаветно России,
Свободу ее бережет
Отважный подводник-мессия,
Заложник измен и невзгод.

Запомни их строгие лица,
Скорбящая ныне страна...
Их чаша испита до дна
И праху пора поклониться!^[754]

Китайцы называли русских асов, сражавшихся в небе Китая против японских агрессоров, «мечом справедливости». «Меч создал справедливость», – писал и поэт М. Волошин. Наша армия походит на спящего самурая. В древней Японии были воины, ждавшие своего часа, наносившие удар по врагу. Но будет ли у нас к тому времени меч? Будет ли грозный меч, с помощью которого мы защитим страну? Благодаря гению конструкторов и инженеров в арсеналах России есть грозное оружие. Оно может нанести врагу смертельный удар. М. Калашников в «Сломанном мече Империи» (1998) писал, какими уникальными возможностями обладает военно-инженерная мысль: ракета «Энергия» с аппаратом «Скиф-Д» (космический истребитель с лазерной пушкой), «летающий танк» СУ-25Т, ракетоносец «Ту-160» («Черный валет») с изменяемой геометрией крыла, «МиГ-29М», «Ка-50 («Черная акула»)), бронепоезда с ракетами СС-24 («Скальпель»), межконтинентальные ракеты морского базирования («Тайфун»), уникальные скоростные торпеды и т. д.

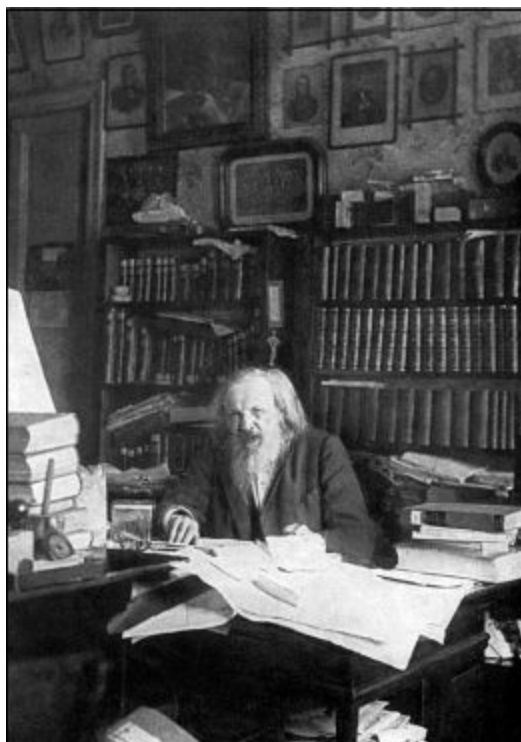
Однако главный конструктор Н. Семихватов с горечью признается: «Ракетную тематику мы все-таки сохранили, правда, ею занимается намного меньше специалистов, чем раньше. Нет молодежи, остались в основном мы, старики. Те, кто прикипел к оборонке. Это серьезные, умные люди, которые сегодня могли бы обучать молодежь, но денег не дают на это. Они работают, фактически не получая

зарплаты. Очередь на зарплату составила два года. Какой молодой специалист пойдет на такую работу?!».^[755]

Калашников пишет: «Вот почему сталинская эпоха подобна взрыву сверхновой звезды, на затухающем импульсе которого мы двигались почти сорок лет. При Сталине старались следовать принципу: чем больше учишься, чем большую квалификацию получаешь – тем выше твое положение в имперской иерархии, тем ты богаче. Но дальше пришел Хрущев, который осуществил программу Троцкого, этого типичного сионского демагога. Он срезал заработки классу квалифицированных людей, а Брежнев только усугубил эту идиотскую тенденцию. Горбачев унаследовал от них идиотскую систему, при которой хирург зарабатывал впятеро меньше шахтера, а буфетчица жила лучше, чем инженер космической индустрии. В 1970-е мальчишка, освоив за месяц профессию сборщика радиоаппаратуры, мог получать 500 рублей в месяц. Тогда как вдвое более сложный труд сборщиков сложного оборудования, инструментальщика или ремонтника ценился вдвое дешевле. В 1930-е попытки уравнивать в зарплате рабочего и мастера считалось «контрреволюционным преступлением», а в 1970-е мастер получал меньше своих подчиненных. Начальник конструкторского бюро, некогда – элита Сталина, тогда зарабатывал 150 рублей в месяц, хирурги – в среднем 110 рублей. Вот одна из причин крушения Империи. Книжка технократов гласит: «Древнеримский писатель на вопрос о причинах упадка Рима сказал: городу, где осел стоит дороже раба, уже ничто не поможет. Страна, где скальпель хирурга стал цениться впятеро меньше паяльника подмастерья, где в век научно-технической революции инженер получал меньше рабочего – такой стране предначертано было повторить участь Древнего Рима».^[756] Что же говорить о нашей стране, где «ослы» правили целых 15 лет! «Осел останется ослом, хоть осыпь его звездами; где должно действовать умом, он только хлопает ушами», – сказал поэт Г. Державин.

Третье тысячелетие – тысячелетие науки и образования. Всем пожертвуйте, но дайте стране гениальные головы. Они вернут затраты тысячекратно. Пока, увы, все большее число наших самых ярких, выдающихся ученых отправляется в ту «командировку», откуда нет возврата. Их «убивает» нынешняя власть. В России работает 12 процентов ученых мира. Усилиями невежественных лидеров конца

XX в. их превратили в париев общества. Однако они считают, что наша наука все еще (по 17 из 100 направлений) пока опережает мировой уровень, а по 22 приближена к нему. И все же каков КПД этой деятельности? Продукция России на мировом технологическом рынке составляет всего один процент, у США – 39 процентов, у Германии – 16 процентов. Даже в годы успешного развития науки и техники в СССР и странах социализма их вклад в прирост общественного национального продукта не превышал 30–40 процентов. В США и Японии же он составляет 60–80 процентов. Битва на мировых рынках высоких технологий и культур определит лидеров мировой цивилизации нового тысячелетия. Емкость этого рынка уже сегодня оценивают в 2,5 трлн долл, а через 15 лет он составит фантастическую сумму – 4 трлн долларов. Семерка развитых стран контролирует до 80 процентов рынка.^[757] США, Англия, Франция, Германия, Япония, Китай, Индия, не жалея средств, развивают центры науки и техники, создают новые вооружения и самые перспективные гражданские технологии. Запад и Восток, которые ничуть не умнее нас, хотя и богаче, не жалеют сил на поддержание лидерства в новейшей технике и технологиях. Знаменитый Вернер фон Браун, создатель «ФАУ» и один из руководителей космической программы США, так выразил мысль о главенствующей роли техники: «Лидерство в мире и лидерство в области техники неотделимы. Третьестепенная в техническом отношении держава будет такой же третьестепенной в политике, экономике, социальных проблемах. Если же мы утратим решимость сохранить за собой вершину технического могущества, историческая роль США начнет падать».^[758]

Д.И. Менделеев в своем кабинете. 1904 г. Фото Ф. Блумбаха

Нужно не только оружие будущего, а и мирная техника. Танки не пашут, ракеты не греют, а самолеты не сеют! Нужна разумная достаточность и опережающее развитие новейших технологий и эффективные гражданские разработки! Хотя надо иметь в виду, конечно, и то, что военная техника может дать столь нужные средства для «гражданки», о чем говорят поездки президента в Индию и Китай, где заключены важные контракты на поставку нашего оружия. В любом случае ключ к торжеству страны в усилении роли науки, технологии, культуры. Вместе с тем вызывает недоумение то, что президент Путин поручил правительству год назад поддержать производство гражданских самолетов в России (а это работа для миллионов людей и примерно 50 млрд. долларов в бюджет), но «западники» упорно саботируют эту идею, лоббируя поставки техники с Запада. Выскажу догадку: кругленькие суммы ложатся на их счета.

Не мудрено, что и низы опустились, сникли, потеряли горизонты, перспективы развития. И дело не в том, разумеется, что, поворачивая кран, они не вспомнят Паскаля, включая электричество – не подумают об Ампере и Фарадее, а слушая радио и смотря телевизор – не

упоминают имен Максвелла, Герца, Попова, Зворыкина и Маркони. Дело в том, что Россия перестает быть крупнейшей промышленной и технологической державой, давая 0,6 % мирового производства. Материальным производством и услугами у нас занято всего 18 млн человек из 150 миллионов. Это значит, что каждый реальный труженик должен прокормить еще 8 человек. В то же время чиновников у нас в 1,5 раза больше, чем в СССР. Как сказал С. Н. Федоров, «щедринскому мужику, который трех генералов прокормил, было куда легче». Конечно, можно и сегодня попытаться заявить в духе лесковского Левши: «Мы люди бедные и по бедности своей мелкоскопа не имеем, а у нас и так глаз пристрелямши». Но нация без фундаментальной науки и новейших технологий напоминает племя первобытных людей, лишенное спасительного, благодатного огня. Лишь 7—14 процентов граждан России считают, что надо поддерживать фундаментальную науку (и это преимущественно люди старшего возраста). Иные с тревогой заявляют: «Дорога, ведущая к вырождению, открыта. Качество образования падает на глазах в нашей стране. Вступающее в жизнь поколение, в рекламной газетке читающее объявления ведьм и колдуний, гарантирующих 100, 500, даже 1000 % успеха (не поясняя, как исчисляются успехи), имеет шансы состариться в новом Средневековье».

Во главе науки нужны не соглашатели-западники и проповедники антирусских, антигосударственных, антиправославных идей. Пушкин заметил, что «ученость, политика и философия еще по-русски не изъяснялись». Нужна духовная русская наука, а не идеологическая услуга проамериканской «пятой колонны», до сих пор у нас действующая. Эти все годы жили и живут сытно, пропадая на Западе и будучи в восторге от «реформ». Многие ученые, уютно устроившись на коленях у плутократической буржуазии Запада, боятся касаться острых вопросов (им не хватает смелости) положения трудящихся после поражения «коммунизма» в СССР и в Восточной Европе. Там властные элиты самым бессовестным образом предали и обокрали свой народ. Итальянский философ Никола Аббаньяно (1901–1990) в «Мудрости философии» все же был интеллектуально и духовно честен, признав: «Прошло уже более полувека с тех пор, как Жюльен Бенда разоблачил в известной работе предательство ученых, т. е. отказ интеллектуалов от использования разума в качестве инструмента для

выявления истины и справедливости и их уступку иррациональным силам, инстинкту, чувству, непосредственно проживаемой жизни. Бенда видел в этом отказе (от правды) порабощенность интеллектуалов практическими интересами и корень религиозного и политического фанатизма и, прежде всего, национализма».^[759] Лишь немногие мудрецы, ясно видящие драму Истории, продолжают вести тяжелую и неравную битву за будущее Человечества. Их подвиг не будет забыт!

Ракета на стартовой площадке

К патриотам России мы обращаем слова надежды: «Пусть многие ушли из науки, но остались лучшие». Однако стойкам российской науки нужна помощь (таким, как декан истфака, заведующий кафедрой русской истории СПГУ И. Я. Фроянов). Но они и сами должны стать властью в России! На словах президент и премьер понимают роль науки в XXI веке. А на деле?! На деле ликвидировано Министерство науки и технологии, а Греф, Кудрин и Клибанов с Касьяновым

предлагают и вовсе изъять в 2001 г. у науки из 20,4 млрд. рублей половину (путем ликвидации ранее установленных льгот). Доля русской науки в расходах бюджета вместо 4 процентов, установленных законом, постоянно снижается: 1997 г. – 2,88 %, 1998 г. – 2,23 %, 1999 г. – 2,02 %, 2000 г. – 1,85 %, 2001 г. – 1,72 %. Ладно уж, платите ученым меньше, чем уборщице. Но выделите хотя бы деньги на развитие фундаментальной науки, перспективных разработок.

Наши либеральные революционеры этого не понимают. Они, как пишет Глазьев, опять пытаются доказать, что человек по определению суть homo oeconomicus, экономический человек, сориентированный на денежную прибыль, а там – трава не расти. Хотя такой глупости в реальной жизни нет нигде в мире. О школе человеческого капитала они не слышали. Для них это означает одно – капитал в собственном кармане. Мы считаем, что сегодня необходима концентрация и централизация системы финансов, науки и производства в России. Говоря словами А. Чаянова, такая концентрация из «технического орудия социальной группы или даже класса» превратится в одну из основ хозяйственного уклада нового общества.^[760] В самую главную основу! Мы утверждаем, что и реальный процесс возрождения России просто не сможет начаться без аккумуляирования и накопления существенного фонда развития. Кстати, об этом говорил Н. Кондратьев в тезисах неизданной работы (1934). Он отмечал, что величинами, бесспорно составляющими такой фонд, являются, во-первых, количество самодеятельного населения, во-вторых, отечественный национальный капитал, в-третьих, уровень техники и науки, оказывающий очень большое влияние на важнейшие элементы хозяйственной жизни в стране.^[761] Пора заменить «дельцов во власти» на деловых и перспективно мыслящих людей. М.Склодовская-Кюри, лауреат Нобелевской премии, писала: «Человечество, конечно, нуждается в деловых людях, которые извлекают максимум из своего труда и, не забывая об общих интересах, соблюдают и собственные выгоды. Но человечеству необходимы и мечтатели, для которых бескорыстное служение какому-нибудь делу настолько увлекательно, что им немислимо предаваться заботам о личных материальных благах. Нет сомнения, что такие мечтатели и не заслуживают богатства, раз они сами не стремятся к его приобретению. Во всяком случае, однако, правильно организованное человеческое общество

должно обеспечить таким работникам все». ^[762] Передовой мир так и делает.

В. Хлебников сказал: человечество состоит из изобретателей и приобретателей. Пока у нас торжествуют и всем заправляют вторые. Хотя наукой доказано, что в муравейнике ключевую роль играют не «рабочие», «няни-воспитатели» и даже не «короли-вожди», а маленькая группа «муравьев-разведчиков» (3 процента). В случае гибели первых, муравьи их легко восполнят. Если гибнут «разведчики», весь огромный муравейник погибает. Уж не потому ли наша страна производит лишь 1,5 процента мирового ВВП против 21 процента – у США, 50 процентов – у стран НАТО? Власть должна открыть дорогу изобретателям. Смогут ли и захотят ли это сделать нынешние «геростраты во власти»? Чубайс говорит о необходимости обновления энергопарка всей страны и подъеме машиностроения. Но верить ему было бы глупо! Будучи в нежном возрасте, он мечтал о том, как в один прекрасный день он подожжет школу и будет плясать вокруг пламени. Сегодня, заматерев, сей «Герострат электричества» возглавляет крупнейшую энергосистему мира и хочет ее приватизировать. Зная его «былые успехи» на этой ниве, не мудрено, что стоимость системы на рынке сократилась с 9 до 3 млрд. долларов (А. Илларионов). Посему предлагаемый им путь капитализации ведет к катастрофе. Это же справедливо в отношении «Газпрома», чья капитализация возможно лишь после того, как цена этого гиганта сравняется с мировыми ценами (Д. Медведев).

Наука, культура, образование России в состоянии дать 25–30 процентов гениев и талантов мира. Но мало уповать только на силу оружия, армии, наук и технологии. Нужна сила духа нации! Надо вести подготовку патриотической элиты России – научно-технической, военно-промышленной да и гуманитарной! Первые выкуют и удержат меч и плуг, вторые воспитают защитников и лидеров Отечества. Нужна Элита, а не глупцы, перевертыши, воры и предатели. Элита России должна быть умной, тренированной, сильной духом, волей и верой. Президент должен был бы сделать опору на стойков отечественной науки. Это они, герои оборонительных битв на фронтах этого проклятого десятилетия, лишенные элементарных средств, а зачастую и куска хлеба, держат на себе небосвод науки, промышленности, инженерии, медицины, культуры. Хотя, увы, отток

ученых из России продолжается. И не только из столиц, как было ранее. Лишь в 1997 г. Сибирское отделение РАН потеряло, по разным причинам, 535 ученых, в 1998 г. – 668 исследователей. Хотя на постоянную работу за границу уехало лишь 5—10 процентов, но готовы уехать на работу за рубеж еще более 80 процентов Новосибирского научного центра. Их охотно примут США, Италия, Германия. В книге российского ученого М. Монастырского, рассказывающей о присуждении ученым медалей Филдса («Нобелевской премии по математике»), содержится скрытая горькая ирония. Западные издатели, старающиеся прижать, принизить Россию везде, где только можно, упрекнули его за то, что он в книге много внимания уделил русским математикам (а среди них представители всех наций), чей вклад в развитие науки особенно весом. На обвинение тот ответил: «Но с двумя основными возражениями я не согласился. Особенно смешным мне показался упрек в перекосе с «русскими математиками». Я написал (им), что в советское время у меня были проблемы с теми же самыми русскими математиками, а теперь большую их часть можно смело считать американскими математиками». Так вот мы ценим наши умнейшие головы в России. [\[763\]](#) Готовим их для Америки и Европы!

Американцы действуют гораздо умнее, дальновиднее. Поэтому они и являются пока лидерами мира в науке и технике. Президент Клинтон доказывал народу, что технология – двигатель экономического прогресса, а наука служит как бы топливом для двигателя: «Мы должны вкладывать средства в фундаментальную науку в интересах нас и наших детей, чтобы вооружить их знаниями и умением, необходимым для жизни и работы в 21 веке». [\[764\]](#) Запад прекрасно осознает, что делает, охотно принимая русских ученых, инженеров, специалистов (и оставляя их работать у себя до конца их дней). Американские эксперты рассчитали, что на каждом таком ученом, приезжающем в США из-за границы, страна зарабатывает более 100 млн долларов, получая специалиста высокой квалификации и не инвестируя средств на его образование. [\[765\]](#) В России осталось два последних островка надежды для нашей полунущей науки – это Российский гуманитарный научный фонд (во главе с Семеновым Е. В.) и Российский фонд фундаментальных исследований (во главе с

Алфимовым М. В.). Да и их стараются подмять или размыть враждебные нашему Отечеству силы.

С. Дали сказал о нашем времени: «Наше время – эпоха пигмеев. Остается только удивляться тому, что гениев еще не травят как тараканов и не побивают камнями».^[766] Похоже, что новый президент Владимир Путин понимает, что опору в жизни и политике России нужно делать на приоритет науки, образования, культуры: «Следующий шаг – наука и образование. Потому что без современного понимания того, как и что нужно делать, и без носителей этого понимания добиться результатов невозможно». Когда ему сказали, что уже все носители этих главных ценностей из страны уехали, он возразил: «Не все. У нас сохранилось пока главное – фундаментальная наука и школа. Если утратим это, то тогда все, конец».^[767] Тому подтверждение – деятельность верного сына России Ж.И. Алферова. Его отец – дважды георгиевский кавалер в годы Перовой мировой войны и большевик, его старший брат, мечтавший стать инженером, ушел на битву с фашистами и погиб, защищая Родину, в 1944 году. Образы отца и брата живы и по сей день в сердце Нобелевского лауреата. Он создал в Петербурге «центр по выведению» гениальных физиков, отбирая яркие таланты со школьной скамьи и доводя их до степени доктора. Заслуживает внимание и то, что выдающийся специалист по лазерам и полупроводникам гораздо умнее всех «демократов», вместе взятых. Он понимает значение советского строя, при котором только и могла родиться и развиваться серьезная фундаментальная наука в бедной России. Его идеи очень созвучны и моему пониманию будущего Отечества. «Главное богатство страны – это не нефть, газ или ресурсы, а ее талантливые люди». Только наука, техника и высокая культура (литература, история, искусство) выведут страну из кризиса. Западные теории нам совершенно тут не помогут. Россия – уникальная цивилизация, объединяющая два разных полумира. Наука и культура России – это опоры соединяющего эти миры моста. Русская наука не погибла. Однако наша экономика и производство не в состоянии усвоить лучшие ее достижения. Это наша основная беда и проблема.^[768]

Жорес Иванович Алферов – Нобелевский лауреат 2000 г.

Сложное положение российской науки определяется целым комплексом причин экономического, мировоззренческого и даже этнического характера. Ведь еще великий Менделеев сказал в начале XX века: «Засилие в Академии инородцев, чуждых России, или же русских, не знающих ее, – подлинное бедствие для русской науки». Вот и за годы советской власти русскому человеку в науку было пробиться трудно или почти что невозможно. Партийцы-иудеи насыщали все ведущие кафедры, головные институты преимущественно евреями или лицами нерусской национальности. Если же вдруг, не дай Бог, в аспирантурах или в начальниках оказывалось менее половины евреев, то, по методике профессора Пробста, эти вузы обвинялись в антисемитизме. Так создавалась антирусская наука, особенно явно в идеологической сфере: история, философия, педагогика, культура, даже искусство. Поэтому сегодня особенно нужна глубокая русская история, философия, педагогика и культура! Нам сто лет надо будет пестовать умные русские кадры, чтобы нейтрализовать сей еврейский потоп – для верного руководства всею жизнью великой страны России, как и управления огромными массами людей, а также интеллигенции из народа и для народа... Как

писал В. Эрн: «Самая плоть русской души уже пронизана зачатком духовности, и острием ее выжжена некая точка, точка безусловности, которой не могут одолеть никакие условия жизни и никакие мысленные плены. Из этой точки родится все подлинно русское в положительном смысле слова». ^[769] Зачатки этой духовности ведь так и могут остаться зачатками, если их не развивать, не поддерживать и бережно не охранять.

Патриоты не против реформ. Реальные реформы необходимы. Однако хотелось бы напомнить слова Льва Николаевича Толстого: «Россия нуждается в реформах, но это не восточные или западные реформы, а просто меры, нужные народу, и притом именно русскому народу, а не другим народам». Кстати говоря, немалую осторожность и мудрость нужно проявить в вопросе о земле. С одной стороны, вполне очевидно, что земля не должна быть бесхозной. С другой стороны, надо очень ясно и четко себе представлять, что станет с нашей землею в нынешней ситуации. Примерно три четверти сельского населения не получает за свой труд ни копейки (или жалкие гроши). Вместе с тем уже сегодня основная масса земельных паев скуплена 25–30 тысячами человек (преимущественно лицами нерусской национальности). У кого же в итоге окажется Русская Земля?!

Писатель М.А. Шолохов

Поэт В. Хлебников мечтал войско песен повести «с прибоем рынка в поединок». Духовный оплот русской власти должно искать и обязательно находить среди мудрых и героических русских ученых, учителей, инженеров, врачей, военных, священников, предпринимателей, писателей. Алексей II назвал X съезд русских писателей знаменательным явлением духовной и культурной жизни России, ибо «одухотворенное слово – высший дар Господа». В наше гибельное, осатаневшее время писатель должен словом и делом возрождать Россию. В трудный час очагом духовного сопротивления стал Русский Писатель, заслонивший страну. Хотя многие деятели «за власть отечество забыли, за злато продал брата брат». В информации и культуре царит плутократическо-холопский «демократический Хам». Ему, как сказал глава Союза писателей России В. Ганичев, «не нужна литература совести, литература воспевания Отечества». Нельзя складывать оружия. Но уже не эти иуды определяют тональность настроений на Руси. Тому масса примеров. Недавно прошло празднование 200-летия Пушкина. Важно не то, что Пушкин «стал Богом русской литературы» (Н. Скотов). Важно, что мы осознали

глубинную связь между Пушкиным и жизнью. Или, казалось бы, какое отношение имеет «Тихий Дон» Шолохова к действительности? Рукописи имеют не только сугубо литературное, но политическое значение (учитывая то море грязи, которое вылили сионисты на Шолохова). Отвоевана еще одна пядь русской культуры, ибо «русский Бог водил рукой Шолохова». Значит, культура не погибла. В. Бондаренко заметил: «В каком-то смысле мы присутствуем при чуде нового рождения единого русского государства. При рождении всегда много грязи и крови. Но на то и купель, где живительными святыми водами будет омыт ребенок. А купель – это русское искусство. Нужны строители нового русского мифа, в стихах и прозе, в симфониях и красках, в бронзе и архитектурных проектах отражающие героизм непобежденного народа. Будет русский Миф, будет Великая Россия». Бороться надо не за миф, а за реальную русскую мудрую власть, справедливую и непобедимую. Бороться делом, словом и оружием. Чтобы впредь не нашлось в нашей стране сердца, в котором бы не вспыхнул святой огонь!

Поэтому надо срочно создать общину-орден, члены его будут спаяны умом, верой и волей, дисциплиной и жизнью, крестом и мечом. Пусть ими движут знание, вера и русский капитал. Многие из нас уже готовы с оружием прийти на помощь русской армии, вспомнив былую, светлую молодость. Россия – страна серьезная. Все должно было бы стоять на Вере и Правде! Хотя иные патриоты и говорят: «Сама мысль о возможной русской победе вселяет в русофобов ужас. Животный страх их русским понятен: победоносное окончание Кавказской войны значительно оздоровит наше больное общество и вызовет небывалый рост патриотических настроений, еще больше сплотит Армию и превратит ее в могучую политическую силу. Закаленные в боях, окрепшие духом воины вырвутся из челюстей мрака. Сокрушат оковы равнодушия, отчуждения и безысходности. Ревнители воинской славы и отечественных традиций – талантливые волевые личности, озаренные благодатным светом Православной Веры, – увлекут за собой сонмы благородных умов и сердец. Сформируют они и истинную русскую, российскую военно-государственную элиту».^[770] Один из лидеров «Отечества» признал, что у народа России сегодня ничуть не меньше оснований, чем это было в 1917 году, «разорвать буквально в клочья власть» (Владиславлев). Он абсолютно прав.

Тупость и алчность наших правителей превосходят все мыслимые и немыслимые границы. Нас ждет переходный период – диктатура. Она освободит страну от «масонского ига», а также от нашего собственного раболепия и страха. Союз народа и армии спасет Россию.

Если мы теоретически выступали против диктатуры сталинского типа, то лишь потому, что это не русская диктатура. К тому же, диктаторы плохо кончают... Отравлен покоритель мира Александр Македонский. Триумфальная карьера Наполеона кончилась тем, что он заболел венерической болезнью и был убит мышьяком, как крыса (по версии шведских врачей). Троцкому раскроили череп ледорубом. Гитлер проглотил ампулу с цианистым калием, захватив на тот свет актрису, чтобы показать драматизм сцены. Да и Сталин умер на полу дачи, окруженный страхом и ледяным безмолвием. Пиночет едва избежал виселицы. Но другого выхода, похоже, нет у нашей страны.

В.В. Путин. Друг Народа и надежда России?!

И все же, за исключением двух из них, успех сильных властителей не вызывает сомнений. Возможно, чтобы сохранить страну, «этнос и породит чудовище». Но президент Путин не может быть отнесен к

ним. Вопрос: как же он сумеет покончить с чудовищами ельцинизма?! Народ озлоблен, потерял веру – и хочет чуда! Аналогий в истории не так уж много, а параллели схожие: это – «феномен российского Наполеона» (Г. Павловский), «маленький-маленький Наполеон» (Г. Зюганов), «новый И. Сталин», «Р. Зорге» (Ю. Харитонов), «внук Петра Первого» (А. Проханов), «Ваше превосходительство» (Михалков). Неужто все повторится? Господа шахназаровы, бурлацкие, яковлевы пели похвалу «Горби», ставя его в один ряд с Христом, Магометом, Буддой, Цезарем, Александром Македонским, Чингисханом, Наполеоном, Петром I, Лениным. И успешно погубили... Горби был глуп и спесив. Ныне гадают, что за фигура президент. Всем хочется верить, что страна не ошиблась, и Путин – некая противоположность Ельцину. Народ надеется, что появился динамичный лидер, за которого не придется краснеть. Привлекают: бойцовский характер, гибкость, риторика, честность, умение видеть задачи России. Если он еще окружит себя профессионалами, людьми чести, ума и дела, друзьями России, цены ему не будет. Они найдут пути решения. Но по плечу ли ему эта историческая задача? По плечу ли «шапка Мономаха»? Его уже сравнивают с Цезарем. Но прежде чем стать им, тому пришлось сокрушить галлов, устрасить германцев, разбить британцев, не говоря о том, что он написал знаменитые «Записки о галльской войне». Он же решительно вернул «старые порядки». Девизом и лозунгом республиканского строя стала формула *respublica restituta* (восстановленная республика). Поэтому время Августа и считается как своего рода золотой век. В России советские, республиканские традиции живы, несмотря на ненависть скотов плутократии, несмотря на краткое торжество всей сволочи и ее *respublica prostituta*! Возрождение музыки, гимна СССР тому знак! Но знак – это еще не новый курс!

Кто явится ударной силой четвертой русской революции, которая будет носить мирный и цивилизованный характер? Мы ее назвали... Это – служилый строй, ученые и государевы люди! Те из них, кто верой и правдой служил и служит России, не заработав ни капиталов, ни собственности, ни наград (кроме ратных, трудовых). И таких людей немало. Они яростно ненавидят ельцинистов, воров и прихлебал. Ненавидят не потому, что видят в них каких-то демократов, евреев, чеченов, либералов, но потому, что понимают, что это – грабители

России... П. Сорокин в 1922 г. утверждал, правда, что в результате Октябрьской революции не произошло разрушения социальной пирамиды неравенства (имущественного, правового и властного). Он писал, что произошла простая перегруппировка сил, власти и собственности. Из страны выкинули старую буржуазию, аристократию и привилегированно-командующие слои. Однако сама пирамида не исчезла, так как наверх пришли обитатели социальных подвалов. Но в том-то и дело. Смысл революции в том, чтобы и «обитатель социальных подвалов» получил кусочек солнечного луча. Кстати, многие бедняки тогда въехали в квартиры буржуазии. Важнее квартир стало право на знания и образование. Но о той революции мы поговорим позже. Сегодня надо во главе власти поставить людей дела и чести.

Святой огонь идеала пылал и в сердцах сотен людей, собравшихся в Свято-Даниловой обители на V Всемирном Русском Народном Соборе (6–7 декабря 1999 года). Собор сей открылся в День святого благоверного князя Александра Невского, самого преданного вере и народу державника Руси, и посвящен был теме «Россия накануне 2000-летия христианства. Вера. Народ. Власть». Власти тут было немало. В этот раз, словно ощутив яростное дыхание народа, впервые Русский Собор почтили присутствием многие сильные мира сего. При Ельцине верховная власть потеряла последние остатки стыда и не желала, подобно жене Лота, обращаться в соляной столп. О той исключительной роли, которая возложена историей на русского писателя, ученого-патриота, сказал в своем выступлении В. Ганичев, сопредседатель Собора. «Однако никто не может лишить Церковь права оценивать происходящее в государстве и в обществе с духовной и нравственной точки зрения». Разрыв меж светской и духовной властью велик. Феофан Затворник говорил: «Будущее России – в безупречной нравственности ее руководства». Но где же они, эти великие государственные мужи-подвижники? Дума величает себя русской, а Закона о русском языке и русской власти так и не приняла. Похоже, что и эта власть более всего на свете боится мыслящего, диктующего ей волю Русского Народа. Как жестко и точно сказал Э. Володин: «Налгались, наворовались, теперь пришли в нашу святыню, в обитель русского патриотизма». Даже В. Крупин, что велел каяться да уповать на милость Божью, заметил: «Наворованное золото к власти

приводит ворье» (похоже, набрался гражданской смелости, когда неприятие ельцинизма стало уж всеобщим). Давным-давно известно, что милость Господа нуждается в прямой поддержке трудовых масс, мысли, армии! Архиепископ Волгоградский владыка Герман отмечал в выступлении, что во многом благодаря Русскому Собору власть и пошла навстречу Церкви. Когда он шел к начальству один – это одно дело, а когда с ним шли тысячи людей с лозунгами «Даешь Храм Всех Святых на Мамаевом кургане» – дело иное. Мудро сказал владыка: «Надо идти в народ как сила, выражающая народные чаяния». Скульптор В. М. Клыков выступил с мыслью о необходимости восстановления Земского Народного Собора, сказав о важности духовного начала, создания «Государства Совести и Божьей Правды».

Правительство России должно создать круглосуточный русский канал на ТВ для донесения патриотических идей! К чему нам CNN?! Предлагаемые западные модели либерализма нам не подходят, ибо «либерализм» на Западе давно уже на деле выродился в смердяковщину. Прогресс реален лишь на путях сочетания великой идеи, веры, науки (в развитых странах уже около 90 процентов экономического роста достигается на путях научно-технического прогресса). Вторым важным ресурсом России могло бы стать коллективное и индивидуальное творчество (на базе соборности). Итоги работе Собора подвел Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл: «Русский Собор – прекрасная школа мысли. Надо расширять социальную базу Русского Собора». Нужен постоянно действующий Секретариат и, возможно, собственное правительство Собора. В работе Собора стало меньше враждебной риторики. Нужно постараться помочь политикам в эту пору духовного беспамятства. В рамках Русского Народного Собора необходимо собирать лучших людей России. На Руси ни светский закон, ни физическая сила не играли главной роли. Людям нужны выдающиеся и преданные делу и нашей стране личности-герои.

Патриарх Московский и всея Руси Алексей II и Председатель
Союза писателей России Ганичев В.Н.

В России крепнет год от года
Святой порыв мужских сердец —
Низвергнуть иго, наконец!
И вот уж Русская свобода,
Сорвав терновый наш венец,
Вас примет радостно у входа...
Вас примут радостно у входа
Бойцы, духовники, друзья...
Соединится Русь-Семья
Во славу Бога и Народа!
Былую удаль обрета,
Зажжем свечу мы у киота,
Отыщем умного вождя —
И будем крепнуть год от года.

Пройдут века... Иные люди
На землю древнюю придут,
Судеб вершители и судьи.
Кого в них внуки обретут?
Кому на новом перепутье
И меч и плуг свой отдадут!?[\[771\]](#)

Великое пассионарное начало, о котором писал Л. Гумилев, в нас не только не умерло, но обретает более ясные и отчетливые формы. Нужен лишь умный Иван Грозный, новый Иван Калита! В массе русского народа зреет понимание этой истины. Все последние поражения, измены и преступления антиэлиты (предателей России), страшные страдания и муки наших народов не смогут остановить и никогда не остановят неизбежного реванша, великого реванша Русской Истории. Знайте: «Мы не согнемся. Мы вернемся к своим родникам». Победа будет за нами! Но прежде придется сокрушить врагов России! Вопрос стоит, как в годы Великой Отечественной: победа врага или победа патриотов и русской армии. Хватит болтать. Вместо слов России нужен мужественный акт. Вспомните, как деды и отцы шли в бой за святую Русь, за Советский Союз, отдавая жизнь за Родину... Неужели вы, молодые, хуже и трусливее их? Как писал В. Жуковский: «Блажен, кого постигнул бой!» Ужель «уж нет вождей победы»?! Их память «вихорь разметал»? Ужель их волю и оружие порок бессилия пожрал? Я знаю, близок миг сраженья, и «дух отцов воскрес в сынах», поднимем, други, меч отмщенья, и в бой – с Россией на устах!^[772]

В будущем Россия (разумеется, при благоприятном развитии) могла бы стать средоточием земной цивилизации. Хотя как раз внешних, порой крайне важных и значимых признаков культуры недостает ее народам (в буржуазно-бытовом смысле слова). Я имею в виду самые житейские, прагматические достижения технических и городских культур, которые необходимы для вполне элементарного обустройства нашей жизни. Все эти недостатки, пробелы нужно ликвидировать в наикратчайшие сроки. Хотя это и очень непросто. Зато у русских есть нечто более весомое. Беспокойство души и ума, готовность вступить в бой во имя идеалов добра и справедливости (как это мы понимаем), во имя блага России и Народа:

От ликующих, праздно болтающих,
Обадряющих руки в крови,
Уведи меня в стан погибающих
За великое дело любви!

Н. А. Некрасов

Скажем сегодня, конечно же, иначе, чем Некрасов: «Приведи ты нас в стан побеждающих за великое дело любви!» Любви к России и к ее Народу! Девизом каждого русского должно стать правило: «Я – Русский, выше чести нет!» Ввести в паспортах графу национальность, ибо ею можно гордиться. Всегда помните и слова Н. В. Гоголя: «Поблагодарите Бога прежде всего за то, что вы русский». То, что будет создано новыми поколениями героических сынов и дочерей России, будет подлинной демократией великого народа, а не псевдодемократией плутократа. И вожди патриотического типа уже вызревают в земле великих идей и людей – среди нашего честного и православного народа! Русь – Res sacra (редкая птица), несущая в мир смысл, свет и надежду, несущая грозный меч против агрессора!

Так по ком же звучат колокола справедливости? Они звучат по несправедливой системе распределения власти, культуры и собственности в странах (Россия), где власть ныне приняла откровенно преступный, антинародный, чудовищный характер. Революция и эволюция – части великого единства. Они необходимы для жизни на Земле как вода или воздух... Это поистине «обнаженные нервы Земли». Их диалектическая связь понятна. Сигеле писал: «В толпе, благодаря революции, происходит то же, что и в частной жизни – благодаря эволюции». Вода и огонь революции и эволюции должны смыть всю грязь и мерзость, в которые мы погружены изначально, как в греховную купель, а затем обжечь и закалить нужный человеческий материал в «печи новой цивилизации». Конформистская буржуазия закрывает на это глаза. Философ Ортега-и-Гассет не желает видеть, что буржуазное общество переживает кризис. Ему не хочется верить в великие принципы, идеи. Поэтому он глубоко не прав, говоря: «Прощай навеки, революция!». ^[773] Мы говорим людям: «Да здравствуют революция и эволюция!»

В.И. Ленин – вождь революции

Знаменательно, что даже «отец капитализма» А. Смит подчеркивал, что соблюдение справедливости вовсе «не предоставлено на наш произвол» и может быть востребовано народом «насильственно». Если же она поколеблена, то «громадное здание, представляемое человеческим обществом... немедленно рушится и обращается в прах». Он заметил, что «у мошенников и не существует собственно настоящего общества»(1776).^[774] Однако потребовались века, чтобы буржуа наконец выдал из себя признание: «Справедливость есть первая добродетель общественных институтов, подобно истине и системе мышления. Теория, какой бы желательной и краткой она ни была, должна быть отвергнута или пересмотрена, коль скоро она неверна, аналогичным образом законы и институты, какими бы эффективными и хорошо организованными они ни были, должны быть реформированы или упразднены, если они несправедливы».^[775] Таково современное общество.

Путь к социальной и культурной справедливости не прост, усеян шипами гласности, колючками критики, терниями мужества, а увенчан цветком Высшего Разума – и, увы, обильно полит народной кровью. Не оставайтесь равнодушными к чаяниям и надеждам Народа. Если же его стон и плач, горе и страдания не доходят до ваших сердец и умов,

господа, что ж, и наш Народ вправе обнажить меч возмездия! Он вспомнит фразу Шиллера из «Вильгельма Телля»: «Нет, есть предел насилию тиранов... Но если все испробованы средства, тогда разящий остается меч». Придут новые Робеспьеры, Ленины, князья Владимиры, что покрестят народ в праведную веру. «Робеспьер и Ленин материализовали в истории контуры идеального общества. Без таких предводителей мир страдал бы от ощущения нереальности, вредного для действия, малоблагоприятного для разрешения кризисов» (Московичи). Решением проблем собственности и справедливости не должны заниматься военные суды и гильотины. Но не заставляйте прибегать к крайнему средству как последнему аргументу! Г. Честертон не без иронии сказал: «Гильотина плохая штука, одно в ней хорошо: быстрота. Нож ее – лучший ответ на любимый довод эволюционистов. «Где же именно вы проведете черту?» – спрашивают они, а мятежник ответит им: «Вот здесь, между вашей головой и телом.^[776] Вот и не пугайте людей этой штукой, дайте им достойную жизнь. Не оставите выбора, так они пустят ее в ход, как это сделал Ленин. Струве звал его «думающей гильотиной».

Ф.Э. Дзержинский. 1919

Подведем итоги: 1) борьба народов за Справедливость составляет едва ли не главный нерв и сокровенную тайну общественно-

исторического процесса; 2) борьба предполагает одновременно как жесточайшее противостояние, так и мирное сотрудничество классов, слоев общества; 3) характер взаимоотношений «пролетариев» и крупных буржуа в итоге всегда был и остается таков, что, наряду с эволюционными процессами, важнейшим регулятором их «брачных отношений» становится и Революция; 4) революция – крайний способ обуздания несправедливости властей, изменения дурных законов страны, и, как таковой, он, конечно же, неизбежно сопровождается эксцессами и перегибами (однако вина за это возлагается прежде всего на власть имущих, на правящие элиты); 5) поэтому Меч Революции, подобно дамоклову мечу, должен всегда висеть над головами буржуа и плутократов, даже если эта революция пока живет только в наших мыслях; но ведь Эмерсон говорил: «Всякая революция была поначалу мыслью в мозгу одного человека»; 6) в то же время мирный эволюционно-духовный путь развития безусловно более плодотворен и эффективен, хотя и требует от элит и народов гораздо более высокого уровня знаний, образования, культуры, веры и нравственности (последней, пожалуй, втройне); 7) цивилизованность любого времени определяется прежде всего степенью сопричастности высшей власти интересам, горю, страданиям низших и средних классов; 8) поэтому и колокола справедливости должны звучать громко и непрестанно, везде и всюду, ибо в их звуках слышится сама Истина, возмущенный глас Народа, которого элиты часто не ставят ни во грош, вынуждая ждать справедливости «от небес» (практически без малейшей надежды на успех); 9) философия разумно-нравственного бытия и благополучия для большинства людей когда-нибудь станет главным законом страны, правилом повседневной жизни, одним из решающих условий прогресса и цивилизации; 10) для этого нужна серьезная победа Культуры, обогащенной живой верой в величие Человека, как сына Божьего, победа над экономикой, политикой, даже над наукой (сей «инструмент» наряду с духовным воспитанием в состоянии изменить человеческий род); 11) ударным отрядом человечества должна стать Новая Элита, которая будет жить руководствоваться самыми высшими интересами народов и стран; это – духовная аристократия, элита веры, правды и справедливости; 12) сила и воля должны быть умело использованы властью и капиталом для воплощения в жизнь лучших идеалов человечества, памятуя слова Наполеона: «Насилие неспособно

что-либо создать. В мире существуют две силы: сила ума и сила меча. Но надолго всегда побеждает ум». Однако без усилий и ребенок не появляется на свет. Ни одному народу не удавалось еще достичь побед и свобод без жертв и битв. Соберем же воедино волю и знания, энергию и опыт для создания лучшего мира, нежели тот, что существует ныне. Мы отвечаем за все! А. Тойнби как-то заметил в одной из работ («Изменение и обычай»), что «наши еще не родившиеся потомки не в силах выступить в свою защиту. Вместо них должны говорить мы сами, ибо ныне живы мы и только мы – а не все те, кто уже почил или еще не появился на свет, – и именно нам вверено попечительство над видом, временными представителями которого мы являемся». Достойны ли мы роли попечителей и спасителей России, не стали ли еще, не понимая того, могильщиками как ее прошлого, так и ее будущего?! Все же полагаю, что Россия в XXI веке (как и предсказывал в XV в. Василий Немчин) сумеет обрести своего величайшего героя – «Великого Горчара», который, верно служа Отечеству, создаст (на диво всем) могучее, процветающее, мудрое и динамичное государство умных и достойных людей.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Естественная история Земли с появлением человека (высокоорганизованных форм) заканчивается и начинается человеческая история... В ходе ее умственная жизнь человека проявляет всю мощь, покоряет материю, господствует над стихиями, превращая «все живое в своих рабов»... «А в последний период, который начинается с периода книгопечатания, она (душевная жизнь человека) собирает все духовное состояние в одно единое целое». [777] Эта победа духа над стихией, невежеством как раз и определяется большей духовной силой тех людей и народов, которые поставили в основу развития человеческой расы, своей нации веру в торжество высших духовных, нравственных начал над материализмом, меркантилизмом, над животной и полуживотной дикостью (в ее современных формах). Знание, подкрепленное верой во всемогущество Духа и Разума, создавших жизнь и мир, и одушевленное идеей, приоткроет нам тайную дверь. Как говорил русский ученый К. Э. фон Бэр: «Вся история природы является только историей, идущей вперед победы духа над материей». [778] Видимо, так в конечном счете и будет.

Словно на золотой колеснице лучезарного бога Гелиоса, пронеслись мы над тысячелетиями, веками, народами и многими странами. Взор наш неизбежно вынужден был выхватывать лишь отдельные сюжеты из необозримой картины эволюции человеческой цивилизации. Мы увидели жизнь многих народов и их героев. Египтяне, шумеры, греки, римляне, евреи, китайцы, индийцы, корейцы, арабы, итальянцы, испанцы, латины, британцы, немцы, французы, скандинавы, русские, сербы, японцы, американцы, африканцы и т. п. оставили богатое наследие современникам. Мы обязаны им своими знаниями и деяниями выдающихся умов, талантов, гениев. Они стали истинными героями книг. Мы же с вами, говоря словами Я. Полонского, дружно поклонялись Рафаэлю и Данте, славили гений Шекспира, упивались, внимая музыке Бетховена, Моцарта, наслаждались романами Бальзака и Стендаля, изучали Канта, Гегеля, Гте. Хотелось приоткрыть частицу жизни, мысли и

подвига. Если это удалось, то о большем мы не смели и мечтать. А ведь мы не коснулись огромнейшего пласта русской культуры и мысли. Где во время разговора с художником О. Кипренским, рисовавшим его портрет (разговор шел по-французски), попросил того прочесть и перевести ему хотя бы несколько строк А. Пушкина. Кипренский прочел и перевел стихотворение «К Овидию» по-итальянски... Послушав сей стих Пушкина, немецкий поэт сказал: «Я думаю, ни итальянский, ни французский, ни даже немецкий не в состоянии передать той мощи и музыки, которую я слышал, когда вы читали эти стихи на своем родном языке». Может быть, судьба даст нам шанс поведать историю культурного и духовного развития России, ее триумфа и ее трагедии.

Благодарю учителей
за все немыслимые муки,
за все искусства и науки,
за Царскосельский наш Лицей.
Тебя я славлю, Геттинген,
и Лейден славлю, и Сорбонну
за вольность нашу и свободу!
Сим победита прах и тлен!^[779]

Пройдут годы, и некие другие люди вновь обратятся к бессмертным творениям веков минувших, к опыту мировых культур и народов, не уставая воздавать должное пантеону наших великих учителей. *Vixerunt!* («Их уже нет в живых!» – *лат.*). Не знаю, почувствовал ли читатель умиротворение, прочитав сей труд? Вряд ли. И все же низкий поклон и благодарность друзьям и соратникам за долготерпение. Воздадим должное поэтам и писателям, ученым и художникам, передавшим в своих книгах, картинах, мелодиях и образах мудрость мира, словно волшебные руны Одина... Книга в самом деле поразительнее всех самых наиволшебнейших средств просвещения и воспитания, хотя поэт Майков и заметил: «Гармонии стиха божественные тайны не думай разгадать по книгам мудрецов». И пусть не всем доступны страсти Нимврода, этого «ловца перед Господом» (в Библии так обычно характеризуют человека сильной и

исключительной воли), но мы, скорее, познаем *ad discendum, non ad docendum* (лат. «для изучения, не для поучения»).

Талантливая, неординарная книга не только уловляет чуткие и нежные души. В ней, словно в магическом кристалле, вы обзрывает эпохи, события, поступки, мудрые мысли. Я. А. Коменский написал: «Книги – это инструмент насаждения мудрости». Монтень сожалел, что в его время у Франции не нашлось десятка Диогенов Лаэртских, ибо из их трудов он больше бы узнал о судьбе и жизни «великих наставников человечества». Милтон сравнивал книги с волшебными травами, из которых составляются целебные и сильнодействующие снадобья... Что же касается выборки литературы для чтения, то он полагал, что «мудрый и из ничтожной книги извлечет больше полезного, чем дурак из Священного Писания». Дон-Кихот с удовольствием менял свои поля и фермы на книги. Да и раньше за редкие папирусы отдавали целые состояния. Философ Л. Фейербах сравнивал мудрые книги с дивными уединенными капеллами, которые человек воздвигает «в романтических местностях жизни, на самых красивых высотах». Он называл их извлечениями из великих «фолиантов жизни». ^[780]

В нашу эпоху роль книги не только не уменьшилась, но и повысилась. Хотя в иных странах заметны признаки ее девальвации. Ранее Ч. Лэм даже задавался вопросом: «Почему у нас нет молитв перед книгами – этой духовной пищей? Почему мы не молимся перед Милтоном, перед Шекспиром?» Могущественные правители и умнейшие мужи прошлого сочетали свою деятельность с огромной любовью к книге, не зная более здорового и полезного отдыха... У. Теккерея считал, что «книги просвещают душу, поднимают и укрепляют человека, пробуждают в нем лучшие стремления...». Дж. Рескин писал о книгах как о «сокровище королей», а английский эссеист Ли Хант считал даже простое разглядывание книжных корешков неплохим и крайне полезным «учебником гуманности». Драматург А. Н. Островский в «Застольном слове о Пушкине» сказал то, что мы вправе отнести не только к этому поэту, но и вообще к умным книгам: «Первая заслуга великого поэта в том, что через него умнеет все, что может поумнеть». Так же и с книгой: «Она учит тех, кто еще может учиться». Карлейль считал, что с книгой в корне изменились и условия массового образования. Он, правда, излишне

опрометчиво утверждал, что «книгопечатание преобразовало все университеты и даже упразднило их». Учителю якобы не надо отныне собирать вокруг себя людей для передачи им знаний. Достаточно просто напечатать все, что необходимо, а обучающиеся получают книгу и могут изучать ее, сидя у очага. Понимая значение живой речи, он отмечал, что пока еще нет университета, который вполне усвоил бы эти условия. «Вдумайтесь – что может предложить нам любой Университет, т. е. завершающая образование высшая школа, – оказывается, то же самое, что делала всегда начальная школа: учить нас читать. Мы учимся читать – на разных языках, в разнообразных отраслях науки; мы учим алфавит и письменность по всевозможным книгам. Но ведь собственно знание, даже умозрительное, припасено для нас в самих книгах! Все дело в том, что мы читаем уже после того, как множество разных профессоров изложили нам все, что им было известно. Подлинный университет нашего времени – это собрание книг». Так думали многие в XIX веке. Так думает и ныне читающая часть людей, несмотря на весь информационно-компьютерный бум. [781]

Ницше писал о книге, почти ставшей человеком. Но книга – нечто большее, чем человек. Она есть суть всей духовности на Земле... «Уединение с книгой лучше общества с глупцами», – писал Пьер Буаст. Поэтому нас беспокоит засилье ТВ, как и то, что книга в России превращается в «роскошь» для основной массы граждан (по данным Института молодежи, лишь 27 процентов молодых людей проводит досуг с книгой, а 6 лет тому назад эта цифра составляла 47 процентов). Многим в России не на что купить не то что книгу, но кусок хлеба. А тут еще нынешние телевизионные фамусовы со злой иронией, но всерьез заявляют нам, стремясь уничтожить эти последние островки мысли и надежды: «Забрать все книги бы да сжечь!»

В том, что стали меньше читать, вина лежит не только на пустой власти, на обделенных умом и Богом деятелях «культуры» и идиотах-телевизионщиках, но и на иных ученых и писателях. Надо писать так, чтобы книги наши нельзя было не прочесть. Чтобы, когда придет смертный час и друзья повезут нас на погост, верные читатели книг имели полное моральное право начертать на вашей могильной плите слова, схожие с теми, что мы читаем в Онуфриевском монастыре на

могиле великого первопечатника Ивана Федорова: «Друкарь книг, пред тем невиданных».

«Знаше – это то, что наиболее существенным образом возвышает одного человека над другим». Дж. Аддисон (1672–1718, английский поэт, ученый и политик)

Для правителей, властных элит мира лучшим университетом станут активные действия народа. Кафка как-то назвал книгу «топором, вырубаящим море льда, застывшее внутри нас». Но нет еще такого топора, который в состоянии был бы вырубить океан льда в бесчувственном ледяном сердце буржуазии. Народ всегда должен помнить социальный логарифм (logos – отношение, arithmos – число). Разве буржуа в состоянии обновить мир? У них, казалось бы, есть знания, деньги, собственность. Но нет пылкого сердца, таланта самопожертвования, которые есть у народа! Они чересчур уж эгоистичны. Преимущества этого образованного, но алчного и мелкого, трусливого и бескровного класса бледнеют перед отвагой и мощью простого народа. Гердер страстно хотел, чтобы философ соединился с плебеем (народом), дабы стать полезным людям! Он же

писал: «Всякая философия, если она хочет быть полезна народу, должна в центр своих изысканий поставить народ». Однако мы желали бы видеть наш народ более умным, трудолюбивым и деятельным.^[782] Условия жизни народа находятся в прямой зависимости не только от его труда, но и от давления на хеопсову пирамиду власти. Поймите: чем сильнее будет давление, тем (при условии соразмерности целей и средств воздействия) выше будет степень свободы и независимости борющегося народа. Великие писатели это понимали. Ж.П. Сартр (1905–1980) хотя и говорил, что они «буржуа по происхождению и привычкам», приняты в обществе сильных мира сего и «находятся у них на содержании», все же требовал, чтобы книга вела к революции: «Одним словом, мы должны в своих произведениях бороться за свободу личности и за социалистическую революцию, ... (так как) одно невозможно без другого».^[783]

Правда Валери утверждал, что история и литература ничему не учат, вбирая в себе все, что им угодно, давая примеры для самых различных поступков и выводов, и якобы нет ничего более смехотворного, нежели рассуждения об «уроках истории». Из уроков извлекают все, что им заблагорассудится (любую политику, философию или мораль). Он не верил в то, что история сможет помочь народам предвидеть будущее. Иные же, подобно основателю феноменологии, австрийскому философу из Моравии Э. Гуссерлю (1859–1938), и вовсе старались вынести историю за скобки, «забыть историю и ее образы». «Только так, – убеждал Гуссерль, – мы, живущие, избежим опасности быть задушенными мертвецами. Мы для того живем, чтобы победить их». Мы решительно не согласны с такой трактовкой. Кто-нибудь видел человека, «задушенного» историей или культурой?! Но всякий с легкостью укажет на многие миллионы судеб, поверженных, раздавленных невежеством, тупостью и пренебрежением к достижениям человеческой мысли и гения. Время покажет, кто из нас прав. Все разговоры о том, что власти и все общество должны жить, не заботясь об ученых, поэтах, образовании или истории, не только сомнительны, но и опасны. К. Д. Ушинский писал, что «только варварам свойственно не иметь истории». Кстати говоря, я считаю, что как раз этот антиисторический подход и привел нас к тяжелейшему моральному кризису. Да, история – это самая интригующая и неожиданная из всех когда-либо существовавших муз.

Но опять же это вовсе не означает, что она не в состоянии кого-либо научить уму-разуму. Нет, нет и еще раз нет. Цивилизация доказывает обратное: мы видим, как идет трудное и болезненное «обучение» народов, правителей и элит (через книги, науки, кровь) в ходе преодоления преград исторического процесса и массового невежества. Художник Гойя восклицал: «О народ! Если бы ты знал, что ты можешь!» Но до него нужно еще донести все современные знания, мораль, дать понимание огромной силы, которой он обладает. Прав был французский коммунары Ж. – Ж. Пийо, посвятив народу свой философско-исторический сборник «Народная Трибуна», где он прямо сказал: «Я не умею ни пресмыкаться, ни льстить, ни лгать. Народ, вот поэтому-то я посвящаю тебе плоды моих долгих бдений».^[784] Поэтому весь смысл и суть нашего бытия заключаются в Народе – в его торжестве, уме, славе, здоровье и благополучии. Соборный Народ сможет осуществить все разумные и полезные перемены. Еще великий Пушкин говорил: «Уверуйте в дух народный и от него единого ждите спасения и будете спасены». Вот и мы «веруем» прежде всего в народ! Но в народ поумневший, пробужденный!

Поэтому никогда не опустимся до злой мудрости Ф. Ницше, которому массы представлялись достойными внимания только в трех отношениях: как плохие копии великих людей, изготовленные на плохой бумаге со стертых негативов, затем как противодействие этим же великим людям и, наконец, как орудие все тех же «великих людей»; в остальном же, говорил он, «побери их черт и статистика!».^[785] В то же время пора уж осознать, что и возведенный на пьедестал народ, которому порой курят фимиам, может стать жутким идолищем. Не сотворите кумира ни из Бога, ни из Народа, ни из Власти. Соблазн такого «самообожествления», как писал П. Флоренский, у наших людей велик вследствие пассивности и рыхлости русской психологии.

Молодым предстоит все это подвергнуть анализу и критике... «Время – самый искусный историк» (Новалис). Помните: от старшего поколения к младшему, из века в век, как писал психолог В.М. Бехтерев, идет непрерывная передача нервно-психической энергии. Она и является материальным выражением социального бессмертия или бессмертия духа.^[786] Есть ли у вас эта энергия? Пусть не все из пережитого и обретенного надо брать в будущее. Многие нелепо, преступно и позорно. Конечно, японцы говорят: «От слепой

преданности недалеко до неверности». Но и отбрасывать знания, опыт прошлого было бы безумием. Сказано же в притчах Соломоновых: «Примите учение мое, а не серебро; лучше знание, нежели отборное золото».

Губительнее всего для грядущих поколений стал бы путь жалких вырожденцев, предателей России, пифий, призывающих устранить историю старых отцов, а с ними – всю традиционную русскую культуру, мораль, совесть, знания и веру. В последние годы такие эдипы в России плодились тысячами... В греческой мифологии царь Эдип убивает отца, затем, кровосмеситель, насилует свою мать. Наш отец, Советский Союз, фактически был убит изменниками, отъявленными, гнусными негодьями без веры и чести, а мать-Россия предана и опозорена ими. Немало людей слабых, сломленных духом... Вот и В. Распутин, «совесть народа», приняв «дар данайца», весь как-то сник и воззвал русский народ к капитуляции перед плутократией: «Победители не мы... Мы, кому не быть победителями». А ведь должен был давно понять, что Русские – не сдаются! Мы, народ России, будем победителями!

Юноша бледный со взором горящим,
Хочешь – прими и мои три завета...
Первый завет: надо жить настоящим,
В этом надежда и сила поэта!

Помни второй: поклоняться, так чувству,
Дело любя и Народ беспредельно...
Лира бесстрастная в Храме искусства —
То ж, что и камень в пустыне – бесцельна.

Третий храни: вооружи Справедливость
Против тиранов и власти мамоны...
Это они оскверняют законы,
Бой против них – это высшая милость!

Юноша бледный со взором смущенным,
Коли ты примешь мои три завета,
Быть тебе витязем непобежденным —

С крыльями сокола, сердцем поэта!^[787]

Кремлевский мечтатель (В.Б. Миронов)

Мы, как нация, как великий народ, мы все находимся в ожидании героев! Со времен итальянского гуманиста Вико было аксиомой: история делается людьми. Позже эту же мысль повторят Маркс и Энгельс. Но какими людьми? В массе и народе или же в уникальной индивидуальности воплощается история? И так, и этак... И все же мотором истории и ее пылким сердцем являются Герои. Народ ждет их гласа, их божественного откровения и величайших дел! Если хотите, то он ждет жертвы, которую герой готов принести на его Алтарь – тогда и он берется за историю крепко, основательно, по-мужски. И творит ее без страха и упрека! Старшее поколение оставляет в наследство вам, юношам и девушкам XXI в., нелегкий мир, где триумф побед, свершений народов и личностей соседствует с откровенным цинизмом, воровством, разбоем и предательством вождей и элит. От вас зависит, будет ли он Русским Веком!

Задача возрождения России ляжет на плечи интеллигенции. Так уж случилось, что она долгое время оставалась классом для себя, а не классом для России. Вот и революция оттого случилась. Не от хорошей жизни революционеры воззвали к пролетариату. В статье «Героизм и подвижничество» С. Булгаков писал, что в руках

интеллигенции «ключ к грядущим судьбам русской государственности и общественности». Сумеет ли она подняться на высоту этой задачи? Преодолеет ли надменность, антиколлективистские, антисоборные, разъединяющие начала? Она социализма и демократии хотела достичь одним прыжком. Россия же за ее невежество и барство, за умственную лень получила еврейскую диктатуру вкупе с татарщиной, а ныне воровскую бандократию. Булгаков прямо ставит вопрос о необходимости создания нового класса интеллигенции, но «с русской душой»: «Обновиться же Россия не может, не обновив (вместе со многим другим) прежде всего свою интеллигенцию. И говорить об этом громко и открыто есть долг убеждения и патриотизма».^[788] Иван Солоневич также считал, что вся русская интеллигенция должна быть перевоспитана в русском духе. Он писал: «И так как это перевоспитание почти невозможно, то дело идет о создании новой русской интеллигенции, которая, конечно, не может родиться по заказу. Если перевоспитание одного человека, по крайней мере взрослого человека, есть вещь практически невозможная – «перевоспитание» тысячелетней нации есть совершеннейший абсурд».^[789] Однако начинать тяжкую работу все же придется.

Сами по себе новые поколения окажутся бессильными и обреченными в своем движении к совершенному миру, если они будут уповать только на свой разум, опыт и знания. Перед нами стоит проблема колоссальной исторической важности. Как создать порядок, что дает всем некий шанс на ЦАРСТВО СПРАВЕДЛИВОСТИ НА ЗЕМЛЕ? Как обеспечить УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ВСЕХ НАРОДОВ? И что остается нам? Sperare contra spem? («Без надежды надеяться?»). Где и у кого искать надежду и ответы на вопросы? Поэт К. Батюшков перед смертью все горевал, что так-таки не донес до будущего драгоценный сосуд гения. Сей «счастливый ленивец» и «философ резвый» (А. С. Пушкин) мечтал заказать художнику картину, которая бы в равной мере говорила воображению и сердцу народа. Хотел, чтобы в ней предстал гений истинный, живой, не академический. Гений подлинно народный!

Вот и русский писатель С. Семанов горько сетует: «Это Фукидид был учеником Геродота, а Платон – учеником Сократа. Нам такого счастья не выпало. Увы». В России, если поискать, есть сотни сократов, геродотов и карамзиных. Но по сей день, как сказала

поэтесса, незаметно мудрых житие. Откройте их для себя и зажгите в вашем сердце пламень!

Задумайтесь над судьбой всех будущих родов, делая все возможное и для улучшения жизни ныне живущих. Впрочем, даже философ-стоик Сенека писал: «Для немногих рожден тот, что думает лишь о поколении своих сверстников. Вслед придут многие тысячи лет, многие сотни поколений; гляди на них! Даже если всем, кто живет в одно время с тобою, зависть велит молчать, придут другие и будут судить без ненависти и без пристрастия... Нет такого, кому добродетель не снискала бы любви при жизни или по смерти... Будь здоров».^[790] Но чтобы **судить**, они должны **быть**!

Постарайтесь стать достойными наследниками лучшей части умов, патриотов, героев России. Служение народу – это великая честь. Произошло не крушение, не распад и гибель, но осознание русскими их места на священной земле. И это придает всем нам силы. Словно Антей, некогда припавший к Матери-земле, мы обретаем в ней энергию и мощь, достаточную для победы над врагом. В России – наша опора. За нами, мы это знаем, идет поколение не жалких и трусливых космополитов, алчно-тупых неучей, лишенных чувства любви к Родине, но рать славянско-евразийских витязей, просвещенных, умных, сильных духом и телом бойцов, свободных людей, живущих в свободной, пробудившейся стране. Пусть М. Бахтин как-то и сказал о книгах, созданных им в России под «безрадостными небесами»: тут, мол, все порочно. «Там эти книги никогда не прочтут». Для нас, русских, эти небеса радостны, благословенны, невыразимо прекрасны. Прочтут ли наши книги Там, судить не нам. Будем рады и счастливы, если их прочтут Тут. Цель книг: поддержать в годину смуты в России колеблющихся, вернуть веру неверующим, возродить в душах тягу к Справедливости. Это очень важно: помочь народу поверить в свое историческое предназначение, в его мощь и силу в годину испытаний, укрепить отчаявшихся, остеречь тех, кто готов сослепу или по невежеству денно и ночно слушать пение иных «заморских соловьев». «На целые народы и на отдельные лица, – писал Т. Грановский, ведя «пропаганду историей», – находят иногда минуты уныния, когда мир остается безотрадным, земная жизнь является, по-видимому, без цели и нравственность падает; тогда советницею и утешительницею является история: из нее видно, что

человек часто бывал в таком положении, но что всегда выходил из него победителем, что зло никогда не преобладает и что добро никогда совершенно не уничтожается».^[791] «И живы будем и не умрем и мы, и ты, и дети наши» (Бытие, 43, 8).

Из мириадом картин, эскизов, набросков, рисунков, мыслей смогли воссоздать малую часть панорамы развития человеческого рода. *Non multa, sed multum* (лат. – Не многое, а много). Мы в большом долгу перед поколениями, создавшими и отстоявшими в боях нашу Родину, культуру и цивилизацию, передавшими нам их в целостности и сохранности... Символично, что книги завершаются на тройном рубеже. Во-первых, мы в конце бурного двадцатого столетия, во-вторых, переходим в третье тысячелетие, в-третьих, в эту пору когда-то пало монгольское иго. По древним кельтским обычаям, именно ноябрь месяц является «временными воротами» в потусторонний мир. Люди получают возможность общаться через эти «ворота» со своими предками, прародителями. В христианскую эру этот праздник стал праздником всех святых (современный Хэллоуин). Предки считались символом знаний и мудрости. Культура кельтов знает множество сказок и историй, когда умершие души великих сынов народа возвращались на землю специально для того, что передать сокровенные знания, наставления наследникам, вернуть в их умы и сердца память о былых битвах, подвигах их отцов и матерей. Они строго требуют, чтобы те не забыли законов и порядков отчей земли. В ноябрьские дни, так считали кельты, были возможны любые, самые фантастические и необычные вещи. Все барьеры между предками, живущими людьми, даже богами вдруг исчезали. Они могли свободно общаться тогда друг с другом.^[792] Да и у православных считается, что в святки разверзаются небеса и устанавливается контакт с будущим.

Когда-то учения Фихте, Канта, Гегеля были лучом надежды. Затем «Шеллингово огненное перо начало жечь бранные селения дряхлой учености». Правда Кант считал, что его философия не должна возбуждать ожиданий («они иногда обременительны, а часто и вредны»)^[793] Тогда пришли Маркс, Ленин, Мао. Мир заметно изменился. Означает ли это, что он достиг совершенства? Мы так не думаем. Мир напряженно ждет плеяды дерзновенных мыслителей-прагматиков, борцов за счастье человека и народа. Мы обязаны оказать влияние на ход мировой истории. История – последовательная смена

поколений, каждое из которых использует имеющиеся материалы, капиталы, обстоятельства и производительные силы, что ранее переданы предшествующими поколениями. С одной стороны, новое поколение продолжает унаследованную деятельность при совершенно изменившихся условиях, а с другой – видоизменяет старые условия посредством заметно измененной деятельности, причем эти новые условия зачастую предписывают ему его собственные условия жизни и придают ему определенное развитие, и даже особый характер. Иначе говоря, получается, что в такой же мере обстоятельства творят людей, в какой творят обстоятельства эти самые люди.

Удел России– быть сдерживающим началом, балансом, а, возможно, и главной опорой мировой цивилизации. В. Одоевский писал в «Русских ночах»: «Много царств улеглось на широкой груди орла русского! В минуту страха и смерти один русский меч рассек узел, связывающий трепетную Европу, – и блеск русского меча донныне грозно светится посреди мрачного хаоса старого мира... Все явления природы суть символы одно другому: Европа назвала русского избавителем! В этом таится другое, еще высшее звание, которого могущество должно проникнуть в сферы общественной жизни: не одно тело должны спасти мы – но и душу Европы!» Россия для Европы – это не только гарант ее свободы, но еще в большей степени гарант ее наивысшей нравственности, культуры (или даже бессмертия).

Умное русское ядро должно стать основой власти в новой России в силу склонности русских к объективности, правде, жертвенности во имя России. Ни один другой народ не готов к такому яркому самозабвенному служению во имя Родины. Еще Д. А.Хомяков изволил как-то заметить, что «основная способность русских людей – это объективность: способность видеть вещи, как они есть, с возможно меньшим помрачением взгляда предвзятыми понятиями, мешающими видеть действительное». И хотя перед Богом нет ни эллина, ни иудея, современная жизнь действительно и сурово требует от русских померить «источник благодушного равенства», которое наш русский человек проявлял и проявляет ко всем другим племенам. Пусть останется отношением к инородцам и иноверцам, как к людям-братьям. Это естественно для православного человека, который «не ставит их никогда на степень низшей расы». Но почему же он был объективен ко

всем, а только не к самому себе?! Итог его самоуничтожения: на ступень низшей расы поставлены русские. Они во многом и виноваты (будем откровенны хотя бы сами с собой) в сложившейся в стране ситуации. [\[794\]](#)

Найдут ли в себе силу и отвагу молодые умы изменить ситуацию? Что попусту бежать за Европой и США? В настоящее время у Запада «нет ни одной идеи, которая пришла бы на помощь защитникам существующего status quo» (Э. Фромм). Более того, историк Мишель Фуко и вовсе заявил: «...европеец не знает, кто он есть; он не знает, какие расы смешались в нем; он ищет роль, которая могла бы быть его ролью; у него нет индивидуальности» («Ницше, генеалогия, история»). Найдите свой путь. Он существует. Россия – больше, чем Европа или Америка, но чуть меньше, чем мир. Она может и должна дать народам надежду и идею. Хотя назначение Земли, несущей тайну и спасение человечеству, еще не вполне осознано миром. Она манит, восхищает и возмущает. Страна, где некогда оживет «семья Христово». Россия – главный «питомник для великого мира духа». В России могут быть со временем найдены ответы на ключевые вопросы бытия. В силу уникальности ее цивилизации Россия должна будет оформить эти новые и великие идеи.

Древняя египетская пословица гласила: «Когда Сфинкс заговорит, жизнь на Земле сойдет с привычного круга»...

О. Роден. Мыслитель. 1880–1900. Бронза. Фрагмент

Россия и есть тот «сфинкс откровения», что откроет миру тайну бытия, тайну, о которой с надеждой говорил Достоевский в «Заветном слове о Пушкине». Мы уверены, мир заговорит в XXI веке о России, сойдя с ее помощью с привычного круга несправедливости, алчности, убийств, грабежей, преступлений, диких пороков, в основе которых нищета духа, веры, ума, да и самой общественной философии. Создадим высокодуховное общество, где будут править справедливость и совесть, где не только возрастет «роскошь и изобилие плодов цивилизации», но вся эта роскошь и ее плоды не достанутся в удел единицам.

Прогресс человечества включает и прогресс каждой человеческой личности. Многие поколения еще пройдут к счастью через великие исторические ворота, над которыми будет стоять лаконичная надпись: «Человек для человека, все для человечества» (Н.Михайловский). А ведь мы еще не проанализировали в полной мере тех богатств, которые дали человечеству самые последние достижения науки, промышленности, образования, искусства в XX веке. Эти достижения народов велики и, видимо, бесспорны, хотя иные из них куплены, как нам кажется, слишком дорогой ценой. Но тут уж пусть будущий

историк науки напишет «приходно-расходную книгу цивилизации» и сведет с ней свои счета.^[795]

Нужна опора на передовую науку, знание, образование. Фундаментальная наука России, инженеры и конструкторы, педагоги, ученые, мастера культуры должны стать тем локомотивом истории, той мощной ракетой, которая выведет нас на орбиту цивилизации высшего типа. Некогда на собрании, посвященном 103-й годовщине Петербургского университета (21 февраля 1922 года), социолог Питирим Сорокин напутствовал молодежь такими словами: «А история не ждет, она ставит ультиматум; быт грозное: *memento mori*, быт двенадцатый час нашей судьбы и решается наше: «быть или не быть». Первое, что вы должны взять с собой в дорогу, – это знание, это чистую науку, обязательную для всех, кроме дураков, не лакействующую ни перед кем и не склоняющую покорно главу перед чем бы то ни было; науку точную, как проверенный компас, безошибочно указывающую, где Истина и где Заблуждение. Берите ее в максимально большом количестве. Без нее вам не выбраться на широкий путь истории. Но не берите суррогатов науки, тех ловко подделанных под нее псевдоназваний, заблуждений, то «буржуазных», то «пролетарских», которые в изобилии преподносят вам тьмы фальсификаторов. Опыт и логика – вот те реактивы, которые помогут вам отличить одно от другого. Вашим девизом в этом отношении должен служить завет Карлейля: «Истина! Хотя бы небеса раздавили меня за нее! Ни малейшей фальши! Хотя бы за отступничество сулили все блаженства рая!» Второе, что вы должны взять с собой – это любовь и волю к производительному труду, тяжелому, упорному, умственному и физическому. Времена «сладкого ничегонеделания» – *dolce farniente* – кончились. Мир – не зал для праздношатающихся, а великая мастерская, и человек – не мешок для переваривания пищи, а прежде всего – творец и созидатель. История не терпела и в прошлом праздных тунеядцев: рано или поздно она сбрасывала их в кучу ненужных отбросов... Дорога предстоит бесконечно тяжелая. Только знания и труд, вместе взятые, могут преодолеть ее. Каждое из сокровищ, порознь взятое – знания без труда или труд неумелый и слепой, – не спасут вас».^[796]

Академик Н. И. Конрад как-то написал: «Да, человек может обгонять историю, но люди обычно отстают от истории»... Давайте

же, наконец, идти с ней в ногу. Поэтому взвесьте и проанализируйте на весах мудрости и разума все прошлые достижения и просчеты, все успехи и неудачи, победы и поражения народов, все восходы и закаты культур, всех стран и их героев. «Сегодня мы умнее, чем были вчера» (Винкельман). Соберите ценный материал, данный людьми, культурами, явлениями природы и истории. Пусть в сложнейшей работе примут участие не только коллективный Шекспир (коллективный Данте, коллективный Сервантес, коллективный Ярослав Мудрый, коллективный Пушкин, коллективный Гте, коллективный Бальзак, чьи книги И. Тэн называл величайшим после Шекспира «складом человеческих документов»). Изучим их бережно, тщательно, любовно, внимательно, не забывая уроков прошлого. Как сказал испанский поэт Н. Диас о свойстве людской памяти:

Жизнь, эту лучшую из книг,
Мы невнимательно читаем,
А если что в ней подмечаем,
То забываем в тот же миг.

Русский ученый А.Чижевский заметил, что для пробуждения благодатных идей нужны особо благоприятные условия: «Необходимо, чтобы семя идеи попало в такую человеческую среду, где будет налицо целый ряд способствующих жизни условий. Тогда такая счастливая идея даст пышное цветение и взволнует огромные человеческие массы, тогда роли двух действующих лиц, человечества и идеи, резко меняются: теперь уже не общественное мнение движет идею, а идея приводит в движение огромные человеческие массы». Будем же, друзья, с учетверенной энергией создавать благоприятные условия для развития этих новых идей в России, используя лучшие навыки, знания, опыт, таланты великих людей мира.^[797]

Сколько же можно бежать за тенью прошлого?! Неужели у нас некому повести народ путем науки и веры? Русский юрист Б. Кистяковский, с горечью говоря о неразработанности идеи правового и государственного строительства в России, взывал (1916): «Где та книга, которая была бы способна пробудить при посредстве этих идей правосознание нашей интеллигенции? Где же наш «Дух законов», наш

«Общественный договор»?»^[798] Создадим скрижали новых времен России! Ведь стыдно же, когда поэт Максимилиан Волошин писал о нас: «... нерадивы и нищи средь богатств земли». Ведь с тех пор мало что изменилось!

Выведем народ из тьмы плутократического «средневековья». И не забудем заветов великих мужей– Горация, Шиллера, Канта: «Sapere aude» («Имей мужество жить своим умом»). А также завета светоча русской мысли А. С. Хомякова, который не только первым проникся историческим духом народа и его истории, но и решительно требовал от русских «думать своим умом». Для этого надо побороть «чужебесие», распространяемое в России космополитами и всей этой нечистью, что считает, что «легче и не думать вовсе», а взять у них, в «цивилизованных странах», все и вся готовеньким. Дескать, «вс там на Западе перекроится на новый крой». Чужой ум к своей голове не пришьешь. Ждать, что Запад и Восток «заведут наши умственные часы», позорно и опасно. К тому же, если они заведут их, то таким образом, что само историческое время пойдет для России, народа вспять. В борьбе и труде обретем счастье свое.

Примечания

Богданович Т. Страна, правительство и народ Швеции. С. – П., 1906. С. 1, 9.

Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 2. М., 1988. С. 241–242.

Хачатуров С.В. «Готический вкус» в русской художественной культуре XVIII века. М., 1999. С. 34–35.

Фидьестль Б. Представления об истории в древнескандинавской литературе / Arbor Mundi. Мировое древо. М., 1995. С. 15.

Керам К. Первый американец. М., 1979. С. 36.

Андерссон И. История Швеции. М., 1951. С. 40–42, 96—103.

Декарт Р. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. М., 1994. С. 588.

Страшунский Д. Швеция. М., 1940. С. 13.

Шаскольский И. П. Экономические отношения России и Шведского государства в XVII в. С. – П., 1998. С.102–112.

Энглунд П. Полтава: рассказ о гибели одной армии. М., 1995. С. 9.

Андерссон И. История Швеции. М., 1951. С. 275–295.

Охлябинин С. Д. Из истории российского мундира. 1996. С. 158–161.

Лункевич В. В. От Гераклита до Дарвина. Т. 2. М., 1960. С. 78–80.

Берендтс Э. Императорский Александровский университет в Финляндии. С. – П., 1902.

Европейская поэзия XIX века. М., 1977. С. 753.

Калевала. Перевод Л. Бельского. М., 1977. С. 8, 568.

История XIX века / Под ред. Лависс и Рамбо. Т. 4. М., 1938. С. 114.

Вейбуллъ И. Краткая история Швеции. Стокгольм. 1994. С. 90.

Орландо де Руддер. Альфред Нобель. Ростов-на-Дону, 1997. С. 37.

Сулъман Р. Завещание Альфреда Нобеля. М., 1993. С. 15, 19, 70, 130.

Паршин-Филюнин Р. Нобелевские дни Льва Толстого // День литературы. 1997, 3. С. 3.

Кюри Е. Мария Кюри. М., 1973. С. 186.

Хейберг Х. Генрик Ибсен. М., 1975. С. 24, 41–43.

Ибсен Г. Драммы. Стихотворения. М., 1972. С. 148.

Бенеста́д Ф., Шелье́руп-Э́ббе Д. Э́двард Григ – человек и художник. М., 1986. С. 7, 128.

Григ Э. Избранные статьи и письма. М., 1966. С. 6, 8, 187, 301, 306, 323.

Гамсун К. Собрание сочинений. Т. 1. М., 1991. С. 7.

Храмченко В. Солнца Дочь и Король-Пастух. М., 1997. С. 122, 151.

Брюсов В. Собрание сочинений в 7 томах. Т. 2. М., 1973. С. 79.

История Дании с древнейших времен до XX в. М., 1996. С. 83.

Тиссандье Г. Мученики науки. М., 1995. С. 125.

Реале Дж, Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Т. 3. С. – П., 1996.С. 81.

Бернал Дж. Наука в истории общества. М., 1956. С. 230.

Denmark in a nutshell. Copenhagen, 1994. P. 14.

Паустовский К. Собрание сочинений в 8-ми томах. Т. 8. М., 1970.
С. 57–58.

Андерсен Х.К. Сказки. Истории. М., 1973. С. 8.

Брандес Г. Собрание сочинений. Т. 14. С. – П., 1896. С. 5.

Роде П. П. Срен Киркегор, сам свидетельствующий о себе и о своей жизни. Урал, 1998. С. 44, 54.

Soren Kierkegaard. Life and work. Copengagen, 1994. P. 6.

История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли. Т. 3.
М., 1967. С. 483.

Роде П. П. Срен Киркегор. Урал, 1998. С. 194–196.

Долгов К. М. От Киркегора до Камю. М., 1991. С. 21, 27.

Киркегор С. Страх и трепет. М., 1993. С. 189.

Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 387.

История Дании с древнейших времен до начала XX века. М., 1996. С. 83–87, 371, 382.

Мыслители образования. Т. 3, 1/2, 1996. С. 21–31.

Эдмон и Жюль де Гонкуры. Дневник. Записки о литературной жизни. Т. 2. М., 1964. С. 635.

Классики хореографии. М. – Л., 1937. С. 236–237.

Эстерберг Э. Молчание как стратегия поведения // Arbor Mundi.
Мировое древо. М., 1995. С. 38, 40.

Управление в Японии: некоторые специфические черты и особенности. М., 1985. С. 18.

История Древнего Востока / Под ред. В. И. Кузищина. М., 1999. С. 414–415.

Чжуан-цзы. Ле-цзы. М., 1995. С. 311.

Конрад Н. И. Неопубликованные работы. Письма. М., 1996, С. 240.

Очерки по истории мировой культуры / Под ред. Т. Кузнецовой.
М., 1997. С. 121.

Исэ моногатари. М., 1979. С. 175, 228.

Игнатович А. Н. Буддизм в Японии. Очерк ранней истории. М., 1988. С. 86.

Овчинников В. Сакура и дуб. Впечатления и размышления о японцах и англичанах. Минск. 1987. С. 42.

Автор – В. Б. Миронов.

Светлов Г. Колыбель японской цивилизации. М., 1994. С. 101.

Мещеряков А. Н. Ранняя история японского архипелага как социоестественный и информационный процесс // Лик сфинкса / Под ред. Э. С. Кульпина. М., 1995. С. 88–89.

Японская поэзия: Сборник / Сост. Глускина А. Е., Маркова В. Н.
М., 1954. С. 100.

Ито Т. Как в Японии понимают красоту // Знакомьтесь – Япония. 19, 1998. С. 85.

Бельсор А. Японское общество. С. – П., 1905. С. 186–187.

Морита А. Сделано в Японии. М., 1990. С.307.

Кирквуд К. Ренессанс в Японии. М., 1988. С. 43–44.

Данн Ч. Повседневная жизнь в старой Японии. М., 1997. С. 91–92.

Роджерс Ф. Дж. Первый англичанин в Японии. М., 1987. С. 27–28.

Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. М., 1977. С. 223.

Николаева Н. С. Япония – Европа: диалог в искусстве. М., 1996.
С. 32–33.

Ясси Иноуэ. Сны о России. М., 1987. С. 18.

Командор / Сост. Авдюков Ю. П., Ольхова Н. С., Сурник А. П.
Красноярск, 1995. С. 278.

Диксон В. Япония. Ее история, правительство и внутреннее устройство. С. – П., 1871. С. 254.

Кин Д. Японцы открывают Европу. М., 1972. С. 16.

Пикуль В. Три возраста Окини-сан. М., 1984. С. 249–250.

Николаева Н. С. Япония – Европа: диалог в искусстве. М., 1996.
С. 20, 91.

Автор – В. Б. Миронов.

Мещеряков А. Н. Герои, творцы, хранители японской старины. М., 1988. С. 131–157.

Автор – В. Б. Миронов.

Маркова В. Классический японский театр // Классическая драма Востока. М., 1976. С. 539–559.

Кин Д. Японцы открывают Европу. М., 1972. С. 30.

Японские пятистишия. Перевод: А. Глускиной. М., 1971. С. 157.

Нагата Хирочи. История философской мысли Японии. М., 1991, С. 344.

Нагата Хирочи. История японского материализма. М., 1990, С. 109–110.

Берндт Ю. Лики Японии. М., 1988. С. 91.

Тойнби А. Постигение истории. М., 1990. С. 594.

Хэрн Л. Душа Японии. М., 1997. С. 5.

Dore R. Education in Tocugawa Japan. L., 1985. P. 291.

Passin H. Society and education in Japan. Tokyo, 1982. P. 68.

Бертрам Д. Г. История розги. Т. 1. М., 1992. С.138–139.

Исторический лексикон. XVIII век. М., 1996. С. 690–692.

Кунсткамера. Этнографические тетради. Выпуск 2–3, С. – П., 1993. С. 280–282.

Цит. по: Японское общество. С. – П., 1906. С. 16.

Тойнби А. Дж. Постигение истории. М., 1991. С. 571.

Кутаков Л.Н. Россия и Япония. М., 1988. С. 232.

Богословский Л. Местъ Кадзумы / Удар Солнца или Гири – чувство чести. М. – С.П., 1999. С. 59–60.

Варли П., Моррис А., Моррис Н. Самураи / Пер. с англ. С. – П., 1999. С. 83, 90.

Басов А. Р. Самурай. М... 2000. С. 274.

Арутюнов С. А., Щебеньков В. Г. Древнейший народ Японии. М., 1992. С. 14, 90.

Цветов В. Пятнадцатый камень сада Реандзи. М., 1986. С. 31–32.

Хэрн Л. Душа Японии. М., 1997. С. 218–221.

Момджян К. Х. Социум. Общество. История. М., 1994. С. 83–84.

Икэда Д., Логунов А. Третий радужный мост. М., 1988. С. 5, 41, 51.

Нагата Хирочи. История японского материализма. М., 1990, С. 109–110.

Хэрн Л. Душа Японии. М., 1997. С.167.

Masanori Moritani. Japanese Technology. Tokyo. 1982. P. 108, 226.

Японская поэзия: Сборник / Пер. с японского. М., 1954. С. 44.

Пронников В. А., Ладанов И. Д. Японцы. М., 1985. С. 212.

Вановский А. Японский богатырь / Русский архив. История Отечества в свидетельствах и документах. Т.5. М., 1994. С.505.

Корнилов М.Н. О типологии японской культуры // Япония: культура и общество в эпоху НТР. М., 1985. С. 36.

Мендрин В. М. История сгуната в Японии (Нихон гайси) / Перевод с японского. Т. 1. М. – С. – П., 1999. С. 127.

История Латинской Америки. Доколумбова эпоха – 70-е годы XIX в. / Под ред. Н. М. Лаврова. М., 1991. С. 16–19.

Хейердал Т. Древний человек и океан. М., 1982. С. 85–90.

Горбовский А. Факты, догадки, гипотезы. М., 1988. С. 54–55.

Брюсов В. Собрание сочинений в 7-и томах. Т. 7. М., 1975. С. 278.

Березкин Ю. Е. Инки. Л., 1991. С. 7, 12, 182.

Инка Гарсиласо де ла Вееа. История государства инков. Л., 1974.
С. 56.

Кузьмищев В. Тайна жрецов майя. М., 1975. С. 24, 31, 40.

История человечества / Под ред. Г. Гельмольта. Т. 1. С-П., 1903. С. 230.

Затерянный мир майя. Энциклопедия «Исчезнувшие цивилизации». М., 1997. С. 160.

Гуляев В. Адмирал моря-океана / Русская Америка. 1, 1993. С. 29.

Гумилев Н. Собрание сочинений в 4-х томах. Т. 1, М., 1991. С. 205.

В защиту Колумба / Пер. Г. Перепеченко // Русская Америка. 1, 1993. С. 30–31.

Тэннэхилл Р. Секс в истории. М., 1995. С. 270–271.

Бартоломе де Лас Касас. История Индий. Л., 1968. С. 56, 86, 419.

Верлинден Ч., Матис Г. Покорители Америки. Колумб. Кортес. Ростов-на-Дону, 1997. С. 187, 214, 221–223.

Historia de Espana. T. VIII, Barcelona. P. 224.

Гуляев В. И. Миф о Кецалькоатле и испанское завоевание Мексики // Атеистические чтения. Сборник. М., 1989. С. 141.

Галич М. История доколумбовых цивилизаций. М., 1990. С. 107–108, 150–153.

Бродель Ф. Структуры повседневности: возможное и невозможное. Т.1. М., 1986. С. 268.

Григулевич И. Р. История инквизиции. М., 1970. С.275.

Чавдар-Люленов П. Черный ящик. С. – П., 1995. С. 387.

Сабато Э. О героях и могилах. М., 1999. С. 192.

Грузински С. Колонизация и война образов в колониальной и современной Мексике // Международный журнал социальных наук. Май 1993, 1. С. 67–68.

Этнология / Под ред. Г.Е. Маркова и В.В. Пименова. М., 1994. С. 217.

Ершова Г. Фрай Диего де Ланда. Древние майя. М., 2000. С. 231.

Historia general de Espana y America. T. IX-2. Madrid, 1984. P. 206–207.

Галич М. История доколумбовых цивилизаций. М., 1990. С. 118–119, 123.

Alvares J. R. Mexico inolvidable. Madrid, 1995. P. 19–22.

Астуриас М. А. Легенды Гватемалы. М., 1999. С. 105–106.

Кириченко Е.И. Три века искусства Латинской Америки. М., 1972.
С. 12, 16.

Рильке Р. М. Новые стихотворения. М., 1977. С. 30.

Хуана Инес де ла Крус. Десятая муза. М., 1973. С. 10, 11, 33.

История Латинской Америки / Под ред. Н.М. Лаврова. М., 1991.
С. 106–112.

Летурно Ш. Эволюция воспитания у различных человеческих рас.
СПБ., 1907. С. 34, 170.

Альперович М. С. Рождение мексиканского государства. М., 1979.
С. 4, 6.

Марти Х. Избранное. М., 1956. С. 140.

Линч Дж. Революция в Испанской Америке (1808–1826). М., 1979.
С. 23, 52, 54.

Лаврецкий И. Боливар. М., 1981. С. 18, 22.

Культура Венесуэлы. Сборник статей. М., 1984. С. 8—22, 57—79.

Нассиф Р. Хосе Марти // Мыслители образования. Т. 3. М., 1996.
С. 101–110.

Марти Х. Избранное. М., 1956. С. 290–291.

Латинская Америка. Энциклопедический справочник. Т. 2. М., 1982. С. 86

Браво Э.Ф. Портрет педагога: Доминго Фаустино Сармьенто // Перспективы. 2, 1991. С. 133–134.

Фостер У.З. Очерк политической истории Америки. М., 1953. С. 363.

Лаврецкий И. Панчо Вилья. М., 1962. С. 157.

Рид Дж. Восставшая Мексика. Десять дней, которые потрясли мир. Америка 1918. М., 1968. С. 248.

Маркес Г. Осень патриарха. М., 1978. С. 249.

Поэзия Латинской Америки. М., 1975. С. 335–336.

Бэлфор С. Кастро. М., 1997. С. 29.

Бородаев В., Леонов Н. Фидель Кастро. Политическая биография.
М... 1998. С. 56, 88.

Героическая эпопея. От Монкады до Плайя-Хирон / Сост. сборника О. Т. Дарусенков. М., 1978. С. 159–160.

Автор – В. Б. Миронов.

Костеневич А. Х. К. Ороско. Л., 1969. С. 112, 178.

Зиновьев А Призрак бродит по России – призрак Запада // Правда.
12–19.09.1997.

Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 83.

Хайт В. Л. Оскар Нимейер. М., 1986. С. 68–69.

Мастера архитектуры об архитектуре. М., 1972. С. 397.

Керам К.В. Первый американец. М., 1979. С. 21.

Леонтьев К. Избранные статьи. М., 1992. С. 104.

Исторический лексикон. (XVII век). М., 1998. С. 639–644.

Слезкин Л. Ю. У истоков американской истории. М., 1993. С. 19.

Бурстин Д. Американцы: колониальный опыт. М., 1993. С. 12–16, 96—102.

Фуко М. История безумия в классическую эпоху. С. – П., 1997. С. 397.

Купер Ф. Морская волшебница. Одесса, 1982. С. 13.

Ирвинг В. История Нью-Йорка. М., 1968. С. 761.

Паррингтон В. Л. Основные течения американской мысли. Т. 1.
М., 1962. С. 192.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 12. С. 731.

Мэмфорд Л. От бревенчатого дома до небоскреба. М., 1936. С. 19–22.

Dictionary of American history / Ed. by Adams J. T. Vol. V, N.Y., 1970. P. 39.

Hunt T. Society, culture and schools: the American approach. Maryland, 1979. P. 7–8.

Митчелл М. Унесенные ветром. Т. 1. М., 1991. С. 236.

Брукс В. В. Писатель и американская жизнь. Т. 1. М., 1967. С. 51, 52, 53, 131.

Бручи С. Истоки экономического развития США //
Международный журнал социальных наук. Май 1993, 1. С. 120.

Севостьянов Т.Н., Уткин А.И. Джефферсон Томас. М., 1976. С. 95.

Каленский В. Г. Мэдисон. М., 1981. С. 8—12, 64, 103.

Ван Вик Брукс. Писатель и американская жизнь. Т. 1. М., 1967. С. 25–32.

Адамс Г. Воспитание Генри Адамса. М., 1988. С. 81.

Стройк Д. Дж. Становление науки в США. М., 1966. С. 265.

Conkin P. K. Eight eminent American thinkers. N. Y., 1968. P. 22–24.

Американские просветители. Избр. произв. в 2 т. Т. 1. М., 1968. С. 190.

Великие мыслители Запада / Под ред. Я. Мак-Грилла. М., 1998. С. 372.

Твен М. Собрание сочинений в 8-ми томах. Т. 2. М., 1980. С. 414, 419.

К. П. Победоносцев: pro et contra / Сост. С. Л. Фирсов. С. – П., 1996. С. 93.

McWilliams W. The idea of fraternity in America. L., 1973. P. 620.

Тюрго А. Р. Избранные философские произведения. М., 1937. С. 58.

Словарь американской истории с колониальных времен до первой мировой войны / Под ред. академика А. А. Фурсенко. С. – П., 1997. С. 89.

BookbinderB. Long Island. People and places. Past and present. N.Y., 1995. P. 71, 80, 81.

Купер Ф. Шпион. Последний из могикан. М., 1974. С. 356.

Лернер М. Развитие цивилизации в Америке. Т.1. М., 1992. С.30.

Kramnick I., Watkins F. The age of ideology. N. J., 1979. P. 8.

Whittemore R. C. Makers of the American mind. N. Y., 1964. P. 100.

Пейн Т. Избранные сочинения. М., 1959. С. 380.

Пейн Т. Избранные сочинения. М., 1959. С. 393–394.

Жорес Ж. Социалистическая история Французской революции. Т. 4. М., 1981. С. 378.

Селигмен Б. Сильные мира сего: бизнес и бизнесмены в американской истории. М., 1976. С. 44.

Иванов Р. Франклин. М., 1972. С. 81.

Тэннэхилл Р. Секс в истории. М., 1995. С. 333–334.

Франклин Б. Избранные произведения. М., 1956. С. 46, 80, 83.

Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 74.

Hicolson H. The age of reason. L., 1961. P.201.

Меттерних, Франклин, Вашингтон, Линкольн. Биографические повествования. Челябинск, 1995. С. 260–261.

Иванов Р.Ф. Франклин. М., 1972. С. 201.

Яковлев Н. Н. Вашингтон. М., 1976. С. 206–212.

Бомарше. Драматические произведения. Мемуары. М., 1971. С. 26.

Черкасов П. П. Генерал Лафайет. М., 1987. С. 12.

История США в 4-х томах. Т. 1 (1607–1877), М., 1983. С. 163–164.

Пейн Т. Избранные сочинения. М., 1959. С. 171.

Шатобриан Ф. Замогильные записки. М., 1995. С. 94.

Башилов Б. История русского масонства. М., 1993. С. 112–114.

Паррингтон В. Л. Основные течения американской мысли. Т. 3. М., 1963. С. 355.

Beard C. A. An economic interpretation of the constitution of the United States. N. Y., 1966. P. 32, 199, 150, 324.

Beard C. A. Economic origins of Jeffersonian democracy. N. Y., 1949.
P. 166–170.

Bailey T. A. Probing America's Past. London, 1973, Vol. 1. P. 125.

Монархия и народовластие в культуре Просвещения. М., 1995. С. 138.

Илюхин В. И. Нация, государство, безопасность. М., 1999. С. 32.

Видал Г. Вице-президент Бэрр. М., 1977. С. 73, 117, 124.

Герцен А. И. Собрание сочинений в 9-ти томах. Т. 7. М., 1958. С. 66.

Петровский В. Суд Линча. Очерк истории терроризма и нетерпимости в США. М., 1967. С. 26–30.

Фонер Ф. Рабочий класс и американская революция. М., 1980. С. 237, 240, 241.

Бурстин Д. Американцы: национальный опыт. М., 1993. С. 98—100, 108–119.

NevinsA., CommagerH. S. A short history of the United States. N. Y., 1956. P. 168–173.

Шелдон Г. Политическая философия Томаса Джефферсона. М., 1996. С. 229–230.

Bookbinder B. People and places. Past and present. N.Y., 1995. P. 39.

Tocqueville A. Journey to America. New Haven, 1962. P. 159.

Торо Х. Д., Клумпъян Х. Генри Дэвид Торо. Урал, 1999. С. 173–174.

Beard Ch., Beard M. The American Spirit. A study of the idea of Civilization in the United States. N. Y., 1962. P. 263.

Иванов В. Е. Как развивался американский федерализм / Кентавр, 5, 1995. С. 30.

Американская поэзия в русских переводах. М., 1983. С. 151.

Стоун И. Любовь вечна, или Мэри Тодд и Авраам Линкольн. М., 1994. С. 26.

Сэндберг К. Линкольн. М., 1961. С. 51.

Иванов Р. Ф. Дипломатия Авраама Линкольна. М., 1987. С. 263–265.

Митчелл М. Унесенные ветром. Т. 1. М., 1991. С. 236.

Fogel R. W., Engerman S. L. Time on the Cross. Vol. 1. Boston, 1974.
P. 5–6.

Bremner R. The public good. N.Y., 1980. P. 117–139.

Гловели Г. Цивилизационный опыт России: необходимость уточнения / Вопросы экономики. 8, 1993. С. 116.

Финансы Северо-Американских Соединенных Штатов во время междоусобной войны (1861–1865 гг.). М., 1917. С. 11, 23, 31.

Сэдберг К. Линкольн. М., 1961. С. 443, 445.

Бродель Ф. Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. Т. 3. М., 1992. С. 437–438.

Зубок Л. И. Очерки истории США (1877–1918). М., 1956. С. 108.

Franklin J. Reconstruction: after the civil war. Chicago, 1961. P. 4–5, 157–161.

Бручи С. Истоки экономического развития Соединенных Штатов Америки // Международный журнал социальных наук. Май 1993, 1. С. 103.

Франклин Б. Заметки о североамериканских дикарях / Бредфорд
У. История поселения в Плимуте. М., 1987.

Фостер У. Очерк политической истории Америки. М., 1953. С. 286–294.

Твен М. Собрание сочинений в 8-ми томах. Т. 8. М., 1980. С. 169–173.

Коренное население Северной Америки в современном мире. М., 1990. С. 48, 231.

Джонсон П., Лонгфелло Г., Горам М. Мифы и легенды Америки.
Саратов. 1996. С. 130.

Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977. С. 191.

Резниченко Г. Последние американцы / Новый мир. 3, 1980. С. 197.

Мифы, сказки и легенды индейцев / Сост. и ред. О. И. Романовой.
М., 1997. С. 63.

Керам К. В. Первый американец. М., 1979. С. 122.

Уайльд О. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 2, М., 1993. С. 142.

Morris R. B. The American revolution reconsidered. N. Y., 1967. P. 156–161.

Гаджиев К. Политическая наука. М., 1994. С. 129.

Шелдон Г. Политическая философия Т. Джефферсона. М., 1996.
С. 97–98.

Соловьев В. С. Сочинения в 2-х томах. Т. 1. М., 1990. С. 337.

Пейн Т. Избранные сочинения. М., 1959. С. 173.

Герцен А. И. Собрание сочинений в 9-ти томах. Т. 7. М., 1958. С. 67.

Тихомиров Л. А. Критика демократии. М., 1997. С. 198.

Кихано А., Валлерстайн И. Роль Американского континента в современной мировой системе, или концепция Америки / Международный журнал социальных наук. Америка: 1492–1992. 1, 1993. С. 128.

Бимба А. История американского рабочего класса. М., 1930. С. 71.

Carnoy M. Education as cultural imperialism. N. – Y., 1974. P. 234.

Марцинкевич В. Образование в США. М., 1967.

Модзалевский Л. Н. Очерк истории воспитания и обучения. Ч. 2. С. – П., 2000. С. 319.

Янжул Е. Американская школа. Очерки методов американской педагогики. С. – П., 1908. С. 16, 17, 21, 22, 42, 53, 55.

Джеймс У. Психология. М., 1991. С. 194.

Фоли Дж. Энциклопедия знаков и символов. М., 1996. С. 112–114.

Системы высшего образования стран Запада. М., Ч. 2, 1991. С. 50–60.

The University of Vermont, Burlington, Vermont. Catalog 1993—94.
P. 3.

Лернер М. Развитие цивилизации в Америке. Т. 1, М., 1992. С. 265–266.

Дильс Г. Античная техника. М. – Л., 1934. С. 34–35.

Tocqueville A. Democracy in America. N. Y., 1945. P. 54.

Гутенберг. Уатт. Стефенсон и Фултон. Дагер и Ньепс. Эдисон и Морзе. Челябинск, 1996. С. 406–408.

Mumford L. Scetches from life (The yearly years). N.Y., 1982, P. 423.

Уилсон М. Американские ученые и изобретатели. М., 1975. С. 14–64.

Бурстин Д. Американцы: демократический опыт. М., 1993, С. 46, 215.

Антология французского сюрреализма (20-е годы). М., 1994, С. 86–87.

Kouwenhoven J. The arts in modern American civilizaion. N.Y., 1967,
P. 25, 77.

Nevins A., Commager H. A short history of the United States. N.Y., 1956, P. 262–264.

Making America. The society and culture of the United States / Ed. L. Luedtke. W., 1988. P.107.

Page Smith. The rise of industrial America. N. – Y., 1984. P. 123.

Grayson L. The making of an engineer. N.Y. – Toronto, 1993. P. 15–23.

Dewey J. Democracy and Education. N.Y., 1916, P. 15.

Гершов З.М. Вудро Вильсон. М., 1983. С. 31–32.

Гончаренко Н. В. Гений в искусстве и науке. М., 1991. С. 190.

Blum J. M. Woodrow Wilson and the politics of morality. Boston, 1956. P. 23.

Words that made American history. Ed. Current R., Garraty J. Boston, 1962. P. 73.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 13. С. 42.

Scott J. Sweat and struggle. Working class struggles in Canada. Vancouver, 1974. P. 84–85.

Dorfman J. Thorstein Veblen and his America. N. Y., 1934. P. 423.

Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984. С. 254.

Уилсон Э. Мир Чарльза Диккенса. М., 1975. С. 172.

Смелзер Н. Социология. М., 1994. С. 41–42.

Commons J. Races and immigrants in America. N.Y., 1920. P. 37.

Tebell J. The rise and transformation of book publishing in America.
N. – Y., 1987. P. 162.

Franklin J. Reconstruction. After the Civil War. Chicago, 1961. P. 192–193.

Ирвинг В. Новеллы. М., 1974. С. 7.

Тачев Т. Национальные образы мира. Америка в сравнении с Россией и Славянством. М., 1997. С. 201.

Уитмен У. Листья травы. М., 1955. С. 341.

Шатобриан Ф.Р. Замогильные записки. М., 1995. С. 116.

Купер Ф. Зверобой, или первая тропа войны. Алма-Ата, 1981. С. 3.

3. Купер Ф. Пионеры, или у истоков Саскуиханны. Ереван, 1981. С.

Винтерих Дж. Приключения знаменитых книг. М., 1985. С. 125.

Аллен Т. Эдгар По. М., 1987. С. 56–62.

По Э. Стихотворения. Проза. М., 1967. С. 11.

Бальмонт К. Избранное. Стихотворения. Статьи. М., 1980. С. 590–591.

Дневник Делакруа / Под ред. М. В. Алпатова. М., 1950. С. 445.

Лондон Дж. Собрание сочинений. Т. 6. М., 1960. С. 27, 34, 54, 59.

Стоун И. Моряк в седле. М., 1962. С. 120, 127, 137.

Лондон Дж. Собрание сочинений. Т. 7, М., 1976. С. 95, 226.

Автор – Миронов В. Б.

Мендельсон М. Марк Твен. М., 1958. С. 10, 145.

Твен М. Собрание сочинений. Т. 2. М., 1980. С. 131.

Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1965. С. 601.

Твен М. Собрание сочинений. Т. 8, М., 1980. С. 355.

Батурин С. Драйзер. М., 1975. С. 161.

Покровский Н. Ральф Уолдо Эмерсон. В поисках своей Вселенной. М., 1995. С. 10, 58, 156.

Гилберт К., Кун Г. История эстетики. С. – П., 2000. С. 430.

Новые пророки. Торо, Толстой, Ганди, Эмерсон. С. – П., 1996. С. 115.

Ханс-Дитер и Хельмут Клумпьян. Генри Дэвид Торо. Урал, 1999.
С. 186, 191, 207.

Торо Г. Д. Уолден, или жизнь в лесу. М., 1979. С. 155, 407.

Рассел Б. История западной философии. Новосибирск, 1997. С. 735, 742.

Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Т. 4. С. – П., 1997. С. 321.

Вундт В. Проблемы психологии народов. М., 1998. С. 279, 280.

Зотов А. Ф., Мельвиль Ю. К. Западная философия XX века. М., 1994. С. 41.

Вестник Российского гуманитарного фонда. 2, 1998. С. 125.

Мэмфорд Л. От бревенчатого дома до небоскрба. М., 1936. С. 28.

The artist in America. N.Y., 1967, P. 8—10; 200 years of American sculpture. N.Y., 1976. P. 7—33.

Михайлов А. И. Современное искусство США // Искусство, 1, 1960. С. 35.

Ирвинг В. История Нью-Йорка. М., 1968. С. 100.

Гольдштейн А.Ф. Франк Ллойд Райт. М., 1973. С. 68.

Wright F. The future of the architecture. N.Y., 1953. P. 265, 298.

Ле Корбюзье. Планировка города. М., 1933. С. 30, 94.

Иконников А. В. Архитектура США. М., 1979. С. 17.

Мастера архитектуры об архитектуре. М., 1982. С. 145, 155.

Мастера искусств об искусстве. М., 1966, Т. 1. С. 86.

Fernandes-Armesto F. Millenium. L., 1995. P. 388.

Wehrum V. The American theatre. N.Y., 1974. P. 7—13.

Смирнова А. Театр США XX века. Л., 1976. С. 9.

Leigler J. W. Regional theatre. The revolutionary stage. N. Y., 1977. P. 194.

Williams M. The art of jazz. N.Y., 1959. P. 7.

Панасье Ю. История подлинного джаза. Л., 1978. С. 10, 43.

Green S. Kings of jazz. N.Y., 1978. P. 37.

Duncan I. My Life. L., 1968. P. 244.

Льюис С. Бэббит. Эроусмит. М., 1973. С. 169.

Мартынов И. Сергей Прокофьев. Жизнь и творчество. М., 1974, С. 168, 182.

Конен В. Пути американской музыки. М., 1977. С. 330.

Beard Ch., Beard M. The American Spirit. A study of the idea of Civilization in the United States. N.Y., 1962. P.428.

Файоль А., Эмерсон Г., Тэйлор Ф., Форд Г. Управление – это наука и искусство. М., 1992.С. 116.

Форд Г. Моя жизнь. Мои достижения. М., 1989, С. 12, 24, 82, 169.

Драйзер Т. Собрание сочинений. Т. 4. М., 1967. С. 344, 495.

Селигмен Б. Сильные мира сего: бизнес и бизнесмены в американской истории. М., 1976. С. 197, 204.

Хофстедтер Р. Американская политическая традиция и ее создатели. М., 1992. С. 191.

Паррингтон В. Л. Основные течения американской мысли. Т. 3. М., 1962. С. 345–350.

Лернер М. Развитие цивилизации в Америке. Т. 1. М., 1992. С. 339–340.

Драйзер Т. Титан. М., 1955. С. 479.

Фицджеральд Ф. С. Великий Гэтсби. Ночь нежна. Новеллы. Эссе. Кишинев, 1981. С. 25.

Veblen T. The Engineers and the price system. N. Y., 1963. P. 97, 99.

Фостер У. Очерки мирового профсоюзного движения. М., 1956. С. 160–170.

Гайсмар М. Американские современники. М., 1976. С. 73–74.

Прогрессивная Америка в борьбе (1917–1973). М., 1974. С. 93.

Кафка Ф. Америка. Процесс. Из дневников. М., 1991. С. 17.

История внешней политики и дипломатии США (1867–1918). М., 1997. С. 136, 168, 216.

Прогрессивная Америка в борьбе (1917–1973). Документы и материалы. Под ред. И. М. Краснова. М., 1974. С. 63–64.

Gilder G. *Wealth and Poverty*. San Francisco, 1993. P. 9.

Дубнов С. М. Краткая история евреев. М., 1996. С. 394–396.

Hermann B., Millstein G. New York. N.Y., 1977. P. 129.

Steinberg S. The ethnic myth. N. Y., 1981. P. 89–91.

Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996. С. 102–103.

Burch P.H., Jr. Elites in American history. V. 3. N.Y. – L., 1980. P. 388.

Лернер М. Развитие цивилизации в Америке. Т. 1, М., 1992. С. 633–634.

Дюк Д. Мы с вами братья по борьбе / Завтра, N. 41, октябрь 1999.
С. 8.

Novak M. The rise of the unmelttable ethnics. N.Y., 1975. P. 353.

Gilder G. *Wealth and Poverty*. San Francisco, 1993, p. 1.

Camilleri C. Cultural anthropology and education. P., 1986. P. 17.

Лернер М. Развитие цивилизации в Америке. Т. 1. М., 1992. С. 104–105.

Бертрам Д. Г. История розги. Т. 1. М., 1992. С. 191.

Швейгер-Лерхенфельд А. Ф. Женщина, ее жизнь, нравы и общественное положение у всех народов земного шара. М., 1998. С. 366.

Миллет К. Теория сексуальной политики / Вопросы философии. 9. 1994. С. 149–150.

Уоллес И. Любовницы, героини, мятежницы. М., 1995. С. 514–515.

Уайльд О. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 2. М., 1993. С. 143.

Landau J. Yes-no: art-technology / Dialogue on technology. Ed. by Landau J. Indianapolis. 1967. P. 110–112.

Московичи С. Машина, творящая богов. М., 1998. С. 258.

Your personal Mark Twain. Berlin, 1969. P. 195.

Есенин С. А. Собрание сочинений в 6-ти томах. Т. 5. М., 1979. С. 143, 147.

Русская Америка. М., 1994. С. 8, 9, 33, 123.

Шестаков В. Русское открытие Америки / Взаимодействие культур СССР и США. М., 1987. С. 20–22.

Иванов Р.Ф. Авраам Линкольн и Гражданская война в США. М., 1964. С. 290–293.

Пушкин А. С. Полн. собр. сочинений. Т. 12, М., 1949. С. 104.

Лафарг П. Сочинения. Т. 2. М. – Л., 1928. С. 216.

История теоретической социологии / Под ред. Ю. Н. Давыдова. Т. 2. М., 1997. С. 275.

Панарин И. Н. Возможен ли развал США? / Русский дом. 6. 1999.
С. 18–19.

Автор – В. Б. Миронов

Гачев Г. Национальные образы мира. Америка в сравнении с Россией и Славянством. М., 1997. С. 64.

Россия и США: торгово-экономические отношения 1900–1930 /
Под ред. Севостьянова Г. Н... М., 1996. С. 12–16.

Гачев Г. Национальные образы мира. Америка в сравнении с Россией и Славянством. М., 1997. С.222.

Брей Дж. Ф. Несправедливости в отношении труда и средства к их устранению. Или век силы и век справедливости. М., 1956. С. 122.

Фромм Э. Революция надежды. С. – П., 1999. С. 200.

Паркинсон С. Н. Законы Паркинсона. М., 1989. С. 43.

Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977. С. 191.

Къеза Дж. Прощай, Россия. М., 1998. С. 129, 130.

Россия и Запад / Под ред. Ю. С. Борисова, А. В. Голубева. М., 1998. С. 45.

Токвиль А. Демократия в Америке. М., 1992. С. 390.

Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. М., 1992. С. 380.

Новые пророки. Торо, Толстой, Ганди, Эмерсон. С. – П., 1996. С. 90.

Голсуорси Дж. Сага о Форсайтах. Т. 1. М., 1973. С. 7, 28.

Фань Вэнь-Лань. Новая история Китая. Т. 1. М., 1955. С. 25.

Эмиль Людвиг. Последний Гогенцоллерн (Вильгельм II). М., 1991.
С. 119.

Сенкевич Г. Письма из путешествия по Америке. СПб., 1902. С. 85.

The Bulletin // June 5, 1997, P. 34–35; Эмерсон Б. Леопольд II: Бельгия нуждается в колониях // Выступление на конференции историков в России (Москва, 1998 г.).

Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца. Т. 1. М., 1958. С. 72.

Костон А. Спекулятивный капитал: прошлое и настоящее // Земский вестник, 2, 1997. С. 42.

Карлейль Т. Теперь и прежде. М., 1994. С. 355.

Ротшильды, их жизнь и капиталистическая действительность.
Челябинск, 1997. С. 55, 65.

Шамиссо А. Избранное. М., 1974. С. 114.

Ленин В. И. ПСС. 5-е изд., Т. 1. С. 101.

Зидер Р. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе. М., 1997. С. 92.

Кропоткин П. А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия. М., 1990. С. 58.

Fernandes-Armesto F. Millenium. L., 1995. P. 389–391.

История Латинской Америки /Под ред. Н. М. Лаврова. М., 1991.
С. 300.

Колумб, Ливингстон, Стэнли, Гумбольдт, Пржевальский.
Биографические повествования. Челябинск, 1995. С. 94.

Рид Д. Спор о Сионе. М., 1993. С. 441.

Английская новелла. Л., 1961. С. 116.

Киплинг Р. Ким. М., 1990. С. 20–24.

Магидович И. П. Очерки по истории географических открытий.
М., 1957. С. 384, 389.

Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки. М., 1995. С. 304–305.

Вагнер Р. Письма. Дневники. Т. 4. М., 1911. С. 198.

Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 74, 205.

Тихомиров Л. А. Критика демократии. М., 1997. С. 478.

Джентиле Дж. Введение в философию. С. – П., 2000. С. 215.

Торвалъд Ю. Век криминалистики. М., 1990. С.26.

Доде А. Тартарен из Тараскона. Бессмертный. М., 1974. С. 522.

Тимирязев К. Наука и демократия. Л., 1926. С. 33–37.

Ленин В. И. ПСС. Т. 26. С. 28, 29, 165.

Клаузевиц. О войне. Т. 1. М., 1936. С. 56, 61.

Меринг Ф. Очерки по истории войны и военного искусства. М., 1938. С. 475.

Гильфердинг Р. Финансовый капитал. М., 1959. С. 433.

Восленский М. С. Тайные связи США и Германии. 1917–1919. М., 1968. С. 305.

Блох И.С. Будущая война в техническом, экономическом, политическом отношениях. Т. 1. С.П., 1898. С. 3.

Ллойд-Джордж Д. Военные мемуары. Т. 1–2. М., 1934. С. 6–7.

Пуанкаре Р. На службе Франции. Воспоминания (1914–1918). М., 1936. С. 3, 21.

Тардъе А. Мир. М., 1943. С. 27.

Бюлов Б. Воспоминания. М. – Л., 1935. С. 39, 47, 168, 177.

Против фашистской фальсификации истории. М., 1939. С. 303.

Шлиффен. Канны. М., 1938. С. 369.

Цит. по: Чубарьян А. О. Европейская идея в истории. М., 1987. С. 215.

Hendrick B. The life and letters of Page. Vol. 1. N.Y., 1926. P. 310.

Lundberg F. America's 60 families. N.Y., 1938. P. 139.

Зубок Л. И. Очерки истории США (1877–1918). М., 1956. С. 442.

Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии. М., 1993. С. 54.

Сборник политических и экономических статей Н. Я. Данилевского / Изд. Н. Страхова. Спб., 1890. С. 44.

Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М., 1991.
С. 51.

Вопросы истории. 3. 1954. С. 56.

Россия и Франция XVIII–XX века / Под ред. П. Черкасова. М., 1995. С. 196.

Маниковский А. А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. Т. 1. М. – Л., 1930. С. 134.

Архив полковника Хауза. Т. 4. М., 1944. С. 389.

Население России в XX в. / Под ред. Ю. Полякова, Т. 1. М., 2000.
С. 80.

Яковлев Н. Н. 1 августа 1914. М., 1974. С. 77, 90.

Лебон Г. Психология толп; Тард Г. Мнение и толпа. М., 1998. С. 107.

Трельч Э. Историзм и его проблемы. М., 1994. С. 9, 81.

Гальтон Ф. Наследственность таланта. М., 1996. С. 6–7.

Канаев И. И. Избранные труды по истории науки. С. – П., 2000. С. 400, 415.

Резник С. Владимир Ковалевский. М., 1978. С. 166.

Ломброзо Ч. Гениальность и помешательство. С. – П., 1892. С. 11, 12, 22.

Байрон. Дневники. Письма. М., 1965. С. 274.

Лебон Г. Эволюция цивилизации. Одесса. 1895. С. 55–56, 78–79.

Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М., 1991.
С. 323–324, 344.

Сигеле С. Преступная толпа. М., 1998. С. 74.

Ренар Ж. Дневник. Избранные страницы. М., 1965. С.24.

Эррио Э. Из прошлого. Между двумя войнами. М., 1958. С. 2 97.

Руддер О. Альфред Нобель. Ростов-на-Дону, 1997. С. 178–179.

Молчанов Н. Жорес. М., 1969. С. 131–132.

Моррис В. Как я стал социалистом. С. – П., 1905 С. 6.

Михайловский Н. К. Герои и толпа. Т. 2. С. – П., 1998. С. 192, 215.

Мальцев В. А. Основы политологии. М., 1997. С. 103.

Моска Г. Правящий класс // Социс. No. 10, 1994. С. 187–189.

Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. М., 1991, С. 37, 52.

Ашин Г. Основы элитологии. Алматы, 1996. С. 30.

Фагэ Э. Политические мыслители и моралисты первой трети XIX в. М., 1900. С. 188.

Московичи С. Век толп. М., 1998. С. 36–38.

Бергсон А. Творческая эволюция. М., 1914. С. 24, 283.

Джохансон Д., Иди М. Люси. Истоки рода человеческого. М., 1984. С. 18.

Юнгер Э. О боли / Ступени. 1. 2000. С. 26.

Кинелев В.Г. Образование и цивилизация // Образование и информатика. Труды II международного конгресса ЮНЕСКО. Т. III, М., 1996. С. 9

Озер Д. Должны ли люди голодать? М., 1959. С. 150.

Наука о науке. Сборник статей. М., 1966. С. 58.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Полис, 1, 1994. С. 34.

Русский космизм. М., 1993. С. 127.

Садлер У., Джонсон Т. Лабиринты одиночества. М., 1989. С. 41.

Кара-Мурза С. Г. Научная картина мира и фактор природы в экономике. / Науковедение. 1, 1999. С. 112.

Золотая коллекция. Афоризмы. Минск-Москва. 2000. С. 496.

Марков Б. В. Храм и рынок. Человек в пространстве культуры.
С. – П., 1999. С. 285.

Эфроимсон В. П. Гениальность и генетика. М., 1998. С. 449.

Строев Е. С. Горжусь моей Родиной. М., 1999. С. 472.

Булгаков С. Два града. Т. II. М., 1911. С. 179.

Малиа М. Россия в американской историографии / Родина. 1. 1997. С. 68.

Найдыш В. М. Цивилизация как проблема философии истории.
М., 1997. С. 76.

Тургенев И. С. Собрание сочинений в 12-ти томах. Т. 4. М., 1976.
С. 33.

Тургенев в воспоминаниях современников. В 2-х томах. Т. 2. М., 1983. С. 158.

Русское общество 40—50-х годов XIX в. Воспоминания Б. Чичерина. М., 1991. С. 157.

О России и русской философской культуре / Сост. М. А. Маслин.
М., 1990. С. 171.

Цит. по: Философия Шеллинга в России / Под ред. В. Пустарнакова. С. – П., 1998. С. 191.

Тершензон М.О., Иванов В.И. Переписка из двух углов. М. – Берлин, 1922. С. 11.

Леонтьев К. Избранные статьи. Цветущая сложность. М., 1992. С. 118.

Тютчев Ф. И. Лирика. Т. 2. М., 1965. С. 196.

Литературное наследство. Ф. И. Тютчев. Т. 97. Кн. 1. М., 1988. С. 222.

Шубарт В. Европа и душа Востока. М., 2000. С. 241.

Материалы для биографии М. Бакунина. Бакунин в I Интернационале. Т. 3. М., 1934.С. 393.

Ульянов Н. Маркс против России. Мюнхен, 1961. С. 52–53.

Булгаков С. Два града. Исследования о природе общественных идеалов. Т. 1. М., 1911. С. 73, 85.

Ульянов Н. Замолчанный Маркс. Франкфурт-на-Майне, 1969. С. 23.

Сталин И. В. Сочинения / Сост. и общая редакция: Р. Косолапова.
Т. 14. М., 1997. С. 206.

Черняев Н. О русском самодержавии // Москва, 11. 1997. С. 166.

Казанский П. Е. Власть Всероссийского Императора. М., 1999. С. 389–392.

Кистяковский Б. А. Философия и социология права. С. – П., 1998.
С. 512–513.

Столыпин. Жизнь и смерть. Составил: А. Серебренников,
Г.Сидоровнин. Саратов, 21991. С. 255.

Леонова Л. С. «Я не могу уйти в одну науку...». Общественно-политические взгляды В. И. Вернадского. С. – П., 2000. С. 137–138.

Лемешев М. Возродится ли Россия? М., 1994. С. 26.

Тимирязев К. Точно ли человечеству грозит близкая гибель? М., 1899. С. 45.

Предпринимательство и предприниматели России. От истоков до начала XX века / Под ред. А. К. Сорокина. М., 1997. С. 212, 261.

История предпринимательства в России / Книга вторая. М., 2000.
С. 396.

Данилов В. Не смей! Все наше. Крестьянская революция в России. 1902–1922 годы / Россия. Июль 1997. С. 15.

Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII—начала XX в.). Т. 1. С. – П., 1999. С. 92.

Иоанн Златоуст. Против иудеев. М., 1998. С. 10–11.

Архимандрит Феодор (А. М. Бухарев): *pro et contra* / Издание подготовили: Б. Ф. Егоров, Н. В. Серебренников, А. П. Дмитриев. С. – П., 1997. С. 432–433.

Розанов В. В. Мечта духовных христиан / Русская мысль. 4—10 мая 1995. С.3.

Сулержицкий Л. В Америку с духоборами. М., 1905. С. 6–7.

История предпринимательства в России / Книга первая. От средневековья до середины XIX века. М., 2000. С. 240, 438.

Брафман Я. Из «Книги Кагала» // Русский дом, 5, 1999. С. 33.

Достоевский Ф. М. Полное собр. сочинений в 30-ти томах. Т. 11.
Л., 1974. С. 147.

Достоевский Ф. М. Полное собр. соч. в 30-ти томах. Т. 25. Л., 1975. С.87.

Ротшильды, их жизнь и капиталистическая деятельность. Е. Савельев. Челябинск, 1997. С.11.

Платонов О. Еврейский вопрос в Русском государстве / Аль-Кодс.
Сентябрь 1995. С. 3.

Отец Вениамин. Православие. Христианство. Демократия. С. – П., 1999. С. 160–162.

Российская провинция. 2 (21). 1997. С. 71.

Нилус С. Жизнеописание. М., 1995. С.190.

Эрос и порнография в русской культуре / Под ред. М. Левитта и А. Топоркова. М., 21999. С. 414–422.

Нилус С. Близ есть, при дверех. С. – П., 1996. С. 136, 137, 139.

Деятели Союза Советских Социалистических Республик и Октябрьской революции. Автобиографии и биографии. М., 1989. С. 14, 107, 139, 152, 282.

Дикий А. И. Евреи в России и в СССР. Новосибирск, 1994.

Цит. по: Кондратенко Н.И. Слова к казакам / Патриот. 44, 2000. С.
3.

Сорокин В. Крест поэта. М., 1998. С. 141.

Меньшиков М. Наша сила // Роман-газета XXI век. 9, 1999. С. 104–106.

Антология философской мысли. Русский космизм / Составители:
С. Семенова, А. Гачева. М., 1993. С. 291.

Россия в IX–XX вв. Проблемы истории, историографии и источниковедения. М., 1999. С. 165.

Струве П.Б. Отечество и собственность / Русская философия собственности. XVIII–XX. Сост: К. Исупов, И. Савкин. С. – П., 1993. С. 267.

Штирнер М. Единственный и его собственность. Харьков, 1994.
С. 246–252.

Цит. по: Нилус С. Близ есть, при дверех. С. – П. – М., 1999. С. 249.

Ельцин Б. Н. Записки президента. М., 1994, С. 391, 394, 395, 396.

Автор – В. Б. Миронов.

Президентский контроль, 1, 1999.

Глазунов И. С. Россия распятая. Роман-газета, 1996. С. 225.

День литературы. 6. 2000.

Достоевский Ф. М. Собр. сочинений в 30-ти томах. Т. 10. Л., 1974.
С. 172.

О государственном геноциде в России. М., 1998. С. 7.

Глазьев С. Ю. Геноцид. Россия и новый мировой порядок. М., 1997. С. 47–48.

Обострение демографического кризиса и современное положение населения России. М., 2000. С. 9.

Независимая газета. 10.10.2000. С. 8.

Коржаков А. Борис Ельцин: от рассвета до заката. Интербрук, М., 1997. С. 394.

Фромм Э. Человек для себя. Минск, 1992. С. 71.

Къеза Дж. «Прощай, Россия!» М., 1998. С. 128.

Цит. по: Хотинец В. Ю. Этническое самосознание. С. – П., 2000.
С. 92–93.

Величенков А. Станет ли прагматизм религией реформ?
/ Российская газета. 8 июля 2000 года. С. 2.

Ковригина В. А. Немецкая слобода Москвы и ее жители в конце XVII–XVIII вв. М., 1998. С. 199.

Осипов Г. Социология и политика. М., 1995. С. 368.

Ильин И. Наши задачи. Статьи 1948–1954 годов. Т. 2. М., 1992. С. 5.

К. Н. Леонтьев: pro et contra. Кн. 2. С. – П., 1995. С. 147.

Автор – В.Б. Миронов.

ПлатоновА. Избранные произведения. М., 1983. С. 40.

Эккерман И. П. Разговоры с Гете. М., 1986. С. 154.

Достоевский Ф. М. Собр. сочинений в 30-ти томах. Т. 12. Л., 1975.
С. 255.

Барулин В. С. Российский человек в XX в. С. – П., 2000. С. 120.

Дитрих фон Гильдебранд. Новая Вавилонская башня. С. – П., 1998. С. 82.

Солженицын А. В круге первом. М., 1990. С. 117, 157, 353.

Солженицын А. Как нам обустроить Россию. Л., 1990. С. 49.

Астафьев В. Прокляты и убиты. Кн. 2-я. М., 1995. С. 296.

Кротов А. Русская Смута. М., 1999. С. 144.

Афанасьев Ю. Я должен это сказать. М., 1991. С.340.

Новиков А. Дым от отечества // День литературы. Октябрь, 1998, 10. С. 3.

Исход к Востоку. М., 1997. С. 73.

Къеза Дж. «Прощай, Россия!» М., 1998. С. 54, 115, 241.

Русская поэзия. XX век / Сост. В. Костров, Г. Красников. М., 1999.
С. 456.

Мандельштам О. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. М., 1990. С. 96.

Дизраэли И. Литературный характер, или история гения. М., 2000.
С. 279.

Сорокин П. А. Заметки социолога. С. – П., 2000. С. 207.

Дзержинский Ф. Э. Избранные произведения. Т. 1. М., 1977. С.47.

Ленин В. И. Соч. Т. 51. С. 48.

Розанов В.В.: pro et contra. Т. 1. Сост. В. Фатеев. С. – П., 1995. С. 161.

Дюк Д. Мы с вами братья по борьбе // Завтра. 41, октябрь 1999. С. 8.

Библиотека мировой новеллы: Тэффи / Сост. Л. Калюжная. М., 1999. С. 146.

Ильин И. А. Наши задачи. Париж, 1992. С. 282.

Бердяев Н. А. Судьба России. М., 1990. С. 93.

Егоров В. К. Многоликая Россия: XX век. М., 1998. С. 26–27.

Автор – В. Б. Миронов.

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30-ти томах. Т. 25. Л., 1978. С. 80.

Гессен А. Жизнь поэта. М., 1972. С. 59.

Восточная коллекция. Российская государственная библиотека. 1, 1999. С. 76.

Цит. по: Фридрих Ницше и философия в России / Сост. Н. Мотрошилова, Ю. Синеокая. С. – П., 1999. С. 14.

Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М., 1998. С. 162.

Лосев А. Ф. Дерзание духа. М., 1989. С. 258–260.

Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992.
С. 314.

Сорокин П. А. Система социологии. Т. 1. М., 1993. С. 427.

Светлое Воскресение / Сост. М. Ганичева. М., 1995. С. 45.

Честертон Г. Вечный человек. М., 1991. С.437.

Зеньковский В. В. История русской философии. Т. 1, Ч. 1, Л., 1991. С. 38.

Архиепископ Сан-Францисский Иоанн. Свобода и власть /
Русский дом. 6. 1999. С. 22.

Запад или человечество? Историософия балканского конфликта.
С. – П., 2000. С. 81.

Флоренский П. Записки о христианстве / Европейский альманах.
М., 1994. С. 33.

Андреев Г. «Сердце в будущем живет» // Сибирь, 3, 1999. С. 39.

Андреев А. Р. История ордена иезуитов. Иезуиты в Российской империи. М., 1998. С. 103.

Бмер Г. Иезуиты. М., 1913. С. 257.

Лосский Н. О. Мир как осуществление красоты. М., 1998. С. 403.

Павлов И. П.: pro et contra. Антология. С. – П., 1999. С. 742, 743, 755.

Перевезенцев С. В. Русская религиозно-философская мысль X–XVII вв. М., 1999. С. 345–346.

Монтескье Ш. Персидские письма. М., 1956. С. 206.

Московский Церковный вестник, 1, 1999. С. 3.

Русь державная. Православная народная газета. 1, 1999. С.2.

Казин А. Л. Философия искусства в русской и европейской духовной традиции. С. – П., 2000. С. 142.

Розанов В. Уединенное. Т. 2. М., 1990. С. 354.

Кончаловский А. Низкие истины. М., 1998. С. 377.

Говорухин С. Великая криминальная революция. М., 1995. С. 129.

Последний интеллигент / Век, 38, 1999 г. С. 1.

Троицкий В. Грибоедов уже не классик: так решило Министерство образования / Российский писатель. 1, июль 2000. С. 4.

Пичугин И., Иванющенко М. Как будут учить завтра /
Коммерсант. 12 июля 2000 г. С.6.

Кюстин А. де. Россия в 1839 году. Т. 1. 1996. С. 343.

Флоровский Г. Из прошлого русской мысли. М., 1998. С. 334.

Сборник императорского Русского Исторического Общества. Т. 26, С. – П., 1876. С. 92–93.

Чеченцы: история и современность / Сост. Ю. Айдаев. М., 1996.
С. 153.

Гроций Г. О праве войны и мира. М., 1956. С. 268.

Зорин В. Ю., Аманжолов Д. А., Кулешов С. В. Национальный вопрос в Государственных Думах России. М., 1999. С. 76, 119, 123.

Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. С. – П., 1998.
С. 162–163.

Соловьев В. С. Сочинения в 2-х томах. Т. 1. М., 1989. С. 20.

Абдулатипов Р. Знамение судьбы. М., 1999. С. 198.

Автор – В. Б. Миронов.

Гаспринский И. Русско-восточное соглашение // Россия между Европой и Азией. М., 1997. С. 314.

Карлейль Т. Теперь и прежде. М., 1994. С. 249.

Лемешев М. Свеча. М., 1999. С. 353.

Русский вестник. Т. 17. Сентябрь 1858, Кн. 1. С. 233–234.

Гамзатов Р. Письмена / Перевод Н. Гребнева. М., 1973. С. 285.

Савицкий П. Континент Евразия. М., 1997. С.45.

Шапошникова Л. В. Великое путешествие. Кн. 1-я. М., 1998. С. 363.

Шуцкий Ю. К. Китайская классическая Книга Перемен. М., 1993.
С. 156–160.

Мао Цзэдун. Избранные произведения. Т. 1. М., 1952. С. 15.

Поэзия эпохи Сун. Вступительная статья В. А. Кривцова. М., 1959. С. 24–25.

Будда. Конфуций. Магомет. Франциск Ассизский. Савонарола. М., 1995. С. 109.

Будда. Конфуций. Жизнь и учение. В изложении П. А. Буланже.
М., 1995. С. 128, 138, 139.

Переломов Л. С. Конфуций. Лунь юй. М., 1998. С. 6, 9.

Баженова Е.С., Островский А.В. Население Китая. М., 1991. С. 5.

Раушенбах Б. Несовпадение (заметки о Востоке) // Восточная коллекция. 1–3, 1999.С. 23.

Цзян Цзэминь. Дело социализма непобедимо // Наш современник. Спецвыпуск, 1999. С. 36–37.

Исторический архив. 1, 1995. С.199.

Генри Э. Китай против Азии. М., 1979. С. 39–41.

Панарин А. С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. М., 1998. С. 253.

Нам С. Г. Российские корейцы: история и культура (1860–1925 гг.).
М., 1998. С. 28, 234, 60, 65, 153.

Соловьев В. С. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. М., 1990. С. 318.

Леонтьев К. Н. Как надо понимать сближение с народом? М., 1881. С. 4–5; *Леонтьев К. Н.* Восток, Россия и славянство. Т. 1. М., 1885. С. 182–183.

Преступления НАТО в Югославии. Документальные свидетельства. 24 марта—24 апреля 1999 г. Перевод Л. Галенской и В. Белокопя. М., 1999. С. XII.

Прийма И. Достоевский о югославянском вопросе // Запад или человечество? С. – П., 2000.

Солоневич И. Народная монархия. М., 1991. С. 268.

Серебрянников В.В. Войны России. М., 1998. С. 196–197.

Макаревич Л. Дядя Сэм хочет повелевать миром / Федеральная газета. 8, 2000. С. 20.

Карпов В. Маршал Жуков. Опала. М., 1994. С. 239.

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 2. М., 1974. С. 386.

Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1. М., 1993. С. 122, 145, 164.

Гумилев Л. Н. Черная легенда. Друзья и недруги Великой Степи. М., 1994. С. 157.

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30-ти томах. Л., 1982. Т. 25. С. 9.

Россия – это сама жизнь. Автор-составитель Р. Балакшин. М., 1999. С. 106.

Галан Я. Довольно! / Новая книга России. 3, 2000. С. 23.

Автор – *В. Б. Миронов.*

Белорусы / Под ред. В. К. Бондарчик, Р.А.Григорьева,
М.Ф.Пилипенко. М., 1998.
С. 94, 131.

Шерр Дж. Украина в системе европейской безопасности // Pro et Contra. Россия и ее западные соседи. Весна 1998. С.138.

Котляр Н. Ф. Древнерусская государственность. С. – П., 1998. С. 405.

Рыбаков Б. А. «Для меня история священна и неделима» // Русский дом, 1. 2000. С.44.

Ульянов Н. И. Происхождение украинского сепаратизма. М., 1996.
С. 278.

Миллер А. И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (XIX в.). С. – П., 2000. С. 81.

Мильков В. В. Древнерусские апокрифы. СПб., 1999. С. 331.

Автор – В. Б. Миронов.

Неизбежность империи / Редактор А. Савельев. М., 1996. С. 69.

Леонтьев К. Н. Собрание сочинений. Т. 8. С. – П., 1912–1914. С. 191.

Новгородцев П. И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 516.

Адамович Г. Стихи, проза, переводы. С. – П., 1999. С. 255.

Степун Ф. А. Чаемая Россия. С. – П., 1999. С. 450, 456.

Назаров М. Тайна России. Историософия XX века. М., 1999. С. 526–527.

Зюганов Г. А. Россия – Родина моя. М., 1996. С. 348.

Кожин В. «Черносотенцы» и Революция. М., 1998. С. 217.

Булгаков С. Н. Христианский социализм. Новосибирск, 1991. С. 226–228.

Мишле Ж. Народ. М., 1965. С. 73.

Завтра. Август, 33, 1999. С. 6; Июль, 30, 2000. С. 7.

О ничтожестве литературы русской / Сост. С. Гайер. С. – П., 2000.
С. 189.

Вдовин А., Зорин В., Никонов А. Русский народ в национальной политике XX века. М., 1998. С. 321.

Бердяев Н. Судьба России. М., 1990. С. 60.

Шереги Ф.Э. Об этническом развитии России / Судьбы реформ в России. М., 1997. С. 74–75.

Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Изд. 6-е. С. – П., 1995. С. 48, 339, 400.

Менделеев Д. И. Заветные мысли. М., 1995. С. 333–334.

Российский обозреватель. 2. 1997. С. 161.

Астафьев П. Е. Философия нации и единство мировоззрения. М., 2000. С. 176.

Платонов О. Терновый венец России. М., 1995. С. 394.

Дроздов Ю. И. Записки начальника нелегальной разведки. М., 1999. С. 345–347.

Новая газета. 24–30 июля 2000. С. 5.

Рикардо Д. Сочинения. Парламентские речи. Т. 4, М., 1958. С. 165.

Власов Ю. П. Русь без вождя. Воронеж, 1995. С.411.

Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. В. В. Бибихина. М., 1997. С. 271–273.

Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М., 1998. С.168.

Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1939. С. 397.

Леонтьев, наш современник / Сост. Б. Андрианов, Н. Мальчевский. СПб., 1993. С. 181.

Лефевр Ж. Великий страх 1789 года/ История ментальностей. М., 1996.

Аристотель. Сочинения в 4-х томах. Т. 4. М., 1984. С. 379, 553.

Плутарх. Сочинения. М., 1983. С. 584–585.

Бродель Ф. Игры обмена. Т. 3. М., 1988. С. 579.

Гумилев Л. Н. Древняя Русь и великая степь. М., 1992. С.464.

Русаков Ю. А. Избранные искусствоведческие труды. С. – П., 2000. С. 67.

Поликарпов В.С. История нравов России. Восток или Запад? М., 1995. С. 170.

Федотов Г. П. Судьба и грехи России. Т. 2. С. – П., 1992. С. 9—10.

Кирпичников А. Российская взятка / Российская провинция. 3, 1995. С. 131.

Говорухин С. Великая криминальная революция. М., 1995. С. 151.

Замятин Е. К разрушению равновесия / Наше наследие. 1, 1989. С. 110.

Автор – В. Б. Миронов.

Архим. Макарий. Православная столица / Дворянское собрание.
10, 1999. С. 30.

Тютчев Ф. И. Лирика. Т. 2. М., 1965. С. 136.

Дзержинский Ф. Э. Указ. раб., Т. 2. С. 241.

Мир за неделю. 26 февр. – 4 марта 2000 г. С. 7.

Толстой Л. Н. Переписка с русскими писателями. Т. 2. М., 1978. С. 142–143.

Бердяев Н. А. Духовный кризис интеллигенции. М., 1998. С. 75.

Таубе М. Вечный мир или вечная война? Берлин. 1922, С. 15.

Дюкло Ж. Октябрь 17 года и Франция. М., 1967. С. 160.

Меттерних Т. Женщина с пятью паспортами. С. – П., 1999. С. 125.

Сталин И. В. Сочинения. Т. 16. М., 1997. С. 63.

Лукин П.В. Народные представления о государственной власти в России XVII века. М., 2000. С. 74, 151.

Фромм Э. Революция надежды. С. – П., 1999. С.193.

Хайек Ф. А. Индивидуализм и экономический порядок. М., 2000.
С. 196, 199.

Рубцов Н. Звезда полей. Собрание сочинений. М., 1999. С. 540.

Современные международные отношения // Под ред. проф. А. Торкунова. М., 2000. С. 205–211.

Reich R. John M. Keynes / Time. March 29, 1999. P. 84.

Кейнс Дж. Избранные произведения. М., 1993. С. 80.

О свободе. Антология мировой либеральной мысли / Под ред. М. А. Абрамова. М., 2000. С. 319.

Сборник политических и экономических статей Н. Я. Данилевского. СПб., 1890. С. 202.

Ульянов Н.И. Роковые войны России // Наше наследие. 1966. 38. С. 88.

Российские консерваторы / Авторский коллектив: А. И. Боханов.
М., 1997. С. 175–176.

Арендт Х. *Vita activa*, или О деятельной жизни. С. – П., 2000. С. 206.

Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. С. – П., 1996. С. 161.

Айрапетов О. Забытая карьера «русского Мольтке». Н. Обручев (1830–1904). С. – П., 1998. С. 62.

Ленин В. И. ПСС. Т. 7. С. 170.

Русская философия права. Руководитель: В. Сальников. С. – П., 1999. С. 244.

Ушкуйник В. Памятка русскому человеку. Нью-Йорк, 1982. С. 69, 71.

Автор – В. Б. Миронов.

Губарев В. Тайна уральского дракона / Литературная газета.
31.03.1999. С. 6.

Калашников М. Сломанный меч Империи. М., 1998. С. 35, 160.

Независимая газета. 28. 07. 1999. С. 1; (Наука). 7, 1999. С. 9; Мир за неделю. 11, 2000.

Хозин Г. С. Глобальные проблемы современности. М., 1982. С. 204–205.

Н. Аббаньяно. Мудрость философии и проблемы нашей жизни.
С. – П., 1998. С. 103.

Чаянов А. Крестьянское хозяйство. М., 1989. С. 440.

Кондратьев Н. Д. Проблемы экономической динамики. М., 1989.
С. 412.

Кюри Е. Мария Кюри. М., 1973. С. 302.

Монастырский М. И. Современная математика в отблеске медалей Филдса. М., 22000. С. 8.

Ефремов Ю. Зачем нужна наука миру и России // Вестник РФФИ.
1 (19). 2000.

Ленчук Е., Стрелетова М. Научно-техническое развитие постсоциалистических стран Центральной и Восточной Европы / Наукосведение, 2, 1999. С. 93.

Тайная жизнь Сальвадора Дали, написанная им самим. М. 1999.
С. 426.

От первого лица. Разговоры с Владимиром Путиным. М., 2000. С. 165–166.

Moscow today @ tomorrow. November. 2000. P. 6–9.

Эрн В. Ф. Сочинения. М., 1991. С. 386.

Яковлев-Козырев А. Православное воинство. Христова Церковь против синагоги сатаны. Битва за Россию на Северном Кавказе / Новая книга России. 12, 1999. С.26.

Автор – В. Б. Миронов.

Жуковский В. А. Избранное. Л., 1973. С. 313.

Зыкова А. Б. Учение о человеке в философии Х. Ортеги-и-Гассета.
М., 1978. С. 133.

Смит А. Теория нравственных чувств. М., 1997. С.101.

Роулс Дж. Теория справедливости / Вопросы философии. 10. 1994. С. 38.

Честертон Г. Вечный человек. М., 1991. С. 437.

Начала христианской психологии / Под ред. Б. С. Братусь, С. Л. Воробьева. М., 1995. С. 71–72.

Бэр К. Э. Избранные работы. Л., 1926. С. 120.

Аргутинский-Долгорукий А. И. Демиург. М., 1993. С. 165.

Фейербах Л. История философии. Собрание произведений в 3-х томах. Т. 1. М., 1974. С. 422.

Корабли мысли / Сост. В. В. Кунин. М., 1980. С. 19, 38, 86, 123, 127.

Конради К.О. Гте. Жизнь и творчество. Т. 1. М., 1987. С. 134.

Сартр Ж.П. Что такое литература? С.П., 2000. С. 91, 255.

Пийо Ж. – Ж. Избранные сочинения. М., 1960. С. 186.

Ницше Ф. Сочинения в 2-х томах. Т. 1. М., 1996. С. 219.

Бехтерев В.М. Психика и жизнь. Т. 1. С. – П., 1999. С. 238.

Автор – В. Б. Миронов.

Булгаков С. Два града. Т. 2. М., 1911. С.179.

Быть русским / Сост. В. Михайлов. С. – П., 1998. С. 104.

Сенека Луций Анней. Нравственные письма к Луцилию. М., 1977.
С. 159.

Грановский Т. Н. Лекции по истории Средневековья. М., 1987. С. 395.

Matthews C. The Celtic book of days. Dublin. 1995. P. 13.

Кассирер Э. Жизнь и учение Канта. С. – П., 1977. С. 119.

Хомяков Д. А. Православие. Самодержавие. Народность. Минск, 1997. С. 34.

Михайловский Н.К. Герои и толпа. Т.1. С. – П., 1998. С. 101.

Сорокин П. А. Заметки социолога. С. – П., 2000. С. 265.

Чижевский А. Л. Космический пульс жизни. М., 1995. С. 352.

Кистяковский Б. А... Философия и социология права. С. – П., 1998. С. 362.